

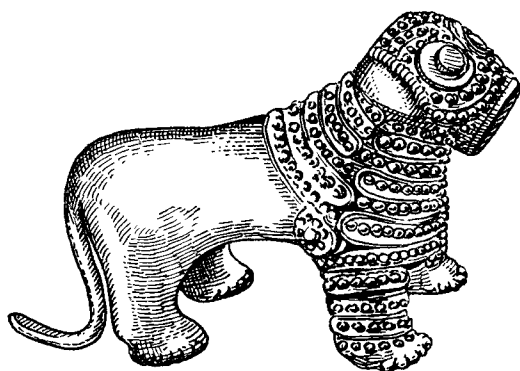
4121
АРХЕОЛОГИЯ СССР

**Эпоха бронзы
Кавказа и Средней Азии**

АРХЕОЛОГИЯ

Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии

Ранняя и средняя бронза Кавказа

Ответственные редакторы тома

доктора исторических наук

К.Х. КУШНАРЕВА, В.И. МАРКОВИЧ

МОСКВА "НАУКА" 1994

**Археология
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах**

- * ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
- * МЕЗОЛИТ СССР
1989
- НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
* ЭНЕОЛИТ СССР
1982
- * РАННЯЯ И СРЕДНЯЯ БРОНЗА КAVKAZA
1994
- ПОЗДНЯЯ БРОНЗА КAVKAZA И СРЕДНЕЙ АЗИИ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
* ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
1987
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КAVKAZA И
СРЕДНЕЙ АЗИИ
1985
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
- * СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-
САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1989
- * СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В
СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1992
- * СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.
1993
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI–XIII вв.
1982
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
1985
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
* ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕ-
КОВЬЯ
1981
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
- КРЫМ И КAVKAZ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой помечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода.

Настоящий выпуск посвящен эпохе бронзы Кавказа. Видное место в нем уделено ряду ведущих археологических культур, расцвет которых приходится на IV–II тысячелетия до н.э. Эти культуры оставили первоклассные памятники металлообработки, художественного и керамического мастерства. В книге показаны развитие куро-аракской, майкопской, протоколхидской, триалетской, кармирбердской, севанозерликской, кармирванкской культур, дольмены Западного Кавказа, памятники северокавказской культурно-исторической общности и Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы, связи с внешним миром (Передней Азией, Средиземноморьем, степными регионами). Значительное место в тексте занимает этногенез кавказских народов. Подобное обобщенное издание выходит в свет впервые.

Для археологов, историков, краеведов и специалистов смежных дисциплин.

Рецензенты:

доктора исторических наук

**Х.А. АМИРХАНОВ,
Н.Я. МЕРПЕРТ**

Авторы выпуска:

**О.М. ДЖАПАРИДЗЕ
К.Х. КУШНАРЕВА
В.И. МАРКОВИН
Т.К. МИКЕЛАДЗЕ
Р.М. МУНЧАЕВ**

Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: А 87 Наука, 1994. – 384 с.
ISBN 5-02-009723-3

Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии.

А 0504000000-114 Подписное
042(02)-94

ББК 63.4

ISBN 5-02-009723-3

© Коллектив авторов, 1994
© Российская академия наук, 1994

Введение

Исторические судьбы древнего населения Кавказа были обусловлены рядом важнейших факторов. К ним относятся разнообразные и благоприятные природные условия среды обитания человека, заселившего регион с древнейших времен. Резкая вертикальная зональность Кавказа создавала различные по своим особенностям экологические ниши, умело использовавшиеся населением на протяжении тысячелетий. В целом природные условия древнего Кавказа, не претерпевшие кардинальных изменений за длительный период времени, характеризовались теплым и субтропическим климатом, достаточным количеством осадков, плодородными почвами (особенно в долинах и на равнинах), разветвленной речной системой, обилием природных строительных материалов, многочисленными месторождениями металлов, залежами кремня и обсидиана. Благоприятное влияние на климатические условия оказывали Каспийское и Черное моря, омывавшие Кавказ с востока и запада.

На Кавказе произрастали дикие эндемичные виды некоторых злаковых (позднее введенные в культуры), что в совокупности с благоприятными природными особенностями, а также сравнительно высоким уровнем эмпирических знаний и технического оснащения древнего человека привело к зарождению и развитию земледелия – отрасли хозяйства, ставшей в дальнейшем основой всей экономики Кавказа. Параллельно развивалось скотоводство, определявшее характер комплексного хозяйства населения, особенно в горных районах. Таким образом, тезис о том, что Кавказ являлся одним из первичных очагов формирования земледельческо-скотоводческого хозяйства, сейчас (особенно после открытия высокогорной дагестанской стоянки Чох, фиксирующей момент перехода к производящей экономике) уже не вызывает дискуссий. Этот эпохальный сдвиг в экономике predetermined весь последующий характер жизнедеятельности древнего населения Кавказа.

Другим важнейшим фактором, способствовавшим сложению на территории древнего Кавказа ярких, самобытных культур, являлось его расположение на стыке Европы и Азии. Это приводило к постоянному обмену культурными достижениями, формировало и ускоряло инновационные процессы в области материального и духовного производства, способствовало установлению прямых торговых связей и др. Кавказ, будучи втянутым в сеть сложных взаимодействий с соседними регионами, в различные периоды своей истории (в зави-

симости от конкретных ситуаций) испытывал влияние и адаптировал достижения древнейших цивилизаций Месопотамии, Ирана, Малой Азии, Средиземноморья, а также культур Восточной Европы.

В свою очередь шло и обратное воздействие. Особенно благотворным оказалось влияние Кавказа на степные европейские культуры в эпоху металла: как известно, Кавказ в древности являлся мощным очагом металлургии.

Своеобразие кавказского региона заключалось еще и в том, что на протяжении всей истории он являлся проводником многих культурных достижений. Наиболее интенсивный поток влияний шел через Кавказ с юга на север.

Все сказанное воплотилось в сотнях разнохарактерных и разновременных археологических памятников Кавказа, среди которых имеются поселения, могильники, ирригационные сооружения, производственные комплексы, культурные места и пр. Они изучаются в разных областях края уже более столетия. Однако археология Кавказа до сих пор не написана. Оказалось, что научные подходы создания такого обобщающего труда в целом не разработаны. Это положение вещей отражает состояние кавказоведческой науки сегодня и может быть объяснено прежде всего локальным характером полевых и кабинетных исследований, осуществляемых, как правило, в границах бывших республик страны. Вместе с тем давно назрела необходимость обобщения добытых материалов в рамках единого кавказского региона и выведения его древнейшей истории на новый уровень познания. Особую актуальность это приобретает в наши дни, когда большие и малочисленные народы Кавказа стремятся утвердить свое национальное самосознание, познать свое достоверное прошлое, когда в периодической печати, а порой и в более специальной литературе всплывают на поверхность версии, далекие от исторических фактов и совершенно не подкрепленные конкретным археологическим материалом.

Настоящее издание было подготовлено в первом варианте в 1978 г. К сожалению, оно не вышло в свет в то время. За прошедший период появилось много новых материалов и исследований, которые по мере возможности были включены в настоящее издание (материалы, изданные после 1989 г., в него вошли лишь частично). В результате объем запланированного тома значительно вырос, что побудило принять решение о разделении его

на два полутома. Каждый из них имеет самостоятельное научное значение, но тематически они тесно связаны.

Предлагаемые читателю выпуски являются первой попыткой обобщения огромного и разрозненного материала. Они направлены на воссоздание (хотя бы в первом приближении) картины культурного и социально-экономического развития Кавказа в период бронзового века и перехода к освоению железа, т.е. на протяжении двух с половиной тысячелетий (конец IV – первые века I тысячелетия до н.э.). В определенной мере оба полутома являются продолжением соответствующих разделов уже выпущенного в свет тома “Энеолит СССР”.

Первый выпуск посвящен периодам ранней и средней бронзы Кавказа (конец IV – середина II тысячелетия до н.э.). В этот промежуток времени нарастают эпохальные изменения в ведущих отраслях экономики, на пороге которых кавказские племена находились в конце энеолита. Археологической базой для написания глав, посвященных периодам ранней и средней бронзы, послужили многочисленные комплексы Кавказа, в том числе серия исследованных поселений – наиболее информативных источников. Следует также отметить, что в кавказоведческой литературе этому разделу археологии посвящено несколько углубленных исследований, что также позволило более полно охарактеризовать особенности культуры и быта населения периода ранней бронзы. В области земледелия этот период ознаменовался расширением ассортимента злаков, совершенствованием примитивных ирригационных устройств, развитием пашенной обработки земли, началом террасостроительства; в области скотоводства – сложением различных его форм, в том числе отгонной. Металлопроизводство вступает в новую по сравнению с энеолитом фазу; начинаются первые серийные выпуски металлических изделий, которые проникают во все сферы жизни человека. Заметный прогресс наблюдается в строительном, гончарном, деревообрабатывающем, ткацком и других производствах. Происходит резкий подъем уровня развития производительных сил и как следствие – усложнение социальной структуры, развитие старых и создание новых идеологических представлений.

Раздел, посвященный периоду средней бронзы, обеспечен базовым материалом значительно хуже. Он строится главным образом на могильниках и случайных находках, что существенно ограничило рамки исследований. При этом территория всего региона изучена крайне неравномерно, комплексы разрозненны. Научная организация такого материала оказалась необычайно сложной. За основу был взят принцип культурной и хронологической атри-

буции известных комплексов. В социально-экономическом аспекте период средней бронзы характеризуется расселением племен в горные районы, формированием отгонной формы скотоводства, переоснащением металлопроизводства, выпуском новых форм металлических изделий, выделением ювелирного дела и созданием шедевров древней торевтики. В общественной жизни наметилось расслоение, выразившееся, в частности, в появлении “царских” курганов, обострении межплеменных конфликтов и усилении контактов с внешним миром.

В данный выпуск в порядке исключения помещена статья о каякентско-харачоевской культуре эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Сделано это потому, что второй полутом нашего издания будет полностью посвящен археологическим материалам южной части Кавказа в позднебронзовое время.

Естественно, работу такого объема, каким является настоящий выпуск, мог подготовить только коллектив авторов. В написании первого выпуска приняли участие К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев (Институт археологии РАН), О.М. Джапаридзе (Тбилисский университет), Т.К. Микеладзе (Центр археологических исследований Грузии).

В предлагаемом издании читатель не найдет решения всех назревших сегодня проблем кавказоведения. Следует помнить, что речь идет о первом обобщении огромного и разрозненного материала. Необходимо также иметь в виду участие в этом труде нескольких авторов, каждый из которых обладает своим видением материала, своими концептуальными позициями и периодизационными схемами. Остались нерешенными многие спорные вопросы; дальнейшие разработки, безусловно, должны внести коррективы в предлагаемые трактовки. Однако благодаря стремлению авторов дать объективные характеристики изучаемым археологическим материалам, а также представить все наиболее существенные точки зрения по затронутым вопросам (хронология, ареалы культур, интерпретация памятников, терминология и пр.) прочный фундамент для последующих изысканий заложен.

Важнейший компонент издания – таблицы и карты, составителями которых являются авторы глав. В их создании участвовали также сотрудники Института археологии М.А. Вахтина и Е.И. Грек. Таблицы выполняли художники Института археологии РАН С.А. Суджаева, Е.Ф. Маракулина, Г.Г. Завойкина, В.П. Ленивкин, М.Н. Ламбет, Т.В. Чупыра. Мы благодарим их за большую творческую работу.

ЧАСТЬ I

Эпоха ранней и средней бронзы Южного Кавказа

Глава 1

Куро-аракская культура

Глава 2

**История изучения памятников
средней бронзы**

Глава 3

Протоколхская культура

Глава 4

Триалетская культура

Глава 5

**Памятники триалетской культуры
на территории Южного Закавказья**

Глава 6

Кармирбердская (тазакендская) культура

Глава 7

Севано-узерликская группа памятников

Глава 8

**Материалы к проблеме выделения
кармирванкской (кизылванкской) культуры**

Глава 9

Хозяйство, связи, элементы общественного строя

Глава 1

Куро-аракская культура

Куро-аракская культура – это культура населения Закавказья и смежных с ней с юга и севера областей, относящаяся к эпохе ранней бронзы. Еще около 25 лет назад ее памятники относили к так называемой культуре куро-аракского энеолита. Однако открытие в Закавказье начиная с 60-х годов памятников, предшествующих куро-аракской культуре и характеризующих подлинную культуру местного энеолита, заставило пересмотреть периодизацию культурно-исторического развития Закавказья, как, впрочем, и Северного Кавказа. Убедительные данные позволили считать культуры Кавказа III тысячелетия до н.э. (куро-аракскую и майкопскую) относящимися к эпохе ранней бронзы.

История изучения куро-аракской культуры

Впервые памятники куро-аракской культуры были открыты в 1869 г. в Гянджинской обл. Азербайджана. Там были обнаружены характерные для этой культуры глиняные сосуды (Куфтин Б.А., 1944. С. 91. Рис. 49). Через десять лет такая же керамика была найдена и в Армении – на Армавирблуре, а в 1887 г. – близ с. Мечетли в Карской обл. (Куфтин Б.А., 1944. С. 93. Табл. XVII, 2, 3). Успешной была деятельность Е.А. Лалаяна в начале XX в. В 1904 г. он впервые обследовал Нахичеванский Кюльтепе I – выдающийся памятник древнейших культур Закавказья, а в 1913 г. – поселение Шрешблур в Армении (Куфтин Б.А., 1944. С. 90). Кроме того, на западном берегу Севана и в Шекинском р-не (Азербайджан) им была собрана коллекция керамики раннебронзового века (Лалаян Е.А., 1919. С. 38, 43, 44). В 1913 г. материалы куро-аракской культуры обнаружены и у южной подошвы Арарата (Куфтин Б.А., 1944. С. 1, 73–85). Укажем также, что в 1909 г. предметы ранней бронзы были найдены в Сачхере, где в 1910 г. Е.С. Такайшвили произвел раскопки кургана (Джапаридзе О.М., 1961. С. 262). Так постепенно шло накопление данных по раннебронзовому веку Закавказья, которое более активно продолжалось в послереволюционные годы.

В 1923 г. в Кикети (Грузия) было раскопано погребение куро-аракской культуры (Пчелина Е.Г., 1929. С. 156–159); в 1927–1928 гг. открыты поселения этой культуры Кюльтепе и Элар в Ар-

мени (Байбуртян Е.А., 1933), а в 1930 г. – поселение Дидубе на территории Тбилиси (Куфтин Б.А., 1944. С. 106, 107). Важные результаты были получены в 30-х годах. Отметим, в частности, исследования в 1930–1937 гг. ряда бытовых памятников эпохи ранней бронзы в Колхиде (Куфтин Б.А., 1950. С. 113–116), а также Очамчирского поселения в Абхазии (Соловьев Л.Н., 1939; Лукин А.П., 1941; Куфтин Б.А., 1949). В 1935–1936 гг. раскапывается многослойное поселение Муханаттапа в Ереване, в результате чего устанавливается стратиграфическое положение материалов куро-аракской культуры (Пиотровский Б.Б., 1949. С. 44; Мартиросян А.А., 1964. С. 20). В последующие годы (1936–1938 гг.) в другой части Еревана исследовался один из наиболее известных памятников рассматриваемой культуры – Шенгавитское поселение (Байбуртян Е.А., 1938; Куфтин Б.А., 1944; Пиотровский Б.Б., 1949). Укажем и на Диракларское поселение на склоне Арагаца, изученное в 1938 г. (Хачатрян Т.С., 1963. С. 8).

В предвоенные годы ряд памятников эпохи ранней бронзы был открыт и на территории Грузии. Это, в частности, погребения у с. Тквиави (Макалатия С.И., 1943), некоторые курганы в Сачхере (Куфтин Б.А., 1940. С. 8–22; 1941. С. 14) и ряд комплексов в Триалети (Куфтин Б.А., 1941. С. 106–118).

Группа памятников III тысячелетия до н.э. исследована в эти годы и в Азербайджане (Гуммель Я.И., 1939. С. 96; 1948. С. 5–19), а в Дагестане были впервые произведены раскопки поселения куро-аракской культуры у с. Каякент (Круглов А.П., 1940. С. 66; 1958. С. 20–30).

Отмеченные памятники дали ценные материалы для характеристики культурно-исторического развития Кавказа на заре бронзового века, что нашло отражение в макете 1-го тома “Истории СССР”, изданном в 1939 г. Исследования Шенгавитского поселения, с одной стороны, и изучение материалов, добытых в Грузии, – с другой, позволили к началу 40-х годов выделить в Закавказье культурно-исторический пласт, относящийся к эпохе раннего металла. Важная заслуга в его систематизации и научной интерпретации принадлежит прежде всего Б.А. Куфтину. Уже в 1940 г. он выделил в Закавказье ряд памятников, содержащих необычную чернолощеную керамику с “розовой подкладкой”, и отнес их к началу эпохи металла. Однородный для всего Центрального

Закавказья слой с подобной керамикой Б.А. Куфтин определил как “культуру нижнего слоя зольных холмов и циклопических крепостей Закавказья” и показал, что элементы этой культуры проникают не только в Западную Грузию, но и в Дагестан (Куфтин Б.А., 1940. С. 20, 24). Этот вывод он повторил через год в своем известном труде “Археологические раскопки в Триалети” (Куфтин Б.А., 1941. С. 114). Принципиально важное значение имело заключение Б.А. Куфтина о том, что на территории куро-аракского двуречья выделяется отдельная культура зольных холмов с прекрасной художественной керамикой особого стиля, относящаяся к эпохе раннего металла (Куфтин Б.А., 1941. С. 123). Ряд исследованных им памятников в Грузии (курганы у Параванского озера и погребения в Сачхере) Б.А. Куфтин выделил в период древней бронзы.

В 1944 г. Б.А. Куфтиным был опубликован первый сводный труд о культуре Южного Кавказа эпохи ранней бронзы (Куфтин Б.А., 1944). Он охарактеризовал памятники Закавказья III тысячелетия до н.э. как представляющие древнейшую земледельческо-скотоводческую культуру края, резко отличную от синхронных культур Ближнего Востока. Им же были определены основные типы и орнаментальные мотивы керамики этой культуры. Учитывая, что в рассмотренных им комплексах металл представлен в ограниченном количестве и архаическими формами, Б.А. Куфтин осмыслил данную культуру как энеолитическую. Он назвал ее культурой “куро-аракского энеолита”, поскольку почти все известные ему тогда памятники этой культуры концентрировались в междуречье Куры и Аракса (Куфтин Б.А., 1944. С. 125. Рис. 79). Еще до этого он отмечал, что элементы данной культуры проникают в Западную Грузию и на Северо-Восточный Кавказ (Куфтин Б.А., 1944. С. 126). Указывая на неопределенность южных границ выделяемой им новой культуры, Б.А. Куфтин подчеркивал, что как бы эти границы в дальнейшем ни определились, нельзя ожидать, что данная культура окажется простым отпрыском северомесопотамской цивилизации, поскольку ее художественный облик отличается крайне своеобразными чертами, которые полностью отсутствуют во всех известных памятниках Месопотамии, Сирии и Малой Азии (Куфтин Б.А., 1944. С. 126). Б.А. Куфтин пришел к выводу об определенной связи “куро-аракского энеолита” с малоазийским и всем восточносредиземноморским культурным миром (Куфтин Б.А., 1944. С. 118, 127; 1948. С. 28, 29, 36, 44). Он наметил также хронологию куро-аракской культуры (не позднее III тысячелетия до н.э.) и сделал выводы об уровне развития хозяйства и социальном строе населения Южного Кавказа исследуемой эпохи (Куфтин Б.А., 1944. С. 125).

В последующие годы Б.А. Куфтин также занимался изучением проблемы раннебронзового века Закавказья, провел экспедицию в различные рай-

оны Грузии и опубликовал ряд работ, в которых были затронуты некоторые аспекты данной проблемы (Куфтин Б.А., 1947; 1948; 1949). В частности, рассмотрев материалы из памятников внутренней Картли, добытые еще в 1923–1924 гг., и Юго-Осетии, обнаруженные в 1944 г., он показал, что куро-аракская культура распространялась до южных склонов Большого Кавказа (Куфтин Б.А., 1947. С. 47–88). Более же существенным было сделанное им заключение о тесной связи и относительной одновременности поздних стадий “куро-аракского энеолита” с майкопской культурой (Куфтин Б.А., 1947. С. 77).

Таким образом, вклад выдающегося ученого Б.А. Куфтина в изучение куро-аракской культуры, как, впрочем, и всей археологии Закавказья, поистине огромен. Хотя некоторые из его выводов сегодня устарели, но для своего времени они имели исключительное значение. Деятельностью Б.А. Куфтина как бы завершается большой и важный этап в истории изучения раннебронзового века Кавказа. Труды его стали фундаментом, на котором развивались все дальнейшие исследования в данной области.

Послевоенные годы характеризуются значительным расширением исследований памятников куро-аракской культуры. В 1945–1950 гг. была раскопана группа поселений III тысячелетия до н.э. в Юго-Осетии – Кулбакеби и Згудрис–Гверда (Куфтин Б.А., 1949. С. 64–72; Любин В.П., 1955. С. 14–22), а также Нацаргора (Гобеджишвили Г.Ф., 1951). В те же годы исследованы несколько погребений и поселение в с. Гуния Цалкинского р-на Грузии (Куфтин Б.А., 1948. С. 26–44), выявлены слои эпохи ранней бронзы в ряде древних и средневековых городов Закавказья – Гарни, Двине, Дманиси и др. (Аракелян Б.Н., 1951. С. 25; Кафадарян К.Г., 1952. С. 265, 266; и др.).

Отметим памятники рассматриваемой культуры на смежных с Закавказьем южных территориях, в частности поселение Караз близ Эрзерума в Турции, раскопки которого были начаты еще в годы первой мировой войны (Kosay H., 1948; Kosay H., Turfan K., 1959), и Геойтепе у оз. Урмия в Северо-Западном Иране (Burton-Brown T., 1951). Исследование этих памятников показало, что куро-аракская культура была распространена южнее бассейна Аракса.

Из работ обобщающего характера, выполненных в конце 40-х годов, следует отметить, кроме указанных уже трудов Б.А. Куфтина, курс лекций по археологии Закавказья Б.Б. Пиотровского. В нем сделаны, в частности, выводы, касающиеся характера культуры Закавказья III тысячелетия до н.э., ее соотношения с цивилизациями Передней Азии, развития экономики, в особенности скотоводства на заре эпохи металла и т.д. Б.Б. Пиотровский осмысливал памятники куро-аракской культуры как относящиеся к медному веку (Пиотровский Б.Б., 1949а). В 1949 г. Б.Б. Пиотровским была

также опубликована работа, посвященная изучению поселений куро-аракской культуры на территории Армении (Пиотровский Б.Б., 1949б). Он и в дальнейшем продолжал изучать культуру и хозяйство древнейшего Закавказья (Пиотровский Б.Б., 1955; Piotrovski B., 1962).

Последующее десятилетие стало периодом бурного накопления новых материалов по куро-аракской культуре. В 50-е годы внимание исследователей концентрируется на изучении отдельных памятников, выяснении их стратиграфии и т.д.

В 1953 г. Азербайджанской экспедицией Института археологии АН СССР и Института истории Академии наук Азербайджана начаты раскопки поселения Кюльтепе I у г. Нахичевань, давшие весьма ценные материалы и позволившие сделать важные стратиграфические наблюдения. Мощность его культурных слоев составляла 22 м, в том числе слоя куро-аракской культуры – 8,5–9 м. Здесь впервые в Закавказье под куро-аракским слоем были открыты более древние культурные напластования, достигавшие более 8 м. Значение этого памятника, исследовавшегося около десяти лет О.А. Абибуллаевым, трудно переоценить. Нахичеванскому Кюльтепе I посвящены монографические труды (Абибуллаев О.А., 1959б; 1982) и серия публикаций (Абибуллаев О.А., 1953; 1959а; 1961а; 1963; 1965 а, б, в; и др.).

Из других результатов Азербайджанской экспедиции, руководимой А.А. Йёссеном, отметим раскопки кургана III тысячелетия до н.э. в урочище Учтепе и открытие группы древнейших поселений, в том числе эпохи ранней бронзы, в Мильско-Карабахской и Муганской степях (Йессен А.А., 1963; 1965а, в).

В 1950-е и особенно в последующие годы памятники куро-аракской культуры исследовались и в других частях Азербайджана – в Кахском р-не и Кабале (Казиев С.М., 1960; 1965; Казиев С.М. и др., 1970), в Хачбулаке (Кесаманлы Г.П. и др., 1978; Кесаманлы Г.П., 1980) и Гобустане (Мурадова Ф.М., Рустамов Д.Н., 1971; Мурадова Ф.М., 1979), в районе Астары (Махмудов Ф.Р. и др., 1968) и Кюльтепе II, Махта I и др. памятники Нахичеванской области (Алиев В.Г., 1962; 1972; Саидов А.Г., 1991), поселение Бабадервиш, содержащее и энеолитический слой, близ Акстафы (Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С., 1962; Исмаилов Г.С., 1963; 1978б), в Казахском р-не (Мурадова Ф.М., 1986) и т.д. Следует выделить многолетние исследования с 1970-х годов в междуречье Гурчай и Кенделенчай. Здесь выявлен ряд раннеземледельческих памятников, из которых широким раскопкам подвергнуто поселение Гаракепектепе с мощным слоем куро-аракской культуры (Исмаилов Г.С., 1971а; 1978а; 1980; 1981; 1987в; Исмаилов Г.С., Даниелян О.А., 1986; Исмаилов Г.С. и др., 1988). Изучением этих памятников целеустремленно занимался Г.С. Исмаилов, подготовивший несколько публикаций (Исмаилов Г.С., 1987а, б; и

др.) и обобщающее исследование по культуре населения юго-восточных склонов Малого Кавказа в эпоху ранней бронзы (Исмаилов Г.С., 1983).

Отметим отдельно и исследования в Куба-Хачмасском регионе, где изучены такие памятники, как Гяфлетепелери, Бориспольтепе и другие, указывающие, в частности, на некоторые локальные особенности в культуре племен раннебронзового века северо-восточной части Азербайджана (Нариманов И.Г., 1971; Халилов Д.А., Кесаманлы Г.П., 1973; Халилов Д.А., 1987; Халилов и др., 1971; 1973; 1977; 1978; 1979; 1988; Мусаев Д.Д., 1988; 1991).

Материалы, полученные в результате отмеченных работ на территории Азербайджана, обширны и лишь в небольшой степени введены в научный оборот. Труды, посвященные изучению Кюльтепе I у Нахичевани и поселения Бабадервиш, указаны выше. Специальному исследованию подверглись и отдельные категории материалов (Бунятов Т.А., 1957; Мурадова Ф.М., Исмаилов Г.С., 1971; Нариманов И.Г., 1973; Дадашев А.И., 1981; Алекперов А.И., 1986; Бахшалиев В.Б., 1986; Ахундов Т.И., 1987; и др.).

Особо же следует подчеркнуть результаты работ созданной в 50-е годы в системе Академии наук Азербайджана лаборатории по изучению древнего металла. Проведенные в ней под руководством И.Р. Селимханова спектральные и аналитические исследования металлических изделий из памятников куро-аракской культуры (а также майкопской)* показали, что эти предметы изготовлены не из меди, как до этого априорно считалось, а из медно-мышьяковой бронзы. Это послужило одним из веских оснований для новой культурно-исторической интерпретации памятников Закавказья (и Северного Кавказа) III тысячелетия до н.э., отнеся их к эпохе ранней бронзы (Селимханов И.Р., 1960а, б; 1962; 1964; 1986). В начале 60-х годов в результате всех полученных данных был пересмотрен вопрос об уровне развития Южного Кавказа в III тысячелетии до н.э. (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1963). Стало очевидно, что памятники куро-аракского двуречья III тысячелетия до н.э., подобно соответствующим комплексам Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана, относятся не к энеолиту, а к эпохе ранней бронзы, поскольку они характеризуются уже вполне развитой металлургией и производством специфических изделий из медно-мышьяковых сплавов (Йессен А.А., 1965. С. 17). С этого времени, когда изучаемая культура была определена как относящаяся к эпохе ранней бронзы, ее стали называть просто куро-аракской. И это название, несмотря на ее условность, сейчас общепринято** в нашей науке.

* Широкие спектральные исследования металла Северного Кавказа III тысячелетия до н.э. проведены в лаборатории ИА РАН под руководством Е.Н. Черных.

** Укажем, кстати, что западные исследователи называли данную культуру культурой раннебронзового века Восточной Анатолии (Butrey C.A., 1958) или "яникской культурой" (Dyson R.H., 1968).

Следовательно, если работами Б.А. Куфтина, в которых была выделена изучаемая культура, завершился первый этап ее исследования, то последующий период – примерно до середины 1960-х годов, когда было определено точное культурно-историческое место данной культуры, представляет как бы второй этап ее исследования.

Однако рассмотрим конкретно, что было сделано в области изучения куро-аракской культуры в 1950-е и последующие годы в других регионах Кавказа и на смежных территориях. Широкие работы были проведены в Армении. Возобновившиеся в 1958 г. раскопки Шенгавитского поселения продолжались десять лет. К сожалению, происходящий из этих раскопок разнообразный материал не введен до сих пор в научный оборот (Сардарян С.А., 1967; Мартиросян А.А., Мунчаев Р.М., 1968). Одним из результатов новых раскопок Шенгавита явилось открытие здесь слоя, предшествовавшего куро-аракской культуре.

Значительные работы по изучению куро-аракской культуры выполнены Э.В. Ханзадян. Его исследован с 1949 г. слой III тысячелетия до н.э. в Гарни (Ханзадян Э.В., 1969), в 60-е и 70-е годы проведены раскопки памятников ранней бронзы в Эларе (Ханзадян Э.В., 1979а), в районе Кировакана (Ханзадян Э.В., 1962б; 1963; 1964), около Арташата (Джраовит), Мецаморе в Эчмиадзинском р-не (Ханзадян Э.В., 1975; 1979б; 1987; Ханзадян Э.В. и др., 1973) и т.д. Многие из исследованных ею памятников и добытых материалов уже изданы в виде отдельных статей и монографий (Ханзадян Э.В., 1985). Э.В. Ханзадян является также автором крупного обобщающего труда по культуре Армении III тысячелетия до н.э., в котором сделаны важные выводы, в частности о локальных особенностях развития куро-аракской культуры в различных районах Армянского нагорья (Ханзадян Э.В., 1967).

Из других памятников, исследованных в Армении, отметим могильники и поселения в Лчашене (бассейн Севана) и у с. Арч Артикского р-на (Хачатрян Т.С., 1975), ряд комплексов в Ноемберянском р-не (Есаян С.А., 1976) и Ташир-Дзорегете (Деведжян С.Г., 1981), куро-аракский слой в Двине (Кушнарева К.Х., 1977), поселения Мохраблур и Норабац на Араратской равнине (Арешян Г.Е., 1972; 1978; 1980а; Арешян Г.Е., Кафадарян К.К., 1975), Карнаутское поселение близ Ленинакана (Бадалян Р.С., 1984; 1985а, б; 1986а), погребения в Мастаре (Аветисян П.С., 1986), а также ряд бытовых и погребальных комплексов в других районах края (Есаян С.А., Шагинян А., 1962; Есаян С.А., 1971; Арешян Г.Е., 1985а, б; 1986; Арешян Г.Е., Симонян А.Е., 1988). Значительное внимание привлек к себе первый на Кавказе клад бронзовых орудий III тысячелетия до н.э., обнаруженный в 1967 г. в районе Еревана (Мартиросян А.А., Мнацканян А.О., 1973).

За последние 25 лет вышли в свет, помимо вы-

шеуказанных, работы, в которых опубликованы серии новых материалов по куро-аракской культуре и рассмотрены важные вопросы развития культуры Армении и Закавказья в эпоху ранней бронзы. Среди них капитальное исследование “Армения в эпоху бронзы и раннего железа” (Мартиросян А.А., 1967), монографии, в которых обобщены материалы по древнейшей культуре отдельных областей Армении (Хачатрян Т.С., 1975; Есаян С.А., 1976), труды по изучению меднорудных месторождений и древней металлургии Армении (Геворкян А.Ц., 1972а, б; 1973; 1980), палеоантропологии (Азизян Г.А., 1963; Алексеев В.П., Мкртычян Р.А., 1989) и палеофауны (Межлумян С.К., 1972) и др. (Карапетян Л.Л., Есаян С.А., 1966; 1980; Петросян Л.А., 1984). Отметим, наконец, что подготовлено исследование по раннебронзовому веку Ширака, в котором обобщены материалы более чем 25 памятников куро-аракской культуры (Бадалян Р.С., 1986).

Исключительно важные результаты по изучению куро-аракской культуры получены в 50–80-е годы в Грузии. Так, в Шида Картли, на небольшой территории вдоль среднего течения Куры было выявлено не менее 15 поселений. В их числе Цихиагора-Гудабертка, раскапывавшаяся с 1956 г. (Надимашвили С.И., 1961а, б), и полностью исследованные в 1954–1964 гг. селища Хизанаантгора (Киквидзе Я.А., 1972) и Квацхелеби (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962; Глонти Л.И. и др., 1968; Глонти Л.И., 1970). Исследования последних позволили установить стратиграфию поселений, соотношение их между собой и тем самым проследить генезис представленной ими культуры. Важно и то, что здесь, в районе Урбниси и на Цихиагора-Гудабертка, были открыты и погребения III тысячелетия до н.э. (Чилашвили Л.А., 1964).

Результативные работы проводились и в Южной Грузии. Начиная с 1958 г. Т.Н. Чубинишвили на Амиранисгора исследованы поселение и могильник (Чубинишвили Т.Н. и др., 1954; Чубинишвили Т.Н., 1963; 1965). В 1961 г. Г.Г. Пхакадзе возобновила начатые Е.Г. Пчелиной (1920 г.) и продолженные Б.А. Куфтиным (1947 г.) раскопки Кикетского могильника. Там же, в Кикети, были зафиксированы тогда и остатки культурного слоя (Пхакадзе Г.Г., 1963).

Новые памятники ранней бронзы выявлены и во многих других районах Грузии. В частности, целая группа их исследована в Тбилиси и близ него (Коридзе Д.Л., 1955; Авалишвили Г.Б., 1964; Абрамишвили Р.М., 1976; Тбилиси, 1978; Абрамишвили Р.М. и др., 1980; Археологические памятники Грмахевистави, 1980), а также в районе Мцхета (Апакидзе А.М., Николайшвили В.Н., 1984; Боходзе А.В., 1986), Марнеульском (Отчет Квемо-Картлийской экспедиции, 1975), Тетрицаройском (Мицхулава Г.И., 1975; Гобеджишвили Г.Ф., 1978), Тианетском (Мицхулава Н.Н., 1981) и других районах (Глонти М.Г., 1984; Рамишвили Р.М.,

Циклаури И.Д., 1986; Гогочури Г.К., 1987; Рамишвили Р.М. и др., 1987; Рамишвили Р.М., Гогочури Г.К., и др., 1988; и др.). С 60-х годов Кахетской экспедицией АН Грузии активно исследуются поселения и погребения раннебронзового века в бассейне Иори и Алазани (Дедабришвили Ш.Ш., 1969; 1970; 1971; 1978; 1979; Пицхелаури К.Н., 1965; 1982; 1987; Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1976; Вазарашвили В.В., 1992). Интересные комплексы энеолита и ранней бронзы, включающие пещерные стоянки, изучены в Западной Грузии (Абрамишвили Р.М., Микеладзе Т.К., 1965; Глонти Л.И. и др., 1968; Тушабрамишвили Д.М., Небиеридзе Л.Д., 1974; Небиеридзе Л.Д., 1986; 1987; Пхакадзе Г.Г., 1993; и др.).

Широкие полевые исследования и введение в научный оборот новых материалов сопровождалось публикацией обобщающих трудов. Среди последних отметим прежде всего работы О.М. Джапаридзе, внесшего большой вклад в изучение древнейшей истории и культуры Грузии и Кавказа в целом. Начав с изучения древнего этапа развития металлургии в Грузии (Джапаридзе О.М., 1955а), он создает затем капитальный труд, посвященный истории грузинских племен в эпоху ранней бронзы (Джапаридзе О.М., 1961). Ему принадлежит также заслуга в систематизации всего материала по эпохе ранней бронзы, происходящего из Сачхере – одного из ранних центров металлопроизводства на Кавказе. При этом ученым были рассмотрены вопросы периодизации, датировки, а также этнической принадлежности куро-аракской культуры. В последующем О.М. Джапаридзе продолжал активные исследования по изучению культур энеолита и бронзового века Закавказья и опубликовал, в частности, весьма ценные работы по проблеме куро-аракской культуры (Джапаридзе О.М., 1964; 1976; 1980; 1989). Издана его монография по древнейшей этнокультурной истории Кавказа (1989).

Следует отметить специальные работы по изучению куро-аракской культуры, выполненные Т.Н. Чубинишвили (Чубинишвили Т.Н., 1963; 1964; 1965; 1966; 1973; 1980). Особо выделим его труд, посвященный происхождению куро-аракской культуры (Чубинишвили Т.Н., 1971), и совместное с К.Х. Кушнаревой, обобщающее исследование по энеолиту и ранней бронзе Южного Кавказа, в котором синтезированы многочисленные данные по куро-аракской культуре, накопленные к началу 70-х годов, а также предложены периодизация и характеристика культуры по локальным вариантам (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1971).

Кроме того, грузинскими учеными осуществлены публикации таких памятников куро-аракской культуры, как Квацхелеби (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962), Кикетский могильник (Пхакадзе Г.Г., 1963), Хизанаантгора (Киквидзе Я.А., 1972), Самшвилде (Мирицхулава Г.И., 1975), Тетри-

Цкаро (Гобеджишвили Г.Ф., 1978), выполнены работы, обобщающие материалы данной культуры по отдельным регионам Грузии (Дедабришвили Ш.Ш., 1970; Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974; Орджоникидзе А.З., 1981; Майсурадзе В.Г., 1986; Чартолани Ш.Г., 1989).

Нельзя не сказать и о ряде исследований, посвященных разработке таких проблем, как развитие металлопроизводства в Закавказье в III тысячелетии до н.э. (Абесадзе Ц.Н., 1969; Абесадзе Ц.Н., Бахтадзе Р.А., 1987; Тавадзе Ф.Н. и др., 1987; Тенейшвили Т.О., 1989; и др.), строительное дело и архитектура древнейших поселений Южного Кавказа (Джавахишвили А.И., 1973), генезис земледелия и сельскохозяйственного культа в древней Грузии (Киквидзе Я.А., 1963; 1976), хронологизация бронзового века Грузии и Закавказья с использованием серии радиоуглеродных дат (Бурчуладзе А.А. и др., 1970; Кавтарадзе Г.Л., 1981; 1983; 1992; Апакидзе А.М., Бурчуладзе А.А., 1987), изучение знаков и символов куро-аракской культуры (Шаншашвили Н.Э., 1990) и т.д.

Укажем, наконец, на исследование в Восточной Грузии курганных погребений и поселения так называемой бедени-алазанской культуры, характеризующей завершающий этап раннебронзового века Закавказья (Гобеджишвили Г.Ф., 1981; Дедабришвили Ш.Ш., 1969; 1979; Пицхелаури К.Н., 1982; 1987; Глонти Л.И. и др., 1986; Джапаридзе О.М. и др., 1986).

Весьма результативны были также работы, проведенные в Иранском Азербайджане (Burton-Brown T., 1950; Burney C.A., 1961a, b; 1963; 1965; Edwards M., 1983; Biscione R., Pecorella P.E., 1984; Young T.C., 1969) и особенно в Восточной Анатолии (Burney C.A., 1958; 1980; Burney C.A., Lang D.M., 1971; Duru R., 1979; Esin U., 1970; 1972; 1974; 1979; Hauptmann H., 1972; 1982; Kosay H.Z., 1948; 1969; 1971; 1972; 1976; Kosay H.Z., Turfan K., 1959; Kosay H.Z., Vary H., 1964; 1967; Ozguc T., Akok M., 1958; Whallon R., 1979; Frangipane M., Palmieri A., 1983). В частности, в конце 1960-х – 1970-е годы широким исследованием подверглись многочисленные поселения в зоне Кебанского водохранилища на юго-западе Армянского нагорья. Некоторые из них, например поселение Пулур (Сакийол) в районе Элязига (Kosay H., 1976), дали большой и выразительный материал по куро-аракской культуре. Все они в целом убедительно показали, что Восточная Анатолия и Северо-Западный Иран органически входят в ареал данной культуры. Кроме того, открытием образцов характерной керамики в серии памятников III тысячелетия до н.э. Сирии и Палестины было установлено проникновение куро-аракской культуры в районы Восточного Средиземноморья. Результатом этого явилось сложение там комплекса, известного как кирбет-керакская культура (Amiran R., 1952; 1965; Braidwood R., Braidwood L., 1960; Mellaart J., 1966; Hennessi J.V., 1969; Huot J.-L., 1982).

Значительные работы проводились и на Северо-

Восточном Кавказе. Большая группа памятников раннебронзового века была выявлена в Дагестане, причем как и прикаспийской части, так и в предгорных и горных районах (Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993). Исследование Каякентских (Гемитюбе I и II), Великентского, Мамайкутанского, Мекегинского, Чиркейского, Галгалатлинского, Гинчинского и других поселений и ряда погребальных комплексов позволило выделить в данной области Кавказа один из выразительных и оригинальных вариантов куро-аракской культуры (Мунчаев Р.М., 1955; 1961; 1975; Котович В.Г., 1959; 1961б; Котович В.М., 1964; 1965; 1986; Атаев Д.М., Кушнарева К.Х., 1966; Корневский С.Н., 1978; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988).

Огромная заслуга в изучении памятников раннебронзового века в Дагестане принадлежит М.Г. Гаджиеву. Систематически публикуя результаты своих полевых работ (Гаджиев М.Г., 1969; 1971; 1980а; Гаджиев М.Г., Маммаев М.М., 1978; и др.), он исследовал многие вопросы археологии и древнейшей истории Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1966; 1979; 1980б; 1981; 1983; 1985; 1986а, б, в; 1987б; 1988; 1989; 1990; 1991; Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984). Итогом многолетних работ стал его большой монографический труд о культуре раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа, в котором учтено более 50 памятников эпохи ранней бронзы Дагестана и Чечено-Ингушетии (Гаджиев М.Г., 1987а; 1991). М.Г. Гаджиевым сделан вывод о значительной специфике культуры Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы, позволяющий рассматривать ее как относительно самостоятельное явление или как одну из культур, входящих в обширное куро-аракское культурное единство (Гаджиев М.Г., 1987. С. 38, 39; 1991. С. 233, 234).

В 1950–1960-е годы ряд памятников эпохи ранней бронзы (Луговое, Серженьюртовские I и II и другие поселения) изучен и на территории Чечено-Ингушетии (Крупнов Е.И., 1954; 1957; Мунчаев Р.М., 1961; 1975; 1986; Мерперт Н.Я., 1962; Иерусалимская А.А. и др., 1963; Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1966). Особо подчеркнем тот факт, что один из отмеченных памятников – Луговое поселение оказался синкретическим комплексом, сочетающим в себе признаки как куро-аракской, так и майкопской культуры. Исследование его позволило поставить в широком аспекте вопрос о связях и взаимодействии двух основных культур раннебронзового века Кавказа. Материалы этого уникального памятника, как и ряда поселений III тысячелетия до н.э. Дагестана, были изданы отдельной монографией (Мунчаев Р.М., 1961).

Интересные комплексы раннебронзового века, включая погребальные, обследованы в Северной Осетии (Любин В.П., 1966; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980; Ростунов В.Л., 1988). Они также указывают на проникновение туда из Закавказья

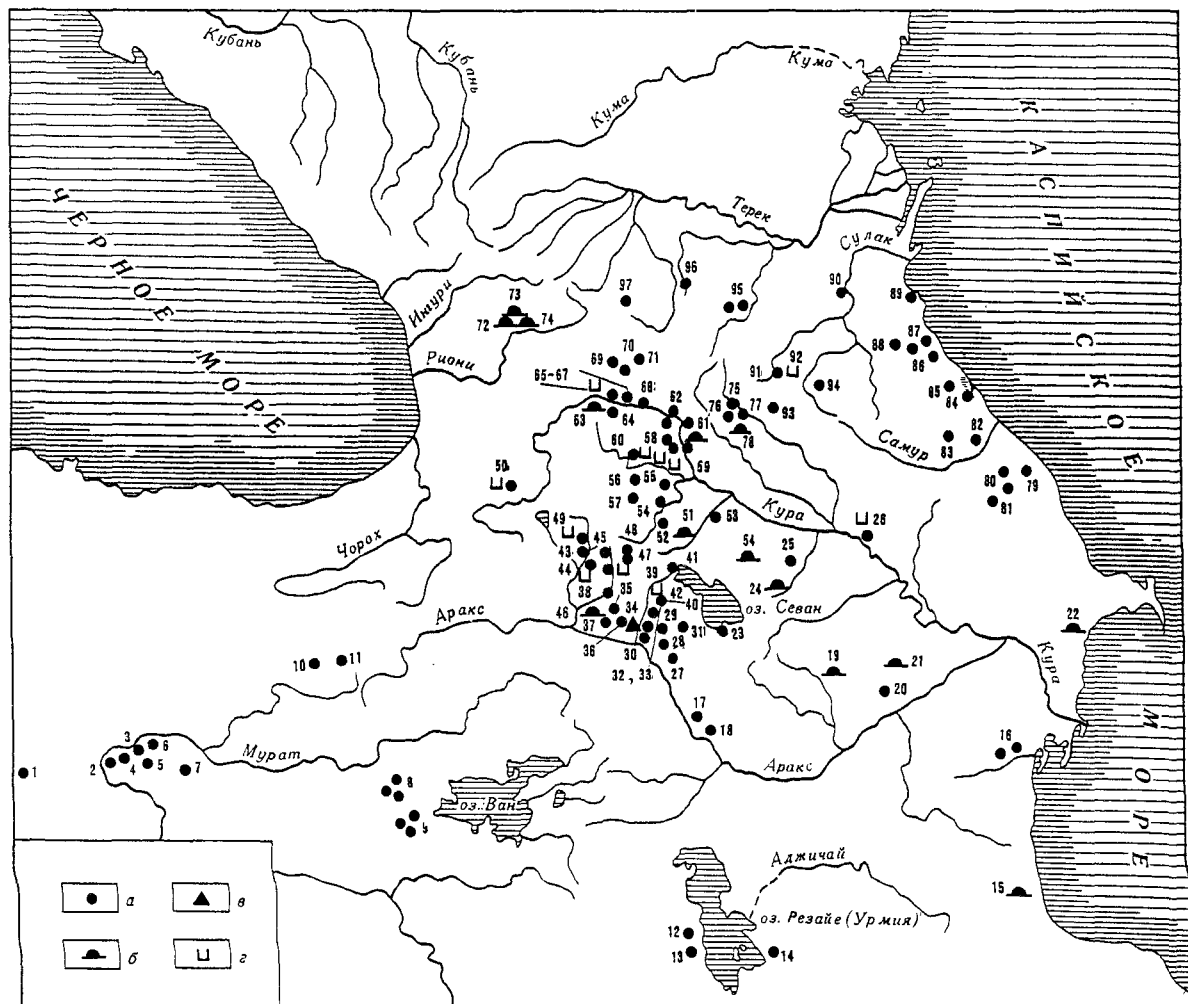
лишь отдельных этнокультурных элементов и сложность исторического процесса в восточной части Центрального Кавказа в III тысячелетии до н.э. (Ростунов В.Л., 1985а, б; 1986; 1988; Ростунов В.Л., Козаев П.К., 1990).

Наряду с изучением памятников III тысячелетия до н.э. в 1960–1980-е годы в Закавказье и смежных областях исследовались также комплексы как предшествующего, так и последующего периодов. Активное накопление и публикация материалов по эпохе ранней бронзы Закавказья, Предкавказья и Кавказского Причерноморья позволили впервые воссоздать целостную картину культурно-исторического развития всего Кавказа на заре бронзового века (Мунчаев Р.М., 1975), а также установить место Кавказа на общем фоне раннеземледельческого мира Передней Азии (Массон В.М., 1964; 1967). Более того, за минувшее 30-летие проблема раннебронзового века Кавказа вообще и Закавказья в особенности привлекла к себе внимание не только широкого круга археологов и историков, в том числе за рубежом (Sagona A.G., 1984), но и антропологов и лингвистов (Азизян Г., 1963; Дешериев Ю.Д., 1963; Гамкрелидзе Т.М., 1964; Мачавариани Г.И., 1964; Гаджиев А.Г., 1965; Климов Г.А., 1965; Абдушлишвили М.Г., 1966; Джаукян Г.Б., 1967; Дьяконов И.М., 1967; 1968; Алексеев В.П., 1974; 1989; Гамкрелидзе Т.М., Иванов В.В., 1984).

Ареал куро-аракской культуры, вопросы ее происхождения, хронологии и периодизации

Ареал куро-аракской культуры включает почти все Закавказье, Северо-Западный Иран, Восточную Анатолию и Северо-Восточный Кавказ (рис. 1). На юге и юго-западе границы ее достигают Урмии и простираются южнее до районов Хамадана и Керманшаха (Готинтепе и др.), Эрзерума, бассейна Вана и далее вплоть до Малатьи (Караз, Пулур, Арслантепе и др.)*. На севере и северо-востоке они переходят Кавказский хребет и охватывают Дагестан, Чечню и отдельные районы Ингушетии и Северной Осетии. Территория последних является “стыковой” между куро-аракской и майкопской культурами, здесь между ними проходит граница. Северо-западные же границы куро-аракской культуры доходят до р. Ингури, районов Кутаиси и Самтредиа (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 60; Пхакадзе Г.Г., 1993). В собственно причерноморской зоне памятники этой культуры неизвестны. Здесь развивалась своеобразная

* Как отмечено выше, элементы куро-аракской культуры прослеживаются вплоть до Восточного Средиземноморья, в комплексах, характеризующих кирбет-керакскую культуру. Круг вопросов, связанных с изучением последней, составляет отдельную большую проблему, требующую специального рассмотрения (Hennessi J.B., 1969).

Карта 1. Распространение памятников куро-аракской культуры. Составлена Р.М. Мунчаевым

а – поселения, б – курганы, в – клады, г – погребения;
 1 – Арслантепе, 2 – Пулур (Сакийол), 3 – Тулингтепе, 4 – Тепечик, 5 – Норшунтепе, 6 – Дегирментеле, 7 – Корусутепа, 8 – поселения в районе Муша, 9 – поселение в районе Битлиса, 10 – Пулур, 11 – Караз, 12 – Гиджлартепе, 13 – Геойтепе, 14 – Яниктепе, 15 – Астаринские курганы, 16 – Мишарчай I, II, 17 – Нахичеванский Кюльтепе I, 18 – Нахичеванский Кюльтепе II, 19 – Хаченагетские курганы, 20 – Гаракепектепе, 21 – Учтепе, 22 – Гобустан, 23 – Цовинар, 24 – Хачбулак, 25 – Заглик, 26 – Мингечаур, 27 – Арташат, 28 – Двин, 29 – Джраовит, 30 – Норабац, 31 – Гарни, 32 – Муханнатапа, 33 – Шенгавит, 34 – Приереванский клад, 35 – Шрешблур, 36 – Мецамор, 37 – Мохраблур, 38 – Маисянские курганы, 39 – Эллар, 40 – Дарани, 41 – Севан, 42 – Лчашен, 43 – Кети, 44 – Карнут, 45 – Арич, 46 – Арагац, 47 – Коси-Чотер, 48 – Такаворонист, 49 – Ленинакан,

50 – Амиранисгора (Ахалцихе), 51 – погребения в Иджеванском р-не; 52 – Шаглама II, III, 53 – Шамхорский р-н, 54 – Шулаверисгора, 55 – Имирисгора, 56 – Тетри-Цкаро, 57 – Самшвилде, 58 – Кикети, 59 – Тамариси, 60 – памятники в Триалети, 61 – памятники в Тбилиси и близ него, 62 – памятники в Мцхетском р-не, 63 – Тквиави, 64 – Бериклдеби, 65 – Урбниси, 66 – Хизанаантгора, 67 – Квацхелеби, 68 – Цихагора – Гудабертка, 69 – Згудрис-Гверда, 70 – Нацаргора, 71 – Кулбакеби, 72 – Сачхере, 73 – Царцисгора, 74 – Корети, 75 – Илто, 76 – Сиони, 77 – Греми, 78 – Машнаади, 79 – Бориспольтепе, 80 – Гяфлетепелери, 81 – Гевдишантепе, 82 – Гильярское поселение, 83 – Шаракунское поселение, 84 – Дербентское поселение, 85 – Великент, 86 – Мамайкутан, 87 – Каякент (Гемитюбе I, II), 88 – Мекегинское поселение, 89 – Махачкалинское поселение, 90 – Чиркейское поселение, 91 – Галгалатли, 92 – могилиник Шебоха, 93 – Гинчи, 94 – Чинна, 95 – Серженьюрт I, II, 96 – Луговое поселение, 97 – Шау-Легет

культура, испытывавшая на себе влияния куро-аракской, а также майкопской культур (Пхакадзе Г.Г., 1987). Памятники ранней бронзы Абхазии, пока слабо изученные, характеризуют самостоятельную очамчирскую культуру (Соловьев Л.Н., 1939; Бжания В.В., 1966а, б; 1970).

Таким образом, ареал куро-аракской культуры

весьма обширен, он выходит далеко за пределы междуречья Куры и Аракса. Но наибольшая концентрация памятников этой культуры наблюдается все-таки именно на территории куро-аракского двуречья, в Центральном Закавказье (см. карта 1). На левобережье Куры, в Восточном Закавказье, их значительно меньше. В то же время большая груп-

па куро-аракских памятников сосредоточена в Восточной Анатолии, а также в Дагестане.

В настоящее время только в Закавказье зафиксировано свыше 200 памятников раннебронзового века (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 60), т.е. значительно больше, чем известных здесь комплексов энеолита и эпохи средней бронзы, вместе взятых. Всего же выявлено не менее 300 бытовых и погребальных памятников куро-аракской культуры. При этом следует подчеркнуть тот факт, что указанные памятники представлены во всех географических зонах – на равнине, в горных и даже высокогорных районах, расположенных на отметке более 2000 м над уровнем моря. Следовательно, в эпоху ранней бронзы почти все районы Закавказья, а также других областей, входящих в ареал куро-аракской культуры, были освоены. Наиболее заселенными оказываются, например, Араратская долина в Армении (Ханзаян Э.В., 1967), Картлийская низменность, а также высокогорные долины Триалети, Месхет-Джавахетское плато и другие районы в Грузии (Джапаридзе О.М., 1961; 1980; Глonti Л.И., 1970), Шарурская равнина (Нахичевань) и бассейны ряда притоков Куры в Азербайджане (Ашуров С.Г., 1992), Прикаспийская равнина в Дагестане, районы Малаты и Элязига (Vimpey G.A., 1958) и другие в Восточной Анатолии (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970; Чубинишвили Т.Н., 1971).

Ясно, что очерченный ареал куро-аракской культуры сложился не сразу. Где, в какой конкретно области этого обширного ареала начала формироваться данная культура и откуда она распространилась на смежные области, охватив в конечном итоге столь значительную территорию, – это вопросы, составляющие проблему ее происхождения. Последней касались многие авторы, начиная с Б.А. Куфтина; она являлась даже предметом специального исследования (Чубинишвили Т.Н., 1971). Однако эта проблема до сих пор далека от своего решения (Мунчаев Р.М., 1975. С. 196; Джапаридзе О.М., 1980. С. 43; и др.). Большинство исследователей полагают, что куро-аракская культура возникла в Закавказье. При этом, например, А.А. Иессен считал вслед за Ч. Барнеем, что из области ее формирования следует исключить территорию Азербайджана (Иессен А.А., 1963. С. 14). Но этот тезис не бесспорен.

Устанавливается, что распространенная в Закавказье культура эпохи энеолита не обнаруживает генетической преемственности с куро-аракской культурой. В ряде памятников (Нахичеванский Кюльтепе I, Бабадервиш, Шенгавит, Амиранисгора, Шулаверисгора, Геойтепе, Годинтепе и др.) куро-аракские слои подстилаются энеолитическими. Но ни на одном из этих многослойных поселений не прослеживается связь между керамикой, представленной в тех других слоях. Перед нами оказываются два совершенно различных (технологически, типологически и по орнаментации) керамиче-

ских комплекса. Правда, определенная связь по ряду признаков между памятниками раннебронзового века и эпохи энеолита Центрального Закавказья, несомненно, имеется. В частности, на куро-аракских и энеолитических поселениях наблюдается одинаковая форма жилой архитектуры в виде круглоплановых построек. Можно говорить и о близости между отдельными категориями каменных и костяных орудий и даже некоторыми формами посуды. Укажем и на присутствие в тех и других комплексах металлических изделий из одинакового сплава – мышьяковой бронзы. Наконец, следует сказать о единстве типа поселений на Южном Кавказе в эпоху ранней бронзы и энеолите. Несмотря на все это, однако, говорить о прямой преемственности рассматриваемой культуры и известных энеолитических памятников Закавказья не приходится. Поэтому не может быть принят и тезис о том, что “куро-аракская культура первоначально появилась на территории Нахичевани на основе предыдущей местной культуры эпохи энеолита” (Ашуров С.Г., 1992. С. 24).

Нет также убедительных данных, позволяющих искать истоки куро-аракской культуры вне пределов Закавказья, прежде всего на территориях Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана. Достаточно отметить, что памятники этих областей, относящиеся к энеолиту, содержат расписную керамику, резко отличную от черно- и красноощечной посуды куро-аракской культуры. Поэтому представляется неубедительным вывод о том, что рассматриваемая культура возникла в Восточной Анатолии, а памятники Армении и Грузии являются периферийными (Vimpey G.A., 1968). Лишено аргументации и предположение о том, что носители этой культуры продвинулись в Закавказье с юга Каспийского моря (Мицхулава Г.И., 1975. С. 79).

Представляется более близким к истине предположение о том, что родиной куро-аракской культуры является все-таки Закавказье. В куро-аракском двуречье она, по-видимому, стала складываться и развиваться, а уже оттуда распространилась на смежные территории. Здесь, в Центральном Закавказье, выявлены отдельные комплексы, которые ряд авторов рассматривает как раннюю группу памятников изучаемой культуры. В данной связи важное значение приобретают сделанные недавно в Сиони находки керамики, имеющие определенное сходство с керамикой куро-аракской культуры (Менабде М.В., Кигурадзе Т.В., 1981. С. 116). Памятник, расположенный в Южной Грузии, содержит оригинальный керамический материал, который отличен от глиняной посуды поселений Шулаверисгора, Храмис Дидигора и других, находящихся в этом же ригоне. Полагают, что истоки куро-аракской керамики следовало бы искать в памятниках типа Сиони (Менабде М.В., Кигурадзе Т.В., 1981. С. 116), которые начали обнаруживаться в Закавказье. Они, возможно, и представляют те комплексы, которые непосредственно

предшествуют куро-аракской культуре и смыкаются с ней. Но пока эти памятники не будут широко исследованы или пока не выявлены другие комплексы, занимающие действительно промежуточное место между куро-аракской культурой и культурой закавказского энеолита, вопрос о происхождении первой останется открытым.

Вполне очевидно, что процесс формирования куро-аракской культуры был сложным и длительным (Джапаридзе О.М., 1980. С. 43). Племена – носители этой культуры – активно развивали земледельческо-скотоводческое хозяйство и начинали осваивать все пригодные для этого районы Закавказья и смежных территорий. Древнейшие слои подавляющего большинства теллей Южного Кавказа относятся к куро-аракской культуре. Мы знаем, что заселение и хозяйственное освоение большинства регионов Закавказья началось именно в эпоху ранней бронзы. Но нам пока неизвестно, откуда, с какой конкретно области (или с каких) шла эта миграция. Ясно, что на Северный Кавказ данная культура распространилась из сопредельных районов Закавказья через перевалы Большого Кавказа (Мунчаев Р.М., 1975. С. 191). В Иран она также проникла из Закавказья. А как, в каких направлениях распространялась куро-аракская культура на самой территории Закавказья, остается неясным.

Рассмотрим теперь вопрос хронологии куро-аракской культуры. Как известно, в ряде памятников слои этой культуры подстилаются непосредственно отложениями энеолитических поселений. Известны и отдельные памятники, в которых куро-аракский слой лежит под слоями бедени-алазанской (Бериклдеби) и триалетской культур. Таким образом, относительное хронологическое положение куро-аракской культуры определяется достаточно четко. Энеолит Южного Кавказа датируется по C_{14} в пределах V–IV тысячелетий до н.э., а триалетская культура – не позднее первой половины II тысячелетия до н.э. Следовательно, на куро-аракскую культуру падает III тысячелетие до н.э., а начало ее уходит, вероятно, и в IV тысячелетие до н.э. Такой общей датировки рассматриваемой культуры придерживаются в настоящее время большинство исследователей (Мунчаев Р.М., 1975. С. 192; Джапаридзе О.М., 1980. С. 43; Гаджиев М.Г., 1987а. С. 27). Она подтверждается и сравнительными данными, а также радиоуглеродными (без калибровки) датами, известными для памятников куро-аракской культуры. Последних немного. Радиоуглеродные даты получены для Амиранисгора – 3720 ± 165 , 4835 ± 180 и 4625 ± 170 лет (Бурчуладзе А.А. и др., 1975. С. 90)*, для Квацхелеби – 4760 ± 90 и 4190 ± 60 лет (Артемьев В.И. и др.,

1961. С. 14; Linick A., 1977. С. 30), для Шенгавита – 4020 ± 80 и 3770 ± 60 лет (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972. С. 43), для Бабадервиша – 3900 ± 60 лет (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972. С. 43), для Нахичеванского Кюльтепе I – 4880 ± 90 лет (Артемьев В.А. и др., 1961. С. 11). Отметим еще три даты: две для Мохраблур – 4140 ± 30 лет (после калибровки – 2352 ± 316 г. до н.э.) и 3825 ± 30 лет (после калибровки – 2352 ± 316 г. до н.э.) и одну для Жинвали – 2084 ± 306 г. до н.э. (Кавтарадзе Г.Л., 1983. С. 84). Опубликовано и большинство радиоуглеродных дат, полученных для памятников куро-аракской культуры в Западном Иране и Восточной Анатолии (Кавтарадзе Г.Л., 1983). До сих пор, к сожалению, нет дат по C_{14} для соответствующих памятников Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Правда, ряд таких дат получен для западногрузинских комплексов эпохи энеолита и ранней бронзы.

Полученные для памятников куро-аракской культуры радиоуглеродные (не калиброванные) даты указывают на то, что они датируются временем от начала III до рубежа III–II тысячелетий до н.э. в пределах XXIX–XXIII вв. до н.э. Если же рассчитать их по новому (5730 ± 40 лет) значению полураспада, то датировка их удревется примерно на 200 лет. Однако попытки решать сегодня вопросы абсолютной хронологии и периодизации куро-аракской культуры на основе имеющихся радиоуглеродных дат представляются нам преждевременными, ибо для такого обширного ареала, который включает эта культура и в пределах которого представлено столь значительно количество памятников, имеющаяся серия дат в настоящее время крайне незначительна.

В данной связи нельзя не коснуться работы Г.Л. Кавтарадзе, посвященной изучению проблем хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии, а фактически всего Закавказья. Она вышла двумя изданиями – на грузинском (Кавтарадзе Г.Л., 1981) и русском (Кавтарадзе Г.Л., 1983) языках и привлекла к себе внимание специалистов широтой рассмотрения вопросов, учетом новых данных по Передней Азии и сравнительным анализом разнообразного археологического материала. Остановимся только на его выводе по хронологии куро-аракской культуры**.

Используя калибрационную кривую Р.М. Кларка, Г.Л. Кавтарадзе получил исправленные радиоуглеродные даты, на основании которых значительно удревил куро-аракскую культуру, отнес ее почти целиком к IV тысячелетию до н.э. (Кавтарадзе Г.Л., 1981. С. 139–142; 1983. С. 82; 1987. С. 12). А III тысячелетием до н.э. он датировал триалетскую культуру, охарактеризовав ее как поздний этап раннебронзового века Закавказья. Естественно, это вызвало возражения. Было справедливо отмечено, что реальность исправленных

* Даты приводятся по старому (5570 ± 30 лет) периоду полураспада. По новому значению (5730 ± 40 лет) приведенные даты для Амиранисгора соответственно следующие: 4200 ± 109 ; 5600 ± 74 и 5370 ± 74 лет (Апакидзе А.М., Бурчуладзе А.А., 1987. С. 9).

** Подробный разбор книги Г.Л. Кавтарадзе и содержащихся в ней заключений см.: Андреева М.В., 1987. С. 273–283.

Г.Л. Кавтарадзе дат может быть подтверждена только после получения большой серии новых дат по C_{14} из памятников Грузии и смежных областей (Андреева М.В., 1987. С. 276). Действительно, база данных по C_{14} для куро-аракской культуры крайне ограничена. Если к тому же учесть, что некоторые даты из приведенной выше серии радиоуглеродных определений для памятников Закавказья признаются ошибочными (Кавтарадзе Г.Л., 1983. С. 84), то эта база еще более сужается. Выясняется, например, что пока нет ни одной даты по C_{14} для памятников, которые характеризуют ранний этап куро-аракской культуры (Кавтарадзе Г.Л., 1983. С. 60). Таким образом, принимать предложенную Г.Л. Кавтарадзе датировку куро-аракской культуры было бы преждевременно*.

Вместе с тем представляется правильной наметившаяся тенденция удревления раннего этапа куро-аракской культуры – не позднее второй половины IV тысячелетия до н.э. Таким образом, он может быть синхронизирован с определенными комплексами Ближнего Востока урукского периода. Очевидно, верхние пределы куро-аракской культуры должны ограничиваться временем около середины III тысячелетия до н.э. (XXV–XXIV вв. до н.э.). В пользу этого могут свидетельствовать, в частности, материалы поселения Арслантепе в Малатье (Восточная Анатолия). Характерные для куро-аракской культуры образцы красноглиняной лощеной посуды представлены там в слое VI B1 иногда вместе с керамикой раннединастических периодов. Последняя преобладает в Арслантепе VI B2 (Frangipane M., Palmieri A., 1983. P. 536–555). В данной связи укажем, что в поселении Телль Хазна I, расположенном южнее Арслантепе, в северо-восточной Сирии и исследуемом с 1988 г. экспедицией института археологии РАН, характерные для куро-аракской культуры глиняные очажные подставки, а также отдельные фрагменты краснолощеной посуды оказались также в комплексе с керамикой раннединастических периодов.

Если же взять поселение Годинтепе IV в Иране, находящееся в самой южной части ареала куро-аракской культуры и представляющее по ряду признаков сравнительно поздний ее комплекс, то оно датируется в пределах первой половины III тысячелетия до н.э. И такая датировка его не вызывает каких-либо серьезных сомнений. Более ранний слой, непосредственно подстилающий здесь куро-аракский, находит определенные связи с хорошо датированными памятниками более южных регионов (Сузы).

Обратимся к комплексам кирбет-керакской культуры. Характерно, что во всех известных случаях последние стратиграфически предшествуют

памятникам культуры кубков. А эта культура Северной Сирии датируется второй половиной III тысячелетия до н.э. (Сулейман Антуан Т., 1981. С. 21).

Если же, наконец, провести сравнительное изучение материалов соответствующего времени Месопотамии, мы должны будем обратить внимание на то, например, что металлообработка Двуречья урукского и раннединастических периодов и куро-аракской культуры может быть сопоставлена по общему уровню развития и даже по отдельным образцам бронзовых изделий.

Таким образом, период бытования куро-аракской культуры следует датировать временем от второй половины IV тысячелетия до н.э. примерно до третьей четверти III тысячелетия до н.э. В этих хронологических рамках в целом датируется данная культура в последнее время. К последним же векам III тысячелетия до н.э. должны быть отнесены некоторые комплексы Сачхере и Триалети и бедени-алазанская культура, характеризующие заключительный этап раннебронзового века Закавказья.

В своем развитии куро-аракская культура пережила, несомненно, ряд этапов. Еще в 40–50-х годах на основании сравнительного анализа керамики были сделаны попытки расчленить памятники культуры на три хронологически последовательные группы (Куфтин Б.А., 1941. С. 115; Пиотровский Б.Б., 1949. С. 34–36). В последующем эти периодизации дополнялись и уточнялись (Джапаридзе О.М., 1961; Мунчаев Р.М., 1961; Ханзадян Э.В., 1967; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1967; Кавтарадзе Г.Л., 1983; и др.), а также создавались новые применительно к отдельным регионам ареала куро-аракской культуры. Так, для Араратской долины выделены периоды ранней бронзы – I, II и III. Они датированы соответственно 3000–2600 гг. до н.э., 2600–2300 гг. до н.э. и 2300–2000 гг. до н.э. (Ханзадян Э.В., 1985. С. 13–15). В развитии раннебронзовой культуры Самцхе-Джавახети намечаются четыре ступени, охватывающие время от второй половины IV тысячелетия до н.э. до XXV–XXIII вв. до н.э. (Орджоникидзе А.З., 1981. С. 17), а Северо-Восточного Кавказа – два больших периода, датируемых в пределах последней четверти IV – третьей четверти III тысячелетия до н.э. (Гаджиев М.Г., 1987а. С. 28, 29; 1987в. С. 13–17). Укажем и на трехэтапную периодизацию памятников Нахичевани, в которой первый этап датирован 3600–3400 гг. до н.э., а третий – 2800–2400 гг. до н.э. (Ашуров С.Г., 1992). Наконец, отметим еще и периодизацию, предложенную Г.Л. Кавтарадзе для памятников куро-аракской культуры в Грузии. Последние объединены в две большие группы. Первая, включающая памятники позднего энеолита и датируемая первой половиной IV тысячелетия до н.э. характеризует ранний этап куро-аракской культуры. Вторая же группа, относящаяся к первой фазе эпохи ранней бронзы (вторая половина IV тысячелетия до н.э.), представляет

* Следовало бы добавить и то, что система исправления радиоуглеродных дат, основывающаяся на калибрационной кривой и таблицах, построенных по калифорнийской дендрошкале, не получила еще полного признания.

второй развитой этап культуры (Кавтарадзе Г.Л., 1983. С. 59–104; 1987. С. 10–17)*.

Тем не менее ни одна из периодизаций куро-аракской культуры не может быть признана исчерпывающей и всесторонне аргументированной. Мы используем здесь периодизацию, предложенную К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили. Несмотря на спорность отдельных положений, она в целом представляется в настоящее время наиболее приемлемой (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 61, 62).

Куро-аракская культура делится ими на три периода. К раннему периоду (3000–2700/2600 лет до н.э.) отнесены такие памятники, как Шенгавит II, Шрешблур, Мохраблур (Кюльтапа) в Армении; Караз (XV–XI) близ Эрзерума; Амиранисгора (горизонт I и могильник центрального участка), Хизанаантгора и Квацхелеби (горизонты Д₁, С₃, С₂ и частично С₁), Гудабертка, Озни, Кулбакеби, тквиавские курганы и другие в Грузии; Кюльтепе I (нижние горизонты куро-аракского слоя), Бабадервиш, Мингечаур и другие в Азербайджане; Геойтепе (К₁ и частично К₂) в Иране.

Следующий период (2700/2600–2400/2300 лет до н.э.) характеризуют поселения Шенгавит III, Элар, Гарни, Караз (XI–VII); Хизанаантгора, Квацхелеби (С₁), Кюльтепе I (верхние горизонты), Геойтепе (К₂ и К₃).

Наконец, к третьему периоду (2400/2300–2000 лет до н.э.) относятся: Шенгавит IV, Такаваронист, Коси-Чотер и Арагац (могильник); Караз (верхние горизонты); Амиранисгора (верхние горизонты), Хизанаантгора и Квацхелеби (горизонты В₃, В₂ и В₁), курганы в Сачхере, Триалети, Самгори и Бедени; Бабадервиш II (поздние материалы), курганы в Учтепе и у с. Тельман; Яниктепе (Иран).

Вопрос о локальных вариантах куро-аракской культуры также остается до сих пор не решенным, хотя для его изучения сделано немало (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 62–94; Мунчаев Р.М., 1975. С. 171, 172; и др.).

В настоящее время на основании изучения техники и форм домостроительства, особенностей керамики и ее орнаментации и некоторых других данных представляется возможным расчленить памятники куро-аракской культуры на несколько локальных – территориальных групп. Этот вопрос специально рассмотрен К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили. Они выделяют в ареале куро-аракской культуры следующие территориальные группы памятников: юго-западная, центральная, северо-западная, северо-восточная и юго-восточная (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 62–94). В целом разделение куро-аракских па-

мятников на отмеченные группы может быть принято сейчас с определенными дополнениями и уточнениями.

Наиболее известными памятниками в юго-западной группе являются поселения Амиранисгора (Ахалцихский р-н Грузии), Арич и другие в северо-западной Армении, Караз, Пулур и другие в Анатолии. Эти и другие поселения сближаются между собой по топографии и планировке, форме построек и технике строительства (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 62–68). Керамика этих памятников содержит сосуды с несколько отличной рельефной спиральной орнаментацией, иногда в виде лицевых изображений (табл. 1, 20; 2, 1, 2, 4–6).

Центральная группа включает памятники Араратской равнины. Самым известным среди них является Шенгавит – одно из наиболее крупных поселений куро-аракской культуры. В слоях II–IV** Шенгавита открыты остатки круглых жилых домов с примыкающими к ним прямоугольными постройками.

Остальные поселения в Араратской долине сравнительно небольших размеров. Они представляли собой телли-тепе (Шрешблур, Мохраблур, Норабац и др.). Некоторые же располагались на естественных холмах (Мецамор и др.) или на склонах гор (Арагац).

Архитектура на всех этих поселениях едина по форме и представлена круглыми в плане домами. Керамика характеризуется преимущественно чернолощеными сосудами, богато украшенными различными выпукло-вогнутыми изображениями, с одной стороны (Шрешблур, Мохраблур), и резным орнаментом (Шенгавит) – с другой (табл. 3).

Следует отметить, что с памятниками Араратской долины сближаются по архитектуре и керамике и некоторые другие поселения соседних районов (Гарни, Элар), а также бассейна оз. Ван.

Северо-западная группа объединяет памятники, находящиеся в Шида-Картлийской низменности, по левому берегу р. Куры. Они тянутся как бы цепочкой, на расстоянии 2–4 км друг от друга (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 72–77). Это поселения Хизанаантгора, Квацхелеби, Гудабертка и могильники Тквиавский и Урбнисский в районе г. Гори, а также Згурдис-Гверда, Кулбакеби и Кулохвом близ г. Цхинвали. Наиболее полно исследованы первые два памятника, причем на Хизанаантгора и Квацхелеби установлены четкая стратиграфия, а также соотношение соответствующих слоев того и другого поселения между собой (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962; Киквидзе Я.А., 1972). В этих двух поселениях представлена несколько иная форма архитектуры в виде главным образом прямоугольных, с округленными краями, и овальных домов (табл. 4). Круг-

* Точка зрения о том, что куро-аракская культура начала свое формирование в энеолите, а ее развитая стадия приходится на эпоху ранней бронзы, высказывалась среди специалистов и прежде (см., например: Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1976. С. 14).

** Слой I в Шенгавите относится к энеолиту.

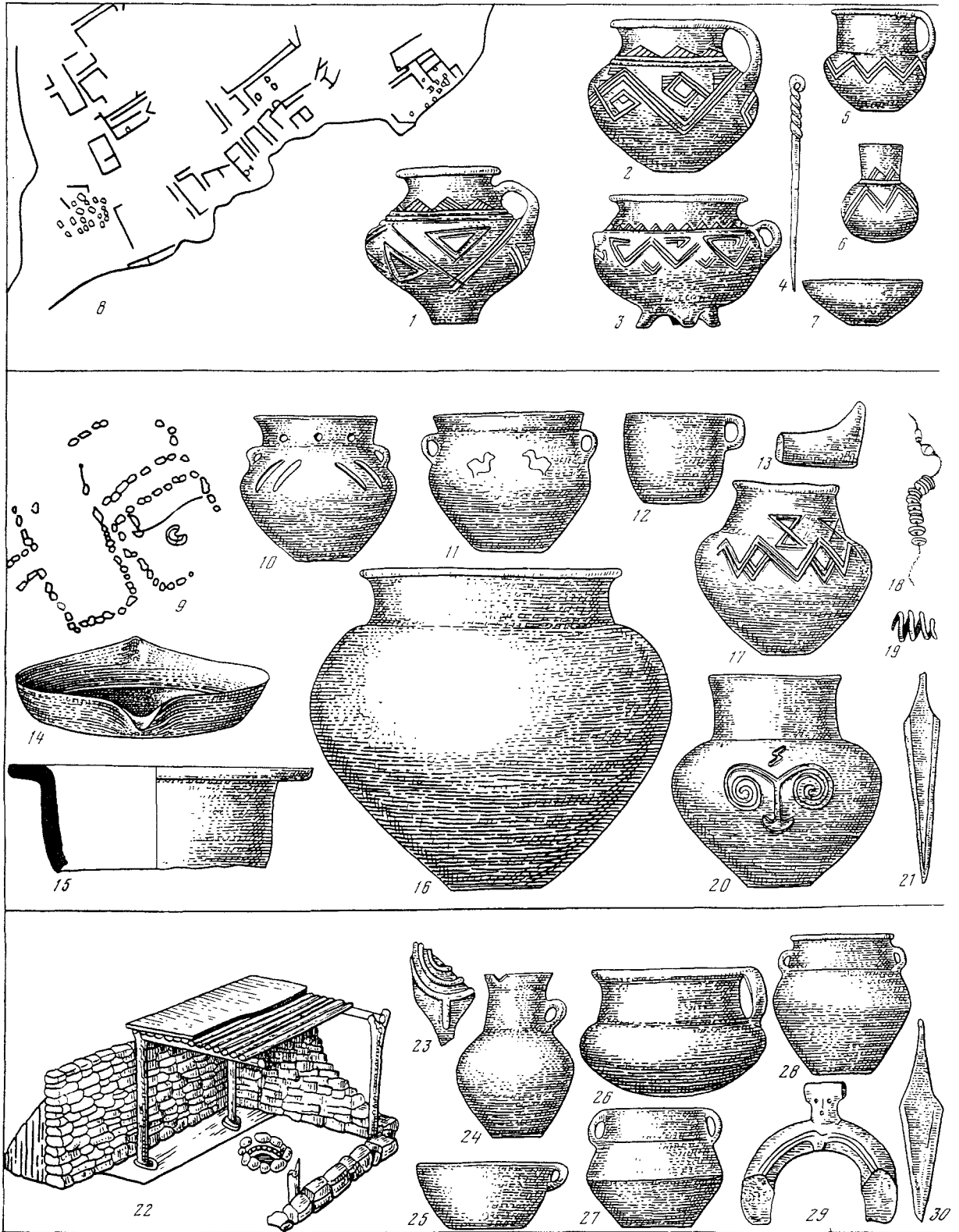

Таблица 1. Юго-западная группа памятников куро-аракской культуры. Поселение Амиранисгора

1-7 - материалы III строительного горизонта; 8 - общий план поселения; 9-21 - помещения и материалы II строительного

горизонта; 22-30 - материалы I строительного горизонта (по К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили)

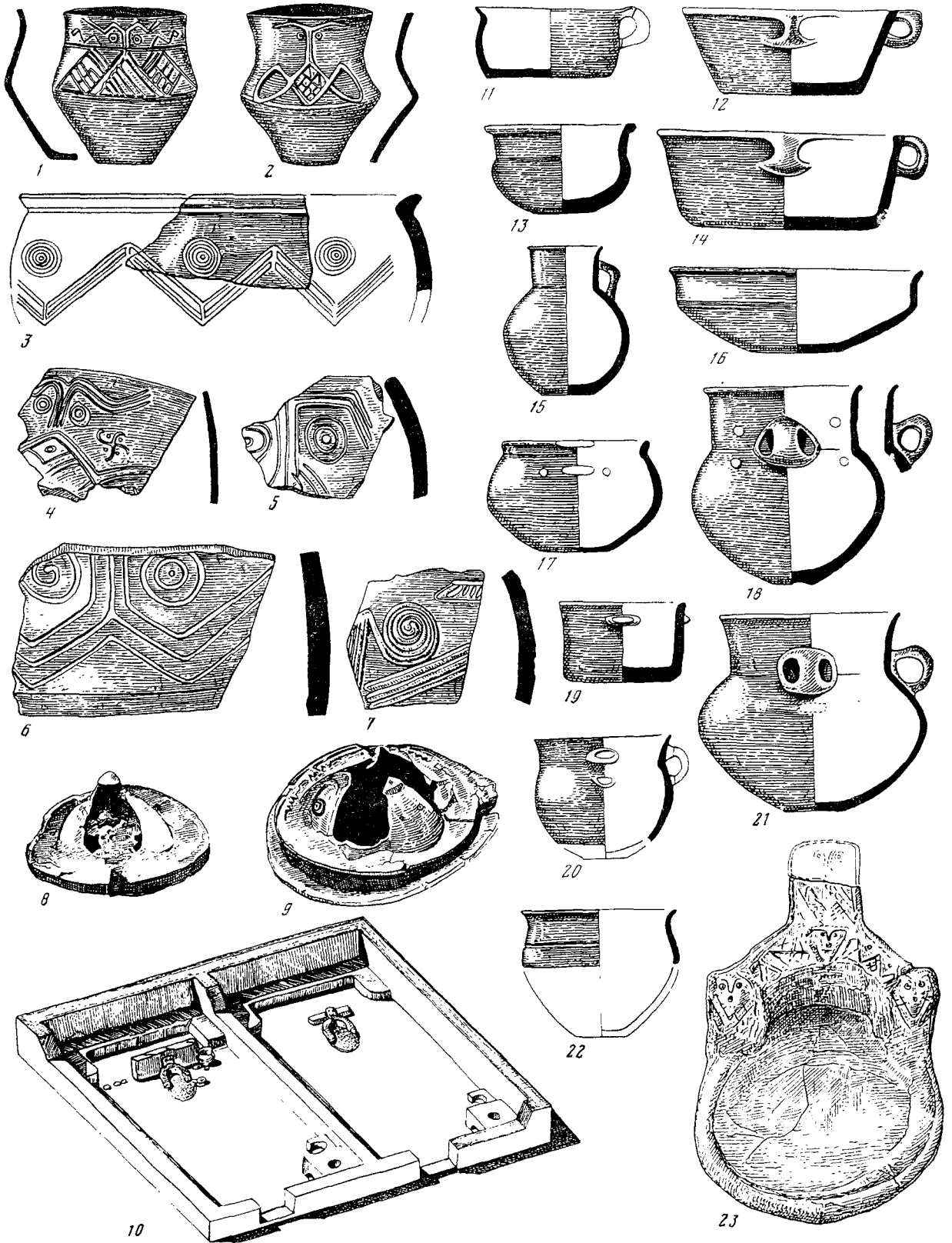

Таблица 2. Юго-западная группа памятников. Материалы из поселений Пулур, Караз и других в Восточной Анатолии

1-7, 11-22 – глиняные сосуды и их фрагменты; 8, 9 – глиняные очаги; 10 – алтари (Пулур); 23 – культовый очаг (Пулур)

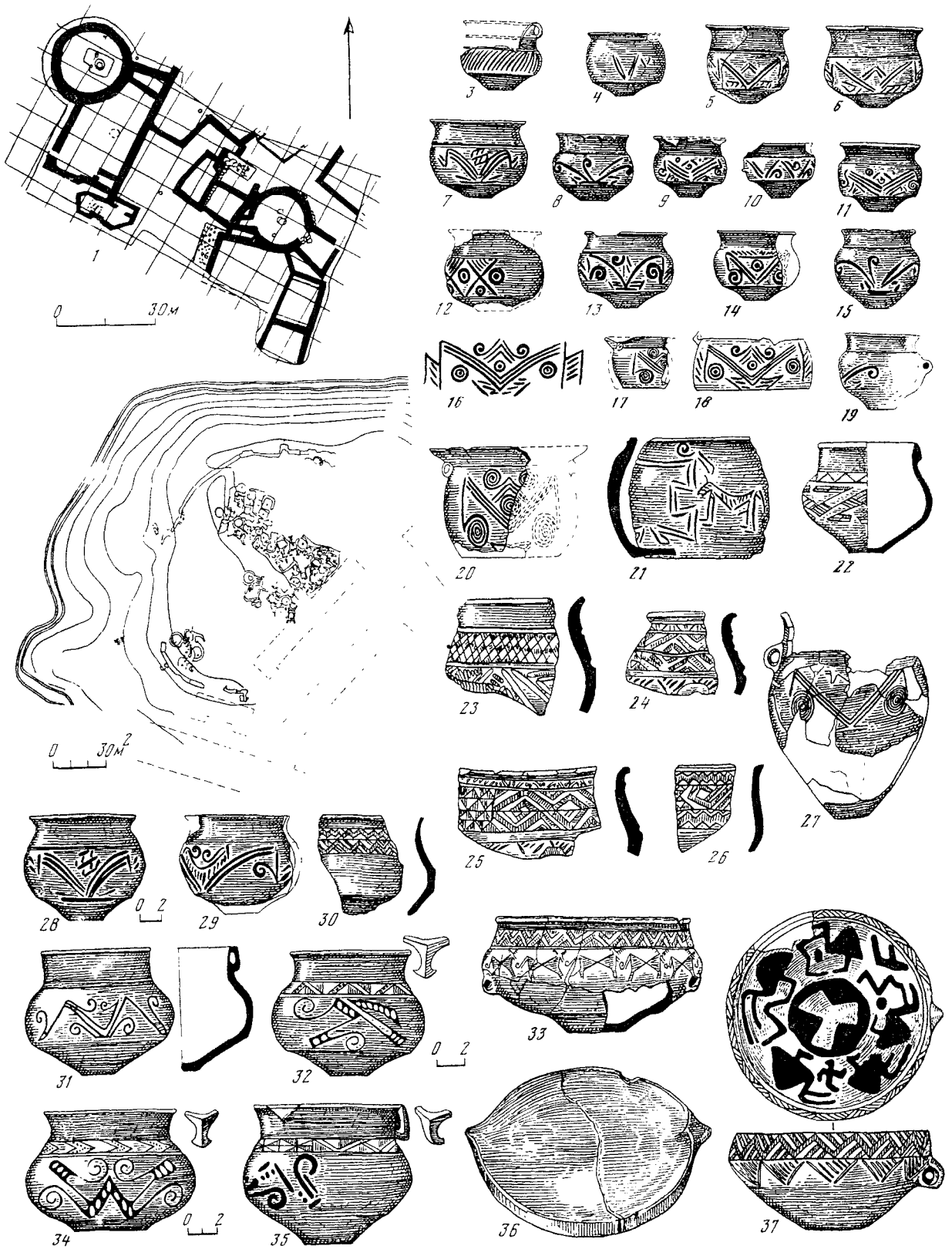

Таблица 3. Центральная группа памятников

1 – Шангавиг, план раскопа; 2 – план Шенгавитского поселения;
 3–37 – керамика из Шенгавита и других поселений Араратской долины

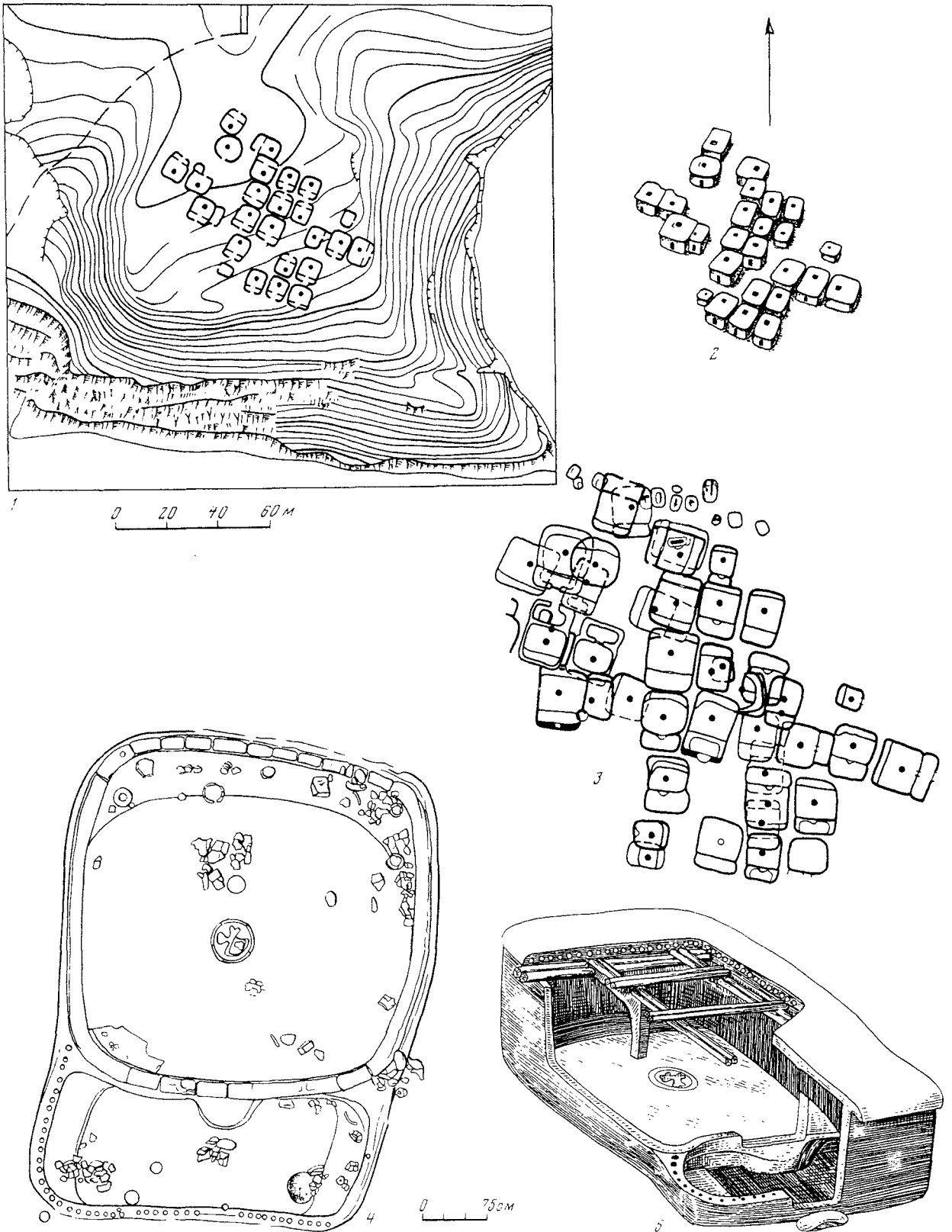

Таблица 4. Северо-западная группа. Поселение Квацхелеби

1 – план поселения с застройкой слоя С₁; 2 – слой С₁ (схематическая реконструкция); 3 – генеральный план селища; 4 – уровень С₁, план четвертого помещения; 5 – система перекрытия дома 4 (по А.И. Джавахишвили)

лые же постройки открыты только в одном горизонте Хизанаантгора. Своеобразны и формы керамики шида-картлийских поселений, почти лишённой орнаментации (табл. 5).

Северо-восточная группа выделяется не столь четко, как, например, шида-картлийская. В нее включены два заметно отличных друг от друга памятника – поселения Мингечаур (табл. 6) и Бабадервиш II (табл. 7)* (Купнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 77–85). Точнее было бы назвать эту группу западноазербайджанской и объединить в нее все известные памятники в пределах куро-аракского двуречья на территории Азербайджана, от Казахского района на севере до Физулинского на юге (Малый Кавказ). С определенной частью этой группы памятников оказываются связанными и поселения, исследованные в районе г. Тбилиси. В будущем, по всей вероятности, памятники этой территории удастся расчленить на несколько отдельных локально-хронологических групп, в одну из которых войдут Бабадервиш и поселения в смежных районах Грузии, в другую – Мингечаур, в третью – комплексы в Нагорном Карабахе и т.д. Из всех этих памятников особенно выделяется Мингечаурское поселение, расположенное в ущелье Боздаг, на правом берегу Куры, где представлены жилища полуземляночного типа (табл. 6, 1). Что же касается керамики, то она содержит типичные формы посуды, прямые аналоги которой имеются, например, в материалах таких памятников Грузии, как Дидубе, Кикети и др.

Юго-восточная группа включает памятники в Нахичевани на Араксе** и на смежной территории Северо-Западного Ирана (Купнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 85–95). Наиболее известным памятником в этой группе является Нахичеванский Кюльтепе I. Толщина слоя куро-аракской культуры достигала здесь более 8 м. В нем открыты круглые сырцовые постройки с примыкающими к ним иногда прямоугольными сооружениями (табл. 8).

Значительный интерес представляют и многослойные поселения в приурмийском районе – Геойтепе (слой К), Тепе Гиджлар и Яниктепе (Burton-Brown T., 1948; Burney C.A., 1961; 1962; 1964; Biscione R., Pescogella P.E., 1984). Вопрос о формах хозяйственно-бытовых сооружений на Геойтепе и Гиджлартепе неясен. А на Яниктепе в нижней части слоя эпохи ранней бронзы (I) открыты остатки круглых построек (табл. 9), в верхней (II) – прямоугольных.

С этой группой, возможно, надо связывать и памятники, находящиеся значительно южнее Урмии, в частности Годинтепе (слой IV). В этом поселе-

нии представлены исключительно прямоугольные сырцовые постройки, как в верхнем горизонте Яниктепе, а также близкие формы керамики.

Помимо отмеченных, в ареале куро-аракской культуры выявляются и другие группы памятников. В пределах Закавказья следовало бы отметить группы памятников, сконцентрированных, с одной стороны, в районе Тбилиси, где их известно уже не менее десяти (Абрамишвили Р.М., 1976. С. 24, 25), с другой – в Кахетии, в Иори-Алазанском бассейне, где обследовано свыше 40 поселений и могильников эпохи ранней бронзы (Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1976. С. 11, 22).

Пока нельзя четко очертить круг памятников Западной Грузии***, связанных с исследуемой культурой. То же самое следует сказать в отношении памятников юго-восточного Азербайджана и некоторых других районов Закавказья.

Вне Закавказья значительная группа памятников куро-аракской культуры представлена на Северо-Восточном Кавказе, прежде всего в Дагестане. Они открыты здесь на Прикаспийской равнине, в предгорьях и горных районах (Мунчаев Р.М., 1975. С. 172–190; Гаджиев М.Г., 1987. С. 24–38; 1991. Рис. 20). Широко известными ныне памятниками Дагестана рассматриваемой культуры являются Каякентские (Гемитюбе I и II), Великентское, Дербентское, Мамайкутанское, Мекегинское, Чиркейское, Галгалатлинское поселения и др. Дальнейшие исследования покажут, смыкаются ли с ними памятники, расположенные на смежной территории Азербайджана, в частности в Хачмасско-Кубинской зоне, или они представляют отдельный (Северо-Восточного Азербайджана) локальный вариант куро-аракской культуры. Пока же несомненно, что поселения и могильники Дагестана составляют ярко выраженную локальную группу памятников данной культурно-исторической общности. Для них типичны круглоплановая архитектура, многие характерные формы куро-аракской керамики и своеобразная посуда с грубообмазанной поверхностью, отсутствующая в комплексах Закавказья, Ирана и Анатолии (табл. 10).

Большого интереса заслуживают памятники эпохи ранней бронзы, известные на территории со-

*** Группа памятников раннебронзового века исследована в бассейнах Риони и Квирили и их притоков. Причем если верхние горизонты некоторых пещерных стоянок (Самелекде, Даркветский навес, Самерцхле-кде и др.) относятся к его древнейшей фазе, то поселение на холме Дабла Гоми и особенно Сачхерский могильник характеризуют заключительный этап ранней бронзы в данном регионе.

В западногрузинских памятниках представлены элементы как майкопской, так и куро-аракской культуры (Джaparидзе О.М., 1961; Глonti Л.И., Джавахишвили А.И. и др., 1968; Пхакадзе Г.Г., 1987; и др.). Но в целом, например Риони-Квирильский регион, безусловно, тяготеет к куро-араксу. Здесь открыты круглые в плане постройки и обнаружены характерные образцы коричнево-чернолощеной керамики. Что же касается территории Абхазии, то там в эпоху ранней бронзы бытовала очамчирская культура.

* Бабадервиш I относится к эпохе энеолита.

** В настоящее время на территории Нахичевани известно более десяти памятников куро-аракской культуры, в том числе Кюльтепе I и II, Махта I и II, Овчулартепеси, Халадж, Шорттепе и др. (Ашуров С.Г., 1992. С. 8–12).

Таблица 5. Северо-западная группа. Керамика из поселений Квацхелеби и Хизанаантгора (1-22)

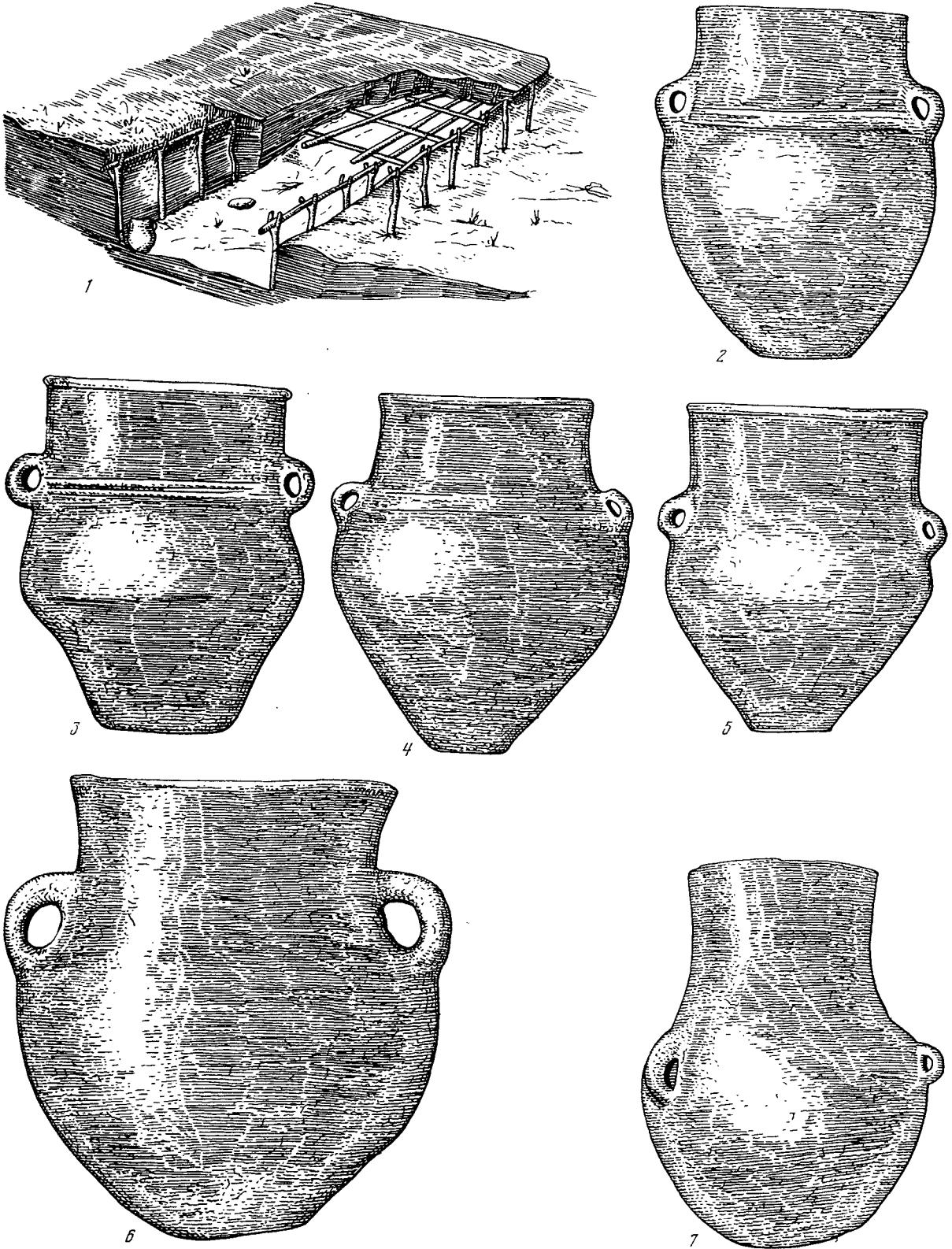

Таблица 6. Северо-восточная группа

1 – реконструкция жилища в Мингечауре; глиняные сосуды из Мингечаурского поселения (2–5), Дидубе (6) и Кикетского могильника (7)

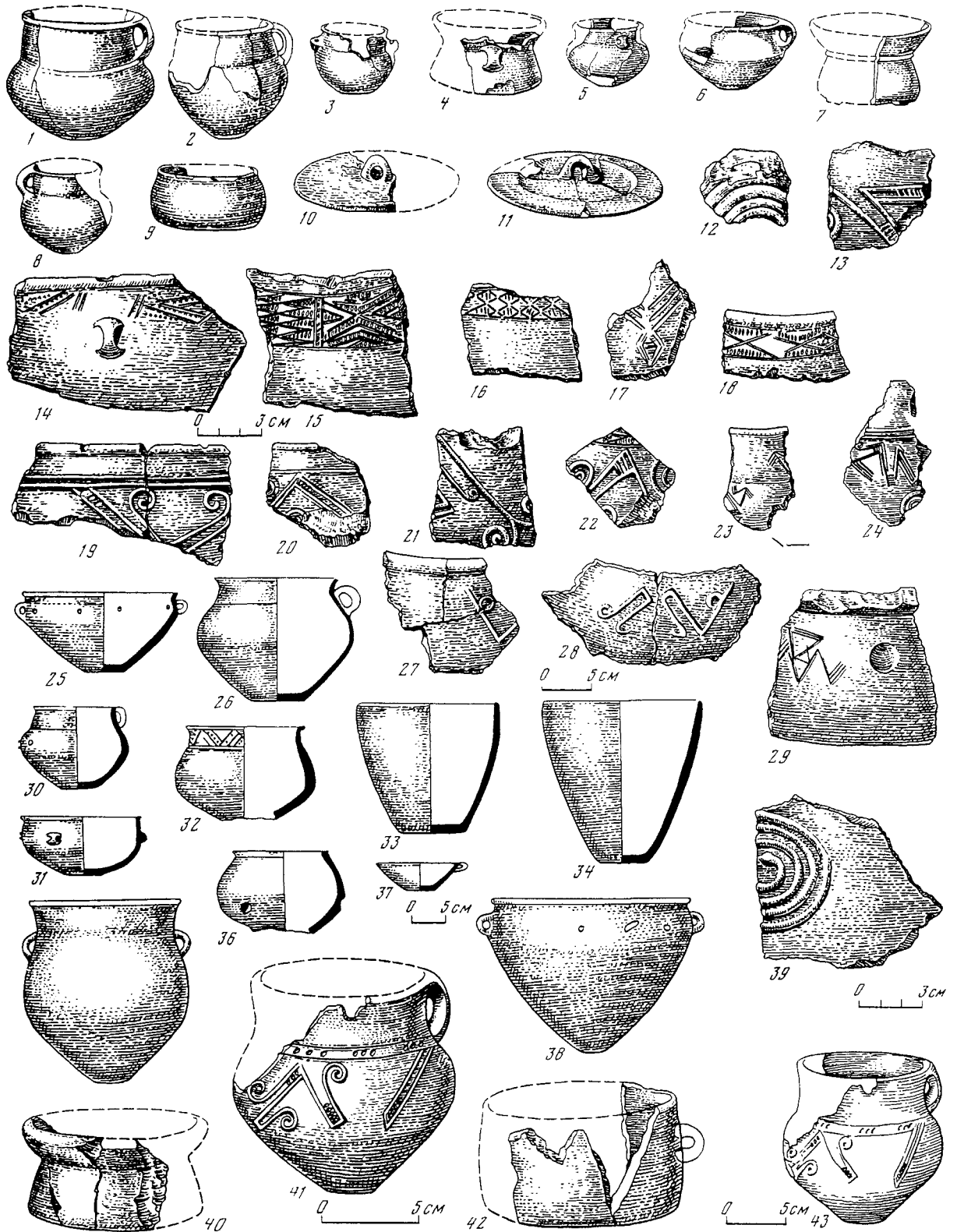

Таблица 7. Северо-восточная группа памятников куро-аракской культуры. Керамика из поселения Баба-дервиш II (1-43)

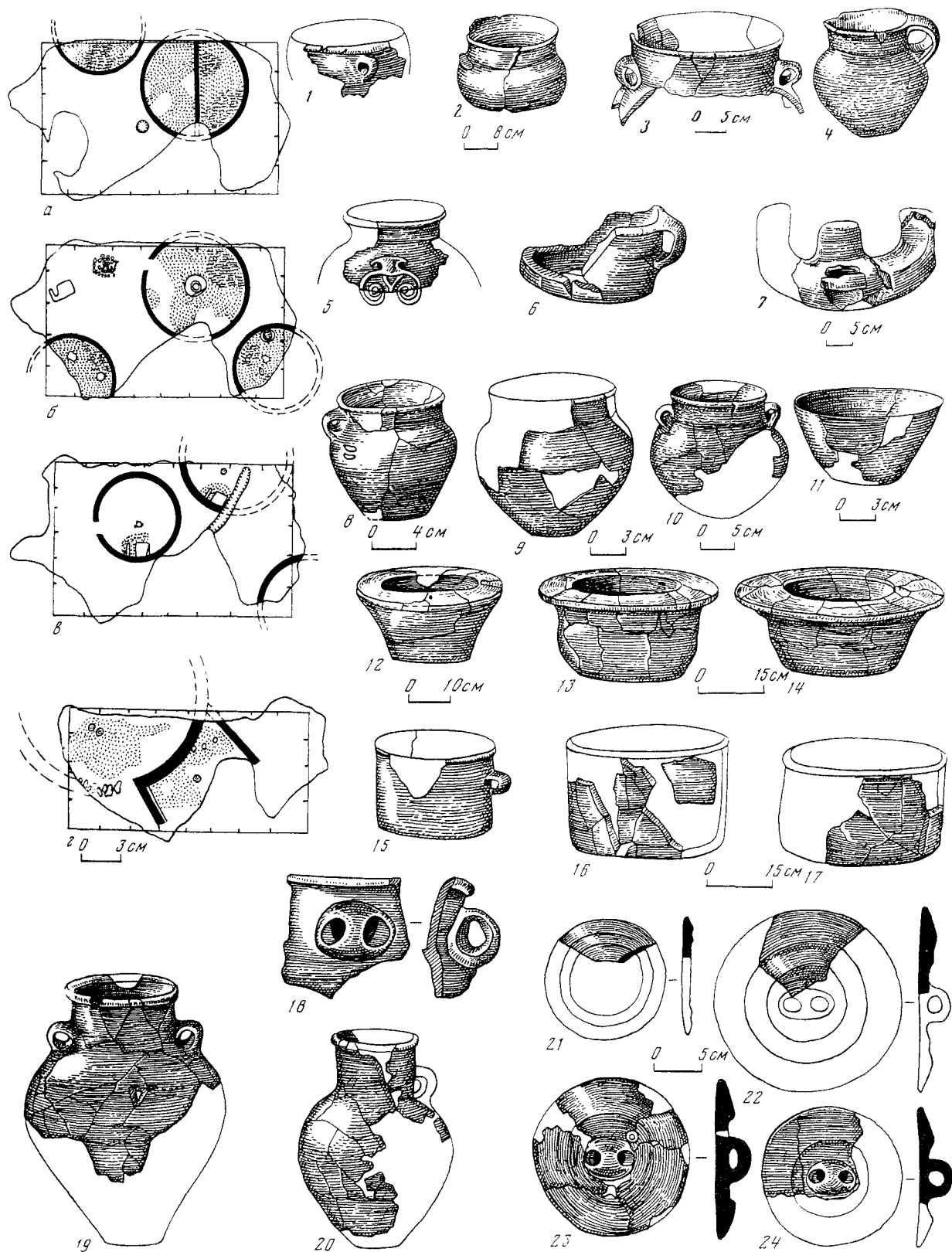

Таблица 8. Юго-восточная группа. Нахичеванский Кюльтепе I

a-г – планы раскопок с остатками открытых в них построек;
1-6, 8-11, 15-20 – глиняные сосуды в обломках; 7 – часть

глиняной очажной подставки; 12-14 – глиняные мангалы;
21-24 – крышки сосудов

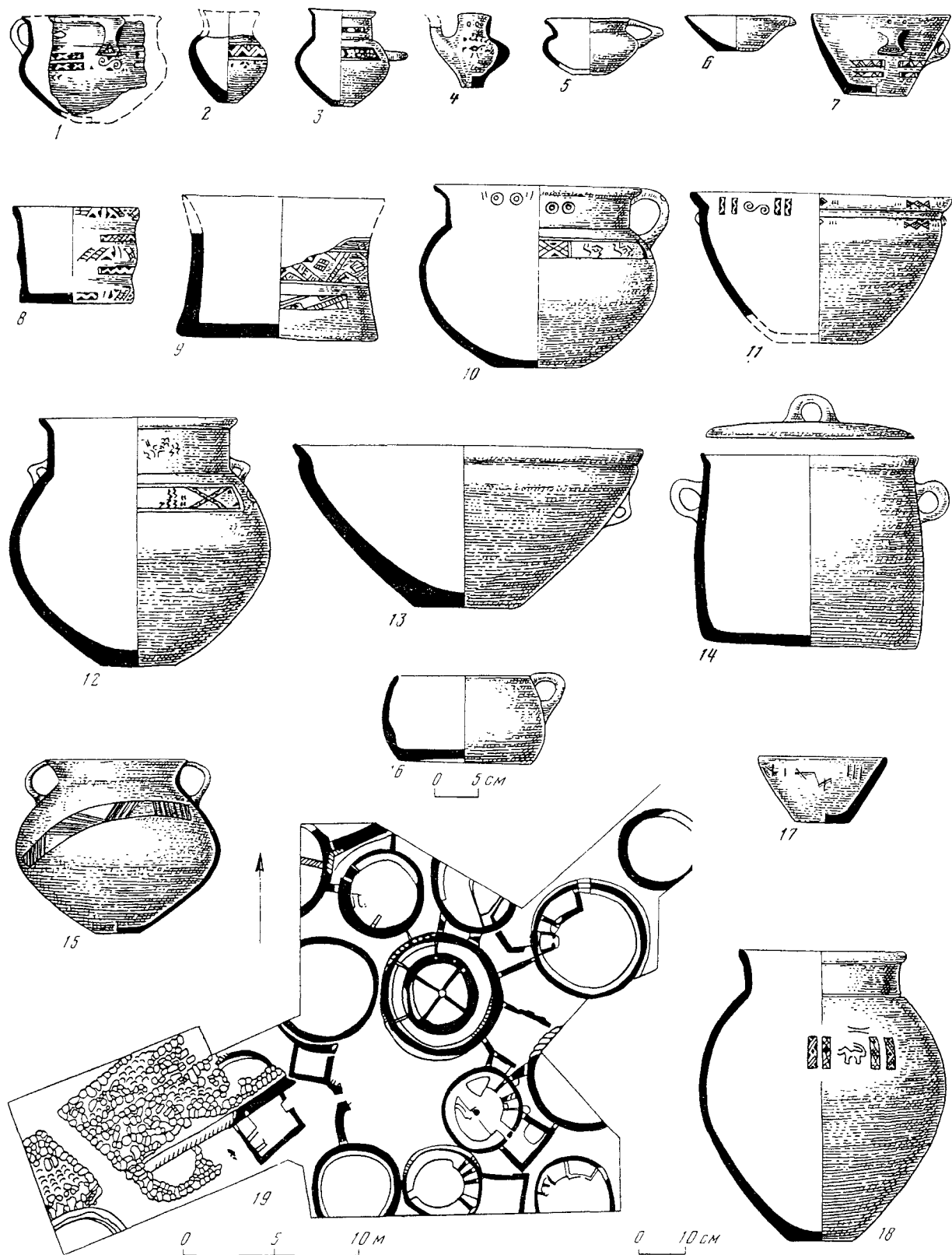

Таблица 9. Юго-восточная группа. Поселение Яниктепе

1-18 - керамика; 19 - план помещений (по К.Х. Кушнаревой и Т.Н. Чубинишвили)

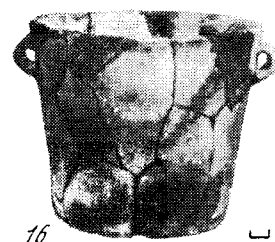
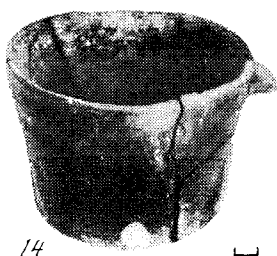
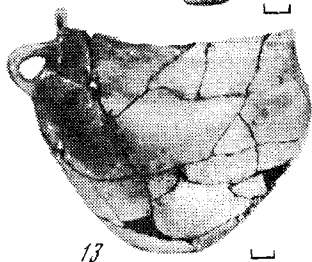
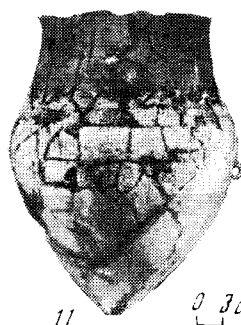
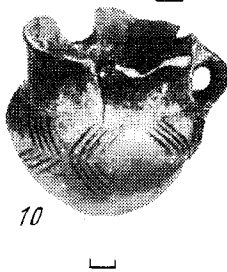
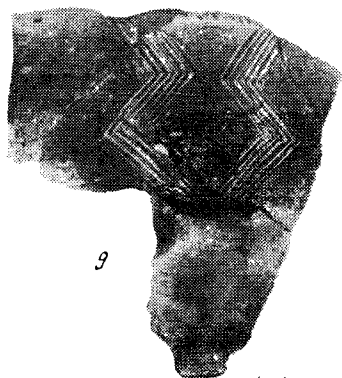
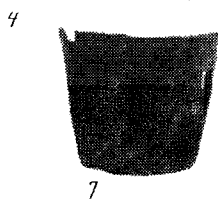
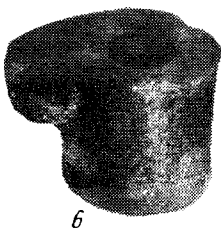
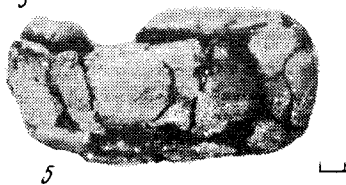
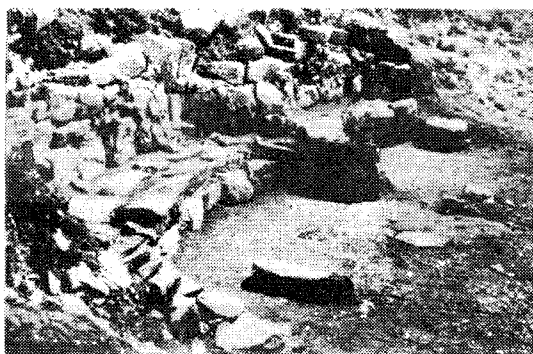
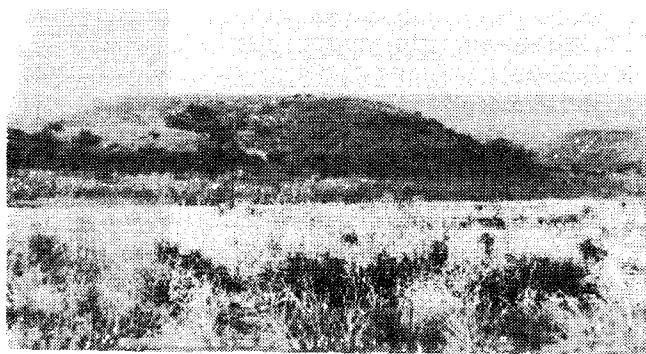

Таблица 10. Дагестанская группа памятников

1 – поселение в Великенте; 2–4 – остатки круглых каменных домов на Чиркейском поселении (3, 4) и поселении Галгалатли

(2); 5 – глиняная форма для отливки топора (Галгалатли); 6 – очажная подставка, 7–16 – керамика (Галгалатли)

седней Чечено-Ингушетии (Мунчаев Р.М., 1975. С. 336–366). В ее восточной части (Чечне), судя по поселениям у с. Серженьюрт, была представлена особая группа памятников куро-аракской культуры. В западных же районах края (Ингушетии) мы имеем, с одной стороны, типичные памятники майкопской культуры (в предгорных равнинах), подобно Бамутскому могильнику (Мунчаев Р.М., 1975. С. 286–307), а с другой – синкретические (майкопско-куро-аракские) комплексы, как, например, Луговое поселение в горном ущелье (Мунчаев Р.М., 1961; 1975). В горах Северной Осетии также открыты комплексы, связанные с куро-аракской культурой, в то время как в предгорных долинах известны майкопские памятники. Территорию Ингушетии и Северной Осетии, следовательно, надо рассматривать как область стыка двух основных культур раннебронзового века Кавказа, чем и объясняется специфика представленных на данной территории памятников III тысячелетия до н.э. Но таковой эта территория стала не сразу, а на определенных этапах развития той и другой культуры, в процессе распространения майкопской культуры на юго-восток, а куро-аракской на север и северо-восток.

Таким образом, в обширном ареале куро-аракской культуры мы наблюдаем локальные (территориальные) группы памятников, каждая из которых отличается определенным своеобразием, проявляющимся или в архитектуре, или в керамике, или в том и другом вместе. Несомненно, многие из них, в частности юго-западная, араратская, шида-картлийская, приурмийская и дагестанская, характеризуют локальные (территориально и хронологически) варианты рассматриваемой культуры.

Характеристика поселений куро-аракской культуры.

Вопросы топографии и планировки.

Формы архитектуры и строительное дело

В эпоху ранней бронзы оказались освоенными почти все районы, входящие в ареал куро-аракской культуры. Поселения этой культуры известны ныне во всех геоклиматических зонах Закавказья и смежных областей.

В низменных районах поселения представляли собой иногда искусственные холмы (тепе или телли). Они открыты на территории Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Восточной Анатолии и Ирана. Поселениями этого типа являются, например, Нахичеванский Кюльтепе I, Мохраблур и др. Наиболее часты, пожалуй, поселения на естественных холмах, причем иногда одно поселение располагалось на нескольких холмах. Они представлены в низменных и предгорных районах. Изуче-

на, например, топография поселений в северо-восточной части Азербайджана. Они располагались в низменной прибрежной полосе длиной 70 км с интервалами в 3,5–16,5 км и занимали высоты от 20 до 370 м над уровнем моря. От современного берега Каспия поселения удалены на 6,5–27 км (Ахундов Т.И., 1987. С. 11).

В горных же областях поселения устраивались на высоких террасах или склонах гор. Одним из выразительных памятников этого типа является поселение площадью около 3 га на южном склоне Амиранисгора, в 2,5 км от Ахалцихе. Оно располагалось примерно на десяти искусственно вырубленных террасах длиной до 25 м и шириной 7–10 м, спускавшихся к подножию горы (Чубинишвили Т.Н., 1963. С. 94; Джавахишвили А.И., 1973. С. 151). На поселении был устроен и могильник.

На южном террасированном склоне горы Каркнали находилось также поселение Самшвилде (Мицхулава Г.И., 1975. С. 70). Искусственные террасы с остатками построек на них зафиксированы и в Дарани (Ханзадян Э.В., 1979. С. 153). Близки к ним по топографии, а также по архитектуре поселения Озни (Куфтин Б.А., 1948. С. 26), Тетрицкаро (Гобеджишвили Г.Ф., 1978) и другие в Грузии; Арич, Кети, Карнут и другие в Армении (Хачатрян Т.С., 1975. С. 34–42); Тигнис, Пулур, Караз и Геленджиктепе в Восточной Анатолии; Чиркейское, Галгалатлинское и другие в Дагестане.

Характерным для поселений является то, что они расположены у рек или поблизости от них, на участках, благоприятных для развития земледелия и скотоводства. Рельеф местности учитывался и с точки зрения защиты поселения. В тех же случаях, когда поселение оказывалось естественно недостаточно защищенным, сооружали специальные укрепления. На ряде поселений выявлены оборонительные стены (каменные – в Шенгавите, Муханнаттапе, Эларе, Шрешблуре, Гарни и др., сырцовая – в Гудабертке и Гейотепе). Впечатляют крепостные сооружения Шенгавита, ограждавшие поселение на берегу Раздана с трех сторон (табл. 3, 2). Стены шириной 4 м, сложенные из каменных блоков, имели башни и подземный выход к реке (Сардарян С.А., 1967. С. 293). Массивными стенами отличаются оборонительные сооружения поселений в Шираке (Хачатрян Т.С., 1975. С. 34–39) и других областях Закавказья.

В данной связи следует сказать о том, что ряд циклопических крепостей, известных в Закавказье, был сооружен в эпоху ранней бронзы. Отметим для примера два таких памятника, обследованных на правом берегу р. Дебед в Ноемберянском районе Армении. Это крепость Шаглама II, построенная на скальном выступе площадью около 1,5 га. Западные склоны его были укреплены каменной стеной шириной 3,5 м. Другая крепость – Шаглама III площадью 6,6 га расположена на возвышенности с тремя крутыми склонами. Керамика то-

го и другого памятника близка сосудам из поселений Араратской равнины (Есаян С.А., 1976. С. 21–31).

В отдельных случаях поселения располагались компактными группами на сравнительно небольшой территории – ряд небольших поселений вокруг одного крупного. Такие группы зафиксированы на Араратской равнине; например, пять поселений-спутников на расстоянии 1–2 км друг от друга близ крепости Дарани, семь поселений близ Аревика, шесть между Джраовитом и Эчмиадзином (Ханзадян Э.В., 1985. С. 10). Другой пример – в пределах территории Элара выявлены крупные и малые поселения, имевшие, как полагают, одно погребальное поле (Ханзадян Э.В., 1979. С. 153). Аналогичная картина наблюдается и в районе Тбилиси (Тбилиси, 1978. С. 14). Вполне вероятно, что имела место определенная иерархия поселений.

Большинство поселений отличалось небольшими размерами, в среднем около 1,5–2 га. Но отдельные поселения были значительны по площади. Шенгавитское поселение, например, занимало 6 га, Аричское – свыше 10 га. Довольно крупными были и такие поселения, как Амиранисгора, Гудабертка, Нахичеванский Кюльтепе I, Караз и др. (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 97).

Мощность культурного слоя поселений достигала от 2 до 8 м и более. В них зафиксировано по несколько строительных ярусов: в Квацхелеби открыто шесть таких ярусов, в Хизанаантгора – девять, в Нахичеванском Кюльтепе I – 14, Джраовите – 12 и т.д. В единичных случаях известны и сезонные временные стоянки, например в пещерах Сагварджиле, Цона (Грузия), Шау-Легет (Северная Осетия) и Чирката (Дагестан).

Не вполне ясным остается вопрос планировки куро-аракских поселений. Дело в том, что планов поселений известно очень мало, менее десяти. За редким исключением они опубликованы весьма схематично (Джавахишвили А.И., 1973. С. 112, 113). По сути дела, мы знаем сейчас полностью лишь план одного поселения – Квацхелеби (слой С₁). Рассмотрим его.

Здесь было выявлено 25 домов, расположенных более или менее правильными рядами как с северо-востока на юго-запад, так и с юго-востока на северо-запад (табл. 4, 1–3); прослежены шесть рядов как в одном, так и в другом направлении (Джавахишвили А.И., 1973. С. 114, 115). Дома расположены близко друг к другу и образуют как бы несколько групп вокруг проходов и небольших площадок. Наиболее просторная площадь находилась в северо-западной части поселения и была замкнута семью домами. Особенность планировки поселения заключается также в ориентации домов в основном на северо-восток или юго-запад (Джавахишвили А.И., 1973. С. 116). В северо-западной, наиболее возвышенной части поселения на свободной площади находилась постройка, имевшая культовое значение (Джавахишвили А.И., 1973. С. 118).

Несколько иным был принцип планировки Амиранисгора и других аналогичных поселений, обусловленный рельефом местности – склонами гор, на которых они располагались. На Амиранисгора, в частности, были вырублены террасы, на которых рядами, плотно друг к другу были поставлены отдельные дома, ориентированные в определенном направлении (табл. 1, 8). В центре поселения оказалась свободная площадь, служившая “либо для содержания скота, либо для каких-то общих сборищ” (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 97, 98). На вершине горы находилось святилище. Другое поселение (как, например, в Ариче) занимало три террасы, разделенные массивными каменными стенами (Хачатрян Т.С., 1975. С. 34). Близки к ним по топографии и поселения горного Дагестана: например, Чиркейское, находившееся на левом берегу Сулака, на останце древней террасы с высокими и крутыми склонами. Здесь вскрыты остатки 20 каменных домов, расположенные тремя ступенчато возвышающимися друг над другом рядами на врезанных в склон искусственных террасах (Гаджиев М.Г., 1987. С. 29; 1989. С. 26, 29). Так же стояли дома в поселении Галгалатли.

К сожалению, остается неясной планировка такого крупного и интересного поселения, как Шенгавит. Для него, как и остальных куро-аракских поселений, характерна плотная застройка (табл. 3, 2). Предполагается, что здесь постройки располагались гнездами: вокруг круглого дома лепились хозяйственные пристройки – до 10–12 (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 97). Высказана и совершенно иная точка зрения: Шенгавитское поселение характеризуется агломеративной застройкой прямоугольными многокомнатными домами, в которые включены круглоплановые помещения культового назначения (Джавахишвили А.И., 1973. С. 183).

Поселения куро-аракской культуры отличались в целом плотной, компактной застройкой, с определенными архитектурно-планировочными принципами. На отдельных участках поселений имелись небольшие площади, свободные от построек, использовавшиеся как дворы, места для загона скота и т.п. Есть основания полагать, что на некоторых поселениях были сооружены общественные зернохранилища. В частности, таковым может рассматриваться скопление крупных, расширяющихся к основанию ям с тщательно обмазанными стенками и с общим перекрытием, открытое в Гудабертке. Скопления таких же крупных ям диаметром в основании до 2,5 м выявлены и в других поселениях (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 99). Представляется несомненным наличие на многих поселениях культовых сооружений. В одних случаях они были устроены за пределами жилой застройки, а в других, – вероятно, в центральной части поселка, как, например, в Мохраблуре (Арешян Г.Е., Кафадарян К.К., 1973. С. 443).

По всей вероятности, на тех поселениях, где было налажено керамическое производство, гончарные мастерские были вынесены на окраину или даже за пределы поселка. На это, в частности, убедительно указывают остатки такой мастерской, раскопанные в Великенте. Она находилась не в самом поселении, а рядом с ним, на отдельном холмике (Котович В.Г., 1959. С. 123, 124; Мунчаев Р.М., 1975. С. 369–371; Белоглазова Т.А., 1981. С. 36–48).

Жилая архитектура на поселениях куро-аракской культуры представлена домами нескольких типов. Наиболее распространенными из них являются, несомненно, однокомнатные, круглые в плане дома с конической крышей или куполовидным, а иногда и плоским перекрытием. Такие дома открыты в поселениях на территории Азербайджана, Армении, Грузии, Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Ирана. В Армении, например, они представлены почти на всех поселениях (Шенгавит, Элар, Коси-Чотер, Гарни, Джраовит и др.), так же как в Дагестане (Гемитюбе II, Черкейское, Галгалатлинское и др.). На разных строительных уровнях Нахичеванского Кюльтепе I вскрыты остатки 28 круглых построек, в центре почти каждого из которых имелись мангал, врытый в пол, или прямоугольная глиняная печь у стены. Самая маленькая из этих построек – диаметром 3,5 м, наибольшая – 13 м. Преобладают постройки диаметром от 5,2 до 6,4 м (Абибуллаев О.А., 1965. С. 41–62; Джавахишвили А.И., 1973. С. 186). В Шенгавите диаметр круглых сооружений достигает 6–7–7,5 м. Таковы же примерно размеры толосовидных построек и в остальных куро-аракских поселениях. Следовательно, площадь их составляла от 22–25 до 40–44 кв.м.

Отмечены случаи, когда круглая постройка была разделена на две неравные половины, меньшая из которых служила, видимо, кладовой (Абибуллаев О.А., 1965. Рис. 7, 9, 13, 14). В других случаях внутри жилища по всей окружности к стене примыкала глиняная площадка высотой и шириной 0,5 м (Ханзадян Э.В., 1969. С. 168). На ряде поселений (Нахичеванский Кюльтепе I, Шенгавит, Гарни, Джраовит, Самшвилде, Чиркей и др.) к круглым домам были пристроены прямоугольные хозяйственные помещения обычно небольших размеров – от 9 до 20 кв.м (табл. 3, 1; 8, 28).

Круглые дома строились из глинобита и чаще из сырцовых кирпичей прямоугольной формы на фундаменте, сложенном из камней в несколько рядов (Шенгавит, Нахичеванский Кюльтепе I и др.). На поселениях же, расположенных на предгорной и особенно на горной полосе (Элар в Армении, Галгалатли в Дагестане), круглоплановые постройки сооружались, как правило, из камня (Ханзадян Э.В., 1979. М. 151; Мунчаев Р.М., 1975. С. 175; Гаджиев М.Г., 1989. Рис. 2–6). Стены их из двух-трех рядов камней, связанных глиняной обмазкой, были довольно массивны (табл. 10, 2–4). В Шенгавите, по всей видимости, строили иногда дома, со-

четающие каменную и сырцовую кладку, а в Нахичеванском Кюльтепе I кладка стен некоторых жилищ была фигурной, как и у зернохранилища, раскопанного в Яниктепе. Размеры сырцовых кирпичей 20 × 29 × 10 см и 29 × 40 × 40 см (Шенгавит), 40–42 × 18–22 × 10–12 см (Нахичеванский Кюльтепе I), 30 × 35 × 12 см (Караз) и т.д. (Джавахишвили А.И., 1973. С. 170; Абибуллаев О.А., 1965. С. 40, 41; и др.). Полы в домах были обычно глинобитные, иногда обожженные или, как в Гаракепектепе, окрашенные в красный цвет (Исмаилов Г.С., 1972. С. 480). Отмечены случаи, когда пол был вымощен щебнем и обмазан глиной (Ханзадян Э.В., 1969. С. 167, 168).

Круглоплановая архитектура нетипична для поселений юго-западной части ареала куро-аракской культуры и Шида Картли. Как отмечалось, в поселениях Амиранисгора и Караз наблюдается совершенно иная форма архитектуры – в виде каменных прямоугольных построек с плоской глиняной крышей. В Амиранисгора, например, жилища представляли однокомнатные (высотой около 2,5 м) удлиненные помещения площадью до 20 кв.м. Отдельные же постройки были значительны по размерам – до 54 кв.м. В центре жилища находились очаг, врытый в пол, или печь. Очаги были разного типа. В некоторых домах около задних стен зафиксированы глинобитные возвышенные площадки длиной около 2 м, шириной 0,5–0,6 м, высотой 0,4–0,5 м. К домам примыкали длинные и узкие помещения, предназначавшиеся, как полагают, для скота (Чубинишвили Т.Н., 1965. Табл. XII–XIV; Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 64–66; Джавахишвили А.И., 1973. С. 152–160).

Целиком прямоугольную архитектуру содержат и поселения северо-западной Армении (Хачатрян Т.С., 1975. С. 34–39), а также поселение Годинтепе IV в Иране. Что же касается других регионов куро-аракской культуры, то прямоугольные постройки раскопаны в немалом количестве в Шенгавите, причем отдельные из них размером до 100 кв.м. Здесь наряду с ними представлены, как и в некоторых других поселениях, круглые здания. Неясны, однако, их соотношения между собой и были ли те и другие жилыми постройками или же одни из них использовались для хозяйственных или культовых целей. Учитывая тот факт, что на поселениях Араратской долины круглые дома являлись господствующей и во многих случаях единственной формой архитектуры, представляется возможным утверждать, что и в Шенгавите таковые были основным типом жилища.

Отличны по форме, конструкции и строительным приемам дома в шида-картлийских поселениях. Четкое представление о них дает поселение Квацхелеби. Дома здесь были четырехугольные в плане, немного вытянутые по продольной оси, с округленными углами, площадью от 30 до 60 кв.м (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. С. 61; Табл. VI–XI, XIV–XXIII; Глonti Л.И., 1970; С. 8, 9;

Джавахишвили А.И., 1973. С. 113–130). Они состояли из двух помещений – жилой комнаты почти квадратной формы и отделенной от нее стеной передней, вытянутой вдоль фасада (табл. 4, 4, 5). Входная дверь помещалась посередине фасадной стены, а напротив нее находилась дверь, соединявшая переднюю с комнатой. Перед дверью иногда были глинобитные ступеньки. Вдоль задней стены комнаты, а иногда и вдоль задней и боковых стен передней находились низкие площадки (высотой 10–15 см, шириной 50–80 см). В центре комнаты в полу был устроен круглый глиняный очаг, за ним, в глубокой яме, обложенной камнями, стоял четырехгранный столб, поддерживающий балочную конструкцию перекрытия. Дома имели плоскую глиняную крышу со свето-дымовым отверстием. Предполагается, что они, как и дома в других поселениях, могли иметь двухчастные узкие окна (Джавахишвили А.И., 1973. С. 122).

Дома сооружали на выровненной площадке, без фундамента. Стены построек возводились из сложенного в один ряд сырцового кирпича стандартного размера (43 × 17 × 11 см) или из глинобита, армированного плетеным каркасом; их толщина достигала 30–40 см. Они были положены на тонком глиняном растворе и покрыты глиняной обмазкой толщиной 2,5 см. (Отметим, кстати, что на поселении Гудабертка в Шида Картли имеется и архаическая настенная роспись в виде фриза.) Тщательно были обмазаны полы, иногда тончайшим слоем золы. При подготовке делались галечные настилы под площадки, лепились ступеньки и центральный очаг, закладывались у дверей прилощечные камни (Джавахишвили А.И., 1973. С. 120–121).

Подобная архитектура была характерна для поселений Шида Картли на длительном этапе развития здесь культуры раннебронзового века. Остатки аналогичных домов с таким же взаиморасположением и ориентацией открыты и в слоях В и С поселения Хизанаантгора. Но более ранний слой (Д) на этом поселении, синхронный которому отсутствует в Квацхелеби, свидетельствует, что здесь им предшествовали круглые в плане дома с центральным очагом и столбом. Стены и пол их были залощены и окрашены в красный цвет (Киквидзе Я.А., 1972. С. 94).

Таким образом, в шида-картлийской низменности наблюдается трансформация одних форм домостроительства в другие, близких друг к другу по ряду признаков и, по всей вероятности, генетически связанных между собой.

Охарактеризуем, наконец, жилища Мингечаурского поселения. Они представляли собой большие вытянутые дома полуземляночного типа длиной от 8 до 14 м и шириной от 4 до 8 м, т.е. площадью от 30 до 110 кв. м (Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. С. 23–25). Отдельные из них были разделены перегородками на три части. В домах открыты ряды очажных ям (до 5–6). Нижняя часть

жилищ углублена в землю. Стены поддерживались с помощью столбов, укрепленных вдоль продольных стен жилища (табл. 6, 1). Они были возведены, по-видимому, из камышового или жердяного плетения и покрыты толстым слоем глиняной обмазки, так же как и плоская крыша (Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. С. 25). Пол был вымощен мелкой галькой (иногда вместе с ракушками и обломками керамики) и подмазан глиной.

Жилища, подобные мингечаурским, в других поселениях куро-аракской культуры неизвестны. По планировке (прямоугольные, с округленными углами) и некоторым другим особенностям их можно было бы сблизить с домами Квацхелеби, но последние, конечно же, представляли более высокую ступень домостроительства. На то, что в эпоху ранней бронзы в отдельных районах Кавказа продолжали сооружать жилища столь архаического типа, указывает открытие округлых в плане жилищ полуземляночного типа в поселениях Гемитюбе I и II и на дербентском холме в Дагестане. Они достигали в диаметре от 2,4–2,6 до 4 м и были заглублены в материк на 0,4–0,6 м (Гаджиев М.Г., 1980а. С. 101; 1989. С. 33; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. С. 8).

Проведенный обзор показывает наличие определенной системы в топографии поселений куро-аракской культуры и архитектурно-планировочных принципов. Для большинства поселений характерна круглоплановая архитектура. Толосовидные постройки являлись основным типом домостроительства на Араратской равнине, в приумрийском районе, в Дагестане, некоторых регионах Азербайджана и Грузии. Но были области, для поселений которых характерны прямоугольная архитектура или дома, подобные квацхелебским. Вместе с тем на ряде поселений наблюдается сочетание круглых и прямоугольных построек, причем нередко последние выступают как подсобные сооружения, пристроенные к основным (жилым) – круглым постройкам.

Изучение древнейшей архитектуры в Закавказье и смежных областях показывает, что круглоплановое домостроительство прекращается здесь после эпохи ранней бронзы. На ряде поселений куро-аракской культуры можно наблюдать, как круглые дома (в нижних горизонтах) заменяются четырехугольными (в верхних слоях). Особенно четко это прослеживается в Хизанаантгора (Шида Картли) и в бассейне Урмии. Возможно, такая же картина развития архитектуры имела место в Мохраблуре, на Араратской равнине, где в самых верхних уровнях более чем восьмиметрового слоя куро-аракской культуры выявлены прямоугольные постройки (Арешиян Г.Е., Кафадарян К.К., 1975. С. 398). Но это был не повсеместный в пределах ареала данной культуры процесс. Круглоплановая архитектура, видимо, сохранялась в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе до полного исчезновения куро-аракской культуры.

Характеристики погребальных памятников

В настоящее время во многих регионах ареала куро-аракской культуры исследованы и погребальные комплексы. Более того, уже опубликовано немалое количество этих комплексов и сделаны попытки их характеристики и обобщения (Макалатия С.И., 1943; Кушнарева К.Х., 1954; Джапаридзе О.М., 1961; Чубинишвили Т.Н., 1963; 1971; Пхакадзе Г.Г., 1963; Чилашвили Л.А., 1964; Ханзадян Э.В., 1967; 1979; Дедабришвили Ш.Ш., 1970; Хачатрян Т.С., 1975; Мунчаев Р.М., 1975; Орджоникидзе А.З., 1981; и др.). Изучению подверглись, в частности, Эларский, Маисянский и другие могильники в Армении; Кикетский, Сачхерский, Амиранисгора и другие в Грузии; курганы в Кабале, Нагорном Карабахе, Гобустане, Шамхорском и других районах в Азербайджане; ряд комплексов в Анатолии и Дагестане.

Могильники куро-аракской культуры территориально исследованы неравномерно. Значительное их количество выявлено в Закавказье. В Дагестане же обследован разрушенный могильник (Щебоха) с каменными склепами у с. Гагатль, где расчищен один овальный склеп, служивший для коллективных захоронений (Мунчаев Р.М., 1975. С. 173; Гаджиев М.Г., 1986. С. 25, 26), а в Восточной Анатолии открыто несколько погребений, в том числе два в Пулуре и один склеп с коллективными захоронениями в Эрниси (Burney С.А., 1958. С. 182–189). Неизвестны до сих пор могильники рассматриваемой культуры в Иране.

Обряд погребения у куро-аракских племен был сложен и разнообразен. Они практиковали (спорадически и не повсеместно) обычай захоронения на площади поселения, широко распространенный у раннеземледельческих племен. Правда, здесь за редким исключением не зафиксированы случаи погребения детей под полами и у стен домов, что столь характерно для многих неолитических и энеолитических поселений.

На Амиранисгора, где раскопано более 50 могил, захоронения были совершены либо в необжитых еще местах, либо на заброшенных участках (Чубинишвили Т.Н., 1963. С. 36–41; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 66). Погребения вскрыты также на площади поселений Илто в Кахетии (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 46–48; 1970. С. 6), Гудабертка и Квацхелеби в Шида Картли, Двине в Армении (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 75; Кушнарева К.Х., 1977. С. 9) и т.д.

Обычно же кладбища устраивались вне поселения, но, как правило, в непосредственной близости от него. Прямо за крепостными стенами расположены могильники в Шенгавите и Ариче (Азизян Г.А., 1963; Хачатрян Т.С., 1975. С. 35). Собственно, большинство известных могильников (в Эларе, Кировакане, Хизанаантгора и т. д.) нахо-

дится вблизи от поселений. О размерах могильников и общем количестве погребений на каждом из них сведений нет, так как ни один из них полностью не раскопан.

Могильники в основном грунтовые. Практиковался и обряд захоронения под курганной насыпью. В Армении, например, изучен большой курганный могильник (Маисянский) у г. Октемберян. Насыпи отличаются сложной структурой. Есть курганы с каменно-зольной насыпью. Многие содержат кромлехи. Погребения совершены в каменных склепах. В одном из них вытянутые мужской и два женских скелета были обернуты в ткани, окрашенные охрой (Арешян Г.Е., 1987. С. 558, 559). Кроме того, один курган с каменным панцирем раскопан на участке Гиласкут в Иджеванском районе (Арешян Г.Е., Симонян А.Е., 1988. С. 469).

Широко представлены курганы раннебронзового века в Грузии (в Шида Картли, Сачхере, Триаleti, Кахетии и т.д.) и особенно на территории Азербайджана. Здесь они известны в Гобустане, Хачбулаке, Шамхоре, Астаре, Мильской степи и т.д. (Кушнарева К.Х., 1954; Кесаманлы Г.П., 1964; Махмудов Ф.Р. и др., 1964; Иессен А.А., 1965в; Мурадова Ф.М., Рустамов Д.Н., 1970; Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М., 1971; Кесаманлы Г.П. и др., 1978; 1979; и др.). В большинстве своем эти курганы небольших размеров, диаметром в среднем 15 м при высоте 1,5–2 м, сложены из камня. В основании некоторых курганов прослежены каменные кромлехи (Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М., 1971. С. 391; Кесаманлы Г.П. и др., 1979. С. 751).

Из общей группы курганов Закавказья эпохи ранней бронзы заметно выпадает большой курган в Мильской степи. Он отличается не только крупными размерами каменно-земляной насыпи и могильного сооружения, но и характером содержавшейся в погребении керамики (Иессен А.А., 1965в. С. 153–194), что не позволяет рассматривать его как памятник куро-аракской культуры (Мунчаев Р.М., 1975. С. 171).

Чем вызвано столь широкое распространение в восточной части ареала куро-аракской культуры курганного обряда захоронения, сказать с определенностью трудно. Известно, что этот обряд в Восточном Закавказье появился рано, не позднее энеолита (Гуммель Я.И., 1948. С. 15–22; Кушнарева К.Х., 1954. С. 169; Нариманов И.Г., 1958. С. 23, 24; Мунчаев Р.М., 1975. С. 64, 65).

Рассмотрим могильные сооружения и обряд захоронения. Начнем с курганных погребений. Последние совершены в грунтовых ямах и каменных ящиках обычно четырехугольной формы, а также в крупных прямоугольных могилах, устроенных под центральной, юго-восточной или юго-западной частями насыпи. Так, в курганах в местности Османбозу, на правом берегу Куры открыты могилы размерами 3 × 5 × 1,7 и 4 × 3,5 × 1,4 м. В первом случае дно могилы было обмазано глиной, а яма

перекрыта четырьмя продольными и 12 поперечными бревнами. В могиле были погребены 34 человека в скорченном положении, на боку (Кесаманлы Г.П., и др., 1978. С. 498). Инвентарь состоял из 17 глиняных сосудов. В могиле второго кургана открыты останки одного погребенного со следами огня (Кесаманлы Г.П. и др., 1981. С. 421). В двух других курганах там же обнаружены захоронения с трупосожжениями, а еще два кургана представляли, очевидно, кенотафы (Кесаманлы Г.П. и др., 1979. С. 514)*. Отметим, что случаи трупосожжения отмечены и в отдельных курганах других районов Азербайджана. В западной же части ареала куро-аракской культуры погребения с трупосожжениями до сих пор не зафиксированы.

Следует обратить внимание также на ряд курганов в Кахетии (Машнаари I и II, Мелегле), в которых захоронения находились не в специальных могилах, а были устроены непосредственно под насыпью, на уровне дневной поверхности (Дедабришвили Ш.Ш., 1979. С. 56, 57). Здесь же отмечены выкладки дна могил галькой. Эти черты характерны и для курганов позднего этапа майкопской культуры.

На сложность обряда погребения указывают и грунтовые могильники. Достаточно полное представление о них дают могильники в Кикети, Амиранисгора, Самшвилде, Ариче, Эларе и т.д. В них открыты захоронения в четырехугольных и реже овальных грунтовых ямах, иногда засыпанных булыжниками, каменных ящиках и склепах (табл. 11). Преобладающий тип могил – это каменные ящики и склепы. В основном они были прямоугольной формы. В Самшвилде, например, где вскрыто 37 могил эпохи ранней бронзы, размеры их достигали в среднем 2,5 × 1,5 м. Они были ориентированы по оси восток–запад или юг–север с небольшими отклонениями. Там встречены и две могилы округлой формы диаметром 1 м, в которых были погребены по одному ребенку (Мирицхулава Г.И., 1975. С. 74, 75).

Особую форму составляют подковообразные склепы, открытые в Эларе, Амиранисгора, Тамариси и Кикетском могильнике. Стены их, сложенные насухо из камней, судя по склепам Кикети, суживались кверху, образуя, видимо, сводчатое перекрытие. Склепы были ориентированы с севера на юг или с северо-запада на юго-восток. Вход во всех случаях был обращен к югу (Пхакадзе Г.Г., 1963. С. 36).

Большинство могил, во всяком случае в Самшвилде и Кикети, содержало коллективные захоронения. Они являлись, вероятно, семейными усыпальницами (Мирицхулава Г.И., 1975. С. 74; Пхакадзе Г.Г., 1963. С. 138). В погребениях же Амиранисгора представлены как одиночные захоронения, так и парные, и коллективные (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 66).

Отметим, что для могильников Шида Картли (Квацхелеби, Хизаантгора) характерно отсутствие каменных склепов и ящиков. Погребения здесь совершены в грунтовых могилах, стены отдельных из них были выложены камнями. В них находились одиночные и парные захоронения (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 75). В Цихиагора–Гудабертке открыты также небольшие сырцовые склепы. Все это отражает локальные особенности шида-картлийских памятников куро-аракской культуры.

Погребения в грунтовых могилах, каменных ящиках и склепах совершены, как правило, в скорченном положении на боку, с произвольной ориентировкой (табл. 11). В склепах Самшвилде, например, покойники укладывались головой к входу (Мирицхулава Г.И., 1975. С. 74). В некоторых грунтовых могилах Кикети скелеты оказались без черепов. В них отсутствовал и какой-либо инвентарь. Подавляющее же большинство погребений содержит инвентарь, главным образом глиняные сосуды. В отдельных могилах встречены и металлические предметы, в том числе редко золотые украшения, как в Шенгавите (Азизян Г., 1963). Вещи положены преимущественно у изголовья, в ногах или вдоль погребенного. В некоторых погребениях отмечены угольки и остатки жертвоприношений в виде костей животных.

Такова общая характеристика погребальных сооружений и обряда захоронения куро-аракских племен. Обращает на себя внимание разнообразие могильных конструкций и способов погребения. До сих пор остается неясным, как хронологически соотносятся между собой три основных типа погребальных сооружений – грунтовые могилы, каменные ящики, склепы, каков их генезис. Попытки установить это привели исследователей к прямо противоположным выводам. Так, для Амиранисгора развитие их намечается в следующей последовательности: наиболее древними здесь являются подковообразные склепы и группа каменных ящиков; затем на протяжении значительного периода жизни поселения погребения совершались только в каменных ящиках, а в позднейший период – в грунтовых могилах, засыпанных камнями (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 66). Совершенно иная картина представляется в Эларе, где раскопано 21 погребение. Здесь ранними являются грунтовые могилы, а позднейшими – подковообразные склепы. Верхняя дата первых определена 2700 г. до н. э., а последние датированы второй половиной и концом III тысячелетия до н.э. (Ханзадян Э.В., 1979. С. 152, 153). Наконец, в Квацхелеби и Хизаантгора на всем протяжении жизни данных поселений погребения совершались только в грунтовых могилах.

Степень изученности погребальных памятников куро-аракской культуры такова, что в настоящее время трудно решить этот и другие связанные с этим вопросы.

*Кенотафы отмечены и в Маисянских курганах в Армении.

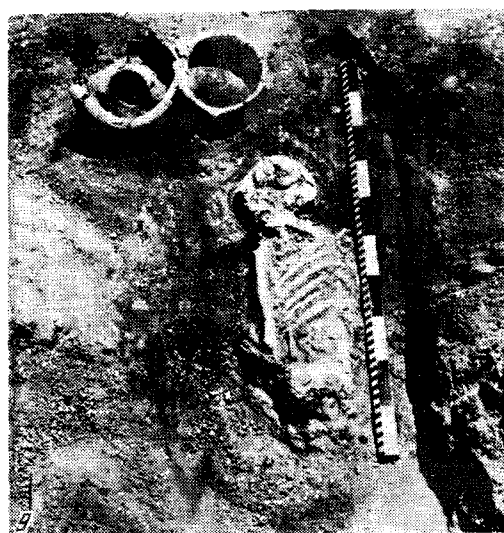
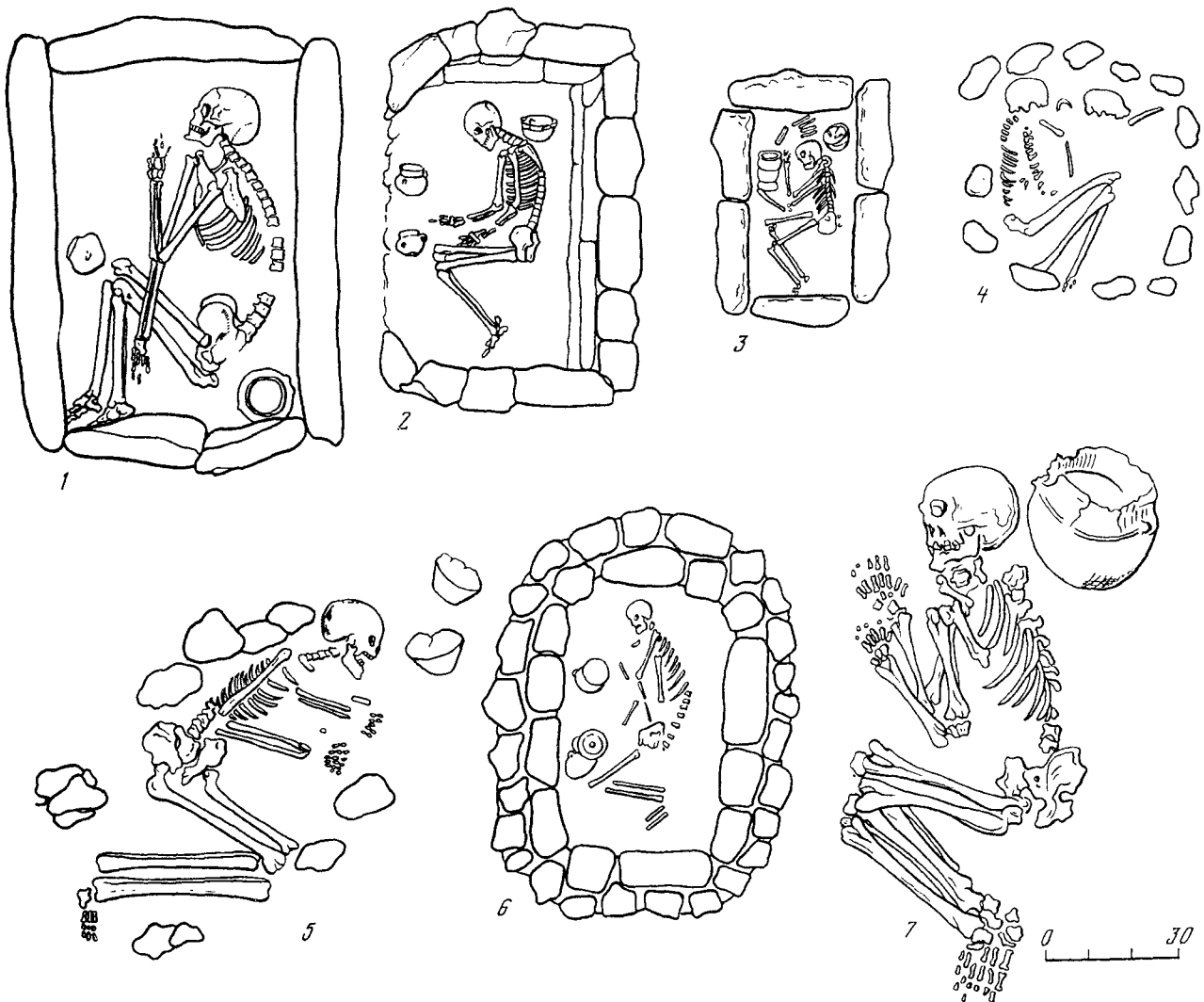

Таблица 11. Погребения куро-аракской культуры

1 – Триалети; 2, 3, 6 – Элар; 4, 5 – Тквиави; 7 – Мингечаур;
8 – Самшвилде; 9 – Урбниси

Основные категории инвентаря

Памятники куро-аракской культуры дали огромный по количеству и разнообразию вещевой материал. Он включает в себя главным образом орудия труда и глиняную посуду, а также другие бытовые предметы, различные поделки, предметы вооружения и украшения. Орудия труда изготовлены в основном из различных пород камня, обсидиана, кости и редко бронзы, сосуды – из местных пород глины, оружие и украшения – из камня и металла.

Каменный инвентарь. Орудия труда. Подавляющее большинство орудий труда связано с сельскохозяйственным процессом и переработкой продуктов земледелия. Это каменные зернотерки, терочки, ступки, песты, кремневые и обсидиановые вкладыши в наборные серпы. Они встречаются на каждом поселении, как на равнине, так и в горных районах. Количество обнаруженных на отдельных поселениях зернотерок достигает многих десятков, а серповых вкладышей – несколько сот (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 106).

Зернотерки сделаны из туфа, базальта, песчаника и других пород камня и имеют ладьевидную прямоугольную и овальную форму (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 9; Kosay H.Z., 1964. Pl. LVIII–LX; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. IV; Исмаилов Г.С., 1978б. Табл. XXI; и др.). Они достигают в длину 30–50 см, в ширину в среднем 18 см, в толщину 4–6 см, прогиб рабочей поверхности 3–5 см. Несколько меньше по размерам терочки. Много ступок. Песты к ним изготовлены из плотных камней продолговатой формы и, подобно другим орудиям, имеют следы срабатанности (Ханзадян Э.В., 1967. Табл. III–IV; 1969. Табл. III–VI; 1979. Табл. X; Сардарян С.А., 1967. Табл. XLVII, 5–11; Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 11, 12; и др.).

Орудиями жатвы являлись серпы с изогнутой костяной или деревянной основой, в которую были укреплены кремневые и обсидиановые вкладыши нередко с зубчатым рабочим краем. Вкладыши в основном прямоугольной и вытянутой треугольной формы (срединного и концевое типа). Наряду с такими наборными серпами в эту эпоху в Закавказье использовались уже и бронзовые серпы (табл. 12, 63–67).

Из землеобрабатывающих орудий укажем на находки каменных мотыг. Они встречаются в единичных экземплярах и лишь на нескольких поселениях: например, орудие из Бабадервиша шириной около 15 см и длиной 10 см, в верхней части его по бокам имеются выемки для укрепления рукоятки (Исмаилов Г.С., 1963. С. 142). Вспашка земли производилась, вероятно, с помощью тягловой силы деревянной и костяной сохой.

Следующая группа каменных орудий – топоры. Представлены в основном три типа. Первый тип составляют плоские клиновидные подшлифован-

ные топоры. Найдены в Нахичеванском Кюльтепе I, Бабадервише, Гарни и некоторых других поселениях Закавказья, а также в Пулуре, Великенте и Серженьюрте (Ханзадян Э.В., 1969. Рис. 20; Мунчаев Р.М., 1961. С. 55–57; 1975. С. 338, 339; Исмаилов Г.С., 1973. С. 143; и др.). Такие орудия были широко распространены, особенно на Северном Кавказе, в неолите и энеолите. В эпоху ранней бронзы они заменяются соответствующими металлическими орудиями.

Ко второму типу относятся преимущественно массивные топоры с желобчатым перехватом в средней или верхней части. Они обнаружены в памятниках Закавказья (Шенгавит, Шрешблур, Элар, Нахичеванский Кюльтепе I и др.) и Северо-Восточного Кавказа, в том числе Великентском и Серженьюртовском поселениях (Котович В.Г., 1959. Табл. I, 5; Мунчаев Р.М., 1961. С. 58. Табл. III; Сардарян С.А., 1967. Табл. XLVIII, 3, 4; Ханзадян Э.В., 1967. Рис. 5; Табл. V, 2).

Третий тип – сверленные топоры. Общее количество их также невелико, и происходят они в основном из памятников западной части ареала куро-аракской культуры, в частности Пулур, Шенгавита и других поселений (Мунчаев Р.М., 1961. С. 57; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. VIII; Kosay H.Z., 1976. Pl. 99). Некоторые из них представляют проушные клиновидные топоры, аналогичные соответствующим бронзовым орудиям. У других топоров отверстие для рукоятки находится не у обушной части орудия, а в центре. Обнаружены топоры с незаконченным сверлением. Неясно, являются ли каменные сверленные топоры прототипами металлических проушных топоров, или же их следует рассматривать как имитацию последних в камне.

Рассмотрим здесь же и некоторые другие изделия из камня. Это, во-первых, предметы вооружения: напершия булавы и наконечники стрел. Булавы найдены в памятниках Армении (Шенгавит, Двин, Гарни и др.), Грузии (Ткиави, Триалети и др.), Азербайджане (Хаченагетские курганы, Нахичеванский Кюльтепе I и др.) и Великентском и Каякентском поселениях в Дагестане (Куфтин Б.А., 1941. Табл. CXV; Макалатия С.А., 1943. Рис. 28; Пиотровский Б.Б., 1949б. С. 174; Кушнарева К.Х., 1954. С. 170; Абибуллаев О.А., 1957. Рис. 74; Мунчаев Р.М., 1961. С. 66, 67; Есяян С.А., 1966. С. 51–53; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. VI; и др.). Они изготовлены из диабазы, базальта, мрамора и других пород камня и имеют шаровидную и реже грушевидную форму.

В комплексах куро-аракской культуры представлено немалое количество кремневых и обсидиановых наконечников стрел. Они треугольной формы и в основных трех типов: с прямым или слегка округленным основанием, выемчатые и черешковые. На ряде памятников (Гарни, Бабадервиш, Квацхелеби, Серженьюрт и др.) встречаются стрелы двух и даже всех трех типов (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Табл. XXXIII – XXXIV; Ханза-

дьян Э.В., 1969. Рис. 17; Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 75, 1–16; Исмаилов Г.С., 1978б. Табл. XXV), а в могильнике Самшвилде, например, представлены только наконечники стрел с черешком (Мирцхулава Г.И., 1975. Табл. XI, 1–8). Преобладают стрелы с выемчатым основанием и черешковые. В составе первых представлены стрелы как с небольшой, так и глубокой выемкой треугольной и главным образом полукруглой формы. Среди стрел этого типа, а также с прямым основанием имеются асимметричные наконечники стрел обычно небольших размеров. Они найдены в Мохраблуре, Бабадерише, некоторых поселениях Шида Картли и Юго-Осетии, а также в Великентском, Серженюртовском и Луговом поселениях на Северо-Восточном Кавказе (Мунчаев Р.М., 1961. С. 64–66; 1975. С. 350; Есаян С.А., 1966. С. 43–45; Исмаилов Г.С., 1978б. С. 82). Любопытно, что находки асимметричных стрел в большинстве случаев сделаны в районах, пограничных или близких ареалу майкопской культуры, для которой, как известно, подобные стрелы довольно типичны.

Что же касается черешковых стрел, то все они происходят из памятников Закавказья и Восточной Анатолии (Ханзадян Э.В., 1969. Рис. 17; Мирцхулава Г.И., 1975. Табл. XI, 1–8; Kosay H.Z., 1976. Pl. 94; Исмаилов Г.С., 1978б. Табл. XXV, 1–10). Они треугольной формы и по оформлению и размерам черенка делятся на две разновидности: с коротким широким и удлиненным узким черенком. Еще один тип стрел, сделанных из кости, рассмотрен ниже.

Из других каменных изделий укажем на пряслица округлой и полусферической формы (Ханзадян Э.В., 1967. Табл. XXVI). Такие орудия из глины и особенно из кости многочисленны в куро-аракских комплексах, а каменные встречаются редко. Отметим также находки каменных грузил, сделанные в Коси-Чотере, Гарни, Пулуре и других поселениях (Ханзадян Э.В., 1963. Рис. 4, 3, 4; 1969. Рис. 22; Kosay H.Z., 1976. Pl. 100–101). Необычны грузила из Великента. Они изготовлены из плоской овальной гальки длиной 4–5 см и имеют выбоины на противоположных сторонах (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 12, 1–3). Подобные предметы известны также из Очамчирского поселения в Абхазии. Считается, что они могли служить как грузила для сетей и ткацкого станка (Соловьев Л.Н., 1939. С. 30).

Отдельную группу составляют каменные украшения в виде разнообразных бус – плоских кольцевидных, бочонкообразных, цилиндрической формы и др. Они представлены главным образом в погребальных комплексах. Так, значительная серия бус из различных пород камня обнаружена в погребениях Квацхелеби (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Табл. XXXIV, XXXVI). Единичные находки каменных “пуговиц” и подвесок (Ханзадян Э.В., 1963. Рис. 3, 2–4; Исмаилов Г.С., 1978б. Рис. 6, 1–2; и др.). Здесь же укажем на обнаруженные в Бабадерише подвески из перламутра в виде небольших плоских кружочков диаметром до 2 см и цилиндрическую бусину, из фаянса длиной 0,9 см,

являющиеся, по всей вероятности, предметом ближневосточного импорта (Исмаилов Г.С., 1978б. С. 84; Рис. 6, 3, 4).

К о с т я н о й и н в е н т а р ь. Наиболее распространенными изделиями являются шилья и проколки. Они представлены в каждом поселении куро-аракской культуры. Значительные серии этих орудий происходят, например, из Нахичеванского Кюльтепе I, Бабадериша, Шенгавита, Гарни, шидкартлийских поселений, памятников Восточной Анатолии и Северо-Восточного Кавказа и др. (Абибуллаев О.А., 1957. С. 440, 441; Мунчаев Р.М., 1961. С. 62, 63; Ханзадян Э.В., 1969. С. 32–35; Kosay H.Z., 1976. Pl. 104–107; Исмаилов Г.С., 1978б. Табл. XXIII; и др.). Подавляющее большинство их имеет обычную для костяных орудий данного типа форму и ничем не отличается от подобных предметов предшествующей и последующей эпох Кавказа и многих других областей. Шилья и проколки изготовлены из эпифизов и других ножных костей мелкого рогатого скота. Рабочий край их заострен и заполирован в результате употребления. Они достигают в длину от 5–6 до 10–12 см. Некоторые из них выработанный формы и более тщательно изготовлены, прямые или слегка изогнутые. Одни проколки и шилья имеют на расширенном и обычно уплощенном конце округлое отверстие, а другие – по две глубокие нарезки для подвешивания или привязывания (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 14, 15; Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Табл. XXXIII, 8; Kosay H.Z., Vary H., 1964. Lev. XLVI; Ханзадян Э.В., 1969. Рис. 23). Они использовались, видимо, и как иглы.

Еще одну группу костяных орудий составляют полусферические пряслица, обнаруженные во многих поселениях (Ханзадян Э.В., 1969. Рис. 24; 1979. Табл. X, 18; и др.). Отмечены случаи находок их и в погребениях, например в Грмахевистави (Абрамишвили Р.М. и др., 1980. С. 201).

Из других костяных изделий отметим наконечники стрел. Они известны в нескольких экземплярах и в основном из Шенгавита (Сардарян С.А., 1967. Табл. XLVI, 3–5). Среди них удлиненные с коротким черенком, округлые в сечении и короткие трехреберные с длинным черенком. Близкие к первым по форме и размерам костяные стрелы происходят из погребения ранней бронзы в Чечено-Ингушетии (Мунчаев Р.М., 1975. С. 306. Рис. 73, 2).

Таков в целом каменный и костяной инвентарь куро-аракской культуры. Он весьма выразителен и убедительно подчеркивает земледельческий характер данной культуры. Если сопоставить его, например, с каменным инвентарем майкопской культуры, то мы увидим, что последний содержит немало типов орудий, предшествующих эпох и обладает сравнительно архаичным обликом.

М е т а л л и ч е с к и й и н в е н т а р ь. История металлургии и металлообработки раннебронзового века Кавказа, и в частности Закавказья, – это большая и специальная тема, в разработке ко-

торой достигнуты немалые успехи и изучению которой посвящена серия важных исследований (Иессен А.А., 1935; Джапаридзе О.М., 1955; Селимханов И.Р., 1960а,б; 1964; 1986; Мартirosян А.А., 1967; Кашкай М.А., Селимханов И.Р., 1973; Геворкян А.Ц., 1980; Гаджиев М.Г., 1986в; Исмаилов Г.С., 1987б; и др., в том числе обобщающая сводки по металлу куро-аракской культуры: Абесадзе Ц.Н., 1969). Это избавляет нас от необходимости рассматривать вопросы, связанные с данной проблемой.

Металлообработка у куро-аракских племен представляет по сравнению с неолитической эпохой качественно новую ступень развития. Если в памятниках предшествующего периода металл представлен крайне ограниченным набором изделий, отличающихся архаичностью форм, то в эпоху ранней бронзы мы наблюдаем здесь значительный ассортимент бронзовых предметов, несравненно широкое распространение и совершенно очевидные свидетельства производства их на месте, в самих поселениях, в частности в Гарни, Ариче, Шаглама II, Нахичеванском Кюльтепе I, Мишарчае, Бабадerviше, Гаракепектепе, Амيرانисгора, Квацхелеби, Хизанаантгора, Галгалогли, Геоитепе, Яниктепе и др., найдены не только сами бронзовые изделия, но и орудия (табл. 12, 69–88), связанные с их производством (сопла, тигли, литейные формы), открыты остатки медеплавильных горнов (табл. 12, 68) и шлаки (Чубинишвили Т.Н., 1963. С. 98; Абибуллаев О.А., 1965б. С. 65–73; Махмудов Ф.Р. и др., 1968. С. 17–19; Ханзаян Э.В., 1969. С. 37, 38, 167; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 113–116. Рис. 40; Мунчаев Р.М., 1975. С. 393, 394; Хачатрян Т.С., 1975. С. 52–58; Есаян С.А., 1976. С. 25; Biscione R., Pescarella P.E., 1984. Pl. XLII, a; Исмаилов Г.С., 1987в. С. 15, 16; Халилов Д.А., 1987. С.555, 556; и др.).

Бесспорно, что металлургия куро-аракской культуры развивалась на местной меднорудной базе. В ареале этой культуры имеются целые меднорудные районы и значительное количество месторождений меди (Иессен А.А., 1935. С. 32, 62; Геворкян А.Ц., 1980. С. 21–31). Металлурги одного и того же поселения, как устанавливается, использовали иногда сырье из нескольких месторождений, отличающихся различной геохимической характеристикой (Геворкян А.Ц., 1980. С. 53).

Металл куро-аракской культуры включает значительное число бронзовых орудий, предметов вооружения и украшений, обнаруженных в поселениях и погребениях и представленных случайными находками. Встречены также единичные украшения из свинца, серебра и золота. Подавляющее большинство этих изделий подвергнуто спектральному анализу (Абесадзе Ц.Н., 1969. Табл. I–VII; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 130–135). Результаты последнего свидетельствуют, что значительная часть их изготовлена из медно-мышьяковистой бронзы, остальная – из медно-

келевой бронзы (эта часть делится на две группы: изделия на медной основе с низким содержанием никеля и высоконикелевые). В коллекции металла представлены и отдельные предметы из “чистой” меди, без каких-либо повышенных концентраций легирующих компонентов, оловянистой и мышьяковисто-оловянистой бронз и сплава меди с серебром (Геворкян А.Ц., 1980. С. 48). Аналогичные по составу бронзы содержатся и в анатолийских памятниках III тысячелетия до н.э. Правда, здесь довольно высок процент (23%) изделий из оловянистой бронзы (Геворкян А.Ц., 1980. С. 64).

Рассмотрим сами металлические предметы. Орудия труда составляют серпы, топоры, шилья и ножи. Бронзовые серпы найдены в Нахичеванском Кюльтепе I, Гаракепектепе, Гарни, Хизанаантгора, Амيرانисгора, Пулуре и Каразе. Они небольшие, изогнутые, с широким и узким лезвием, имеют черенки для укрепления ручек (табл. 12, 63–67). Укажем здесь же и находку в Ариче глиняной формы для отливки серповидного орудия, применявшегося, как полагают, при обработке кожи (Хачатрян Т.С., 1957. С. 56–58. Рис. 14).

Топоры в основном трех типов: тесловидные, проушные, клевцы. Первые известны в небольшом количестве, но во всех областях Закавказья и Восточной Анатолии (Караз). Они плоские, рабочий край орудия слегка округлен и заострен. У отдельных топоров верхняя часть отогнута и свернута (Абесадзе Ц.Н., 1969. Табл. 1, 16) подобно некоторым тесловидным орудиям со свернутой втулкой из Южной Месопотамии. Они все найдены на территории Грузии (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 127). Размеры их: длина в среднем 7–8 см, ширина 4 см. Выделяются размерами и пропорциями тесловидные орудия из Приереванского клада (Мартirosян А.А., Мнацаканян А.О., 1977. Рис. 47, 1–4). Они узкие и вытянутые (длиной до 18 см), имеют четко выделенное лезвие (табл. 12, 23). На местное производство топоров данного типа указывают находки глиняной модели тесла (Арич) и особенно глиняной односторонней формы для отливки таких орудий, обнаруженной, например, в Квацхелеби (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 123; Хачатрян Т.С., 1975. С. 56).

Топоры второго типа четко подразделяются на две группы: топоры проушные и трубчато-обушные. Для куро-аракской культуры характерны первые, в то время как трубчато-обушные связываются главным образом с памятниками позднейшей фазы раннебронзового века Закавказья, причем концентрирующимися преимущественно в Западной Грузии (Джапаридзе О.М., 1955; 1961; Абесадзе Ц.Н., 1969; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 122, 123; Хачатрян Т.С., 1975. С. 54, 55; Чартолани Ш.Г., 1989. С. 44–48; и др.). Проушные топоры использовались во всем ареале рассматриваемой культуры. Отсюда, в основном с территории Армении и Грузии, происходит около 20 находок таких топоров (Абесадзе Ц.Н., 1969. Табл. VI),

Таблица 12. Куро-аракская культура

1-67 - изделия из бронзы; 68 - план и разрез плавильной печи, Бабадервиш II; 69-71 - сопла; 72, 80-88 - формы для отливки топоров и других предметов; 73-76 - медные бруски; 77, 78 - льячки (Хизанаантгора); 79 - медный слиток в форме топора (1, 2, 4, 5, 7-12, 14, 16, 19-22, 30-32, 34, 35, 37, 41, 44-46, 48, 51

53-55, 60, 63, 67, 77, 78, 83 - из памятников Грузии; 3, 6, 13, 23, 25, 33, 36, 47, 56, 59, 65, 73-76, 79, 87 - из памятников Армении; 15, 17, 18, 49, 50, 52, 64, 68, 69, 71, 72, 80-82 - из памятников Азербайджана; 29, 61, 62, 66 - из памятников Анатолии; 70 - Яниктепе; 85 - Геойтепе; 84 - Галгалатли (Дагестан)

в своем большинстве, правда, являющихся внекомплексными (табл. 12, 27, 28, 34–38). Но более важно то, что в ряде куро-аракских памятников обнаружены (табл. 12, 83, 84, 87, 88) глиняные двусторончатые (Нахичеванский Кюльтепе I, Гаракепектепе, Гарни, Галгалатли) и каменная форма для их отливки (Абибуллаев О.А., 1965. Рис. 2, 3; Исмаилов Г.С., 1972. С. 480; Ханзадян Э.В., 1969. Рис. 27; Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 30, 4–6; Гаджиев М.Г., 1987д. Рис. 1, 21). У топоров, отлитых в этих формах, были прямая клиновидная рабочая часть и ровный обух. Эта наиболее архаичная форма обушных топоров. Сравнительно развитую форму составляют топоры со слегка изогнутой рабочей частью и несколько опущенным обухом, подобные найденному в поселении Караз (Kosay H.Z., Turfan K., 1959. P. 172–178) и представленные серий случайных находок. Аналогичен им, вероятно, и топор, который был отлит в форме, обнаруженной, в частности, в Галгалатли (табл. 12, 84). Предполагается, что эти топоры занимают как бы промежуточное положение между отмеченной архаичной формой проушных топоров и трубчато-обушными (Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 122) и что последние приходят на смену проушным топорам (Хачатрян Т.С., 1975. С. 55). Но так ли оно было на самом деле?

Трубчато-вислообушные топоры (табл. 12, 30, 31, 39, 40) появились позже проушных, и типичны только для одной области Закавказья – Западной Грузии, особенно Сачхерского района (Абесадзе Ц.Н., 1969. Табл. III), в то время как проушные были распространены значительно шире, во всем ареале куро-аракской культуры. В других областях Южного Кавказа несколько трубчато-обушных топоров и одна глиняная модель найдены в Армении и два топора в Юго-Осетии (Куфтин Б.А., 1940. С. 15; 1949а. С. 71; Джапаридзе О.М., 1961. С. 144; Мартиросян А.А., 1967. С. 38; Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 123; Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 14). Но эти топоры типологически несколько отличны от западногрузинских орудий, а те и другие, в свою очередь, не обнаруживают абсолютных аналогий среди соответствующей группы бронзовых изделий в Месопотамии и Иране. Предполагается, однако, что сачхерские топоры тяготеют по форме к луристанским, а некоторые орудия из Армении и Юго-Осетии сближаются с шумерскими и эламскими образцами (Куфтин Б.А., 1949а. С. 71; Мартиросян А.А., 1967. С. 41; Хачатрян Т.С., 1975. С. 56). Все это затрудняет в настоящее время решение вопроса, какие именно топоры или варианты топоров послужили прототипами трубчато-обушных топоров Закавказья. Что же касается более ранних типов бронзовых проушных топоров, то они, как и многочисленные аналогичные орудия III тысячелетия до н.э. Северного Кавказа, повторяют формы переднеазиатских, в частности месопотамских, топоров.

По всей вероятности, под влиянием Передней

Азии на Кавказе появились и топоры-клевцы. В общей сложности здесь найдено около 20 таких комбинированных орудий (табл. 12, 24–26), в том числе три в Прикубанье, один в Дагестане, пять в Грузии и десять в Армении, причем восемь из последних находились в составе Приереванского клада (Абесадзе Ц.Н., 1969. Табл. V, 118–121; Котович В.Г., Котович В.М., 1973. Рис. 1, 4; Мартиросян А.А., Мнацаканян А.О., 1973. С. 124. Рис. 47, 5–11; Мунчаев Р.М., 1975. С. 396; и др.). К сожалению, клеветы, найденные в ареале куро-аракской культуры, представляют случайные находки. Они имеют в центре или чаще в верхней части округлое обушное отверстие для рукоятки. Топоры-клевцы из Приереванского клада все различного размера (длиной от 19 до 28,5 см), следовательно, они отлиты в разных формах. Их близость с некоторыми из других аналогичных бронзовых изделий, обнаруженных в Армении и Грузии, позволяет предполагать, что они происходят из единого центра производства (Мартиросян А.А., Мнацаканян А.О., 1973. С. 123, 124). Эти орудия считаются типичными для Передней Азии, откуда они проникли на Кавказ и далее в Европу (Абесадзе Ц.Н., 1969. С. 129; и др.). В Закавказье их затем стали производить на месте. В частности, одним из очагов древней металлургии, где было налажено их производство, являлся, возможно, Алавердский в Армении (Мартиросян А.А., Мнацаканян А.О., 1973. С. 124).

Следующая группа бронзовых орудий – шилья. В Закавказье они представлены единичными находками с энеолитического периода. Но в эпоху ранней бронзы они получают широкое распространение – эти орудия обнаружены почти во всем ареале куро-аракской культуры (Абесадзе Ц.Н., 1969. С. 129; Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 116; Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 15). Повсеместно шилья отличаются в общем одинаковой формой (все они четырехгранные) и близкими размерами (длина их до 5–6 см).

К числу единичных находок относится бронзовое долотовидное оружие, обнаруженное, в частности, в поселении Квемо Араниси (Глonti М.Г., 1982. С. 410). Оно отлично по форме и размерам от подобных орудий, представленных в комплексах майкопской культуры.

Отдельную группу изделий составляют кинжалы и ножи-кинжалы (табл. 12, 43, 54–62). Большая часть их относится, конечно, к предметам вооружения, но отдельные использовались и как орудия труда. В частности, таковым может считаться обнаруженный в погребении 10 Эларского могильника бесчеренковый нож-кинжал (Ханзадян Э.В., 1979. Рис. 71). Аналогичные ножи-кинжалы в Закавказье больше неизвестны, но они встречены в отдельных раннемайкопских комплексах Северного Кавказа (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 41).

Плоские кинжальные клинки с коротким черенком довольно многочисленны и происходят как из

Закавказья (Элар, Степанакертские курганы, Хизанаантгора, Квацхелеби, Амиранисгора и др.), так и Северо-Восточного Кавказа (Луговое), Восточной Анатолии (Караз) и Северо-Западного Ирана (Яниктепе, Геойтепе К). Короткие кинжалы являются ранними, они подтреугольной и листовидной формы (табл. 12, 43, 60–62). Сравнительно поздние удлиненных пропорций, снабжены иногда продольным ребром (табл. 12, 56–59). Серия таких кинжалных клинков происходит из Элара (Ханзадян Э.В., 1970. Рис. 68, 69. Табл. VII, 8–12). Там найден и обломок кинжала с металлической рукояткой (Ханзадян Э.В., 1979. Рис. 47). Различные типы кинжалов оказались представлены и в курганах Сачхере. Наряду с кинжалными клинками простых форм здесь (на Царцисгора и в Корети) обнаружены и два кинжала с литыми бронзовыми рукоятками (табл. 12, 54, 55), покрытыми рельефным орнаментом (Джапаридзе О.М., 1961. С. 263. Рис. 32). Отметим, кстати, что кинжал с бронзовой рукояткой происходит также из могильника майкопской культуры у ст-цы Новосвободной, а в Квацхелеби найден глиняный сосуд с рельефным изображением подобного кинжала.

В Закавказье сделаны находки и другого вида вооружения. Это массивные бронзовые наконечники копья (Джапаридзе О.М., 1961. Рис. 33; Махмудов Ф.А. и др., 1968. Рис. 5, 8). Они двух вариантов – со сплошным круглым черенком, загнутым крючком (табл. 12, 41–42, 44), и с резко отделенным от круглого черенка четырехгранным насадом (табл. 12, 45–50). Известно уже более десяти таких экземпляров. Большинство находок в Закавказье не связано с комплексами. Укажем на два памятника эпохи ранней бронзы в Азербайджане, где они найдены. Это курган 9 в Гобустане, откуда происходит ромбовидный наконечник копья с черенком (Мурадова Ф.М., Рустамов Д.Н., 1971. С. 390). Еще два бронзовых копья обнаружены в курганах у с. Тельман Астаринского р-на Азербайджана (Махмудов Ф.А. и др., 1968. Рис. 5, 7, 8). Один из них достигает в длину 27 см, в том числе длина лезвия 15,5 см. По середине лезвия проходит ребро, а черенок разделен на две части – четырехгранный шип и утончающийся к основанию лезвия округлый стержень (табл. 12, 49). Второе копьё (длиной 14 см) имеет короткое перьевидное лезвие и длинный стержень (табл. 12, 48).

На Кавказе аналогичные наконечники копья найдены еще в Дагестане (Чиркейское поселение) и в Прикубанье (курганы у станиц Новосвободной и Псебайской). Они представлены в значительном количестве в переднеазиатских комплексах и являются, в частности, одной из древнейших форм металлического оружия в Шумере. Прототипами кавказских наконечников копья послужили, вероятно, именно шумерские образцы. В подражание им копия стали изготавливать и на месте, в Закавказье, о чем свидетельствует литейная форма для заготовки копья (табл. 12, 72), обнаруженная в Амиранис-

гора (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 125. Рис. 40, 13).

С этим видом оружия связаны и копия-штыки, обычно четырехгранные в сечении и с выделенным черенком (табл. 12, 51, 52). Они найдены в нескольких памятниках Закавказья – Нахичеванском Кюльтепе I, Квацхелеби и Царцисгора в Сачхере и подробно рассмотрены в литературе, как и описанные выше топоры, наконечники копья и другие бронзовые изделия переднеазиатских типов (Куфтин Б.А., 1949а. С. 74; Джапаридзе О.М., 1961. С. 159; Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXXVI; Абесадзе Ц.Н., 1969. С. 128; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 125; Мунчаев Р.М., 1975. С. 396). Узкие штыковидные копия встречены в тех же областях Передней Азии, где найдены и обычные копия, но их значительно меньше. Они датируются в пределах III тысячелетия до н.э., но попадают редко и в комплексах средней бронзы, как, например, в Хачбулакском кургане в Азербайджане и Верхнегубинском поселении в Дагестане (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 125).

Значительна и разнообразна коллекция бронзовых украшений. Она включает бусы биконической, бочонкообразной и иных форм, в том числе в виде спиралек (табл. 12, 6, 7); височные и другие подвески – полтораспиральные, каплевидные, грушевидные, в виде лунницы, с незамкнутыми концами и т.д. (табл. 12, 5); браслеты (табл. 12, 1–3); различные булавы (табл. 12, 9–22). Весь набор отмеченных украшений обнаружен, например, в погребениях Квацхелеби (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXXIV, XXXVI). Там же найдена уникальная для этого периода Кавказа бронзовая диадема с зооморфными изображениями (табл. 12, 8). Из ряда памятников происходят золотые бусы (Шенгавит) и височные кольца (Степанакерт, Триаleti, Царцисгора), а также серебряные кольца-спирали (Квацхелеби, Корети, Амиранисгора) и массивная свинцовая подвеска из Амиранисгора (Абесадзе Ц.Н., 1969. С. 130).

Браслеты обычно спиральные, свернуты в два или три витка (табл. 12, 1–3), как и Квацхелеби, Элара и других памятников (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXXVI; Чилашвили Л.А., 1964. Рис. 4, 2; Ханзадян Э.В., 1979. Табл. VIII, 3, 4; и др.). А в погребениях Дзагина и Сачхере обнаружены многовитковые браслеты (Абесадзе Ц.Н., 1969. Табл. II, 56, 57; Табл. V, 110–114).

Интересной категорией бронзовых украшений являются булавы. В пределах ареала куро-аракской культуры они встречены примерно в десяти памятниках (Нахичеванский Кюльтепе I, Османбозу, Арич, Хизанаантгора, Квацхелеби, Бешташени, Самшвилде, Сачхере, Караз, Геойтепе), главным образом на территории Грузии (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 116, 127–128; Хачатрян Т.С., 1975. С. 57, 58; Мирцхулава Г.И.,

1975. С. 77; Кесманлы Г.П., 1981. С. 421). Булавки в основном трех типов – с навершием в виде двух валют (табл. 12, 4, 9, 12, 16), с петлевидной головкой и проволочной обмоткой в верхней части (табл. 12, 13, 15) и Т-образные (табл. 12, 19–22). Первые подразделяются на несколько разновидностей, основную из которых составляют булавки с двумя волютами; другую – булавки просто с полукруглым навершием, как из Амиранисгора (табл. 12, 14; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Рис. 43, 3). Третью – отличающаяся коротким стержнем булавка из Арича (Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 15). Кстати, в Ариче найдена еще одна оригинальная булавка с навершием в виде двух роговидных отростков с утолщениями в концевой части (Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 15).

Булавки с навершием, оканчивающимся двумя волютами, считаются сравнительно ранними украшениями подобного рода. В ряде памятников они встречаются вместе с булавками второго типа (Амиранисгора), а в Квацхелеби даже с Т-образной булавкой. Наличие в Нахичеванском Кюльтепе I и Амиранисгора булавок с петлевидной головкой и спиральной обмоткой позволяет считать, что и данный тип булавок появился в Закавказье, как и в Передней Азии, рано, не позднее первой половины III тысячелетия до н.э. (Джапаридзе О.М., 1961. С. 265). Оба эти типа булавок бытовали, судя по их находкам (особенно булавок с петлевидной головкой), в Сачхере в середине и второй половине III тысячелетия до н.э. (Джапаридзе О.М., 1961. Табл. XIII, 8, 9; XVIII, 11; XXIV, 3, 12).

Булавки с петлевидной головкой появились, видимо, сравнительно позже булавок с навершием, оканчивающимся двумя волютами, но раньше Т-образных булавок. По соответствующим комплексам сачхерских курганов четко устанавливается, что булавки с петлевидной головкой относительно старше Т-образных булавок (Джапаридзе О.М., 1961. С. 264, 265). Последние нехарактерны для куро-аракской культуры и появились на самом позднем этапе раннебронзового века, причем только в одном из районов Закавказья. Действительно, вся известная из Закавказья коллекция Т-образных булавок обнаружена в курганах Сачхере (Джапаридзе О.М., 1961. Табл. XII, 1–3; XIII, 1; XIX, 4, 5). За пределами этого района находка подобной булавки на Южном Кавказе сделана пока лишь только в Квацхелеби (Абесадзе Ц.Н., 1969. С. 130). В Сачхере они представлены в основном в комплексах, относящихся к посткуро-аракской культуре. К этому периоду как раз, судя по обилию бронзы в местных памятниках, сачхерский очаг металлургии становится одним из крупнейших центров металлопроизводства на Кавказе. По всей вероятности, из этого центра Т-образные булавки распространились, в частности, на Северный Кавказ, где они зафиксированы в ряде памятников II тысячелетия до н.э.

Проведенный анализ показывает, что значи-

тельная часть рассмотренного металлического инвентаря происходит из памятников западной части ареала куро-аракской культуры. Здесь, по-видимому, в III тысячелетии до н.э. сложились на местной меднорудной базе отдельные крупные очаги металлургии и металлообработки. Соответствующие данные указывают на развитие металлопроизводства и в других областях распространения куро-аракской культуры, в частности в Азербайджане и Дагестане (Исмаилов Г.С., 1987б. С. 17; Гаджиев М.Г., 1987д. С. 6–8).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ряд ведущих категорий бронзовых изделий, как орудий труда, так и предметов вооружения, отличается формами, близкими к переднеазиатским, а иногда и прямо аналогичными им. Несомненно, что такой высокий подъем в развитии металлопроизводства в Закавказье в III тысячелетии до н.э. был связан прежде всего с общим культурно-историческим прогрессом местного населения в эпоху ранней бронзы. Но при этом, видимо, определенную роль сыграли и южные влияния, связи с Передней Азией.

Рассмотрим, наконец, керамику – наиболее обширную и самую оригинальную часть инвентаря памятников куро-аракской культуры. Она добыта во всех поселениях и могильниках и составляет огромную коллекцию, включающую в себя прежде всего значительную серию разнообразных по формам, размерам и назначению глиняных сосудов, а также пряслица, модели колес и зоо- и антропоморфную пластику. Особо следует выделить глиняные переносные очаги и различные очажные подставки. Они, как и сосуды, лепились отдельно, а затем подвергались обжигу. С их характеристики мы и начнем анализ керамики.

Передвижные очаги – это круглые мангалы (диаметром от 25–30 до 50–60 см и высотой до 20 см) с несколькими (от трех до пяти, чаще с тремя) внутренними выступами. Крупные очаги данного типа (в Шенгавите, например, они достигают в диаметре 1 м) были прочно установлены в определенном месте, как правило в центре помещения (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Табл. VI–XVIII). Многие же из подобных очагов представляли собой переносные мангалы, которые передвигались с места на место и устанавливались, как в доме, так и вне его. Очаги этого типа встречены в ряде поселений Закавказья (особенно в Араратской долине, Шида Картли и Юго-Осетии) и Восточной Анатолии (Мунчаев Р.М., 1961. С. 40–42; 1975. С. 346, 347). Интересные образцы подобных очагов открыты в Каразе (табл. 2, 8, 9), Ариче (Kosay H., Turfan K., 1959. P. 386, 397. Табл. XIII; Хачатрян Т.С., 1975. С. 72). Некоторые из очагов украшены типичным для куро-аракской керамики орнаментом и снабжены характерными для этой керамики полушарными ручками. Любопытны также глиняные модели очагов данного типа, обнаруженные в Квацхелеби (табл. 5, 18) и Тбилиси

(Коридзе Д.Л., 1955. Табл. X, 1; Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXII, 4).

Обращает внимание отсутствие таких очагов в Нахичеванском Кюльтепе I и к югу от него – в поселениях Северо-Западного Ирана. Правда, в Кюльтепе I у Нахичевани неоднократно встречены такого же примерно типа мангалы без выступов (табл. 8, 12–14). Что же касается Северо-Восточного Кавказа, то, судя по отдельным их находкам в поселениях Дагестана и Чечено-Ингушетии, и здесь бытовали передвижные очаги с внутренними выступами, но несколько иного вида (Мунчаев Р.М., 1975. С. 346, 347). Первоначально считалось, что эти очаги культового назначения (Байбуртян Е.А., 1938. С. 257–259). Однако теперь, учитывая их широкое распространение, следует видеть в них прежде всего хозяйственные очаги, которые могли служить одновременно и культовым целям.

В поселениях куро-аракской культуры, особенно в западной части ее ареала, представлены переносные очаги другого типа – в виде массивных подставок полукруглой и чаще подковообразной формы (табл. 13, 4, 7–12, 16). Некоторые из них имеют антропоморфные детали или оканчиваются изображениями голов животного (табл. 1, 29; 13, 4, 12, 16) и представляют собой как бы алтари-идолы, модели их, в том числе из туфа, обнаружены, например, в Мохраблуре и Ариче (Есаян С.А., 1980. С. 13). Среди очагов этого типа были довольно крупные экземпляры, которые устанавливались прочно в одном месте помещения, имевшего, скорее всего, культовый характер (Kosay H.Z., 1976. Tab. 21; 37; 38). Подковообразные очаги обнаружены в Шенгавите, Мохраблуре, Гарни, Ариче, Амيرانисгора, Пулуре, Каразе, Тепечик, пещере Шау-Лебет в Северной Осетии и других поселениях (Куфтин Б.А., 1944. Рис. 74. Табл. XVII, 1–7; Kosay H.Z., 1948; Tab. IV; 1976. Tab. 32, 33, 35, 38; Kosay H.Z., Vayn H., 1964. Tab. XXIV; Чубинишвили Т.Н., 1965. Табл. III, 4; Любин В.П., 1966. Рис. 17, 5; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. XVI–XVII; 1969. Табл. XIV–XVII; Esin U., 1972. Pl. 109, 1–2; Хачатрян Т.С., 1975. С. 71, 72; и др.).

Разновидностью подобных передвижных очагов являются очаги, составленные из нескольких глиняных обожженных блоков-подставок. Они также полукруглые или подковообразные. На блоках, из которых составлялись такие отдельные очаги, имелись с внутренней стороны горизонтальные выступы или орнаменты в виде лицевых изображений. Составные очаги, как и очаги в виде массивных подковообразных подставок, использовались в основном, вероятно, при совершении культовых церемоний. С последними должно быть, связаны и другие разнообразие глиняные подставки, в том числе подковообразной формы, квалифицируемые обычно как культовые очажные подставки. Они также представлены во всех почти регионах распространения куро-аракской культуры, в том числе выразительными сериями в Нахиче-

ванском Кюльтепе I, поселениях Араратской равнины, Юго-Осетии и Чечено-Ингушетии (Куфтин Б.А., 1944. Рис. 59, 60; 1947. Рис. 10. Табл. 1; Мунчаев Р.М., 1961. С. 121–125. Рис. 42–44. Табл. XIX; 1975. С. 361–364. Рис. 78; Ханзадян Э.В., 1969. Табл. XVIII–XIX; Мурадова Ф.М., Исмаилов Г.С., 1971. С. 55, 56; Есаян С.А., 1980. С. 13–15).

Выделяется несколько типов подставок. Наиболее распространенными являются подставки прямоугольной формы с роговидными выступами, цилиндрические и подковообразные. Первые отличаются массивностью и двумя роговидными выступами (табл. 13, 5, 6, 13–15). Лишь подставки подобного типа из Серженьюрта и пещеры Шау-Лебет (Люблин В.П., 1966. Рис. 17, 9; Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 78, 7–10) имеют по четыре таких выступа. Большинство таких подставок снабжено массивной ручкой. На Луговом поселении найдены две роговидные подставки, отличающиеся тем, что внутри они полые и имеют в центре (табл. 13, 14), а также в середине боковой и тыльной стороны отверстия (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 42, 2). Из этого же памятника, кстати, происходят массивные подставки призматической формы в виде высоких продолговатых кирпичей с приподнятыми верхними краями. На верхней вогнутой поверхности имеются в одном случае два желобчатых углубления, в другом – три (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 43. Табл. XIX, 1). Почти в центре боковых сторон каждой подставки находится сквозное отверстие. Эти подставки являются разновидностью роговидных подставок. В Закавказье и Дагестане подобные подставки не обнаружены. Они аналогичны полностью “рогатым” кирпичам (Крулинского поселения в Кабардино-Балкарии (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Табл. III, 1–5).

Подставки цилиндрической формы обнаружены в Нахичеванском Кюльтепе I, Шенгавите, Гарни, Тквиави, Згудрис-Гверда, Пулуре, поселениях Северо-Восточного Кавказа (Мекеги, Галгалатли, Серженьюрт, Луговое) и других памятниках (Макалатия С.И., 1943. Рис. 27; Куфтин Б.А., 1947. Табл. II, 4; Рис. 10, 2; Мунчаев Р.М., 1961. С. 124. Рис. 44, 1–2; 1975. Рис. 29, 14; 78, 1–3; Kosay H.Z., Vayn H., 1964. Pl. XXVI; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. I; 1969. Табл. XXI; и др.). Для них свойственны определенная вогнутость в средней части и наличие на большинстве ручек, а на некоторых имеются поперечные сквозные кругло-овальные отверстия, сделанные почти в центре подставки (табл. 10, 6).

В коллекции куро-аракской керамики представлены также подставки иных типов, но они встречаются редко. Так, обращают внимание подставки на трех, как правило, ножках, иногда орнаментированные. Они известны пока только из памятников Армении – Шенгавита, Шрешблора, Мохраблора, Двина и Арича (Ханзадян Э.В., 1967. Табл. XVIII; Хачатрян Т.С., 1975. С. 72, 73. Рис. 33). Совершенно иной тип составляют подставки как бы непра-

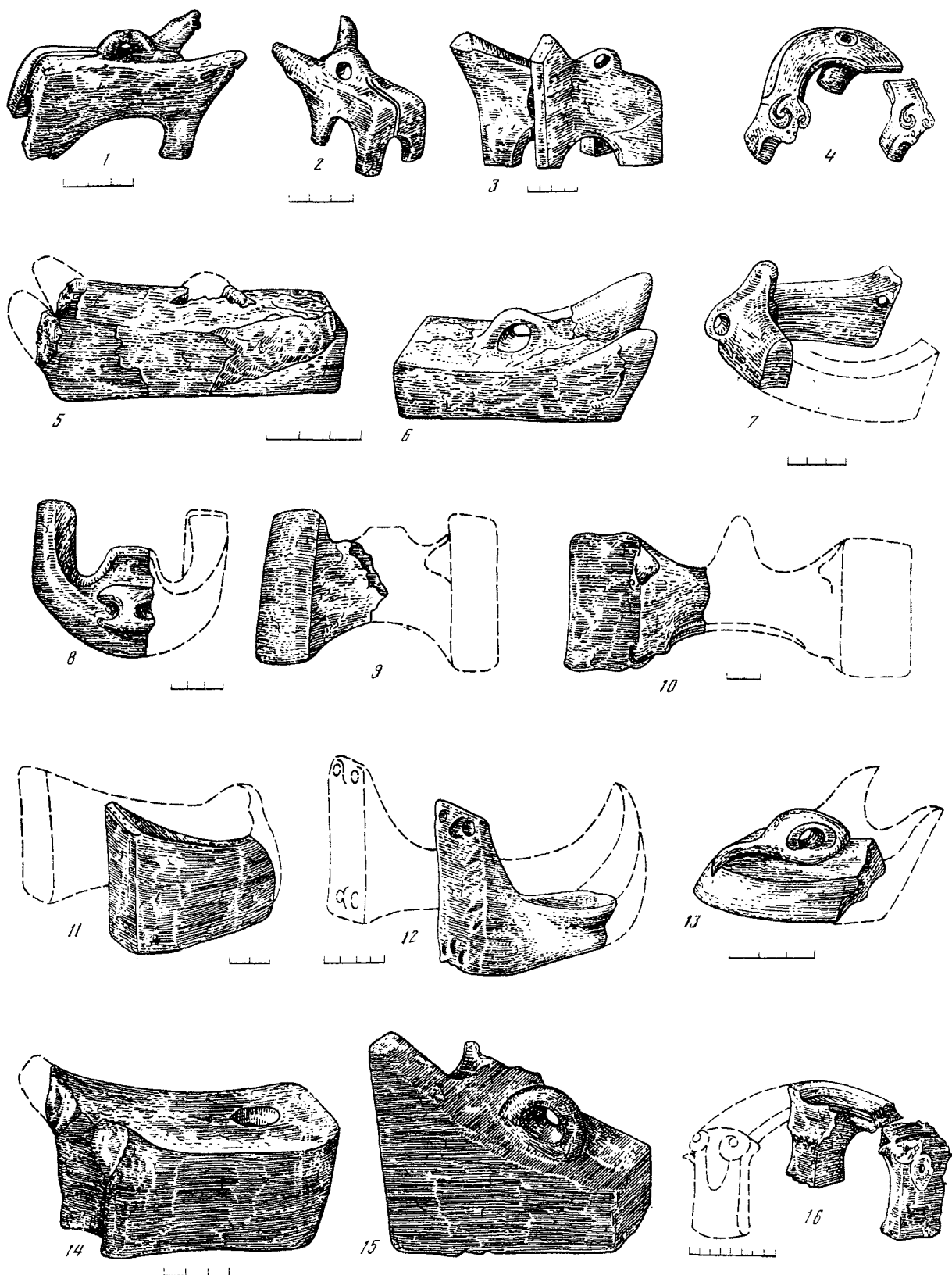

Таблица 13. Куро-аракская культура. Глиняные очажные подставки

1-4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16 - из памятников Армении; 5, 8, 11 - Нахичеванский Кюльтепе I; 14 - Луговое поселение

вильной полусферической формы на четырех ножках, найденные, например, в Серженьюртовском поселении I (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 78, 5–6). Крайне интересны подобного типа подставки с ручкой из Шрешблур и Мохраблур (табл. 13, 1–3) в виде стилизованной фигуры быка (Куфтин Б.А., 1964. Рис. 59; Арешян Г.Е., 1972. Рис. 1, 4). Обнаружены в единичных экземплярах и подставки других форм (Куфтин Б.А., 1948. Табл. XXXI; Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 44, 3–4; Kosay H., 1976. Fig. 32, 5; и др.).

Рассмотренные глиняные очаги и очажные подставки употреблялись в быту при совершении различных культов, по всей вероятности, почти на всем протяжении развития куро-аракской культуры и в значительной части ареала последней. Некоторые их формы, в частности совершенно аналогичные алтари, встречены в комплексах кирбекеракской керамики в Восточном Средиземноморье.

Использовать рассмотренный комплекс глиняных очагов и очажных представок для конкретизации датировки памятников, в которых они представлены, и определения локальных особенностей развития культуры в той или иной области ее распространения можно будет в дальнейшем, когда мы будем располагать более значительным стратифицированным материалом*. Это в еще большей степени касается, пожалуй, и таких керамических находок, как пряслица и колеса от моделей повозок. Среди последних есть “колесики”, сделанные из обломков стенок сосудов и использовавшиеся, возможно, и в качестве пряслиц. Обращают на себя внимание колеса (диаметром от 3,5 до 10 см) с четко выделенной ступицей. Они обнаружены во многих поселениях (Куфтин Б.А., 1941. Рис. 104; Пиотровский Б.Б., 1949б. С. 176; Абибуллаев О.А., 1957. Рис. 11, 3, 4; Мунчаев Р.М., 1961. С. 98, 99; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. V; и др.). В данной связи огромный интерес представляют найденные в поселении Арич наряду с колесами со ступицей другие части от модели повозки, в частности кузова нескольких типов (Хачатрян Т.С., 1975. С. 73, 74. Рис. 35). Все эти находки указывают на широкое применение племенами куро-аракской культуры повозок, имевших, вероятно, массивные деревянные колеса.

Перейдем теперь к рассмотрению наиболее значительной части керамического комплекса – посуды. Последняя настолько интересна и своеобразна, что позволяет квалифицировать ее как наиболее характерный атрибут всей куро-аракской культуры. Несмотря на это, мы не имеем до сих пор специальной работы, в которой была бы проана-

лизирована должным образом вся керамика куро-аракской культуры. Но изученность ее в целом такова, что мы можем не только дать в настоящее время ее обобщенную характеристику, но и выявить особенности форм глиняной посуды и ее ornamentации применительно к отдельным регионам куро-аракской культуры. Более того, представляется возможным установить даже в определенной степени и генезис этой керамики.

Выше мы уже отметили, что ни по технологическим признакам, ни по формам, ни по ornamentации глиняные сосуды куро-аракской культуры не связаны генетически с керамикой местных неолитических памятников (VI–IV тысячелетий до н.э.). Предлагаемые же сейчас попытки увязать эти комплексы керамики между собой по отдельным чертам, прослеживаемым на керамике ряда памятников Закавказья и Дагестана, выглядят пока недостаточно убедительными. Куро-аракская посуда в отличие от неолитической керамики более совершенна по качеству и технике производства и несравненно разнообразнее по формам. Для нее нехарактерна роспись. Сосуды изготовлены вручную, но весьма тщательно, из хорошо промытой глины с разными примесями (шамот и пр.). Исключительная симметричность отдельных из них позволяет высказать предположение о возможности их изготовления с помощью гончарного круга. Более того, обнаружено несколько горшков и обломков сосудов, содержащих более четкие признаки, указывающие на применение гончарного круга при их производстве (Чубинишвили Т.Н., 1971. С. 43–45). Самой отличительной особенностью значительной части этой посуды являются красная и преимущественно черная, прекрасно лощеная, иногда до металлического блеска, наружная поверхность и “розовая подкладка” изнутри. В некоторых периферийных районах распространения культуры цвет лощения сосудов иной – серо-светло-коричневый, буроватый, и розовый, а в других встречается красно-охристая керамика с пачкающей поверхностью (Мунчаев Р.М., 1975. С. 161).

Наиболее типичные формы посуды: крупные плоскодонные широкогорлые сосуды с округлым туловом и большие яйцевидные сосуды с непропорционально узким дном; округлые сосуды с цилиндрической шейкой и кувшины; горшки и кружки с вертикальными стенками; чаши и миски; кубки и др. Среди последних обратим внимание на разнообразные сосуды (табл. 5, 19) с продырявленными сквозными отверстиями (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Табл. XXVI; Kosay H.Z., Vary H., 1964. Tab. XXVII, XXIX), использовавшиеся, вероятно, как сита при изготовлении молочных продуктов и масляйки (Нариманов И.Г., 1973. С. 59–64). Отдельную группу составляют круглые плоские жаровни диаметром до 40 см, толщиной не менее 3 см (табл. 3, 36).

*Роговидные и подковообразные очажные подставки встречаются как в ранних, так и в поздних комплексах куро-аракской культуры. Они обнаружены в древнейшем слое (Е) Хизанаантгоры (Киквидзе Я.А., 1972. С. 95), характеризующем ранний этап развития рассматриваемой культуры в Шида Картли.

Большинство сосудов снабжено специфически ручками в виде полушарий – от одной (на кружках и горшках) до трех (на больших сосудах). Следует признать типичными для рассматриваемой керамики и дисковидные крышки с ручкой в центре от горшков и мисок (табл. 5, 15; 7, 10, 11; 8, 21–24).

Крайне интересна орнаментация керамики. Орнамент встречается почти на всех формах посуды, а в редких случаях и на крышках сосудов. Наиболее характерными орнаментальными мотивами являются рельефные и выпукло-вогнутые изображения в виде двойных спиралей*, соединенных горизонтальной перемычкой, и концентрических кругов, ромбов, прямоугольников, лицевых изображений, различных налепов и др. Среди последних – схематически выполненные изображения птиц (преимущественно, видимо, аистов) и животных – лисы или собаки, горного козла, а также змеи (Шаншашвили Н.Э., 1990. С. 8). На некоторых крышках сосудов имеется резной или рельефный орнамент, в частности (из Квацхелеби, Гудабертка и Геойтепе) в виде изображения оленя с ветвистыми рогами (табл. 5, 16), а крышка из Нахичеванского Кюльтепе I была расписана черной и красной краской (Абибуллаев О.А., 1963. Рис. 6, 1). Для определенной группы керамики характерна резная геометрическая орнаментация. Отметим крайне любопытные изображения в виде пиктографических знаков, процарапанных на сосудах из Амиранисгора и Озни (Куфтин Б.А., 1948. Рис. 15, Чубинишвили Т.Н., 1963. Табл. V)**.

Такова самая общая характеристика глиняной посуды куро-аракской культуры в целом. Многие из отмеченных особенностей керамики мы наблюдаем во всем обширном ареале куро-аракской культуры, прежде всего на территории западных районов Азербайджана, Грузии и всей Армении. Однако уже при беглом обзоре этой керамики бросается в глаза определенное своеобразие глиняной посуды из памятников различных регионов, причем не только периферийных. Полного единства не дают керамические комплексы Араратской долины и других областей Армении. Заметным своеобразием отличается керамика на территории Грузии, где четко в отдельные группы выделяются комплексы из памятников Дидубе–Кикети, Квемо Картли, Шида Картли и Кахетии. Далеко не иден-

тична посуда, например, из Нахичеванского Кюльтепе I и поселения Бабадервиш. При всей очевидной близости к закавказской керамике достаточно специфична глиняная посуда из памятников Дагестана и смежных с ним районов Азербайджана. Своими особенностями отличается керамика куро-аракского типа и на территории Ирана, в особенности поселения Годиятепе IV (Young Т.С., 1969, P. 73). Наконец, особый характер носят комплексы глиняной посуды из памятников Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, особенно Лугового поселения с его синкретической культурой.

Это своеобразие керамических комплексов отдельных регионов куро-аракской культуры объясняется как локальными факторами, так и хронологическими. Рассмотрим эти комплексы по отдельным территориально-локальным группам памятников куро-аракской культуры.

В основу характеристики керамики юго-западной группы памятников положены прежде всего систематизированные материалы Амиранисгора. Устанавливается, что для первого горизонта данного памятника (табл. I, 23–28) “характерно преобладание светлой и бурой посуды над единичными темнолощенными экземплярами и разнообразие форм, среди которых повторяются кувшины с узким цилиндрическим горлом, сферическим и биконическим туловом и широкогорлые одноручные или двуручные сосуды. Полусферические и ленточные ручки сосуществуют. Орнамент налепной (спираль, концентрический круг) либо процарапанный после лощения в виде отдельных знаков” (Кушнарева К.Х., Чебинишвили Т.Н., 1970. С. 140). Представлены и овальные в плане миски.

Сосуды второго этапа здесь сближаются по форме с вышеотмеченными (табл. 1, 10–12, 14–20). Наиболее архаичными среди них представляются крупные темнолощенные, “на розовой подкладке” толстостенные сосуды, украшенные рельефными изображениями в виде птиц и двуспиральных фигур с лунницей – подвеской посередине. Новые типы посуды – это главным образом сероглиняные трехчастные сосуды с резкими переходами от высокого, расширяющегося к основанию горла к выпуклому тулову, которое сужается затем к небольшому днущу. Еще одну группу представляют крупные (высотой до 80 см) горшки с низкой широкой горловиной, сильно вздутым туловом и узким днущем. Встречены также маслобойка, плоские миски, овальная жаровня с проемом в низком бортике и т.д. Сосуды украшены преимущественно рельефным орнаментом в сочетании с выемчатым. Мотивы те же (лунницы, спирали, парные журавли, “шпалы”), хотя появляются и новые сюжеты – летящие птицы (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 151–152).

Керамика третьего этапа на Амиранисгора представлена тонкостенными чернолощенными сосудами изящных форм, отличающихся расширенной верхней или средней частью тулова, резко су-

*Предполагается, что двойная спираль – это символ верховного божества (Шаншашвили Н.Э., 1990. С. 7). Иногда он имеет антропо- или зооморфный облик.

**Отдельные знаки на сосуде из Озни сопоставляются со знаками на древних системах письма, в частности хетто-лувийской иероглифической письменности. Предполагается, например, что ознийскую пиктограмму можно прочесть следующим образом: “Дорога великого бога в храм”. Знаки же на сосуде из Амиранисгора рассматриваются как календарь (Шаншашвили Н.Э., 1990. С. 11–13).

Изучение всех групп знаков на куро-аракской керамике показывает, что почти все они находят параллели в архаических системах письма (Шаншашвили Н.Э., 1990. С. 14, 15).

живающейся к маленькому днищу (табл. 1, 1–3, 5–7). Ручки полушарные и ленточные. Орнамент процарапан или нанесен вдавленными линиями, в виде отдельных треугольников (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 156).

Наибольшую близость типологически сосуды первых двух этапов из Амиранигора обнаруживают с керамикой Пулура близ Эрзерума и Караза (горизонты XV–VII), где удается проследить ее эволюцию на протяжении значительного отрезка времени (Kosay H.Z., 1959; Kosay H.Z., Vagu H., 1964). С последней по ряду признаков сближается и глиняная посуда из Пулура в районе Элязига. Отсюда происходит интересный керамический комплекс (табл. 2), включающий культовые очаги и алтари – подставки с антропоморфными деталями (табл. 2, 23) и чернолощенные сосуды с рельефным орнаментом (табл. 2, 1, 2, 4–7) в виде лицевых изображений (Kosay H.Z., 1976. Fig. 19, 1, 2, 36, 48, 49). В нашей литературе дана уже сравнительная характеристика керамики восточноанатолийских памятников, в частности Караза (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 140, 141).

При всей близости к вышеописанной достаточно своеобразна керамика Араратской долины (табл. 3, 3–37). Э.В. Ханзадян детально исследовала ее, как и соответствующие комплексы из памятников ранней бронзы других областей Армении. Она расчленила ее на три периода и ряд локальных групп. К первому периоду отнесена керамика трех групп: шрешблурская, карнутско-кировкаканская и каразская (Ханзадян Э.В., 1967. С. 109–111). Посуда этого периода отличается трехчастным делением (табл. 3, 3–15, 19, 22, 28–35). Характерными мотивами орнамента являются выполненные выемчатым и рельефным способом спирали, концентрические круги, растительные узоры и т.д., часто в сочетании со спиральным узором в центре всей композиции. Высоким художественным мастерством исполнения особенно отличаются сосуды из эчмиадзинских поселений (Шрешблур, Кюльтепе, частично Шенгавит и др.). В этот период появляются также прямолинейный геометрический орнамент и отдельные сосуды начинают украшаться округлыми ямками.

Керамика второго периода, расчленяющаяся на две локальные группы, сохраняет многие особенности в формах и орнаментации сосудов, характерные для первого периода. Широко распространяется резной тонколинейный геометрический орнамент (табл. 3, 22–26, 30, 33, 37), которым обычно украшена шейка сосудов, в то время как тулово орнаментировано рельефно-вогнутым, узким, желобчатым узором (Ханзадян Э.В., 1967. С. 110). Такая керамика, преимущественно чернолощенная, представлена также в памятниках Грузии (поселения в районе Тбилиси, Бешташени и др.) и Азербайджана (Бабадервиш и др.).

Для третьего периода выделяются три локальные группы керамики (эларская, шенгавитская и

арагацкая), в которые включены соответствующие комплексы из памятников других областей Кавказа, а также Восточной Анатолии и Ирана.

Для керамики этого периода характерна заметная упрощенность форм и орнаментации. Типичными становятся сосуды с вытянутым корпусом и плавным переходом от тулова к горловине. Отмеченные выше мотивы орнаментации, выполненные в различной технике, в основном исчезают. Значительная часть сосудов украшена небольшими вдавленными ямками и выступами и лишена ручек (Ханзадян Э.В., 1967. С. 110).

Достаточно своеобразна керамика шида-картлийских памятников, объединяемых в северо-западную группу (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 142). На основании стратиграфических данных она также расчленяется на три последовательных этапа. Первый представлен материалами древнейшего слоя (E) Хизанаантгора. Они весьма ограничены и характеризуются сосудами яйцевидной формы бурого, красного и коричневатого-желтого цвета, залощенными, с небольшими ручками, иногда в виде горизонтально просверленных выступов, без орнамента (лишь на одном тонкостенном сосуде резной геометрический узор). Связь их с керамикой верхних слоев поселения очевидна (Киквидзе Я.А., 1972. С. 95).

Второй этап представлен значительным материалом из слоя C₁₋₃ Квацхелеби (табл. 5, 1–4, 6, 7, 9, 10, 12–15, 19–22), соответствующего слоя Хизанаантгора и других памятников. Керамика отличается толстым и преимущественно многослойным черепком и слабым обжигом; мало дифференцированными частями сосудов; резким ребром вокруг средней части корпуса; крайне небольшим числом орнаментированных сосудов (резной орнамент); специфическими формами посуды (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. С. 63). Представлены крупные сосуды с одной, двумя и тремя ручками, сосуды на поддонах, в том числе покрытых сплошными отверстиями (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXVI, 1, 3), миски с одной или двумя ручками, в том числе парными округлыми налечами, горшочки с плавно отогнутым венчиком, иногда с ручкой, и др. Немало крышек для сосудов, они плоские, круглые, имеют в центре обычную ручку; одна крышка украшена рельефным изображением оленя (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXVII, 3), подобно крышкам из Гудабертки (хранится в Горийском историко-этнографическом музее) и Гейтепе (Burton-Brown T., 1950).

Наконец, третий этап представляет керамика из слоя B₁₋₃ Квацхелеби. Она сохраняет традиции предшествующего периода (табл. 5, 8, 11, 16, 18). Этот этап характеризуется появлением хорошо обожженной керамики с плотным и тонким черепком, блестящей чернолощенной поверхностью и розовой и серой подкладкой, большей дифференциацией общей формы и отдельных частей сосу-

дов, оформившимся графическим орнаментом, охватывающим сосуды единым декоративным поясом, сравнительным обилием сосудов с росписью, преимущественно черного цвета и довольно простых мотивов (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. С. 63).

При всем очевидном своеобразии керамики Шида Картли, в частности поселений Хизанаантгора и Квацхелеби, она вместе с тем обнаруживает четкие соответствия в керамике многих других памятников куро-аракской культуры. И правы исследователи, когда пишут, что “трудно найти в Грузии и на Южном Кавказе такой памятник данного периода, с керамикой которого Квацхелеби не имел бы точек соприкосновения” (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. С. 63). Но особенно важен не столько этот факт, а сколько то, что представляется возможным сопоставлять керамику из определенных, стратиграфически четких слоев Квацхелеби–Хизанаантгора (начиная с Хизанаантгора Е) с комплексами глиняной посуды ряда нестратифицированных памятников Закавказья, таких, как Дидубе, Кикети, Озни и другие (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. С. 64; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 142, 143).

Что же касается керамики из памятников северо-восточной группы, то она, судя по материалам из погребения Кабалы, Мингечаурского поселения и могильника и некоторых других памятников, лишена специфических форм и особенностей (табл. 6, 2–7). Сосуды ангобированы, серых тонов, однообразны по форме, представляют кувшины с яйцевидным туловом, высокой и широкой цилиндрической шейкой и непропорционально узким днищем, с двумя ручками (Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. С. 34, 35, табл. XI, 1–4; Казиев С.М., 1965. Табл. 1–3). Единичными образцами представлены в Мингечауре и некоторые другие формы сосудов (миска и т.д.), в том числе с чернолощеной поверхностью и украшенные выемчатым орнаментом в виде двух волн. Эта посуда в целом довольно близка к дидубе-кикетской керамике (табл. 6, 6, 7) и находит аналогии среди отдельных типов сосудов из ранних слоев Хизанаантгора и Квацхелеби, а также среда крупных толстостенных кувшинов Бабадериша, Нахичеванского Кюльтепе I, Геойтепе К и других памятников. Поэтому ее относят к первому этапу развития куро-аракской керамики (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 144, 154).

На территории Азербайджана богатый керамический комплекс куро-аракской культуры происходит из Бабадериша (табл. 7). Керамика этого поселения по сравнению, например, с мингечаурской, выше по качеству, разнообразнее по формам (распадается на ряд групп и типов) и богато украшена, как выемчато-рельефным, так и резным геометрическим орнаментом (Исмаилов Г.С., 1978б. С. 22–56. Табл. I–XVII). Здесь мы видим почти все характерные для куро-аракской культу-

ры формы сосудов (табл. 7, 1–43). Высказано предположение, что бабадеришская керамика отражает несколько этапов периода ранней бронзы, включая наиболее ранний, представленный кувшинами с цилиндрической горловиной и другими формами посуды (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 144, 145). Но оно не кажется достаточно убедительным. Ведь эти архаичные формы сосудов могли сохраняться как пережиточные на данном поселении. К тому же сам исследователь памятника рассматривает керамику Бабадериша как единый комплекс, сопоставляя его главным образом с керамикой поселений, расположенных к западу, на территории Армении. По нашему мнению, она в целом соответствует отмеченным выше первым двум периодам развития куро-аракской керамики Армении (по Э.В. Ханзадян) и второму и третьему этапу развития керамики Шида Картли.

Приступая к рассмотрению керамики юго-восточной группы памятников куро-аракской культуры, следует отметить прежде всего, что до сих пор не проведена увязка комплексов керамики Нахичеванского Кюльтепе I с определенными строительными уровнями его восьмиметрового слоя эпохи ранней бронзы и тем самым не установлены последовательные этапы в ее развитии (Абибуллаев О.А., 1982. С. 126–134). Однако, изучив материалы этого памятника, а также керамику Геойтепе К и Яниктепе, К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили расчленили весь этот комплекс на три хронологических этапа*. Ранний из них представлен прежде всего керамикой нижней части куро-аракского слоя Кюльтепе I. Она отличается грубоватой выделкой и неравномерным обжигом, буровато-коричневым и преимущественно серым цветом. Основная форма посуды – кувшин с округлым корпусом, цилиндрическим горлом и двумя или тремя ручками, полусферическими или петлевидными (табл. 8, 19, 20). Имеются также горшки баночной формы, с одной ручкой (табл. 8, 1, 2, 4, 6, 8, 15), небольшие округлые чаши и глубокие миски (табл. 8, 11), а также крышки (Абибуллаев О.А., 1959. Табл. 21–24). Орнаментированы лишь отдельные сосуды, преобладают налепные украшения (двойная спираль в сочетании с треугольными фигурами, М-образные знаки, концентрические круги, “шпалы”), изредка встречаются простые и резные узоры (Абибуллаев О.А., 1963. С. 164–166. Рис. 8).

Керамика же раннего горизонта (K₁) Геойтепе отлична по ряду признаков от кюльтепинской, но имеется сходство в отдельных формах. Она также редко украшена, причем в орнаментации наблюдаются близкие мотивы. Их объединяет и наличие одинаковых форм крышек сосудов. Все это позво-

*К сожалению, не опубликовано специальное исследование, посвященное изучению керамики памятников Нахичевани эпохи ранней бронзы. Автор его расчленяет эту керамику также на три хронологические группы (Ашуров С.Г., 1992).

ляет считать керамику нижней части слоев ранней бронзы на Кюльтепе I и Геойтепе К синхронной и рассматривать ее как наиболее ранний комплекс глиняной посуды куро-аракской культуры в данном регионе ареала этой культуры (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 147, 148).

Керамика второго этапа данной группы памятников куро-аракской культуры характеризуется материалами Геойтепе К₂ и К₃. Хотя сохраняются отдельные формы сосудов, типичные для предшествующего этапа, в целом керамика имеет более развитый облик. Она почти вся чернолощеная, сравнительно разнообразна и иначе орнаментирована – сосуды украшены не отдельными налепными фигурами, а различными сочетаниями округлых и продолговатых вдавлений. Встречаются горшки на круглом поддоне и с вдавлениями на днищах (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 154).

Наконец, керамика третьего этапа представлена здесь посудой Яниктепе, большинство которой черного или серого цвета (табл. 9, 1–18). Среди последней большие узкогорлые кувшины с тремя полушаровидными или ленточными ручками, близкие по форме найденным в Амиранисгора, Квацхелеби, Бабадерише и Арагаце, сосуды с округлым туловом и высоким цилиндрическим горлом, глубокие чаши, бочонкообразные сосуды, миниатюрные горшочки, а также подставки для сосудов. Сосуды часто украшены резным орнаментом в виде поясов, покрытых штриховкой. Встречены схематизированные изображения птиц, спиралей и т.д. На сосудах из верхних горизонтов периода ранней бронзы Яниктепе орнамент уже отсутствует (Young С.А., 1961а; 1962; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 160, 161).

Керамика же из памятников более южных регионов, в частности Годинтепе IV, к сожалению, опубликована пока крайне недостаточно, что затрудняет ее сколько-нибудь подробную характеристику (Young Т.С., 1969. Р. 9, 10. Fig. 11, 12). Она, как правило, темно-серого цвета (сосудов с чернолощеной поверхностью как будто бы нет) и не отличается разнообразием форм. Выделяются три основных типа. Это миски, кувшины с округленно-вытянутым корпусом и прямой высокой шейкой и небольшие одноручные горшки. Они имеют аналогии в керамике ряда памятников куро-аракской культуры. Ручки имеются и на кувшинах (одна), но во всех случаях они лентовидные. Орнамент представлен на всех типах посуды и состоит в основном из узких, часто опоясывающих весь сосуд полос, составленных из резных и вдавленных зигзагообразных линий или мелких штампованных треугольников. Днище одной из мисок украшено пятью (?) штампованными изображениями четырехконечных звезд. Единичные мотивы или элементы декора имеют аналогии в орнаментации куро-аракской керамики, но в целом орнаментация посуды Годинтепе IV, как и способы ее выполне-

ния, достаточно специфичны. Как сложился данный керамический комплекс и прошел ли он какие-либо этапы в своем развитии, неизвечно. Он производит впечатление единого в хронологическом плане комплекса и должен быть отнесен, по всей вероятности, к заключительному периоду куро-аракской культуры, когда последняя получила распространение на данной территории.

Рассмотрим теперь керамику памятников, расположенных в наиболее северных и северо-восточных регионах ареала куро-аракской культуры – в Иори-Алазанском бассейне близ южных склонов Кавказского хребта (Кахетии) и на Северо-Восточном Кавказе.

В бассейне Иори и Алазани выделяется четкая локальная группа памятников рассматриваемой культуры. Соответственно намечаемой периодизации этих памятников представленная в них керамика расчленяется на две хронологические группы. Раннюю группу составляют сосуды из поселения Сиони, Гречи и Земо-Бодбе и кургана Машнаади II (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 67–73; 1970. С. 10–14).

Керамика сионского типа отличается от всей вышеописанной керамики прежде всего своими технологическими особенностями. Она изготовлена из тонкоотмученной глины с редкими примесями песка, кварца и др., красного или красно-охристого цвета, имеет пачкающий черепок. Большая часть сосудов покрыта тонким слоем ангоба коричневатого-буроватого цвета и заполирована, другая же, с более плотным черепком и лучшим обжигом, совершенно не ангобирована. Имеются также сосуды довольно грубой выделки, светло-коричневого и более темных тонов. Что же касается серо- и чернолощеной посуды, то последняя представлена всего несколькими фрагментами.

Наибольшую близость по формам сионская керамика обнаруживает с посудой типа Дидубе-Кикети и особенно нижних горизонтов Хизанаантгора-Квацхелеби. Здесь представлены высокогорные сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком, миски и горшки баночной формы (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. Рис. 18, 19). Отдельные сосуды были снабжены ручками (от одной до трех, но еще не полушарной формы) и украшены иногда рельефными и желобчатыми орнаментами.

Красно-охристая керамика, аналогичная по технологическим особенностям сионской, обнаружена еще в ряде памятников ранней бронзы на территории Грузии (Тетрицкаро, Самшвилде и др.). Но более всего она характерна для комплексов ранне-бронзового века Северного Кавказа, в частности сосуды красно-охристого цвета, покрытые нередко коричневатым ангобом, типичны для майкопской культуры позднего этапа ее развития. Если сопоставлять сионскую керамику с посудой определенной группы памятников Северного Кавказа, то выясняется, что наибольшую близость она проявляет с керамикой Шау-Легет в Северной Осетии, Сер-

женьюртовских (I и II) поселений в Чечне и особенно Лугового поселения в Ингушетии, т.е. с памятниками северных склонов Кавказского хребта (Мунчаев Р.М., 1961. С. 101–131; 1975. С. 340–361). В Луговом поселении обнаружены не только аналогичная в технологическом отношении керамика, но и довольно близкие сионским, а также шида-картлийским формы посуды и глиняных очажных подставок. Здесь на единичных сосудах представлен и рельефный спиральный, и резной орнамент (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 30, 1–5). Но в отличие от керамики южных склонов Кавказского хребта, в частности Иори-Алазанского бассейна, керамика Лугового поселения включает в себя типы посуды и орнамент, характерные для майкопской культуры.

Возникает вопрос, откуда начала распространяться прежде всего технология изготовления красно-охристой керамики – из Закавказья на Северный Кавказ или наоборот? Исходя из того, что в Кахетии данная керамика представлена ранними формами сосудов, близкими дидубе-кикетским и некоторым шида-картлийским (Хизанаантгора Е) образцам, некоторые исследователи (Дедабришвили Ш.Ш. и др.) считают, что она появилась раньше в Закавказье, на территории Грузии, и отсюда распространилась на Северный Кавказ. Соответственно, по их мнению, должно быть пересмотрено хронологическое положение, в частности Лугового поселения. Едва ли будет нужно подробно рассматривать здесь данный вопрос, являющийся довольно сложным и требующим специального изучения.

Вернемся к керамике Иори-Алазанского бассейна. Развитую (или позднюю) ее группу составляют посуда из поселений Илто (IV и частично III слой) и Алаверди и погребений в Илто и других могильниках. Лучше изучен комплекс керамики из Илто, разделяющийся на две большие группы: кухонную и столовую посуду. Преобладают сосуды первой группы. Они сравнительно грубой выделки (в глине примеси песка) и неравномерного обжига коричневато-буроватого тонов. Многие ангобированы и залощены. Ряд сосудов сформирован с помощью ткани полотняного плетения. Основная форма – горшки баночной формы высотой от 12–13 до 30–50 см. Отдельные сосуды украшены орнаментом в виде налепных полос с вдавлениями, рельефными волнообразными линиями и различными насечками. Некоторые горшки имеют ручки в виде главным образом вертикальных и горизонтальных выступов. На корытообразных сосудах, мисках-чашах и жаровнях ближе к верхнему краю имеются округлые сквозные отверстия.

Столовые сосуды (вторая и третья группы по Ш.Ш. Дедабришвили) изготовлены из хорошо отмученной глины с небольшой примесью мелкозернистого песка, имеют плотный черепок и светлосили чернолощеную поверхность при “розовой” подкладке. Среди них крупные корчаги; разнообразные, нередко узкогорлые сосуды с тремя ручками; горшки и кувшины с одной ручкой; миски, ча-

шечки, а также чаша на подставке из погребения (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. Рис. 7, 1) и др. Продолжают сохраняться ручки-выступы, но уже появляются полусферические ушки и коленчатые и лентовидные ручки. Разнообразен орнамент на сосудах – резные шевроны, заштрихованные ленты, одиночные или парные округлые вдавления, рельефные концентрические круги, изображения в виде перевернутого полумесяца и т.д. (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 64–60; 1970. С. 8, 9). Эта керамика находит более всего аналогий в соответствующих комплексах Шиды Картли и Северо-Восточного Кавказа. Отдельные мотивы орнамента, встречающиеся на ней, оказываются типичными и для керамики последующих за куро-аракской культурой памятников (Дедабришвили Ш.Ш., 1970. С. 9). Данное обстоятельство, как и наличие здесь отдельных форм сосудов алазани-беденского типа, указывает на то, что этот керамический комплекс в целом относится к позднему этапу рассматриваемой культуры. Этим, по нашему мнению, объясняется тот факт, что керамика Илто и других близких ему памятников Кахетии находит соответствия в керамике Шиды Картли и, пожалуй, в еще большей степени Северо-Восточного Кавказа (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 51–60; 1970. С. 7–9). Связь между керамикой Иори-Алазанского бассейна и Северо-Восточного Кавказа, прежде всего Чечено-Ингушетии, проявляется не только в почти одинаковых формах посуды и мотивах орнамента, но и в наличии в тех и других комплексах близких по форме глиняных крышек сосудов, моделей колес и очагов, а также в использовании иногда при формовке сосудов тканевой основы.

Несомненный интерес представляет и керамика периода ранней бронзы Дагестана. В этой части Северо-Восточного Кавказа в отличие от Чечено-Ингушетии влияние майкопской культуры, в частности в керамике, практически не прослеживается. Данный регион входил в ареал куро-аракской культуры. Об этом свидетельствует и наиболее массовый материал (керамика), представленный в памятниках как равнинного, так и горного Дагестана. Определенную близость к глиняной посуде из дагестанских памятников, особенно приморской части края, обнаруживает керамика из поселений, расположенных в смежных районах Северного Азербайджана. К сожалению, последняя до сих пор мало опубликована.

Керамика памятников Дагестана описана подробно (Мунчаев Р.М., 1961. С. 73–101; 1975. С. 181–190; Гаджиев М.Г., 1981. С. 13–17; 1991. С. 201–213), ограничимся поэтому ее общей характеристикой. Сосуды изготовлены из глины с различными примесями (шамота и др.). Они отличаются в основном тщательностью лепки, неплохим обжигом, хорошо заглаженной или лощеной, иногда до блеска, поверхностью преимущественно серо-светло-коричневого, буроватого и розового цвета. Чернолощенная керамика крайне редка. В

отдельную группу выделяются сосуды, поверхность которых обмазана глиной.

Среди первой группы – гладкостенной посуды – представлены крупные сосуды, разнообразные горшки и миски. Большие сосуды (высотой до 84 см) отличаются цилиндрической шейкой, яйцевидным корпусом и узким дном (табл. 10, 11, 12), на тулове отдельных из них имеются две или три ручки, обычные круглопроемные (так называемые полушарные ручки, представленные широко на куро-аракской керамике Закавказья и Восточной Анатолии, здесь по существу отсутствуют). На плечиках некоторых из больших сосудов, найденных в поселениях равнинного Дагестана, размещался рельефный орнамент в виде спиралей (часто двойных) и различных геометрических фигур (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 16–21. Табл. VI–VII; 1975. Рис. 31). Для керамики горного Дагестана такой орнамент нехарактерен (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 29).

Следующий тип сосудов – разнообразные горшки, в том числе с цилиндрической шейкой и слегка вздутым туловом (табл. 10, 10, 13), иногда с одной или двумя ручками, в том числе в виде выступов, редкие из них украшены налепами в виде спиралей, кругов и округлых выпуклостей или вдавленными линиями и углублениями. Другая распространенная форма – горшки цилиндрической и конусовидной формы, снабженные редко одной-двумя ручками (табл. 10, 7, 14–16). Эти горшки, как и большие яйцевидные сосуды, аналогичны соответствующим формам посуды из ряда куро-аракских памятников Закавказья.

Среди керамики из памятников Дагестана и близлежащих районов Азербайджана имеются горшки и других форм, а также кувшины, но все они в небольшом количестве (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 23, 1, 2).

Обращают на себя внимание серолощенные глубокие чаши с заходящим внутрь бортиком, некоторые из которых украшены ниже края венчика сквозными отверстиями и имеют ручки в виде петли (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 24). Такие чаши представлены в комплексах Кахетии типа Илто. Любопытно, что в Каякентском поселении и Гевдешантепе (Азербайджан) найдены миски или чаши на высоком расширяющемся книзу поддоне (Мунчаев Р.М., 1961. Табл. VI, 5), как в отмеченном выше погребении в Илто.

Значительную часть керамики восточнокавказских памятников составляют миски плоскодонные (табл. 10, 8). Они встречены во всех памятниках Дагестана и Северного Азербайджана. Верхний край их часто завернут внутрь, что сближает их с мисками из Кахетии. Для них характерно двустороннее лощение по ангобу, преимущественно коричневого и бурого цвета. На отдельных поселениях (Гильярском, Великентском и др.) встречены также миски с великолепной чернополированной внутренней поверхностью. Некоторые из мисок снабжены одной или двумя ручками, чаще всего в

виде продолговатых выступов с углублениями по бокам или сквозным узким проемом.

Вторую сравнительно небольшую группу керамики составляют сосуды со специфически обработанной наружной поверхностью, беспорядочно обмазанной жидкой глиной. Обжиг их слабый, а цвет серый и темно-серый. Довольно своеобразны формы и орнаментация сосудов. Ввиду ограниченности материала затруднительно пока подразделять эту группу керамики по каким-либо устойчивым признакам на определенные типы. Можно говорить лишь о двух типах: больших сосудах и различных горшках (Мунчаев Р.М., 1961. С. 93–97; 1975. С. 188, 189). К тому же среди них нет сосудов, повторяющих формы посуды первой группы керамики.

Орнамент в виде валика или налепной полосы, часто украшенной защипами или пальцевыми углублениями, располагается в верхней части сосудов. Причем на орнаментированных сосудах от края венчика до орнаментального пояса (иногда и несколько ниже его) поверхность обычно гладкая, лощеная.

Сосуды с обмазанной жидкой глиной поверхностью и отмеченным орнаментом совершенно не характерны для куро-аракской керамики, как и сами формы посуды. Их можно лишь сопоставлять с отдельными образцами кухонной посуды из Илто, украшенными налепными полосами с вдавлениями (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. Рис. 11). Отметим также, что в ряде памятников Северного Кавказа (Долинском и Луговом поселениях и др.) обнаружены единичные фрагменты сосудов, украшенных валиком с защипами или округлыми вдавлениями (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 37; 1975. С. 188).

Исследования многослойных поселений в приморском Дагестане позволили установить, что керамика с грубообмазанной поверхностью характерна лишь для поздней группы памятников данного региона куро-аракской культуры, так же как гладкостенная и лощеная посуда, украшенная рельефной спирально-концентрической орнаментацией (Гаджиев М.Г., 1987а. С. 35). В ранней же группе памятников здесь представлена гладкостенная, преимущественно неорнаментированная посуда (Гаджиев М.Г., 1987в. С. 14).

Таким образом, керамика раннебронзового века Дагестана, включающая в себя небольшую коллекцию глиняных очажных подставок куро-аракского типа, содержит типичные закавказские формы, нередко с характерными мотивами орнаментации. Вместе с тем в ней немало весьма специфического, особенно это касается грубообмазанной керамики, ее форм и орнамента. Именно данное обстоятельство особо или в первую очередь подчеркивает большое своеобразие дагестанского локального варианта куро-аракской культуры.

Завершая характеристику керамики куро-аракской культуры, отметим, что в ее составе имеется небольшая коллекция антропоморфных и особенно зооморфных статуэток (табл. 14, 1–24). Боль-

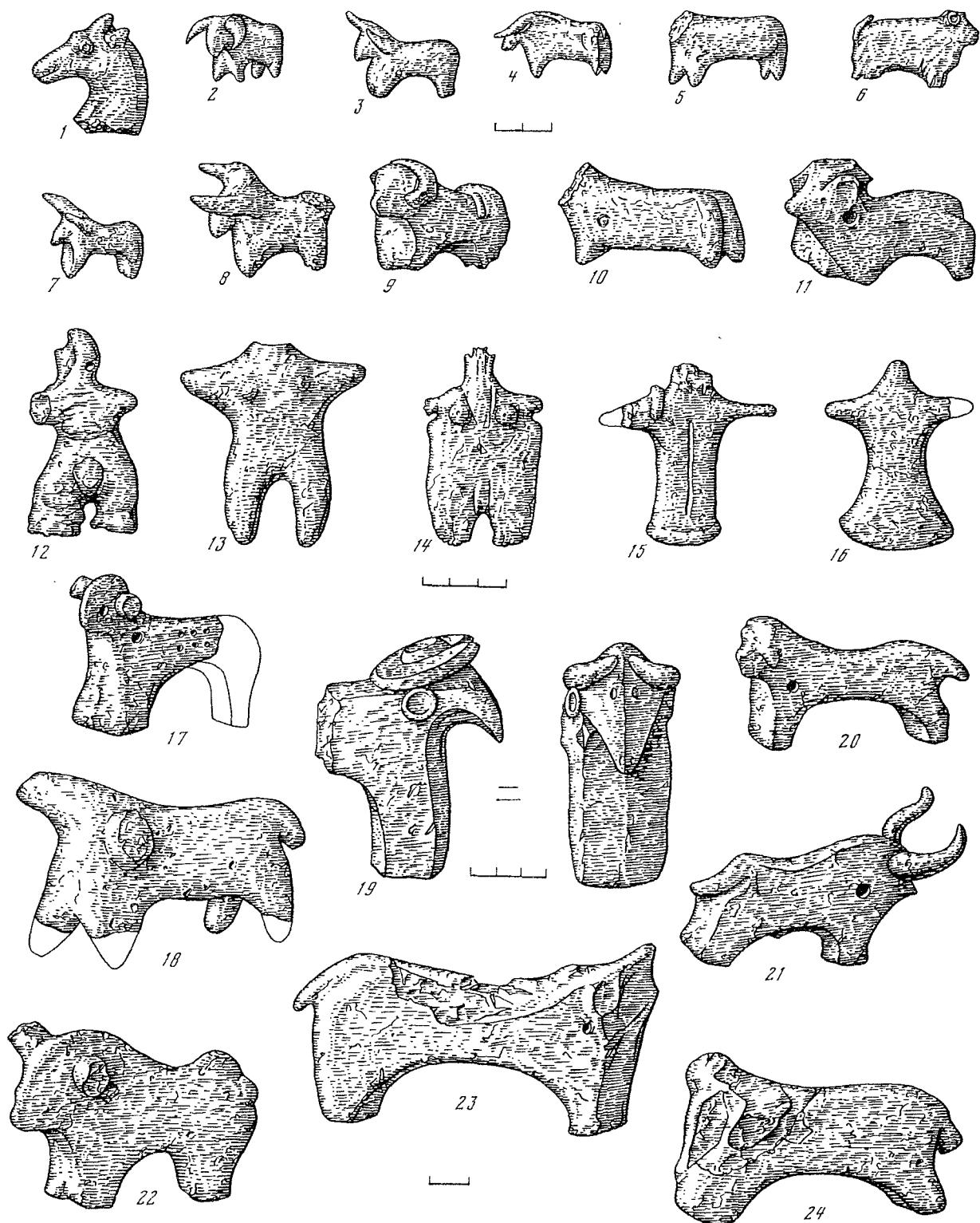

Таблица 14. Куро-аракская культура. Образцы зооморфной и антропоморфной скульптуры

1, 3, 4, 7, 8, 12, 13 – из Шенгавита; 2, 11, 15–22, 24 – из Арича; 6, 14 – из Мохраблур; 5, 9, 10 – из Джраовита; 23 – из Фиолетово (по С.А. Есяну)

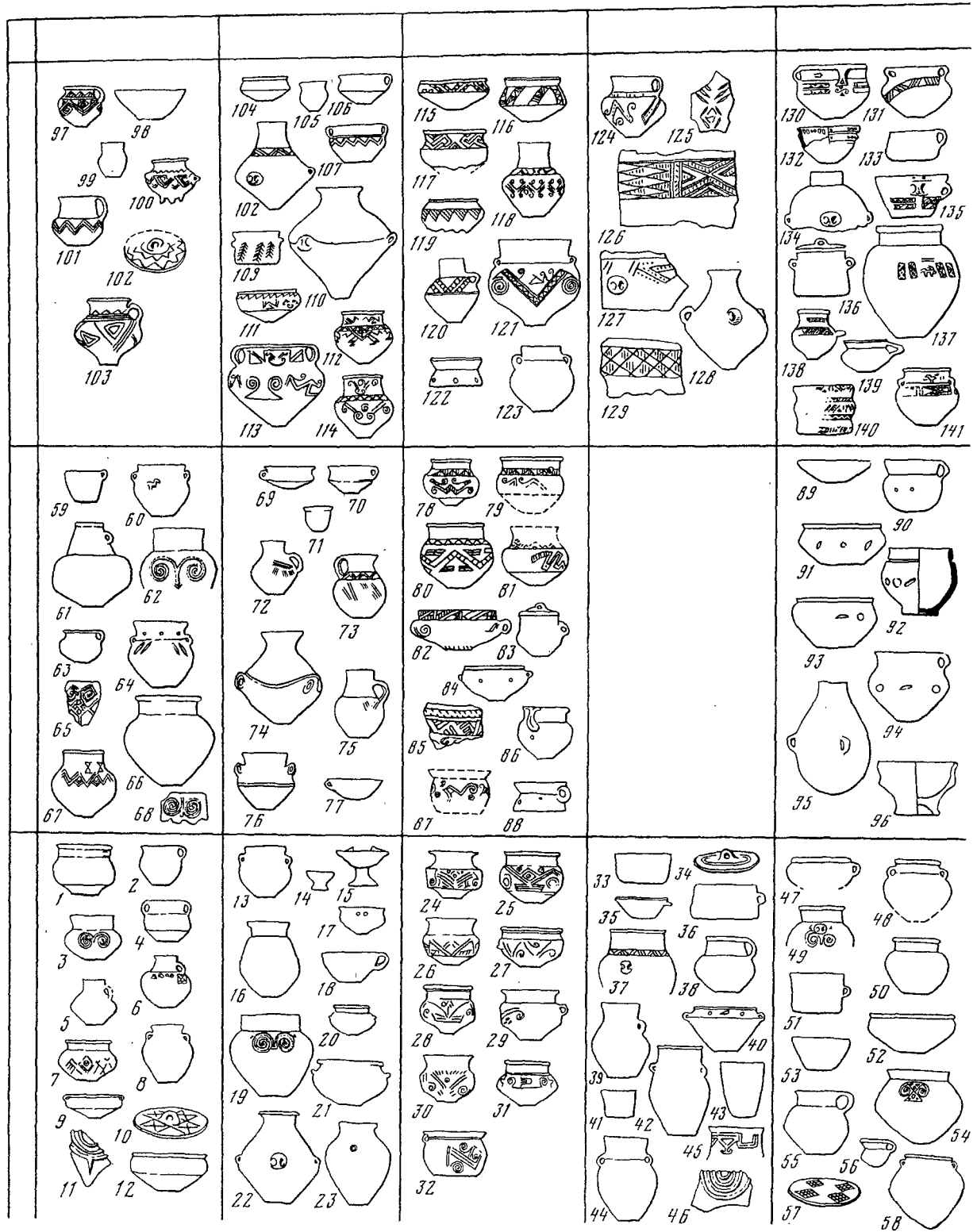

Таблица 15. Основные формы сосудов куро-аракской культуры (по К.Х. Кушаревой и Т.Н. Чубиншвили) (1-58)

шинство их происходит из памятников Армении. Там они найдены, в частности, в Ариче (Ширак) и Шенгавите, Мохраблуре, Джраовите и других поселениях Араратской долины (Сардарян С.А., 1967. Рис. 42, 46; Ханзадян Э.В., 1967. Табл. XXVII, 1–8; Хачатрян Т.С., 1975. С. 37–43) и стали уже предметом специального изучения (Есяян С.А., 1980. С. 9–17). Из поселений куро-аракской культуры Грузии мы имеем пока единичные находки (в Амиранисгора, Квацхелеби, Хизанаантгора и др.) глиняных фигурок человека и животных (Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Табл. XXIV, XXV, XXVII, 1; Чубинишвили Т.Н., 1963. Табл. XI; Киквидзе Я.А., 1972. Рис. 3, 4). В памятниках Азербайджана эпохи ранней бронзы антропоморфных фигурок пока, насколько нам известно по литературе, не найдено, но имеется серия зооморфных статуэток из Бабадериша и особенно Нахичеванского Кюльтепе I (Абибуллаев О.А., 1959. Табл. 32; 1982. С. 140–144; Исмаилов Г.С., 1962. Рис. 3–5; Алекперов А.И., 1986. С. 4–7). Серия статуэток, включая отдельные антропоморфные, обнаружена в восточноанатолийских поселениях, прежде всего в Пулуре (Kosay H.Z., 1976. Pl. 70, 71), а также в Геойтепе и Яниктепе в Иране. Две антропоморфные статуэтки найдены в Дербентском поселении в Дагестане (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. С. 9).

В общей коллекции скульптуры сейчас представлено около 20 антропоморфных фигурок. Преобладают женские статуэтки. Все они схематичные, стоячие и округлые. Головка в виде выступа, руки часто разведены по сторонам, короткие ноги иногда расставлены, груди отмечены округлыми выступами. Ввиду ограниченности находок антропоморфной скульптуры предложенная ее классификация условна (Есяян С.А., 1980. С. 9–11).

Фигурки животных, как и антропоморфные статуэтки, в основном из необожженной глины. Они выполнены довольно реалистично. Большинство их изображает быков. Например, из 24 находок зооморфной пластики в Нахичеванском Кюльтепе I 21 представляет статуэтку быка (Абибуллаев О.А., 1982. С. 141. Табл. XXV). Заметно преобладают они и в поселениях Армении. Рассматривая фигурки из этих поселений, С.А. Есяян подчеркивает, что они отличаются массивностью, крутыми рогами, могучей шеей, короткими ногами, крупным туловищем и, как правило, длинным хвостом (Есяян С.А., 1980. С. 11). Некоторые из фигурок (Мохраблур) со следами раскраски их красной краской, на одной из них виден глаз, отмеченный такой же краской (Пиотровский Б.Б., 1949б. С. 176).

Найдено и немало статуэток мелкого рогатого скота, особенно баранов. В Нахичеванском Кюльтепе I, Бабадерише, Гюнештепе, Шенгавите, Мохраблуре и Ариче обнаружены также глиняные фигурки собак (Пиотровский Б.Б., 1949б. Табл. 4, 3; 1955. С. 6; Исмаилов Г.С., 1962. С. 97; Хачатрян

Т.С., 1975. С. 79; Есяян С.А., 1980. Рис. 7, 3, 6; Абибуллаев О.А., 1982. С. 141). Обращают на себя внимание и единичные находки головок коня, сделанных, в частности, в Шенгавите и Каразе (Kosay H.Z., Turfan K., 1959. P. 394; Есяян С.А., 1980. С. 12, 13). Особо отметим целую фигурку лошади, найденную в поселении Махта I в Нахичевани (Ашуров С.Г., 1992. С. 20).

Комплекс антропо- и зооморфной пластики вместе с некоторыми из отмеченных выше моделей очагов и очажных подставок, в особенности украшенных изображениями голов человека и животных, составляет культовый комплекс, связанный с определенными идеологическими представлениями носителей куро-аракской культуры.

Такова в целом керамика куро-аракской культуры. Как видим, в отличие от других категорий инвентаря она расчленяется на хронологические периоды и характеризуется определенными локальными особенностями, проявляющимися в формах посуды, ее орнаментации и других чертах (табл. 15). Во многих группах куро-аракских памятников удается наметить периодизацию керамики рассматриваемой культуры (Куфтин Б.А., 1941; Пиотровский Б.Б., 1949а, б; Burney G.A., 1958; Джапаридзе О.М., 1961; Мунчаев Р.М., 1961; Ханзадян Э.В., 1967; Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970; и др.). Общая тенденция ее развития выглядит примерно так: от относительного однообразия форм посуды на раннем этапе к последующему заметному увеличению их количества и спецификации. Если на раннем этапе наблюдается однородность в формах посуды, представленных в удаленных друг от друга районах, то на развитом этапе сосуды более разнообразны и их сопоставления становятся затруднительными. Что же касается орнаментации, то ее развитие (на территории Армении и Южной и Западной Грузии) шло по пути замены рельефных и вогнуто-выпуклых украшений резным или слегка вогнутым, сильно геометризованным орнаментом (Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 155, 159, 161. Табл. 15).

Совершенно очевидно, что керамика куро-аракской культуры требует дальнейшего целенаправленного и углубленного изучения на основе тщательного анализа всего материала, в первую очередь четко стратифицированного, его статистической и компьютерной обработки и типологического исследования.

Заключение

Мы дали характеристики отдельных атрибутов куро-аракской культуры. Однако мы не смогли в полной мере развернуть аргументацию, отразить все вопросы, связанные с проблемой хронологизации и периодизации куро-аракской культуры. Недостаточно рассмотрены памятники культуры, представленные в Северо-Западном Иране и Вос-

точной Анатолии, опущена характеристика связанного с куро-аракской культурой комплекса Кирбет Керака. К сожалению, мы не имели возможности дать в этой работе хотя бы небольшой раздел, посвященный развитию хозяйства, межплеменных связей, общественного строя и религиозных представлений населения Закавказья и смежных областей в эпоху ранней бронзы*.

Основу хозяйства племен куро-аракской культуры составляли, несомненно, земледелие и скотоводство. Во всех поселениях как на равнине, так и в горах представлены многочисленные свидетельства развития земледелия. Они позволяют документировать весь сельскохозяйственный процесс, начиная с обработки земли и посева и кончая сбором урожая и хранением зерна. Несомненно, что в эпоху ранней бронзы, как и в энеолите, в отдельных районах Закавказья практиковалось искусственное орошение (Ханзадян Э.В., 1985. С. 16). Предполагается, что в III тысячелетии до н.э. на территории распространения куро-аракской культуры происходил (или даже произошел) переход к плужному земледелию (Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. С. 61; Мунчаев Р.М., 1975. С. 379; Кушнарева К.Х., Лисицына Г.Н., 1979. С. 14–17). На это, в частности, указывает пахотное орудие из оленьего рога, найденное в Квацхелеби и использовавшееся с помощью тягловой силы. Широкое применение в это время тягловой силы подчеркивается находками многочисленных моделей колес, а также моделей самих повозок (Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 37). По-видимому, для вспашки земли использовалось рало древнейшего месопотамского типа.

Именно в эпоху ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе начинает складываться террасная система земледелия, активно развивавшаяся здесь в дальнейшем. Отсюда понятно, почему Дагестан считается одним из древнейших очагов мирового террасного земледелия.

В Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе в III тысячелетии до н.э. культивировались различные виды пшеницы (круглозерная и мягкая голозерная и пленчатая) и ячменя (пленчатый, двурядный и шестирядный), а также просо и лен (Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977. С. 64–67). Причем наиболее распространенным видом пшеницы являлась мягкая пшеница (Бунятов Т.А., 1968. С. 23). Большие площади занимали посевы ячменя. Заслуживает внимания факт выращивания льна, использовавшегося для производства ткани. Любопытно, что отпечатки ткани на некоторых образцах керамики эпохи ранней бронзы обнаруживают льняное переплетение.

Находки в ряде поселений куро-аракской культуры косточек абрикоса, персика и черешни указывают на развитие уже в эпоху ранней бронзы в

Закавказье отдельных садовых культур (Ханзадян Э.В., 1985. С. 18).

Безусловно, развитие земледелия в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе в эпоху ранней бронзы по сравнению с предшествующим периодом достигло довольно высокого уровня и приобрело интенсивный характер (Пиотровский Б.Б., 1949а, б; Бунятов Т.А., 1957; 1968; Джапаридзе О.М., 1961; 1980; Котович В.Г., 1961а; Киквидзе Я.А., 1963; 1976; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1971; Мунчаев Р.М., 1975; Кушнарева К.Х., Лисицына Г.Н., 1979; Абибуллаев О.А., 1982; Ханзадян Э.В., 1985; Гаджиев М.Г., 1987; 1991; и др.).

Другой важнейшей отраслью хозяйства племен куро-аракской культуры являлось скотоводство. В их стадах были все виды домашних животных (бык, корова, баран, овца, коза, свинья), включая собаку. В раннебронзовом веке начала активно практиковаться отгонная (или так называемая яйлажная) форма скотоводства (Мунчаев Р.М., 1975. С. 383–385; Гаджиев М.Г., 1987. С. 32). На раннем этапе развития куро-аракской культуры на многих поселениях разводили главным образом крупный рогатый скот, а в последующем заметно усилилась в животноводстве роль овцеводства. Хотя в ряде поселений, судя по остеологическим данным, предпочитали разводить крупный рогатый скот, а также свиней, можно считать, что именно с III тысячелетия до н.э. на Кавказе в целом намечается тенденция к увеличению поголовья мелкого рогатого скота. Она и привела к сложению здесь яйлажной формы скотоводства, при котором мелкий рогатый скот с весны до осени содержался на горных пастбищах – яйлагах.

Развитие скотоводства обеспечивало население необходимым количеством мяса и стимулировало производство различных молочных продуктов. Кстати, среди куро-аракской керамики выделены сосуды для приготовления сыра, масла и других молочных продуктов и их хранения (Бунятов Т.А., 1968. С. 31, 32). Из шерсти овец и коз изготовляли ткани, которые подвергались окраске.

Как известно, в последнее время многих специалистов занимает проблема domestикации лошади и возникновения коневодства. В данной связи нельзя не обратить внимание на находки костей лошади в поселениях куро-аракской культуры: Шенгавите, Каразе, Эларе, Дидубе, Квацхелеби, Илто. При этом, например, в Шенгавитском поселении кости лошадей по количеству занимают третье место. Их специальное изучение показало, что они принадлежат domestцированным лошадям (Межлумян С.К., 1972. С. 6).

Благоприятные экологические условия, резкие сдвиги в развитии земледелия и скотоводства, гончарного дела, металлопроизводства и других видов ремесла, заметно усилившиеся межплеменные связи и взаимодействия способствовали значительному прогрессу в культурно-историческом развитии Закавказья и смежных с ним областей в ранне-

*Эти вопросы рассматриваются в заключительной, 9-й главе первой части – “Хозяйство, связи, элементы общественного строя”.

бронзовом веке, охватывающем вторую половину IV–III тысячелетия до н.э. В указанный период оказались освоенными почти все районы этого обширного ареала, включая равнины, предгорья, горные и даже высокогорные зоны. Такой плотности заселения Южный Кавказ не имел, пожалуй, ни в одну из последующих эпох вплоть до средневековья. И таким единством материальной культуры не отличалась никогда эта огромная, составляющая ареал куро-аракской культуры территория, ни во II–I тысячелетиях до н.э., ни тем более в дальнейшем. Поэтому куро-аракская культура (или культурно-историческая общность) – это поистине огромное явление в древней истории Кавказа, большой исторический феномен, как, впрочем, и майкопская культура для Северного Кавказа, загадку которой во многом еще предстоит выяснить.

В настоящее время накоплен уже определенный антропологический материал по куро-аракской культуре, но изучен он недостаточно, крайне ограниченно до сих пор количество измеренных черепов (Азизян Г., 1963; Гаджиев А.Г., 1965; Абдушелишвили М.Г., 1966; Алексеев В.П., 1974; 1989; Алексеев В.П., Мкртчян Р.А., 1989). Носители этой культуры, судя по черепам из погребений в Шенгавите и Беркабере (Армения), характеризуют один из местных вариантов южной ветви европеоидов с ярко выраженной долихокранией. Считается, что куро-аракские популяции сближаются с некоторыми южными и вместе с тем имеют большое сходство с популяциями ямной культуры. Отсюда предположение о том, что “самое разумное – рассматривать зону куро-аракской культуры как промежуточную между севером и югом, населенную группами смешанного происхождения” (Алексеев В.П., Мкртчян Р.А., 1989. С. 132).

Чрезвычайно сложной является проблема этнической интерпретации куро-аракской культуры. До сих пор остается нерешенным вопрос о том, на каком или каких языках говорили племена – носители этой культуры. Этот вопрос, можно сказать, был поставлен со времени выделения куро-аракской культуры, но особенно активно он рассматривается в последнее 25-летие.

Суммируя все вышесказанное по данной проблеме, можно отметить три основные точки зрения (Джапаридзе О.М., 1961; 1976; Мунчаев Р.М., 1961; 1975; Крупнов Е.И., 1964; Меликишвили Г.А., 1965; 1967; Дьяконов И.М., 1967; 1968; Гамкрелидзе Т.М., Иванов В.В., 1984; Старостин С.А., 1985; Николаев С.Л., 1985; Гаджиев М.Г.,

1987а; и др.). Согласно одной из них, носители куро-аракской культуры – предки картвелов или иберокавказцев в целом, согласно другой, они были индоевропейцами. Третья точка зрения сводится к тому, что часть населения Кавказа в эпоху ранней бронзы говорила на кавказских языках, остальная – на хуррито-урартских. Отмечу еще и недавно высказанное предположение о том, что наряду с древнейшим местным населением и хуррито-урартами в формировании куро-аракской культуры приняли участие индоевропейцы, обитавшие в прикавказских степях (Алексеев В.П., Мкртчян Р.А., 1989. С. 133).

Рассматривая куро-аракскую культуру как крупное исторические явление, мы приходим к выводу, что носители ее достигли в своем развитии порога цивилизации и государственности, но не перешагнули его. Аналогичным образом сложился культурно-исторический процесс в III тысячелетии до н.э. в отличие от Месопотамии и долины Нила и в некоторых других регионах Старого Света: в Анатолии, на Балканах, в Эгее, на юге Средней Азии и в Иране. В этом как раз и проявилась одна из закономерностей общеисторического процесса, заключающаяся в неравномерности социально-исторического развития отдельных областей в древности.

Причины распада куро-аракской культурно-исторической общности остаются неясными до сих пор. Действительно, почему и как исчезла куро-аракская культура? Это вопрос, который волнует каждого исследователя древнейшей истории Кавказа. Отмечу лишь высказанную в литературе последнюю точку зрения по данному вопросу. Согласно ей, две основные причины привели к упадку рассматриваемую культуру. Это изменение климата и последовавшая за ним смена ландшафта, а также засоление почв на равнинах и участках интенсивного ирригационного земледелия (Арешян Г.Е., 1991. С. 81). Не будем обсуждать здесь эту и другие точки зрения, касающиеся судьбы куро-аракской культуры. Несомненно, это большой и сложный вопрос, требующий самостоятельного изучения с определением причин упадка многих других высокоразвитых культур Старого Света III тысячелетия до н.э.

Как видно из последующих разделов, в конце III – начале II тысячелетия до н.э. в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе складываются новые оригинальные культуры и дальнейшее развитие принимает здесь полилинейный характер.

Глава 2

История изучения памятников средней бронзы Южного Кавказа

В последней трети III тысячелетия до н.э. в жизни южнокавказских племен происходят значительные экономические и социальные изменения, вызванные прогрессом земледельческо-скотоводческого хозяйства, развитием различных отраслей ремесла, а также усилением этнокультурных контактов с Передневоосточным миром. Эти изменения привели к формированию новых культур, зародившихся на последнем этапе развития культур эпохи ранней бронзы; новые культуры, просуществовавшие примерно до середины II тысячелетия до н.э., характеризуют эпоху средней бронзы Южного Кавказа. Смена культур прослеживается на территории всего региона, однако в разных его частях они носят различный характер. На большей его части в эпоху средней бронзы господствуют близкие по облику, родственные культуры, тогда как культура западных районов носит совершенно иной характер. Таким образом, на Южном Кавказе в этот период четко намечаются две культурно-исторические провинции или области. Это объясняется прежде всего генезисом культур, сформировавшихся в определенных экологических и социально-экономических условиях; большую роль в их сложении играли также конкретные этнокультурные контакты их носителей.

Памятники эпохи средней бронзы исследованы крайне неравномерно (карта 2); до сих пор большие территории остаются археологически не изученными. Десятки памятников, случайно обнаруженных при строительных или полевых работах, все еще не опубликованы, а следовательно, недоступны для исследования; они в своем большинстве могут лишь фигурировать на археологической карте как пункты обнаружения. Спецификой изучения культур этого периода является и то обстоятельство, что до недавнего времени, за исключением, пожалуй, западного и в слабой мере восточного Закавказья, исследовались главным образом погребения. Лишь в последнее десятилетие усилия археологов устремились на выявление поселений, систематическое изучение которых является первой задачей будущего. Все это крайне ограничивает рамки исследований, тормозит решение таких крупных проблем, как установление генезиса и ведущих признаков различных культур и границ их распространения, выявление характера взаимоотношений этих культур между собой, их относительной и абсолютной хронологии; не полностью пока могут быть изучены формы хозяйства носителей этих культур, а также их этническая принадлежность.

Исторически сложилось так, что культуры Западного Закавказья периодов неолита-поздней бронзы значительно отличались от синхронных культур остальной части закавказского региона. Это в полной мере относится и к культуре периода средней бронзы (протоколхская культура). Ее границы охватывают прежде всего Колхидскую равнину, где протоколхская культура представлена в своем классическом варианте. Правда, не во всех частях Колхиды, в особенности на ранних этапах, наблюдается однородная картина. Памятники окраин Колхиды, горной и в отдельных случаях предгорной ее зон, явно тяготеют к культурам, непосредственно примыкающим к ним соседних областей. К этой группе памятников эпохи средней бронзы относятся дольмены, а также кромлехи Северо-Западной Колхиды и поздних Сачхерских курганных погребений Восточно-Колхидского нагорья.

Первые археологические памятники рассматриваемого периода были обнаружены на северо-западных окраинах Колхиды. Речь идет о дольменах, открытых в начале XX в. (Миллер А.А., 1909. С. 83). С этого времени интерес к этим памятникам не утихает (Стражев В.И., 1926; Иващенко М.М., 1935; Куфтин Б.А., 1941; 1944; 1949а; 1959б; Джаларидзе О.М., 1955. С. 64; 1959; 1961. С. 212; 1970. С. 240; Соловьев Л.Н., 1960).

Относительно происхождения дольменов на Кавказе в научной литературе имеются различные точки зрения (Куфтин Б.А., 1949. С. 262; Марковин В.И., 1978. С. 283; там же и соответствующая литература). Вместе с тем важен факт, что инвентарь дольменов соответствует могильным инвентарям тех областей Кавказа, где дольмены не обнаружены и что он, бесспорно, относится к бронзовой культуре Кавказа (Куфтин Б.А., 1949. С. 271; Пиотровский Б.Б., 1949. С. 182). Несмотря на то, что в дольменах Северо-Западной Колхиды присутствуют элементы колхидской материальной культуры и что дольмены использовались в качестве погребальных сооружений носителями колхидских культур, их малое количество здесь (всего несколько десятков, тогда как на Северо-Западном Кавказе зафиксировано 2308 дольменов; см.: Марковин В.И., 1978. С. 54), узкая локализация в северной части этого района Колхиды и полное их отсутствие в остальных районах Западного Закавказья (включая горно-лесные зоны, хотя дольменную культуру считают культурой горцев, обитающих в лесах – Марковин В.И., 1978. С. 54), позволяют ставить вопрос об инфильтрации в Северо-За-

падную Колхиду обряда сооружений дольменов.

То же самое следует сказать и о другом виде мегалитических сооружений Северо-Западной Колхиды – кромлехах (Шамба Г.К., 1974), которые, несмотря на тяготение обнаруженных в них находок к южнокавказскому (в частности, к колхидскому) археологическому материалу, по локализации и количеству являются еще менее специфическими памятниками не только для Колхиды вообще, но даже для ее северо-западной части.

Почти аналогичная картина наблюдается и на восточной окраине Колхиды. Здесь в г. Сачхере и его окрестностях еще в начале XX в. были обнаружены курганные погребения (Такайшвили Е.С., 1913), неоднократно изучавшиеся и позднее (Куфтин Б.А., 1940а; 1949; Джапаридзе О.М., 1961. С. 122). Сачхерские курганы с их трубчато-обушными топорами, специфическими кинжалами, Т-образными булавками, булавками с загнутыми в виде бараньих рогов навершиями и височными полутораспиральными кольцами, по погребальному обряду и инвентарю (за исключением, пожалуй, трубчато-обушных топоров, которые в основном распространены в Колхиде, и отдельных предметов, характерных и для других районов) настолько тяготеют к культурам Восточной Грузии, что некоторые исследователи предполагали даже этническую однородность населения этих областей (см: Джапаридзе О.М., 1961. С. 185). Из периферийных памятников эпохи средней бронзы следует упомянуть также Брильский могильник, расположенный в высокогорной части Колхиды, у истоков р. Риони. Могильник функционировал вплоть до III–IV вв. н.э. Комплекс этого могильника опубликованы лишь частично (Гобеджишвили Г.Ф., 1952. С. 56; Археология Грузии, 1959. С. 113). В инвентаре брильских погребений имеется ряд общих элементов с культурами соседних областей, в частности с материалами Нульского и Квасатальского могильников Восточной Грузии, с находками Дигории, за Кавказским хребтом (Гобеджишвили Г.Ф., 1952. С. 60).

В 30-е годы в Западной Грузии начали осуществляться широкие археологические исследования. Именно к этому времени относятся раскопки первого поселения эпохи средней бронзы в с. Анаклиа (Диха Гудзуба), на левом берегу р. Ингури. С этого времени фактически начинается археологическое изучение древней Колхиды. Раскопки на поселении Анаклиа I*, проведенные директором Зугдидского краеведческого музея, геологом А.И. Чантурия, дали совершенно новый, неизвестный дотолле материал; значение этого памятника трудно переоценить. К сожалению, А.И. Чантурия не успел подготовить к публикации открытые ма-

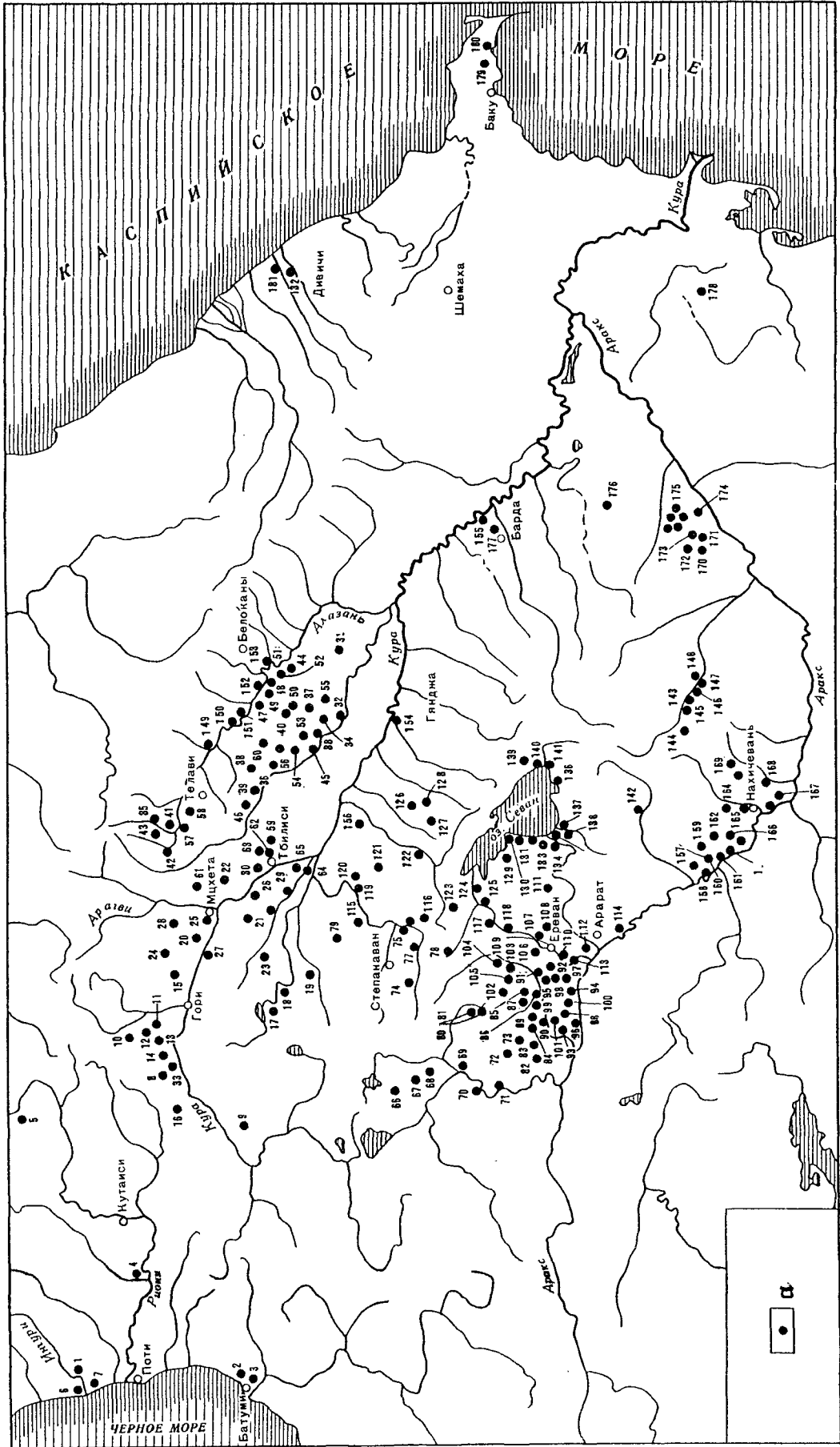
териалы. Восстановил стратиграфию холма, классифицировал материал и определил хронологические границы памятника позднее Б.А. Куфтин (Куфтин Б.А., 1950. С. 238). Первый нижний слой Анаклиа I он отнес к стадии ранней бронзы, в отношении которой он условно употреблял термин “энеолитический”, второй и третий – к эпохе средней бронзы, четвертый – к ранним стадиям поздней бронзы. Эта периодизация, за исключением отдельных деталей, и в настоящее время не потеряла своего значения.

До середины 60-х годов Анаклиа I было единственным более или менее исследованным поселением, основные слои которого накапливались в эпоху средней бронзы. В 1968 г. экспедицией Исторического музея Грузии в Центральной Колхиде (с. Носири), на левом берегу р. Техури (приток р. Риони) был обнаружен многослойный жилой холм, нижние слои которого, как показали дальнейшие исследования, совпадают со вторым и третьим слоями Анаклиа I (Археологические экспедиции Государственного музея Грузии, 1971. С. 31; 1974. С. 60; 1975. С. 47; 1978. С. 53; Гогадзе Э.М., 1982. С. 6–25; 1984. С. 41–45).

В 1972 г. с целью получения дополнительной информации на поселении Анаклиа I провела разведки Колхидская археологическая экспедиция ИИАЭ АН Грузии; тогда же в 1,5 км к востоку от этого холма был обнаружен жилой холм (Анаклиа II). Дальнейшие раскопки этого поселения показали, что оно предшествовало средним слоям поселения Анаклиа I. В том же году Колхидская экспедиция совместно с Батумским научно-исследовательским институтом приступила к раскопкам на территории курорта Кобулет (Юго-Западная Колхида) многослойного поселения на холме Намчедури и поселения конца III тысячелетия до н.э., расположенного здесь же, в торфяниках Испани (ПАИ, 1973–1979 гг.). Экспедиция исследовала также жилые холмы в с. Саелиаво (левобережье р. Абаши) и с. Цемки (Рионская низменность), относящиеся к концу средней бронзы и отражающие, скорее всего, переходный этап от средней к поздней бронзе. Параллельно исследуется Мачарское поселение в Северо-Западной Колхиде (Гульрипшский район); керамика его второго слоя увязывается с раскопщиком с керамикой Анаклиа I (Бжания В.В., 1966б. С. 123).

Начиная с 40-х годов в Грузии появляются обобщающие работы, в которых рассматриваются не только археологические проблемы, но и вопросы исторической интерпретации добытого материала. Среди этих работ этапное значение имеет исследование Б.А. Куфтина (Куфтин Б.А., 1944. С. 291), в котором дается анализ металлических изделий, в частности трубчато-обушных топоров; это первая серьезная попытка выявления генезиса названного типа орудий, характерного именно для Колхиды, доказательства его автохтонного происхождения, освещение его роли в становлении одного из веду-

* Так как в Колхиде десятки поселений называются “Диха Гудзуба” (возвышающаяся земля, холм), то это поселение, а также соседнее поселение на территории с. Анаклиа мы соответственно называем Анаклиа I и Анаклиа II.

ших орудий последующей эпохи, а также путей его дальнейшего распространения за пределами Западного Закавказья. Вопросы генезиса и типологии трубчато-обушных топоров были рассмотрены и в работах Д.Л. Коридзе (Коридзе Д.Л., 1965). Наконец, обобщение всего колхидского археологического материала с целью установления преемственных связей между колхидскими культурами отдельных эпох, а также увязки археологического материала с данными топонимии и письменных источников предпринято в работах Т.К. Микеладзе (Микеладзе Т.К., 1969; 1974). В связи с изучением культур периода средней бронзы особое значение приобретает его последняя книга, в которой рассмотрены все аспекты, так называемой протоколхидской культуры первой половины II тысячелетия до н.э. (Микеладзе Т.К., 1990).

Как уже было сказано, на остальной, большей части Закавказья в исследуемую эпоху бытовали близкие по облику, родственные культуры, отличные от протоколхидской культуры Западного Закавказья; наиболее яркими их признаками являются подкурганные захоронения, расписная (на красном фоне черная роспись, реже на светлом красная, черная и коричневая) и чернолощеная посуда, орнаментированная резьбой, пунктирным либо точечным орнаментом. Систематическое изучение памятников этой культурно-исторической провинции началось с середины 30-х годов, когда Б.А. Куфтиным в высокогорной части Грузии, в Триалети, была открыта серия неизвестных до тех пор богатых “царских” или “княжеских” курганов с

пышными захоронениями родо-племенной знати. Погребения характеризовались кремацией, наличием погребальных колесниц или деревянных лож, набором парадной посуды, уникальными изделиями из драгоценных металлов (Куфтин Б.А., 1940; 1941; 1943б; 1948). Эти открытия явились подлинной сенсацией. Весьма значительным по тому времени оказался и размах раскопок – за несколько сезонов здесь было открыто свыше 50 курганов, разновременные могильники и несколько древних поселений.

Помимо открытия памятников новой культуры, огромной заслугой Б.А. Куфтина явилась их историческая интерпретация; эти уникальные комплексы он рассмотрел на широком фоне кавказского и переднеазиатского материала, выявив сущность связей нового культурного очага с соседними и более отдаленными культурами, поднял проблему этнической принадлежности племен – создателей этих памятников, наметил их абсолютную и относительную хронологию. Сопоставляя вновь открытые комплексы с известными, но не осмысленными к тому времени, разрозненными материалами, Б.А. Куфтин впервые выделил эпоху средней бронзы Закавказья, суммарно датировал ее первой половиной II тысячелетия до н.э. Своеобразие же триалетских комплексов дало ему основание объединить их в понятие “триалетская культура”. В конце 40-х годов аналогичные комплексы были также выявлены Б.А. Куфтиным в Шида Картли, на территории современной Юго-Осетии; так, в с. Нули, в частности, он исследовал коллективные

Карта 2. Распространение южнокавказских памятников периода средней бронзы (конец III – середина II тысячелетия до н.э.). Составлена К.Х. Кушнаревой

a – поселения: 1 – Анаклиа, 2 – Испани, 3 – Намчедури, 4 – Носири, 5 – Брили, 6 – Пичори, 7 – Эргети, 8 – Цагвли, 9 – Мехети, 10 – Квасатали, 11 – Нацаргора, 12 – Нули, 13 – Приневи, 14 – Авневи, 15 – Бошури, 16 – Баняшеви, 17 – Цалка, 18 – Триалети, 19 – Дманиси, 20 – Ашуранская долина, 21 – Ардасубани, 22 – Лило, 23 – Бедени, 24 – Гракали, 25 – Самтавро, 26 – Трелигореби, 27 – Метехи, 28 – Нареквави, 29 – Марнеули, 30 – Рустави, 31 – Лилича, 32 – Чачуна, 33 – Мцарецкали, 34 – Пурецкали, 35 – Лапанкури, 36 – Акакиантхеви, 37 – Ткисбологора, 38 – Садуга, 39 – Мравалцкали (Удабно), 40 – Дзвели Анага, 41 – Швиндиани, 42 – Илто, 43 – Земо Алвани, 44 – Шираки, 45 – Магаро, 46 – Шавимицисвели, 47 – Наомарисгора, 48 – Рухигора, 49 – Мукребигора, 50 – Хашалгора, 51 – Неригора, 52 – Бумбологора, 53 – Акациеби, 54 – Самархеби, 55 – Бакурцихе, 56 – Асанурисгора, 57 – Кистаури, 58 – Сакобиано, 59 – Джандара, 60 – Цюри, 61 – Марткопи, 62 – Бериклдееби, 63 – Натахара, 64 – Бедени, 65 – Сиони, 66 – Амасиа, 67 – Кети, 68 – Мармашен, 69 – Карнут, 70 – Ленинакан, 71 – Ширакаван, 72 – Артик, 73 – Арич, 74 – Лори Берд, 75 – Одзун (Узунлар), 76 – Дзорает, 77 – Качаган, 78 – Камакатар, 79 – Кировакан, 80 – Апаран, 81 – Джарджарис, 82 – Талин, 83 – Базмаберд, 84 – Аруч, 85 – Воскеваз, 86 – Верин Навер, 87 – Перси, 88 – Агвантун, 89 – Шамирам, 90 – Цахкаладж (Агджакала), 91 – Ошакан, 92 – Айгешат, 93 – Мецамор, 94 – Зейва, 95 – Цицан (Грамма),

96 – Маисян, 97 – Хатунарх, 98 – Эчмиадзин, 99 – Ахтемир, 100 – Евджилар, 101 – Арагац, 102 – Мугни, 103 – Аштарак, 104 – Сеганасар, 105 – Сасуник, 106 – Кармир Берд (Газакенд), 107 – Элар, 108 – Балаовит, 109 – Ереван (Цицернакаберд, Аванское шоссе, Муханнаттапа, завод автоагрегатов, завод очистительных сооружений, завод резино-технических изделий, Кирза, Чарбах, Химзавод), 110 – Норабац, 111 – Гарни, 112 – Двин, 113 – Джраовит, 114 – Айгеван, 115 – Акнер (Ворнак), 116 – Лорут, 117 – Солак, 118 – Карашамб, 119 – Ноемберян, 120 – Джуджеван, 121 – Джогаз, 122 – Иджеван, 123 – Дилижан, 124 – Севан-ГЭС, 125 – Лчашен, 126 – Берд, 127 – Навур, 128 – Кирги, 129 – Айриванк, 130 – Норадуз, 131 – Камо (Нор-Баязет), 132 – Кармир, 133 – Норагюх, 134 – Личк, 135 – Нижний Геташен, 136 – Цовинар, 137 – Мартуни, 138 – Золакар, 139 – Варденис (Басаргичар), 140 – Кара-ахпюр, 141 – Акунк, 142 – Малишка, 143 – Кошундаш, 144 – Ангехакот, 145 – Сисиан, 146 – Сюниберд, 147 – Ахлатян, 148 – Воротнаберд, 149 – Падарчел, 150 – Джумакенд, 151 – Салмандере, 152 – Дашюз, 153 – Кюдурлу, 154 – Гараджамирли, 155 – Борсунлу, 156 – Авейдаг, 157 – Шортепе, 158 – Огланкала, 159 – Азнабюрд, 160 – Шахтахты, 161 – Гауркала, 162 – Кюльтепе II, 163 – Карабагляр, 164 – Кюльтепе I, 165 – Нахичевань, 166 – Кизыл Ванк (Кармир Ванк), 167 – Джульфа, 168 – Нахаджир, 169 – Арафса, 170 – Гюнештепе, 171 – Гаракепетепеси, 172 – Карабулаг, 173 – Узунтепе, 174 – Кюльтепе III, 175 – Мильская степь, 176 – Узерликтепе, 177 – Зурнабад, 178 – Аликеметепеси, 179 – Гобустан, 180 – Дюбенди, 181 – Сеидляр, 182 – Серкертепе

погребения с широким набором разнообразных металлических изделий (Куфтин Б.А., 1949а. С. 31), а также несколько курганов с рядовыми захоронениями (Куфтин Б.А., 1974. С. 171). Значительно позднее аналогичный коллективный могильник был открыт в с. Квасатали (Джапаридзе О.М., 1955. С. 23).

Научное предвидение Б.А. Куфтина – ученого большого таланта и огромного диапазона знаний – в дальнейшем полностью оправдалось (Джапаридзе О.М., 1982). Открытая им триалетская культура сразу же заняла свое прочное историко-хронологическое место в ряду других культур Кавказа, послужила стимулом к дальнейшим поискам. В 1948 г., в частности, на территории Армении Б.Б. Пиотровским был открыт новый блестящий памятник триалетского типа – Кироваканский курган, давший уникальный набор бронзовых предметов, а также великолепные золотые и серебряные изделия (Пиотровский Б.Б., 1949а. С. 46; 1955б; Мартиросян А.А., 1964. С. 64). В конце 40-х годов весь накопившийся к тому времени материал был обобщен и интерпретирован в его курсе лекций по археологии Закавказья, явившемся ценнейшим вкладом в кавказоведение и определившим последующее направление его развития (Пиотровский Б.Б., 1949).

С конца 50-х годов начинается новый этап в изучении триалетской культуры, которому сопутствует открытие серии уникальных памятников. Работы возглавил О.М. Джапаридзе. В этот период были возобновлены раскопки погребальных памятников Триалети, давшие незамедлительные результаты: в одном из курганов, в частности, впервые была обнаружена деревянная четырехколесная повозка поразительной сохранности (Джапаридзе О.М., 1960). Начались исследования на Зуртакетском плато, являвшемся естественным продолжением Цалкинского. Здесь исследовались крупные курганы с каменными насыпями и огромными погребальными залами. Добытые материалы были суммированы сначала в серии статей, а затем в обобщающей монографии О.М. Джапаридзе; в ней подняты проблемы этнической принадлежности носителей триалетской культуры, вопросы периодизации памятников (Джапаридзе О.М., 1969), которых несколько раньше касался также А.А. Иессен (Иессен А.А., 1965а. С. 18). О.М. Джапаридзе было высказано предположение относительно формирования триалетской культуры на основании предшествующей, куро-аракской; этим отвергался тезис о появлении ее на Кавказе вследствие каких-то этнических передвижений.

Накопленный к концу 60-х годов материал требовал дальнейшего исследования различных аспектов триалетской культуры. К этому времени все еще отсутствовала детально обоснованная периодизация ее памятников, не решена была также проблема ее генезиса. В эти аспекты существен-

ный вклад внесли исследования Э.М. Гогадзе, в которых автор, опираясь на сопоставления памятников типа Триалети с хорошо датированными переднеазиатскими комплексами, обосновал их трехчленную периодизацию, а также проследил компоненты, участвовавшие в сложении триалетской культуры (Гогадзе Э.М., 1970а,б; 1972). Важным этапом в этом направлении явилось полное воссоздание всех погребальных комплексов Триалети, открытых, но так и не опубликованных в свое время Б.А. Куфтиным (Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974). Изучение комплексов триалетской культуры на территории Грузии продолжалось и в дальнейшем. Так, в южной ее части (Квемо Картли) впервые были исследованы курганы, давшие материалы несколько иного облика – своеобразную тонкостенную чернолощеную посуду с тонкорезным орнаментом, своеобразные ювелирные изделия, оружие и орудия труда (Гобеджишвили Г.Ф., 1967. С. 13; 1980; Джапаридзе О.М., 1975. С. 137). Было установлено, что в отличие от ранее известных памятников “цветущей поры” триалетской культуры погребения нового типа характеризуют ее самый ранний этап. По месту первоначального обнаружения последних на плато Бедени они получили название “беденских”. Еще один крупный очаг триалетской культуры был открыт в пределах юго-западных границ Грузии, в горной части Месхет-Джавахети, на Артаанской Куре. Имея много общего с триалетским центром, памятники этого очага, однако, характеризовались специфическими, локальными чертами (Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б., 1971; 1974; 1977; 1981). Примерно в этот же период исследовалась группа погребений с уникальным металлическим инвентарем в с. Лило (Гогадзе Э.М., 1976). Вместе с курганами, открытыми в г. Тбилиси (Тбилиси, 1978. I. С. 48), они характеризуют еще одну территориальную группу памятников триалетской культуры.

70-е годы ознаменовались открытием ранних “беденских” погребений в ряде новых пунктов республики, что говорило об их широком территориальном распространении. Это курганы около с. Марткопи с их сложными деревянными камерами и богатым инвентарем (Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А. и др., 1980), а также курганы в с. Шулавери (ОККАЭ, 1975. С. 137). Помимо типичной беденской посуды в захоронениях встречены разнообразные изделия из металла. Дальнейшая разработка вопросов этнической ситуации, сложившейся на Кавказе ко II тысячелетию н.э., нашла свое отражение в очередной монографии О.М. Джапаридзе (Джапаридзе О.М., 1976).

Наконец, особо следует отметить успехи Кахетской археологической экспедиции, развернувшей в последние десятилетия работы в Иори-Алазанском бассейне. Здесь, в окрестностях с. Цнори было открыто пять курганов ранней поры триалетской культуры (Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш.,

1972; 1976. С. 15; 1979). Для характеристики масштаба работ напомним, что площадь основания насыпи самого крупного из них равнялась почти трем гектарам. Затраченные на его раскопки усилия полностью оправдались открытием оригинальных и масштабных конструкций внутри этой своеобразной “пирамиды”, а также уникального погребального комплекса. Тогда же ранний этап триалетской культуры был назван “бедено-алазанским”. Усилия Кахетской экспедиции были направлены и на изучение менее богатых, а также рядовых погребений, относящихся к различным этапам бытования триалетской культуры. Это курганные погребения в Земо Алвани, Акакиантхеви, Садуа, Пурцецкали, Мцарецкали (Русишвили Р.Н., 1977; Капанадзе М.Т., 1980а, б; 1984; 1985; Дедабришвили Ш.Ш., Русишвили Р.Н., 1980; 1984). Одновременно выявлялись почти неизвестные в Центральном Закавказье поселения периода средней бронзы (Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1976; Пицхелаури К.Н., 1984). В результате слои с керамикой триалетского типа были прослежены на серии поселений, таких, как Илто, Ткисбологора, Наумарисгора, Швиндиани и многих других; сейчас их насчитывается уже более 30. Таким образом, экспедицией установлено, что поселения этого времени, не встречавшиеся в горной зоне, тяготеют к обширным межгорным долинам и равнинам. Факт обнаружения характерных памятников в Алазанской долине, почти у подножья Большого Кавказа, позволяет уже сейчас значительно расширить границы распространения триалетской культуры как на север, так и на восток. Однако поселения эти систематически не раскапывались.

80-е годы ознаменовались в Грузии исследованием различных аспектов триалетской культуры. Накопленный к этому времени материал позволил перейти к обобщениям по таким проблемам, как характер территориальных особенностей отдельных памятников в границах культуры, установление социально-экономического статуса и сущности межрегиональных отношений ее носителей (Путуридзе М.Ш., 1983а–в; 1984а,б). Особо следует отметить изучение проблемы генезиса триалетской культуры, осуществляемое на базе материалов многослойного поселения Бериклдееби; систематические раскопки этого памятника проходят на высоком методическом уровне. Здесь над куроаракским слоем залегал слой с керамикой типа Бедени, в который, в свою очередь, были впущены классические среднебронзовые погребения (Глонти Л.И., Джавахишвили А.И., 1987). Таким образом, на Бериклдееби впервые для Закавказья была установлена хронологическая последовательность бытования беденской и триалетской культур.

Сенсационные открытия в конце 30-х годов в Триалети определили одно из направлений археологических работ и в других кавказских республиках, где начались поиски памятников эпохи сред-

ней бронзы. В Армении к этому времени были известны лишь материалы с “крашеной” керамикой из открытого еще в конце XIX в. Тазакендского (Кармирбердского) могильника (Кушнарева К.Х., 1960) и поселения Муханнаттапа в Ереване (Байбуртян Е.А., 1937). Одним из самых ярких археологических открытий конца 40-х годов явился “княжеский” курган в Кировакане, содержащий парадную посуду, набор разнообразного бронзового оружия, уникальные изделия из золота и серебра. Этот комплекс показал, что памятники триалетского облика имеют более широкое распространение, нежели предполагалось раньше. Позднее однотипные полуразрушенные захоронения были обнаружены фактически по всей Армении: в Севанском бассейне это находки в Камо, Золакаре, Лчашене, Акунке, Геташене (Ханзадян Э.В., 1962; Калантарян А.А., Хачатрян Ж.Д., 1969), в Араратской долине – в Воскевазе, Агавнатуне, Эчмиадзине, Гарни, Эларе и др. (Ханзадян Э.В., 1969. Табл. VI–VII, XXV, рис. 94; 1979а. Табл. I, рис. 99–103, 106–107; Арешян Г.Е., 1973), а также в северных и северо-восточных районах республики (Есаян С.А., 1976. Рис. 83; Деведжян С.Г., 1981. Табл. I–IV).

В 60-е годы в различных уголках Армении (Лчашен, Эчмиадзин, Ереван и др.) была открыта серия рядовых погребений (Есаян С.А., Карапетян Л.Л., 1963; 1965; Мартиросян А.А., 1964. С. 67; Мнацакянян А.А., 1965), по обряду и инвентарю проявляющих идентичность могилам Тазакенда. Тогда же были обобщены разбросанные по разным музеям материалы этого могильника (Кушнарева К.Х., 1960). В отличие от триалетских его комплексы представляли собой скромные подкурганные захоронения, сопровождаемые небольшим количеством специфической, расписной и чернолощенной посуды (а в редких случаях металлическим оружием), и характеризовали иную, хотя и родственную триалетской культуру. По месту своего первоначального обнаружения она была названа тазакендской; в дальнейшем в связи с переименованием с. Тазакенд могильник, расположенный на территории крепости Кармир Берд, получил в литературе название “кармирбердский” (Арешян Г.Е., 1970а). В последующих публикациях армянских археологов памятники описанного типа сохраняют то же наименование.

Накопившиеся к середине 60-х годов материалы требовали подведения итогов. Их научная систематизация была осуществлена А.А. Мартиросяном. Появился первый обобщающий труд по археологии бронзового века Армении. Рассмотренные на широком фоне кавказско-переднеазиатского региона прочное историко-хронологическое место получили не только вновь открытые комплексы, но также материалы дореволюционных раскопок и многочисленная серия случайных находок из разных районов Армении (Мартиросян А.А., 1964; Рец. К.Х. Кушнарева, 1966). В рамках среднебронзового периода автором впервые были намечены

группы памятников, имеющих территориальные и хронологические особенности.

Конец 60-х – начало 70-х годов характеризуется открытием новых памятников и выходом новых работ. Развернутую интерпретацию комплексы эпохи средней бронзы получили в связи с изучением разнообразных находок в районе Гарни (Ханзадян Э.В., 1969. С. 83) и раскопок поселения Мецамор (Ханзадян Э.В., Мкртчян К.А., Парсамян Э.С., 1973. С. 20). В историческом осмыслении памятников средней бронзы Южного Кавказа важное значение имело выявление сходства некоторых их элементов с материалами южных культур, в частности с культурами Малой Азии (Арешян Г.Е., 1973). Много нового внесли систематические раскопки в Северо-Западной Армении (Арич). Здесь началось изучение единого комплекса эпохи средней бронзы – прошурфовано огромное укрепленное поселение скального типа и раскопано около 80 погребений. Комплексный подход дал возможность выявить характер различных сторон жизни аборигенов, установить специфику их материальной и духовной культуры (Хачатрян Т.С., 1975. С. 89). Весьма выразительные материалы получены также при раскопках могильника в с. Кети (Петросян Л.А., 1973; 1976; 1984; 1989).

Раскопки велись и в других районах Армении. Весьма перспективным может оказаться дальнейшее исследование поселения и могильника в Лори Берде, недалеко от Степанавана, первые раскопки которых уже принесли чрезвычайно яркие результаты (Деведжян С.Г., 1972; 1974; 1976; 1981. С. 12). Погребения триалетского облика открыты в северо-восточной части Армении (Есаян С.А., 1976), а также южнее оз. Севан.

С середины 70-х годов начинается планомерное обследование древних памятников республики с конечной целью составления археологической карты Армении. К настоящему времени зафиксировано большое число поселений и могильников эпохи средней бронзы; часть из них уже изучается. Среди открытых памятников ключевое положение занял могильник Верин Навер, на котором осуществляются систематические раскопки (Симонян А.Е., 1977; 1979; 1983; 1984а; 1987б). Его научное значение основывается на серийности комплексов, добытых на основе современной методики полевых исследований. Именно этот памятник позволил А.Е. Симоняну выделить ведущие признаки кармирбердской культуры (Симонян А.Е., 1982; 1984а; 1987а; 1990). Параллельно осуществлялись раскопки на могильнике Аруч, где в противовес преимущественно скромным могилам Верин Навера были открыты богатые погребения триалетской культуры периода ее наивысшего расцвета (Арешян Г.Е., 1979); эти не рядовые материалы ждут своего скорейшего опубликования. В эти же годы изданы и интерпретированы открытые в разное время разнотипные памятники средней бронзы в окрестностях Элара (Ханзадян Э.В., 1979. С. 60).

Наконец, сенсационным событием явились раскопки могильника в с. Карашамб, где среди прочих погребений открыт “царский” курган с уникальным инвентарем (Оганесян В., Мурадян Ф., 1986; Оганесян В.Э., 1988а,б; 1990). Среди последнего находился серебряный кубок со сложно-композиционными многоярусными чекаными фризами, восходящими к сюжетам индоевропейской мифологии. Открытие карашамбских погребений послужило импульсом к дальнейшим разработкам важнейших проблем среднебронзового периода Кавказа (Арешян Г.Е. и др., 1990).

К сожалению, недостаточно интенсивно изучались памятники эпохи средней бронзы на территории Азербайджана. Первые находки с расписной посудой здесь были сделаны еще в конце XIX в. в окрестностях Нахичевани. Это раскопанный Н.В. Федоровым могильник около армянского монастыря Кармир Ванк (азерб. Кызыл Ванк), к которому позже возвращались многие исследователи (Спицын А.А., 1909; Мещанинов И.И., 1926а; Миллер А.А., 1926; Пиотровский Б.Б., 1949а; Мартиросян А.А., 1964; Абибуллаев О.А., Алиев В.Г., 1970), а также ставшее известным впоследствии многослойное поселение Кюльтепе I (Лалаян Е.А., 1906. С. 207). В послевоенное десятилетие в республике обследовались лишь единичные памятники этого времени – в районе Алинджачай (Алекперов А.К., 1927), в Зурнабаде (Гуммель Я.И., 1939), в Шахтахты (Алекперов А.К., 1937). Шахтахтинский могильник, в частности, помимо серии рядовых захоронений дал богатое погребение с конем, золотой пряжкой и уникальным полихромным расписным сосудом. Тогда же на юге республики было предпринято первое изучение крепостей, которые первоначально ошибочно рассматривались как результат урартской и ассирийской экспансий в Восточное Закавказье (Алекперов А.К., 1937). Позднее эти памятники получили правильную историко-хронологическую интерпретацию (Джафарзаде И.М., 1946а).

50-е годы ознаменовались широкими полевыми исследованиями в Мильско-Карабахской степи и Нахичевани, осуществлявшимися комплексной Азербайджанской (Оренкалинской) экспедицией АН СССР и АН Азербайджана под руководством А.А. Иессена (МИА СССР, 1959; 1965; Кушнарева К.Х., Якобсон А.Л., 1966; Кушнарева К.Х., 1987). В Мильской степи экспедицией было обнаружено несколько многослойных поселений, включающих культурные эпохи средней бронзы; это Геойтепе, Наргизтепе, Бабалартепе (Иессен А.А., 1965а). На холме Узерликтепе были осуществлены первые в Закавказье систематические раскопки поселения с мощными культурными слоями периода средней бронзы; раскопки велись на широкой площади и способствовали изучению оборонительных сооружений: жилых комплексов, остатков производства и различного бытового инвентаря, специальное внимание было обращено на воп-

росы стратиграфии (Кушнарера К.Х., 1957; 1959б; 1965).

Примерно в эти годы проводились раскопки на многослойном поселении Кюльтепе I, ставшем ключевым для изучения периода ранней и средней бронзы Нахичеванского края (Абибуллаев О.А., 1959а,б; 1982. С. 145). Выявление в слое поселения, перекрывающем куро-аракские находки, признаков культуры средней бронзы с характерной расписной посудой позволило, в свою очередь, определить историко-хронологическое место серии находок, сделанных в разных пунктах этого района. Эти открытия стимулировали новые исследования. В конце 60-х годов началось систематическое изучение археологических памятников края; центральным объектом стало многослойное поселение Кюльтепе II, на котором изучались в первую очередь слои эпохи средней бронзы (Алиев В.Г., 1962; 1963; 1967; Ахундов Д.А., Алиев В.Г., 1977; Бахшалиев В.Б., 1986). Здесь выявлены система оборонительных сооружений, жилые постройки, гончарная и металлообрабатывающая мастерские, разнообразный производственный и бытовой инвентарь. Параллельно проведено обследование могильника между селами Азнабюрд и Карабагляр, недалеко от монастыря Кармир Ванк, а также поселения Кызылбурун, Нахаджир, Гулалытепе, Карабагляр (Абибуллаев О.А., Алиев В.Г., 1970). Научную интерпретацию получает и интереснейшая коллекция расписных сосудов, обнаруженная случайно в Джульфе, на самой границе с Ираном (Алиев В.Г., 1968; Кушнарера К.Х., 1992. Табл. 6). Наконец, с Нахичеванским краем связано еще одно важное открытие. Здесь, в соляных копиях Дуз Дага была исследована шахта III–II тысячелетий до н.э. и прослежена древняя технология соледобычи (Алиев В.Г., 1983б). Набор горнодобывающих орудий определил функциональное назначение различных каменных молотов, находимых на территории края (Алиев В.Г., 1968). Этот древний производственный комплекс, имеющий огромное значение для истории горного дела Кавказа, остается пока уникальным.

Большая насыщенность различными памятниками, среди которых имеются укрепленные поселения, разнохарактерные могильники, остатки общественных производств подтвердили предположение о том, что эта область Южного Кавказа в эпоху средней бронзы являлась одним из передовых культурных очагов.

Отдельные группы памятников выявляются и в других районах республики. Одна из них обнаружена на склонах Малого Кавказа, в междуречье рек Гуручай и Кендаленчай. Здесь обследовано несколько поселений и открыты могилы на знаменитом Карабулагском некрополе; изучение последних дало основание углубить нижнюю дату могильника, известного как позднебронзовый, вплоть до начала II тысячелетия до н.э. (Алиев В.Г., Исмаилов Г.С., 1969; Исмаилов Г.С., 1970; 1971б). В эти

же годы осуществлены раскопки небольших курганов на яйлаге Хачбулаг; здесь открыты могилы рядовых общинников с типичным набором предметов средней бронзы (Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С., 1961; Джафарзаде И.М., 1973). Работы велись и в Западном Азербайджане; где обследовано городище Баркиннакызы (Нариманов И.Г., 1965), а также раскопаны погребения эпохи средней бронзы на территории древнеземледельческого поселения Бабадериш (Исмаилов Г.С., Алиев В.Г., 1972). Еще одна группа памятников исследовалась в Гобустане (Мурадова Ф.М., 1979) – заповеднике древних наскальных изображений (Джафарзаде И.М., 1973). Наконец, на юго-востоке республики осуществлены раскопки поселений Мишарчай и Джафарханлы, а на древнем земледельческом поселении Аликемектепес обнаружен могильник с богатыми погребениями эпохи средней бронзы (Махмудов Ф.Р., 1979).

Таким образом, в республике накоплены определенные, к сожалению, немногочисленные материалы, характеризующие культуру эпохи средней бронзы на различных ее этапах. В определенной мере они нашли свое отражение в книге В.Г. Алиева, в которой автор уделяет главное внимание памятникам с расписной посудой (Алиев В.Г., 1977). Однако известные материалы не обобщены, рассматриваемый период во всех его аспектах не изучен. Для этого необходимо сконцентрировать усилия как на полевом, так и на интерпретационном уровнях.

Итак, на протяжении многих десятилетий в каждой из закавказских республик накапливались материалы, характеризующие период средней бронзы; достаточно сказать, что на археологической карте зафиксировано уже 180 памятников этого времени (см. рис. 2), а их подлинное количество должно значительно превышать эту цифру. Работки, как правило, велись локально, что характерно для кавказской археологии в целом; именно поэтому мы сочли целесообразным рассмотреть динамику изучения памятников этого периода раздельно, в пределах каждой из трех республик. Вместе с тем, суммируя эти достижения, можно заметить стремление исследователей к периодическому осмыслению всех накопленных материалов и их обобщению в рамках региона в целом. Так, после блестящих открытий в Триалети появились первые обобщающие исследования, подводящие итоги археологическим достижениям 30–40-х годов (Куфтин Б.А., 1941; 1948; Пиотровский Б.Б., 1949а). Они имеют непреходящее значение и сегодня как в плане информации о памятниках, так и в плане интерпретации последних, осуществленной на фоне широкого пласта переднеазиатских материалов. Достаточно обоснованными оказались и предложенные авторами датировки. Таким образом, известные тогда памятники были введены в исторический контекст, в котором эпоха средней бронзы заняла свое культурно-хронологическое место.

В течение последующих десятилетий шло интенсивное накопление материала; особенно яркими оказались вновь открытые грандиозные “царские” или “княжеские” курганы в Южной Грузии, в том числе и месхетский очаг триалетской культуры (Джапаридзе О.М. и др., 1981). В 70-е годы обосновывается периодизационная схема памятников в Триалети, базирующаяся на анализе развития ведущих элементов курганных погребений и на синхронизации последних с хорошо датированными комплексами Передней Азии (Гогадзе Э.М., 1970а,б; 1972). В результате триалетская культура предстала не как единовременное явление, а как культурно-исторический процесс, протекавший на протяжении нескольких столетий.

В 70-е годы были предприняты первые серьезные попытки осмысления богатых захоронений носителей триалетской культуры как явлений социальных (Массон В.М., 1973; Кушнарева К.Х., 1973; Киквидзе Я.А., 1976; 1983).

В 80-е годы наряду с накоплением новых и старых материалов выявилась тенденция к вычлению археологических культур периода средней бронзы. Это была назревшая необходимость, проистекающая из неоднородности известных памятников. Так появилась беденская, а позднее бедено-алазанская культура (Дедабришвили Ш.Ш., 1979; Гобеджишвили Г.Ф., 1980; Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987), как бы открывавшая путь дальнейшему развитию триалетской культуры. Обрисовались границы и ведущие признаки западногрузинской или протоколхской культуры, резко отличающейся от остальных закавказских культур периода средней бронзы (Микеладзе Т.К., 1990). В связи с подготовкой настоящего издания были собраны воедино и проработаны все разрозненные материалы, хранящиеся в фондах республиканских музеев Закавказья. Это позволило высказать предположение о существовании в конце III – первых веках II тысячелетия до н.э. еще трех родственных между собой культур, трактованных в свое время А.А. Мартиросяном как хронологические группы памятников – кармирбердской, севано-узерликской, кизылванкской (Мартиросян А.А., 1964. С. 47–73), очертить примерно их границы и наметить в первом приближении время их бытования (Кушнарева К.Х., 1982; 1983; 1985; 1986). При этом автором была сделана оговорка, что на современном уровне знаний бытование упомянутых культур может быть обосновано пока только керамикой. Параллельно велись интенсивные раскопки и исследования, направленные на “наполнение” конкретными признаками кармирбердской культуры (Симолян А.Е., 1982; 1983; 1984а,б; 1987б), в результате сегодня она вырисовывается как одна из наиболее устойчивых закавказских культур рассматриваемого периода. Вместе с тем в последнее время обнаружение кармирбердских материалов в нетрадиционном контексте вызвало к жизни новую концепцию о социальном и хронологическом аспектах

культур периода средней бронзы Южного Кавказа (Симолян А.Е., 1987а; 1990).

В заключение необходимо упомянуть о неоднократных на протяжении длительного времени обращения исследователей к проблеме реконструкции художественного мышления и духовной жизни местного населения в рассматриваемый период и попытке определения этнической принадлежности последнего. В основе этих разработок лежат шедевры торевтики и богато орнаментированная керамика триалетской культуры. Центральным объектом исследования стал сюжет на знаменитом серебряном кубке из V триалетского кургана (Куртин Б.А., 1941. С. 87; Ушаков П.Н., 1941; Амиранашвили Ш.Я., 1947; Бардавелидзе В.В., 1957. С. 94; Джапаридзе Н.О., 1975; 1988; Бериашвили М.Т., Схиртладзе З.Н., 1984). Его близость к памятникам хеттского искусства позволила высказать предположение о принадлежности его создателей к хеттскому или хурритскому этническим массивам (Burney С., 1958. P. 178; Меликишвили Г.А., 1965. С. 22). В самые последние годы в процессе исследований Карашамбского могильника был открыт еще один “царский” курган. Центральной находкой здесь оказался серебряный кубок с чеканными многоярусными сложнокомпозиционными фризами – “двойник” триалетского кубка из кургана Корух-таш. Обращение к сюжетам этого шедевра древней торевтики и сопоставление их с композициями на триалетском кубке и древней керамике привели исследователей к обоснованию тезиса о создании этих двух изделий в индоевропейской этнической среде, использовавшей при их создании свои поверья и мифы (Аресян Г.Е., 1985в; 1987; 1988б,в; Оганесян В.Э., 1988а,б). Эти положения, несомненно, будут стимулировать дальнейшие разработки проблемы духовной сферы жизни древнего населения Кавказа*.

* Уже после окончания подготовки к печати настоящего тома появились публикации, в которых на материалах некоторых погребений Армении продемонстрирована не наблюдавшаяся ранее взаимовстречаемость различных по стилю экземпляров керамики, характерных для триалетской, севано-узерликской и кармирбердской культур. На этом основании были предложены новые концепции их периодизации (Оганесян В.Э., 1990; Аресян Г.Е. и др., 1990) и социальной общности (Симолян А.Е., 1990). Ввиду технической невозможности включения в настоящий том материалов этих публикаций и подробных обоснований новых концепций мы вынуждены отослать читателя к упомянутым выше работам. Настоящий том мы ограничиваем публикациями, появившимися в печати до 1990 г.; тем самым он отражает уровень наших знаний на этот период. Предложенная же новая периодизационная схема, построенная на закрытых комплексах Армении, с нашей точки зрения, пока не может быть механически перенесена на памятники других областей региона. Однако она представляется весьма серьезной и открывает широкую перспективу для дискуссий в области периодизации и хронологии закавказских культур периода средней и поздней бронзы. В этих дискуссиях немаловажную роль должны сыграть послынный анализ материалов из известных уже стратифицированных поселений, а также раскопки новых объектов такого рода. Однако это уже задача нового этапа исследований.

Глава 3

Протоколхская культура

Ареал западнокавказской культуры периода средней бронзы охватывает Колхидскую равнину и примыкающие к ней с севера и юга предгорья и горы. Специфические природные условия Колхиды, ее определенная географическая изолированность, которая создавалась высокогорным окружением, способствовали созданию в этой области своеобразных археологических культур и хозяйственно-экономических комплексов, отличающихся от таковых в других районах Кавказа. Вместе с тем, памятники Колхиды (горной ее части и отчасти предгорий), несущие элементы западнокавказских культур, тяготеют больше к культурам соседних областей; в итоге на границах западнокавказской культуры ощущается соприкосновение ее с другими, соседствующими культурами Кавказа. В эпоху средней бронзы здесь процветала своеобразная археологическая культура, на основе которой развивалась колхидская культура эпохи поздней бронзы раннего железа. Носителями последней, судя по письменным источникам и древним топонимам, являлись западногрузинские племена – колхи. Поэтому предшествующую культуру мы с полным основанием можем назвать протоколхской.

Археологические памятники Колхиды эпохи бронзы в целом представлены весьма разнообразно (Микеладзе Т.К., 1990. С. 16–31). Здесь есть поселения, могильники, клады, меднорудные разработки, мастерские. Однако не все этапы этого длительного двухтысячелетнего периода могут сегодня быть охарактеризованы столь разносторонне. Эпоха средней бронзы пока представлена главным образом поселениями, которые дают наиболее полную картину хозяйства и материальной культуры оставившего их общества, а также позволяют установить преемственность в развитии местных культур.

Колхидские поселения засвидетельствованы на искусственных холмах или под холмами, которые обычно хорошо различаются на рельефе Колхидской низменности. Они возвышаются над окружающей местностью (в зависимости от их последующего погружения) на 0,8–5–6 м. Холмы эти имеют двойное происхождение: одни образовались в результате напластования слоев, отражающих последовательные этапы долгой и интенсивной жизни человека, другие (также искусственного происхождения) не имеют никакого отношения к поселениям, обнаруженным под этими холмами, и воздвигнуты после прекращения жизни на них. Примером первой группы служат поселения Анаклиа I (Диха

Гудзуба I) на левом берегу р. Ингури, Наохвamu вблизи станции Квалони, Зурга в районе устья р. Риони, Цкеми, Носири, Намчедури на территории курорта Кобулету, Патрикети вблизи Кутаиси, Курзия в с. Саелиаво.

Классическим примером поселений второй группы является холм Симагре и обнаруженное под ним поселение VI–V вв. до н.э. Как выяснилось, холм был сооружен после затухания жизни на поселении, при этом земля была добыта из другого поселения. В результате среди перемешанных в насыпи находок оказался материал более ранний, чем в верхнем слое основного памятника, расположенного под холмом (Микеладзе Т.К., 1978. С. 46, 98). Таким образом, хотя холмы второй группы не связаны непосредственно с перекрытыми ими поселениями, они, тем не менее, дают представление о характере заселения Колхиды, топографии колхидских поселений, а также о преемственной связи освоения земельных участков под поселения в течение многих столетий.

К холмам второй группы относится также холм над древним поселением Анаклиа II: его насыпь практически оказалась стерильной и была сооружена после прекращения жизни на древнем поселении. Вокруг холма на небольших глубинах были обнаружены следы поселения VI–V вв. до н.э. с деревянными постройками, местной и аттической чернофигурной керамикой, остатками сельскохозяйственных продуктов. Найденный в самых верхних, по-видимому, смытых слоях холма фрагмент чернофигурного сосуда, вероятно, указывает на сооружение холма именно в тот период, когда возникло поселение у его подножья.

Земляная насыпь этого холма сейчас имеет высоту 5 м, диаметр больше 40 м. Само поселение находилось на глубине 5 м, почти на уровне современной поверхности, которая в период жизни поселения должна была несколько возвышаться над окружающей заболоченной местностью. От основного поселения Анаклиа II (да и от других колхидских поселений с деревянными постройками) остались лишь нижняя часть деревянных помещений (Микеладзе Т.К., 1990. Табл. I–II) и главным образом, керамика (табл. 16, 14–36). Следует полагать, что верхняя часть деревянных построек либо сгорела, либо была разобрана для переноса в другое место, как это делалось в Западной Грузии еще в недалеком прошлом.

Нижняя часть построек сооружалась следующим образом: первоначально тщательно утрамбо-

Таблица 16. Материалы из западногрузинских поселений. Составитель Т.К. Микеладзе

1-13 - Испани; 14-36 - Анаклиа II; 37-45 - Цкеми; 46-55 - Носири; 56-61 - Саелиаве; 52-66 - Зурга; 67-79 - Наохвamu; 1, 27, 28, 56, 69 - кремневые наконечники стрел и орудия; 8 - деревянная модель трубчато-обушного топора; 25 - деревянные

настилы; 31 - серебряное височное кольцо; 32 - форма для отливки мотыги; 2-24, 26, 30, 33-53, 57-68, 71-79 - керамика; 54, 55 - камень

вывалась суглинистая почва, на которой в отдельных случаях (например, Анаклиа II) укладывалась срубамы кладка; затем кладка покрывалась слоем глины, иной раз довольно толстым, также тщательно утрамбовывалась, после чего на ней сооружались ячейки из срубной кладки, которые в свою очередь заполнялись глиной с примесью щепок, веток, органических остатков и др. Такая же картина наблюдается и на сравнительно позднем поселении Наохваму (Куфтин Б.А. 1950. С. 172). Часто эти ячейки оказывались между рядами вертикально вкопанных коротких (60–70 см) кругляков (Анаклиа II, Наохваму, Симагре); назначение последних пока трудно объяснить, но сваями, по-видимому, их считать нельзя (Куфтин Б.А., 1950. С. 172). Сконструированное таким образом прочное основание – платформа – покрывалась деревянным настилом, а местами плетенкой из веток; эти настилы служили полами срубных построек. На поселениях пока удалось проследить лишь самую нижнюю часть построек, состоявшую из срубных кладок в два-три ряда (табл. 16, 25).

Деревянные или плетеные настилы полов часто покрывались водонепроницаемой черной навозной землей, которая либо специально, либо в результате длительной деятельности человека сильно спрессована (Анаклиа II, Симагре); она напоминает итальянские террамары, т.е. стоянки на земле, обладающей свойствами удобрений (Säflünd G., 1939. S. 15). Сходство колхских поселений с террамарами Италии, быть может обусловленное близкими экологическими условиями Колхидской низменности и равнины р. По, проявляется и в ряде других явлений. Бесспорно, есть нечто общее между типами жилищ и деревянных сооружений. Особенно привлекает внимание террамарное поселение Кастионе, где под холмом, возвышающимся над окружающей местностью примерно на 3 м, были обнаружены деревянные сооружения (Säflünd G., 1939. S. 90. Taul. 85, 95), по принципам, форме (такие же ячейки) и технике сооружения (угловые связки венцов) напоминающие колхидские срубные постройки.

Колхидские поселения бронзового века занимают сравнительно небольшую площадь – 1200–2000 кв. м (Анаклиа I, II, Носири, Намчедури, Наохваму, Зурга, Цкеми). В непосредственной близости от них обычно синхронных памятников нет. Судя по двум исследованным холмам Анаклиа, поселения располагались на расстоянии 1–2 км, а то и более. Топография других колхидских холмов аналогична. Скопления холмов на Колхидской низменности сравнительно редки, при этом они могут быть и разновременными. Все это говорит о хуторском характере древнеколхидских поселений. Они, по-видимому, были усадьбами отдельных больших семей, а группы соседствующих поселений составляли сельские общины.

Как уже было сказано, поселения располагались на участках, возвышающихся относительно окру-

жавших их заболоченных полей. В сечении (в средней части) слои, содержащие остатки этих поселений, имеют полусферическую форму. Это указывает на то, что поселения сооружались на искусственных холмах.

Деревянные сооружения колхидских поселений имеют обычно четырехугольную форму. На Анаклиа II открыто два таких смежных (сооруженных из срубов) помещения, каждое из которых не превышает 20 кв. м. Это, по-видимому, было жилище одной семьи. Древние колхи называли его “джаргвали” (т.е. помещение, построенное из деревянных кругляков). Джаргвали был одним из основных типов жилищ колхов на протяжении многих столетий и сохранился вплоть до недавнего времени. Очаги в жилищах не зафиксированы. Возможно, функцию очагов так же, как на древнейших террамарах (Säflünd G., 1939. S. 96), выполняли простые выемки в земле. Интересно, что именно такие очаги (шуацецкли) в джаргвали (т.е. в срубных домах) доживают до этнографической действительности Колхиды.

Древнеколхидские поселения являются поселениями открытого типа. Рвам, зафиксированным вокруг отдельных поселений (Анаклиа I, Наохваму; см.: Ниорадзе Г.К., 1941. С. 223, 233, 239, 241; Куфтин Б.А., 1950. с. 167), по-видимому, не следует приписывать защитную функцию; они, скорее всего, устраивались с целью дренажа. Примерно такое же назначение имеют рвы, окружающие усадьбы и в современной Колхиде.

Основным археологическим материалом, добытым на поселениях, является керамика. Она представлена на поселениях Анаклиа II, на центральном холме Пичори, во втором и третьем слоях Анаклиа I, а также в первом и втором слоях Носири (табл. 16, 14–36, 46–55). Наиболее ранняя группа найдена на Анаклиа и Пичори; она обнаруживает непосредственную связь с керамикой конца III тысячелетия до н.э. поселения Испани (табл. 16, 1–13). Среди ранних образцов на поселениях Анаклиа I (Куфтин Б.А., 1950. С. 250. Табл. 65) и II в незначительном количестве встречена и текстильная керамика, указывающая на то, что в начале II тысячелетия до н.э. еще жили традиции, характерные для более ранних памятников колхидской низменности (нижние слои Дабла Гоми, Очамчиры).

Керамику по материалам поселения Анаклиа II можно разделить на несколько групп. Наиболее характерна лощеная черная керамика, по фактуре, а иногда и по форме перекликающаяся с ранней триалетской чернолощеной посудой, с одной стороны, и с керамикой типа Бедени – с другой. Это большие и средние бадьевидные и баночные сосуды и маленькие прекрасно лощеные двушнрые “солонки” и одношнрые кружки (табл. 16, 19, 20). Среди сосудов среднего размера следует отметить яйцевидные экземпляры с ленточными ушками, прикрепленными к венчику (табл. 16, 33). Встречаются также сосуды с горизонтально поставлен-

ными ручками (табл. 16, 24). Чернолощенные сосуды имеют округлую или сферическую форму, как правило, они не орнаментированы; лишь в отдельных случаях на корпусе имеются линии или простые геометрические фигуры. Эта керамика находит непосредственные параллели в материалах раннего поселения Испани, где чернолощенная керамика представлена в незначительном количестве и, по-видимому, отражает последние этапы его жизни.

Вторую группу составляет нелощеная керамика черного, серого и коричневого обжига. Сосуды имеют цилиндрическую банкообразную форму, слегка отогнутый венчик и иногда сосцевидные выступы (табл. 16, 29, 30). Поверхность некоторых сосудов гофрирована, а в верхней части имеет зигзагообразный орнамент. К этой же группе относится посуда с коротким трубчатым сливом.

Наконец, третью группу составляют чернолощенные бадьевидные сосуды среднего размера. Они украшены желобчатым орнаментом и концентрическими кругами или полукругами, расходящимися от шишкообразных выступов и низких полусферических ручек (табл. 16, 22, 23). Это так называемый каберный орнамент, который так же, как и некоторые формы сосудов, имеет много общего с керамикой террамар долины р. По, Сардинии, Дунайского бассейна (Куфтин Б.А., 1950. С. 240, 257. Рис. 63). Особенно это бросается в глаза при сопоставлении колхидской керамики с итальянской посудой, датирующейся 2000–1250 гг. до н.э. (Säflünd G., 1939. Taul. 7, 1–2, 4; 10, 8; 11, 3; 17 и др.); их роднят орнамент и одинаковая форма ручек. Заметим, что в более поздней фазе в Италии (Тм II В – 1250–700 гг. до н.э.) появляется посуда адриатического класса с трубчатым сливом (Säflünd G., 1939. Taul. 29, 11–12), характерным и для поздней колхидской керамики эпохи средней бронзы. Эта группа посуды на поселении Анаклиа II представлена в небольшом количестве и относится, по-видимому, к последним этапам существования поселения. Она является господствующей на поселениях Анаклиа I (слои I–III) (ср.: Куфтин Б.А., 1950. Табл. 67), Носири (слои I, II; табл. 16, 46–48, 51, 52), Кекелури Зуга (слои I–II), Начвис Зуга (Гогадзе Э.М., 1982. Табл. 42, 48, 51–52) и даже встречается на памятниках ранних этапов поздней бронзы. Все это говорит о том, что эти слои на поселениях Анаклиа I и Носири несколько более поздние, чем Анаклиа II, тяготеющего, в свою очередь, к раннему поселению Испани (табл. 16, 1–13; Микеладзе Т.К., Барамидзе М.В., 1979. С. 97). На это указывает и то обстоятельство, что на поселениях Анаклиа I и Носири уже не встречается чернолощенная керамика, первые образцы которой мы встречали на поселении Испани и в большом количестве в нижних слоях жилого холма в с. Пичори. Сходство нелощеной посуде поселений Анаклиа II и Испани, территориально значительно оторванных друг от друга, исключает возможность рассма-

тривать это явление как проявление локальных, а не хронологических особенностей.

Таким образом, определенное сходство ведущей керамики поселения Анаклиа II с таковой из поселения с Испани, с одной стороны, и керамики третьей группы (с желобчатым орнаментом) с посудой последующих по времени поселений Анаклиа I, Носири, Кекелури Зуга и Начвис Зуга, где она преобладает – с другой, указывает на хронологическую последовательность этих памятников и их культурно-историческую преемственность. Исходным в этой цепи является пока поселение Испани (вторая половина III тысячелетия до н.э.), за ним следуют Анаклиа II и, возможно, нижний слой центрального холма в с. Пичори (конец III – начало II тысячелетия до н.э.), а затем Анаклиа I и Носири (начало второй четверти II тысячелетия до н.э.). К этим памятникам непосредственно примыкает поселение Намчедури (VI слой). Кстати, слой VI Намчедури датирован радиоуглеродным методом дважды – 1430 г. до н.э. и 3370 лет (Микеладзе Т.К., 1990. С. 22).

Такой установленной по керамике последовательности не противоречит и сопровождающий ее материал. Из предметов, поддающихся более или менее точной датировке, назовем кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием из Анаклиа II (табл. 16, 28), характерные для памятников Грузии эпохи средней бронзы (Куфтин Б.А., 1950. С. 243; Джапаридзе О.М., 1961. С. 184). То же следует сказать и о костяном наконечнике шилообразной формы с длинным черешком из того же поселения, хотя подобные наконечники бытовали на Кавказе долгое время (Абрамишвили Р.М., 1957. Табл. 1, 167, 169). Любопытно, что такие же наконечники первой фазы террамар (2000–1600 гг. до н.э.) свидетельствуют об их раннем появлении и на территории Северной Италии. Характерно, что и здесь они продолжали бытовать вплоть до замены их бронзовыми (Säflünd G., 1939. S. 186. Taul. 63, 1–3).

На поселении Анаклиа II было обнаружено серебряное височное кольцо в полтора оборота (табл. 16, 31). Такое же кольцо найдено на поселении Пичори. Подобные кольца бытовали на Кавказе долго. Они встречаются в переходных от средней к поздней бронзе погребениях Восточной Грузии, в ранних (XIV–XIII вв. до н.э.) и поздних (XII–X вв. до н.э.) могилах Тлийского могильника (Техов Б.В., 1977. С. 16. Рис. 13, 4; 26, 11–12; С. 169), в погребениях Стырфазского могильника (XIV–XIII вв. до н.э.; Техов Б.В., 1974. Рис. 17, 13). Их разновидности есть в кобанских комплексах первого (X–VII вв. до н.э.) этапа (Козенкова В.И., 1977. Табл. XXI, 4, 5, 9). Однако тот факт, что височные кольца находят в абхазских дольменах вместе с такими архаичными предметами, как мало дифференцированный топор с круглым отверстием или листовидные медные кинжалы (Куфтин Б.А., 1949. С. 268. Табл. XXX) в Сачхер-

ских курганах (Джапаридзе О.М., 1961. С. 39) и в не менее архаичных комплексах поселения Анаклиа II, говорит о том, что присутствие этого украшения в последнем так же, как и в Пичори, вполне закономерно и что такие кольца были в употреблении в Западном Закавказье и в начале II тысячелетия до н.э. Примечательно, что медные и серебряные височные полутораспиральные кольца вместе с кремневыми наконечниками стрел и выемчатым основанием так же, как и в Анаклиа II, обнаружены в позднетрипольских и усатовских комплексах (Збеневич В.Г., 1974. С. 61. 74. Рис. 24, 26).

В протоколхских поселениях прослеживаются также отдельные элементы культуры, явно тяготеющие к более ранним памятникам. Это текстильная керамика из поселений Анаклиа I (II слой), Анаклиа II (табл. 16, 26) и Пичори. Отпечатки рогожи на днищах засвидетельствованы в нижних слоях поселений Очамчиры и Даблагоми, в последнем – вместе с керамикой куро-аракского типа (Соловьев Л.Н., 1939. С. 53. Табл. 14; Куфтин Б.А., 1950. С. 140, 240). Текстильная керамика, очень сходная с колхидской, была в употреблении в раннебронзовую эпоху и в Восточном Средиземноморье (Кинк Х.А., 1970. Табл. 62, 63. Рис. 2). Она была широко распространена и в позднетрипольских поселениях Северного Причерноморья второй половины III тысячелетия до н.э., причем в некоторых из них (Усатовское поселение) она достигает 63% общего количества кухонной посуды (Збеневич В.Г., 1974. С. 81. Рис. 30). Таким образом, находки текстильной керамики в анаклийских поселениях указывают на их непосредственную связь с памятниками предшествующей эпохи.

На поселениях Анаклиа I, II и Носири встречаются выемчатые и черенковые кремневые наконечники стрел; они характерны для таких ранних памятников, как нижние слои циклопических поселений Триалети, курганы Сачхере, Очамчирское поселение (Соловьев Л.Н., 1939. С. 38. Табл. XIX, 2; Куфтин Б.А., 1941. С. 110. Табл. I, XIX; Джапаридзе О.М., 1961. С. 125. Рис. 22, 11. Табл. XIII, 6, 7). Встречены они и на раннем поселении Испани. Примечательно, что на отдельных террамарных памятниках (Костионе) обнаружены аналогичные наконечники, рассматривающиеся и здесь как отражение более раннего, предшествовавшего I фазе террамар (2000–1600 гг. до н.э.) этапа Ремдло (Säflund G., 1939. S.190. Taul. 68, 8–10).

К более ранним этапам тяготеют также каменные топор и мотыга из I и II слоев Носирского поселения (Гогадзе Э.М., 1984. Рис. II, 28, 48). Носирский топор (табл. 16, 55) находит близкую аналогию в топоре второго этапа северокавказской культуры из Краснодара (1700–1500 гг. до н.э.; Марковин В.И., 1960. С. 36. Рис. 7, 19). Мотыга (табл. 16, 54) примыкает к мотыгам так называемого сочи-адлеровского типа, широко распространенного на стоянках IV–III тысячелетий до н.э. Северо-Восточного Причерноморья (Формозов А.А.,

1962. С. 126). Подобные мотыги характерны для переднеазиатских памятников V–IV тысячелетий до н.э. (Чайлд Г., 1956. С. 168). Однако в Северо-Восточном Причерноморье они встречаются также в памятниках раннего металла (стоянки Псоу и Очамчиры; см.: Формозов А.А., 1962. С. 122) и позднее – во II слое Мачарского поселения (Бжания В.В., 1966б. С. 115. Рис. 1, 2; С. 124).

В этот период появляются и ранние формы бронзовых мотыг. В этом отношении трудно переоценить значение литейных форм из Анаклиа II (табл. 16, 32) и нижних слоев центрального холма Пичори (Микеладзе Т.К., 1990. Табл. VII, 12–14). Эти находки четко документируют широкое использование металлических мотыг в земледелии Колхиды с конца III – начала II тысячелетия до н.э., т.е. в период существования этих поселений. Такая датировка Анаклиа II подтверждается тремя радиоуглеродными датами (1990 г. н.э. – ТБ 275; 1920 г. до н.э. – ТБ 274; 1805 г. до н.э. – ТБ 276). Согласно исправленным Г.Л. Кавтарадзе датам на основании калибрационной кривой Р.М. Кларка те же образцы дали следующие даты: 2258 ± 308 до н.э. – ТБ 274; 2352 ± 316 до н.э. – ТБ 275; 2108 ± 360 до н.э. – ТБ 276 (Кавтарадзе Г.Л., 1983. С. 28, 30). В целом новые материалы позволяют судить не только о хронологической последовательности, но и о теснейшей преемственной связи между этапом, который представляет поселение Испани и последующим, характеризующим поселениями Анаклиа II и затем Анаклиа I и Носири.

Следует обратить внимание на одну особенность – почти на всех колхидских поселениях, несмотря на их сугубо земледельческий характер, уже с конца III тысячелетия до н.э. встречаются литейные формы бронзовых изделий, тогда как сами изделия, за редким исключением, отсутствуют. На поселениях Испани и Анаклиа II обнаружены литейные формы трубчато-обушного топора и мотыги – двух определяющих орудий эпохи средней бронзы (Микеладзе Т.К., 1990. Табл. VII, 13, 17). Это явление указывает на то, что создателями той бронзовой индустрии, продукцию которой мы знаем либо покладам, либо по отдельным находкам, являлись именно обитатели протоколхских поселений.

Трубчато-обушные топоры в Западной Грузии появляются в конце III тысячелетия до н.э. в поздних курганных погребениях Сачхере и уже там, по видимому, на базе более ранних вислообушных топоров оформляются в особый “сачхерский” тип с дугообразно изогнутым узким корпусом и сравнительно длинной обушной трубкой (Джапаридзе О.М., 1961. Табл. XV, 1, 2; XVI, 3–5). Последние имели скорее всего парадное назначение. То же самое следует сказать и о топорах из Брильского могильника (табл. 17, 53, 54), которые, несмотря на некоторое отличие от сачхерских, по ряду элементов (узкий и изогнутый корпус, удлиненная обушная трубка, наличие орнамента) схожи с последни-

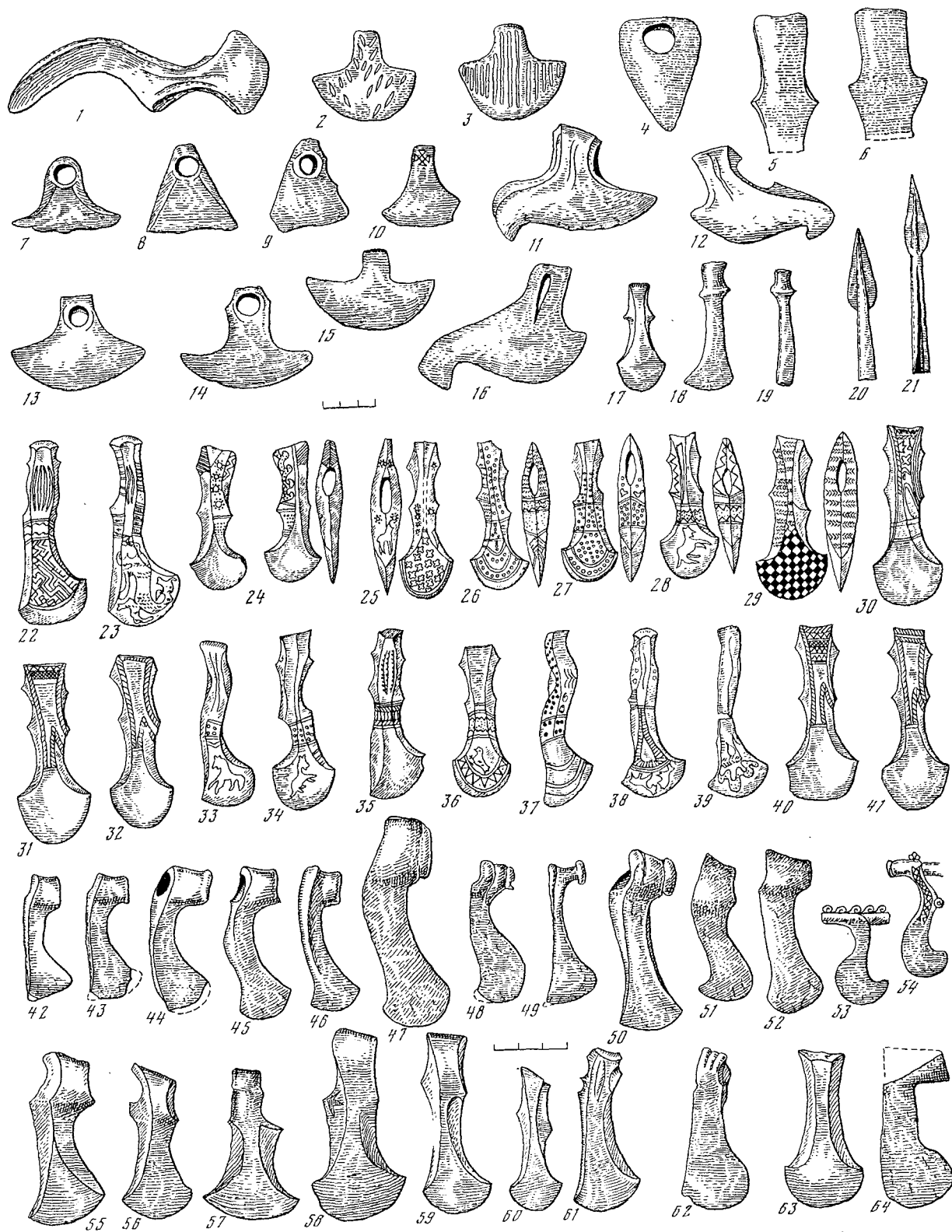

Таблица 17. Бронзовые орудия труда и оружие из Колхиды. Составитель К.Х. Кушнера (по материалам Т.К. Микеладзе)

1, 40, 41 – Окурешы (Лечхуми); 2, 3 – Центральная Колхида; 4, 50, 59 – Уреки; 5 – Цихидзири; 6 – Вакиджвари; 7, 8, 10 – Юго-Западная Колхида; 9, 13 – Гурия; 11, 12, 15, 16 – Юго-Западная Грузия; 14 – Аджария; 17–19 – Западная Грузия (Рача), с. Квишари; 20, 21 – Абхазия, с. Эшери; 26–30, 35,

36 – Абхазия; 22–24, 33, 37, 38, 42–49 – Сванети; 31, 32, 34 – Рача; 39 – Цагери (Лечхуми); 51 – Квишарский клад; 52–54 – Брили; 55 – Пиленково; 56 – Гагра; 57 – Кепри Кеой (близ Эрзурума); 58 – Эрге; 60 – Мелекедурри; 61, 62 – Сухумский клад; 63 – Урекский могильник; 64 – Гантиади

ми и имеют, по-видимому, такое же назначение.

Наряду с ними бытовали еще два типа трубчато-обушных топоров с вариантами; они имели практическое назначение. Первый тип, отличающийся простотой выполнения, представлен несколькими вариантами (табл. 17, 47, 52, 64). Они, по-видимому, были распространены по всей Колхиде, так как отдельные экземпляры были найдены в юго-западной ее части и в ущельях рек Риони и Ингури. Быть может, эти топоры являются наиболее древними, так как непосредственная связь между ними и колхидскими топорами начальных этапов эпохи поздней бронзы не улавливается; вместе с тем по габитусу некоторые их варианты (табл. 17, 47, 52) увязываются с другим типом трубчато-обушных топоров (табл. 17, 42–46, 48), претерпевших ряд изменений, в силу чего их можно расценивать как промежуточный вариант в формировании колхидских топоров эпохи поздней бронзы. Топоры этого типа выделяются гранением корпуса и трубчатого обуха. Эти элементы особенно акцентированы в сравнительно поздних экземплярах их Юго-Западной Колхиды (Урекский клад; табл. 17, 50). Более того, гранением, а в отдельных случаях и определенной выпрямленностью корпуса топоры этого типа, как отмечал еще Б.А. Куфтин (Куфтин Б.А., 1941. С. 17), приближаются не только к самым ранним формам колхидских топоров из Пиленково и Гагры (табл. 17, 55, 56), но и к последующим и даже более поздним (табл. 17, 22, 25, 33–36, 38, 40, 41, 58, 60); разница лишь в трубчатости обуха. Все это указывает на независимость определенных колхидских топоров эпохи поздней бронзы от более ранних, трубчато-обушных.

С другой стороны, не только в ранних топорах этого типа, но и в самых поздних их вариантах, в частности из Урекского клада (табл. 17, 50), в верхней лобовой части обуха сохраняется характерная для вислообушных топоров вогнутость, указывающая на возможные истоки происхождения колхидских трубчато-обушных топоров. В этом отношении, быть может, немаловажное значение имеет тот факт, что оба типа, и вислообушные и трубчато-обушные, изготовлены из мышьяковой бронзы (Абесадзе Ц., Бахтадзе Р., Двали Т., Джапаридзе О., 1958. С. 29). Это свидетельствует о единых металлургических традициях. Напомним, что трубчато-обушные топоры с гранением корпуса и обуха в Колхиде появляются в конце III тысячелетия до н.э., о чем свидетельствуют и литейная форма, и деревянная модель топора этого типа (табл. 16, 8), найденного на поселении Испани.

Что касается происхождения трубчато-обушных топоров, то оно неоднократно связывалось с Передней Азией (Куфтин Б.А., 1941. С. 16; 1944. С. 296, 304; Джапаридзе О.М., 1961. С. 149; Кушнарва К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 123; Техов Б.В., 1974. С. 19; и др.). Действительно, существует бесспорное сходство между южнокавказскими

трубчато-обушными топорами и топорами такого же типа из Киша, Ура, Элама, Луристана (Куфтин Б.А., 1944. С. 304. Рис. 7; Чайлд Г., 1956. С. 241. Рис. 89). Однако непосредственная зависимость колхидских трубчато-обушных топоров от местных вислообушных, которые не встречаются южнее Эрзерума и генетически увязываются с более ранними топорами Восточной Грузии (Кулбакеби, Меджврисхеви; Джапаридзе О.М., 1961. С. 145), наличие большого числа местных разновидностей, возможность проследить морфологическую эволюцию вплоть до колхидских топоров эпохи поздней бронзы и, наконец, их местное производство (литейные формы, модели) с самого раннего времени позволяют высказать другое предположение – процесс формирования трубчато-обушных топоров протекал на территории Колхиды. На это указывает и тот факт, что абсолютное большинство известных южнокавказских трубчато-обушных топоров (более 40 единиц, не считая топоры сачхерских курганов) найдено именно в Колхиде. За ее пределами зафиксированы лишь единичные находки – четыре топора в Восточной Грузии, причем три из них в Юго-Осетии (Джапаридзе О.М., 1961. С. 148), где импульсы колхидской культуры ощущаются в течение всего II тысячелетия до н.э., и четыре топора – в Армении (Мартirosян А.А., 1964. С. 40).

Топоры описанного типа широко распространены и за Кавказским хребтом – на Северном Кавказе, в Центральной России в пределах срубной, фатьяновской культур и в Придунайских странах. Их полное в свое время отсутствие на территории Малой Азии и Греции свидетельствовало о том, что трубчато-обушные топоры проникали на север с Кавказа (Куфтин Б.А., 1944. С. 306; 1949. С. 71; Чайлд Г., 1952. с. 170). Распространение шло путем обмена, посредниками в котором выступали, скорее всего, племена, кочевавшие в степных просторах (Koligz N., 1968. P. 46). Несмотря на то что по последним публикациям трубчато-обушный топор засвидетельствован в Центральной Анатолии севернее Калинкая на памятнике ранней бронзы (Jesus P.S., 1980. P. 147), а в Эгейском бассейне, на о-ве Лемнос найдена литейная форма предположительно трубчато-обушного топора эпохи ранней бронзы (Branigan K., 1974. P. 82. Fig. 4 M 89; Koligz N., 1968. P. 41), положение это все еще следует считать наиболее соответствующим действительности.

Среди характерных орудий труда протоколхской культуры можно назвать также мотыгу. До открытия поселения Анаклиа II мотыга из Урекского клада (табл. 17, 4), несмотря на факт существования медных мотыгообразных подвесок из мотыльников Сачхере и Твлепиа-цкаро (Джапаридзе О.М., 1961. С. 179; Рис. 36, 3; Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. С. 42. Табл. XXXIV, 2), считалась единственным и древнейшим экземпляром этого орудия (Джапаридзе О.М., 1961. С. 116). Од-

нако, с нашей точки зрения, ее следует рассматривать как один из вариантов мотыги, имеющей определенное функциональное назначение (ср.: Куфтин Б.А., 1944. С. 317). Это подтверждается находками на поселении Анаклиа II литейных форм мотыги удлинненно-округлой формы и в нижнем слое центрального холма в с. Пичори – литейных форм и бронзовых мотыг (тоже округлых, но с заметно суживающимся в нижней части концом), свидетельствующих о наличии в эпоху средней бронзы по крайней мере трех типов мотыги – удлинненно-округлой (Анаклиа II), удлинненно-округлой с узкой лезвийной частью (Пичори) и заостренно-треугольной (Урекский клад), которые указывают на их разное функциональное назначение.

Таким образом, уже в недрах протоколхской культуры формируются два ведущих орудия – трубчато-обушный топор и мотыга, определяющие не только культурно-хозяйственный облик колхидского общества эпохи средней бронзы, но и направление дальнейшего развития хозяйственной деятельности колхов; в дальнейшем они нашли свое генетическое развитие в металлических орудиях эпохи поздней бронзы и раннего железа. Вместе с тем, эти два орудия характеризуют разные стороны жизни местных племен. Первый, послуживший прототипом классического колхидского топора, будучи доведенным до совершенства и имевший полужункциональное назначение, получил

широкое распространение и за пределами колхидского этнокультурного мира. Иначе обстоит дело с мотыгой, древнейшие экземпляры которой севернее р. Ингури пока почти не встречаются; они редки здесь даже в период их интенсивного распространения. Это орудие, тесно связанное с хозяйственным бытом населения Колхиды, обусловленным особенностями экологической среды, отражает не только характер хозяйственной деятельности, но и очерчивает пределы конкретной этнокультурной общности. В этой связи чрезвычайно важно, что на всех этапах развития местной культуры граница распространения мотыги, типичной керамики и поселений, как правило, совпадают. Такая картина наблюдается и в эпоху средней бронзы.

Итак, носители культуры колхидских поселений с их срубными постройками, мотыжным земледелием, трубчато-обушными топорами, характерной гончарной посудой и другими бытовыми особенностями занимали уже с конца III тысячелетия до н.э. большую часть Колхиды. Этнически их следует считать предками западнорусинских племен – колхов, на что указывает тесная преемственная связь их материальной культуры с культурой собственно колхов, проживавших, согласно письменным источникам и исторической топонимике, на территории Колхиды в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Глава 4

Триалетская культура

Триалетская культура (ТК) известна преимущественно по погребальным памятникам нерядового характера с такими яркими отличительными признаками, как крупные насыпи, просторные грунтовые могилы или огромные наземные камеры с индивидуальными захоронениями, кремацией покойников, наличием колесниц или погребальных лож. Самый массовый материал – керамика – представлен в основном чернолощенными сосудами специфических форм, украшенными часто налепами, точечным, “шагающим” штампом, значительно реже – расписной посудой. В погребениях обнаружен набор бронзового оружия и орудий труда, а также уникальные ювелирные изделия. Это золотые и серебряные сосуды, покрытые зернью, филигранью, чеканкой, вставными камнями; узорчатые обкладки деревянных предметов; медальоны, булавки, золотые и каменные бусы. В итоге перед нами предстает яркая культура, наделенная рядом локальных черт, сформировавшихся в результате развития местных традиций и конкретных этнокультурных контактов ее носителей.

Границы ТК постепенно уточняются. Очагом ее распространения являлось Цалкинское плоскогорье на Гомаретском плато. Однако сейчас известны и другие локальные очаги ТК. Один из них открыт в бассейне Артаанской Куры, в Джавахети; по-видимому, он охватывал и северо-западные районы Армении. Курганы и поселения в Алазанской долине указывают на распространение ТК вплоть до Большого Кавказского хребта. Известны памятники ТК на территории Армении и восточнее, в Азербайджане. Однако восточные и южные границы ТК пока улавливаются нечетко.

В развитии ТК выделяются два хронологических этапа: первый представлен группой ранних курганов, второй – так называемыми курганами цветущей поры.

Ранние курганы по деталям погребального обряда и инвентаря разделяются на две подгруппы, во времени следующие одна за другой. Старшая открыта на Цалкинском плато, в Триалети; к ней во времени примыкают курганы Марткопи, Самгорский курган, некоторые погребения Йорского ущелья и Шида Картли. Триалетские захоронения совершены в просторных округлых грунтовых могилах (диаметр 3–4 м); глубина одной из них доходила до 7 м (табл. 18, 4). Они перекрыты бревенчатым накатом, сверху – крупная каменно-земляная насыпь (высотой до 5 м, диаметром около 50 м). Лишь в одной могиле оказался скелет ребенка

(Куфтин Б.А., 1941. С. 101; Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974. С. 10). Все ранние курганы Триалети отличаются бедностью погребального инвентаря. Керамика в основном чернолощенная на светло-бурой и розовой “подкладке”. Преобладают крупные одноручные сосуды грушевидной формы с сильно расширенной средней частью и сравнительно узким дном (табл. 18, 18, 22, 23, 30); их часто сопровождают маленькие кружки с резким уступом в нижней части и вогнутым доньшком (табл. 18, 19). Эта керамика все еще сохраняет признаки предшествующей куро-аракской посуды (лощение, двуслойность черепка, грушевидная форма и т.д.). Традиции проглядывают и в особенностях орнаментации: резной “ломаный” рисунок характерен для керамики финала куро-аракской культуры.

Марткопские (Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.И., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т., 1980) и Самгорский курганы имели двуслойную насыпь (сверху земля, внутри камень). Они выделяются устройством камер. В Марткопи в одном случае небольшая камера была сложена из каменных плит, в другом – на дневной поверхности сооружен сруб из крупных бревен. Один из небольших курганов (высота 13 м, диаметр более 100 м) перекрывал прямоугольную камеру с двумя вставленными друг в друга срубами (11 × 10 и 8 × 6 м), промежуток между которыми был заполнен камнями. Высота сруба, перекрытого бревенчатым накатом, – 2 м. Пол состоял из нескольких деревянных плах. В камере захоронено три или четыре покойника – основной и сопровождающие. Вдоль стен расположены чернолощенные орнаментированные сосуды. В центральной части обнаружены четыре трубчато-обушковых и три плоских топора, четыре кинжальных клинка, долото, шильце, проколка. В восточной части – огромное количество перламутровых бляшек, подвесок из зубов животных, сердоликовых и пастовых бус. Около основного покойника лежали золотые и серебряные бусы и золотые колечки.

Остальные курганы также дали весьма интересные материалы. Это – листовидный серебряный кинжальный клинок, бронзовые и каменные топоры, долото, бронзовые круглые “штандрты”, чернолощенная керамика, близкая ранним триалетским курганам; последняя более совершенна и имеет черты, характерные для беденской посуды.

К большим марткопским курганам примыкает самгорский курган “Кохра гора” с огромной двуслойной каменно-земляной насыпью. Под насыпью находилась прямоугольная камера с двойными

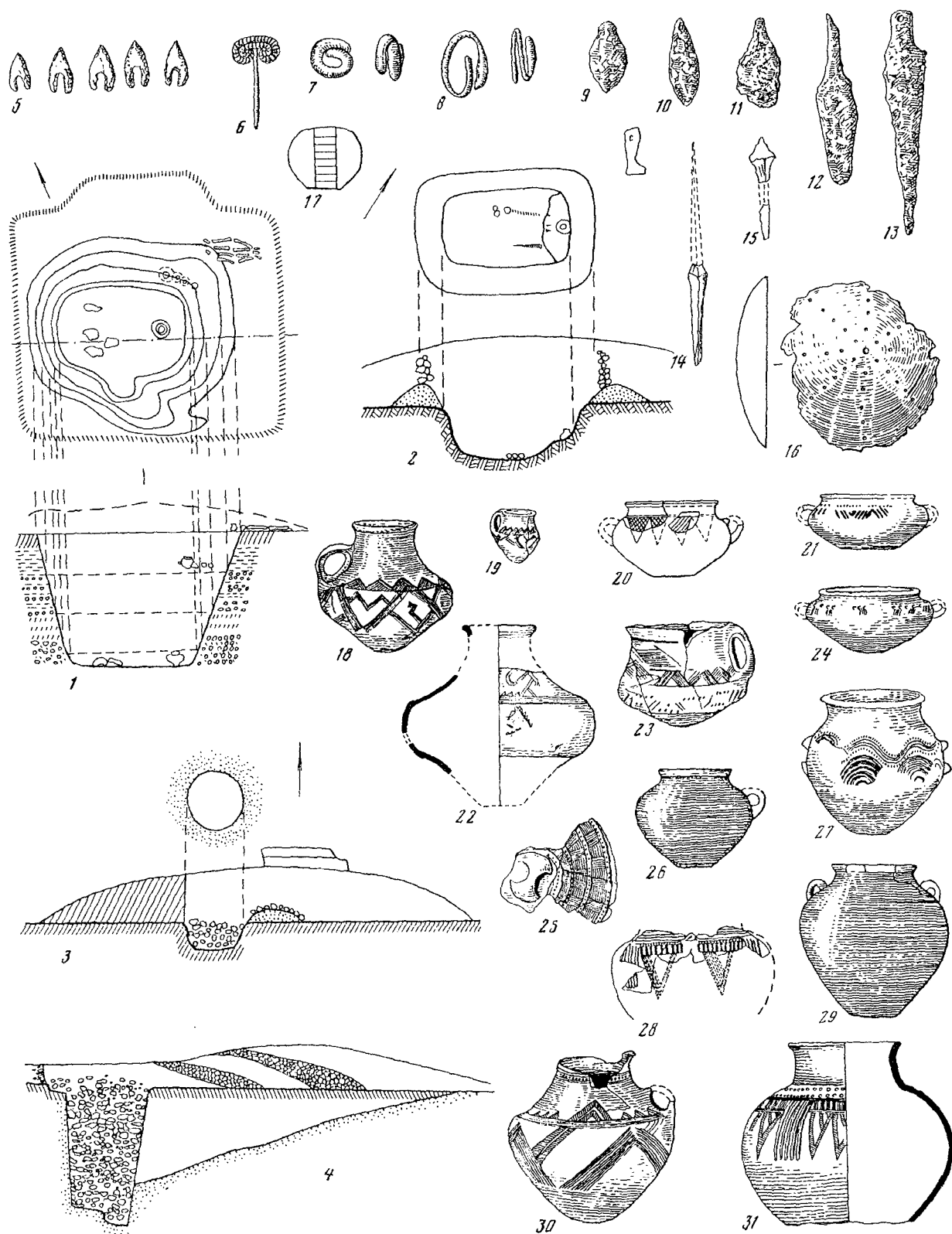

Таблица 18. Ранние курганы Триалети. Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам Т.К. Микеладзе)

1-4 - планы и разрезы курганов XIX, XXIV, IV, X; 1, 9-11, 30 - курган XIX; 2, 14, 15, 22, 23 - курган XXIV; 5, 25 - курган XI; 6, 8, 26 - курган XXV; 18 - курган XIV; 19, 27 - курган XIII;

28 - курган XI; 31 - курган XIV; 18-31 - керамика; 11-16 - медные изделия; 17 - гематитовая булава; 5, 9, 10 - обсидиановые стрелки; 6 - золотая булава; 7, 8 - серебряные завитки

бревенчатыми стенами. Скудный погребальный инвентарь состоял из нескольких чернолощенных сосудов, медного листовидного кинжалчика и овечьих астрагалов. Под глинобитным полом, в специально вырытой яме стоял сосуд, заполненный до половины человеческим пеплом.

Вещественный материал курганов свидетельствует о дальнейшем развитии ремесленного мастерства. Посуда почти целиком чернолощенная; преобладают крупные сосуды грушевидной формы, встречаются биконические сосуды. Керамика все еще сохраняет признаки, унаследованные от куроаракской посуды; общее наблюдается и в орнаментации сосудов.

Определенного подъема достигает металлургическое производство. Металлическое оружие и орудия отличаются своеобразием форм. Марткопские вислообушные топоры по форме напоминают сачхерские, хотя они несколько массивнее. Плоские кинжалы, часто встречающиеся в ранних курганах, значительно отличаются по своей форме от кинжалов предшествующего времени; они больше напоминают северокавказские клинки. В ранних курганах впервые появляются предметы из драгоценных металлов – бусы, кольца, а также височные подвески из зубов и клыков животных. Последние на Северном Кавказе в отличие от ранних культур Закавказья встречаются часто. В целом в погребальном инвентаре чувствуется северное влияние.

Значительно лучше представлены курганы следующей группы, характеризующие так называемую беденскую культуру. Кроме Триалети, они открыты на Веденском плато (Шида Картли), по Марнеульской равнине, в Марткопи и Алазанской долине. Триалетские курганы содержат ямные и безъямные погребения, перекрытые земляной или каменной насыпью, высотой до 3 м (табл. 18, 2). Могильные камеры обычно прямоугольные (3 × 2 м), глубина их достигает до 2 и даже 5 м. В некоторых могилах обнаружены плохо сохранившиеся кости покойника.

В могилах преобладает керамика. В одном случае найдены серебряные височные подвески, пластинчатые обручи и золотая булава с двуволютной головкой (табл. 18, 6–8); в кургане же у Параванского озера – кинжальный клинок, плоский наконечник копья, обломки медных лат с шишечным узором, тонкие золотые обивки цилиндрической формы, пять наконечников стрел и гематитовая булава (табл. 18, 5, 12, 13, 16, 17; Куфтин Б.А., 1941. С. 101). Керамика отличается более смягченным профилем, крупные сосуды имеют округлое или яйцевидное тулово, низкую шейку и маленькие ручки; характерна мелкая посуда – одноручные округлые кувшинчики с низким цилиндрическим горлышком, глубокие, двуушные миски (табл. 18, 20, 21–24) кружочки и т.д. У посуды тонкий черепок и черная, прекрасно лощеная поверхность, украшенная выпукло-вогнутым, “гофрированным” и тонкорезным орнаментом (табл. 18, 27, 28).

Более выразительную картину дают погребальные памятники, расположенные в низинной и горной зонах Квемо Картли. Среди них выделяются курганы высокогорного плато Бедени. Здесь вскрыто более 10 однотипных курганов с каменно-земляными насыпями. Они, как правило, сравнительно небольшие (высота 1–1,5 м, диаметр 30 м), но есть и крупные (высота одного 6 м, диаметр 80 м). Курганы (кроме одного) имеют грунтовые прямоугольные камеры, стены которых сооружены из вертикальных бревен. Глинобитный пол покрывался войлоком, циновкой или звериными шкурами. В некоторых могилах обнаружены скелеты, окрашенные охрой. В двух находились скелеты людей, сопровождавших основного покойника. В нескольких могилах обнаружены деревянные четырехколесные повозки (Гобеджишвили Г.Ф., 1967; 1970; 1981).

В огромную яму (объем 343 куб.м) беденского кургана Гадачрили-гора был впущен деревянный сруб с деревянным полом и потолком (Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Рис. 9. Табл. XIII–XXI). Труп знатного человека, внесенный, очевидно, на разукрашенных золотом носилках, был затем переложен на колесницу. Покойника сопровождали насильственно убитые мужчины и юноши, занимавшие скромное место в могиле. Помимо запасов разнообразной пищи (мясо, пшеница, орехи, каштаны, фрукты), здесь находились части деревянной мебели, деревянная посуда и подносы, льняные и шерстяные ткани, войлочные ковры, шкуры животных, золотые и серебряные части погребального штандарта, желобчатое долото, плоский топор и десятки сосудов – разного рода кружки и кувшинчики, глубокие миски, трипод и чайничек; ювелирные изделия представлены широко (золотая двуволютная булава, серебряная пластина и трубочка, медные булавки с дисковидной головкой). Здесь же “парадные” обсидиановые наконечники стрел тончайшей работы (Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Табл. VI, VII, X, XXXI–XXXV, XXXVIII).

Еще одна группа курганов открыта в Марнеульской равнине, недалеко от с. Шулавери (Джапаридзе О.М., 1975). Это небольшие курганы с каменно-земляной насыпью и грунтовыми могилами (табл. 19, 1, 12, 18, 24, 34). В двух случаях покойники лежали на левом боку, с сильно подогнутыми ногами. Инвентарь состоял преимущественно из мелкой чернолощенной посуды на светлой “подкладке” (кубки, миски, горшки и т.д.), напоминающей беденскую (табл. 19, 6–11, 13, 16, 17, 30–33, 35–40). Здесь оказались два медных кинжала, четырехгранные шилья, обсидиановые и кремневые наконечники стрел, мраморная булава (табл. 19, 2–4, 14, 15, 19, 20, 22). Среди курганов выделяется один, в котором вместе с керамикой обнаружены плоский и трубчатобушные топоры, желобчатое долото и кинжальный клинок (табл. 19, 25–28). Наконец, в кургане в с. Ховле найдено несколько маленьких сосудов беденского типа.

Близ Марткопи исследовано несколько курга-

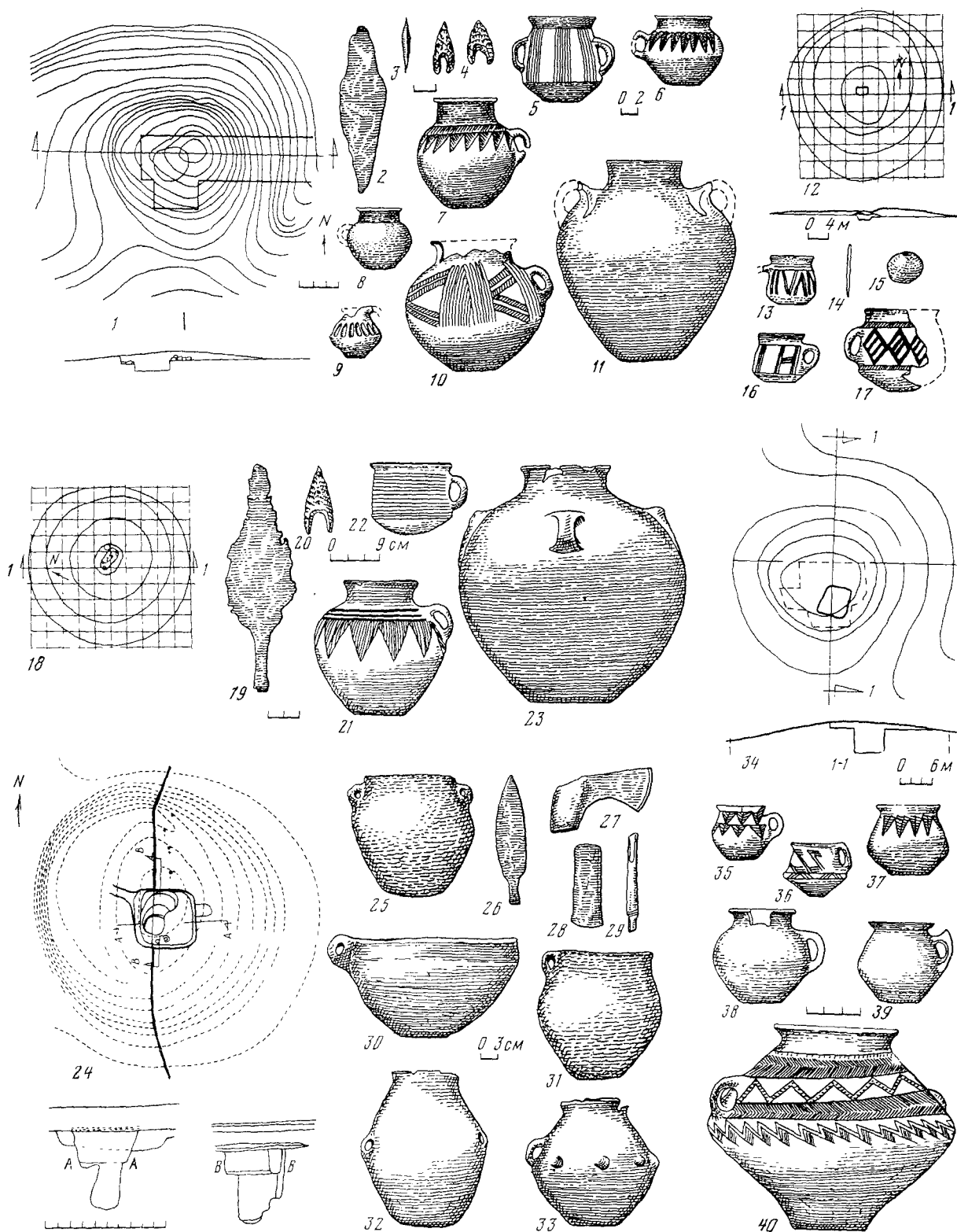

Таблица 19. Курганы около с. Шулавери. Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам О.М. Джапаридзе)

1, 12, 18, 24, 34 – планы и разрезы курганов 4, 7, 6, 9, 5;
инвентарь погребений: 1–11 – курган 4; 13–17 – курган 7;
19–23 – курган 6; 24–33 – курган 9; 35–40 – курган 5; 7–11, 13,

16, 7, 21–23, 25, 30–33, 35–40 – керамика; 2, 3, 14, 19–28 –
изделия из меди; 4, 15, 20 – изделия из камня

нов беденского времени. От ранних марткопских они отличаются главным образом тем, что все они ямные. Стены ям обложены вертикальными брусками; ямы перекрыты бревенчатым накатом. Вместе с типично беденской керамикой богато представлен металлический инвентарь: топоры, долота, “штандарты” височные подвески, золотые бляшки, сердоликовые бусы.

Особый интерес представляет многослойное поселение этого времени – Бериклдееби около с. Карели (Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987). Это фактически первое поселение, давшее материалы беденского облика. Беденский слой мощностью 1 м здесь находится в строгом стратиграфическом залегании – над куро-аракским и докуро-аракским слоями и ниже остатков позднебронзового периода. Для него характерны прямоугольные подиумы, сложенные из камней на глиняном растворе, многочисленные ямы, очаги, керамика, предметы быта и культа. Керамика имеет специфический для памятников беденского круга облик.

Погребения ранней стадии ТК открыты в Кахети, в Алазанской долине. Среди них особое место занимают два огромных кургана около с. Цнори (Дедабришвили Ш.Ш., 1979). Диаметр самого крупного из них больше 140 м, высота 11 м. Объем насыпи 51500 куб.м. Она укреплена каменным “панцирем”, опоясывающим весь курган. В центральной части кургана оказалось круглое наземное сооружение из булыжника, служившее, по-видимому, святилищем для прощания с усопшим (табл. 20, 1). Восточнее располагалась глубокая погребальная камера площадью 166 кв.м, в центре которой находилось деревянное ложе, занимавшее около 60 кв.м; оно состояло из вертикальных стволов, перекрытых бревенчатым накатом. Высота второго кургана 2,5, диаметр 80–90 м. Его насыпь также была укреплена каменным “панцирем” объемом 1000 куб.м. Квадратная (10 × 10 м) могила находилась на глубине 2,5 м; дно и потолок обмазаны глиной и покрыты циновкой.

В первом кургане захоронено четыре человека. Наличие золотых украшений около одного из них позволяет говорить о том, что здесь было основное и сопровождающие захоронения. Несмотря на ограбленность могилы, на деревянном ложе оставалось большое количество посуды, золотые бусы, костяные, кремневые и обсидиановые стрелы и бронзовый кинжал; здесь же были части деревянной повозки. Во втором кургане похоронены два человека – мужчина примерно 40 лет и молодая женщина; они лежали на правом боку в нескольких метрах друг от друга. Скопление дорогих украшений около мужчины при отсутствии инвентаря у женщины указывает на то, что курган был сооружен над прахом первого. В этой могиле также находилась разобранная по частям деревянная повозка. Инвентарь состоял из 40 сосудов, фигурки льва, отлитой из золота, золотой двучастной и серебряной двуволютной булавок, золотых бусин и пла-

стин (табл. 20), агатовых бус и 465 бараньих астрагалов.

В Алазанской долине исследованы рядовые погребения раннего этапа. Эта могила в с. Квемо Кеда, в глубокой прямоугольной яме которой найдены булава из змеевика, чернолощенная керамика с типичным тонкорезным и “жемчужным” орнаментом. Несколько более ранними являются грунтовые погребения на поселении Илто с инвентарем, состоявшим исключительно из чернолощенной керамики с резным орнаментом, тяготеющей к сосудам раннетриалетских курганов. С ними синхронизируются нижние слои самого поселения Илто (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 60). По-видимому, могильник принадлежал жителям этого поселения.

В целом погребения бедено-алазанской культуры дали яркие материалы, по-новому освещающие сложные процессы, происходившие внутри общества на заре становления “цветущей поры” ТК. Богатый инвентарь беденских и алазанских курганов свидетельствует о подъеме ремесленного производства, что в первую очередь нашло отражение в массовой продукции – керамике. В изысканной тонкостенной посуде, чернолощенная поверхность которой доведена до “металлического” блеска, уже выявляются элементы, характеризующие керамику поры расцвета этой культуры. Крупные сосуды с яйцевидным или округлым корпусом, низкой прямой шейкой (табл. 19, 10, 11, 21, 23; 20, 13, 14) встречаются сравнительно редко; преобладают малые формы – одноручные шаровидные кувшинчики, глубокие двушнурные миски, сосуды биконической формы и т.д. (табл. 19, 5, 6, 9, 13, 16, 17, 35–37). Тончайшие резные геометрические узоры являются главным украшением этой керамики; встречаются также выпукло-вогнутый и “жемчужный” орнаменты.

В могилы помещали также деревянную утварь: мискообразные треножные сосуды, чаши, блюда, шкатулки; некоторые экземпляры украшены резьбой. На высокий уровень деревообделочного мастерства указывают сложные деревянные конструкции курганов, четырехколесные повозки с разными украшениями, долота и плоские топоры, которые служили инструментами плотника.

Металлические изделия имеют все еще архаичные формы. Трубочато-обушные и плоские топоры, желобчатые долота из тетрицкаройского, марткопского и шулаверского курганов также восходят к образцам куро-аракской культуры. Наряду с мышьяковистой бронзой появляются первые предметы из оловянистой; в больших алазанских курганах, в частности, найдены два кинжалных клинка, содержащих высокий процент олова. Значительно развивается ювелирное искусство. В триалетских, беденских и алазанских курганах найдены три спаянные цилиндрические обкладки из тонких золотых пластинок, массивные золотой и серебряный полутораспиральные завитки, золотые и серебряные булавки с двуволютной головкой, ук-

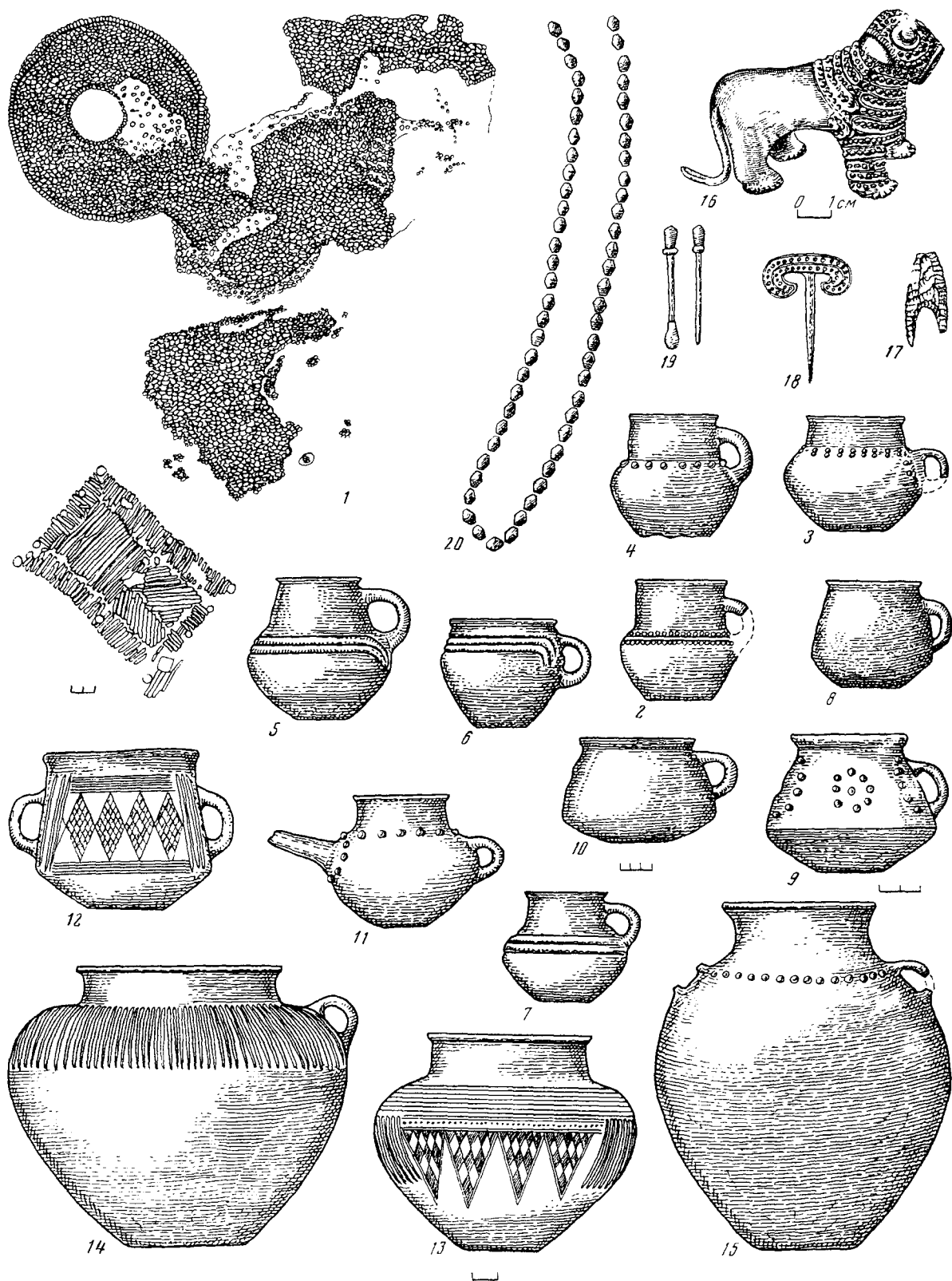

Таблица 20. Курганы около с. Цнори. Составитель К.Х. Кушнера (по материалам О.М. Джапаридзе)

1 – план “святылища” и перекрытия могильной камеры кургана 1; 2–15 – сосуды; 16 – золотая фигурка льва; 17 – обсидиановая

стрелка; 18 – серебряная булава с золотым навершием; 19, 20 – золотые булава и ожерелье

рашенные шишечками. Поистине уникальной является золотая литая фигурка льва из второго алазанского кургана (табл. 20, 16). Это самое раннее в Закавказье скульптурное изображение животного. Трактовка фигурки, резко отличающейся по стилю от передневосточных изображений и демонстрирующая высокий уровень технического оснащения ювелиров, дает основание считать, что она была изготовлена местным мастером.

Погребения второй группы ранних курганов ярко отражают сложную картину социальной и имущественной стратификации в местной этнической среде у самого порога “цветущей поры” ТК.

Радиация памятников беденского облика очерчивает более широкий ареал их распространения, нежели территория Шида Картли и Кахетии. Находки “беденских” сосудов в погребениях Дагестана (Гаджиев М.Г., 1984. Рис. 1, 11), Карабаха (Кушнарера К.Х., 1954. Рис. 1, 1), Ханлара должны стимулировать их дальнейшие поиски вне названных исторических областей Грузии.

Время “цветущей поры” ТК падает на первую половину II тысячелетия до н.э. Дальнейшее развитие местных традиций нашло воплощение в богатых курганах Цалкинского и Зуртакетского плато. Триалетские курганы имели каменную или каменно-земляную насыпь; они ямные и безямные с наземными сооружениями (табл. 21–23). Подкурганная яма, перекрытая бревенчатым настилом, имеет прямоугольную форму и достигает иногда крупных размеров (Куфтин Б.А., 1941. С. 279). Несколько безямных курганов имели высоту насыпи 8 м. В центре насыпи сооружались просторные, сложенные насухо из плитняка прямоугольные залы площадью до 175 кв.м (табл. 21, 1; 22, 1); высота их стен около 7 м. С восточной стороны к погребальному залу иногда примыкал вход-дромос длиной до 40 м. Залы перекрывались бревенчатым накатом, опиравшимся на деревянные столбы (Джапаридзе О.М., 1969. С. 21). Таким образом, эти курганы являлись сложными монументальными сооружениями, свидетельствующими о высоком уровне инженерно-строительной техники и больших трудозатратах при их возведении.

Человеческие скелеты в триалетских курганах, как правило, отсутствуют, в то время как кости животных встречаются постоянно. Скорее всего, здесь совершался обряд кремации. Сожженный прах помещался на деревянное ложе с золотыми обкладками. На дне могил обычно находились кости крупного рогатого скота. Многочисленные сосуды были расставлены вдоль стен камеры, остальные предметы находились в центральной части, где, видимо, стояли погребальные ложе или колесница. Помимо чернолощеных и расписных сосудов, в могилах были предметы из дерева, тончайшие изделия из драгоценных металлов. Вместе с тем триалетские курганы бедны бронзовыми орудиями труда и оружием: кроме кинжальных клинков и втульчатого накопника копь, здесь ничего не обнаружено.

Другой мощный очаг “цветущей поры” ТК находился в Южной Грузии, в Месхети (Джапаридзе О.М. и др., 1971; 1974; 1977; 1981). Здесь курганы сосредоточены преимущественно в бассейне Артаанской Куры – на террасах и в высокогорных долинах. Внешне они делятся на три типа: с каменной, каменно-земляной насыпью и с кромлехами (табл. 24). Курганы с каменной насыпью (высота 3–4 м, диаметр до 40 м) визуально почти не отличаются от триалетских и располагаются обычно по одному в каждой группе курганов. Курганы с каменно-земляной насыпью имеют более скромные размеры (высота 1,5–2 м, диаметр до 20 м). Наконец, диаметр курганов с кромлехами 10–12 м. Курганы под насыпью имели наземные погребальные камеры. Камера с дромосом представляла собой как бы единый коридор, направленный, как правило, с востока на запад и разделенный поперечной стеной из крупных валунов. Камеры, перекрытые огромными плитами, возведены из больших глыб, положенных насухо непосредственно на грунт или же в специально вырытые канавки. Размеры крупных камер 6 × 3,9 м; высота стен иногда более 3 м.

В отличие от триалетских в месхетских курганах не засвидетельствован обряд кремации. Здесь встречаются как одиночные, так и коллективные захоронения; скелеты на боку, с подогнутыми ногами. В одном случае у задней стены стояло деревянное колесо, очевидно, символически заменявшее повозку. Как и в Триалети, здесь преобладали кости крупного рогатого скота.

Большая часть месхетских курганов была ограблена. Основная категория находок – керамика; это преимущественно сосуды с черным лощением на светлой или розовой “подкладке”. В больших курганах встречены великолепные крупные сосуды с резным узором или наклепными деталями, напоминающие посуду триалетских курганов, в малых – более скромная посуда, сохраняющая черты куро-аракских сосудов. В отличие от триалетских в месхетских доминирует мелкая посуда: кувшины, миски, кружки и т.д.; есть несколько сосудов с красной поверхностью и черной росписью. Металлического инвентаря мало: среди множества могил обнаружено лишь несколько кинжальных клинков, втульчатое копь, булавки, иглы и золотая бусина (табл. 25, 16, 21, 22).

В месхетском очаге определенное своеобразие имеют могильники высокогорной долины Ниала, а также левобережья р. Куры вблизи Аспиндзы. В районе Ниалы на площади 3 га насчитывается примерно 200 курганов. Здесь, под каменными насыпями чаще всего сооружены кромлехи, в центре которых стояли погребальные камеры с плоскими или сводчатыми перекрытиями. В могилах – одиночные захоронения. Эти обширные родовые могильники свидетельствуют об интенсивности заселения края.

Еще одна группа погребальных памятников зафиксирована в Карталинской долине; в окрестно-

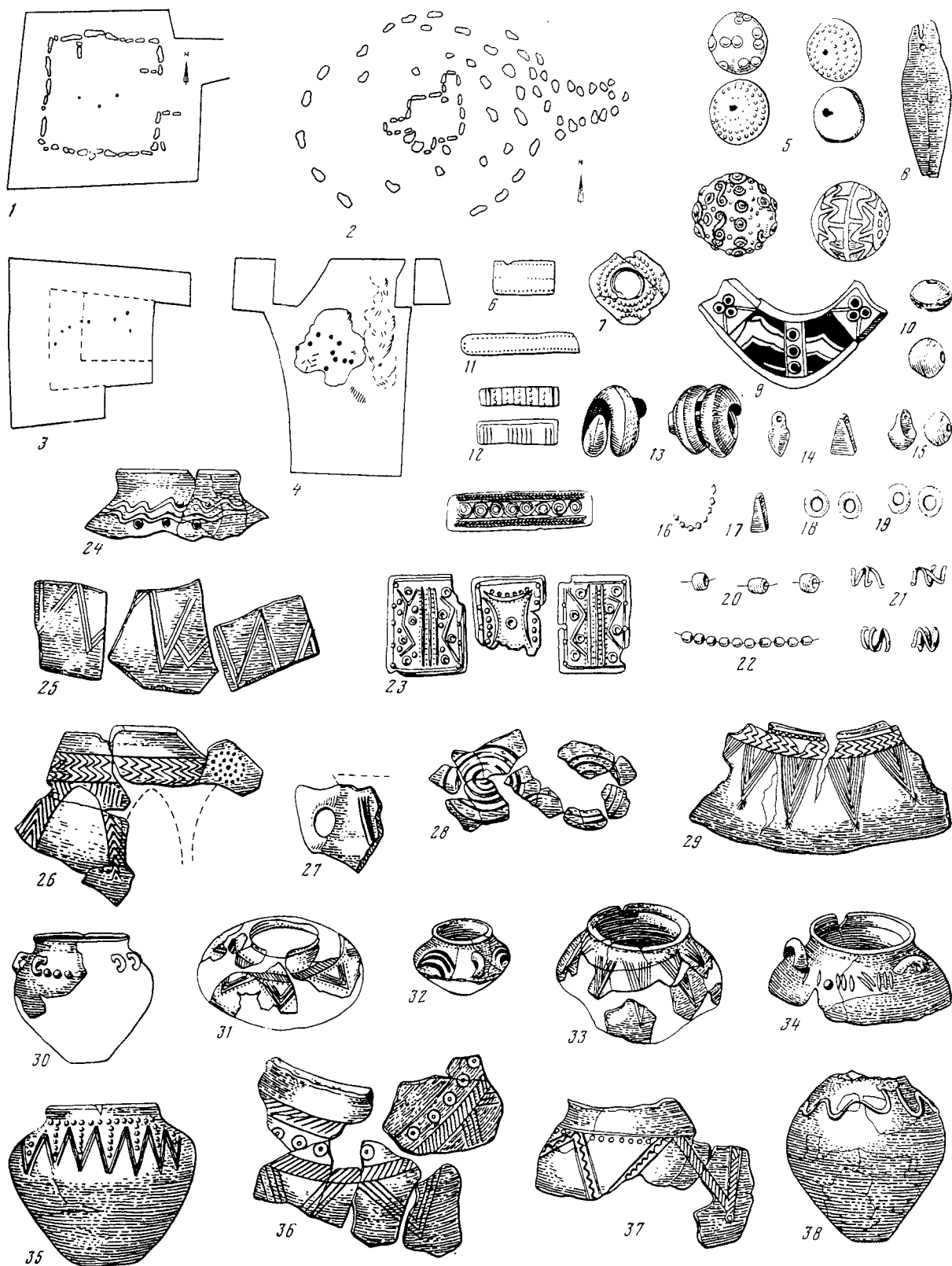

Таблица 21. Материалы из курганов Трипелети (I группа). Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам О.М. Джапаридзе)

2 – курган III; 4–6, 9, 11–13, 15, 16, 18–20, 23, 24, 29, 32, 34, 37 – курган VIII; 3, 7, 10, 22 – курган IX; 14, 17, 21 – курган XIV;

1, 8, 28, 33, 36 – курган XVIII; 38 – курган XXIII; 27, 31 – курган XXIX; 25, 26, 30 – курган XII; 35 – курган XLIV

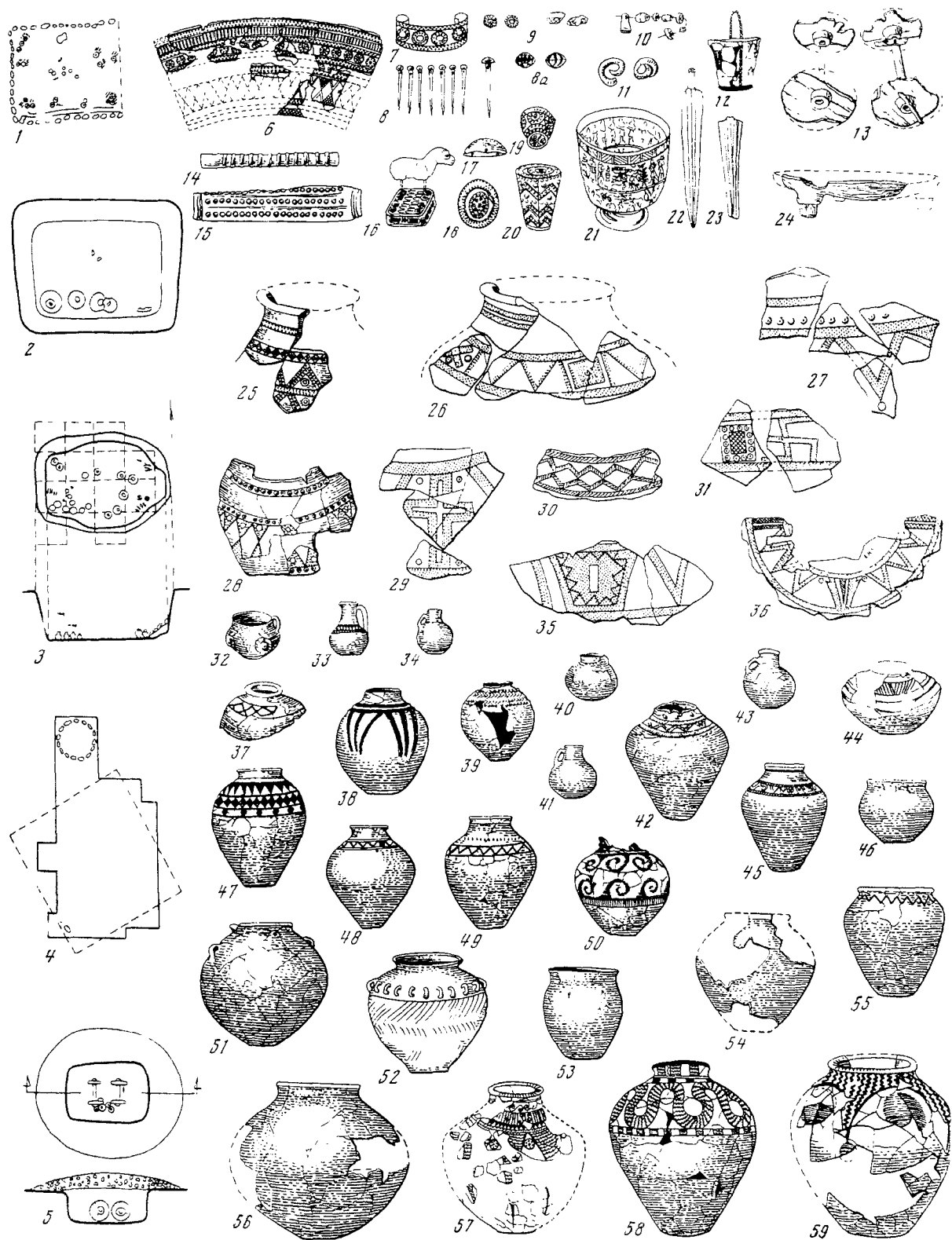

Таблица 22. Материалы из курганов Триалети (II группа). Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам О.М. Джапаридзе)

7, 8а, 10, 15, 17, 20, 21, 29, 51, 57 – курган V; 4, 59 – курган VI; 33, 34, 37, 47, 49 – курган IX; 8, 14 – курган XIV; 2, 6, 38, 42 – курган XVI; 3, 9, 18, 19, 22, 39–41, 43, 45, 48, 50, 58 – курган

XVII; 12 – курган XXVII; 3, 5, 11, 23, 24, 32, 46, 52–54, 56 – курган XXIX; 30, 36 – курган XXXVI; 1, 25–28, 31, 35 – курган XIV; 44, 55 – курган XLII

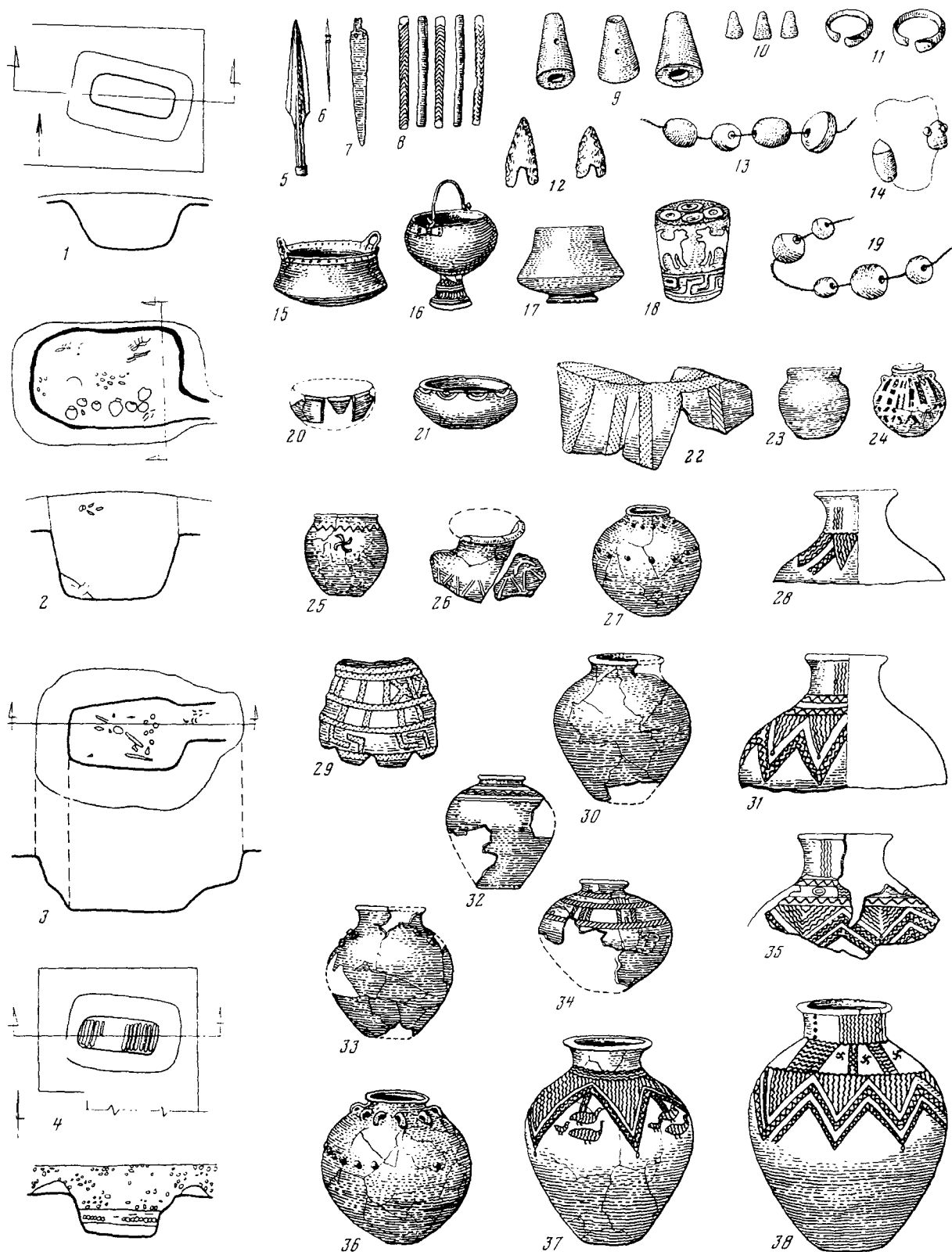

Таблица 23. Материалы из курганов Триалети (III группа). Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам О.М. Джапаридзе)

1, 19, 20, 22, 28, 31, 35-37 - курган I; 4 - курган II; 2, 26, 29, 34, 38 - курган VII; 3, 5-13, 15-18, 21, 24, 27, 30, 33, 36 - кур-

ган XV; 25, 32 - курган XXVIII; 23 - курган XXXII; 14 - курган XXXVI

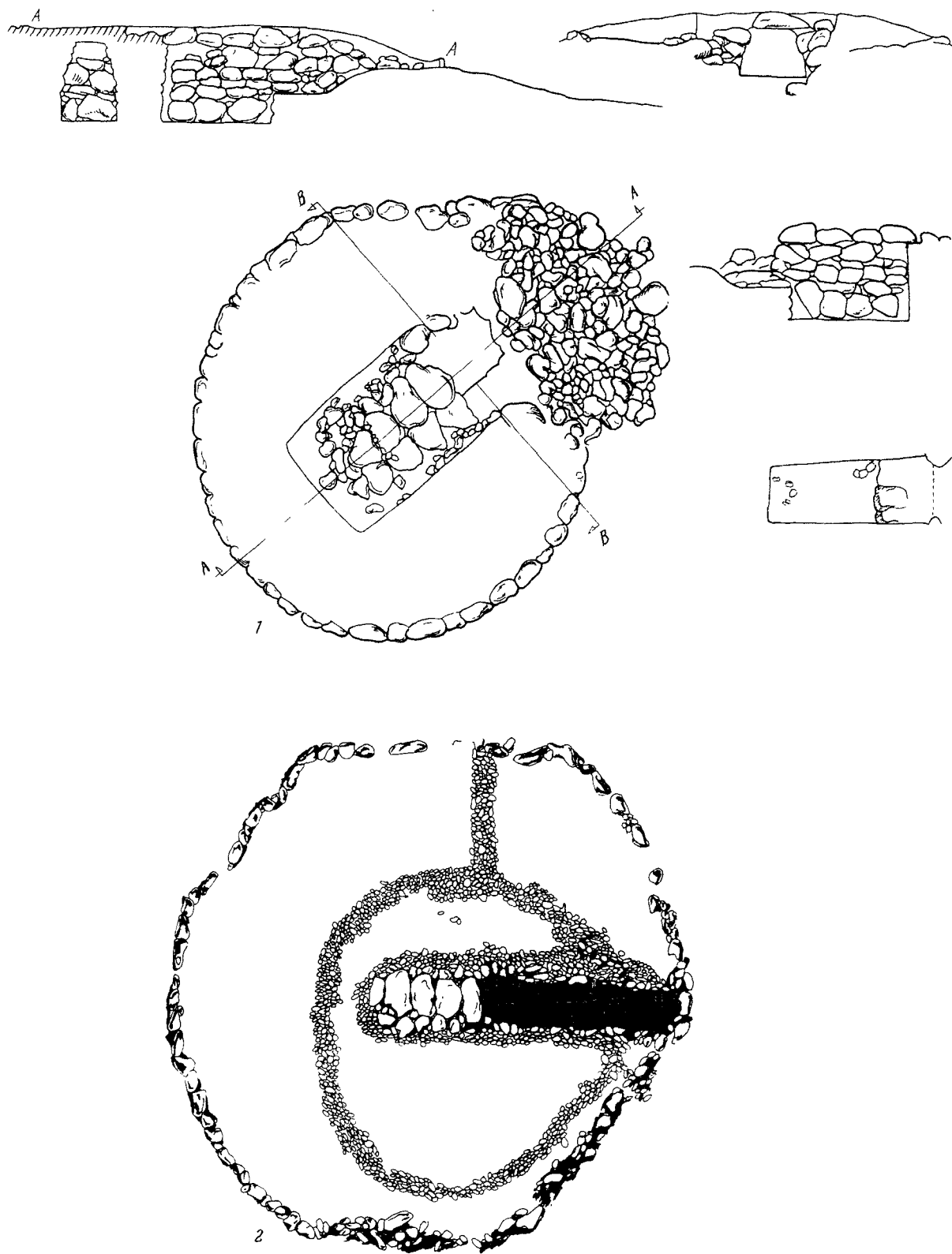

Таблица 24. Курганы Месхети. Составитель О.М. Джапаридзе

1 – Чачкари, курган 1; 2 – Чачкари, курган 2

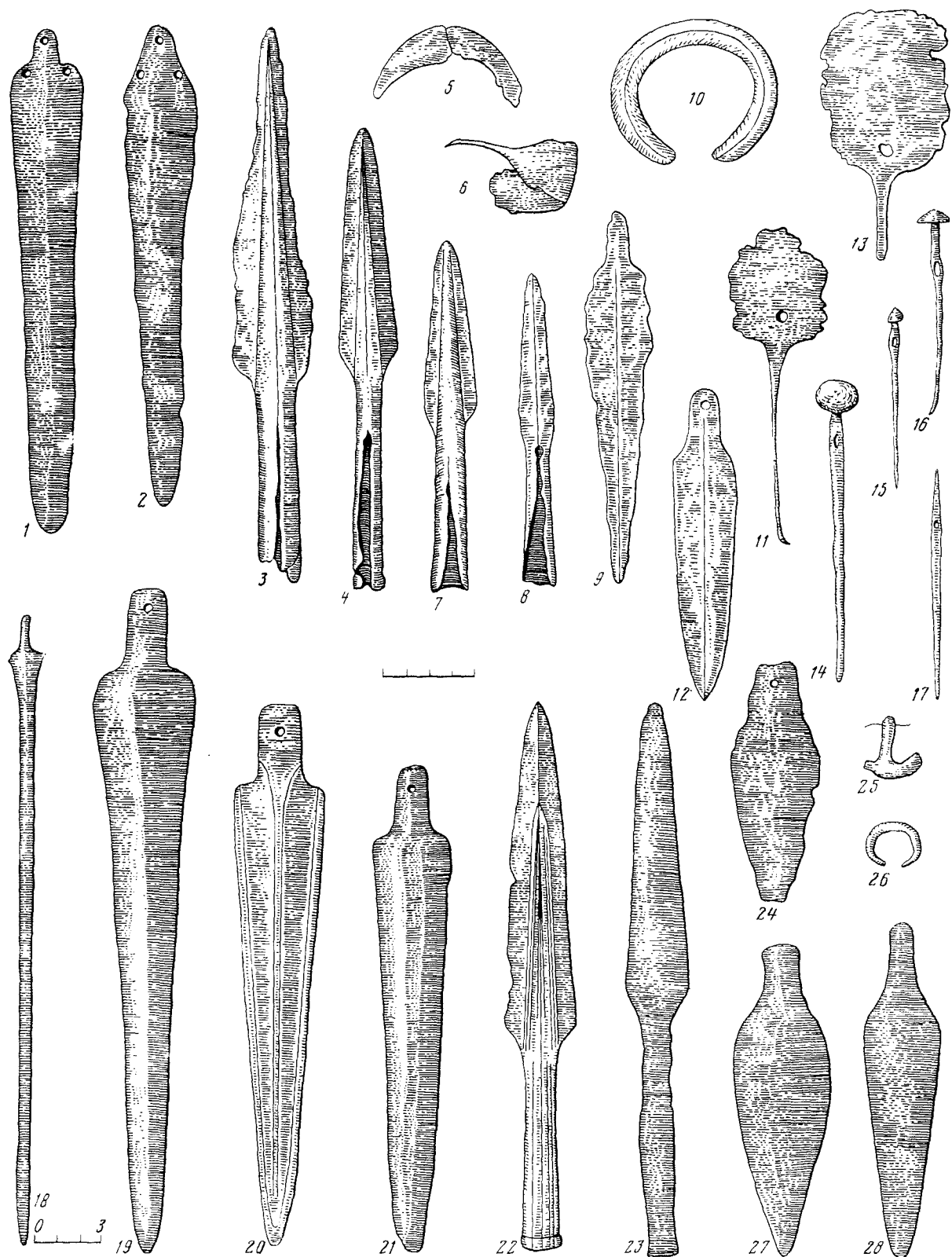

Таблица 25. Бронзовое оружие и украшения из могильников Грузии. Составитель К.Х. Кушнарера (по материалам О.М. Джанаридзе)

1-11, 13, 15, 16 - Нули; 12, 22 - Месхеги; 14, 19, 21, 23, 26 - Метехи; 17, 18, 27, 28 - Лило; 20 - Шулавери; 24 - Диди-халисепели; 25 - Дзвели

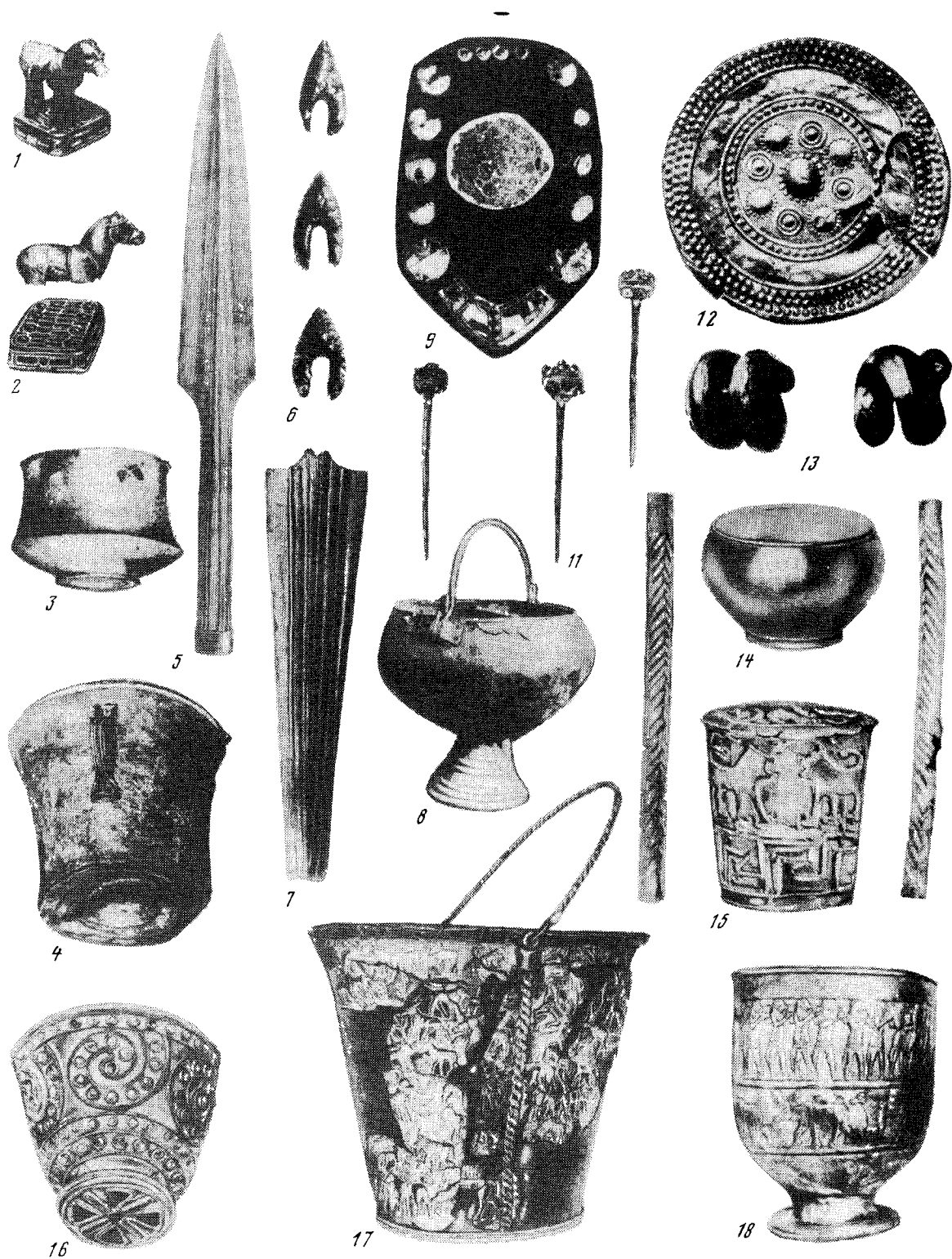

Таблица 26. Золотые, серебряные и бронзовые изделия из курганов Триалети. Составитель К.Х. Кушнарева

1, 9, 17 – курган V; 2, 4, 7, 14 – курган XV; 3 – курган XVI; 5 – курган XXXVI; 6 – курган XXIX; 8–12 – курган VIII; 10, 11, 15, 16 – курган XVII; 1, 2, 8–15 – сосуды и украшения из золота;

3, 16, 17 – серебряные сосуды; 4, 6, 7 – изделия из бронзы; 5 – обсидиановые стрелки

стях г. Цхинвали были исследованы могилы, содержащие типично триалетскую керамику (Куфтин Б.А., 1974. С. 147); подобная же посуда встречается в нескольких курганах близ сел Авневи и Приневи.

Среди памятников этого времени особое место занимают Нульский и Квасатальский могильники с их коллективными захоронениями (Куфтин Б.А., 1949. С. 31; Джапаридзе О.М., 1955. С. 231). Могильная яма обычно перекрывалась бревенчатым накатом, который затем засыпался валунами. В могилах находилось до десяти скелетов, лежавших друг на друге. Инвентарь состоял из большого количества бронзового оружия и украшений (наконечники копий, дротиков, стрел, кинжальные клинки, каменные булавы, височные кольца, подвески, браслеты, сурьмяные и сердоликовые бусы – табл. 26, 1–14). Чернолощенные сосуды напоминают триалетские и месхетские.

В той же Карталинской долине, в окрестностях Метехи и Гракали исследованы курганные погребения. Метехский курган имел каменную насыпь, перекрывающую грунтовую могилу. Скелет не обнаружен (возможна кремация). На дне могилы разбросаны кости крупного и мелкого рогатого скота. Вдоль стен стояли 23 глиняных сосуда, сочетающих признаки нульской, квасатальской и триалетской керамики. Остальной инвентарь – бронзовый кинжальный клинок, наконечник копья, две булавы и большое количество каменных и золотых бус. Гракальский же курган имел каменно-земляную насыпь и грунтовую могилу (скелет не обнаружен), в центральной части которой лежал скелет тура, оставленный сосудами.

Серия курганов локализуется и в окрестностях Тбилиси – в с. Лило, на Самтавском могильнике, в Мцхете. Отсутствие скелетов во втором случае указывает на обряд кремации. Инвентарь состоял из лепных сосудов триалетского типа, золотого ободка, кинжальных клинков и длинного меча – “рапиры” (Чубинишвили Т.Н., 1957. Табл. VIII). “Рапира” найдена также в одном из курганов в местечке Лило вместе с аналогичной чернолощенной керамикой, плоско-лезвийными кинжалами, бронзовыми булавками, золотыми бусами. Все девять курганов этого могильника имели небольшие каменно-земляные насыпи и грунтовые могилы различной формы с одиночными захоронениями (Гогадзе Э.М., 1976. С. 223).

Погребения рассматриваемого периода обнаружены в результате широких работ в Кахетии; установлено, что ТК бытовала и на территории Иори-Алазанского бассейна, распространяясь вплоть до южного подножия Большого Кавказа. Это прежде всего могильник Швиндиани (Русишвили Р.Н., 1977), на котором вокруг двух центральных курганов с кромлехами группировались более скромные могилы. В одном центральном погребении покойник был завернут в кусок ткани, скрепленной бронзовыми колечками и булавками; здесь было много сосудов триалетского типа. В рядовых мо-

гилах скелеты лежали в скорченном положении на правом или левом боку; рядом – грубые сосуды, изредка бронзовые булавы.

В бассейне р. Иори, в урочище Садуга раскопано три кургана с каменными насыпями и грунтовыми могилами. В них обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота, сосуды, небольшой бронзовый котел и кинжал, изделия из драгоценных металлов (штандарты, бусы, подвески и т.д.), а также уникальный для триалетской культуры бронзовый меч (Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1976. С. 17; Капанадзе М.Т., 1984). В самом богатом из курганов, видимо, был совершен обряд кремации. Здесь же, в Иорском ущелье исследованы могильники Акакиант Хеви, Пурцелцкали и Мцарэцкали (Капанадзе М.Т., 1980а, б; 1981; 1984).

В Алазанской долине начато изучение бытовых памятников. Здесь открыта серия многослойных поселений с культурными отложениями средней бронзы; они ждут своего исследования. Наиболее интересными среди них является поселение Илто, которое ярко характеризует преемственное развитие культур ранней и средней бронзы (Дедабришвили Ш.Ш., 1969; 1970). Оно располагается на скальных террасах горного отрога. На нижней террасе открыты остатки семи прямоугольных помещений в виде легких деревянных конструкций, обмазанных глиной; перекрытия плоские. В помещениях и 20 хозяйственных ямах встречены обломки керамики ранней и средней бронзы; они использовались длительное время. Основные находки – керамика, среди которой была “кухонная” и столовая посуда, тара для хранения пищевых запасов. Второй слой характеризуется сосудами триалетского типа; все они черные и украшены точечным, резным и лощеным орнаментами.

Погребения “цветущей поры” ТК характеризуют такие аспекты, как уровень материального производства, социальный строй и погребальные обычаи оставившего их общества. В период бытования триалетской и родственных ей культур прочно укореняется обычай сооружения курганных насыпей. По обряду захоронения, масштабам сооружений, характеру и богатству инвентаря погребения ТК распадаются на три группы, фиксирующие существование в обществе по крайней мере трех социальных рангов. Особенно поражают грандиозные наземные погребальные залы и огромные деревянные срубы, впущенные в грунтовые ямы. Их сооружение требовало больших трудозатрат, а перекрытия таких пролетов могли быть осуществлены лишь с помощью высокоразвитой инженерной техники и мысли. Представителей высшего сословия, которых хоронили в этих залах, подвергали кремации; для захоронения их праха сооружались громадные склепы, прах укладывался на деревянную колесницу или специальную ложе, совершались жертвоприношения, могила обставлялась парадными предметами. Погребения второго ранга, а также рядовые захоронения характеризуются

ингумацией и соответственно более скромным убранством могил.

Во многих богатых могилах оказались деревянные четырехколесные повозки, запряженные быками. Присутствие в могилах черепов и конечностей быков свидетельствует о возможном использовании их туш в качестве ритуальной пищи. Иногда повозку заменяли какая-то ее часть или колесо. Обычай помещения усопшего на колесницу, восходящий к бедено-алазанской культуре, был заимствован у юга, где погребения с повозками, запряженными быками, известны еще с начала III тысячелетия до н.э. Триалетские повозки напоминают колесницы царских гробниц Ура. Из Передней Азии, возможно, была заимствована и форма колесниц, несколько видоизмененная в дальнейшем местными мастерами (Джапаридзе О.М., 1969. С. 18). Вместе с тем в последнее время высказана точка зрения о возможном заимствовании деревянной повозки с севера.

В инвентаре преобладает керамика – преимущественно чернолощенная посуда на розовой “подкладке”, указывающая на сохранение древних куро-аракских традиций. Вместе с тем форма, качество и украшения сосудов значительно совершенствуются. В триалетских курганах встречаются два типа сосудов, отличающиеся формой и характером декора: 1) низкогорлые округлые сосуды, украшенные резными шевронами, выпукло-вогнутым орнаментом, наклепными шишечками, характерными для ранней группы курганов “цветущей поры” ТК (табл. 21, 30, 35; 22, 37, 44, 46, 51, 56; 23, 25, 27, 32–36); некоторыми чертами они тяготеют к керамике древних курганов; 2) большие сосуды – “гидрии” с удлиненным яйцевидным туловом, высокой шейкой и мягким отогнутым венчиком (табл. 22, 38, 42, 45, 47, 49, 57–59; 23, 31, 37, 38), они значительно отличаются от первой группы и несут в себе специфические черты посуды развитой стадии ТК; наряду со старыми орнаментальными мотивами на них неожиданно появляются штампованные нарядные точечные украшения геометрического характера (свастика, крест, трапеция), нанесенные так называемой шагающей гребенкой.

В богатых месхетских могилах так же, как в Триалети, встречаются крупные округлые сосуды с низкой шейкой, а также высокогорлые “гидрии”; им сопутствует мелкая посуда, напоминающая керамику Нульского и Квасатальского могильников. В малых месхетских курганах – более грубая посуда с бурой или светлой поверхностью (маленькие широкогорлые кувшины, миски и кружки, украшенные наклепными шишечками и резьбой). Эта посуда имеет более архаичный облик, отражающий традиции куро-аракской керамики, но с чертами, характерными для триалетского гончарного очага.

Крупные расписные сосуды встречаются в богатых курганах. Наиболее традиционными являются красноангобированные с черной росписью, украшенные шевронами (“схема воды”), между которыми символические фигуры (“светила”, змеи, сти-

лизованные птицы; табл. 22, 28, 31, 35, 37, 38). Встречено также незначительное число сосудов со светлой, кремовой, поверхностью и нарядной коричневатой росписью в виде шевронов, волнистых линий, ромбов, треугольников, спиралей и “шахматного” узора (табл. 22, 50, 57–59).

Сам факт появления в богатых курганах расписной посуды следует связывать с южным влиянием. Она появляется в конце III тысячелетия до н.э. в культурах Южного Закавказья под влиянием малоазийско-средиземноморской керамической продукции. Однако формы и технические особенности местной керамики, точь-в-точь такие же, как у массовой чернолощенной посуды, указывают на ее закавказское происхождение. То же можно сказать о светлоангобированной расписной керамике, встреченной пока только в триалетских курганах.

Богатые погребения характеризуются относительной бедностью медно-бронзовых изделий (орудия, оружие). Их сравнительно больше в рядовых погребениях Нули и Квасатали (табл. 25). Кинжальные клинки ТК представлены разнообразными типами. Большинство имеет архаичную форму, но отличающуюся от клинков предшествующего периода. Они известны в синхронных культурах Закавказья и Северного Кавказа. Встречены также кинжалы развитой формы; среди них замечательный серебряный клинок из триалетского кургана XXIX с резко профилированным лезвием (табл. 22, 23). Триалетские кинжалы являются дальнейшим развитием местного оружия предшествующей эпохи. Для нульских и квасатальских могил характерно сочетание примитивных и развитых форм.

Относительно часто встречаются бронзовые втульчатые наконечники копий. В триалетских и месхетских курганах найдено по одному экземпляру (табл. 23, 5; 26, 22); аналогичные копья происходят из Кировакана, с. Боштури около Гори. В нульском и квасатальском могильниках втульчатые копья встречаются в большом количестве; наряду с изящным оружием триалетского типа здесь находились грубоватые экземпляры с разрезанной втулкой (табл. 25, 3–8). Втульчатые копья известны по погребениям в селах Азнабурт и Арич (Алиев В.Г., 1967; Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 67). Находки их на Северном Кавказе – в Первомайском и Турчи (Крупнов Е.И., 1950. С. 90; Круглов А.П., 1958. С. 74. Рис. 18, 1) указывают на их проникновение за пределы Кавказского хребта.

Парадные бронзовые копья с серебряными и золотыми обоймами на втулке из Триалети, Месхети и Кировакана находят ближайшие аналогии в памятниках Сирии, в частности в Рас-Шамре I, где они датируются XVII–XV вв. до н.э. (Куфтин Б.Ф., 1941. С. 87, 93, 96; Schaeffer С., 1948). Их появление в Закавказье исследователи трактуют двояко – как предметов сирийского импорта (Мартirosян А.А., 1964. С. 64) и как изделий местных мастеров, прототипами которых послужили сирийские образцы (Джапаридзе О.М., 1969. С. 162).

На связи с эгейским миром указывают также экземпляры узких длинных “рапир” с резко выраженным ребром твердости. Они обнаружены как в комплексах Самтавро, Лило (Чубинишвили Т.Н., 1948. С. 29; Гогадзе Э.М., 1976. С. 233), так и случайно в разных местах Закавказья. Закавказские “рапиры” находят аналогии в оружии крито-микенского мира. Возможно, именно отсюда первые их экземпляры проникли на Кавказ (Ломтатидзе Г.А., 1974. С. 132). Однако найденные на территории Грузии экземпляры вплоть до деталей схожи между собой, что может свидетельствовать в пользу их местного происхождения.

Особую категорию находок в богатых погребениях ТК составляют ювелирные изделия из золота, серебра и бронзы (Джапаридзе Н.О., 1981; 1988). Почти все они уникальны и не имеют аналогов в памятниках синхронных культур Закавказья, Передней и Малой Азии. Некоторые украшены чеканкой, зернью и вставками из драгоценных камней и пасты. Среди этих предметов выделяются золотые и серебряные сосуды – кубки, чаши, ведерки (табл. 26). С точки зрения сложности технологии и использовании художественных возможностей особо следует отметить кубок из червонного золота из триалетского кургана XVII (табл. 26, 15). Он снабжен двойными стенками, переходящими в низкую ажурную ножку. Внешняя сторона кубка украшена накладными волютами, обрамленными витой проволокой, и вставными камнями (бирюза, сердолик). Отсутствие аналогов вне Грузии и повторение мотива волют на большом глиняном сосуде из того же кургана (табл. 22, 50) указывают на возможность местного происхождения кубка (Куфтин Б.А., 1941. С. 93).

Не меньший интерес представляют серебряные ведерко и кубок из триалетских курганов V и XVII (табл. 26, 16). На ведерке, края которого отделаны золотом, представлена в низком рельефе ритуальная сцена охоты. Кубок цилиндрической формы на высокой ножке изготовлен из цельной серебряной пластинки; он украшен двумя фризами со сложной композицией, выполненной также низким рельефом. Нижний фриз состоит из идущих друг за другом девяти оленей – самцов и самок. На верхнем представлена ритуальная сцена, изображающая процессию из 23 ряженных мужских фигур с кубками в руках. В центре композиции перед треножным алтарем на троне сидит такая же, но более крупная мужская фигура, позади нее – священное “древо жизни”. Сюжет получил большие разночтения (Куфтин Б.А., 1941. С. 87; Ушаков П.Н., 1941; Амираншвили Ш.Я., 1947; Бардавелидзе В.В., 1957. С. 94; Джапаридзе Н.О., 1975; Бериашвили М.Т., Схиртладзе З.Н., 1984). Строгая ритмичность в подаче церемониала, отдельные черты костюмов персонажей, манера изображения фигур с зооморфными масками дали повод связывать серебряный кубок с древнейшим искусством хеттско-малоазийского круга (Меликишвили Г.А., 1965. С.

20). Вместе с тем в композиции имеется и ряд отличительных признаков, свидетельствующих в пользу местного, кавказского происхождения этого шедевра (Куфтин Б.А., 1941. С. 90); это своеобразный рисунок костюма, общий стиль изображений, близкий всем остальным находкам, сделанным в триалетских курганах (Джапаридзе Н.О., 1975). Наконец, в последних исследованиях сюжет на триалетском кубке связывается с индоевропейской мифологией (Арешян Г.Е., 1985).

Ювелирное мастерство прекрасно документируют мелкие изделия из драгоценных металлов. Это сферические бусы, украшенные зернью, елочным орнаментом и “ломаными” линиями, булавки с шаровидной золотой головкой, инкрустированной цветными камнями, золотые височные завитки, напоминающие переднеазиатские, но наиболее яркой находкой является ожерелье из триалетского кургана VIII с агатовым кулоном, оправленным в золото, и сферическими бусами, отделанными зернью и вставными камнями (табл. 22, 5, 9; 26, 8). Уже неоднократно отмечалось сходство техники исполнения триалетского кулона с золотым кулоном из Урука, хотя последний значительно крупнее и несколько иной по форме.

Особую группу составляют наперстки – “штандарты” и трубочки из листового золота, украшенные выбитыми изнутри шишечками, елочным орнаментом, фигурами львов (табл. 21, 6, 11, 12; 22, 14, 15, 20; 23, 8, 9, 18; 26, 14). Тончайшей работой отличаются ларцы с золотыми перегородками, инкрустированные камнями и обсидиановыми пластинками (табл. 26, 1), они напоминают месопотамские изделия, в частности найденные в царских гробницах Ура. Следует упомянуть также бронзовые булавки с пирамидальными и дисковидными головками, височные подвески (табл. 21, 13, 21; 22, 8, 11). В нульских и квасатальских могилах обнаружены височные кольца из тонкого бронзового листа, напоминающие украшения каякентско-хорочоевской культуры. Эта форма украшений близка также золотым височным кольцам головного убора царицы Шубад в Уре (Куфтин Б.А., 1949. С. 34). Разнообразен набор бус из цветных камней (сердолик, агат), металлов (бронза, сурьма), голубой пасты.

Развитие ювелирного искусства ТК стимулировалось влиянием переднеазиатских культур. Особенно тесные контакты с южными соседями поддерживали представители местной богатой верхушки. Южные импульсы способствовали прогрессу ювелирного дела и формированию художественного стиля, что нашло свое дальнейшее развитие, в частности, в ювелирном искусстве античной Грузии. Своеобразие этого стиля, являвшегося синтезом местных и южных художественных традиций, не подтверждает мнение, что истоки триалетского искусства следует искать в майкопской культуре (Амираншвили Ш.Я., 1950. С. 33; Джавахишвили А.И., 1955. С. 15).

Высокого мастерства в этот период достигло

также искусство обработки дерева; это иллюстрируется инкрустированными деревянными шкатулками, различными сосудами и, наконец, четырехколесными погребальными повозками. На кузове одной из них изображены головы животных, видимо, быков, близкие по трактовке животным на металлических сосудах Триалети. Кузов завершают рельефные волнитообразные спирали – мотив, часто повторяющийся на ювелирных и керамических изделиях ТК (Джапаридзе О.М., 1960. С. 25).

Высокий уровень материального производства носителей ТК должен был иметь прочную экономическую основу. Однако изучение преимущественно погребальных комплексов тормозит исследование этой сложной проблемы. Впрочем, такое положение характеризует степень изученности и других культур Кавказа периода средней бронзы.

По вопросу о генезисе ТК взгляды исследователей расходятся. Часть из них, опираясь на материалы ранних курганов, считает, что ТК сформировалась на местной почве (Гогадзе Э.М., 1972. С. 100). Другие не видят преемственной связи между памятниками триалетской и куро-аракской культур (Buguey С., 1958. P. 178; Меликишвили Г.А., 1965. С. 20).

Для освещения этой проблемы обратимся к материалам курганов ранней поры ТК. Их инвентарь (в основном керамика), не утративший еще архаичных черт предшествующей эпохи, содержит ряд новых, прогрессивных элементов, получивших развитие в дальнейшем. Если первые проявлялись как пережитки, то вторые следует рассматривать как зачатки особенностей последующего этапа. Это дает возможность считать раннюю группу курганов переходной ступенью от ранней к средней бронзе и составить представление о хронологическом взаимоотношении курганных групп Триалети (Гогадзе Э.М., 1972. С. 97). Таким образом, именно эти материалы позволяют наметить преемственность памятников ТК и проследить воздействие внешних импульсов, которые сыграли немалую роль в ее становлении.

Однако не вполне ясными остаются, в частности, причины, вызвавшие большие перемены в погребальном обряде. Известно, что на поздней стадии куро-аракской культуры существовали курганы с коллективными захоронениями (Сачхере, Тквиави, Степанакерт). На процессе замены на ранней стадии ТК родовых курганных захоронений индивидуальными, видимо, отразились изменения внутри общества – усиление родо-племенной знати, повышение социального и экономического статуса отдельных ее членов. Нельзя не учитывать и южных влияний, которые могли стимулировать, в частности, появление новых обрядов. Возможно, обряд кремации и обычай помещения в могилу колесниц являлись ветвями древневосточных традиций, а курган как тип погребального сооружения с индивидуальными захоронениями появился в результате определенных воздействий Севера (Гогадзе Э.В., 1972. С. 111; Массон В.М., 1973. С. 165). С

влиянием малоазийско-эгейского культурного мира следует связывать появление некоторых форм посуды, мотивов росписи на светлоангобированной керамике, некоторых форм металлического оружия и украшений.

В целом ТК бесспорно тяготеет к предшествующей куро-аракской культуре, что особенно проявляется в керамике (технология чернолощеной посуды на розовой “подкладке”, детали форм сосудов, декоративные элементы). Однако наличие традиционных черт основных элементов ТК не исключает инфильтрации в Закавказье отдельных этнических групп извне, повлиявших на ее формирование. Последнее, если это имело место, не нарушало поступательного хода развития местной культуры, а придало ей своеобразную окраску. Возможно также, что влияние извне ограничивалось культурными контактами и связями обменного характера.

Несмотря на ряд попыток обосновать хронологические рамки бытования ТК, ее периодизация нуждается в доработке. Это объясняется однобокостью материала, проявляющейся, особенно на ее ранних этапах, в отсутствии стратифицированных поселений и сравнительной малочисленности радиоуглеродных дат. Дискуссионным остается верхний хронологический рубеж куро-аракской культуры, вслед за закатом которой начинается новая эпоха. Исследователи относят его к середине, ко второй половине и к концу III тысячелетия до н.э. (о хронологии см.: Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. С. 178). В последнее время проявилась обоснованная тенденция к отнесению ее приблизительно к XXIV в. до н.э. Если исходить из преемственности куро-аракской и триалетской культур, то нижнюю дату ранних курганов можно приблизить к этому рубежу.

С определенными трудностями связано также установление хронологической последовательности внутри ТК, хотя здесь типологически выделяются две стадии в ее развитии – ранняя и поздняя. Помимо керамики, тяготеющей к посуде куро-аракской культуры, при датировке ранних курганов следует учитывать наличие таких изделий, как гематитовые булавы, медные кинжальные клинки, листовидные наконечники копий, некоторые ювелирные изделия (булавки, височные кольца и т.д.). Они имеют близкие параллели в широком круге памятников Закавказья, Малой Азии и сопредельных стран и датируются III тысячелетием до н.э.

На раннем этапе ТК, охватывающем последнюю треть III тысячелетия до н.э., типологически выделяются две хронологические группы курганов. Образцы угля из некоторых курганов дали следующие радиоуглеродные даты: Марткопи, курган 1 – 2083±155 лет до н.э. (лаборатория США), 2028±80 (лаборатория ТГУ), 1690±40 (лаборатория ЛОИА АН СССР), 1930±60 лет до н.э. (лаборатория АН ГДР); Цюри, курган 1 – 4105±50 лет, т.е. 2155±50 лет до н.э. (ТБ-243); Марткопи,

курган 3 – 1800±50 лет до н.э. (лаборатория ТГУ); курган в с. Храмеби – 2200±40 лет до н.э. (ТБ-242). Таким образом, получены даты для обеих групп раннего этапа ТК, предшествующего началу ее расцвета. Учитывая прослеживающуюся типологическую последовательность ранних курганов и имеющиеся радиоуглеродные даты, первую группу, скорее всего, следует датировать серединой второй половины III тысячелетия до н.э., вторую – концом III тысячелетия до н.э. Последовательность курганов “цветущей поры” характеризуют три хронологические группы, бытовавшие на всем протяжении первой половины II тысячелетия до н.э. В первую группу входят в основном безъямные курганы (табл. 21, 1–4). Их посуда по формам и характеру орнаментом сохраняет определенные черты керамики ранней группы: преобладают округлые сосуды с низкой шейкой, украшенные резным и выпукло-вогнутым орнаментом. Малочисленные металлические предметы (кинжальные клинки, булавки) имеют еще архаичный облик. Высокохудожественные ювелирные изделия (бусы, кулон и др.) по форме, стилистическим особенностям и технике изготовления тяготеют к широкому кругу древневосточных образцов начала II тысячелетия до н.э. Таким образом, раннюю ступень “цветущей поры” ТК следует датировать XX–XVIII вв. до н.э. (Гогодзе Э.М., 1972. С. 104).

Для второй группы характерны как ямные, так и безъямные курганы с огромными погребальными залами и обильным инвентарем (табл. 22, 2, 3, 5). Особенно богато представлена керамика – чернолощенные сосуды с удлиненным грушевидным корпусом и высокой шейкой, украшенные сложно-фигурным точечным орнаментом. На чернолощенной посуде резной и выпукло-вогнутый орнамент сосуществует с гребенчатым штампом. Появляется красноангобированная посуда с черной росписью, формирующаяся под влиянием соседних культур южной зоны Закавказья и светлоангобированная с бурой росписью, возникшая, очевидно, в результате переднеазиатских импульсов. Расписная керамика отражает разносторонние связи ее создателей. Кинжальные клинки, обнаруженные в триалетских, зуртакетских и сабатахчинских курганах, хорошо сопоставляются с оружием из Тепе-Гяна (XV в. до н.э.), Мегиддо (XX–XVI вв. до н.э.), Библоса (XXI–XIX вв. до н.э.). Ювелирные изделия, отличающиеся высоким мастерством исполнения, находят широкие аналогии в материалах Передней Азии и эгейского мира первой половины II тысячелетия до н.э. На основании этих данных и сопоставления материалов курганов второй группы с курганами следующей, третьей группы, она датируется XVIII–XVII вв. до н.э. (Джапаридзе О.М., 1969. С. 244).

В третью группу входят в основном ямные курганы (табл. 23, 1–4). В ней, как и во второй группе, преобладает чернолощенная посуда – “пифосы” и “гидрии” с яйцеобразным туловом, узкой шейкой и

отогнутым венчиком. Появляются полусферические миски и сосуды с декорированными миниатюрными ушками. Преобладает лощеный и шпичный орнамент, реже – рельефный и точечно-гребенчатый; они часто сочетаются. Гравированные шевроны почти исчезают и заменяются расписными. В целом орнаментальные схемы на чернолощенной посуде, несколько видоизменяясь, представляют собой дальнейшее развитие орнаментов второй группы. Расписная посуда третьей группы отличается монохромностью (на красном фоне черная роспись) и единством стиля росписи (преобладают шевроны из волнистых линий – “схема воды”). Создается впечатление, что эта керамика отражает внешние связи меньше, чем расписная керамика второй группы. Этот тип расписной посуды сопровождается набором металлических изделий (втульчатые копья, длинные кинжалы, “рапиры”), находящихся аналогии в памятниках сирийско-эгейского круга XIX–XV вв. до н.э. Эти сопоставления подтверждаются и по металлическим изделиям из погребения в Кировакане, относящегося к той же группе курганов. Дата этой группы – XVII–XV вв. до н.э. (Гогодзе Э.М., 1972. С. 101).

Проблема этнической принадлежности носителей ТК находится в стадии дискуссий. Ряд исследователей, акцентируя различия куро-аракской и триалетской культур допускает смену этнического состава Закавказья на рубеже III–II тысячелетий до н.э. Одни носителями ТК считают хеттские племена (Burney С., 1958. Р. 178), другие, рассматривая территорию распространения ТК как периферийную область Митаннийского царства, включают их в круг хурритского этнокультурного мира (Меликишвили Г.А., 1965а; 1965б. С. 22). Вместе с тем при рассмотрении этой сложной проблемы нельзя не учитывать факта преемственности куро-аракской и триалетской культур, а это свидетельствует о том, что в период сложения этнической общности носителей ТК коренных смен в составе населения не происходило. В какой-то мере данный вывод подтверждает и палеоантропологический материал, показывающий общность древнейшего населения Кавказа. Согласно лингвистическим данным, в V тысячелетии до н.э. в кавказском регионе уже сложились основные группы кавказско-иберийской языковой семьи (Джапаридзе О.М., 1976. С. 289). В последующий период начинается процесс образования крупных племенных объединений – союзов родственных племен. По-видимому, в Центральном Закавказье в рассматриваемый период уже существовали крупные объединения собственно грузинских племен (Джапаридзе О.М., 1969. С. 235), тогда как со второй половины III тысячелетия до н.э. южнее проживали индоевропейские (лувийцы), хурритские и другие близкие им племена; возможно, это была родственная хуррито-урартская этническая группа этивцев (Дьяконов И.М., 1968. С. 181).

Глава 5

Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья

Триалетская культура – один из феноменов бронзового века Кавказа – уже более четырех десятилетий привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Открытие Б.А. Куфтиным в конце 30-х годов в Триалети (Южная Грузия) серии “царских” или “княжеских” курганов, перекрывавших обставленные с варварским великолепием грандиозные грунтовые камеры и погребальные залы, явилось подлинной сенсацией (Куфтин Б.А., 1940; 1941). В дальнейшем богатые погребения исследуются как самим первооткрывателем (Куфтин Б.А., 1948), так и его последователями. В конце 50-х годов был, в частности, исследован курган того же ранга в г. Кировакане (Пиотровский Б.Б., 1949а. С. 46). Позднее курганы со сложными конструкциями и огромными наземными залами успешно раскапывались на соседнем с Цалкинским плато – Зуртакети (Джапаридзе О.М., 1969). Наконец, серия могильников того же уровня была изучена в Месхет-Джавахети (Джапаридзе О.М. и др., 1981; 1985). Эти схожие по облику опорные комплексы дали выразительные материалы для вычленения конкретных признаков культуры, условно названной триалетской (в дальнейшем – ТК), позволили поставить вопросы генезиса, хронологии, периодизации, а также многосторонних связей ее носителей; намечены были и основные границы распространения ТК в пределах Южной Грузии с проникновением в район верхнего течения р. Алазань и в предгорную зону Шида Картли. Однако открытые в южных и юго-восточных районах Закавказья многочисленные комплексы и случайные находки с признаками ТК при решении перечисленных проблем почти не привлекались; отсюда и границы распространения ТК ограничивались, по существу, территорией Грузии. Предпринятая же в свое время попытка выделения локальных вариантов ТК (Путиридзе М.Ш., 1983) не заполнила образовавшегося пробела, ибо для этого было необходимо учесть весь разрозненный по отдельным публикациям и музейным коллекциям материал. Именно такая работа была проделана нами в связи с подготовкой настоящего тома к изданию. Проработка всех доступных материалов по средней бронзе, хранящихся в республиканских и краеведческих музеях Закавказья, и сбор информации, опубликованной в республиканских изданиях, позволили наметить ареалы и время бытования нескольких родственных культур региона (Кушнарева К.Х., 1982; 1983; 1986). Среди проработанных нами материалов сразу же выделилась группа

идентичных или близких по форме и стилю украшений крупных расписных и чернолощенных сосудов и глубоких округлых чаш или мисок, которые прекрасно сопоставлялись с “гидриями” и мисками таких хрестоматийных комплексов ТК, как курганы Триалети, Зуртакети, Кировакана, Месхети и др. Они обнаружены преимущественно на территории современной Армении и частично Азербайджана и происходят большей частью из доисследованных погребений либо, будучи найденными случайно, фиксируют лишь пункты обнаружения на археологической карте исследуемого периода (карта 2; табл. 27–29); одной из таких случайных находок может служить великолепно расписанная гидрия из с. Нижний Геташен (бассейн оз. Севан), свидетельствующая о существовании некогда на этом месте богатого погребения триалетского облика (табл. 30, 1). Среди доступных нам материалов оказалась также серия разнообразных металлических изделий; это бронзовое оружие, предметы заупокойного культа, ювелирные изделия (табл. 30, 1–4, 10, 15, 21–25).

Наконец, в последние годы в связи с раскопками некрополя в районе с. Карашамб в Армении было сделано еще одно сенсационное открытие. Здесь исследован “царский” курган с богатым погребальным инвентарем триалетского облика, существование которого (как и кургана в Кировакане) выводит ТК на новый уровень познания. Оба эти памятника вместе с некоторыми другими находками, сделанными главным образом на территории Армении, прекрасно вписываются в характеристику ведущих признаков ТК, прослеженных в свое время на грузинских погребениях высокого ранга (см. главу 4 “Триалетская культура”). Это крупные курганные насыпи, просторные грунтовые могилы или наземные залы, индивидуальные захоронения, обряд кремации, колесницы и погребальные лежа, чернолощенная и расписная посуда (в том числе крупные “гидрии” и полусферические миски), парадное оружие, золотые и серебряные сосуды, изысканные ювелирные изделия.

Таким образом, назрела необходимость привлечения всех упомянутых материалов из южных областей Закавказья к дальнейшим разработкам проблемы ТК в целом; при этом в первую очередь должен быть поставлен вопрос о границах ее распространения (Кушнарева К.Х., 1992).

Обращаясь к памятникам, расположенным вне территории Грузии – в южных и юго-восточных областях Закавказья, следует в первую очередь

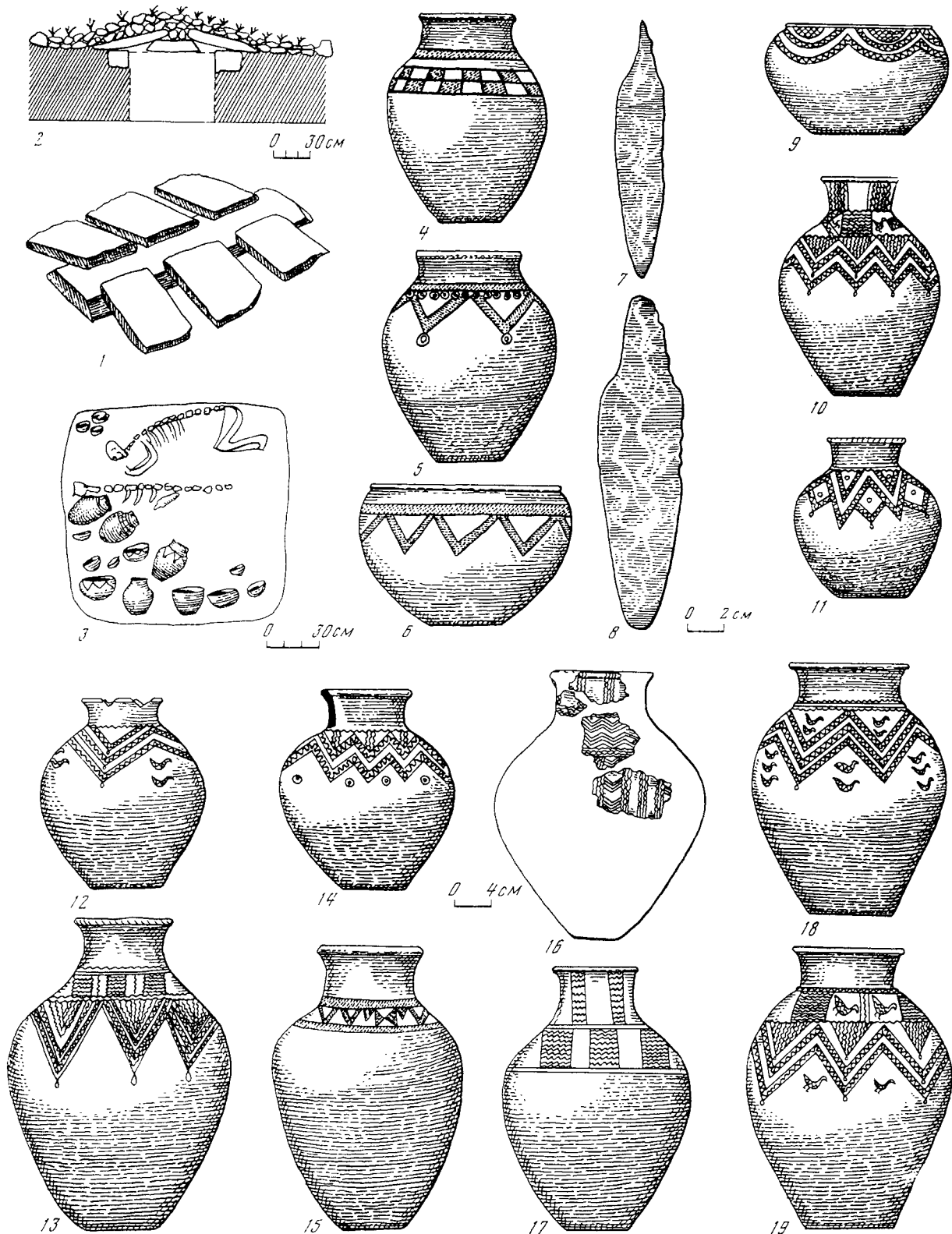

Таблица 27. Материалы из могильников на территории Армении. Составитель К.Х. Кушнарева

1-8, 13 - Айгешат; 9-11 - Аруч; 12 - Камакатар; 14 - Сисиан;
15 - Агджакала; 16 - Ахлатян; 17 - Малый Паргет; 18,
19 - Кирги

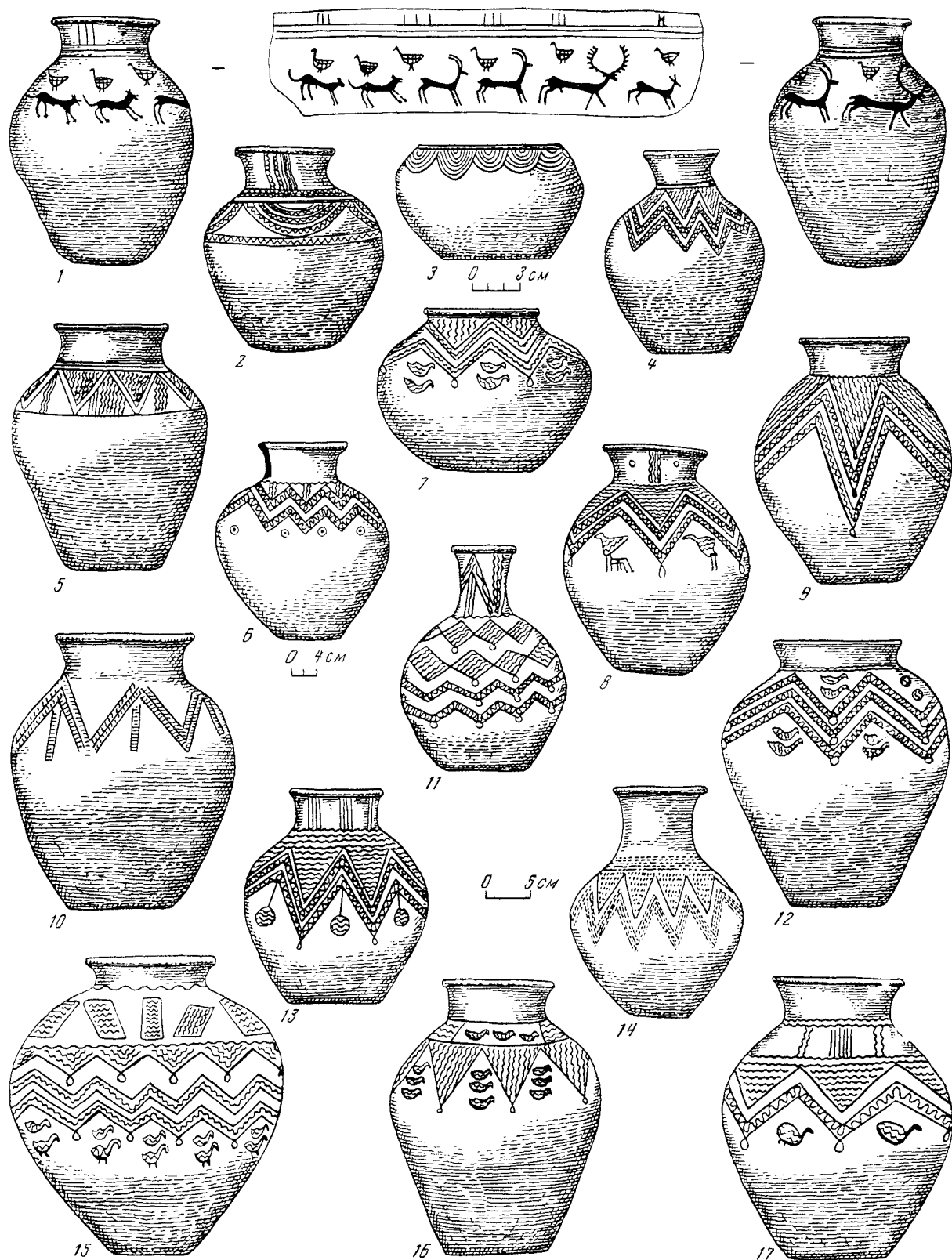

Таблица 28. Сосуды из могильников на территории Армении и Азербайджана. Составитель К.Х. Кушнарева

1 - Нижний Геташен; 2, 8, 9 - Амасия; 3, 4 - Мугни; 5, 10, 16 - Личк; 6, 7 - Сисиан; 11 - Эчмиадзин; 12 - Камо; 13 - Агавнатун; 14, 17 - Гарни; 15 - Зурнабад

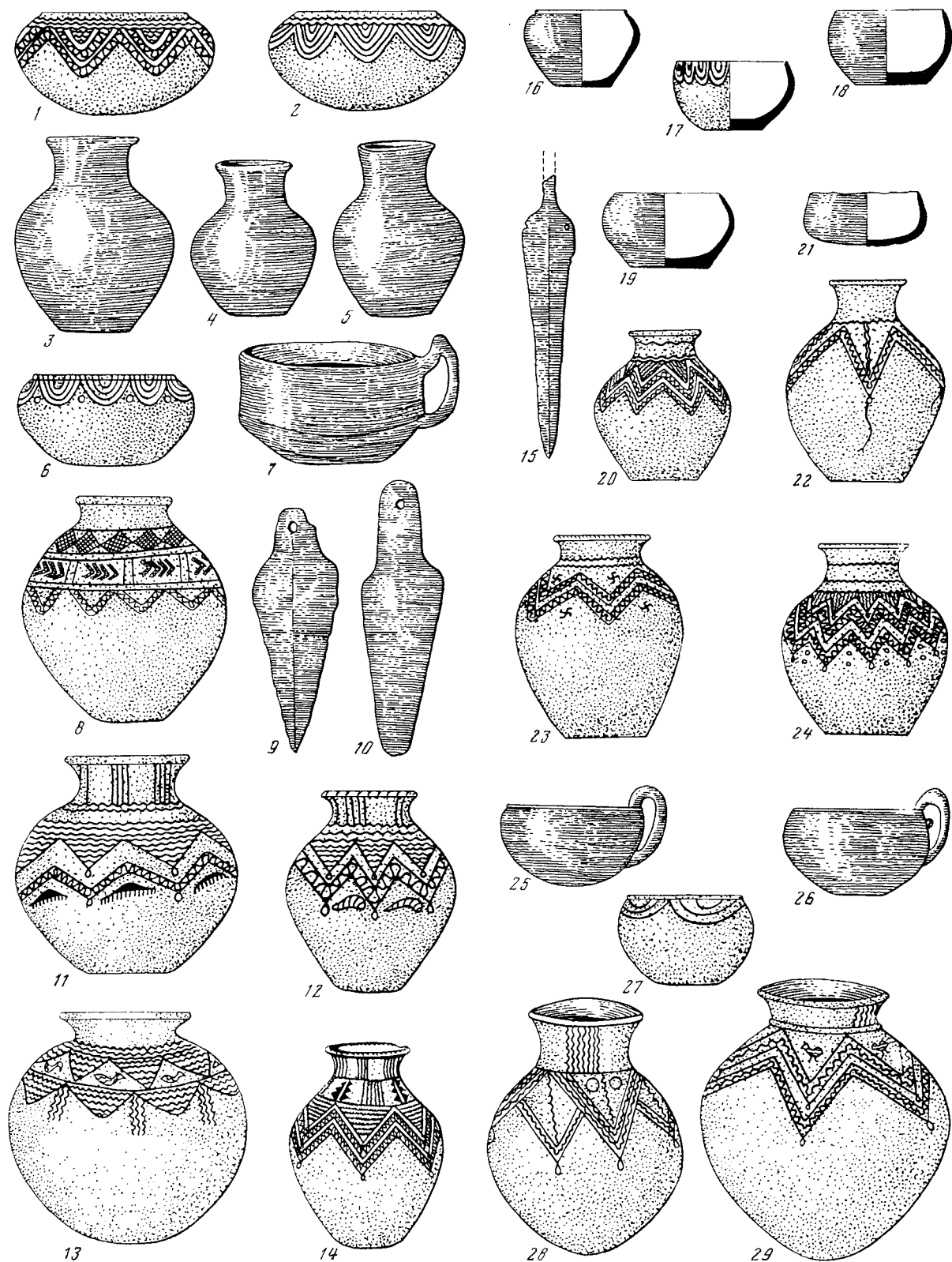

Таблица 29. Сосуды и бронзовое оружие из могильников на территории Армении. Составитель К.Х. Кушнарёва

1-14 – Элар; 15-24 – Аванское шоссе; 25-29 – Воскеваз

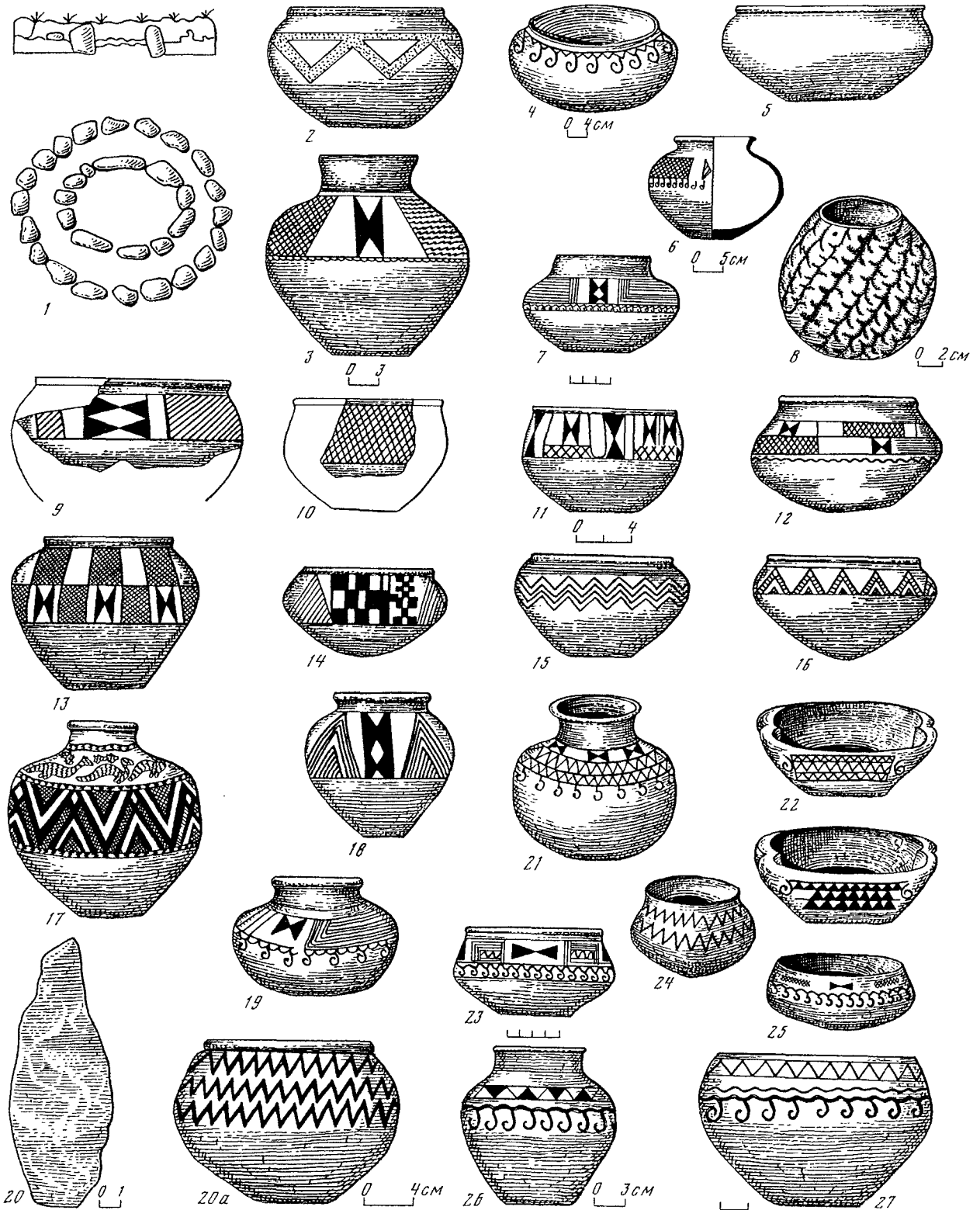

Таблица 30. Сосуды из могильника Кармир Берд. Составитель К.Х. Кушнарера

1, 9, 16, 17, 19, 21 – коллекция П. Чарковского; 2, 3, 5–8, 15, 23 – раскопки М. Захарьянца; 4, 10, 22, 24 – курган 2; 1–14,

18 – курган 1; 11, 12, 20, 20а – курган 14; 13 – курган 13, раскопки П. Чарковского

коснуться “царских” или “княжеских” погребений, давших наиболее полные, так сказать христоматийные, комплексы.

В исследованном Кироваканском кургане, под насыпью на глубине 3 м, оказалась просторная грунтовая могила (площадь 30 кв.м.), перекрытая бревенчатым настилом (Пиотровский Б.Б., 1949. С. 46; 19556. С. 10; Мартirosян А.А., 1964. С. 64). Деревянный катафалк, стоявший в ее центре, служил, по-видимому, вместилищем праха кремированного покойника. По углам могилы располагались черепа и конечности быков. В камере находились расписные и чернолощенные “гидрии”, украшенные накольно-ленточным и врезным орнаментом. Металлический инвентарь представлен частично уникальными предметами, не обнаруженными в других комплексах. Это втульчатый наконечник копья, топор-секира, плоский топор-тесло, долото, а также медный котел с крючком для доставания мяса и три бронзовых кинжала (табл. 31, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 18–20). Покойного сопровождали изысканные предметы ювелирного искусства – золотая чаша с шестью парными фигурами львов, полусферическая серебряная чаша, серебряные кубки и ведерко (табл. 31, 7–9, 13), золотые бусы, ленты из золотой фольги, покрывавшие деревянную шкатулку, сердоликовые бусы.

Карашамбский курган имел каменную насыпь. Под ней оказалась площадка (7×4 м), огороженная каменной оградой и перекрытая бревенчатым накатом. Иными словами, здесь некогда находился погребальный зал. В могиле зафиксированы кремированные останки покойника, множество жертвенных животных и богатейший погребальный инвентарь, состоящий из предметов вооружения, символов власти, украшений и утвари, среди которой были уникальные изделия из драгоценных металлов (Оганесян В.Э., 1987; 1990а). Особое внимание привлекает серебряный кубок (табл. 31, 17; 32), который своей формой и стилем сюжетных композиций приближается к кубку из кургана XVII Триалети (табл. 26, 17).

На существование в рассматриваемый период резкой социальной дифференциации указывают и другие погребения на территории Армении, отмеченные кремацией покойников, жертвоприношениями быков, изделиями из золота и другими ритуальными атрибутами, характерными для могил элитарной части общества. Однако из-за отсутствия их подробных публикаций или плохого состояния самих памятников они не дали столь полной картины, как карашамбский и кироваканский курганы. Это прежде всего погребение 6 Лори Берда, богатые курганы Аруча, Айгешата, Воскеваза, Аванского шоссе.

Могила 6 Лори Берда представляла собой просторную камеру, сложенную из крупных камней с ложным сводом и каменным перекрытием (Деведжян С.Г., 1981. С. 20); эта конструкция напоминает погребальные сооружения больших месхетинских

курганов. Погребение было нарушено в древности. Здесь зафиксированы обряд кремации, жертвоприношения животных, расписные и чернолощенные “гидрии” с накольно-ленточным орнаментом, многоручные “пифосы” с наклепными “пуговками”, бронзовые котлы и крюк для доставания ритуальной пищи (табл. 31, 15, 22).

Аручские курганы имеют крупные насыпи (диаметр 30 м) с кромлехами, под которыми находились обширные грунтовые камеры. Выдолбленная в туфе камера кургана 2 имела размеры 5,1×3,0 м; в восточной стене была вертикальная шахта – вход. На дне могилы – остатки кострища. В одном из исследованных курганов стояло свыше 40 расписных и чернолощенных сосудов (табл. 27, 9–11)*. В курганах найдены втульчатые наконечники копий, бронзовый двуручный котел, обсидиановые наконечники стрел, золотые украшения. Среди чернолощенной и расписной посуды обнаружены фрагменты тонкостенных светлоангобированных сосудов, возможно, импортного происхождения (Арешян Г.Е., 1979).

В просторных камерах курганного могильника около Эчмиадзина были похоронены кремированные останки покойного. Наряду с расписными “гидриями” и чернолощенными сосудами здесь обнаружены бронзовые кинжалы, бронзовые части деревянных ножен, кольца, сердоликовые бусы, обсидиановые и кремневые наконечники стрел. Возможно из этого могильника происходит крупный высокогорный расписной кувшин с округлым туловом (табл. 28, 11).

Большой интерес представляют Маисянские курганы, расположенные на нижней террасе, окаймляющей Араратскую долину. Здесь под курганными насыпями находились большие камеры с дромосоми. Погребения отмечены кремацией и жертвоприношениями быков. В кургане 7 стояла деревянная повозка. Среди находок преобладала чернолощенная посуда, украшенная гребенчатым штампом. В могилах обнаружены бронзовые кинжалы, в кургане 7 – бронзовая “рапира” (Арешян Г.Е., 1985б; 1986; 1988а).

В могильнике с. Воскеваз в одной из просторных грунтовых могил находился прах кремированного покойника. В камере обнаружено около 400 сосудов (расписные “гидрии”, полусферические миски, “киафы” и бронзовый кинжал; табл. 28, 25–29; Арешян Г.Е., 1973).

Еще одно погребение высокого ранга исследовано в с. Кирги (Есаян С.А., 1976. Рис. 83). Здесь наряду с обрядом кремации совершено традиционное жертвоприношение быков. В могиле находились крупные расписные и чернолощенные “гидрии” (табл. 27, 18, 19), бронзовые кинжалы и др.

*Приношу благодарность Г.Е. Арешяну за разрешение публикации в настоящем издании трех сосудов из могильника в с. Аруч.

Таблица 31. Парадное оружие и ювелирные изделия из могильников Армении. Составитель К.Х. Кушнарева

1 – Воротна Берд; 2 – Качаган; 3 – Дзора-ГЭС; 4 – Ангехаког; 5–9, 11–14, 16, 18–20 – Кироваканский курган; 10 – погребение в Эчмиадзине; 17 – Карашамбский курган; 15, 22 – Лори Берд,

погребение 6; 21 – Иджеван; 23 – Ленинакан; 24, 25 – Навур; 1–6, 11, 12, 14–16, 18–25 – бронзовые предметы; 8–10, 13, 17 – серебряные сосуды; 7 – золотая чаша

Таблица 32. Серебряный кубок из Карашамбского кургана

Наконец, обряд кремации и жертвоприношения животных документируют доисследованные погребения на Аванском шоссе (Есаян С.А., 1978. Табл. II), содержавшие те же формы расписных сосудов, а также кинжальные клинки (табл. 28, 15–21).

Наряду с отмеченными погребениями высокого ранга с признаками сожжения покойников и жертвоприношений животных на территории Армении и Азербайджана в рассматриваемый период совершались захоронения, обставленные более скромно; вместе с тем ряд элементов материальной культуры (особенно керамики) свидетельствуют о принадлежности и тех и других к единой культуре. Эти курганные погребения характеризуются одиночными захоронениями, обычно в скорченной позе, на правом или левом боку; конструктивно могилы представляли собой “каменные ящики” (Айгешат – табл. 27, 1–8, 13; Агджакала*, Гарни – табл. 28, 14, 17; Ханзадян Э.В., 1969. Табл. VI) либо грунтовые могилы (Зурнабад – табл. 28, 15; Гуммель Я.И., 1941; Элар – Ханзадян Э.В., 1979. Рис. 101–108), которые в некоторых зафиксированных случаях были окружены кромлехами (Айгешат, Агджакала и др.). К сожалению, подробные сведения об этих памятниках отсутствуют.

В рамках ТК бытовали погребения коллективного характера. Так, в могильнике около с. Азнабюрт недалеко от Нахичевани вскрыты небольшие грунтовые могилы, перекрытые каменными плитами. В них были захоронения взрослых и детей. В одной из могил обнаружено семь скелетов. Среди находок – расписная и простая посуда, бронзовый кинжал переднеазиатского типа, втульчатый наконечник копья (Алиев В.Г., 1967. С. 40). Любопытно, что здесь отсутствуют крупные вытянутые “гидрии”, хотя на расписных сосудах прорисована все та же “схема воды”, вместе с тем рисунок представлен в наиболее упрощенном варианте, без сопровождающей символики (“птицы”, “светила” и др.), характерной для посуды самого высокого ранга. Серия таких же сосудов, происходящих из памятников в районе Нахичевани, хранится в краеведческом музее города (Кушнарера К.Х., 1992. Табл. 5).

В южных областях Закавказья известны десятки пунктов обнаружения материалов триалетского облика; это случайные находки, сделанные во время строительных либо сельскохозяйственных работ. Судя по характеру находок, подавляющая часть этих материалов происходит из разрушенных погребений. Приведем далеко не полный перечень этих пунктов: Агавнатун, Амасиа, Мугни, Личк, Кармир Берд, Нижний Геташен, Камо, Ахлатян, Сюни Берд, Камакатар, Иджеван, Навур, Качаган, Воротна Берд, Ангехакот, Дзора-ГЭС, Шортапа, Нахаджир, Аликемектепеси, Астатат и др. (Кушнарера К.Х., 1960; Рис. 3, 14; Калантарян А.А., Ха-

чатрян Ж.Д., 1968; Куфтин Б.А., 1941. Рис. 106; Мартиросян А.А., 1964. Рис. 35, а, б; Есаян С.А., 1976. Рис. 84; 1966. табл. V, 7, 8; Махмудов Ф., 1979. С. 7; и др.). В подавляющем большинстве этих пунктов найдены расписные и чернолощенные сосуды, традиционные для памятников ТК (табл. 27, 12, 14–16; табл. 28, 1, 2, 5–13). Особо следует отметить случайные находки парадного оружия, среди которого неоднократно встречены длинные мечи-“рапиры” (Дзора-ГЭС, Качаган, Воротна Берд, Ангехакот; табл. 31, 1–4) и архаичные проушные топоры (Навур, Ленинанак; табл. 31, 23–25). К этой же категории находок относятся миниатюрная бронзовая имитация секиры (Иджеван; табл. 31, 21), кинжальные клинки, отдельные ювелирные изделия, височные колечки и др. (табл. 31, 10).

Наконец, в плане распространения памятников триалетского облика крайне важно отметить их обнаружение южнее Закавказья, на правом берегу р. Аракс. Это прежде всего курганные могильник в с. Малый Паргет (Карская область), в одном из погребений которого еще в начале XX в. были обнаружены крупная расписная “гидрия” и фрагменты чернолощенных сосудов с накольчато-ленточными украшениями (Мартиросян А.А., 1964. Табл. III), а также три крупные красноангобированные “гидрии” с традиционной росписью в виде “схемы воды” и водоплавающих птиц, случайно обнаруженные на юго-западном побережье с. Ван (Cilingizoglu A., 1984).

Как видно из приведенных данных, подавляющее большинство находок представлено сосудами. Среди них преобладают расписные монохромные (по красному фону черная краска). Это либо крупные вытянутые или округлые “гидрии”, расписанные “схемой воды” (варианты спускающихся треугольников, заполненных волнистыми линиями) в сочетании с фигурами птиц, астральных и свастических знаков (а в единичных случаях животных, рыб, змей), и глубокие полусферические миски или чаши, окаймленные гирляндами вписанных друг в друга полукружий. Среди сосудов встречаются также крупные чернолощенные “гидрии” и чаши с близким по стилю орнаментом, выполненным резным, накольчато-ленточным способом и гребенчатым штампом. Таким образом, как по форме, так и по способу нанесения и стилю украшений эти сосуды прекрасно сопоставляются с расписной и чернолощенной керамикой триалетских курганов (№ I, II, VII, XV, XVIII, XXX; Сабитахча № 5, Топ Кар № 1, 2), которые, согласно периодизационной схеме Э.М. Гогадзе, должны быть отнесены к последней (поздней) группе. Бурно развиваясь на базе внутренних экономических ресурсов и широких внешних связей, ТК в период бытования рассмотренных комплексов как бы достигает своего апогея. После открытия Кироваканского кургана этот период иногда именуют “кировкакано-триалетским”.

Среди изысканных ювелирных изделий рассматриваемых комплексов привлекают внимание два

*Неопубликованные материалы из погребений в селах Айгешат и Агджакала мне в свое время любезно были предоставлены покойным Р.М. Торосьяном.

шедевра древней тореvтики: серебряный кубок из кургана I Карашамба (табл. 31, 17; 32) и золотая чаша из Кироваканского кургана (табл. 31, 7). Карашамбский кубок является “близнецом” знаменитого серебряного кубка из триалетского кургана V; напомним, что неоднократно интерпретировавшаяся композиция последнего (Куфтин Б.А., 1941. С. 84; Ушаков П.Н., 1941; Амиранашвили Ш.Я., 1947; Чиковани М.Я., 1947; Бардавелидзе В.В., 1957. С. 94; Бериашвили М.Т., Схиртладзе З.Н., 1984; Джапаридзе Н.О., 1988. С. 8) получила недавно новое толкование (Аресян Г.Е., 1985в; 1987; 1988б; 1989в). Карашамбский кубок изготовлен идентичными технологическими приемами, что и триалетский, и имеет ту же форму и пропорции. Роднят их и рельефные изображения, расположенные фризами. Однако на карашамбском кубке вместо двух мы видим шесть фриз, предельно насыщенных сложными композициями с изображениями людей и животных, окруженных множеством различных реалий того времени. Высказано предположение, что они передают единый мифический сюжет, прочтение которого проясняет этническую атрибуцию общества, создавшего эти шедевры (Оганесян В.Э., 1988а).

В верхнем фризе изображена охота на вепря, в которой участвуют охотник с собакой, львы и леопарды. Второй фриз композиционно состоит из трех взаимосвязанных частей: война, конвоирование пленного, ритуальное торжество; они насыщены многочисленными деталями, позволяющими воссоздать вооружение противоборствующих сторон, а также особенности культовой атрибутики. На третьем фризе сцены передают сюжеты победы и избиения врагов; среди них есть и аллегорические сюжеты с фантастическими существами. Центральной сценой является убийство вражеского вождя; здесь можно почерпнуть также дополнительные сведения о вооружении воинов. Четвертый фриз состоит из вереницы движущихся хищников – львов и леопардов, пятый – орнаментальный. И наконец, шестой фриз, опоясывающий ножку кубка, показывает все тех же хищников, но уже в геральдических позах.

Если связать композицию в единый сюжет, то начало его сводится к охоте на вепря, после убийства которого вспыхивает война, следуют гибель множества ее участников и победа одной из враждующих сторон. Схватка, изображенная на кубке, предположительно восходит к какому-то легендарному сражению, перенесенному позднее в мифологическую сферу.

По ряду признаков карашамбский кубок трактуется как изделие малоазийско-закавказского культурного ареала, испытывавшего на себе месопотамское влияние (Оганесян В.Э., 1988 а. С. 155). Высказано предположение, что реалистичность изображений и их динамика должны расцениваться как аргумент в пользу их связи с мифологическими представлениями и основанной на них

художественной традиции большого культурного ареала, куда входит и Армянское нагорье, и сопредельные с ним области (Оганесян В.Э., 1988а).

Проведенные сопоставления отдельных сцен и всего сюжета на карашамбском и триалетском кубках с мифотворчеством ряда архаичных народов, запечатленном на предметах искусства, в устной и письменной традиции, указывают как будто на их индоевропейскую мифологическую основу (Аресян Г.Е., 1985. С. 86; 1988б; Оганесян В.Э., 1988а). Факт же нахождения в памятниках ТК двух близких шедевров древней тореvтики при бóльшем аналогий за пределами ее распространения подчеркивает их местное (в широком смысле слова) происхождение.

Золотая чаша из кироваканского кургана также сделана из пластины (табл. 31, 7). Формой она повторяет золотую гладкостенную чашу из триалетского кургана VII (табл. 26, 13), но она декорирована; в широкой ее части между двумя орнаментальными поясами имеются чеканные изображения шести фигур львов, стоящих попарно друг против друга. Изображения поражают точностью передачи деталей, изяществом исполнения. Они решены в той же манере, что и львы на карашамбском кубке, и взяты вместе напоминают некоторые памятники хеттского искусства. Изображения львов в памятниках этого круга встречены еще дважды – на золотом “барабане” из триалетского кургана XV (табл. 26, 14), а еще раньше – в литой фигурке цнорского кургана II (табл. 20). Несмотря на “львиный” сюжет, тяготеющий к переднеазиатскому искусству, кироваканская чаша и упомянутая чаша из Триалети с их характерным поддоном очень близки по форме закавказским керамическим сосудам рассматриваемого периода. Это прослеживается при их сопоставлении с чашами поселения Узерликтепе в Мильской степи, где в глине повторяются все детали вплоть до поддона (Кушнарева К.Х., 1965. Рис. 25).

Кироваканский комплекс отличается от других погребений высокого ранга присутствием относительно многочисленных предметов парадного вооружения и орудий труда; появившись впервые, они знаменуют собой наступление нового этапа металлообрабатывающего и ювелирного производства. Здесь находился втульчатый наконечник копья (табл. 31, 5), идентичный триалетскому (табл. 26, 4). Напомним, что втульчатые наконечники копий сопровождали умерших в богатых могилах Месхети, Аруча и Азнабюрта (Джапаридзе О.М. и др., 1981. Табл. X, 96; Хачатрян Т.С., 1975. Рис. 67; Алиев В.Г., 1967); несколько таких наконечников найдено в коллективных могилах в селах Нули и Квасатали (табл. 25; Джапаридзе О.М., 1966. Рис. 2, 6–9).

Пока уникальной остается кироваканская бронзовая секира (табл. 31, 11). Ее датировка, обоснованная всем комплексом находок в погребении, дает возможность придать культурно-хронологическую атрибуцию вариантам архаичных топоров,

обнаруженных вне комплексов в Ленинакане, Навуре (табл. 31, 23–25; Мартиросян А.А., 1964. Рис. 27; Есаян С.А., 1966. Рис. 7, 8), Грма-Геле, Гумбати, Бодорна (Куфтин Б.А., 1941. Рис. 20; Джапаридзе О.М., 1969. С. 60). Все упомянутые топоры характеризуются шестигранным туловом и кососпущенным обухом. На Северном Кавказе подобные экземпляры происходят из Чечено-Ингушетии (с. Первомайское) и Дагестана (с. Хоредж); последний почти полностью повторяет форму кироваканской секиры (Котович В.Г., Котович В.М., 1973. С. 77).

Описанный тип оружия хорошо известен по памятникам Передней Азии III тысячелетия до н.э. Прототипом южнокавказских топоров, по-видимому, следует считать оружие из VI слоя Тепе Гавра (Куфтин Б.Ф., 1941. С. 18), анатолийского Кюльтепе (Мартиросян А.А., 1964. С. 61) и особенно из VI слоя Телль-Билла (III тысячелетие до н.э.). Таким образом, намечаются достаточно широкие границы бытования архаичных секирообразных топоров; появившись в Передней Азии в III тысячелетии до н.э., отдельные их экземпляры, по-видимому, уже в начале II тысячелетия до н.э. проникают на Южный Кавказ. Среди кавказских находок периода средней бронзы следует считать самым ранним экземпляр из Ленинакана, а самой поздней – кироваканскую секиру; последняя является исходной формой секир закавказского типа, широко бытовавших на Кавказе в эпоху поздней бронзы.

Плоский топорик кироваканского погребения (табл. 31, 12) для этого периода пока уникален; он имеет сравнительно короткую рабочую часть. Плоские топоры на Южном Кавказе появились в III тысячелетии до н.э. (форма для отливки из Квацхелеби, топоры из Дигоми и Приереванского клада; Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Табл. I; Мартиросян А.А., Мнацаканян А.О., 1973. Рис. 47).

Кироваканское долото (табл. 31, 6) восходит к архаичным вариантам черенковых орудий. Последние встречены в памятниках беденской культуры (Марткопи, Шулавери – табл. 19, 28). На Северном Кавказе подобные долота известны из Больших кубанских курганов (Иессен А.А., 1950. Табл. 3, 4, 7). В богатом кургане 31 в урочище Клады, в частности, найден набор столярных инструментов, среди которых имеются два долота (Бочкарев В.С., Резепкин А.Д., 1981). В конце II тысячелетия до н.э. получают широкое распространение желобчатые долота, часто включающиеся в погребальный инвентарь богатых захоронений (Лчашен, Толорос, Ходжалы, Арчадзор) и погребений ремесленников. Наконец, следует упомянуть медные котлы и бронзовые крюки (Триалети, Кировакан, Аруч, Лори Берд), использовавшиеся во время совершения обряда тризны (табл. 31, 14–16, 22) и продолжающие бытовать в эпоху поздней бронзы (Толорос, Арчадзор, Ходжалы).

К датировке больших курганов Триалети обращались многие исследователи. Время их бытова-

ния суммарно определялось в пределах 2000–1450 гг. до н.э. (Куфтин Б.А., 1941; Джапаридзе О.М., 1969; Гогодзе Э.М., 1972; Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974; Schaeffer С., 1943; Gimbutas М., 1965; Piggott S., 1978; Rubinson К., 1977), хотя в свое время нижнюю границу С. Пигготт углубил до 2400–2300 гг. до н.э., а верхнюю К. Шеффер первоначально отнес к первому этапу позднебронзового века – 1300–1100 (Late bronze age I). Напомним, что Б.А. Куфтин наметил трехступенчатую периодизационную схему триалетских курганов, в которой комплексы с красноангобированными расписными “гидриями”, прекрасно увязывающимися с подавляющим большинством рассматриваемых нами керамических изделий из Южного Закавказья, были отнесены к наиболее ранней группе. Позднее эта схема была пересмотрена О.М. Джапаридзе и Э.М. Гогодзе. Положив в основу новой периодизации полностью восстановленные комплексы триалетских курганов (Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974) и сопоставив их между собой, Э.М. Гогодзе предложил выделенные Б.А. Куфтиным группы курганов рассматривать в обратном порядке (Гогодзе Э.М., 1972). Свою позднюю группу он датировал XVII–XVI вв. до н.э. Большой акцент в его работе был сделан на скрупулезном анализе керамики, что позволило наметить ее истоки и характер развития. Эта периодизация, использованная и в настоящем издании (см. главу “Триалетская культура”), нам представляется наиболее обоснованной.

В связи с публикуемыми разрозненными находками обширного региона, впервые собранными нами воедино, коснемся подробнее последнего (“кировкакано-триалетского”) этапа (по Э.М. Гогодзе) бытования ТК, который они характеризуют. При этом следует оговориться, что стратифицированных поселений с опорными датами S_{14} либо четко датированных по аналогиям изделий в кавказских комплексах периода средней бронзы пока явно недостаточно.

Обосновывая хронологию добытого материала, Б.А. Куфтин сопоставил его с памятниками Переднего Востока (Месопотамия, Иран, Анатолия). Наиболее существенным в этом плане оказался бронзовый наконечник копья с серебряной обоймой из Триалетского кургана XV (табл. 26, 4), найденный вместе с красноангобированными расписными и чернолощенными “гидриями” и полусферическими мисками (табл. 23, 28, 31, 35–37). Аналогии триалетскому копью Б.А. Куфтин нашел в Рас Шамре (некрополь второго слоя), в Микенах (поселения среднеминойского периода, шахтовая гробница IV), Трое VI. На основании этих сопоставлений позднюю группу курганов он датировал серединой II тысячелетия до н.э. Эту дату полностью приняли такие исследователи, как Е. Минс и Х. Филд (Minns E., 1943; Kuftin В., Fild Н., 1946). Сопоставляя то же копьё с оружием Рас Шамры, Кафалари и некоторых других комплексов, К. Шеффер впослед-

вии датировал позднюю группу триалетских курганов в пределах 1550–1400 гг. до н.э. (Schaeffer С., 1948. P. 184).

К датировке курганов рассматриваемого круга обращался также А.А. Мартиросян. Подробно рассмотрев кироваканский комплекс и другие синхронные с ним находки, он обратил особое внимание на своеобразные мечи-“рапиры” эгейского происхождения, найденные в нескольких пунктах Закавказья (Качаган, Дзора-ГЭС – табл. 31, 2, 3; Самтавро – Чубинишвили Т.Н., 1957. Табл. VIII). Позднее экземпляры “рапир” были обнаружены в комплексах курганов в Лило, Аруче (Гогадзе Э.М., 1976; Арешян Г.Е., 1979), а также случайно в селах Ангахакот и Воротна Берд (табл. 31, 1, 4). Они изготовлялись в Средиземноморье в среднеминойский период (1800–1500 гг. до н.э.) и экспортировались в соседние страны преимущественно в период их наибольшей фабрикации (XVI–XV вв. до н.э.).

Еще одна линия сопоставленной расписной посуды кировакано-триалетского этапа возникла в связи с открытием новых поселений в приурмийских районах Ирана, датировка которых базируется на радиоуглеродном методе. Это вызывает особый интерес, так как на промежуточной территории, в районе Нахичевани, известна серия случайно найденных расписных сосудов, близких триалетским; все они хранятся в краеведческом музее города (Кушнарера К.Х., 1992. Рис. 5). К. Рубинсон находит сходство между расписной красноангобированной посудой поздних триалетских курганов и сосудов из слоя VI В поселения Хафтавантепе (Rubinson К., 1979. P. 246). В этом же слое, по ее сообщению, встречается расписная керамика, элементы орнамента которой точно повторяют украшения на светлоангобированных “гидриях” из курганов Триалети (табл. 22, 50, 57–59; Куфтин Б.А., 1941. Табл. LXXVII–LXXX), предшествующих самым поздним погребениям (Early bronze age II).

В Хафтавантепе VI В встречена также полихромная посуда, аналогичная найденной в слое Динкатепе IV, занимающем промежуточное положение между Хасанлу VI и V (Hamlin С., 1971. P. 31, 67). Радиоуглеродные даты периода Хасанлу VI на Динкатепе распределяются в пределах 2106–1684 гг. до н.э. (Hamlin С., 1974. P. 129). Следовательно, однотипная полихромная керамика из Динкатепе IV и Хафтавантепе VI В должна быть отнесена к последующему за 1684 г. до н.э. времени. Это дает основание предположить, что начало позднего этапа на основании керамических параллелей с памятниками приурмийских районов может быть отнесено к периоду до 1600 г. до н.э. (но после времени бытования второй хронологической курганной группы, которое, скорее всего, завершилось около 1700 г. до н.э.).

Расписные сосуды Динкатепе предшествуют слою Хасанлу V. Слой IV Динкатепе имеет несколько откорректированных дат, относящихся приблизительно к 1500 г. до н.э. Таким образом, по-

лихромная посуда Динкатепе IV не могла существовать позднее этого времени. При учете указанного сходства эта дата косвенно фиксирует время бытования поздних триалетских курганов с монохромной расписной посудой и полихромной керамикой в Динкатепе IV (поскольку совмещение этих сосудов зафиксировано находками в Хафтавантепе VI В).

В связи с обоснованием хронологической позиции рассмотренных выше памятников, тяготеющих к бассейну р. Аракс, следует вновь вернуться к ранним втульчатым копьям. Выше мы говорили, что копьё из кургана XV Триалети (бывшее в конце 1930-х годов единственной находкой такого рода) документирует связь с эгейским миром; оно является опорным при датировке поздней группы триалетских курганов. Как было упомянуто, впоследствии ранние втульчатые копья были встречены и в других комплексах Закавказья (Кировакан, Ахча, Аруч, Квасатали, Азнабюрд). Это еще раз подтверждает, что указанные факты следует рассматривать как результат активных связей со странами Средиземноморья, что подтверждается и другими данными. Копьё из кургана XV Триалети в свое время было сопоставлено с аналогичной находкой в микенской шахтовой гробнице IV. Ее дата в дальнейшем еще раз оказалась предметом обсуждения; одни исследователи помещают ее между 1550–1500 гг. до н.э. (Vermeule E., 1972. P. 107), другие – в рамках 1600–1450 гг. до н.э. (Stubbings F., 1973. P. 633). Вместе с тем все единодушно полагают, что время последней фазы ТК должно обосновываться датой именно этого комплекса. Втульчатый наконечник копья найден также в камере погребения 4 могильника Иалисоса (о-в Родос); он крупнее триалетского, но однотипен с ним и датируется XV в. до н.э. (Buhholz H., Karageorgis V., 1973. P. 53, 268). Еще один экземпляр того же времени, напоминающий родосский, происходит из Просимны (Blegen С., 1937. P. 510).

Исходя из этих сопоставлений и дат C₁₄ стратифицированных поселений соседних приурмийских районов, поздний, “кировкакано-триалетский” этап ТК должен датироваться в пределах 1650–1450 гг. до н.э. (при допущении, что он мог начаться и несколько раньше). Сказанное подтверждает обоснованность дат, принятых ранее. Таким образом, учитывая однородность рассмотренных нами материалов, их следует датировать XVII–XV вв. до н.э.

Столь многочисленные и выразительные образцы посуды, несмотря на то что часть из них найдена случайно, а иногда и вне комплексов, обязывают еще раз обратиться к вопросу о границах ТК в последний период ее развития. Как было сказано, попытка очертить границы ТК в связи с изучением локальных вариантов последней не дала окончательных результатов, во-первых, потому, что были учтены далеко не все доступные материалы; во-вторых, границы ТК рассматривались суммарно, а не во времени, тогда как на протяжении нескольких столетий ее существования они бесспорно меня-

лись. Сейчас можно говорить о том, что в XVII–XV вв. до н.э. ТК охватывала большую часть Закавказья, не затрагивая лишь его западные районы, тяготеющие к Черному морю. Особо следует отметить не учитывавшуюся ранее концентрацию памятников “кировкакано-триалетского” этапа на территории Армении, и в частности в Араратской долине. Этот факт должен стимулировать поиск более ранних памятников в этой части Закавказья. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в Аруче, Лори Берде, Месхети крупные расписные и чернолощенные “гидрии” и сопутствующие им чаши характеризуют исключительно богатые захоронения вождей; это особенно четко прослеживается по месхетским курганам, где в погребениях среднего уровня крупные расписные сосуды, как правило, отсутствуют, чернолощенная же посуда имеет небольшие и малые размеры. Можно предполагать, что определенная часть рассматриваемых нами случайных находок из Южного Закавказья происходит из погребений нерядового характера. В Восточном и Юго-Восточном Закавказье эта посуда известна пока лишь по нескольким доследованным погребениям (Азнабурд, Зурнабад) и по находкам на поселениях Кюльтепе I и II (Алиев В.Г., 1972; Абибуллаев О.А., 1982); в последних двух случаях встречена расписная моно- и полихромная керамика, имеющая аналоги в находках серии погребений триалетского круга. Особо следует обратить внимание на коллекцию сосудов, происходящих из окрестностей Нахичевани и хранящихся в краеведческом музее города (Кушнарева К.Х., 1992. Табл. 6).

Несмотря на территориальную оторванность названных пунктов, они позволяют ориентировочно наметить восточную границу распространения ТК на ее позднем этапе.

Таким образом, факт распространения памятников позднего этапа ТК на большей части Закавказья вплоть до р. Араке на юге сегодня не вызывает сомнений. Вопрос о ее южных границах пока остается неуточненным, ибо на обширной и малоисследованной территории правобережья р. Араке известны лишь единичные находки триалетского облика. К ним в первую очередь относятся расписные и чернолощенные сосуды из Карской области (Малый Паргет). Судя по двум крупным расписным “гидриям” с характерной орнаментацией (“схема воды”, водоплавающие птицы) из музея г. Ван, ТК на юге охватила районы, прилегающие к Ванскому озеру. Намеченная в первом приближении по этим двум памятникам южная граница ТК вполне вероятна, ибо названные пункты, находящиеся ныне на территории правобережья р. Аракс, расположены на сравнительно близком расстоянии как друг от друга, так и от Араратской равнины. Вызывает некоторое недоумение присутствие крупного расписного сосуда позднетриалетского облика в музее г. Адана, находящегося на северо-восточном побережье Средиземного моря и оторванного территориально от перечисленных выше пунктов. Присутст-

вие его в этом музее может иметь двойное толкование – либо его следует воспринимать как результат распространения связей носителей ТК, сущность которых остается пока неясной, либо, что более допустимо, один из трех сосудов, хранившихся в Ванском музее, был передан в музей г. Адана; на эту мысль наводит большое сходство всех трех “гидрий”, происходящих, возможно, из одного комплекса. Во всяком случае предполагать, что юго-западная граница ТК доходила до Средиземного моря, у нас нет пока никаких оснований. Было бы также весьма заманчивым на основании сходства посуды из поселений Хафтантепе VI B с позднетриалетской в юго-восточную границу ТК включить приурмийские районы, тем более что эти районы непосредственно примыкают к области Нахичевани, где отмечена концентрация памятников рассматриваемого круга. Однако отсутствие публикаций этих материалов и использование их лишь на основании сведений К. Рубинсон заставляют пока отказаться от подобного вывода.

Таким образом, рассмотренные нами южнокавказские материалы значительно “наполняют” само понятие “триалетская культура” и способствуют выявлению подлинной территории ее бытования в XVII–XV вв. до н.э. Охватив большую часть Закавказья, ТК в этот период почти подступила к Большому Кавказу на севере, на юге же, “перешагнув” через р. Аракс, проникла в район Карса, Вана и, возможно, Урмии; ее проникновение из Закавказья не вызывает сомнений. Любопытно, что эта территория фактически совпадает с областью бытования куро-аракской культуры (или культурной общности) в период ее наибольшего распространения. Такое совпадение в дальнейшем должно найти свое объяснение.

Мы подвели итоги длительного периода накопления материалов; к сожалению, последние в своем большинстве представлены неполноценными, плохо документированными комплексами либо просто случайными находками. Наша задача диктовалась характером самого источника; необходимо было объединить эти материалы в одной работе и дать им по возможности культурно-хронологическую интерпретацию. Сегодня же перед археологами-кавказоведами стоит актуальная проблема исследования на новом методическом уровне (раскопки полноценных комплексов с ориентировкой на них уже известных материалов) территориального и хронологического взаимодействия закавказских культур периода средней бронзы*. Следует надеяться, что привлеченные нами материалы и высказанные соображения будут в какой-то мере способствовать ее решению.

*Такая работа фактически уже начала осуществляться археологами Армении; первые ее результаты представляются весьма перспективными. Однако, не имея технической возможности включения новых разработок в настоящее издание, мы вынуждены ограничиться отсылкой читателя к публикациям (Аресян Г.Е. и др., 1990; Симонян А.Е., 1990).

Глава 6

Кармирбердская (тазакендская) культура

Как было сказано выше, на протяжении периода средней бронзы в Закавказье бытовало несколько родственных культур, намеченных в первом приближении на базе относительно небольшого и очень разрозненного материала (Кушнарева К.Х., 1982; 1983; 1985; 1986). Отправной точкой для их выделения послужили разработки А.А. Мартиросяна в его фундаментальном труде “Армения в эпоху бронзы и раннего железа” (Ереван, 1964. С. 47–78). Владая тогда еще незначительным материалом, автор, тем не менее, сумел выделить однотипные группы памятников периода средней бронзы и наметить в первом приближении хронологическую позицию каждой из них. Накопленные за прошедшие с тех пор годы источники значительно дополнили наши представления об этих группах памятников и позволили высказать предположение, что единство и синхронность последних отражают факт бытования в период средней бронзы нескольких близких по облику археологических культур.

Характер источниковедческой базы сегодня (небольшой процент систематически раскопанных комплексов, случайный характер многих находок, отсутствие сопровождающей документации, разрушенность памятников и др.) предопределил возможность очертить рамки этих культур в основном по самому массовому материалу – керамике; другие признаки в силу дефектности исходного материала и отсутствия системных разработок выявляются крайне слабо; исключение в этом плане составляет лишь кармирбердская культура (КБК), на изучение памятников которой в течение последнего десятилетия направлено специальное внимание (Симонян А.Е., 1981–1983; 1984а,б; 1987а–в; 1990).

Следует сразу оговориться, что выделенные культуры представлены в своем большинстве погребениями; поселения здесь изучались крайне слабо. Ведущими признаками, сближающими эти культуры, являются наличие курганной насыпи и расписной посуды; в памятниках предшествующей куро-аракской культуры эти признаки отсутствуют; именно поэтому их следует считать родственными. Вместе с тем упомянутая расписная посуда далеко неидентична и в каждом культурном ареале имеет свой декоративный стиль и свои формы.

Для посуды кармирбердской культуры характерна красноангобированная поверхность, на которую нанесена роспись черной краской. В росписи преобладают широкие фризы с метопами, заполненными сетчатыми прямоугольниками, “двойными секирами”, “шахматными полями”, парал-

лельными углами и треугольниками; иногда нижняя часть фриза обрамлена гирляндами свисающих спиралей. Традиционные для ТК “схема воды” с птицами и “светилами”, а также вписанные друг в друга полукружья здесь полностью отсутствуют. Более архаичными выглядят и формы сосудов, хотя часть из них изготовлена на гончарном круге: здесь нет вытянутых “гидрий”, вместо которых встречаются широкогорлые кувшины разных размеров, горшки с низким горлом и сильно вздутым туловом, глубокие чаши или миски.

Впервые подобные расписные сосуды были обнаружены в конце XIX – начале XX в. раскопками М. Захарьянца, П. Чарковского и Э. Реслера на могильнике у с. Тазакенд, около крепости Кармир Берд вблизи Еревана (см.: Кушнарева К.Х., 1960). В последние десятилетия в связи с открытием новых памятников были выявлены некоторые признаки, сопутствующие посуде этого стиля, и примерно локализована территория их распространения. В вышедших в этой связи публикациях тазакендский могильник, исходя из наименования крепости Кармир Берд был переименован в “кармирбердский” (Аресян Г.Е., 1970а; Карапетян Л.Л., 1972); это наименование мы и сохраняем при дальнейшем изложении.

В настоящий момент в южной зоне Закавказья известно свыше 40 памятников с керамикой описанного типа. Большая их часть обнаружена случайно и в лучшем случае была лишь доследована; в результате образовалась значительная коллекция сосудов описанного типа. На фоне разрозненных материалов большое значение сохраняют комплексы Кармирбердского и Аричского могильников. Однако выделение памятников с расписной керамикой типа Кармир Берд в культуру получило веские обоснования лишь в результате систематических раскопок А.Е. Симоняном могильника Верин Навер в Араратской долине и последующих разработок добытых им материалов. Можно смело сказать, что могильник Верин Навер является сегодня единственным ключевым памятником КБК, на котором впервые выявлены ее ведущие признаки.

Все известные памятники КБК локализируются в северной части Армянского нагорья (междуречье рек Куры и Аракса), ограниченного с запада р. Ахурьян, с востока – р. Акстафа. Наибольшая их концентрация на этой компактной территории прослеживается в Араратской долине; они зафиксированы также на склонах горы Арагац, на Ширакском плато и побережье оз. Севан (Кушнарева

ва К.Х., 1983. Рис. 3). Очерченная территория включает речные долины, предгорья и горы отрогов Малого Кавказа и Арагаца, где существовали все условия для развития земледелия и скотоводства. Преобладание памятников КБК (65%) в предгорьях и горах говорит о большой роли скотоводства в хозяйстве ее создателей.

Аракатская долина с прилегающими к ней повышенными зонами была одной из тех историко-культурных областей, в которых появились самые ранние памятники КБК. Эта плодородная область, освоенная земледельцами еще в VI–V тысячелетиях до н.э., продолжала оставаться ведущим культурным очагом Армянского нагорья и в последующие периоды. В период средней бронзы жизнь местных племен протекала при постоянных контактах со странами Передней Азии и Средиземноморья; связи были ориентированы преимущественно на области Запада – Анатолию, Сирию, Палестину.

Большинство известных памятников КБК являются могильниками. Учет всех памятников показал, что преобладание могильников над поселениями выражается соотношением 1:4; причины этого следует искать в особенностях хозяйства носителей КБК (Симонян А.Е., 1984б). Спецификой открытых могил является отсутствие богатых захоронений родо-племенной верхушки. Это подкурганные грунтовые могилы общинников, снабженные чаще всего только посудой; в могилах иногда встречается оружие, изредка украшения. Эти и еще ряд признаков в совокупности со своеобразием расписной посуды значительно отличают кармирбердские погребения от пышных захоронений ТК.

Кармирбердский могильник все еще остается одним из ключевых памятников Аракатской долины (Кушнарева К.Х., 1960). Это огромный некрополь с сотнями разновременных погребений. В западной части его перерезают развалины крепости Кармир Берд, нижние ряды кладки которой, состоящие из громадных каменных глыб, относятся скорее всего к периоду возникновения здесь древнего кладбища. К рассматриваемому периоду относятся около десяти исследованных погребений. Это были небольшие каменные насыпи с грунтовыми могилами, перекрытыми туфовыми плитами; лишь в одном случае (курган 28, раскопки Э. Реслера) насыпь была окружена вертикально стоящими камнями. Погребения одиночные; покойники лежали на боку, в скорченном положении, головой на север. Кроме сосудов в могилах ничего не оказалось. В итоге работ была собрана уникальная для того времени коллекция сосудов (около 30), расписанных по красному фону черной краской широкими фризами. По формам сосуды делятся на три группы: небольшие глубокие чаши (или миски), широкогорлые кувшины и горшки с сильно вздутым туловом (табл. 32).

Последующими раскопами могильников Аракатской долины установлено, что для них харак-

терна не только расписная, но и чернолощенная, а также грубая “кухонная” посуда. По-видимому, такое же сочетание имело место и в Кармир Берде, на что указывают чернолощенные сосуды с пунктирным орнаментом (табл. 33, 9; Есаян С.А., 1969. Табл. 22. Рис. 3). В коллекции находился также сосуд с резным орнаментом и грушевидное навершие булавы (Пиотровский Б.Б., 1949а. С. 43).

В свое время Б.А. Куфтин писал, что тазакендский керамический комплекс “остается пока несколько изолированным вариантом, не выявляющим широкого распространения” (Куфтин Б.А., 1940. С. 34). Тогда по существу был известен лишь один этот могильник и несколько случайно найденных на территории Армении расписных сосудов. Сегодня посуда описанного стиля стала известна из многих пунктов Южного Закавказья. Однако картографирование находок одновременно указывает на территорию происхождения КБК и определенную замкнутость ареала ее бытования. Находки расписных сосудов КБК в таких северных пунктах, как, скажем, Рустави (Ломтадидзе Г.А., 1955. Табл. XV), следует рассматривать как привнесенные из основного ареала.

Ключевой памятник КБК – могильник Верин Навер, функционировавший в течение всего II тысячелетия до н.э., занимает территорию около 100 га, которая покрыта густой сетью курганов (Симонян А.Е., 1977; 1979; 1982; 1983; 1984а, б; 1987б, в). К КБК здесь относится несколько десятков исследованных курганов, компактно располагавшихся в центральной его части. Под небольшими каменно-земляными насыпями находились кромлехи с прямоугольными грунтовыми могилами в центре; нижняя их часть вырублена в туфовой скале; в стенках могил выдолблены небольшие ниши (табл. 33, 1, 2). После совершения захоронений могилы засыпались землей, а затем перекрывались крупными туфовыми плитами. В некоторых случаях в нижней части фиксировались каменные или глиняные забутовки. Погребения в основном одиночные; покойники уложены в скорченном положении – женщины на левом боку, мужчины – на правом.

Погребальный инвентарь в могилах обычно ограничен тремя–пятью сосудами. Это крупные округлые красноглиняные горшки и миски, изготовленные в основном на гончарном круге и расписанные широкими фризами, чернолощенная посуда, иногда украшенная точечным орнаментом, грубая “кухонная” керамика. В некоторых могилах найдены разнообразные бусы, кинжальные клинки, раковины. Отдельные погребения имеют специфические особенности. Так, захоронение в могиле 9 было обмозано глиняным раствором, а покойник завернут в циновку; здесь же обнаружены бронзовые булавы со спиралевидной головкой, спиральные подвески, шаровидные сердоликовые, пастовые и стеклянные бусы. Это погребение является поздним, ибо здесь наблюдается совмещение сосу-

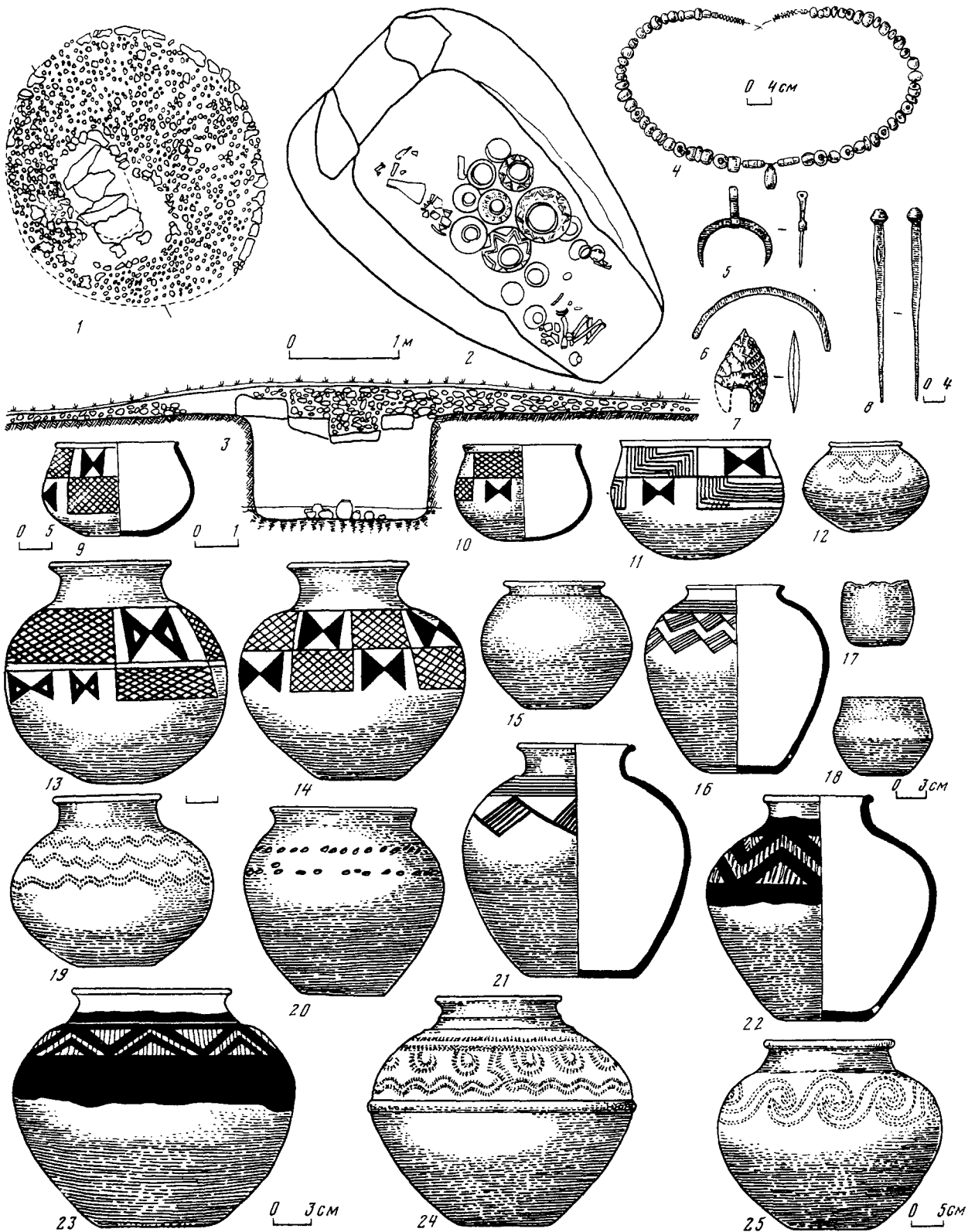

Таблица 33. Могильник Верин Навер. Материалы из кургана 12. Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам А.Е. Симоняна)

1-3 – планы и разрез могилы; 4 – ожерелье из сердоликовых и
 фаянсовых бус; 5, 6 – серебряные подвески и проволока;

7 – наконечник стрелки из горного хрусталя; 9-25 – глиняные
 сосуды

дов разной культурной атрибуции – характерных для комплексов КБК и для севано-узерликских памятников. Создается впечатление, что на завершающем этапе КБК оба комплекса сосуществовали, после чего последний сменил первый.

Особый интерес представляет погребение 23, где, помимо типичных расписных и чернолощенных сосудов, обнаружено ожерелье из фаянсовых, стеклянных и агатовых бус с включенными в него морскими моллюсками (Симонян А.Е., 1984а. С. 124). Как будет показано ниже, состав ожерелья проливает свет на вопросы хронологии КБК и контакты ее носителей.

Весьма любопытно также погребение молодой женщины в кургане 12. В отличие от большинства рядовых захоронений оно было богатым. Здесь в большой грунтовой могиле, перекрытой крупными плитами и окруженной кромлехом, помимо скелета лежавшей на боку покойницы, были обнаружены кости жертвенных животных, 17 сосудов, серебряные и бронзовые украшения, сердоликовые и фаянсовые бусы, наконечник стрелы из горного хрусталя (табл. 33). Погребение, по-видимому, относится к позднему времени, ибо здесь также зафиксирована взаимовстречаемость расписных сосудов разных стилей*.

Раскопки могильника Верин Навер продолжаются. Их значение заключается прежде всего в перспективе систематического накопления новых материалов путем исследований, проводимых на высоком методическом уровне. Уже сейчас представляется возможным выделить ряд устойчивых признаков КБК как в сфере погребального обряда, так и в сфере материального производства. Намечены динамика погребений КБК и ее взаимоотношение с севано-узерликскими памятниками, что немаловажно при установлении относительной хронологии кавказских культур эпохи средней бронзы.

В Араратской долине КБК документирует еще один памятник – могильник Элара, функционировавший на протяжении всего периода средней бронзы (Ханзадян Э.В., 1979а. С. 60). К КБК здесь относятся скромные грунтовые погребения с одиночными скорченными костями, лежащими на боку. Их инвентарь ограничивается сосудами; лишь в одном случае в могилу был положен кинжальный клинок. Сосуды делятся на те же три типа: расписные, чернолощенные и грубые, плохо обожженные, бурых оттенков. Первые имеют характерные формы (округлые приземистые горшки с короткой шейкой, глубокие миски) и традиционные мотивы росписи (табл. 34). Уникален широкогорлый гор-

шок трехчастной формы с красноангобированной поверхностью; среднюю часть его занимает широкий расписной фриз, заполненный зигзагами и треугольниками, покрытыми сетчатым узором; выше – ряд двуногих хвостатых фантастических животных, над ними – водоплавающие птицы; тела животных и птиц покрыты волнистыми линиями. Чернолощенные сосуды украшены врезным орнаментом в виде зигзагообразных поясов и заштрихованных аркообразных фигур. Здесь же грубые “кухонные” горшки.

В кармирбердский стиль полностью вписывается серия случайных находок из могильников Араратской долины: это сосуды с “двойными секирами” из Армавира, Цицернака Берда, посуда из Талина, Эчмиадзина, Апарана (табл. 34, 8, 23; Хачатрян Т.С., Есаян С.А., 1958. Рис. 1; 1969. Табл. 22). В Апаране расписная миска обнаружена вместе с великолепным коричневым сосудом, сплошь покрытым “ковровым” точечным орнаментом (табл. 34, 8). В разных пунктах Араратской долины и прилегающих предгорьях известны многослойные поселения, в среднебронзовых слоях которых встречаются черепки типичной кармирбердской посуды; это Муханнаттапа (Байбуртян Е.А., 1937), Гарни (Ханзадян Э.В., 1969. Табл. XXVIII), Мецамор (Ханзадян Э.В., и др., 1973. Табл. Ш, 1–9; IV, 5, 9, 11–13), Джраовит (Ханзадян Э.В., 1975; и др.) (табл. 35). В 1980-е годы велись раскопки поселений Джраовит и Айгеван, где напластования КБК оказались в четком стратиграфическом залегании. Очень важно и то обстоятельство, что расписная керамика КБК (табл. 35, 9, 10) здесь встречается вместе с куро-аракской посудой. В целом масштабы раскопок на поселениях пока весьма незначительны.

Особенно богатая, но, к сожалению, почти не опубликованная коллекция посуды КБК образовалась за долгие годы в краеведческом музее Эчмиадзина. Здесь проводились обследования и раскопки таких памятников, как могильники у сел Айгешат (табл. 34, 1–3), Агджакала, Грампа, Ошакан и поселений в Айгешате, Хатунархе и в самом Эчмиадзине. Существенно, что в могильнике Грампа и на поселении Гарни наблюдается совмещение расписных кармирбердских сосудов с чернолощенной посудой, покрытой резьбой; такое же сочетание дали наиболее архаичные могилы Арича, Золакара и других памятников у оз. Севан. Скорее всего, это указывает на большую древность посуды с резным орнаментом по сравнению с керамикой, украшенной гребенчатым штампом. Стратиграфически такое наблюдение подтвердилось материалами поселения Узерликтепе, на котором мы остановимся ниже.

Памятники с посудой кармирбердского типа, густой сетью покрывавшие Араратскую долину, на северо-западе охватывали Ширакское плато, на северо-востоке – западное побережье оз. Севан. Необычные комплексы КБК, в частности, открыты в г. Камо (б. Нор Баязет). Здесь раскопаны две грун-

* Выражаю благодарность А.Е. Симоняну за предоставление сведений об этом погребении и разрешение опубликовать его материалы. Уже после подготовки к печати настоящего раздела появилась статья А.Е. Симоняна (Симонян А.Е., 1990) с принципиально новым толкованием ряда положений. Однако включить его разработки в настоящую работу сейчас мы не можем.

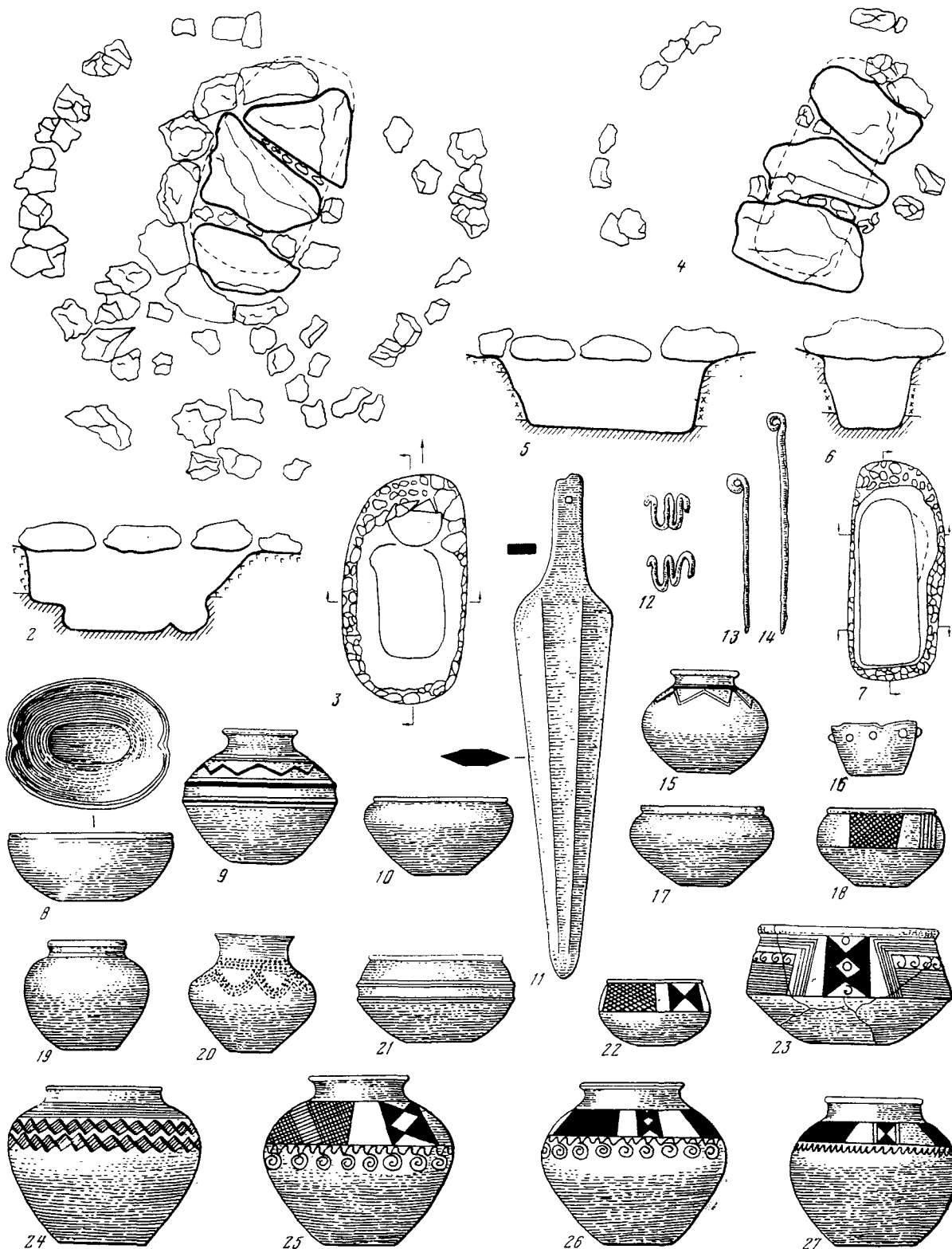

Таблица 34. Материалы из могильников на территории Армении. Составитель К.Х. Кушнарёва

1-3 - Айгешат, погребение 7; 4, 8 - Апаран; 5 - Золакар, погребение 4; 6 - Цицернака Берд; 7 - погребение; 9-11 - Айгеван; 12, 14, 16, 18, 20 - Элар; 15 - Элар, погребение 25; 17 - Элар, погребение 32; 19 - Элар, погребение 29;

21, 27 - Лчашен; 22, 25, 26, 28 - Нор Баязет; 24 - Мецамор; 1 - план двойного кромлеха могилы в Айгешате; 8-10, 15-27 - глиняные сосуды; 11, 12 - подвески; 13, 14 - булавки

Таблица 35. Фрагменты расписной керамики из различных поселений Армении. Составитель К.Х. Кушнарера

1-12 - Гарни; 13-31 - Муханнаттапа; 32-45 - Мецамор; 46-60 - Айгеван

товые могилы с мисками и горшками, расписанными в кармирбердском стиле (Мартиросян А.А., 1964. Рис. 19; Ханзадян Э.В., 1969. Табл. 4). Их своеобразие заключается в бихромной росписи (черная и красная на светлом фоне), что отличает эту посуду от стандартной монохромной посуды КБК (табл. 34, 26). Вместе с тем полное совпадение орнаментальных мотивов на сравниваемых сосудах свидетельствует об их одновременности. Тем самым ставится под сомнение суждение о первичности монохромной и вторичности полихромной росписи на сосудах Закавказья, а следовательно, разновременности последних. Кстати, в другом погребении этого же могильника найдены сосуды с монохромной росписью того же стиля (Мнацаканян А.О., 1965. Табл. III, 10, 12). Таким образом, при датировке комплексов с расписной посудой ведущим критерием следует считать, видимо, не цветовую гамму, а стиль росписи, его орнаментальную схему.

Обильный материал добыт в разные годы в окрестностях с. Лчашен, на берегу оз. Севан, где находилось многослойное поселение и обширный курганный могильник, функционировавший и в рассматриваемый период (Мнацаканян А.О., 1965). Здесь были насыпи различной величины с грунтовыми и каменными могилами; стены последних сложены из двух или нескольких рядов камней, высота их доходила до 2,5 м. Камеры перекрывались деревянными настилами. Исследованы небольшие курганы с грунтовыми могилами и одиночными скорченными погребениями. У ног покойного стояло от 8 до 20 сосудов; в двух найдены листовидные кинжалы, в одной – 56 кремневых и обсидиановых наконечников стрел. Почти во всех могилах оказались по несколько туш крупного и мелкого рогатого скота, расписная посуда кармирбердского стиля. Позднее были произведены раскопки трех грунтовых погребений на могильнике около с. Золакар, южнее оз. Севан (раскопки А.Р. Израелян). К периоду средней бронзы относится могила 4, где около женского скелета стояли приземистый горшок, глубокая расписная миска, а также чернолощенный горшочек с зигзагообразным пунктирным орнаментом. На миске широкий фриз, состоящий из вписанных друг в друга прямых углов, прерывається символическими фигурами, напоминающими стилизованную птицу с распростертыми крыльями.

Таким образом, Севанский бассейн, бесспорно, входил в территорию распространения КБК. Западные присеванские районы являлись ее восточной окраиной; керамика КБК восточнее этих районов, за исключением одной находки в Хачбулаге, пока не была встречена.

КБК была распространена и в Северо-Западной Армении – в исторической области Ширак. Полевые исследования здесь носили систематический характер и принесли значительные результаты как в плане объема материала, так и постановки общих проблем (Хачатрян Т.С., 1975. С. 89). Доста-

точно сказать, что только в районе Арича, помимо поселения, было открыто около 85 захоронений периода средней бронзы, характеризующих фактически все его этапы.

Аричское поселение, основанное в III тысячелетии до н.э., занимало огромный террасообразный скальный выступ, опоясанный ущельями. Террасы обнесены циклопическими стенами; на ряде участков стены были двойными. В начале II тысячелетия до н.э., судя по заложенным шурфам, границы поселения не претерпели особых изменений. Несмотря на то, что шурфовка не дала четкой стратиграфии, а результаты раскопок этого горного поселения до сих пор не опубликованы, здесь зафиксировано традиционное для КБК сосуществование расписной, чернолощенной и грубой “кухонной” посуды.

Могильник (площадь 3 га) располагался возле поселения. Для него характерны небольшие каменно-земляные либо каменные насыпи; под насыпями – кромлехи. Большая часть могил выдолблена в грунте, некоторые же высечены в туфовой скале. Преобладают прямоугольные могилы, встречаются также овальные и с закругленными углами. Просторные могилы (3 × 2 м) перекрыты крупными туфовыми плитами. Погребения, как правило, индивидуальные, скорченные, на боку, с произвольной ориентировкой; в трех случаях встретились парные захоронения. Среди серии однотипных могил КБК своей конструкцией выделяется могила 31, где под насыпью находились четыре горизонтальные туфовые плиты, опиравшиеся на вертикальные плиты; это был вход в могильную камеру (2,10 × 0,70 × 2,30 м). На полу камеры лежали крупные туфовые блоки – очевидно, части перекрытия. Инвентарь располагался также необычно: если во всех могилах сосуды стояли вдоль стенок, то здесь они были сконцентрированы у входа; в камере же находился только скелет.

Конструктивные особенности аричских могил существенно дополняют материалы из погребений могильника в с. Кети, в том же Шираке (Петросян Л.А., 1976; 1989). Могильник функционировал не одно тысячелетие, чем и следует объяснить его большие размеры. В рассматриваемую эпоху здесь, как и в Ариче, преобладали курганы с каменно-земляной насыпью, а под ними – кромлехи (табл. 36); в грунтовых могилах, перекрытых плитой, обнаружены все те же одиночные скорченные захоронения. Убранство могил скромное – несколько сосудов (в том числе и расписных) с остатками мясной пищи, изредка оружие, орудия труда, кости либо туши баранов, которые здесь почитались. В одном случае головы человека и барана были украшены одинаковыми нитками бус.

Внутренняя хронология Аричского могильника из-за отсутствия соседних поселений с четкой стратиграфией основывается на типологии керамики. Самыми древними здесь являются могилы 4–6, 8, 50, в которых преобладают “кухонные”

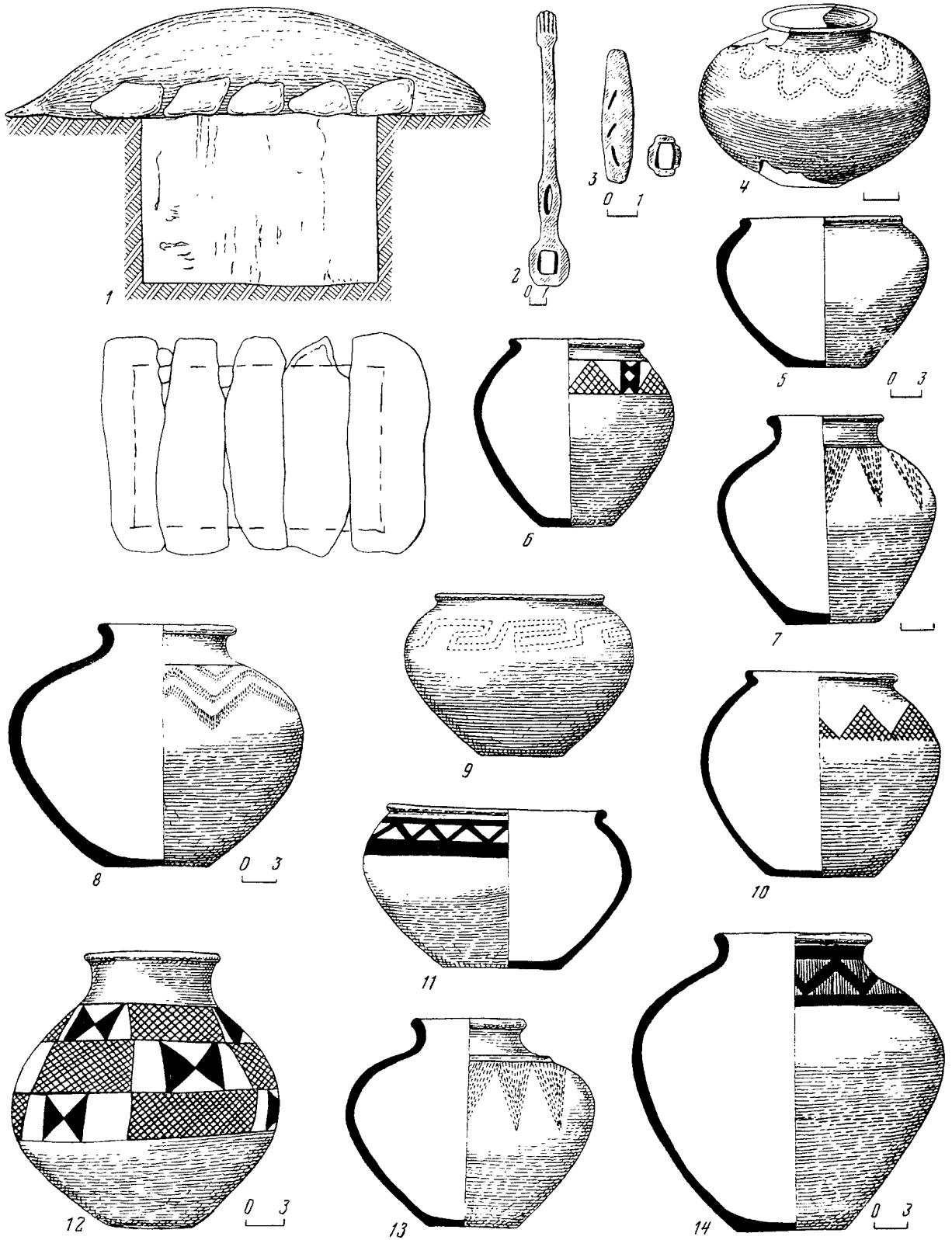

Таблица 36. Могильник Кети. Материалы из погребения 18. Составитель К.Х. Кушнарёва (по материалам Л.А. Петросяна)

1 – план и разрез погребения; 2 – костяной предмет;
3 – сердоликовая бусина; 4–14 – чернолощенные и расписные
сосуды

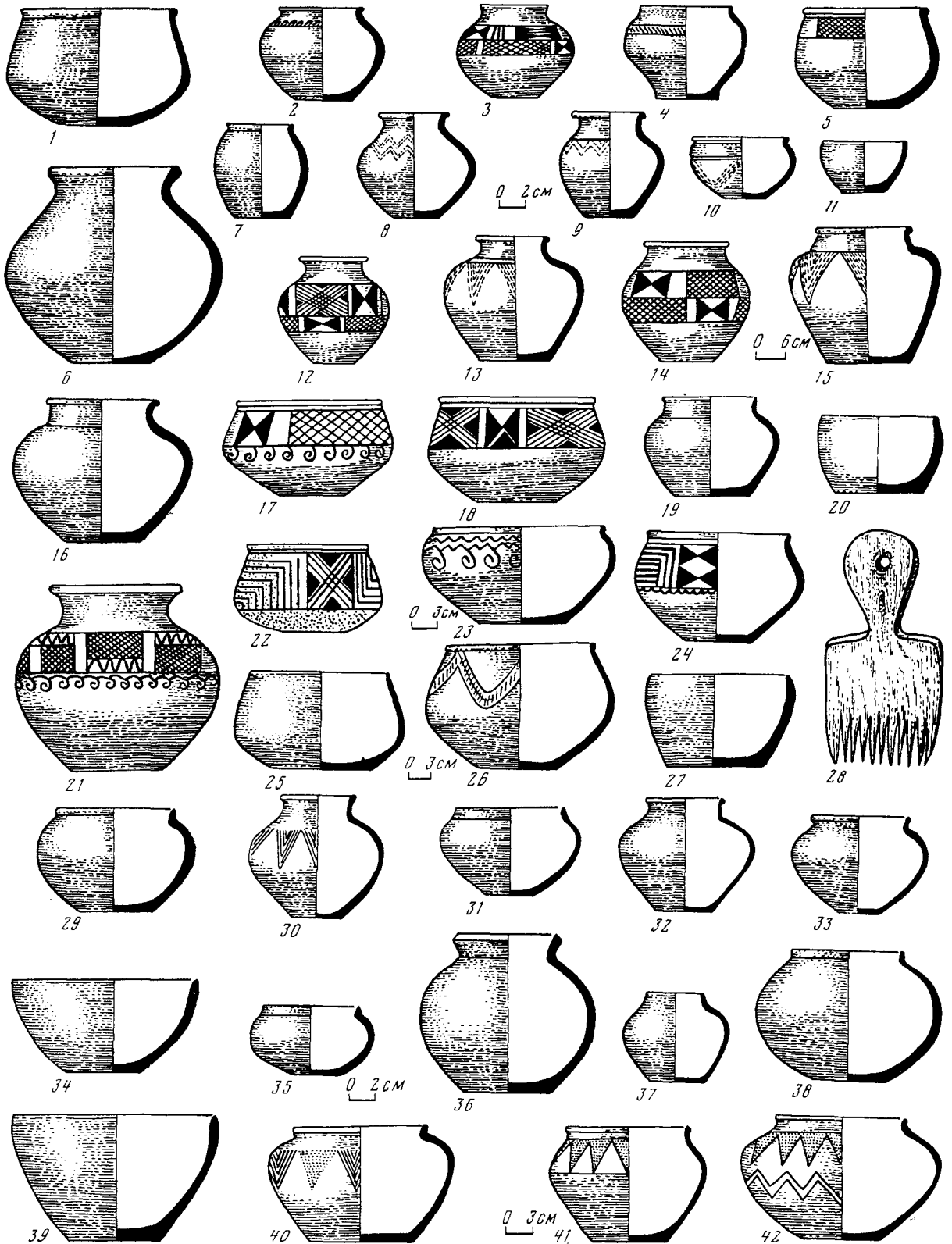

Таблица 37. Материалы из погребений могильника Арич. Составитель К.Х. Кушнарева (по материалам Т.С. Хачатряна)

1, 4, 6 – погребение 7; 2, 3, 7, 10, 11 – погребение 108; 5, 8, 9, 12 – погребение 29; 13, 15 – погребение 66; 16, 19, 20, 24, 27, 28 – погребение 104; 17 – погребение 102; 18, 22, 25 –

погребение 31; 21, 26 – погребение 14; 23 – погребение 12; 29, 30, 40–42 – погребение 9; 31 – погребение 6; 32 – погребение 8; 35, 36 – погребение 5; 33, 34, 37–39 – погребение 63

горшки и миски (табл. 37, 31, 32, 35, 36). С ними сочетается чернолощенная посуда, орнаментированная небрежным резным рисунком; последняя несет на себе следы гончарного производства периода ранней бронзы, что вместе с отсутствием расписных образцов и металла, появляющихся несколько позднее, позволяет считать их наиболее древними в ряду памятников среднебронзового периода Северо-Западной Армении.

Следующая по времени группа, состоящая из 11 погребений в Ариче (№ 7, 12, 14, 15, 20, 29, 31, 102, 104, 108) и одного в Кети, включает в себя, помимо двух названных типов керамики, расписную посуду кармирбердского стиля, встречающуюся, правда, в незначительном количестве (табл. 36, 6, 12; 37). Так, в могиле 29 на два расписных сосуда приходилось шесть чернолощенных, в могиле 108 на один расписной – восемь чернолощенных и “кухонных”. Лишь в могиле 104, помимо сосудов, оказался костяной гребнеобразный предмет – инструмент для прибавания утка на примитивном ткацком станке (табл. 37). Можно предполагать, что здесь была похоронена женщина.

Несмотря на конструктивную близость этих могил и их инвентаря, нюансы в керамике позволяют выделить в них две хронологические группы. Во всех могилах встречены упомянутые три типа посуды. Хронологическим индикатором здесь являются чернолощенные сосуды; в некоторых могилах были гладкими либо украшенными врезным орнаментом, при этом первые имели более архаичные формы, тяготеющие к керамике ранней бронзы; в других чернолощенная посуда украшена точечным орнаментом, нанесенным “шагающим” штампом. На некоторых сосудах появляется легкий поддон, что вообще характерно для более позднего этапа керамического производства. Таким образом, появление штампованного орнамента, сменяющего резной, характерный для последней фазы куроаракской культуры, позволяет первую аричскую группу считать более ранней, а вторую – более поздней. Наличие же в обеих группах идентичной расписной посуды, бытовавшей относительно короткий промежуток времени, указывает на их небольшую временную разницу.

Такие же изменения в характере декора были подмечены на сосудах поселения Узерлик-тепе в Мильской степи (Кушнарева К.Х., 1965. Рис. 31). В сумме эти данные как будто дают ключ к хронологическому уточнению взаимосвязи отдельных комплексов южной зоны. Так, скажем, совмещение на одних и тех же уровнях расписной кармирбердской посуды с чернолощенной, украшенной резьбой, на таких поселениях, как Гарни и Мецамор, позволяет отнести последние к ранней фазе КБК; тем же периодом, очевидно, следует датировать те погребения из могильников Золакар, Грампа и др., в которых наблюдается такое же сочетание.

Рассматривая в целом гончарное производство

носителей КБК, следует отметить его значительный прогресс по сравнению с предшествующей эпохой. Оно характеризуется появлением и распространением расписной керамики, которая придает своеобразие всей материальной культуре; роспись имеет строгие каноны, что позволяет говорить о сложившемся художественном стиле. Внедряется гончарный круг. Сосуществующая с расписной традиционная с эпохи ранней бронзы чернолощенная посуда совершенствует свою технологию, формы и приемы орнаментации. На раннем этапе она украшается резным декором, нанесенным от руки, что придает небрежный, асимметричный характер орнаментальному узору; здесь еще отсутствует предварительная разметка поверхности циркулем. Позднее входит в употребление “шагающий” гребенчатый штамп, с помощью которого наносились более сложные точечные узоры.

Металлические изделия изготавливаются в ограниченном ассортименте (архаичные кинжальные клинки, булавки с пирамидальной и спиральной головками). Особенно примитивным выглядит клинок из эларского погребения 29, изготовленный еще из характерной для металлопроизводства III тысячелетия до н.э. мышьяковистой бронзы (табл. 37, 19). Вместе с тем к концу III тысячелетия до н.э. относится самый ранний на территории Кавказа клад металлических орудий (Мартirosян А.А., Мнацаканян А.О., 1973), расположенный в сердце Араратской долины, где в этот период бытовала КБК. Следовательно, уровень металлопроизводства в этот период был уже достаточно высоким.

Сегодня погребения КБК характеризуются следующими признаками: 1) каменно-земляная насыпь; 2) кромлех; 3) могила прямоугольной формы, вырытая в грунте или в скальной породе и перекрытая плитами; 4) засыпка могилы землей; 5) ориентировка могил север–юг; 6) одиночные захоронения в скорченном положении – женщины на левом боку, мужчины – на правом; 7) положение в могилу туш либо отдельных частей животных; 8) расписные сосуды (горшки, кувшины, миски), сделанные частично на гончарном круге и украшенные широкими орнаментальными фризами; элементы орнамента: “свисающая спираль”, “треугольник”, “двойная секира”, “лабиринт”, “равнокрылый крест”, “песочные часы”, “сетчатое поле”, “шахматное поле” (Симонян А.Е., 1984б. С. 193); 9) чернолощенная посуда (горшки, кувшины, миски), украшенная врезным, либо штампованным гребенчатым орнаментом; 10) наличие (в редких случаях) украшений и изделий из металла; 11) совершенные обряды тризны. Для поселений характерно наличие циклопических укреплений (Кармир Берд, Лчашен). Определяющим признаком КБК является посуда, расписанная широкими орнаментальными фризами.

Проблемы генезиса и хронологии КБК поднимались в литературе неоднократно (Куфтин Б.А., 1941. С. 6; Пиотровский Б.Б., 1949. С. 43; Кушна-

рева К.Х. 1960; Мартиросян А.А., 1964. С. 42; Ханзадян Э.В., 1969. С. 117; Хачатрян Т.С., 1975. С. 107), но для их решения не хватает еще многих звеньев. Если ранний этап ТК прослеживается по курганам, восходящим к III тысячелетию до н.э., то в границах КБК такие памятники известны еще очень слабо. Однако на то, что они существовали, указывают некоторые материалы и косвенные свидетельства. Среди последних следует отметить одно обстоятельство: в комплексах КБК, считающихся сегодня наиболее ранними среди памятников средней бронзы Армении, встречены уже достаточно совершенные формы керамической (особенно расписной) продукции, говорящие о существовании нового (но вместе с тем уже сформировавшегося) художественного стиля. Именно этот момент и создает впечатление внезапности появления культуры в целом.

Особого внимания заслуживает вопрос о причинах появления самой росписи на сосудах. Сам принцип красочного украшения сосудов известен на Кавказе по крайней мере с V–IV тысячелетий до н.э. (Кюльтепе, Аликемектепеси, Техут, Гинчи), когда местные гончары пытались подражать халфским и обеидским образцам (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 11–13). В конце IV – начале III тысячелетия до н.э. на смену светлоглиняной посуде приходит чернолощенная, которая украшается росписью лишь в редчайших случаях (Озни, Квацхела, Шенгавит; Джапаридзе О.М., 1961). Логично думать, что едва теплившаяся в Закавказье традиция расписывать сосуды красками, носившая застойный характер в течение трех тысячелетий, не могла стимулировать столь внезапный и бурный расцвет подобного художественного производства. Расписные сосуды здесь появились, бесспорно, в результате усилившихся контактов с переднеазиатским миром, где роспись различных стилей и направлений господствовала не одно тысячелетие. Б.А. Куфтин вообще считал, что посуда кармирбердского типа представляет “совершенно своеобразную фацию расписной керамики Передней Азии, развившуюся в области контакта южномесопотамских и западных течений” (Куфтин Б.А., 1940. С. 7). Действительно, ряд орнаментальных мотивов на закавказских образцах перекликается с росписью сосудов Элама, Ирана и Месопотамии (Сузы, Тепе-Гавра и др.). Еще более близкие параллели дают сосуды Малой Азии (Алишар, Кюльтепе, Кесария), на которых постоянно встречаются волюты, сетки, прямоугольники, ромбы и др. Центром распространения расписной посуды в Малой Азии Ч. Барней считает область Малатьи, происхождение же ее объясняет проникновением в Восточную Анатолию западноанатолийского влияния (Vigneu С., 1958. Р. 169). Носители КБК обитавшие в южной зоне Закавказья, находились в постоянных контактах с соседними странами. Высказано предположение и о вероятной инфильтрации сюда этнических групп из Малой Азии (Симонян А.Е.,

1984б). Во всяком случае, картина передвижений в Передней и Малой Азии в конце III – первой половине II тысячелетия до н.э. допускает такую ситуацию (Дьяконов И.М., 1968. С. 7–45; История Древнего Востока, 1979. Гл. X–XI, XV, XIX).

Вместе с тем имеются все основания полагать, что в становлении КБК бесспорную роль сыграли и местные куро-аракские традиции. В этом плане заслуживает особого внимания керамический комплекс переходного от ранней к средней бронзе характера, найденный в погребении у с. Арагац и датирующийся последней третью III тысячелетия до н.э.* Здесь, в “каменном ящике” находились четыре скелета и 12 сосудов: миниатюрные биконические горшочки, горшочки с тонким черепком и ангобированной поверхностью, одноручные кувшины с биконическим туловом и высокой шейкой, чаши и кружечка с маленькой полусферной ручкой (Мартиросян А.А., 1964. С. 42). Расписной посуды в могиле не было. Необычность сосудов сводится к сохранившимся от куро-аракской культуры традиционным элементом моделировки и орнаментации, которые позднее получили развитие в расписной керамике КБК. Их сочетание характеризует определенный тип местного гончарного производства, когда при сохранении признаков куро-аракской посуды (чернолощенная поверхность на розовой “подкладке”, высокие шейки одноручных кувшинов, строение бортиков и узких донцов мелких сосудов, наличие ложных ручек) возникает ряд новых особенностей (почти полное исчезновение полусферных ручек и замена их дугообразными, изменение контура корпуса, упрощение резной орнаментации). Чернолощеную посуду КБК роднит с куро-аракской также принцип задымления поверхности с последующим ее лощением. Прием украшения куро-аракских сосудов лентой, состоящей из геометрических элементов, позднее мы находим на посуде КБК, хотя здесь он трансформируется в широкие фризы, охватывающие целиком весь корпус. Повторяются и другие мотивы – косые сетки, вписанные друг в друга углы, ряды треугольников. Таким образом, при детальном сопоставлении гончарной продукции последовательных культур впечатление о внезапности появления КБК несколько рассеивается.

Вопрос датировки КБК связан с большой и сложной проблемой хронологии кавказских культур периода бронзы в целом, все еще находящейся в стадии дискуссии. Радиоуглеродные даты комплексов средней бронзы Южного Закавказья пока отсутствуют. Учитывая приведенные некоторые точки сближения керамики двух последовательных культур, а также перекрывание на ряде поселений Араратской долины слоев с куро-аракской посудой слоями с расписной керамикой КБК, можно

* В 1981 г. на том же могильнике Р.М. Торосьяном было открыто еще несколько аналогичных погребений. Однако эти материалы пока не опубликованы.

утверждать, что эти два керамических комплекса хронологически смыкаются. Как было сказано, на поселениях Айгеван и Джраовит зафиксировано их совмещение на одних и тех же уровнях (Ханзаян Э.В., 1975. С. 478; Есаян С.А., 1981). Представляется бесспорным, что куро-аракская культура явилась основой для блока родственных культур Закавказья среднебронзового периода, в том числе ТК и КБК. Однако сложность датировки их нижних границ упирается в отсутствие у исследователей единой точки зрения по поводу верхней границы куро-аракской культуры.

Для хронологии памятников КБК большое значение будет иметь открытие в южной зоне переходных комплексов типа Арагац. Так называемые ранние курганы на территории Грузии, датирующиеся тем же временем, документируют самый ранний этап ТК. Имеются сведения, что подобные погребения известны и на территории Армении (Ноемберян). На их существование вне территории Грузии указывает необычный сосуд и ювелирные изделия из курганных погребений на р. Хаченагет в Карабахе (Кушнарева К.Х., 1954. Рис. 1), проявляющие удивительное сходство с инвентарем из богатых курганов Цнори. Еще недавно нижняя граница КБК большинством исследователей определялась XX–XIX вв. до н.э. Однако в последнее время на основании стратиграфического совмещения в одном слое в Айгеване и Джраовите расписной кармирбердской и чернолощеной куро-аракской посуды нижнюю границу КБК следует опустить до XXIII–XXI вв. до н.э. (Есаян С.А., 1981; Симонян А.Е., 1984б). Во всяком случае комплексы типа Арагац и Хаченагет, синхронизирующиеся с памятниками бедено-алазанской культуры, должны датироваться именно этим периодом.

Верхний же хронологический рубеж КБК определяется следующими наблюдениями. Среди множества “чистых” погребений КБК встречено несколько комплексов, где кармирбердские сосуды найдены вместе с более поздней посудой севано-

узерликской группы памятников, отличающейся стилем росписи. Это курган I Кармир Берда, курганы 9, 12, 22, 23 Верин Навера и горизонты некоторых поселений (Айгеван, Мецамор, Гарни). По-видимому, это был короткий период, когда на фоне массового производства кармирбердской посуды начала выпускаться и севано-узерликская керамика. Таким образом, скорее всего это наиболее поздние кармирбердские погребения, фиксирующие верхний хронологический рубеж КБК. В погребении 23 Верин Навера обнаружен чернолощеной сосуд, совершенно идентичный сосуду из поселения Узерликтепе, являющегося эталонным памятником севано-узерликского круга. Здесь также находилось ожерелье из фаянсовых, стеклянных, агатовых бус и морских моллюсков. Аналогичные бусы обнаружены в кургане 27 Кармир Берда и в шести типично кармирбердских захоронениях Верин Навера. При сопоставлении состава ожерелья с продукцией одной из ювелирных мастерских Южной Месопотамии, работавшей в Ларсе (Agnaud D., Gavlet J., Huot J., 1979. Fig. 14–44), была установлена их полная идентичность и высказано предположение, что эти ювелирные изделия были импортированы отсюда в Закавказье (Симонян А.Е., 1984а). Наиболее благоприятным отрезком времени для этого следует считать период расцвета старовавилонского царства и ассирийского государства (XIX–XVIII вв. до н.э.), когда торговля стала предметом особой заботы государства и ею занимались специальные торговые агенты – тамкары (История Древнего Востока, 1979. С. 123–129, 131–134, 141–143). Позднее, в период упадка старовавилонского царства вероятность интенсивных торговых связей менее реальна. Исходя из этого, можно предположить, что вторая половина XVIII в. до н.э. – последний рубеж для возможного проникновения южномесопотамского импорта в Закавказье. Таким образом, время поздних “пограничных” погребений КБК, в которых уже встречаются сосуды севано-узерликского облика, вероятно, падает на XIX–XVIII вв. до н.э.*

*В последнее время в связи с новыми открытиями предложена иная датировка памятников с сосудами кармирбердского облика (Арешян Г.Е. и др., 1990). Однако мы не имеем возможности привести систему ее обоснования в настоящей работе.

Севано-узерликская группа памятников

На фоне большого и разрозненного материала среднебронзового периода Закавказья выделяется группа памятников (поселения, могильники), ведущим элементом которых является посуда, расписанная в ином, нежели кармирбердская, декоративном стиле. Она имеет все ту же красно-черную цветовую гамму, однако вместо широких орнаментальных фризов с метопами из “двойных секир”, “шахматных полей”, “песочных часов”, волют и спиралей, окаймляющих эти фризы, здесь появляются другие элементы – горизонтальные пояса и свисающие гирлянды косо расположенных, заштрихованных ромбов и параллельных волнистых линий. С ней сосуществуют “кухонная” посуда и чернолощенная керамика, украшенная штампованным орнаментом, нанесенным “шагающей гребенкой”. Если разница в декорировке кармирбердской и описанной выше расписной керамики подмечается сразу, то в отношении чернолощенной посуды столь категоричных суждений не существует; ее сопоставительный анализ пока не проводился.

В свое время памятники с упомянутой расписной посудой А.А. Мартиросьяном были объединены в так называемую севано-узерликскую группу (Мартиросян А.А., 1964. С. 56). Позднее, опираясь на большой объем источников, мы предложили их трактовать как показатель бытовавшей некогда культуры, родственной кармирбердской (Кушнарева К.Х., 1983; 1985). Основанием для такой рабочей гипотезы послужила редкая взаимовстречаемость расписных сосудов двух разных стилей в одних и тех же комплексах. Создавалось впечатление, что одна культура сменила другую.

Гипотеза о двух культурах с самого начала не вызывала полной уверенности: мы не исключали тогда, что разница двух материальных комплексов может отражать также этапы развития в рамках одной культуры. При этом была сделана оговорка о том, что для решения этой проблемы необходимо получение новых материалов (Кушнарева К.Х., 1983. Примеч.), которые, кстати, начали накапливаться уже в самое последнее время*. Оставляя

* Публикация ряда новых комплексов и исследований значительно продвигает проблему осмысления культурно-хронологических взаимоотношений памятников среднебронзового века в междуречье Аракса и Куры (Арешян Г.Е. и др., 1990; Симонян А.Е., 1990). Указанными авторами начата большая и серьезная работа по типологическому анализу и синхронизации комплексов периода средней бронзы Закавказья, которая при успешном продолжении может завершиться обоснованием их новой периодизации. Однако мы не имеем возможности подключения этих публикаций в настоящую рукопись.

дискуссионным вопрос о реальном существовании севано-узерликской культуры, перейдем к характеристике конкретных памятников, наделенных определенной спецификой. За ними мы сохраняем все то же наименование (севано-узерликская группа), указывающее на их топографическую привязанность.

Памятники с охарактеризованной керамикой встречаются по всей территории распространения КБК и простираются дальше на восток, охватывая Мильскую степь и прилегающие к ней с юга предгорья (Кушнарева К.Х., 1983. Рис. 3). Среди известных комплексов преобладают погребения; большая их часть выявлена случайно и не имеет точной документации. Систематический характер носили работы на могильнике Арич (Ширак) и на поселении Узерликтепе (Мильская степь). На перечисленных материалах и строится в основном наше представление о характере этих памятников.

Исследованное в Мильской степи поселение Узерликтепе и сегодня остается единственным бытовым памятником, на котором осуществлялись систематические раскопки (Кушнарева К.Х., 1957; 1959а; 1965). Его стратиграфическая колонка дает опору для установления относительной хронологии нестратифицированных комплексов со сходными материалами. Раскопки предоставили также разносторонний материал по истории хозяйства и строительного дела. Таким образом, памятник этот для изучаемого периода является эталонным.

Холм, на котором расположено поселение, имеет диаметр около 200 м, высоту 10 м (табл. 38, 1). Раскоп на восточном склоне выявил культурный слой толщиной 3 м (в центре холма отложения были значительно мощнее). Деление слоя на три горизонта сделано на основе четко установленных строительных периодов. Археологический материал из этих горизонтов воспринимается как единое целое, хотя отдельные его элементы прослеживаются в динамике.

Первоначальное поселение (толщина слоя 0,8 м) обосновалось на невысоком холме и носило незащищенный характер (табл. 38, 2). Его отличает обилие ям различного назначения – околоочажные зольные ямы, ямы-погребца, зернохранилища, мусорные ямы. Самые крупные, с соломой на дне служили в качестве зимников для ягнят, что соответствует способу их содержания в Мильской степи в холодную пору и в настоящее время. В этом же слое выявлены остатки дома на столбах со стенами из тростника или прутьев, обмазанных глиной; перекрытие состояло из деревянных плах;

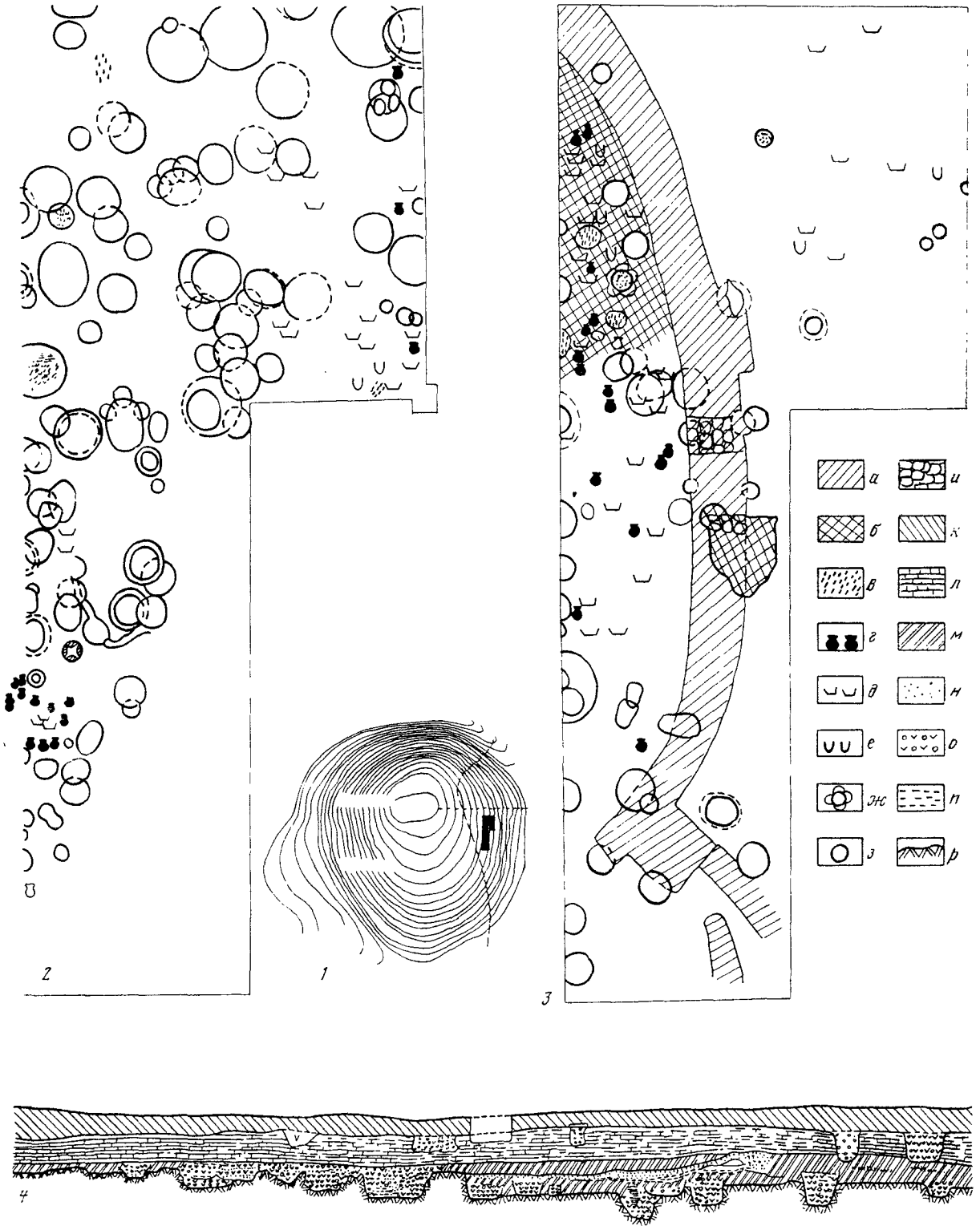

Таблица 38. Поселение Узерликтепе. Составитель К.Х. Кушарева

a, л – стены из сырцовых камней; *б* – скопление зерна; *в* – очажное пятно; *г* – керамическая посуда; *д* – зерноотерки; *е* – каменные ступы; *ж* – очаг с глиняной обмазкой; *з* – ямы; *и* – камни; *й* – перекопанный верхний слой; *к* – плотный глинистый слой; *л* – зола и зольные прослойки; *м* – скопление

мусора; *н* – основной культурный слой; *о* – материк; *1* – общий план и положение раскопа в 1956 г.; *2* – общий план раскопа (нижний слой); *3* – общий план раскопа (средний и верхний слой); *4* – разрез по западному фасаду оборонительной стены

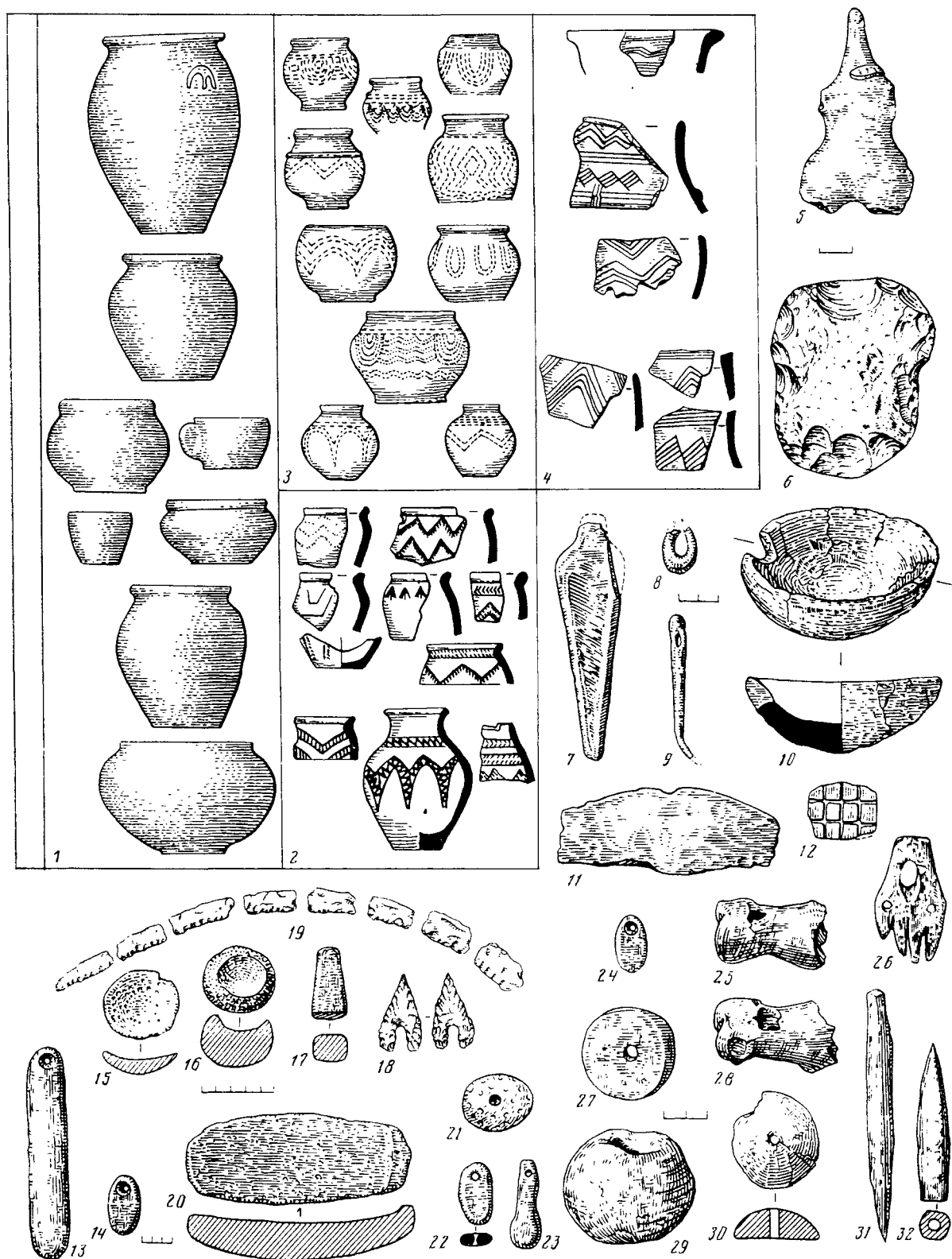

Таблица 39. Материалы из поселения Узерликтепе. Составитель К.Х. Кушнарера

1 – кухонная посуда и сосуды-хранилища (I–III слои); 2 – чернолощенная посуда (I слой); 3 – чернолощенная посуда (II–III слои); 4 – расписная посуда (III слой); 5 – женская глиняная

статуэтка; 6 – каменная мотыга (Расултепеси); 7–9, 11 – изделия из бронзы; 10 – глиняный тигель; 12, 25, 26, 28–32 – изделия из кости; 13–24, 27, 29 – изделия из камня

глинобитный гол был покрыт камышовой циновкой, на полу стояли сосуды. В развале очага обнаружены куски глиняной переносной печи, на высоких вертикальных стенках которой, судя по этнографическим параллелям, выпекались лепешки. В очаге – глиняный тиглик с застывшими каплями металла, который вместе с куском шлака документирует бронзолитейное дело в самый ранний период жизни поселения (табл. 39, 16); около очага – галечные песты, терочки, каменные крышки для сосудов. Помещение нами названо “домом литейщика”.

Среди находок древнего слоя преобладала керамика двух групп: “кухонная” посуда (I) – округлые и яйцеобразные грубые закопченные горшки, миски и чашечки (табл. 39, 1); столовая посуда (II) – небольшие глубокие горшки и широкогорлые миски с округлым туловом и отогнутым венчиком, сформированные из тонкой, хорошо отмученной глины и имеющие черно- или буролощеную поверхность; они украшены резным орнаментом – поясками или лентами, заполненными короткой штриховкой или “елочкой”, меандром, пучками линий, аркообразными фигурами, нанесенными небрежно, на глаз, без предварительной разметки (табл. 39, 2).

Средний полутораметровый слой с большим количеством очагов из камней, очажных пятен и хозяйственных ям насыщен материалами значительно больше. Здесь открыта мощная оборонительная стена из сырцовых кирпичей, которая, судя по кривизне ее расчищенного участка (длина 35 м), огибала центральную часть холма и имела, по-видимому, несколько входов; один из них – восточный, фланкируемый контрфорсами открыт нами во время раскопок. Толщина стены 3 м, высота сохранившейся части 1 м. Основные находки и остатки домов зафиксированы с внутренней ее стороны. В этот период поселение дважды подвергалось пожарам (мощные угольные прослойки). Открыты остатки все тех же домов на столбах с глинобитными полами и деревянными перекрытиями. На полу одного из них находился крупный сосуд с зерном, глиняная крышка, чернолощенные сосуды, ступка, зернотерка, вкладыши серпов, навершие булавы, бронзовый кинжал (табл. 39, 7, 19, 29). Здесь же была куча горелого зерна, хранившегося, очевидно, в мешке.

По мере разрушения жилищ и нарастания культурного слоя оборонительная стена потеряла свое значение и была снивелирована; жизнь сосредоточилась на более высоком горизонте, в результате чего образовался верхний слой, характеризующий последний этап жизни поселения. Несмотря на его плохую сохранность, здесь выявлены остатки глинобитных полов, на которых находились предметы быта; в очаге одного жилища найдены горелое зерно, глиняная лепешка, имитирующая хлебец, женская статуэтка (табл. 39, 5).

Керамика среднего и верхнего слоев восприни-

мается как единый комплекс. “Кухонная” посуда (I) не видоизменяется. Совершенствуется чернолощенная керамика: появляются симметричные крупные сосуды; особенно изящными становятся миниатюрные горшочки, иногда снабженные каблучковым поддоном и давленым горизонтальным пояском под венчиком, что намечалось на сосудах древнего слоя; улучшается качество чернения и лощения; на смену резному орнаменту приходит штампованный, нанесенный “шагающей гребенкой”; орнамент приобретает симметричный рисунок и наносится после предварительной разметки, очевидно, с помощью циркуля; к старым орнаментальным схемам (аркообразные фигуры, горизонтальные пояса) прибавляются новые – вписанные друг в друга овалы, вертикально спускающиеся зигзагообразные линии (табл. 39, 3). Таким образом, посуда II группы на протяжении жизни поселения эволюционирует, что, очевидно, связано с растущей специализацией керамистов. С этим прогрессом следует связывать появление в верхних слоях “парадной” красноангобированной расписной посуды (III группа), представленной крупными “гидриями”. Роспись их – комбинация прямых и волнообразных косозаштрихованных ромбов (табл. 39, 4); в некоторых случаях в качестве фона используется краска кремового цвета. Подсчеты керамики двух верхних слоев дали следующие результаты по группам: I – 61%, II – 37%, III – 2%.

Здесь же обнаружено множество вкладышей серпов, терочников, ступок, пестов, зернотерок, наверший булав, оселков, точильных камней, костяных предметов (табл. 39, 12–32). Крупные размеры зернотерок указывают на их большую пропускную способность, что в совокупности с находками зерна и ямами-зернохранилищами говорит о значительном удельном весе земледелия в хозяйстве. Интересен костяной гребень для прибивания утка на примитивном ткацком станке, аналогичный найденному в Ариче (табл. 39, 26). Многочисленные осколки обсидиана свидетельствуют о производстве орудий на поселении.

Предметы хозяйственного обихода и “кухонная” посуда на протяжении жизни поселения остаются стабильными. Эволюционирует только керамика II группы. Чернолощенная посуда нижнего слоя имеет ряд архаичных черт (миниатюрность, темная лощеная поверхность, резной орнамент в виде заштрихованных поясов и “ломаных” лент), связывающих ее с традициями куро-аракской культуры. Одновременно она сближается с сосудами переходного типа (Арагац) и с посудой КБК (Арич, Агджакала–Грамп, Золакар, Гарни). Ее аналогиями служат сосуды из случайных находок в Армении (Эчмиадзин, Элар, Артик, Нор Баязет, Гарни, Джарджарис, Басаргичар); тем самым последние получают свою атрибуцию. С верхними слоями Узерликтепе, судя по керамике, синхронизируются культурные отложения на неисследованных многослойных поселениях той же Мильской степи –

Геютепе, Расултепе, Наргизтепе, Кюльтепе, Хантепе, Узунтепе (Иессен А.А., 1965а. С. 18) и бассейнов рек Гуручай и Кенделенчай (Алиев В.Г., Исмаилов Г.С., 1969. С. 48).

Иной облик носит другой памятник этого периода – комплекс Лори Берд, находящийся в высоких предгорьях Северной Армении, недалеко от Степанавана. Здесь, на возвышенных берегах р. Мисхан, располагался обширный могильник и огромное поселение с монументальными каменными постройками (Деведжян С.Г., 1981). Поселение было укреплено циклопическими стенами, толщина которых в некоторых местах достигала 7 м. Оборонительные стены построены в несколько рядов и спускались к реке, закрывая доступ в ущелье. Время сооружения этого монументального комплекса будет уточнено по мере его исследования; бесспорно, он создавался на протяжении многих столетий. Раскопки здесь произведены небольшие. На исследованном участке раннее жилое строение (1) сооружено в эпоху средней бронзы. Это громадное помещение в форме неправильного прямоугольника, разделенное перегородками на четыре комнаты, стены сложены циклопической кладкой и имели контрфорсы. К помещению примыкала забутованная камнем площадка (Деведжян С.Г., 1981. Рис. 1, 2). Одна из комнат площадью около 40 м имела вид неправильного прямоугольника; пол вымощен галечником. Среди находок преобладала чернолощенная керамика с орнаментом, нанесенным “шагающей гребенкой”, аналогичная посуде Узерликтепе, Лчашена, Арича и др. Здесь также найдены зернотерки, ступки, вкладыши серпов, скребки, лопатка, обсидиановый наконечник стрелы, шило (Деведжян С.Г., 1981. Табл. I). Этот традиционный набор бытового инвентаря характеризует жителей поселения как земледельцев, скотоводов и охотников.

Общий облик лорибердского комплекса, являющегося циклопической крепостью, резко контрастирует с поселением Узерликтепе, Лори Берд – это огромный монументальный ансамбль, построенный в камне на резко пересеченной местности. Узерликтепе – степное поселение с сырцовыми и деревянными постройками. Особенности каждого из них определены естественным рельефом и местными ресурсами строительного материала. Вместе с тем оба поселения имеют оборонительные стены, свидетельствующие о близкой социально-экономической ситуации.

Концентрация памятников с керамикой севано-узерликского облика наблюдается на юге Азербайджана, в присеванских районах, в Араратской долине, на северо-западе Армении. Промежуточное положение между памятниками Мильской степи и присеванских районов занимают грунтовые погребения Хачбулагского могильника с известной по поселению Узерликтепе чернолощенной посудой, украшенной штампованным сложнофигурным орнаментом (Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С.,

1969). Помимо посуды здесь обнаружены бронзовые височные кольца, штыкообразное оружие, серебряные украшения.

В районах, прилегающих к оз. Севан, погребения с расписной и чернолощенной посудой рассматриваемого типа встречены неоднократно (Лчашен, Золакар и др.).

Лчашенский курган б находился среди погребений курганного могильника; здесь, под небольшой каменной насыпью обнаружена просторная прямоугольная грунтовая яма (табл. 40, 1–7). В двух углах лежало по бычьему черепу и паре конечностей. В могиле оказалось 15 больших и малых сосудов трех групп (расписные, чернолощенные, “кухонные”), известных по находкам на Узерликтепе. Необычен черный двуручный биконический сосуд (“килик”) с орнаментом в виде горизонтальных и волнистых лощеных линий; это самый ранний в серии южнокавказских сосудов, указывающих на непосредственные контакты с малоазийской культурой (Арешян Г.Е., 1973).

В одном из золакарских погребений обнаружены две расписные “гидрии”, кинжальный клинок, браслет, а также миниатюрная мисочка, расписанная полукружьями (табл. 40, 16, 17, 20, 21, 26); аналогичный орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, широко бытовал на посуде верхних слоев Узерликтепе. Это позволяет синхронизировать с первым золакарским погребением другую, случайно открытую рядом могилу, где вместе с тремя такими же мисками была четвертая, расписная, а также располагались чаши с резным орнаментом и приземистый горшок, украшенный свисающими треугольниками, покрытыми пунктирным штампом (табл. 40, 22, 23).

Из Севанского района, кроме того, известны случайно найденные расписные сосуды (Камо, Карчахпюр) и грунтовые погребения с чернолощенной посудой, украшенной “шагающей гребенкой” (Севан-ГЭС, Камо; табл. 40, 8, 11, 13–15, 19, 25). На одном из сосудов рядом с вписанными друг в друга полукружьями расположены завитки, напоминающие спирали на расписной посуде КБК (табл. 40, 12; Мнацаканян А.О., 1965. Табл. 3–7). Керамика из Севан-ГЭС и Камо украшена широкими, штампованными, зигзагообразными поясами из инкрустированных белой массой точечных углублений. Аналогичные миски и горшки с точечным орнаментом в виде волнистых линий, “проявленных” белой краской, найдены в Дилижане и Джуджеване (Есаян С.А., 1976. Рис. 85, 1–4). Таким образом, следы белой инкрустации, которой подчеркивались сложнофигурные точечные узоры, впервые появляются на сосудах перечисленных памятников. Особенно характерен такой способ украшения сосудов в бассейне Севана. Замечен он и на узерликской посуде.

Выявленные в Севанском бассейне и Мильской степи бытовые и погребальные памятники, керамика которых несет на себе ряд инноваций (новые

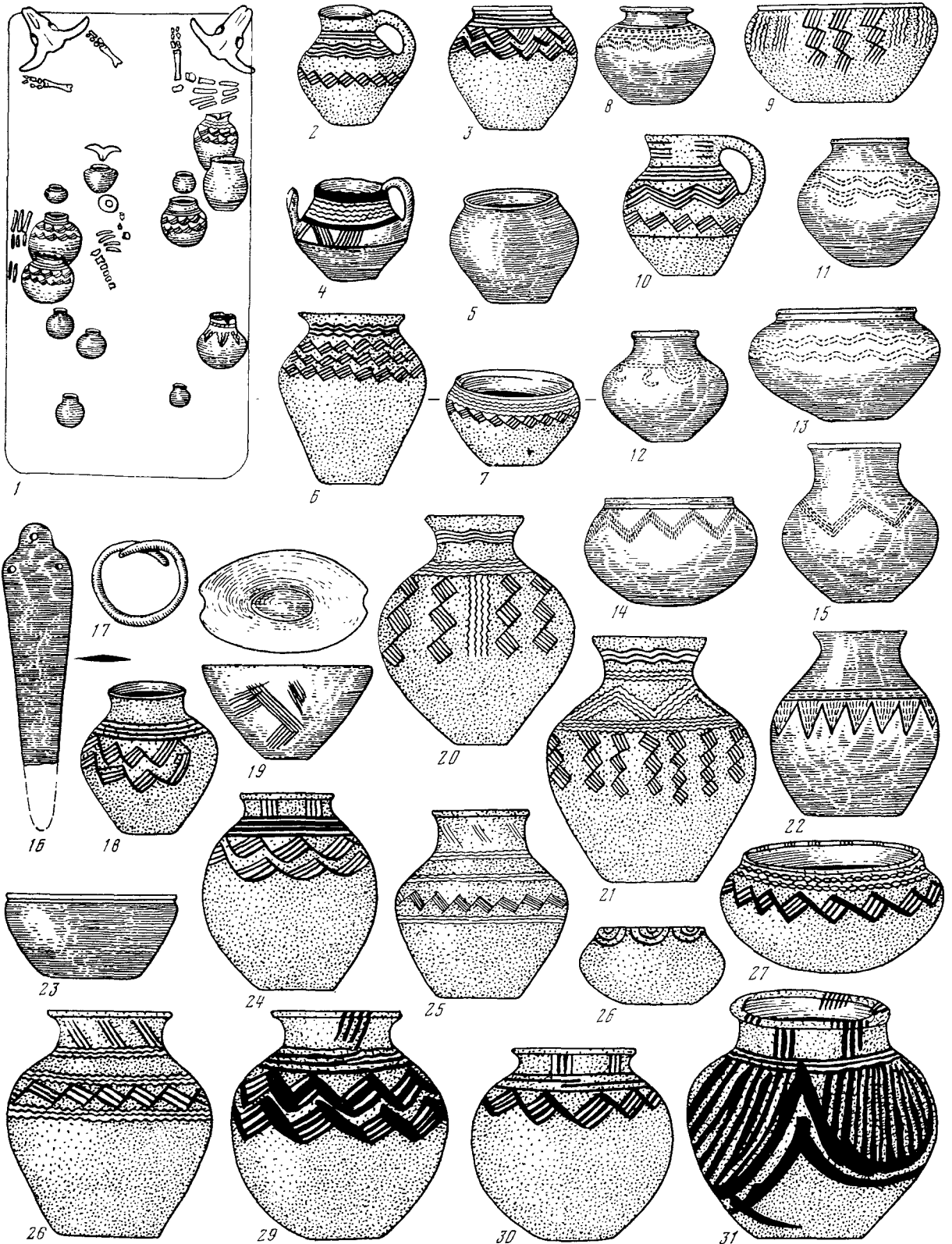

Таблица 40. Материалы из могильников на территории Армении. Составитель К.Х. Кушнарера

1-7 - Лчашен, погребение 7; 8, 11-13 - Севан-ГЭС; 9 - Ахлатян;
10 - Карч Ахпюр; 14, 15, 19, 25 - Камо; 16, 17, 20, 21,

26 - Золакар; 18 - Мецамор; 22, 23 - Золакар, погребение 2;
24 - Ахталап; 27-31 - Гарни

мотивы росписи, точечный орнамент с белой инкрустацией, мотив арочных лент и др.), говорит об их культурно-хронологическом единстве.

К изучению этой группы памятников должны быть также привлечены материалы предгорного поселения и могильника Гарни; поселение было обширным, так как находки сделаны в разных частях Гарнийской крепости; на двух участках они перекрывали слой куро-аракской культуры. К поселению примыкал могильник. В одной из грунтовых могил оказалось 13 сосудов, представленных традиционными типами (расписные, темнолощенные, "кухонные"); два горшка и миска были расписаны ромбами, третий имел уникальную раскраску в виде свисающих на три четверти сосуда окружностей, заштрихованных параллельными линиями (табл. 40, 31; Ханзадян Э.В., 1969. Табл. III, I и III). В другой могиле оказались чернолощенные горшки с цилиндрической шейкой, миски и горшки с зигзагообразным точечным орнаментом и маленькая красноангобированная чашечка с вписанными друг в друга полукружьями (Ханзадян Э.В., 1969. Табл. XXV), такая же, как в Золакаре. К сожалению, подавляющая часть этих разрозненных случайных находок, указывает лишь на пункты распространения памятников рассматриваемого типа в районах, прилегающих к Араратской долине. Здесь бесспорную перспективу дают раскопки могильника Верин Навер, где наряду с кармирбердской посудой встречается и севано-узерликская (табл. 33).

Картину эволюции последней дали памятники Северо-Западной Армении. В погребениях упоминавшегося Аричского могильника обнаружены традиционные "кухонные" и чернолощенные сосуды с точечными узорами, затертыми белой пастой. Расписная посуда отсутствует, зато в некоторых могилах найдены разнообразные металлические предметы, значительно расширяющие наши представления о характере металлопроизводства и культуры в целом. Одиночные захоронения совершались в подкурганых грунтовых либо туфовых могилах, перекрытых плитами. Установлена их внутренняя хронология (Хачатрян Т.С., 1975. С. 109). Самым ранним погребением (50, 93, 111 и др.) свойственно сочетание чернолощенной и "кухонной" посуды (табл. 41, 11, 17, 19, 23). Первая представлена горшками и глубокими мисками; точечный орнамент образует волнообразные пояса, зигзаги и свисающие дуги, как бы повторяющие в новой технике элементы кармирбердской росписи и "усиленные" белой инкрустацией. Эта керамика синхронизируется с посудой из комплексов Севан-ГЭС, Дилижана, Камо и среднего слоя Узерликтепе. Правда, в Ариче не встречен мотив арочных лент, столь характерных для узерликской керамики. Следующая по времени группа погребений представлена скромными могилами 65, 67, 78 (табл. 41, 4-6, 8, 9, 13, 15). Исключение составляет богатое захоронение 44 (табл. 41, 3, 14, 16, 18, 22),

имеющее некоторые конструктивные и обрядовые особенности (большая курганная насыпь, деревянное перекрытие могилы, отсутствие скелета, наличие угольков и золы, возможно связанных с обрядом "очищения" могилы). Для этой группы характерны уже предметы из металла. Сосуды более пропорциональны, нежели ранние, соблюдаются соотношения размеров дна, тулова, шейки и венчика; однако по-прежнему сохраняются низкая шейка и отогнутый венчик. Наряду с поясами волнистых линий и зигзагов возникают меандры, свастические фигуры и треугольные шевроны, выведенные все тем же "шагающим" штампом. На отдельных сосудах впервые появляются треугольники, нанесенные уже способом лощения, что характерно для более поздних периодов. Наконец, в могиле 65 обнаружен чернолощенный "килик" (табл. 41, 13), близкий найденному в лчашенском кургане 6. Оба сосуда следует считать наиболее ранними в серии закавказских "киликов" средней бронзы, тяготеющих к малоазийским формам (Арешян Г.Е., 1973).

В последние годы в северо-западной Армении осуществляются раскопки около с. Ширакаван (Анийский р-н). Здесь на вершине и склонах естественных возвышенностей исследуется многослойное поселение. В слое периода средней бронзы открыто помещение с хозяйственными ямами, очагом, большим количеством орудий труда (песты, зернотерки, ступки, вкладыши серпов, долото, отжимники и др.). Здесь же находились типичные расписные и чернолощенные сосуды.

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз отметить, что состояние археологической базы позволяет сегодня выделить эту группу памятников только на основе самого массового материала — керамики. Вместе с тем именно этот ведущий признак придает особое своеобразие рассмотренному кругу находок. Сохраняя некоторые традиционные кармирбердские черты, керамика приобретает более совершенные формы и новые мотивы орнаментации. Наряду с широкогорлыми округлыми горшками впервые появляются "гидрии" — наиболее распространенный вид керамики кироваканотриалетского этапа; однако в севано-узерликских комплексах они имеют сравнительно низкое горло и отогнутый венчик. Сложный фриз кармирбердского стиля на расписных сосудах заменяется более простыми украшениями в виде зигзагов, волнистых линий, перемежающихся с поясами ромбов. На чернолощенных горшках и мисках появляются мотивы вписанных друг в друга полукружий "бегающей спирали", волнистых линий и арочных лент, которые наносятся гребенчатым штампом; последний преобладает над резьбой и иногда инкрустируется белой краской. Без изменений остается лишь "кухонная" посуда.

В отличие от бедных металлом погребений КБК севано-узерликские комплексы дали некоторые типы бронзовых изделий. Кинжалы, браسلحة

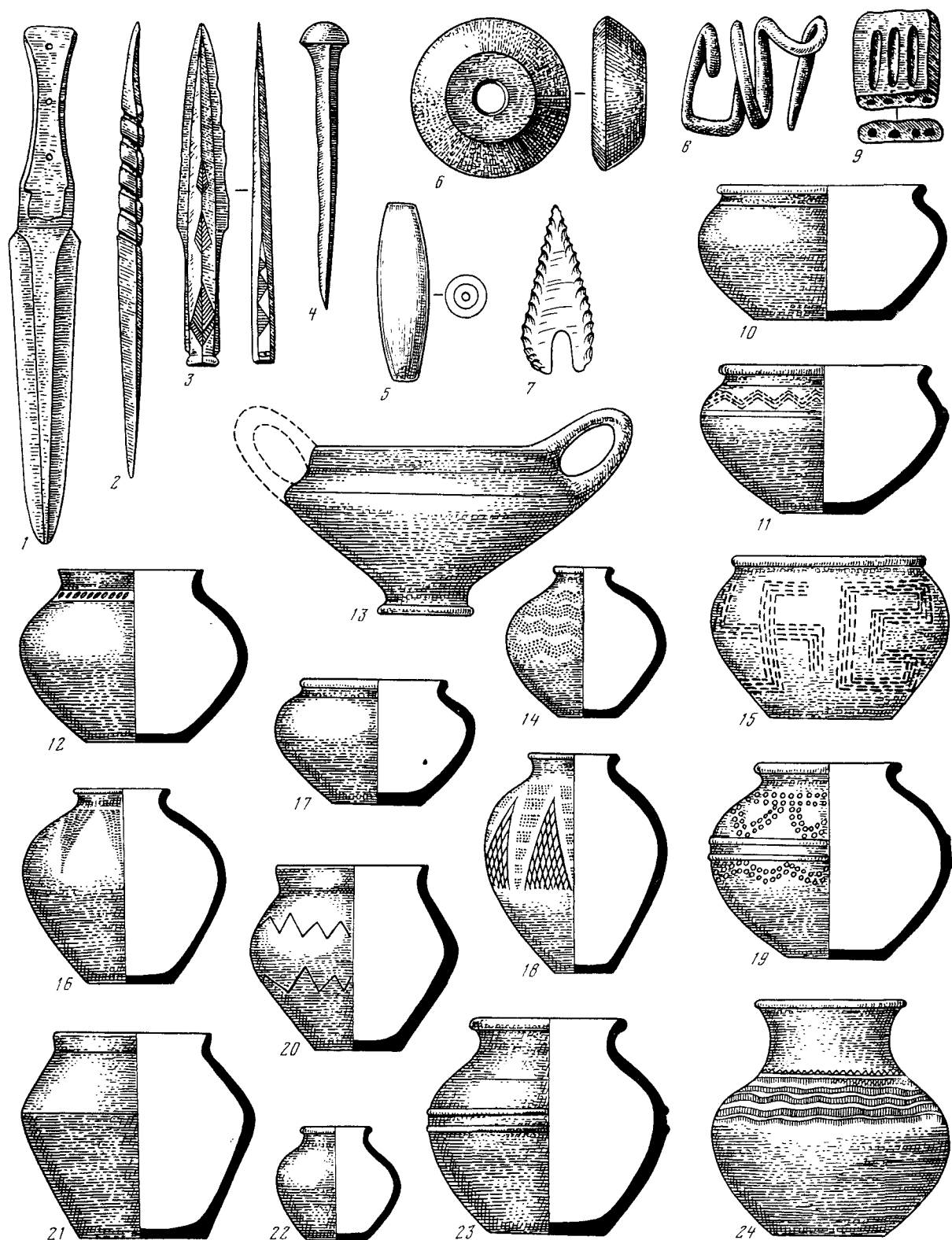

Таблица 41. Материалы из погребений могильника Арич. Составитель К.Х. Кушнарера

1, 2, 7 – погребение 78; 3, 14, 16, 18, 22 – погребение 44; 4–6, 8, 9, 13, 15 – погребение 65; 10, 12, 20, 21, 24 – погребение 93;

11, 17, 19, 23 – погребение 111; 1–4, 8, 9 – бронзовые изделия; 5 – сердоликовая бусина; 7 – обсидиановый наконечник стрелы

ты, иглы и колечки из Узерликтепе и Золакара имеют традиционные формы III тысячелетия до н.э. Однако узерликские изделия изготовлены уже из оловянистой бронзы, тогда как все предметы эпохи ранней бронзы отливались из медно-мышьяковистой. Заметное количество металлических предметов (втульчатое копье, кинжал с рамочной рукоятью, долото, булавки, бусы-разъединители, височные завитки) появляется в погребениях поздней группы Арича (табл. 41, 1–4, 8, 9). Известные в Закавказье ранние экземпляры втульчатых копий (Кировакана, Триалети, Месхети, Нули, Азнабурд) находят параллели в памятниках средиземноморского круга, где они часто сочетаются с кинжалами с рамочной рукоятью. Аричское копье дополнительно украшено “елочкой” и имеет в нижней части втулки пазы для закрепления древка; оно, как и копья из Триалети и Кировакана, носит парадный характер. Кавказские кинжалы с рамочной рукоятью имеют переднеазиатское происхождение (Погребова М.Н., 1977. Карта 3). Их импортирование в Закавказье началось с конца XVII в. до н.э. Бронзовое долото вместе с долотом из Кировакана восходят к орудиям беденской культуры (Марткопи, Шулавери). В металле выполнены и некоторые аричские украшения. Бронзовые завитки копируют образцы, известные по ранним триалетским курганам; последние имеют прототипы в шумерских образцах. Булавка принадлежит также к числу архаичных изделий, получивших в дальнейшем широкое распространение в Передней Азии и на Кавказе; она сходна с булавами Кизыл Ванка и Азнабурта. В Кизыл Ванке найден также разъединитель бус, принадлежащий скорее всего к предметам хурритского происхождения. Вместе с хурритскими печатями, начиная с XVIII в. до н.э., подобные разъединители распространяются по всей Передней Азии. Таким образом, в период бытования севано-узерликской группы памятников на Южном Кавказе наблюдается прогресс металлопроизводства, которое через несколько столетий превращается в мощную отрасль ремесла. На новшества в его технологии, выразившиеся, в частности, в освоении оловянистых сплавов, указывают остатки литейного дела (тигель, шлаки) и бронзовые предметы из поселения Узерликтепе. Наряду с местными формами в Закавказье бытовали изделия, завезенные с юга (кинжалы с рамочной рукоятью, разъединители бус).

В итоге для рассмотренных памятников характерны следующие признаки*: 1) курганная насыпь; 2) грунтовая могила, либо могила, вырытая в туфе; 3) одиночные захоронения; 4) положение в могилу отдельных частей убитых животных; 5) красноангобированная посуда, расписанная поясами, свиса-

ющими гирляндами ромбов и параллельными волнистыми линиями; 6) чернолощенная посуда, украшенная различными орнаментальными схемами (зигзаги, вписанные друг в друга полукружья, арочные ленты и др.) , нанесенными “шагающим” штампом; 7) металлические изделия (втульчатые копья, долота, кинжалы, браслеты, булавки, иглы, височные кольца); 8) поселения с оборонительными стенами (циклопическими в предгорных и горных районах, сырцовыми – в степных); 9) жилища с каменными стенами (в предгорных и горных районах); 10) жилища на деревянных столбах со стенами из плетенки, обмазанной глиной; 11) постройки из сырцового кирпича (в степных районах); 12) переносные глиняные печи эллипсоидной формы с высокими стенками (в степных районах). Однако определяющим признаком является расписная керамика определенного стиля (пояса волнистых линий и косозаштрихованных ромбов).

Не менее сложными являются проблемы генезиса и хронологии севано-узерликской группы памятников. Сегодня они могут быть лишь поставлены. Бесспорно, они близки памятникам КБК; и те и другие сформировались на общем фундаменте куро-аракской культуры и вобрали в себя ряд инноваций с Юга и Севера. Как уже было сказано, их в первую очередь сближает наличие монохромной, хотя и разностильной расписной посуды. Для КБК, помимо сосудов с характерными элементами росписи, уже выявлен ряд сопутствующих ей признаков, повторяющихся в серии известных комплексов; это стало возможным в результате систематических раскопок прежде всего могильника Верин Навер. Для севано-узерликских памятников, исследованных хуже, таковые пока только слабо намечаются. Если по мере их выявления они совпадут с признаками КБК, то комплексы севано-узерликского облика надо будет рассматривать как характеризующие последний этап ее развития, на котором изменился лишь стиль росписи гончарных изделий. Если же эти признаки окажутся своеобразными и отличными от признаков КБК, то поставленный вопрос о существовании севано-узерликской культуры получит обоснование. Для этого нужно расширять источниковедческую базу. В любом случае этот этап (или культура) тесно связан с предшествующей КБК.

Как уже отмечалось, в большинстве кармирбердских и севано-узерликских комплексов посуда двух разных стилей встречается раздельно. И все же в ряде случаев она оказалась совмещенной. Этот факт в какой-то мере проливает свет на взаимосвязь названных двух групп памятников. Напомним, что сосуществование в одних и тех же комплексах разностильной посуды документируют среднебронзовые слои поселений Айгеван, Мецамор, Муханнаттапа (Есаян С.А., 1981; Ханзадян Э.В., 1973. Табл. III, V), а также единичные погребения Кармир Берда и Верин Навера (табл. 32, 33; Кушнарева К.Х., 1960. Рис. 2–5, 8, 12; Арешян Г.Е., Си-

* Перечисленные признаки, за исключением керамики, выявлены лишь на отдельных памятниках, поэтому они пока не могут считаться ведущими для всех севано-узерликских комплексов.

монян А.Е. и др., 1979. Табл. II, III; Симонян А.Е., 1990). Таким образом, подавляющая часть комплексов, фиксирующих смену керамики двух стилей происходит из Араратской долины. Если эти наблюдения подтверждаются новыми фактами, можно будет ставить вопрос о первом появлении расписной посуды севано-узерликского стиля в Араратской долине и о дальнейшем ее распространении отсюда на восток и северо-запад. Представляется, что на завершающем этапе КБК начинает изготавливаться расписная посуда нового стиля; какой-то отрезок времени керамика обоих стилей сосуществует, а затем последняя полностью вытесняет первую. Данное предположение, как нам кажется, подтверждается и типологическим и технологическим анализом этих групп; севано-узерликская посуда более совершенна, ее формы более закончены – приземистые горшки постепенно вытягиваются, размеры сосудов увеличиваются, а в некоторых случаях они оформляются в “гидрии”, столь характерные для позднего этапа “цветущей поры” ТК. Таким образом, севано-узерликская группа как будто заполняет отсутствовавшее промежуточное звено между КБК и поздним этапом ТК. Однако это пока лишь рабочее предположение, требующее подкрепления новыми материалами.

Севано-узерликская расписная керамика в большинстве известных комплексов представлена в чистом виде. Следовательно, определенный отрезок времени кавказские гончары изготавливали только эту посуду. Лишь в единичных комплексах она зафиксирована вместе с красноглиняными мисками, расписанными и характеризующими вместе с крупными расписными “гидриями” последний этап ТК. Такое совмещение имело место в одной из исследованных могил Золакара (табл. 40, 26). Можно предполагать, что данный комплекс фиксирует верхний хронологический рубеж этих памятников,

когда они кратковременно сосуществовали с комплексами ТК.

Не менее сложно обстоит дело с их датировкой. Самый древний горизонт Узерликтипе характеризуется отсутствием расписной посуды; его частично можно синхронизировать с финалом КБК (XIX–XVIII вв. до н.э.). Исходя из средней скорости нарастания культурного слоя в условиях сырцовой архитектуры, можно считать, что он образовался в течение столетия. Единственную дату (3300 ± 260 лет, т.е. 1340 ± 26 лет до н.э.; Кушнарева К.Х., 1965. С. 99), полученную методом C_{14} на основании анализа угля из среднего слоя, нельзя назвать твердой, ибо, являясь одним из первых определений возраста лабораторией ЛОИА АН СССР, она отличается большой величиной статистической ошибки. Таким образом, установление продолжительности бытования севано-узерликской расписной посуды должно базироваться на аргументах археологического порядка. Напомним, что она появилась лишь в среднем слое поселения Узерликтипе и просуществовала до конца его жизни. Учитывая те же расчеты, следует предположить, что верхняя, большая толща поселения образовалась примерно в течение полутора-двух столетий. Напомним, что наиболее поздние комплексы КБК, в которых уже начинает встречаться севано-узерликская посуда, датируются на основании месопотамских ювелирных изделий временем не позднее XVIII в. до н.э. (Симонян А.Е., 1984а). Этот же рубеж фиксирует начало бытования севано-узерликских памятников. Если промежуточное положение этих комплексов в системе закавказских культур среднебронзового периода (КБК и ТК) мы подметили правильно, то время их существования приходится примерно на XVIII–XVII вв. до н.э. При этом мы допускаем возможность незначительных смещений в сторону их удревнения или омоложения.

Глава 8

Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызылванкской) культуры

Территория Восточного Закавказья археологически изучена значительно хуже, нежели остальные части региона. Это в полной мере относится к памятникам периода средней бронзы. Известные сегодня комплексы этого периода концентрируются преимущественно в районах предгорий Малого Кавказа, в частности на территории Нахичеванского края. Восточное Закавказье частично входило в границы распространения севано-узерликских и позднетриалетских памятников. К первым принадлежит такой ключевой памятник, как Узерликтепе, ряд соседних поселений (Геойтепе, Расултепе, Бабаларытепе и др.), ко вторым – погребения в Азнабюрте, Зурнабаде, материалы в Кюльтепе I, II и случайные находки в окрестностях Нахичевани. В Зурнабаде, в частности, находились типичные для позднего этапа ТК “гидрии”, расписанные традиционным сюжетом – “схема воды” и водоплавающие птицы.

На территории Нахичеванского края зафиксированы памятники с расписной керамикой еще одного (четвертого) стиля, которая в других районах Закавказья почти не встречается. Комплексы с подобной керамикой обнаружены также на смежной территории Северо-Западного Ирана, что позволяет предположительно говорить о бытовании в этих районах единой археологической культуры. По месту первого обнаружения керамики четвертого стиля в могильнике у армянского монастыря Кармир Ванк (местное наименование Кызыл Ванк) эту культуру условно можно называть кармированкской или кызылванкской (далее – КВК). Она представлена не только могильниками, но и поселениями; однако последние на территории Нахичевани исследовались недостаточно. Судя по подъемному материалу, жизнь на некоторых из них продолжалась с периода ранней бронзы. Известные поселения делятся на две группы: поселения открытого типа и с оборонительными сооружениями*. Среди первых изучены только Кюльтепе I и Кызыл Ванк.

Многослойное поселение Кюльтепе I существовало на протяжении нескольких тысячелетий, в результате чего образовался культурный слой толщиной в 22 м (Абибуллаев О.А., 1959а, б; 1963; 1982); поселение сильно разрушено. Толщина отложений среднебронзового периода (слой III) колеблется от 2 до 3 м. В небольшом раскопе открыты остатки прямоугольных домов с сырцовыми стенами и каменными полами. Среди находок “кухонные” и расписные сосуды, зернотерки, обсидиановые ножи и вкладыши серпов, бронзовые подел-

ки. III слой делится на три горизонта; в нижнем расписная керамика отсутствует; во втором встречается посуда с монохромной росписью, в третьем – с полихромной.

Поселение Кызыл Ванк расположено на левом берегу р. Аракс, недалеко от известного могильника и занимает площадь около 2 га (Алиев В.Г., 1983. С. 10). На небольшом участке выявлена двухметровая толща культурного слоя с остатками прямоугольных построек из неотесанного камня и сырцового кирпича, глиняные очаги, зернотерки, вкладыши серпов, поделки из обсидиана, кости мелкого рогатого скота. Самый массовый материал – керамика (крупные сосуды, чаши, “чайники”, вазы, “кухонные” горшки) изготовлена вручную. Расписная посуда разрисована черной, красной и коричневой красками по светлому ангобу; орнамент – прямые и волнистые линии, треугольники, круги. Сосуды идентичны находкам в соседнем могильнике того же названия.

Поселение Шортапа занимает небольшой холм (Алекперов А.К., 1937). Толщина культурного слоя более 3 м. Шурфовка показала, что это многослойный памятник. Здесь обнаружены строительные остатки, каменные и костяные орудия. В нижнем горизонте найдена расписная посуда. Рядом с поселением располагается могильник.

Поселение Кюльтепе II – укрепленное (Алиев В.Г., 1972; 1977; Ахундов Д.А., Алиев В.Г., 1977. Рис. 1, 2). Это многослойный оплывший холм площадью 10 га, высотой 11 м. Раскопки производились небольшими участками в разных частях поселения. Слой периода средней бронзы имеет толщину 4–4,5 м и делится на четыре строительных горизонта. Поселение обнесено каменной стеной, сооруженной на рубеже III–II тысячелетий до н.э.; верхняя ее часть сложена из сырцового кирпича; высота стен достигала 10 м. Внутри поселения выделена цитадель площадью 3 га со сложной системой укреплений. Это была мощная пятиугольная крепость с прямоугольными башнями и фланкирующими входами контрфорсами. С северной и восточной ее сторон находился глубокий ров. Открытые внутри стен жилища имели прямоугольную форму и располагались по двум сторонам улицы, вымощенной булыжником. Кроме этого, на поселении выявлены производственные и культовые постройки, квартал ремесленников, множество каменных и металлических орудий труда, разнообразная, в том числе и полихромная посуда, идентичная посуде кызылванкского могильника. Встречены кости домашних и диких животных, зерна злаков, зернотерки, ступки, песты, вкладыши от серпов, обсидиановые

* Вследствие фрагментарных раскопок и их слабого отражения в печати мы крайне ограничены материалами для характеристики памятников.

ножи и наконечники стрел, костяные поделки.

С поселением Кюльтепе II связан уникальный производственный комплекс – древние соляные копи на территории Дзудага, расположенного в 5–6 км к западу от него (Алиев В.Г., 1983б). По-видимому, обитатели поселения занимались добычей и реализацией этого ценного продукта. В копиях обнаружена горизонтальная шахта (100 × 6,2 × 12 м), состоявшая из коридора и десяти камер. Подсчитано, что объем древних разработок приблизительно равен 5760 куб.м. Предполагается, что в древности здесь было добыто около 11 тыс. тонн соли. Датировка комплекса определяется находками внутри копей кирок, базальтовых и диорито-порфировых молотков, которые неоднократно встречались на поселениях Кюльтепе I и II и на других памятниках Азербайджана (Гуммель Я.И., 1941; Гусейнов М.М., 1956; Мунчаев Р.М., 1975. С. 63). Следы ударов этих орудий остались на стенках древней шахты. Синхронность копей с поселением подтверждают также находки в обоих памятниках однотипной расписной посуды.

На территории края в труднодоступных, естественно укрепленных местах, зафиксирован ряд древних укрепленных поселений огромных масштабов (Огланкала, Газанчи, Чалханкала и др.). Высказано предположение, что они существовали одновременно с поселением Кюльтепе II (Алиев В.Г., 1977. С. 31), однако для обоснования этого предположения необходимо проведение шурфовки названных памятников.

Архитектурные обмеры дали возможность осуществить реконструктивные эскизы, которые в дальнейшем, по мере накопления археологического материала, должны уточняться; они дают лишь общее представление о масштабах и характере крепостей (Ахундов Д.А., Алиев В.Г., 1977). В целом исследование нахичеванских крепостей является задачей будущего: предстоит уточнить правильность предложенных реконструкций, выяснить характер застройки, стратиграфию, культурную принадлежность и хронологию этих памятников. Только после этого можно будет переходить к обобщающим выводам исторического порядка.

Могильники рассматриваемой области изучены слабо. Открытый в конце XIX в. Н.В. Федоровым Кизылванкский могильник с его уникальными для кавказских древностей полихромными сосудами представлен лишь серией ярких находок (Спицын А.А., 1909). Конструкция могил осталась так и не установленной. Известно лишь, что покойники лежали в камерах, обложенных камнями. Местное население в этот период хоронило своих сородичей в “каменных ящиках” и грунтовых могилах. В отдельных случаях могилы окружались кромlechами. Такая конструкция обнаружена в могилах огромного некрополя около с. Шахтахты, к северо-востоку от крепости Гявуркала (Алекперов А.К., 1937. С. 254; Абибуллаев О.А., 1961; Бахшалиев В.Б., 1985). Длина некоторых “ящиков” доходила до

4,3 м. Почти все исследованные могилы оказались разграбленными. Лишь в одной непо потревоженной камере, где человеческий скелет вообще отсутствовал, обнаружен инвентарь. В западной части стояло 28 сероглиняных сосудов и один – с роскошной полихромной росписью, изображающей сцену звериного гона. В восточной части лежали скелет коны и бронзовая пряжка с золотой обивкой.

Гончарные изделия составляют основную массу находок, причем наиболее специфичны полихромные расписные сосуды типа Кизыл Ванк. Помимо Кизылванкского могильника, они характеризуют соседнее поселение того же названия, среднебронзовые слои Кюльтепе I и Кюльтепе II, серию погребений из могильников Шахтахты и Шортапы, коллекцию посуды, найденной в окрестностях Нахичевани (Кушнарева К.Х., 1992. Рис. 5). Посуда представлена приземистыми округлыми и биконическими горшками разных размеров с низким или слегка вытянутым горлом и отогнутым венчиком, а также глубокими мисками (табл. 42, 1–25). Большинство изготовлено вручную, покрыто красным ангобом, поверх которого на светлом фоне черной, красной и коричневой красками нанесены геометрические узоры (сетчатые и залитые краской треугольники, ромбы и прямоугольники) и отдельные сцены. Выделяются сосуды со сливом – так называемые чайники. Аналогичная керамика широко распространена в памятниках соседних районов Северо-Западного Ирана, таких, как Хафтавантепе, Геютепе и др. Вместе с закавказскими материалами керамика из поселений характеризует единый культурный комплекс. Локализация полихромной посуды в пределах Нахичеванского края, с одной стороны, и широкое ее бытование в памятниках Северо-Западного Ирана – с другой, указывают на то, что территорией распространения КВК являлись именно эти районы. По-видимому, памятники в пределах Нахичеванского края очерчивали северные ее границы.

При изучении расписной керамики Азербайджана обычно отмечалось общее сходство полихромных сосудов из памятников Нахичеванского края и Ирана, причем приводимые пункты сопоставлений (Гиссар, Сиалк и др.) территориально оторваны друг от друга. Действительно, определяющим элементом ряда культур на территории Ирана начиная с IV тысячелетия до н.э. являлась полихромная посуда, представленная здесь образцами различных стилей (Jemdet Nasr, Khabur, Skarlet, Hittit; Burton-Brown T., 1951. P. 87). Однако сосуды кизылванкского облика встречаются лишь в районах, тяготеющих к Юго-Восточному Закавказью.

Коснемся наиболее выразительных комплексов с описанной керамикой. Многослойное поселение Хафтавантепе расположено северо-западнее оз. Урмия (Burney C., 1975). Для нашей темы важен слой VI B, датируемый археологами 1900–1700 гг. до н.э.; его S14 дата – 1772 г. н.э. Два строительных периода этого слоя демонстрируют террасо-

Таблица 42. Материалы из погребений могильника Кизыл Ванк и поселения Хафтавантепе. Составитель К.Х. Кушнарера

1-25 – Кизыл Ванк; 26, 27, 30-33 – Хафтавантепе; 28, 29 – Гейотепе; 1, 4, 5, 7 – изделия из бронзы; 2-3 – изделия из камня

образную застройку прямоугольными зданиями из сырцовых кирпичей. Наиболее массовый материал – керамика (Edwards M., 1981); это большое количество кубков, не специфичных для Закавказья, округлые горшки и глубокие миски, близкие по формам кизылванкским (табл. 42, 26, 27, 30–33). Горшки, представленные девятью вариантами, особенно характерны для первого периода; они имеют различные размеры, округлое тулово, низкое горло, срезанный или отогнутый венчик; часть вылеплена от руки, другая – на круге. Миски встречаются реже. Такое же соотношение наблюдается и в посуде Кизыл Ванка. Как и кизылванкские, сосуды покрыты красным ангобом, слегка залощены. Верхняя их часть украшена сплошным “ковровым” узором, нанесенным по светлому фону красноватой, оранжевой, коричневой и черной красками; широкие фризы имеют обрамление в виде горизонтальных поясов. Встречается также бирюзовая (красная и черная) роспись. “Ковровый” рисунок на одних сосудах состоит из косозаштрихованных прямоугольных полей, перемежающихся с узкими длинными треугольниками, направленными вершинами вверх, на других – из ритмично повторяющихся, вписанных друг в друга треугольников, “шахматных полей” и косозаштрихованных зигзагообразных и треугольных фигур; изредка в рисунок вкраплены изящные фигурки птиц. Наконец, на одном обломке представлен фрагмент какой-то фантастической сцены (табл. 42, 30).

На западном берегу оз. Урмия, южнее Хафтавантепе находится многослойное поселение Геойтепе (Burton-Brown T., 1951). Его нижние слои датируются IV–III тысячелетиями до н.э. В последующем слое (Д) появляются полихромные сосуды, часть которых четко сопоставляется с керамикой типа Кизыл Ванк. Архитектурные остатки в этом слое представлены каменными фундаментами прямоугольных сырцовых построек с выстланными плитами полами. Открыта часть каменной оборонительной стены толщиной 1,6 м. На другом участке холма находился могильник, где исследованы четыре “каменные ящика”. Керамика, аналогичная найденной в слое Д, дает основание для синхронизации могил с этим слоем. Могилы сложены из крупных плит известняка; пол выложен сырцовыми кирпичами или плоскими плитами; перекрытия состояли из крупных плит, уложенных уступами. Захоронения коллективные: в могиле А, например, похоронено шесть человек. Своим устройством эти гробницы близки погребениям Кизыл Банка.

Среди керамических образцов поселения и могильника преобладает расписная посуда (миски и горшки). Роспись, как правило, покрывает верхнюю половину сосудов – на светлый ангоб наносилась роспись красной, белой и черной красками (табл. 42, 28, 29). В ранней фазе слоя Д сосуды расписывались волнистыми линиями, в поздней роспись геометризируется (ряды сомкнутых основаниями или соединенных вершинами треугольников, сетчатые и

“шахматные поля”, птицы). Остальные находки – браслеты, булавки, иглы, бусы, бронзовый кинжал. Датировка слоя Д, предложенная Т. Бартон-Брауном (начало 2400 г. до н.э.), в свете новейших данных представляется заниженной (Burton-Brown T., 1951. P. 262). Слой Д Геойтепе по материалам синхронизируется слоем VI Хасанлу, который датируется 1750–1550 гг. до н.э. (Dyson R., 1973. P. 701).

Расписная посуда рассматриваемых образцов обнаружена также в могильнике Гиян; погребения здесь были грунтовые, перекрытые каменными плитами. Керамика в основном сделана на круге и состоит из кувшинов, горшков сферической формы и триподов; кстати, триподы найдены и на территории Нахичевани (Алиев В.Г., 1977. Табл. VI, 5, 8). Полихромная роспись сосудов состоит из традиционных треугольников, “шахматных полей”, горизонтальных цепочек из ромбов. Аналогии этой керамике известны из таких памятников, как Гиян III, Джамшиди, Бадхор I, датируемых 2100–1700 гг. до н.э. (Medvedskaya I., 1982. P. 107). Наконец, полихромные сосуды кизылванкского типа найдены случайно в районах восточнее оз. Ван (Cilingizoglu A., 1984. Fig. 1–4, 9).

Итак, особенности закавказской полихромной посуды рассматриваемого круга памятников сводятся к следующему: здесь бытовали горшки сферической формы, кувшины и глубокие миски; среди последних – плоскостонные миски в форме “срезанного ореха” (табл. 42, 17, 18), “чайники”, плоские и двуручные фляги; вытянутые “гидрии” полностью отсутствуют. Преобладает лепная посуда. Крупные сосуды, как, скажем, шахтахтинский, скорее всего, сделаны на гончарном круге. Сосуды имеют красноватую ангобированную поверхность. Верхняя их половина расписана по светлому фону красной, черной, коричневой, желтой и оранжевой красками; это комбинации геометрических узоров – сетчатые поля, перемежающиеся с закрашенными и сетчатыми треугольниками, гирлянды сплюснутых прямоугольников, с такой же сеткой или “шахматным” узором. Сочетания геометрических узоров образуют широкие полихромные фризы.

Близость закавказской керамики с посудой североиранских памятников, особенно проявляется при сопоставлении с сосудами Хафтавантепе. Роспись некоторых экземпляров – прямоугольные сетчатые поля, перемежающиеся с узкими, сплошь залитыми краской треугольниками – повторяет роспись кизылванкских сосудов. Роднит эти две группы принцип расположения треугольников вершинами вверх либо друг над другом. Вместе с тем роспись сосудов Хафтавантепе более роскошна; здесь нет незаполненных пространств, рисунок имеет сплошной “ковровый” характер. Особенно широко используются “шахматные поля”, которые в кизылванкской посуде встречаются редко.

Специфическую группу составляют “чайники”. В Закавказье они обнаружены только на территории Нахичеванского края (Кармир Ванк, Нахичевань,

Шортеле, Шахтахты). Начиная с IV тысячелетия до н.э. “чайники” были распространены на всем Переднем Востоке (Медведская И.Н., 1978); встречены они и в слое Д Геойтепе. Эти сопоставления также подчеркивают тяготение памятников Юго-Восточного Закавказья к культурам Северо-Западного Ирана. Однако закавказская расписная посуда выглядит менее нарядной и парадной, нежели северо-иранская. Возможно, здесь сказались периферийное положение закавказских памятников и как следствие – проявление некоторого провинциализма.

Отдельно следует остановиться на сосудах с зооморфными мотивами и изобразительными сценами. На одном из кизылванкских сосудов – фигура птицы, изображенная в той же манере, что и на сосудах из поселений Геойтепе и Хафтавантепе (табл. 42, 23, 29, 32). На другом – между сетчатými треугольниками изображение змеи (табл. 42, 13). Интересна фаллическая сцена, замыкающая широкий полихромный фриз, на крупном кизылванкском сосуде (Спицын А.А., 1909. Рис. 48). Здесь друг против друга изображены фигуры мужчины и женщины с подчеркнутыми половыми признаками; поднятые кверху руки и согнутые в коленях ноги создают впечатление движения; сцена, скорее всего, воспроизводит ритуальный танец (табл. 42, 25).

Уникальной находкой остается крупный шаровидный сосуд из богатой могилы Шахтахты (Алекперов А.К., 1937. Цветная таблица). Его поверхность покрыта красным ангобом; на верхнюю же, большую часть нанесен светлый ангоб, поверх которого имеются три пояса росписи. Верхний – фигуры летящих птиц; средний – зооморфные сюжеты из цикла “звериный гон”, где хищники нападают на диких коз, осла, быка и зубра, здесь же летящие птицы и сидящие орлы; нижний слой заполнен геометрическим орнаментом. Сосуды с подобными изображениями имели, бесспорно, культовый характер.

Наконец, большой интерес представляют фрагменты аналогичной посуды из поселения Кюльтепе II (Алиева В.Г., 1977. Табл. IV); на них изображены человеческие фигуры, животные и летящие птицы. Часть культовой сцены сохранилась на обломке сосуда из слоя VI в Хафтавантепе. Здесь на фоне стилизованных деревьев и летящих птиц изображена упряжка из двух лошадей; ей противостоит фантастический лесной зверь с открытой клыкастой пастью; из его тела и пасти как бы вырастают деревья (табл. 42, 30). К сожалению, фрагментарность композиции не позволяет раскрыть ее символику.

Еще один уникальный сосуд происходит из третьего слоя Кюльтепе I. Это двуручная светлоангобированная плоская фляга с росписью красной и черной красками в виде шестилучевой звезды; между лучами – двуцветные птицеобразные фигурки. Композиция, бесспорно, несет смысловую нагрузку. Подобные сосуды в других местах Кавказа пока не зафиксированы. Вместе с тем сосуды-фляги бытовали на территории Ирана. Хорошо известны, в частности, расписные фляги из Луристана (Godard A.,

1931. Р. 16, XVI), восходящие, скорее всего, к флягам из обейдского слоя XVIII Тепе Гавра (Morgan J., 1927. Р. 89. Fig. 129). Таким образом, и эта нахичеванская находка тяготеет к сосудам иранского круга.

В могильнике Кизыл Ванк, помимо сосудов, найдены украшения и предметы вооружения. К сожалению, их точная привязка к комплексам неизвестна. Это обсидиановые наконечники стрел, каменные булавы, бляшки, кинжалы листовидной и подтреугольной формы, втульчатое копье, кинжал переднеазиатского типа, золотые серьги. Часть предметов (обсидиановые стрелки, булавы, кинжалы, наконечник копья) имеет сходство с изделиями южнокавказских памятников периода средней бронзы, что подтверждает их временную связь. Определяющим же признаком является полихромная посуда, находящая аналогии только в североиранских памятниках. Выявление других ведущих признаков КВК возможно лишь после осуществления систематических раскопок на территории Юго-Восточного Закавказья, а также Северо-Западного Ирана; лишь тогда можно будет поставить вопрос о генезисе КВК, ареале ее распространения. Теория смены населения, повлекшая за собой появление в Иране полихромной посуды (Burton-Brown T., 1951) требует серьезных обоснований.

При датировке КВК впредь до получения четких “привязок” и серий радиоуглеродных дат следует опираться на приведенные выше сопоставления с североиранскими поселениями, датированными временем 1900–1600 лет до н.э. Есть еще одно косвенное соображение в пользу ранней датировки памятников типа Кизыл Ванк. На фоне рассмотренных закавказских керамических комплексов периода средней бронзы кизылванкские сосуды выглядят архаичными и своим обликом (форма, широкие фризы, заполненные метопами) скорее могут быть сопоставлены с расписными сосудами кармирбердской культуры, нежели с керамикой других культур. На это отдаленное сходство в свое время обратил внимание и А.А. Мартиросян (Мартиросян А.А., 1964. С. 51). В противовес тенденции, рассматривающей эволюцию росписи от монохромной (XX–XVII вв. до н.э.) к полихромной (XVII–XIV вв. до н.э.; Алиев В.Г., 1973. С. 174; 1977. С. 123, 133), он на конкретных примерах (в рамках кармирбердской культуры) показал факт их сосуществования. Условием для их объединения в одну культурно-хронологическую группу, с точки зрения автора, должен являться единый стиль росписи независимо от того, в какой цветовой гамме она решена.

Таким образом, косвенные данные позволяют считать, что эти родственные культуры (КБК и КВК) на каком-то этапе были синхронны. Финал первой предположительно падает на XIX–XVIII вв. до н.э. Учитывая даты североиранских памятников, можно думать, что КВК бытовала в течение XIX–XVII вв. до н.э. Однако мы допускаем, что получение новых данных может привести к уточнению названных хронологических границ.

Глава 9

Хозяйство, связи, элементы общественного строя

Предпринятый обзор южнокавказских археологических культур и групп однотипных памятников наглядно демонстрирует значительные успехи кавказоведения в создании того основного фонда, на базе которого возможны различные социально-экономические реконструкции. Как видно из характеристик культур, изученные памятники за редким исключением относятся к категории могильников, отражающих быт оставившего их населения в преломленном, опосредованном виде. Поселения же на Южном Кавказе, дающие важнейшую информацию для реконструкции экономики и общественного строя населения, изучены слабо. Вследствие этого любая попытка воссоздания названных сторон жизни может быть осуществлена лишь в первом приближении. Отсутствие массового материала с поселений заставляет с особым вниманием отнестись к таким косвенным данным, как природные условия районов расположения памятников, особенности топографии поселений, традиционность мест поселений и некоторых форм хозяйства, прослеживающихся вплоть до современной этнографической деятельности.

На фоне рассмотренных южнокавказских памятников выделяется локальная группа поселений протоколхской культуры, сформировавшихся в особой экологической среде; именно она с древнейших времен определяла характер экономики местного населения. Теплый и влажный субтропический климат с большим количеством среднегодовых осадков (1000–3000 мм) способствовал сохранению здесь консервативных методов ведения хозяйства. На ряде небольших многослойных поселений хуторского типа (Анаклиа I и II, Носири, Наохваму, Намчедури и др.) открыты остатки срубных построек, напоминающих деревянные жилища терремар Северной Италии. Поселения имели незащищенный характер; окружающие их рвы имели дренажные функции и противостояли заболачиванию прилегающих земельных участков. Традиционные срубные постройки, называемые у колхов “джаргвали”, сохраняются здесь и поныне.

На земледельческий характер хозяйства указывают каменные мотыги “сочи-адлерского типа” (Носири, Мачари), восходящие к IV–III тысячелетиям до н.э. Широкое использование с начала II тысячелетия до н.э. бронзовых мотыг двух типов, свидетельствующих о дифференциации земледельческих процессов, документируют находки форм для их отливки на поселениях Анаклиа II и Пичори, а также мотыги из клада в Уреки. Будучи основным орудием земледельца, мотыга уже тогда

стала объектом почитания, что выразилось в изготовлении миниатюрных подвесок мотыгообразной формы (Сачхере, Твлепия-Цкаро).

На остальной, большей части Южного Кавказа раскопаны сотни погребений. Фактически единственным систематически изученным бытовым памятником остается поселение Узерликтепе в Мильской степи; относительно небольшие раскопки произведены также на поселениях Лори Берд, Мецамор, Айлеван, Илто, Кюльтепе I и II, Гаракептепе. Для реконструкции хозяйства в центрально-юго-восточной культурно-исторической провинции Закавказья большое значение приобретает топография поселений, часть из которых продолжала жизнь на старых, обжитых в III тысячелетии до н.э. местах. Этот факт позволяет ставить вопрос о традиционности форм хозяйства, при которых новые человеческие коллективы в течение длительного времени использовали те же земельные, пастбищные и покосные угодья. Характер же хозяйства племен – носителей предшествующей куро-аракской культуры изучен достаточно полно (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1963; 1970. С. 102; Джавахишвили А.И., 1973; Мунчаев Р.М., 1975. С. 149; и др.). В III тысячелетии до н.э. на каждом поселении осуществлялось комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, причем в различных микрорайонах оно имело свою специфику. В долинах, где земледелие невозможно без искусственного орошения, ирригационные сооружения заметно прогрессируют по сравнению с примитивными каналами и рвами V–IV тысячелетий до н.э., о чем говорят заградительные дамбы около Мохраблур (Джалалбекян Р.Л., 1974). Зерновое хозяйство разрастается: культивируются различные сорта пшеницы, ячменя, просо и лен, выращиваются абрикосы, виноград (Лисицына Г.Н., Прищипенко Л.В., 1977. С. 61). Земля обрабатывается сохой, с помощью тягловой силы (Кушнарева К.Х., 1977; Кушнарева К.Х., Лисицына Г.Н., 1979). Жатва производится каменными и более эффективными металлическими серпами. Обмолот, как и пахота, осуществляется тягловой силой. Зерно растирается в крупных зернотерках. Для выпечки хлеба служат специальные печи двухчастной формы или глиняные переносные очаги. Появляются аграрные культы, которые воплощаются в идолах, культовых очагах, очажных подставках, женских статуэтках, изображениях растений, колосьев на сосудах и др. (Чубинишвили Т.Н., 1980).

Скотоводство, основанное на разведении крупного рогатого скота, в период энеолита носило

придомный характер, что закономерно для ранних стадий производящего хозяйства. В III тысячелетии до н.э. эта традиция удерживается на поселениях долинно-степного и частично предгорного типа. Подъем производительности труда и вызванный этим рост населения, с одной стороны, и истощение близлежащих к поселениям участков – с другой, служили стимулами к расселению племен. Это приводило к более плотному заселению долин и освоению предгорий и гор под пастбища и покосы с основанием там поселений постоянного типа. На этих поселениях преобладают кости мелкого рогатого скота, что говорит о формировании со второй половины III тысячелетия до н.э. отгонной (“яйлажной”) формы скотоводства (Пиотровский Б.Б., 1954а.С. 75). Рост поголовья скота и превращение его в основное богатство выдвинули на первый план племена, расселившиеся в предгорьях и горах. Их поселения значительно разрастаются, появляются укрепления; следы пожаров на поселениях говорят о сложной внутренней обстановке и частых военных столкновениях. Такой была экономическая ситуация, когда на Южном Кавказе зарождались новые культуры периода средней бронзы.

Использование различных археологических методов исследований, а также привлечение этнографических параллелей выявляют множественность хозяйственных укладов в различных древних обществах. Для раннеземледельческих обществ особенно продуктивен трасологический метод, с помощью которого установлена, в частности, значительная вариабельность хозяйства у населения Южного Кавказа VI–III тысячелетий до н.э. (Коробкова Г.Ф., 1981. С. 18; 1987. С. 119). Почти полное отсутствие комплексного изучения поселений конца III – первой половины II тысячелетия до н.э. лишает возможности раскрыть характер конкретных хозяйственных комплексов, сложившихся в различных геоботанических зонах Кавказа (долинная, предгорная, горная и высокогорная); в каждой из них хозяйство имело свою специфику. На основании известных материалов сегодня можно говорить лишь о единичных (из многих) хозяйственных моделях, существовавших в этот период. Рассмотрим их подробнее.

Поселения этой поры в долинах и степях обосновывались либо на старых обжитых местах, либо возникали поблизости от них. Эти данные опровергают существующий взгляд о том, что к концу III тысячелетия до н.э. население из долин переселяется в предгорья и горы, а в долинах жизнь затухает. В безводной Мильской степи, например, где жизнь без искусственного орошения невозможна, зафиксирована серия поселений периода средней бронзы (Иессен А.А., 1965б, 1966а); некоторые из них обосновались на обжитых в III тысячелетии до н.э. местах. Такая же картина наблюдается в Араратской и Алазанской долинах, Нахичеванском крае.

Модель хозяйства степного типа позволяют реконструировать материалы одного из поселений

Мильской степи – Узерликтепе (Кушнарева К.Х., 1957; 1959; 1965). Трехметровые культурные отложения на склоне холма (в центре их толщина была значительно больше), постройки из дерева и сырцового кирпича, обилие строительного мусора, мощная оборонительная стена и др. говорят о длительной и непрерывной жизни поселения. Поливное земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства. Поля могли располагаться рядом и на более отдаленных участках; связь с последними осуществлялась с помощью верховых лошадей и повозок, запряженных быками. Поля обрабатывались сохой или плугом (Кушнарева К.Х., Лисицына Г.Н., 1979), дополнительное рыхление почвы проводилось мотыгами (табл. 39, б). Зерно убирали металлическими или каменными серпами (табл. 39, 19), молотили на быках с помощью молотильных досок (Есаян С.А., Шагинян А.Н., 1962. Рис. 1).

Следы земледелия на поселении видны повсюду. Это прежде всего обгорелое зерно разных видов пшеницы (*Tr. durum*, *Tr. aestivum*, *Tr. compactum*), голозерного ячменя (*Hordeum sativum*), проса (*Panicum miliacum*) и просяная мука, найденные в крупных, обмазанных глиной зерновых ямах и больших сосудах, а в одном случае – в мешке на полу жилища. Среди ячменя встречается древняя форма так называемых бутылковидных зерен (*Hordeum langunculiform* Vacht). По определению ботаника М.М. Якубцинера, почти полное отсутствие сорняков в скоплениях зерна, а также относительная однородность материала говорят о высоком уровне земледелия, при котором сорняки уничтожались на полях. Помимо злаковых встречены семена бобов (нут?), а также масляничного растения. Наконец, жители поселения разводили виноград культурного сорта *Vitis vinifera*. Значительный объем зернового хозяйства документируют многочисленные ямы-хранилища и крупные (длиной до 60 см) зернотерки. Некоторые ямы служили погребями, в которые ставились крупные сосуды для хранения продуктов. На процесс земледелия указывают также различные ступки, серпы, глиняные очаги для выпечки хлеба.

Второй ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. В различных слоях поселения обнаружены кости быка (52,3%), мелкого рогатого скота (31,4%), свиньи (11,5%), лошади (4,2%) и собаки (0,6%). Крупный рогатый скот преобладал в стаде, что особенно наглядно подтверждается статистическими данными овцеводческих хозяйств Кавказа, где соотношение крупного и мелкого рогатого скота выражается цифрами 1 : 5–10 (Хашаев Х.М., 1959. С. 53; Котович В.Г., 1961а. С. 292; 1982. С. 159). На дне одной из крупных ям со ступенчатым спуском сохранился слой перегоревшей соломы, перемешанной с обгоревшим овечьим пометом. Скорее всего, такие ямы служили зимними землянками для ягнят, что соответствует способу их содержания в Мильской степи в холодную пору и в настоящее время. Наконец, население практикова-

ло охоту, на что указывают кости джейрана и кулана, обсидиановые и костяные наконечники стрел.

На поселении занимались также различными производствами и домашними промыслами. Так, в “доме литейщика” обнаружен глиняный тигель (табл. 39, 10) и куски шлака. Об изготовлении поделок из камня свидетельствуют находки ретушера, куски стеатита, распиленного металлической пилой, незаконченные украшения, недосверленная булава, многочисленные осколки обсидиана; о плетении говорят остатки камышовой циновки. Ткачество документируют пряслица и костяная поделка в форме четырехпалой руки, которая являлась гребнем для прибавки утка на примитивном вертикальном ткацком станке (табл. 39, 26). Наконец, на переработку молочных продуктов указывает фрагмент маслобойки, а на обработку шкур животных – набор костяных и каменных орудий (иглы, проколки, скребки). В рамках домашнего производства изготовлялась, очевидно, “кухонная” посуда и тара – плохо обожженные горшки разных размеров, миски и “солонки”, сделанные из глины низкого качества (табл. 39, 1), а также грубые переносные очаги. Эта посуда, составлявшая 61% всех керамических изделий, резко контрастирует с чернолощеной и расписной, изготовленной гончарами-специалистами. Вместе с тем следы профессионального гончарного производства ни на Узерликтепе, ни на других синхронных поселениях пока не обнаружены.

Наличие земледелия и скотоводства, а также таких производств, как формовка сырцовых кирпичей, металлообработка, гончарное дело, ткачество, плетение, изготовление каменных и костяных изделий свидетельствует о модели замкнутого натурального хозяйства, обеспечивающего жителей самым необходимым. В порядке обмена на сельскохозяйственные продукты на поселение, очевидно, доставлялись отсутствовавшие поблизости металлическое сырье, дерево, камень. Расположение поселения на стыке степи и гор Карабаха, где имеются месторождения меди и обсидиана, неслучайно: пролегающие рядом пути скотоводов, ведущие на летние пастбища в горы, очевидно, давали возможность жителям поселения вступать в контакты с ними. Можно предполагать, что это поселение являлось одним из древних пунктов обмена между скотоводческой и земледельческой зонами. Наличие мощной оборонительной стены вокруг поселения свидетельствует о том, что жители поселения и сосредоточенные здесь ценности тщательно оберегались.

По-видимому, близкий тип хозяйства вели жители поселения Илто, обосновавшегося при выходе р. Илто из Иорского ущелья в Алазанскую долину (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 39). Возникшее в период ранней бронзы, это поселение продолжало существовать и в первой половине II тысячелетия до н.э. Здесь находились прямоугольные

хозяйственные помещения; рядом – многочисленные ямы-хранилища; в одних – обгоревшее зерно, в других – остатки запасов мяса. Земледелие документируют зерноотерки, вкладыши серпов, терочки, песты; скотоводство – кости домашних животных (крупный рогатый скот – 55,4%, мелкий – 13,3%, свинья – 31,3%). Найдены кости собаки, лошади, домашней птицы. Кости оленя указывают на охотничий промысел (Цицишвили А.Л., 1969. С. 76). Спецификой животноводства Илто являлось интенсивное разведение свиней. Зародившееся в эту эпоху свиноводство оказалось традиционным – по сей день в этих местах широко разводят свиней местной породы. На поселении занимались ткачеством: несколько предметов из кости являются деталями примитивного ткацкого станка. В целом, земледельческо-скотоводческий уклад Илто определялся такими благоприятными факторами, как близость реки и удобные пашенные и покосные участки.

Преобладание крупного рогатого скота в стаде прослеживается и по погребальным памятникам в горах Триалети, где есть в изобилии пастбища и покосы, необходимые для его круглогодичного содержания (Киквидзе Я.А., 1988. С. 71). Таким образом, одно из направлений скотоводческих хозяйств некоторых районов Закавказья – интенсивное разведение крупного рогатого скота.

В свое время Б.Б. Пиотровский был выдвинут тезис относительно формирования к концу III тысячелетия до н.э. в Закавказье скотоводства отгонного типа (Пиотровский Б.Б., 1949а. С. 75; 1955а). За прошедшие десятилетия этот важнейший вывод подтвердился новыми фактами. Увеличение численности населения и рост поголовья скота, а следовательно, сокращение площади производства со второй половины III тысячелетия до н.э. неизбежно приводили к интенсивному освоению предгорий и гор с целью использования под пастбище богатейшей альпийской зоны Большого и Малого Кавказа. Наиболее древние скотопрогонные пути оставались традиционными в течение тысячелетий и используются поныне (Чартолани Ш.Г., 1984. С. 104; 1989. С. 14).

В разных зонах Южного Кавказа открыты десятки древних пунктов, характеризующих различные аспекты сложного скотоводческого хозяйства. Высокогорная зона Кавказа, которую начали осваивать с середины III – начала II тысячелетия до н.э., обследована слабо. Однако и здесь уже обнаружены памятники, связанные с практикой отгонного скотоводства. Это крепости Хртамбоц (2500 м над уровнем моря) и Барцраберд (2000 м над уровнем моря) в альпийской зоне Северо-Восточной Армении (выше лесных массивов), заселявшиеся скотоводами только в летнее время (Есаян С.А., 1976. С. 35, 38). Таковы поселения в высокогорном Кельбаджарском районе (3000 м над уровнем моря; Алиев В.Г., 1976), сезонные стоянки в пещерах и под навесами типа Шау-Легет и Чинна (Любин

1966; Атаев Д.М., Кушнарева К.Х., 1966; Гаджиев М.Г., 1983. С. 38), большой каменный загон для скота в субальпийской зоне Тетри-Цкаро (Гобеджишвили Г.Ф., 1978. Табл. VIII).

Постоянными местами обитания скотоводов начиная со второй половины III тысячелетия до н.э. служили многочисленные поселения в предгорьях и горах Кавказа. Они располагались в труднодоступных местах – на мысах, окруженных ущельями, на склонах хребтов, на вершинах гор и были дополнительно укреплены циклопическими стенами. На горно-стационарное хозяйство скотоводов, при котором в стаде преобладает крупный рогатый скот, указывают также находки целых туш быков, либо их шкуры, снятые с головой и конечностями в курганных захоронениях рассматриваемого времени (Триалети, Кировакан, Кирги, Аруч и др.).

Если для ирригации степных и долинных областей строилась система заградительных дамб и водоразборных каналов, то для орошения пастбищных угодий и водопоя в горах сооружались сложные системы каналов и водоемов для сбора талого снега, питающиеся ручьями и родниковыми водами: в конечном итоге вода направлялась в долины. Самые ранние горные ирригационные системы, восходящие ко II тысячелетию до н.э., зафиксированы на склонах Гегамских гор и Арагаца. Их “сторожили” каменные статуи – вишапы, олицетворявшие грозные силы (Марр Н.Я., Смирнов Я.И., 1931; Пиотровский Б.Б., 1939).

На территории Иори-Алазанского междуречья известны и другие категории памятников, связанные со скотоводческим циклом. Это расположенные на расстоянии одного перехода друг от друга пункты для ночевки пастухов (Земо Бодбе и Цхарис Буде) по пути их следования с отарами в горы и обратно; примечательно, что они используются в тех же целях и сегодня. Остановочный пункт обнаружен около с. Греми, недалеко от дороги, ведущей к перевалу Кодори (Дедабришвили Ш.Ш., 1969. С. 69).

Таким образом, начиная со второй половины III тысячелетия до н.э. и на протяжении всей эпохи бронзы прокладывались магистральные пути скотоводов (у армян “дороги арбы”) из Араратской долины на пастбища Арагаца, из Алазанской долины по ущельям рек Илто и Арагви в высокогорья Шиды Картли, из Гардабанской степи, Марнеульской и Согланлугской долин – в Триалети, из Мильской степи – в Карабахские горы, из ущелья р. Инцоба, через перевал Кодори – в горный Дагестан и т.д. Как символ отгонного скотоводства следует рассматривать уникальную фигурку пастуха с косяком (Арич), фигурки баранов (Арич, Карнут) и собак из различных поселений Кавказа второй половины III тысячелетия до н.э. (Хачатрян Т.С., 1975; Бадалян Р.С., 1985а). Этнографическая практика показывает, что потребность в содержании пастухов и собак диктуется наличием крупного стада (на 500–600 голов рогатого скота приходится

обычно один-два пастуха и пять-шесть собак) и необходимостью его выпаса вдали от селений. Пастух в скотоводческом хозяйстве – важная фигура, от него зависит благополучие стада. Отношение к пастуху нашло яркое преломление в сказках многих кавказских народов, наделяющих пастуха чертами доброго героя (Гаглоева Э.Д., 1963. С. 272).

Установление глубокой исторической древности истоков отгонного скотоводства Закавказья делает методически оправданным привлечение для реконструкции его форм этнографического материала. Установлено, что эта отрасль экономики в разных районах Кавказа была представлена разными подтипами, сформировавшимися в конкретных природно-хозяйственных и исторических условиях (см., например: Кулиева М.В., 1929; Рчелишвили М.Д., 1957; Мкртумян Ю.И., 1974; Макалишвили М.Н., 1975; Шамиладзе В.М., 1977; Брегадзе Н.А., 1979).

Развитие земледелия и скотоводства привело к кардинальным изменениям в других областях производства. В эпоху средней бронзы бурно развиваются строительное дело и другие ремесла. Сооружение грандиозных погребальных залов (площадь некоторых доходит почти до 200 кв. м) с уступчатыми каменными стенами (Триалети, Зуртакети), способы перекрытия этих больших пространств, а также постройка сложных оборонительных укреплений из сырца и камня (Узерликтепе, Лори Берд, Кармир Берд, Арич) демонстрируют значительный прогресс в строительной технике и высокоразвитую инженерную мысль.

Коренные изменения наблюдаются в области металлургии и металлообработки (Абесадзе Ц.Н., Бахтадзе Р.А., Двали Т.Г., Джапаридзе О.М., 1958; Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., 1959. С. 37; Абесадзе Ц.Н., 1974а; Дедабришвили Ш.Ш., 1979. С. 60; Геворкян А.Ц., 1980. С. 73; Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Инанишвили Г.В., 1987; Абесадзе Ц.Н., Бахтадзе Р.А., 1987). Это прежде всего ощущается на основании просмотра выпускаемой продукции. Происходит смена морфологии основных категорий орудий и оружия: появляются новые формы – асимметричная секира, кинжал с рамочной рукоятью, клинок ромбического сечения, “рапира”, втульчатый наконечник копья, долото, плоский топор и т.д. Начинает выпускаться металлическая посуда, высокохудожественные изделия из золота, серебра, меди, сурьмы, украшенные драгоценными камнями, чеканкой, гравировкой, инкрустацией. Расширяется масштаб производства, могильники наполняются металлическими изделиями. В могильниках Сачхере, например, найдено большое количество топоров, копий, кинжалов, украшений (табл. 25, 1–11, 13, 15, 16), что резко контрастирует с единичными находками в могилах предшествующего времени. Выразительны в этом плане и недавно открытая в Дагестане Великентская катакомба, в которой обнаружено около 1500 разнообразных металлических предметов (Гад-

жиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984; Гаджиев М.Г., 1987), или “царские” погребения в Кировакане и Карашамбе, где представлены престижные предметы – оружие и посуда из драгоценных металлов (Пиотровский Б.Б., 1949а. С. 46; Мартиросян А.А., 1964. Рис. 28–32; Оганесян В.Э., 1988а, б).

Выпуск такого богатого набора изделий вовлек в сферу производства большое количество мастеров-профессионалов, начиная от горняков, работавших в забоях, кончая литейщиками и ювелирами. Следовательно, речь идет о бесспорном расширении в этот период сырьевой базы, что подтверждается новейшими открытиями. В плане сказанного особый интерес представляют результаты работ, проведенных на Западном Кавказе – прежде всего открытия в рудниках Абхазии, в частности в урочище Башкапсара на перевале Кодорской и Бзыбской речных систем (2200–2400 м над уровнем моря). Здесь расположены медные рудники, в которых исследовано 12 древнейших выработок (Бжания В.В., 1988). Они включали открытые ямы, вертикальные шахты, горизонтальные, иногда многоярусные штольни с боковыми камерами. Здесь прослежена стратиграфия заполнения разработок, найдено около 50 каменных молотов для дробления руды, деревянные столбы штолен, разбитые сосуды. Из четырех радиоуглеродных дат, взятых с разных глубин выработок, две указали на конец III – середину II тысячелетия до н.э. (3275 ± 20 – ЛЕ-196, 4080 ± 300 – ЛЕ-198), а две – на конец II тысячелетия до н.э. Если эти даты подтвердятся дополнительными анализами, то Башкапсарские медные выработки окажутся самыми древними на Кавказе.

Не меньший интерес в этом плане представляет Рачинский очаг месторождений, где наряду с медной рудой имеются богатые запасы мышьяка, сурьмы и полиметаллических руд. Особенно богата сурьмой горная Рача; здесь известно 25 месторождений, самые крупные из которых – Зопхито, Квардзахети, Сагебу. В свое время Г.Ф. Гобеджишвили выявил в районе с. Геби 30 сурьмяных и около 100 медных рудников со следами отвалов, древними захоронениями и другими археологическими реалиями (Гобеджишвили Г.Ф., 1952б). По этим признакам он их датировал началом II – началом I тысячелетия до н.э. Продолженные там в последнее десятилетие “системно-инженерно-археологическим” методом исследования выявили древние выработки, технологию добычи и обработки сырья; здесь открыты поверхностные углубления и подземные камеры, где производились отбойка руды молотом и огневым способом, разрушение пород, дробление руды, частичная ее сортировка. Судя по находкам шлаков, металлургическая переработка руды осуществлялась на поверхности, недалеко от рудника. О размахе добычи меди, сурьмы и мышьяка можно судить по массе отходов обогащения и металлургии, которая составляла 100000 тонн. В результате комплексного изучения выра-

боток, в котором участвовали химики, металлурги, геологи, инженеры, археологи, были установлены три этапа развития техники и технологий производства и его основных параметров. Предложенная в свое время Г.Ф. Гобеджишвили датировка подтвердилась радиоуглеродными датами: две из них указывают на первую половину II тысячелетия до н.э. (Сагеби – 1675 и 1640 лет до н.э.), две – на вторую (Зопхито – 1165 и 1230 лет до н.э.; Муджири Т.П., Гобеджишвили Г.Г., Инанишвили Г.В., Майсурадзе В.Г., 1987; Гобеджишвили Г.Г., Инанишвили Г.В., Муджири Т.П., 1988). Разработкой сурьмяных месторождений и следует объяснить появление в этот период в Западном Закавказье изделий из мышьяко-сурьмянистой бронзы и сурьмы, в то время как в других частях региона литейщики использовали оловянистую бронзу. Очень возможно, что отсюда сурьма транспортировалась в далекие страны, в частности – Месопотамию (Forbes R., 1950. P. 263).

Параллельно обследовано еще одно полиметаллическое горнорудное месторождение в Сванетии. Оно расположено в ущелье р. Ингури, на высоте 2000 м, в местечке Зааргаш. Здесь расчищены две штольни; глубина первой 29 м, периметр 45 м, у второй – соответственно 60 и 145 м. В них обнаружены вышедшие из употребления орудия, каменные молоты, молотки, терки, балки для крепления кровли, деревянные корыто. Особо обращает на себя внимание не имеющий аналогов огромный каменный “молот” весом 40 кг; предполагается, что он служил ударным элементом какого-то механического сооружения. Техника и технология добычи руды, а также массовые находки идентичны комплексам, открытым в Абхазии и Раче. Это обстоятельство позволяет датировать Зааргашское месторождение примерно тем же временем, что и другие (Чартолани Ш.Г., 1988).

Наконец, недавно были открыты древние выработки в юго-восточной части Закавказья, на территории Нахичевани; самая древняя из них – Вайхнер (первая половина II тысячелетия до н.э.). Здесь обнаружены неглубокие овальные ямы; в отвалах же были куски пустой породы, каменные молоты, сероглиняные сосуды. Эти находки определили время эксплуатации рудника (Бахшалиев В.Б., 1985; 1986. С. 10).

Для получения высококачественных бронз начинает широко использоваться олово (в III тысячелетии до н.э. изделия изготовлялись почти исключительно из мышьяковистой бронзы); особенно это касается южных районов Закавказья; достаточно сказать, что 80% всех проанализированных предметов первой половины II тысячелетия до н.э. из памятников Армении отлиты из оловянистой бронзы. Более сложная картина наблюдается в Грузии; если в Квемо Картли (Триалети, Сабит-Ахча, Зуртакети, Шулавери) и Месхети в основном применялась оловянистая бронза, то в Шида Картли (Нули, Квасатали, Метехи) нет единой тенден-

ции: в Нули, например по старой традиции преобладала мышьяковистая бронза, в Квасатали – та и другая, а в Метехи и на ряде других памятников – оловянистая бронза. Более высокая стадия металлургии знаменуется также другими достижениями – вводятся в производство новые виды сплавов на основе комплексных лигатур (свинец, сурьма, цинк, комбинированные с мышьяком и оловом). Таким образом, спецификой металлопроизводства этого периода становится использование оловянистой бронзы и многокомпонентных сплавов. А это в свою очередь свидетельствует о том, что мастера-металлурги постепенно постигают изменения свойств металла в зависимости от того, какой минерал и в каких пропорциях добавляется к шихте.

Изменяется и химическая характеристика металла, указывающая на новые адреса рудной базы. Если в III тысячелетии до н.э. эксплуатировались месторождения с низким содержанием никеля в границах Армянского нагорья, то с начала II тысячелетия до н.э. параллельно начинают разрабатываться высоконикелистые месторождения; они локализованы в границах Передней Азии. Следовательно, происходит переориентировка кавказских металлургов на более далекие сырьевые базы. Такая ситуация могла возникнуть лишь на основе сложной и четкой организации добычи и переправки металла на большие расстояния.

Бурного расцвета достигает ювелирное дело, которое выделяется в самостоятельную отрасль металлообработки. Особенно ярко это прослеживается на памятниках триалетской культуры с их великолепной серией изделий из драгоценных металлов, таких, как чаши, кубки, шкатулки, навершия штандартов, фигурки животных, бусы, булавки и пр. Все они отличаются отточенностью, совершенством форм, свидетельствующими о высоком искусстве мастеров, чьи творческие искания, изысканный вкус и тончайшее чувство материала заложили основы чеканного искусства Кавказа (Джапаридзе Н.О., 1988). В процессе развития постепенно вырабатывается своеобразный стиль: наряду с грануляцией, пунсоном, филигранью используется инкрустация; это придает изделиям самобытность и изысканность. Мастер находится в постоянных поисках новых пластических форм и особое внимание уделяет внешнему виду предмета. Форма и орнамент предмета подчиняются принципу “золотого сечения” (Джапаридзе Н.О., 1981. С. 23). Создается своеобразный цветной декоративный стиль.

Ювелирные изделия отличаются также разнообразием, сложностью и высоким уровнем техники обработки. Установление технологии процесса их изготовления показало, что для технического оснащения использовались специальные инструменты: деревянные сердечники, токарно-давилные станки, измерительные и режущие инструменты и др. Уникальной находкой в этом плане является

резец для обработки золота и серебра из погребения ювелира в Авневи (Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., 1959. С. 27).

Технология металлообрабатывающих процессов и степень ее продвинутости восстанавливаются преимущественно по конечной продукции; ввиду слабой изученности поселений находки остатков этого производства составляют исключение, в то время как более ранние и более поздние мастерские хорошо известны. Прямым свидетельством металлообработки является лишь упоминавшийся “дом литейщика” на поселении Узерликтепе, где найдены глиняный тигель и кусок шлака. Имеется также упоминание, что на поселении Кюльтепе II зафиксированы следы металлообрабатывающей мастерской, где найдены глиняные тигли, сопло, молотки (Алиев В.Г., 1983. С. 17).

Таким образом, занятая в металлургическом производстве большая армия специалистов-профессионалов обеспечивала такие процессы, как разработка и обогащение руд, выплавка металла, приготовление сплавов, изготовление литейных форм, ковка, чеканка, шлифовка и очистка изделий, поиски и отделка драгоценных камней для инкрустации и др. Естественно предполагать, что мастера-металлурги не были заняты в сфере базовых отраслей хозяйства, а работали на общину, также на заказ и на рынок.

Большие перемены наблюдаются и в области гончарного производства. С начала III тысячелетия до н.э. коренным образом меняется облик посуды – возникают новые формы и приемы орнаментации, среди которых особенно примечательны роспись, резной и точечный орнаменты. Последние заметно совершенствуются на протяжении периода средней бронзы: если на ранних этапах они наносились резцом небрежно, то позднее появились штамп в виде “шагающей гребенки” и циркуль для разметки поверхности сосуда и последующего нанесения орнамента. Часть сосудов теперь изготавливается на гончарном круге. По-видимому, опыт керамистов, работавших на вращающемся станке, был заимствован ювелирами, так как чаши и кубки из драгоценных металлов сделаны по тому же принципу. Гончарное дело требовало высокого мастерства. Керамисты использовали набор рецептов глиняного теста (только посуда Алазанских курганов, например, была сформована из четырех его видов), осуществляли разнообразный обжиг на окислительном и восстановительном огне, применяли обработку поверхности сосудов шлифовкой, ангобированием, резьбой, штамповкой и росписью.

Значительные достижения имели место и в других отраслях ремесла. Деревообрабатывающее дело обслуживало различные стороны быта, а также потребности заупокойного культа. Для погребения рода-племенной знати сооружались громадные срубы (Марткопи, Бедени, Цнори); огромные камеры или залы перекрывались сложными бревен-

чатыми конструкциями (Учтепе, Триалети, Зуртаке и др.). Бревна транспортировались на большие расстояния. Достаточно сказать, что для оформления могилы третьего Учтепинского кургана в беслесную Мильскую степь было издалека завезено около 100 восьмиметровых стволов можжевельника (Иессен А.А., 1965в. С. 168).

Для перевозки продуктов земледелия, транспортировки скарба и продуктов на кочевья и обратно, доставки леса и камня для сооружения оборонительных стен, домов и могил использовались четырехколесные арбы, для погребения знатных лиц изготавливались специальные траурные ложа и колесницы; некоторые из них украшены искусной резьбой. Плохая сохранность дерева лишает возможности всесторонне охарактеризовать эту отрасль ремесла, хотя ряд столярных операций четко восстанавливается по находкам (Мелитаури К.Н., 1969). Изготавливались также деревянные ткацкие станки, различная мебель (столики и пр.), посуда, шкатулки и др. Наконец, на почетное место деревообрабатывающего ремесла указывают находки в богатых могилах металлических топоров и долот (Бедени, Марткопи, Шулавери, Кировакан). Скорее всего, эти предметы символизировали покровительство ремеслам со стороны погребенных в этих могилах владык.

В беденских гробницах обнаружены ковры, льняные и шерстяные ткани, войлок. На развитие ткачества указывают текстильная керамика Колхиды, детали от ткацкого станка из Илто и костяные четырехпалые детали, служившие для прибивания утка (бердо) на вертикальном ткацком станке из поселения Узерликтепе (табл. 39, 26) и одного из погребений в Ариче (табл. 37); вероятно, в последнем случае оно сопровождало женщину, занимавшуюся при жизни ткачеством. Наконец, насильственно убитая молодая женщина, около которой лежало веретено, сопровождала своего патрона в богатом беденском кургане Гадрачилигора.

О высоком уровне камнерезного дела говорят обсидиановые наконечники стрел из алазанских, беденских и триалетских погребений, тончайшая обработка которых может быть приравнена к ювелирному искусству. Вероятно, это были "парадные" стрелы, предназначавшиеся для погребений представителей верхушки общества, так как на бытовых памятниках постоянно встречаются значительно более примитивно оббитые экземпляры этого типа оружия.

Сложение такого огромного исторического пласта, как южнокавказские культуры периода средней бронзы, происходило при интенсивном общении их создателей с окружающим миром. Это ярко демонстрируют археологические факты, начиная с последней трети III тысячелетия до н.э., которые упорно нарастают вплоть до середины II тысячелетия до н.э. Такая ситуация должна быть поставлена в прямую связь со значительным ростом произво-

дительных сил в связи с развитием отгонной формы скотоводства, интенсификацией земледелия, бурным прогрессом металлургии и других ремесел. В итоге в руках элитарной части общества скопились значительные богатства для вступления в разносторонние международные контакты. Взаимовлияние могло осуществляться и в результате передвижения каких-то этнических групп, что характерно для этого времени в ряде областей переднеазиатско-малоазийского региона.

К сожалению, проблема влияния южнокавказских культур на культуры Переднего Востока до сих пор остается неразработанной, хотя можно сказать, что столь важный этнический массив, владеющий богатейшими природными ресурсами и создававший целые блоки своеобразных культур, не мог не воздействовать на соседние страны. Приведем лишь один пример. В Месопотамии известны изделия из чистой сурьмы и сурьмяных бронз, в то время как месторождения сурьмяных руд там отсутствуют. Как полагают, источником снабжения сурьмой Месопотамии (а также Египта), скорее всего, являлся Кавказ (Forbes R., 1950. P. 263). Это тем более вероятно, так как: 1) состав месопотамских сурьмяных бронз и изделий из сурьмы приближается к составам изделий древней Грузии (Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., 1959. С. 40); 2) на территории горной Рачи в древности широко разрабатывались сурьмяные руды (Гобеджишвили Г.Ф., 1952б; Гобеджишвили Г.Г., Инанишвили Г.В., Муджири Т.П., 1988).

В свою очередь, находясь на высоком уровне культурно-исторического развития, южнокавказское общество проявило способность к восприятию новшеств во многих сферах жизни. Это иллюстрируют богатые погребения, принадлежавшие элитарной прослойке кавказского общества и осуществлявшей контакты с соседними странами и народами. В целом этот период протекал при постоянных связях с цивилизациями Передней и Малой Азии (Арешиян Г.Е., 1973) и совпадал со временем образования старовавилонского, староассирийского и хеттского царств, мощного подъема малоазийской культуры и консолидации племен в восточном Средиземноморье (История Древнего Востока, 1979. С. 130, 198, 232, 245). Соседство столь крупных цивилизаций должно было оказывать постоянное воздействие в первую очередь на Закавказье. Наиболее четко южнокавказские связи были ориентированы на юго-запад (Анатолия, Сирия), что наложило отпечаток на характер рассматриваемых культур периода средней бронзы.

Одной из самых сложных проблем археологии (при отсутствии письменных свидетельств) является проблема сущности древних связей. Они могли быть обусловлены различными аспектами жизни обществ – торговым обменом сырьем, скотом, продуктами производства, обменом специалистами-ремесленниками, прямым подражанием тем или иным заморским феноменам, общим культур-

ным взаимодействием и пр. (Обмен и торговля в древних обществах, 1974). Следует иметь в виду и возможность инфильтрации в Закавказье отдельных этнических групп из соседних регионов. Во всяком случае картина передвижений в Передней и Малой Азии в конце III – первой половине II тысячелетия до н.э. допускает такую ситуацию (Дьяконов И.М., 1968. С. 7–45; История Древнего Востока, 1979. Гл. X, XI, XV, XIX).

Влияния южных соседей проникают в сферы материальной и духовной жизни закавказского общества. Процесс этот постепенный. Мы уже говорили, что из южных стран в Закавказье пришла “мода” расписывать сосуды, причем появилась она в наиболее ранней (кармирбердской) культуре эпохи средней бронзы и просуществовала вплоть до заката культур этого яркого периода; в Закавказье эта традиция отсутствовала. Влияние заметно и в мотивах орнаментации: на кармирбердской посуде мелькают элементы росписи сосудов древнего Мерсина, Тарусса, Богазкея, Кюльтепе, Алишара и др. Кармирбердская культура указывает и еще на одно направление связей; в погребениях могильника Верин Навер и Кармир Берд (Арагатская долина) найдены ожерелья из стеклянных и фаянсовых бус, которые есть основания рассматривать как прямой импорт из Месопотамии, в частности из мастерской Ларсы.

В керамике севано-узерликской группы памятников связи заметны не менее отчетливо. Уже само наличие расписных сосудов является проявлением все той же южной традиции. В Лчашенском кургане 6 и в аричском погребении 65 встречены двуручные сосуды (табл. 40, 4; 41, 13), являющиеся подражанием малоазийским образцам (Арешня Г.Е., 1973); эти сосуды встречаются и в погребениях триалетского круга (Воскезав и др.). Кинжал же с рамочной рукояткой из аричского погребения 78 (так же, как и из Кизыл Ванка) следует рассматривать как изделие переднеазиатского импорта. Позднее эти кинжалы получили широкое распространение по всему Ближнему Востоку и Кавказу (Погребова М.Н., 1977. С. 34). С тем же культурным кругом связываются булавка и разъединитель бус из погребения 65 аричского могильника. Последние вместе с хурритскими печатями (Дьяконов И.М., 1963. С. 11) начиная с XVIII в. до н.э. распространяются в тех же широких границах. Наконец, на юг уходят аналогии случайно найденным топорам из Ленинакана и Навура, которые прямо сопоставляются с топорами VI слоя Тепе Гавра, погребений Тальша и находок в таких анатолийских памятниках, как Кюльтепе, Ван, Сивас, Эрзерум (Мартиросян А.А., 1964. С. 61).

Особенно интенсивные связи прослеживаются по памятникам триалетской культуры. Достаточно обратиться к “царским” курганам, отмеченным обрядом кремации, который, как предполагают, повторяет ритуал погребений хеттских царей, ставший известным благодаря хеттским текстам (Куф-

тин Б.А., 1941. С. 100). Существует также точка зрения, что обряд кремации и в хеттском, и в южнокавказском обществах является результатом воздействия хурритской этнической среды (Меликишвили Г.А., 1965б. С. 21). Вместе с тем отдельные случаи кремации (Тквиави, Степанакерт, Хаченагет) имели место уже во второй половине III тысячелетия до н.э. (Макалатия С.И., 1943; Гуммель Я.И., 1948; Кушнарева К.Х., 1954. С. 168), хотя в ранних “царских” курганах Марткопи, Цнори и Бедени вождей не сжигали. По-видимому, начиная примерно с XVII в. до н.э. ритуал кремации становится достоянием высшей прослойки кавказского общества, стремящейся к подражанию царским обычаям южных соседей. Обряд помещения в гробницы колесниц – этот особый признак престижа, – возможно, также заимствован из ритуала погребений шумерских царей. С помощью погребального экипажа и других предметов особого назначения обеспечивались условия для перехода лиц высокого ранга в заупокойную жизнь.

Связи прослеживаются и в сфере металлопроизводства. Последние исследования этой отрасли ремесла в Малой Азии и на Южном Кавказе (Esin U., 1969; Абесадзе Ц.Н., 1974а, б; Геворкян А.Ц., 1980) устанавливаются следующие важнейшие факты.

1. Преобладание на Южном Кавказе в III тысячелетии до н.э. изделий из низконикелистой меди свидетельствует об эксплуатации местных сырьевых ресурсов в пределах Кавказа. В период же средней бронзы происходит переориентировка сырьевых источников, начинается активное использование высоконикелистых месторождений, расположенных вне региона; это значит, что налаживаются новые экономические связи. Вопрос, каким способом добывалось новое сырье – посылались ли на его добычу экспедиции, как это происходило с обсидианом (Renfrew C., Dixon J., Cann J., 1966; Кушнарева К.Х., 1974а), или транспортировались в Закавказье слитки металла, – остается открытым.

2. Как известно, в III тысячелетии до н.э. южнокавказские металлические изделия изготовлялись из мышьяковистой меди, в то время как в Анатолии уже преобладали изделия из классической оловянистой бронзы. Логично думать, что технологическая традиция изготовления последних в конце III тысячелетия до н.э. проникает в Закавказье из Анатолии. Таким образом, связи осуществлялись как по линии эксплуатации удаленных месторождений (А.Ц. Геворкян предполагает, что оловянистые рудные месторождения находились на территории Передней Азии), так и по линии обмена опытом и заимствований рецептуры более эффективных сплавов.

Перадние втульчатые наконечники копий, известные из серии погребений (Аруч, Азнабюрт, Триалети, Кировакан, Месхети – табл. 25, 22; 26, 4; 27, 5), находят прямые аналогии в Сирии

(Рас-Шамра I), где они датируются XVII–XV вв. до н.э. (Schaeffler С., 1943). Их рассматривают и как предметы сирийского импорта (Мартиросян А.А., 1964. С. 64), и как продукцию местных мастеров, заимствовавших формы у сирийских металлургов (Джапаридзе О.М., 1969. С. 162). Узкие “рапиры”, найденные в комплексах (Самтавро, Маисян, Лило – табл. 21, 8) и случайно (Воротна Берд, Дзора-ГЭС, Ноемберян, Качаган, Ангехакот – табл. 27, 1–4), связываются с крито-микенским оружием; очевидно, первые образцы попали на Кавказ из Эгейского мира. Возможно, что в дальнейшем наладилось их местное производство, о чем говорит большое сходство некоторых южнокавказских “рапир”. Влияние юга испытали и архаичные проушные топоры, самый ранний экземпляр которых в Закавказье найден в Ленинакане, а самый поздний – в Кировакане (табл. 27, 11, 23). Между ними стоят случайные находки из Грма-Геле, Бодорна, Гумбати, Навура (табл. 27, 24, 25). Эти топоры имеют прямые параллели в топорах VI слоя Тепе Гавра, V слоя Телл-Билла, анатолийского Кюльтепе и др.). Перечисленные памятники очерчивают широкий круг их бытования.

Ювелирные изделия из “царских” курганов уникальны. Они не имеют прямых аналогов в памятниках Переднего Востока и, по мнению большинства специалистов, являются продукцией местных мастеров, имевших уже в своем распоряжении высокую технологическую базу. Весьма интересно, что начиная со второй половины III тысячелетия до н.э. Кавказ входит в тот ареал, где существовал круг терминов, обозначающих как чистое золото, так и золото с различными примесями (Дедабришвили Ш.Ш., 1979. С. 66). Вместе с тем ряд предметов испытал на себе влияние различного рода стилей, бытовавших в южных цивилизациях. До сих пор вызывает споры знаменитый серебряный кубок из XVII триалетского кургана с изображением ритуальной сцены (табл. 26, 17). Наряду с утверждением, что это местное изделие, существует и другая точка зрения – строгая ритмичность фигур процессии, костюмы фантастических персонажей, их зооморфные маски позволяют связать этот кубок с искусством хеттско-малоазиатского круга, проявляющимся, в частности, в рельефах Язиликая и Зенджирли (Меликишвили Г.А., 1965а; 1965б. С. 20). Влияние хеттского искусства ощущается также в манере передачи геральдических львов на золотых триалетских штандартах и чаще из Кировакана (табл. 26, 14; 27, 7), хотя форма последней точно копирует глиняные сосуды, особенно распространенные в памятниках севано-узерликской культуры. Как результат воздействия хеттского стиля следует воспринимать два гладких серебряных кубка из того же кироваканского кургана (табл. 27, 9, 13); их высоко поднятые ручки прекрасно связываются с деталями малоазиатской керамики. Наконец, кубки цилиндрической формы имеют прямые аналогии в “хеттской” посуде тако-

го памятника, как Аладжа Уюк. Есть точка зрения, что эти предметы могли быть и привозными (Арешнян Г.Е., 1973. С. 45).

Вопрос о культурном круге, из которого происходят отдельные шедевры южнокавказских богатых погребений, вновь был поднят в связи с открытием великолепного серебряного кубка из погребения в Карашамбе (табл. 27, 17). Стилистически он очень близок только упомянутому кубку из Триалети. Как полагает первооткрыватель карашамбского кубка, по ряду мифологических, стилистических и орнаментальных признаков оба они принадлежат искусству малоазийско-закавказского круга, испытавшего на себе месопотамское влияние. Сам факт обнаружения этих родственного шедевров древней торевики в памятниках триалетской культуры при отсутствии аналогов за пределами ее распространения как бы подтверждает их местное (в широком смысле) происхождение (Оганесян В.Э., 1988а; 1988б). Семантический анализ композиции на кубках и на других изделиях Кавказа выявил их индоевропейскую мифологическую основу, что дает основание говорить о наличии индоевропейского компонента среди носителей триалетской культуры в период ее “цветущей поры” или на кировакано-триалетском этапе (Арешнян Г.Е., 1988). Высказано также предположение, что подобные изделия скорее всего изготовлялись в археологически слабо исследованных западных областях Армянского нагорья (Пиотровский Б.Б., 1955б. С. 10) – в зоне наиболее вероятных малоазийско-месопотамских контактов, откуда на рубеже III и II тысячелетий до н.э. поступали культурные импульсы и просачивались этнические группы на восток, в область Куро-Аракского междуречья (Оганесян В.Э., 1988а. С. 160).

Наконец, золотые и бронзовые височные завитки из триалетских курганов (табл. 26, 12) близки к месопотамским образцам, классический вариант которых восходит к массивным украшениям головного убора царицы Шубад в Уре. С изделиями из Ура сопоставляются и триалетские ларцы с золотыми пергородками, инкрустированные камнями и обсидианом (табл. 26, 1). С месопотамскими традициями также сопоставляют ожерелье с агатовым кулоном, оправленным в золото (табл. 26, 8), техника его исполнения близка способу изготовления кулона из Урука, хотя тот несколько иной по форме и размерам.

Наиболее массовый материал – керамика является чисто местным компонентом, уходящим корнями в гончарное производство III тысячелетия до н.э. С юга пришла сама “мода” расписывать сосуды, а также некоторые элементы орнаментации. Вместе с тем среди массовой посуды выделяются редкие экземпляры, не имеющие на Кавказе местных прототипов. Это чернолощенные и расписные сосуды различных форм с высокоподнятыми одной или двумя ручками (Лчашен, Воскеваз, Каматар, Элар, Арич) – так называемые киафы и

канфары. Подобные особенности имеют также упоминавшиеся серебряные кубки кироваканского кургана. Исходные их формы выявляются в халколитических памятниках Анатолии, а затем, не прерывая традиции, подобные сосуды бытуют среди малоазийской “хеттской” керамики (Арешиян Г.Е., 1973. С. 45). Учитывая близость технических приемов изготовления киафов и канфаров с массовой местной посудой, а также то обстоятельство, что в древности посуда была объектом торговли лишь в редчайших случаях (Kantor Н., 1947) следует считать, что южнокавказские гончары, скорее всего, заимствовали формы малоазийских сосудов.

Влияние южных цивилизаций прослеживается и по керамике типа Кизыл Ванк, концентрирующейся в памятниках в районе Нахичевани. Как было показано выше, сосуды этого круга имеют прямые аналоги в керамике приурмийских поселений Хавтантеле и Геойтеле (табл. 42, 26–33). С поселениями Ирана нахичеванские памятники составляют единую культурную область. Вместе с тем гончарное производство так называемой кизылванкской культуры испытало на себе и западные влияния. Бросается в глаза, в частности, абсолютное единство глубоких мисок из Кизыл Ванка и Геойтеле, украшенных сетчатыми ромбами и шахматным узором с сосудами из Богаз Кея (Mellaart J., 1966. Fig. 55).

Таким образом, общий подъем культуры Кавказа был стимулирован усилением культурно-экономических связей с цивилизациями Юга. Импульсы поступали в первую очередь в Закавказье, а через него и на Северный Кавказ. Иными словами, уже к рубежу III–II тысячелетий до н.э. весь Кавказ оказывается под воздействием передовых культур Переднего Востока, причем на протяжении эпохи средней бронзы эти воздействия усиливаются.

Намечаются связи и с Севером. Так, было высказано предположение, что четырехколесные повозки южнокавказские племена заимствовали у степных кочевников (Массон В.М., 1973. С. 110), где они были распространены начиная с первой половины III тысячелетия (Избицер Е.В., 1990). Последние являлись посредниками в распространении специфических западнокавказских трубчато-обушных топоров, которые встречаются в Центральной России и придунайских странах и найдены в памятниках срубной и фатьяновской культур (Кореневский С.Н., 1981; Микеладзе Т.К., 1990. С. 29). Однако северные связи населения Закавказья – тема пока слабо разработанная.

Наконец, неожиданное направление связей дают западные (колхидские) поселения. По ряду признаков в них обнаруживается большое сходство с террамарам северной Италии. Сопоставления намечаются как по характеру жилых построек (деревянные или плетеные настилы полов, покрытые черной непроницаемой навозной землей, специфические помещения-ячейки), так и по другим эле-

ментам материальной культуры; к последним следует отнести простейший (ямный) тип очага, чернолощенные бадьевидные сосуды с “жаберным” орнаментом, костяные шилообразные, черенковые и выемчатые кремневые наконечники стрел. Сущность этих связей остается пока не выявленной; сходство могло быть порождено близкими геоморфологическими условиями колхидской низменности и долины р. По; однако синхронность близких по облику культур указывает на возможность прямых либо опосредованных контактов протоколхов с обитателями итальянских террамар.

Таким образом, географическое положение Кавказа, находящегося на стыке Передней Азии и Восточной Европы, способствовало тому, что со второй половины III до середины II тысячелетия до н.э. носители южнокавказских культур поддерживали постоянные контакты с окружающими их странами.

Сложение отгонного скотоводства, дальнейший прогресс земледелия и ремесел повлекли за собой кардинальные перемены в общественной и духовной сферах жизни местного населения. Они наступают во второй половине III и нарастают в первой половине II тысячелетия до н.э. Отразившиеся в целом комплексе явлений, эти перемены особенно ярко проявились в погребениях новой социальной прослойки – в так называемых царских курганах (Чайлд Г., 1949 С. 167; Массон В.М. 1973; Piggott S., 1978; Кавтарадзе Г.Л., 1979). Следует учитывать, что в древних обществах погребальные обряды отражали в первую очередь социальный ранг умершего, а не степень его благосостояния при жизни (Массон В.М., 1973. С. 102; Алексин В.А., 1975; 1977). Процесс нарастания этих явлений на Кавказе прослеживается при сопоставлении двух хронологических групп курганов раннего этапа триалетской культуры (см. главу 4). При всей сложности погребальных сооружений в курганах старшей группы, требовавших значительных трудовых затрат, инвентарь захоронений беден. По-видимому, погребенные здесь люди занимали высокое положение в обществе, в котором имущественная дифференциация была развита еще относительно слабо. Со временем положение выделившейся знати упрочилось. Погребения последней трети III тысячелетия до н.э. (вторая группа) отличаются грандиозными насыпями, обширными могильными камерами, человеческими жертвоприношениями, богатым инвентарем, среди которого встречаются пока единичные предметы роскоши. Своим обликом они тяготеют к считавшемуся еще недавно уникальным Майкопскому кургану (Иессен А.А., 1935; Мунчаев Р.М., 1975. С. 197); открытие в последнее десятилетие аналогичных элитарных погребений на Северном Кавказе (Нальчик, Новосободная, Клады; Чеченов И.М., 1973; Бочкарев В.С., Резепкин А.Д., 1981; 1989) свидетельствует о близком уровне общественных отношений у племен, обитавших по обе стороны Большого Кавка-

за. По словам А.А. Иессена, “появление подобных богатых погребений становится возможным лишь в условиях общего роста благосостояния всего общества, роста, основанного в данном случае, несомненно, на развитии скотоводства и параллельно – земледелия” (Иессен А.А., 1951. С. 195). Прибавочный продукт, получаемый в результате интенсификации хозяйства, особенно скотоводческими общинами, способствовал сосредоточению больших накоплений в руках отдельных родов, вождей племен и приближенных к ним лиц. Их погребения в Закавказье совершались либо вдали от постоянных мест обитания – в горных зонах, куда отгоняли скот на лето (Тетри-Цкаро, Триалети, Зуртакети, Гомарети и др.), либо в долинно-степных районах, где скотоводы проводили зимние месяцы (Алазанская долина, Мильская степь). Среди ранних “царских” курганов своими размерами, монументальностью сооружений и уникальными инвентарем выделяются три группы: учтепинская, беденская и цнорская. При восстановлении картины сооружения одного из курганов группы Учтепе (Иессен А.А., 1965в) были выявлены масштабы трудовых затрат, потребовавшихся на его постройку. Из трех огромных курганов, возвышающихся в Мильской степи подобно пирамидам, был раскопан самый маленький (3) – высотой 15 м. Могила площадью 36 кв. м была перекрыта сотней толстых восьмиметровых бревен, а сверху находилась каменная насыпь объемом 700 куб. м. Поверх камней была насыпана земляная махина высотой 13 м, диаметром 100 м. Древнее захоронение постигла необычная участь – в 30-е годы VII в. содержимое могилы было вынесено через сооруженную грабителями штольню, а на его месте был захоронен знатный хазарский воин. Хотя инвентарь древней могилы оказался навсегда утраченным, о высокой социальной значимости похороненного здесь человека говорит прежде всего масштаб наземной постройки объемом 35 тыс. куб. м. Нами были произведены дополнительные расчеты, показавшие приблизительно объем выполненных здесь работ (Кушнарева К.Х., 1973. С. 12). Разумеется, мы исходили из того, что при сооружении насыпи землю надо было накопать, перенести на определенное расстояние и ссыпать. Перечисленные виды работ получили отражение в списках постоянных величин старовавилонского времени и существовали в Шумере еще при III династии Ура. Так, норма землекопа в день была 3 куб. м, переноска земли в корзинах на расстояние 6 м составляла 30 куб. м, а норма насыпки земли – 6 куб. м (Вайман А.А., 1964. С. 38). По этим нормам объем работ для сооружения насыпи составляет 21 тыс. человеко-дней. Надо учесть сверх того организацию длительной и трудоемкой транспортировки 700 куб. м камня (при грузоподъемности повозки 200–300 кг за одн раз перевозилось около 0,1 куб. м камня) и сотни огромных стволов деревьев. Соответственно на сооружение насыпи самого большого кургана

(80 тыс. куб. м), если вся насыпь была земляной, затрачивалось приблизительно 48 тыс. человеко-дней. Если же под земляной насыпью находилась каменная – количество трудовых затрат должно быть увеличено.

При зачистке центрального разреза насыпи кургана Учтепе 3 была обнаружена ее трехслойность. Приблизительно такая же картина установлена во время раскопок грандиозного кургана в Цнори. Объясняя это явление для Учтепе, мы в свое время опирались на цикл отгонного скотоводства: сохранившегося в основных чертах и поныне; скотоводство с выгоном скота на весенне-летний сезон на высокогорные пастбища заставляет рассматривать просторы Мильской степи, где возвышаются курганы, и горы Карабаха как связанные одним хозяйством районы. Поэтому логично думать, что возведение насыпи происходило в зимние месяцы хозяйственного затишья, когда отары спускались в степь. Если предположить, что в зимний сезон работы на кургане велись приблизительно три месяца (около 90–100 дней), то при общей затрате труда на сооружение насыпи малого кургана (21 тыс. человеко-дней) здесь ежегодно в течение трех сезонов должны были трудиться 75–80 общинников. Естественно, что для сооружения большого кургана потребовалось значительно больше трудовых затрат.

Грандиозный размах этих работ, непосильный для небольших коллективов, заставляет думать, что их осуществляло, скорее всего, население племен или союза скотоводческих племен, обитавших в просторах Миля, а похороненные в курганах люди – вожди этих объединений.

Утрата внутренней обстановки учтепинской могилы частично восполняется другими памятниками аналогичного “ранга”, хотя почти в каждом из них побывали грабители. В беденских курганах, расположенных на высокогорном плато Тетри-Цкаро, сооружались обширные подкурганые камеры с деревянными конструкциями внутри (Гобеджишвили Г.Ф., 1967; 1971; 1980). В трех из десяти, помимо утвари, обнаружены траурные деревянные экипажи. Подсчитано, что на сооружение насыпи самого крупного кургана Гадачрилигора затрачено примерно 6500 человеко-дней. В его огромную погребальную камеру (343 куб.м) был впущен деревянный сруб с полом и потолком. Труп вождя внесли на разукрашенных золотом носилках, после чего поместили на колеснице. Его сопровождали убитые мужчина и женщина, занимавшие скромное место в могиле; как было упомянуто, около женского скелета лежало веретено, указывающее на занятие покойной при жизни. Несмотря на ограбление могилы, поражает пышность погребальной обстановки. Здесь были запасы пищи, деревянные мебель, посуда и подносы, войлочные ковры, шкуры животных, изысканные ткани, золотые и серебряные части погребального штандарта, бронзовый топор и долото, тончайшие нако-

нечники стрел, десятки сосудов, предметы украшений из драгоценных металлов, туалетные принадлежности.

Наконец, из четырех (всего их пять) исследованных курганов в Цнори первый имел грандиозные размеры (Дедабришвили Ш.Ш., 1979). Площадь его основания 3 га, объем насыпи 51 тыс. куб.м. На сооружение погребального ложа потребовалось около 200 куб. м древесины; так как поблизости нет лесных массивов, стволы надо было транспортировать издалека. Сюда же было свезено 8000 куб. м камня, что составляло дополнительную трудность. Ориентировочный подсчет трудовых затрат только на земляные работы составил 22 700 человеко-дней. Объем насыпи второго кургана 10 400 куб. м, из них 2000 приходится на камень. Для цнорских курганов характерны мощные каменные панцири, огромные (166 и 250 кв. м) грунтовыми камерами, перекрытые замурованными глиной деревянными настилами, погребальные ложа из дерева, повозки (или их части), деревянная утварь, множество посуды, тончайшие наконечники стрел, кинжальные клинки, ювелирные изделия из золота и серебра. В обоих могилах знатное лицо сопровождали принесенные в жертву люди: в первом трое, во втором двое – мужчина и женщина. Под насыпью первого кургана, рядом с могилой находилось круглое помещение, сложенное из камней (табл. 20, 1). Это предположительно святилище, где происходило прощание с покойным, высокий ранг которого подчеркивается поистине царским величием всего сооружения. По-видимому, здесь находился вождь крупного объединения, в похоронах которого участвовали входившие в это объединение племена.

При раскопках было обращено внимание на то, что камень для грандиозной постройки свозился из разных пунктов в радиусе 40 км. На этом основании высказано предположение, что население каждого входившего в союз племена несло свою дань усопшему с тех мест, где оно обитало. А если это так, то можно ставить вопрос о приблизительном ареале расселения этих племен. Если предположить, что в самом большом кургане Цнори был похоронен глава племенного объединения, то во втором, на сооружение которого трудовые затраты были в 5 раз меньше, вероятно, покоится вождь одного из племен, входивших в этот союз. Принадлежность же обоих покойников к высшему сословию подчеркнута наличием человеческих жертвоприношений и такими “царскими” атрибутами, как деревянные колесницы, уникальные ювелирные изделия.

В первой половине II тысячелетия до н.э. в связи с процессом дальнейшего распада первобытнообщинного строя эти явления нарастают и материализуются в погребальных сооружениях Триалети, Зуртакети, Месхети, Кировакана, Карашамба, Аруча. Уже сам перечень памятников говорит об их принадлежности “цветущей поре” триалетской

культуры или так называемому кировакано-триалетскому этапу. Усыпальницы вождей приобретают еще большие масштабы. Традиция устройства родовых и племенных кладбищ вдали от мест поселения сохраняется: на высокогорных плато Триалети (Куфтин Б.А., 1941; 1948) и Зуртакети (Джпаридзе О.М., 1969) находятся десятки курганов с грандиозными каменными залами и примыкающими к ним длинными дромосами, по которым двигались траурные процессии. Насыпь самого крупного Зуртакетского кургана составляла 2100 куб. м. Если бы насыпь была земляной, то объем выполненных работ выразился бы цифрой 12 000 человеко-дней. Однако постройка такой “пирамиды” из камня, который специально транспортировался к месту погребения, – работа несравнимо более трудоемкая, что заставляет сделать поправку в сторону значительного увеличения этой цифры. Однако это только часть произведенных работ: под курганом оказался наземный зал площадью 152 кв. м при высоте каменных стен 6 м. К нему вел дромос, площадь которого почти вдвое превышала площадь зала – 276 кв. м. Площадь погребального зала знаменитого Топ-кара составляла 175 кв. м.

В этот период достоянием наивысшей знати общества становится обряд трупосожжения. Согласно старой традиции теперь уже сожженный прах покойного укладывали на специально украшенных золотом ложе или катафалке. В гробницу погребенному ставили деревянные повозки. Во время расчистки некоторых могил создавалось впечатление, будто их дно буквально устлано бычьими шкурами, снятыми вместе с головой и конечностями; скорее всего, это были жертвенные быки, мясо которых варили в огромных медных котлах и съедали во время ритуальной трапезы. Могилы обставлялись десятками сосудов, золотой и серебряной утварью, украшениями и другими предметами прикладного искусства, изготовленными, очевидно, по специальным заказам местными мастерами, либо полученными из далеких стран.

Выразительную картину дали курганы Месхети (высокогорное Джавахетское плато). Они показывают (различные размеры сооружений и характер погребального инвентаря трех выделенных групп курганов), что среди местной знати существовали иерархические отношения. Это демонстрирует, в частности, посуда из больших и малых курганов; в первых, не уступающих по размерам триалетским, преобладают крупные, нарядно орнаментированные сосуды триалетского типа, во вторых – местная посуда более низкого качества. Облик больших курганов, а также пышный характер их убранства, несмотря на то, что кремация трупов здесь отсутствовала, говорят о тесных связях верхушки месхетского общества с триалетским очагом. Скорее всего это были гробницы вождей племен. Можно предположить, что отдельные представители месхетской знати, достигшие высокого поло-

жения, происходили из привилегированной части триалетского общества. Курганы средних размеров, очевидно, являлись усыпальницами родовой аристократии, а Ниальский и Аспиндзский могильники могли принадлежать отдельным родовым общинам (Джапаридзе О.М., 1969; Джапаридзе О.М. и др., 1981).

Несмотря на принадлежность к иному времени и иной этнической среде, грандиозные “царские” курганы Закавказья ассоциируются со знаменитым курганом в Аржане. Его исследователь М.П. Грязнов пишет: “Можно представить себе, как тысячи людей собирались, чтобы отдать последнюю честь своему царю, как они на конях волокли вековые листовницы, чтобы построить огромное намогильное сооружение, как везли, тащили и несли большие и малые камни, как женщины и дети собирали в свои шапки, метки и подошвы речную гальку и сыпали ее на могилу, чтобы сделать курган как можно больше и выше, и как затем на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя” (Грязнов М.П., 1980. С. 50). В связи со сказанным вспоминаются и царские похороны Патрокла, до мельчайших подробностей описанные Гомером в его бессмертной “Илиаде” (Гомер. Ил. XXIII).

Представляется, что количество труда, затраченного соплеменниками на организацию места погребения своего патрона наиболее объективно характеризует степень зависимости первых от последнего и наилучшим образом подчеркивает уровень его социальной значимости. Это главный критерий, позволяющий выделить “царские” курганы. Другой критерий – редкие изысканные вещи, изделия прикладного искусства, придающие особый блеск погребальной обстановке. Он подчеркивает роскошь и богатство представителей высшего сословия как результат зарождения института частной собственности.

Описанные богатые погребения выглядят одиночными на фоне огромного числа скромных могил рядовых общинников. Обычно в этих могилах инвентарь ограничивается посудой и редкими предметами из металла; в некоторых же случаях это только горшок с пищей. Таким образом, погребения конца III – середины II тысячелетия до н.э. ярко демонстрируют эпохальные сдвиги в социальной структуре южнокавказского общества, в котором возрастающий авторитет племенных вождей и их приближенных противопоставлялся основной массе производителей. Устои первобытнообщинного строя были подорваны. Вместе с тем “накопление богатств скотоводческими племенами, приводившее к обогащению целых родовых групп, еще не нарушало в достаточной степени коллективный характер производства и родо-общинный характер собственности; патриархальные связи между верхушкой богатых родов и массой их родичей были слишком сильны, и имущественное расслоение внутри племени еще не выкристаллизова-

лось в классовое расслоение” (Дьяконов И.М., 1968. С. 34).

Проблема границ прижизненной власти вождей – одна из наиболее сложных. Была предпринята попытка очертить эти границы, используя наблюдения в среде восточногрузинских горцев, сохранивших реликтовые элементы первобытнообщинного строя на разных его этапах (Киквидзе Я.А., 1980. С. 57). Исходя из того, что их древние святилища (груз. хати, джвари) служили объединяющими центрами различных, в том числе и племенных, социальных группировок (Бардавелидзе В.В., 1949. С. 92) и управляли не только духовными, но и светскими делами, можно предположить, что вожди, могилы которых отмечены варварским великолепием, были наделены при жизни как светской, так и духовной властью. Последнее повсеместно подчеркивается обрядом положения в могилы различных культовых предметов (кубки для возлияний, украшенные драгоценными камнями и ритуальными сценами, золотые “штандарты” и чаши с геральдическими животными, золотая фигурка льва – олицетворение Солнца, небесных светил и др.).

Наряду с этим в “царских” погребениях бросается в глаза сравнительная редкость предметов вооружения (исключение пока составляет лишь гробница в Кировакане). Попытки объяснить это явление сводятся к тому, что в политической жизни страны существовала относительная стабильность (Джапаридзе О.М., 1969. С. 262; Киквидзе Я.А., 1980). Однако этой точке зрения противоречит наличие на поселениях мощных укреплений (Арич, Лори Берд, Узерликтепе, Гаракепектепе, Кюльтепе II, Огланкала и др.) следов пожара (Узерликтепе, Илто, Кюльтепе II и др.), а также вооружение, находимое в могилах представителей менее богатой прослойки общества (Нули, Квасатали, Самтавро, Лило). Значит, военные столкновения между группами населения уже являлись нормой жизни. В таком случае парадное оружие, сопровождавшее умерших вождей, можно трактовать как символ их военной власти, а оружие в названных могильниках – как признак начала формирования военной прослойки (дружины вождей), принадлежность к которой закреплялась определенным погребальным обрядом. В дальнейшем, в конце II – начале I тысячелетия до н.э. этот процесс развивается и материализуется в так называемых могилах воинов, встречающихся фактически по всему Кавказу. Наконец, на существование военных формирований прямо указывает уникальная композиция на бронзовом поясе из Степанавана, где изображена вооруженная дружина (боевые колесницы, лучники, копейщики) во главе со своим предводителем (Мартirosян А.А., 1964. Рис. 65).

Скудные данные о планировке жилищ почти ничего не дают для реконструкции социальных основ общества того времени. Здесь в какой-то мере могут быть использованы данные об общественном строе хеттов и хурритов (Дьяконов И.М.,

1968. С. 45); последние обитатели на значительной части Армянского нагорья, окраины которого входили в границы Хеттского и Митанийского царств. Здесь сохранялись пережиточные явления, которые в глубине нагорий Закавказья должны были составлять основу социальной жизни. В этих областях еще не сложились государственные образования, а существовали племенные союзы, вождей которых, как мы показали выше, хоронили с поистине царскими почестями. “Общество Армянского нагорья этого периода стояло, по-видимому, на уровне, близком к состоянию общества Малой Азии того времени, когда началось проникновение тула ассирийских купцов-колониютов и подготавлился процесс образования первых городов-государств” (Дьяконов И.М., 1968. С. 45). Имущественное и социальное расслоение первобытной общины продвинулось уже далеко. Развитие скотоводства, металлургии и рост богатств приводили к постоянным военным столкновениям.

При сохранении еще крепких родовых связей основная масса свободных производителей жила большесемейными общинами, объединяющими малые семьи. Большесемейными усадьбами, состоящими из небольших помещений – “джаргвали” (где обитали малые семьи), являлись, скорее всего, колхидские поселения хуторского типа. Большесемейная община могла занимать также крупную жилую постройку лорибердского комплекса (Деведжян С.Г., 1981. Рис. 1), тогда отдельные ее помещения можно трактовать как жилища малых семей. Наконец, местом обитания большесемейных родовых общин были, скорее всего, жилые комплексы стандартной планировки доурартского поселения Тейшебаини (Мартиросян А.А., 1961; 1964. С. 160).

При интерпретации социальных систем древних обществ в какой-то мере следует опираться и на данные этнографии; последние показывают, что иерархическая структура первобытных обществ не означает существования в них классовых отношений (Массон В.М., 1970; Становление классов и государства, 1976). Родовые связи в первобытных обществах этой ступени развития были еще достаточно сильными, что закреплялось, в частности, в сфере погребальных обрядов. У папуасов, находящихся еще на раннеземледельческой стадии развития, уже имелись вожди, знахари, общинники и “слуги” (очевидно, из числа военнопленных). Любопытно их количественное соотношение у племени могеа – 100 вождей, около 3000 рядовых общинников и 250 “слуг” (Кабо В.Р., 1966. С. 60). В Мела-

незии существовала следующая иерархия вождей – мелкие главари родовых групп, военные вожди с личными слугами, крупные вожди-ростовщики (Народы Африки и Океании, 1956. С. 450). На различных островах Полинезии иерархические отношения были неодинаковыми, однако повсюду были вожди нескольких рангов, жрецы, главы больших семей, сельские общинники и рабы – “люди войны” (Кунов Г., 1929. С. 363). Во главе суданского племени нуэро стоял “владыка земли” или “лекарь земли”, распределявший землю между отдельными родами. Второй фигурой являлся “владыка скота”, в обязанности которого входили распределение скота между семьями, наблюдение за его передвижением на кочевья и водопой, организация инициаций и связанных со скотом обрядов; видное место занимал и военный предводитель. Все эти лица со своими семьями и родичами пользовались наибольшим влиянием в племени (Народы Африки, 1954. С. 245).

Деление на социальные ранги наблюдается и в других обществах, стоящих на разных стадиях разложения первобытнообщинных отношений – в древней Индии, у кельтов, майя (Крюков М.В., 1968. С. 198). Весьма выразительна в этом плане система членения общества в Чжоуском Китае (IX–III вв. до н.э.), где письменные источники дублировались археологическими данными. Китайское общество было разделено не только на “благородных”, “напрягающих свой ум” и “низких”, “напрягающих свою силу”, но членилось на десять более мелких социальных рангов, состоящих в многоступенчатой зависимости друг от друга. Со словия различались правами и обязанностями по отношению к вышестоящим и нижестоящим; их также отличали определенные установления в материальной и духовной жизни. Так, согласно трактату “Гуаньдзы”, “одежда распределяется в зависимости от ранга, богатства используются, соизмеряясь с жалованием, питье и еда имеют меру, одежда – установление, жилища – правила. При жизни люди соблюдают различия в шапках, одежде, жалованье, полях и усадьбах, а после смерти есть установления относительно их внутреннего и внешнего гроба, савана, головной накидки, могильной ямы и надмогильного холма” (Крюков М.В., 1968. С. 21).

Так письменные и этнографические данные из истории других народов в какой-то мере способствуют приближенному пониманию сложной и почти не восстанавливаемой по археологическим данным структуры общества Кавказа II тысячелетия до н.э.

Литература к части I

- Абесадзе Ц.Н., Бахтадзе Р.А., Двали Т.Н., Джапаридзе О.М., 1958. К истории медно-бронзовой металлургии Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Абесадзе Ц.Н., 1969. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н.э. (Куро-аракская культура). Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Абесадзе Ц.Н., 1974а. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // РКТМЭ. Тбилиси. I. На груз. яз. с рус. рез.
- Абесадзе Ц.Н., 1974б. Химическое изучение металлических предметов из курганов Квемо-Картли // РКТМЭ. Тбилиси. II. На груз. яз. с рус. рез.
- Абесадзе Ц.Н., Бахтадзе Р.А., 1987. Из истории древнейшей металлургии Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии.
- Абибуллаев О.А., 1953. Раскопки холма Кюльтепе // КСИИМК. Вып. 51.
- Абибуллаев О.А., 1959а. Раскопки холма Кюльтепе близ Нахичевани в 1955 г. // МИА. № 67.
- Абибуллаев О.А., 1959б. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку. На азерб. яз.
- Абибуллаев О.А., 1961а. Энеолитическая культура Азербайджана: (По материалам Кюльтепе) // МАД. Т. 2.
- Абибуллаев О.А., 1961б. Материалы Шахтахтинского погребения // ИАН АЗССР. 5.
- Абибуллаев О.А., 1963. Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане // СА. № 3.
- Абибуллаев О.А., 1965а. Остатки жилищ во втором слое поселения Кюльтепе около Нахичевани // МИА. № 125.
- Абибуллаев О.А., 1965б. К вопросу о древней металлургии Азербайджана: (По материалам поселения Кюльтепе) // МИА. № 125.
- Абибуллаев О.А., 1965в. Погребальные памятники из поселения Кюльтепе // АИА.
- Абибуллаев О.А., Алиев В.Г., 1970. Памятники эпохи бронзы Нахичеванской АССР // МВСПИАЭИ, 1969 г.
- Абибуллаев О.А., 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Абрамшвили Р.М., Микеладзе Т.К., 1965. Археологические раскопки на строительных площадках Ингур-ГЭС в 1964 г. // Объединенная науч. сес. Зугдидского ист.-этногр. музея и Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР. Зугдиди.
- Абрамшвили Р.М., 1976. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси // АИН ГССР.
- Абрамшвили Р.М., Гизуашвили Н.И., Кахиани К.К., 1980. Археологические памятники Грмахевистави. Тбилиси.
- Абдушевиши М.Г., 1966. Краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси.
- Авалишвили Г.Б., 1964. Энеолитическое поселение в окрестностях Тбилиси // Археол. сб.: Тр. VII Всесоюз. студ. конф. Л.
- Аветисян П.С., 1986. Раскопки в Мастаре // АО 1986 г.
- Азизян Г.А., 1963. О черепе из энеолитических погребений в районе Шенгавита // ИФЖ. 3.
- Алекперов А.И., 1986. Терракота древнего Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Алекперов А.К., 1927. Поездка в Зангезур и Начихеванский край // ИООИА.
- Алекперов А.К., 1937. Крашенная керамика Нахичеванского края и Ванское царство // СА. IV.
- Алекперов А.К., 1960. Археологические обследования Нахичеванских районов Азербайджанской ССР в 1936 г. // ИАЭА.
- Алексеев В.П., Мкртычян Р.А., 1989. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры // СЭ. № 1.
- Алексеев В.П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
- Алексеев В.П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.
- Алекшин В.А., 1977. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Алиев В.Г., 1962. Новый памятник бронзового века в Нахичевани // ИАН АЗССР. 2. На азерб. яз. с рус. рез.
- Алиев В.Г., 1963. Крашенная керамика Кюльтепе II // ДАН АЗССР. Т. 19, № 5. На азерб. яз. с рус. рез.
- Алиев В.Г., 1966. Культура расписной керамики в Азербайджане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
- Алиев В.Г., 1967. Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане // СА. № 1.
- Алиев В.Г., 1968. Джульфинские археологические находки // ИАН АЗССР. 3.
- Алиев В.Г., 1971. Археологические раскопки в урочище Баба-Дервиш // СА. № 2.
- Алиев В.Г., 1972. Археологические раскопки на холме Кюльтепе II // СА. № 3.
- Алиев В.Г., 1973. К вопросу хронологии культуры расписной керамики в Азербайджане // МКА. VII. На азерб. яз. с рус. рез.
- Алиев В.Г., 1976. Исследование Оглангалы // АО 1975.
- Алиев В.Г., 1977. Культура расписной керамики эпохи бронзы в Азербайджане. Баку. На азерб. яз.
- Алиев В.Г., 1983а. Культура эпохи средней бронзы Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси.
- Алиев В.Г., 1983б. Древние соляные копи в Нахичевани // ИАН АЗССР. 4. На азерб. яз. с рус. рез.
- Алиев В.Г., Исмаилов Г.С., 1969. Новые находки культуры расписной керамики в бассейнах рек Гуручай и Кенделенчай // ИАН АЗССР. 2.
- Амиранашвили Ш.Я., 1947. Серебряный кубок из Триалети // ВДИ. № 2.
- Амиранашвили Ш.Я., Надимашвили С.И., 1961. Итоги работ 1956 и 1960 гг. историко-археологической экспедиции по изучению древнейшего Шида-Картлийского селища "Гудабертка-Цихагора // Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР в 1960 г. Тбилиси. На груз. яз.
- Амиранашвили Ш.Я., Надимашвили С.И., 1962. Итоги работ 1961 г. // Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР в 1961 г. Тбилиси.
- Андреева М.В., 1987. Рец. на кн.: Кавтарадзе Г.Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии // СА. № 4.
- Апакидзе А.М., Николашвили В.Н., 1984. Раскопки в Мцхета // АО 1982 г.
- Апакидзе А.М., Бурчуладзе А.А., 1987. Радиоуглеродное датирование археологических и палеоботанических образцов Грузии. Тбилиси.
- Аполлоний Родосский, 1964. Аргонавтика / Пер., введ. и примеч. Г.Ф. Церетели. Тбилиси.
- Аракелян Б.Н., 1951. Гарни I: Результаты раскопок 1949–1950 гг. Ереван.
- Аракелян Б.Н., Мартиросян А.А., 1967. Археологическое изучение Армении за годы советской власти // СА. № 1.
- Аресян Г.Е., 1970. Материалы из раскопок Кармирбердского (Тазакендского) могильника в Музее Грузии // ВЕГУ. № 1.
- Аресян Г.Е., 1972. Материалы из раскопок Мохраблур 1970 г. // ВЕГУ. № 1.
- Аресян Г.Е., 1973. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА. № 4.

- Арешян Г.Е.*, 1976. Поселения III–I тысячелетия до н.э. в северных предгорьях Араратской долины // П РНПКПИА: ТД.
- Арешян Г.Е.*, 1978. Искусство куро-аракской культуры // II Междунар. симпоз. по арм. искусству. Ереван.
- Арешян Г.Е.*, 1979. Курганы Арича // АО 1978 г.
- Арешян Г.Е.*, 1980а. Норабац – новый памятник эпохи бронзы // АО 1979 г.
- Арешян Г.Е.*, 1980б. Элементы религиозных представлений эпохи зарождения городской цивилизации: (По материалам куро-аракской культуры) // Конф. “Идеологические представления древних обществ”: ТД. М.
- Арешян Г.Е.*, 1985а. Новонайденное курганное поле у южного подножия горы Арагац // Всесоюз. археол. конф. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”: ТД. Баку.
- Арешян Г.Е.*, 1985б. Охранные раскопки в с. Маисян // АО 1983 г.
- Арешян Г.Е.*, 1985в. Отражение индоевропейской мифологии в памятниках искусства Восточной Армении среднего и позднего бронзового века // IV Междунар. симпоз. по арм. искусству. Ереван.
- Арешян Г.Е.*, 1986. Курганы в Маисяне // АО 1984 г.
- Арешян Г.Е.*, 1987. Опыт интерпретации изобразительной композиции кубка из кургана “Корух-таш” в Триалети // Респ. науч. сес., посвящ. итогам полевых этногр. и фольклорных исслед. в АрмССР 1984–1985 гг.: ТД. Ереван. На арм. яз.
- Арешян Г.Е.*, 1988а. Маисянские курганы // АО 1985 г.
- Арешян Г.Е.*, 1988б. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуручья Куры и Аракса II тысячелетия // ВДИ. № 4.
- Арешян Г.Е.*, 1989. Триалетская культурная эпоха (секвенция) и ее хронологическое положение // НСПИПАИ АрмССР, 1987–1988 гг. На арм. яз.
- Арешян Г.Е.*, 1991. Соотношение типов хозяйства и развитие культур в раннем и среднем бронзовом веке Армянского Нагорья и Южного Кавказа // Мировая культура: Традиции и современность. М.
- Арешян Г.Е., Кафадрян К.К.*, 1975. Рождение монументальной архитектуры Армении // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974 г. М.
- Арешян Г.Е., Кафадрян К.К., Симонян А.Е., Тирицян Г.А., Калантарян А.А.*, 1977. Археологические разведки в Аштаракском и Наирийском районах // ВОН. На арм. яз.
- Арешян Г.Е., Симонян А.Е.*, 1988. Работы в Иджеванском районе // АО 1986 г.
- Арешян Г.Е., Оганесян В.Э., Мурадян Ф.М., Аветисян П.С.*, 1990. Конец среднего бронзового века в междуручье Аракса и Куры ИФЖ. 1.
- Артёмьев В.А., Бутото С.В., Дрожжин В.М., Романова Е.Н.*, 1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду C₁₄ // СА. № 2.
- Археологические экспедиции Государственного музея Грузии, 1971, 1974, 1975, 1978. Тбилиси.
- Археология Грузии, 1959. Тбилиси. На груз. яз.
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.*, 1959. Древний Мингечаур. Баку.
- Атаев Г.Д.*, 1986. Бассейн р. Сулак в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Атаев Д.М., Кушнарёва К.Х.*, 1966. Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан) // КСИА. Вып. 108.
- Ахундов Д.А., Алиев В.Г.*, 1977. Реконструкция городов-крепостей и цитаделей древней Нахичевани // УЗМВСО АзССР. X, 2.
- Ахундов Т.И.*, 1987. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане (середина III – середина II тысячелетия до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Ашуров С.Г.*, 1992. Керамика эпохи ранней бронзы Нахичевани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
- Бадалян Р.С.*, 1984. Раннебронзовое поселение близ с. Карнаут // ИФЖ. 1.
- Бадалян Р.С.*, 1985а. Раскопки Карнаутского поселения // АО 1983 г.
- Бадалян Р.С.*, 1985б. Зооморфные надочажные подставки эпохи ранней бронзы из Карнаута // ВОН АН АТМ. ССР. 8.
- Бадалян Р.С.*, 1986а. Раскопки Карнута поселения // АО 1984 г.
- Бадалян Р.С.*, 1986б. Раннебронзовая культура Ширака: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.
- Байбуртян Е.А.*, 1933. Псевдонеоолитические памятники Армении // Пробл. ГАИМК. № 1–2.
- Байбуртян Е.А.*, 1937. Проблема крашеной керамики в Армении // ВИИЛ АрмССР. 2.
- Байбуртян Е.А.*, 1938. Культовый очаг из Шенгавитского поселения // ВДИ. № 2.
- Бардавелидзе В.В.*, 1949. Земельные владения древнегрузинских святилищ // СЭ. № 1.
- Бардавелидзе В.В.*, 1952. Главное божество древнегрузинского пантеона Гмерти // ВЭК.
- Бардавелидзе В.В.*, 1957. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси.
- Бахшалиев В.Б.*, 1985. Древние горные выработки в Вайхнерском месторождении // Всесоюз. археол. конф.: ТД. Баку.
- Бахшалиев В.Б.*, 1986. Металлургия и металлообработка на территории древней Нахичевани (IV–II тысячелетия до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Бдоян В.А.*, 1968. Земледельческая культура Армении: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси.
- Белоглазова Т.А.*, 1981. Гончарные печи в окрестностях с. Великент // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Берицивили М.Т., Схиртладзе З.Н.*, 1984. К пониманию сюжетных изображений на серебряном кубке из Триалети // ТКАЭ. VI.
- Берзин Э.О.*, 1988. О социальной структуре индоевропейской и кавказской общностей в раннем бронзовом веке // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси. 8.
- Бжания В.В.*, 1966а. Древнейшая культура Абхазии: (Эпоха энеолита и ранней бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Бжания В.В.*, 1966б. Мачарское поселение эпохи энеолита и ранней бронзы в Абхазии // СА. № 1.
- Бжания В.В.*, 1973. Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Бжания В.В.*, 1988. Древние рудники у перевала Аденгъ // Медные рудники Западного Кавказа III–I тысячелетий до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве: ТД. БПАС.
- Бибииков С.Н.*, 1953. Поселение Лука Врублевская // МИА. № 38.
- Бокарев А.Е.*, 1961. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала.
- Бохочадзе А.В.*, 1986. Настакская экспедиция // АО 1984 г.
- Бочкарев В.С., Резепкин А.Д.*, 1980. Работы Кубанской экспедиции // АО 1979 г.
- Брегадзе Н.А.*, 1969. Горное земледелие в Западной Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Брегадзе Н.А.*, 1982. Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси.
- Бунятов Т.А.*, 1957. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку.
- Бунятов Т.А.*, 1968. История земледелия и скотоводства в Азербайджане: (С древнейших времен до XIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
- Бурчуладзе А.А., Гедванцивили Л.Д., Пагава С.В., Тогоидзе Г.И., Эристави И.В., Чалаташвили Д.В.*, 1970. Радиоуглеродное датирование образцов органического происхождения // САН ГССР. 80.
- Вавилов Н.И.*, 1935. Селекция как наука // Теоретические основы селекции растений. М.; Л. Т. 1.
- Вазарашвили В.В.*, 1992. Раннеземледельческая культура Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси.
- Вайман А.А.*, 1964. Шумеро-вавилонская математика. М.
- Гаджиев А.Г.*, 1965. Происхождение народов Дагестана: (По данным антропологии). Махачкала.

- Гаджиев М.Г., 1968. Новые данные о южных связях Дагестана в IV–III тысячелетиях до н.э. // КСИА. Вып. 108.
- Гаджиев М.Г., 1969. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // АО 1968 г.
- Гаджиев М.Г., 1971. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане // АО 1970 г.
- Гаджиев М.Г., 1979. Северо-Восточный Кавказ и куро-аракская культура // IX КЧ по археологии: ТД. Элиста.
- Гаджиев М.Г., 1980а. Изучение памятников бронзового века в прикаспийском Дагестане // АО 1979 г.
- Гаджиев М.Г., 1980б. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1981. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1983. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1985. Изучение стратиграфии прикаспийских поселений эпохи бронзы // Всесоюз. археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке": ТД. Баку.
- Гаджиев М.Г., 1986а. К этнографии Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Гаджиев М.Г., 1986б. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1986в. О древней металлообработке в Дагестане // *Studia praehistorica*. С., 8.
- Гаджиев М.Г., 1987а. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа: (Эпоха энеолита и ранней бронзы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван.
- Гаджиев М.Г., 1987б. Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. Вып. 192.
- Гаджиев М.Г., 1987в. Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла: (Вопросы периодизации) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1988. Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1989. Поселения и жилища Дагестана эпохи ранней бронзы // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1990. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- Гаджиев М.Г., Маммаев М.М., 1978. Исследования Прикаспийской экспедиции // АО 1977 г.
- Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гамкрели Н.Н., 1971. Костные остатки лошадей бронзового века в Грузии // ИПАИ в 1970 г.: ТД.
- Гамкрелидзе Т.М., 1964. "Анатолийские языки" и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен // VII МКАЭН.
- Гамкрелидзе Т.М., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. Т. I, II.
- Геворкян А.Ц., 1972а. Древняя разработка меди // АО 1971 г.
- Геворкян А.Ц., 1972б. Древнейшая металлургия и горное дело на территории Армении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Геворкян А.Ц., 1972в. Химическая характеристика металла из Лчашенских курганов // СА. № 2.
- Геворкян А.Ц., 1973. О древнейшей меднорудной базе Армении // СА. № 4.
- Геворкян А.Ц., 1980. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван.
- Геворкян А.Ц., Черных Е.Н., 1971. В поисках древних медных рудников Армении // АО 1970 г.
- Глонти Л.И., 1970. Поселение куро-аракской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Глонти Л.И., Джавахишвили А.И., Джавахишвили Г.А., и др., 1968. Некоторые итоги работ 1964 г. Урбнисской и Квирильской экспедиций // ВГМГ. XXV-V.
- Глонти Л.И., Немсадзе Г.М., Джавахишвили А.И., 1986. Отчет о работах, проведенных в местности Бериклдеби района Карели в 1979–1981 гг. // АЭГМГ. 8.
- Глонти Л.И., Джавахишвили А.И., 1987. Новые данные о многослойном памятнике эпох энеолита-поздней бронзы в Шида Картли–Бериклдеби // КСИА. Вып. 192.
- Глонти М.Г., 1982. Раскопки поселения Квемо Араниси // АО 1981 г.
- Глонти М.Г., 1984. Памятники Арагвского ущелья раннебронзовой эпохи // "Душетская" науч. конф., посвящ. пробл. взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1951. Холм Нацар-гора близ Сталинири // Мимомхилвели. Тбилиси. Т.2. На груз. яз.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1952а. Археологические раскопки в советской Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1952б. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби // САН СССР Т. 13, № 3.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1967. Веденская гробница // ДПК. 12. На груз. яз.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1971. Веденские курганы // ВНСПЭИ в 1970 г.: ТД.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1978. Селище Тетри-Цкаро. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Гобеджишвили Г.Ф., Инанишвили Г.В., Муджири Т.П., 1988. Опыт коллективного исследования памятников горного дела и металлургии Верхней Рачи // Медные рудники Западного Кавказа III–I тысячелетий до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. БПАС: ТД.
- Гогадзе Э.М., 1970а. К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети // ВДИ. Тбилиси. № 3.
- Гогадзе Э.М., 1970б. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Гогадзе Э.М., 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Гогадзе Э.М., 1982. Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Гогадзе Э.М., 1984. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры: (По материалам Носири-Мухурча) // ВГМГ. XXXVII-V.
- Гозочури Г.К., 1987. Исследования в с. Абаносхеви // АО 1986 г.
- Гордезиани Р.В., 1975. Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. Тбилиси.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан. Л.
- Гуммель Я.И., 1939а. Крашеная керамика долины Ганджачая // ИАЗ ФАН СССР. 5.
- Гуммель Я.И., 1939б. Раскопки в НКАО в 1938 г. // ИАЗ ФАН СССР. 4.
- Гуммель Я.И., 1941. Памятники в окрестностях Килик-дага // ИАЗ ФАН СССР. 2.
- Гуммель Я.И., 1948. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИИМК. Вып. XX.
- Гусейнов М.М., 1956. Древние каменные молотки Нахичевана // ИАН АЗССР. XII, 2.
- Дадашев А.И., 1986. Земледельческое производство эпохи палеометалла на территории Азербайджана (VI–I тысячелетий до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Деведжян С.Г., 1981. Лори-Берд I: Результаты раскопок 1969–1973 гг. Ереван.
- Дедабришвили Ш.Ш., 1969. Памятники эпохи ранней и средней бронзы // ТКАЭ. 1.
- Дедабришвили Ш.Ш., 1970. Культуры эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

- Дедабришвили Ш.Ш.*, 1971. Работы второго отряда Кахетинской археологической экспедиции // АО 1970 г.
- Дедабришвили Ш.Ш.*, 1978. Раскопки поселения Цхракара // АО 1977 г.
- Дедабришвили Ш.Ш.*, 1979. Курганы Алазанской долины. Тбилиси.
- Дедабришвили Ш.Ш., Русишвили Р.Н.*, 1980. Погребение периода средней бронзы из Земо-Алазани // ТКАЭ. 4. На груз. яз. с рус. рез.
- Дедабришвили Ш.Ш., Русишвили Р.Н.*, 1984. Среднебронзовый курган № 2 в Садугской долине // ТКАЭ. 4. На груз. яз. с рус. рез.
- Дешиериев Ю.Д.*, 1963. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. Грозный.
- Джавахишвили А.И., Глонти Л.И.*, 1962. Урбниси, 1: Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлелиа-кохи). Тбилиси. На груз. яз.
- Джавахишвили А.И.*, 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тысячелетий до н.э. Тбилиси.
- Джапаридзе И.О.*, 1975. Серебряный кубок из Триалети // ТТГУ. 165. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе Н.О.*, 1981. Ювелирное искусство эпохи бронзы Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Джапаридзе Н.О.*, 1988. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М.*, 1953а. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии // ТТГУ. 49.
- Джапаридзе О.М.*, 1953б. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА. XVIII.
- Джапаридзе О.М.*, 1955а. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. Вып. 60.
- Джапаридзе О.М.*, 1955б. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси. На груз. яз.
- Джапаридзе О.М.*, 1959. Дольменная культура Грузии // ТТГУ. 77. На груз. яз.
- Джапаридзе О.М.*, 1960. Археологические раскопки в Триалети в 1957–1958 гг. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М.*, 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М.*, 1962. Археологические раскопки в Триалети в 1959–1962 гг. // СА. № 2.
- Джапаридзе О.М.*, 1964. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии // VII МКАЭН. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М.*, 1969. Археологические раскопки в Триалети: (К истории грузинских племен во II тысячелетии до н.э.). Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М.*, 1970. Эпоха средней бронзы в Грузии // Очерки истории Грузии. Тбилиси. 1. На груз. яз.
- Джапаридзе О.М.*, 1975. Курганы эпохи бронзы // ОККАЭ за 1965–1971 гг. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М.*, 1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М.*, 1980. Эпоха ранней бронзы в Закавказье // Кавказ и Среднеземноморье. М.
- Джапаридзе О.М.*, 1981. Художественное ремесло в древней Грузии // Древний Восток и мировая культура. М.
- Джапаридзе О.М.*, 1982. Из истории археологического изучения Грузии // ВГМГ. XXXVI-V.
- Джапаридзе О.М.*, 1989. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т.*, 1985. Памятники Месхети эпохи средней бронзы. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Церетели А.К.*, 1986. Отчеты работ Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1980–1981 гг. // АЭГМГ. 8.
- Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б.*, 1971. Новый очаг триалетской культуры // АО 1970 г.
- Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б.*, 1974. Раскопки месхетских курганов // АО 1973 г.
- Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т.*, 1977. Результаты работ Месхет-Джавахетской экспедиции за 1974–1975 гг. // АЭГМГ. 5. На груз. яз.
- Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т.*, 1980. Отчет Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1978–1979 гг. // АЭГМ. 7.
- Джапаридзе О.М., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т.*, 1981. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джаукян Г.Б.*, 1967. Очерки по истории дописьменного периода армянского народа. Ереван.
- Джафарзаде И.М.*, 1946. Обследование циклопических сооружений // ИАН АзССР. 9. На азерб. яз. с рус. рез.
- Джафарзаде И.М.*, 1973. Гобустан. Баку. С азерб. рез.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И.*, 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
- Дьяконов И.М.*, 1963. Предисл. к кн.: Пиотровский Б.Б. Урартские письма и документы. М.; Л.
- Дьяконов И.М.*, 1967. Языки Передней древней Азии. М.
- Дьяконов И.М.*, 1968. Предыстория армянского народа. Ереван.
- Есаян С.А.*, 1966. Оружие и военное дело древней Армении (III–I тысячелетия до н.э.). Ереван.
- Есаян С.А.*, 1971. Памятники эпохи ранней бронзы Северо-Восточной Армении // ВОН АН АрмССР. Ереван. 7.
- Есаян С.А.*, 1972. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана. Ереван. III. На арм. яз. с рус. рез.
- Есаян С.А.*, 1976. Древняя культура Северо-Восточной Армении. Ереван.
- Есаян С.А.*, 1980. Скульптура древней Армении. Ереван.
- Есаян С.А.*, 1981. Стратиграфия расписной керамики Айгеванского поселения // ИФЖ. 2.
- Есаян С.А., Шагинян А.Н.*, 1962. Археологические находки в Зангезуре // СА. № 3.
- Есаян С.А., Каранетян Л.Л.*, 1963. Археологические находки в Ереване // ИФЖ. 3.
- Есаян С.А., Каранетян Л.Л.*, 1965. Новонайденное могильное поле близ Еревана // ИФЖ. 4.
- Жоржикашвили Л., Гогадзе Э.*, 1974. Памятники Триалети эпохи ранней и поздней бронзы. Тбилиси.
- Захаров А.А.*, 1927. Хеттская керамика Богаз-Кея и некоторые закавказские параллели // ИООИА. 8.
- Збеневич В.Г.*, 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
- Иващенко М.М.*, 1935. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис.
- Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И.*, 1963. Древние поселения у с. Серженьюрт в Чечено-Ингушетии // КСИА. Вып. 94.
- Иессен А.А.*, 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 120.
- Иессен А.А.*, 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки // МИА. № 23.
- Иессен А.А.*, 1963. Кавказ и Древний Восток в IV–III тысячелетиях до н.э. // КСИА. Вып. 93.
- Иессен А.А.*, 1965а. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. № 125.
- Иессен А.А.*, 1965б. Поселение Уч-тепе // МИА. № 125.
- Иессен А.А.*, 1965в. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // МИА. № 125.
- Исмаилов Г.С.*, 1962. Глиняные фигурки из поселения Бабадервиш близ г. Казах // ДАН АзССР. 10.
- Исмаилов Г.С.*, 1963. Из истории древней культуры Западного Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Исмаилов Г.С.*, 1970. Памятник Кюльтепе в Физулинском районе // ДАН АзССР. XXVI. 4.
- Исмаилов Г.С.*, 1971. Новые данные о Гарабулагском могильнике ДАН АзССР. 11–12.
- Исмаилов Г.С.*, 1972. Поселение на холме Гаракепктепе // АО 1971 г.
- Исмаилов Г.С.*, 1973. Каменные орудия древнего населения Азербайджана: (На основе материалов поселения Бабадервиш) // МКА. VIII.

- Исмаилов Г.С., 1978а. Работы Физулинского отряда // АО 1977 г.
- Исмаилов Г.С., 1978б. Археологические исследования древнего поселения Бабадервиш (III тысячелетие до н.э.). Баку.
- Исмаилов Г.С., 1980. Исследование поселения периода ранней бронзы на холме Гаракепектепе // АО 1979 г.
- Исмаилов Г.С., 1981. Раскопки Гаракепектепе // АО 1980 г.
- Исмаилов Г.С., 1983. Раннебронзовая культура Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси.
- Исмаилов Г.С., Даниелян О.А., 1986. Раскопки на поселении Гаракепектепе // АО 1984 г.
- Исмаилов Г.С., 1987а. Раннебронзовая культура на территории Азербайджана // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Исмаилов Г.С., 1987б. Этапы развития древнейшей металлургии и металлообрабатывающего производства на территории Азербайджана // КСИА. Вып. 192.
- Исмаилов Г.С., 1987в. Исследование раннеземледельческих поселений в междуречье Гуручай и Кенделенчай // АО 1985 г.
- Исмаилов Г.С., 1987 г. Исследование петроглифов на Кельбаджарском высокогорье // АО 1985 г.
- Исмаилов Г.С., Алиев В.Г., 1972. Погребальные памятники в урочище Бабадервиш // ИАН АзССР. 2. На азерб. яз. с рус. рез.
- Исмаилов Г.С., Даниелян О.А., Ибрагимов Н.С., 1988. Работы Физулинской экспедиции // АО 1986 г.
- История Древнего Востока, 1979. М.
- Кавтарадзе Г.Л., 1979. К социологической интерпретации "царских гробниц" // МАГК. 7. На груз. яз. с рус. рез.
- Кавтарадзе Г.Л., 1981. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси. На груз. яз. с рус. и англ. рез.
- Кавтарадзе Г.Л., 1983. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси.
- Кавтарадзе Г.Л., 1987. Некоторые вопросы хронологии Грузии эпохи энеолита – ранней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Кавтарадзе Г.Л., 1992. Вопросы этнической истории Кавказа и проблема хронологизации и периодизации: Дис. ... д-ра ист. наук: (Науч. докл.). Тбилиси.
- Казиев С.М., 1960. Результаты археологических раскопок в Варданлах // ИАН АзССР. Сер. обществ. наук. На азерб. яз.
- Казиев С.М., 1965. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы // МКА. 6.
- Казиев С.М., Бабаев И.А., Османов Ф.Л., 1970. Работы Кабалинской экспедиции // АО 1969 г.
- Калантарян А.А., Хачатрян Ж.Д., 1969. Уникальная находка из бассейна Севана // ВОН АН АрмССР. 4.
- Капанадзе М.Т., 1980а. Курган I эпохи средней бронзы из Акакиант-хеви // ТКАЭ. 4.
- Капанадзе М.Т., 1980б. Могильники эпохи средней бронзы из Мцаре Цкали // Археологические изыскания. МНСМАА. II. На груз. яз. с рус. рез.
- Капанадзе М.Т., 1984. Могильники эпохи бронзы и Иорского ущелья // ТКАЭ. 6.
- Капанадзе М.Т., 1985. Могильник эпохи средней бронзы из Мцаре Цкали // Археологические изыскания. МНСМАА. IV–V. На груз. яз. с рус. рез.
- Каратетян Л.Л., 1964а. Формы и орнаментация расписной керамики Армении // ИФЖ. 3.
- Каратетян Л.Л., 1964б. Формы и орнаментация энеолитической керамики Армении // ИАН АрмССР. 6.
- Каратетян Л.Л., 1972. Раскопки Кармирберской (Тазакендской) крепости // СА. № 2.
- Кафадолян К.Г., 1952. Город Двин и его раскопки. Ереван.
- Квавадзе Д., 1988. Курганы эпохи средней бронзы урочища Шави мицис вели // ТКАЭ. 8. На груз. яз. с рус. рез.
- Кесаманлы Г.П., 1978. Хачбулагский курган с массовым захоронением // МКА. VIII. На азерб. яз. с рус. рез.
- Кесаманлы Г.П., 1981. Исследования Шамхорской экспедиции // АО 1980 г.
- Кесаманлы Г.П., Гуссейнова М.А., 1975. Археологические исследования в зоне с. Хачбулаг Дашкесанского района // АЭ-ИА. 1974.
- Кесаманлы Г.П., Джафаров Г.Ф., Бабаев И.А., 1978. Работы Шамхорского отряда // АО 1977 г.
- Кесаманлы Г.П., Джафаров Г.Ф., Нариманов И.Г., 1979. Работы Шамхорской экспедиции // АО 1978 г.
- Киквидзе Я.А., 1963. Орошение в древней Грузии: (Историко-археологический очерк). Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Киквидзе Я.А., 1972. Раннебронзовое поселение Хизанаантгора. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Киквидзе Я.И., 1976. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Киквидзе Я.А., 1980. Некоторые вопросы развития храмового хозяйства в древней Грузии // ИФР. 1.
- Киквидзе Я.А., 1988. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси.
- Кинк Х.А., 1970. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М.
- Климов Г.А., 1965. Кавказские языки. М.
- Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура: Восточный вариант. М.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1966. Древний Серженьюртовский поселок в ЧИАССР // КСИА. Вып. 106.
- Кореневский С.Н., 1978. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Кореневский С.Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Коридзе Д.Л., 1955. Археологические памятники Тбилиси. Тбилиси. Ч. 1. На груз. яз.
- Коридзе Д.Л., 1965. К истории колхской культуры. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Коробкова Г.Ф., 1981. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Коробкова Г.Ф., 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.
- Котович В.Г., 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. 1.
- Котович В.Г., 1961а. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗИИЯЛ. 9.
- Котович В.Г., 1961б. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Т. 2.
- Котович В.Г., 1965. О хозяйстве населения горного Дагестана // СА. № 3.
- Котович В.Г., 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
- Котович В.Г., Котович В.М., 1973. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Котович В.М., 1964. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века // УЗИИЯЛ. 12.
- Котович В.М., 1965. Верхнегунибское поселение. Махачкала.
- Котович В.М., 1986. Зооморфные образы древнеземледельческого культа плодородия в горном Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Круглов А.П., 1940. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. 5.
- Круглов А.П., 1958. Северо-Восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68.
- Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. № 23.
- Крупнов Е.И., 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55.
- Крупнов Е.И., 1957. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья // СА. № 2.
- Крупнов Е.И., 1964. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА. № 1.
- Крюков М.В., 1968. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. Дербент в эпоху ранней бронзы // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.

- Кунов Г., 1929. Всеобщая история хозяйства. М.; Л.
- Куфтин Б.А., 1940. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии // КСИИМК. Вып. VIII.
- Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
- Куфтин Б.А., 1943. Урартский "колумбарий" у подошвы Ара-рата и куро-аракский энеолит // ВГМГ. XIII-В.
- Куфтин Б.А., 1944. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // ВГМГ. XII-В.
- Куфтин Б.А., 1948. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси.
- Куфтин Б.А., 1949а. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси.
- Куфтин Б.А., 1949б. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси. I.
- Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси. II.
- Куфтин Б.А., 1974. Археологическая маршрутная экспедиция в бассейны рек Лиахви, Проне, Квирилы и среднего Риони в 1951 г. // ВГМГ. XXX-В.
- Кушнарера К.Х., 1954. Памятники медного века в Нагорном Карабахе // СА. XXI.
- Кушнарера К.Х., 1957. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама // КСИИМК. Вып. 69.
- Кушнарера К.Х., 1959. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама // МИА. № 67.
- Кушнарера К.Х., 1960. Тазакендский могильник в Армении // СА. № 1.
- Кушнарера К.Х., 1965. Новые данные о поселении Узерлик-тепе около Агдама // МИА. № 125.
- Кушнарера К.Х., 1973. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. Вып. 134.
- Кушнарера К.Х., 1974. Торговля и обмен в Закавказье в древности // КСИА. Вып. 138.
- Кушнарера К.Х., 1977. Древнейшие памятники Двина. Ереван.
- Кушнарера К.Х., 1982. К выделению культур эпохи средней бронзы на Южном Кавказе // ВСКПЭБРЖ: ТД.
- Кушнарера К.Х., 1983. К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы // КСИА. Вып. 176.
- Кушнарера К.Х., 1985. Севано-узерликская культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа // Культурное наследие Востока. Л.
- Кушнарера К.Х., 1986. Ожньй Кавказ в IX–II тысячелетиях до н.э.: (Этапы культурного и социально-экономического развития): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван.
- Кушнарера К.Х., 1987. Итоги работ Азербайджанской экспедиции // КСИА. Вып. 192.
- Кушнарера К.Х., 1992. Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. Вып. 209.
- Кушнарера К.Х., Лисицына Г.Н., 1979. О возникновении пашенного земледелия в Закавказье: (К постановке проблемы) // СА. № 3.
- Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- Кушнарера К.Х., Якобсон А.Л., 1966. Основные итоги и перспективы Азербайджанской (Оренкалинской) археологической экспедиции // КСИА. Вып. 108.
- Лалаян Е.А., 1906. Нахичеванский район // ЭО. XIII, вып. 1. На арм. яз.
- Лалаян Е.А., 1919. Раскопки в с. Нидж и Варташен Нухинского уезда // ИКОМАО. 5.
- Лалаян Е.А., 1931. Раскопки курганов в советской Армении. Ереван.
- Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Ломтатидзе Г.А., 1955. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави // МАГК. 1. На груз. яз. с рус. рез.
- Ломтатидзе Г.А., 1974. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси. На груз. яз.
- Лордкипанидзе О.Д., 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Лукин А.П., 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии ГОИПКГЭ. 1.
- Любин В.П., 1955. Археологическая разведка в окрестностях Сталинира // КСИИМК. Вып. 60.
- Любин В.П., 1966. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия) // КСИА. Вып. 108.
- Магомедов С.М., 1975. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III–II тысячелетиях до н.э. // V КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Магомедов С.М., 1976. К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане // VI КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. М.
- Магомедов Р.Г., 1986. Об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Майсурадзе В.Г., 1986. Материальная культура бассейна верховьев рек Иори–Алазани в эпоху бронзы–железа Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.
- Макалатия М.Н., 1975. Скотоводство в горной части Восточной Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Макалатия С.И., 1943. Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиви // Тр. Горийского ист.-этногр. музея. Тбилиси.
- Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.) // МИА. № 93.
- Марковин В.И., 1978. Дольмены Северного Кавказа. М.
- Маркс К., 1935. К критике политической экономии. М.
- Марр Н.Я., Смирнов Я.И., 1931. Вишапы. Л.
- Мартirosян А.А., 1961. Город Тейшебани. Ереван.
- Мартirosян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Мартirosян А.А., Мнацаканян А.О., 1973. Приереванский клад древней бронзы // КСИА. Вып. 134.
- Мартirosян А.А., Мунчаев Р.М., 1968. Рец. на кн.: Сардарян О.А. Первобытное общество в Армении // СА. № 3.
- Массон В.М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. Л.
- Массон В.М., 1967. Древние земледельцы на территории СССР // Возникновение и развитие земледелия. М.
- Массон В.М., 1970. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
- Массон В.М., 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе: (Некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Махарадзе З.Э., 1986. Курган I долины Дилича // Археологические изыскания МНСМАА. 6.
- Махмудов Ф.Р., 1979. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Махмудов Ф.Р., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г., 1964. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. № 4.
- Мачавариани Г.И., 1964. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях // VII МКАЭН. М.
- Межлумян С.К., 1972. Палеофауна эпох энеолита, бронзы и железа на территории Армении. Ереван.
- Меликишвили Г.А., 1965а. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси. На груз. яз.
- Меликишвили Г.А., 1965б. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. № 1.
- Менабде М.В., Кизурадзе Т.В., 1981. Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Мещанинов И.И., 1926. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорном Карабахе и Нахичеванском крае // СГАИМК. 1.
- Микеладзе Т.К., 1969. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси.
- Микеладзе Т.К., 1974. Исследования по истории древнейшего

- населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси. На груз. яз. с рус. и англ. рез.
- Микеладзе Т.К., 1978. Археологические исследования в низовьях р. Риони: (Материалы к истории древнего Фасиса). Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Микеладзе Т.К., 1990. К археологии Колхиды. Тбилиси.
- Микеладзе Т.К., Барамидзе М.В., 1976. О некоторых итогах исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек // АИН ГССР. Тбилиси.
- Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. 35.
- Миллер А.А., 1926. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. // СГАИМК. 1.
- Мирзоев Р.Н., 1977. К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников в Дагестане // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Мирцхулава Г.И., 1975. Самшвилде: (Результаты раскопки 1968–1970 гг.). Тбилиси.
- Мирцхулава Г.И., 1981. Отчет работы археологического отряда Эрцо-Тианетской комплексной экспедиции // ПАИ в 1978 г. Тбилиси.
- Мкртумян Ю.И., 1974. Формы скотоводства в Восточной Армении // Армянская этнография и фольклор. Ереван. 6.
- Мнацаканян А.О., 1965. Основные этапы развития материальной культуры Лчашена. Ереван. 2. На арм. яз.
- Муджири Т.П., 1988. Полевые методы комплексного исследования древних рудников // Древние рудники Западного Кавказа III–I тысячелетий до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. БПАС: ТД.
- Муджири Т.П., Гобеджшвили Г.Г., Инаншвили Г.В., Майсурадзе В.Г., 1987. Древнейшие сурьмяные рудники Грузии и их радиоактивные датировки // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Мунчаев Р.М., 1955. Канкетское поселение и проблема кавказского энеолита // СА. XXII.
- Мунчаев Р.М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М., 1982. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.
- Мунчаев Р.М., 1986. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Вамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Мурадова Ф.М., 1979. Гобустан в эпоху бронзы. Баку. На азерб. яз. с рус. рез.
- Мурадова Ф.М., 1986. Раскопки на поселении Дурнатепе // АО 1984 г.
- Мурадова Ф.М., Исмаилов Г.С., 1971. Очажные подставки куро-аракской культуры из памятников Азербайджана // ИАН АзССР. 2. На азерб. яз. с рус. рез.
- Мурадова Ф.М., Рустамов Д.Н., 1970. Археологические работы в Гобыстане // АО 1969 г.
- Мурадова Ф.М., Рустамов Д.Н., 1971. Раскопки в Гобыстане // АО 1970 г.
- Мусаев Д.Д., 1988. Исследование слоя ранней бронзы на поселении Бориспольтепе в 1986 г. // Тез. докл. конф. "Великий Октябрь и развитие археологической науки в Азербайджане". Баку.
- Мусаев Д.Д., 1991. Памятники эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Азербайджана. Баку.
- Надимашивили С.И., 1961а. Археологическое изучение Шида Картли за годы советской власти // II науч. сес. Горийского ист.-этногр. музея. Гори.
- Надимашивили С.И., 1961б. Археологические раскопки древнейшего поселения Шида Картли – "Цихиагора-Гудабертка" // III науч. сес. Горийского ист.-этногр. музея. Гори.
- Нариманов И.Г., 1971. Поселение Пирдерек и Девечи // АО 1970 г.
- Нариманов И.Г., 1973. Архаические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова "нехре" (маслобойка) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С., 1961. Археологические раскопки в Хачбулаге // ИАН АзССР. 3.
- Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С., 1962. Акстафачайское поселение близ г. Казах // СА. № 4.
- Небиеридзе Л.Д., 1986. Раскопки на Чихорском поселении // АО 1984 г.
- Небиеридзе Л.Д., 1987. Исследование Чихорского поселения // АО 1985 г.
- Николаев С.Л., 1985. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзаурикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Ниорадзе Г.К., 1940. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси. На груз. яз.
- Ниорадзе Г.К., 1941. Археологические раскопки в Колхидской низменности // ИИЯИМК. 10. На груз. яз. с рус. рез.
- ОАК за 1984 г. СПб., 1885. См. стр. 330.
- Оганесян В.Э., 1988а. Серебряный кубок из Карашамба // ИФЖ. 4.
- Оганесян В.Э., 1988б. Курган среднебронзового века близ села Карашамб // Древние рудники Западного Кавказа III–I тысячелетий до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. БПАС: ТД.
- Оганесян В.Э., 1990. Культура первой половины II тысячелетия до н.э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.
- Оганесян В.Э., Мурадян Ф., 1986. Погребение 117 карашамбского могильника // ВОН АН АрмССР. Ереван. 4. На арм. яз.
- Орджоникидзе А.З., 1980. Периодизация и хронология памятников раннебронзовой эпохи; Внешние взаимосвязи // Мацне. Тбилиси. № 3. На груз. яз. и рус. рез.
- Орджоникидзе А.З., 1981. Самцхе-Джавахети в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Османов Д.Л., 1987. Раскопки Гырлартепе // АО 1985 г. Отчет Квемо-Картлийской археол. экспедиции (1965–1971 гг.). 1975. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Петросян Л.А., 1973. Разведочные работы в Кети (1970) // ИФЖ. 4. На арм. яз.
- Петросян Л.А., 1976. Новые памятники среднебронзовой эпохи // ИФЖ. 3.
- Петросян Л.А., 1984. Материальная культура Северо-Западного Ширака в III–I тысячелетиях до н.э. по материалам Кети и Воскеаска: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.
- Петросян Л.А., 1989. Раскопки памятников Кети и Воскеаска. Ереван.
- Пиотровский Б.Б., 1939. Вишапы, каменные статуи в горах Армении. М.; Л.
- Пиотровский Б.Б., 1947. Археологическое изучение древнейшего Закавказья // СА. № 9.
- Пиотровский Б.Б., 1949а. Археология Закавказья. Л.
- Пиотровский Б.Б., 1949б. Поселения медного века в Армении // СА. II.
- Пицхелаури К.Н., 1965. Древняя культура племен Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Пицхелаури К.Н., 1982. Археологические исследования в зонах новостроек Иоро-Алазанского бассейна (1975–1979 гг.) // ПАИ ГССР. Тбилиси.
- Пицхелаури К.Н., 1987. Центральное Закавказье в конце III и начале II тысячелетия до н.э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1972. Курганы Садугской равнины. Тбилиси.
- Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., 1976. Археологические исследования на новостройках Кахетии // АИН ГССР. Тбилиси.
- Полевые археологические исследования 1973–1979. Тбилиси.
- Погребова М.Н., 1977. Иран и Закавказье в эпоху раннего железа. М.
- Путуридзе М.Ш., 1983а. Культура эпохи средней бронзы Центрального и Восточного Закавказья и ее локальные варианты: (Гриалетская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Путуридзе М.Ш., 1983б. К вопросу контактов среднебронзовой культуры Центрального и Восточного Закавказья с

- древневосточным миром // ИАН ГССР. № 2. На груз. яз. с рус. рез.
- Путуридзе М.Ш.*, 1983в. Анализ социально-экономической ситуации триалетской культуры // Археологические изыскания МНСМАА. Тбилиси. На груз. яз.
- Путуридзе М.Ш.*, 1984а. К проблеме монохромной расписной керамики раннего этапа среднебронзовой эпохи Центрального и Восточного Закавказья // ТКАЭ. 6. На груз. яз. с рус. рез.
- Путуридзе М.Ш.*, 1984б. Локальные варианты триалетской культуры // САН ГССР. 113, № 3. На груз. яз. с рус. рез.
- Пхакадзе Г.Г.*, 1963. Энеолит Квемо-Картли: (Энеолитические памятники Кикети). Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Пхакадзе Г.Г.*, 1976. Археологические исследования в с. Кода на территории строительства птицефермы // АИН ГССР.
- Пхакадзе Г.Г.*, 1987. К вопросу о взаимосвязи западногрузинской раннебронзовой и майкопской культур // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Пхакадзе Г.Г.*, 1993. Западное Закавказье в III тысячелетии до н.э. Тбилиси.
- Пчелина Е.Г.*, 1929. Археологическая разведка в районе Триалетского холма близ г. Тифлис // Бюл. Музея Грузии. Тифлис. 5.
- Рамшвили Р.М.*, 1980. Исследования на новостройках Арагвского ущелья // АО 1979 г.
- Рамшвили Р.М., Гогочури Г.К., Джорбенадзе В.А.*, и др., 1988. Исследования в горных районах Восточной Грузии // АО 1986 г.
- Рамшвили Р.М., Джорбенадзе В.А.*, 1979. Работы Жинвальской комплексной экспедиции // ПАИ в 1976 г. Тбилиси.
- Рамшвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Маргвелашвили М.Г.*, 1987. Работы Жинвальской комплексной экспедиции // АО 1985 г.
- Рамшвили Р.М., Циклаури И.Д., Гогочури Г.К.* и др., 1986. Жинвальская экспедиция // АО 1984 г.
- Ростунов В.Л.*, 1985а. Очерк истории изучения куро-аракских памятников Центрального Кавказа // Проблемы хронологии и археологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л.*, 1985б. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе: (Хронологический и историко-археологический аспекты миграций) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л.*, 1986. Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III – начала II тысячелетия до н.э. // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л.*, 1988. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л., Козаев П.К.*, 1990. К вопросу о взаимосвязях майкопской и куро-аракской культур // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Кишинев.
- Рушишвили Р.Н.*, 1977. Керамика эпохи средней бронзы из могильника Швиндиани // АИ. На груз. яз.
- Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М.*, 1971. Раскопки в Кобыстане // АО 1970 г.
- Рчеулишвили М.Д.*, 1957. Отгонное овцеводство Грузии и пути его улучшения. Тбилиси.
- Садрадзе В.А.*, 1980. Раскопки в Церовани и Нареквани // АО 1979 г.
- Саидов А.Г.*, 1991. Памятники куро-аракской культуры на территории Нахичевани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
- Сардарян С.А.*, 1967. Первобытное общество в Армении. Ереван.
- Селимханов И.Р.*, 1960а. К исследованию металлических предметов из "энеолитических" памятников Азербайджана и Северного Кавказа // СА. № 2.
- Селимханов И.Р.*, 1960б. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов: (На материале энеолита Азербайджана). Баку.
- Селимханов И.Р.*, 1962. О никеле в древних медных сплавах // ДАН АзССР. XVIII, 6.
- Селимханов И.Р.*, 1964. К использованию первых металлов в древности на территории Азербайджана и Дагестана // ДАН АзССР. Т. 20. 1.
- Селимханов И.Р.*, 1986. Разработка проблем истории металлов и металлургии древнего Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Симонян А.Е.*, 1977. Верин Навер – новооткрытый среднебронзовый могильник в Аштаракском районе // НИПАИ в АрмССР (1975–1976 гг.): ТД. На арм. яз.
- Симонян А.Е.*, 1979. Раскопки могильника Верин Навер // АО 1978 г.
- Симонян А.Е.*, 1981. Раскопки могильника Верин Навер // АО 1980 г.
- Симонян А.Е.*, 1982. Кармирбердская культура по материалам периода средней бронзы // ВСКПЭБРЖ: ТД.
- Симонян А.Е.*, 1983. Могильник эпохи бронзы Верин Навер // КСИА. Вып. 176.
- Симонян А.Е.*, 1984а. Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин Навер // СА. № 3.
- Симонян А.Е.*, 1984б. Культура эпохи средней бронзы северных районов Армянского нагорья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Симонян А.Е.*, 1987а. Культурный прогресс в эпоху средней бронзы Армянского нагорья и Южного Кавказа // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху: ТД. Ашхабад.
- Симонян А.Е.*, 1987б. Результаты раскопок могильника Верин Навер // НСПИПАИ АрмССР в 1985–1986 гг.: ТД. На арм. яз. с рус. рез.
- Симонян А.Е.*, 1987в. Раскопки могильника Верин Навер // АО 1985 г.
- Симонян А.Е.*, 1990. Новая трактовка социо-культурной общности эпохи средней бронзы Армении // ИФЖ. 1.
- Соловьев Л.Н.*, 1939. Эгеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. Сухуми. 1.
- Соловьев Л.Н.*, 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // ТАБИЯЛИ. 31.
- Спицын А.А.*, 1909. Некоторые закавказские могильники // ИАК. 29.
- Становление классов и государства, 1976. М.
- Старостин С.А.*, 1985. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.
- Стражев В.И.*, 1926. Бронзовая культура в Абхазии // ИАБНО. 4.
- Сулейман Антуан Т.*, 1981. Культура кубков в Сирии во второй половине III тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н.*, 1959. Бронза древней Грузии. Тбилиси.
- Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Инаншвили Г.В.*, 1987. Этапы развития металлургии в Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Такайшвили Е.С.*, 1913. О сачхерском кургане Шоропанского уезда // ИКОМАО. Тифлис. 3.
- Тбилиси: Археологические памятники, 1978. Тбилиси. 1.
- Тенейшвили Т.О.*, 1989. Древнейшие металлические изделия из Закавказья // Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Техов Б.В.*, 1963а. К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении р. Большой Лиахвы. Тбилиси.
- Техов Б.В.*, 1963б. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. № 1.
- Техов Б.В.*, 1974. Стырфазские кромлехи. Цхинвали.
- Техов Б.В.*, 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.
- Тушабрашвили Д.М., Небиеридзе Л.Д.*, 1974. Итоги Квирильской и Цухватской археологических экспедиций за 1970–1971 гг. // АЭГМГ. 3.
- Тушишвили Н.Н.*, 1968. Некоторые ранние памятники из Ардисуани // ДПК. 15. На груз. яз. с рус. рез.
- Тушишвили Н.Н.*, 1971. Новый памятник эпохи ранней бронзы

- в Южной Грузии (в Квемо Картли) // ПАИ в 1970 г. в СССР: ТД. Доп. вып. на груз. яз.
- Формозов А.А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. № 102.
- Халилов Д.А., 1987. Раскопки поселения Бориспольтепе // АО 1985 г.
- Халилов Д.А., Кесаманлы Г.П., Оруджев А.Ш., 1971. Кявлетепелери // АО 1970 г.
- Халилов Д.А., Аразова Р.Б., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О., 1979. Исследования северо-восточных склонов Большого Кавказского хребта // АО 1978 г.
- Халилов Д.А., Аразова Р.Б., Гусейнова Г.Г., Ахундов Т.И., 1977. Исследования в Кусарском районе // АО 1976 г.
- Халилов Д.А., Кесаманлы Г.П., 1973. Кявлетепелери – поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Халилов Д.А., Мусатов Д.Л., 1988. Куба-Хачмасская экспедиция // АО 1986 г.
- Халилов Д.А., Расулова М.М., Аразова Р.Б., Алиева А.А., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О., 1978. Исследования в Хачмасском районе // АО 1977 г.
- Ханзадян Э.В., 1960. Расписной сосуд с зооморфным изображением из Элара // СА. № 4.
- Ханзадян Э.В., 1962а. Лчашенский курган б // КСИА. Вып. 91.
- Ханзадян Э.В., 1962б. Разведочные работы в окрестностях Кировакана // ИАН АрмССР. 10.
- Ханзадян Э.В., 1963. Энеолитическое поселение близ Кировакана // СА. № 1.
- Ханзадян Э.В., 1964. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении // СА. № 2.
- Ханзадян Э.В., 1967. Культура Армянского нагорья в III тысячелетии до н.э. Ереван. На арм. яз. с рус. рез.
- Ханзадян Э.В., 1969. Гарни IV: Результаты раскопок 1949–1966 гг. Ереван. На арм. яз. с рус. рез.
- Ханзадян Э.В., 1975. Поселение Джраовит // АО 1974 г.
- Ханзадян Э.В., 1979а. Элар-Дарани. Ереван. На арм. яз. с рус. рез.
- Ханзадян Э.В., 1979б. Раскопки Джраовита // ИПАИ АрмССР в 1977–1978 гг.: ТД. Ереван. На арм. яз.
- Ханзадян Э.В., 1985. Араратская долина в конце IV – начале I тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван.
- Ханзадян Э.В., 1987. Мецамор в эпоху ранней бронзы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. на Всесоюз. конф. Суздаль.
- Ханзадян Э.В., Мкртчян К.А., Парсамян Э.С., 1973. Мецамор: (Исследование по данным раскопок 1965–1966 гг.). Ереван. На арм. яз. с рус. рез.
- Хачатрян М.М., 1976. О древней ирригационной сети Арагоцтна // ВЕГУ. 1.
- Хачатрян Т.С., 1963. Материальная культура древнего Артика. Ереван.
- Хачатрян Т.С., 1975. Древняя культура Ширака. Ереван.
- Хачатрян Т.С., Есян С.А., 1958. Археологические находки в селении Апаран // СА. № 4.
- Цвинария И.И., 1978. Поселение Гуандра: (Новый памятник энеолита и ранней бронзы в Абхазии). Тбилиси.
- Цвинария И.И., 1979. Раскопки дольмена с кромлехом в с. Отхара Гудаутского района // ПАИ в 1976 г. Тбилиси.
- Цвинария И.И., 1988. Раскопки на поселении Гуандра // АО 1986 г.
- Цитландадзе Л., Кигурадзе Т., Менабде М., Мирцхулава Н., 1979. Раскопки населенного холма в с. Мчадиджвари // ПАИ в 1976 г.
- Цитландадзе Л., Менабде М., 1976. Исследования в ущелье Нареквави // АО 1975 г.
- Цицишвили А.Л., 1969. Костные остатки животных с поселения “Илто” // ТКАЭ. 1.
- Чайлд Г., 1949. Прогресс и археология. М.
- Чайлд Г., 1952. У истоков европейской цивилизации. М.
- Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Чартолани Ш.Г., 1984. К вопросу хозяйственно-торгового и стратегического значения первоначальных путей Северо-Западной Грузии // Душетская науч. конф., посвящ. пробл. взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси.
- Чартолани Ш.Г., 1989. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси.
- Чиковани Г.Ч., 1987. Исследования на городище Хидари // АО 1985 г.
- Чилашвили Л.А., 1964. Городище Урбниси. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Чубинишвили Т.Н., 1948. Самтаврское курганное погребение 243 // МАГК. 1.
- Чубинишвили Т.Н., 1957. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси. На груз. яз.
- Чубинишвили Т.Н., 1963. Амиранис-гора: Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахетии. Тбилиси. На груз. яз.
- Чубинишвили Т.Н., 1964. О взаимоотношениях кавказской (“куро-аракской”) культуры с переднеазиатской культурой в III тысячелетии до н.э. // VII МКАЭН. Тбилиси.
- Чубинишвили Т.Н., 1965. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Чубинишвили Т.Н., 1966. Куро-аракская культура в Закавказье в III тысячелетии до н.э. // VII МКДП: Докл. и сообщ. археологов СССР. М.
- Чубинишвили Т.Н., 1971. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси.
- Чубинишвили Т.Н., 1973. Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими культурами в IV–III тысячелетиях до н.э. // ВДИ (Кавказско-ближневосточный сборник. IV). Тбилиси.
- Чубинишвили Т.Н., 1980. Отражение земледельческого календаря на памятниках Южного Кавказа III тысячелетия до н.э. // Конф. “Идеологические представления древнейших обществ”: ТД. М.
- Чубинишвили Т.Н., Татишвили Т.Н., Гамбашидзе О.С., 1954. Археологические разведки в южных районах Грузии // СА. № 4.
- Шамба Г.К., 1974. Эшерские кромлехи. Сухуми.
- Шамиладзе В.М., 1977. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси.
- Шанишвили Н.Э., 1990. Знаки и символы куро-аракской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Энгельс Ф., 1949. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.
- Amiran R., 1952. Connection between Anatolia and Palestine in the Early bronze age // JEJ. V. 2, 2.
- Amiran R., 1965. Ianik-Tepe, Shengavi tand Khirbet Kerak ware // AS. 15.
- Arnaud D., Cavlet J., Huot I., 1979. Pisu-ibnisu ofrevre de l’ E.Babbur de Larsa // Syria. P. LVI.
- Azzaroli A., 1985. An early history of horsemanship. Leiden.
- Biscione R., Pecorella P.E., 1984. Il III millenio. Tra Lo Zagros El’Urmia. Roma.
- Blegen C.W., 1937. Procmna. 2. Cambridge.
- Braidwood R., Bradiwood L., 1960. Excavations in the plain of Antioch. Chicago. 1.
- Branigan K., 1974. Aegean metalwork of the Early and Middle bronze age. Oxford.
- Buhholz H.G., Karageorgis V., 1973. Prehistoric Greece and Cyprus. L.; N.Y.; Phaedon.
- Burney C.A., 1958. Eastern Anatolian in the chalcolithic and bronze age // AS. L. VIII.
- Burney C.A., 1961a. Excavations at Ianictepe, North-West Iran // Iraq. L. XXIII, 2.
- Burney C.A., 1961b. Circular building, found at Ianictepe in North-West Iran // Antiquity. L. XXV, 139.
- Burney C.A., 1963. The excavations at Ianictepe, Azerbaijan, 1961 // Iraq. L. XXIV, 2.
- Burney C.A., 1964. The excavations at Ianictepe, Azerbaijan, 1962 // Iraq. L. XXVI, 1.
- Burney C.A., 1975. The excavations at Haftavan-Tepe // Iraq. XI.
- Burney C.A., 1980. Aspects of the excavations in the Altinova, Elazig // AS. L. XXX.
- Burney C.A., Lang D.M., 1971. The people of hills: Ancient Ararat and Caucasus. L.
- Burton-Brown T., 1951. Excavations in Azerbaijan, 1948. L.

- Cilingizoglu A.*, 1984. The second Millenium painted pottery tradition of the Van Lake Bassin // AS. XXXIV.
- Duru R.*, 1979. Keban project: Degirmentepe excavations, 1973 // Keban project publications. Ankara. Ser. III. N 2.
- Dyson R.H.*, 1965. Problems of relative chronology of Iran 6000–2000 B.C. // Chronology in the Old world archaeology. Chicago.
- Edwards M.*, 1983. Excavations in Azerbaijan (North-West Iran), 1. Haftavan, period IV // BAR. Intern. ser. 182.
- Esin U.*, 1969. Kauntatif spektral analisis yardimiyla anadoluda Baslanigisendar Asur Kolonieri cagina Kadar barik Vetune Madenciligi. Istanbul.
- Esin U.*, 1970. Tepecik excavations 1968 campaign // Keban project publications. Ankara. Ser. 1. N 1.
- Esin U.*, 1972. Tepecik excavations, 1970 // Keban project 1970 activities. Ankara. Ser. 1. N 3.
- Esin U.*, 1974. Tepecik excavations, 1971 // Keban project 1971 activities. Ankara. Ser. 1. N 4.
- Esin U.*, 1979. Tepecik excavations, 1973 // Keban project 1973 activities. Ankara. Ser. 1. N 6.
- Forbes R.*, 1950. Metallurgy in antiquity. Leiden.
- Frangipane M., Palmieri A.*, 1983. The settlements of period VI B // Perspective on protourbanization in Eastern Anatolia: Arclantepe (Malatya): An interim report on 1975–1983 campaigns. Rome.
- Gimbutas M.*, 1965. Bronze age culture in Central and Eastern Europe. P.
- Godard A.*, 1931. Les bronzes du Luristan // Archaeology. 20.
- Hamlin C.*, 1971. The Habur Ware ceramic Assemblage of Northern Mesopotamia. Ann Arbor.
- Hamlin C.*, 1974. The Early second millenium ceramic assemblage of Dinka Tepe // Iran. 12.
- Hauptmann H.*, 1972. Die Grabungen auf dem Norsuntepe, 1970 // Keban project 1970 activities. Ankara. Ser. 1. N 4.
- Hauptmann H.*, 1982. Die Grabungen auf dem Norsuntepe, 1974 // Keban project 1974–1975 activities. Ankara. Ser. 1. N 7.
- Hennesi J.B.*, 1969. The foreign relations of Palestine during the bronze age. L.
- Huot J.-L.*, 1982. Les ceramiques monochromes lissees en Anatolia a l'epoque du bronze ancien. P. 1–2.
- Jesus P.S.*, 1980. The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia. Oxfrod.
- Koligz N.*, 1968. Die Frühbronszeit in Nord-Ost-Ungarn (Abris der Geschichte des 19.–16. Jahrhunderts v.u.Z.). Bp.
- Kosay H.Z.*, 1948. Karaz sondaji // Turk Tarih Kongresi. Ankara. III.
- Kosay H.Z.*, 1969. Pulur in the Keban region // Archaeology. 22, 4.
- Kosay H.Z.*, 1971. Pulur (Sakyol) kazisi, 1969 // Keban project 1969. Galismalari. Ankara.
- Kosay H.Z.*, 1972. Pulur (Sakoyl) excavations, 1971 // Keban project 1970 activities. Ankara.
- Kosay H.Z.*, 1976. Keban project. Pulur kazisi, 1968–1970. Ankara.
- Kosay H.Z., Turfan K.*, 1959. Erzerum-Karaz kazisi raporu // Belleten Turk Tarih kurumu. Ankara. XXIII.
- Kosay H.Z., Vary H.*, 1964. Pulur kazisi, 1960 // Mevsimi galismalari raporu. Ankara.
- Kosay H.Z., Vary H.*, 1967. Guzelova kazisi. Ankara.
- Kuftin B.A., Field H.*, 1946. Prehistoric culture sequence in Transcaucasia // Southwestern Journal of Anthropology. 2.
- Linick A.*, 1966. La Jolla radiocarbon measurements VII. Radiocarbon. Philadelphia.
- Medvedskaya I.*, 1982. Iran: Iron age // BAR. Intern. ser. Oxford, 126.
- Mellaart J.*, 1966. The chalcolithic and Early bronze ages in the Near East and Anatolia. Beirut.
- Minns E.H.*, 1943. Review of archaeological excavations in Trialety / By B.A. Kuftin // Antiquity. 17.
- Morgan J.*, 1927. La prehistoire Orientale. P.
- Ozqic T., Akok M.*, 1958. Horoztepe: An Early bronze age settlement and cemetery. Ankara.
- Piggott S.*, 1978. The earliest wheeled vehicles and Caucasian evidence // PPS. 34.
- Piotrovski B.*, 1962. The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millen. B.C. // VI International congress of prehistoric and protohistoric sciences reports and communications by archaeologists of the USSR. Moscow.
- Ralf E.K. et al.*, 1973. Radiocarbon dates and reality // MASCA. Newsletter 9, N 1.
- Renfrew C., Dixon J., Cann J.*, 1966. Obsidian and early cultural contact in Near East // PPS. N.S. V. 32.
- Rubincon K.*, 1977. The chronology of Middle bronze age kurgans at Trialeti // Biblioteca Mesopotamica. Malibu. 7.
- Säflünd G.*, 1939. Le terramare delle provincie di Modena, Reggio Emilia, Parma, Piacenza. Leipzig.
- Sagona A.G.*, 1984. The Caucasian region in the Early bronze age Part I–III // BAR. Intern. ser. 214 (1, 2, 3).
- Schaeffer C.F.*, 1943. La date des Kurgan de Trialeti // Antiquity. 17.
- Schaeffer C.F.*, 1948. Stratigraphie Comparée et chronology de l'Asia Occidentale. L.
- Stubbings F.*, 1973. The rise of Mycenaean civilization // The Cambridge Ancient History. II, pt 1.
- Vermeule E.*, 1972. Greece in Bronze Age. Chicago; L.
- Whallon R.*, 1979. An archaeological survey of the Keban reservoir area of East-Central Turkey. Ann Arbor.
- Yakar J.*, 1985. The later prehistory of Anatolia: The late chalcolithic and Early Bronze Age. Pt I, II // BAR. Intern. ser. 268 (1, 2).
- Young T.C.*, 1969. Excavationsat Godin Tepe. Ontario.

ЧАСТЬ II

Эпоха бронзы Северного Кавказа

Глава 1

Майкопская культура

Глава 2

Дольмены Западного Кавказа

Глава 3

Северокавказская культурно-историческая общность

Глава 4

Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы

Глава 5

Каякентско-харачоевская культура

Глава 1

Майкопская культура

Майкопская культура – это культура ранне-бронзового века значительной части Северного Кавказа. Ее возникновение, формирование и развитие – результат сложных и разносторонних (прежде всего кавказско-ближневосточных) культурных взаимодействий. Активность последних была вызвана, как представляется многим исследователям, не просто и не столько межплеменными взаимосвязями с близкими и далекими соседями, а проникновением на Северный Кавказ в эпоху раннего металла инородных этнических и культурных элементов. В результате здесь сложилась весьма оригинальная культура, представляющая собой один из ярчайших феноменов бронзового века Европы и всего евразийского пограничья.

История изучения

Изучение памятников майкопской культуры началось более 100 лет назад*. В 1869 г. в Прикубанье, у ст-цы Царская (ныне ст-ца Новосвободная), был раскопан первый памятник этой культуры – подкурганная гробница оригинальной конструкции (Каменев Н., 1870). В 70-е и 80-е годы на Северо-Западном Кавказе исследованы еще два кургана раннебронзового века – близ ст. Варениковской (ОАК за 1878/1879 г. С. VI, VII; Сизов В.И., 1889. С. 94–97).

Особенно важными открытиями в области изучения памятников раннебронзового века Северного Кавказа ознаменовались последние годы XIX в. Они связаны с именем Н.И. Веселовского. Начиная с 1894 г. в течение 20 лет Н.И. Веселовский провел в Прикубанье обширные раскопки разновременных курганов. В частности, в 1897 г. он раскопал в г. Майкопе огромный курган (Ошад) с богатейшим погребением родо-племенного вождя. Именно этот памятник дал наименование культуре Северного Кавказа эпохи ранней бронзы. Но майкопской эта культура стала называться значительно позже, когда были осмыслены и интерпретированы в культурно-хронологическом отношении характеризующие ее памятники.

Особо следует отметить также раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 г. курганы с дольменами у ст-цы Новосвободной (ОАК за 1898 г. С. 33–35).

В эти и последующие годы Н.И. Веселовский раскопал в Прикубанье ряд погребальных памятников эпохи ранней бронзы. Это курганы у станиц Псебайской (ОАК за 1895 г. С. 134), Андрюковской (ОАК за 1896 г. С. 54), Костромской (ОАК за 1897 г. С. 15, 16), в Ульском ауле (ОАК за 1899 г. С. 41, 42) и у станиц Воздвиженской и Новолабинской (ОАК за 1899 г. С. 43–47), на “участке Зиссермана” (ОАК за 1900 г. С. 42), близ ст. Казанской (ОАК за 1901 г. С. 67), в Армавире и станицах Тифлисской (ОАК за 1902 г. С. 88, 89), Келермесской (ОАК за 1904 г. С. 95), Белореченской (ОАК за 1907 г. С. 86).

В конце XIX – начале XX в. в Прикубанье были открыты и другие памятники, связанные с отмеченными курганами. К ним относятся прежде всего обнаруженный в 1897 г. у ст. Старомышастовской клад с золотыми предметами и различными украшениями (ОАК за 1897 г. С. 64, 65). Интересны также комплекс металлических вещей, найденный в 1910 г. в ст. Апшеронской (Иессен А.А., 1950. С. 163), и курганные погребения в с. Летницком (ОАК за 1898 г. С. 53, 54), станицах Махашевской (Иессен А.А., 1935. С. 83, 84) и Ярославской (ИАК. Прибавление к вып. 37. С. 154, 155).

Исследования отмеченных памятников были проведены методически слабо и не сопровождались по существу какой-либо документацией. Н.И. Веселовский ограничился лишь публикацией кратких отчетов о раскопках этих курганов, не дав научной публикации ни одного комплекса, включая Майкопский курган и дольмены у ст-цы Новосвободной. Несмотря на эти и другие недостатки в деятельности Н.И. Веселовского (Формозов А.А., 1965. С. 4), значение проведенных им раскопок в Прикубанье следует признать огромным. В результате его активной работы оказалось исследованным значительное число погребальных памятников, представляющих культуру раннебронзового века Северного Кавказа.

Еще до Октябрьской революции раскопанные Н.И. Веселовским курганы, прежде всего Майкопский и Новосвободненские, стали привлекать к себе внимание как в России, так и за рубежом. В ряде крупных трудов публикуются весь комплекс золотых и серебряных сосудов Майкопского кургана (Смирнов Я.И., 1909. Табл. 1, 2, 130) и Старомышастовской клад (Ростовцев М.И., 1910. Табл. IV, 1–4). Но важно не столько это, как то, что ученые делают попытку культурно-хронологического осмысления кубанских курганов и определения их места в ряду древностей юга России

*История изучения майкопской культуры уже получила широкое освещение в литературе (Иессен А.А., 1935, 1950; Крупнов Е.И., 1957; Мунчаев Р.М., 1961, 1975; Формозов А.А., 1965; Кореневский С.Н., 1993; и др.).

(Самоквасов Д.Я., 1908. С. 66, 67; Городцов В.А., 1910. С. 259, 260; Фармаковский Б.В., 1914. С. 50–76; и др.).

Впервые в 1911 г. памятники Северо-Западного Кавказа, включающие курганы в Майкопе, Новосвободной и Костромской, были объединены А.М. Тальгреном в группу “больших кубанских курганов” (Tallgren A.M., 1911. P. 88–90, 200–204). С тех пор это название, а затем и понятие “культура больших кубанских курганов” вошли в специальную литературу и сохранялись вплоть до 50-х годов. Тогда стало окончательно ясно, что эти курганы отражают не локальную культуру раннебронзового века Северо-Западного Кавказа, а почти всего Предкавказья, и сама культура стала именоваться майкопской.

Исследования памятников эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе в дореволюционный период ограничили по существу территорией Прикубанья. Раскопкам были подвергнуты только погребальные памятники, ни одно поселение данной эпохи не было изучено. Несмотря на предпринятые попытки, авторам не удалось дать правильную культурно-хронологическую и историческую интерпретацию исследованным памятникам.

После Октябрьской революции научные и музейные учреждения приступили постепенно к археологическому изучению многих областей нашей страны, в том числе Северного Кавказа. В 1922 г. был раскопан первый памятник майкопской культуры в Кабардино-Балкарии – один из курганов в Садках на территории г. Нальчика (Иессен А.А. 1941. С. 12–18). В 20-е годы здесь, в центральной части Северного Кавказа, исследуются и другие памятники эпохи ранней бронзы: Долинское поселение, Соломенский курган (Иессен А.А., 1941. С. 17–18) и еще одно курганное погребение в Садках (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 193–196). Широким раскопкам, в частности, было подвергнуто Долинское поселение в 1930, 1932–1933 гг. (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941).

Накопление новых материалов сопровождалось попытками их периодизации и исторического осмысления. Уже в 1926 г. А.М. Тальгреном отнес курганы майкопской культуры к ранней группе памятников медно-бронзового века Северного Кавказа (Tallgren A.M., 1926. P. 80–85). В периодизации северокавказских памятников предскифского времени, разработанной А.В. Шмидтом, Майкопский, Новосвободненские и другие известные тогда курганы раннебронзового века края были вслед за А.М. Тальгреном выделены в начальный период эпохи металла, точнее, “в первую раннекубанскую группу памятников” (Schmidt A.V., 1929. S. 9–21).

Особо отметим также созданную А.А. Миллером схему о трех стадиях в культурно-историческом развитии древнего населения Северного Кавказа (Миллер А.А., 1933. С. 49–51). Несмотря на схематизм, периодизация А.А. Миллера имела для

того времени положительное значение. Неувидительно поэтому, что она легла в основу ряда работ по археологии и древней истории Северного Кавказа, опубликованных в последующие годы.

Одной из важных страниц в истории изучения древнего Кавказа является, несомненно, получивший широкую известность и признание труд А.А. Иессена о древнейшей металлургии Кавказа (Иессен А.А., 1935). Первый из выделенных им трех этапов древнейшей металлургии меди на Кавказе охватывал и период развития майкопской культуры. Он был тогда датирован А.А. Иессеном концом III – началом II тысячелетия до н.э.

Трудно переоценить значение трудов А.А. Иессена в изучении раннебронзового века Северного Кавказа. Его привлекали прежде всего такие существенные проблемы, как хронологизация и периодизация “больших кубанских курганов” и других связанных с ними памятников Северного Кавказа.

В истории изучения рассматриваемой культуры особое место всегда занимал вопрос датировки Майкопского кургана. Этот памятник, как известно, датировался в широком хронологическом диапазоне, от IV до I тысячелетия до н.э.* Едва ли целесообразно здесь рассматривать историографию этого вопроса. Остановлюсь лишь на отдельных моментах. Они отражают в известной степени переломный период в истории изучения раннебронзового века Северного Кавказа, завершившийся, можно сказать, утверждением выводов А.А. Иессена о датировке и периодизации памятников майкопской культуры.

Казалось бы, после выхода в свет труда А.А. Иессена вопрос об относительном хронологическом положении памятников майкопской культуры в общем ряду древностей Северного Кавказа бронзового века окончательно стал ясен. Однако буквально через несколько лет Б.Е. Деген-Ковалевский предпринял попытку пересмотреть хронологию Майкопского кургана и связанных с ним других памятников Прикубанья. Он написал специальную работу “Майкоп и скифы”, в которой отнес “большие кубанские курганы” к скифскому или предскифскому времени. Эта работа не была издана**. Но Б.Е. Деген-Ковалевский опубликовал тезисы своего доклада «Проблема датировки “больших кубанских курганов”», в котором памятники Прикубанья эпохи ранней бронзы датировал рубежом II–I тысячелетий до н.э. (Деген-Ковалевский Б.Е., 1939. С. 14–17). Это его заключение, вызвавшее уже тогда справедливую критику (Кисе-

* Сравнительно полная библиография по проблеме датировки Майкопского кургана и связанных с ним памятников Северного Кавказа приведена в нашей работе (Мунчаев Р.М., 1961. С. 156). Ее следует дополнить еще рядом трудов (Shaeffer C.F.A., 1948; Формозов А.А., 1965; Андреева М.В., 1977; Кореневский С.Н., 1979; 1993; и др.).

** Рукопись хранится в архиве Института истории материальной культуры РАН (Ф. 35. Оп. 2. Д. 580).

лев С.В., 1940. С. 136), получило поддержку и дополнительную аргументацию со стороны М.И. Артамонова. Исследовав древнейшее погребение Третьего Разменного кургана, относящееся к майкопской культуре, он датировал его VIII–VII вв. до н.э. Поскольку же Разменный курган связан в культурном отношении с Майкопским курганом, то его общий вывод сводился к тому, что оба они так же, как и остальные “большие кубанские курганы”, относятся к предскифской эпохе на Северном Кавказе, которую, по его мнению, уместно было бы назвать “киммерийской” (Артамонов М.И., 1948. С. 176, 177).

Заключения Б.Е. Деген-Ковалевского и М.И. Артамонова были направлены на пересмотр всей периодизации культурно-исторического развития Кавказа в бронзовом веке. Против этого выступил А.А. Иессен в своем известном труде, посвященном хронологии “больших кубанских курганов” (Иессен А.А., 1950). Показав смешанный характер комплекса Третьего Разменного кургана, он, в частности, доказал ошибочность и полную несостоятельность выводов Б.Е. Деген-Ковалевского и М.И. Артамонова. Значение работы А.А. Иессена, однако, заключается не только и даже не столько в этом.

А.А. Иессен дал первую сводку памятников майкопской культуры, расчленив их на две подгруппы: раннюю – майкопскую и позднюю – новосвободненскую. Он показал, что “большие кубанские курганы” и другие рассмотренные им памятники характеризуют ранний этап эпохи металла на Северном Кавказе и относятся ко второй половине III – началу II тысячелетия до н.э. Тем самым был положен конец продолжавшимся около 50 лет спорам о культурно-хронологическом месте “больших кубанских курганов”. Бесспорно поэтому, что работа А.А. Иессена знаменует собой важный рубеж в истории изучения раннебронзового века Северного Кавказа.

В данном труде, кстати, А.А. Иессен отметил, что культуру, представленную “большими кубанскими курганами” и другими связанными с ними памятниками, можно было бы назвать раннекубанской культурой (Иессен А.А., 1950. С. 197). Однако это название, также как и понятие «культура “больших кубанских курганов”», не утвердилось за культурой раннебронзового века Северного Кавказа.

Развернувшиеся в послевоенные годы археологические работы привели к исследованию в различных областях Северного Кавказа многочисленных погребальных и, что принципиально важно, бытовых памятников эпохи ранней бронзы. В начале 50-х годов Е.И. Крупновым был поставлен вопрос о том, что эту культуру следует именовать майкопской (Крупнов Е.И., 1954. С. 45–70) и с тех пор она действительно стала так называться.

Говоря о полевых исследованиях послевоенных лет, следует прежде всего отметить работы

Е.И. Крупнова. В 1947–1948 гг. им были раскопаны в Кабардино-Балкарии погребения майкопской культуры, позволившие сделать важные стратиграфические наблюдения и содержавшие ценные материалы (Крупнов Е.И., 1948б. С. 281–321; 1949в. С. 85–100; 1950а. С. 195).

Совершенно неожиданные результаты были получены в юго-восточных районах Северного Кавказа, в частности при раскопках Лугового поселения в Ингушетии, проведенных в 1952–1957 гг. (Крупнов Е.И., 1954; 1957). Они показали, что майкопская культура была распространена и в данной области Кавказа. Более того, это поселение оказалось уникальным памятником в том смысле, что органически сочетало в себе элементы как куроаракской культуры, так и майкопской (Мунчаев Р.М., 1961). Стало очевидным, что на данной территории эти культуры раннебронзового века Кавказа пришли в активное взаимодействие и привели в результате к сложению такого синкретического комплекса, как Луговое поселение. Это и позволило поставить в широком аспекте проблему связей и взаимовлияний культур эпохи ранней бронзы Закавказья и Северного Кавказа (Крупнов Е.И., 1964б; Мунчаев Р.М., 1961; 1975).

В последующие годы экспедиция под руководством Е.И. Крупнова исследовала в Чечне и Ингушетии большую группу памятников эпохи ранней бронзы. Среди них погребения на Тереке (Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я., 1963) и у сел. Бачи-Юрт (Марковин В.И., 1963), поселения I и II (нижние слои) у сел. Сержень-Юрт (Мунчаев Р.М., 1962; Мерперт Н.Я., 1962; Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1963; Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1964; 1966; Мунчаев Р.М., 1975), Бамутский курганный могильник эпохи бронзы (Мунчаев Р.М., 1961а,б; 1962; 1968; 1986; и др.). Материалы отмеченных памятников вошли в научный оборот. Укажем, что уже изданы полностью материалы Лугового поселения (Мунчаев Р.М., 1961) и ранних слоев серженьюртовских поселений (Мунчаев Р.М., 1975) и все комплексы майкопской культуры Бамутского могильника (Мунчаев Р.М., 1975. С. 286–307). Кстати, в последующем близ с. Бамут и других пунктах Чечни и Ингушетии раскопан еще ряд майкопских погребений (Виноградов В.Б. и др., 1988. С. 114–116; Бурков С.Б., 1991. С. 61–63).

Исключительно важные данные для изучения майкопской культуры были получены начиная с 50-х годов и в других областях Северного Кавказа вплоть до Таманского полуострова. В результате была значительно обогащена и расширена источниковая база по исследованию раннебронзового века Предкавказья.

В различных районах Северо-Западного Кавказа открыта и исследована большая группа памятников эпохи ранней бронзы. Это, в частности, погребения на п-ове Фонтан (Кубланов М.М., 1959. С. 219, 220), у пос. Сенная на Тамани (Сокольские

Н.И., 1965. С. 115), в Анапском районе (Круш-кол Ю.С., 1963. С. 83–85), гробница Псыбе на Черноморском побережье (Тешев М.К., 1986. С. 52–56; Марковин В.И., 1991. С. 51, 52), курганы в зоне Закубанской оросительной системы (Мельник В.И. и др., 1987. С. 145, 146), подкурганые захоронения у ст-цы Михайловской Курганинского района (Каминский В.Н., 1987. С. 139) и южнее ст-цы Отрадной на Урупке (Каминская И.В., 1984. С. 39, 40). Отметим работы экспедиции ГМИНВ в 1981–1984 гг. близ с. Уляп (Ульский аул) Красногвардейского района Адыгеи, где раскопано более десяти погребений майкопской культуры, в том числе раннего этапа (Лесков А.М., 1984. С. 11, 12; 1985. С. 49; Днепровский К.А., 1984. С. 36, 37; Бианки А.М., Днепровский К.А., 1988. С. 71–85). Не менее результативными оказались исследования памятников раннебронзового века в соседнем Шовгеновском районе (Нехаев А.А., 1985. С. 59, 60; 1988. С. 23, 24; Днепровский К.А., 1991. С. 69–71; и др.), в частности в с. Красногвардейское, где раскопан курган с раннемайкопскими погребениями (Нехаев А.А., 1986. С. 244–248). Отметим и два бескурганых погребения, раскопанных в 1981–1988 гг. в устье р. Псекупса на южном берегу Краснодарского водохранилища (Ловпаче Н.Г., 1985. С. 17).

Особо выделим исследования известного курганного могильника в урочище Клады у ст-цы Новосвободная в Прикубанье. В 1950 г. А.А. Иессен провел его обследование и снял план курганной группы (Иессен А.А., 1955; Попова Т.В., 1963. Рис. 2; табл. 43, 5). Раскопки могильника были возобновлены в 1979 г. Кубанской экспедицией ЛОИА АН СССР и продолжают поныне*. В результате изучена значительная серия комплексов, включая дольменообразные гробницы (в курганах 31 и 35), стены одной из которых были расписаны красной и черной красками (Бочкарев В.С., Резепкин А.Д., 1980; Бочкарев В.С. и др., 1983а,б; 1987; Резепкин А.Д., 1981; 1983; 1986; 1987а,б; 1989; 1990; 1991б; Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988). Добытые здесь новые материалы, включающие в себя оригинальные изделия из камня, бронзы, серебра и золота, заметно превосходят по количеству и разнообразию находки из курганов, раскопанных Н.И. Веселовским. Они уже обобщены в специальном, диссертационном исследовании (Резепкин А.Д., 1989).

Исключительно важное значение имели раскопки в Прикубанье группы поселений майкопской культуры. Ведь до этого знания о бытовых памятниках этой культуры ограничивалось Долинским поселением в г. Нальчике и исследованными в 50-е годы в районе Адлера стоянками Воронцовской пещеры (Соловьев Л.Н., 1958). В 1957–1964 гг. экспедиция под руководством А.Д. Столяра и А.А.

Формозова обследовала в бассейнах притоков Кубани, особенно р. Белой, более десяти поселений майкопской культуры (Формозов А.А., Столяр А.Д., 1960; Столяр А.Д., 1961; Формозов А.А., 1962; 1965; 1972; Формозов А.А., Черных Е.Н., 1964; и др.). Это Скала, Хаджох, Даховская пещера, Мешоко и другие, включая поселение Ясенова Поляна в бассейне Фарса, раскопанное в 1962–1966 гг. П.А. Дитлером (Нехаев А.А., 1990. С. 14). Изучение их позволило поставить вопросы о хозяйстве населения Прикубанья в эпоху раннего металла (Формозов А.А., 1962а), о периодизации майкопских поселений (Формозов А.А., 1962б) и т.д.

Обобщив материалы из указанных поселений Прикубанья, А.А. Формозов показал “двуприродность” майкопской культуры и выделил последовательные этапы в ее развитии (Формозов А.А., 1965). Он охарактеризовал ее как единую культуру эпохи раннего металла Северного Кавказа. Мы специально подчеркиваем данное обстоятельство, ибо в 60-е годы были предприняты попытки установить наличие в Прикубанье и Предкавказье в целом вместо единой майкопской культуры двух самостоятельных культур раннебронзового века Северного Кавказа (Столяр А.Д., 1964. С. 31, 32; Артамонов М.И., 1967. С. 3; Латынин Б.А., 1967. С. 95; и др.). Но эти попытки не были достаточно аргументированы (Мунчаев Р.М., 1975. С. 50).

Следует отметить, что ряд поселений эпохи раннего металла раскопан в Краснодарском крае и в последующие годы. К ним, в частности, относятся поселения Свободное в Красногвардейском р-не, исследовавшееся с 1981 г. (Нехаев А.А., 1981–1983; 1987; 1990; 1993)*, Большетегинское южнее ст-цы Отрадная, открытое в 1983 г. (Динков А.Б., 1987), Гуамский грот в Апшеронском р-не (Трифонов В.А., 1987; 1988; 1990), у пос. Каменноостровский (Ловпаче Н.Г., 1981), Унакозовская пещера в Майкопском р-не (Ловпаче Н.Г., 1987; 1992), поселение на Серегинском поле в Шовгеновском р-не (Днепровский К.А., 1991; Днепровский К.А., Яковлев А.А., 1988) и др. Отдельно выделим пос. Мысхако в Новороссийске – первое майкопское поселение на Черноморском побережье. Оно было открыто в 1969 г. (Онайко Н.А., 1974). В 1979 г. здесь А.В.Дмитриевым были проведены новые раскопки, а с 1990 г. экспедицией ИА АН СССР начаты широкие исследования поселения Мысхако (Гей А.Н., 1991. С. 66–68). Укажем, кстати, что в районе Новороссийска зафиксировано уже не менее семи пунктов с находками предметов майкопской культуры (Дмитриев А.В., 1984. С. 33).

* В первых публикациях автор раскопок отнес это поселение к майкопской культуре (Нехаев А.А., 1963; и др.). В дальнейшем анализ всех категорий археологических данных показал, что поселение Свободное тяготеет в культурном отношении не к югу (Северному Кавказу), а к северо-западу. Отнеся его к домайкопскому периоду, А.А. Нехаев полагает, что “появление в Закубанье племен, основавших поселение Свободное, также могло быть следствием определенных миграций” (Нехаев А.А., 1992. С. 83).

Весьма плодотворными оказались и результаты раскопок майкопских памятников в Центральном Предкавказье. Отметим прежде всего проведенные в 1964–1965 гг. А.Л. Нечитайло раскопки большой группы курганов у ст. Усть-Джегутинская (ныне г. Усть-Джегута), ряд которых содержал погребения с характерной раннемайкопской керамикой (Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. С. 133–151; Мунчаев Р.М., 1975. С. 228–241). Там же обследовано и майкопское поселение (Нечитайло А.Л., 1988; 1989а). Богатый бронзовый инвентарь, включая котел и псалии, обнаружен в 1976 г. Х.Х. Биджиевым в кургане 4, близ аула Кубина, недалеко от Усть-Джегуты (Биджиев Х.Х., 1980. С. 33–43). Им же раскопаны курганы у ст-цы Кардоникская Зеленчукского р-на (Биджиев Х.Х., 1988. С. 113).

Благодаря работам экспедиции ИА АН СССР исследована целая серия майкопских комплексов в центральной и восточной части Ставропольского края: курганы у хут. Жуковского Новоселицкого р-на (Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1980. С. 76–79; Державин В.Л., 1991. С. 9), близ селений Грушевское и Калиновское Александровского р-на (Мишина Т.Н., 1989. С. 233–256) и у с. Ореховка в Петровском р-не, а также поселения в Моздокской степи – у ст. Галюгаевской Курского р-на (Андреева М.В., Кореневский С.Н., 1987. С. 123; Кореневский С.Н., 1988б; 1989а; 1990б; 1991; 1993). Отметим и раскопки поселения близ р. Ташла в г. Ставрополе, проведенные в 1981 и 1986–1988 гг. (Кореневский С.Н. и др., 1991. С. 63, 64), и кургана 9 с раннемайкопским погребением у ст-цы Воровсколеской Андроповского р-на, на границе Прикубанья и Ставропольского плато, исследованного в 1982 г. (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. С. 195–232).

Одним из центров концентрации памятников эпохи ранней бронзы оказался район Кавказских Минеральных Вод. Здесь, в частности, у пос. Иноземцово Железноводского р-на в 1976 г. был раскопан большой курган с богатым и разнообразным комплексом майкопской культуры (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. С. 96–112). Но более всего исследовано памятников в г. Кисловодске и близ него (Рунич А.П., 1967; Рунич А.П., Формозов А.А., 1972; Березин Я.Б., 1982; Кореневский С.Н., 1985; 1986; 1988а; 1990а,б).

Довольно широкие исследования памятников раннебронзового века осуществлены в Кабардино-Балкарии. В 1968–1969 гг. в г. Нальчике была раскопана крупная насыпь с большой гробницей, сложенной из каменных плит и содержавшей богатый комплекс находок, в том числе бронзовый котел, золотые украшения и т.д. (Мунчаев Р.М., Чеченов И.М., 1969; Чеченов И.М., 1970; 1973; Формозов А.А., 1973). Рядом с этим курганом, кстати, зафиксировано тогда и поселение майкопской культуры (Чеченов И.М., 1970. С. 90; Бетров Р.Ж., 1970). Другое поселение ранней бронзы открыто на р. Урух (Нечаева Л.Г., Мизиев И.М., 1969). Но наиболее

обширные исследования были проведены в бассейнах Чегема и Баксана. Начиная с 1972 г. экспедиции Кабардино-Балкарского НИИ раскопали здесь огромные курганные могильники бронзового века, содержавшие значительное число майкопских погребений с разнообразным и интересным инвентарем (Мизиев И.М. и др., 1973; Мизиев И.М., 1974; Чеченов И.М., Батчаев В.М., 1975а,б; 1976; Батчаев В.М., Чеченов И.М., 1976а,б; Батчаев В.М., Кореневский С.Н., 1980; Кореневский С.Н., 1980а; Чеченов И.М., 1980; 1992; Чеченов И.М., Кереев Б.М., 1984; и др.).

Территория же Северной Осетии, как и соседней Чечни и Ингушетии, – это область стыка майкопской и куро-аракской культур. Здесь исследованы отдельные бытовые (пещера Шау-Леget) и погребальные комплексы, связываемые с куро-аракской культурой (Любин В.П., 1966; Ростунов В.Л., 1988; 1991). Обследованы также и другие памятники III тысячелетия до н.э. (Тменов В.Х., 1975; 1980; Гиджрати Н.И., 1986; Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л., 1990; и др.). Среди них выделим могильник у с. Суижа Пригородного р-на, в котором в 1989–1990 гг. раскопано пять курганов майкопской культуры (Козаев П.К., 1991; 1992; Кореневский С.Н., 1993. С. 10. Рис. 27–33). Следует указать и на курганы у сел. Дзуарикау, содержавшие интересные постмайкопские комплексы с сосудами на ножках, необоснованно отнесенные к куро-аракской культуре (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980).

Особо следует сказать о Дагестане. Эта область Кавказа входит в ареал куро-аракской культуры. Но в последнее время сделана попытка интерпретировать некоторые памятники эпохи ранней бронзы, исследованные здесь в разные годы, как относящиеся к майкопской культуре (Магомедов Р.Г., 1991б). Поскольку ни один из них не представляет типично майкопский комплекс как по важнейшим атрибутам погребального обряда, так и с точки зрения присутствия в них характерных образцов керамики и металла, мы не можем согласиться с подобной их интерпретацией. Перед нами, скорее всего, факты, указывающие на взаимодействие и взаимовлияния культур раннебронзового века Кавказа.

Укажем на то, что отдельные находки, характерные для майкопской культуры, сделаны и на территории Северо-Западного Прикаспия (Крупнов Е.И., 1954; 1957б; Марковин В.И., 1980а; Шиллов В.П., 1982; 1984).

Наконец, отметим тот факт, что в 60–80-е годы характерные образцы керамики и других категорий инвентаря, а также особенности погребального обряда, близкого майкопской культуре, выявлены в смежных регионах, в частности на нижнем Дону (Кияшко В.Я., 1968; 1969; 1979а), в Крыму (Щепинский А.А., 1965) и отдельных районах степной Украины (Збеневич В.Г., 1974; Нечитайло А.Л., 1984; 1991).

Полевые работы, развернувшиеся в послевоенные годы, привели к открытию и исследованию на территории Северного Кавказа разнообразных погребальных и бытовых памятников раннебронзового века, а также ряда комплексов домайкопской культуры (Нехаев А.А., 1991; 1992; Джанхот И., 1992; и др.). Изучение их, сопровождавшееся введением в научный оборот новых материалов, позволило установить существенные факты, более глубоко освещающие культурно-исторический процесс в рассматриваемую эпоху и, в частности, более убедительно документирующие особенности и общий высокий уровень развития майкопской культуры. Отметим, например, что новейшие исследования показали наличие у племен майкопской культуры гончарного круга (Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966) и дали серьезные основания поставить вопрос о времени возникновения коневодства на Кавказе (Мунчаев Р.М., 1973).

Особо укажем на широкое изучение металла майкопской культуры. В результате проведенных спектральных исследований бронзовых предметов из майкопских комплексов было установлено, что они являются не медными, как предполагалось раньше, а изготовлены из сплава меди с мышьяком и что в их составе присутствует группа изделий с высоким содержанием никеля (Черных Е.Н., 1966). На основании же геохимических характеристик представилась возможность говорить о том, на каком сырье базировалась металлообработка майкопской культуры.

Работы по изучению металла из памятников эпохи бронзы Северного Кавказа, в частности майкопской культуры, начатые И.Р. Селимхановым и особенно Е.Н. Черных, были продолжены и в дальнейшем (Кореневский С.Н., 1974; 1975; 1978а; 1979; 1980а; Галибин В.А., 1990; 1991; и др.). В данном аспекте несомненный интерес вызывает сделанное на основании определенных данных предположение о местном производстве металлических предметов из самого Майкопского кургана (Кореневский С.Н., 1988. С. 93–95).

Полученные новые материалы дали возможность, кроме того, обратиться к рассмотрению вопросов древнейшей этнокультурной истории края (Крупнов Е.И., 1964; Дьяконов И.М., 1968; Федоров Я.А., 1975; Мунчаев Р.М., 1975; Марковин В.И., 1978; и др.), заняться дальнейшей разработкой проблем периодизации и хронологизации, связей майкопской культуры и др. (Дьяконов И.М., 1966; Массон В.М., 1973; Чеченов И.М., 1974; Кавтарадзе Г.Л., 1975; 1983; Андреева М.В., 1977; 1978; Бетров Р.Ж., 1978; 1991; Яковенко Э.В., 1980; Нехаев А.А., 1981; 1989; 1990; Ростунов В.Л., 1984; 1991; Трифонов В.А., 1985; 1987а; 1991а,б; Нечитайло А.Л., 1986; 1988б; 1989а,б; 1991а,б; Кореневский С.Н., 1988в; 1991; 1993; Пиотровский Ю.Ю., 1990; 1991; Ващук П.М., Шилов Ю.А., 1991; Кияшко А.В., 1991; Меллинк М.Д., 1991; Рассемакин Ю.Я., 1991; Мунчаев Р.М., 1991; Munchaev R.M., 1991а,б;

и др.), а также создать обобщающие труды по раннебронзовому веку Северного Кавказа (Формозов А.А., 1967; Мунчаев Р.М., 1975; Бетров Р.Ж., 1982; Трифонов В.А., 1983; 1991б; Николаева Н.А., 1987; Резепкин А.Д., 1989; Munchaev R.M., 1991а,б; и др.).

В данной связи необходимо прежде всего обратить внимание на четко обозначившуюся в последнее время точку зрения о том, что на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы существовала не одна единая (майкопская) культура, а были две отдельные культуры: майкопская и новосвободненская. Впервые это попытался доказать еще в 60-е годы А.Д. Столяр (Столяр А.Д., 1964. С. 31, 32), которого затем поддержал М.И. Артамонов (Латынин Б.А., 1967. Предисловие. С. 3). В опубликованной в 1974 г. работе Н.А. Николаева и В.А. Сафронов не только выделили памятники новосвободненского типа в самостоятельный комплекс, но и связали его происхождение с миграцией культур шаровидных амфор из Европы (Сафронов В.А., 1974. Приложение 1. С. 174–198). Последние и в дальнейшем развивали данную точку зрения, не дав при этом развернутой научной аргументации, за что их выводы подверглись серьезной критике (Марковин В.И., 1988а; 1990а; Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991). Можно сказать, что законченную форму их концепция нашла в одной из последних работ В.А. Сафронова, в которой с целью связать ареал культур шаровидных амфор и Северный Кавказ выделена новая, в общем надуманная, так называемая кубано-днепровская культура, вместе с которой Новосвободная объединяется в одну культурно-историческую общность (Сафронов В.А., 1989. С. 205–241). В данном контексте следует отметить и точку зрения А.Д. Резепкина. Хотя новосвободненская группа памятников, по его мнению, входит в майкопскую культуру, она неместного происхождения и связана с кругом памятников ранних этапов культур воронковидных кубков Центральной и Северной Европы (Резепкин А.Д., 1989. С. 18; 1991б. С. 189). Но это заключение, лишенное должной аргументации, также вызывает возражение и поэтому не может быть принято (Марковин В.И., 1990а, С. 108, 109). Приведенные А.Д. Резепкиным аргументы в пользу неместного происхождения новосвободненской группы памятников могут указывать лишь на связи населения Северного Кавказа с племенами Центральной и Северной Европы. Основным аргументом для него при этом служит чернолощенная керамика. Но ведь хорошо известно, что чернолощенные сосуды нехарактерны для майкопской культуры, хотя и представлены в ее отдельных комплексах. Что же касается мегалитических гробниц, то данный тип погребального сооружения также нельзя признать характерным для майкопской культуры. Как показал сам А.Д. Резепкин, их известно сейчас менее десяти (Резепкин А.Д., 1989. С. 4). Наконец, в могильнике Клады (курган 28) открыта гробница с росписью

на стенах. Имеющиеся там изображения лука и колчана аналогичны, как считает А.Д. Резепкин, подобным, но гравированным рисункам, затертым краской, на стене гробницы близ г. Галле в Германии (Резепкин А.Д., 1987б. С. 26–29; 1991б. С. 189–191). Разве этот единичный случай, как и остальные, может свидетельствовать о чем-нибудь ином, кроме указания на наличие связей между Кавказом и Западной Европой в III тысячелетии до н.э.? И это при том, что прямых аналогий всему сюжету росписи стен гробницы в Кладах обнаружить нигде не удастся (Резепкин А.Д., 1987б. С. 29) и сами эти гробницы хронологически между собой не соотносятся.

В последнее время, исходя из возможной генетической неоднородности майкопской культуры, стали говорить о ее многокомпонентности и выделять предмайкопскую стадию ее развития, появились понятия “майкопская культурно-историческая общность” (Нечитайло А.Л., 1989а) и “майкопско-новосвободненская общность” (Корневский С.Н., 1989; 1991; Пиотровский Ю.Ю., 1990; Резепкин А.Д., 1991а; Козаев П.К., 1992). Коснусь в данной связи доклада А.Д. Резепкина на прошедшем весной 1991 г. симпозиуме “Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы”. Говоря о майкопской культуре как многокомпонентном образовании, он выделил южную и северную группы компонентов этой культуры. В северную он объединил ранненовосвободненские комплексы и памятники среднестоговско-хвалынской общности (Резепкин А.Д., 1991а. С. 20). Целиком разделяя точку зрения на майкопскую культуру как культуру, сложившуюся под непосредственным влиянием части переднеазиатского населения, проникшего на Северный Кавказ, А.Д. Резепкин считает вместе с тем, что вклад степных энеолитических племен в ее формирование был не менее значительным. Майкопская культура, по его мнению, является продуктом всестороннего взаимодействия степных и переднеазиатских элементов (Резепкин А.Д., 1991б. С. 189).

Население Северного Кавказа, безусловно, подерживало связи со степными племенами. Но значение этих связей на формирование майкопской культуры едва ли было столь существенным, как это представляется А.Д. Резепкину. Он, на наш взгляд, преувеличивает значение степного компонента и тем самым недооценивает в должной мере переднеазиатский вклад в развитие Майкопа. В данном вопросе, мне думается, более прав А.А. Нехаев, считающий, что формирование майкопской культуры “происходило на основе местных позднеэнеолитических племен с участием мощного восточного компонента, особенно северомесопотамского” (Нехаев А.А., 1990. С. 20). С этими позднеэнеолитическими племенами Северного Кавказа А.А. Нехаев связывает такие памятники, как поселения Свободное, Мешоко (нижний слой) и др.

Другой круг вопросов касается проблемы хронологизации майкопской культуры. Здесь следует подчеркнуть, что предложенное М.В. Андреевой на основании сравнительного анализа северокавказских и ряда ближневосточных древностей удревнение раннего Майкопа (конец IV тысячелетия до н.э.) оказалось правомерным (Андреева М.В., 1977). Так, в одной из последних обобщающих работ по ранней бронзе Северного Кавказа майкопская культура датирована временем от последней трети IV тысячелетия до н.э. до XXV в. до н.э. (Резепкин А.Д., 1989. С. 17). Правда, с этой датировкой резко контрастирует хронология, предложенная для Майкопа и Новосвободной В.А. Сафроновым – от XXV до XXIII в. до н.э. (Сафронов В.А., 1989. С. 235). Поразительна по своей необоснованности система обоснования отмеченных дат. Используя археологические данные (материалы поселения Телль Хуэйра в Сирии), с одной стороны, и библейские сюжеты и персонажи – с другой, В.А. Сафронов пришел к “оригинальному” выводу: после разгрома Телль Хуэйры часть обитавших там арамейских племен мигрировала на Северный Кавказ и создала майкопскую культуру, и произошло это как раз в указанное время. Полная несостоятельность всех этих построений была убедительно показана В.И. Марковиным в его докладе на XV Крупновских чтениях (Марковин В.И., 1988), и особенно в недавней дискуссии по этнической принадлежности и другим вопросам майкопской культуры, развернувшейся на страницах журнала “Советская археология” (Марковин В.И., 1990а. С. 106–120), в которой принял участие также ряд авторов (Андреева М.В., 1990. С. 122–125; Корневский С.Н., 1990в. С. 125–131; Сафронов В.А., 1990. С. 137–144; Чеченов И.М., 1990. С. 144–153; Марковин В.И., 1990б. С. 153–157)*.

* Вслед за этой дискуссией ЛОИА АН СССР совместно с управлением культуры Краснодарского крайисполкома и другими учреждениями был организован международный симпозиум, посвященный специально майкопской культуре. Он состоялся 18–24 марта 1991 г. в Новороссийске. На симпозиум было представлено около 25 докладов, тезисы которых изданы в виде небольшого сборника (см.: Феномен майкопской культуры в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 1–73).

Симпозиум, видимо, не ставил конкретной задачи рассмотреть одну или две наиболее важные проблемы, связанные с изучением майкопской культуры (например, такие, как проблемы хронологии и периодизации, происхождения и генезиса культуры, локальных вариантов и связей и т.д.). Доклады на нем касались широкого спектра вопросов, начиная от больших, ключевых проблем и связанных с ними отдельных тем и кончая характеристикой некоторых новых памятников энеолита и бронзового века Северного Кавказа. Несомненно, это была очень полезная научная конференция. Но пока не будут опубликованы все материалы симпозиума (доклады и дискуссии), трудно определить в должной степени, что принципиально нового прозвучало на нем и каков его вклад в целом в изучение феномена майкопской культуры. Поскольку это была первая специально посвященная исследованию Майкопа конференция, казалось, что она должна была подвести итоги и наметить основные задачи по разработке насущных проблем раннебронзового века Северного Кавказа и стать определенным рубежом в длительной уже истории изучения майкопской культуры.

Наконец, последнюю группу вопросов составляет как раз проблема этнической интерпретации майкопской культуры. Около 20 лет назад, касаясь последней, мы констатировали, что вопрос о том, на каких языках говорили народы, жившие на Кавказе в III тысячелетии до н.э. и более раннее время, крайне сложен и остается нерешенным (Мунчаев Р.М., 1975. С. 412). Говоря об этнической принадлежности племен майкопской культуры, мы подчеркнули тогда же, что не располагаем сколько-нибудь надежными данными для ответа на вопрос, можно ли их связывать с хеттскими племенами, в частности с кашками, обитавшими в конце III или начале II тысячелетия до н.э. на северо-востоке Понта (Мунчаев Р.М., 1975. С. 413).

Правда, в то же самое время была опубликована работа Я.А. Федорова, посвященная определению места “майкопцев” в этнической истории Северного Кавказа (Федоров Я.А., 1975). По его мнению, не подкрепленному какими-либо убедительными данными, носители майкопской культуры являются предками адыгов*.

С тех пор, к сожалению, никаких новых данных для решения этого вопроса не получено. Факт налицо – мы не имеем до сих пор на Кавказе ни одного памятника, в котором зафиксирован язык (или языки), на котором, возможно, говорило население Предкавказья в эпоху ранней бронзы. И тем не менее по этому именно вопросу возникла целая дискуссия. Она была вызвана опубликованными заключениями по этнической атрибуции майкопской культуры, главным образом В.А. Сафронова и И.М. Мизиева.

И.М. Мизиев, основываясь на шумеро-балкар-карачаевских языковых параллелях, полагает, что они могли зародиться в эпоху майкопской культуры, когда на Северном Кавказе жили мигрировавшие сюда переднеазиатские племена (Мизиев И.М., 1986. С. 16–34; 1990. С. 131–137). Получается, следовательно, что в III тысячелетии до н.э. на Северном Кавказе обитали тюркоязычные племена (предки балкарцев и карацевцев) и носители шумерского языка – выходцы с Ближнего Востока. На самом деле, если шумеро-тюркские языковые соответствия действительно представляют реальный факт, то время, место и обстоятельства или процесс их возникновения требуют объяснения. И.М. Мизиев, будучи уверен в бесспорности шумеро-тюркских языковых параллелей, пытается таким образом объяснить их происхождение и приходит в конечном итоге к выводу о глубокой древности тюркского этноса на Северном Кавказе. Для подлинного доказательства того и другого, по моему убеждению, требуются новые дополнительные данные и более строгая и развернутая аргументация, чего у И.М. Мизиева пока нет.

* Мнение об адыгах как потомках носителей майкопской культуры высказывается и в настоящее время (Ловпаче Н.Г., 1991. С.36; Бетров Р.Ж., 1991).

Иную картину этнокультурного развития Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы демонстрирует В.А. Сафронов, нередко в соавторстве с Н.А. Николаевой. Как указывалось выше, они считают Майкоп и Новосвободную разнокультурными комплексами, связанными своим происхождением с разными областями Старого Света. Если Майкоп, как им представляется, создан племенами, мигрировавшими на Северный Кавказ в XXIV–XXIII вв. до н.э. из района Телль Хуэйры в Сирии, то этническая принадлежность их как носителей майкопской культуры совершенно очевидна – это семиты, причем не вообще семиты, а западные семиты. Но в свете новой хронологии майкопской культуры, которой придерживаются сейчас многие исследователи, начало Майкопа определяется концом IV тысячелетия до н.э. В таком случае о семитах говорить не приходится. Речь может идти прежде всего о племенах урукской культуры, т.е., скорее всего, о шумерах. Но это никак не согласуется со схемой Николаевой–Сафронова. Определив без какого-либо серьезного обоснования дату Майкопа XXIV–XXIII вв. до н.э., указанные авторы сделали другое, ничем не аргументированное и потому ошибочное в своей основе заключение об этнической принадлежности майкопской культуры.

Культура же Новосвободной связана, по мнению Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова, с культурами северо-западных областей, ее носители – индоарийцы. Более того, сходство новосвободной и кубано-днепровской культур позволяет им сделать вывод о хеттско-палайской атрибуции Новосвободной (Сафронов В.А., 1989. С. 214). И далее мы узнаем, что в Прикубанье праиндийцы столкнулись с западносемитскими племенами майкопской культуры, от которых переняли “некоторые технические усовершенствования колесного транспорта” (Сафронов В.А., 1986. С. 216). Все казалось бы просто и ясно, если, конечно, не учитывать того, что вывод этот не подкреплен какими-либо археологическими материалами и прочими данными. При этом не стоит даже подчеркивать, что до сих пор в памятниках Майкопа (за одним исключением) свидетельств использования колесного транспорта не зафиксировано.

Следует отметить, что близкое к выводу В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой предположение было высказано в 1989 г. и А.Д. Резепкиным. По его гипотезе, “новосвободненцы” являются крайне юго-восточной группой индоевропейцев, которые встретились на Северном Кавказе с носителями ближневосточной цивилизации (Резепкин А.Д., 1989. С. 22).

Таким образом, если резюмировать отмеченное, получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской (Мунчаев Р.М., 1991в). Действительно, где же жили в это время

коренные народы Северного Кавказа, в частности абхазо-адыгские племена? Или они тогда вообще не существовали? В таком случае, когда они появились на Кавказе и откуда? Если даже не принимать во внимание остальное, только постановка данных вопросов заставляет скептически относиться к выводам и гипотезам отмеченных выше авторов.

Майкопская культура, безусловно, феноменальное явление в древнейшей истории Кавказа. И феномен этот требует еще своей глубокой историко-археологической разработки и разностороннего анализа. В настоящее время совершенно очевидно, что это оригинальная, высокоразвитая культура характеризует раннебронзовый век не только Прикубанья, но и значительной части Северного Кавказа. Ее формирование и развитие являются результатом сложного взаимодействия местных культурных традиций и определенных, иногда иноземных, прежде всего и более всего переднеазиатских; майкопские племена имели связи с Ближним Востоком, Закавказьем, Северо-Западным Прикаспием, Северным Причерноморьем и Подоньем. Мы видим, что комплексы, группирующиеся с одной стороны, вокруг Майкопского кургана, а с другой – вокруг дольменов Новосвободной, отличны друг от друга. Они не едины и в хронологическом отношении. При тщательном их изучении между ними обнаруживаются и определенные связи, и черты преемственности. Эти комплексы складывались и развивались на одной территории и в одну эпоху – в раннебронзовом веке. Для того чтобы “отсечь” их один от другого и рассматривать как разнокультурные комплексы, необходимо, разумеется, провести скрупулезный анализ всех их компонентов, и не только каждого погребального, но и бытового памятника. Пока же это не сделано, выводы и гипотезы обосновываются главным образом на погребальных комплексах, а поселения и материалы из них остаются слабо исследованными. Поэтому мы продолжаем рассматривать майкопскую культуру как единую культуру раннебронзового века Северного Кавказа с двумя основными этапами в его развитии: ранним (майкопским) и поздним (новосвободненским). В близком к этому аспекте, видимо, употребляется иногда в литературе последнего времени понятие “майкопско-новосвободненская общность”.

Ареал, хронология и периодизация майкопской культуры

Памятники майкопской культуры представлены на значительной территории Северного Кавказа (карта 3). Они тянутся как бы широкой полосой от Таманского полуострова на северо-западе и почти до самого Дагестана на юго-востоке, располагаясь на равнине и в предгорной полосе, в бассейнах притоков Кубани, Баксана и других рек. Майкоп-

ские курганы и поселения подходят иногда к отрогам Главного Кавказского хребта, но вглубь, в ущелья гор они, как правило, не заходят. До сих пор, насколько нам известно, ни один памятник рассматриваемой культуры в высокогорных районах Северного Кавказа не исследован. Были ли вообще заселены эти районы Северного Кавказа в эпоху развития майкопской культуры, не ясно (при этом не имеется в виду Дагестан, который в раннебронзовом веке входил в ареал куро-аракской культуры). В отличие от племен куро-аракской культуры майкопские племена в горных районах, видимо, не обитали. Характерно в этой связи, то, что когда мы встречаемся в горной зоне Северного Кавказа с памятниками эпохи ранней бронзы, то последние носят либо синкретический характер (куро-аракско-майкопский), как, например, Луговое поселение в Чечено-Ингушетии (Мунчаев Р.М., 1961а), либо тяготеют почти целиком к куро-аракской культуре, подобно комплексу пещеры Шаулевет в Северной Осетии (Любин В.П., 1966). Следует в данном случае указать и на следующее: буквально в 30 км от Лугового поселения находится синхронный ему Бамутский курганный могильник, но расположен он на равнине, близ склонов гор, и представляет характерный памятник майкопской культуры. Можно считать таким образом, что северные склоны Кавказского хребта служили как бы естественной границей майкопской культуры на юге.

В ареал майкопской культуры входили многие районы нынешнего Краснодарского края. Памятники этой культуры открыты здесь в его северо-западной части. Это погребение на п-ове Фонтан (Кубланов М.М., 1959. С. 203–226) и курган у пос. Сенная (Сокольский Н.И., 1965. С. 115). Они раскопаны в Анапском районе, в частности у ст. Раевской (Сизов В.И., 1899. С. 94, 95) и у хут. Рассвет (Крушкол Ю.С., 1963. С. 83–85), а у г. Новороссийска на берегу моря находится поселение Мысхако (Онайко Н.А., 1970; 1974; Гей А.Н., 1991б). Отметим здесь же и стоянки Воронцовской пещеры, расположенной к северу от г. Адлера (Соловьев Л.Н., 1958).

Прикубанье – один из крупных очагов развития майкопской культуры. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в бассейнах притоков Кубани, особенно Белой и Фарса (Формозов А.А., 1965. С. 67. Рис. 29). Здесь, в частности, исследованы знаменитые Майкопский и Новосвободненские курганы и остальные памятники, составившие группу “больших кубанских курганов”, а также ряд поселений данной культуры.

В степном Прикубанье также обследованы майкопские памятники (Трифонов В.А., 1991б. Рис. 7, 8). К востоку от Прикубанской низменности – в Тимашевском и Кропоткинском районах – представлены, насколько нам известно, единичные комплексы. К северу же от Кубани майкопская культура не была распространена. Эти и другие

районы предкавказских степей были заняты в III тысячелетии до н.э. племенами новотитаровской и ямной культур. Таким образом, границы майкопской культуры на севере можно проводить условно по правобережью Кубани (Трифонов В.А., 1991б. Рис. 7, 8).

От Прикубанья цепь майкопских памятников тянется в юго-восточном направлении, охватывая отдельные восточные и главным образом южные районы Ставропольского края (Карачаево-Черкессия; зона Кавказских Минеральных Вод), Кабардино-Балкарию, равнинную часть Северной Осетии и предгорную полосу Чечено-Ингушетии, точнее, собственно Ингушетии. На территории последней имеются как типично майкопские памятники (Бамутский могильник), так и отличающиеся синкретизмом культуры (Луговое поселение). Что же касается территории собственно Чечни, то до сих пор мы по существу не знаем здесь “чистого” майкопского комплекса, подобного, например, Бамутскому могильнику. Правда, в Чечне, близ с. Бачи-Юрт Курчалоевского района, недалеко от границы с Дагестаном раскопан один курган, по ряду признаков связываемый с майкопской культурой и потому рассматриваемый как крайний юго-восточный пункт распространения ее памятников (Марковин В.И., 1963. С. 63–65; Мунчаев Р.М., 1975. С. 286). Расположенные же несколько к западу от этого кургана поселения у с. Сержень-юрт Шалинского района, несмотря на очевидную близость их керамики к майкопской, тяготеют в целом к куро-аракской культуре. Майкопского типа керамика обнаружена и на других памятниках Чечни, а также Ингушетии (Мунчаев Р.М., 1975. С. 336). Но какова подлинная культурная принадлежность этих памятников, сказать с уверенностью мы не можем. Они могут относиться к майкопской культуре или быть аналогичными Луговому поселению или же поселениям у с. Сержень-юрт.

Таким образом, территория Чечено-Ингушетии представляет юго-восточную часть ареала майкопской культуры* и вместе с тем является областью стыка и взаимодействия майкопской и куро-аракской культур. В эту “стыковую” область входили, полагаем, и отдельные районы Северной Осетии. Видимо, некоторые ее равнинные и предгорные районы входили в зону майкопской культуры, а горные относились к ареалу куро-аракской культу-

ры или составляли область активного влияния последней.

Необходимо отметить, что в ряде районов Северной Осетии, и особенно Чечено-Ингушетии, входящих в степную зону Восточного Предкавказья, встречены также и памятники ямной культуры. Например, у ст. Мекенская на Тереке раскопаны курганы с погребениями как ямного, так и майкопского типа (Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я., 1963).

В данной связи особый интерес вызывает сделанное в последние годы открытие группы из шести майкопских поселений близ ст-цы Галюгаевской в районе Моздока, одно из которых (Галюгаевское I) подверглось широким раскопкам (Кореневский С.Н., 1989а; и др.). Эти памятники заставляют по-новому взглянуть на проблему генезиса майкопской культуры и расширяют границы последней к востоку от Кабардино-Балкарии, захватывая бассейн среднего Терека (Кореневский С.Н., 1991; 1993).

В 1982 г. близ сел Грушевское и Калиновское Александровского р-на Ставропольского края раскопаны три кургана (6–8) с позднемайкопскими погребениями (Мишина Т.Н., 1989. С. 233–239). Они отмечают как бы северо-восточную границу распространения майкопской культуры.

Вопрос о культурной атрибуции древнейших памятников восточно-предкавказских (ногайско-калмыцких) степей стал проявляться в последнее время. В отдельных районах этого обширного края, охватывающего Северный Дагестан, восточную часть Ставропольского края и в основном Калмыкию, собраны археологические данные, указывающие на наличие в них памятников раннебронзового века. Начиная с 50-х годов здесь были обнаружены отдельные характерные для майкопской культуры материалы, включая керамику и другие предметы (Крупнов Е.И., 1954. Рис. 42, 3, 4; Марковин В.И., 1980а. С. 117).

Особо отметим исследованные в данном регионе комплексы с инвентарем майкопской культуры. Это прежде всего раскопанные в 1982 г. в курганном могильнике Цаган-нур в Калмыкии три погребения, совершенные по степному обряду, но содержавшие типичные для комплексов Новосвободной предметы, такие, как глиняный сосуд, медный котел, украшенный жемчужным орнаментом, бронзовые вилообразное орудие и тесло (Шиллов В.П., 1984. С. 186).

Близкая картина прослежена и в курганах у хут. Жуковского Новоселицкого р-на Ставропольского края. В захоронениях, совершенных по степному обряду погребения, обнаружены характерные для позднего этапа майкопской культуры предметы инвентаря. Последние и послужили основанием для исследователей отнести данные погребения к майкопской культуре (Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1980. С. 76–79).

Наличие подобных комплексов на таких погра-

*Недавно, как отмечалось выше, сделана попытка отнести ряд памятников в предгорной и равнинной зонах Дагестана к майкопской культуре и тем самым продвинуть юго-восточную границу последней почти до Азербайджана (Магомедов Р.Г., 1991а, б). При близости отдельных материалов этих памятников к майкопской культуре рассматривать их как безусловно относящиеся к данной культуре неправомерно. Поэтому, полагаю, пока не имеется каких-либо убедительных оснований включать Дагестан или даже его прикаспийскую часть в ареал майкопской культуры. Памятники эпохи ранней бронзы на его территории характеризуют один из ярких локальных вариантов куро-аракской культуры.

нических территориях вполне объяснимо*. Обширная степная и полупустынная область Восточного Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия в целом входила в раннебронзовом веке в иной культурный ареал. Как известно, в южной части Калмыкии исследовано свыше 550 погребений ямной культуры (Эрдниев У.Э., 1979). Племена данной культуры, скорее всего, и обитали на этой территории, поддерживая связи со своими соседями на западе – племенами майкопской культуры. Наличие же отдельных погребений с инвентарем майкопской культуры не может служить основанием расширять ареал рассматриваемой культуры столь далеко на восток (Шишлина Н.И., 1992. С. 30).

В очерченном ареале майкопской культуры выделяются, пожалуй, два наиболее крупных очага развития этой культуры. Один из них – прикубанский. Второй находится в центральной части Северного Кавказа, в частности в Кабардино-Пятигорье, где также исследовано значительное количество майкопских памятников, как ранних, так и сравнительно поздних. Можно говорить еще об одном очаге развития изучаемой культуры, локализуемой на территории Ингушетии и смежных районов Северной Осетии. Единственным памятником, широко исследованным здесь, является Бамутский курганный могильник, относящийся к позднему этапу майкопской культуры. Более ранние комплексы данной культуры здесь пока неизвестны. По всей вероятности, майкопская культура не была распространена на этой территории в начальный период своего развития.

Ареал майкопской культуры в тех границах, которые очерчены выше, сложился, разумеется, не сразу. Учитывая значительную концентрацию майкопских памятников в Прикубанье, можно было бы считать, что эта культура сложилась именно в данном регионе и отсюда начала распространяться в центральные и юго-восточные районы Северного Кавказа. Но в настоящее время раннемайкопские памятники известны не только в Кабардино-Пятигорье, но и восточнее – на Тереке (I поселение Галюгаевское). Как считает исследователь последнего, этот памятник не уступает по древности Майкопскому кургану (Кореневский С.Н., 1988б. С. 14). Поэтому вопрос, где сформировалась и откуда начала распространяться по Северному Кавказу майкопская культура, остается пока открытым. По всей вероятности, определенным свет на решение данного вопроса может пролить установление хронологии и четкой периодизации майкопской культуры в целом и отдельных групп ее памятников, в частности.

Известно, как остро стояли и как по-разному решались вопросы хронологизации Майкопского

кургана и связанных с ним других памятников Северного Кавказа. Амплитуда колебания дат Майкопского кургана была весьма значительной – от IV до начала I тысячелетия до н.э. Собственно, все споры сводились в основном к тому, к какому времени – началу эпохи металла или предскифскому периоду – относятся этот и близкие ему в культурно-историческом отношении другие памятники Северного Кавказа. Убедительно доказав, что “большие кубанские курганы” во главе с Майкопским курганом характеризуют ранний этап эпохи металла, А.А. Иессен расчленил их на две хронологические группы, отражающие два последовательных этапа развития представленной ими культуры. Последняя, названная А.А. Иессеном раннекубанской культурой, была датирована им в пределах 2300–1700 лет до н.э. (Иессен А.А., 1950. С. 198). В дальнейшем А.А. Иессен несколько удревнил хронологию изучаемой культуры, установив ее в рамках 2500–2000 лет до н.э. Этой датировки майкопской культуры придерживались до недавнего времени многие исследователи бронзового века Северного Кавказа (Пиотровский Ю.Ю., 1991. С. 17).

Хронология майкопской культуры, к сожалению, остается до сих пор неразработанной. Для решения этой важной проблемы нам явно не хватает широко раскопанных и тщательно изученных погребальных, и особенно поселенческих комплексов, представленных со всего ареала майкопской культуры. До сих пор монографически не изданы ни сам Майкопский курган, ни такой широко исследованный бытовой памятник, как Мешоко. Среди исследованных в последнее время памятников большой интерес вызывает, несомненно, поселение Галюгаевское I на среднем Тереке, но небольшая часть его материалов введена в научный оборот лишь в самое последнее время (Кореневский С.Н., 1993).

Одной из существенных причин, затрудняющих решение проблемы хронологии раннебронзового века Северного Кавказа и отдельных групп его памятников, является отсутствие до сих пор сколь-нибудь значительной серии радиоуглеродных дат для майкопской культуры. Поэтому в ряде случаев исследователи для хронологизации этой культуры были вынуждены привлекать C_{14} даты, полученные, например, для раннего подкурганного погребения в Мильской степи в Закавказье (2530 ± 120 лет до н.э.) или для погребений Устьдзегутинского могильника (2090 ± 60 лет до н.э.; 2160 ± 60 лет до н.э.; 1950 ± 60 лет до н.э.), которым непосредственно предшествуют там майкопские захоронения (Мунчаев Р.М., 1975. С. 335).

Считаю в данной связи необходимым отметить также следующее. При сопоставлении северокавказских материалов с ближневосточными, особенно когда это касается определения датировки памятников, следует помнить, что до сих пор не существует прочно установленной абсолютной хронологии для таких известных комплексов конца

* Два погребения с майкопским инвентарем, но не характерным для майкопской культуры положением погребенных скорченно на спине и головой на восток, исследованы и в степном Прикубанье (Трифонов В.А., 1991б. С. 107).

IV–III тысячелетия до н.э. Месопотамии, как поздний Урук, Джемджет Наср, Ниневия 5 и др. Оживленные споры между специалистами идут как по вопросам хронологизации, так и о том, представляют ли эти комплексы определенные культурно-исторические периоды или они отражают региональные особенности, выражающиеся прежде всего в керамике и ее орнаментации.

Несмотря на отмеченное, поиски надежных данных, позволяющих приблизить решение проблемы хронологии раннебронзового века Северного Кавказа в целом и отдельных его комплексов, в частности, постоянно велись и продолжают. Об этом свидетельствует и прошедшая в 1990 г. дискуссия в журнале “Советская археология”, и состоявшийся в 1991 г. в Новороссийске симпозиум по майкопской культуре. Хотя в известной степени прав и Ю.Ю. Пиотровский, считающий, что в настоящее время представляется невозможным определенно говорить о хронологических рамках майкопской культуры (Пиотровский Ю.Ю., 1991. С. 20), тем не менее некоторые результаты в разработке этой важной проблемы имеются сейчас. Они касаются прежде всего датировки раннемайкопских комплексов.

Сравнительный анализ металла (с точки зрения состава), и особенно керамики раннемайкопских памятников, с одной стороны, и комплексов фазы Амука F в Сирии и соответствующих им в Анатолии и Ираке (Теле Гавра XII–IX) – с другой, позволил наметить несомненную связь их между собой и тем самым значительно углубить нижние хронологические рамки майкопской культуры, по меньшей мере до конца IV тысячелетия до н.э. (Андреева М.В., 1977. С. 50–55).

Керамика, точнее глиняные сосуды из ранних погребений майкопской культуры, в сравнительном плане изучена слабо. Было ясно, что она не связана с местной керамикой предшествующей эпохи (Иессен А.А., 1950. С. 175, 177). Учитывая близость ее форм к соответствующим образцам из памятников Северной Месопотамии, высказывалось мнение о месопотамском происхождении раннемайкопской керамики (Мунчаев Р.М., 1975. С. 329). Выясняется, что раннемайкопскую форму глиняной посуды содержат и памятники, расположенные к западу – в Сирии – и объединяемые в фазу Амука F (Braidwood R.I., Braidwood L.S., 1960. P. 513–516). Причем совершенно идентичны не только форма и размеры горшков раннемайкопских и сирийских памятников, но и цвет и характер обработки их поверхности. Совпадают и такие детали, как почти полное отсутствие у тех и других ручек и орнамента. А в случаях, когда на сосудах имеются ручки или орнамент, близость между ними просто поразительна (Андреева М.В., 1977. С. 52).

Для исследователей остается неясным, правда, происхождение данного керамического комплекса в Сирии, они склонны выводить его из Гавры в Месопотамии (Braidwood R.I., Braidwood L.S., 1960).

В данной связи, кстати, следует обратить внимание и на довольно типичные залощенные горшки раннемайкопского типа, представленные в коллекции урукской керамики из Дарашина в Докане в Иракском Курдистане (Behnam Abu Al Soof, 1979. Pl. II). Но независимо от этого в свете отмеченных данных становится совершенно очевидным, откуда и в какое приблизительно время началось проникновение на Северный Кавказ отдельных культурных и, вероятно, этнических элементов, которое положило начало развитию здесь новой, оригинальной, в основе своей двуприродной (северокавказско-переднеазиатской) культуры эпохи ранней бронзы*. Это время – не позднее рубежа IV–III тысячелетий до н.э.

В пользу отмеченного свидетельствуют и другие факты. В 1984 г. в раннемайкопском погребении близ с. Красногвардейское (Адыгея) была обнаружена гагатовая цилиндрическая бусина с гравированными изображениями оленя и, видимо, древа жизни (Нехаев А.А., 1986. С. 246, 247. Рис. 3, 1). Она имеет близкие аналогии среди подобных предметов из переднеазиатских комплексов, прежде всего Тепе Гавры, датируемых IV – началом III тысячелетия до н.э. Недавно каменная печать прямоугольной формы с аналогичными же гравированными изображениями найдена в халколитическом слое Дегирментепе в Восточной Анатолии (Ufuk Esin, 1984. Fig. 37). Именно с учетом ближневосточных находок А.А. Нехаев датировал исследованное им погребение началом III тысячелетия до н.э.

Значительно больший интерес в данной связи вызывают материалы из другого восточноанатолийского поселения – Арслантепе. В соответствующем комплексе его, относящемся к позднему Уруку – Джемджет Насру (конец IV – начало III тысячелетия до н.э.) представлена керамика, близкая к майкопской по формам и другим признакам (Frangipane M., Palmieri A., 1983. Fig. 52, 55). Обращает внимание и находка здесь костяной булавки с треугольной головкой (Frangipane M., Palmieri A., 1983. Fig. 63, 1). Подобная булавка в единственном числе известна на Северном Кавказе из раннемайкопского погребения в Устьдзегутинском могильнике (Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Рис. 8, 2).

Укажем особо на керамический комплекс поселения Галюгай I. В 1993 г. опубликована сравнительно небольшая его часть. Но я имел возможность непосредственно ознакомиться со значительной большей частью керамики Галюгай. Первое же знакомство с ней заставляет искать параллели отдельным ее формам в керамике позднего Урука и

*В западной литературе послевоенного периода точку зрения о проникновении на Северный Кавказ ближневосточного населения, в результате чего возникла майкопская культура, наиболее последовательно доказывала М. Гимбутас (Gimbutas M., 1956. P. 59).

раннединастических периодов Месопотамии. Отмечу в данной связи, что в материалах из слоев конца IV – первой половины III тысячелетия до н.э. на поселении Телль Хазна I в Северо-Восточной Сирии, исследуемой экспедицией Института археологии РАН, представлены сосуды, близкие по формам галюгаевским и украшенные аналогичными резными знаками (Кореневский С.Н., 1993. Рис. 13, 4). Обращает на себя внимание также присутствие в керамических комплексах Телль Хазны I и Галюгая одинаковых очажных подставок.

Наконец, обратим внимание и на такой факт: в Майкопском кургане и под полами урукского храма найдены микролитические орудия одинаковых форм*. Мы уверены, что такое совпадение не является случайным. Как известно, в Месопотамии рано (не позднее VI тысячелетия до н.э.) сложился обычай (ставший в дальнейшем традицией) закладывать под полы и стены культовых прежде всего сооружений различные, точнее, особые предметы. Укажем для примера, что под полами культовой постройки на халафском поселении Ярмттепе II в Ираке (V тысячелетие до н.э.) обнаружены уникальные медная печать и другие предметы, в том числе три обсидиановых микролитических орудия в виде трапеций (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Рис. 51, 1, 2). Известно ведь, что использование подобных орудий на Ближнем Востоке прекратилось еще в эпоху раннего неолита и микролиты практически не встречаются в раннеземледельческих памятниках. В поселениях же Северного Кавказа IV–III тысячелетий до н.э. их продолжали использовать. Но ни в одном погребальном комплексе раннебронзового века, кроме Майкопского кургана, они не встречены здесь до сих пор. Поэтому, учитывая и высокий социальный статус погребенного в кургане Ошад (жрец – родо-племенной вождь), мы рассматриваем присутствие в составе инвентаря этой могилы давно вышедших из употребления орудий как одно из проявлений месопотамской традиции.

Приведенные данные убедительно указывают на связь представленного раннемайкопскими памятниками культурного комплекса с Ближним Востоком и определяют время и ту возможную область, откуда шли влияния и произошла вероятная миграция определенных этнокультурных групп на Северный Кавказ. Это время, конечно, не XXIV–XXIII вв. до н.э., как считает В.А. Сафронов, а значительно раньше. Что же касается исходной территории миграции, то речь может идти не об одном узколокальном регионе, как например, район Телль Хуэйры в Сирии, по мнению того же В.А. Сафронова, а о целой области, протянувшейся от Тигра (Тепе Гавра) на востоке до Северной

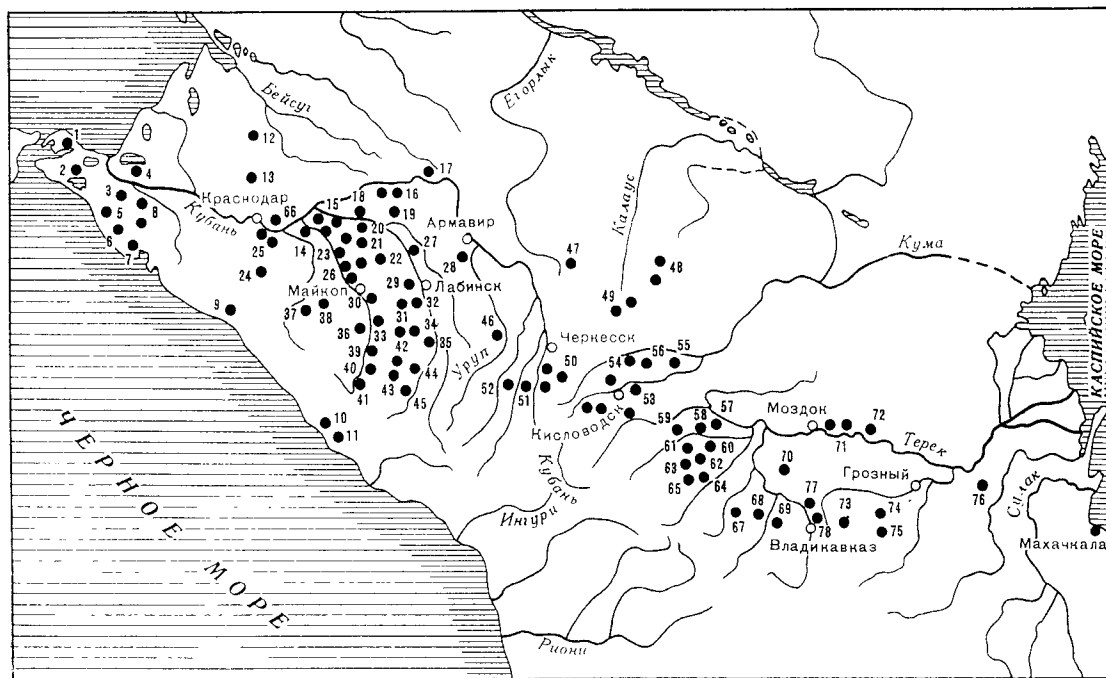
Сирии и смежной части Восточной Анатолии на западе*.

Учитывая отмеченные выше и некоторые новые данные, касающиеся как южных, так и северных связей носителей майкопской культуры, А.Д. Резепкин подкрепил наметившееся новое хронологическое положение этой культуры. Он пришел, в частности, к выводу о возможности отнести начало майкопской культуры ко времени последней трети IV тысячелетия до н.э. (Резепкин А.Д., 1991а. С. 16, 17). Датировка раннего Майкопа концом IV тысячелетия до н.э., можно сказать, установившееся в настоящее время мнение большинства специалистов.

Сложнее обстоит дело с определением датировки памятников новосвободненской группы, которых несравненно больше количественно, чем комплексов, группирующихся вокруг майкопского кургана, и которые территориально охватывают значительно большую территорию. Очевидно, что они относятся к одному большому хронологическому периоду и среди них имеются как относительно ранние, так и сравнительно поздние комплексы. Их периодизация совершенно не разработана. И в этом одна из главных причин отсутствия сегодня у нас тщательной обоснованной хронологии раннебронзового века Северного Кавказа, и новосвободненской группы его памятников в особенности. Предстоит тщательная работа по изучению соответствующих комплексов по каждому региону майкопского ареала и их глубокому сравнительному анализу. Такая работа ведется. Укажу для примера на последние из исследований в этом плане. Это, в частности, труд А. Резепкина, в котором погребения курганно-могильника Клады у ст-цы Новосвободной расчленены, исходя из классификации обряда захоронения и инвентаря, на ряд стратиграфических горизонтов (Резепкин А.Д., 1989). К интересным результатам пришел и В.А. Трифонов, изучивший комплексы энеолита и бронзового века степного Прикубанья. Им устанавливается, что майкопские памятники исследованного региона имеют в целом

*Вопрос о причинах миграции и конкретных путях передвижения отдельных групп северомесопотамского населения в Предкавказье не может быть решен в настоящее время. Выказанное, например, недавно мнение о том, что это движение началось, вероятнее всего, с территории, занятой северобайбидскими памятниками и проходило через степной Азербайджан и Грузию (Резепкин А.Д., 1991а. С. 21), остается всего лишь предположением. Другой же исследователь майкопской культуры, С.Н. Кореневский, считает, что “данных о прямой ближневосточной миграции в долины Терка и Кубани нет. Формирование Майкопа сопряжено с Южным Кавказом и с Предкавказьем”. По его мнению, ранняя, первая фаза сложения Майкопа связана с проникновением переднеазиатских носителей гончарной нерасписной круглодонной керамики в долину Куры и Западную Грузию, ориентировочно в период Убейда–Урука, а вторая фаза развития Майкопа ознаменовалась передвижением в конце IV – начале III тысячелетия до н.э. населения через перевалы Большого Кавказа в долины среднего Терка и, может быть, Верхнего Прикубанья (Кореневский С.Н., 1991. С. 39, 40). Можно высказать и другие предположения по данному вопросу, но стоит ли увеличивать их количество, когда все они, по сути дела, лишены должной аргументации.

*Микролитические орудия геометрических форм из Урука экспонируются в музее Гейдельбергского университета (Германия), где мы имели возможность их осмотреть.

Карта 3. Памятники майкопской культуры. Составил Р.М. Мунчаев

1 – погребение на п-ове Фонтан, 2 – курган у пос. Сенная, 3 – курган у ст-цы Варенниковской, 4 – курган у пос. Адагум, 5 – курганы у хут. Рассвет, 6 – курган у ст-цы Раевской, 7 – поселение Мысхако, 8 – могильники Общественно I, II и Мингрельский II, 9 – гробница Псыбе, 10 – Воронцовская пещера, 11 – Ахштырская пещера, 12 – курган у ст. Тимашевская, 13 – клад у ст-цы Старомышастовской, 14 – поселение Свободное, 15 – курганы у сел. Красногвардейское, Уляп и др. в Красногвардейском р-не, 16 – курганы на "участке Зиссермана" и близ ст-цы Тифлисской, 17 – курган у ст-цы Казанской, 18 – курган у ст-цы Новолабинской, 19 – курган у ст-цы Воздвиженской, 20 – курган близ Ульского аула, 21 – Серегинское поселение и курганы в Шовгеновском р-не, 22 – курган у ст-цы Келермесской, 23 – курган у ст-цы Белореческой, 24 – курган у ст-цы Саратовской, 25 – Псекупские поселение и могильник, 26 – курганы в Майкопе и в 3 км к северу от него, 27 – курган 12 между ст-цей Михайловской и хут. "Красное Знамя", 28 – курган в районе Армавира, 29 – курган у ст-цы Ярославской, 30 – Унакозовская пещера, 31 – поселение Ясенова Поляна, 32 – курган у ст-цы Махошевской, 33 – курган у ст-цы Тульской, 34 – курганы у ст-цы Новосвободной, 35 – курган у ст-цы Костром-

ской, 36 – поселение Скала, 37 – грот Матузка, 38 – Гуамский грот, 39 – поселение Хаджох, 40 – поселение Мешоко, 41 – Даховская пещера, 42 – Каменноостская пещера, 43 – поселение и курган у хут. Веселый, 44 – курган у ст-цы Андрюковской, 45 – курган у ст-цы Псебайской, 46 – Большепетегинское поселение, 47 – Ташлинское поселение, 48 – курганы у хут. Жуковского, 49 – курганы у сел Грушевское и Калиновское, 50 – поселение и курганы у г. Усть-Джегута и хут. Валуевского, 51 – курган у аула Кубина, 52 – курган у ст-цы Кардоникской, 53 – поселения и курганы в районе г. Кисловодска, 54 – курган у пос. Иноземцево, 55 – курган у г. Пятигорска, 56 – курган у ст-цы Воровсколеской, 57 – курган у сел. Кишпек, 58 – курганы у сел. Чегем II, 59 – курганы у сел. Лечинкай, 60 – курганы у сел. Чегем I, 61 – Долинское поселение, 62 – Нальчик-ское поселение, 63 – курганы в Садках, 64 – Нальчикская гробница, 65 – курган у сел. Соломенка, 66 – курган у ст-цы Старокорсунской, 67 – курган у сел. Лескен, 68 – поселение у сел. Старый Урух, 69 – курган у сел. Старый Урух, 70 – курган у сел. Верхний Акбаш, 71 – поселения Галюгай I–III, 72 – курганы у ст-цы Мекенской, 73 – Луговое поселение, 74 – Бамутский могильник, 75 – курганы между селами Ахчой Мартан и Бамут, 76 – курган у сел. Бачиюрт, 77 – курганы у сел. Дзуарикау, 78 – курганы у сел. Сунжа

поздний характер (Трифонов В.А., 1991б. С. 109). Но в то же время, однако, несмотря на достаточное разнообразие этих памятников, разделить их на хронологические группы на основании данных стратиграфии и типологии не представляется возможным (Трифонов В.А., 1991б. С. 107). То же самое в общем можно констатировать и в отношении многих других групп позднемайкопских памятников, отражающих так называемый новосвободненский этап раннебронзового века Северного Кавказа. Поэтому мы, как и другие исследователи, датируем этот этап обобщенно в пределах III тысячелетия до н.э. Но в отличие, допустим, от А.Д. Резепкина, датировавшего конец бытования майкопской культуры XXV в. до н.э. (Резепкин А.Д., 1989.

С. 17), нам представляется возможным говорить и о третьей четверти III тысячелетия до н.э.

В данной связи не будет, возможно, излишним обратить внимание на тот факт, что происходящий из позднемайкопских погребений большой и значительный металлический инвентарь, включающий бронзовые орудия труда, оружие, посуду и другие изделия, несмотря на специфичность отдельных категорий предметов, обнаруживает определенную близость к продукции переднеазиатской металлообработки, особенно раннединастических периодов (Корневский С.Н., 1979. С. 14, 15).

Таким образом, майкопская культура может быть датирована в настоящее время от конца IV до третьей четверти III тысячелетия до н.э. Говоря

о хронологии Майкопа для терской зоны Предкавказья, С.Н. Корневский определяет ее в абсолютных цифрах, как 31/29–24/23 вв. до н.э. (Корневский С.Н., 1991. С. 39)*. Расцвет изучаемой культуры падает, видимо, на самую середину III тысячелетия до н.э., когда она занимала обширную территорию от Таманского полуострова до Дагестана (карта 3).

Остановимся отдельно и на вопросе относительной периодизации майкопской культуры. Последняя устанавливается с большей определенностью, несмотря на то, что пока не исследован памятник, в котором стратиграфически четко были бы зафиксированы слои или погребальные комплексы, отражающие последовательно все возможные этапы рассматриваемой культуры. Правда, как отмечалось уже выше, важные стратиграфические и иные наблюдения с точки зрения изучения периодизации отдельных комплексов сделаны на ряде майкопских памятников, в частности в курганах у ст-цы Новосвободной. Они позволяют установить относительное хронологическое положение отдельных групп погребений внутри самого этого крупного могильника, но не культуры в целом.

Как известно, детально рассмотрев все известные до 50-х годов комплексы майкопской культуры, в основном погребальные, А.А. Иессен распятил их на две хронологические группы. Первая группа, представленная сравнительно ограниченным числом памятников во главе с Майкопским курганом, характеризует, по его периодизации, ранний, или майкопский этап, а вторая – соответственно поздний, или новосвободненский этап рассматриваемой культуры (Иессен А.А., 1950. С. 198). В раннюю группу им были включены 11 памятников, в том числе Майкопский курган, курганы у станиц Тифлисской (№ 3 и 4), Казанской (№ 1) и Белореченской, в Армавире (№ 4) и Нальчике (курганы в “садках”), а также клад из ст-цы Старомышастовской (Иессен А.А., 1950. С. 162, 163). К позднему этапу А.А. Иессен отнес более 20 комплексов, выразив, правда, сомнение в принадлежности отдельных из них к данной группе. В частности, в нее были включены такие памятники, как новосвободненские дольмены, курганы у станиц Махошевская, Ярославская, Андриюковская, Псебайская, Воздвиженская, Тимашевская и другие комплексы (Иессен А.А., 1950. С. 163, 164).

За период, истекший со времени публикации труда А.А. Иессена, исследовано большое число новых памятников раннебронзового века Северно-

го Кавказа, относящихся как к раннему, так и позднему этапу майкопской культуры. Весьма существенно то, что среди них немало бытовых памятников. Целая группа майкопских поселений обследована, в частности, в Прикубанье. Их изучение подтвердило периодизацию А.А. Иессена*. Более того, стратиграфические наблюдения и сравнительный анализ основных категорий представленного в поселениях материала позволил А.А. Формозову выделить несколько памятников, занимающих промежуточное положение между отмеченными двумя группами памятников и характеризующих еще один – средний этап майкопской культуры. К ранней группе поселений относится лишь один памятник – Мешоко (нижние горизонты); к средней – верхние горизонты Мешоко, поселения у хут. Веселого, Скала и Ясенова Поляна, а в других районах – Очажный грот Воронцовской пещеры; к поздней – Хаджох и Каменноостская пещера, а также (вне Прикубанья) ряд стоянок Воронцовской пещеры и Долинское поселение (Формозов А.А., 1965. С. 83. Табл. 2).

Подтвердят ли исследуемые ныне новые майкопские поселения выводы А.А. Формозова или внесут в них существенные коррективы, трудно сказать.

Ясно, однако, что полученные в результате раскопок новых поселений данные помогут более полно изучить генезис майкопской культуры.

Но возвратимся к вопросу о периодизации майкопской культуры. По нашему мнению, в настоящее время выделяется и ряд погребальных комплексов, занимающих промежуточное положение между ранними и поздними памятниками по периодизации А.А. Иессена (Мунчаев Р.М., 1975. С. 313–315). Таким образом, представляется возможным сейчас говорить о двух основных этапах и промежуточном между ними периоде в развитии майкопской культуры. При этом мы ясно сознаем условность данной периодизации. Она объясняется прежде всего тем, что между отмеченными группами майкопских памятников не прослеживаются пока достаточно четкие по всем “звеньям” (компонентам) связи. Различия же между ранними и поздними комплексами по некоторым признакам прослеживаются довольно отчетливо. Казалось бы, это естественно: между начальной и заключительной фазами развития культуры в их важнейших атрибутах должны быть определенные и даже порой значительные различия. Это тем более закономерно в данном случае, поскольку между ранними и поздними памятниками майкопской культуры имеются и несомненные связи, выражающиеся в единстве отдельных черт погребального обряда, техно-

*С этим полностью согласуются результаты недавно опубликованных радиоуглеродных определений трех образцов кости из мусорных ям в Галюгае I (два образца) и Галюгае III (один), полученные в лаборатории Оксфордского университета. Это первые, кстати, радиоуглеродные даты для майкопской культуры. Они не калиброванные и соответственно следующие: 1) Ох А – 3777–2530±70 до н.э.; 2) Ох А – 3778–2650±80 до н.э.; 3) Ох А – 3779–2980±120 до н.э. (Корневский С.Н., 1993. С. 99–100).

*В.А. Трифонов, обобщивший недавно все материалы по неолиту и эпохе бронзы степного Прикубанья, приходит к выводу, что намеченная в развитии майкопской культуры смена двух основных этапов в целом как будто подтверждается и новыми данными (Трифонов В.А., 1991б. С. 108).

логических особенностей керамики и химического состава металла. О тесной, вероятнее всего, генетической связи между ранним и поздним этапами развития майкопской культуры достаточно убедительно свидетельствует сравнительный анализ погребальных памятников и обряда захоронения майкопских племен. Это четко, на мой взгляд, прослеживается на основании изучения данных новосвободненских курганов, проведенного с использованием соответствующих данных по другим погребальным памятникам майкопской культуры. Выделяемые там пять типов погребений, несмотря на некоторые различия между ними, могут быть уверенно связаны между собой (Резепкин А.Д., 1989. С. 3–5). А специальное изучение одной группы погребальных сооружений майкопской культуры привело к выводу о зарождении новосвободненского обряда захоронения на раннем этапе Майкопа, что, по мнению исследователя, подтверждают точку зрения о генетической связи майкопских и новосвободненских памятников (Днепровский К.А., 1986. С. 33).

Однако, несмотря на это, исходя именно из тех различий, которые прослеживаются между майкопскими и новосвободненскими комплексами, отдельные исследователи рассматривают их как самостоятельные культуры, связанные своим происхождением с совершенно различными культурными областями. Отметим, что пока нет каких-либо данных, которые позволяли бы хронологически сомкнуть ранние и поздние майкопские комплексы. Нам не известно ни одного случая, когда погребение новосвободненского типа оказалось бы перекрыто погребением майкопского типа. Неизвестны и свидетельства синхронности погребений того и другого типа. Во всех случаях погребения новосвободненского типа моложе захоронений, открытых в Майкопском и других, связанных с ним, курганах.

Различия между ранней и поздней группами памятников майкопской культуры действительно имеют место. Необходимо установить, вызваны ли они внутренними причинами, обусловившими общий прогресс развития культуры, или являются результатом каких-то внешних воздействий, или, наконец, порождены совсем иными причинами. Объявлять же эти относительно разновременные группы памятников, характеризующие раннебронзовый век Северного Кавказа на разных этапах его развития, как самостоятельные, не связанные между собой культуры, – это самый легкий и мало убедительный путь решения проблемы. Полагаю, что между ними имеется определенный хронологический разрыв, который заполняется, возможно, той небольшой и не во всех случаях достаточно выразительной группой комплексов, относимых к промежуточному периоду развития майкопской культуры.

Памятников первой (ранней) группы в количественном отношении известно пока немного. Это

поселение Мешоко (ранний слой) и Галюгаевское I, Майкопский курган. Устьдзегутинский могильник и др.* Памятники данной группы представлены в основном в центральной (Ставропольский край, Кабардино-Балкария) и преимущественно в западной части Северного Кавказа. На этой же территории представлены и памятники второй – промежуточной группы. Наиболее полно и широко изучены памятники третьей – поздней группы. В количественном отношении они заметно преобладают над памятниками первых двух групп, вместе взятых. И распространены они на значительно большей территории, охватывая весь ареал майкопской культуры. Бесспорно, что именно эта (так называемая новосвободненская) группа характеризует период наибольшего расцвета культуры Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, когда границы ее расширяются на юг и юго-восток, захватывая отдельные районы Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Там, в юго-восточной части Северного Кавказа майкопская культура “сталкивается” и приходит в активное взаимодействие с куро-аракской культурой. Этот период следует, как выше отмечено, датировать серединой – третьей четвертью III тысячелетия до н.э.

Как в настоящее время может или должен решаться вопрос о том, в какой части Северного Кавказа начала формироваться (или сложилась) майкопская культура и откуда она распространилась на другие ее области? Первоначально представлялось, что областью сложения данной культуры является Прикубанье, где сосредоточено огромное число ее памятников (как ранних, так и поздних), среди которых такие уникальные, как Майкопский курган и дольмены у ст-цы Новосвободной. Открытие в районе Нальчика в Кабардино-Пятигорье единичных раннемайкопских комплексов не поколебало данной точки зрения, но заставило усомниться в ее абсолютной правоте. Сейчас, когда исследованы раннемайкопские курганы у г. Усть-Дзегута и в районе Кавказских Минеральных Вод, а также Галюгаевское I поселение на Тереке, необходимо пересмотреть установившееся мнение. Совершенно очевидно, что мы не можем в настоящее время считать безоговорочно исконной территорией формирования майкопской культуры Прикубанья. Очаг (или очаги) ее начального развития и сложения следует искать на более широкой территории Северного Кавказа, охватывающей и Прикубанье, и центральную часть Предкавказья. Еще недавно трудно было предположить, что в районе ст-цы Галюгаевской, столь далеко на юго-восток от Прикубанья, может оказаться раннемайкопский памятник. А там, на среднем Тереке, как устанавливается сейчас, находится не одно Галюгаевское поселение, а целая группа

*Следует отметить, что не всегда удается с достаточной убедительностью увязать между собой бытовые и погребальные комплексы майкопской культуры.

майкопских памятников (Кореневский С.Н., 1993). Не будем предрешать, как результаты их исследования отразятся на разработке данного вопроса, да и всей проблемы Майкопа в целом. Во всяком случае, мне представляется несомненным, что изучение этих и других раннемайкопских памятников будет способствовать в значительной степени решению и рассматриваемого вопроса, и некоторых других ключевых вопросов раннебронзового века Северного Кавказа*.

Характеристика бытовых памятников. Поселения майкопской культуры

В настоящее время известно более 30 поселений майкопской культуры. Они открыты главным образом на Северо-Западном Кавказе, в том числе в Закубанье и приморских районах (стоянки Воронцовской пещеры к северу от Адлера, поселение Мысхако и др.), а также в Кабардино-Пятигорье (Долинское и Нальчикское поселения, стоянки в районе Кисловодска и др.). На территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии майкопские поселения до сих пор не обследованы. Крайним юго-восточным пунктом, где они открыты, является ст-ца Галюгаевская Курского р-на Ставропольского края, на левобережье Терека. По сравнению с погребальными памятниками поселения майкопской культуры изучены слабо.

Наибольшее количество поселений обследовано в бассейне притока Кубани – Белой (карта 3; Формозов А.А., 1965. Рис. 31). Среди них – Мешоко, Скала, Хаджох, Каменноостская пещера, стоянка у хут. Веселого и др. (в бассейне Фарса расположено поселение Ясенова Поляна). Из них более всего изучено поселение Мешоко. Широким исследованиям подверглись также поселения Свободное у с. Красногвардейское на левом берегу Кубани и особенно Галюгаевское I, где уже вскрыта площадь более 2000 кв. м (Кореневский С.Н., 1993. С. 15). Важные результаты получены и при раскопках стоянок Воронцовской пещеры (Соло-

вьев Л.Н., 1958), Долинского поселения (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941) и др.

Учитывая слабую в целом изученность поселений майкопской культуры, мы вынуждены ограничиться их обобщенной характеристикой. Начнем с топографии поселений (табл. 43, 1–4). Большинство их расположено не в долинах рек, а на труднодоступных возвышенностях, мысах и скальных уступах плато или высоких речных террасах. Площадь поселений невелика – в основном в пределах 1–2 га. Наиболее крупным являлось поселение Ясенова Поляна, достигавшее 10 га. Майкопские племена селились в предгорных районах на плато, а в степных – на возвышенностях, позднее использованных под городища (Формозов А.А., 1965. С. 94). К пойменным поселениям относятся Галюгаевское и Ташлянское (Кореневский С.Н. и др., 1991. С. 64). Поселения на естественных холмах, за исключением Мысхако, Мешоко и Ясеновой Поляны, или зольные тепе, подобные южнокавказским, здесь неизвестны. Отметим отдельно поселение Галюгай I, располагавшееся на холмообразной возвышенности высотой до 1,5 м, длиной более 1 км и шириной до 300 м. Культурный слой здесь прослежен вдоль вершины гребня на протяжении 600 м (Кореневский С.Н., 1993. С. 16).

Укажем и на то, что открыты также пещерные стоянки майкопской культуры: Хаджох, Каменноостская пещера, навес Мешоко, гроты Воронцовской пещеры и др.

Наиболее полно исследовано поселение Мешоко. Оно расположено на невысоком естественном холме на мысу плато при слиянии ручья Мешоко и р. Белой (Столяр А.Д., 1961. С. 73–98; Формозов А.А., 1965. С. 70). Площадь Мешоко составляет 1,5 га. С напольной стороны поселение было укреплено мощной каменной оборонительной стеной длиной 150 м и шириной местами до 4 м (Формозов А.А., 1965. Рис. 46). Максимальная высота кладок 2 м. Размеры некоторых крупных блоков камня, входивших в конструкцию стен, достигали 1,5 × 0,8 × 0,25 м (Столяр А.Д., 1961. С. 82–87).

Мощность культурного слоя на Мешоко неравномерна: от 2 м у каменной оборонительной стены до 50–20 см в центре. Это объясняется, по мнению исследователей памятника, тем, что жилища на поселении располагались главным образом у оборонительной стены.

Мешоко был долговременным укрепленным поселком. Укреплены были и некоторые другие майкопские поселения. Так, остатки каменной оборонительной стены значительной протяженности выявлены по одному, наиболее пологому склону холма, на котором находится поселение Ясенова Поляна. Другие же участки склона ввиду своей крутизны, как полагают, не нуждались, видимо, в специальных укреплениях (Формозов А.А., 1965. С. 96). А на поселении у хут. Веселого прослежена канава шириной до 2 м и глубиной 50 см, отделяющая поселение от напольной части мыса. Предпо-

*На Северо-Западном Кавказе А.А. Нехаев пытается выделить сейчас новую культуру эпохи палеометалла, предшествующую Майкопу. Он датирует ее в пределах первой половины IV – третьей четверти IV тысячелетия до н.э. и предлагает именовать ее закубанской (Нехаев А.А., 1990. С. 20). Последняя и составляет, по его мнению, один из компонентов (местный) в формировании майкопской культуры. Уверен, что если в будущем подтвердится гипотеза А.А. Нехаева, т.е. удастся действительно выделить на Северном Кавказе предмайкопскую культуру, то ареал ее окажется значительно шире, чем кубанский регион. Несомненно, работа по выделению этого домайкопского культурного пласта, требующая дальнейших широких исследований, особенно полевых, должна быть продолжена. Ибо то, что сделал до сих пор, не представляется убедительным (Нехаев А.А., 1992). Необходимо прежде всего доказать принадлежность каждого из включенных в список домайкопских памятников к энеолиту и их культурную и хронологическую связь между собой.

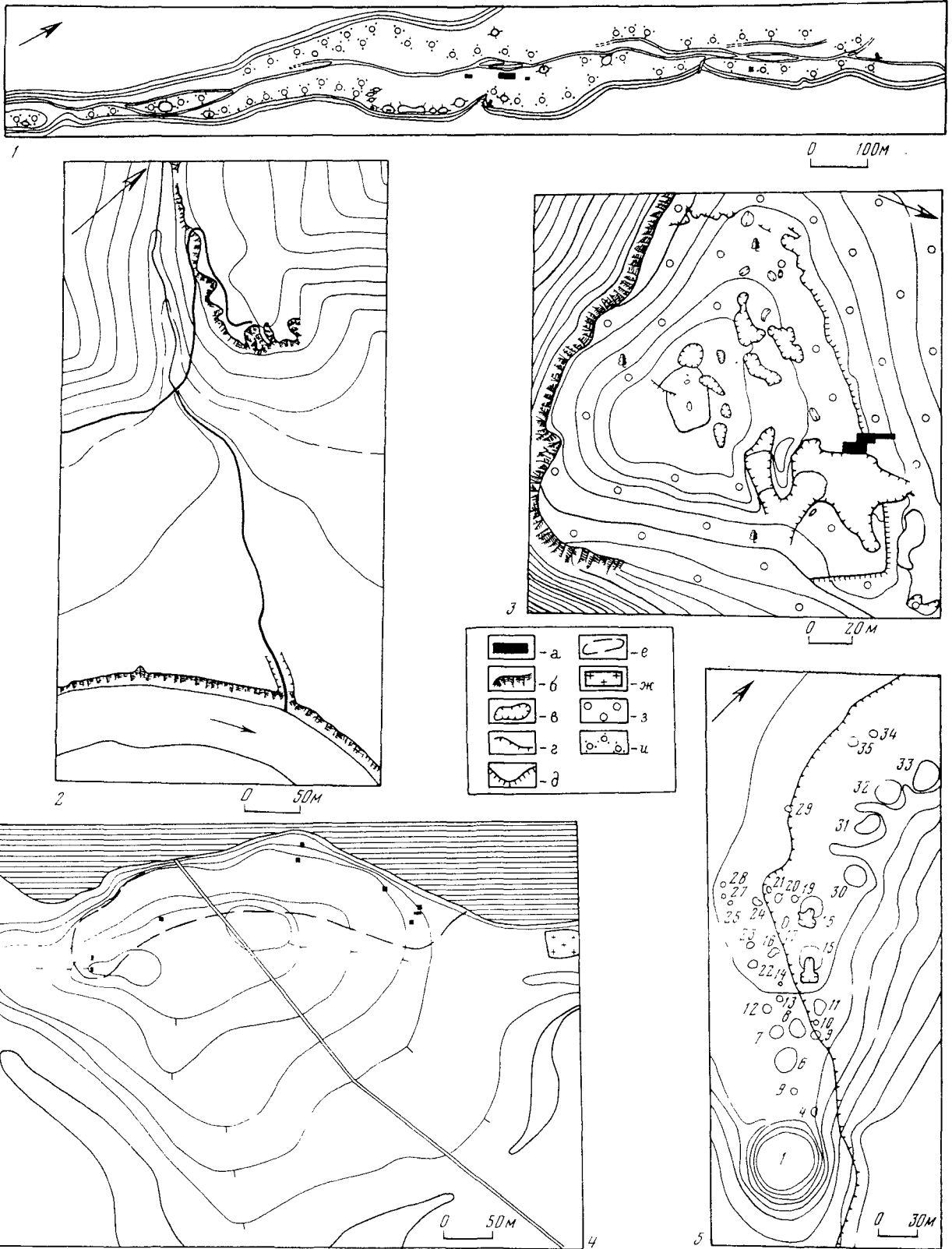

Таблица 43. Майкопская культура. Планы поселений (1-4) и курганной группы у ст-цы Новосвободной, (урочище Клады), по А.А. Иессену (5)

а - раскопы; б - выходы скал; в - ямы; г - обрывы; д - край площадки; е - границы Псекупского поселения; ж - кладби-

ще; з - деревья; и - кустарник; 1 - Долинское поселение; 2 - Скала; 3 - Мешоко; 4 - Псекупское поселение

лагается, что и это остатки укрепления, хотя оно совершенно иной конструкции и не отличается такой массивностью, как каменная стена Мешоко (Формозов А.А., 1965. С. 96). Укреплено было, вероятно, и поселение у пос. Каменноостровский в междуречье Большого и Малого Руфабго. С западной, напольной стороны его сохранились каменные стены высотой до 1,5 м (Ловпаче Н.Г., 1981. С. 108). Отдельно выделим поселение Свободное, расположенное на левой надпойменной террасе р. Кубань. Там, с напольной стороны, прослежен ров глубиной до 5 м и шириной до 6 м (Нехаев А.А., 1990. С. 7; 1992. Рис. 2).

Укрепленные поселения, как устанавливается в настоящее время, были довольно широко распространены в эпоху ранней бронзы. Оборонительные сооружения, например, открыты в ряде поселений куро-аракской культуры в Закавказье и Дагестане, в памятниках III тысячелетия до н.э. Северного Причерноморья, Балканского полуострова и Малой Азии (Мерперт Н.Я., 1972. С. 46–55; Формозов А.А., 1965. С. 98; и др.).

Об оседлом характере майкопских поселений свидетельствует, в частности, мощность культурного слоя на них. Толщина слоя Мешоко отмечена выше. Примерно такой же мощности слой достигает и на поселениях Ясенова Поляна (от 0,4–0,8 до 1,6 м). Причем на этих поселениях, как в Мешоко, культурный слой толще всего по краям и тоньше в центре поселения (Формозов А.А., Черных Е.Н., 1964. С. 107, 108). Укажем толщину культурного слоя и на некоторых других поселениях: у хут. Веселого – 0,55 м (Формозов А.А., Черных Е.Н., 1964. С. 104), на Скале – максимальная 0,7 м, в навесе Мешоко – 0,2 м, в навесах Хаджох I и III – местами 1,2 м (Формозов А.А., 1965. С. 70–72), в поселении на Серегинском поле – 0,5–0,6 м (Днепровский К.А., Яковлев А.А., 1988. С. 89), в Нальчикском поселении – 0,5 м (Чеченов И.М., 1973. С. 7, 8), в Галюгаевском – 0,4–0,6 м (Кореневский С.Н., 1989а. С. 31). Незначителен по мощности слой (до 1 м) и на поселении Мысхако, располагавшемся на берегу моря, в устье р. Мысхако, на высоком холме площадью 200 × 500 м (Гей А.Н., 1991б. С. 66). Что же касается Долинского поселения, то там культурный слой не был сплошным. Здесь открыты скопления древних культурных остатков. Последние находились также в раскопанных на поселениях ямах. И дерновый слой (слой I) и нижележащие слои II и III, содержавшие культурные остатки, довольно тонкие, в среднем толщина их 10–15 см (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 164–166). Можно сделать вывод, таким образом, что мощность культурного слоя на поселениях майкопской культуры невелика. Только на двух поселениях, да и то на отдельных их участках она превышает 1,5 м и ни в одном случае не превышает 2 м. Майкопские поселения, как видим, не идут ни в какое сравнение по мощности культурных отложений с поселениями куро-арак-

ской культуры. В Закавказье нет по существу поселений III тысячелетия до н.э., в которых культурный слой не достигал бы толщины 2 м. Там поселения, подобно переднеазиатским теллям, отличаются мощными напластованиями, достигающими иногда толщины до 10 м и более. Если даже принять во внимание то, что какие-то определенные причины способствовали более быстрому накоплению слоя в куро-аракских поселениях, то все равно они представляются значительно более долговременными, чем поселения майкопской культуры*.

К сожалению, данных для суждения о планировке майкопских поселений, характере и формах домостроительства, особенностях хозяйственных сооружений и, наконец, стойком деле крайне недостаточно. Судя по раскопкам Мешоко и Ясеновой Поляны, планировка этих поселений восстанавливается “как круг или овал из жилищ, пристроенных к оборонительной стене, с площадью-загоном для скота в центре” (Формозов А.А., Черных Е.Н., 1973. С. 108). На Долинском же поселении, видимо, никакой системы в расположении жилых и хозяйственных построек не было. Как полагают исследователи, жилища были не скучены на ограниченном участке, а отделены одно от другого широкими площадями, использовавшимися для посевов или посадок культурных растений (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 170).

Жилища на поселениях Мешоко и Ясенова Поляна представляли собой легкие каркасные постройки, обмазанные глиной. Они опирались на деревянные столбы, укрепленные в специально вырытых или выдолбленных в скальном основании плато ямах. Дома были прямоугольные, площадью примерно 12 × 4 м, как в Ясеновой Поляне (Формозов А.А., Черных Е.Н., 1973. С. 108). Любопытно, что в Мешоко прослежен ряд столбовых ям от одной лишь стены. Предполагают, что второй стеной дома служила каменная оборонительная стена, к которой и были пристроены жилища. В таком случае ширина этого дома в Мешоко достигала 6 м (Формозов А.А., Черных Е.Н., 1973. С. 108).

Форма жилища на Долинском поселении не установлена. Здесь в одном случае прослежено направление стены (с востока на запад). Пол этой по-

*Но не будем спешить делать на этом основании заключение о том, например, что продолжительность бытования майкопской культуры значительно меньше, чем куро-аракской. То, что последняя существовала дольше, чем майкопская культура, мне кажется очевидным. Но насколько и в каком подлинном хронологическом соотношении между собой находятся эти культуры раннебронзового века Кавказа, предстоит еще определить. Известно, что в Закавказье больше и широко исследованы поселения, а на Северном Кавказе – погребальные памятники. Ни там, ни здесь не проведены исследования поселений в сравнительном плане. Изучение таких поселений, как Галюгаевское, Долинское, Серегинское, Мысхако и другие, в сравнительном плане – типологически и хронологически – между собой и с поселениями в бассейне р. Белой требует времени и накопления новых данных.

стройки представлял хорошо утрамбованную поверхность (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 170). На поселении обнаружены в большом количестве куски глиняной обожженной обмазки, часто со следами жердей и прутьев. Выяснено, что глиной обмазывали как плетеное сооружение, так и постройки, основу стен которых составляли параллельно расположенные прутья. Иногда прутья были расположены в несколько рядов (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 171).

Остатки жилища в виде прямоугольной глинобитной обожженной площадки пола и прямоугольной же столбовой конструкции открыты в Мысхако. Жилище размером 5 × 10 м было ориентировано вдоль обрыва (З–В). Три группы столбов поддерживали центральную часть перекрытия дома. На площадке жилища найдены развалы сосудов, различные орудия и глиняная статуэтка (Гей А.Н., 1991б. С. 66, 67).

Остатки пола жилища в виде обожженной глиняной площадки прямоугольной формы (4,7 × 3,6 м) с лунками от столбовых конструкций по краю открыты и в поселении Свободное (Нехаев А.А., 1990. С. 7).

Остатки глинобитных жилых построек распланы также на поселениях Галюгаевское I (Кореневский С.Н., 1988б. С. 13) и Серегинское (Днепропровский К.А., Яковлев А.А., 1988. С. 89–91)*. Но они в обоих случаях имели в плане форму, близкую к округлой. Так, постройка I на Серегинском поселении представляла собой округлое в плане сооружение, слегка вытянутое с востока на запад, диаметром 6–7 м (Днепропровский К.А., Яковлев А.А., 1988. Рис. 1, 2). Местами на высоту до 15 см сохранились основания стен постройки, толщина их до 30 см. В них прослежены отпечатки вертикально стоявших жердей в два ряда, в 10–15 см друг от друга. С восточной стороны в стене отмечен проход шириной 1,2 м. Поверхность стены с восточной стороны была хорошо заглажена. Зафиксированы остатки глинобитного пола толщиной 5 см.

В постройке открыты развалы двух печей и две глиняные обожженные площадки округлой формы (1,25 × 0,8 и 1,20 × 1,30 м) с небольшими очагами. Завал одной из печей находился на глинобитном основании полукруглой формы (55 × 70 см). Стены печи толщиной 3–4 см. Предполагается, что она имела свод полусферической формы и полукруглое устье (Днепропровский К.А., Яковлев А.А., 1988. Рис. 3).

Раскопанные на Галюгаевском поселении сооружения представляли собой остатки таких же примерно по форме и размерам жилых глинобитных построек на каркасной основе. Вскрыты остатки четырех жилищ. Они находились в 20–30 м друг от друга и имели подквадратно-овальную или

округлую форму. Размеры их 42, 72 и 25 кв. м (Кореневский С.Н., 1993. С. 16). И в них у стен и в центре открыты остатки очажных сооружений.

Таким образом, на поселениях майкопской культуры зафиксированы остатки жилых построек как прямоугольной, так и округлой формы. Известно, что круглоплановая архитектура характерна для куро-аракской культуры на значительной части ее ареала. Она же была широко распространена в Закавказье, а также в Дагестане и в предшествующую эпоху. Вполне вероятно, что обычай сооружения однокомнатных жилых построек округлой формы возник на Северном Кавказе под влиянием многовековых архитектурных традиций Закавказья и Северо-Восточного Кавказа.

Представляют интерес остатки сооружений типа землянок, открытые на поселении у с. Урух в Кабардино-Балкарии. Здесь в нижнем – майкопском слое прослежено около десяти больших (длинной 8–9 м, глубиной до 1,4 м) ям, в заполнении которых отмечены кусочки глиняной обмазки, угольки и обломки керамики. Ни одно из них не исследовано, и потому их подлинное назначение неясно. Предполагается, однако, что это остатки землянок (Нечаева Л.Г., Мизиев И.М., 1969. С. 104, 105). Укажем в данной связи, что жилые постройки в виде землянок и полуземлянок выявлены и на отдельных поселениях эпохи ранней бронзы в Закавказье и Дагестане.

В майкопских поселениях открыто значительное количество различных по форме, размерам и назначению ям. В частности, на Долинском поселении часть ям имела округлые в плане очертания и суживалась книзу, а остальные, отличавшиеся крупными размерами имели форму усеченного конуса. Отличительным признаком последних является наличие в их основании плоских валунов или большого числа мелких камней со следами сильного действия огня. Безусловно, это ямы представляют собой остатки очажных сооружений – печей. Другие же могли служить местом хранения каких-либо запасов.

Значительное количество ям расчищено в Галюгае I. Они были вырыты близ стен жилищ и представляли собой обычные мусорные ямы, заполненные костями животных, обломками керамики и каменных орудий и другими отходами. Размеры их: диаметр 0,5 м, глубина 0,4–0,5 м (Кореневский С.Н., 1993. С. 17).

Приведенные данные, которыми в общем исчерпываются в настоящее время наши знания о топографии, планировке и формах жилищ поселений эпохи ранней бронзы Северного Кавказа, настолько ограничены, что по ним трудно составить сколько-нибудь полное представление о майкопском поселении, особенностях его архитектуры и т.п. По ним невозможно установить с должной убедительностью и то, претерпевали какие-либо заметные изменения планировка поселений, формы хозяйственно-бытовых сооружений и техника

* Исследованные на том и другом поселениях жилища оказались сожженными.

домостроительства на протяжении развития майкопской культуры. Поэтому имеющиеся на сегодня данные крайне недостаточны для решения таких важных вопросов, как происхождение, генезис и хронология культуры Северного Кавказа ранне-бронзового века.

Анализ погребального обряда племен майкопской культуры

Погребальные памятники майкопской культуры изучены в значительном количестве и на всей территории ее распространения. Они представляют собой почти исключительно курганы.

Опубликована почти полная сводка погребальных комплексов майкопской культуры, известных по литературе до 1974 г. (Мунчаев Р.М., 1975. С. 212–304). Большое число погребений данной культуры исследовано и в 70–80-е годы. К ним относятся ряд комплексов, раскопанных в Кабардино-Балкарии (Чеченов И.М., Батчаев В.М., 1976; Батчаев В.М., Чеченов И.М., 1976а, б; Чеченов И.М., 1980; Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1980; 1984; Корневский С.Н., 1980а; Батчаев В.М., 1984; Мизиев И.М., 1984; Чеченов И.М., 1984; Чеченов И.М., Керемов Б.М., 1984; и др.), курганы у аула Кубина в Карачаево-Черкесии (Биджиев Х.Х., 1980), Новоселицком р-не Ставрополя (Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1980), у ст-цы Воровсколеской на границе Прикубанья и Ставропольского края (Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1989), в Кисловодске, близ пос. Иноземцево и в других пунктах Кавминвод (Петренко В.Г. и др., 1977; Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1982; Березин Я.Б., 1982; Корневский С.Н., 1986; 1988а; 1990а; и др.) и, наконец, в различных районах Краснодарского края, особенно в Адыгее (Бочкарев В.С., Резепкин А.Д., 1980; Резепкин А.Д., 1981; 1983; 1986; 1989; 1991б; Бестужев Г.Н., Резепкин А.Д., 1983; Трифонов В.А., 1983; 1991б; Лесков А.М., 1984; 1985; Ловпаче Н.Г., 1985; Каминская И.В., 1984; Днепровский К.А., 1984; 1991; Нехаев А.А., 1986; 1988; Каминский В.Н., 1987; Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988; и др.).

Полагаю, что здесь нет необходимости давать описание какого-либо отдельного погребального комплекса, включая даже такие, как Майкопский курган, Новосвободненские дольмены, Нальчикская гробница и др. Они неоднократно и подробно рассмотрены в различных изданиях и хорошо известны. Самыми исследованными памятниками являются могильник Клады близ ст. Новосвободной, курганные группы у г. Усть-Джегута и хут. Валуйского Прикубанского р-на Ставропольского края и в бассейнах Чегема и Баксана в Кабардино-Балкарии, а также у с. Бамут Ачхой-Мартановского р-на Чечено-Ингушетии, где обследовано более 20 комплексов майкопской культуры (Мунчаев Р.М.,

1975. С. 286–307). Наибольшее же количество изученных погребальных памятников рассматриваемой культуры происходит с территории Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья. Только в бассейне Чегема, у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек Чегемского и Баксанского р-нов Кабардино-Балкарии раскопано, видимо, не менее 50 майкопских погребений (Мизиев И.М., Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. С. 3, 5; Бетров Р.Ж., 1975. С. 98; и др.). До 20 примерно майкопских погребений раскопано на Кавминводах и пять – в Северной Осетии (Корневский С.Н., 1988в. С. 8; 1993. Рис. 27).

Общее же количество известных погребений майкопской культуры, включая условно относимые к ней, приближается в настоящее время к 150 (в последней сводке по погребальному обряду майкопской культуры учтено 116 комплексов; Резепкин А.Д., 1989. С. 3–5). При этом следует отметить, что многие из исследованных майкопских погребений, особенно раннего этапа, оказались ограбленными, т.е. представляют собой разрушенные комплексы. Так, например, около 20 из более чем 50 раскопанных в Кабардино-Балкарии погребений майкопской культуры были разграблены еще в древности, а на Кавминводах – восемь из десяти (Корневский С.Н., 1988в. С. 8). Оказалась ограбленной и значительная часть погребений в Усть-Джегутинском могильнике. Но несмотря на это, погребальные комплексы Центрального Предкавказья по сравнению с прикубанскими отличаются большей документированностью (Корневский С.Н., 1988в. С. 8).

Значительное большинство выявленных погребений относится к позднему этапу майкопской культуры. Прежде чем перейти к характеристике отдельных групп погребальных памятников, отметим следующее. Для майкопской культуры повсеместно и для всех этапов характерен курганный обряд захоронения. Известно всего несколько майкопских погребений, над которыми не были насыпаны курганы. Это погребение в каменном ящике на стоянке Скала (Формозов А.А., 1965. С. 65, 66) и ряд захоронений в районе Кисловодска, которые были совершены в естественных холмах (Корневский С.Н., 1986. С. 37; 1988а. С. 90). Не прослежены насыпи и на Пескупском могильнике (Ловпаче Н.Г., 1985. С. 17), но они, возможно, там размыты (Корневский С.Н., 1988а. С. 90). Наконец, не была сооружена насыпь, как считают исследователи, над майкопским погребением в кургане 3 у ст-цы Воровсколеской до появления там захоронений эпохи средней бронзы (Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. С. 211).

Еще относительно недавно на Северном Кавказе не были известны курганы домайкопского времени (Мунчаев Р.М., 1975. С. 309). К настоящему же времени только в Центральном Предкавказье выявлено не менее восьми подкурганных захоронений энеолитической эпохи (Корневский С.Н.,

1938в. С. 6). В тех случаях, когда четко документирована курганная стратиграфия, установлено, что эти погребения старше майкопских, что они являются, по сравнению с последними, древнейшими погребениями в курганах. Энеолитические погребения были совершены на спине, в скорченном положении, головой на восток и густо засыпаны охрой (Кореневский С.Н., 1988в. С. 6, 7). Курганные погребения домайкопского времени (мариупольского облика) открыты также на Кубани, в частности у ст-цы Старо-Нижнестеблиевской (Нехаев А.А., 1990. С. 20).

Следовательно, курганный обряд захоронения практиковался на Северном Кавказе еще в предшествующую, энеолитическую эпоху. В эту же эпоху, а возможно, и раньше, хоронили своих соратников под курганной насыпью в Закавказье и в степях Северного Причерноморья. Возник ли данный обычай самостоятельно или был привнесен сюда с Южного Кавказа или Северного Причерноморья, сказать сейчас затруднительно.

Курганы майкопской культуры имели почти всегда округлую форму и достигали иногда больших размеров. Четкой планировки в их расположении не прослеживается. Они часто расположены в ряд по направлению северо-запад-юго-восток или юго-запад-северо-восток (Мунчаев Р.М., 1975. С. 228, 287).

Изучение некоторых конструктивных особенностей курганных сооружений и деталей обряда захоронения позволяет, как отмечалось, выделить среди погребальных памятников две основные группы курганов – раннюю и позднюю. Еще одну – промежуточную между ними группу составляет ряд курганов.

Раннюю группу составляют курганы в Майкопе, на "участке Зиссермана" у ст-цы Тифлисской (3 и 4), у ст-цы Казанской, в г. Армавире, у с. Красногвардейское, у г. Усть-Джегута (7–13) и хут. Валуйского (43–46), у селений Старый Урух и Нарган, у г. Кисловодска и др. Особенностью этих курганов является то, что все они земляные и погребения в них совершены в больших глубоких прямоугольных ямах, иногда с округленными углами. Наиболее полное представление о курганах этой группы дают насыпи Устьдзегутинского могильника, в частности курганы 7–13.

Последние были расположены в один ряд по направлению северо-запад-юго-восток. Они почти аналогичны по устройству, хотя и не отличаются одинаковыми размерами. Самый большой из них (курган 7) достигал в диаметре 42 м при высоте 3,3 м, а наименьший (курган 9) – соответственно 23,5 и 0,8 м. В основании большинства из этих курганов находились кромлехи в виде кольца из речных булыжников, а иногда и из известняковых плит, в диаметре от 21 до 31,6 м. Кроме того, все эти курганы имели ближе к краям наброски из известняка в виде широкого замкнутого круга. Эти известняковые пояса лежали в большинстве слу-

чаев наклонно по склону насыпи, поэтому предполагается, что ими специально укреплены края первоначальной насыпи курганов.

В центре всех курганов открыты могилы в виде больших прямоугольных ям, ориентированных по линии северо-восток-юго-запад (курганы 7, 10, 13) или восток-запад (курганы 8, 9). В кургане 7 могила имела округленные углы. Размеры самой крупной могилы – длина 5 м, ширина 3,5 м, глубина 1,2 м (курган 13), а наименьшей – 3 × 2 × 0,6 м (курган 10). В курганах 12 и 13 стены могилы были укреплены сложной насыхо каменной кладкой шириной 0,5–0,6 м. Почти все могилы были перекрыты дубовыми плахами и засыпаны сверху известняком.

К сожалению, затруднительно судить о способе захоронения, ориентировке погребенных и т.д., так как все погребения оказались разрушены. Судя по положению костей в погребении кургана 11, захоронение было совершено в скорченном состоянии и головой на запад. В другом же случае (курган 10) установлено, что в могиле было погребено до пяти умерших. По два покойника было погребено, видимо, в курганах 43 и 45 у хут. Валуйского. В большинстве погребений ранней группы Устьдзегутинских курганов на дне могилы или на костях отмечена красная охра. Густая же засыпка погребений ярко-красной охрой прослежена также в курганах 43, 45, 46 у хут. Валуйского. В некоторых курганах на дне могилы отмечена камышовая подстилка.

Майкопский курган, как и ряд других, отличался теми же особенностями. Под насыпью этого большого земляного кургана находился кромлех в виде каменного кольца. В центре его была устроена огромная могила (5,33 × 3,73 × 1,42 м) с закругленными углами и несколько вогнутыми стенками, ориентированная по оси северо-восток-юго-запад. Она разделена деревянными перегородками на три части и покрыта сверху деревянным настилом. На дне могилы, выложенной речным булыжником, лежали три скорченных костяка, густо посыпанные красной охрой.

Опубликовано одно из семи майкопских погребений, раскопанных в кургане у с. Красногвардейское в Адыгее. Оно интересно прежде всего находкой в нем каменной цилиндрической печати месопотамского типа. Курган был высотой около 3,5 м. Погребение 4 находилось в юго-западной части кургана. Могильная яма прямоугольной формы (СВ-ЮЗ) с округленными углами (табл. 44, 7). Размеры ее 2,44 × 1,60 м при глубине 0,45 м. Захоронение было совершено в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад, кисти рук находились, видимо, перед лицом (Нехаев А.А., 1986. С. 244, 245). В могиле обнаружены отмеченная выше печать и шесть глиняных сосудов, положенные перед погребенным.

К сожалению, не изданы все курганы, поэтому мы не знаем, какое из семи погребений было древ-

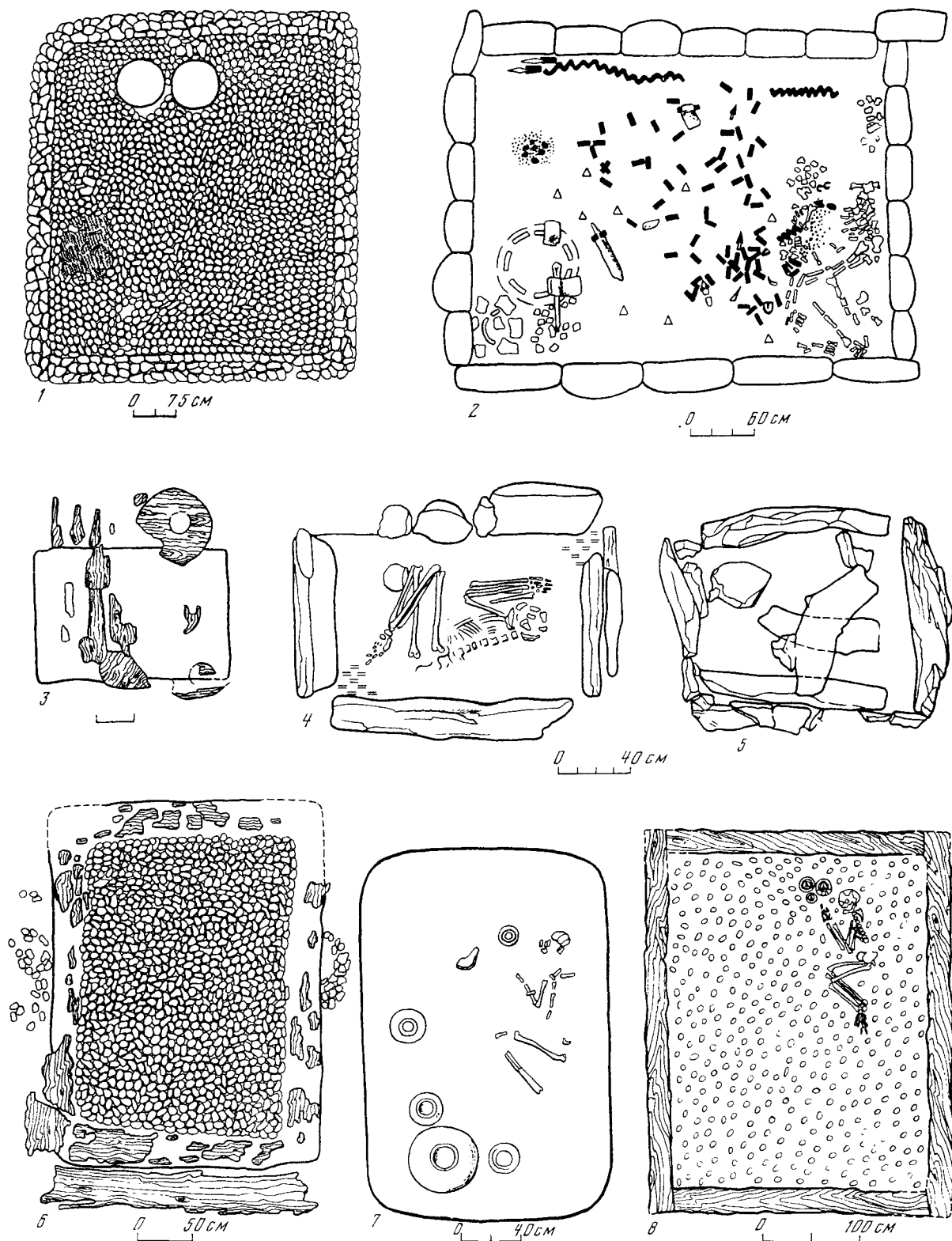

Таблица 44. Майкопская культура. Планы погребений

1, 8 – Бамутский могильник; 2 – гробница в Нальчике; 3 – курган 2 у ст-цы Старокорсунской, погребение 18; 4 – Скала;

5 – курган 8 у сел Грушевское и Калиновское; 6 – погребение 4 в кургане 1 у хут. Чернышев; 7 – курган у с. Красногвардейское

зейшим, что оно из себя представляло и как стратегически соотносятся между собой остальные майкопские погребения этого кургана.

Отметим также курган у с. Нартан в Кабардино-Балкарии, достигавший в диаметре 100 м при высоте 13 м. Под его насыпью открыта огромная могильная яма прямоугольной формы (7 × 4 м) глубиной 1,8 м, оказавшаяся полностью ограбленной. Стены могилы были тщательно обложены булыжником. Деревянные конструкции ее были преднамеренно сожжены (Чеченов И.М., Керемов Б.М., 1984. С. 16).

Разграбленным оказалось и основное погребение (13) в кургане 3 у ст-цы Воровсколеской Андроповского р-на Ставропольского края. На дне подпрямоугольной ямы (2,7–2,8 × 2 м) находились останки женского костяка в скорченном положении на левом боку головой на запад, а также небольшой залощенный горшок раннемайкопского типа и обломок бронзового ножа без черенка (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. С. 208–211, 232. Рис. 17, 1, 2).

Следует выделить, по нашему мнению, древнейшее погребение (2) Уляпского кургана 10. Оно было совершено в неглубокой (35 см) яме, дно которой было покрыто мелкой галькой, а стены выложены деревом (Днепровский К.А., 1986. С. 33). В нем найдены бесчеренковый бронзовый нож и аналогичный серебряному кубку из Майкопского кургана глиняный круглодонный сосуд с высокой шейкой (Бианки А.М., Днепровский К.А., 1988. Рис. 2, 2; 3, 5). В данном случае обращает внимание не столько наличие деревянной обкладки стен могилы (как отмечалось, в курганах Усть-Джегуты и Нартана зафиксированы выкладки стен могил камнем), а сколько галечная вымостка дна могилы. Наличие последней характерно для погребальных сооружений новосвободненского этапа майкопской культуры во всем ее ареале. Эта особенность сооружения могил возникает на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы на майкопском этапе и получает широкое распространение на позднем этапе развития Майкопа. В Новосвободненских курганах, например, выкладка дна могил галькой характерна для второго типа выделяемых здесь погребальных сооружений. Последние же представлены в могильнике Клады во всех хронологических горизонтах, кроме нижнего (Резепкин А.Д., 1989. С. 4).

Можно констатировать таким образом, что по характеру насыпи и наличия под ней, как правило, каменного кромлеха, по форме и ориентировке могилы и некоторым другим признакам курганы рассмотренной группы объединяются между собой, отличаясь в то же время по ряду особенностей от остальных курганов майкопской культуры. Хотя погребения в этих курганах оказались во многих случаях разрушенными, способ захоронения в них едва ли может вызвать серьезные сомнения. Они были совершены в скорченном положении, на бо-

ку и ориентированы головой преимущественно в южный сектор. В отдельных могилах зафиксированы останки нескольких захоронений.

По классификации А.Д. Резепкина рассмотренная группа памятников составляет первый и второй типы погребальных сооружений майкопской культуры (Резепкин А.Д., 1989. С. 3, 4)*. Для первого типа им учтено 36 погребений. Могила в виде прямоугольной с закругленными углами ямы, длиной в среднем 1,7 м. Погребенные лежали скорченно, на правом или левом боку, кисти рук перед лицом, головой в южный сектор. Отмечены следы охры и угля. Погребений же второго типа учтено 49. Могильная яма длиной от 2 до 5 м. Дно могил выложено галькой, а стены – камнями или деревом в 1–3 венца. Положение и ориентировка погребенных, как и в первом случае. Во всех могилах отмечена охра, иногда в больших количествах; уголь редок (Резепкин А.Д., 1989. С. 4).

К глубокому сожалению, диссертация А.Д. Резепкина в целом или даже часть ее, посвященная классификации погребального обряда и инвентаря майкопской культуры, пока не издана. Поэтому мы не можем с уверенностью сказать, насколько правомерны все заключения А.Д. Резепкина. Стратиграфические наблюдения, сделанные на могильнике Клады, безусловно, заслуживают большого внимания. Однако, по нашему мнению, они недостаточны для общих заключений о периодизации и соотношения погребальных памятников майкопской культуры в целом. Для нас в данном случае важно, что первый тип погребений в Кладах встречается только в пределах нижнего горизонта могильника, тогда как второй распространен в остальных горизонтах, кроме нижнего (Резепкин А.Д., 1989. С. 4).

Следовательно, отнесение рассмотренных погребальных комплексов к относительно ранней

*А.Д. Резепкин выделяет пять типов погребальных сооружений для эпохи ранней бронзы Северо-Западного Кавказа. С.Н. Кореневский разделил погребения майкопской культуры на 11 типов. Тип 1 – материковая яма без галечной вымостки на дне и обкладки стен деревом. Тип 2 – такая же яма без галечной вымостки дна, но с обкладкой стен деревом или камнем. Тип 3 – дно могилы обмазано глиной, а стены обложены деревом. Тип 4 – яма материковая с галечной вымосткой, но без обкладки стен деревом. Тип 5 – такая же яма с галечной подстилкой и деревянной обкладкой стен. Тип 6 – погребение на уровне древнего горизонта, без галечной вымостки и деревянной рамы. Тип 7 – такое же погребение, но с галечной вымосткой. Тип 8 – с галечной вымосткой и деревянной рамой. Тип 9 – погребение в каменной гробнице. Тип 10 – погребение в каменном ящике. Тип 11 – погребение в насыпи курганов: а – без галечной вымостки, б – с галечной вымосткой, в – с обкладкой по контуру камнем (Кореневский С.Н., 1988в. С. 9). Если пойти по такому пути выделения типов погребений в майкопской культуре, то количество их окажется значительно больше. Совершенно очевидно, например, что первые пять из них составляют, по сути дела, один тип погребального сооружения. Непонятно, насколько обоснованно выделение в отдельный тип погребений в насыпи. Нам представляется поэтому более правомерной классификация типов погребальных сооружений майкопской культуры А.Д. Резепкина. С ней согласуется в общем и классификация типов майкопских погребений степного Прикубанья (Трифонов В.А., 1991б. С. 106).

группе памятников майкопской культуры является вполне обоснованным. В пределах ее должны быть и действительно имеются разновременные комплексы. Так, например, Майкопский курган и Устьдзегутинские курганы относятся к одному – раннему – этапу майкопской культуры, но это не абсолютно синхронные памятники: мне представляется, что первый относительно моложе последних.

Следует подчеркнуть, что раннемайкопские погребения объединяются и единством представленного в них инвентаря, главным образом керамики. Это в основном небольшие горшки с шаровидным корпусом и невысоким венчиком. В центральном погребении Майкопского кургана, например, найдено девять глиняных сосудов (стояли у западной стенки могилы). В погребениях Устьдзегутинских курганов обнаружено около 25 целых сосудов аналогичной формы, а также обломки еще 12–15 подобных горшков. Количество их в погребениях примерно от трех до шести. Лишь в кургане 13 их было 12. Они найдены в разных частях могилы. Такие же горшки представлены и в других комплексах. Интересный комплекс из шести сосудов содержало погребение 4 у с. Красногвардейское.

Что же касается других предметов инвентаря, то их совсем немного и найдены они лишь в отдельных погребениях. Так, в кургане 13 Устьдзегутинского могильника обнаружены каменные брусек, оселок и тесловидное орудие, а также костяная игла (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 44, 7, 8; 46, 9). В отдельных погребениях (курганы на уч. Зиссерманов, в Усть-Дзегуте, у ст-цы Воровсколесской и др.) представлены бронзовые бесчеренковые ножи-кинжалы (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 41). Мы здесь не рассматриваем, конечно, сам Майкопский курган, отличавшийся, как известно, исключительным богатством и разнообразием погребального инвентаря. Это связано с особым положением данного кургана, в котором был погребен, вероятно, родо-племенной вождь или жрец.

Курганы, занимающих промежуточное положение между ранними и поздними погребальными памятниками майкопской культуры, известно немного. Они не составляют четко выраженную группу, подобно курганам ранней и поздней групп, поэтому их выделение и детальная характеристика – дело будущего. В данную группу могут быть включены курганы в Кехах, у хут. Рассвет, у ст-цы Раевской и, возможно, еще несколько комплексов (в том числе из могильника Клады) на Северо-Западном Кавказе, а также, по всей видимости, ряд погребений в Кабардино-Балкарии – у с. Старый Урух, и особенно в бассейне Чегема (Мунчаев Р.М., 1975. С. 313–315; Попова Т.Б., 1963. С. 44).

Чем своеобразны эти курганы? Возьмем для примера курган в Кехах. Он содержал характерную для курганов первой группы форму глиняной посуды в виде небольшого округленного горшка (Сокольский Н.И., 1965. Рис. 41, 2). Кроме того, здесь, под насыпью находилась могила глубиной

0,6 м, в которой лежал костяк скорченно, на боку и головой на юго-восток. В погребении отмечена и красная охра. В отличие от раннемайкопских курганов в этом кургане могила была засыпана камнями. Эта же конструктивная особенность, как будет показано ниже, характерна для следующей – поздней – группы курганов майкопской культуры. То же самое наблюдается в курганах у хут. Рассвет (Крушкол Ю.С., 1963). По инвентарю, включающему в себя керамику, бронзовый нож-кинжал и каменный сосудик, они стоят, несомненно, ближе к курганам первой группы, но по наличию в курганах каменных надмогильных сооружений, а также другим чертам, сближаются с курганами поздней группы. И в насыпях у ст-цы Раевской (Сизов В.И., 1899. С. 94, 95) и с. Старый Урух (Крупнов Е.И., 1950. С. 223, 224) прослеживается сочетание типичных признаков ранних и поздних курганов майкопской культуры*. Общие для обеих групп курганов признаки содержат и некоторые комплексы в бассейне Чегема, хотя в них, правда, преобладают материалы, имеющие аналогии в позднемайкопских памятниках (Мунчаев Р.М., 1975. С. 315).

Ко второму этапу майкопской культуры по А.А. Формозову (т.е. к промежуточной группе майкопских памятников) отнесены два погребения эпохи ранней бронзы в курганах 1 и 2 у хут. Жуковского Ставропольского края. Они находились в больших ямах подпрямоугольной и овальной формы. Костяки лежали на спине, головой на восток и северо-восток. Обращает на себя внимание и то, что в кургане 1 (погребение 9) покойник был положен на черноземную подсыпку, имевшую прямоугольную форму (1,45 × 0,65 м) и покрытую слоем охры толщиной 1 см. Весь костяк был покрыт корой. В могиле найдены баранья лопатка и другие кости животного (Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1980. С. 76, 77). Керамика в этих курганах раннемайкопского типа, а металлический инвентарь аналогичен соответствующим предметам из позднейших комплексов рассматриваемой культуры.

Вполне возможно, что ряд курганных комплексов, раскопанных в Красногвардейском и Шовгеновском районах Адыгеи, могут относиться к промежуточной группе майкопских погребальных памятников. Неслучайно, что здесь выделяется вариант погребального обряда, практиковавшийся как на майкопском, так и на новосвободненском этапах развития майкопской культуры (Бианки А.М., Днепровский К.А., 1988. С. 72).

Таким образом, отмеченные данные могут свидетельствовать о существовании среди погребальных комплексов майкопской культуры промежуточной между ранней и поздней группы курганов. Правомочность ее выделения становится еще более убедительной после анализа следующей – поздней – группы майкопских курганов.

*Возможно, погребения этой группы А.Д. Резепкин отнес ко второму типу погребальных сооружений майкопской культуры.

Последняя довольно значительна и объединяется вокруг новосвободненских курганов с дольменами и нальчикского кургана с гробницей. Любопытно, что в ранней и поздней группах курганов “головные” памятники отличаются от остальных своеобразными погребальными сооружениями и исключительным богатством содержащегося в них инвентаря. Это своеобразие объясняется, конечно, тем, что в них погребены видные представители родо-племенной знати.

По форме и размерам позднемайкопские курганы не отличаются от ранних курганов. Однако существенное различие наблюдается в конструкции самой насыпи. Оно выражается в том, что насыпи подавляющего большинства курганов данной группы содержат каменные конструкции (табл. 45, 1–4). Так, в Бамутском могильнике из 18 курганов 14 имели каменные конструкции в виде надмогильных сооружений в центре курганов, сложенных из речных булыжников (табл. 45, 4). Каменные сооружения обычно округлой формы достигали в диаметре от 5–6 (курган 2) до 21 (курган 15) и 24 м (курган 14). В указанных курганах центральная часть насыпи от основания до верхушки была сооружена из камня (табл. 45, 4). Часто эти каменные курганы внутри насыпи оказываются окруженными одним или двумя рядами массивных колец-кромлехов. В Устьдзегутинском могильнике, например, открыто по три кромлеха в одном кургане, причем весьма аккуратно сложенных: один ряд из круглых булыжников, второй – из песчаниковых плит и т.д. (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 43).

Каменные конструкции открыты в насыпи курганов у станиц Новосвободной, Андрюковской, Псебайской, Келермесской, у сел Лескен, Докшукино, у селений Лечинкай, Чегем I и II и Кишпек: близ аула Кубина (табл. 45, 1), у сел Грушевское и Калиновское (табл. 45, 2, 3), у г. Пятигорска и в районе г. Кисловодска, в Бачиюрте и других пунктах. Во многих из этих курганов имелись кромлехи. Таким образом, присутствие каменных конструкций является характерной чертой рассматриваемой группы курганов, хотя не все насыпи их содержат. Укажем для примера, что из раскопанных в 1974 г. 18 курганов эпохи бронзы у сел. Лечинкай в Кабардино-Балкарии пять (2, 7, 13, 16 и 17) содержали десять позднемайкопских погребений. Эти курганы (высотой от 2 до 4 м) были перекрыты каменным панцирем в виде одного-двух слоев булыжника. Во всех пяти насыпях открыты кромлехи, в том числе в курганах 2 и 17 в виде двойных концентрических кругов, сложенных из камня (Батчаев В.М., 1984. С. 132–134). Кромлехи выявлены также почти во всех (не менее 30) курганах, исследованных у селений Чегем I и II.

Другой особенностью этих курганов является то, что погребения в них совершены не в крупных могильных ямах, как в раннемайкопских курганах, а в большинстве случаев непосредственно под каменным сооружением – на уровне древнего гори-

зонга*. Так, почти во всех бамутских курганах могилы устроены на древней поверхности. Они отличаются, как правило, прямоугольной формой и крупными размерами. К примеру, такие могилы, выложенные слоем мелкой гальки и укрепленные по краям речными булыжниками (табл. 44, 1) или деревом (табл. 44, 8), открыты здесь в курганах 4, 14 и 15 (Мунчаев Р.М., 1975. С. 300–305). В кургане 3 могила с галечной вымосткой была обложена по краям бревнами (Мунчаев Р.М., 1975. С. 288).

Обратимся в данной связи и к Устьдзегутинскому могильнику. Курганы 7–13 (а также 43–46 у хут. Валуйского), относящиеся к раннемайкопской группе, были исключительно земляные, а погребения в них совершены в больших глубоких материковых ямах. В остальных же майкопских курганах могилы были устроены на уровне древнего горизонта, за одним исключением – кургана 3, где прослежена могила неправильной овальной формы, углубленная в материк. Во всех этих курганах имелись надмогильные сооружения в виде каменных курганчиков (Мунчаев Р.М., 1975. С. 316).

Устройство могилы на поверхности земли и засыпка ее булыжниками или сооружение над ней каменного курганчика можно считать типичными для курганов поздней группы. Об этом свидетельствуют убедительно и курганы в г. Нальчике, у станиц Новосвободной, Андрюковской, Псебайской, Келермесской, Воздвиженской и т.д. Во всех указанных курганах могилы имели галечную вымостку. Следовательно, и данный признак следует признать особенностью позднемайкопских курганов. В некоторых курганах этой группы (в Бамуте, у ст-цы Воздвиженской) погребения были совершены как бы на платформах, аккуратно выложенных галькой (Мунчаев Р.М., 1975. С. 317).

Что же касается могил, то в большинстве курганов поздней группы они представляли собой прямоугольную площадку обычно больших размеров (например, в бамутских курганах: 2,2 × 1,6; 4,1 × 3 м и т.д.), ориентированную чаще по оси северо-запад–юго-восток. В тех случаях, когда нет галечной вымостки, как, например, в Устьдзегутинских курганах, установить форму могилы и определить ее ориентировку не удается.

В курганах у с. Лечинкай, где выявлена целая серия позднемайкопских погребений, могильные ямы были слегка углублены в материковый слой. Они отличались, как правило, значительными размерами (3,4 × 2; 3,5 × 2,8; 1,8 × 1,1 м; и т.д.). Раскопаны и две небольшие по размерам могильные ямы (0,98 × 1,2; 0,8 × 0,5 м). Одна могила (курган 13) была прямоугольной, с закругленными углами. Стенки ее, обложенные одним слоем камней, плавно сужались книзу (размеры сверху 3,4 × 2 м, внизу 2,2 × 1,2 м). А могильная яма в кургане 17 имела в

*По классификации А.Д. Резепкина, это третий тип погребальных сооружений, им учтено 21 погребение этого типа (Резепкин А.Д., 1989. С. 4). В могильнике Клады они встречены в первом и третьем стратиграфических горизонтах.

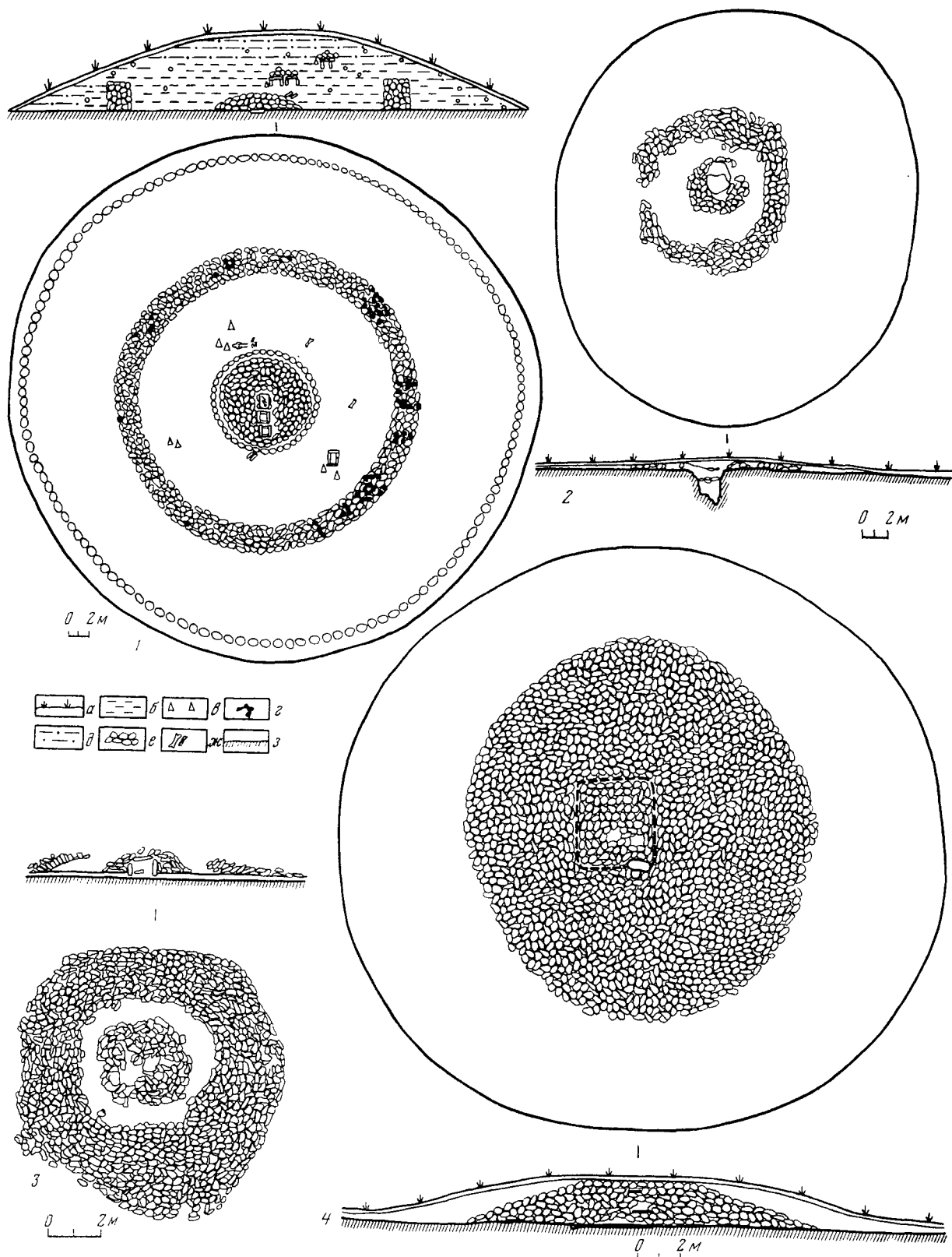

Таблица 45. Майкопская культура. Планы и разрезы курганов

a – гумус; *b* – суглинок; *v* – керамика; *z* – краска на камнях; *d* – глина; *e* – камни; *ж* – кости животных; *л* – курган у

аула Кубина; 2 – курган 7 близ сел Грушевское и Калиновское; 3 – курган 8, там же; 4 – курган 15 у с. Бамут

плане округлую форму, диаметр ее 2,7 м (Батчаев В.М., 1984. С. 134). Это, пожалуй, единственное погребальное сооружение такой формы в майкопской культуре. В то же время, как известно, в могильниках Закавказья и Дагестана раннебронзового века открыты гробницы округлого плана.

Еще одной отличительной особенностью курганов поздней группы является то, что могилы в отдельных из них представляли собой разнообразные каменные гробницы. В могильнике Клады они занимают третий и четвертый горизонты. Гробницы составляют четвертый тип погребальных сооружений майкопской культуры. Их немного, учтено всего семь (Резепкин А.Д., 1989. С. 5). Наиболее известными среди них являются дольмены в новосвободненских курганах, а также нальчикская подкурганная гробница. Эти погребальные сооружения находились под насыпью кургана, как правило, на уровне древнего горизонта, некоторые из них были завалены булыжниками. В курганах у ст-цы Новосвободной открыто несколько дольменов и одна оригинальная гробница цилиндрической формы с конической крышей, сложенная из одиннадцати вертикально поставленных плит. Дольмены по существу не отличаются друг от друга. Они двухкамерные, только один имел двухскатную крышу, а остальные – горизонтальное перекрытие. Кроме того, в поперечной плите, разделявшей гробницу на две камеры, имелось отверстие округлой и реже – четырехугольной формы.

Обратим внимание на гробницу в кургане 28 в могильнике Клады, стены одной из двух камер которой (три с внутренней, одна с внешней стороны) были покрыты росписью охристо-красного и черного цветов по белому фону. Изданы две плиты с изображениями (Резепкин А.Д., 1987б. С. 26–33. Рис. 1). На одной расположены в цепочку изображения бегущих “лошадей”, центр плиты занимает фигура сидящего человека с раскинутыми ногами. На второй поперечной плите имеется крупное, на высоту до 82 см, схематическое изображение человека без головы, с вытянутой рукой над колчаном и луком. Сюжет росписи достаточно сложен. Сделана попытка интерпретации его в свете мировоззренческих представлений индоевропейцев (Резепкин А.Д., 1987б. С. 31).

Для майкопской культуры известны пока эти несколько мегалитических гробниц в виде дольменов. Они открыты к тому же в одном районе Прикубанья – у ст. Новосвободной. Монументальное погребальное сооружение из массивных плит раскопано в кургане 1 (во второй курганной группе) у сел. Кишпек Баксанского р-на Кабардино-Балкарии. Она рассматривается как дольменно-образная гробница. Длина ее камеры 2,55 м, ширина 2 м, глубина 0,9 м. Пол гробницы выложен массивными плитами туфа (Чеченов И.М., 1984. Рис. 6–8). Это обычная гробница, отличная от новосвободненских дольменов, как и от аналогичных сооружений эпохи бронзы Северо-Западного Кав-

каза и Абхазии. Как устанавливается, дольмены появляются в западной части Северного Кавказа на позднем этапе майкопской культуры (Мунчаев Р.М., 1975. С. 318), но обычай погребения в таких гробницах широко распространился здесь во II – начале I тысячелетия до н.э. (Марковин В.И., 1978).

Что же касается каменной одиннадцатигранной гробницы в Новосвободной и гробницы в Нальчике, сложенной из 24 вертикально поставленных плит, то они представляют собой уникальные могильные сооружения. Отметим, кстати, что на окраине г. Кисловодска был разрушен курган с могильным сооружением из крупных каменных блоков, близкий по конструкции нальчикской гробнице (Корневский С.Н., 1988а. С. 88–90). Из этого погребения происходит, в частности, бронзовый котел, аналогичный обнаруженным в ряде позднемайкопских памятников.

Во всех случаях, когда мы встречаемся с необычной формой могильных сооружений, то обнаруживаем в последних богатый погребальный инвентарь. Так было в Майкопском кургане, такую же картину мы наблюдаем в курганах поздней группы. Поскольку инвентарь дольменов у ст-цы Новосвободной, раскопанных в 1898 г., и Нальчикской гробницы (табл. 44, 2), исследованной в 60-е годы (Чеченов И.М., 1970; 1973), достаточно известен, обратим здесь внимание на сравнительно недавно (в 1979–1980 гг.) вскрытую в могильнике Клады гробницу, уступающую по богатству инвентаря лишь Майкопскому кургану. Она открыта в кургане 31, занимавшем крайнее северное положение в ряду из восьми наиболее крупных насыпей могильника (Бочкарев В.С., Резепкин А.Д., 1980; Резепкин А.Д., 1991б).

Курган имел земляную насыпь и достигал в диаметре 61 м при высоте 4,1 м. В основании кургана расчищены три кромлеха. Пять из шести вскрытых погребений относятся к новосвободненской группе майкопской культуры. Погребение 4 находилось в центре под насыпью, на уровне древней дневной поверхности. Могила – в виде прямоугольной (1,25 × 1,6 м) подстилки из желтой глины, перемешанной с речной галькой и покрытой слоем органической массы со следами охры. Погребенный лежал в ее западной половине в скорченном положении, на правом боку, с руками перед лицом и головой на юго-восток. В могиле найдены два кремневых отщепца, два золотых кольца и чернолощенный сосуд (Резепкин А.Д., 1991б. С. 167. Рис. 3, 1). Над ним находилось погребение 3. Прямоугольная (2,1 × 1,7 м) могила была обложена со всех сторон камнями на высоту до 0,6 м. На дне ее прослежены следы охры. Погребение разрушено. У восточной стены найден красноглиняный сосуд в обломках, а в центре – кремневый отщеп.

В насыпи кургана открыты также погребения 1 и 2. Первое из них представляло собой каменный ящик с галечной вымосткой дна, погребение 2 – галечную вымостку ромбовидной формы

(1,65 × 1,5 м). Останки костяков в них не прослежены (Резепкин А.Д., 1991б. С. 174).

Наибольший интерес представляет погребение 5, располагавшееся под насыпью, в 11 м к ЮЮВ от центрального репера. Могила в виде двухкамерной гробницы, перекрытой двумя каменными плитами и ориентированной по линии север–юг. Длина первой камеры (северной) 136/137 см, ширина 122/127 см, высота 76 см, а второй – соответственно 106, 127 и 81 см. Полы камер покрыты плитами, лежащими на древней дневной поверхности. Гробница была окружена каменной наброской. В центре ее передней плиты было выбито круглое отверстие диаметром 42–43 см. В могиле открыты останки ребенка до 7 лет и взрослого, погребенного скорченно, на правом боку, головой на юго-юго-восток. Как отмечает автор раскопок, камеры заполняли десятки вещей, лежавших в два-три слоя (Резепкин А.Д., 1991б. С. 172). Там, в частности, найдены четыре бронзовые разнотипные и один каменный топоры, 14 бронзовых ножей-кинжалов, включая вотивные, и один кремневый, бронзовый меч длиной 63,5 см, кремневые асимметричные наконечники стрел, два бронзовых долота, серебряная и бронзовая стамески, бронзовые шилья (3) и игла, два бронзовых крюка, бронзовое колесо (штандарт), точильный и гладильный камни, бронзовый слиток (7 × 3 × 0,7 см), три деревянные палочки длиной от 8 до 11,8 см, бронзовая бляшка, игральные кости (6 экз.), бронзовые (блюдо, котел, две глубокие чаши и др.) и шесть глиняных орнаментированных сосудов, бронзовая и серебряная фигурки собак, две серебряные посоховидные булавки, золотые и серебряные бляшки и бусины, подвески из горного хрусталя, сердоликовые бусины (104 экз.), серебряная пронизка, золотые кольца, подвеска из зуба человека в золотой обойме, две золотые подвески с кинжальчиком, а также кремневая ножевидная пластина (Резепкин А.Д., 1991б. С. 172–188. Рис. 4–12).

Ясно, что подобные богатые погребения принадлежали не рядовым членам общества, а представителям родо-племенной знати, включая вождей племен (Массон В.М., 1973. С. 103, 104)*. Ведь

*Проанализировав инвентарь гробниц майкопской культуры, А.Д. Резепкин выделил два вида категорий вещей: “функционально-престижные” и “функционально-утилитарные”. К первому виду он отнес пять групп категорий погребального инвентаря и обряда – культовые предметы, престижные вещи, золотые и серебряные украшения и произведения искусства и др. По его мнению, согласно принятому отбору и использованной информации, в памятниках майкопской культуры обнаружено 13 “погребений вождей”. Из последних только одно погребение (Майкопский курган) относится к ранней группе майкопских памятников (Резепкин А.Д., 1983. С. 26, 27). Это погребение высокого ранга. Оно принадлежало действительно представителям “верхушки майкопского общества”, включая, видимо, и жрецов. В ряде случаев в этих “погребениях вождей” открыты сопровождающие захоронения. Последние, как предполагается, могут являться частью обряда, т.е. представляют человеческие жертвоприношения (Резепкин А.Д., 1983. С. 26). Все эти данные свидетельствуют не просто об имущественной дифференциации, а о сложности социальной стратификации у “майкопцев”.

необычны только форма могильного сооружения и богатство самих этих могил, в остальном же эти курганы не отличаются от других. Укажем при этом на то, что и в богатых курганах, и в рядовых наблюдается единый способ погребения.

И последний (пятый по А.Д. Резепкину) тип погребальных сооружений майкопской культуры – это каменные ящики. Их исследовано около десяти. Захоронения в них совершены так же, как в гробницах (Резепкин А.Д., 1989. С. 5). Они открыты не только на Северо-Западном Кавказе – в Прикубанье (стоянка Скала (табл. 44, 4), могильник Клады) и, возможно, на Тамани (Трифонов В.А., 1991б. С. 106), но и в Центральном Предкавказье, в частности – в курганах 6 и 8 (табл. 44, 5) близ сел Грушевское и Калиновское (Мишина Т.Н., 1989. С. 235–239) и в окрестностях Кисловодска, где каменный ящик (1,6 × 1,4 × 0,9 м) был перекрыт плитой и завален слоем камней диаметром 3,4 м, толщиной 0,95 м. Погребение было совершено скорченно, на боку, головой в западный сектор. В нем найдены два глиняных сосуда, один из которых изготовлен с помощью гончарного круга (Кореневский С.Н., 1988а. С. 88). (Известно что, каменные ящики как тип погребального сооружения получают в последующую эпоху широкое распространение на Северном Кавказе, особенно в его горных районах.)

В подавляющем большинстве позднемайкопских курганов захоронения совершены в скорченном положении и главным образом на правом боку. Так, в 11 из тех 14 случаев, когда удалось определить положение погребенного в бамутских курганах, покойники лежали на правом боку. На правом же боку находились костяки во многих других курганах Северного Кавказа, в частности в многочисленных погребениях у сел. Чегем I, Чегем II и Кишпек (Мунчаев Р.М., 1975. С. 319; Чеченов И.М., 1976. С. 149; и др.). По сути дела известно лишь одно позднемайкопское погребение (в кургане 2 в Бамуте), в котором костяк лежал на левом боку (Мунчаев Р.М., 1975. С. 288). Таково же, правда, было положение погребенного в курганах 4 и 6 у ст-цы Мекенской (Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я., 1963. С. 21, 23), но твердой уверенности в принадлежности данных комплексов к майкопской культуре не имеется (Мунчаев Р.М., 1975. С. 285, 319).

Кроме того, в том же Бамуте открыто погребение на спине, с подогнутыми ногами и головой на юго-запад–запад (курган 3)*, раскопана (курган 12) могила с захоронением отдельных частей тела от двух умерших и, наконец, выявлена (курган 6)

*Высказано сомнение в принадлежности двух погребений, открытых в курганах 1 и 2 у хут. Жуковского, к майкопской культуре на том основании, что захоронения в них совершены скорченно, на спине (Кореневский С.Н., 1988в. С. 8). Но мы не разделяем это сомнение и считаем данные погребения, содержавшие характерную майкопскую керамику, относящимися к рассматриваемой культуре. Скорченные погребения на спине открыты и в степном Прикубанье.

могила-кенотаф (Мунчаев Р.М., 1975. С. 319, 320).

Что касается ориентировки погребенных в позднемайкопских курганах, то костяки в них лежат преимущественно головой в южном секторе. Например, в бамутских курганах преобладает южная ориентировка погребенных с отклонением как на запад, так и на восток.

Могила в курганах, как отмечено, имеют значительные размеры. Покойники были положены в них, в частности в некоторых курганах Бамута (3, 10, 15) и Нальчикской гробнице, в юго-западной части могилы, а в двух курганах у ст-цы Новосвободной они лежали вдоль западной стенки большого отделения дольменов. В некоторых курганах поздней группы отмечено по два и более погребенных. Так, в курганах у ст-цы Келермесской и сел. Чегем II было по два костяка, останки взрослого и ребенка находились также в гробнице кургана 31 у ст-цы Новосвободной, а у ст-цы Воздвиженской – четыре костяка; все они лежали в скорченном положении, на боку, головой на юг.

Следует отметить еще, что в ряде курганов Ус-туджегутинского могильника под каменной насыпью или вокруг нее на уровне древнего горизонта прослежены зольные пятна, обломки битой посуды и кости животных. Вероятно, это остатки тризны. Остатки костей животных (а также угольки) зафиксированы и в ряде майкопских погребений в Кабардино-Балкарии.

Наконец, укажем, что большинство погребений в курганах поздней группы сопровождается инвентарем – глиняными сосудами, бронзовыми орудиями труда, оружием, иногда котлами, другими металлическими предметами, в том числе золотыми височными кольцами и т.д. Металл, по сравнению с раннемайкопским, разнообразен и отличается более развитыми формами. По содержанию инвентаря, прежде всего металлического, С.Н. Корневский разделяет майкопские погребения на два класса. Класс 1 – могилы с металлическими вещами и каменными орудиями, класс 2 – погребения без тех и других предметов. При этом он подразделяет погребения класса 1 на условные ранговые группы в зависимости от видовых наборов изделий Корневский С.Н., 1988в. С. 10, 11).

Говоря об особенностях погребального ритуала позднемайкопских племен, обратим внимание на одно из захоронений у ст-цы Новосвободной (курган 24, погребение б), в котором найдены три крупных наконечника стрелы флажковидного типа с обломанными основаниями (последние также находились в погребении). Исследователи, на наш взгляд, справедливо предполагают, что наконечники стрел были сознательно обломаны при совершении захоронения (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. С. 95). Подобный ритуал, при котором разламывали предметы погребального инвентаря при захоронениях, неоднократно отмечен в Северной Месопотамии, начиная, по крайней мере, с V тысячелетия до н.э. (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.,

1981. С. 198–210). Зафиксированный в погребении у ст-цы Новосвободной отмеченный факт является, по нашему мнению, отражением месопотамской традиции.

Завершая характеристику обряда погребения позднемайкопских племен, следует особо остановиться на погребении с повозкой, открытым в 1985 г. в кургане 2 у ст-цы Старокорсунской Динского р-на Краснодарского края (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. С. 91–97). Курган высотой около 5 м (диаметр и характер насыпи – ?) содержал 28 погребений, из которых несколько относится к майкопской культуре. Среди последних наибольший интерес вызывает погребение 18, представлявшее собой прямоугольную (1,5 × 1 м) яму глубиной 0,7 м, ориентированную по оси восток–запад (табл. 44, 3). На дне ямы (4,16 м от вершины кургана) был погребен подросток в скорченном положении, на правом боку, с кистями рук перед лицом, головой на запад. Череп был окрашен охрой, у затылочных костей отмечены кусочки угля. В ногах погребенного были положены два чернолощенных кубка и обломок еще одного сосуда. В северо-восточном и юго-восточном углах ямы находились остатки двух деревянных колес плохой сохранности, диаметр одной из которых достигал 60 см (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. Рис. I, II). Над ямой, поперек ее длинной оси прослежены куски дерева, являвшиеся, возможно, частями повозки. В заполнении погребения найдено бронзовое четырехгранное шило.

Трудно с уверенностью утверждать, действительно ли в могилу была положена целая повозка или только часть ее. Но в любом случае перед нами не ординарный факт – единственное пока в майкопской культуре погребение с повозкой или частью ее*. Данный комплекс относится, как считают исследователи, к раннему горизонту новосвободненской группы погребений. Следовательно, это древнейшее в Европе погребение с повозкой (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. С. 94–97)**.

Многочисленные погребения с повозками ямной культуры в степях Предкавказья и Волго-Донья и посткуро-аракской культуры Закавказья сравнительно моложе по возрасту погребения у ст-цы Старокорсунской.

Возвратимся к позднемайкопским курганам. Они характеризуются в целом единством многих признаков, касающихся как конструкции насыпи,

* В одном из трех погребений с инвентарем майкопской культуры, открытых в могильнике у лимана Цаган-нур в Калмыкии, обнаружены, как предполагают, остатки повозки (Шиллов В.П., 1984. С. 186). Но культурная принадлежность этих погребений неясна. К тому же нет никакой уверенности в том, что в отмеченное погребение действительно были положены повозка или какие-то ее части.

** Для Восточной Европы это утверждение правомерно. Что же касается более западных областей Европы, то отнесение к концу IV тысячелетия до н.э. на основании калиброванных радиоуглеродных дат деревянных повозок из торфяников Голландии требует дальнейших подтверждений.

формы и размеров могилы и самого способа захоронения, так и представленного в них погребального инвентаря. При этом, что весьма существенно, наблюдается немало общего между ними и курганами первых двух групп. Это, безусловно, указывает на генетическую связь между рассматриваемыми группами погребальных памятников майкопской культуры, отражающих последовательные этапы ее развития (Мунчаев Р.М., 1975. С. 321), что не согласуется с представлениями о том, что Майкоп и Новосвободная – это отдельные, не связанные между собой, культуры.

Можно ли на основании рассмотренных курганов Северного Кавказа выделить четко определенные локальные варианты майкопской культуры? По нашему мнению, нет. Безусловно, некоторые различия можно наблюдать в погребальных памятниках, расположенных в приморских районах Северо-Западного Кавказа, Прикубанье, Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетии. Но они не столь значительны. Вопрос о выделении локальных вариантов майкопской культуры может серьезно решаться только после того, как будут исследованы во всех областях Северного Кавказа в должной мере погребальные и бытовые памятники раннебронзового века и установлено между ними подлинное культурное и хронологическое соотношение*.

Характеристика основных категорий инвентаря памятников майкопской культуры

Вещевой материал, представленный в бытовых и погребальных памятниках майкопской культуры, весьма значителен и довольно разнообразен. Он включает большую серию орудий из кремня и других пород камня, костяные предметы, керамику и выразительную коллекцию металла, главным образом различных изделий из бронзы. Отметим отдельно находки немалого числа украшений из золота, серебра и камня, а также ряда образцов высокого ювелирного искусства (серебряные сосуды из Майкопского кургана и др.), получивших мировую известность и рассматривавшихся часто как

* Сделанные отдельными исследователями попытки выделения в майкопской культуре локальных групп памятников носят общий характер. Так, один из них выделил две такие группы – прикубанскую на западе и терскую на востоке (Чеченов И.М., 1974. С. 60, 61), а А.Л. Нечитайло говорит еще об одной – северной группе, локализуемой ею в Юго-Восточном Приазовье (Нечитайло А.Л., 1991а. С. 12–15). В данной связи следует особо выделить работу С.Н. Корневского о культуре древнейшего населения в бассейне среднего Терека (Корневский С.Н., 1993). Не вдаваясь в полемику с автором по поводу обоснованности выделяемых им “Долинского Майкопа” и “Галлогоаевского Майкопа”, отметим только, что ему удалось показать своеобразие отдельных групп памятников майкопской культуры. Это доказывает наличие локальных вариантов в изучаемой культуре. Разработка данного вопроса, как видим, уже начата (также см.: Трифионов В.А., 1991б. С. 25–29).

переднеазиатские импорты. Почти весь металлический инвентарь, за исключением отдельных предметов (Формозов А.А., 1965. С. 108; Мунчаев Р.М., 1975. С. 208), происходит из курганов в основном позднего этапа майкопской культуры. Каменный же инвентарь в погребениях встречается крайне редко.

Каменный инвентарь*

О р у д и я т р у д а. Начнем обзор с каменных орудий, связанных с земледелием. Четко установленных землеобрабатывающих орудий в майкопских поселениях до сих пор не обнаружено. Найдено, правда, несколько каменных орудий (в Долинском поселении, Очажном гроте Воронцовской пещеры), которые рассматриваются как мотыги (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 25, 5; Соловьев Л.Н., 1958. С. 140. Табл. 1, 9), но лишь одно из них, найденное в Мешоко, можно предположительно считать таковой (Формозов А.А., 1965. С. 86). А назначение мотыгообразного орудия из Псекупского поселения 1 остается неясным (Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. Табл. XIX, 6).

Почти в каждом поселении майкопской культуры, включая Мысхако, расположенном на берегу моря (Дмитриев А.В., 1984. С. 32, 33), обнаружены зернотерки. В прикубанских поселениях их найдено, например, около 120, в том числе в поселении Скала примерно 70 зернотерок (Формозов А.А., 1965. С. 86). Серия их происходит и из Псекупского поселения 1 в равнинной части Закубанья (Ловпаче Н.Г., Дитлер А.П., 1988. Табл. XIX). Они изготовлены из гранита и песчаника и разделяются на два типа. К первому из них относятся массивные ладьевидные зернотерки (Формозов А.А., 1965. С. 87. Рис. 42, 1). Размеры их в среднем: длина 20–30 см, ширина 12–15 см, толщина 7–10 см. Имеются и весьма крупные экземпляры (58 × 36 × 21 см). Зернотерки второго типа представляют собой каменные плитки. Укажем для примера размеры одной из них, найденной в Хаджохе, – 40 × 30 × 5 см. Они шире и длиннее первых, но тоньше (Формозов А.А., 1965. С. 87. Рис. 42, 2).

Вместе с зернотерками представлены терочки и реже – песты. В Долинском поселении найдены большие и малые терочки, сделанные из гранита или вулканического туфа. Большие были продолговатыми, с уплощенной рабочей поверхностью в форме вытянутого овала. Размеры их: высота 5,5–8 см, ширина 8–15 см (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 183. Табл. V, 2, 3, 5). Малые терочки имели округлую форму (диаметр 7 см, высота 3 см).

* К глубокому сожалению, многочисленный и разнообразный каменный инвентарь из раскопанных за минувшее десятилетие поселений майкопской культуры почти не издан. Поэтому мы не можем его использовать здесь в должной степени.

Любопытно отметить, что терочник в одном случае обнаружен и в погребении – в кургане у пос. Иноземцево. Он лежал в ногах погребенного вместе с каменным оселком, плиточкой для растирания, несколькими кусками камня и другими предметами (Петренко В.Г. и др., 1977. С. 115).

Каменные же ступки почти не встречены. Известна, в частности, находка ступки в одном из бамутских курганов (Мунчаев Р.М., 1975. С. 292, 293. Рис. 67, б).

Во всех бытовых памятниках обнаружены также остатки жатвенных орудий в виде вкладышей серпов, изготовленных из различных местных пород кремня (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 23; Формозов А.А., 1965. Рис. 43). Большая коллекция таких орудий (80 экз.) обнаружена в поселении Свободное (Нехаев А.А., 1990. С. 8). Представлены как срединные, так и концевые вкладыши, вставлявшиеся в костяную или деревянную оправу серпа. Первые имеют прямоугольные очертания, а вкладыши концевого типа – треугольные (табл. 46, 10, 17–25). Обращает на себя внимание оформление рабочего края серповых вкладышей. Орудия из таких поселений, как Мешоко, Скала, Очажный грот и Ясенова Поляна, имеют прямой рабочий край, а из других памятников (Долинское поселение и др.) – зубчатый. Полагают, что на раннем этапе майкопской культуры использовались вкладыши с прямым, а на позднем с зазубренным рабочим краем (Формозов А.А., 1965. С. 87).

В ряде позднемайкопских погребений обнаружены кремневые желваки-заготовки и отщепы (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 10, 1–3, 5; Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 3, 2, 3). Отметим находку в Новосвободненском кургане 31 (погребение 5) кремневой ножевидной пластины длиной 10 см при ширине 2 см (табл. 46, 9), обработанной по краям ретушью (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 7, 2). Характер следов износа на ней позволил установить, что это орудие использовалось, с одной стороны, в качестве скобеля и развертки при изготовлении предметов из кости и рога, а другой – ретушера при оформлении изделий из камня типа наконечников стрел (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 93).

Выделим отдельно найденный также в погребении (курган 25 у ст-цы Новосвободной) серп для срезания тростника. Он сделан из крупного осколка кремня, обработанного двусторонней ретушью (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 93).

В нескольких раннемайкопских памятниках обнаружены микролитические орудия. Наибольшая коллекция их (около 200) происходит из Мешоко (табл. 46, 3–8), 17 микролитов обнаружены в Майкопском кургане (табл. 46, 1–2), один в Ясеновой Поляне (Формозов А.А., 1965. С. 110), а также одна трапеция в поселении Свободное. В позднемайкопских комплексах, насколько известно, такие орудия не представлены. Но небольшая группа ми-

кролитических орудий в виде трапеций, вытянутых треугольников и удлиненных прямоугольников представлена в материалах Лугового поселения – этого синкретического памятника раннебронзового века Кавказа (Мунчаев Р.М., 1961. С. 51). К югу от этого пункта – ни в Дагестане, ни в Закавказье – микролиты в памятниках III тысячелетия до н.э. не встречаются. На этой территории они крайне редки даже в комплексах VI–IV тысячелетий до н.э. Обратная картина наблюдается, как видим, в Предкавказье, а также, отметим кстати, на смежной с севера территории, в частности в памятниках ямной культуры Нижнего Поволжья (Мунчаев Р.М., 1961. С. 52).

Находки микролитических орудий в поселениях раннебронзового века Северного Кавказа вполне объяснимы, поскольку традиция их использования имеет здесь прочные корни, уходящие в мезолит. Но присутствие их в составе инвентаря богатейшего погребения Майкопского кургана – это экстраординарный факт. В данном случае следует говорить не о местной традиции, а, как мы подчеркнули выше, о месопотамской, определившей и ряд прочих изделий, входящих в комплекс Майкопского кургана. Хотя подобные орудия вышли из употребления в Месопотамии задолго до развития там хассунской и халафской культур (VI–V тысячелетий до н.э.), их продолжали почему-то спорадически использовать там при культовых церемониях вплоть до III тысячелетия до н.э. Поэтому, еще раз подчеркнем, присутствие микролитических орудий в Майкопском кургане следует рассматривать как отражение в данном памятнике Северного Кавказа месопотамского ритуала.

Микролиты не единственные орудия архаического типа, представленные в майкопских памятниках. В них обнаружены, кроме того, такие кремневые* изделия, как скребки, проколки, сверла, отжимники, отбойники, наконечники стрел и др. Удивляет не только набор этих неолитических типов орудий, но и их количество в изучаемых памятниках. Они представлены здесь значительными сериями, прежде всего в ранних комплексах. В Нальчикском и Долинском поселениях, например, кремня сравнительно меньше, и в их инвентаре нет таких ранних типов орудий, как микролитические и др. (Мунчаев Р.М., 1975. С. 208, 209). Укажем для сравнения, что многие из отмеченных орудий вообще отсутствуют в памятниках куро-аракской куль-

* Кремень служил основным сырьем для производства орудий у племени майкопской культуры. Использовался и обсидиан, но крайне редко. Например, в материалах Долинского поселения обсидиан составляет по отношению к кремню всего около 5% (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 181). Еще меньше обсидиана как будто в поселениях Прикубанья. Обратим, кстати, внимание и на другое обстоятельство. Если обсидиан с Долинского поселения происходит, по всей вероятности, из месторождений Кабардино-Балкарии (т.е. местных), то обсидиан, обнаруженный в Мешоко и Веселом, как показали специальные исследования, закавказского происхождения (Формозов А.А., 1965. С. 112).

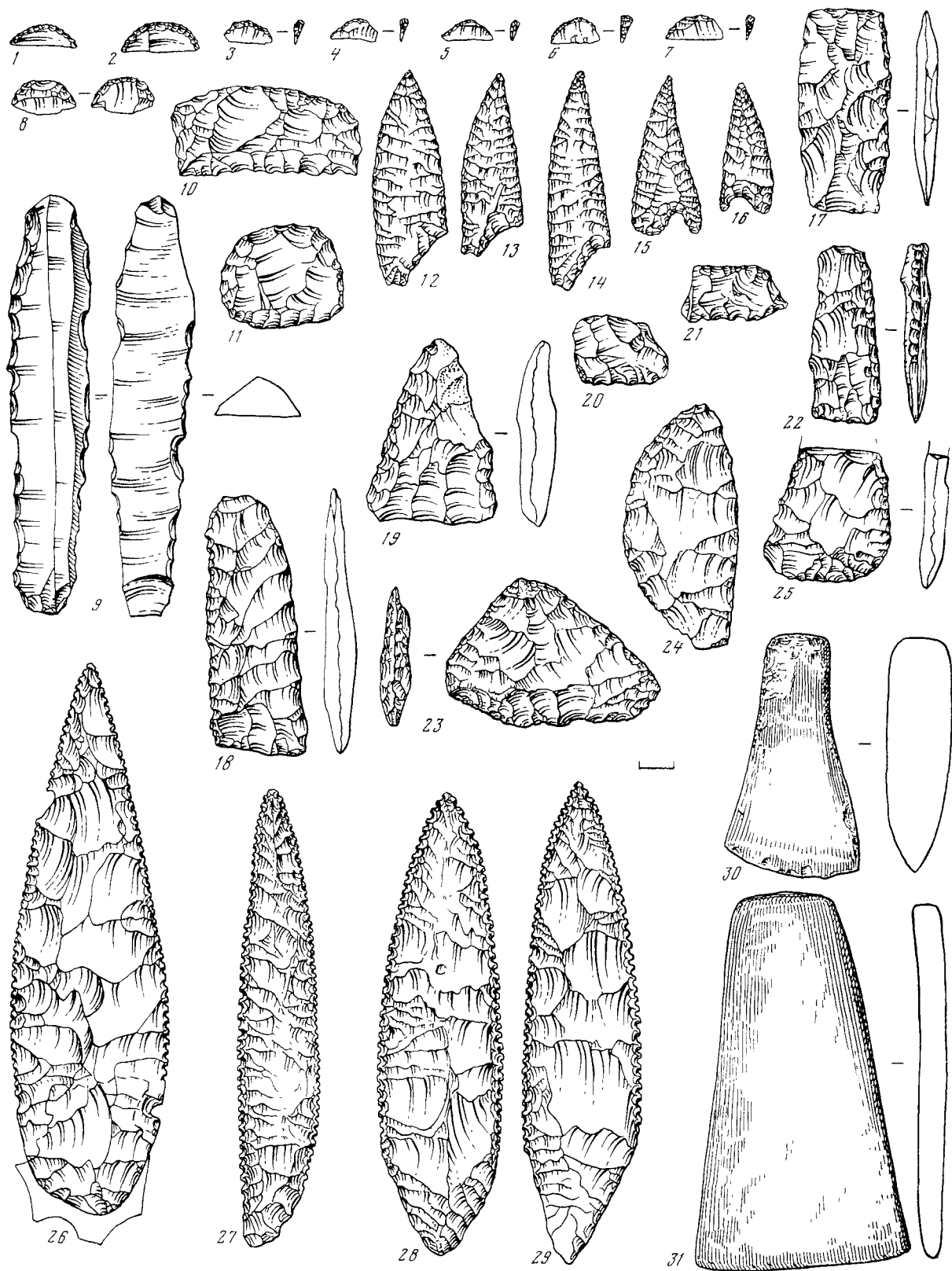

Таблица 46. Майкопская культура. Каменный инвентарь

1, 2, 31 – Майкопский курган; 3–8, 17, 23, 25, 30 – Мешоко; 9, 26 – курган 31 у ст-цы Новосвободной; 12–14 – курган у ст-цы Костромской; 15, 16, 27–29 – курган 1 у ст-цы Новосвободной;

18 – поселение у ст-цы Севастопольской; 19 – Павловская стоянка

туры. В Закавказье они обнаруживаются даже не во всех энеолитических комплексах, а только в относительно ранних.

В майкопских памятниках много и таких каменных предметов неолитического типа (табл. 46, 30, 31), как плоские клино- или тесловидные топоры и долотовидные орудия (Формозов А.А., 1965. С. 108–111. Рис. 53; 54, 5, 6, 9). Только в один сезон, например, в Мешоко было обнаружено 236 целых и 586 обломков каменных топоров. Около 30 серпентиновых тесел и долотцев найдены в поселении Свободное (Нехаев А.А., 1990. С. 9). Топоры, как правило, отшлифованы. Большинство их отличается небольшими размерами. По-видимому, часть их вставлялась в муфты из кости и рога и служила только каменными лезвиями комбинированных орудий (Формозов А.А., 1965. С. 108). Предполагают также, что эти рубящие орудия могли использовать для расчистки от леса земельных участков (Формозов А.А., 1965. С. 110). Конечно, они служили и для других целей, в частности для обработки дерева и т.д. Высказано предположение даже о возможности использования части топоров-тесел, сделанных из мягких пород камня, как ложила при изготовлении глиняных сосудов (Кононенко А.П., 1987. С. 20–22). Использование же подобных орудий в качестве наконечников мотыг представляется маловероятным.

Клиновидные топоры встречены в основном в майкопских поселениях ранней и средней групп, в позднемайкопских же бытовых комплексах они единичны (Формозов А.А., 1965. С. 83. Табл. 2). Но на позднем этапе майкопской культуры на Северном Кавказе распространяются тесловидные орудия из бронзы. Последние, как и каменные топоры, продолжают бытовать спорадически в Предкавказье, видимо, и в последующий период бронзового века (Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1961). Укажем в данной связи, что в Закавказье эти орудия не встречаются практически в памятниках III тысячелетия до н.э.; крайне редки они и в комплексах эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа (Мунчаев Р.М., 1961. С. 55, 56).

Рассмотрим также находки каменных топоров других типов в майкопских памятниках. Они в общем единичны. Так, в Воронцовской пещере (Соловьев Л.Н., 1958. С. 180. Табл. IV, 2) и в Долинском поселении (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 181, 182. Рис. 25, 1, 4) обнаружены сделанные из твердых пород камня (диорит и др.) топоры в виде вытянутого клина с желобчатым перехватом в верхней или средней части. Подобные желобчатые топоры, в том числе довольно массивные, известны из ряда памятников неолита, энеолита и бронзового века Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. В Киликдаге (Азербайджан) открыта даже мастерская по производству этих орудий. Вопрос об их функциональном назначении остается пока открытым (Мунчаев Р.М., 1961. С. 58, 59; 1975. С. 62, 63).

Другой тип представляет диоритовый сверленный топор из Бамутского могильника (Мунчаев Р.М., 1961. С. 55, 56; 1975. С. 288). Он проушной – в верхней части его имеется округлое отверстие, выполненное сверлением, а на обухе – легкое, но заметное ребро. Этот каменный топор повторяет форму бронзовых проушных топоров майкопской культуры.

К иному типу относится каменный топор, обушковая часть которого оформлена в виде молота. Он найден в описанном выше погребении 5 кургана 31 в могильнике у ст-цы Новосвободной (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 5, 5). Топор изготовлен из змеевика, длина его 15,6 см. Проушное отверстие диаметром 1,6 см просверлено, как выяснено, с двух сторон станковым цилиндрическим сверлом. По центру обушка проходит невысокий (0,2 см) валик. Топор первоначально выбит точечной техникой, а затем заточен на абразиве. Он отнесен к культовым предметам (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 93). Кстати, известны и бронзовые топоры аналогичной формы. Один из них, например, обнаружен в том же погребении (табл. 47, 8), что и каменный (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 5, 1), а второй происходит из кургана ст-цы Воздвиженской (Попова Т.Б., 1963. Табл. XXI). Можно считать, что этот немногочисленный тип топора характерен только для Прикубанья.

Следует отметить, что сверленные каменные предметы в майкопских памятниках довольно редки. Кроме бус, можно указать еще, например, на находки обломков молотка-топора и булавы из Веселого и Ясеновой Поляны (Формозов А.А., 1965. С. 110) и булавы из кургана 36 у г. Усть-Джегута (Мунчаев Р.М., 1975. С. 239).

Особый тип каменных сверленных предметов составляют несколько тщательно отшлифованных топоров клювовидной формы (табл. 47, 1–4). Они найдены в курганах у селений Чегем I и II (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 5, 15–18; Белтрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 13, 10–12). Высота их от 8 до 12 см, ширина от 3 до 4,5 см. Трудно сказать, местного ли они производства. В Закавказье таких топоров до сих пор не обнаружено. Но аналогичные орудия в единичных экземплярах найдены в памятниках ямной культуры (Мерперт Н.Я., 1974. С. 75. Рис. 10, 6). Неясно не только их происхождение, но и назначение.

Отметим, наконец, совершенно уникальный кремневый топор с “ручкой”, происходящий из кургана у пос. Иноземцево (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 10, 8).

Из орудий в майкопских памятниках представлены также точильные камни. Они найдены, в частности, в Майкопском кургане, погребениях могильника Клады, в курганах у ст-цы Костромской, г. Усть-Джегута, пос. Иноземцево и сел. Чегем I, в Бамутском могильнике и других комплексах. Отдельные из них имеют на одном конце оселка округлое отверстие для подвешивания. Укажем для

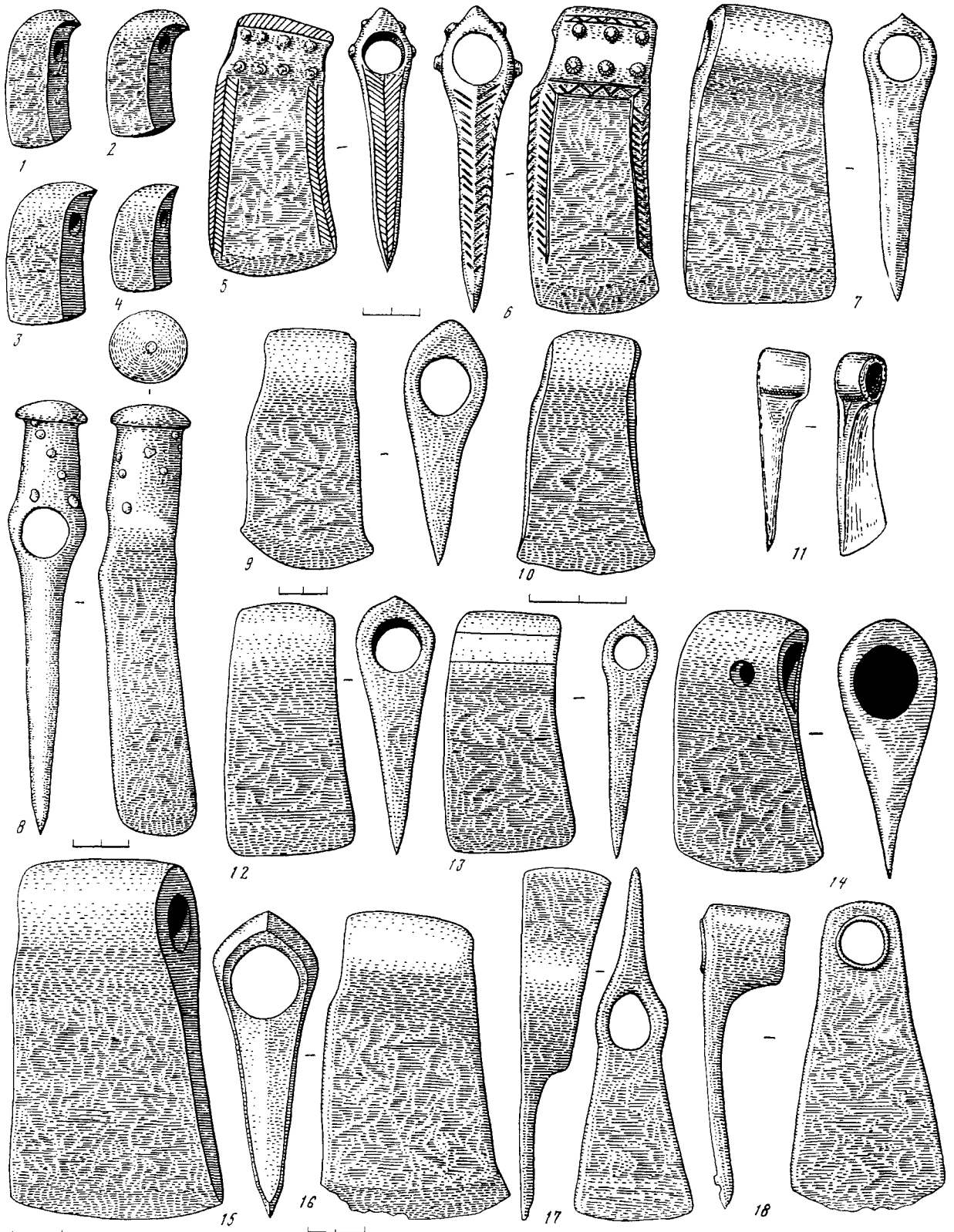

Таблица 47. Майкопская культура. Каменные (1-4) и бронзовые (5-8) изделия

1-4 - из курганов у сел. Чегем I и II; 5 - курган I у ст-цы Новосвободной; 6, 8, 16 - курган 31 у ст-цы Новосвободной; 7 - Нальчикская гробница; 9 - курган 21 у сел. Чегем III; 10 - курган у ст-цы Костромской; 11 - Псекупский могильник;

12 - курган у сел. Кызбурун III; 13 - случайная находка (Краснодарский музей); 14 - Бамут; 15 - курган у ст-цы Махашевский; 17, 18 - Майкопский курган

примера, что точильные бруски из дольменов Новосободной достигают в длину от 10 до 27 см (Попова Т.Б., 1963. С. 40. Табл. XVI).

Необходимо отметить, что ряд изделий, включая три абразивных инструмента в виде точильных камней, из погребения 5 кургана 31 Новосободненского могильника были подвергнуты трасологическому изучению. Два из них имеют брускообразную форму, длина их 22,2 и 24 см при ширине соответственно 4,5 и 3,2 см (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 89. Рис. 1, 2). Один сделан из глинистого сланца, другой – из мелкозернистого песчаника. Оба орудия выполнены пикетажной или точечной) и абразивной техникой и являются оселками, один – для направки лезвий металлических ножей или кинжалов, а другой – для заточки острого металлических шильев и игл. Третье орудие, отличающееся меньшими размерами (13 × 5,2 см), выполнено с помощью той же техники. Рабочими поверхностями служили не только верхняя и нижняя (для заточки острого шильев и игл), но и две боковые (для заточки и заострения лезвий бронзовых топоров-тесел).

В комплексе данного погребения представлен еще ряд каменных орудий – три “подушки”, брускообразное изделие с выпуклыми торцами и четыре шарика (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. Рис. 9–12, 14–17). “Подушки” подчетырехугольной формы (10,5 × 8,8; 7,2 × 8,3; 14,6 × 7,4 см) с округлыми углами, сделаны из плотного камня той же техникой. Судя по совокупности признаков износа, эти орудия использовались прежде всего в качестве наковаленок, на которых путем холоднойковки производилось изготовление золотых и серебряных украшений. Некоторые из них использовались и для других целей. Например, одна из этих “подушек” служила также выпрямителем для древков стрел и формой для изготовления округлых украшений типа бляшек. Две другие плитки служили еще подставками-наковаленками, на которых прокатывался орнамент. Боковые же грани их использовались как гладилки-выпрямители для раскатки металлической фольги и выпрямления листового металла; зауженный выпуклый торец орудия применялся в качестве молотка дляковки и выглаживания листового металла (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 91, 92).

Что касается брускообразного предмета (длинной 15,7 см и шириной 1,9 см при толщине 1,9 см), то, судя по характеру следов его износа, он служил “молоточком легкого действия для холоднойковки металлической фольги, для выглаживания и выдавливания из этой фольги на матрице тонких ювелирных изделий” (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 92).

Представляется несомненным, что в таких же целях использовались и каменные орудия из дольменов Новосободной (Попова Т.Б., 1963. Табл. XVI). В последних, как известно, встречены и небольшие каменные (из известняка, гранита, ро-

вика и мела – табл. 48, 35–37) шарики с тщательно отполированной поверхностью, которые рассматривались как пращевые шары (Попова Т.Б., 1963. Табл. 1). Но, как показало трасологическое изучение отмеченных выше четырех шариков из кургана 31 того же Новосободненского могильника Клады, последние служили “легкими молоточками и миниатюрными давяльными прессами, с помощью которых изготовлялись ювелирные украшения полусферической формы” (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 92). Безусловно, таковы же были по назначению аналогичные им по всем признакам шарики из дольменов. Укажем, кстати, что совершенно аналогичные им по форме и размерам шарики, выточенные из алебастра, обнаружены в памятниках Месопотамии III тысячелетия до н.э.

В свете приведенных данных нельзя не согласиться с выводом о том, что майкопские мастера были профессионалами в области пикетажной техники, применявшейся ими так же широко, как и абразивная, они владели уже станковым сверлением и набором каменных инструментов для изготовления разнообразных предметов, включая ювелирные изделия из золота и серебра (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 94).

О р у ж и е. Отметим прежде всего, что в качестве оружия могли служить и некоторые из многочисленных каменных топоров, рассмотренных выше. Наиболее распространенным и, пожалуй, единственным видом каменного оружия в майкопских памятниках являются наконечники стрел. Они встречены во многих памятниках майкопской культуры, как ранних, так и поздних. Значительную серию их дало, например, поселение Мешоко. Семь наконечников обнаружено и в самом Майкопском кургане. Они миндалевидной формы и покрыты с двух сторон тонкой ретушью. Подобные наконечники стрел встречены еще на поселении у г. Кисловодска. Такие же кремневые наконечники стрел представлены и в ряде месопотамских памятников раннединастических периодов (Мунчаев Р.М., 1975. С. 323, 324).

Иной тип наконечников стрел происходит из поселения Мешоко. Они треугольные, в том числе черешковые, с прямым и слегка выемчатым основанием (Формозов А.А., 1965. С. 110, 111. Рис. 54, 2, 3).

В позднемайкопских же памятниках наконечники стрел заметно отличаются от вышеотмеченных. В дольмене кургана I у ст-цы Новосободной (Попова Т.Б., 1963. Табл. IV, 8–13) найдено шесть крупных, длиной 9–10 см, двусторонне обработанных струйчатой ретушью кремневых листовидных наконечников дротиков с пальчатыми краями (табл. 46, 27–29). В этом кургане (табл. 46, 15, 16), а также в курганах у ст-цы Костромской (табл. 46, 12–14), пос. Иноземцево, в бассейне Чегема и Баксана, Долинском поселении (Попова Т.Б., 1963. Табл. IV, 14–17; Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 6, 1–10; Бетро-

зов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 13, 2–9; Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 25, 2, 3) и других обнаружены асимметричные флажковидные и асимметричные треугольные с выемкой в основании наконечники стрел. Такие стрелы, в особенности асимметричные с выемкой в основании, встречены и в ряде памятников раннебронзового века Закавказья и Северо-Восточного Кавказа (Мунчаев Р.М., 1961. С. 65, 66; 1975. Рис. 75, 2, 16), но их следует считать характерными больше для позднего этапа майкопской культуры (Формозов А.А., 1965. С. 83. Табл. 2).

Отметим, что в комплексе богатого погребения 5 кургана 31 в могильнике Клады наряду с пятью наконечниками стрел, асимметричных с выемкой в основании, представлен кремневый листовидный нож-кинжал длиной 13,8 см (Резепкин А.Д., 1991б. С. 176. Рис. 7, 1). Поверхности его обработаны отжимной, а края – пильчатой ретушью (табл. 46, 26). На обушковой части его отмечены следы обкладки. Для крепления кинжала к рукоятке по обеим сторонам обушка сделаны выемки. Предполагается, что наконечники стрел служили вкладышами составного метательного оружия, а кинжал использовали как нож при разделке туш убитых животных (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 93). Между прочим, и в древнейшем погребении Иноземцевского кургана вместе с девятью асимметричными наконечниками стрел со скошенным основанием найден кремневый нож, покрытый струйчатой ретушью. Один край его дугообразный, другой прямой (Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 8, 4). Вполне возможно, что и этот нож был связан с охотничьей деятельностью.

Выше отмечались находки в двух памятниках майкопской культуры каменной булавы. Обломок каменной шаровидной булавы обнаружен в Мысхако (Дмитриев А.В., 1984. С. 33). Еще один каменный шарообразный предмет с отверстием, найденный в Майкопском кургане (ОАК за 1897 г. С. 6. Рис. 19), рассматривается отдельными исследователями как наконечник булавы (Формозов А.А., 1965. С. 76). Для изучаемой культуры данный тип оружия нехарактерен в отличие, например, от куро-аракской культуры, в памятниках которой булавы сравнительно широко распространены.

К а м е н н ы е у к р а ш е н и я. В майкопских памятниках встречены каменные браслеты, каплевидные подвески и бусы. Все они, как известно, представляют собой весьма архаические типы украшений.

Браслеты найдены во многих поселениях, в частности в Мешоко, Ясеновой Поляне, Скале, Очажном гроте и других, а также в трех случаях в погребениях – в кургане между ст-цей Тульской и ст-цей Севастопольской, в кургане 3 у г. Усть-Джегута и в кургане 25 у ст-цы Новосвободной (Формозов А.А., 1965. С. 77. Рис. 36; С. 83. Табл. 2; Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Рис. 3, 6; Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. Рис. 18; Неха-

ев А.А., 1990. С. 10, 14). Таким образом, почти все они за единичными исключениями происходят из прикубанских памятников. Особенно значительная серия, включающая несколько сот браслетов, обнаружена в Мешоко (Формозов А.А., 1965. С. 70). Они округлой формы с прямоугольным, треугольным и пластинчатым сечением. Около 300 браслетов, главным образом тонких сланцевых, происходит из Ясеновой Поляны (Нехаев А.А., 1990. С. 14). Большая коллекция браслетов обнаружена также на поселении Свободное. Они изготовлены из серпентина и реже – из сланца, а иногда даже из глины, и подразделяются на восемь типов (Нехаев А.А., 1990. С. 10).

Устанавливается четко, что больше всего браслетов в раннемайкопских комплексах. В поселениях же, относимых А.А. Формозовым к среднему этапу майкопской культуры, их уже мало, а в позднемайкопских памятниках встречен всего один экземпляр (Формозов А.А., 1965. С. 83. Табл. 2).

Другой тип украшений составляют каплевидные подвески и бусы. Первые найдены как в поселениях (Мешоко и др.), так и в курганах Новосвободной. Они входили, видимо, в состав ожерелий.

Наиболее многочисленны из каменных украшений бусы. Большинство их сделано из сердолика. Так, в Майкопском кургане обнаружено 1272 сердоликовые бусины (табл. 48, 9) и 60 бирюзовых (ОАК за 1987 г.), а в Старомышастовском кладе – более 400 сердоликовых и лазуритовых (табл. 48, 10–15, 20–23). Они есть и в позднемайкопских погребениях, но в значительно меньшем количестве. Например, в дольменах Новосвободной найдено 47 сердоликовых бусин, а в погребении 5 кургана 31 того же могильника – 104, в ст-це Андрюковской – десять, в ст-це Псебайской – четыре, в Бамуте – одна (Формозов А.А., 1965. С. 123; Мунчаев Р.М., 1975. С. 291; Резепкин А.Д., 1991б. С. 186). Находки этих бус концентрируются главным образом в памятниках Прикубанья. В Кабардино-Пятигорье их крайне мало, а в Бамутском могильнике и того меньше. Сердоликовые бусы округлой, бочонкообразной, биконической и цилиндрической формы, с двусторонним сверлением. Они представляются импортными – иранского и индийского происхождения (Иессен А.А., 1950. С. 177; Формозов А.А., 1965. С. 122). Но возможно, что на позднем этапе майкопской культуры бусы из привозного сердолика изготавливали на месте, в частности в Прикубанье (Попова Т.Б., 1963. С. 41). Об этом может свидетельствовать и установленный ныне факт высокого уровня развития у позднемайкопских племен техники обработки камня, включая сверление его специальными инструментами.

В майкопских погребениях обнаружены также бусы, сделанные из морской пенки, гагата, медной лазури и горного хрусталя (табл. 48, 38, 39). Считается, что большинство их, включая бирюзовые и лазуритовые, импортного происхождения (из Ирана, Анатолии и Бадахшана) и найдены они.

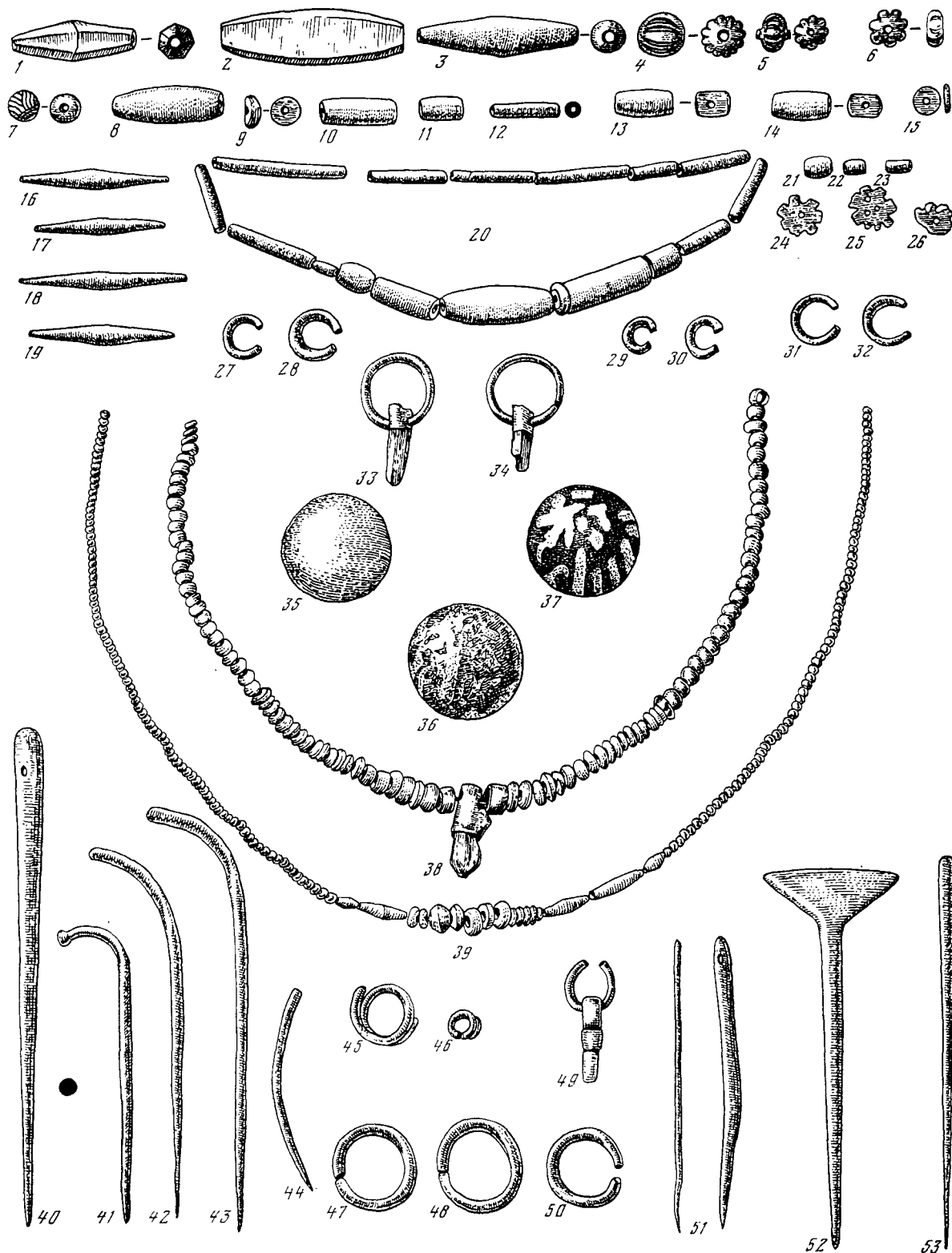

Таблица 48. Майкопская культура. Украшения

1, 4-7 - (золото), 9 (сердолик) - из Майкопского кургана; 2, 47-51 (золото) - из курганов у сел. Чегем I; 3, 16-19, 32-43, 45, 50 - украшения из дольменов в курганах у ст-цы Новосободной; 10-15, 20-26 - украшения из Старомышастовского

клада; 27, 28, 40 - золотые кольца и серебряная игла из курганов у с. Бамут; 46 - золотое колечко из кургана у ст-цы Костромской; 52 - костяная булавка из кургана у г. Усть-Джугута; 53 - золотая булавка из кургана у сел. Кишпек

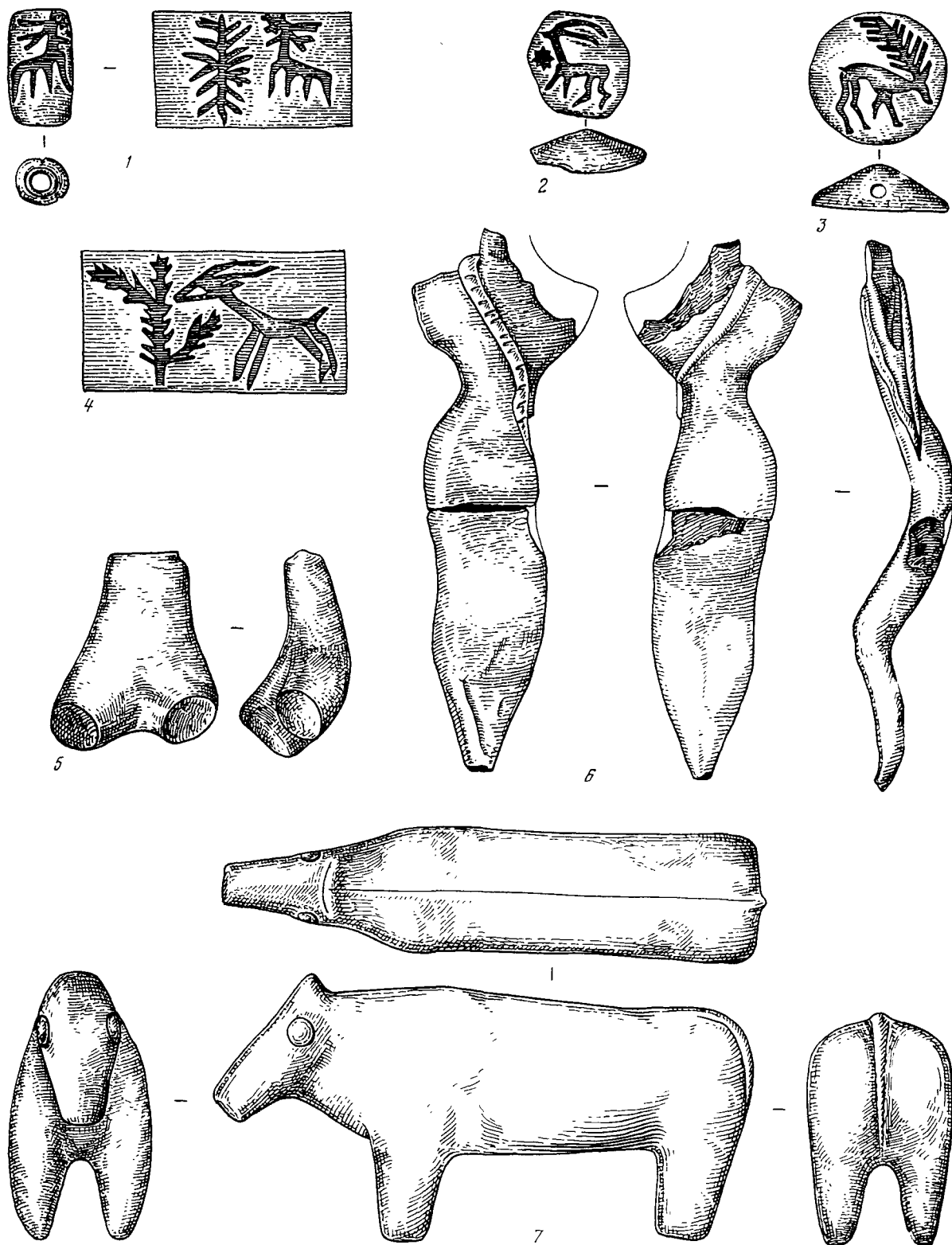

Таблица 49. Майкопская культура

1-4 – каменные печати из кургана у с. Красногвардейское, из Тепе Гавры и Египта (1-3), по А.А. Нехаеву, и Восточной Анатолии (4); 5-6 – глиняные фигурки из поселений Скала (5)

и Мешоко (6); 7 – каменная фигурка животного из кургана 31 у ст-цы Новосвободной

за исключением хрустальных бус, в раннемайкопских памятниках (Формозов А.А., 1965. С. 122, 123). Не исключено, что бусы из горного хрусталя местного производства. Среди них имеются бусы-подвески каплевидной формы, как, например, обнаруженные (10 экз.) в том же погребении 5 кургана 31 в могильнике Клады. Две из этих бусин имеют в нижней, утолщенной части следы огранки, а на одну надега золотая обоймочка (Резепкин А.Д., 1991б. С. 185, 186. Рис. 11, 7).

О золотых, серебряных и костяных бусах речь пойдет ниже. Здесь же укажем на то, что в кургане у ст-цы Костромской было обнаружено свыше 500 пастовых бусин (ОАК за 1897 г.). Такие же бусины найдены и в погребении кургана у пос. Иноземцово (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. С. 108).

Завершая характеристику каменных изделий, особо выделим находку в кургане 31 у ст-цы Новосвободной каменной фигурки животного (табл. 49, 7) – коровы или, скорее всего, быка (Резепкин А.Д., 1981. С. 115). Глаза его углублены с помощью пикетажа, в древности они были инкрустированы, а вся фигурка окрашена черной краской, от которой сохранились отдельные пятна (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 93). Эта великолепная статуэтка, относящаяся к культовым предметам, заставляет обратиться в поисках аналогий прежде всего к Месопотамии, где культ быка, который она, вероятно, олицетворяет, начал складываться рано, а в III тысячелетии до н.э., как, кстати, и в крито-микенской культуре, получил широкое распространение.

Костяные изделия

На широкое использование кости указывают находки многочисленных изделий из нее в майкопских поселениях (Формозов А.А., 1965. С. 112, 113. Рис. 55). Особенно много костяных изделий обнаружено, например, в Мешоко и Свободном. Среди них шилья и проколки, долотца, молоток с отверстием для рукояти, рыболовные крючки и иные предметы, включая ложку (Нехаев А.А., 1990. С. 10). В других памятниках встречены также костяные ножи (Хаджох), муфты (Каменноостская пещера и курган у хут. Рассвет) с гнездом для насадки каменного орудия (Формозов А.А., 1965. Рис. 55, 1) и пряслице полусферической формы из кургана 33 у г. Усть-Джегута (Мунчаев Р.М., 1975. С. 239). Обломок молотка или песта из рога крупного животного происходит из кургана 21 у сел. Чегем II (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 5, 19). Обращает на себя внимание хорошо сохранившаяся костяная игла круглого сечения с ушком из кургана 52 у сел. Чегем I (Бетровов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 13, 13).

В Нальчинской гробнице, курганах у селений Чегем I и II и в одном из Бамутских курганов обнаружены костяные черенковые наконечники стрел круглого сечения, а в одном случае (курган 27 у

сел. Чегем II) – четырехгранной формы с косыми насечками (Чеченов И.М., 1973. Рис. 28, 14; Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 6, 11, 12; Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 73, 2; Бетровов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 13, 15). Стрелы из кургана в Нальчике имели золотую обкладку в виде конуса (Чеченов И.М., 1973. С. 18).

Отмеченный костяной инвентарь характерен, как известно, для памятников неолита и энеолита широкого ареала, в том числе Кавказа и особенно Закавказья.

К числу оригинальных орудий относятся три роговых молотка и девять роговых “палочек”, обнаруженных совместно в основном погребении кургана у пос. Иноземцово (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 11). Это, вероятно, орудия, связанные с производством каких-то предметов. Из этого погребения происходит также ряд каменных орудий (оселок, плитка для растирания, терочник, а также кремневые желваки-заготовки. Поэтому предполагается, что погребенный в этой могиле был связан с производственной деятельностью (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. С. 108).

Более десятка костяных “палочек” плоско-выпуклой в сечении формы, длиной 4–5 см были найдены и в погребении 19 кургана 2 у ст-цы Старокорсунской (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. С. 93, 94. Рис. 2, 10).

Среди костяных изделий представлены и различные украшения, отличающиеся также архаичностью типов. Это прежде всего подвески из зубов оленя и подражающие по форме зубам оленя, но вырезанные из кости (Формозов А.А., 1965. С. 121; Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. Рис. 2, 11). Они обнаружены как в бытовых памятниках (Мешоко и др.), так и в погребальных (погребения в могильнике Клады, курганы у хут. Штурбина и ст-цы Старокорсунской). Имеются также подвески из зубов лисицы, из фаланг животных и челюстей мелких грызунов (Формозов А.А., 1965. С. 122. Рис. 60, 3).

В Мешоко обнаружены еще пластинки из кабаньих клыков с отверстием на углах и пронизи из трубочатых костей с орнаментом в виде спиральной нарезки (Формозов А.А., 1965. С. 122).

Несомненный интерес представляет коллекция костяных украшений из погребений раннебронзового века у станиц Новосвободной и Батуринской. Они выполнены путем пиления, сверления и шлифовки на абразиве (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 93, 94). Отметим прежде всего шесть игральные кости семечко- и стержневидной формы с продольными и поперечными нарезками, сделанными металлической пилкой и сохранившими следы красной краски (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 10, 1, 2). Не менее интересны костяные бляшки (45 экз.) прямоугольной (1 × 0,6 см) формы (толщиной 0,3 см) с поперечной, иногда окрашенной нарезкой. В одном из погребений обнаружена

51 бусина из моляров оленя с отверстием в верхней части (семь из них имеют по два отверстия, а 43 – одно). На отверстиях сохранились следы в виде концентрических линий от станкового сверла. Встречены также три окрашенные в черный цвет биконические бусины из расчлененной трубчатой кости (Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. С. 94).

В заключение укажу еще раз на отмеченную уже выше находку в кургане 13 у г. Усть-Джегута костяной булавки с округлым стержнем и треугольным навершием, длиной 7,3 см (табл. 48, 52). Аналогии ей неизвестны в синхронных памятниках Кавказа, но подобная устьджегутинской костяная булавка найдена в близком по времени комплексе из Арслантепе близ Малатьи в Восточной Анатолии (Frangipane M., Palmieri A., 1983. Fig. 63, I).

Еще одна небольшая (длиной 4,5 см) костяная булавка найдена в кургане у аула Кубина (Биджиев Х.Х., 1980. С. 40).

Таков каменный и костяной инвентарь, представленный в памятниках майкопской культуры. Обращают на себя внимание в целом его глубокая архаичность, наличие в его составе многочисленных типов орудий, восходящих к неолиту и даже мезолиту. Этот архаический пласт составляет характерную особенность культуры раннебронзового века Северного Кавказа, один из важнейших компонентов майкопской культуры (Формозов А.А., 1965. С. 123). Он прослеживается прежде всего в тех бытовых памятниках, которые представляют раннюю и среднюю группу майкопских поселений, т.е. характеризует относительно ранний период развития изучаемой культуры. По мере дальнейшего генезиса культуры многие из отмеченных типов древнейших орудий исчезают. Это было вызвано усиленным развитием земледелия и особенно скотоводства, возникновением собственного металлообрабатывающего производства и значительной активизацией связей с Закавказьем, Северным Причерноморьем, Подоньем, Поволжьем и особенно Передней Азией.

Архаический пласт в майкопской культуре, четко характеризующий бытовыми комплексами, имеет, бесспорно, местное происхождение, он генетически связан с культурой Северного Кавказа предшествующей эпохи. Уже на начальных фазах развития майкопской культуры на него начинает как бы накладываться постепенно другой, инородный слой. Этот новый компонент ярко характеризуют другие категории предметов материальной культуры, в особенности металлический инвентарь.

Но прежде чем перейти к его характеристике, отмечу одну чрезвычайно интересную находку, сделанную в двухкамерной мегалитической гробнице, раскопанной у ст-цы Новосвободной в 1981 г. Речь идет об остатке деревянного изделия в виде ящичка. От него сохранились две стенки длиной 15 и 12 см, высотой 8 см. Автор раскопок считает воз-

можным интерпретировать последние “как остатки двух стенок от ящичка-резонатора какого-то струнного инструмента типа арфы”, подобной арфам из гробниц в Уре (Южная Месопотамия) первой половины III тысячелетия до н.э. (Резепкин А.Д., 1990. С. 455). Перед нами, безусловно, уникальная находка, требующая еще своего специального изучения.

Металлические изделия

Металл майкопской культуры представляет собой значительный по количеству и разнообразию комплекс бронзовых орудий труда, посуды, оружия и других предметов, а также сосудов и различных украшений из золота и серебра. Ни в одной области нашей страны, включая Закавказье (да и во многих других регионах Старого Света), памятники раннебронзового века не дали такого обилия и многообразия металлических изделий, как на Северном Кавказе (Deshayes I., 1960; и др.).

Металл обнаружен в памятниках всех отмеченных групп майкопской культуры, но наибольшая часть его происходит из позднемайкопских погребальных комплексов. До сих пор медные или бронзовые предметы найдены лишь в нескольких поселениях: в Скале – колечко и пластинка (предполагают, что это ножик), в Мешоко (верхние горизонты) – несколько шильев, бусина, височное кольцо, долотце и маленький бесчеренковый нож (табл. 50, 5), в Ясеновой Поляне – шило, в Серегинском поселении – нож раннемайкопского типа, в Галюгаевском – мотыга и шило (Формозов А.А., 1965. С. 71, 77, 79; Днепровский К.А., Яковлев А.А., 1988. С. 93. Рис. 5, 9; Корневский С.Н., 1993. С. 17. Рис. 6, 4; и др.).

К настоящему времени более 200 предметов из цветного металла, происходящих из северокавказских комплексов эпохи ранней бронзы, подвергнуты спектральному анализу. Эта работа выполнена Е.Н. Черных, И.Р. Селимхановым, С.Н. Корневским и В.А. Галибиным в соответствующих лабораториях Москвы, Баку и Санкт-Петербурга (Галибин В.А., 1991. С. 59). Металл, из которого изготовлено подавляющее большинство изделий, подразделяется на две группы: медно-мышьяковую и медно-никелевую бронзу (Черных Е.Н., 1966). Установливается, что в Прикубанье, например, доминируют медно-мышьяковые изделия, а в Кабардино-Балкарии – медно-никелевые.

Вызывает определенный спор вопрос о происхождении никеля в майкопской бронзе. Не вдаваясь в детали, отмечу только, что Е.Н. Черных полагал, что поскольку на Кавказе нет медно-никелевых месторождений, из руд которых никель вместе с медью мог попасть в сплав, то источник данного металла надо искать на территории Передней Азии, включая Иран и Анатолию. К иному заключению пришел недавно В.А. Галибин. Ему представляется более вероятным, что никель попадал в

бронзу не с медью, а с мышьяком (основным легирующим компонентом бронзы) за счет примеси никелина к мышьяковым минералам – аурипигменту и реальгару. Исходя из того что на Северном Кавказе имеется месторождение никеля, в частности Белореченское, рудные источники раннего металла Предкавказья, по его мнению, надо искать на месте. А разделение металла на две группы по содержанию в нем никеля, как он считает, отражает не разное происхождение металла в этих группах, а лишь случайное распределение никеля в зависимости от минерального состава мышьяковистого сырья (Галибин В.А., 1991. С. 60, 61). Полагаю, что вопрос этот еще далек от своего окончательного решения, разработка его будет продолжаться.

Но вернемся к самим предметам металлопроизводства майкопской культуры. Раннемайкопские изделия из бронзы в целом немногочисленны и происходят в основном из Майкопского кургана. Там, как известно, обнаружены кинжал, два клиновидных топорика, орудие в виде кирки с втулкой (табл. 47, 18), втульчатый топор, комбинированное оружие в виде втульчатого топора-тесла (табл. 47, 17), плоский бесчеренковый нож (табл. 50, 8), два долота, шило, плоская чаша, ведро с дужкой, раздавленный кувшин и два котла (Мунчаев Р.М., 1975. С. 213–221). Вместе с ними, кстати, в этом кургане было найдено еще и немало изделий из драгоценных металлов: два золотых и 14 серебряных сосудов (табл. 51), в том числе один с золотыми ручками-ушками, другой с золотым ободком у основания шейки (табл. 51, 9) и два украшенные великолепными чеканными рисунками (табл. 51, 1, 3); 6 серебряных стержней длиной 1,03 м, из которых на концы четырех были насажены массивные фигурки быков – двух золотых и двух серебряных; 2 серебряных и 3 золотых колпачка полушарной формы; 68 золотых штампованных пластинок в виде львов и 19 в виде быков; 38 штампованных колец; 10 двойных пятилепестковых розеток; золотые ленты и полоски серебра; массивные золотые кольца и круглые в сечении серги, несколько золотых кнопок (?) и 5 золотых ободков неизвестного назначения (ОАК за 1897 г. С. 4); множество серебряных и различной формы золотых бус.

Отметим здесь же и Старомышастовский клад (табл. 52, 1–16), относимый к ранней группе майкопских памятников и включавший также серебряный сосуд (табл. 52, 14) и различные украшения (ОАК за 1987 г. С. 64–65). Среди последних – серебряные фигурки быка (табл. 52, 9) и антилопы, золотая полая головка льва, 3 золотые розетки, до 40 золотых височных колец, в некоторые из которых вставлены сердоликовые бусы (табл. 52, 16), и свыше 2500 золотых и серебряных бус различной величины и формы.

Наличие столь богатого инвентаря, в том числе такого количества разнообразных бронзовых, золотых и серебряных предметов в комплексе Майкопского кургана вполне объяснимо. Ведь это бы-

ло захоронение родо-племенного вождя или жреца. На фоне рассмотренного выше каменного и костяного инвентаря эти предметы представляются совершенно иными, никак с ним не связываются.

Почти весь металлический инвентарь богатейшего погребения Майкопского кургана признается многими исследователями импортным, переднеазиатского происхождения (Кореневский С.Н., 1988 г. С. 86–87). Однако проведенный недавно анализ его с учетом сравнительных данных из памятников Закавказья и Ближнего Востока позволил сделать заключение о том, что нет бесспорных аргументов в пользу привозного характера майкопских предметов из цветного металла и, напротив, имеются основания говорить об их местном производстве, и данную точку зрения “можно рассматривать и защищать как вполне вероятностную гипотезу” (Кореневский С.Н., 1988. С. 95). С этим, полагаем, можно согласиться.

Некоторые предметы из комплекса Майкопского кургана (например, втульчатый топор) находят прямые параллели в Месопотамии и Иране. К сожалению, ввиду случайного происхождения и ограниченности известных там находок подобного типа до сих пор неясно, в каком регионе Ближнего Востока сформировалась традиция производства этих орудий (Кореневский С.Н., 1974. С. 28). В данной связи следует подчеркнуть и то обстоятельство, что пока мы не знаем в Передней Азии прямых аналогий образцам металлической посуды, втульчатой кирке и некоторым другим предметам Майкопского кургана. В то же время ряд металлических изделий из этого кургана находит близкие соответствия в комплексах раннебронзового века Северного Кавказа (Кореневский С.Н., 1988 г. С. 88–90). Это касается и проушного топора (табл. 47, 5–7, 9, 10), и плоских тесловидных орудий и долот (табл. 54, 1–8), и бесчеренковых ножей. Из бронзовых орудий труда выделяются крупный нож (меч?) длиной 47 см (табл. 50, 8), втульчатая мотыга и комбинированное орудие в виде топора-кирки (табл. 47, 17, 18). Но ни в Передней Азии, ни в Эгее и Подунавье прямых аналогий им не обнаруживается (Кореневский С.Н., 1988 г. С. 89). Однако, например, близкие по форме бронзовые мотыги обнаружены в майкопских памятниках – в погребении 150 Псекупского могильника (Ловпаче Н.Г., 1985. Табл. II, 1; Табл. 47, 11) и в Галюгаевском поселении (Кореневский С.Н., 1993. Рис. 6, 4). Кстати, оба эти комплекса относятся к ранней группе майкопских памятников.

Что же касается металлической посуды из Майкопского кургана, то и она в целом представляется достаточно оригинальной. Отдельные образцы ее повторяют формы соответствующих глиняных сосудов, в том числе из самого Майкопского кургана. Посуда из листовой бронзы, представленная в основном крупными сосудами в виде котлов, получает сравнительно широкое распространение на

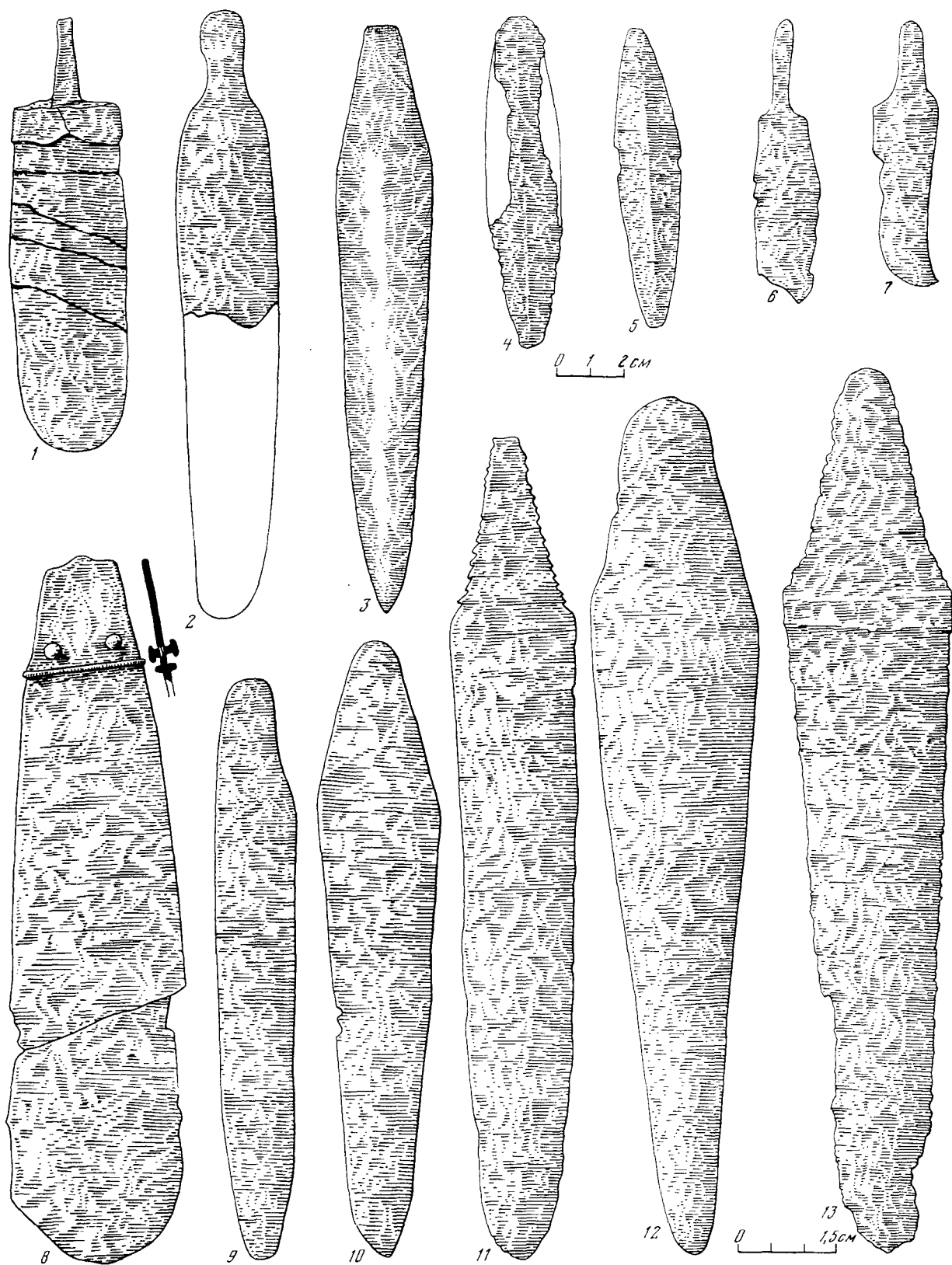

Таблица 50. Майкопская культура. Серебряный (1) и бронзовые (2-13) ножи и кинжалы

1 - Нальчикская гробница; 2 - курган 1 у ст-цы Новосвободной; 3 - Серегинское поселение; 4 - курган у ст-цы Воровсколеской; 5 - Хаджох; 6, 7 - курган у ст-цы Махосhevской;

8 - Майкопский курган; 9, 10 - Садки, 11 - курган у хут. Рассвет; 12 - курган на "участке Зиссермана"; 13 - курган у г. Усть-Джегута

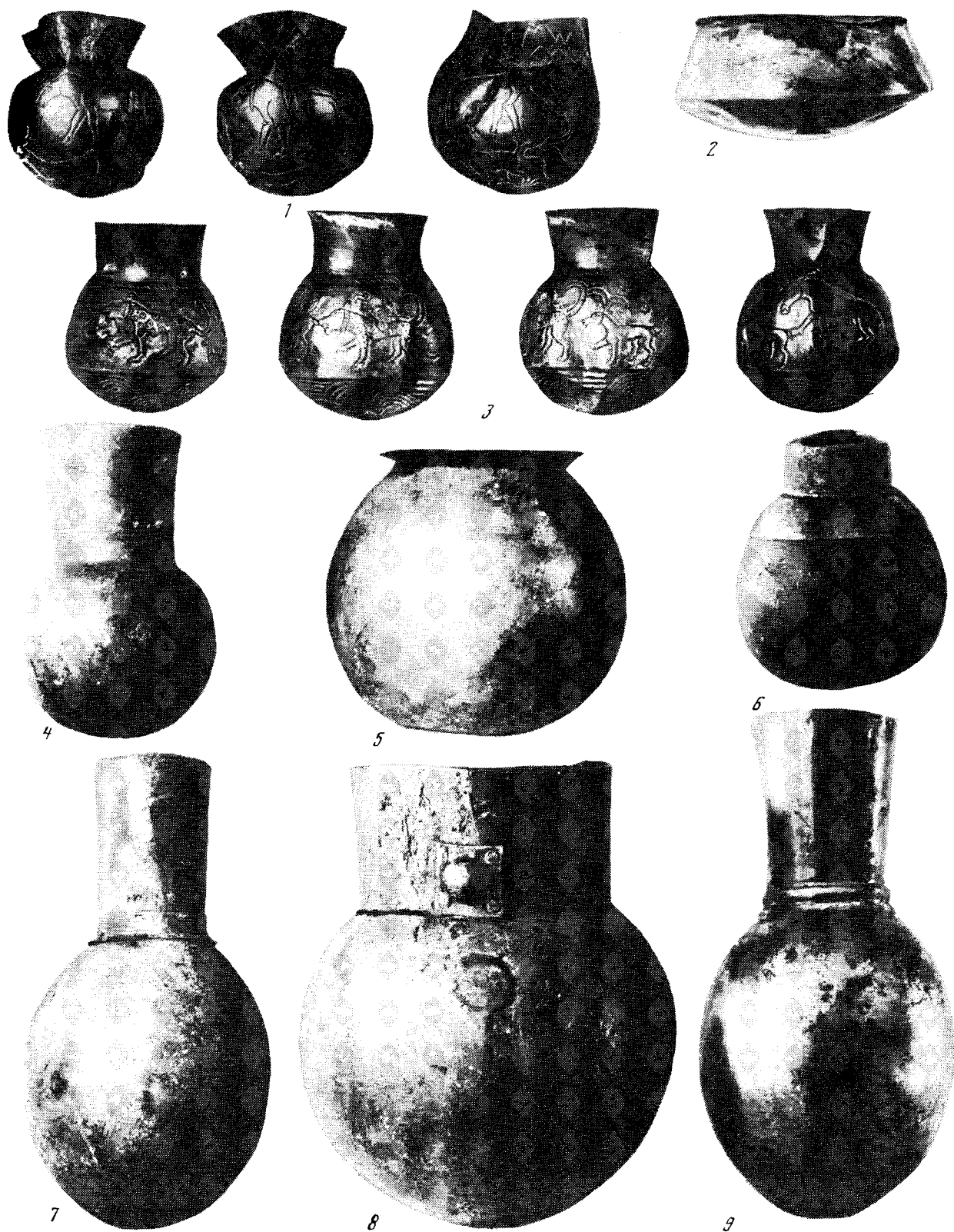

Таблица 51. Майкопский курган. Серебряные (1-5, 7-9) и каменный (6) сосуды

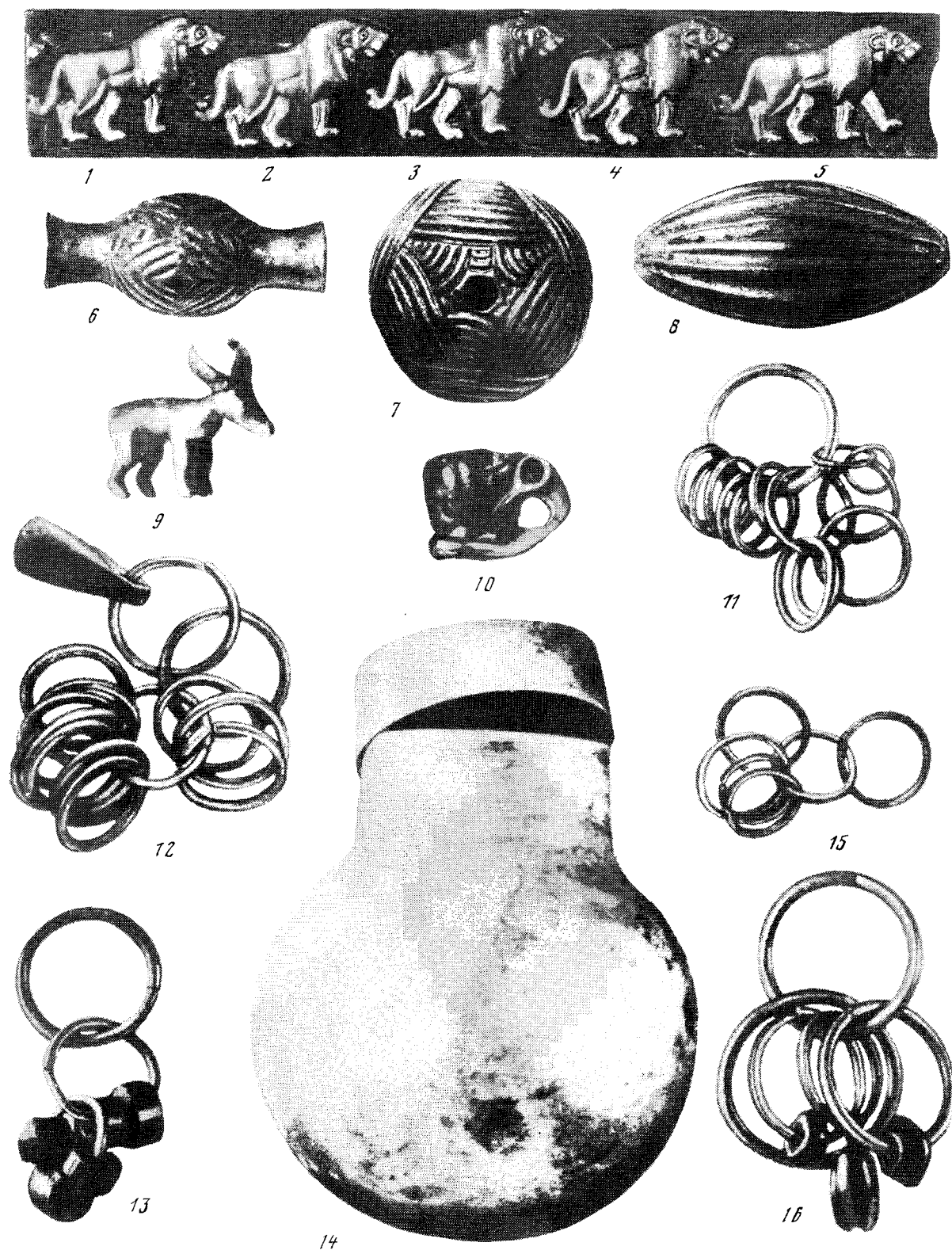

Таблица 52. Старомышастовский клад (1-16)

позднем этапе развития майкопской культуры. Она обнаружена не только в Прикубанье, но в Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетии, а также в Калмыкии.

Вернемся, однако, к металлу из раннемайкопских памятников. В других погребальных комплексах он крайне редок. Только в одном погребении (курган 2 у сел. Старый Урух в Кабардино-Балкарии) найден еще обломок серебряного сосуда (Крупнов Е.И., 1950. С. 227–229), а в нескольких других курганах "на участке Зиссермана", в Садках в Нальчике, у ст-цы Воровсколесской) – бронзовый бесчеренковый нож-кинжал (табл. 50, 4, 9, 10, 12), подобный обнаруженному в Майкопском кургане (Иессен А.А., 1941. Рис. 2, 4, 5; Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 41, 2, 3, 5; Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. С. 211). Близкие по форме к отмеченным ножи-кинжалы, но уже с намевающимся черенком встречены также в кургане 13 у г. Усть-Джегута (табл. 50, 13)* и в одном из курганов у хут. Рассвет (табл. 50, 11). Последние можно рассматривать типологически, как занимающие промежуточное положение между ранне- и позднемайкопскими ножами-кинжалами. К ним условно относятся еще один бронзовый бесчеренковый плоский нож (табл. 50, 5) из навеса Ходжох III (Формозов А.А., 1961. Рис. 23, 3).

Таков раннемайкопский металл. Если исключить богатейшие комплексы самого Майкопского кургана и Старомышастовского клада, то металлические изделия в остальных памятниках представлены единичными образцами и по существу одной и довольно архаической формой – бронзовыми бесчеренковыми ножами-кинжалами. Последние найдены и в Прикубанье, и в Центральном Предкавказье.

Рассмотрим металлический инвентарь позднемайкопских памятников. Обращает на себя внимание не только значительное количество в его составе бронзовых изделий, но и большое их разнообразие. Все основные формы орудий труда, предметов вооружения, посуды и других изделий из бронзы, а также золотых украшений представлены в памятниках всего ареала майкопской культуры – от Северо-Западного Кавказа до Дагестана.

Наиболее распространенными изделиями являются н о ж и-к и н ж а л ы. Их обнаружено в общем около 100 экземпляров, главным образом в Прикубанье и Кабардино-Балкарии. Они плоские, двулезвийные; среди них есть небольшие, длиной 4–7 см, и крупные, длиной свыше 20 см; все имеют четко выделенный черенок, обычно округленный конец и одно, чаще два, а иногда и три продольных ребра или желобка (табл. 53).

В зависимости от формы и размеров они под-

разделяются на несколько групп: ножи-кинжалы с узким лезвием и одним ребром (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 6, 2, 8, 13); такие же, но без продольного ребра и с четко выделенными плечиками (Попова Т.Б., 1963. Табл. X); без ребра и со слабо выделенными плечиками (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 6, 12). Особую группу составляют ножи-кинжалы (длиной от 18 до 30 см) с широким лезвием, округленным краем, четко выделенной ручкой для крепления и одним или несколькими желобками (табл. 53, 3, 5–7, 14–16). Они обнаружены в значительном количестве в курганах у селений Чегем I и II, и особенно у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии (Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 11) и потому называются иногда условно кинжалами кишпекского типа. Чтобы не сложилось впечатление, что они встречены только в Центральном Предкавказье, укажу, что подобные кинжалы известны также и в Прикубанье. В частности, два таких ножа-кинжала найдены в кургане 31 (погребение 5) могильника Клады (табл. 53, 3, 16). Один из них сохранился полностью. Он длиной 17,8 см. В основании его ручки с обеих сторон сохранилось по бронзовому стерженьку, закрепленному в остатках деревянной обкладки ручки (Резепкин А.Д., 1991б. С. 176, 177. Рис. 6, 1). В отдельную группу объединяются ножи-кинжалы длиной до 20 см и более, с суживающимся к основанию клинком и покатыми плечиками (табл. 53, 2, 4, 8–13).

В рассматриваемой серии предметов вооружения выделяется бронзовый кинжал с цельнометаллической рукоятью (табл. 53, 1) из кургана 2 у ст-цы Новосвободной (Попова Т.Б., 1963. Табл. XVII), а также обнаруженные в погребении 5 кургана 31 у той же станицы два кинжала (длиной 11,4 и 12 см) с полукруглым ребром по центру клинка и небольшим квадратным отверстием у конца рукояти (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 6, 9, 10). Они похожи на наконечники копья.

Выделим и массивный бронзовый черенковый кинжал с четко выраженным ребром посередине (табл. 53, 17), обнаруженный в Нальчикской подкурганной гробнице (Чеченов И.М., 1973. Рис. 30, 4). Вместе с ним, кстати, найден в обломках небольшой серебряный плоский двулезвийный нож-кинжал с округлым концом клинка (табл. 50, 1). Оба кинжала черенковые, перекрестия их окольцованы золотыми пластинками (Чеченов И.М., 1973. С. 19).

Отметим здесь же и находку в кургане у ст-цы Махашевской (табл. 50, 7) однолезвийного ножа-бритвы с черенком (Иессен А.А., 1935. Рис. 4, 3).

Описанные ножи-кинжалы распространены почти исключительно в ареале майкопской культуры. Соответствующие типы бронзовых изделий из синхронных памятников, в частности Закавказья и Анатолии, отличаются от майкопских (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 82; Stronach D.B., 1957. Fig. 1, 2). Их местное производство не вызывает сомнений.

* В Усть-Джегуге случайно найден и бронзовый втульчатый топор, аналогичный обнаруженному в Майкопском кургане (Черных Е.Н., 1966. Рис. 28, 81). Если учесть, что там открыта целая группа раннемайкопских курганных погребений, то не исключено, что он происходит из такого захоронения.

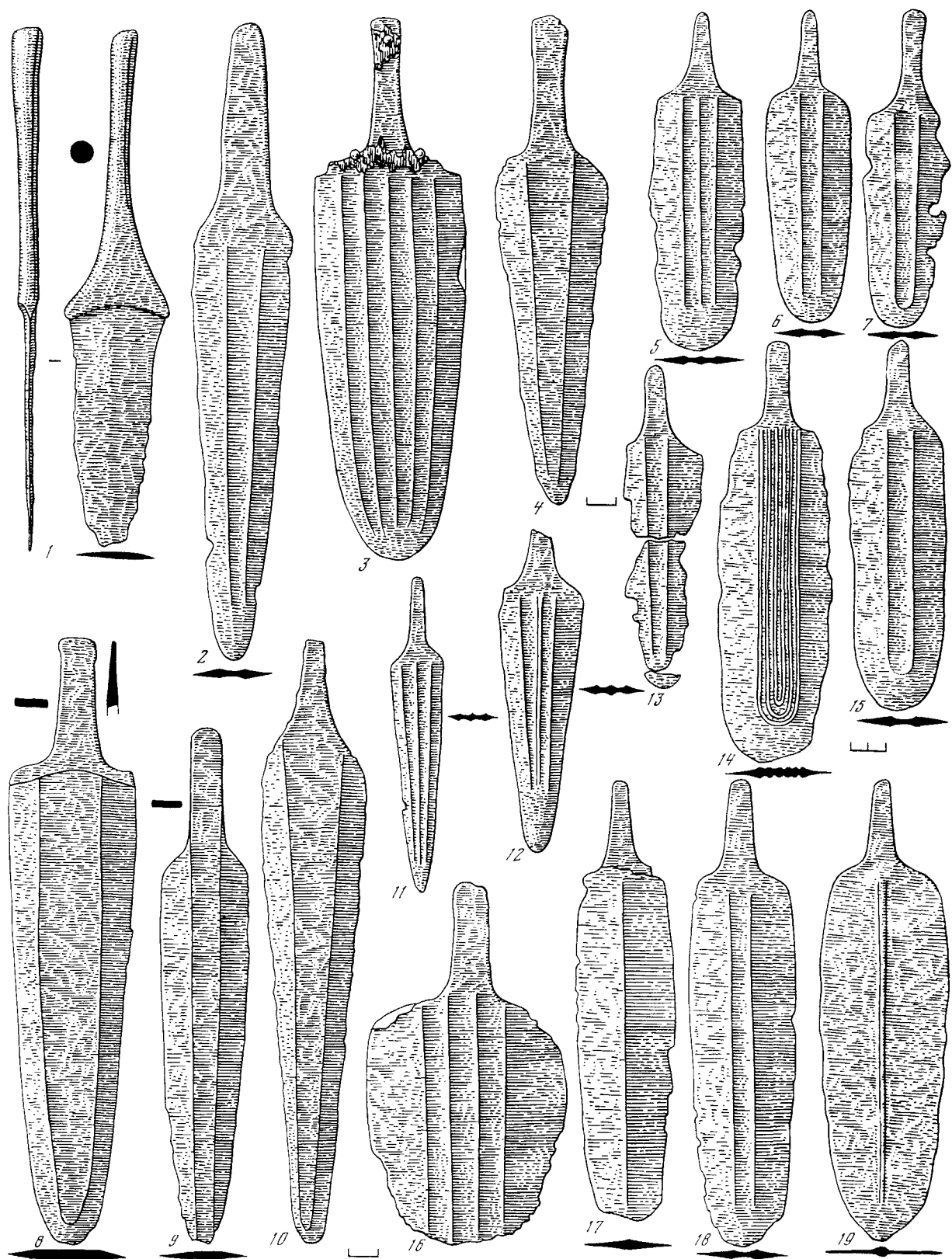

Таблица 53. Майкопская культура. Бронзовые ножи и кинжалы

1 – курган 2 у ст-цы Новосободной; 2, 7, 10, 11 – Черем I; 3, 16 – курган 31 у ст-цы Новосободной; 4, 8 – Бамутские курганы; 5, 14, 15 – сел. Кишпек; 1 курганная группа; 6 – Кызбурун III;

9 – курган у с. Красногвардейское; 12 – Баксан (случайная находка); 17 – Нальчикская гробница; 18, 19 – сел. Кишпек, 3 курганная группа

В связи с рассмотрением данной группы предметов следует указать на такую уникальную находку — как бронзовый меч, обнаруженный в том же погребении 5 кургана 31 у ст-цы Новосободной. Длина его 63,5 см, в том числе длина рукояти 10,4 см, максимальная ширина ромбовидного в сечении клинка 5,5 см. В верхней части рукояти имеется небольшое квадратное отверстие. Плечики клинка узкие, по центру его проходит ребро высотой до 0,8 см, а конец клинка плавно закруглен (Резепкин А.Д., 1991б. С. 178. Рис. 5, 3). Перед нами древнейший вид подобного оружия, аналогии которому неизвестны в памятниках раннебронзового века Кавказа и сопредельных территорий.

Топоры. Значительную часть бронзовых изделий составляют втульчатые топоры и топоры-тесла. Первых найдено примерно 40 экземпляров, в основном в Прикубанье и Кабардино-Балкарии (Кореневский С.Н., 1974. Рис. 4). Из бамутских курганов в Чечено-Ингушетии происходит всего один топор, да и тот вотивный (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 72, 1), с закрытой с одной стороны втулкой (табл. 47, 13).

Все втульчатые топоры имеют прямоугольное сечение клина и уплощенную или слегка округленную верхнюю и нижнюю часть. По классификации С.Н. Кореневого, данные бронзовые изделия майкопской культуры подразделяются на три группы: в первую из которых входит отмеченный выше топор из Майкопского кургана. Среди втульчатых топоров из позднемайкопских памятников одну и преобладающую группу составляют легкие, весом около 0,5 кг, топоры с коротким, неравномерно расширяющимся туловищем (табл. 47, 5–7, 12, 16), характеризующуюся двумя вариациями. Первая связывается с размерами топоров, а вторая — с очертаниями нижней линии туловища топора, которая или изгибается дугой, или представляет собой ломаную линию (Кореневский С.Н., 1974. С. 18, 19). Среди топоров этой группы имеются орнаментированные — два украшены “жемчужинами” в точечным узором (табл. 47, 5, 6), один — просто точечным орнаментом. Эти все топоры происходят из курганов у ст-цы Новосободной (Попова Т.Б., 1963. Табл. V; Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 5, 2).

Топоры другой группы (3 по классификации С.Н. Кореневого) отличаются большим весом (до 1 кг и более), они имеют длинное, неравномерно расширяющееся туловище (табл. 47, 15). Общее число их, включая условно отнесенные в эту группу топоры и случайные находки, — менее 15 экземпляров (Кореневский С.Н., 1974. С. 22, 23).

В коллекции втульчатых топоров выделяются своей необычной формой два топора-молота. Один из них происходит из кургана у ст-цы Воздвиженской (Попова Т.Б., 1963. Табл. XXI, 1), другой (табл. 47, 8) — из кургана 31 у ст-цы Новосободной. Длина последнего 14,4 см, диаметр проушного отверстия 1,7 см. Обуховая часть топора инкрустирована четырьмя рядами идущих по диагонали

округлых ямок, заполненных серебром и золотом. В проушной части сохранились остатки рукояти с тремя бронзовыми гвоздиками (Резепкин А.Д., 1991б. С. 174, 175. Рис. 5, 1). Выше отмечалось, что каменный топор подобной формы найден в этом же кургане могильника Клады.

Позднемайкопские втульчатые топоры в отличие от обнаруженного в Майкопском кургане не имеют параллелей на Ближнем Востоке (Кореневский С.Н., 1974. С. 28). Они являются изделиями местного производства (Иессен А.А., 1935. С. 87; Махмудов Ф.Р. и др., 1968. С. 23). Все они отливались в двустороннюю литейную форму с открытым для заливки металла брюшком (Кореневский С.Н., 1974. С. 29) и использовались, по всей вероятности, в деревообработке и боевых действиях.

Что же касается бронзовых топоров-тесел, то их найдено, включая случайные находки, не менее 50 экземпляров. Все они плоские и в общем однотипные, различаются в основном по размерам (табл. 54, 9–16). Рабочая часть более широкая и откована с одной стороны. Эти тесловидные орудия использовались, видимо, прежде всего в деревообработке. Они связаны типологически с каменными плоскими клиновидными орудиями и почти ничем не отличаются от бронзовых тесел из синхронных памятников смежных областей, в частности Закавказья.

К числу распространенных бронзовых изделий относятся и ш и л о в а. Данный тип орудия присутствует почти в каждом позднемайкопском комплексе, содержащем металл. В некоторых погребениях, как в курганах у ст-цы Новосободной, найдено по два и более (Попова Т.Б., 1963. С. 34; Табл. VIII; Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 7, 6, 8, 9, 14, 15). В Нальчикской гробнице наряду с бронзовым встречено и серебряное шило, черенок которого был обложен золотыми пластинками. Последние, как полагают, были прикреплены к деревянной рукоятке шила с помощью серебряных гвоздиков и пластинок (Чеченов И.М., 1973. С. 19).

Все шилья четырехгранные. У большинства оба конца заострены. Некоторые же в средней части, на месте перехода стержня шила в черенок имеют доступ; на черенке сохранились остатки дерева (Попова Т.Б., 1963. С. 34). Обнаружено (Клады, курган 31, погребение 5) и шило с цельнолитой бронзовой рукоятью (Резепкин А.Д., 1991б. С. 179, 180. Рис. 7, 14), а также пластинчатые обкладки шильев (Чеченов И.М., 1973. Табл. 28, 9–11).

Эти орудия в общем аналогичны найденным в памятниках куро-аракской и ямной культур и более поздних комплексах.

Следующий тип орудий — д о л о т а. Они встречаются не менее, чем в десяти погребальных комплексах Центрального Предкавказья и особенно Прикубанья. Это единственная форма майкопского металла, не обнаруженная до сих пор, насколько известно, в памятниках Чечено-Ингушетии. Большая часть этих орудий имеет желобчатое лезвие, ок-

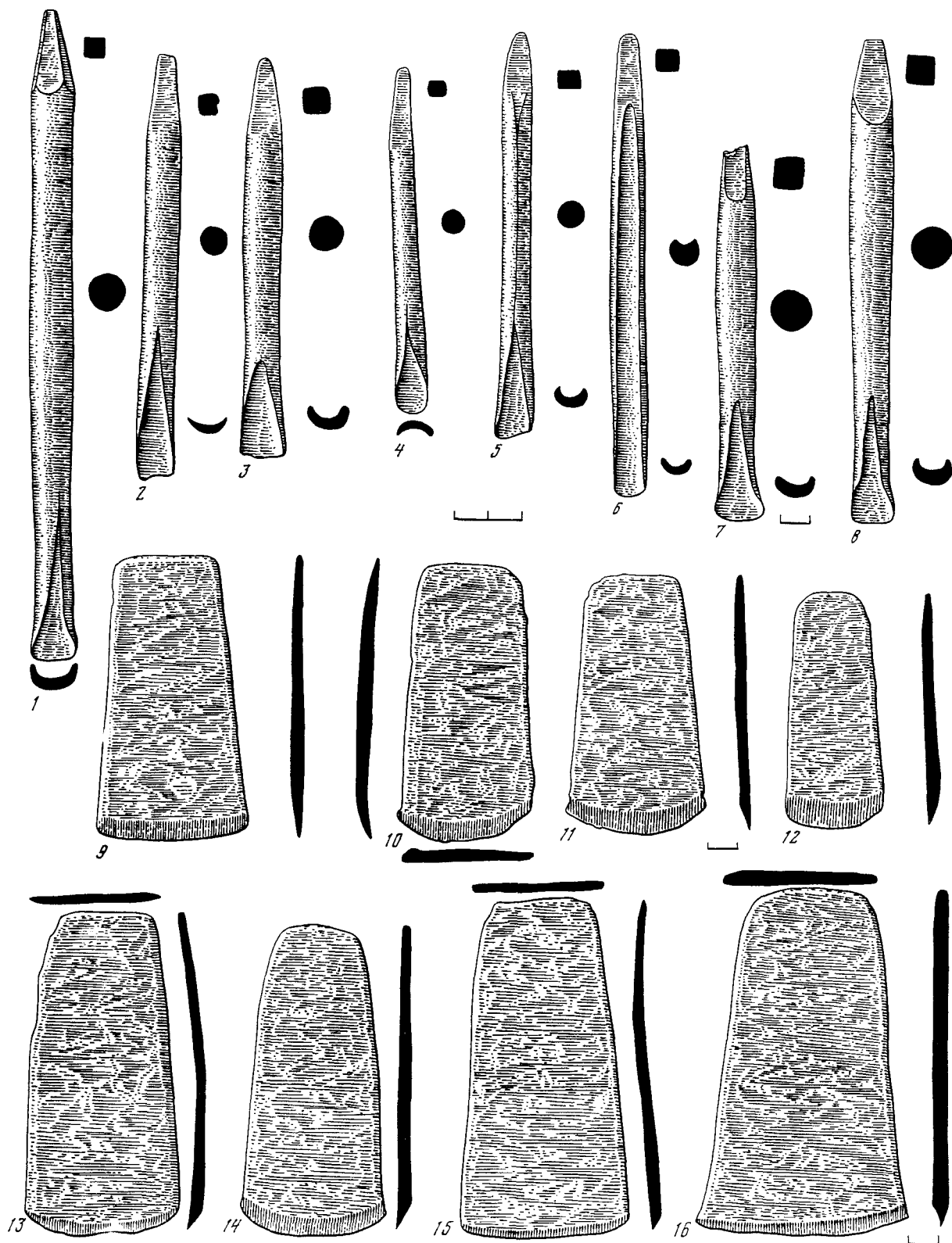

Таблица 54. Майкопская культура. Бронзовые долота и тесловидные топоры

1 – Нальчикская гробница; 2, 3, 5, 7, 13 – дольмены у ст-цы Новосвободной; 4 – курган у хут. Штурбина; 6 – курган у ст-цы Воздвиженская; 7, 8, 11 – курган 31 у ст-цы Новосвободной;

9 – курган у с. Красногвардейское; 10, 15 – случайные находки (Краснодарский музей); 12, 14 – курган у ст-цы Махосhevской; 16 – курган у с. Бамут

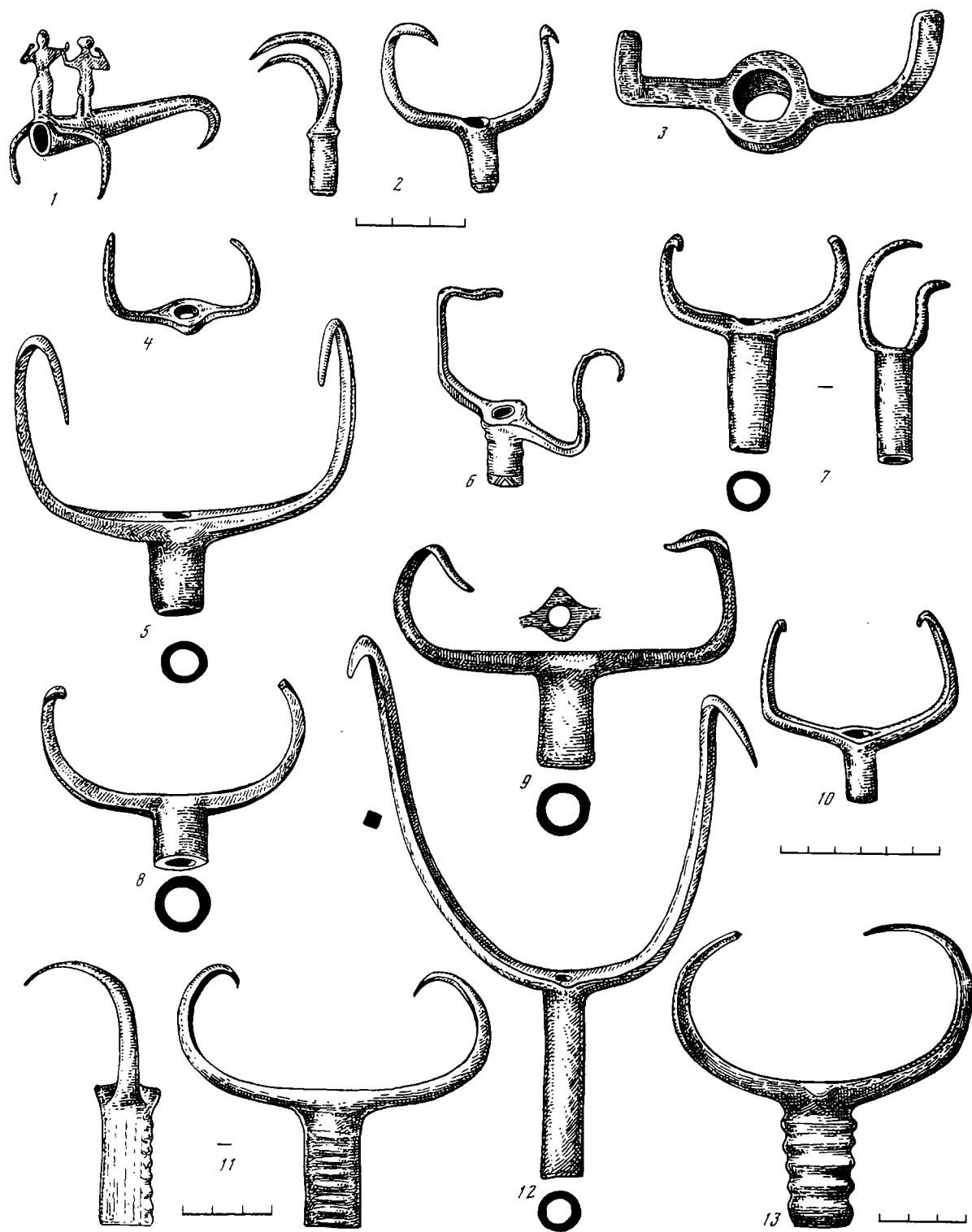

Таблица 55. Майкопская культура. Бронзовые крюки

1, 6, 9 – курган 1 у ст-цы Новосвободной; 2 – курган 21 у сел. Чегем II; 3 – курган у пос. Иноземцево; 4 – курган у ст-цы Псебайской; 5, 7, 12 – случайные находки (Краснодарский

музей); 8 – курган у с. Бамут; 10 – курган у ст-цы Махощевской; 11, 13 – курган 31 у ст-цы Новосвободной

руглый стержень и четырехгранный насад (табл. 54, 1–8). Длина их в среднем от 8 до 12 см. Есть и довольно крупные долота длиной 26 см. Наряду с желобчатыми долотами использовали, судя по находкам в Новосвободненских курганах, и плоские узкие долотца с шириной рабочей части 3–5 см (Попова Т.Б., 1963. Табл. VIII, 5–8), такие, как из Майкопского кургана. Если первые являлись специализированными инструментами деревообработки, то плоские долотца могли использовать, видимо, и для нанесения орнамента на металлические предметы (Попова Т.Б., 1963. С. 34).

Бронзовые долотовидные орудия представлены как в переднеазиатских, так и в закавказских памятниках раннебронзового века. Но на Северном Кавказе их много больше по сравнению, например, с Закавказьем. Если их исходные формы и лежат, возможно, за пределами Кавказа, то местное производство рассмотренных орудий из позднемайкопских памятников представляется несомненным.

Наконец, еще один тип бронзовых орудий составляют оригинальные предметы с двумя крюками и круглой втулкой для деревянной рукояти (табл. 55). Все эти втульчатые двузубые вилки-крюки цельнолитые. Сами “вилы” четырехгранные в сечении, утончающиеся постепенно к концу, небольших размеров. Считается, что средняя по размерам вилка имеет общую длину 12 см, а расстояние между зубьями 12 см (Ильюков Л.С., 1979, С. 140). Среди них есть орудия как с укороченной втулкой, так и с достигающей длины 7,3 см. Втулки двух найденных вилок в кургане 31 у ст-цы Новосвободной покрыты в одном случае поперечным рифлением (табл. 55, 13), в другом – поперечным и продольным (табл. 55, 11; Резепкин А.Д., 1991б. С. 180–181. Рис. 8, 1, 2). А на втулке крюка из кургана 1 у той же станицы имеется украшение в виде полосы нарезного орнамента (табл. 55, 6), нанесенного на втулку после ее отливки (Попова Т.Б., 1963. С. 26).

Из серии этих бронзовых позднемайкопских орудий выпадают по своей форме двузубый крюк из стержня с загнутыми концами, происходящий из кургана 21 у сел. Чегем II, и похожий на него предмет из кургана 7 у ст-цы Андриюковской (Ильюков Л.С., 1979. Рис. 4).

Двузубые втульчатые вилки представлены в погребальных памятниках всех областей распространения майкопской культуры, но главным образом в Прикубанье. Зафиксировано по крайней мере десять курганов, в которых они найдены, в том числе (по 1 экз.) в Чегеме II, у пос. Иноземцево (Кабардино-Пятигорье) и в Бамуте (Чечено-Ингушетия), а также у лимана Цаган-нур в Калмыкии. Всего же их обнаружено около 15, включая несколько случайных находок, хранящихся в Краснодарском музее (Попова Т.Б., 1963. Табл. XVIII, 3, 4; Ильюков Л.С., 1979. С. 138–139. Рис. 1). Подчеркнем, что только из курганов у ст-цы Новосвободной происходят четыре такие вилки. Кроме того, в курганах

1 и 2 там же найдены еще два бронзовых однозубых крюка. Крайне оригинален один из них (табл. 55, 1), на втулке которого помещены две антропоморфные фигурки высотой 3–4 см каждая (Попова Т.Б., 1963. С. 26. Табл. III, 3). Под ними от края втулки отходят направо и налево два рога, а сам крюк образует другой конец орудия. Поэтому его рассматривают как синкретический предмет, сочетающий в себе двурукую вилку и крюк (Ильюков Л.С., 1979. С. 142).

Что же касается однозубого крюка в виде четырехгранного прута с коротким насадом, то подобный предмет, но с гофрированной втулкой обнаружен еще в кургане около ст. Тимашевской (Ильюков Л.С., 1979. Рис. 5, 2).

Описанные вилообразные предметы наряду с некоторыми другими категориями металлического инвентаря составляют специфическую форму бронзовых изделий майкопской культуры, хотя они и сопоставляются с отдельными близкими по форме и, видимо, назначению орудиями из памятников III тысячелетия до н.э. Передней Азии, в частности Ирана (Попова Т.Б., 1963. С. 26–27; Ильюков Л.С., 1979. С. 144), но прямых аналогий им нигде нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к изданной сводке подобных металлических предметов из памятников широкого ареала III тысячелетия до н.э. и более позднего времени. В нее включены и изделия из комплексов майкопской культуры (Makkaу I., 1983). При определенной близости последних к некоторым переднеазиатским образцам они представляют достаточно самостоятельный и оригинальный комплекс. Это позволяет считать их местной формой бронзовых изделий и продукцией северокавказской металлообработки раннебронзового века.

Эти роговидные предметы, олицетворяющие, как полагают, культ быка, использовались для доставания мяса из котла во время ритуальных пиршеств (Ильюков Л.С., 1979. С. 145). Любопытно, что в ряде случаев (не менее, как в пяти сравнительно богатых погребениях) втульчатые вилки обнаружены вместе с бронзовыми котлами*.

Б р о н з о в а я л о с у д а. Она представлена в основном котлами, являющимися также одной из характерных категорий металлических изделий майкопской культуры (табл. 56, 3, 4, 7–12). Они обнаружены в погребениях могильника у ст-цы Новосвободной (в том числе один котел и пять других металлических сосудов в кургане 31), в курганах между станицами Тульской и Севастопольской, у станиц Ярославской (два) и Махошевской, в Нальчике, у селений Чегем и Кишпек, близ аула Кубина, у пос. Иноземцево (три), близ г. Кисловодска и

* С.Н. Корневскому представляется, что бронзовые вилы (а также рассматриваемые ниже псалии) попадают лишь в могилы высших воинских рангов (Корневский С.Н., 1988в. С. 11). Неясно, что имеется в виду под понятием “высший воинский ранг” – это отдельная социальная группа или что-то иное?

в Бамуте (два), а также в могильнике у лимана Цаган-нур в Калмыкии. Все котлы кованые, изготовлены из листовой бронзы толщиной около 1 мм, имеют шаровидно-яйцевидное тулово, невысокий венчик и округлое или плоское, слегка вогнутое внутрь днище. Высота их колеблется от 21 до 57 см.

Котлы в общем повторяют соответствующую форму глиняной посуды. Более того, отдельные из них, происходящие, например, из курганов у ст-цы Новосвободной, Бамута и Цаган-нура, украшены, как и некоторые керамические сосуды, жемчужным орнаментом. При этом наблюдается полное совпадение в ряде случаев орнаментальных приемов и даже расположения самих узоров (Попова Т.Б., 1963. С. 25). В свете указанных фактов местное производство бронзовых котлов представляется очевидным. Подобные котлы неизвестны нигде за пределами Северного Кавказа – ни в Закавказье, ни в Передней и Малой Азии. Судя по находкам котла и других сосудов в Майкопском кургане, металлическая посуда появилась здесь на раннем этапе развития майкопской культуры, но распространилась по всему Северному Кавказу позже. Эта посуда употреблялась в быту так же, как, видимо, и при ритуальных церемониях, иногда она сильно закопчена. На отдельных котлах имеется несколько заклепок, свидетельствующих об их неоднократном ремонте.

Наряду с котлами найдены бронзовые черпак (табл. 56, 1) с длинной ручкой и чаши (курганы 1 и 31 у Новосвободной), ладьевидное блюдо (табл. 56, 5), украшенное пунсонным орнаментом (курган 1 у сел. Кишпек), и большое блюдо с ушками-ручками (курган 31 у Новосвободной) (табл. 56, 2).

Производство и использование металлической посуды – одна из особенностей культуры населения Северного Кавказа раннебронзового века вообще и доказательство высокого уровня развития металлообработки у позднемайкопских племен в частности. Действительно, ни в одной области Старого Света в эту эпоху бронзовые сосуды (в частности, котлы) не были столь распространены, как на Северном Кавказе.

Особого внимания заслуживает еще одна группа бронзовых изделий из ряда позднемайкопских погребений. Это скрученные из бронзового прута, круглого сечения предметы с округленными концами (табл. 57). Найдено уже около 15 таких предметов в различных курганах, в том числе в 3 км к северу от г. Майкопа (ОАК за 1906 г. С. 104), в Новосвободненском могильнике, близ Ульского аула (ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 154), у сел. Чегем II (Мизиев И.М. и др., 1973. С. 13, 14), у аула Кубина (Биджиев Х.Х., 1980. С. 41), в Бамуте (Мунчаев Р.М., 1968. С. 135, 136) и в других пунктах Северного Кавказа. Таким образом, псалии обнаружены и в Прикубанье, и в Центральном Предкавказье, и в Чечено-Ингушетии. Характерно, что во многих случаях они найдены попарно. Специ-

альный просмотр через бинокляр псалий из Бамута, проведенный в лаборатории Института археологии РАН, показал, что на них имеются остатки кожи. Остатки кожи прослежены также в бронзовом котле, в котором находились псалии, происходящие из кургана у аула Кубина (Биджиев Х.Х., 1980. С. 41).

Нигде за пределами Северного Кавказа в памятниках III тысячелетия до н.э. металлических псалий до сих пор не зафиксировано. Хотя мне и ряду специалистов представляется, что отмеченные бронзовые петлеобразные предметы являются именно псалиями, но есть среди коллег и сомневающиеся в этом, которые пишут о них – “так называемые псалии” или просто берут слово псалии в кавычки. В данной связи нельзя пройти мимо наблюдения, сделанного В.А. Трифоновым. Исследуя некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры, он справедливо обратил внимание на распространенную в месопотамском искусстве группу изображений символов в виде колец (полуколец) со стержнем. Эта символика возникает в урукское время и, несколько видоизменяясь, существует еще долго. Он выделяет, в частности, терракотовый рельеф с изображением женского божества с парой “символов справедливости” в руках, весьма похожих на псалии майкопской культуры. В.А. Трифонов, соглашаясь с мнением о том, что изображенное божество связано с загробным миром, приходит к заключению, что если между майкопскими предметами и изображенными атрибутами существует содержательная связь, то использование первых в погребальном обряде получает определенное смысловое обоснование (Трифонов В.А., 1987а. С. 22, 23).

Возможно, представленные в группе позднемайкопских погребений бронзовые петлеобразные предметы типологически перекликаются и даже связаны с месопотамскими “символами справедливости”. Но фактом остается то, что до сих пор в погребальных и других памятниках Месопотамии не обнаружены скрученные из бронзового прута предметы, аналогичные найденным в курганных захоронениях раннебронзового века Северного Кавказа. Следует отметить, однако, что весьма напоминающие их бронзовые предметы круглого сечения в виде больших колец с заходящими друг за друга концами найдены в отдельных гробницах Аладжи (Анатолия), причем также попарно. Как бы не решился в дальнейшем вопрос о происхождении рассмотренной группы изделий, представляется несомненным, что обнаруженные в позднемайкопских погребениях бронзовые петлевидные предметы, определяемые нами как псалии, являются продукцией местной металлообработки. Если наша интерпретация этих бронзовых предметов верна, то они представляют собой древнейшие металлические псалии (Мунчаев Р.М., 1973. С. 73; 1975. С. 390).

Прежде чем перейти к характеристике метал-

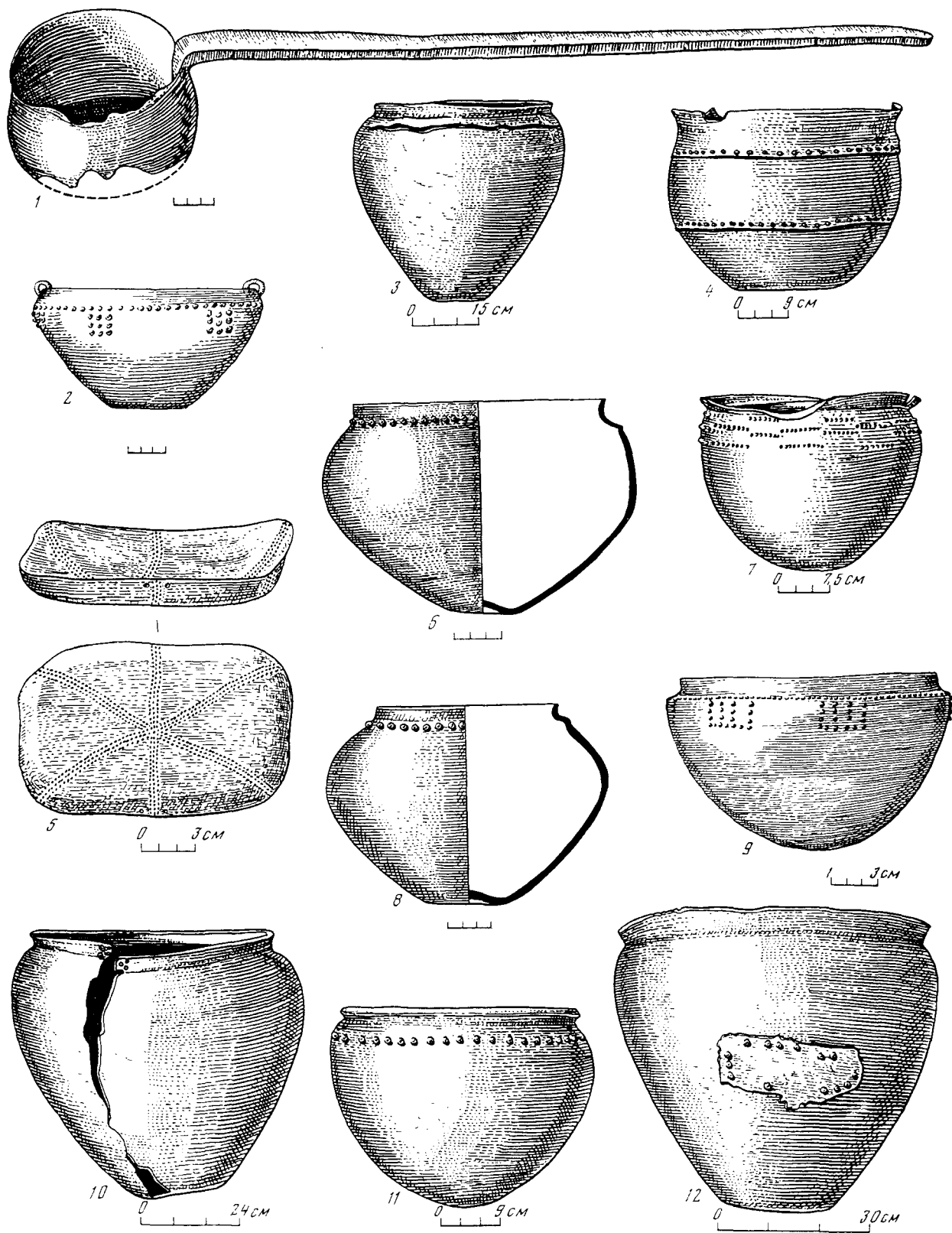

Таблица 56. Майкопская культура. Бронзовая посуда

1, 6, 8 – курган 1 у ст-цы Новосвободной; 2 – курган 31 у ст-цы Новосвободной; 3 – Кишпекская гробница; 4 – курган у пос. Иноземцево; 5 – курган 1 у сел. Кишпек, 1-я курганная группа;

7 – курган у аула Кубина; 9, 11 – курганы у с. Бамут; 10 – Нальчикская гробница; 12 – курган в Кисловодске

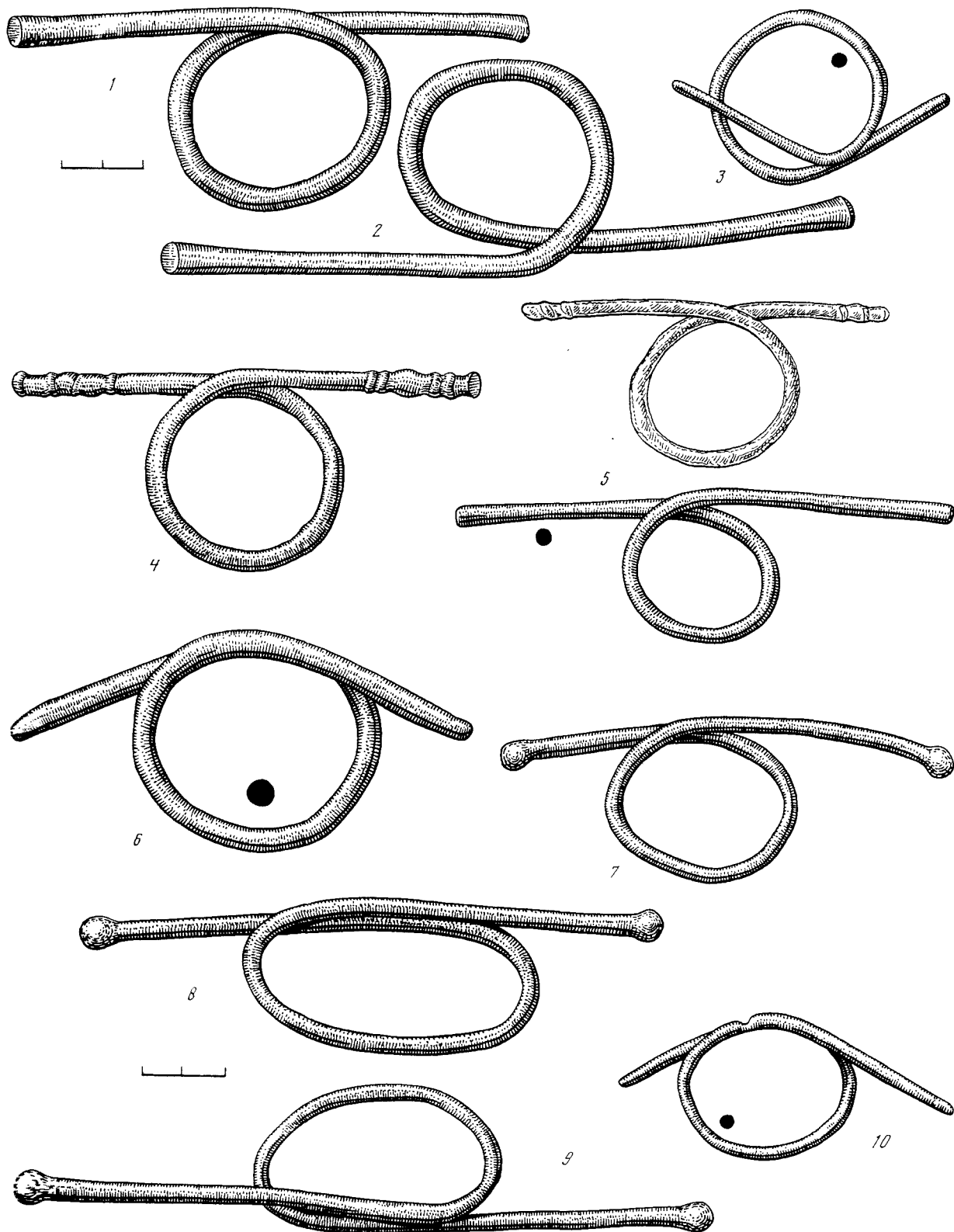

Таблица 57. Майкопская культура. Бронзовые псаллии

1 – аул Кубина; 3, 6 – Ульский аул; 4, 5 – Майкопский курган;
7 – с. Чегем I; 8, 9 – с. Бамут; 10 – ст-ца Новосвободная

лических украшений из позднемаякопских памятников, остановимся еще на отдельных типах изделий, представленных в этих комплексах единичными образцами. Это прежде всего бронзовые наконечники копья с длинным черенковым насадом. Их найдено четыре – в курганах у станиц Новосвободной и Псебайской и Псекупском могильнике, в также случайно в г. Баксан (Попова Т.Б., 1963. Табл. XI, 1; Иессен А.А., 1950. С. 172; Ловпаче Н.Г., 1985. Табл. IV, 4; Кореневский С.Н., 1988в. С. 11; Рис. 3, 12). Они отличаются массивным стержнем круглого сечения и четырехгранным насадом для укрепления в древке. По форме и другим особенностям эти копья находят близкие аналогии в соответствующих категориях оружия из памятников III тысячелетия до н.э. Закавказья и Передней Азии (Попова Т.Б., 1963. С. 31; Махмудов Ф.Р. и др., 1968. С. 19, 20; и др.). В данном случае подчеркнем лишь то, что бронзовых наконечников копья в Закавказье обнаружено значительно больше, чем на Северном Кавказе, включая Дагестан. Их известно там в настоящее время около 10 экземпляров.

Отметим и единичную находку бронзового черенкового наконечника стрелы ромбической формы, сделанную в погребении 2 кургана 5 у сел. Кишпек (Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 7, 1).

Особый интерес представляет находка в виде круга – колеса с четырьмя спицами и втулкой, обнаруженная в Новосвободненском кургане 31 (Резепкин А.Д., 1991в. Рис. 8, 4). Не “штандарт” ли это, принадлежавший погребенному в богатейшем дольмене кургана представителю “майкопской” знати? Ничего подобного до этой находки в памятниках Северного Кавказа встречено не было. Аналогии данному предмету не известны также ни в Закавказье, ни на Ближнем Востоке.

Наконец, отметим уникальный бронзовый диск диаметром 15 см, происходящий из кургана 5 у сел. Чегем I (Мизиев И.М. и др., 1973. С. 12; Кореневский С.Н., 1981. С. 275). Он вырезан из листовой бронзы толщиной около 1 мм и немного вогнут. Назначение его неясно, хотя авторы раскопок рассматривают его как блюдо (Мизиев И.М. и др., 1973. С. 12). Считается, что данный предмет по своей форме вписывается в серию изделий ирано-месопотамского круга, датируемых концом IV–III тысячелетия до н.э. (Кореневский С.Н., 1981. С. 276).

У к р а ш е н и я. Значительную категорию находок из металла, главным образом золота и серебра, составляют в позднемаякопских комплексах украшения.

Небольшой серией представлены б у л а в к и. Отметим прежде всего шесть серебряных посоховидных булавок из новосвободненских дольменов 1 и 2, погребения 5 в кургане 31 (в каждом найдено по две). Один конец их заострен, а на другом – утолщенном конце имеется отверстие (табл. 48, 41–43). Аналогичные булавки за единичным исключением не встречены в других майкопских па-

мятниках, но они (бронзовые) известны в северокавказских комплексах II тысячелетия до н.э. Эти булавки, по всей вероятности, переднеазиатского или, точнее, месопотамского происхождения; прямые аналогии им есть, в частности, в Двуречье (Попова Т.Б., 1963. С. 42). Таково, очевидно, и происхождение золотых булавок в виде иглы с ушком на конце, обнаруженных в кургане 1 у Новосвободной и в курганах у селений Чегем I (табл. 48, 51) и Кишпек (Попова Т.Б., 1973. Табл. II, 5; Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 9, 1; Чеченов И.М., 1980. Рис. 6, 16; Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 12, 1). Серебряная булавка, но слегка изогнутая (табл. 48, 44) найдена также в кургане 15 Бамутского могильника (Мунчаев Р.М., 1975. С. 304, 305. Рис. 72, 8), а в кургане у ст-цы Махощевской – бронзовая игла с ушком (Иессен А.А., 1935. Рис. 4, 9).

Отдельную группу украшений представляют золотые пластинки и ленты. Они происходят в основном из Кабардино-Балкарии, в частности из Нальчикской гробницы. Найденные там три тонкие пластинки имеют удлинненно-листовидную форму (Чеченов И.М., 1973. Рис. 27, 1–3). Интересны золотая лента, свернутая в пятивитковую спираль, две золотые ленты длиной 50 и 100 см, также свернутые в спираль, и 63 тончайшие золотые пластинки длиной от 2 до 12 см и шириной от 0,4 до 1,7 см (Чеченов И.М., 1973. Рис. 29). Такие же золотые ленты и пластинки обнаружены и в некоторых курганах у селений Чегем I и Кишпек (Мизиев И.М. и др., 1973. С. 19. Рис. 9, 7–9; Чеченов И.М., 1980. Рис. 6, 4–12). А две золотые свернутые пластинки в виде “обоймиц” найдены в кургане 14 в Бамуте (Мунчаев Р.М., 1975. С. 301). Правильно отмечено, что почти все золотые (и реже серебряные) пластинки в виде обрывков лент за редким исключением найдены пока лишь в позднемаякопских погребениях Кабардино-Балкарии (Чеченов И.М., 1984. С. 227).

Для чего служили эти пластинки и ленты, остается неясным. И.М. Чеченов, например, полагал, что они украшали матерчатую основу какого-то шатрообразного сооружения в Нальчикской гробнице, которое поддерживалось деревянными прутьями, обмотанными золотыми лентами (Чеченов И.М., 1970. С. 118, 119). Крайне интересно то обстоятельство, что аналогичные тонкие золотые пластинки обнаружены в значительном количестве в могилах Ура (Месопотамия). Из таких пластинок там были сделаны “головные уборы”. Возможно, ими украшали одежду и головные уборы.

Наиболее распространенным и характерным для майкопской культуры видом металлических украшений являются, несомненно, височные кольца округлой или округло-овальной формы (табл. 48, 27–32, 45–50). Они представлены более всего в погребальных комплексах Северо-Западного Кавказа (могильник Клады и др.) и Центрально-Предкавказья (погребения в Нальчике, у селений Чегем I и II и Кишпек), а также в Бамут-

ских курганах в Чечено-Ингушетии (Мунчаев Р.М., 1975. С. 406). В одном случае височное кольцо обнаружено и в бытовом памятнике – в Очажном гроте Воронцовской пещеры (Соловьев Л.Н., 1958. Табл. III, 12). Интересно, что все украшения подобного типа являются золотыми. В отдельных богатых комплексах, как, например, в новосвободненских дольменах, представлены три типа височных колец: кольца с подвеской из камня – лазурита, спиральные кольца и простые, часто массивные кольца различных размеров с незамкнутыми концами (Попова Т.Б., 1963. С. 41; Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 9, 12–17; и др.). Первые два типа колец сравнительно малочисленны и являются, возможно, импортными. Среди них можно отметить серьгу, изготовленную из тонкой золотой проволоки с подвеской из красного камня цилиндрической формы, перехваченной золотой пластинкой (табл. 48, 49). Она найдена в кургане 5 (погребение 3) у сел. Чегем I (Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Рис. 4, 8). Что же касается последних, распространенных во всем ареале майкопской культуры, то они изготовлены, вероятно, на Северном Кавказе, к тому же из золота, добытого на месте (Мунчаев Р.М., 1975. С. 407).

Среди украшений представляют интерес привески из кварцевого стекла в золотой оправе и серебряные биконические пронызы (табл. 48, 16–19), аналогичные переднеазатским и обнаруженные в кургане 1 у ст-цы Новосвободной (Попова Т.Б., 1963. С. 40, 41. Табл. II, 6). Обращают на себя внимание украшения из погребения 5 кургана 31 в том же могильнике Клады, в частности золотые, серебряные и бронзовые бляшки диаметром 1–1,3 см, часто на деревянной основе и орнаментированные пунсоном; две золотые на кольцах подвески в виде кинжальчика вытянуто-листовидной формы (кольцо крупной подвески диаметром 3,5 см, длина кинжальчика 5 см), подвеска из коренного зуба человека в золотой оправе и др. (Резепкин А.Д., 1991б. С. 185, 186).

Наиболее многочисленны бусы. О каменных бусах говорилось выше. Все металлические бусы являются золотыми и реже – серебряными и происходят из богатых погребений Новосвободненского могильника, Нальчикской гробницы, отдельных курганов в бассейне Чегема и Баксана и др. В погребении 5 кургана 31 могильника Клады, например, обнаружено 40 золотых бусин шаровидной формы диаметром от 0,5 до 2,2 см. Там же найдены девять полых серебряных бусин уплощенно-шаровидной формы диаметром от 0,6 до 1,2 см, заполненных органической массой, а также два серебряных “столбика”, квадратных в сечении, длиной 1,5 см, отдельные стороны их украшены поперечными полосками (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 10, 2, 8–11). Из дольменов же Новосвободной происходят 55 дутых круглых бус (Попова Т.Б., 1963. С. 41). Укажем еще, что в Нальчикской гробнице были найдены 265 мелких золотых бусинок шаро-

дисковидной формы и две биконические бусины (Чеченов И.М., 1973. С. 18). В других памятниках представлены также массивная литая шестигранная бусина биконической формы (табл. 48, 2) и бочонкообразная дугая бусина (табл. 48, 4) с рифленной поверхностью (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 9, 2, 11) и др.

Таковы изделия из металла, представленные в памятниках майкопской культуры вообще и комплексах позднего этапа ее развития в особенности*. Удивляют их общее количество и поразительное разнообразие. Мы не знаем на территории бывшего СССР культуры раннебронзового века, которая могла бы сравниться с майкопской по количеству и столь широкому ассортименту металла. Целый ряд видов изделий отличается довольно специфическими формами, характерными только для майкопской культуры и являющимися, безусловно, продукцией местной металлообработки. Разителен контраст между каменным и металлическим инвентарем майкопской культуры. Если первый характеризуется архаизмом многих типов орудий, то металл, напротив, отличается достаточно развитыми формами.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о высоком уровне развития металлообработки на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы. При этом необходимо подчеркнуть, что до сих пор мы лишены возможности восстановить здесь документально основные стадии металлургического процесса, начиная от добычи руды и ее выплавки и кончая изготовлением отдельных изделий. В майкопских памятниках сделаны редкие находки льячек (Формозов А.А., 1965. С. 114), а литейных форм не найдено совсем в отличие от Закавказья и Дагестана. Но это не может вызвать сомнения в том, что в изучаемую эпоху Северный Кавказ наряду с Закавказьем являлся крупным центром металлопроизводства. В ареале майкопской культуры в настоящее время намечается по крайней мере два очага металлообработки, локализуемых в Прикубанье и Кабардино-Пятигорье.

Рассмотрим последнюю, не менее важную категорию материала из памятников майкопской культуры – керамику.

Керамика

Керамика майкопской культуры представлена почти исключительно сосудами. Последние обнаружены как в бытовых, так и в погребальных памятниках. К сожалению, однако, до сих пор не введены в научный оборот в должной мере интересные и разнообразные керамические комплексы из

* Из категорий металлических изделий, обнаруженных в позднемайкопских памятниках, мы не отметили только две уникальные для рассматриваемой культуры фигурки (бронзовая и серебряная) собаки, длиной 5,5 и 3,5 см, представленные в одном из богатых комплексов (погребение 5, курган 31) Новосвободненского могильника (Резепкин А.Д., 1991б. Рис. 10, 5, 6).

поселений, исследованных в 80-е годы, в частности Галюгаевского, Серегинского, Псекупского и др. Поэтому мы вынуждены использовать для характеристики майкопской керамики прежде всего материалы из погребений.

Наиболее значительная коллекция раннемайкопской керамики происходит из Устьдзегутинских курганов, где найдено около 50 сосудов (табл. 58, 3, 4, 7, 9, 10; 59, 3). Девять сосудов обнаружено в Майкопском кургане и около десятка горшков – в других курганах (на "участке Зиссермана", у пос. Адагум, у ст-цы Казанской, в ауле Уляп, в Садках в Нальчике, у ст-цы Воровсколеской и др.). Все сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины, почти лишены примесей, и неплохо обожжены. Есть среди них сосуды темно-серого и светло-коричневого цветов, но большинство имеет охристый и кирпичный цвет, покрыты тонким слоем ангоба и залощены, иногда до блеска (Мунчаев Р.М., 1975. С. 326, 327).

Сосуды из раннемайкопских погребений отличаются за редким исключением поразительным однообразием. Это преимущественно небольшие горшки с округло-шаровидным туловом и, как правило, невысоким, резко отогнутым наружу венчиком (табл. 58; 59, 1–3). Самый крупный из них, найденный в Майкопском кургане, имеет следующие размеры: высота 20 см, диаметр по венчику 11 см, диаметр днища 5–7 см, а наименьший (из Устьдзегутинского могильника) – соответственно 8, 5,5 и 4 см. Выделяется несколько горшков с резко подчеркнутой нижней частью – она отделена как бы ребром (табл. 59, 3).

Горшки лишены ручек, лишь на одном из них имеется ручка в виде ушка (Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Рис. 5, 1). Отсутствует, как правило, и орнамент на сосудах за редкими исключениями – несколько горшков из Устьдзегутинских курганов украшено орнаментом в виде "глазка", расположенного на лицевой стороне сосуда (табл. 58, 9). Кстати, "глазок" отмечен и на сосуде в виде большого толстостенного пифоса из Серегинского поселения (Днепровский К.А., 1991. С. 69).

Укажем, что в двух случаях (в Майкопском и одном из Устьдзегутинских курганов) обнаружены совершенно аналогичной формы алебастровый (табл. 58, 4) и серебряный (табл. 51, 5) сосуды.

Форма раннемайкопских горшков в памятниках Северного Кавказа предшествующего времени не представлена. Такие сосуды, как отмечалось выше, известны в ряде древнейших памятников Сирии, Анатолии и Ирака, и поэтому их переднеазиатское происхождение едва ли может быть подвергнуто сомнению (Мунчаев Р.М., 1975. С. 328, 329; Андреева М.В., 1977. С. 50–55). Удивляет не только близость форм и размеров горшков, в частности из сирийских комплексов и Северного Кавказа, но цвет и характер обработки их поверхности. Более того, совпадают и такие детали, как почти полное отсутствие у тех и других ручек и ор-

намента. А в редких случаях, когда на сосудах имеются ручки и орнаменты, близость между ними просто поразительна (Андреева М.В., 1977. С. 52).

Рассмотренная форма горшков не сразу исчезла на Северном Кавказе. Она спорадически встречается и в относительно более поздних погребениях майкопской культуры. Такие горшки обнаружены в некоторых курганах второй группы Устьдзегутинского могильника, у хут. Рассвет, в Кепах, в каменном ящике на Скале, в кургане у сел. Чегем I (Мунчаев Р.М., 1975. С. 328). Эти памятники занимают, как мне представляется, промежуточное положение между ранней и поздней группами майкопских курганов. Интересно, что многие сосуды в курганах у хут. Рассвет круглодонные, а один имеет такие же ручки-ушки, как на отмеченном горшке из Устьдзегутинского кургана. Особо выделим лощеный сосудик раннемайкопского типа с рифлеными стенками из кургана 33 у г. Усть-Дзегута и обломок такого же сосуда из стоянки Хаджох III (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 48; Формозов А.А., 1965. Рис. 40, 2).

К этой же группе сосудов относятся и небольшие (высотой около 10 см) сероглиняные круглодонные кубки с высокой, слегка расширяющейся шейкой (табл. 59, 5). Они найдены в двух раннемайкопских погребениях кургана у с. Красногвардейское (Краснодарский край), раскопанного в 1983–1984 гг. А.А. Нехаевым. Сосуды залощены, и тулово их обработано широким вертикальным рифлением.

Глиняные сосуды с рифленой поверхностью в Майкопе пока единичны. Первый такой сосуд, но металлический был найден еще в Майкопском кургане. Сейчас мы имеем лишь несколько таких сосудов, и поэтому признать их характерным типом раннемайкопской керамики пока нельзя. Вероятно, они связаны своим происхождением с Месопотамией, где сосуды с рифленой поверхностью появляются еще в V тысячелетии до н.э., в период развития халафской культуры (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. С. 178).

Отдельный тип раннемайкопской керамики составляют круглодонные сосуды с шаровидным или уплощенно-шаровидным туловом и невысоким прямым или слегка отогнутым венчиком. Они известны, например, из Псекупского поселения и могильника (Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. Табл. III, 5, 6; Ловпаче Н.Г., 1985. Табл. IV, 2, 3) и выразительной серией представлены в комплексе отмеченного кургана у с. Красногвардейское. В частности, из погребения 4 данного кургана, в котором была обнаружена каменная цилиндрическая печать, происходит несколько таких сосудов (Нехаев А.А., 1986. Рис. 2, 1–3, 6). Они высотой от 19,8 см до 34,5 см. Поверхности их хорошо заглажены, а иногда и залощены, преимущественно коричневого тона. Верхняя половина наиболее крупного сосуда украшена четырьмя горизонтальными проложенными линиями (табл. 59, 8). Вертикальной зиг-

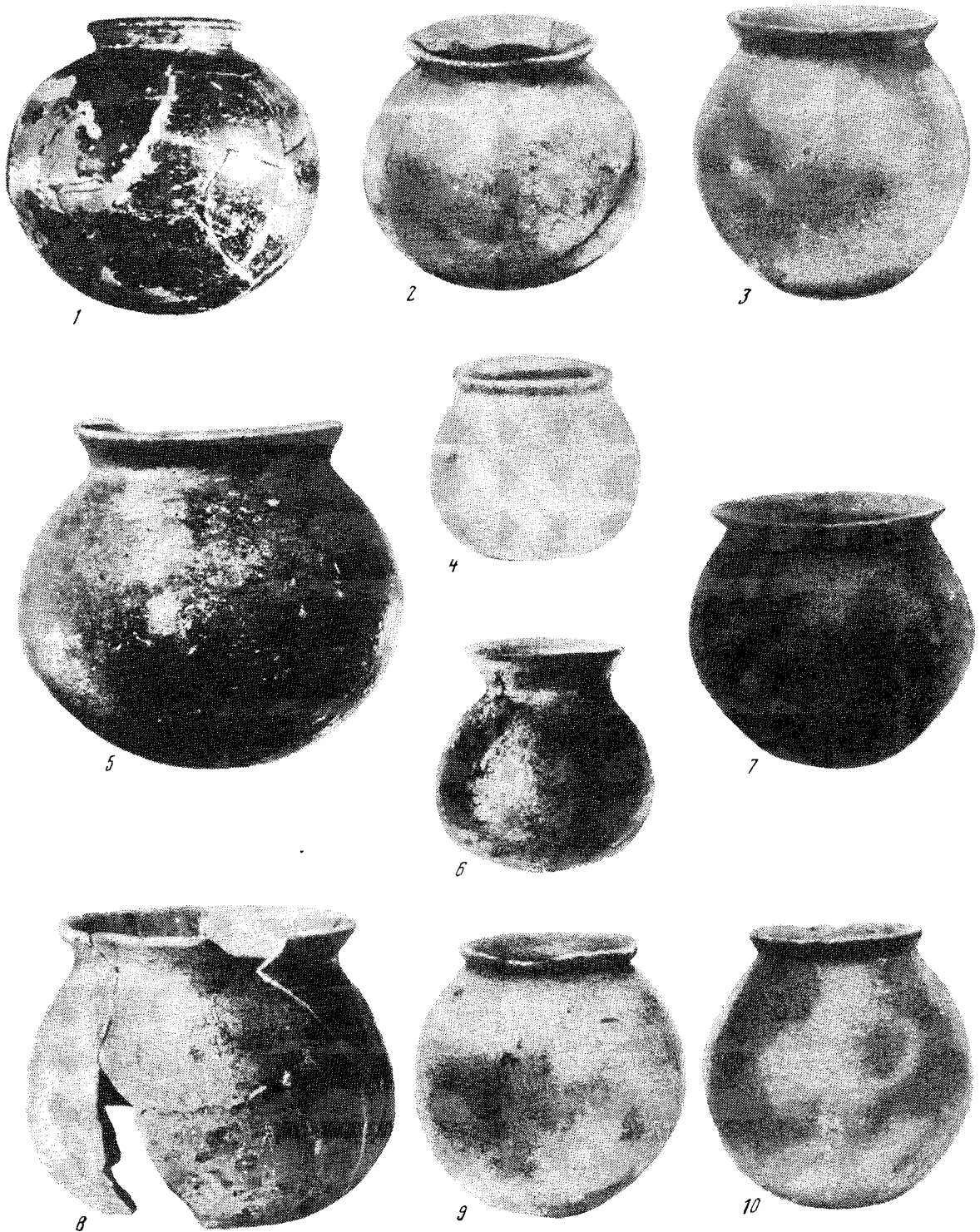

Таблица 58. Керамика майкопской культуры

1 – Майкопский курган; 2–4, 7, 9, 10 – курганы у г. Усть-Джегута; 5 – курган. Кепы; 6 – пос. Адагум; 8 – "участок Зиссермана"

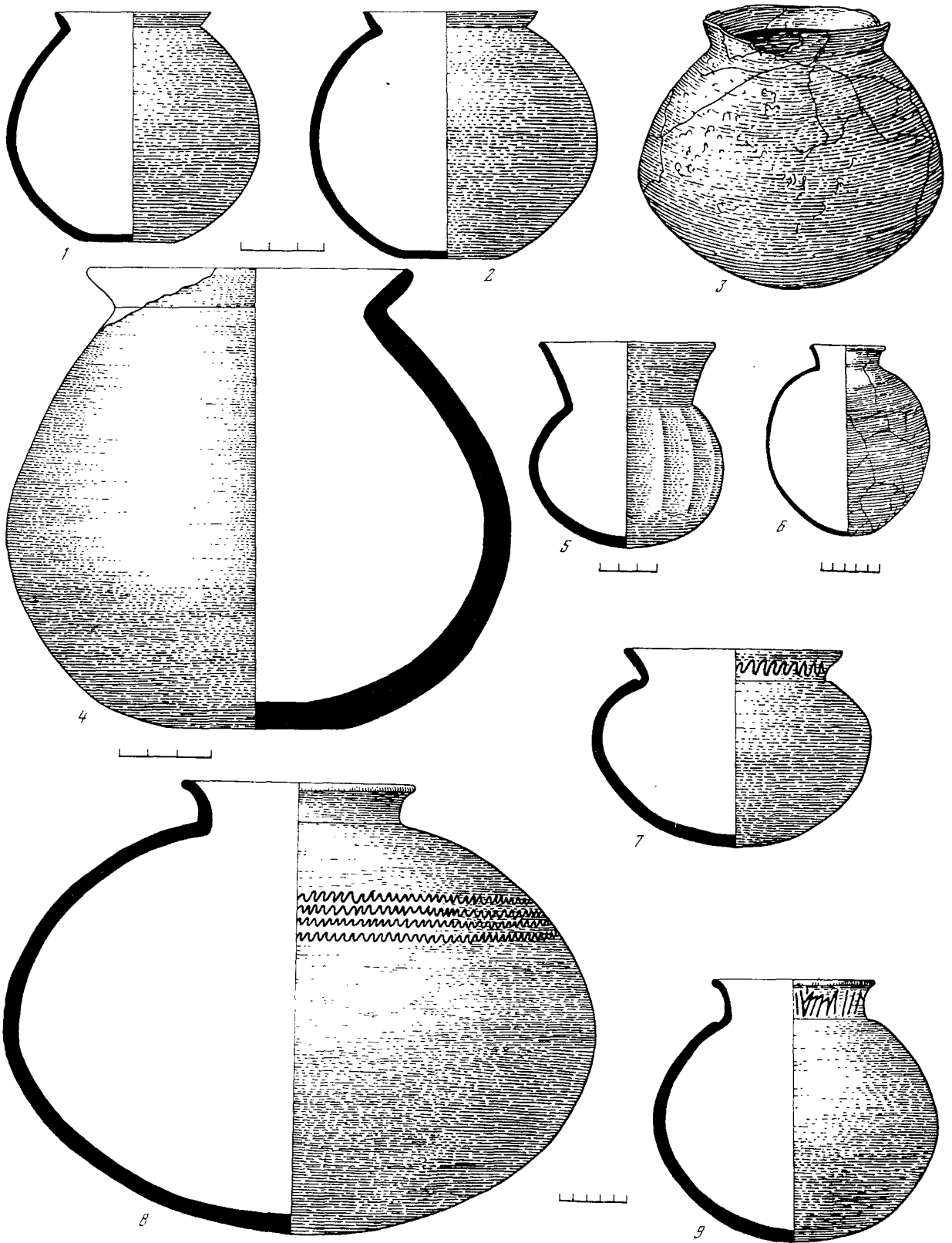

Таблица 59. Керамика майкопской культуры

1, 2 – Майкопский курган; 3 – курган у г. Усть-Джегута;
 4 – Садки; 5, 7-9 – курган 4 у с. Красногвардейское;
 6 – Псекупский могильник

лентообразной пролощенной линией орнаментированы и три других сосуда (табл. 59, 7, 9). Здесь же скажем, что орнамент, выполненный лощением, отмечен также на отдельных сосудах Псекупского поселения (Нехаев А.А., 1981. С. 247) и погребений в курганах у пос. Иноземцево и в Кисловодске (табл. 60, 11; Корневский С.Н., 1988а. С. 90).

Псекупское поселение, судя по предварительной публикации, содержит керамику как ранних (горшки и округлодонные сосуды, подобные обнаруженным в Майкопском кургане), так и поздних форм (Ловпаче Н.Г., 1985. С. 110–116). Поэтому место этого поселения, точнее, соответствующего его слоя в общем ряду памятников майкопской культуры нельзя считать бесспорно установленным, как, впрочем, и ряда других поселений этой культуры. Что же касается остальных двух комплексов (Иноземцево. Кисловодск), то их принадлежность к поздней группе майкопских памятников очевидна. Так что украшение отдельных сосудов орнаментом в виде пролощенных линий и полосок сохранялось в редких случаях и на позднем этапе развития Майкопа.

Устанавливая происхождение рассмотренного вида орнамента, следует снова обратиться к ближневосточным комплексам раннединастических, и прежде всего урукского, периодов. Так, сосуды, украшенные пролощенным орнаментом в виде вертикальных линий, встречены в слое VIA Арслантепе в Восточной Анатолии (Frangipane M., Palmieri A., 1983. Fig. 40, 5; 48, 2, 3). Из этого же слоя происходят, кстати, и круглодонные сосуды с отогнутым невысоким венчиком, типологически сопоставимые с наиболее распространенными в раннемайкопских погребениях горшками (Frangipane M., Palmieri A., 1983. Fig. 37, 2).

В еще большей степени это касается больших пифосообразных округлодонных сосудов, представленных в Арслантепе VIA (Frangipane M., Palmieri A., 1983. Fig. 52, 2, 5) и обнаруженных в ряде раннемайкопских бытовых и погребальных комплексах. До недавнего времени нам был известен на Северном Кавказе один такой сосуд, происходящий из Майкопского кургана. Он вытянуто-яйцевидной формы, с почти прямым венчиком, высотой 52 см. В настоящее время подобные сосуды известны из Псекупского могильника (табл. 59, 6), Устьдзегутинских курганов и почти всех поселений со слоями раннемайкопского периода, включая Галюгай. Более широко такие сосуды, но уже, как правило, плоскодонные, представлены в поздней группе памятников майкопской культуры. Следовательно, можно утверждать, что и данная форма майкопской керамики связана своим происхождением с Ближним Востоком, в частности с областью, локализуемой в пределах Северо-Западной Месопотамии и Анатолии.

Еще один тип сосудов, представленный в раннемайкопских комплексах, — это небольшие сосуды в виде кубков с шаровидным туловом, высокой ци-

линдрической горловиной и округлым или слегка уплощенным дном. Ряд серебряных сосудов подобной формы происходит из самого Майкопского кургана (табл. 51, 4, 7–9), а глиняные найдены, например, в Уляпском кургане (17), Псекупском могильнике и поселении, кургане близ Армавира и других памятниках (Лесков А.М., 1985. С. 52; Ловпаче Н.Г., 1985. Табл. II, 2; Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. Табл. VI, 2; Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 40, 5; и др.). Сосуды подобной формы, но в основном с плоским дном представлены и в позднемайкопских памятниках. Так, в кургане 26 у сел. Чегем I в Кабардино-Балкарии обнаружен небольшой (высотой 10 см) красноглиняный лощеный кубок с высокой шейкой в виде раструба (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 14; Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. С. 17, 18). Несколько сосудов данного типа происходят из новосвободненских дольменов, в том числе широко известный чернолощенный до металлического блеска кубок, найденный в кургане 2 (Попова Т.Б., 1963. Табл. XII, 2; XIII, 1, 2). Кубки встречены и в других курганах могильника Клады, и равно как и в некоторых поселениях (Большепетинское и др.). Поэтому сосуды данной формы выделяются в отдельный тип керамики постмайкопского этапа (Резепкин А.Д., 1989. С. 6).

В раннемайкопских памятниках, особенно бытовых, редко обнаруживаются и миски (Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. С. 110).

Несомненно, количество типов раннемайкопской керамики было больше. Но пока недостаточно изучены поселения, а материалы тех из них, которые уже раскопаны или вводятся в процесс исследования, недостаточно введены в научный оборот и по существу не проанализированы с точки зрения сопоставления их с керамикой из погребений. Это затрудняет детальную характеристику всей раннемайкопской керамики, и в частности ее локального членения в пределах раннемайкопского ареала. Но тем не менее остановимся в краткой форме на керамике из отдельных поселений.

В Мешоко, например, обнаружена тонкостенная лощеная и почти всегда неорнаментированная керамика красновато-желтого и серого цветов, сопоставляемая с керамикой Майкопского кургана. Обращает на себя внимание небольшая группа фрагментов сосудов из нижних горизонтов Мешоко, украшенная криволинейным орнаментом, а также рельефным, в виде концентрических овалов и волнистой полосы (Формозов А.А., 1965. С. 75, 76. Рис. 35).

Многочисленный керамический материал из Псекупского поселения, как считают исследователи, трудно систематизировать (Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. С. 110). Но часть его уверенно сопоставляется с керамикой из майкопских погребений одноименного могильника. Речь идет о некоторых горшках раннемайкопского типа, кубках, пифосах и отдельных мисках. Все они преимущест-

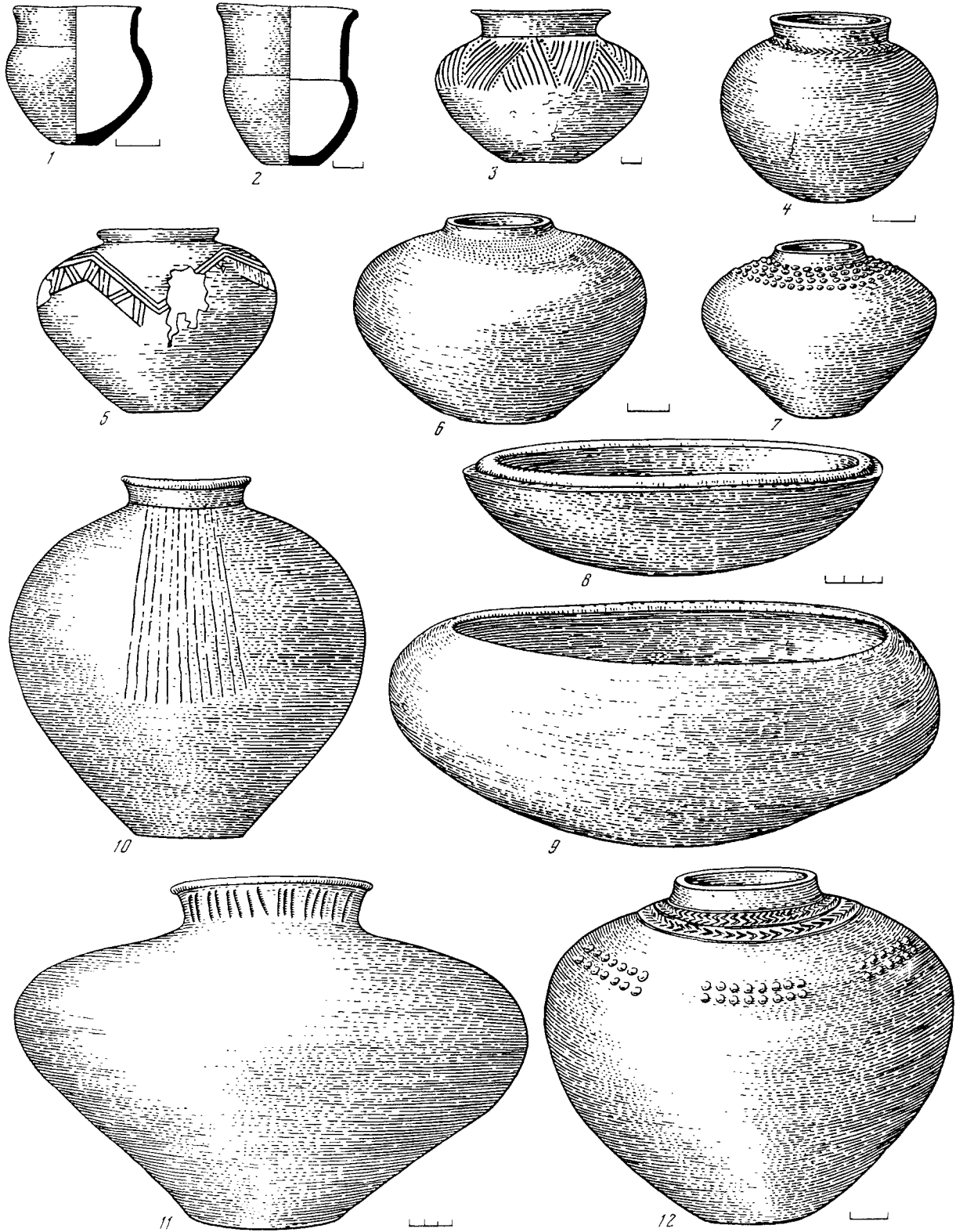

Таблица 60. Керамика майкопской культуры

1, 2 – курган 2 у ст-цы Старокорсунской; 3 – из погребения у Лермонтовской скалы; 4 – курган 2 у ст-цы Новосвободной;

5 – курган 29 у сел. Чегем 1; 6–8, 12 – курган 1 у ст-цы Новосвободной; 11 – курган в Кисловодске

венно красноглиняные и отличаются характерной для раннемайкопских сосудов круглодонностью.

Типологически разнообразна керамика Галюгаевского поселения. Здесь представлены крупные пифосы, кубки, горшки, миски и другие виды посуды, ряд которых снабжены ручками. Немалая часть сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины без видимых примесей, сформована на гончарном круге и отличается лощеной поверхностью. Остальную часть составляют лепные сосуды с заглаженной поверхностью и примесями дресвы и шамота в тесте (Кореневский С.Н., 1989а. С. 32)*.

Связь Галюгая с ранним Майкопом несомненна. Она подкрепляется находками на поселении не только бронзовых мотыги и обломка бесчеренкового ножа, подобных обнаруженным в Майкопском кургане, но и отдельных типов раннемайкопской керамики. По ряду же признаков керамический комплекс Галюгаевского поселения достаточно специфичен, и это заставляет исследователя данного памятника ставить вопрос о том, что становление Майкопа на Тереке шло несколько по-иному, чем в бассейне Кубани (Кореневский С.Н., 1991. С. 41). Таким образом, очевидно, что проблема детального изучения и тщательного сравнительного анализа керамики бытовых и погребальных памятников майкопской культуры по отдельным регионам и в целом становится сейчас одной из ключевых задач в исследовании раннебронзового века Северного Кавказа. Уже на основании предварительного сравнительного изучения глиняной посуды из отдельных майкопских комплексов Прикубанья устанавливается, что "отличие памятников бассейна р. Белой, Фарса и Кубани особенно наглядно в керамике" (Нехаев А.А., 1990. С. 16).

Значительна по количеству и разнообразнее по формам керамика из позднемайкопских памятников. По характеру глины, цвету, обработке поверхности, набору примесей и некоторым другим особенностям она отличается в целом единообразием и по многим из этих признаков, что следует особо подчеркнуть, аналогична раннемайкопской керамике. Позднемайкопская посуда изготовлена из тщательно отмученной глины (с примесями мелкотолченой раковины, реже – песка, шамота и другими, а иногда и без всяких видимых примесей), хорошо обожжена и имеет охристый или красно-охристый и редко – красно-бурый цвет. Поверхность ее покрыта тонким слоем красновато-коричневого ангоба и заглажена или в отдельных случаях залощена. Отдельными образцами представлены (в ос-

новном в Прикубанье) сосуды с чернолощеной поверхностью (Попова Т.Б., 1963. С. 20; Мизиев И.М. и др., 1973. С. 20; Резепкин А.Д., 1989. С. 6; и др.). Красно-охристая керамика с пачкающей поверхностью оказывается характерной не только для майкопской культуры и таких памятников, как Луговое и Серженьюртовские поселения I и II в Чечено-Ингушетии, но и для отдельных комплексов раннебронзового века смежных областей, в частности Грузии и Подонья (Мунчаев Р.М., 1975. С. 371, 372).

Чрезвычайно важной особенностью позднемайкопской керамики является то, что значительная часть сосудов малых и средних размеров, как убедительно доказывается, изготовлена с помощью гончарного круга (Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966. С. 14–22; Мунчаев Р.М., 1975. С. 373–375)*. Значение данного факта трудно переоценить. Ведь до сих пор нигде в Восточной Европе, включая Закавказье, применение гончарного круга для этого времени документально не зафиксировано. Следует подчеркнуть и тот факт, что майкопский гончарный круг по своим конструктивным особенностям оказывается весьма близок подобному орудию из Месопотамии, в частности из Ура. Это дает основание установить источник, откуда гончарный круг или его идея проникли на Северный Кавказ в эпоху ранней бронзы. Это могла быть, несомненно, Передняя Азия, где круговая керамика в III тысячелетии до н.э. уже прочно вошла в быт городских цивилизаций.

Наиболее распространенную группу позднемайкопской посуды составляют сосуды с округлым и реже – уплощенно-шаровидным туловом и невысокой, как правило, шейкой (табл. 60, 3–7, 10–12; 61, 1–3, 5, 7–9). Все они за единственным исключением плоскодонные и лишены ручек; орнаментированы только отдельные из них. Эти сосуды различны по размерам – от небольших (высотой 15–20 см) до крупных (высотой до 50 см). Типологическая связь многих из этих сосудов с раннемайкопскими горшками представляется очевидной.

Четкая типологизация этой группы сосудов, как и всей майкопской керамики в целом, пока не разработана. В ней можно выделить по некоторым деталям формы и размерам условно несколько типов. К первому из них относятся средние и крупные сосуды с округлым или уплощенно-шаровидным корпусом. Отдельные сосуды этого типа имеют сравнительно маленькую горловину и непропорционально узкое днище (табл. 61, 8, 9). Возможно, при разработке детальной классификации майкопской керамики эти сосуды будут выделены

* В процессе сдачи рукописи в набор вышло в свет исследование, в котором собран значительный материал и дан анализ керамики майкопской культуры из Галюгая, памятников Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (Кореневский С.Н., 1993). Выделены керамические комплексы "галюгаевского майкопа", "долинского майкопа" и др. Не имея возможности использовать результаты этого исследования в данной работе, отсылаем читателя к самому труду С.Н. Кореневского.

* Судя по керамике Галюгаевского поселения, использование гончарного круга на Северном Кавказе началось еще на раннем этапе развития майкопской культуры (Кореневский С.Н., 1989а. С. 32). В позднемайкопский же период оно широко распространилось и практиковалось и на Северо-Западном Кавказе, и в Кабардино-Пятигорье, и в Чечено-Ингушетии.

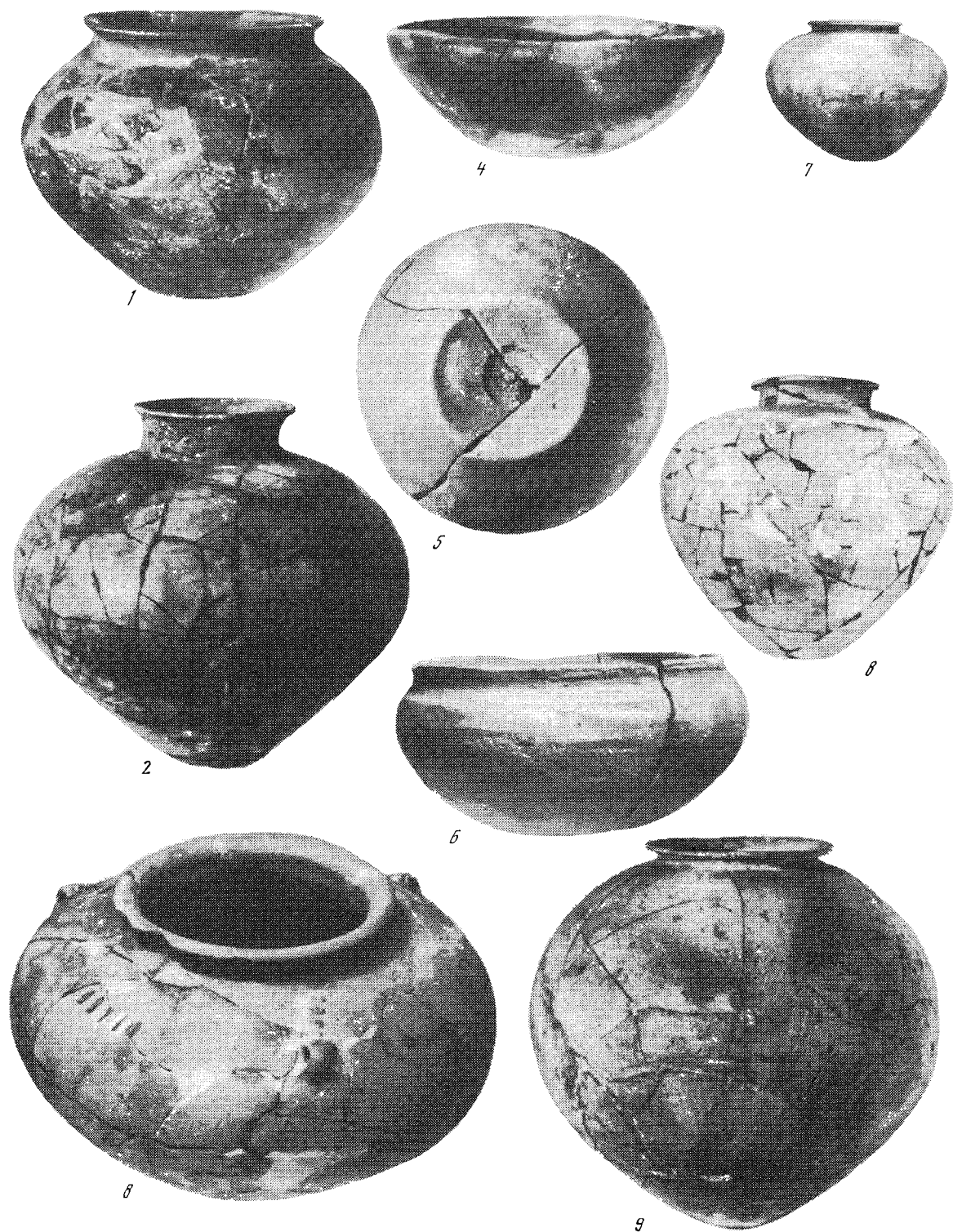

Таблица 61. Керамика майкопской культуры

1, 3, 5, 6, 8 – курганы у с. Бамут; 2, 4, 9 – курган у пос. Иноземцево; 7 – курган у сел. Чегем I

з отдельный тип. То же следует сказать и в отношении сосудов с заметно суживающимися к основанию корпусом. Небольшая часть сосудов данного типа орнаментирована. Любопытно, что все сосуды из курганов 1 и 2 у Новосвободной украшены, причем главным образом жемчужным орнаментом – в виде рядов выпуклин, опоясывающих верхнюю часть тулова сосуда (табл. 60, 7, 12; 61, 1). Этим орнаментом украшены и сосуды (видимо, того же типа) из позднемайкопских поселений (Мешоко, Скала, Хаджох I, III и др.) Прикубанья (Формозов А.А., 1965. Рис. 34, 40, 41). Жемчужный орнамент имеется, как отмечалось, и на отдельных образцах металлической посуды, а также на двух топорах из новосвободненских курганов. Этот орнамент характерен для керамики памятников Прикубанья. В памятниках Центрального Предкавказья и Чечено-Ингушетии он отмечен лишь на единичных сосудах: на обломках горшка из Долинского поселения (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Табл. VII, 6) и на сосуде одного из бамутских курганов (табл. 61, 1), а также, кстати, на трех фрагментах керамики из Лугового поселения (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 28. Табл. XIII). Причем наблюдается существенное различие как в системе расположения “жемчужин” на прикубанских сосудах и отмеченной керамике из Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, так и в самой технике нанесения орнамента – в первом случае “жемчужины” образованы путем продавливания стенки сосуда изнутри, а в другом они представляют собой округлые налепы.

Отдельные сосуды рассматриваемой группы украшены резным орнаментом. Укажем прежде всего на керамику из Новосвободной, в составе которой имеется сосуд (табл. 60, 12), сочетающий елочный узор и жемчужный орнамент (Попова Т.Б., 1963. Табл. XII, 2). Из того же кургана (1) происходит небольшой (высотой 12 см) красноангобированный сосуд в виде чайника, украшенный “елкой”. Это единственный в майкопской культуре горшок с носиком (Попова Т.Б., 1963. Рис. 10. Табл. XII, 1). Третий сосуд отсюда же украшен четырьмя симметрично расположенными полосами нарезного орнамента, в том числе елочного, спускающимся от края шейки к средней части корпуса (Попова Т.Б., 1963. Табл. XII, 3). Несколько иного вида резной орнамент на большом горшке из кургана 3 у сел. Чегем I (табл. 60, 10) – на его плечиках четыре полосы из вертикальных линий (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 1). Обращает внимание и реповидный красно-оранжевый сосуд с вдавленными широкими полукругами по четырем сторонам тулова, найденный там же в кургане 5 (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 9). Укажем на горшочек из Долинского поселения, на плечики которого нанесен орнамент в виде коротких, косо расположенных вдавленных черточек в два ряда (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 190, 191. Рис. 30, 1. Табл. X, 3).

Заметно отличается по орнаментации ряд сосудов из Центрального Предкавказья (Чегем I, Иноземцево и др.), вся или часть поверхности корпуса которых покрыта бессистемно перекрещивающимися линиями (табл. 61, 2), выполненными, по-видимому, каким-то гребенчатым предметом (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 2).

Наконец, некоторые сосуды данной группы имеют налепной орнамент. Так, один сосуд из Чегема I украшен валиками с защипами, расположенными на плечиках с четырех сторон (Мизиев И.М. и др., 1973. С. 20. Рис. 7, 7). Оттуда же происходит сосуд, на тулове которого также с четырех сторон имеются парные налепные шашечки. Интересен сосуд из кургана в Бамуте (табл. 61, 3). Он имеет три симметрично расположенные по тулову миниатюрные ручки, над и между которыми нанесен орнамент в виде ряда продолговатых нарезных выпуклин – по четыре над ручками и по шесть между ними (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 62, 4).

Разнотипные сосуды рассматриваемой группы посуды представлены также в позднемайкопских поселениях. Некоторые из них, украшенные жемчужным орнаментом и обнаруженные в прикубанских поселениях, отмечены выше. В верхних горизонтах Мешоко встречены иногда сосуды с ленточными ручками, а также орнаментированные сосцевидными и иными налепами (Столяр А.Д., 1961. С. 88. Рис. 15, 4–11). Укажем также, что серию сосудов рассмотренной группы содержит коллекция керамики из Долинского поселения (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 20, 21. Табл. VIII, 1, 2, 4).

Ко второй группе позднемайкопской посуды относятся сосуды яйцевидной формы, высотой в среднем около 40 см, обнаруженные как в погребениях, так и в поселениях. Некоторые сосуды с невысокой горловиной и отогнутым наружу венчиком из Долинского поселения, а также из Иноземцевского кургана имеют по три ручки, более или менее симметрично расположенные примерно в средней части сосуда (Круглов А.П., Подгаецкий Г.П., 1941. Табл. VI; Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 7, 1). В этих памятниках были представлены яйцевидные сосуды и иного типа, широкогорлые, с плавно отходящим венчиком и без ручек (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 29; Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 7, 6).

В коллекции керамики из майкопских погребений заметно выделяется один красно-охристый остродонный сосуд яйцевидной формы, найденный в кургане 24 у г. Усть-Джегута. Он украшен по тулову ложноверевочным орнаментом (Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Рис. 9, 2). Там же, в кургане 33, обнаружен обломок еще одного сосуда, украшенного веревочным орнаментом (Мунчаев Р.М., 1975. С. 330). Подобный орнамент отмечен и на отдельных фрагментах пифосов из Ташлянского поселения (Кореневский С.Н. и др., 1991. С. 63). Видимо, он имеется и на некоторых больших со-

судах других майкопских поселений. Поэтому считают, что шнуровой орнамент характерен для пифосов Майкопа и связан с технологией производства крупногабаритных сосудов (Кореневский С.Н. и др., 1991. С. 63). Но так как шнуровым орнаментом украшена лишь очень незначительная часть майкопских сосудов, не исключено, что украшенные такой орнаментацией пифосы могли быть изготовлены в подражание соответствующим образцам керамики племен ямной культуры, обитавших к северу и востоку от майкопцев.

Еще одну группу позднемайкопской посуды составляют миски, представленные в памятниках всего ареала рассматриваемой культуры (табл. 60, 8, 9; 61, 4–6). Они найдены, в частности, в погребениях на п-ове Фонтан и у хут. Рассвет (Мунчаев Р.М., 1975. С. 330), в новосвободненских комплексах (Попова Т.Б., 1963. Табл. XVI, 1; Резепкин А.Д., 1989. С. 7), чегемско-кишпекских курганах и Долинском поселении (Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 15–17; Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 27), курганах у пос. Иноземцево, Бамут (Мунчаев Р.М., 1975. Рис. 65, 1–3) и др.

Большинство мисок, несмотря на различие в размерах, однотипны – они широко расходятся кверху и имеют небольшое днище, край их иногда слегка отогнут наружу, но чаще загнут внутрь. Единичны миски с округленным дном. В керамике из курганов у ст-цы Новосвободной преобладают чернолощенные миски. В данной группе сосудов выделяется одна острореберная миска с отогнутым наружу краем венчика, обнаруженная в кургане у пос. Иноземцево (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Рис. 6, 4). Она, как и некоторые другие миски, изготовлена, вероятно, на гончарном круге. На основании соотношения высоты миски и диаметра венчика выделяются два варианта данного типа сосудов – глубокие и мелкие (Резепкин А.Д., 1989. С. 7).

Сравнительный анализ показывает заметное отличие майкопских мисок от мисок куро-аракской культуры. Однако поразительна их близость по ряду признаков с мисками из Лугового поселения (Мунчаев Р.М., 1961. С. 115).

Отметим, кстати, что в Долинском поселении обнаружены два обломка плоских блюд (или, как полагают, крышек). У одного из них с вертикально сформированной боковой поверхностью имеются следы небольшой закраины (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 188. Рис. 26, 10, 11). Аналогичные блюда представлены и в материалах Лугового поселения (Мунчаев Р.М., 1961. Рис. 40, 1–3). Вообще связь между отдельными категориями инвентаря, в особенности керамики, этих двух памятников значительна (Мунчаев Р.М. 1961. С. 115–121).

В отдельную группу выделяют сосуды типа кубков, о которых уже говорилось выше. Они найдены лишь в отдельных памятниках Прикубанья и Центрального Предкавказья (Попова Т.Б., 1963.

Табл. XII, 2; Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Рис. 28, 3; Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Рис. 5, 4; Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 14; и др.). В отличие от раннемайкопских кубков они почти все плоскостонные, иногда орнаментированы. Они подразделяются на несколько подтипов. Например, А.Д. Резепкин выделяет три таких подтипа, один из которых с двумя вариантами (Резепкин А.Д., 1989. С. 6). Один подтип представляют орнаментированные кубки в виде кувшинов, в том числе с ручками, обнаруженные, в частности, в курганах у ст-цы Новосвободной (Попова Т.Б., 1963. Табл. XIII, 3, 4). Другой подтип составляют, например, чернолощенные кубки (табл. 60, 1, 2) из кургана 2 под ст-цей Старокорсунской в Краснодарском крае (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1989. Рис. 2, 2, 8, 14, 15). Сюда же может быть отнесен отмеченный выше кубок, орнаментированный, с блестящей черной поверхностью из кургана 2 у ст-цы Новосвободной (Попова Т.Б., 1963. Табл. XII, 2). Следует отметить, что по форме, размерам, цвету и характеру обработки поверхности он аналогичен кувшинам из беденских курганов в Грузии, относящихся к концу III тысячелетия до н.э. (Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Рис. 23, 24. Табл. XXXIV, 3–5; XXXV). Большинство последних с ручкой. Они не имеют и того орнамента, которым украшен новосвободненский сосуд. Но зато отдельные из них украшены орнаментом, представленным на майкопской керамике, в том числе жемчужным (Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Рис. 23, 24). Такая близость между отдельными формами керамики Северного Кавказа и Закавказья представляется неслучайной. Памятники типа Бедени характеризуют новую и пока слабо изученную культуру бронзового века Кавказа. Несомненно, что всестороннее исследование этой культуры прольет свет на проблему взаимосвязей и взаимовлияний культур Закавказья и Северного Кавказа эпохи бронзы.

Можно предполагать, что рассмотренный чернополированный сосуд из Новосвободной является импортным, так же как, возможно, и некоторые другие сосуды из позднемайкопских памятников. К ним, в частности, относят обнаруженную в Хаджохе и в кургане у ст-цы Раевской небольшую группу высокохудожественных тонкостенных желто- и краснолощенных горшков, некоторые из которых имели пластинчатые ручки (Формозов А.А., 1965. С. 80, 81. Рис. 40, 1).

Керамический комплекс позднемайкопских памятников включает также немало посуды сравнительно грубой выделки, происходящей главным образом из поселений. Она представлена преимущественно обломками различных горшков, в том числе с ручками и округленным дном (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 187–190; Попова Т.Б., 1963. Табл. XIII, 6, 7; Формозов А.А., 1975. Рис. 57–59, 1; Мизиев И.М. и др., 1973. Рис. 7, 12, 13; Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. С. 110–116; Нехаев А.А., 1990. С. 11–13; и др.). Кроме того,

среди керамики представлены единичные находки пряслиц, глиняные очажные подставки и статуэтки. Пряслица обычного типа – биконической формы и плоские круглые – найдены только в поселениях (Формозов А.А., 1965. Рис. 59).

Глиняные подставки обнаружены лишь в Долинском поселении – одна целая и обломки ряда других. Они в виде призматической формы высоких кирпичей с приподнятыми краями и двумя или тремя желобками на верхней плоскости. Почти в центре боковых сторон каждой подставки находится поперечное сквозное отверстие (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 171. Табл. III).

Подставки подобной формы не обнаружены в других памятниках Кавказа, за исключением Лугового поселения, где найдены части двух таких глиняных массивных предметов (Мунчаев Р.М., 1961. С. 122, 123. Рис. 43, 1, 2). В этом памятнике имеются также глиняные подставки иных форм, характерных для куро-аракской культуры. Видимо, “рогатые кирпичи” Долинского и Лугового поселений представляют разновидность глиняных очажных подставок, распространенную на территории Северного Кавказа. Они использовались, вероятно, при совершении определенных культовых церемоний у очага.

Нельзя не отметить, что в Галюгае обнаружена серия массивных глиняных конусов с отверстиями. Возможно, они также являются очажными подставками. Но они пока не изданы, и поэтому не представляется возможным их подробнее описать, тем более определить их назначение (Жорневский С.Н., 1989а. С. 32).

Наконец, рассмотрим находки глиняных статуэток в памятниках майкопской культуры. Ни одна антропо- или зооморфная глиняная фигурка в погребениях не обнаружена. Они встречены в отдельных поселениях. Так, одна целая статуэтка и несколько десятков обломков других фигурок происходят из нижних горизонтов Мешоко. Часть фигурки сидячего человека обнаружена в Скале (табл. 49, 5), а в Ясеновой Поляне найдены обломки зооморфной (?) статуэтки (Формозов А.А., 1965. С. 129).

Фигурка из Мешоко выполнена в схематической манере – черты лица, голова и руки обозначены в виде треугольных выступов, а ноги не расчленены (табл. 49, 6). Четко изображена одна деталь – через правое плечо проходит налелная рельефная перевязь, украшенная насечками. Именно по этому признаку прежде всего данная фигурка сопоставляется с образцами антропоморфных статуэток широкого ареала раннеземледельческих культур (Формозов А.А., 1965. С. 130). Другой тип статуэток, судя по находкам из того же Мешоко и Скалы, – это фигурки человека в сидячей позе, также широко представленные в памятниках VI–III тысячелетий до н.э. Передней и Средней Азии и других областей. Отметим еще одну глиняную поделку из Долинского поселения, которая может рассматри-

ваться как весьма схематическая антропоморфная фигурка (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Табл. X, 4).

Как видим, антропоморфная пластика майкопских памятников малочисленна, она не характерна для культуры Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, так же, впрочем, как и для культур предшествующего и последующего периодов. Но есть одно исключение, касающееся поселения Свободное, где обнаружена серия глиняных антропо- и зооморфных фигурок. Первые представляют в основном изображения женщин с длинной шеей, схематично выполненной головой и реалистично моделированной грудью. Все они фрагментированы, высотой не более 5–6 см. Среди зооморфных преобладают фигурки быка (Нехаев А.А., 1990. С. 11; 1992). Наличие значительного количества терракотовой пластики в данном поселении объяснимо, если учесть связь его с памятниками, представленными в III тысячелетии до н.э. к северу и северо-западу от Закубанья.

Подводя итог рассмотрению керамики майкопской культуры, следует отметить, что она представляет в целом довольно выразительный и оригинальный комплекс. Ряд факторов, в том числе использование при производстве части посуды гончарного круга, определил резкое своеобразие майкопской керамики, выражающееся как в ее формах и характере орнаментации, так и в технологических особенностях. Но как сложилось это своеобразие? В поселениях Прикубанья и некоторых других регионов Северного Кавказа обнаружена груболепная посуда, иногда залощеная, с различными примесями в тесте. Эта керамика, по всей видимости, генетически связана с керамикой предшествующей эпохи. Однако в ряде поселений и подавляющем большинстве майкопских курганов представлена иная, подробно рассмотренная выше керамика, отличающаяся преимущественно красно-оранжевым или красно-охристым цветом и известная как майкопская керамика. Она происходит как из раннемайкопских комплексов, так и из поздних. Эта керамика характерна также и для памятников в Чечено-Ингушетии, Восточной Грузии. Возможно, ее появление на Северном Кавказе связано с переднеазиатским влиянием, вызванным установлением глубоких связей и более того – проникновением сюда отдельных групп населения с далекого юга. В результате на Северный Кавказ были доставлены наряду с отдельными типами металлических изделий и некоторые образцы описанных выше раннемайкопских сосудов, в частности – горшки, происходящие из Устьдзегутинских курганов. Последние прежде всего совпадают, как отмечено, с соответствующими формами керамики из ряда переднеазиатских комплексов. Ведь среди сосудов из самого Майкопского кургана нет горшков с выделенной нижней частью или орнаментированных (в виде “глазка”), или, наконец, имеющих ручки. Поэтому горшки из курганов у г. Усть-

Джегуте – это один из первых образцов такого типа сосудов, известных на Северном Кавказе. Они, как мы полагаем, привозные, а сосуды, например, из Майкопского кургана вылеплены на месте по форме аналогичных горшков. Переднеазиатские влияния дали мощный импульс развитию на Северном Кавказе не только металлообработки, но и гончарного производства.

Хотя в позднемайкопских памятниках встречаются отдельные образцы глиняной посуды импортного происхождения, керамика в целом носит сугубо местный характер. Несомненна связь между ранне- и позднемайкопской керамикой и по технологическим признакам. Общая тенденция развития керамики майкопской культуры – от тонкостенных лощеных горшков до толстостенных сосудов преимущественно без лощения – одинаково прослеживается на материалах как погребальных памятников, так и бытовых комплексов (Формозов А.А., 1965. С. 119).

Заключение

Каковы же были важнейшие отрасли хозяйства племен майкопской культуры? Основу их экономики составляли земледелие и скотоводство. Однако земледелие у майкопских племен не было столь высоко развито и не имело в их хозяйстве такого значения, как у населения Закавказья и Дагестана (Мунчаев Р.М., 1975. С. 378–382). Майкопские бытовые памятники, как известно, не содержат столь значительных данных о развитии земледелия, какие дают обычно поселения куро-аракской культуры. Да и сами майкопские поселения не имеют ярко выраженного земледельческого характера.

На Северном Кавказе, по всей вероятности, ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство. Здесь, как и на Кавказе в целом, в эпоху ранней бронзы имелись все виды домашних животных – бык, корова, баран, свиньи, овцы, а также лошадь. Роль охоты была незначительна. На майкопских поселениях встречены кости 13 видов диких животных, главным образом парнокопытных (олень, косуля, кабан, тур), но они составляют в среднем 4,4% от общего количества костей (Цалкин В.И., 1970. С. 222, 223).

Для суждения о развитии скотоводства у майкопских племен мы располагаем результатами изучения остеологических материалов только из поселений Прикубанья. В Долинском же поселении в Центральном Предкавказье костных остатков оказалось чрезвычайно мало. На их основании удалось лишь установить, что они принадлежали домашней корове очень мелкой породы (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 192). В Прикубанье, как и в других районах Западного Кавказа, основное значение в скотоводческом хозяйстве имело свиноводство – до 50% костей домашних живот-

ных в поселениях принадлежит свинье (Цалкин В.И., 1970. С. 245). На втором месте был крупный рогатый скот, а затем мелкий рогатый скот. Ведущая роль свиноводства в животноводческом хозяйстве изучаемой эпохи устанавливается и для Чечено-Ингушетии, т.е. для всего Северного Кавказа, исключая Дагестан. Для сравнения укажем, что в хозяйстве племен куро-аракской культуры преобладали в основном овцеводство и разведение крупного рогатого скота.

В связи с проблемой развития скотоводства у населения Северного Кавказа эпохи ранней бронзы остановимся кратко на вопросе о находках в майкопских памятниках костей лошади. Последних найдено здесь в отличие от Закавказья крайне мало (0,4%). Они представлены в единичных экземплярах, да и то не во всех поселениях, а в одном случае (в кургане к западу от ст-цы Варенниковской) обнаружены и в погребении (Мунчаев Р.М., 1975. С. 389). Судя по соответствующим данным из предкавказских памятников ямной культуры и Серженьюртовского поселения, лошадей на Северном Кавказе в изучаемую эпоху было мало. Но они здесь были, и это несомненный факт. Ими, вероятно, владели богатые семьи. Более того, отмеченные выше находки бронзовых предметов, являющихся, как нам представляется, псалями, свидетельствуют о том, что на позднем этапе развития майкопской культуры лошадь, возможно, уже использовалась для верховой езды. Для Закавказья, к примеру, такими данными мы не располагаем.

Находки различных категорий изделий из бронзы, а также золота и серебра, убедительно доказывают высокий уровень развития металлообработки у племен майкопской культуры. Бронзовые топоры, ножи-кинжалы, вилообразные орудия, котлы, псалии и другие предметы представлены не единичными находками, а целыми сериями. Отмеченные изделия весьма специфичны и распространены почти исключительно в ареале майкопской культуры. Их местное производство не вызывает сомнений. Безусловно, что Северный Кавказ стал на позднем этапе развития майкопской культуры одним из важнейших очагов металлопроизводства в Старом Свете.

Металлообработка начала развиваться на Северном Кавказе в раннемайкопское время, вероятно, в результате прежде всего южных влияний, включая закавказские. Но высокого уровня и расцвета она достигла на позднем этапе развития майкопской культуры, когда здесь стали производить весь тот широкий специфический ассортимент металлических изделий, который охарактеризован выше. Металлургическое производство базировалось на местных рудных источниках. Из золота местных месторождений отлиты и соответствующие украшения, в особенности подавляющее большинство височных колец.

Важной и самостоятельной отраслью производства майкопских племен являлось и гончарное де-

го. Они создали свою традицию керамического производства, резко отличную, например, от закавказской и характеризующуюся особыми формами посуды и специфическими технологическими особенностями. Важным фактом является то, что часть этой посуды изготовлена с помощью гончарного круга. Устанавливается, что майкопские гончары не только использовали приспособление в виде поворотного столика, обтачивая и заглаживая поверхность сосудов, но могли моделировать на гончарном круге венчик сосуда (Корневский С.Н., 1988а. С. 88).

Отметим и то, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе было развито, по всей вероятности, текстильное производство. На это указывают находки пряслиц и следов ткани на отдельных сосудах Долинского поселения (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 191), остатков самой ткани. Специальное исследование последних показало, что это ткань весьма тонкой пряжи, растительного происхождения (Мунчаев Р.М., 1975. С. 408).

Особо следует подчеркнуть, что племена майкопской культуры поддерживали широкие связи не только со своими близкими соседями, но и с далекой Передней Азией. Как указывалось выше, на территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии майкопские племена пришли в активное взаимодействие с носителями куро-аракской культуры, результатом чего явилось сложение здесь такого синкретического комплекса, как Луговое поселение. Связи развивались и с населением Северо-Западного Прикаспия, Подонья, Крыма и Поволжья. Можно считать, что именно майкопские племена снабжали население Северного Причерноморья и Поволжья металлом. Поскольку собственно майкопские формы бронзовых изделий в памятниках этих областей единичны, надо полагать, что металл поступал туда главным образом в виде слитков.

Весьма активными были, судя по отмеченным археологическим данным, связи с Передней Азией. Ни в предшествующую эпоху, ни в последующий период развития бронзового века связи Северного Кавказа и Передней Азии не были столь интенсивны, как в конце IV–III тысячелетия до н.э*. Не исключено, что на Северный Кавказ проникли и осели здесь отдельные группы населения из Передней Азии, которые и занесли сюда некоторые культурные достижения Ближнего Востока. Одним из основных путей, по которому шло это проникновение на Северный Кавказ, являлся, по-видимому, морской – по Черному морю (Мунчаев Р.М., 1975. С. 376). Нужда в металле, и прежде всего в золоте, была, как нам представляется, одной из главных причин, привлечших внимание населения Передней Азии к Северному Кавказу.

Усиленное развитие экономики и главным образом скотоводства и металлообработки, а также значительное расширение и активизация связей, особенно с передовыми южными областями, способствовали и социальному прогрессу северо-кавказского общества эпохи ранней бронзы. Отдельные погребальные комплексы майкопской культуры убедительно показывают, какие богатства имелись у некоторых представителей родо-племенной знати. Наряду с ними мы наблюдаем здесь в несравненно большем количестве рядовые захоронения. Таким образом, перед нами факты не только имущественной, но и определенной социальной дифференциации среди населения Северного Кавказа III тысячелетия до н.э. Однако следует отметить, что общий процесс культурно-исторического развития здесь, вызванный недостаточно высокими по сравнению с долиной Нила и Двуречьем темпами социально-экономического развития, не привел к более активному расслоению общества и созданию ранних форм государственности, как в Египте или Месопотамии.

* Пользуясь случаем, хочу отметить, что целиком разделяю мнение, к которому пришел В.А. Трифонов: "На новосвободненском этапе переднеазиатские связи майкопской культуры сохранили прежнее направление, но утратили, несмотря на яркие проявления, первоначальную культурную глубину", переднеазиатское "наследие явилось реальной культурной, технологической базой, предпосылкой блестящего расцвета культуры (майкопской. — Р.М.) на новосвободненском этапе... (Трифонов В.А., 1987а. С. 23)

Глава 2

Дольмены Западного Кавказа

Среди древних памятников Кавказа особое место принадлежит монументальным гробницам-дольменам (от кельтских слов: *toi* – стол, *men* – камень, “каменный стол”. *Filip Jan*, 1966. S. 297). Стоявшие по лесистым горам Причерноморья (включая Абхазию) и Прикубанье, ныне они большей частью представляют собой развалы каменных плит. Впервые обратил на них внимание академик П.С. Паллас. Он бегло описал дольмены у ст. Фонталовской, думая, что их построили черкесы (*Pallas P.S.*, 1803. S. 278, 279). В 1818 г. подобные памятники были обнаружены на р. Пшаде (*Marigney T. de*, 1921. P. 109–111; *Марины де*, 1974. С. 318), а несколько позже – в верховьях р. Абин и в районе Джубги (*Bell J.S.*, 1841. P. 146, 147). В 40-е годы XIX в. высказывалось мнение, что кавказские дольмены могли быть созданы киммерийцами (*Montpreux de D.*, 1843. P. 46, 47) и даже ахеянами, прибывшими с “Язоном во время путешествия его в Колхиду” (*Ашик А.Б.*, 1846. С. 125, 126). Долгие годы дольмены изучались как памятники “классической” (античной) археологии (*Историческая записка*, 1890. С. 4–8), порождая самые различные теории о своем возникновении. Так, в 1865 г. А. Бонштеттен высказал мнение об их индийских корнях (*Bonstetten A. de*, 1865. P. 45, 46, 52, 53), а Ф.С. Байерн считал, что дольмены не могут быть “свойственны одному какому-нибудь народу”. Он пытался систематизировать их в хронологические группы и методом сопоставления ориентировки наметить наиболее древние (исходные) сооружения (*Байерн Ф.С.*, 1871. С. 312–315; 1882. С. 10–14).

Впервые раскопками дольменов занялся в 1869–1870 гг. Н.Л. Каменев. Им проводились работы по рекам Белой и Фарс, возле станиц Абадзехской, Даховской и Царской (ныне ст-ца Нововободная). В результате его раскопок в дольменах были обнаружены предметы раннего облика (проушной топор, тесло, нож и пр.). По его мнению, дольмены в качестве гробниц использовались длительное время и даже в XVIII–XIX вв. во время эпидемий “моровой язвы среди горцев” (*Каменев Н.Л.*, 1870). Интерес к древним постройкам оживлялся с каждым годом. Известный кавказовед А.П. Берже, выступая 9 декабря 1873 г. в Тифлисе на открытии Общества любителей кавказской археологии, уделил дольменам особое внимание, ибо они встречаются в приморских странах всего мира и, по его мнению, могут быть отнесены к “последним годам периода шлифованного камня”, т.е. к неолиту (*Берже А.П.*, 1875. С. 1–3, 17).

Огромное значение дольменам как памятникам

необычайной важности в изучении прошлого Кавказа придавал А.С. Уваров, требуя тщательно их фиксировать и обмерять (V археологический съезд, 1882. С. 10 и след.). Он мечтал о создании труда, в котором дольмены Кавказа были бы рассмотрены на фоне мегалитов мира (*Уваров А.С.*, 1876. С. 269–290; 1878. С. 245–274). К сожалению, его замысел не был полностью осуществлен. Однако главным исследователем дольменов Кавказа, изучавшим их с 1878 по 1886 г., был казачий офицер Е.Д. Фелицын, создавший сводную работу, посвященную этим памятникам. Он описывает 29 пунктов с дольменными местонахождениями, дает характеристику памятникам, останавливаясь на таких деталях, как ориентация сооружений, обряд погребений, декор. Раскопки, развернутые им, позволили собрать некоторый археологический материал. К сожалению, автор главное внимание обращал лишь на поздние предметы, что заставило его усомниться в достаточно глубокой древности кавказских сооружений (*Фелицын Е.Д.*, 1904. С. 6–12, 36).

Не прошла мимо дольменов в своих научных интересах известный археолог П.С. Уварова. Ею были не только предприняты обмеры и раскопки отдельных построек (*Уварова П.С.*, 1891. С. 21–56), но и намечены группировки дольменных памятников, описаны отдельные местонахождения (*Уварова П.С.*, 1990а. С. 197, 198; 1904. С. 170–175). По ее инициативе изучением дольменов занялся В.М. Сысоев. Им было описано 146 памятников Прикубанья, отмечены типологические черты виденных им построек (*Сысоев В.М.*, 1904. С. 89–140). Он считал, что культура народа, оставившего дольмены, была очень низка: “переходная от камня к бронзе и даже железу” (по его мнению, этот народ мог жить в II–III вв. н.э., “а может быть, и позже”). Обитая в странах “Старого Света, прилегающих к Средиземному морю”, строители дольменов, возможно, являлись “кельтическим племенем” (*Сысоев В.М.*, 1898. С. 9). Научные труды В.М. Сысоева важны не теоретическими построениями, а своей фактологической частью. В это же время в Причерноморье работал археолог В.И. Сизов, раскопавший два дольмена у г. Геленджика и ст-цы Натухайской. Здесь были найдены вещи, которые, по его же словам “встречаются в эпоху так называемого каменного века” (*Сизов В.И.*, 1889. С. 1–5). Трудно перечислить всех, кто в той или иной степени интересовался дольменами. Это были местные учителя, журналисты, путешествующие ботаники, географы, геологи, русские и зарубежные

ученые-историки (детальнее см.: Marcovine V.I., 1963. P. 42–51; Марковин В.И., 1972. С. 30–46). Собранный материал позволил подойти к первым научным обобщениям. Такие попытки предпринял Э. Шантр. Он создал карту распространения кавказских дольменов и попробовал сопоставить их архитектуру с памятниками Сирии, Индии и других стран (Chantre Ernest, 1885. P. 54–64). Интересно, что другой ученый Ж. де Морган на предложенной им карте дольменов отметил как “дольменную” территорию Абхазии, хотя к концу XIX в. они здесь еще не были известны (Morgan de J., 1889. P. 190; Морган Ж. де, 1923. С. 236–240).

С обобщающими данными о дольменах Кавказа неоднократно выступал в печати академик Д.Н. Анучин. Первоначально отказываясь как-либо датировать дольмены (Анучин Д.Н., 1884. С. 235), он в дальнейшем считал их довольно поздними – эпохи железа, ссылаясь на находки Е.Д. Фелицына (Анучин Д.Н., 1893. С. 934, 935). По его мнению, не существовало особого “дольменного народа”, а в древности практиковался единообразный обычай хоронить в массивных сооружениях. Он был распространен на обширной территории (Анучин Д.Н., 1913. С. 574–577).

Мнение о позднем происхождении кавказских дольменов стало утверждаться в науке, так как их строительство приписывали даже таким племенам, как сарматы, аланы, готы (Толстой И.И., Кондаков Н.П., 1890. С. 97–104).

Резкий поворот в изучении дольменов произошел в результате раскопок Н.И. Веселовского, предпринятых им в Прикубанье в 1894–1914 гг. Исследование двух дольменов у ст-цы Царской позволило выявить большое количество предметов явно древнего происхождения (ОАК за 1898 г. С. 33–38). Первоначально он датировал их скифским временем “за несколько лет до Р.Х.” (Археологические известия ..., 1897. С. 289), а затем – этапом “раннего развития микенской культуры до 1500–1200 гг. до н.э.” (Веселовский Н.И., 1910. С. 7). Новосвободненские дольмены (их теперь так называют) привлекли внимание специалистов. Им посвящена огромная литература. Почти все крупные ученые, занимающиеся памятниками эпохи бронзы Юго-Восточной Европы и Кавказа, интересовались и этими древними постройками. Большое внимание изучению древностей ст-цы Новосвободной уделял известный археолог-кавказовед А.А. Иессен (Иессен А.А., 1950. С. 157–200; 1961. С. 19–22). Этим же дольменам посвящена специальная монография (Попова Т.Б., 1963), но, так как содержащийся в них инвентарь имеет майкопский облик, они представляют интерес для изучения не только дольменной, но и майкопской археологической культуры (Формозов А.А., 1965. С. 65 и след.; Мунчаев Р.М., 1975. С. 241–253, 315 и след.; см. его статью “Майкопская культура” в этом выпуске).

Яркие находки, сделанные Н.И. Веселовским, еще более всколыхнули интерес к дольменным па-

мятникам. Любители старины стали описывать древние постройки, а местные власти принимать некоторые меры к их охране (детальнее см.: Марковин В.И., 1974а. С. 308–311). Среди исследователей начала XX в. следует вспомнить Н.Е. Талицкого и Г.Н. Сорохтина. Первый из них сделал ценные наблюдения по ориентации дольменов, их декоративному оформлению. Датировал он их “каменным веком” (Талицкий Н.Е., 1912. С. 96 и след.), второй дал четкое описание 49 дольменов, расположенных по линии г. Новороссийск – с. Пшада. Им была предложена также типология дольменных построек (Сорохтин Г.Н., 1915. С. 90–104; С. 34 и след.).

После гражданской войны работы по изучению древностей Западного Кавказа были возобновлены. В первую очередь следует отметить открытие дольменов в Абхазии. Это произошло в 1925 г., когда их нашли у оз. Амткел, а затем у сел. Ачандары (Стражев В.И., 1926. С. 125–127). С 1930 г. были начаты раскопки некоторых из них (Ivašenko M.M., 1932. S. 98–103; Иващенко М.М., 1935. С. 9 и след.). В 30-е годы продолжались поиски и фиксация дольменных сооружений на территории Прикубанья и Причерноморья, что позволило сделать новую попытку обобщить накопленный материал (Лещенко А.Ф., 1925. С. 89–94; 1931. С. 237–257). Однако главное внимание ученых было направлено на выработку хронологической шкалы древностей Кавказа и всего юга нашей страны. Не последнее место среди них занимали дольмены, прежде всего Новосвободненские гробницы. В эту работу включились советские и зарубежные ученые (А.М. Тальгрэн, Ю.В. Готье, А.В. Шмидт, А.А. Миллер, А. Европеус, А.А. Иессен, Ф. Ганчар, Б.А. Куфтин, М.И. Артамонов и др.). Создание такой хронологии растянулось на многие годы. Начатая в 30-е годы, она не закончена по сей день, хотя уже намечены основные хронологические вехи для памятников эпохи бронзы Кавказа. Для дольменных памятников типа Новосвободной А.А. Иессеном была предложена дата 2300–2000 гг. до н.э. (Иессен А.А., 1962. С. 19–22). Ею как своеобразным хронологическим ориентиром и сейчас еще пользуются ученые-кавказоведы, хотя несомненно, что она требует некоторого удревнения.

В 1949 г. вышла книга Б.А. Куфтина, в которой он предложил каждый дольмен рассматривать как семейно-родовую усыпальницу, а наиболее древние из них (и “большие” по величине) датировать рубежом III–II тысячелетий до н.э. Он считал возможным связывать культуру дольменов с “кобанской культурой”, имея в виду колхидскую культуру, которая была выделена несколько позже выхода в свет его книги (Куфтин Б.А., 1949. С. 267–289, 312–323). В последнем утверждении Б.А. Куфтин, очевидно, не прав, так как материалы колхидско-кобанского времени лежат в верхних напластованиях дольменов и часто отделяются стерильными прослойками от из основного содержимого.

Развернувшиеся в Абхазии в 1950–1960-е годы работы по изучению дольменов (Бжания В.В., 1967. С. 102–112) дали Л.Н. Соловьеву повод к выделению особой “южнодольменной культуры”, которая, по его мнению, базируясь на абхазской территории, сказалась в дальнейшем на распространении дольменов по Прикубанью и вдоль побережья Черного моря. Он связывал культуру западнокавказских дольменов с предполагаемым движением малоазиатских племен “кашков”, рассматривая это движение как универсальный культурнообразующий процесс, под влиянием которого возникла даже фатьяновская культура (Соловьев Л.Н., 1958. С. 150–165). Несмотря на то что теория Л.Н. Соловьева была многими учеными воспринята пессимистически (Мелихов А.Н., 1960. С. 28–37; Марковин В.И., 1960. С. 284; Джапаридзе О.М., 1961. С. 215, 231, 232), она еще находит отражение в отдельных научных трудах (Анчабадзе З.В., 1964. С. 125, 126; Федоров Я.А., 1974. С. 75, 76).

Дольмены Абхазии в 50-х годах и позже изучались О.М. Джапаридзе. Им выделено несколько хронологических напластований в дольменах, датируемых от 2400 до 1800 гг. до н.э., систематизированы как сами сооружения, так и сопутствующий им инвентарь (Джапаридзе О.М., 1959. С. 82–103; 1961. С. 215–238; 1976. С. 295 и след.; 1991. С. 196–199, 299).

В 1960 г. вышла из печати сводка всех известных к тому времени дольменов, созданная Л.И. Лавровым. В этой работе имеются таблицы дольменных габаритов, а сами памятники сведены к небольшому количеству типов с вариантами (Лавров Л.И., 1960. С. 102 и след.). Работа эта является важным справочником по дольменам Кавказа. Несомненно, для рассматриваемой темы определенный интерес представляют исследования А.А. Формозова и А.Д. Столяра древних поселений Прикубанья. Они дали возможность выделить этапы майкопской культуры и охарактеризовать ее инвентарь (Формозов А.А., Столяр А.Д., 1960. С. 107–114; Формозов А.А., 1965. С. 108–124, 145–158; 1966. С. 76–87), а это, в свою очередь, позволило в дальнейшем более четко представить чисто дольменный инвентарь. Правда, в последнее время некоторые из памятников, обнаруженных А.А. Формозовым и А.Д. Столяром (Мешоко, Скала), предлагают считать относящимися к более раннему, еще домайкопскому времени (Нехаев А.А., 1992). Это не меняет сути дела – дольменные находки составляют особый круг археологического материала.

Здесь необходимо отметить также создание Ю.Н. Вороновым археологической карты Абхазии, в которой не последнее место занимают дольмены (Воронов Ю.Н., 1969. С. 19 и след.). Среди этнографов в последние годы большое внимание дольменным памятникам уделял Ш.Д. Инал-Ипа в связи с изучением проблемы происхождения абхазского народа (Инал-Ипа Ш.Д., 1965.

С. 64, 68, 81–86; 1971. С. 25 и след.; 1976. С. 71 и след.).

С 1967 г. к исследованию дольменов Прикубанья и Причерноморья приступила специальная экспедиция Института археологии АН (руководитель В.И. Марковин), которой были описаны многие дольменные памятники западной части Кавказа. В итоге этих работ были опубликованы отдельные статьи и обобщающие работы (Марковин В.И., 1973а. С. 3–23; 1974б; 1978; 1985а; Markovine V.I., 1974. P. 8–31), которые вызвали ряд откликов (Резепкин А.Д., 1977; Воронов Ю.Н., 1979. С. 45–57; 1980. С. 321–325; Формозов А.А., 1980; Цвинария И.И., 1990. С. 61–66). Изучение материалов, полученных этой экспедицией, оживило интерес к дольменным памятникам, что нашло отражение в ряде статей В.А. Сафронова, Н.И. Николаевой, А.Д. Резепкина, М.Б. Рысина и других археологов. Об этих работах будет еще говориться в дальнейшем. Здесь же надо отметить новые полевые исследования, развернувшиеся начиная с 1975 г. в Абхазии (И.И. Цвинария) и в Краснодарском крае (А.Д. Резепкин, В.И. Марковин, М.К. Тешев, А.П. Кононенко, М.Б. Рысин и др.). Особо следует отметить раскопки подкурганных дольменов в урочище Клады у ст-цы Новосвободной и уникального кургана Псынако 1 с дольменом в районе г. Туапсе (Марковин В.И., 1985а. С. 80–88; 1991а. С. 51, 52; 1991б. С. 64–71. Табл. XII–XV; Марковин В.И., Тешев М.К., 1986; Резепкин А.Д., 1987б. С. 26–33; Тешев М.К., 1988. С. 164–169). Параллельно с полевыми работами проводились также чисто кабинетные исследования (Марковин В.И., 1979. С. 21–23; 1980б. С. 37–43; 1982а. С. 25–32; 1984. С. 3–8; 1985б. С. 3–15; 1992в. С. 90–94; Рис. 4–10; Резепкин А.Д., 1988. С. 156–161; 1989; Рысин М.Б., 1992а; 1992б. С. 215–223).

Подводя итог этому очень сжатому обзору, в котором упомянуты далеко не все исследователи и их труды, следует сказать, что, несмотря на усилия многих поколений ученых, дольмены до сих пор остаются слабоизученными памятниками. Они нелегко раскрывают и свои конструктивные особенности, и свое содержимое. И все же основные данные, характеризующие эти монументальные постройки Западного Кавказа, уже собраны. Ознакомимся с ними.

Картографирование местонахождений дольменов, обнаруженных за весь почти 200-летний период их изучения, позволило очертить территорию, занимаемую ими на Западном Кавказе. Она простирается вдоль Черного моря, достигая в длину до 480 кв. км, ширина ее варьирует от 30 до 75 км. Наиболее южные из дольменов обнаружены возле г. Очамчыры, по Кодорскому хребту и р. Кодори, северные расположены на Таманском полуострове. Вся эта достаточно обширная территория покрыта горными лесами. В зоне, лишенной гор, можно назвать всего три пункта, где были обнаружены дольмены. Эти мысы Фанталовский и Тузла

на Тамани и окрестности аула Уляп на р. Лабе (карта 4). Всего известны сейчас 194 пункта с дольменными постройками (Марковин В.И., 1978. С. 19–54). Последними среди них являются местонахождения близ с. Васильевка (р. Озерейка) в районе г. Новороссийска (Кононенко А.П., 1988. С. 27), в Усть-Сахрае (Джанхот И., 1992. С. 36, 37) и по р. Небуг (Анфимов И.Н., 1992. С. 37–39). К сожалению, во многих из них уже давно нет дольменов, но при картографировании учтены все известные местонахождения. По самым скромным подсчетам (по два дольмена на неизученную группу), можно говорить сейчас о не более чем 2400 древних постройках, некогда воздвигнутых на территории Западного Кавказа. Из них в целом виде возвышается сейчас не более 20%. Из указанного количества памятников раскопано археологами не более 160 построек.

Дольмены большей частью образуют группы с небольшим количеством сооружений (до 10–12), но известны целые дольменные поля. Такие огромные некрополи можно еще видеть на р. Кизинке (Кизинчи) близ ст-цы Баговской (хут. Кизинка), где зафиксировано к 1971 г. 564 постройки. Большинство, к сожалению, представляют развалы (Marcovine V.I., 1974). Значительное количество дольменов (не менее 300) было зафиксировано Е.Д. Фелицыным на Богатырской дороге (поляне) близ ст-цы Новосвободной (Фелицын Е.Д., 1904. С. 7, 72–83) и возле пос. Каменноостского (Хаджох). В этой “Кожжохской группе” он насчитал 210 построек и 50–70 памятников, по его словам, остались неизученными (Фелицын Е.Д., 1904. С. 7, 39–54). Известная Дегуакская Поляна у ст-цы Даховской содержала “более 200” сооружений (Фелицын Е.Д., 1904. С. 7, 67–71). В 1975 г. здесь еще можно было видеть развалы 140 дольменов (Марковин В.И., 1978. С. 22, 23).

В зависимости от зон простираения тех или иных горных пород (известняки, песчаники, сланцы, кристаллические породы) меняется и материал, из которого сделаны дольмены. Почти всегда это местный камень.

Дольмены встречаются довольно высоко в горах. Так, на хребте Мезецу (Мыжоццу), почти у самой высшей его отметки, в 1029 м над уровнем моря найдены древние постройки (Шамотульский А.И., 1967. С. 164; Марковин В.И., 1978. С. 40, 41. Рис. 14, 1). На значительной высоте, более 1000 м, они расположены по Панавскому и Чхалтинскому хребтам в Абхазии. Однако основная масса дольменов занимает склоны гор, не выше 250–400 м над уровнем моря. Располагаются они по долинам рек, близ горных, но довольно доступных перевалов, по обеим сторонам Главного Кавказского хребта (в пределах очерченной территории).

Дольмены, как и другие мегалитические постройки (менгиры, кромлехи), можно рассматривать как сооружения, на основе которых возникло монументальное зодчество. Изучение архитекту-

ры кавказских дольменов в этом отношении весьма перспективно. Однако попытка связать их типологию с европейскими мегалитами (Резепкин А.Д., 1987а. С. 24–26; 1988. С. 156–160) не представляется удачной, так как при этом заведомо постулируется полная зависимость местных построек от развития галерейных, коридорных гробниц Европы. К тому же типологическая схема А.Д. Резепкина не охватывает всего многообразия западнокавказских дольменных сооружений.

Е.Д. Фелицын еще в начале XX в. предложил дробную классификацию местных дольменов (Фелицын Е.Д., 1904. С. 18–25). Она оказалась малоудобной, но легла в основу последующих разработок. Сейчас принято группировать дольмены по схеме Л.И. Лаврова (Лавров Л.И., 1960. С. 102). Предполагаемая ниже типология западнокавказских построек основана на его разработках.

Все дольмены можно разделить на четыре основных типа (табл. 62).

1. Плиточные. Они встречаются наиболее часто (более чем в 150 пунктах). Л.И. Лавров для простоты называл их “обычными”.

2. Составные.

3. Корытообразные.

4. Монолитные. Это редчайший тип дольменов.

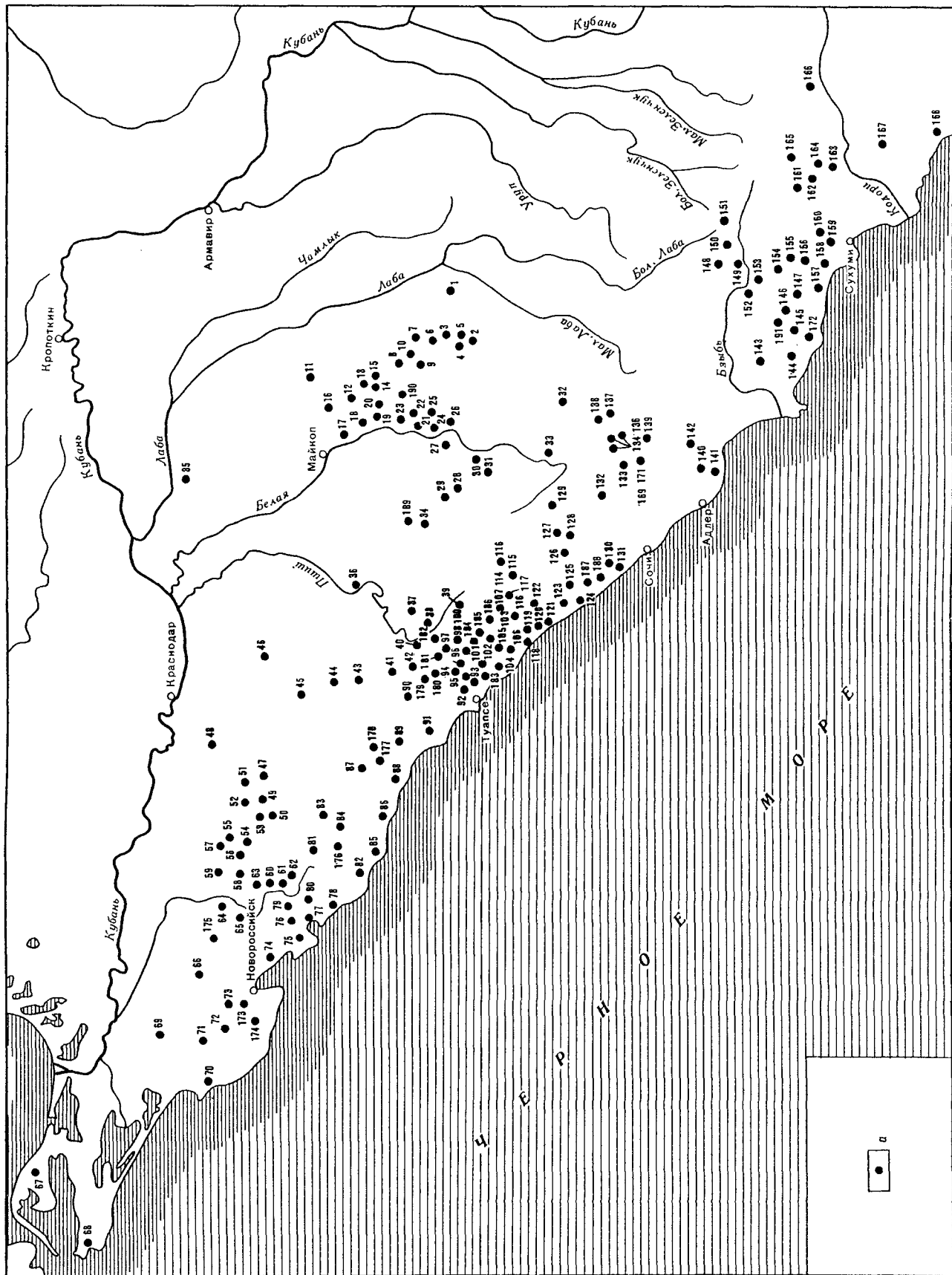
Рассмотрим архитектурные особенности каждого из них. Плиточные дольмены составляют примерно 94% из общего числа памятников. Сложны они из массивных каменных плит. Среди них выделяются два конструктивно отличающихся вида памятников: дольмены, образующие камеру с четырьмя углами прямоугольной и трапециевидной формы, и дольмены, образующие камеру многоугольной формы.

Среди плиточных дольменов первого вида можно выделить несколько вариантов памятников, которые позволяют проследить изменения в их архитектуре и строительном мастерстве.

Простейшим вариантом сооружений являются постройки, найденные в Абхазии близ бывш. сел. Рождественского (между горами Ахупач и Прцха), среди упоминавшейся “Кожжохской группы” дольменов (пос. Каменноостский), у пос. Ильского, г. Геленджика и дольмен 215 бассейна р. Кизинки (у ст-цы Баговской). Эти памятники не имели отверстий (лаза), хотя, как правило, все дольмены Западного Кавказа снабжены отверстиями. Абхазские памятники достигали в длину 2,50 и 1,50 м. В меньшем из них был найден довольно архаический инвентарь (Л.Н. Соловьев считал его даже поздне-неолитическим): крупный кремневый наконечник дротика с черешком и молотовидная булава (Соловьев Л.Н., 1958. С. 140, 163–167; 1960. С. 72; Воронцов Ю.Н., 1969. С. 37).

Более полное представление об этой группе построек дают некоторые дольмены “Кожжохской группы”. Их объединяет не только отсутствие лаза, но и прямоугольный и квадратный план камеры (габариты 1,59 × 1,42; 1,50 × 1,50; 1,22 × 1,22 м и по-

ЧАСТЬ II. ЭПОХА БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

дольные им), установка непосредственно на материке без опорных плит (Фелицын Е.Д., 1904. С. 41, 48, 50, 70).

Интересен дольмен 215, обнаруженный на р. Кизинке в 1971 г. (табл. 63, 1–6). Он сложен из довольно грубо обработанных плит известняка, но в боковых стенках имелись пазы, в которых держались поперечные плиты. Пазы проходили и по нижней части массивного перекрытия (в них упирались плиты, образующие камеру), что обеспечивало относительную прочность постройки. Наружные размеры дольмена у основания могут быть даны лишь приблизительно, так как он сложен из плит разной величины – площадь его не более 1,80 × 1,30 м при высоте до 1,25 м. В этом дольмене была найдена золотая височная подвеска в виде сомкнутого колечка (Марковин В.И., 1974в. С. 64–79; 1978. С. 61–64).

Ко второму варианту плиточных построек можно отнести два известных дольмена, исследованных Н.И. Веселовским у ст-цы Царской. К сожалению, им были опубликованы рисунки, сделанные

по описаниям (табл. 63, 7, 8). Полностью доверять этим зарисовкам нельзя (ОАК за 1898 г., 1901. С. 33–36. Рис. 48, 53; Попова Т.Б., 1963).

Однако ясно, что Н.И. Веселовский раскопал сооружение с несколько трапециевидным планом камер. Они были перегороджены на две части: небольшой величины притвор и погребальную камеру. В камеры вели лазы. У дольмена, прикрытого “двускатной крышей”, таковым являлось прямоугольное отверстие (0,38 × 0,27 м, оно было закрыто плиткой), у другого, с плоским перекрытием – круглое отверстие (диаметр 0,40 м, заложено каменным “кружком”). Притворы не имели специального пола, а в камерах были полы из каменных плит. Высота описываемых построек не превышала 1,50 м, в длину они могли достигать 3 м. Оба дольмена оказались окруженными кольцеобразным валом из речных камней.

С 1979 по 1986 г. в ст-це Новосвободной (урочище Клады) подобные подкурганские гробницы исследовались А.Д. Резепкиным и др. Обнаруженные дольмены были сооружены на уровне древнего го-

Карта 4. Распространение дольменов на Западном Кавказе

1 – дольмены и дольменные группы; 1 – сел. Шедок, 2 – ст-ца Баговская, р. Гурмай, 3 – ст-ца Баговская, Серегина Поляна, 4 – ст-ца Баговская, Журовая Поляна, 5 – ст-ца Баговская, Башенковая Поляна, 6 – хут. Кизинка, р. Кизин-чи (Кизинка), 7 – ущелье р. Губс, 8 – ст-ца Баракаевская, р. Губс, 9 – ст-ца Баракаевская, колхозные земли, 10 – местонахождение между стницами Баракаевской и Новосвободной, 11 – ст-ца Махшевская, 12 – ст-ца Новосвободная, “Богатырская дорога (поляна)”, 13 – ст-ца Новосвободная, р. Фарс, 14 – ст-ца Новосвободная, Клады, 15 – ст-ца Новосвободная, Длинная Поляна, 16 – пос. Махош-Поляна, 17 – ст-ца Тульская, 18 – ст-ца Абадзехская, 19 – ст-ца Абадзехская, дорога к пос. Каменномостскому, 20 – ст-ца Абадзехская, местонахождение между реками Большой Хаджо и Малый Хаджо, 21 – пос. Каменномостский, турбаза, 22 – пос. Каменномостский, р. Белая, 23 – пос. Каменномостский, урочище Мешоко, 24 – пос. Каменномостский, дорога на хут. Войкина Поляна, 25 – хут. Войкина Поляна, 26 – ст-ца Даховская, Дегаульская Поляна, 27 – ст-ца Даховская, дорога к сел. Темнолесскому, 28 – сел. Темнолесское (Мезмай), 29 – сел. Темнолесское, р. Курджиц, 30 – сел. Хамышки, Цербелева Поляна, 31 – сел. Хамышки, 32 – р. Сахрай, 33 – пос. Гузерипль, 34 – ст-ца Самурская, 35 – Ульский аул (Уляп), 36 – ст-ца Кабардинская, 37 – сел. Гунайка, 38 – сел. Гойтх, 39 – хут. Перевальный, 40 – сел. Шаумян, р. Пшиш, 41 – с. Садовое, Мильконова Щель, 42 – сел. Садовое, гора Индюк, 43 – сел. Фанаторийское, 44 – сел. Безьянное, 45 – сел. Пятигорское, 46 – ст-ца Саратовская, 47 – ст-ца Крепостная, р. Афиц, 48 – ст-ца Афицкая, 49 – ст-ца Убинская, р. Великий Убин, 50 – ст-ца Убинская, гора Убин-Су, 51 – ст-ца Убинская, “Запорожские источники”, 52 – ст-ца Дербентская, 53 – р. Иль, 54 – ст-ца Холмская, 55 – ст-ца Холмская, гора Паник, 56 – ст-ца Холмская, “Сосновый Пост”, 57 – ст-ца Холмская, р. Хабль, 58 – р. Большой Бугундыр, 59 – ст-ца Ахтырская, 60 – ст-ца Эриванская, р. Большой Бугундыр, 61 – ст-ца Эриванская, р. Абин, 62 – ст-ца Эриванская, слияние рек Абин и Крученой, 63 – ст-ца Эриванская, дорога к ст-це Шапсугской, 64 – ст-ца Шапсугская, 65 – ст-ца Шапсугская, хребет Адегой, 66 – ст-ца Нижнебаканская, 67 – б. сел. Чокрай-Кой, 68 – мыс Тузла, 69 – ст-ца Натухайская, 70 – сел. Варваровка, 71 – ст-ца Раевская, 72 – пос. Цемдолина, 73 – ст-ца Гайдук, 74 – хребет Маркотх, 75 – гора Дооб, 76 – сел. Марьяна Роща, 77 – г. Геленджик, бухта, 78 – г. Геленджик, 79 – с. Адербиев-

ка, 80 – пос. Спорный, 81 – р. Жанэ, 82 – пос. Бета, 83 – р. Гуапсе, 84 – сел. Пшада, 85 – сел. Береговое, 86 – сел. Архипо-Осиповка, 87 – пос. Вуланский, 88 – пос. Джубга, 89 – ст-ца Тенгинская, 90 – сел. Подхребтовое, 91 – с. Новомихайловка, 92 – пос. Каменный Карьер, 93 – Армянский хутор, 94 – ст-ца Кривенковская, 95 – сел. Георгиевское, 96 – сел. Малое Псеушко, 97 – сел. Анастасевка, 98 – местечко Аджигалово, 99 – урочище “3-я рога”, 100 – р. Псинеф, 101 – сел. Большое Псеушко, 102 – сел. Дедеркой, 103 – пос. Пасека, 104 – сел. Шепси, 105 – хут. Голубева Дача, 106 – сел. Шхавит, 107 – аул Красноалександровский I, 108 – аул Красноалександровский II, гора Бжекож, 109 – аул Красноалександровский II, 110 – урочище “Болса”, 111 – гора Хунагет, 112 – ущелье Капабье, 113 – местонахождение между аулами Красноалександровских II и III, 114 – аул Красноалександровский III, 115 – пос. Чертов Мост, 116 – хребет Мезецу, 117 – сел. Кировское, 118 – сел. Тихоновка, 119 – сел. Лазаревское, 120 – сел. Волконка, 121 – р. Чухук, 122 – сел. Солоники, 123 – сел. Зубова Щель, 124 – сел. Головинка, 125 – сел. Большой Кичмай, 126 – сел. Верхний Кичмай, 127 – р. Бзыч, 128 – сел. Солох-аул, гора Аутль, 129 – сел. Бабук, 130 – сел. Дагомыс, р. Западный Дагомыс, 131 – сел. Дагомыс, р. Восточный Дагомыс, 132 – с. Ажек, 133 – сел. Медовеевка, 134 – пос. Красная Поляна, р. Монашка, 135 – пос. Красная Поляна, р. Кукерту, 136 – пос. Красная Поляна, гора Ачишхо, 137 – дорога в сел. Эсто-Сады, 138 – р. Лаура, 139 – сел. Ангба, 140 – сел. Ковалевское, 141 – сел. Гантиади, 142 – сел. Ачмарда, 143 – сел. Отхара, 144 – р. Мчишта, 145 – сел. Куланурхва, 146 – сел. Ачандара, 147 – сел. Хабью, 148 – р. Агурипта, 149 – сел. Псху, 150 – пос. Санчар, 151 – р. Баул, 152 – хут. Решевай, 153 – хут. Доу, 154 – р. Маденга, 155 – р. Гумрипш, 156 – сел. Анухва Абхазская, 157 – г. Новый Афон, 158 – сел. Верхняя Эшера, 159 – пос. Цугуровка, 160 – сел. Шрома, 161 – сел. Прцха, 162 – гора Ахупач, 163 – сел. Сули, 164 – сел. Азанта, 165 – р. Джампал, 166 – сел. Чхалта, 167 – сел. Ахуца-Джгерда, 168 – г. Очамчирра, 169 – сел. Михельрипш, 170 – пос. Троицкий, 171 – р. Пхиста, 172 – сел. Абгархук, 173 – с. Васильевка, 174 – сел. Большие Хутора, 175 – ст-ца Неборджаевская, 176 – р. Догуаб, 177 – хут. Полковничий, 178 – сел. Дефановка, 179 – аул Псебе, 180 – р. Небуг, 181 – р. Челепси, 182 – хут. Шубинка, 183 – сел. Холодный Родник, 184 – р. Шойкопси, 185 – урочище Кубыши, 186 – хут. Алтубинал, 187 – сел. Якорная Щель, 188 – р. Лоо, 189 – р. Маратучка, 190 – хут. Порошки, р. Фарс, 191 – сел. Хуап

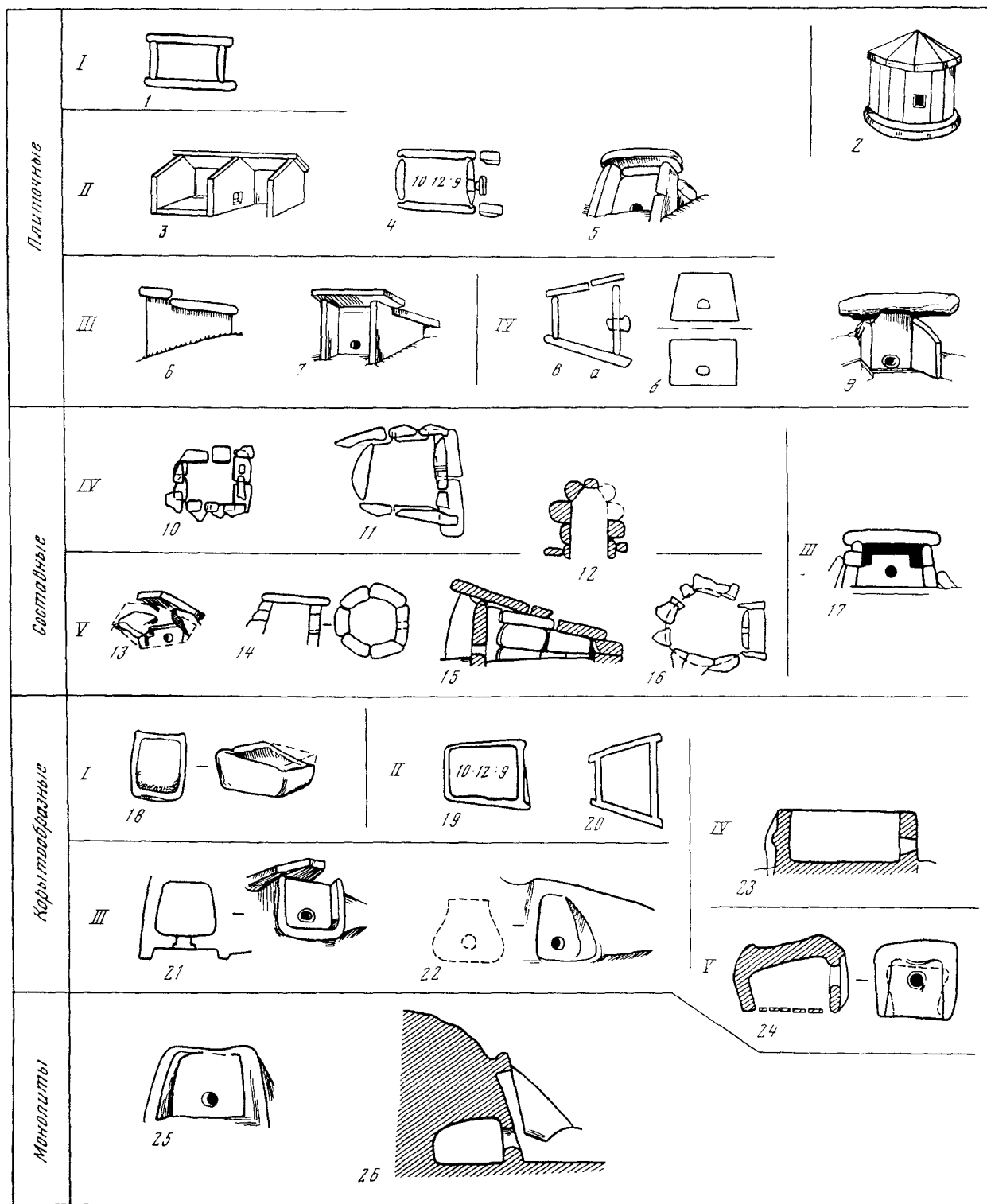

Таблица 62. Западный Кавказ. Типы дольменных памятников с разновидностями

Плиточные дольмены: I-III – варианты (1 – пос. Ильский; 2 – бассейн р. Фарс; 3 – ст-ца Новосободная; 4, 8 – дольмены 74 и 54 в бассейне р. Кизинка; 5 – урочище Адигналово, район Туапсе; 6 – ст-ца Шапсугская; 7, 9 – р. Аше; а, б – разновидности форм передних плит). Составные дольмены: I-III – варианты (10, 11 – дольмены 71 и 84 Дегуакской Поляны, ст-ца Даховская; 12 – из той же местности; 13 – окрестности Туапсе;

14 – пос. Лазаревский; 15, 16 – пос. Гузерибль; 17 – с. Адербиевка). Корытообразные дольмены: I-V – варианты (18, 19 – дольмены 52 и 532 в бассейне р. Кизинка; 20 – ст-ца Шапсугская; 21 – дольмен 5, сел. Солох-аул; 22 – сел. Солоники; 23 – р. Дедекрой; 24 – р. Аше); дольмены-монолиты (25 – сел. Береговое; 26 – сел. Волконка)

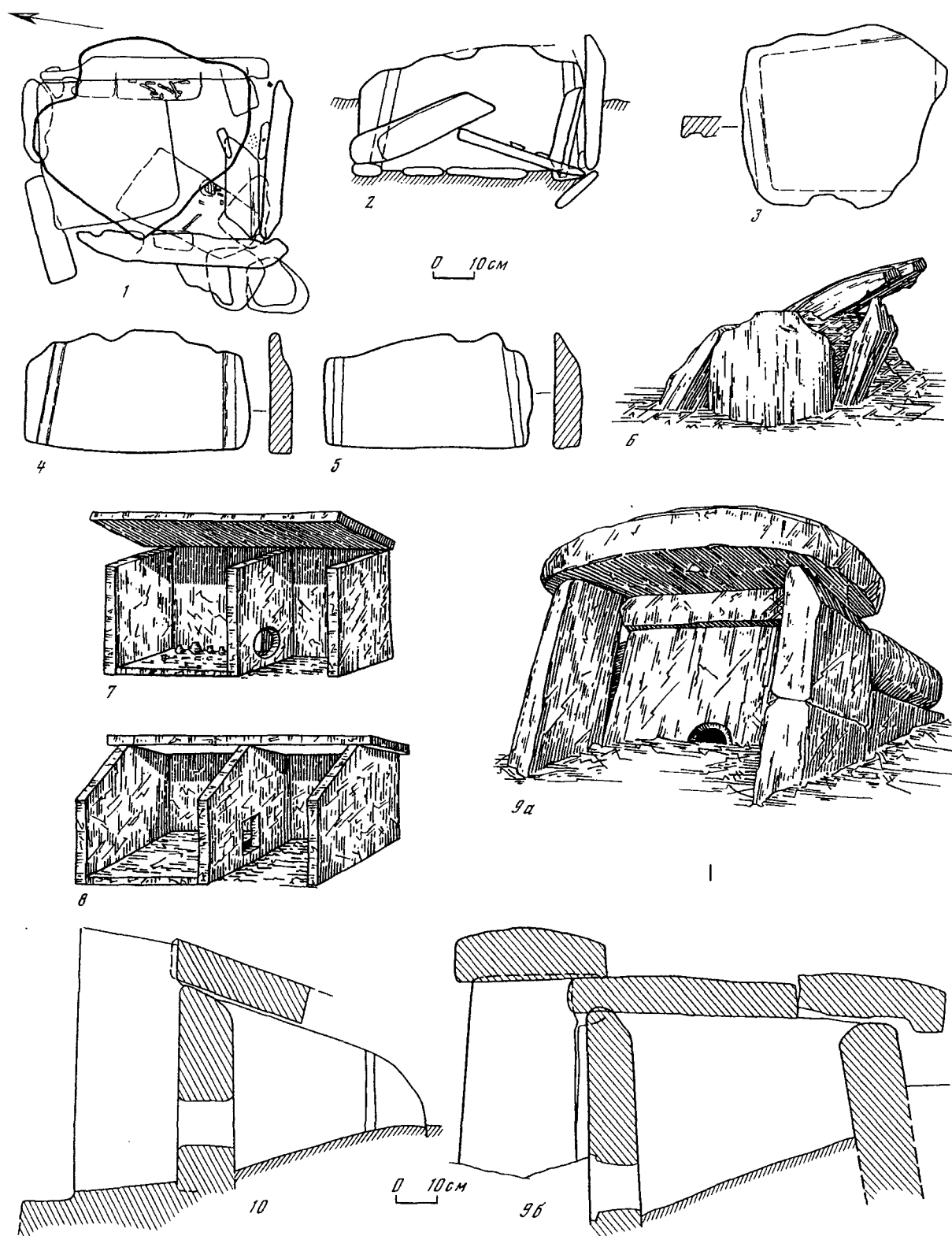

Таблица 63. Дольменные памятники Западного Кавказа

1-6 - бассейн р. Кизинка, дольмен 215 без лаза (1 - план; 2 - продольный разрез; 3-5 - перекрытие и боковые плиты; 6 - вид до раскопок); 7, 8 - ст-ца Новосвободная, дольменные постройки, вскрытые Н.И. Веселовским (без масштаба); 9а, б - сел. Анастасиевка (урочище Адигналово, район Туапсе),

дольмен с приставными порталными плитами; 10 - ст-ца Новосвободная, Богатырская дорога, дольмен с мощными порталными выступами; 1, 6, 9, 10 - рисунки и обмерные чертежи В.И. Марковина

ризонта. Особенно показательна постройка кургана 31, состоявшая из притвора и погребальной камеры, имеющей переднюю стену с круглым отверстием. В ней были погребены взрослые и ребенок. Их окружал богатый инвентарь – керамика, бронзовые орудия труда и вооружения, украшения и пр. Стены другого погребального сооружения (курган 35) были покрыты росписями предметов вооружения (лук, колчан, щит – ?) и фигур животных (Бочкарев В.С., Резепкин А.Д., 1980. С. 98; Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д. и др., 1983а. С. 82–84; Рис. 1; Бестужев Г.Н., Резепкин А.Д., 1983. С. 75–77; Резепкин А.Д., 1990. С. 167 и след.).

Интерпретация упомянутых и близких им памятников очень сложна. Так, А.А. Формозов считает, что дольмены, открытые Н.И. Веселовским, из-за архаичности конструкции могли быть построены носителями майкопской культуры, являясь древнейшими памятниками этого рода (Формозов А.А., 1980. С. 320). В свою очередь, А.Д. Резепкин предлагает отделять новосвободненские древности от майкопской культуры, не связывая их развитие воедино (Резепкин А.Д., 1984. С. 10). Он же, а вслед за ним М.Б. Рысин считают, что сооружение новосвободненского облика не связано с другими дольменными памятниками, рассматривая их как особую категорию мегалитов (Резепкин А.Д., 1984. С. 10; 1987. С. 29, 32; 1989. С. 17–19; 1991б; Рысин М.Б., 1990. С. 18, 19). Аргументация М.Б. Рысина при этом сводится к тому, что в гробницах, находящихся “под курганом, отверстие (лаз дольмена. – В.М.) неоправданно функционально” (Рысин М.Б., 1990. С. 19). Данный довод малоубедителен, так как назначение дольменных отверстий нам доподлинно неизвестно, но они характерны для кавказских сооружений и являются почти для всех важнейшим элементом их архитектурного облика.

Дольмены с притвором в дальнейшем несколько видоизменяются. Сохраняя отверстие в передней стене, они приобретают дополнительные плиты, которые фланкируют порталную часть сооружения (табл. 63, 9). Можно назвать 14 пунктов, где они были найдены (станции Ярославская, Шапсугская, Саратовская, Натухайская, Баговская, Даховская, селения Солох-аул, Пшада, Варваровка, хут. Кизинка, Усть-Сахрай и др.). Приставные плиты у них сверху немного сужаются и перекрыты отдельным камнем, который плотно входит в уступ основного перекрытия, уложенного над камерой. При устройстве порталных дольменов почти не использовались специальные опорные пяточные камни, плиты их ставили на случайные строительные обломки или материк, но сооружены они из близких по форме и величине, хорошо отшлифованных плит, которые скреплены между собой с помощью пазов. Камеры таких построек характеризуются слабой трапецевидностью плана, длина камеры (от передней стены к задней ее величина

достигает 2–2,65 м) всегда несколько превышает ширину. Удается установить довольно строгие пропорциональные соотношения ширина камеры в передней части к длине камеры и затем к ее ширине в задней части. Эти соотношения дают такой довольно четкий цифровой ряд – 10:12:8 или 9 (здесь ширина камеры принята за десять единиц соотношения). Естественно, речь идет о приблизительных соотношениях. Отдельные дольмены этого варианта (бассейны рек Кизинки, Пшады) дают несколько иные пропорции 10:10:9 (детальнее см.: Марковин В.И., 1978. С. 76–78). Следует заметить, что для порталных дольменов характерны прямоугольные, круглые и овальные отверстия, которые в древних памятниках прикрывались случайными плитами, а затем специальными каменными втулками с прямоугольным основанием (табл. 62, 4). Портальные сооружения стоят на возвышениях, иногда окружены каменной курганообразной наброской.

Хорошо сохранившимися образцами подобных дольменов могут служить постройки из сел. Анастасиевки (район Туапсе, Адигналово) и Солох-аула (р. Шахе). Первый (его полевой номер 8) имеет в длину (по основанию) 3,22 м, ширину 2,30 м, высоту около 2,60 м (табл. 63, 9а, б). Габариты второго дольмена (1): 2,55 × 1,75 м при высоте около 2,10 м.

Во время обмеров подобных построек было подмечено, что постепенно порталные сооружения “мельчают” в глубину за счет “размаха” в ширину. Боковые и поперечные плиты у них приобретают резко выраженную трапецевидность, а поперечные пазы в боковых плитах становятся наклонными, что придает продольному сечению камер также трапецевидные очертания (с расширением книзу). Под плиты дольменов подкладываются специальные пяточные камни, снабженные поперечными и продольными пазами. Такие камни, выступая у фасада, образуют порталные площадки.

Дольмены данного варианта обычно стоят на возвышениях или хорошо обозреваемых местах. Они не встречаются большими группами, но хорошо вписываются в ряды, образуемые постройками других вариантов и типов.

Третий вариант плиточных дольменов отличается от предыдущего отсутствием приставных плит у фасада. Их заменяют массивные выступы боковых плит. Они четко выделены, снабжены специальным уступом и возвышаются над постройкой. Дольмены этой категории имели два перекрытия: одно покоилось на уступах и прикрывало фасад дольмена, а другое, расположенное несколько ниже служило крышей для камеры этого же дольмена.

Сооружения с такими порталными выступами редки. Они обнаружены на “Богатырской дороге” (ст-ца Новосвободная), Дегуакской Поляне (ст-ца Даховская), у ст-цы Шапсугской, в бассейне р.

Аше. Их величина поражает. Так, один из дольменов “Богатырской дороги” (100) имел длину (с порталной площадкой) около 3,10 м, ширину более 2 м, высоту в передней части (без перекрытия) – 2,05 м (табл. 63, 10). Не менее велик был дольмен, обмеренный Р. Эркертотом в конце XIX в. в районе ст-цы Новосвободной: длина его 3,60 м, ширина около 2,50 м, высота 2,07 м (Erkert R. von, 1887. S. 74). Один из дольменов, стоявших на р. Аше, достигал в ширину около 2,85 м, в высоту 1,78 м (Лавров Л.И., 1936. С. 125).

Конструктивные особенности указанных трех вариантов плиточных дольменов позволяют отнести их к ранней группе памятников.

Четвертый вариант плиточных дольменов не имеет особо выделенного портала. Выступы боковых плит у них просто тщательно подтесаны, они узки и слабо выдаются. Данная категория построек составляет основную массу плиточных памятников. Среди них встречаются отдельные гигантские постройки, достигающие в высоту 2 м и более. Таковы дольмены у сел Азанта (табл. 64, 1), Пшада, Адербиевка (табл. 64, 2), в бассейне р. Кизинка у ст-цы Баговской и в других пунктах (Марковин В.И., 1978. С. 96, 97). Среди этих дольменов можно выделить три разновидности. Дольмены первой разновидности при ярко выраженной трапециевидности обладают почти полным совпадением ширины камеры в передней части с ее длиной (пропорциональные соотношения частей плана камеры – 10:10:8(9)). Такие дольмены найдены в сел. Верхняя Эшера, на “Богатырской дороге” (ст-ца Новосвободная), в бассейнах рек Кизинка, Пшада, Дугаб, у г. Туапсе, в “Кожжохской группе” (пос. Каменномостский) и других пунктах. Интересная деталь: многие из них обладают передними и задними плитами не трапециевидных, а прямоугольных очертаний, что по аналогии с порталными постройками позволяет относить их опять-таки к ранней группе памятников (табл. 62, 8а). Такова основная масса дольменов, обнаруженных в Абхазии (селения Эшера, Псху, Сули, Хабью, р. Пхиста и др.), камеры которых имеют почти квадратные формы (Джапаридзе О.М., 1959. С. 82, 105. Рис. 3; 1961. С. 221, 222. Рис. 46; Воронов Ю.Н., 1969. С. 34, 35). В Прикубанье они встречаются реже. Таковы отдельные дольмены, найденные в “Кожжохской группе” у пос. Каменномостского, у станиц Баговской и Шапсугской, аулов Красноалександровских и в других пунктах (Фелицын Е.Д., 1904. С. 40–52, 58–62 и др.; Сысоев В.М., 1904. С. 98; Луний Б.В., 1924а. С. 37).

Вторая разновидность дольменов описываемого варианта имеет наиболее четкие трапециевидные формы как в плане камеры, так и в ее продольном и поперечном сечениях. Ярко выраженную трапециевидную форму приобретают и все четыре плиты, образующие камеру. В связи с этим изменяются и пропорциональные соотношения между частями сооружений (их цифровое выражение

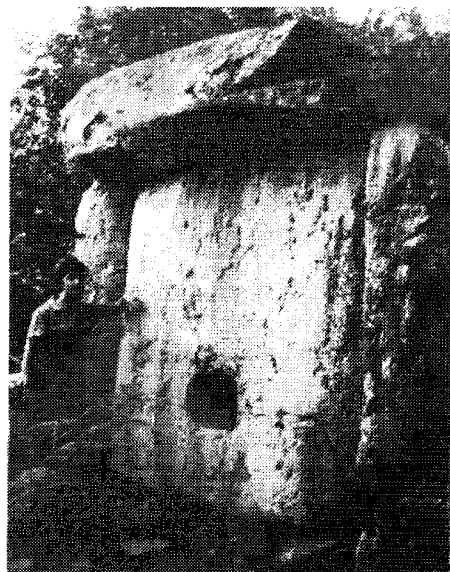
10:9:8). Определенная пропорциональность подмечается и в соотношении величины передних плит (они имеют широкое основание, относительно небольшую высоту и довольно узкую верхнюю часть), что позволяет найти пропорциональные соотношения между ними в виде цифровых рядов – 10:6:8; 10:7:8 и 10:7:9, реже – 10:7:7 (детальнее см.: Марковин В.И., 1978. С. 106, 108).

Такие памятники обнаружены в бассейне р. Кизинки (табл. 62, 8б) на “Богатырской дороге”, в районе Геленджика и в Абхазии (селения Ачандара и Малая Эшера). Представляется, что эти дольмены хронологически составляют среднюю группу среди плиточных дольменов.

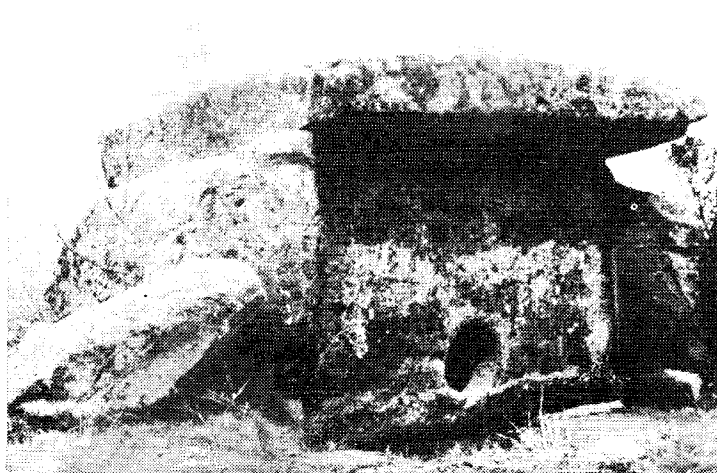
Третья разновидность дольменных памятников изучаемого варианта может быть отнесена к хронологически поздней группе плиточных сооружений. Она еще плохо изучена. Как видно, ко времени их сооружения строительное мастерство деградирует. Постройки воздвигнуты наспех, без особого стремления к гармонии, плиты их грубо обколоты, порой имеют разную длину и разную форму, порталные выступы у них почти не подшлифованы, между перекрытием и плитами зияют зазоры (табл. 62, 9). Части камеры имеют беглые пропорции, среди которых, вероятно, более устойчивы отношения порядка 10:8:7–6, т.е. эти постройки, имея широкую, но не длинную камеру, обладают очень узкой задней стеной. Таковы отдельные дольмены в бассейнах рек Кизинки, Аше, в пос. Джубга, на Дегуакской Поляне (ст-ца Даховская) и в районе г. Туапсе. Большею частью эти дольмены невелики (в длину не более 2 м), лишь дольмен в Джубге имеет камеру шириной 3 м (у фасада) при длине 2,40 м. Перед его фасадом крупными камнями ограничен овальной формы “дворик”, вероятно служивший для ритуальных действий (Марковин В.И., 1978. С. 120. Рис. 61). “Двор” круглой формы имеет дольмен, обнаруженный в сел. Отхара в Абхазии (Цвинария И.И., 1979. С. 9–11. Рис. 11, 17, 18; 1990. С. 13. Табл. 6, 7). Вероятно, к дольменам этой же разновидности надо отнести геленджикские сооружения, раскопанные И.И. Ахановым и заполненные в основном поздним материалом (Аханов И.И., 1961. С. 141. Рис. 1, 2).

Все разновидности плиточных дольменов четвертого варианта имеют отверстия круглой, овальной и аркообразной формы. Ширина – диаметр их варьирует от 0,43 до 0,30 м. К ним вплотную подгонялись каменные втулки, имеющие грибообразную “шляпку” (табл. 64, 4) (детальнее см.: Марковин В.И., 1978. С. 117–128). Таковы плиточные дольмены. Они являются наиболее массовыми постройками, широко распространенными на территории Западного Кавказа.

Плиточный дольмен второго вида известен сейчас в единственном числе и только по литературе (табл. 62, 2). Он был обнаружен Н.Л. Каменевым в 1869 г. на р. Фарс близ ст-цы Новосвободной. Этот дольмен находился под каменным завалом, имел

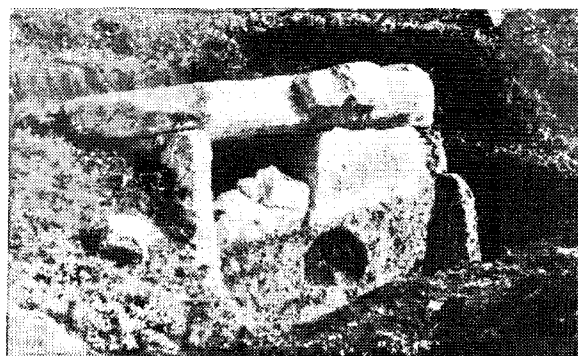
1

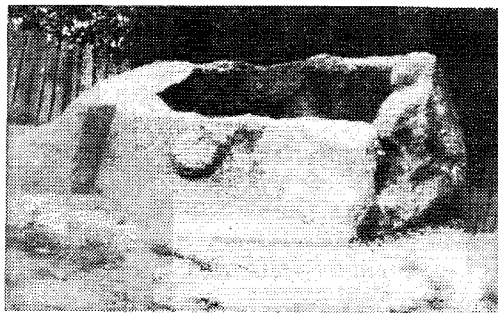
2

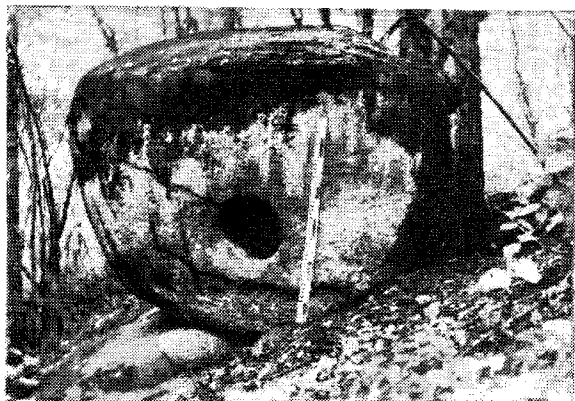
4

3

5

6

7

Таблица 64. Дольменные памятники Западного Кавказа

1 – сел. Азанга (Абхазия); 2 – сел. Адербиевка (район Геленджика); 3, 4 – дольмены 58 и 64 бассейна р. Кизинка (перед дольменом 64 лежит втулка); 5 – Красноалександровский аул

II, р. Аше (ложнопортальный дольмен); 6 – сел. Анастасиевка (урочище Адигалово, район Туапсе) – корытообразный дольмен; 7 – сел. Волконка, р. Годлик, дольмен-монолит

двух граней (размах его по диагонали 3 м) и прямоугольное отверстие. Был прикрыт "шатром", сложенным из треугольных плиток, и стоял на каменном цоколе (Каменев Н.Л., 1870; Фелицын Е.Д., 1904. С. 24; Куфтин Б.А., 1949. С. 306. Рис. 66; Погова Т.Б., 1963. С. 15. Рис. 6). Архаического облика инвентарь, найденный в нем, как и прямоугольная форма лаза, позволяет относить это сооружение к ранним памятникам.

Составные дольмены образуют второй тип сооружений. Сложены они из сочетания каменных плит и блоков. Можно назвать всего 35 подобных построек. Правда, их количество может быть увеличено за счет тех дольменов Карачаево-Черкесии, которые ранее трактовались как средневековые гробницы, и за счет плохо изученных дольменов в Абхазии (Воронов Ю.Н., 1980. С. 322).

Известны отдельные плиточные постройки, которые имеют черты составных дольменов, т.е. в их конструкции, помимо плит, применены небольшие по размерам каменные блоки и даже отдельные булыжники (памятники "Кожожской группы" у пос. Каменноостского, "Зацепина Поляна" у ст-цы Баговской и др.).

Среди составных дольменов выделяется группа построек (первая разновидность), очертания плана которых и пропорции очень близки плиточным дольменам трапециевидной формы. Блоки передней и задней стен заклинены у них пазами, а на фасаде четко выделены порталные выступы (табл. 62, 11). Такие дольмены обнаружены на Дегуакской поляне у ст-цы Даховской и у Пшадского перевала (Марковин В.И., 1978. С. 140, 141; Сорохтин Г.Н., 1916. С. 41, 52, 53). Однако, получая дальнейшее развитие, составные дольмены теряют сходство с трапециевидными прототипами, приобретая округлую и многоугольную формы (табл. 62, 12–14). У таких построек, также имеющих отверстия, фасад как особая архитектурная часть не выделен. Это вторая разновидность дольменов. Сложены они всего тремя-четырьмя рядами каменных блоков, но настолько массивных, что в целом виде подобная постройка превышает рост человека. Таковы дольмены Садового (табл. 65, 1, 2), Лазаревского, на р. Жанэ у г. Геленджика (табл. 65, 3), в районе г. Туапсе и других пунктах (Сысоев В.М., 1904. С. 115–119; Фелицын Е.Д., 1904. С. 21. Табл. XI; Талицкий Н.Е., 1912. С. 98).

Совершенно иную группу построек составляют дольмены, которые сохраняют все достоинства своих плиточных прототипов (конструкцию порталной части в первую очередь), но имеют округлый корпус, сложенный из каменных блоков. Эти памятники, образуя третью разновидность составных дольменов, завершаются перекрытием в виде массивной плиты, которая покоится на кладке, образующей подобие ложного свода (кверху величина "свода" уменьшается за счет последовательного сближения камней). Та-

ковы два дольмена, находящиеся в пос. Гузерипль у р. Белой (табл. 62, 15, 16; 65, 4) и дольмен 528 в бассейне р. Кизинки. Постройки эти грандиозны. Так, один из гузерипльских дольменов, стоящий у входа в Кавказский заповедник, имеет длину 5,80 м, высота его у фасада около 3 м (Марковин В.И., 1978. С. 144–149).

Еще более оригинален составной дольмен, стоящий на отроге Маркохтского хребта у сел. Адербиевка (табл. 65, 5). Камни, из которых он сложен, обработаны в виде Г-образных блоков, передняя плита снабжена врезами, в которые входили окончания таких блоков. Поверхность дольмена обработана скребком, дающим волнообразные следы, внутренняя его часть украшена зубчатым узором. Камера его (2,23×2,10–1,80 м при высоте 1,60–1,40 м) имеет трапециевидную форму с расширением в сторону фасада – фигурной плиты с круглым отверстием (Лунин Б.В., 1924б. С. 25; Марковин В.И., 1974г; 1978. С. 149–151). Вероятно, это оригинальное сооружение не было единственным. Известно, что возле Геленджика стоял еще один дольмен, также сложенный из Г-образных блоков (Сорохтин Г.Н., 1916. С. 36, 37). Эти дольмены, близкие по конструкции гробницам, находящимся в бассейне р. Кяфар (Карачаево-Черкесия; табл. 66), позволяют и их отнести к дольменным памятникам (в средние века постройки Кяфара были несколько реконструированы и использованы для аланских захоронений) (Кузнецов В.А., 1959. С. 83–89).

Корытообразные дольмены как самостоятельный тип построек имеют весьма характерные черты. Они высечены в скалах или огромных кусках камня, а сверху покрыты отдельной плитой. Внешне эти дольмены напоминают плиточные постройки. Так, фасады их снабжены порталными выступами, но здесь они являются не продолжением боковых плит, а всего лишь их имитацией. Корытообразные сооружения обнаружены в 37 пунктах, в которых учтено к 1975 г. 92 памятника. Среди них можно выделить несколько вариантов построек.

К первому варианту построек можно отнести три разбитых корытообразных дольмена, обнаруженных в бассейне р. Кизинка. При наличии прямоугольных камер и отсутствии отверстий, хорошо выделенных порталных выступов, они очень напоминают наиболее архаичные плиточные постройки без лаза (табл. 62, 18). Камера одного из подобных дольменов имела размеры 1,53×1,37 м при высоте 0,62 м.

Дольмены второго варианта сделаны более тщательно. Стенки у них тонкие. Высекая эти сооружения из огромной глыбы камня, строители хотели, чтобы их постройки со всех сторон походили на плиточные дольмены. Камеры таких дольменов обладают разной степенью трапециевидности (табл. 62, 19, 20). Одни из них по пропорциям узкой камеры (10:12:9) близки плиточным порталным

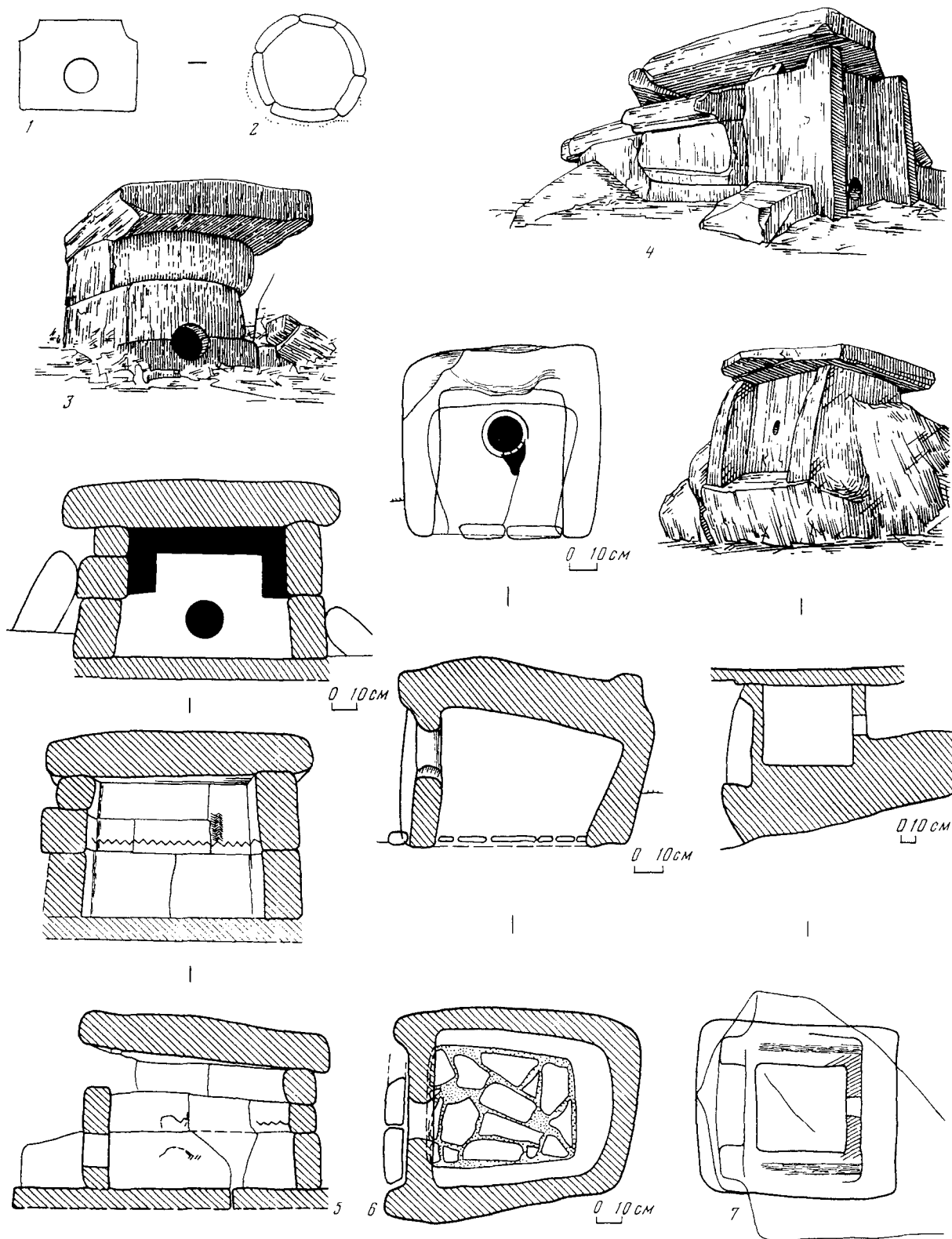

Таблица 65. Дольменные памятники Западного Кавказа

1, 2 – с. Садовое, составной дольмен (по В.М. Сысоеву); 3 – р. Жанэ, район Геленджика, составной дольмен (по фотографии Е.Д. Фелицына); 4 – пос. Гузерипль, составной дольмен; 5 – сел. Адербиевка (район Геленджика), передняя часть, поперечный и продольный разрезы составного дольмена (сложен из Г-образ-

ных блоков); 6 – бассейн р. Аше, гора Хунагет, передняя часть, разрез и план корытообразного дольмена; 7 – пос. Каменный Карьер у Туапсе, общий вид, разрез и план корытообразного, ложнопортального дольмена; 3-7 – рисунки и обмеры В.И. Марковина

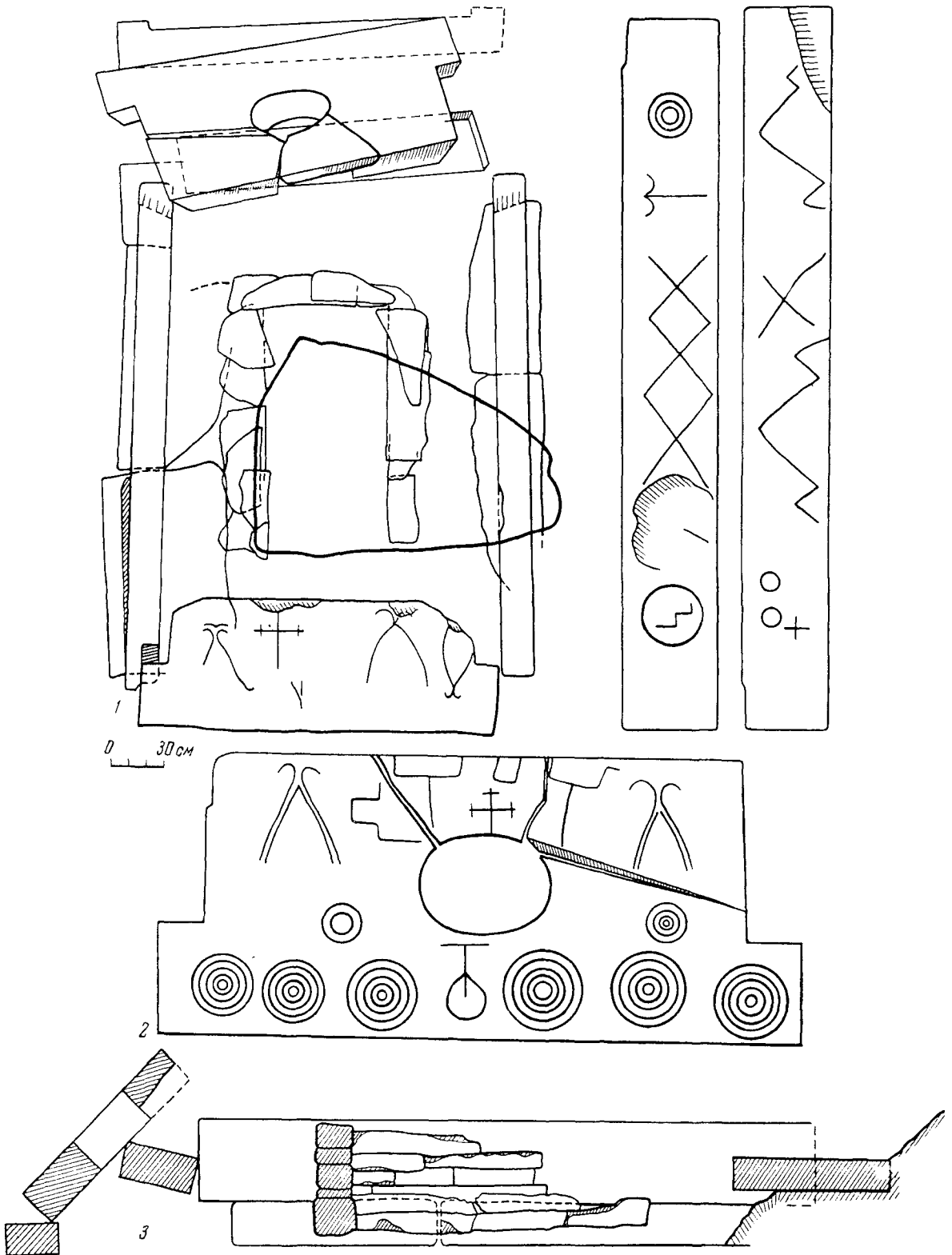

Таблица 66. Бассейн р. Кяфар (Карачаево-Черкесия). Составной дольмен 2

1 – план (сбоку показаны рисунки на боковых плитах); 2 – продольный разрез; 3 – передняя плита с рисунками (обмеры В.И. Марковина)

сооружениям, другие с широкими камерами напоминают более массовые категории плиточных построек (с пропорциями камеры 10:9:8). Все эти корытообразные памятники условно отнесены к одному варианту, хотя вполне вероятно, что сооружены они в хронологически разные этапы. Дальнейшие исследования уточнят данный вопрос. Дольмены описанного варианта найдены в бассейнах рек Кизинки, Куопс, у станиц Шапсугской, Баракаевской и в ряде других пунктов. Многие из них в длину достигают 2 м и несколько больше (Марковин В.И., 1978. С. 158–160).

Третий вариант корытообразных дольменов оформлен весьма своеобразно. Высечены они в скальных глыбах, при этом тщательно сделана лишь камера, хорошо проработан фасад, а остальной массив горной породы остался в естественном, сыром виде. Камеры таких дольменов если и сохраняют трапециевидность, то приобретают закругления по углам, подбои, они асимметричны. Известны дольмены этой категории даже с округлыми и кувшинообразными камерами (табл. 62, 22). Эта группа дольменов всегда несет яркие индивидуальные черты. Так, один из дольменов бассейна р. Цуквадже (сел. Солоники) снабжен ритуальной площадкой со стоком, другой дольмен в сел. Солох-аул (гора Аутль) высечен в нависающей глыбе песчаника, а в сел. Пшада дольмен подобного типа сделан из отдельно стоящей глыбы камня. Размеры скал с подобными дольменами велики, они достигают 6–8 м. Длина камер варьирует примерно от 1,50 до 2,30 м, высота камеры до 2 м (детальнее см.: Марковин В.И., 1972б; 1978. С. 160–169).

Четвертый вариант корытообразных дольменов можно назвать ложнопортальным (табл. 62, 23; 64, 5). Впервые на подобный дольмен, стоящий у г. Туапсе (пос. Каменный Карьер), обратили внимание П.С. Уварова, А.А. Миллер и Г.Н. Сорохтин. Он поразил их своим фасадом (табл. 65, 7). Казалось, в отверстие плотно пригнана втулка. Но это была имитация, искусно сделанная в камне. Вход в дольмен находился с задней стороны (Уварова П.С., 1904. С. 175; Миллер А.А. 1909. С. 74, 85; Сорохтин Г.Н., 1915. С. 93. Табл. X, 6). В дальнейшем ложнопортальные дольмены стали известны в бассейне р. Аше (Лавров Л.И., 1936. С. 124–126). Подобные дольмены при беглом взгляде незначительно отличаются от уже описанных корытообразных памятников. Правда, они всегда очень тщательно обработаны со всех сторон. Но главная их особенность заключается в том, что в порталльной части совершенно отсутствует отверстие, оно лишь имитируется как бы плотно закрытое втулкой (“фиктивная втулка” по Л.И. Лаврову). Вход в камеру пробит в задней или боковой стене. В отличие от основной массы дольменов всех типов ложнопортальные сооружения обращены отверстиями не вниз по склону, а наоборот, выходят к возвышенной части рельефа. Создается впечатление, что лазы, ведущие в камеры, хотели

замаскировать, отвести от них людское внимание. Величина камеры подобных дольменов не превышает в длину и ширину 2 м, в высоту достигает от 0,80–1,80 м (Марковин В.И., 1973б. С. 90–97).

Пятый вариант корытообразных дольменов крайне редок. Пока их известно два – в местечке Адигналово (сел. Анастасиевка, район г. Туапсе) и по р. Аше (Красноалександровский 1 аул). Оба дольмена высечены в глыбах песчаника, перекрытий у них нет, потолком камер служит скала, но нижняя часть дольменов выдолблена до материка, поэтому естественного, скального пола у них нет, вместо него лежат плиты (табл. 62, 24). Эти сооружения представляют собой “опрокинутые корыта” – устье у них обращено вниз, а цельновысеченный из камня потолок образует подобие купола. У первого дольмена (табл. 64, 6) камера овальной формы (1,58×1,38×1 м), отверстие круглое (0,32 м), у второго (табл. 65, 6) камера во всех сечениях трапециевидная, расширяется у потолка (2–1,65××1,70–1,30 м при высоте около 1,50–1,20 м), отверстие также круглое (0,40 м). Оба дольмена можно назвать “ложными монолитами”, так как внешне они ничем от них не отличаются.

Дольмены-монолиты, образующие четвертый тип мегалитических памятников, известны больше по упоминаниям в литературе. Они возвышались у ст-цы Холмской, Геленджика, сел. Берегового (табл. 62, 25, 26), Архипо-Осиповки, Волконки (Сысоев В.М., 1904. С. 105; Уварова П.С., 1904. С. 171; Фелицын Е.Д., 1904. С. 25). Из них сохранился только дольмен у сел. Волконка на р. Годлик (табл. 64, 7). Его камера высечена в скале, которая простирается более чем на 15 м, но сама куполообразная камера невелика (1,60×1,90×0,94 м). Величественный портал в виде ниши оформляет вход в камеру.

Изучение дольменных памятников показывает, что древние строители, создавая составные, корытообразные и монолитные сооружения, стремились подражать плиточным постройкам, сохраняя видимость наличия боковых плит в виде большей частью искусственно и преднамеренно созданных порталльных выступов, площадок перед фасадом и других, в данном случае чисто декоративных деталей. Такая связь с плиточными прототипами позволяет наметить (очень ориентировочно) относительную периодизацию различных типов и вариантов дольменных памятников, принимая за самые древнейшие постройки плиточные дольмены без лаза, а самые поздние – дольмены-монолиты (Марковин В.И., 1978. С. 184, 185).

Даже суммарное описание дольменных построек позволяет заметить, что все они обладают сходством частей и их согласованностью. Обычно построены они по законам зеркальной симметрии, с редкими отклонениями от них. Полагают, что древние строители применяли особую меру-модуль, создавая тем самым достаточно пропорциональные сооружения (Марковин В.И., 1978. С. 187, 188). Прочность дольменов обусловлена хорошей

подготовкой строительного камня (прежде всего предварительной просушкой), тщательностью обработки и даже его шлифовкой). Сборка плиточных и составных дольменов, вероятно, производится с помощью земляных подсыпок, употребления внутренних лесов, веревок и рычагов (ваг). Особенно трудоемкой была наводка перекрытий. Может быть, для ее облегчения многие дольмены расположены возле склонов гор, у естественных возвышенностей. Общий вес дольменных плит весьма велик. Так, с некоторым преувеличением, пользуясь удельным, а не объемным весом, Б.А. Куфтин считал, что только одно перекрытие дольмена 1 из сел. Верхняя Эшера могло иметь вес 22,5 т (Куфтин Б.А., 1949. С. 267). Вернее было бы принимать ее вес за 18,5 т. Все плиты одного из дольменов на р. Догуаб (район Геленджика) весят около 25 т 190 кг. Естественно, сооружение дольменов могли производить только большие коллективы людей. Во время возведения построек они жили неподалеку от дольменных полей. Такие временные становища обнаружены на горе Аутль сел. Солох-аул) и на “Богатырской дороге” (ст-ца Новосвободная).

Обычно дольмены расположены на ровных площадках (полянах) среди лесов, по водоразделам, на довольно плоских вершинах гор. Как уже говорилось, они образуют довольно значительные группы. Такие обширные некрополи тянутся на несколько километров (“Богатырская дорога”, дольменные группы на р. Кизинке, Дегаукская поляна у ст-цы Даховской). Здесь можно видеть разнотипные и, очевидно, разновременные сооружения. Как видно, носители культуры дольменов не теряли чувства родства и преемственности с предыдущими поколениями. Такие сочетания известны и по малым местонахождениям (Лазаревское, Солох-аул, бассейн р. Пхиста, Жанэ, Пшада и др.).

Ориентировка дольменов давно привлекала к себе внимание (Ф.С. Байерн, Н.Е. Талицкий, Е.Д. Фелицын, Г.Н. Сорохтин и др.). Сейчас удалось учесть ориентировку около 650 построек. Установлено, что строители дольменов предпочитали свои сооружения обращать в солнечные стороны: к югу (более 330 случаев), востоку (более 150 случаев), реже придавали им промежуточное положение. Если же они были расположены в темных ущельях или глухих лесах, то фасады дольменов обращены в стороны, хорошо освещенные солнцем (склоны гор, скалы), будь это даже фактически северная сторона (ущелья рек Дедеркой, Пшада, сел. Солох-аула и у сел. Волконка). Интересно, что ложнопортальные корытообразные дольмены своим “ложным” фасадом также обращены в солнечные стороны (Марковин В.И., 1978. С. 206–210).

Форма дольменов, вероятно, отвечала определенным ритуальным требованиям. Массивность постройки, ее непоколебимость, большей частью явно фаллическая форма дольменных втулок (табл. 64, 4), наличие отдельных дольменов с выпу-

кlostями наподобие женской груди (Вьючная гора у сел. Анастасиевка, аул Большое Псеушхо) – все это позволяет думать, что каждый, плотно закрытый дольмен представлял собой вместилище умерших предков, которые способны были магически влиять на будущий достаток и плодородие. В дольмене заключалась сакральная сила всеобъемлющего и обильного воспроизводства. Этой ритуальной идее были подчинены и орнаментальные мотивы, изредка встречающиеся на дольменах, а также чашечные углубления, сопутствующие им.

Наиболее обычен для дольменов узор в виде зигзага. Он обнаружен на стенах и порталных выступах дольменов по рекам Жанэ и Пшада, в сел. Азербиевка (табл. 65, 5), ст-це Шапсугской (Фелицын Е.Д., 1904. С. 31, 32. Рис. 15; Сорохтин Г.Н., 1916. С. 36, 37; Лушин Б.В., 1924б. С. 25. Рис. 3; Лещенко А.Ф., 1931. С. 249, 250. Рис. 11а). Подобный декор обычно интерпретируется как символизация, связанная с водой – “подательницей” жизни и плодородия. Вода, как известно, с древнейших пор считалась также всеочищающим средством. В подкурганых дольменах ст-цы Новосвободной были найдены остатки росписей. Это изображения животных, предметы воинских доспехов, орнаментальные мотивы (ОАК за 1898 г., 1901. С. 36; Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д. и др., 1983а. С. 83, 84. Рис. 1, 9; Резепкин А.Д., 1987б. С. 27–29. Рис. 1).

Можно отметить еще декорировку дольмена пос. Лазаревское, покрытого сложным узором из солярного знака и зигзагов. Несколькими солярными знаками был покрыт обломок скалы, прислоненный к одному из дольменов на горе Аутль у сел. Солох-аул (Марковин В.И., 1972б. С. 76, 77; 1978. С. 214, 217. Рис. 114, 4).

Чашечные углубления, встречающиеся на дольменах и вблизи них, лишь предположительно могли служить для возлияний, так как часто расположены они вертикально. Есть мнение, что сочетания их, иногда покрывающие крыши дольменов, можно рассматривать как своеобразную карту звездного неба (Аутлев П.У., 1968). Несомненно, дольменный декор требует изучения.

Лишь редкие из дольменов окружены кромлехом (известно по одному дольмену в бассейне р. Кизинка и пос. Гузерипль), чаще круговая ограда охватывает только фасад дольмена (дольмены в “Кожжохской группе” у поселков Каменномостского, Джубга, селений Отхара, Солох-аул, Медовеевка и др.). Такими “солнечными” кругами опоясывали неприкосновенное пространство. Очевидно, подобное магическое ограждение не всегда приводило к желаемому, и позже строители дольменов вынуждены были создавать более надежные порталы с фиктивными втулками.

Очень сложно реконструировать погребальный обряд, практиковавшийся в дольменах, к тому же он не был единым. Наиболее ранние погребения были одиночными, в редких случаях – парными.

Таковы скорченные захоронения, которые обнаружены в дольменах без лазов и в порталных плиточных постройках в бассейне р. Кизинки (дольмен 215 и др.), у пос. Каменномостского (“Кожжохская группа”), на “Богатырской дороге” и у г. Геленджика (Фелицын Е.Д., 1904. С. 41, 42, 48 и след.; Сизов В.И., 1889. С. 60; Markovine V.I., 1974. P. 21). Однако основная масса плиточных дольменов содержит останки множества (до десяти и более) погребенных. Как считают исследователи (Е.Д. Фелицын, Б.А. Куфтин, Л.Н. Соловьев, О.М. Джапаридзе и др.), в таких случаях покойников усаживали по углам и в центре дольменов (табл. 67, 1). Подобные захоронения были зафиксированы во многих дольменах: среди “Кожжохской группы”, у ст-цы Баговской, в пос. Красная Поляна (гора Ачишхо), в сел. Верхняя Эшера и других пунктах (Фелицын Е.Д., 1904. С. 45, 50–59; Иващенко М.М., 1935. С. 48, 49; Куфтин Б.А., 1949. С. 275; Джапаридзе О.М., 1961. С. 226; Марковин В.И., 1978. С. 226, 227). Но в плиточных постройках трапецевидного плана и сооружениях других типов перед исследователем довольно часто предстает вместо целых захоронений лишь куча отдельных костей. Такое явление могло произойти при обряде вторичных захоронений. Б.А. Куфтин так и считал, что дольмены могли даже служить оссуариями (Куфтин Б.А., 1949. С. 274). Особенно хорошо подобные погребения изучены для наиболее южных дольменных групп, расположенных в Абхазии (Иващенко М.М., 1935. С. 49; Соловьев Л.Н., 1960. С. 35, 36; Куфтин Б.А., 1949. С. 274, 275, 279. Рис. 58, 59). В отдельных погребениях сел. Верхняя Эшера были найдены кости не менее 30 человек (табл. 64, 3, 4). Кости шести-семи погребенных встречались в некоторых дольменах бассейна р. Кизинка, пос. Гузерипль. Особенно интересны результаты вскрытия корытообразного сооружения 2 у Солоники (р. Цукваджа). В его непо потревоженной кувшинообразной камере были найдены кости четырех человек (табл. 67, 5–7). Они лежали возле стен без анатомического порядка (многих костей даже не хватало).

Смена погребального обряда, практиковавшегося в дольменных сооружениях, может быть связана с изменениями в идеологических представлениях, что, в свою очередь, свидетельствует и о длительности использования их в качестве усыпальниц. Разнообразие самих дольменных построек также могло сочетаться с определенными особенностями в погребальном ритуале. Достаточно точное соотнесение обряда захоронения с определенным вариантом постройки потребует проведения дальнейших археологических работ.

О сложности заупокойного культа свидетельствует уникальный курган Псынако 1, содержащий целый комплекс сооружений, связанных с дольменной постройкой. В 1972 г. он был обнаружен М.К. Тешевым на правом берегу р. Пшенахо близ сел. Анастасиевка в районе г. Туапсе (Тешев М.К.,

1988. С. 164–166). Наиболее результативные раскопки кургана в 1984 г. позволили установить, что дольмен был поставлен на полуразрушенные крошечки майкопского времени. Он представляет собой сооружение, составленное из грубо обработанных плит туфопесчаника. Боковые стороны дольмена имеют трапецевидную форму (табл. 68, 5) мягких округлых очертаний. В них врезаны пазы для поперечных плит. Передняя плита с низко расположенным круглым лазом была наклонена внутрь камеры, а задняя стояла почти вертикально. Обе плиты почти прямоугольных очертаний (табл. 68, 4, 6). Отверстие передней части было прикрыто песчаниковой грибообразной втулкой (табл. 68, 7). Внешние размеры сооружения: длина 2,30 м, ширина в передней части 1,83 м, в задней 1,45 м, высота от 1,25 до 0,90 м. Камера трапецевидной формы повторяет его наружную форму (величина у дна 1,55×1,40–1,10 м при высоте 1,15–0,83 м (табл. 68, 3). Дольмен занимал центральную часть кургана. Он был заключен в куполообразную постройку-толос диаметром до 6,60 м. Сохранился он на высоту 3,25 м. В нижней части толос сложен плитами рубленого камня, промазанного глинисто-земляной массой, а выше – речными камнями разной формы, скрепленными там же раствором. Кверху стены постройки нависают образуя подобие свода. Но, надо думать, они не смыкались, и толос был перекрыт каменными плитами или бревнами. С юго-западной стороны дольмена (от его лаза), пересекая толос, отходит длинный узкий коридор-дромос, строго направленный на северо-восток (табл. 68, 1–3). Длина его 11,70 м. Это своеобразная канава, облицованная каменной кладкой и перекрытая плоскими речными гольшами (ширина ее 0,97–0,50 м). Когда были созданы все конструкции, связанные с дольменом, их забросали глиной и там образовалось своеобразное возвышение в центре кургана (19×15 м при высоте более 4 м). Этой “подушкой” не был накрыт лишь участок дромоса с входом в него (он прикрывался тремя плитами). Затем уже курган был завершён огромной каменной насыпью из речных гольшей (общий диаметр Псынако I около 60 м при высоте до 5 м). Края были укреплены огромными валунами, от которых к центру, по рассказам местных жителей, отходили выпуклые ребра, аккуратно выложенные все тем же речным камнем (Марковин В.И., Тешев М.К., 1986. С. 102–104; Марковин В.И., 1985а. С. 80–88; 1985в. С. 232–234).

К сожалению, толос кургана Псынако 1 был частично разрушен, перекрытие дольмена сброшено и от захоронения в нем остались лишь неясные следы. Это несколько затрудняет полную интерпретацию данного памятника, не находящего себе аналогий на Кавказе. Однако удалось установить, что в древности погребенным в дольмене Псынако 1 поклонялись и их даже посещали: дольменная втулка по краям сильно сточена (ее многократно вынимали), возле нее найдены обломки керамики

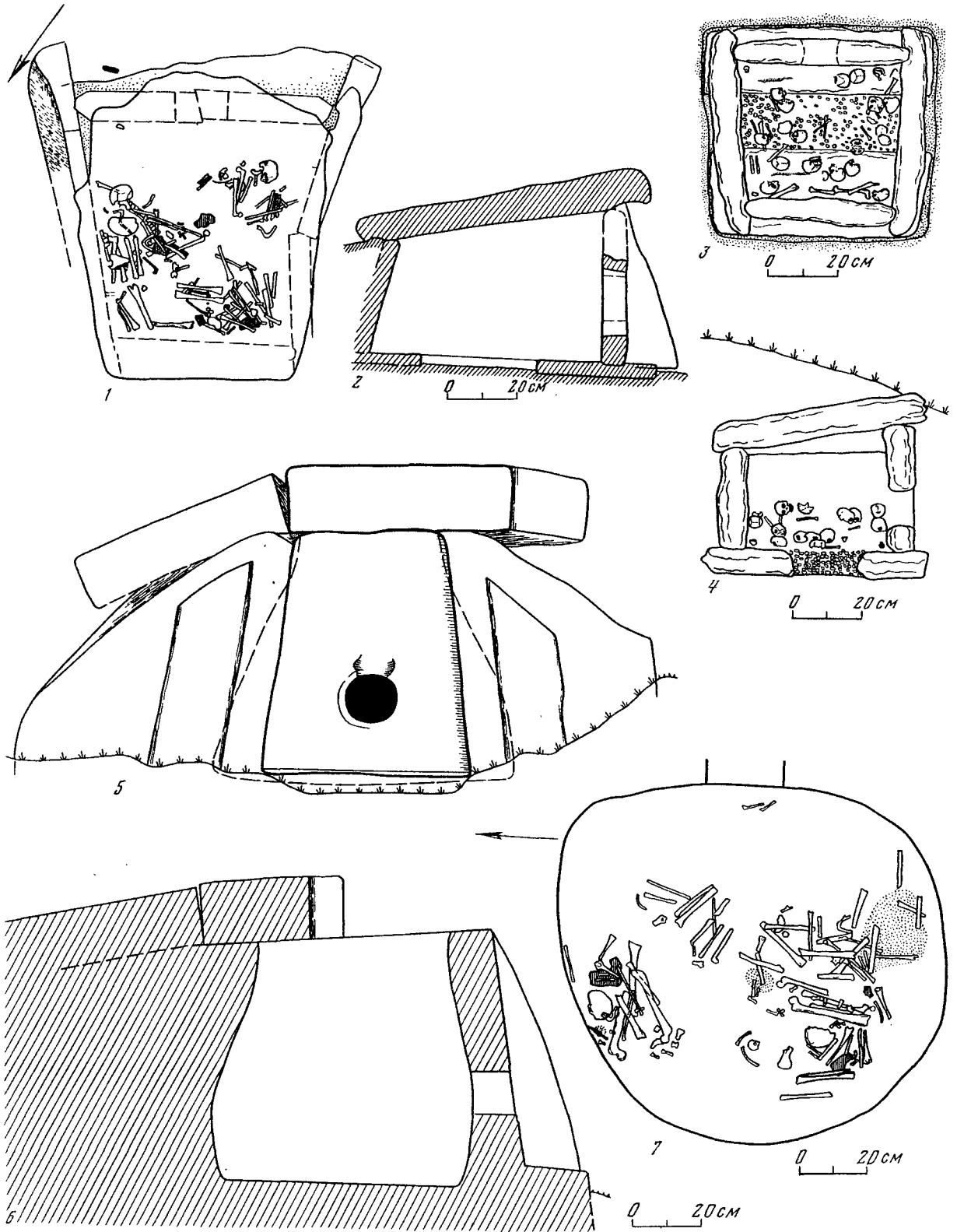

Таблица 67. Западный Кавказ. Захоронения в дольменных сооружениях

1, 2 – бассейн р. Кизинка (ст-ца Баговская), дольмен 26 – план и продольный разрез; 3, 4 – сел. Верхняя Эшера (Абхазия), дольмен II – план и продольный разрез (по Б.А. Куфтину);

5–7 – сел. Солоники, корытообразный дольмен 2 (дольменная группа I) – внешний вид дольмена, разрез, план; 1, 2, 5–7 – работы В.И. Марковина

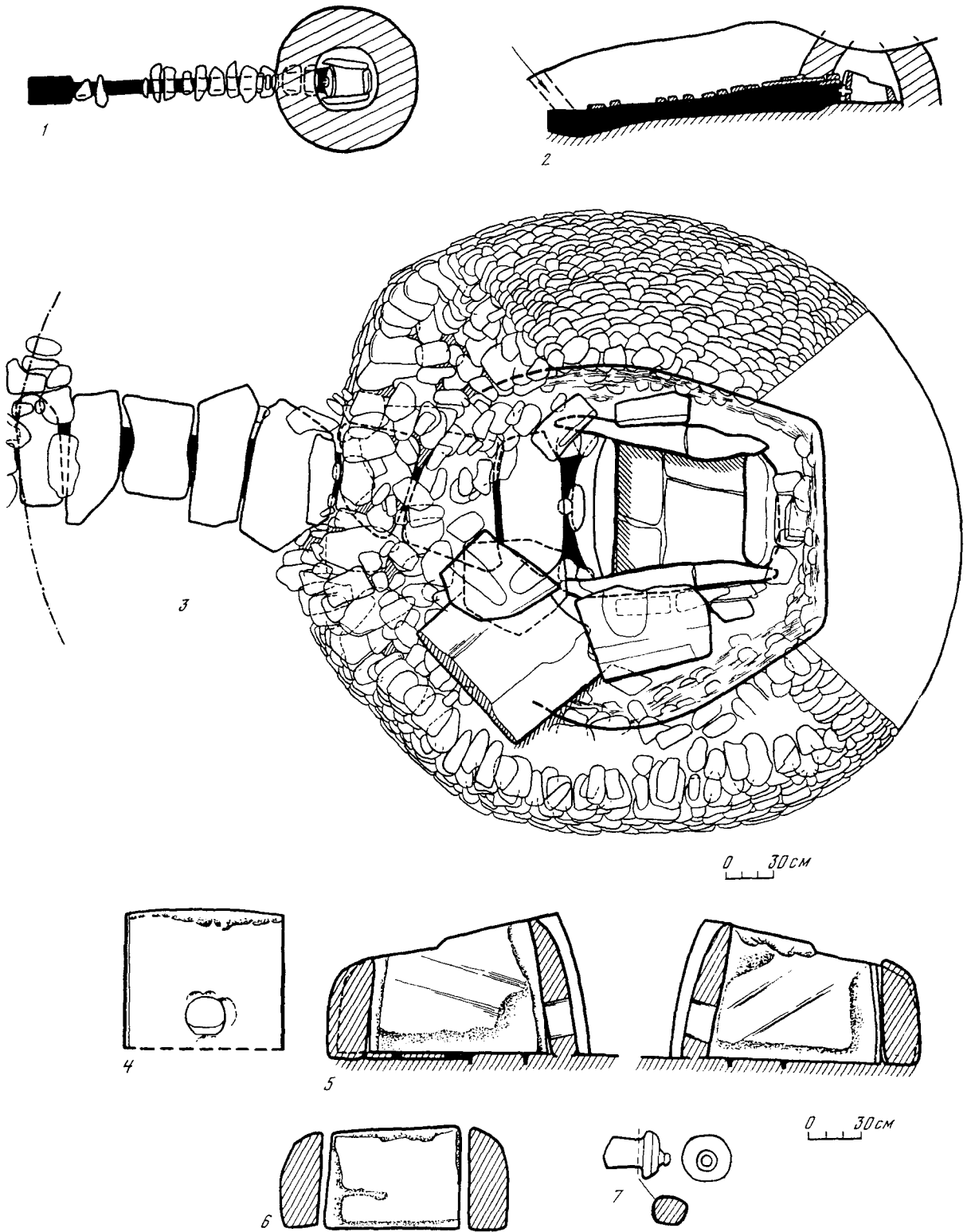

Таблица 68. Сел. Анастасиевка (район Туапсе). Курган Псынако I

1, 2 – схематический план и профиль главных конструкций кургана (без масштаба); 3 – центральная часть кургана с дольменом; 4–6 – дольмен кургана, передняя плита, продольные

разрезы с видами на боковые плиты и задняя плита); 7 – дольменная втулка. Обмеры В.И. Марковина

(остатки приношений), пол дромоса утрамбован, а у входа в него обнаружено большое скопление угля – здесь зажигали огонь, освещавший проход. Радиоуглеродный анализ угля дал дату 2340 ± 40 лет до н.э. (без калибровки). Ею определяется время, когда захоронение в дольмене могло быть уже совершено. В целом курган Псынако 1 является культово-погребальным сооружением, сочетавшим в себе не только гробницу-дольмен, но и чисто ритуальные конструкции (Марковин В.И., 1985а. С. 87, 88).

Ритуал похорон в дольменах требовал сопровождения их различными предметами – погребальным инвентарем. Нам известно не так уж и много вещевого материала, синхронного времени возведения дольменов. Наиболее бесспорные находки позволяют все же представить те предметы, которые окружали строителей дольменов при жизни и сопутствовали им в “загробном мире”.

К е р а м и к а . Это наиболее массовый материал. Дольменная посуда обычно имеет одну-две ручки, отходящие от устья, некоторые сосуды стоят на невысоких поддонах. Такая керамика тонкостенна, покрыта снаружи и изнутри штриховкой, иногда даже очень глубокой. В глиняном тесте встречаются примеси толченых раковин, кристалликов кальцита, комочков мергеля. Орнамент скупо покрывает сосуды: это пальцевые вдавления, небрежные нарезки в виде углов или полос, пересекающих тулово (табл. 69). Изредка можно встретить керамику со слегка залощенной поверхностью. Сделана посуда ленточным способом, ручки формовались отдельно и вмазывались в тулово (по типу “заклепок”).

Среди сильно фрагментированного керамического материала удастся выделить восемь типов посуды, которые дают вариации от крупных, емких сосудов до мисок и чаш. I тип керамики – это довольно крупные, шаровидной формы сосуды с невысокой шейкой (диаметр устья до 16 см), по-видимому, без ручек. Несколько напоминают посуду, характерную для майкопской культуры. В целом виде подобный сосуд найден О.М. Джапаридзе в дольмене 2 сел. Верхняя Эшера. Обломки их найдены в сооружениях бассейнов рек Кизинки, Пшады, в кургане Псынако 1. II тип посуды имеет более вытянутую форму, обладает слегка округлым туловым и устойчивым дном. Венчик плавно отогнут. Сосуды этого типа часто имеют одну-две ручки. Диаметры устьев варьируют от 8–10 до 18–20 см. Обломки и целые образцы такой керамики найдены во многих дольменных памятниках. Керамика III типа напоминает предыдущую, но она более приземиста. К этому типу можно отнести маленький сосудик, возможно, ритуального назначения (найден в дольмене II* сел. Верхняя Эшера; см.: Куфтин Б.А., 1949. С. 294. Табл. XXXI, 5). Доволь-

но редко встречаются в дольменах (сел. Верхняя Эшера, Адербиевка, пос. Красная Поляна, хут. Кизинка) кринкообразной и грушевидной формы сосуды, образующие IV и V типы дольменной керамики. Приземистые горшки (VI тип) встречаются чаще. Они невысоки (до 10 см), с диаметром устья от 5 до 12 см. Кружки баночной формы и миски, иногда очень широкие (до 25 см в диаметре), являются более обычными находками в дольменах. Составляя VII и VIII типы керамики, они завершают основные керамические находки в дольменах. Вне их остаются обломки плоских “противней”, неясной формы сосуды с носиками и пр.

Помимо посуды, среди керамических изделий надо указать дисковидное пряслице (диаметр 4,2 см), найденное в дольмене 23 на р. Кизинке.

Изделия из металла представлены оружием, орудиями труда, предметами быта и украшениями (табл. 70). Среди предметов вооружения можно выделить ножи-кинжалы и топоры, которые могли одновременно служить оружием и орудиями труда.

Ножи-кинжалы в основном имеют листовидную форму. Наиболее архаичными среди них являются образцы с расширяющимся и закругленным лезвием, найденные в многогранном плиточном дольмене на р. Фарс и в одном из дольменов сел. Верхняя Эшера (Фелицын Е.Д., 1904. С. 34. Рис. 18; Куфтин Б.А., 1942. С. 307). Они находят аналогии среди материалов средиземноморского круга культуры.

Другая серия бронзовых ножей, снабженных, как и первые, черенками, имеет приостренно-листовидную форму. Подобные находки, отличающиеся лишь величиной (до 15–17 см в длину), сделаны в дольменах селений Верхняя Эшера, Хабью, пос. Красная Поляна, на р. Кизинке. Изготовлены они из мышьяковистой бронзы с примесью мышьяка от 2 до 4,4% (Джапаридзе О.М., 1961. С. 236. № 5, 6; Марковин В.И., 1978. С. 268, 269. Табл. 17; Корневский С.Н., 1983. С. 79, 80). Ножи этого типа часто встречаются и среди древностей разных культур. Интересно, что подобные ножи-кинжалы были обнаружены и в дольмене 1 ст-цы Новосвободной (Попова Т.Б., 1963. С. 32, 33. Рис. 11) и в постройке, исследованной в урочище Клады той же станицы (Резепкин А.Д., 1991б. С. 176, 177. Рис. 6).

Бронзовые топоры в дольменах встречаются редко. Среди них можно выделить орудия колунообразной формы (станция Саратовская и Новосвободная), со скошенным обухом (сел. Куланурхва) и в разной степени изогнутые топоры со свисающим обухом (ст-ца Абадзехская, сел. Верхняя Эшера). Сделаны они из мышьяковистой бронзы (мышьяка от 3,3 до 5,2%).

Судя по довольно разнообразным и ранним, майкопского времени топорам, найденным в кургане 31 урочища Клады (Резепкин А.Д., 1991б. С. 174–176. Рис. 5), топоры, происходящие из дольменов, в определенной степени связаны с ними.

*Дольмены 2 и II (обозначен римской цифрой) – разные памятники, раскопанные в разные годы О.М. Джапаридзе и Б.А. Куфтиным в сел. Верхняя Эшера (Абхазия).

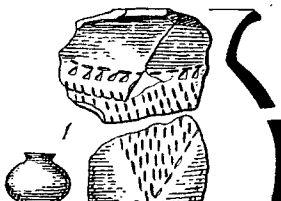

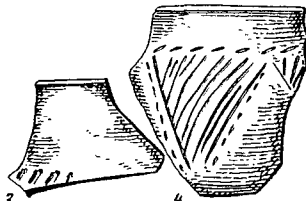
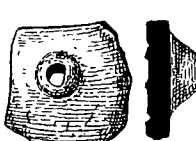
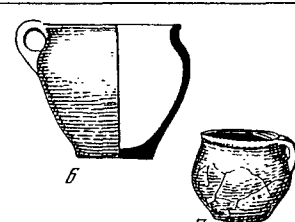

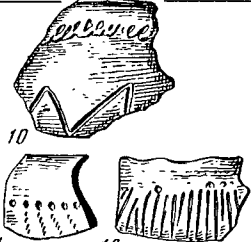

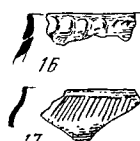

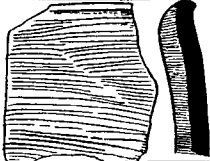
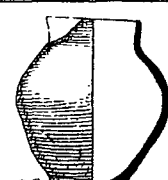

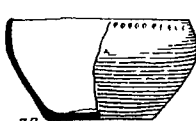
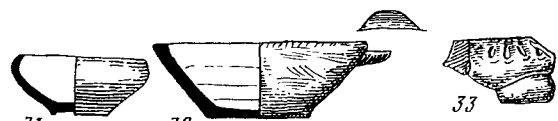

	<i>Основная форма</i>	<i>Варианты формы</i>	<i>Орнамент</i>	<i>Некоторые особенности</i>
I				
II				
III				
IV				
V				
VI				
VII				
VIII				

Таблица 69. Керамика дольменных памятников Западного Кавказа

1, 33 – Пшада, дольмен I (группа VI); 2, 11 – Верхняя Эшера, дольмен 2 и 1; 3, 5, 27 – Дегуакско-Даховское поселение (Дегуакская Поляна, ст-ца Даховская); 4 – Геленджикское поселение; 6, 16, 22, 29 – бассейн р. Кизинка (ст-ца Баракаевская), дольмены 74, 54, 64 и 229; 7, 15 – Дегуакская Поляна (ст-ца Даховская); дольмены 84; – 8, 14, 18 – Верхняя Эшера (Абхазия), дольмены II и IV; 9, 12, 19, 28 – Красная Поляна, дольмены 1 и 3; 10 – Солох-аул, дольмен 12; 13, 24, 25 – Красная Поляна; 14, 15, 34 – ст-ца Баговская, Зацепина Поляна, дольмен 3; 17 – Сули;

20, 22 – Красная Поляна (округлая гробница); 23 – ст. Абадзехская; 24, 25 – Красная Поляна; 26 – Азанга; 30–32 – Верхняя Эшера; 13–15 (сбоку) – способы крепления ручек к тулову сосудов; 1, 3, 5–7, 9, 10, 12, 15, 16, 19, 22, 27–29, 33 – по В.И. Марковину; 2, 11 – по О.М.Джапаридзе; 4 – по И.И. Аханову; 8, 14, 17, 18, 26 – по Б.А. Куфтину; 13, 20, 21, 24, 25 – коллекция музея г. Сочи; 30–32 – по М.М. Иващенко; 34 – по Е.Д. Фелицыну; I–VIII – типы сосудов

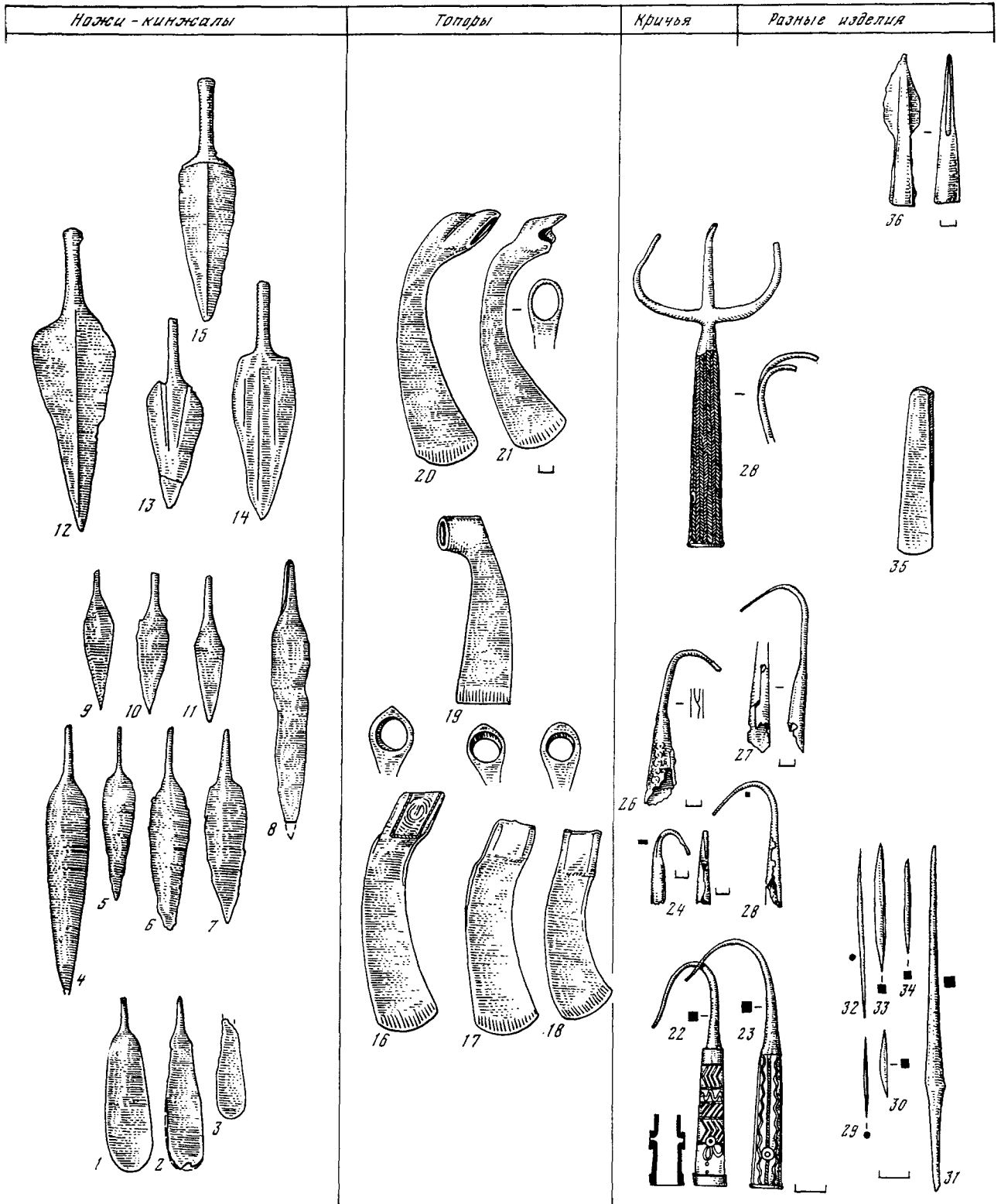

Таблица 70. Предметы из металла – инвентарь дольменных памятников

1, 4, 19, 25, 35 – р. Фарс (по Н.Л. Каменеву); 2, 5, 9, 11–14, 16, 18, 20–23, 27, 28 – Верхняя Эшера, дольмены II, IV, VI (по Б.А. Куфтину); 3, 15 – Верхняя Эшера, дольмены 1 и 2 (по О.М. Джапаридзе); 8 – Красная Поляна (по В.И. Марковину); 6, 7, 10, 26 – р. Кизинка, дольмены 75, 305 (по В.И. Марковину); 17 – Верхняя Эшера, дольмен V (по М.М. Иващенко); 25 – Сули

(по Б.А. Куфтину); 29, 33, 34 – Дегуакская Поляна (ст-ца Даховская), дольмен 84 (по В.И. Марковину); 30 – Солох-аул, дольмен I (по В.И. Марковину); 31 – Верхняя Эшера, среди дольменов; 32 – Азанта, дольмен II (по Б.А. Куфтину); 36 – Солоники, дольмен 2 из группы I (по В.И. Марковину)

Интересна находка бронзового втульчатого наконечника копья из корытообразного дольмена 2 у сел. Солоники. Этот явно поздний предмет (табл. 70, 37), содержащий в металле 1,2% мышьяка и 1,5% олова, очень важен для датировки сооружений, имеющих корытообразную форму.

Среди металлических изделий следует указать на двусторонние шилья (найлены в дольменах ст-цы Даховской, в селениях Верхняя Эшера и Азанта). Их делали из бронзы с 2% содержанием мышьяка. В дольмене ст-цы Абадзехской найдено клиновидное тесло, в составе его металла 4,56% мышьяка (Фелицын Е.Д., 1904. С. 33, 34. Рис. 17; Джапаридзе О.М., 1961. С. 236). Следы работы подобных орудий встречаются на дольменных плитах (Солох-аул, Солоники и др.): Бронзовые крюки, втулки которых иногда орнаментированы, найдены в сооружениях селений Верхняя Эшера, Сули, бассейнах рек Кизинки и Фарс. Скорее всего, они служили для захватывания мяса на ритуальных пиршествах. Металлические украшения среди дольменных находок нечасты (табл. 71, 1–10). Это бронзовые височные кольца. Обычно они имеют круглую, реже овальную форму и свернуты в 1,5 оборота. Обнаружены в дольменах Красноалександровского аула, селений Верхняя Эшера, Азербиевка, на р. Кизинке. Наиболее архаичным предметом среди них является несомкнутое колечко, сделанное из золотой фольги и найденное в дольмене 215 бассейна р. Кизинки (табл. 71, 1). Украшением прически могли служить длинные спиральки, найденные в дольменах сел. Верхняя Эшера и на р. Кизинке (табл. 71, 10).

Изделия из камня в дольменах встречаются редко. Это прежде всего терочки и абразивные плитки, которыми обрабатывали строительный материал (табл. 72, 1–12). Но известны и отдельные находки каменных орудий труда, предметов вооружения и украшений (табл. 71, 11–32). Орудиями земледелия являются зубчатые кремневые вкладыши от серпов. Найлены они в двух дольменах бассейна р. Кизинки (табл. 71, 20, 21). Обломок каменного пряслица обнаружен в одном из верхнеэшерских дольменов.

Среди предметов вооружения укажем кремневый наконечник дротика (табл. 71, 15) из гробницы сел. Рождественского (гора Ахупач в Абхазии). Он имеет черешок, общая его длина 10,1 см, ширина 3,7 см (Воронов Ю.Н., 1969. С. 37). Обломок подобного наконечника был найден возле недостроенного дольмена на р. Кизинке.

Кремневые наконечники стрел с черешком и выемками у основания происходят из дольменов сел. Верхняя Эшера (Джапаридзе О.М., 1961. С. 224, 229. Рис. 49). В бассейне р. Аше найден просверленный каменный клиновидный топор (табл. 71, 11) (Археологические исследования, 1926. С. 36). Обломок сверленного топорика из змеевика обнаружен среди дольменов р. Кизинка. Булавовидный предмет и грушевидные булавы (табл. 71, 13)

известны из построек селений Рождественского, Верхняя Эшера, ст-цы Баракаевской. Завершить описание предметов каменного вооружения можно шарообразными камнями, происходящими из многогранного дольмена р. Фарс (табл. 71, 12) и плиточной постройки р. Кизинки (детально см.: Марковин В.И., 1978. С. 265–271).

Каменные бусы рубленого типа и в виде хорошо обработанных цилиндров, а также бусы-подвески из разных пород камня, в том числе сердолика (табл. 71, 22–32), были найдены в дольменах пос. Красная Поляна, селений Верхняя Эшера, Отхара, на “Дегуакской поляне” (ст-ца Даховская).

Изделия из кости и рога редко встречаются в дольменах. Таковы подвески из Дегуакской поляны, роговая муфта (табл. 71, 40) для крепления каменного клина из Геленджикского дольмена (Сизов В.И., 1889. С. 62), а также приостренные проколки, найденные в постройках Азербиевки и Геленджика (табл. 71, 42). Отдельные пастовые бусы (табл. 71, 34–39) явно привозного происхождения (сел. Верхняя Эшера, пос. Красная Поляна, Солоники, “Богатырская дорога” и Дегуакская поляна) известны по сей день в единичных экземплярах.

Описанные предметы не позволяют как-либо отделить дольмены, расположенные на территории Абхазии, от основной массы дольменов более северных районов Западного Кавказа. Однако в дольменных постройках встречаются не только вещи, но и костные остатки – части скелетов различных животных. Известны восемь случаев, когда в дольменах были найдены кости лошади, а в шести случаях – кости свиньи, реже встречены остатки крупного и мелкого рогатого скота. Интересен факт нахождения в дольменах костей собак. Скорее всего, они должны были сопровождать своего хозяина “на тот свет” (Марковин В.И., 1978. С. 274–277).

Описанные находки могут быть существенно дополнены материалом раскопок двух поселений, оставленных строителями дольменов. Первое из них, исследованное в 1949–1950 гг. И.И. Ахановым, находится в северо-западной части Геленджикской бухты. Здесь расчищена хозяйственная яма и обнаружены, помимо костей животных (включая кости рыб и дельфина), каменная мотыга и небольшое количество керамики (Аханов И.И., 1963. С. 276–280). В 1970 г. неподалеку от дольменного поля на Дегуакской поляне обнаружено поселение с двумя культурными горизонтами. Древнейший нижний горизонт, датированный по C_{14} 2060±80 лет до н.э., содержал следы хозяйственной деятельности человека – ямы, предназначавшиеся для хранения различных продуктов, печь для обжига керамики, а в верхнем горизонте, помимо хозяйственных ям, остатки глиняного утробованного пола жилой прямоугольной постройки. Керамические находки, сделанные в обоих горизонтах, позволяют говорить о полной идетичности их чисто дольмен-

Металлические украшения	Камень		Бусы из пасты	Кость	
	Орудия, оружие	Бусы		Орудия	Украшения

Таблица 71. Инвентарь дольменных памятников. Предметы из металла (1-10), камня (11-32), стеклянной пасты (33-39) и кости (40-45)

1, 7, 8, 17, 20, 21 – р. Кизинка, дольмены 215, 64, 54, 351 (по В.И. Марковину); 2, 4 – Азанта, дольмен II (по Б.А. Куфтину); 3 – Верхняя Эшера, дольмен I (по М.М. Иващенко); 5, 10, 16, 38, 39 – Верхняя Эшера, дольмены II, IV (по Б.А. Куфтину); 6, 41 – Адербиевка, дольмен I (по В.И. Марковину); 9 – пос. Каменномостский, Кожжохская группа дольменов; дольмен 26 (по Е.Д. Фелицину); 11 – Красноалександровские аулы (по Б.В. Лунину); 12 – р. Фарс (по Н.Л. Каменеву); 13, 15 – сел.

Рождественское (Абхазия); 14 – ст-ца Баракаевская, дольменное поле; 18, 19 – Верхняя Эшера, дольмен 3 (по О.М. Джапаридзе); 22, 23, 28-30, 36, 37 – Красная Поляна, дольмен I (по В.И. Марковину); 24-27, 31-34, 44, 45 – Дегуакская поляна (ст-ца Даховская), дольмены 84 и 37 (по В.И. Марковину); 40, 42 – Геленджик (по В.И. Сизову); 43 – Дегуакское поселение (по В.И. Марковину)

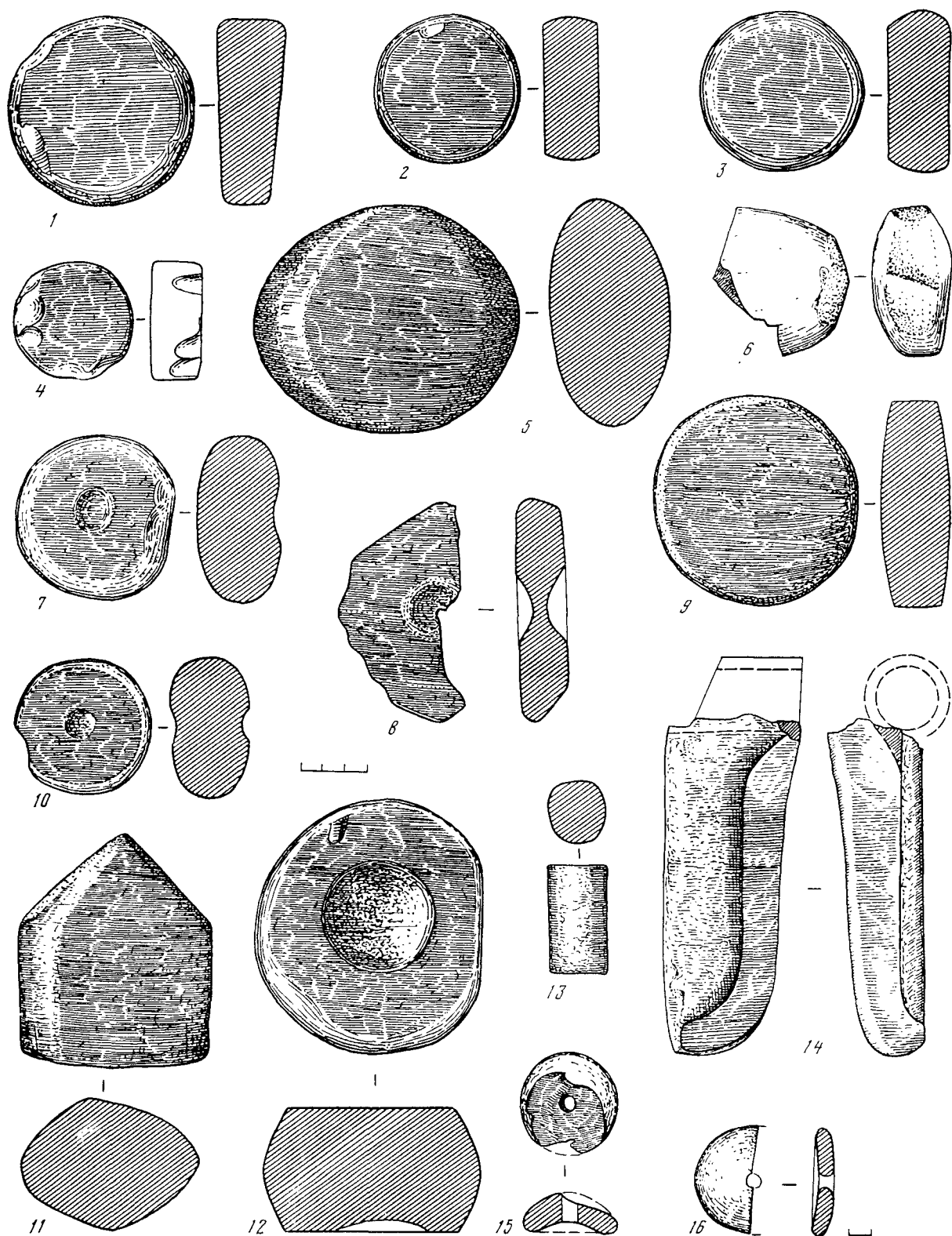

Таблица 72. Инвентарь дольменных памятников. Предметы из камня (1-12) и глины (13-16)

1, 2, 7, 15 – р. Кизинка, дольмены 502, 89, 542 и 23; 3, 4 – ст-ца Баракаевская, среди дольменов; 5 – Красная Поляна, гора Ачишхо; 6 – Богатырская дорога; 8-14, 16 – Дегуакско-

Даховское поселение, ст-ца Даховская. Исследования В.И. Марковина

ным находкам. Помимо обломков посуды, на поселениях найдены обломки льячек, форма для изготовления проушного топора (табл. 72, 14), кремневые вкладыши, крупные каменные орудия типа мотыг, обломок каменной булавы и другие предметы (Марковин В.И., 1977. С. 3.–67).

Третьим поселением, представляющим определенный интерес для изучения культуры дольменов, является пос. Старчики, обнаруженное у ст-цы Новосободной. Оно многослойное (М.Б. Рысин насчитывает в нем четыре слоя), хотя, судя по описанию керамических находок, жизнь на нем “эволюционирует” в пределах одной культуры (Рысин М.Б., 1992а. С. 6). Керамика поселения действительно близка, а отдельные сосуды аналогичны той посуде, что была найдена в дольменах (Рысин М.Б., 1992б. С. 215–223. Рис.). Однако само поселение, устройство его жилищ, костные остатки пока еще остаются фактически неописанными, поэтому сейчас оно дает не так уж много материала для реконструкции быта населения, строившего дольмены. Можно только сказать, обобщая все известные данные, что дольменные племена Западного Кавказа обладали высокой культурой.

Вопрос о времени создания различных типов и вариантов дольменов очень сложен. К нему с разных позиций подходили различные исследователи. Так, Л.Н. Соловьев датировал их (исходя из времени “движения” кашков) 2000–1600 гг. до н.э. (Соловьев Л.Н., 1958. С. 165, 166); Б.А. Куфтин относил их к рубежу III–II тысячелетий до н.э. (Куфтин Б.А., 1949. С. 287); О.М. Джапаридзе самые ранние из дольменов относил к 2400–2200 гг. до н.э.; поздние – к 2200–1800 гг. до н.э. (Джапаридзе О.М., 1961. С. 238).

В последнее время по поводу датировки эшерских дольменов в Абхазии возникла полемика между М.Б. Рысиным и С.Н. Корневским. Первый датирует их XIX–XVIII вв. до н.э., а попутно создает хронологический ряд для памятников Кавказа, включая Дагестан (Рысин М.Б., 1990а. С. 18–25). С.Н. Корневский, не меняя данную датировку, приписывает М.Б. Рысину слабую аргументацию в его построениях (Корневский С.Н., 1992. С. 96–101). Это полемика эрудитов, но она абсолютно ничего не прибавляет к схеме датировок памятников Кавказа, как и самих дольменов. Кстати, замечу, что Ю.Н. Воронов отмечал хронологическое запаздывание “дольменов Абхазии по сравнению с дольменами станицы Новосободной” (Воронов Ю.Н., 1971. С. 19). Не вдаваясь в более подробный экскурс, касающийся датировок дольменов различными учеными (Марковин В.И., 1978. С. 278, 279), приведем самую общую предложенную нами хронологическую схему.

А. Древнейшим типом дольменных построек являются плиточные сооружения без лазов. Их можно приблизительно датировать 2700–2600 гг. до н.э. Вслед за ними возникают дольмены новосободненского облика и сооружения портално-

го типа (с приставными плитами у фасада). Время их строительства определяется примерно серединой III тысячелетия до н.э. Одновременно и несколько позднее возникают дольмены с камерой почти квадратного плана. Несколько позже появляются дольмены более четкого трапециевидного плана с мощными порталными выступами. Тогда же был возведен курган Псынако I.

Почти одновременно с наиболее ранними плиточными дольменами возникают корытообразные сооружения без отверстий, а затем появляются и первые составные постройки. Описанные памятники предназначались в основном для одиночных захоронений (реже два-три покойника), положенных скорченно, при сильной посыпке охрой. Однако среди ранних памятников стоит многогранный дольмен с р. Фарс, который почти синхронен новосободненским постройкам.

Б. Эпоха расцвета дольменной культуры приходится на конец III – первую половину II тысячелетия до н.э. В это время широкое распространение получают плиточные постройки трапециевидного плана, а также составные и корытообразные сооружения. Вероятно, к концу периода возникают дольмены, близкие монолитам. Погребальный обряд меняется, преобладают захоронения “сидящих” покойников.

В. Поздний период культуры дольменов приходится на середину и начало второй половины II тысячелетия до н.э. Плиточные дольмены теряют четкость пропорций. Вероятно, тогда же появляются корытообразные дольмены с камерами округлых очертаний, составные постройки с нависающими блоками, образующими подобие ложного свода. К концу периода возникают дольмены-монолиты. Теперь в мегалитических гробницах часто практикуется обряд вторичных захоронений.

Наиболее поздними среди дольменов можно считать гробницы того типа, что находятся в верховьях р. Кубань, в пределах Карачаево-Черкесии (табл. 66). Около 1400–1300 гг. до н.э. мегалиты уже не воздвигают.

Несомненно, эта схема потребует тщательной проверки и уточнения (Формозов А.А., 1980. С. 320). Многие ученые пытались высказываться по вопросу о происхождении западнокавказских дольменов. Уже исследователи XIX в. Ф.С. Байерн и П.С. Уварова обратили внимание на то, что местные дольмены в основном тяготеют к Черному морю, значит, по их мнению, они могли появиться только из-за моря (Байерн Ф.С., 1871. С. 312–315; Уварова П.С., 1900. С. 197, 198). Такой большой знаток дольменов, как Б.А. Куфтин, считал, что их прародину надо искать среди “культурно-производственных” групп Средиземноморья, Деканского полуострова и Южного Прикаспия (имея в виду гробницы Тальша), но прежде, по его мнению, необходимо в сравнительном плане подробно изучить типы дольменов в разных странах и их инвентарь (Куфтин Б.А., 1949. С. 288, 289). Выше гово-

рилось об очень шаткой гипотезе Л.Н. Соловьева, который связывал строительство дольменных памятников с малоазийскими “готовыми формами” (Соловьев Л.Н., 1958. С. 151 и след.). Л.И. Лавров сделал предположение, что “дольмены Северо-Западного Кавказа составляют одно целое с дольменами Крыма и Украины”, но он не считал возможным рассматривать дольмены вне идентичных построек мира. На Западном Кавказе, по его мнению, они могли появиться “с развитием торгового и военного мореплавания” (Лавров Л.И., 1960. С. 102, 106). По мнению А.А. Формозова, “дольмены строили не только носители особой дольменной культуры Кавказа, но иногда и носители других соседствовавших с нею культур”. Он рассматривает далее некоторые каменные сооружения майкопской культуры (оборонительные стены, отдельные захоронения, обложные плиты) как предшествующие дольменным и натолкнувшие местные племена на их строительство (“идея” дольмена, по мнению А.А. Формозова, была “разработана в другом месте и другими людьми”, но он не уточнил, где же именно это могло произойти) (Формозов А.А., 1980. С. 319, 320).

Иначе представляют себе происхождение местных дольменов Н.А. Николаева и В.А. Сафронов. У них они связаны с “движением” носителей европейских культур шаровидных амфор и шнуровой керамики (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974. С. 174–198). Эти племена, неся идею дольмена, “расселились в разных районах от побережья Черного моря до верховьев Терека” (Николаева Н.А., 1981. С. 81, 82). Гробницы новосвободненского облика А.Д. Резепкин пытается сопоставлять с памятниками культуры воронковидных кубков (Резепкин А.Д., 1987б. С. 29, 30; 1989. С. 18–20), тем самым сближаясь с мнением предшествующих авторов. Эти теории не соответствуют прежде всего тому массовому археологическому материалу, который характерен для дольменных памятников Западного Кавказа (Марковин В.И., 1982б. С. 25–31; 1985б. С. 14, 15. Рис. 1, 2).

Называя “составными дольменами” самые разнообразные, разнокультурные и хронологически не связанные памятники, разбросанные к тому же по горам почти всей территории Северного Кавказа, Л.Г. Нечаева и В.В. Кривицкий не выдвигают какой-либо положительной теории для своих построений (Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., 1975. С. 32). Наконец, можно еще упомянуть мнение И.И. Цвинария, которое сводится к утверждению, что дольменная культура возникла в пределах Западного Кавказа и только здесь находит свои истоки (Цвинария И.И., 1990. С. 57–68).

Можно еще рассмотреть вопрос о связи дольменов с памятниками катакомбной культуры. В 1937 г. М.И. Артамонов бегло высказался о необходимости сопоставления материалов дольменной, катакомбной и других культур (Артамонов М.И., 1949. С. 333). Его пожелание нашло свое продол-

жение в суждении В.Я. Кияшко о наличии параллелей в дольменном и катакомбном обряде захоронения на ранней стадии их существования (Кияшко В.Я., 1991. С. 61). К этому можно добавить находку обломка катакомбной курительницы возле дольмена 497 в бассейне р. Кизинки (Марковин В.И., 1978. С. 251, 252. Рис. 127, 1, 2). Все это, видимо, дало повод М.Б. Рысину говорить об особой “дольменно-катакомбной общности” (Рысин М.Б., 1992а. С. 20). Очевидно, поэтому и возник такой географически неоправданный размах через весь Кавказ в сопоставлении дольменов Эшери в Абхазии и катакомб Великента на Каспии, в Дагестане (Рысин М.Б., 1990. С. 24, 25; Корневский С.Н., 1992. С. 97–99). Выделение историко-культурной общности должно иметь надежную основу. В данном случае такой основой могла бы послужить архитектурная близость дольменов и катакомб, но ее нет. Каменные дольменные конструкции отвечают основным закономерностям высокой архитектуры, в то время как катакомбы, вырытые в грунте, такими качествами не обладают. Далее, население, строившее дольмены по узкому региону Причерноморья, вряд ли могло иметь общую судьбу с племенами катакомбной культуры, жившими на огромных степных просторах Приазовья, Поволжья, Подонья, Приднепровья и т.д. Нет особой близости и в инвентаре рассматриваемых памятников.

За последние годы нами сделана попытка сравнить дольмены Западного Кавказа с дольменами мира. По нашему мнению, наиболее близки западнокавказским сооружения Средиземноморья, конкретнее – Пиренейского п-ова и прилегающих островов. Здесь известны многоугольные постройки и сооружения без отверстий. Дольменные памятники, располагаясь вдоль побережья, следуют как бы за морским течением, проходящим в Средиземном море вдоль Северной Африки, описывая дугу у Малоазийского побережья Турции и затем заходя в Черное море (Марковин В.И., 1987. С. 85; 1988б. С. 96–101). Интересно, что дольмены с приставными выступами также имеются в Средиземноморском бассейне (в Каталонии) и близ западной (фракийской) части Черноморского побережья. Наиболее ранние дольмены указанных областей датируются 4000–3500 гг. до н.э. Таким образом, мы связываем происхождение западнокавказских построек с возможной миграцией средиземноморских строителей дольменов на Западный Кавказ (Марковин В.И., 1974б; 1978. С. 291–316; 1980. С. 38–44; 1982. С. 111–116; 1984. С. 4–7). Пожалуй, следует еще раз вспомнить в связи со сказанным курган Псынако 1. Аналогий ему на Кавказе нет, но среди европейских древностей можно назвать целую серию близких по конструкции курганных памятников. Такковы сооружения Эльдсберг в Швеции, Нью-Грейдж в Ирландии, Ёрдхой в Дании, Барне-ан-Плуезо и “Бугон” во Франции, Лос-Мильярес и “Малага” в Испании, Алькаларе в Португалии. Среди указанных памятников наибольшее

сходство с комплексом Псынако 1 обнаруживают сооружения Испании и Португалии – Средиземноморья (Марковин В.И., 1991). Это сходство проявляется более всего в устройстве толоса и дромоса, в общей композиции курганных конструкций. Думаем, что это не простое совпадение. Конечно, для проверки высказанной нами гипотезы потребуются дальнейшее изучение местных памятников и еще более тщательное сравнение их с дольменами мира и Средиземноморья.

Почти все исследователи, изучая дольмены Западного Кавказа, считали возможным рассматривать их строителей как далеких предков абхазо-адыгов (Соловьев Л.Н., 1958. С. 163 и след.; Лавров Л.И., 1960. С. 102–107; Инал-Ипа Ш.Д., 1965.

С. 64–68, 81; 1971. С. 22–56; 1976. С. 71 и след.; Марковин В.И., 1974. С. 48–52; 1978. С. 320–325). Имеются частные мнения. Так, Я.А. Федоров рассматривает дольмены как памятники, оставленные непосредственными предками абхазов (Федоров Я.А., 1974. С. 78–94), а О.М. Джапаридзе склонен не отделять дольменные памятники от общего развития культуры древнегрузинских племен (Джапаридзе О.М., 1976. С. 304). Как видим, и в этом вопросе дольменные памятники еще требуют более полного изучения. При любом решении затронутых вопросов дольмены являются первоклассными памятниками, которые еще полностью не раскрыли себя в качестве исторического источника.

Глава 3

Северокавказская культурно-историческая общность

История изучения эпохи бронзы Северного Кавказа сложна. К самому факту ее былого существования ученые подошли робко, исходя иногда из косвенных данных. Так, в 1881 г. А.С. Уваров отмечал высокое мастерство в изготовлении бронзовых предметов, относимых к кобанской культуре. Этот факт, по его мнению, с несомненностью свидетельствует о том, что времени бытования кобанской культуры должна была предшествовать эпоха бронзы (Уваров А.С., 1887. С. 1–9). Подобную точку зрения разделял Жак де Морган (Morgan de J., 1889). Однако не все ученые рассматривали Кавказ как очаг древних культурных достижений. Известный археолог и антрополог Р. Вирхов, например, считал, что для возникновения эпохи бронзы на Кавказе не имелось самостоятельных предположений (Virchow R., 1883. S. 127, 142).

Подобным фактам не следует удивляться. Даже Д.Я. Самоквасов, который в 1881 г. вскрыл под Кисловодском и Пятигорском курганы с погребениями, содержащими явно древние предметы (бронзовые листовидные ножи, булавки и пр.), считал, что они относятся к киммерийской и даже скифской (скифской) эпохам. Эпоха бронзы на Северном Кавказе, думалось ему, “не особенно древняя” (Самоквасов Д.Я., 1887. С. 57; 1892. С. VII–VIII; 1908а. С. 23–55).

Другой ученый В.Ф. Миллер также рассматривал Кавказ как труднодоступное “захолустье, лежащее вдали от культурных центров” (Миллер В.Ф., 1888. С. 112 и след.). Несмотря на распространенность подобного мнения в научных кругах (И.И. Толстой, Н.П. Кондаков., Г. Вильке и др.), памятники эпохи бронзы Северного Кавказа постепенно обретали свое хронологическое место. Начало этому положил А.А. Спицын. На Кавказе он выделил два района – Кубанский и Терский с захоронениями эпохи бронзы. А.А. Спицын считал, что оставившее их население появилось на Кавказе в результате миграционного продвижения из Ассирии или Малой Азии (Спицын А.А., 1899. С. 53, 74, 81).

Более полному изучению местных древностей эпохи бронзы в это время способствовали раскопки, проводившиеся в разных местах Кавказа (А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, В.И. Долбежев, Г.А. Вертелов, В.Р. Алухтин и др.). Краткие результаты их исследований публиковались в Отчетах и Известиях Археологической комиссии (ОАК за 1882–1914 гг.; ИАК, 1905–1914 гг.). На основе изучения материалов раскопок известный русский археолог В.А. Городцов пришел к выво-

ду, что Кавказ не был историческим “захолустьем”, а, будучи частью Передней Азии, “искони жил с нею одною культурной жизнью” (Городцов В.А., 1910а. С. 315–317). Он объединял памятники майкопской культуры с менее древними комплексами, содержащими каменные топоры, бронзовые булавки и другой довольно характерный инвентарь (Городцов В.А., 1910а, С. 315–317), и впервые предложил называть все эти древности не разделяя их, памятниками северокавказской культуры (Городцов В.А., 1927. С. 614, 615). Это название в дальнейшем стало применяться только к древностям эпохи развитой бронзы Северного Кавказа. В 30–40-е годы было сделано несколько попыток хронологически их расчленивать. Одной из удачных надо считать периодизацию, предложенную А.В. Шмидтом. Все памятники эпохи бронзы, выявленные в бассейне р. Кубани, он разделил на три временные группы.

1. Раннекубанская культурная группа (связана с памятниками Шумера и Крита) датируется временем около 3000–2500 гг. до н.э.

2. Среднекубанская культурная группа (одновременно степным культурам) – около 2300–1600 гг. до н.э.

3. Позднекубанская культурная группа, доходящая до времени появления железа – около 1000 г. до н.э. (Schmidt A.V., 1929. S. 9–13, 16–21).

Эта периодизация явилась серьезным вкладом в изучение археологического материала Северного Кавказа. Собственно, хронологические построения финских ученых А.М. Тальгрена и А. Европеуса, изучавших древности Кавказа, близки схеме А.В. Шмидта и не получили широкого признания (Tallgren A.M., 1925. S. 70; 1929. P. 22–39; Åugärå A., 1933. S. 14, 55–60). Следует отметить, что А.М. Тальгрэн эпоху бронзы целиком относил ко II тысячелетию до н.э. (Tallgren A.M., 1931. S. 141–145). Ценность работы А. Европеуса заключается не в его хронологии, а в обработке большой серии каменных орудий, наделенных на Кавказе, и выделении особого, пятигорского типа полированных топоров, которые, по его мнению, появляются с первой половины II тысячелетия до н.э. и исчезают из употребления в 1300–1100 гг. до н.э. (Åugärå A., 1933. S. 60–86). В дальнейшем в связи с массовыми находками подобных топоров на более широкой территории Е.И. Крупнов предложил называть их топорами “кабардино-пятигорского” типа (Крупнов Е.И., 1949а. С. 207).

Углубленное изучение древностей Северного Кавказа побудило А.А. Миллера в 1932 г. создать

постадияльное членение древностей Кавказа. Ко второй (средней) стадии он отнес время бытования северокавказской культуры, когда широко распространилось употребление металла и появилась керамика, украшенная узором из отгисков шнура (Миллер А.А., 1933. С. 47. 48).

Эта периодизация, как и предложенная А.В. Шмидтом, послужила основой для дальнейших хронологических построений. Особенно плодотворными были усилия известного археолога А.А. Иессена. Он считал, что памятники развитой эпохи бронзы приходятся на второй этап в становлении местной металлургии (Иессен А.А., 1935. С. 80 и след.), а в общей периодизации он включил их во вторую стадию (II тысячелетие до н.э.) вместе с памятниками майкопского круга (Иессен А.А., 1941. С. 16–19). В этой стадии А.А. Иессен выделил два этапа: первый – время “больших кубанских курганов” (майкопской культуры) и второй – расцвет северокавказской культуры (у него – “среднекубанская культура” и кабардино-пятигорская группа) (Научная сессия..., 1940. С. 8, 9; Иессен А.А., 1950. С. 198, 199).

Пожалуй, вопросы хронологии северокавказской культуры, как и выделение ее локальных вариантов, надо считать важнейшими в изучении памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. В этом отношении интересны работы Е.И. Крупнова, который относил памятники изучаемого круга ко второй четверти II тысячелетия до н.э. и выделял среди них особую дигорскую культуру, о которой он писал как об “особом культурном очаге, резко отличном от окружающей культурной среды” (Крупнов Е.И., 1951а. С. 31 и след.).

Полевое изучение древностей северокавказской культуры позволило накопить большой археологический материал. С 1929 г. в Нальчике исследуются курганы, которые, по словам Б.Е. Деген-Ковалевского, позволили охарактеризовать “кабардино-пятигорский археологический микрорайон” эпохи бронзы (Деген Б.Е., 1941. С. 231–267). В 30-е годы А.А. Иессен открывает отдельные древние захоронения в Кабардино-Балкарии (Археологические исследования..., 1941. С. 221–228). В горной части Северной Осетии работает Е.И. Крупнов (Крупнов Е.И., 1938. С. 41–47; 1951а. С. 26–70), у г. Моздок ведет раскопки курганов Б.Б. Пиотровский (Археологические исследования..., 1941. С. 245, 246; Пиотровский Ю.Ю., 1977. С. 15–19).

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. прервала археологические исследования. Только с 1946 г. на Северном Кавказе было возобновлено изучение древностей. Они проводились почти во всех уголках Северного Кавказа, включая предгорный Дагестан (исследования Е.И. Крупнова, К.Э. Гриневича, В.И. Канивца, Т.М. Минаевой и др.). Итоги исследований первых десяти послевоенных лет были подведены Ереванской конференцией 1956 г. А.А. Иессен специально остановился тогда на проблеме изучения северокавказской культу-

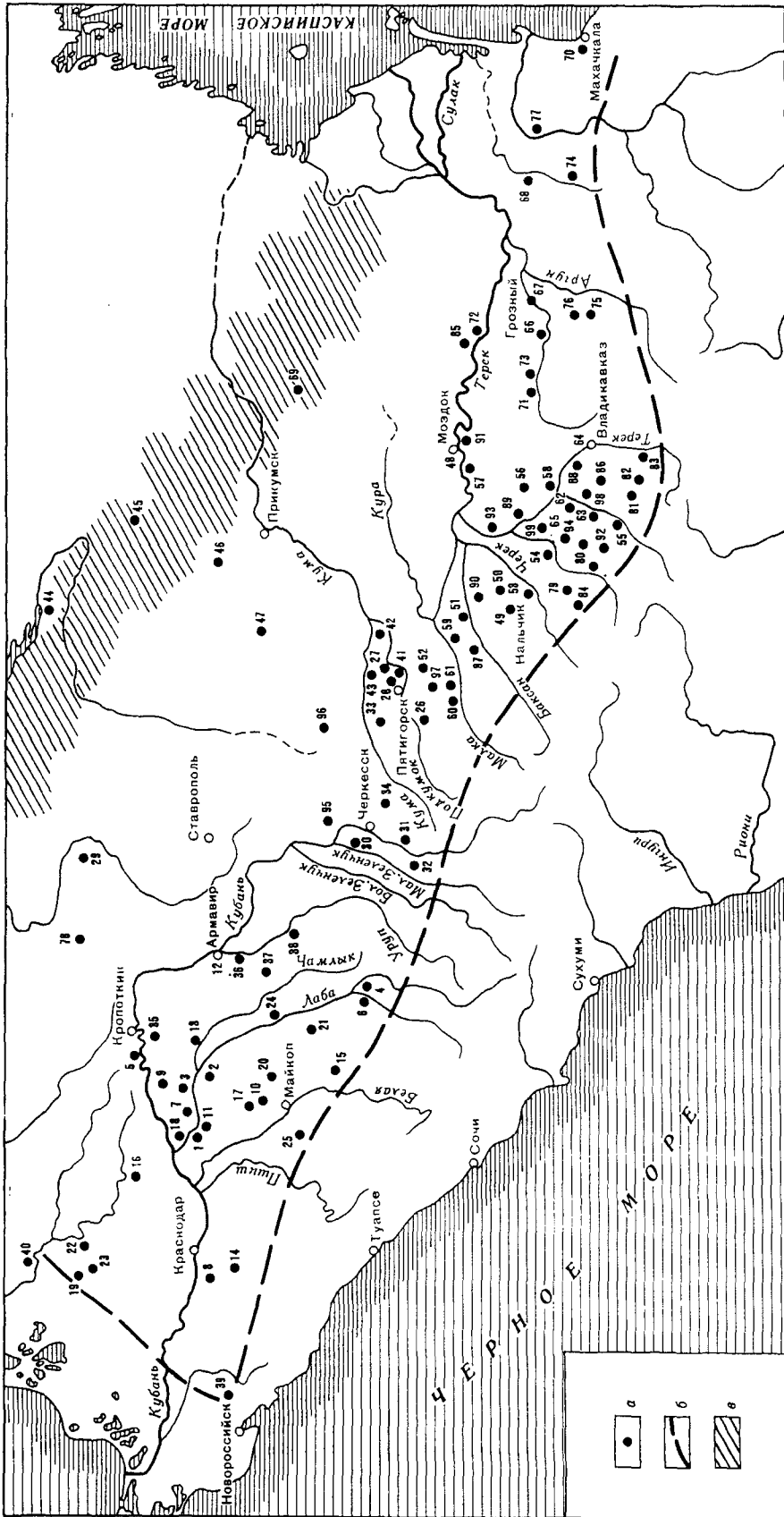
ры. По его мнению, эта культура может содержать “несколько хронологических подразделений”, а ареал ее следует намечать “от Кубани до верхнего Терека и Сунжи” (Иессен А.А., 1956. С. 14).

Вплоть до 1960 г., несмотря на большое количество работ, в определенной степени затрагивающих эпоху бронзы Кавказа (Марковин В.И., 1960а. С. 280–284), не было специального исследования, посвященного интерпретации памятников соответствующей эпохи. Такой работой явилась монография В.И. Марковина “Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы”. В ней привлечен материал старых раскопок и многочисленные случайные археологические находки, хранящиеся в разных музеях. К настоящему времени не все вопросы, затронутые в книге (происхождение культуры, этапы ее развития, локальные варианты), могут считаться разрешенными (Марковин В.И., 1960б. С. 31 и след.), многие из них требуют проверки и уточнения. Попытки в этом направлении уже сделаны. Так, В.А. Сафронов в связи с изучением Бородинского клада и топоров кабардино-пятигорского типа предложил четырехэтапную периодизацию, охватывающую время от XVII до XII вв. до н.э. (Сафронов В.А., 1968. С. 110–114). Несколько позже им была сделана новая попытка классификации и датировки древностей эпохи бронзы Северного Кавказа (Сафронов В.А., 1970; 1974. С. 63 и след.). Примененная В.А. Сафроновым методика датировки кавказских памятников на основе стратиграфических данных, полученных в степных курганах (в Калмыкии), представляется неубедительной (Марковин В.И., 1976. С. 197, 198).

Развернувшиеся за последние десятилетия большие археологические работы на Северном Кавказе позволили собрать значительное количество нового материала, что, несомненно, подвело и к несколько иной его интерпретации и к новым оригинальным научным обобщениям. Здесь следует упомянуть раскопки курганов в верховьях бассейна р. Кубань, на территории Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Результаты работ в верховьях р. Кубань обобщены в монографиях А.Л. Нечитайло. Ею предложена не только трехэтапная хронология изученных памятников (от рубежа III–II тысячелетия до н.э. и до XIII в. до н.э.), но и систематизирован археологический материал (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 14 и след.; 1979. С. 133–143). Не менее важны результаты раскопок, опубликованные сотрудниками Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (Мизиев И.М., Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. С. 22–47; Бетров Р.Ж., 1974. С. 3–13; Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984; Мизиев И.М., 1984; Батчаев В.М., 1984; 1986; Чеченов И.М., 1984). Они расширяют представление о культуре эпохи бронзы на Северном Кавказе и ее локальных особенностях.

Большое научное значение имели исследования памятников Северной Осетии. Помимо изучения отдельных комплексов (Газдапустаи Д., 1969.

ЧАСТЬ II. ЭПОХА БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

С. 140–145; Тменов В.Х., 1975. С. 113–131; 1980. С. 11–26), здесь велись крупные раскопки в районе сел. Дзуарикау (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980). Материалы, обнаруженные в местных курганах, а также отдельные погребальные комплексы, вскрытые в селениях Ногир, Хазнидон и других пунктах, послужили основой для выделения Н.А. Николаевой особой “кубано-терской культуры” (Николаева Н.А., 1983. С. 37–40; 1987; 1989. С. 28 и след.). Принятая ею хронология для круга изучаемых древностей опирается на 16-ступенчатую периодизацию В.А. Сафронова, в основе которой покоится уже упоминавшаяся стратиграфия курганов Калмыкии (Сафронов В.А., 1970; 1978; 1979; и др.). Н.А. Николаева время существования “кубано-терской культуры” членит на шесть этапов – от ее становления и до заката, т.е. от XXII–XXI вв. до н.э. и до XIV в. до н.э. (Николаева Н.А., 1981. С. 82–90; 1989. С. 6, 41 и след.). Не останавливаясь здесь на деталях, заметим, что основной инвентарь “кубано-терской” культуры, как и включенные в нее памятники, ничем принципиаль-

Карта 5. Памятники северокавказской культурно-исторической общности

а – археологические памятники, *б* – условная граница культурно-исторической общности, *в* – зона стыка культур; 1 – Ульский аул (Ульян), 2 – Хатажукаевский аул (Хатажукай), 3 – ст-ца Воздвиженская, 4 – ст-ца Андриюковская, 5 – ст-ца Казанская, 6 – ст-ца Псебайская (Псебай), 7 – ст-ца Новолабинская, 8 – пос. Александровский, 9 – пос. Геймановский, 10 – ст-ца Келермеская, 11 – хут. Кру на р. Ульке, 12 – г. Армавир, 13 – ст-ца Петропавловская, 14 – ст-ца Северская, 15 – ст-ца Новосвободная (впускные захоронения), 16 – пос. Праздничный, 17 – ст-ца Гиангинская, 18 – ст-ца Некрасовская, 19 – ст-ца Новоджерелиевская, 20 – ст-ца Кужорская, 21 – ст-ца Костромская, 22 – ст-ца Брюховенская, 23 – ст-ца Роговская, 24 – ст-ца Константиновская, 25 – ст-ца Кубанская, 26 – г. Кисловодск, 27 – колония Николаевская у г. Пятигорска, 28 – колония Константиновская у г. Пятигорска, 29 – с. Летническое, 30 – аул Адыге-Хабль, 31 – г. Усть-Джегута, 32 – аул Кубина, 33 – ст-ца Суворовская, 34 – пос. Холоднородниковский, 35 – пос. Волный, 36 – ст-ца Урупская, 37 – ст-ца Чамльцкая, 38 – ст-ца Попутная, 39 – ст-ца Крымская, 40 – гора Маших, 41 – колония Каррас под г. Пятигорском, 42 – г. Георгиевск, 43 – г. Минеральные Воды, 44 – сел. Дивное, 45 – сел. Арзгир, 46 – сел. Александра, 47 – сел. Благодарное, 48 – г. Моздок, 49 – г. Нальчик, селения Долинское и Соломенка, 50 – сел. Мартан, 51 – селения Чегем I, II, 52 – сел. Камлюко, 53 – сел. Урвань, 54 – сел. Старый Лескен, 55 – сел. Старый Урух, 56 – сел. Верхний Акбаш, 57 – с. Новоосетинское, 58 – сел. Хумалаг, 59 – сел. Заюково, 60 – сел. Хабез (Хабаз), 61 – сел. Каменноостокское, 62 – сел. Ардон, 63 – г. Алагир, 64 – г. Владикавказ, 65 – сел. Кораур-сдон, 66 – сел. Заканюрт, 67 – г. Грозный, 68 – г. Хасавюрт, 69 – сел. Ачикулак, 70 – селения Кяхулай, Тарки, 71 – сел. Базоркино, 72 – ст-ца Мекенская, 73 – г. Назрань, 74 – сел. Андрейаул (Эндери), 75 – сел. Урус-Мартан, 76 – сел. Кулары, 77 – сел. Миатлы, 78 – с. Привольное, 79 – сел. Донифарс, 80 – сел. Галиат (могильник Фаскау), 81 – сел. Корца, 82 – сел. Верхний Кобан (могильник Загли Барзонд), 83 – сел. Чми (могильник Беахни-Куп), 84 – сел. Кумбулга (могильник Верхняя Рутха), 85 – ст-ца Наурская, 86 – сел. Дзуарикау, 87 – сел. Лечинкай, 88 – сел. Ногир, 89 – г. Терек, 90 – сел. Кишпек, 91 – ст-ца Терская, 92 – сел. Хазнидон, 93 – сел. Арик, 94 – сел. Чикола, 95 – ст-ца Ворсковская, 96 – хут. Веселая Роща, 97 – сел. Этоко, 98 – сел. Кадгарон, 99 – сел. Дигора

но не отличаются от того комплекса археологического материала, который характерен для северокавказской культуры. Замена названий ничего положительного исторической науке не дает, оно только привносит в нее излишнюю путаницу.

Несомненно, изучение столь огромного ареала эпохи бронзы, каким являются предгорья и нагорья большей части Северного Кавказа, не представляется легким. Здесь не может быть абсолютно единых критериев для всех памятников, встречаемых в разных высотных зонах и различных географических условиях (карта 5), поэтому, очевидно, не следует говорить о единой северокавказской культуре, а будет более верным всю территорию, занятую близкими памятниками эпохи бронзы, считать культурно-исторической общностью (Марковин В.И., 1976. С. 200)*.

Памятники эпохи бронзы Северного Кавказа имеют определенные черты сходства с предшествующей им майкопской культурой. Это сходство представляется ряду исследователей не чисто случайным, а, возможно, вскрывающим коренные, генетические связи (Марковин В.И., 1959. С. 3–20; 1960б. С. 106–107; Формозов А.А., 1965. С. 150; Нечитайло А.Л., 1978а. С. 135).

Известно, что для погребальных памятников майкопской культуры характерны сильная скорченность костяков, обильная засыпка их краской и преобладание южной ориентировки. Дно могил часто выложено галькой, много камня замечено в конструкциях курганов (Мунчаев Р.М., 1975. С. 308 и след.). Уже известно довольно много захоронений, в которых сочетаются отмеченные черты и такие, которые станут несколько позже характерными для эпохи развитой бронзы. В подобных могилах отмечены совместные находки ранних предметов с типологически более поздними. Так, в кургане у сел. Соломенка (Кабардино-Балкария) обнаружены сосуды, характерные для майкопской культуры, а металлические изделия, покрытые литым, выпуклым узором, ничем не отличаются от того инвентаря, о котором нам еще придется говорить (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 193–196. Рис. 32, 33). А.А. Иессен не смог отнести этот курган ни к одному из выделенных им этапов майкопской культуры (Иессен А.А., 1950. С. 164). Позже В.И. Марковин связывал его с северокавказской культурой (Марковин В.И., 1960б. С. 40–41), и лишь в 1975 г. Р.М. Мунчаев атрибутировал его как поздний памятник майкопского круга (Мунчаев Р.М., 1975. С. 261). Можно вспомнить некоторые захоронения, которые занимают как бы промежуточное положение. Приведем несколько примеров. Погребение 2 в кургане Хатажукаевского аула (Прикубанье) находилось на дне ямы, выложенной булыжником. Скорченный одиночный костяк был ориентирован на юг, при нем была

* Для краткости в дальнейшем изложении будем пользоваться понятием “северокавказская общность”.

найдена бронзовая молоточковидная булавка – предмет, совершенно не характерный для майкопской культуры (ОАК за 1899 г. С. 50. Рис. 98). В ст-це Воздвиженской в подкурганной могиле на “гольшах” лежали головами на юг четыре посыпанных охрой скелета. Возле них находились горшок с приземистым дном, бронзовые тесло, долото и топор с выступающей в виде молоточка обушной частью (ОАК за 1899 г., С. 47. Рис. 79–81). А.А. Иессен это захоронение относил в “расширенном смысле” к майкопскому кругу памятников (Иессен А.А., 1950. С. 163). Можно было бы напомнить также подобные древние захоронения в кургане 7 ст-цы Андриюковской и в кургане 1 ст-цы Псебейской, в которых среди инвентаря раннего облика находились бронзовые булавки с молоточковидными выступами (ОАК за 1898 г. С. 29, 30, 35). Новейшие раскопки подтверждают эти наблюдения. Так, в ст-це Суворовской в кургане 1 было обнаружено впускное погребение с “защелчками”, яма которого имела вогнутые внутрь боковые стенки (табл. 73, 1; Нечитайло А.Л., 1978а. С. 39, 40. Рис. 16, 1; 1979. С. 7. Рис. 4, 12). Эта деталь напоминает конструкцию могилы знаменитого майкопского кургана “Ошад”. Инвентарь описываемого захоронения сохраняет довольно ранний облик, в том числе полусферическую бляху и посоховидные булавки (табл. 73, 2–10). 11 подобных могил с вогнутыми стенками исследовала А.Л. Нечитайло у пос. Холднородниковского (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 49).

Насыпи курганов северокавказской общности большей частью, как и сооружения майкопского типа, содержат много камней. Таковы курганы у ст-цы Андриюковской (ОАК за 1897 г. С. 22), г. Усть-Джегута, ст-цы Суворовской и другие курганные могильники бассейна р. Кубань (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 47), таковы же некоторые курганные группы Кабардино-Балкарии – могильники у селений Заюково, Лескен, Старый Урух, Хабез и в окрестностях г. Нальчика (Археологические исследования..., 1941. С. 223; Деген Б.Е., 1941. С. 213, 217; Крупнов Е.И., 1949а. С. 230; Гриневич К.Э., 1951. С. 126; Хакуашев Е.Т., 1952. С. 196; Рис. 2; Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. С. 22, 23; и др.), в Пятигорье – у Николаевской “колони” и на Константиновском плато (Jegoov M., 1929. S. 58; Марковин В.И., 1971. С. 37), в Северной Осетии – у селений Дзуарикау, Ардон, Кораурсдон, у г. Владикавказа и в других пунктах (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980; Марковин В.И., 1969б. С. 65 и след.).

Если всевозможного вида вымостки (в виде платформ, колец-кромлехов) считаются характерными для памятников майкопского круга, то не менее типичны подобные подкурганые конструкции и для описываемых памятников. Назовем хотя бы кромлехи с вклученными в них могилами, обнаруженные в районе Пятигорска (табл. 74, 6) и Кисловодска (Нежинская группа курганов). Здесь обна-

ружены не только кольцевые кромлехи, но и в виде спиралей, в витки которых вписаны сопутствующие им могилы (Марковин В.И., 1971. С. 35–37. Рис. 12; Кореневский С.Н., 1990а. С. 136–138. Рис. 12–14). Среди курганов сел. Кораурсдон (Северная Осетия) обнаружен массивный кромлех, камни которого покрыты геометризованными врезками (Марковин В.И., 1969б. С. 66, 68. Рис. 4). Наконец, кромлехи в виде колец или широких каменных обкладок вдоль насыпей довольно обычны для курганов Северного Кавказа. Они обнаружены в Кабардино-Балкарии (селения Арик, Чегем I, II, Старый Черек, Лечинкай и др.), Северной Осетии, Чечне (селения Дзаурикау, Чикола, Бамут и др.) и достигают бассейна р. Сулак в Дагестане (Канивец В.И., 1959. С. 33–35; Мунчаев Р.М., Сариниди В.И., 1964. С. 97; Чеченов И.М., 1969. С. 30. Рис. 9; 1984. С. 196 и след.; Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. С. 22, 23. Рис. 12, 13; Бетрозов Р.Ж., 1974. С. 4, 13. Рис. 2; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. С. 36 и след.; Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. С. 56; Батчаев В.М., 1984. С. 116 и след.; Мунчаев Р.М., 1986. С. 33, 34).

Наиболее ранние предметы, которыми пользовались племена северокавказской общности, довольно близки вещам (по форме и декору) майкопской культуры. Таково сходство основных форм сосудов (Марковин В.И., 1960б. С. 112, 113. Рис. 48). Шнуровой узор, очень характерный для керамики эпохи развитой бронзы, начинает встречаться еще среди посуды майкопской культуры в виде оттисков, напоминающих елочку (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 30, 32, 34. Рис. 12, 4; Кореневский С.Н., 1993. С. 145. Рис. 37). Посоховидные булавки, хорошо известные по новосвободненскому вещевому комплексу, встречаются иногда вместе с молоточковидными булавками (Кисловодск, раскопки Филиппова в 1913–1914 гг. См.: Марковин В.И., 1960б. С. 40, 114. Рис. 10, 7–9). Вряд ли стоит здесь говорить о том, что бронзовые проушные топоры развитых форм типологически связаны с более ранними топорами майкопской культуры (Кореневский С.Н., 1981. С. 24, 25, 36–38). Многие из металлических предметов северокавказской общности “связываются или прямо выводятся из металла майкопской культуры” (Черных Е.Н., 1966. С. 40).

Однако, бесспорно, становление культуры северокавказской общности нельзя рассматривать только как дальнейшее развитие одной майкопской культуры. Определенное влияние на ее формирование имели и степные племена, в первую очередь катакомбной культуры. Скорее всего, уже упоминавшиеся молоточковидные булавки, отлитые в металле, имеют своими прототипами костяные изделия, часто встречаемые в степных курганах (Milojčić V., 1955. S. 241; Латынин Б.А., 1967). Так, из окрестностей Кисловодска происходит грубо отлитая бронзовая булавка, напоминающая наиболее ранние костяные изделия (Королев В.К., 1962. С. 264. Рис. 1). Известны также случаи совме-

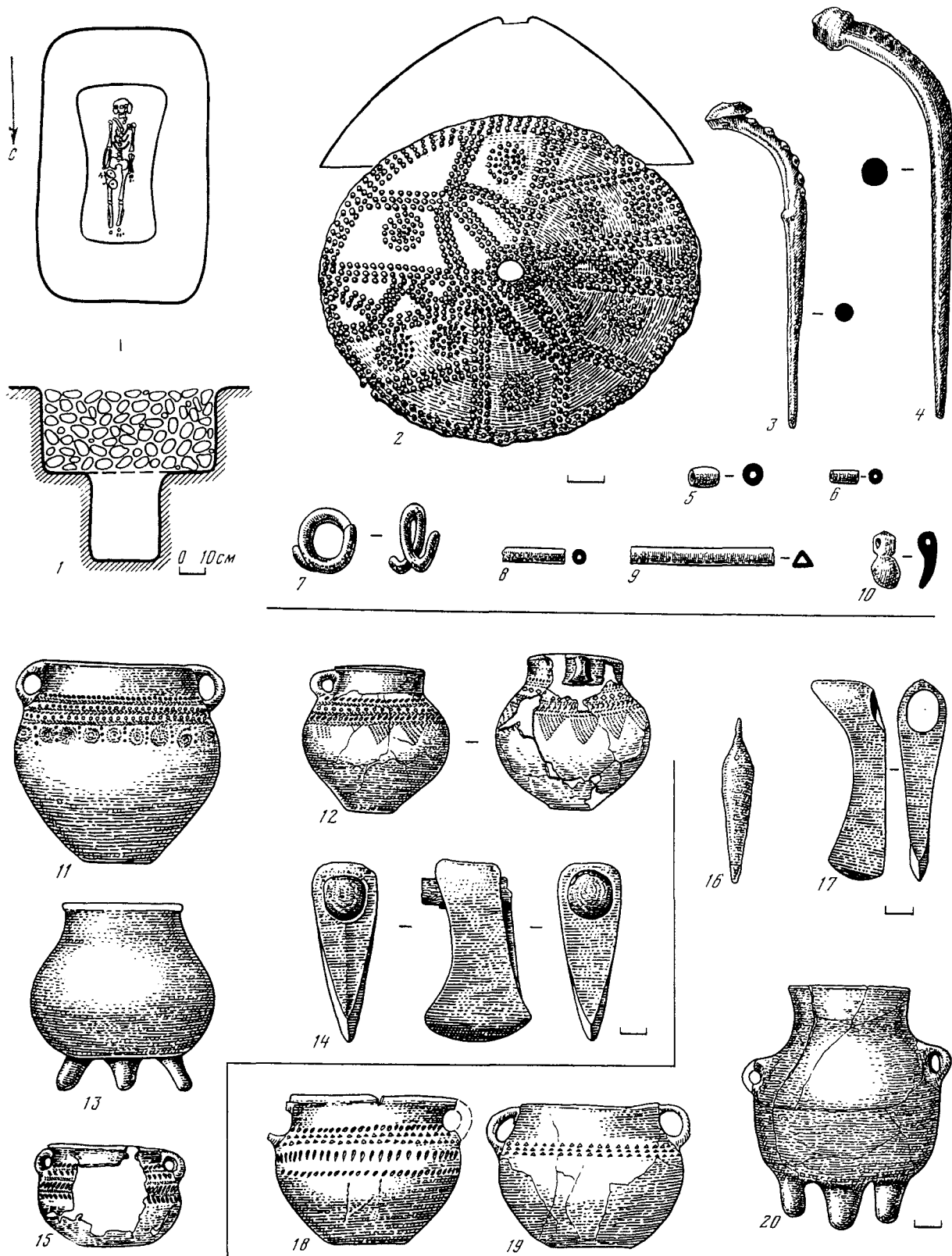

Таблица 73. Северный Кавказ. Захоронение (1) и предметы эпохи бронзы

1 – ст-ца Суворовская, погребение 1 в кургане 1; 2–10 – предметы из данного погребения; 11–15 – сел. Дзуарикау (Северная Осетия), предметы из погребения 19 кургана 1; 16–20 – там же, предметы из погребения 15 того же кургана;

1–10 по А.Л. Нечитайло; 11–20 – по Н.А. Николаевой и В.А. Сафронову; 2–4, 7, 10, 14, 16, 17 – бронза; 5 – белемнит; 8, 9 – кость; 11–13, 15, 18–20 – керамика

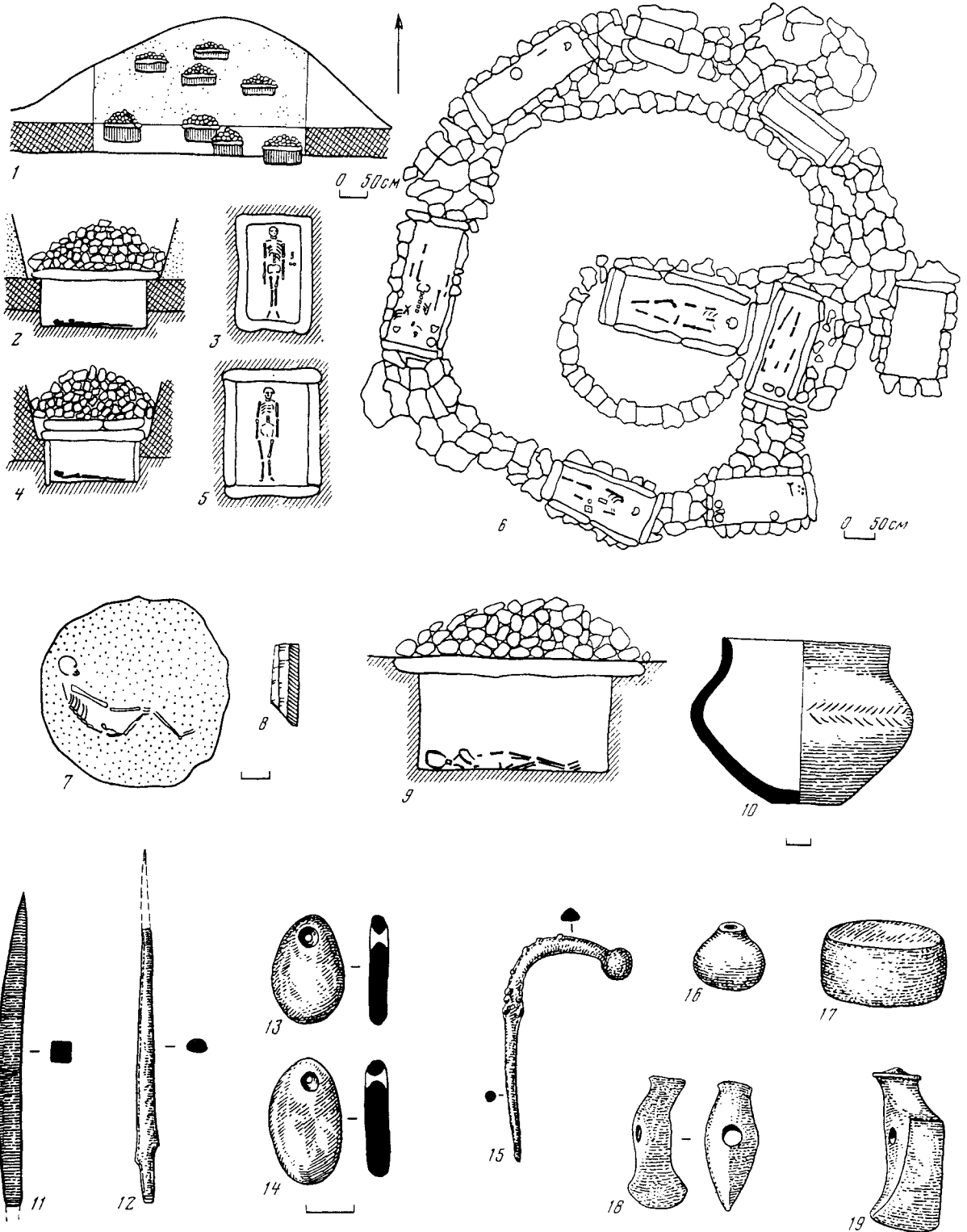

Таблица 74. Памятники эпохи бронзы Пятигорья и Прикубанья

1-3, 7, 9 - Кисловодск, "Три камня" (1 - курган 4; 2, 3 - погребение 8 этого же кургана; 7 - погребение 6 того же кургана; 9 - погребение 7 того же кургана 4); 4, 5 - Пятигорск, колония Каррас, погребение в кургане 1; 6 - Пятигорск, Константиновское плато, курган 1; предметы: 8, 10, 16, 17 - из Кисловодска ("Три камня", курган 4, погребение 5-8); 11 - ст-ца Петропавловская; 12 - хут. Зубова; 13, 14 - хут. Кру

на р. Ульке; 15, 18, 19 - Пятигорск (15 - колония Николаевская; 18 - Константиновское плато, гробница 2 в кургане 1; 19 - случайная находка); 1-5, 7-10, 16, 17 - работы Д.Я. Самоквасова; 6, 18 - по И.С. Гумилевскому; 11-14 - по Н.И. Веселовскому; 15 - по А.М. Талыгрену (2-5, 7, 9, 11, 12, 15, 19 - без масштаба)

стного нахождения костяных и металлических булавок (курган у с. Благодарного).

Несомненно, на формирование культуры племен эпохи развитой бронзы имели определенное воздействие и носители куро-аракской культуры. Влияние их особенно заметно в резком членении профиля некоторых видов керамической посуды, декорировании ее налепным орнаментом, наличии “просверленных” (полушаровидных) ручек, резкого членения профиля сосудов и т.д. Степное и куро-аракское влияние для основных регионов общности вряд ли было ведущим. Здесь оно лишь дополняло основную линию развития, связанную с носителями майкопской культуры. Эту линию мы считаем генетической, хотя, конечно, можно рассматривать сходство культуры племен, входивших в северокавказскую общность, с майкопской культурой лишь как результат сосуществования древнего населения на определенном этапе (Черных Е.Н., 1966. С. 40).

На Северном Кавказе эпоха развитой бронзы представлена в основном курганными и грунтовыми могильниками. Поселения этого времени изучены весьма слабо. Это незначительные культурные слои с находками у селений Этоко, Лесгор, Светловодское, Зольское в Кабардино-Балкарии, у ст. Змейской в Северной Осетии, возможно, у сел. Алхасте в Ингушетии (Крупнов Е.И., 1948а. С. 12; Деопик Д.В., Крупнов Е.И., 1961. С. 12; Чеченов И.М., 1969. С. 20, 21). В Ставропольском крае также имеются остатки древних поселений у сел. Казинка (урочище Шияновы Кучи) и возле сел. Пелагиада (Шахтерская балка). Здесь были обнаружены каменные топоры и керамика (Нечитайло А.Л., 1964. С. 308–310. Рис. 1. 2; Охонько Н.А., 1988. С. 248). Исключение составляет жилой комплекс, обнаруженный в сел. Былым у р. Баксан (Кабардино-Балкария). Квадратная постройка (8 × 8 м) из бревен стояла на каменном фундаменте. Внутренними перегородками она делилась на три части. В самом крупном отсеке обнаружены два очага и трапезиевидный жертвенник, расположенный между ними. Постройка была ограждена мощной оборонительной стеной. Найденные при раскопках обломки керамики и другие предметы характерны для памятников северокавказской общности (Батчаев В.М., 1986. С. 57–65).

Наиболее ранние погребения этого времени, кроме упоминавшихся, встречены в основном в западной части региона. Таковы захоронения, сохраняющие отдельные древние, “майкопские” черты погребального ритуала: южную ориентацию, посыпку dna могилы галькой, сильную окрашенность костяков, иногда обкладку захоронения деревом. Такие могилы обнаружены в курганах, исследованных у г. Армавира, поселков Александровского, Геймановского (близ ст-цы Тенгинской), станиц Келермесской, Казанской, Северской, Новосвободной, Петропавловской, хуторов Зубова (близ ст. Марьинской), Кур на р. Ульке (ОАК за 1900 г. С.

43; ОАК за 1901 г. С. 68; ОАК за 1902 г. С. 86–89; ОАК за 1904 г. С. 95; ОАК за 1907 г. С. 9, 89).

В ходе дальнейшего развития культуры местных племен происходит отход от обрядности майкопского типа и появляются новые ритуальные черты: умерших хоронили не только в скорченном положении, но и с вытянутыми конечностями, ориентируя их на запад, восток и даже в северную сторону. Таковы погребения, обнаруженные Н.И. Веселовским в кургане у пос. Праздничного (ОАК за 1903 г. С. 75–77), у ст-цы Новолабинской (ОАК за 1899 г. С. 43, 47) и др. Особенно интересно погребение 1 кургана 5 на р. Ульке. Здесь в вытянутом положении лежали останки подростка, головой он был обращен на север. У его ног найдена красная охра. Сопровождающий инвентарь состоял из глиняных и алебастровых статуэток, миниатюрного сосудика, глиняного предмета, отдаленно напоминающего “повозочку”, четырех посоховидных булавок, медных подвесок и бус, а также трубочек, свернутых из листочков меди и обломков керамики (табл. 75, 1–11) (ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 152–154). В этом захоронении, вызвавшем в свое время оживленный интерес (Веселовский Н.И., 1910. С. 7; Городцов В.А., 1910б. С. 89 и след.), ярко сочетаются “северокавказские” черты с “майкопскими” – так, булавки, бусы и трубочки близки поздним майкопским комплексам, а керамика и, главное, вытянутое положение умершего указывают на инокультурную принадлежность погребения. Ульские статуэтки, привлечшие внимание А.М. Тальгрена (Tallgren А.М., 1929. Р. 39), не являются большой неожиданностью. Сейчас алебастровые статуэтки известны из Пятигорья, ст-цы Суворовской (Ставрополье), сел. Лечинкай (Кабардино-Балкария) и ст-цы Бжедуховской (Прикубанье). Большинство из них (табл. 75, 17–22) было найдено с вытянутыми (табл. 75, 12) костяками и в отличие от захоронений майкопского типа ориентированными в северном направлении (Нечитайло А.Л., 1978б. С. 178–181. Рис. 1; 1979. С. 73, 74, 78; Батчаев В.М., 1984. С. 138, 139, 145. Рис. 18). Их форма близка культовым “идолам” Средиземноморья (Пиотровский Ю.Ю., 1984. С. 36–42), что можно объяснить общностью верований и торгово-обменными связями, но несомненно эти предметы были изготовлены на месте – на территории Северного Кавказа.

Целая серия ранних погребений обнаружена в Устьдзегутинском, Суворовском и Холоднородниковском могильниках, расположенных в Верхнем Прикубанье. Всего учтено около 100 подобных захоронений. Для многих из них характерны каменные наброски над могилами и окружающие их каменные пояса шириной до 0,8–2 м, а то и кромлехи диаметром от 9,5 до 34 м. Погребальные сооружения представляли собой ямы с закругленными углами длиной до 3,5 м, шириной до 2,7 м и предельной глубиной в 3,5 м. Некоторые из ям снабжены уступами-запечками и лишь однажды в Усть-

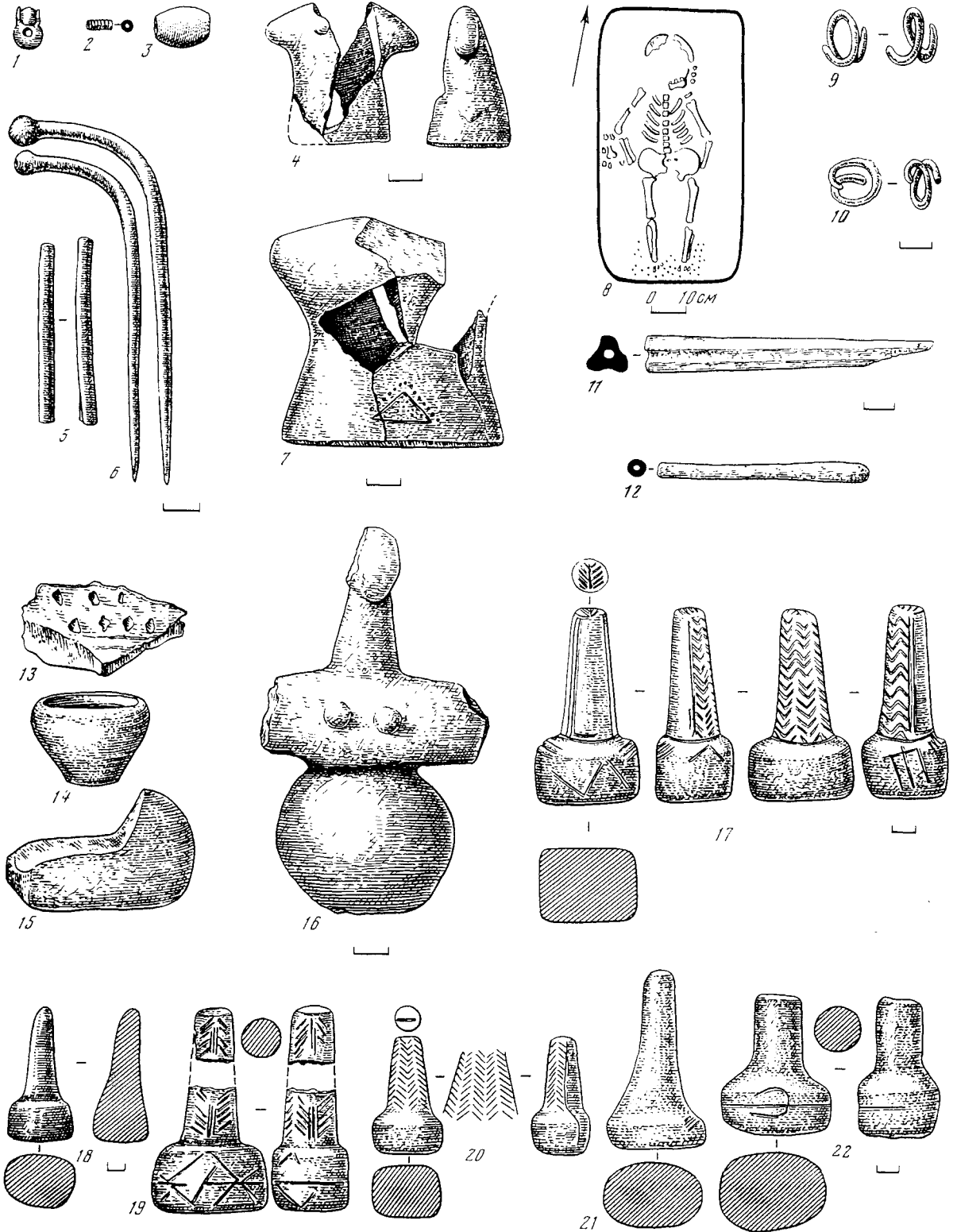

Таблица 75. Северный Кавказ. Комплексы со статуэтками и отдельные находки

1-7, 13-16 - Ульский аул (Уляп), курган 5, погребение 1 (раскопки Н.И. Веселовского); 8-12, 17 - ст-ца Суворовская, курган 16, погребение 3 (раскопки Н.Л. Нечитайло); 18 - ст-ца Бжедуховская (работы Н.И. Веселовского); 19 - Пятигорск (работы В.Р. Алухтина); 20, 22 - сел. Лечинкай (Кабардино-

Балкария, работы В.М. Батчаева, И.М. Чеченова); 21 - Пятигорск, Константиновское плато (работы И.С. Гумилевского); 1-3, 13, 14 - бронза; 6 - серебро; 4, 7, 10 - глина; 11, 17-22 - алебастр; белый известняк; 15, 16 - кость

джегутинском могильнике (курган 34, погребение 5) была обнаружена круглая яма диаметром в 5 м. Дно могил уложено древесно-камышовым настилом или каменными плитами. Иногда в могильных ямах можно видеть срубные конструкции из бревен (отдельные могилы среди устьдзегутинских курганов), но и такие могилы всегда бывали завалены камнями. Обнаруженные во всех захоронениях скелеты лежат вытянуто, и в отличие от майкопских могил преобладают ориентировки их на запад, север, северо-восток; количество погребенных на юг, юго-восток и восток незначительно (всего 17 случаев на 59 погребений). Многие из покойников засыпаны красной охрой, которая изобилует в области ног, головы и груди. Инвентарь погребений, как уже говорилось, довольно архаичен (табл. 73, 1–10) и количественно невелик (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 35–51; 1979. С. 7 и след.).

В районе Пятигорья и горной части Ставрополя выявлено немного погребений, которые можно было бы отнести к описываемому кругу памятников. Таково погребение, обнаруженное в кургане 4 в урочище “Три камня” г. Кисловодска. Здесь в круглой могильной яме, перекрытой плитой, лежал в скорченном положении костяк, обращенный головой на юг. Инвентарь могилы состоял из ножевидной пластины (табл. 74, 7, 8) (Самоковасов Д.Я., 1980б. С. 27, 28. Рис. 9). Это погребение конструкцией могилы напоминает упоминавшиеся захоронения 5 устьдзегутинского кургана 34 (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 16).

Несколько более поздними представляются подкурганые захоронения у колонии Николаевской и Провала – в районе г. Пятигорска (Jegogov M., 1929. S. 58–60. Fig. 1–6; Tallgren A.M., 1931. S. 135. Abb. 24; Марковин В.И., 1960б. С. 37), в окрестностях г. Кисловодска (Самоковасов Д.Я., 1908б. С. 27, 28. Рис. 10; Архив ИИМК РАН. Д. АК № 35 за 1917 г. Л. 22. Рис. 4 – отчет А.А. Бобринского; Березин Я.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. С. 325, 326, рис. 2, 13), в ауле Адыге-Хабль на р. Малый Зеленчук (Минаева Т.М., 1954. С. 276–278. Рис. 4, 3). Здесь в прямоугольных ямах были обнаружены скорченные погребения с небольшим количеством краски и преимущественно восточной ориентировкой. Инвентарь могил содержал сосуды, покрытые “ногтевым” и “елочным узором”, бронзовые посоховидные булавки, четырехгранные шилья, листовидные ножи и пр. (табл. 74, 10, 15).

Возможно, ко времени сложения северокавказской общности эпохи бронзы относится частично и материал, добытый Филипповым в 1913–1914 гг. в районе Кисловодска. В его коллекции (музей г. Пятигорска. Инв. № 744. Рис. 3, 7, 8) имеются выпрямленные булавки ульского типа 8 (Деген Б.Е., 1941. Табл. XIV, 3).

В центральных районах Кавказа известны целые комплексы, характеризующие непосредственные связи майкопской культуры с северокавказ-

ской, – таковы Долинское поселение близ г. Нальчика, курганы у сел. Старый Урух и др. (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 196; Крупнов Е.И., 1949а. С. 230). Однако памятников первого этапа в развитии северокавказской общности известно не очень много. Это отдельные погребения 1, 21, 41 и, вероятно, 97 (табл. 76, 1, 5, 6), обнаруженные среди “неолитического могильника” близ Нальчика (Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 70, 75, 81. Рис. 3, 4, 16, 17, 30, 32. Табл. IV), а также в курганах, расположенных у Долинского поселения (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 166–169), селений Верхний Акбаш (Крупнов Е.И., 1949а. С. 198, 199), Заюково (Археологические исследования..., 1941. С. 224), Чегем I и II, Кишпек и др. (Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. С. 57–61). Может быть, к этому же времени можно отнести и могилу, открытую на могильнике “Загли Барзонд” у сел. Верхний Кобан (Крупнов Е.И., 1938. С. 41–43. Рис. 1, 2). Данный комплекс (табл. 76, 16–20) Е.И. Крупнов считал довольно древним, уходящим к концу III тысячелетия до н.э. (Крупнов Е.И., 1951а. С. 27, 28, 32). Эти погребения, несмотря на разницу в конструкциях могил (ямы и каменные ящики), могут быть объединены такими признаками, как скорченное положение костяков, преобладание южной ориентировки и достаточно архаический облик инвентаря (табл. 76).

Исключительный интерес представляют погребения 15 и 19 кургана 1, открытые в сел. Дзуарикау. Здесь вместе с бронзовыми проушными топорами и сосудами со шнуровым узором, дополненным штампами, были найдены сосуды на четырех ножках (табл. 73, 11–20) (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. С. 23–26. Рис. 3, 4). Подобные сосуды на ножках были найдены в курганных комплексах у сел. Бамут. Р.М. Мунчаев рассматривает эти материалы как отражающие довольно ранний этап в становлении культуры племен северокавказской общности и в таких регионах, где в III тысячелетии до н.э. «столкнулись» и пришли во взаимодействие майкопская и куро-аракская культуры» (Мунчаев Р.М., 1986. С. 37, 38).

К более поздней фазе раннего этапа можно отнести небольшую серию памятников – центральные могилы курганов 2 и 4 Кабардинского парка г. Нальчика (табл. 77, 1, 2), ящик 2 могильника “Загли Барзонд” у сел. Верхний Кобан, погребение 2 в кургане у с. Каменноостского. В их инвентаре встречается уже не только керамика, напоминающая посуду майкопской культуры, но и покрытая оттисками шнура (Деген Б.Е., 1941. С. 217–227; Крупнов Е.И., 1938. С. 43–46. Рис. 3; 1957в. С. 69, 70). Весьма условно к этому же кругу памятников мы бы отнесли погребения 4, 10, 11, 13 из кургана 10 у г. Моздока (Археологические исследования..., 1941. С. 249; Пиотровский Ю.Ю., 1977. С. 16, 18, 19. Рис. 1).

В северо-восточной части Кавказа ранние па-

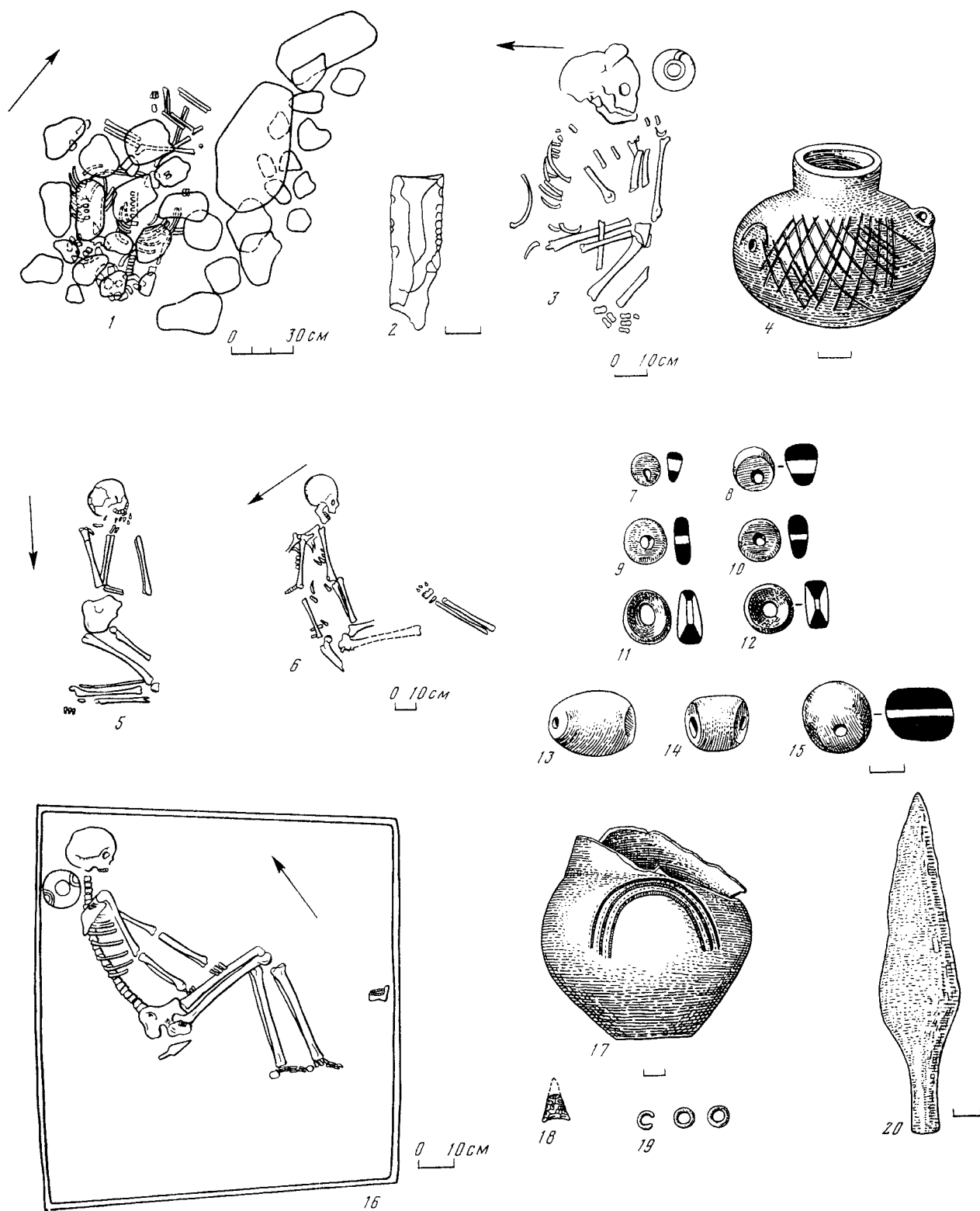

Таблица 76. Центральный Кавказ. Захоронения и предметы эпохи бронзы

1 – погребение 1 с территории “неолитического” могильника в г. Нальчик; 2 – кремневая пластина из данного погребения; 3 – погребение 10 кургана у сел. Верхний Акбаш (Кабардино-Балкария); 4 – сосудик из этого погребения; 5, 6 – погребение 21 и 41 с территории “неолитического” могильника в г. Нальчике; 7–15 – бусины из мрамора, змеевика и гагата из ука-

занного погребения 41; 16 – погребение в каменном ящике могильника Загли Барзонд близ сел. Верхний Кобан (Северная Осетия); 17–20 – глиняный сосуд, обломок кремневого наконечника стрелы, бронзовые бусы и нож из этого погребения; 1, 2, 5–15 – по А.П. Круглову, Б.Б. Пиотровскому и Г.В. Подгаецкому; 3, 4, 16–20 – по Е.И. Крупнову

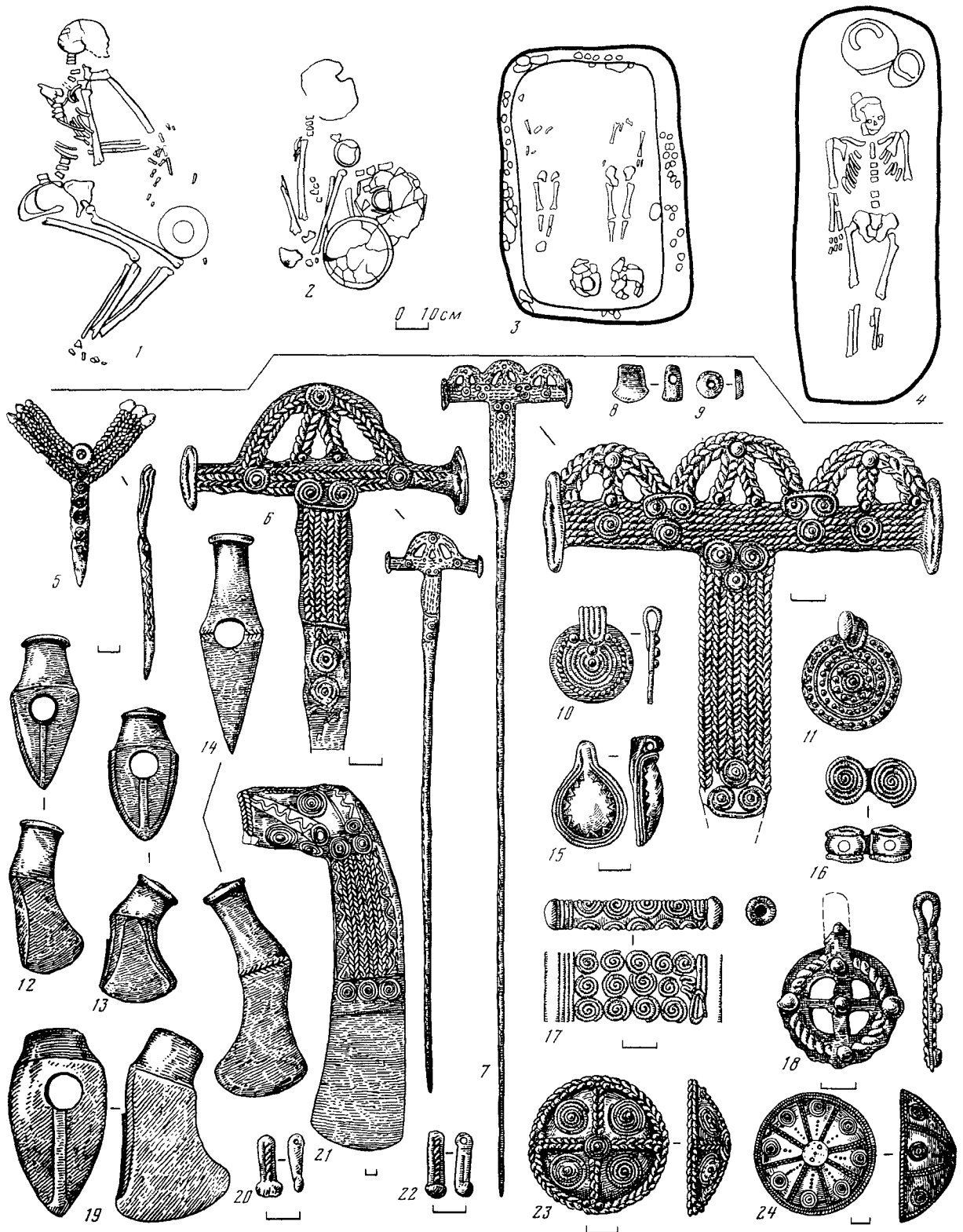

Таблица 77. Древности Центрального Кавказа (1, 2, 6-11, 14-23 - Кабардино-Балкария; 3-5, 12, 24 - Северная Осетия)

1, 2 - Нальчик, Кабардинский парк, погребения 4 и 1 кургана 2 (по Б.Е. Дегену-Ковалевскому); 3 - Урух, курган 2, погребение 4; 4 - Ногир, курган 1, погребение 13; 5 - Дзуарикау, курган 3 (по В.А. Сафронову и Н.А. Николаевой); 6, 7, 10, 11, 15-17 - Былым, могильник "Айлама"; 8, 9 - Чегем II, курган 24; 12 - Урух, курган 1, погребение 2; 13 - Ардон (музей г. Владикавказа, № 3872-9); 14 - Чегем I, курган 21; 18-20, 22,

23 - Чегем II, курган 6 (18-22 - из погребения 1; 23 - из погребения 3); 21 - курган в "Большой Кабарде" (по В.И. Долбежеву; ОАК за 1893 г.); 24 - ст-ца Николаевская, погребение (по Д. Газдапустаи); 3, 4, 12 - по Н.А. Николаевой; 6, 7, 10, 11, 15-20, 22, 23 - по И.М. Чеченову и В.М. Батчаеву; 8, 9, 14, 21 - по И.М. Мизиеву, Р.Ж. Бегрозову, А.Х. Нагоеву; 5, 7, 10, 11, 15-18, 20-24 - бронза; 8, 9 - кость; 12-14, 19 - камень

мятники северокавказской общности почти неизвестны. С определенной долей уверенности к ним можно отнести центральное подкурганное погребение, раскрытое у г. Хасавюрт с сильно скорченным и окрашенным костяком, лежавшим головой на юг (ОАК за 1902 г. С. 99, 100), остатки захоронения или тризны в кургане 5/11 у сел. Ачикулак. Здесь был найден сосуд, покрытый характерный “елочным” орнаментом. К сожалению, о других погребениях этого кургана трудно говорить более определенно (Крупнов Е.И., 1957б. С. 167). Все эти предметы и отдельные погребения относятся к раннему этапу – становлению северокавказской культурно-исторической общности. Они могут быть лишь дополнены случайными археологическими находками, сделанными на территории простирающейся от Прикубанья и до степного Дагестана (Марковин В.И., 1960б. С. 38–40, 44, 45, 48, 49. Рис. 9, 13, 15).

Прежде чем перейти к описанию памятников развитого периода эпохи бронзы, обратим внимание на некоторые стратиграфические наблюдения.

Уже говорилось, что в Ульском кургане погребение со статуэтками перекрывалось более поздними захоронениями, но также относящимися к эпохе бронзы. Раскопки курганов у хут. Новые Арцти (Бамут) в Чечено-Ингушетии позволили заметить, что древнейшими являются майкопские комплексы. Таков, например, курган 3. В нем выше майкопского захоронения следовала могила 16 с вытянутым скелетом, засыпанным охрой, а над ней – могилы со скорченными костяками (Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И., 1966. С. 78). Подобные наблюдения были сделаны и при раскопках некоторых курганных могильников Верхнего Прикубанья. На Устьдзегутинском и Суворовском могильниках майкопские захоронения также занимали нижний горизонт. Выше их следовали вытянутые погребения северокавказского типа в грунтовых ямах (средний горизонт), а над ними встречались могилы в виде каменных гробниц (верхний горизонт). Эти данные (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 15–19), дополненные суммарными наблюдениями, произведенными во время раскопок в Кабардино-Балкарии (Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. С. 61, 62) и в Северной Осетии (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. С. 22 и след.; Николаева Н.А., 1989. С. 10–12), в определенной степени позволяют выделить захоронения, относящиеся ко второму этапу бытования северокавказской общности. Они большей частью занимают второй стратиграфический горизонт в древних курганах.

Переход от первого этапа ко второму – эпохе расцвета северокавказской общности происходил постепенно. Уже среди погребений соответствующего горизонта, открытых в большинстве древних курганов, периодически встречалась западно-восточная, реже – северная ориентировка. Меняется в них положение умерших – со скорченного на вытянутое. Изменение ритуальной позы привело от-

дельных археологов к мнению, что могилы с вытянутыми костяками принадлежат пришлому инкультурному населению – выходцам из среды волго-днепровских племен (Хашегульгов Б.М., 1985. С. 36, 37). Думается, что для такого утверждения нет оснований, так как инвентарь, сопровождающий могилы, открытые на Северном Кавказе, ничего общего не имеет с предметами из Волго-Днепровского бассейна. К тому же в северокавказских курганах встречаются могилы, сочетающие вытянутые и скорченные захоронения. Вероятно, погребальный ритуал был более сложным, чем это представляется на первый взгляд. В связи с поднятым вопросом вполне аргументированные возражения в адрес Б.М. Хашегульгова были высказаны Р.Г. Магомедовым (Магомедов Р.Г., 1987. С. 30, 31).

Следует также отметить, что ко времени второго этапа уменьшается количество краски на покойниках и более четко прослеживаются локальные особенности, характерные для определенных территорий Северного Кавказа.

На территории Прикубанья погребальных памятников второго этапа среди опубликованных материалов известно не очень много. Они обнаружены в курганах у станиц Келермесской (ОАК за 1904 г. С. 96, 97), Новолабинской (Архив ИИМК РАН. Д. АК за 1899 г. Л. 55), Кужорской (ОАК за 1908 г. С. 117), Костромской (ОАК за 1897 г. С. 17), Брюховецкой (ОАК за 1911 г. С. 43), Новоджерелиевской (Там же. С. 45), Роговской (ОАК за 1912 г. С. 50), Константиновской (Schmidt A.V., 1929. S. 10, 14), близ Ульского аула (упоминавшиеся погребения в кургане 5) (ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 152). Следует отметить, что в этих погребениях покойные находились большей частью в вытянутом положении, головой на восток или запад. Интересно, что захоронения с восточной ориентировкой (например, ст. Новоджерелиевская, курган 2, погребения 1 и 3) содержат обильную засыпку красной охрой в районе ног умершего и, наоборот, западная ориентация сопровождается засыпкой в области черепа. Может быть, положение умершего и распределение охры находились в зависимости от пола покойного. К сожалению, Н.И. Веселовский, раскопавший большую часть упомянутых курганов, на этот факт не обратил внимания.

В курганных могильниках Верхнего Прикубанья (Устьдзегутинский, Суворовский, Холоднородниковский) А.Л. Нечитайло вскрыла более 100 погребений, которые более или менее определенно можно отнести к памятникам второго этапа (табл. 78, 79). Для них также характерно вытянутое положение костяков с преобладанием западных ориентировок. Умершие засыпаны охрой (изредка в сочетании с углями и мелом), которая покрывает их лица и ноги. В отличие от более ранних могил (первого этапа), представлявших собой ямы (иногда с заплечиками), на данном этапе появляются и, по-видимому, преобладают в Верхнем

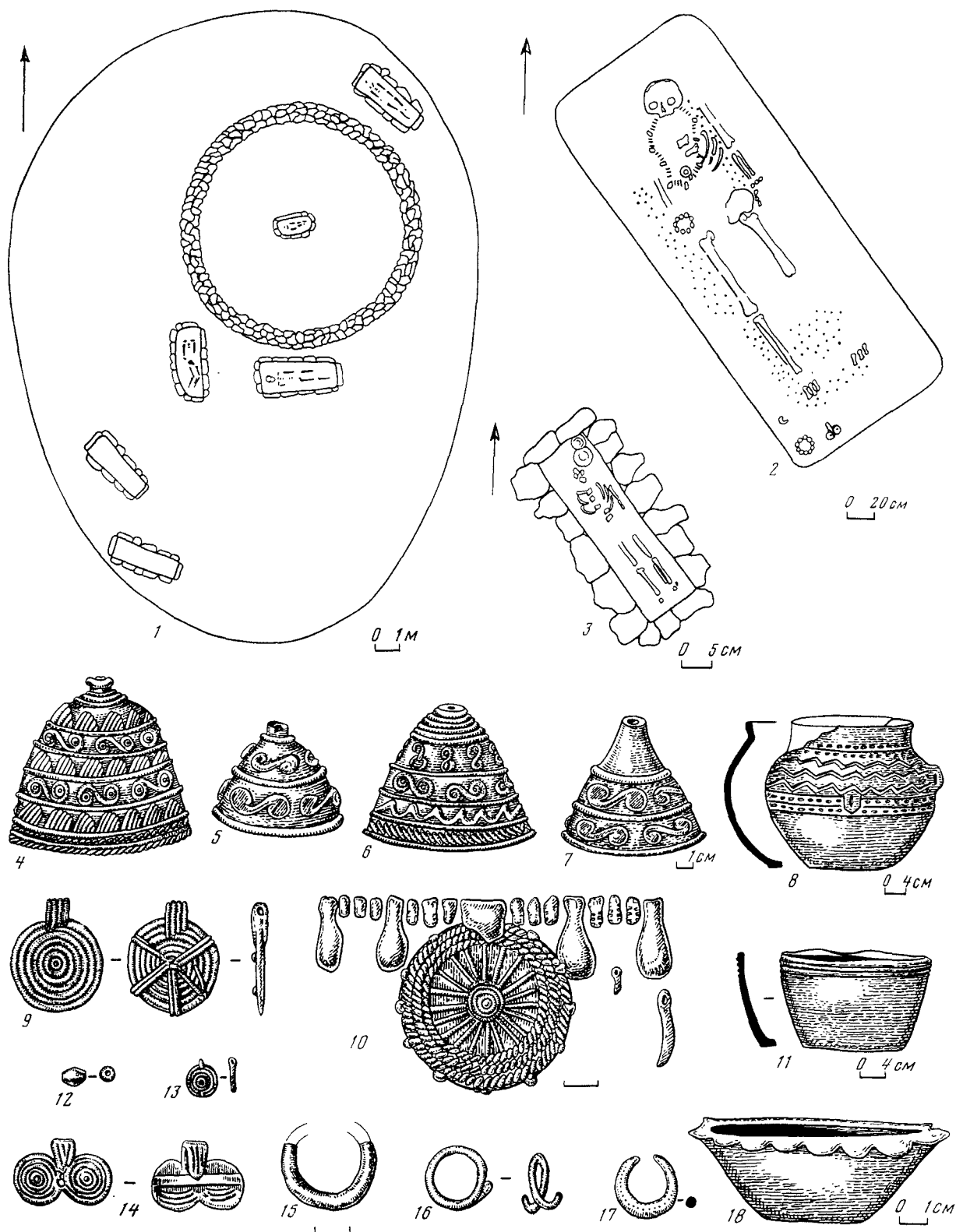

Таблица 78. Верхнее Прикубанье. Подкурганые захоронения и инвентарь (по А.Л. Нечитайло)

1 – г. Усть-Джегута, план кургана 42; 2, 10, 12–18 – г. Усть-Джегута, погребение 6 кургана 3 и его инвентарь; 3–9, 11 – г. Усть-Джегута, погребение 11 кургана 11 и его инвентарь; 4–7, 9, 10, 12–17 – бронза; 8, 11, 18 – глина

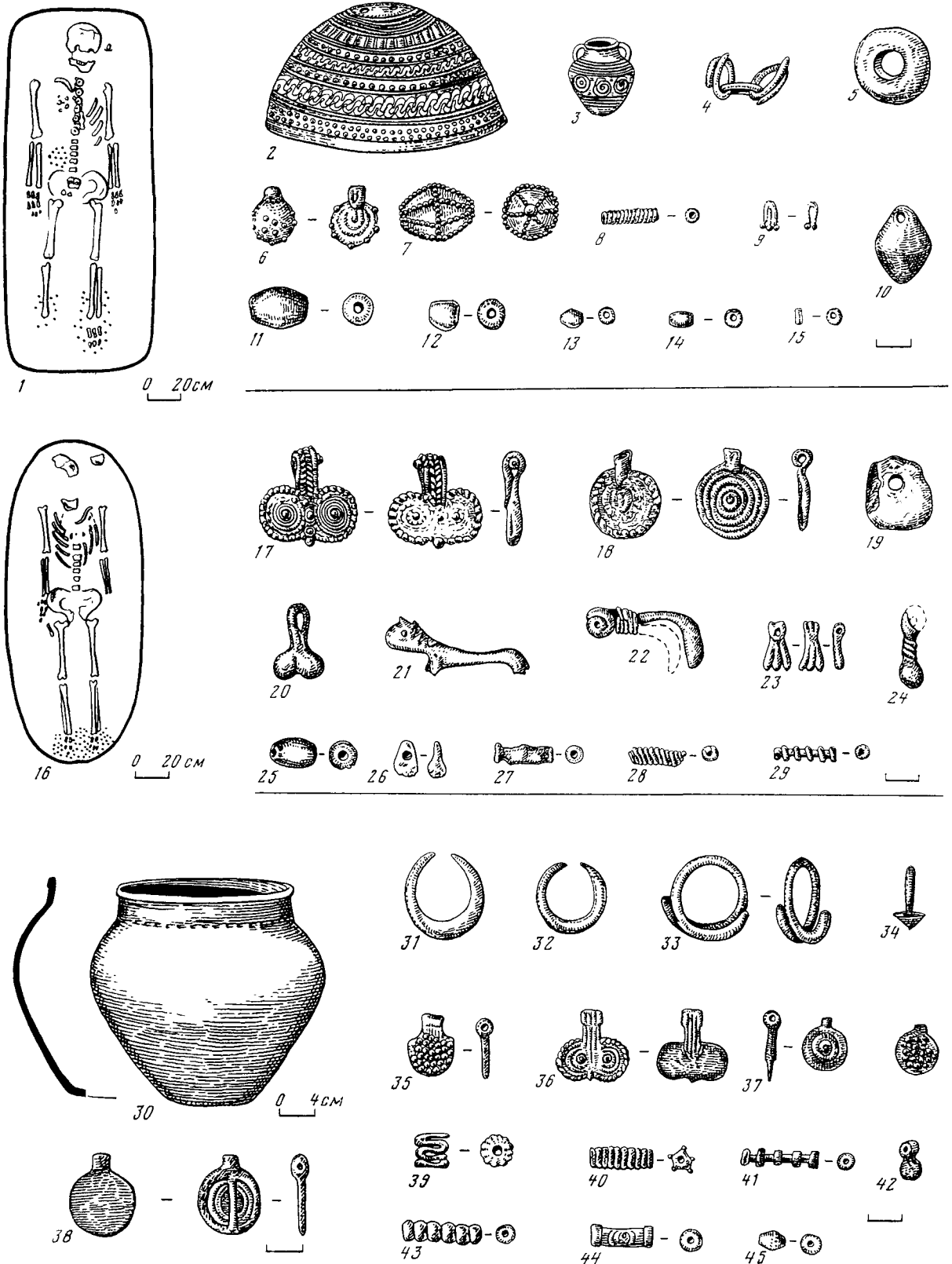

Таблица 79. Верхнее Прикубанье. Подкурганые захоронения и инвентарь (по А.Л. Нечитайло)

1-15 – ст-ца Суворовская, курган 11, погребение 13; 16-29 – пос. Холоднородниковский, курган 2, погребение 3; 30-45 – г. Усть-Джегута, курган 42, погребение 3 (30, 31, 36-40, 42-45)

и погребение 5 (32-35, 41); 2-4, 6-9, 12-15, 21-24, 31-45 – бронза; 5, 19 – раковина; 11 – гагат; 17, 18, 27-29 – “белый слав”; 20, 25, 26 – кость; 30 – керамика

Прикубанье каменные гробницы удлиненной формы (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 85–87). Могильный инвентарь богат. Это касается всего Прикубанья (табл. 78, 79). Следует отметить и тот факт, что курганные памятники второго этапа, как и более ранние, содержат в своей конструкции прослойки из пережженной земли (Хатажукаевский аул; см.: ОАК за 1905 г. С. 72), обилие камня в виде набросок, кромлехов и поясов (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 70–86).

Для памятников Пятигорья также характерны курганные насыпи с большим количеством камня, а могильные сооружения большей частью представляют собой каменные ящики, сделанные из массивных плит и перекрытые такими же плитами. Встречаются также склепы со стенами из камней, положенных плашмя. Поверх перекрытий обычно возвышается навал из булыжника. Таковы могильные сооружения, раскопанные близ Пятигорска и Кисловодска (Самоквасов Д.Я., 1887. С. 51–57; 1908а. С. 23–27; 1908б. С. 23 и след.; Березин Я.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. С. 322, 323, 327–329, рис. 1, 1, 2, 5), Ессентуков (Архив ИИМК РАН. Д. АК № 134 за 1908 г. Л. 8, 9). Правда, в кургане 2 у колонии Каррас под Пятигорском каменное перекрытие было заменено настилом из дерева (Самоквасов Д.Я., 1908а. С. 31).

Очень оригинальными оказались упоминавшиеся подкурганные конструкции на Константиновском плато близ Пятигорска и у пос. Нежинского близ Кисловодска: каменные ящики и склепы были “вписаны” в кромлехообразные и спиралевидные выкладки из плитняка и речного камня (табл. 74, 6) или располагались в виде колец и спиралей (Гумилевский И.С., 1951; 1952; Марковин В.И., 1971. С. 35–37; Рис. 12; Кореневский С.Н., 1990а. С. 136–138. Рис. 12–15).

Погребения в простых ямах на территории Пятигорья, да и вообще в Ставрополье встречаются реже. Иногда они имеют перекрытия из каменных плит. Таковы захоронения в курганах у сел Константиновского под Пятигорском (Самоквасов Д.Я., 1908б. С. 35), Александрия, Орехово, Высоцкого, Старомарьевского (ОАК за 1909 и 1910 гг. С. 159, 160), аула Адыге-Хабль (Минаева Т.М., 1954. С. 277, 278). Инвентарь всех указанных погребений довольно богат (табл. 80).

В центральной части Северного Кавказа в тот же период в предгорьях встречаются вытянутые и скорченные захоронения, а в горах, по-видимому, преобладают могилы со скорченными костяками. Такова, к примеру, основная часть захоронений в каменных гробницах, обнаруженных в могильниках у селений Верхний и Нижний Кобан (Ростунов В.Л., 1988. С. 21–64. Рис. 5, 8 и др.). Захоронения в ямах, заваленных камнями, а иногда обложенные ими, с вытянутыми и скорченными скелетами, ориентированными в основном к востоку, были обнаружены в курганах у селений Чегем I, II, Кишпек (Мизиев И.М., Бетров Р.Ж., Наго-

ев А.Х., 1973. С. 22 и след.; Чеченов И.М., 1984. С. 234–236), Старый Черек (Бетров Р.Ж., 1974. С. 6–8) и Лечинкай (Батчаев В.М., 1984. С. 113–139). Близкие по типу захоронения (1–4 в кургане 2 и 1 в кургане 4) найдены в Кабардинском парке у г. Нальчика (Деген Б.Е., 1941. С. 220–227. Рис. 11, 13, 25, 28). Только скорченное положение погребенных зарегистрировано в могилах 3, 5, 7 кургана сел. Верхний Акбаш (Крупнов Е.И., 1949а. С. 200–202, 213. Рис. 6), во впускном захоронении 1 у сел. Старый Лескен (Крупнов Е.И., 1949б. С. 286–288), в центральной могиле кургана на территории хладокомбината г. Владикавказа (Марковин В.И., 1969. С. 63–65), у станиц Николаевская (Газдапустаи Д., 1969. С. 140. Рис. 2, 1), Терская, сел. Дзуарикау (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. С. 38 и след.) и в некоторых других пунктах. Погребения, содержавшие только вытянутые костяки, обнаружены в погребении 2 кургана 2 у сел. Заюково (Археологические исследования..., 1941. С. 227, 228. Табл. XXXVIII, 1–4), в погребениях 2 и 9 кургана у сел. Верхний Акбаш (Крупнов Е.И., 1949а. С. 199, 200, 204–208. Рис. 3, 9, 11, 12), погребении 3 кургана 1 у сел. Старый Лескен (Крупнов Е.И., 1949б. С. 286), в двух погребениях у сел. Каменно-мостского (работы О.В. Милорадович. Архив ИА РАН. Д. № 981 за 1954 г. С. 22–25), в погребении 8 кургана 10 у г. Моздока (Пиотровский Ю.Ю., 1977. С. 18, 19. Рис. 4, 1, 2), в трех могилах кургана 4 у селений Хумалаг (Антонович В.Б., 1882. С. 228), Урух, Ногир, Хазнидон и в других пунктах (табл. 77, 3, 4) (Николаева Н.А., 1981. С. 94, 95. Рис. 4, 5). В вытянутом положении могли находиться и погребенные в потревоженных могилах у селений Хабаз (Гриневич К.Э., 1951. С. 126–128. Рис. 1–4), Нартан (Хакушев Е.Т., 1952. С. 196–199. Рис. 2–6), Старый Урух (Крупнов Е.И., 1949а. С. 226). Во всех случаях зафиксирована ориентировка на запад, либо на восток. Краски мало. Следует отметить, что, несмотря на разницу в погребальных сооружениях (ямы, склепы, срубовидные сооружения) и в позах погребенных, инвентарь во всех случаях единообразен и представляет изделия из бронзы, камня и керамические сосуды (табл. 77, 81). Он может быть дополнен комплексами вещей из разрушенных погребений (селений Дигора, Ардон, Чикола, г. Владикавказа в Северной Осетии, селений Кызбурун III, Былым (могильник Аплама), Безинги в Кабардино-Балкарии) и случайными находками (Гменов В.Х., 1980. С. 11–27. Рис. 2–5; Батчаев В.М., 1984. С. 153, 158. Рис. 25–27; Марковин В.И., 1960б. С. 60–62. Рис. 13, 25).

Северо-восточная часть Кавказа также дает довольно яркие погребальные памятники эпохи развитой бронзы. Для них характерны наличие скорченной позы и преобладание западно-восточной ориентировки. Таковы захоронения в кургане 1 у сел. Базоркино (Чермен), в кургане 2 у г. Назрани (Антонович В.Б., 1882. С. 216, 217), отдельные могилы в кургане 7 сел. Кулары (Бобринский А.А.,

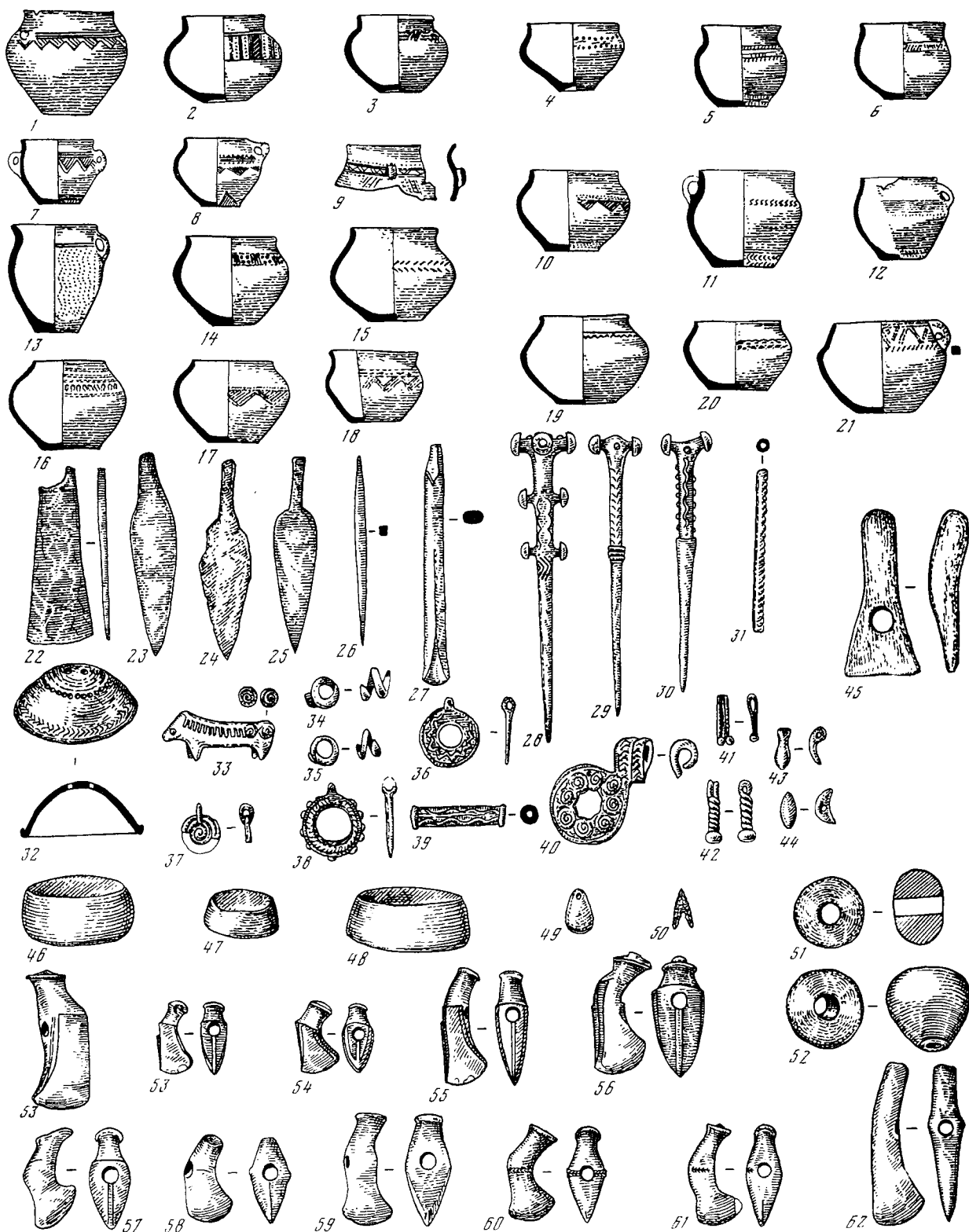

Таблица 80. Пятигорье. Материалы эпохи бронзы

1-9, 22, 23, 26, 29-31, 38, 41-44, 47, 52, 54, 55, 59 - район г. Пятигорска - Константиновская колония и Константиновское плато; 2, 3, 22, 23, 26, 42, 59 - по Д.Я. Самоквасову; 3-6, 8, 38, 41, 44 - по И.С. Гумилевскому; 7 - по Н.М. Егорову; 29-31, 43, 47 - по В.И. Марковину; 1, 9, 52, 54, 55 - музей г. Пятигорска; 10-15, 20, 25, 27, 28, 32-37, 39, 40, 45, 46, 53, 58, 61 - район Кисловодска - "Три камня", Минутка, Долина нарзанов (10, 11, 25, 28, 35-37, 39 - коллекция Филиппова; 12-15, 27, 46, 58,

59 - по Д.Я. Самоквасову; 20, 34, 61 - музей г. Пятигорск; 28, 32, 33, 40 - коллекция Е.Д. Фелицына; 16, 18, 21, 51, 52 - район г. Ставрополь (ГИМ и Музей г. Ставрополь); 48 - Горячеводск; 49, 50 - ст-ца Константиновская (по А.В. Шмидту); 56 - район г. Черкесска; 57 - с. Лепицкое; 60 - хут. Родниковский на р. Итока; 62 - с. Михайловка; 1-21 - глина; 22-44 - бронза; 45 - кость; 46-62 - камень (без масштаба)

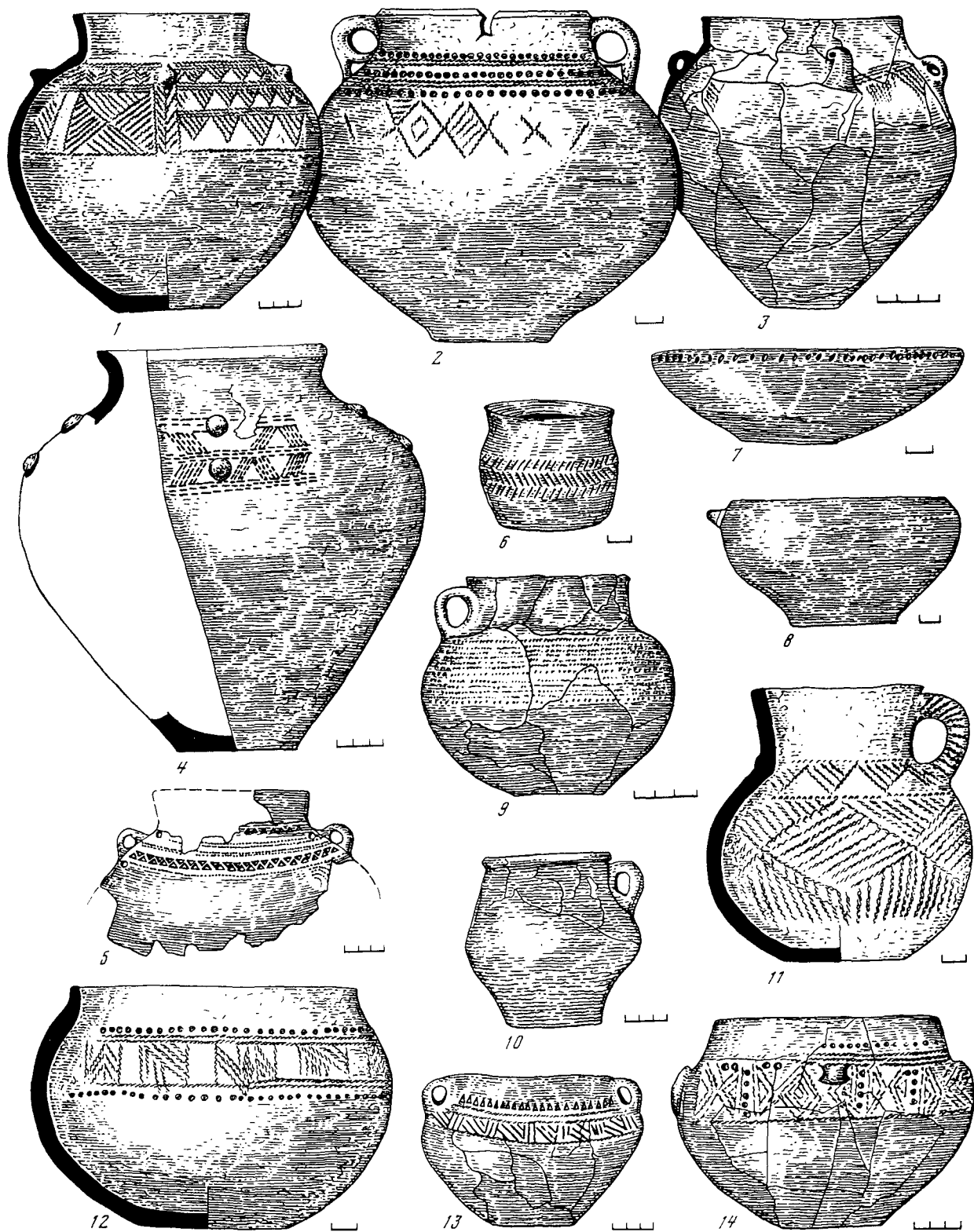

Таблица 81. Центральный Кавказ (1, 5, 10–14 – Северная Осетия; 3, 4, 6–9 – Кабардино-Балкария). Керамика эпохи бронзы из различных памятников

1, 11, 12 – ст-ца Николаевская (по Д. Газдапустаи);
 2 – сел. Лечинкай (по И.М. Чеченову и В.М. Батчаеву); 3, 9 – сел. Урух (по Н.А. Николаевой); 4 – сел. Старый Лескен (работы Е.И. Крупнова); 5 – сел. Дзуарикау (по Н.А. Нико-

лаевой и В.А. Сафронову); 6 – сел. Заюково (работы А.А. Иессена); 7, 8 – Нальчик, Кабардинский парк (по Б.Е. Дегену); 10, 13, 14 – сел. Чикола (по В.А. Сафронову)

1891. С. ССLXVIII), в кургане у г. Хасавюрт (ОАК за 1902 г. С. 98, 99), отдельные могилы у сел. Урус-Мартан (ОАК за 1900 г. С. 55, 56), погребение в каменном ящике близ сел. Андреяул (Эндери; см.: Грен А.Н., 1907. С. 136). К описываемому кругу памятников мы бы отнесли отдельные подкурганые захоронения у хут. Новые Аршти в Чечне (Мунчаев Р.М., 1962. С. 190, 197. Рис. 3, 7) и у сел. Миатлы в Дагестане. Здесь, под курганами, сложенными из речных валунов, были вскрыты погребения в склепах и ямах с вытянутыми и даже скорченными “сидящими” костяками. Их сопровождал инвентарь из бронзовых изделий и керамики, покрытой налпами и шнуровым орнаментом (Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. С. 60–64; Костюченко И.П., 1959. С. 92 и др.). Склеп кургана “Ярти-Тюбе” у ст. Манас (Дагестан) также содержал характерный для данных памятников сосуд, покрытый шнуром (табл. 82) (Смирнов К.Ф., 1952. С. 88; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 197). Попытки расценивать этот памятник как катакомбный, очевидно, неосновательны. Некоторые из погребений, обнаруженных в курганах у сел. Ачикулак и у ст-цы Мекенской, с полным правом могут рассматриваться как оставленные северокавказскими племенами (Крупнов Е.И., 1958. С. 100, 107–109. Рис. 3, 3–10; Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я., 1963. С. 10–40). Эти материалы также могут быть дополнены отдельными находками из разрушенных могил (Кяхулай, Ленин-Кент, Шали, Ведено и др.) (Марковин В.И., 1960б. С. 49, 66, 67. Рис. 15).

Поздний этап эпохи средней бронзы изучен наиболее слабо, что связано с определенной сложностью интерпретации материала (табл. 83). Так, в Прикубанье, как видно, внедрение степных племен (в первую очередь носители катакомбной – предкавказской культуры) нивелирует местные черты. Оно возникает еще в конце первого – раннего этапа, усиливается во втором и завершается на третьем, когда на значительной части бассейна р. Кубани с ее притоками оседают жители степей. В местных погребальных памятниках появляются инородные черты, характерные для пришлых племен: черепки с углями, лежащие около погребенных, курильницы*, подстилки из коры и камыша под костяками, возврат к южной ориентировке. Такими погребения кургана 5 Ульского аула (ОАК за 1909 и 1910 г. С. 154), “Острого кургана” у Гаймановского поселка (ОАК за 1900 г. С. 45), отдельные захоронения, обнаруженные у станиц Казанской, Кубанской, Келермесской, Северной и др. (ОАК за 1900 г. С. 45; ОАК за 1902 г. С. 31; ОАК за 1904 г. С. 96, 97. Рис. 166; ОАК за 1907 г. С. 90; Попова Т.Б., 1957. С. 164 и след.). Нет необходимости останавливаться на чисто катакомбных погре-

бениях, открытых в Прикубанье. Их много. Очевидно, на третьем этапе на какое-то время культура местных племен, населявших бассейн р. Кубани, частично растворилась в среде степных пришельцев. Выделение ее местных специфических черт затруднено тем обстоятельством, что памятники начала I тысячелетия до н.э. до сих пор в Прикубанье плохо изучены и сейчас еще трудно сказать, к чему же привела нивелировка местных черт в материальной культуре с внедрением населения степей.

На территории Верхнего Прикубанья (в Карачаево-Черкесии) А.Л. Нечитайло обнаружено всего 15 погребений, которые сохраняют и на этом этапе традиционные местные черты в погребальном обряде – способ захоронений в ямах и каменных гробницах, преобладание западно-восточной ориентировки. Возможно, скорченное положение умерших в данном случае является чертой, воспринятой от степного населения (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 96–101). Судя по одному только Суворовскому курганному могильнику, где в 17 курганах обнаружена 51 катакомба, проникновение степняков в данный регион было довольно интенсивным. Шло оно, как предполагает А.Л. Нечитайло, с территории Восточного Маныча (Нечитайло А.Л., 1979. С. 7–71, 83, 84).

На взаимодействие местных и степных племен в различных районах Ставрополя указывают целые комплексы и случайные находки. Таковы отдельные захоронения в ямах и катакомбах, сопровождавшиеся керамической посудой, курильницами и прочим инвентарем, обнаруженные в районе Чограйского водохранилища (Андреева М.В., 1989. С. 80–117. Рис. 4, 5 и др.), у хут. Веселая Роща (Державин В.Л., 1989. С. 125 и след. Рис. 4, 9, 14 и др.), у ст-цы Воровсколесской (Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. С. 197–202 и след. Рис. 5, 6, 9, 14) и в других местах. Судя по этим материалам, в степные районы Ставрополя довольно рано стали проникать носители катакомбной культуры. Однако более интенсивным их движение становится в период наивысшего подъема культуры (Андреева М.В., 1989. С. 72, 73; Державин В.Л., 1991. С. 50 и след.). Причиной этого, вероятно, явились поиски новых зон обитания, экстенсивный характер экономики. И если в начале своего проникновения на территорию Северного Кавказа носители катакомбной культуры, смешиваясь с местным населением, по-видимому, были вынуждены подчиняться местным традициям даже в погребальном обряде (Державин В.Л., 1984. С. 90–95), то позже следы подобного влияния исчезают. Только лишь отдельные сосуды и бронзовые украшения, покрытые пышным орнаментальным декором, свидетельствуют о связях с северокавказцами (Державин В.Л., 1991. С. 41, 65, 11–113. Рис. 5, 7, 10–12).

Для районов Пятигорья неизвестны столь яркие памятники. Здесь найдены лишь отдельные курильницы степного облика и каменные колунооб-

* Курильницы нельзя считать северокавказскими по происхождению (Марковин В.И., 1960б. С. 69 и др.). Неверно отнесение всех “без исключения курильниц к третьему этапу северокавказской культуры” (Пиотровский Ю.Ю., 1977. С. 21; Трифонов В.А., 1991б. С. 139, 144. Рис. 19).

Таблица 82. Восточная часть Северного Кавказа. Погребения и предметы эпохи бронзы

1-3 - сел. Ачикулак (Ставрополье), погребение 11 кургана 5 (по Е.И. Крупнову); 4, 5, 6, 11 - сел. Миятлы (Дагестан); погребение 2 кургана 1 третьей курганной группы (по И.П. Костюченко); 7, 8 - ст-ца Мекенская (Чечено-Ингушетия),

погребение 1 кургана 1 (по Е.И. Крупнову); 9 - ст. Манас (Дагестан), курган "Ярти-гюбе" (по К.Ф. Смирнову); 10, 12 - Андреевская долина у г. Грозный (музей г. Грозного)

	Камень	Металл	Керамика
Прикубанье			
Ставрополье			
Центральная часть Кавказа			
Северо-восточная часть Кавказа			

Таблица 83. Северный Кавказ. Некоторые находки позднего этапа эпохи бронзы

1 - г. Апшеронск (по П.А. Дитлеру); 2 - ст-ца Черноморская (музей г. Краснодара, № 3821); 3, 4 - Прикубанье (музей г. Краснодара, № 3613/15 и 42); 5-9 - ст-ца Костромская, клад (по А.А. Иессену); 10 - ст-ца Ахметовская (по В.И. Марковину, А.И. Глебову); 11, 12 - Прикубанье, из раскопок Н.И. Веселовского (ГИМ, № 48478); 13 - Карачай (ГИМ, № 54756); 14 - сел. Шпаковское (музей г. Ставрополя, № 12543); 15 - г. Кисловодск, р. Подкумок (находка Е.Е. Ивашева); 16 - г. Ставрополь (музей г. Ставрополя, № 2861); 17, 18 - г. Кисловодск, Султан-гора (музей г. Кисловодска); 19, 20 - Ставрополье

ловского (ГИМ, № 48478); 13 - Карачай (ГИМ, № 54756); 14 - сел. Шпаковское (музей г. Ставрополя, № 12543); 15 - г. Кисловодск, р. Подкумок (находка Е.Е. Ивашева); 16 - г. Ставрополь (музей г. Ставрополя, № 2861); 17, 18 - г. Кисловодск, Султан-гора (музей г. Кисловодска); 19, 20 - Ставрополье

разные топоры. Они происходят из окрестностей Пятигорска, ст. Предградной, из Минеральных Вод, со склонов горы Бермамыт (Марковин В.И., 1960б. С. 73, 74. Рис. 31). По-видимому, в предгорьях и горы степное проникновение не было столь интенсивным и культура северокавказской общности продолжала развиваться, не теряя связей с предшествующим временем. Так, случайные находки металлических топоров из бассейнов рек Этока, Кяфар (Минаева Т.М., 1947. С. 137. Рис. 48), погребение литейщика, обнаруженное у станции Скачки близ Пятигорска (Нечитайло А.Л., Рунич А.П., 1984. С. 37–39), остатки древних выработок медной руды на горе Пастуховой близ р. Большой Зеленчук, среди которых был найден бронзовый кинжал довольно позднего облика (Кузнецов В.А., 1966. С. 62–67. Рис. 22, 3), указывают на освоение местными полезными ископаемыми и на дальнейшее развитие местной металлургии.

Судя по ряду интересных археологических комплексов (могильники Верхняя Рутха у сел. Кумбулга, Фаскау у сел. Галиат, Загли Барзонт у сел. Верхний Кобан и др. в Северной Осетии), исследуемых с конца XIX в. (Уварова П.С., 1900б. С. 206, 207, 231. Табл. LVII, XCIV, CIII и др.; Крупнов Е.И., 1951а. С. 43–58), в горах Центрального Кавказа не так сильно ощущалось влияние степных культур. Как и прежде, здесь строили склепы, использовали для перекрытия могил камень и дерево. Многие из захоронений содержат большое число умерших. К указанным древностям, обнаруженных в горах Северной Осетии, примыкают памятники Кабардино-Балкарии – впускные погребения 28 и 31 из могильника близ г. Нальчика (Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941. С. 60, 75 и след. Рис. 20, 21, 25), захоронения кургана у сел. Шалущка (Деген Б.Е., 1941. С. 237). Это как раз те памятники, “горский характер” которых особо подчеркивал Е.И. Крупнов, относя их к “дигорской культуре” (Крупнов Е.И., 1951а. С. 60), а А.А. Иессен все аналогичные древности, имевшие определенное сходство с закавказскими памятниками, называл “дигоро-рачинской группой”. По его мнению, именно в этих памятниках “сохраняются многие архаические черты более древней местной культуры” (Иессен А.А.,

1956. С. 15). Можно думать, что в горах и значительной части предгорий характер местной культуры мало изменялся под влиянием степных кочевников. Однако в тех районах, где они смыкаются с равниной, несомненно, племена катакомбной – предкавказской культуры пытались ассимилировать местное население. Об этом свидетельствуют катакомбные погребения, обнаруженные в курганах у селений Ногир, Чикола и ст. Тарской, отдельные захоронения Нижнедзулатского могильника, у г. Моздока в Северной Осетии, у сел. Бамут в предгорьях Чечни (Сафронов В.А., 1981. С. 51–60. Рис. 2, 3 и др.; Николаева Н.А., 1989. С. 13–18; Абрамова М.П., 1961. С. 106, 107; Мунчаев Р.М., 1965. С. 92–96. Рис. 1–3). Вероятно, поэтому местная керамическая посуда иногда украшена округлым орнаментом, характерным для декора степного населения. Таковы, к примеру, находки из курганов, расположенных у с. Новоосетинского близ г. Моздока (Тменов В.Х., 1975. С. 113 и след. Табл. 2, 3). И все же это влияние не было значительным (среди множества исследованных курганов у селений Чегем I и II лишь в кургане 11 было найдено погребение со срубным ножом) (Мизиев И.М., Бегрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. С. 35). Мнение, что в Северной Осетии мог сложиться один “из основных районов обитания катакомбных племен” (Сафронов В.А., Николаева Н.А. и др., 1978. С. 141; Сафронов В.А., 1981. С. 59, 60), требует тщательной аргументации и проверки.

Степная и предгорная часть Северо-Восточного Кавказа из-за своей доступности со стороны так называемых ногайских степей вероятно, довольно рано подверглась вторжению степняков, в том числе и со стороны носителей срубной культуры (Куйбышев А.В., Черноуситов П.Ю., 1984. С. 98–100).

Однако отдельные комплексы, найденные в Ачикулаке, Бажигане и других пунктах, содержат очень смешанный материал, и отнесение его к той или иной культурной группе очень затруднительно (Марковин В.И., 1992б. С. 27 и след.). Лишь в горных районах Чечено-Ингушетии (курган у ст. Несеровской, грунтовый могильник у сел. Галашки) позволяют говорить о дальнейшем развитии местных традиций. Эти памятники близки центральнокавказским (Крупнов Е.И., 1950б. С. 85–94.

(музей г. Ставрополя и Гос. музей Грузии – № 17-02/86-3356); 21 – г. Кисловодск, ст. Минутка (музей г. Пятигорска, № 2416); 22 – г. Кисловодск (коллекция Филиппова, музей г. Пятигорска, № 744); 23 – Карт-Джурт, Теберда (музей г. Махачкалы, № 2264); 24 – г. Ставрополь, р. Ташла (музей г. Ставрополя, № 3050); 25 – Колония Константиновская у Пятигорска, “Денежкин курган” (ГИМ, № 76990); 26 – г. Кисловодск (музей г. Пятигорска, № 515); 27 – Северная Осетия (музей г. Владикавказа, № 3688); 28 – сел. Чегем I (по В.Ф. Миллеру); 29, 34, 37, 38, 43, 48 – сел. Галиат, могильник Фаскау (29, 34, 43 – по Е.И. Крупнову, 37, 38, 48 – ГИМ, № 21630–22183); 30, 40 – сел. Чми, могильник Беахны-Куп (30 – ГИМ, № 25276, 40 – по Е.И. Крупнову); 31 – сел. Камунта (ГИМ, № 35179); 32 – сел. Шалущка (музей г. Нальчика,

№ 1449); 33 – сел. Заюково (музей г. Нальчика, без №); 35 – Нальчик (по Б.Е. Дегену); 36 – сел. Донифарс (по Е.И. Крупнову); 39 – сел. Лескен (по Е.И. Крупнову); 41 – сел. Кобан (Эрмитаж, № 1731-67); 42 – сел. Соломенка – ? (музей г. Нальчика); 44, 45, 47, 49–52 – сел. Кумбулта (по П.С. Уваровой); 46 – сел. Чми (ГИМ, № 55738); 53, 56 – сел. Верхний Кобан, Сапата (музей г. Владикавказа, № 3672, сборы Л.П. Семенова); 54 – г. Моздок (музей г. Пятигорска, № 421); 55 – г. Нальчик (музей г. Нальчика, № 1959); 57 – Кабарда (музей г. Нальчика, без №); 58 – г. Грозный, Черноречье (по О.В. Милорадович); 59 – сел. Алды (Эрмитаж, № 1366-12); 60 – сел. Закан-Юрт (по В.И. Марковину); 61 – сел. Шарой (ГИМ, № 54322); 62–65 – сел. Галашки (62 – музей г. Грозного; 63–65 – по Е.И. Крупнову)

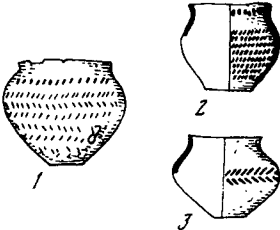
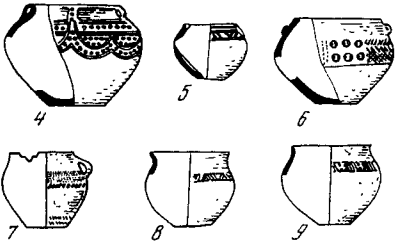

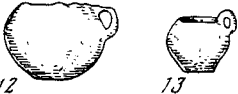

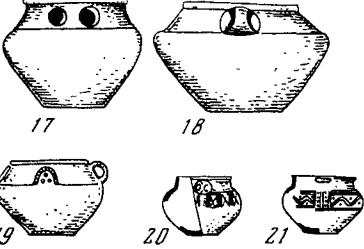

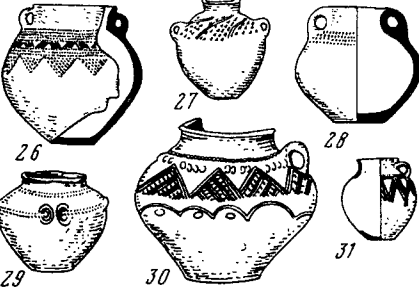

Тя- пы	I этап	II этап	III этап
I	 <p>1, 2, 3</p>	 <p>4, 5, 6, 7, 8, 9</p>	 <p>10, 11</p>
II		 <p>12, 13</p>	 <p>14, 15</p>
III	 <p>16</p>	 <p>17, 18, 19, 20, 21</p>	
IV	 <p>22, 23, 24, 25</p>	 <p>26, 27, 28, 29, 30, 31</p>	 <p>32, 33, 34</p>
V	 <p>35</p>	 <p>36</p>	 <p>37</p>
VII			 <p>38, 39</p>
VIII		 <p>40</p>	 <p>41, 42</p>
IX		 <p>43, 44</p>	

Таблица 84. Типы посуды, характерной для эпохи бронзы Северного Кавказа

I тип: 1, 8, 10 – г. Пятигорск (1 – “колония” Николаевская, по Н.М. Егорову; 8 – Константиновское плато, по И.С. Гумилевскому; 10 – “Денежкин курган”, по Д.Я. Самоквасову); 2, 3, 7, 9, 11 – г. Кисловодск (2 – ст. Минутка; 3, 7, 9 – “Три камня”, по

Д.Я. Самоквасову; 2, 11 – музей г. Пятигорска); 4 – Прикубанье (собрание Н.И. Веселовского); 5 – сел. Заюково (музей г. Нальчика); 6 – сел. Ардон (музей г. Владикавказа); II тип: 12 – сел. Дзуарикау (по Н.А. Николаевой и В.А. Сафронову);

Рис. 23–25). Обнаруженные в сел. Галашки могилы были завалены булыжником, в них лежат скорченные костяки, обращенные в большинстве случаев на восток. Инвентарь могил, как и в Нестеровском кургане, содержит сосуды приземистых форм и отдельные бронзовые вещи, которые характеризуют поздний этап эпохи бронзы в этом регионе Северного Кавказа.

Территория распространения древних племен, входивших в северокавказскую общность, может быть очерчена весьма суммарно. Еще в 1947 г. А.А. Иессен писал, что памятники эпохи бронзы Северного Кавказа “примыкают к предкавказским степям на всем протяжении от верхней Кубани до района Грозного” (Иессен А.А., 1947. С. 22). К настоящему времени, когда широкий размах археологических раскопок захватил почти весь Кавказ и итоги некоторых работ уже изданы, карта распространения интересующих нас памятников рисуется в следующем виде. На первом этапе территория северокавказской общности на западе примыкает к пространству, занятому дольменами. Южная и юго-восточная границы могут быть помечены очень условно – вдоль Главного Кавказского хребта, а северная граница, проходя по предгорьям, тянется от ст-цы Новоджерелиевской к ст-це Казанской, захватывая Ставропольскую возвышенность и поворачивая в сторону Пятигорья. В ареал общности, несомненно, входили территории современных Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Следует оговориться, что северная граница, как и восточная, соприкасающаяся со степями, намечена приблизительно. Здесь проходила зона, где племена Северного Кавказа могли иметь непосредственные контакты с жителями степей, в первую очередь с носителями катакомбной – предкавказской культуры. Если регион обитания племен северокавказской общности на раннем этапе не может быть установлен достаточно четко, то в эпоху расцвета более конкретизируется. Границы его проходят вдоль Главного Кавказского хребта, состыковываются на западе с дольменным ареалом, а на востоке доходят почти до р. Сулак (такие памятники, как курган “Ярти-тлюбе” у станции Манас в Дагестане, лишь указывают на отдельные проникновения носителей северокавказской общности в глубь Прикаспийской низменности). На севере древние племена захватывали даже отдельные участки степей (курганы у сел. Орехово, Высоцкое, Ачикулак и др.).

На третьем этапе территория обитания изучаемых племен резко сокращается за счет массового

проникновения носителей катакомбной культуры не только в степную, но и в предгорную часть Кавказа. Ими были захвачены почти все Прикубанье (местные жители продолжали жить лишь в его верховьях), значительные участки прикаспийских районов. Это движение, вероятно, послужило толчком для освоения местными племенами зоны высокогорий. Можно думать, что в дальнейшем к началу I тысячелетия до н.э. местное северокавказское население, вобрав культурные достижения степняков, снова стало широко расселяться, занимая все предгорные районы.

Нам осталось остановиться на наиболее сложном вопросе – времени бытования древних племен – носителей культуры, включаемой в понятие северокавказской культурно-исторической общности. Но для этого необходимо предварительно описать характеризующий ее археологический материал.

Наиболее массовыми находками является керамическая посуда. Сформована она из глиняного теста комковатой структуры, содержавшей незначительные примеси шамота, толченые комочки песчаника, кварца, кальцита, а чаще всего – черного сланца, повсеместно встречающегося на Кавказе. Лепка сосудов ручная, поверхность ровная, иногда даже залощенная, но из-за неравномерности обжига порой пятнистая – от красно-коричневой до черной. Все сосуды плоскодонные и большей частью не имеют ручек. По форме их можно разделить на восемь типов (табл. 81, 84).

1. Горшки с округлым туловом, почти прямым или слабоотогнутым венчиком, ручки прикреплены чуть ниже устья. В высоту достигают 16 см, диаметр тулова до 20–23 см. Ранние образцы покрыты косым вдавленным узором, нанесенным по всему корпусу в виде параллельных линий или пояски из “елочки”. В эпоху расцвета появляется богатый декор из оттисков шнура в комбинациях со спиралькой и вдавлениями различных штампов (табл. 85, 11). Эволюционируя, данный тип сосудов приобретает угловатые формы. Обнаружен по всей территории общности.

2. Сосуды более округлой формы с почти не выраженным венчиком (край устья тупо обрезан). Изредка они имеют одну ручку. Характерны для эпохи расцвета, покрыты оттисками шнура, треугольного штампа (реже встречаются отпечатки прямоугольной формы), налепами. По величине сосуды этого типа несколько меньше предыдущих.

13 – г. Нальчик, Садки (по Б.Е. Дегену); 14, 15 – Кумбулта (по П.С. Уваровой и Е.И. Крупнову); III тип: 16 – г. Майский (музей г. Нальчика); 17, 19 – Чегем I (по И.М. Мизиеву, Р.Ж. Бетрову, А.Х. Нагоеву); 18 – Чегем II (по И.М. Мизиеву и др.); 20 – г. Прохладный (музей г. Нальчика); 21 – г. Нальчик (музей г. Нальчика); IV тип: 22 – г. Прохладный (музей г. Нальчика); 23, 24, 27, 29, 33 – г. Усть-Джегута (по А.Л. Нечитайло); 25, 26, 28 – г. Нальчик, Кабардинский парк (по Б.Е. Дегену); 30 – пос.

Холоднородниковский (по А.Л. Нечитайло); 31 – Ардон (музей г. Владикавказа); 32 – Мостиздах (по Е.И. Крупнову); 34 – г. Армавир (по Н.И. Веселовскому); V тип: 35 – Галашки (по Е.И. Крупнову); 36 – Верхний Акбаш (по Е.И. Крупнову); 37 – г. Усть-Лабинск (ГИМ, № 48470); VI тип: 38, 39 – Прикубанье (по Н.И. Веселовскому); VII тип: 40 – г. Усть-Джегута (по А.Л. Нечитайло); 41, 42 – Галашки (по Е.И. Крупнову); VIII тип: 42, 43 – ст-ца Суворовская (по А.Л. Нечитайло)

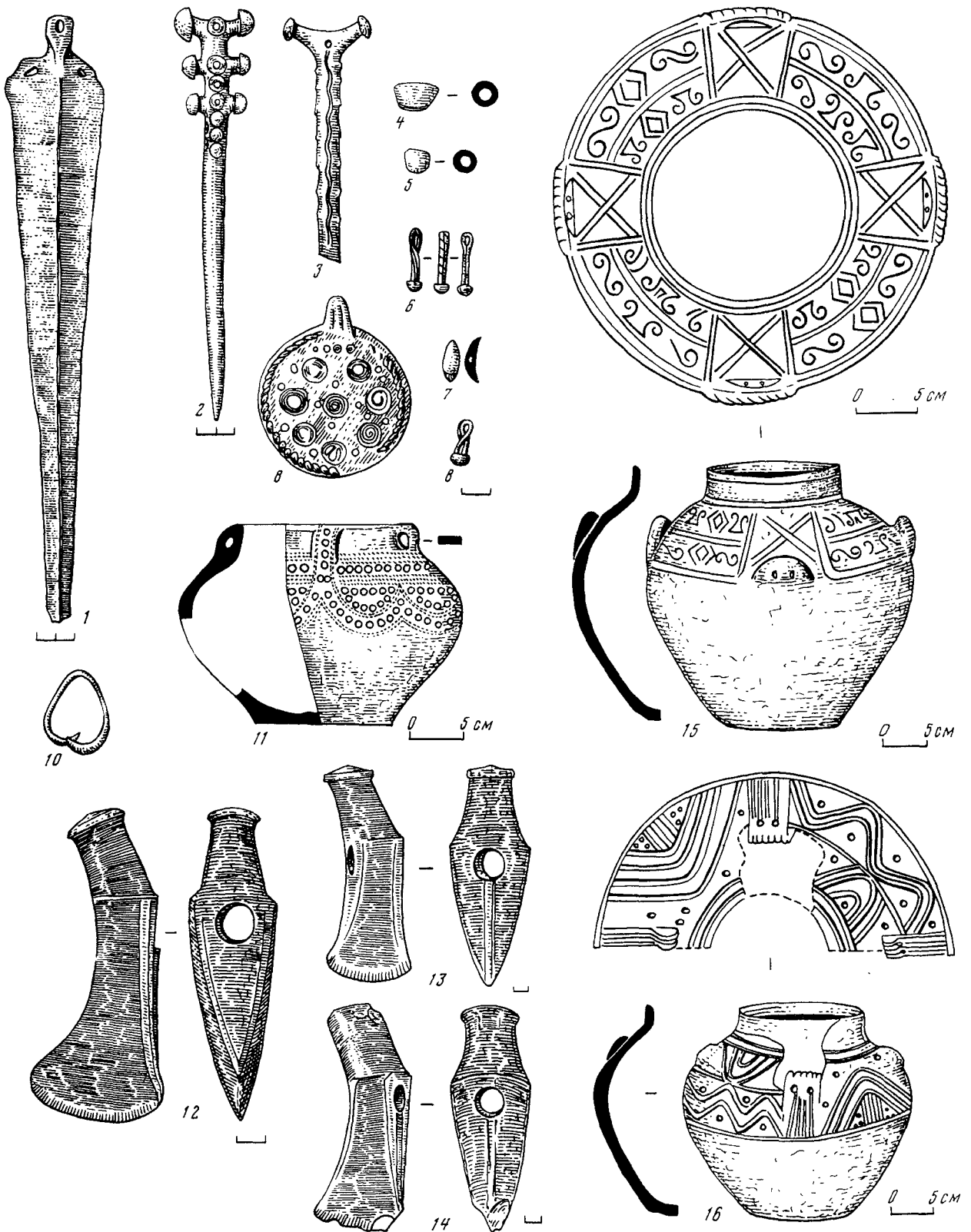

Таблица 85. Прикубанье. Предметы эпохи бронзы

1-10 - ст-ца Андриюковская (раскопки Н.И. Веселовского);
11, 13 - предметы из коллекции Н.И. Веселовского (ГИМ,
№ 35-38; ГЭ, № 66-37); 12, 15, 16 - г. Усть-Джегута, работы

Н.И. Нечитайло (12 - курган 24, погребение 2; 15, 16 - курган
19); 14 - ст-ца Крымская, курган (музей г. Краснодара,
№ 3613/17); 1-10 - бронза; 11, 15, 16 - керамика; 12-14 - камень

3. Сосуды почти биконической формы с ручками “энсолитического” облика (напоминают просверленные полушария) и в виде колец. Очень тщательно отформованы, верхняя часть сосуда (шейка) довольно четко отделена от тулова. Орнамент описанного выше типа встречается иногда и на ручках. Высота сосудов до 17–18 см, диаметр тулова до 20 см. Такие сосуды часто встречаются в памятниках эпохи расцвета, более всего в районе Пятигорья и несколько восточнее.

4. Сосуды вытянутых, кувшинообразных форм, с небольшим дном. Встречаются в памятниках всех трех этапов, хотя типологически близки отдельным сосудам майкопской культуры. Иногда снабжены одной-двумя ручками. Орнамент (“елочный” узор, оттиски шнура, вдавления, для третьего этапа – налепы) покрывает только плечики сосудов. Достигают в высоту 30 см, диаметр от 11 до 30 см. Данный тип сосудов хорошо описан А.Л. Нечитайло для памятников Верхнего Прикубанья (табл. 85) (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 53–55). Характерны они и для памятников центральной части Северного Кавказа (Алексеева Е.П., 1971. С. 296. Табл. 2, 3; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. С. 33, 37 и др. Рис. 7, 5; 9, 2 и др.; Николаева Н.А., 1981. С. 91, 93 и след. Рис. 1, 13; 3, 5 и др.; Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. С. 66–69. Рис. 22, 1, 2; 23., 2, 3; 24, 3; 25, 6–9; Мизиев И.М., 1984. С. 99, 101. Рис. 9, 2, 14, 15; 10, 10, 13, 14, 20; Батчаев В.М., 1984. С. 131. Рис. 19, 8, 9; 16, 1–3, 6, 9, 10 и др.). Отдельные экземпляры найдены в памятниках Ставрополя (Мишина Т.Н., 1989. С. 239, 255. Рис. 13, 3).

5. Редкий тип сосудов с почти шаровидным туловом и двумя почти вертикально стоящими ручками. По форме напоминают майкопские сосуды. Один такой сосуд был найден в могиле 10 кургана у сел. Верхний Акбаш (Крупнов Е.И., 1957а. С. 60. Рис. 15, 3), второй обнаружен в погребении 5 кургана 7 у ст-цы Суворовской (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 44, 55. Рис. 18, 4), третий – в катакомбном захоронении кургана 1 у Усть-Лабинска (ОАК за 1903 г. С. 68). Кавказский характер этого типа керамики не вызывает сомнений, так как аналогичный сосуд происходит из Азербайджана (сел. Ходжалы, работы И.М. Джафарзаде).

6. Сосуды приземистые, репчатой формы, с почти прямо образованным и сильно утолщенным венчиком. Скорее всего, в местную среду этот тип посуды привнесен в результате контактов со степным населением. Встречаются в поздних памятниках.

7. Сосуды баночной формы (напоминают питьевые кружки). Некоторые образцы имеют сильно расширенное устье (Усть-Джегута) и даже отвернутый край (Галашки в Ингушетии). Высота от 3 до 10 см, диаметр устья 7–12 см, диаметр тулова 6–10 см. Орнамент – ряды прямоугольных вдавлений (Нечитайло А.Л., 1978а. С. 86, 89. Рис. 34, 4; Крупнов Е.И., 1950б. С. 91, 92. Рис. 24, 2).

8. Уплотненные сосуды типа плошек с устьем-

раструбом и довольно широким дном. Без орнамента. Высота до 6 см, наибольший диаметр 10 см. Найдены во многих курганных могильниках. Помимо указанных сосудов, изредка встречаются миски (Кабардинский парк в Нальчике; см.: Де-Ген Б.Е., 1941. С. 220–222. Рис. 12 и 16).

Для первого этапа известны сосуды довольно однообразных форм, затем они становятся более дифференцированными. Это касается и орнамента: отдельные оттиски в виде “елочки” сменяются пышным декором. Интересно, что оттиски различных штампов Т.Б. Попова считает кавказским способом нанесения орнамента, воспринятым в дальнейшем степными племенами (Попова Т.Б., 1957. С. 177). Совершенно уникальные форма и орнаментика сосуда, сделанного из глины в виде четырехугольной коробочки (12,7 × 12,7 см). Наружная поверхность ее была покрыта оттисками шнура и круглыми отверстиями, образующими несложный узор, которым поверхность коробочки делится на 2–3 зоны. Внутри коробочки лежали обломки фаллической формы “хлебцов” (к сожалению, из чего они сделаны, осталось неизвестным). Этот сосудик был найден в склепообразной гробнице в одном из курганов Константиновского плато близ г. Пятигорска (Ртвеладзе Э.В., 1965).

Металлические изделия среди предметов, характерных для северокавказской общности, довольно многочисленны. Как правило, в состав бронз, служивших основным материалом для их изготовления, входил мышьяк. Медно-мышьяковистые бронзы отличаются неплохой ковкостью и хорошо заполняют линейные формы (Черных Е.Н., 1966. С. 41, 104–113). Однако древние мастера использовали не только мышьяковистые бронзы. Известны изделия из мышьяково-сурьмяных бронз, причем они найдены в горной зоне, примыкающей к территории Грузии. Вполне возможно, что относительное разнообразие сплавов зависело в первую очередь от особенностей ближайших рудных месторождений (Корневский С.Н., 1984. С. 269–271, 281–285).

Из бронз изготавливались орудия труда, оружие, украшения. Среди первой категории предметов следует назвать тесла и тесловидные топоры. Наиболее ранние из них коротки, но широки (9 × 5–4 см) и близки орудиям майкопских памятников. Таковы тесла из станицы Воздвиженской, селений Летницкого, Ведено, Привольного и других пунктов (ОАК за 1897 г. С. 16. Рис. 60; ОАК за 1899 г. С. 46. Рис. 79). К эпохе расцвета количество их уменьшается, возможно, за счет увеличения производства проушных топоров. Тесла удлиняются, а торец у них сильно зауживается (орудия Костромского клада, ст-цы Абадзехской, сел. Дивного, колонии Константиновской у г. Пятигорска, из Андреевской долины г. Грозного (табл. 82, 12; 83, 8) (см.: ИАК. Вып. 65. С. 173. Рис. 11; Самоквасов Д.Я., 1887. Табл. I, II; Уварова П.С., 1902. С. 144). А.А. Иессен разработал типологическую

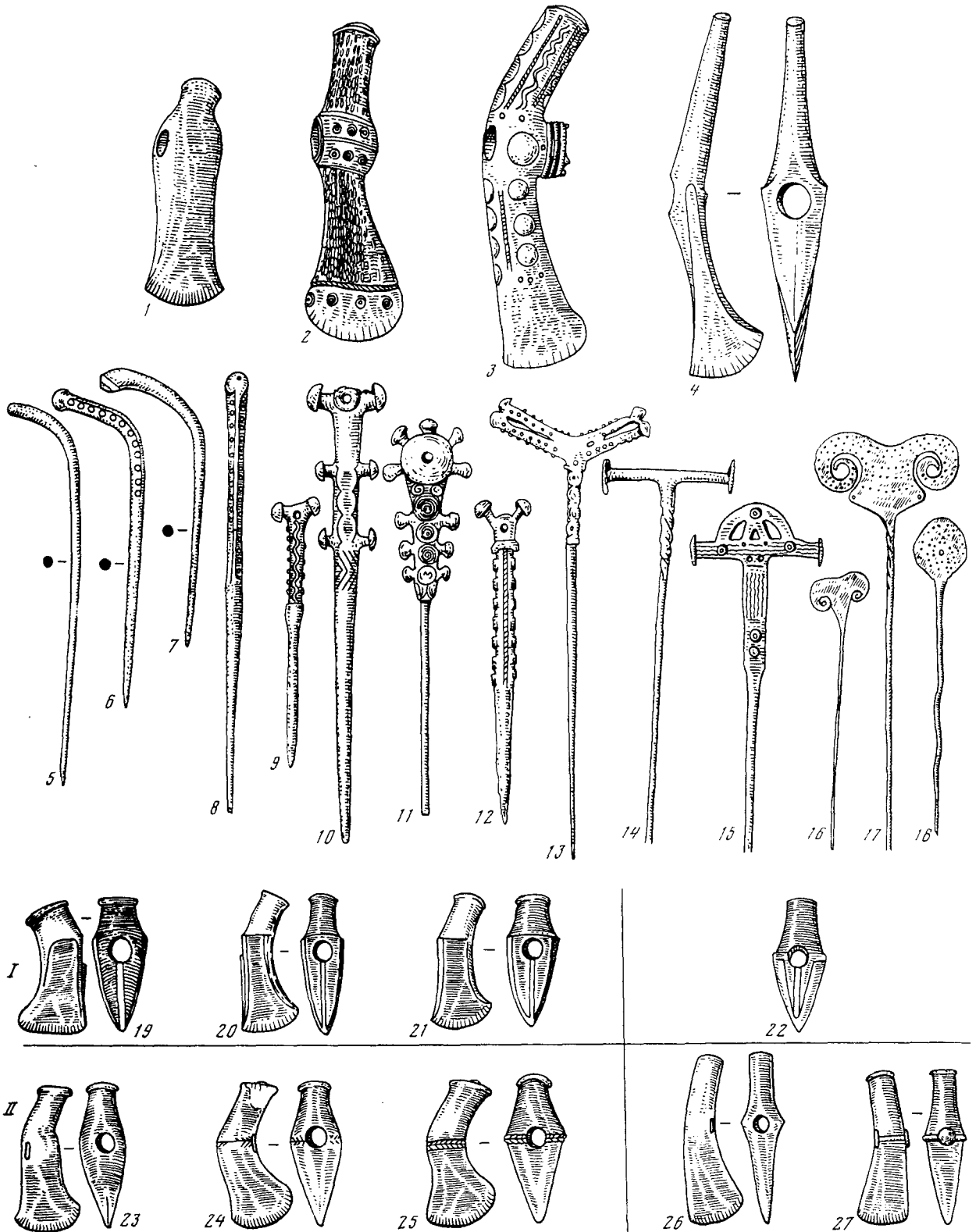

Таблица 86. Северный Кавказ. Предметы эпохи бронзы из металла (1-18) и камня (19-27)

Топоры: 1 – ст-ца Воздвиженская; 2 – Лошкуты (Кабардино-Балкария); 3 – г. Нальчик; 4 – ст-ца Андриюковская, булавки; 5 – ст-ца Новосвободная; 6 – Ульский аул (Уляп); 7 – сел. Вольное (ГЭ, № 454); 8, 10 – г. Кисловодск (музей

г. Пятигорска, № 744; ГИМ, № 76400); 9 – г. Пятигорск, Константиновское плато (по И.С. Гумилевскому); 11 – сел. Курен-Беной (Чечено-Ингушетия); 12 – г. Усть-Джегута, курган 24, погребение 1 (по А.Л. Нечитайло); 13, 14 – г. Нальчик,

схему их развития (Иессен А.А., 1950. С. 171, 172. Табл.).

Обоюдоострые листовидные ножи, служившие также личным оружием, встречены на очень широкой территории. Среди них можно выделить ножи листовидно-удлиненной формы, с нечетко выделенным черенком. Наиболее характерен этот тип ножей для ранних памятников, но, как видно, употреблялся он в течение длительного времени. В длину ножи достигают 20 см, ширина лезвия у них 3–4 см. Изготавливались путем проковки и последующей заточки.

Второй тип ножей отличается более четко выделенным черенком. Лезвийная часть у таких орудий иногда снабжена ребрышком (сечение таких ножей удлиненно-ромбическое). В длину достигают 15–18 см, ширина лезвия до 4 см. Характерны для эпохи расцвета бронзовой металлургии. Однако их можно встретить и в некоторых памятниках I тысячелетия до н.э. (сел. Тарки в Дагестане).

Третий тип ножей с черенком и лезвием почти ромбической формы встречается лишь к концу эпохи бронзы. Ножи этой формы особенно были распространены в среде носителей степных культур. Форма их настолько своеобразна, что Е.И. Крупнов считал их наконечниками дротиков (Крупнов Е.И., 1951а. С. 48). Длина их редко превышает 10 см, ширина до 4,5–5 см. Постепенно удлиняясь, листовидные ножи с ребром могли послужить прототипами для кинжалов. Таков известный кинжал из ст-цы Андрюковской (табл. 85, 1) (ОАК за 1897 г. С. 22. Рис. 82).

К довольно распространенным предметам следует отнести топоры с проушиной. Наиболее ранним типом среди них надо считать массивные орудия почти клиновидной формы, хорошо известные в памятниках майкопской культуры. В дальнейшем они становятся более изогнутыми, проушина часть слегка свисает. Такие топоры известны в больших сериях (табл. 73, 14). Они, очевидно, послужили основанием для возникновения вислообушных топоров (табл. 82, 10). И наконец, трубчато-обушные топоры, особенно распространенные в Северной Осетии (Крупнов Е.И., 1951а. С. 45–48. Рис. 9, 11–14), завершают эту серию (табл. 83, 37, 38). Многие из упомянутых изделий украшены резным орнаментом, иногда даже скульптурными бараньими головками (Уварова П.С., 1900. С. 275. Рис. 210. Табл. ХСIV).

Вне серий пока стоят топоры с кнопкой на втулке (табл. 86, 1). Таков топор из ст-цы Воздвиженской (ОАК за 1899. С. 46. Рис. 30), секировидные топоры из сел. Лошкuty и окрестностей Нальчи-

ка, ст-цы Андрюковской (табл. 86, 2–4) (коллекция Государственного Эрмитажа, № 329–4 и Кабардино-Балкарского краеведческого музея). Типологическая классификация основной серии бронзовых топоров разработана С.Н. Кореневским (Кореневский С.Н., 1981. С. 23 и след.).

Главное место среди украшений занимают бронзовые булавки, служившие для скрепления одежды. Среди них можно выделить шесть типов.

I. Изогнутые булавки в виде “посоха”. Наиболее ранние из них встречаются еще в отдельных позднемайкопских памятниках. У них навершие почти не выделено. Затем оно утолщается (Ульский аул, ст-ца Суворовская, г. Усть-Джегута) и даже приобретает сквозное отверстие (сел. Вольное). Вероятно, серию этих ранних предметов завершают выпрямленные булавки, покрытые выпуклым точечным узором (г. Кисловодск). Находки этих булавок в комплексах могут служить показателем относительно раннего признака. В среднем в длину они достигают 10–14 см. Булавки данного типа более всего характерны для Прикубанья и Ставрополя (табл. 86, 5–8).

II. Булавки с молоточковидными выступами имеют разные формы. Наиболее характерны с двумя “молоточками”, но известны булавки с тремя-четырьмя парами их. Различна также форма самих “молоточков”. Некоторые напоминают направленные вверх и утолщенные рожки. Стержень булавки часто покрыт выпуклым орнаментом в виде имитации шнура, спиралек, змеек с треугольной головкой, волн. В длину они достигают 20 см. В отличие от посоховидных эти булавки чаще всего встречаются в районе Кавказских Минеральных Вод и Карачаево-Черкесии (табл. 86, 9–12).

III. Булавки с отходящими вверх двумя-тремя заостренными отростками. Эти булавки богато украшены выпуклым литым декором. В длину они достигают свыше 40 см, размах отростков до 10 см. Более всего характерны для памятников Кабардино-Балкарии (табл. 86, 13).

IV. Булавки с поперечной перекладиной. Стержень у них слегка перевит, а концы перекладины снабжены дисками. Длина их до 40 см, размах перекладины 7–8 см. Характерны для Центрального Кавказа (Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) (табл. 86, 14, 15). Возможно, прототипом для их возникновения явились западногрузинские формы (Сачхере). Одна из местных булавок напоминает стилизованное изображение двухколесной повозки-арбы (Джапаридзе О.М., 1955. Табл. XI, 1).

V. Булавки с навершием в виде волют (рогов). Стержень у них круглый, навершие расплющено.

Кабардинский парк; 15 – сел. Былым; могильник Айлама (по И.М. Чеченову и В.М. Батчаеву); 16 – г. Нальчик, Садки; 17 – сел. Кумбулта, могильник Верхняя Рутха (по Е.И. Крупнову); 18 – могильник Гатын-Кале (по В.И. Марковину); 19 – сел. Старый Лескен (Кабардино-Балкария); 20 – г. Пятигорск; 21 – из центральной части Кавказа; 22 – сел. Галашки

(Ингушетия, по Е.И. Крупнову); II – каменные топоры с мягким контуром: 23, 25 – г. Пятигорск; 24 – сел. Атажукино (Кабардино-Балкария); 26 – сел. Шпаковское (Ставрополье); 27 – сел. Шалушка у г. Нальчика; 1, 5, 6 – по Н.И. Веселовскому; 4 – по А.А. Иессену; 13, 14, 16 – по Б.Е. Деген-Ковалевскому; I – каменные топоры с огранкой; II – гладкие топоры

У ранних булавок оно мало, у более поздних наверхшие не только велико (в размахе до 16 см), но и покрыто пунсонным (точечным) узором. Длина стержня у самых крупных булавок до 67 см (табл. 86, 16, 17).

Небольшие волютные булавки встречаются довольно часто по всей территории Северо-Восточного Кавказа, включая Дагестан (как предмет украшения их нельзя приписывать только носителям северокавказской общности). Крупные булавки Е.И. Крупнов считал характерными для намеченной им “дигорской культуры” эпохи бронзы (Крупнов Е.И., 1951а. С. 59, 60. Рис. 20).

VI. Булавки с дисковидными навершиями небольшие. Найдено их мало. Они характерны для северо-восточной части Кавказа (табл. 86, 18) и здесь приведены только для полноты картины.

Металлические украшения, характерные для носителей северокавказской общности, не ограничиваются одними булавками. Это всевозможной формы подвески, часто имеющие ушко для подвешивания, подвески в виде ложечек, обрывков шнура и т.д., крупные полусферические бляхи с отверстием в центре, височные кольца в 1,5 оборота, многовитковые браслеты, металлические бусы и пронизки. Многие из этих предметов, за исключением браслетов и височных колец, покрыты выпуклым литым узором – шнуром, спиральками, змейками, псевдозернью (табл. 77–80).

Изделия из камня довольно часто встречались в упоминавшихся нами комплексах. Древние жители Северного Кавказа умели прекрасно пилить и сверлить не только относительно мягкие породы камня (змеевик), но и такие, как диорит, кварцит, базальт. Они их подвергали шлифовке и последующей полировке. Особенно поражают красотой и изяществом форм топорики кабардино-пятигорского типа, известные в двух вариантах: гладкие (иногда с поперечным выпуклым пояском) и покрытые легкой огранкой. Лезвийная часть у них хорошо заточена, а молоточная снабжена небольшим расширением (молоточек посажен под углом в 65–75° по отношению к проушине). Они встречаются укороченными (длина их до 9 см) и сильно удлиненными (до 16–17 см). Последние представляются более поздними. Таков изящный топорик, обнаруженный в подкурганном захоронении у сел. Шпаковка в Ставрополье (Минаева Т.М., 1965. С. 96–98. Рис. 2). Проушина топориков имеет цилиндрическое или коническое сверление (табл. 80, 83, 85, 86). Пропорциональные соотношения отдельных частей кабардино-пятигорских топоров изучались В.А. Сафроновым (Сафронов В.А., 1968. С. 99–103). Наиболее красивы топорики, сделанные из черно-зеленого просвечивающего змеевика (табл. 83, 58). Один из них найден в районе г. Сочи (Сочинский музей, № 513-Д), другой – у г. Грозного (Милорадович О.В., 1956. С. 133. Рис. 57). Конфигурация кабардино-пятигорских топоров, по замечанию Б.Е. Деген-Ковалевского,

удобна для пользования как заостренной, так и молоточной частью (Деген Б.Е., 1941. С. 240). Однако следов работы на них почти не заметно. Очевидно, они являлись в основном личным “парадным” оружием.

Среди каменных предметов следует отметить также каменные булавы. Изготавливались они из твердых горных пород – диорита, кварцита, долерита, порфира, базальта, реже – из мрамора и известняка. Наиболее древними среди них можно считать шаровидные булавы (I тип). Менее древними и наиболее характерными для Северного Кавказа, особенно его центральной части, являются булавы грушевидных форм (II тип). Булавы с выпуклостями (III тип) бытовали особенно долго, в I тысячелетии до н.э. Их в разных вариантах отливали даже в бронзе. Насаженные на древко (булавы имеют конические и цилиндрические сверлины), все типы булав являлись личным оружием (табл. 74, 16; 80, 51, 52; 83, 27–31).

Среди коллекций Северного Кавказа большое место занимают предметы, связанные с земледелием. Это зернотерки, песты, терочники. Они обычны для широкого круга культур эпохи бронзы.

Завершая описание изделий из камня, следует упомянуть бусы “рубленого” типа – небольшие уплощенные цилиндрики с неровными краями. Делали их из твердых минералов красивой окраски – обычно это сердолики разных оттенков. Менее часто встречаются бипирамидальные бусы из гагата (разновидность каменного угля) и бусины-подвески из просверленных речных галечек (табл. 74, 13, 14; 76, 7–15; 80, 49).

Очень редко украшения дополняют привозные (переднеазиатские) мелкие бусы серовато-зеленоватых оттенков, сделанные из стеклянной пасты.

Наиболее сложен вопрос о датировке описанных материалов. В вводной части уже говорилось о сложности любых хронологических членений. И все же необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Попытка В.А. Сафронова определять время бытования северокавказских древностей эпохи бронзы только на основании датировок отдельных кавказских вещей, найденных в степных курганах, в пределах XVI–XII вв. до н.э. (Сафронов В.А., 1974. С. 67, 170) из-за своей узости не может быть принята. Да и сам В.А. Сафронов, раскопавший ряд курганов на территории Краснодарского края и Северной Осетии, сейчас приходит к несколько иным выводам. Средняя бронза, в которой им выделяются два периода (ранний и поздний), дает, по его мнению, не менее шести стратиграфических горизонтов (16 ступеней), которые могут быть датированы от XX в. до н.э. и до конца XII в. до н.э. (Сафронов В.А., 1979. С. 11, 12). В суммарном виде эти датировки мало чем отличаются от хронологической шкалы, предложенной В.И. Марковиным (1960б. С. 48, 69, 84).

В настоящее время для датировки первого этапа

можно привлечь две даты по C_{14} : 2160 ± 60 лет до н.э. и 2060 ± 60 лет до н.э. (без калибровок). Они получены для погребения 10 кургана 32 и погребения 2 кургана 24 Усть-Джегуты (в обеих могилах лежали топоры кабардино-пятигорского типа, см.: Нечитайло А.Л., 1978а. С. 58). Майкопские черты первого захоронения и раннего облика могила в “сруб” во втором случае, позволяют относить начало существования северокавказской культурно-исторической общности приблизительно к последним векам III тысячелетия до н.э. (около 2300–2100 гг. до н.э.). Эта дата подтверждается типологическим и сравнительным анализом топоров и ножей. Об этом же свидетельствует сам факт появления к этому времени по всему Кавказу курганов, содержащих каменные насыпи. Интересно и то, что статуэтки, найденные в отдельных комплексах (о них уже говорилось), могут быть сравнимы с пластикой Триполья, Средиземноморья и датированы опять-таки рубежом III–II тысячелетий до н.э. (Марковин В.И., 1960б. С. 50; Нечитайло А.Л., 1978б. С. 182–185). Важен для датировки и тот факт, что среди довольно ранних материалов Чиркейского и Сигитминского поселений в Дагестане были найдены три кабардино-пятигорских топорика раннего облика, гладкого варианта (Гаджиев М.Г., 1975б. С. 25, 26).

Первый этап мог завершиться примерно к 1800–1700 гг. до н.э.

Второй этап, охватывая середину II тысячелетия до н.э. (ориентировочно 1700–1500 гг. до н.э.), дает наибольшее количество бронзовых изделий, которые еще А.А. Иессен и Е.И. Крупнов относили к расцвету эпохи бронзы (Иессен А.А., 1950. С. 198, 199; Крупнов Е.И., 1951. С. 40–43). Сейчас нет оснований как-либо менять подобную дату (скорее всего, любая передатировка может происходить лишь в сторону удревнения). Следует заметить, что на территории Прикубанья развитие местной горской культуры к концу этого этапа несколько меняется в связи с появлением степных племен – носителей предкавказской (катакомбной) культуры. Лишь в верховьях р. Кубань еще можно встретить памятники того времени, не подвергшиеся степному влиянию (Нечитайло А.Л., 1978б. С. 96–105).

Поздний, третий этап культуры может охватывать примерно 1400–1200 гг. до н.э. Даты этого этапа, несмотря на то что они были подвергнуты В.А. Сафроновым детальному анализу (Сафронов В.А., 1966. С. 23–30), требуют новой проверки в связи с тем, что вежи, завершающие бытование местных племен в эпоху бронзы, детально еще не изучены, как почти не изучено и оформление новой – кобанской культуры, расцвет которой уже приходится на эпоху железа (работы Е.И. Крупнова, Б.В. Техова, В.Б. Виноградова, В.И. Козенковой и др.).

Применение термина “северокавказская культурно-историческая общность” вместо более уста-

ревшего и более условного “северокавказская культура” обусловлено тем фактом, что на столь огромной территории, как Северный Кавказ с его зональными членениями, конечно же, не могло быть единой культуры, которая бы от края и до края развивалась равномерно и одинаково. Внутри общности могут быть выделены отдельные варианты, с накоплением новых материалов и при детальном изучении их можно будет рассматривать как особые, но близкородственные культуры.

К настоящему времени в северокавказской общности намечается несколько локальных вариантов. Условно назовем их прикубанским, верхнекубанским (“джегутинским”), кабардино-пятигорским, дигорским и прикаспийским. Каждый из них имеет свои характерные черты.

Памятники прикубанского варианта охватывают в основном центральную часть бассейна р. Кубань с такими мощными ее притоками, как реки Лаба, Белая, Уруп. Именно на этой территории найдены яркие погребальные комплексы, содержащие черты, характерные еще для майкопской культуры (Хатажукаевский аул, станицы Воздвиженская, Андрюковская, Псебайская и др.). До появления новых материалов, уточняющих характерные особенности местных памятников, можно говорить о замене на втором этапе скорченных костяков вытянутыми, об исчезновении гальки на дне могил. Основным типом погребальных сооружений для этого региона следует считать ямы (иногда облицованные деревом – ст-цы Константиновская, Келермесская и др.), но почти всегда в сочетании с камнями, образующими курганные насыпи, навалы над могилами и кромлехи.

К сожалению, до сих пор мало опубликовано материалов новых раскопок, поэтому затруднительно охарактеризовать специфические особенности хотя бы керамического материала. Но, скорее всего, для Прикубанья наиболее характерны стройные высокие сосуды IV типа. Тулово ранних сосудов покрыто сплошным узором (эта черта, пожалуй, характерна для наиболее древней керамики всей территории общности), а на втором этапе – только их плечики, причем превалирует орнамент в виде оттисков треугольного штампа и оттисков “веревочки”. Эти декоративные элементы образуют зубчатый узор, покрытый параллельными полосами. Его разновидностью можно считать бордюр из свешивающихся дуг. На третьем этапе с появлением носителей катакомбной – предкавказской культуры, сосуды приобретают приземистые формы. Возможно, некоторые из аборигенов в этот период также использовали для своих захоронений катакомбы – ранее неизвестный им вид могильного сооружения.

Верхнекубанский вариант детально еще не изучен. Раскопки А.Л. Нечитайло позволяют подойти к его выделению. Памятники, характерные для него, вероятно, займут верховья р. Кубани с такими притоками, как Большой и Малый Зеленчук. Ме-

стные курганы, как показала А.Л. Нечитайло, содержат большое количество камня. Исключение составляют лишь насыпи в тех районах, где камня практически нет (выходы к степям). Здесь на раннем этапе также чаще всего встречаются погребения в ямах, но снабженные заплечиками (на них клали перекрытия могил). Уже на раннем этапе в верховьях Кубани практиковались захоронения в вытянутом положении. К середине II тысячелетия до н.э. среди погребальных сооружений появляются каменные гробницы и ямы с закругленными углами. Вытянутое положение костяков преобладает и в это время, скорченность, возможно, под влиянием степных культур становится преобладающей лишь на третьем этапе.

Для керамики Верхнего Прикубанья в эпоху бронзы наиболее характерны довольно крупные округлые сосуды самых различных вариантов, относящиеся к IV типу. Орнамент у них располагается по плечикам и самой широкой части тулова. Это зигзаги, треугольные зубцы, сетка и пр. Нанесен он оттисками веревочки и штампами (Нечитайло А.Л., 1978б. С. 47, 48, 87, 98. Рис. 39). Для памятников двух указанных вариантов характерны бронзовые посоховидные и молоточковидные булавки.

Памятников Кабардино-Пятигорья в виде особой локальной группы были намечены уже давно (Марковин В.И., 1960б. С. 125, 126). Однако накопление новых материалов позволяет теперь рассматривать данный регион в виде особого локального варианта. Он охватывает районы Кавказских Минеральных Вод, прилегающую часть Ставропольской возвышенности и степные районы Кабарды. Изученные здесь погребальные памятники представляют собой ямы, которые часто завалены камнями или обложены ими. В насыпи курганов также содержится большое количество камня, а их основания окружены кромлехами (кромлехи в курганах Пятигорья, судя по наблюдениям И.С. Гумилевского, Э.В. Ртвеладзе, В.И. Марковина, С.Н. Корневского, могут иметь даже спиралеобразную форму с вписанными в них могилами. Возможно, эта черта является узколокальной (см.: Гумилевский И.С., 1951, 1952; Ртвеладзе Э.В., 1965; Марковин В.И., 1971. С. 37. Рис. 12; Корневский С.Н., 1990. С. 138, 139. Рис. 14, 15). Могилы этого времени содержат большей частью скорченные костяки, преимущественно с южной ориентировкой. Ко второму хронологическому этапу начинают преобладать вытянутые захоронения в прямоугольных ямах и склепах (ямах, обложенных камнями). Встречаются также каменные ящики (Чеченов И.М., 1969. С. 22–26. Рис. 5; Марковин В.И., 1971. С. 40). Ямы, склепы и ящики в качестве погребальных сооружений остаются характерными для данного региона и на третьем этапе.

Наиболее характерны для памятников Кабардино-Пятигорья сосуды первого и третьего типов, т.е. довольно приземистые горшки с отвернутым

краем и устьем, обращенным внутрь, а также сосуды “биконической” формы с четко выделенной шейкой. Ручки у них часто имеют полушаровидную форму (“энеолитического вида”), декор богат (оттиски шнура, налепы, узоры, нанесенные штампом) и покрывает в большинстве случаев самую выпуклую часть тулова сосудов. Реже встречаются сосуды с небольшим узорчатым пояском возле днища (такие сосуды более всего встречаются в районе Кавказских Минеральных Вод). Среди бронзовых украшений наиболее характерны молоточковидные и посоховидные булавки (Ртвеладзе Э.В., 1965; Газдапустаи Д., 1969. С. 142). Часто можно встретить здесь различной формы подвески и умбоновидные бляхи (Мизиев И.М., Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. С. 32. Рис. 19).

Некоторые особенности как в конструкции кромлехов, так и в системе орнаментации сосудов позволяют предполагать, что в дальнейшем район Пятигорья, пожалуй, может быть выделен в самостоятельную группу, но это дело будущего.

Дигорский вариант (“дигорская культура” по Е.И. Крупнову, “дигорская группа” по В.И. Марковину) охватывает в основном предгорные и горные районы Центрального Кавказа. Местные курганы в предгорных районах содержат групповые могилы, заваленные камнями, иногда перекрытые плитами. Встречаются также каменные склепы и ящики. В горных районах известны бескурганые могильники (у селений Верхний Кобан, Галиат, Чми и др.), содержащие каменные и даже деревянные склеповидные постройки.

Захоронения на всех этапах бытования местных племен почти всегда совершались в скорченном положении. Умерших, очевидно, окуривали, так как в могилах встречаются угольки. Для памятников дигорского варианта характерны сосуды II и III типов, довольно приземистые, с краями, обращенными внутрь устья, и сосуды “биконических форм”. Несколько реже встречаются высокие сосуды округлых форм (IV тип). Судя по небольшому количеству опубликованных образцов, орнамент очень богат. На ранних сосудах это – тонкие ленты из оттисков шнура, вдавленных и прочерченных полос (“елочный” узор, S-видные мотивы, углы и зубцы). В эпоху расцвета появляется еще более богатый декор, состоящий из самых разнообразных сочетаний отпечатков шнура, мелких налепов (иногда даже имитирующих в миниатюре “энеолитические” ручки). Керамика позднего этапа большей частью не орнаментирована.

Среди металлических изделий, характерных для дигорского варианта памятников, можно назвать булавки с “катушкообразными” навершиями (“сачхерского” типа), с огромными роговидными завершениями (с “волютами”) и часто покрытые выбитым (пунсонным) орнаментом, а также булавки в виде стержня с двумя-тремя отростками, отходящими от него под углом вверх. Конечно, намено-

вание данного варианта культуры “дигорским” условно. Оно может быть заменено более емким названием в процессе дальнейших исследований местных памятников.

Прикаспийский вариант (ранее “восточный” вариант, по В.И. Марковину) выделяется наименее четко. В основном его памятниками являются отдельные погребальные комплексы и случайные находки. Он занимает предгорную территорию Чечено-Ингушетии и нижнюю часть бассейна р. Сулак (Северный Дагестан; памятники, найденные здесь, требуют еще детального изучения). Вполне возможно, что некоторые группы носителей культуры данного варианта проникали по Прикаспийской низменности далеко на юг (курган “Ярти-Тюбе” у ст. Манас). Погребальные сооружения, характерные для варианта, многообразны. Это грунтовые ямы, подземные склепы, каменные ящики (Атаев Г.Д., 1986. С. 16–20). Керамика не имеет особых, характерных черт (Атаев Г.Д., 1991. С. 39–46). Пожалуй, среди нее преобладают горшки со слабоотогнутым венчиком (I тип), сосуды удлиненных, яйцевидных (тип IV) и баночных (тип VII) форм. Изредка встречаются обломки “биконической” керамики (тип III). В целом для посуды, которой пользовались носители прикаспийского варианта, характерны лощение, ручки полушаровидных (энеолитических) форм, довольно резкая профилировка корпуса. Керамика характеризуется также бедностью декоративных мотивов (это большей частью зубцы) – “шнур” часто дополнен налестками.

Могильники, которые дают описываемый материал, – грунтовый у сел. Галашки, курганные у ст-цы Нестеровской и г. Грозного (Ингушетия), у селений Ачикулак (Ставрополье), Миатлы, Тарки, Кяхулай (Дагестан) – немногочисленны. Изучены они пока слабо, исследование объектов подобного типа еще предстоит. О специфических особенностях местных металлических изделий говорить трудно. Скорее всего, это круглые и овальные височные кольца, подвески в виде ложечек и якорьков, мелкие булавки и подвески с волютами и дисковидными навершиями.

Здесь дана самая общая характеристика вариантов (возможных культур) северокавказской общности, носители которых являлись близкородственными племенами, скорее всего, очень далекими предками современного населения Северного Кавказа. Судить же о том, племена каких вариантов могли конкретно соответствовать тем или иным этническим и языковым семьям северокавказских горцев, довольно трудно, и этот вопрос может стать темой особого исследования. Конечно, надо помнить, что в древности имели место схождения между племенами, когда их культурные особенности могли стусшевываться и исчезать, возникали новые группировки со своими своеобразными чертами, поэтому полное сопоставление реконструируемых культурных вариантов с современным

населением Северного Кавказа весьма рискованно.

Добытые археологами материалы в общих чертах позволяют представить хозяйство и быт населения Северного Кавказа в эпоху бронзы.

В основе хозяйства местных племен лежали скотоводство и земледелие. Первое документируется отдельными находками костей домашних животных в захоронениях (могильники у Пятигорска, Усть-Джегуты, станиц Суворовской, пос. Холоднородниковского, сел. Чегем, Галашек и многих других). Трудно, пользуясь только материалом погребальных памятников, говорить о составе стад. Предположительно можно думать, что главным богатством у древнего населения являлся мелкий рогатый скот. Имеется ряд предметов, указывающих на это, – металлические изображения овец найдены в г. Кисловодске, в Холоднородниковском, Хасавюрте. Волюты-навершия булавок также можно рассматривать как стилизованные изображения овечьих рогов (табл. 86, 16, 17). Помимо овец, древнее население разводило крупный рогатый скот и лошадей. Среди домашних животных можно отметить еще собаку. Лошади и быки могли использоваться для перевозки тяжелых грузов на телегах, на что указывает находка хижины-повозки в Ульском кургане.

Обилие керамических находок древней посуды свидетельствует об оседлой форме ведения хозяйства, но это не означает, что древние жители Северного Кавказа не могли устраивать временные откочевки со своими стадами на высокогорные пастбища, что в конечном итоге привело к освоению высотных зон Кавказа.

Среди случайных находок и погребального инвентаря можно выделить серию земледельческих орудий – терочников, ладьевидных зернотерок, кремневых вкладышей для серпов, каменных мотыжек. Они являлись орудиями вспашки, уборки урожая и помолы зерна.

Уже говорилось, что могильные памятники содержат большое количество изделий из бронзы. По ним можно восстановить все процессы обработки металла – от отливки отдельных изделий в специальных матрицах и даже по восковой модели (предметы, богато украшенные выпуклым узором) до обработки их проковкой и подшлифовкой. Некоторые предметы покрыты также выбитым (пунсонным) узором. Это навершия роговидных булавок, полусферические и трапециевидные бляхи. Последние найдены в подкурганых захоронениях у пос. Нежинского близ г. Кисловодска и у ст-цы Петропавловской (Гей А.Н., Корневский С.Н., 1989. С. 270–278. Рис. 2, 4).

Помимо бронзы, древние жители Северного Кавказа изредка использовали серебро и золото. Так, серебряные полусферические бляхи были найдены в сел. Ардон, колечки и спиральки – в курганах ст-цы Чамльцкой, пос. Праздничного, с. Летникового; золотые кольца обнаружены в кур-

ганах сел. Нартан, ст-цы Новосвободной (впускное погребение). Можно предполагать, что древняя металлообработка базировалась на местной рудной базе.

При описании инвентаря уже говорилось о мастерстве в обработке камня. Такие изделия, как просверленные булавы и топоры “кабардино-пятигорского типа”, выполненные с огромным мастерством, указывают на прекрасный вкус древних жителей Кавказа. Они умели не только подобрать красивый камень (змеевик, кварцит, габбро, гнейс и пр.), но и прекрасно отполировать свое изделие, придав ему законченно-совершенную форму.

Очень трудно судить по отдельным отрывочным данным, полученным в основном только при вскрытии могильных сооружений, о социальном строе первобытных племен. Скорее всего, это были сообщества с патриархальными отношениями. Во главе племен могли стоять вожди, исполнявшие также жреческие функции.

О сложности культов мы можем сейчас только догадываться. Их полное осмысление, вероятно, невозможно. Однако обилие камня в могилах, окружение их охранными кольцами-кромлехами, засыпка могил охрой и угольками, сопровождение умерших различными вещами, указывает на многогранность верований древнего населения Кавказа.

Горцы Кавказа в эпоху бронзы не жили изолированно. Пастовые бусы цилиндрических форм, часто встречающиеся в могилах, являются предметами переднеазиатского и ближневосточного импорта, а антропоморфные статуэтки указывают на не очень еще ясные связи с населением Средиземноморья. Такие предметы могли поступать на Северный Кавказ через посредством жителей Закавказья. Горные перевалы, как и просторы Черного

и Каспийского морей, не являлись препятствием. В эпоху бронзы люди уже выходили в плавание. Они также хорошо знали суровые особенности высокогорных дорог. Явно под влиянием закавказских форм появляются у местного населения булавы с навершиями в виде катушек (сачхерских форм), как и кинжальные клинки с отверстиями для крепления рукоятки. В могильнике сел. Галашки (Ингушетия) был даже найден бронзовый топорик закавказского типа (Крупнов Е.И., 1950б. С. 92–94. Рис. 25, 3). Об определенной близости закавказских и северокавказских культур свидетельствуют и некоторые общие черты в погребальном ритуале – каменные насыпи курганов, кромлехи и каменные вымостки. Возможно, эти общие черты объясняются близостью религиозных представлений.

Следует еще упомянуть о связях с горным Дагестаном. Описанный выше прикаспийский вариант общности несет явные черты влияния культуры древнего дагестанского населения. Особенно это касается курганов в бассейне р. Сулак и некоторых памятников Прикаспия.

Без учета всех, очень бегло указанных здесь связей древних северокавказских племен трудно представить себе их быт и хозяйство. Население Северного Кавказа не жило изолированно, словно запертое в ущелья и долины, оно общалось и со своими соседями, обитавшими в степях, и с теми, которые находились по ту сторону Хребта – в Закавказье. Дальнейшие археологические работы, несомненно, позволят углубить и всесторонне расширить наши знания не только о повседневной жизни горцев Северного Кавказа, но и о тех исторических ситуациях, которые складывались в эпоху бронзы на всем пространстве Кавказского перешейка.

Глава 4

Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы

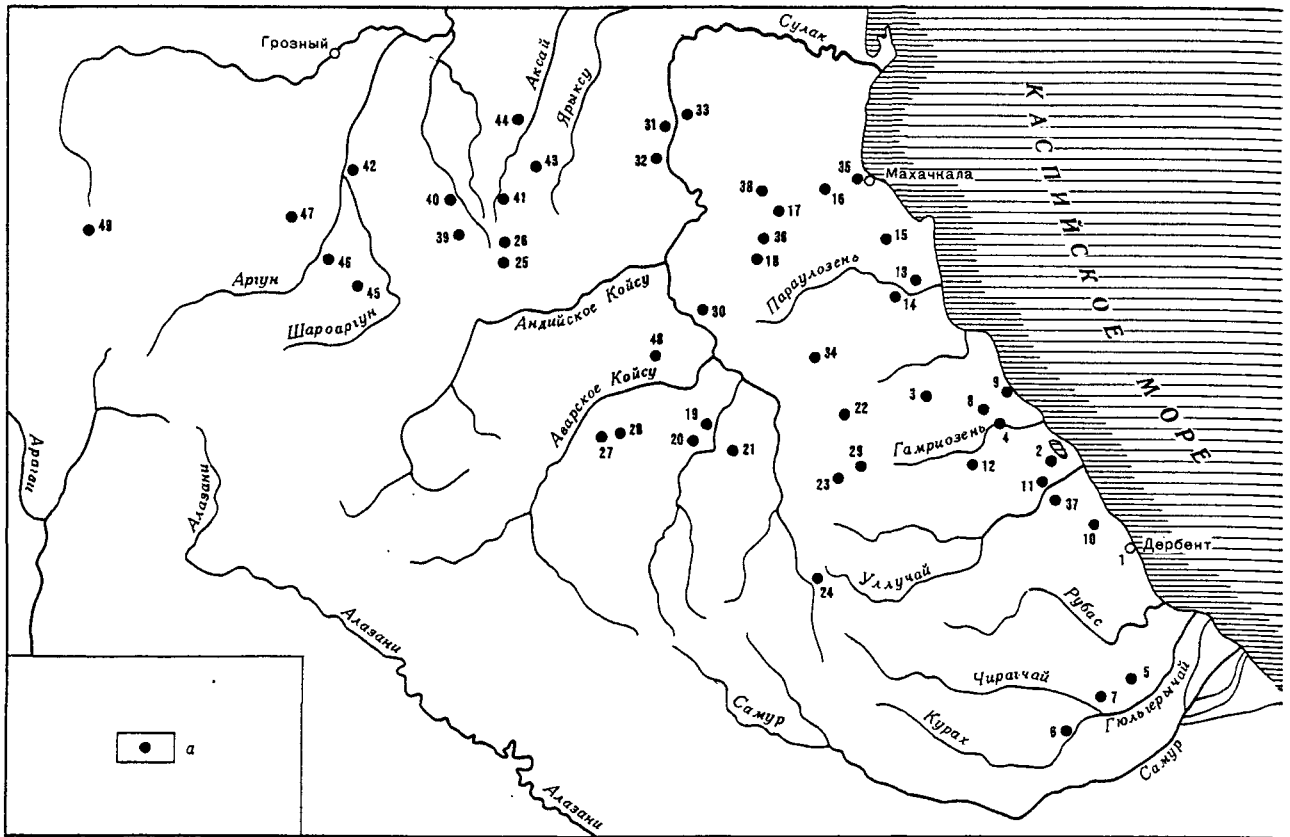
Северо-Восточный Кавказ (Дагестан, Чечня и Ингушетия) долгие годы интересовал ученых более всего как своеобразный этнографический музей. Только с 70-х годов XIX в. можно говорить о начальном этапе археологического изучения данного региона (Мунчаев Р.М., 1954. С. 5, 6), когда раскопки вели здесь случайные лица (И. Черный, Н. Нарышкин, М.-Б. Карчагский). Добытые ими материалы остались неизвестными.

Подготовка к V археологическому съезду и сам съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г., оживили интерес к древностям Северо-Восточного Кавказа. В плане археологических исследований, намеченных съездом, значилось изучение памятников первобытности. Работы, проведенные в те годы А.В. Комаровым, С.В. Штейном, А.А. Русовым, К.А. Байером и другими в районе Дербента, Дешлагара (ныне Сергокала), Чиркаты и других пунктов, позволили обнаружить весьма ранние курганные группы и отдельные могилы (Комаров А.В., 1882. С. 436–439; Штейн С.В., 1882. С. 476, 477; Русов А.А., 1882. С. 518 и след.). Эти ученые действовали с большим знанием дела. Многие памятники, обнаруженные ими, имеют прямое отношение к эпохе бронзы (Мунчаев Р.М., 1954. С. 7–9; Котович В.М., 1985. С. 59 и след.). Указанные работы были стимулированы V археологическим съездом (Майков Л., 1882; Мунчаев Р.М., 1959а. С. 12, 13). Однако после съезда лишь отдельные исследователи продолжали интересоваться древностями Северо-Восточного Кавказа. Это прежде всего Д.Н. Анучин, затем Г. Бапст, А.Н. Грен, Г.А. Вертепов, Е.И. Козубский, В.И. Долбежев, А.Л. Млокосевич. Некоторые из добытых ими материалов получили определенное обобщение в труде А.А. Иессена «Работы на Сулаке» (Иессен А.А., 1935. С. 34, 35). В нем учтены памятники, исследованные в конце XIX – начале XX в., относящиеся по времени от эпохи бронзы до средневековья (Мунчаев Р.М., 1959а. С. 12–14; Крупнов Е.И., 1960. С. 34–40). Только с 30-х годов XX в. оживляется интерес к памятникам эпохи бронзы. Здесь следует прежде всего указать на обследование, проведенное А.А. Иессеном на основе старых находок в бассейне р. Сулак и ее притоков. Это позволило ему говорить о заселении значительной части горного Дагестана еще в эпоху бронзы (Иессен А.А., 1935. С. 37). Можно также назвать работы А.П. Круглова, в которых систематизированы памятники Чечни и Дагестана, относящиеся к III – началу I тысячелетия до н.э. (Круглов А.П., 1940. С. 65; 1949; 1958. С. 30 и след.).

Дальнейшие работы по изучению древностей эпохи бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа были возобновлены лишь после Великой Отечественной войны. В 1947 г. в Дагестане проводится исследование Е.И. Крупнов (Крупнов Е.И., 1951б), а затем археологические изыскания в 1949–1951 гг. возглавляет К.Ф. Смирнов. Им же были написаны первые итоговые работы, которыми он внес важные коррективы в изучение эпохи бронзы Дагестана (Смирнов К.Ф., 1951. С. 226 и след.; 1952. С. 83–89). Отдельные крупные статьи, основанные на материалах, добытых К.Ф. Смирновым в районе сел. Карабудахкент и ст. Манас, были опубликованы совместно с Р.М. Мунчаевым (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 167 и след.; 1958. С. 147–175). В 1954 г. обследование горных районов Дагестана предпринимает Р.М. Мунчаев (Мунчаев Р.М., 1958. С. 41–49). В дальнейшем в работах постоянно действующей Дагестанской археологической экспедиции можно видеть таких исследователей, как В.И. Канивец, В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев и др. Уже работы этой экспедиции в 1955–1956 гг. позволили ввести в научный оборот новый археологический материал, с помощью которого в предварительном плане памятники эпохи бронзы дагестанских предгорий были разбиты на три этапа начиная с первой половины II тысячелетия до н.э. (Канивец В.И., 1957. С. 157–161; 1959. С. 49–51). Однако в дальнейшем новые материалы внесли некоторые изменения в обобщения, сделанные В.И. Канивцом в те годы.

В 1959 г. в Махачкале состоялась научная сессия, посвященная археологии Дагестана. На ней были подведены определенные итоги в археологическом изучении Страны гор. Поднятые на сессии темы, касающиеся вопросов каменного века, энеолита и эпохи бронзы, вышли за рамки Дагестана и позволили поставить широкие задачи по изучению всего Кавказского региона (Мунчаев Р.М., 1959б. С. 334–337).

Исследования древностей Чечни и Ингушетии того времени начались с организации Северокавказской экспедиции (начальник Е.И. Крупнов), когда один из ее отрядов в 1956 г. обнаружил могильник близ сел. Асланбек-Шерипово (Марковин В.И., Кузнецов В.А., 1961. С. 107–112), названный по имени ближайшей средневековой башни могильником Гатын-Кале. В дальнейшем довольно полно исследованный, он позволил заполнить определенный пробел и в общих чертах охарактеризовать культуру этой части Кавказа во II тысячелетии до н.э. (Марковин В.И., 1963а. С. 49–135).

Карта 6. Основные памятники Северо-Восточного Кавказа в эпоху бронзы

a – памятники эпохи бронзы; 1 – г. Дербент, 2 – сел. Джемикент, 3 – сел. Сергокала (б. Дешлагар), 4 – сел. Каякент, 5 – сел. Мамраш, 6 – сел. Гильяр, 7 – сел. Шаракун, 8 – сел. Утамыш, 9 – пос. Инчхе (Токачи), 10 – г. Дагестанские Огни, 11 – сел. Берикей, 12 – сел. Башликент (Шахсенгир), 13 – ст. Манас (Каркомахола), 14 – сел. Карабудахкент, 15 – сел. Уйташ, 16 – сел. Ленинкент, 17 – урочище Капчугай, 18 – г. Буйнакск, 19 – сел. Гуниб (Верхний Гуниб), 20 – сел. Ругуджа, 21 – сел. Чох, 22 – сел. Мекеги, 23 – сел. Усиша,

24 – сел. Кули, 25 – сел. Анди (Хабочу), 26 – сел. Гагатль (Галгалатля), 27 – хут. Гинчи, 28 – хут. Гоно, 29 – сел. Муги, 30 – сел. Ирганай, 31 – сел. Миатлы, 32 – сел. Старый Чиркей (Тадшоб), 33 – сел. Верхний Чирюрт (Сигитма), 34 – урочище Кизил-Яр, 35 – урочище Чампар, 36 – сел. Кафыркумук (Гентал), 37 – сел. Великент, 38 – хут. Экибулак (Чиркутан), 39 – сел. Харачой, 40 – сел. Ведено, 41 – сел. Дарго, 42 – сел. Дуба-Юрт, 43 – сел. Бельты, 44 – сел. Мескеты, 45 – сел. Хал-Килой, 46 – Гатын-Кале, 47 – сел. Харсеной, 48 – сел. Хунзах (Чинна), 49 – сел. Эгикал

Тогда В.И. Марковин относил этот памятник к “восточному” варианту северокавказской культуры, отмечая, однако, его большое сходство с дагестанскими древностями (Марковин В.И., 1960б. С. 64–66, 103; 1963. С. 135). В дальнейшем М.Г. Гаджиев еще раз специально обратил к находкам из могильника Гатын-Кале, рассматривая их как характерные для особой “гинчинской” культуры (Гаджиев М.Г., 1974а. С. 19–28). В 1966 г. в горной Чечне у сел. Харсеной исследовался еще один могильник, не менее важный для характеристики эпохи бронзы (Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979. С. 10, 11. Рис. 1).

Несколько позже в Чечне был открыт у сел. Бельты Ножай-Юртовского района Бельтинский могильник эпохи бронзы, давший важные материалы для изучения этой эпохи (Ерзункаева К.З., 1979б. С. 13–18; Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. С. 78–98).

Особенно продуктивными оказались исследования, проводимые дагестанскими археологами под руководством В.Г. Котовича. Работы отряда М.И. Пикуль в нагорном Дагестане в 1956 г. привели к открытию могильника Гинчи (расположен у одноименного хутора близ Тидиба), давшего богатейшие материалы для восстановления древнейшей истории всей восточной части Кавказа. Детально опубликованный М.Г. Гаджиевым, он послужил основой для общей характеристики всего региона (Гаджиев М.Г., 1962. С. 166–188; 1964а. С. 233–259; 1969). Не менее важны раскопки Гонобского могильника у сел. Тидиб. Здесь В.Г. Котович вскрыл многоярусные захоронения довольно раннего облика (Котович В.Г., 1961а. С. 25–36). Тут же следует отметить работы по изучению Верхнегунибского поселения эпохи бронзы, начатые В.Г. Котовичем, а затем продолженные В.М. Котович. Раскопки, которые были предприняты в

1957 г. и продолжались с перерывами до 1964 г., дали интересный материал для изучения не только бытовых черт, но и архитектурного искусства древнего населения высокогорного Дагестана (Котович В.М., 1961; 1965).

Подводя в 1960 г. некоторые итоги в изучении далекого прошлого Дагестана, В.Г. Котович и Н.Б. Шейхов вполне резонно отмечали как специфический характер культуры Дагестана в эпоху бронзы, так и возможность выделения в ней нескольких локальных подгрупп (Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. С. 338–341; Крупнов Е.И., 1964а. С. 7).

Последующие работы местных археологов позволили подойти к решению вопросов, касающихся хронологии древних памятников, их ареала, культурной принадлежности, хозяйства и быта дагестанских племен в эпоху бронзы (Котович В.Г., 1965. С. 5–13; 1982. С. 138–168; Котович В.М., 1965. С. 211 и след.; Исаков М.И., 1966; Гаджиев М.Г., 1974а. С. 25–28).

Полевые и лабораторные исследования памятников и археологических материалов Северо-Восточного Кавказа, проведенные в 70–80-е годы, дали возможность создать серию важных работ обобщающего и публикационного характера (Агларов М.А., 1974; Атаев Г.Д., 1974; Котович В.М., 1976; Гаджиев М.Г., 1974а; 1980б. С. 7–13; 1983а. С. 6–42; 1985. С. 10–22; 1986а. С. 22–37; 1987а. С. 5–17; 1987б; 1989. С. 23–45; Магомедов Р.Г., 1987. С. 22–32; Маммаев М.М., 1989. С. 53 и след.; Багаев М.Х., 1986. С. 66–74; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993 и др.). Ученые могли принять участие в написании многотомной “Истории Дагестана” (История Дагестана, 1967. Т. 1) и первого тома такого крупного издания, как “История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.” (История народов..., 1988. Т. 1). Однако еще нельзя сказать, что археологические материалы Северо-Восточного Кавказа изучены с предельной ясностью (Магомедов Р.Г., 1987. С. 22–31). Этого пока нет, хотя новейшие монографические исследования (Гаджиев М.Г., 1991; Магомедов Р.Г., 1992) дают достаточно четкое представление о тех процессах, которые происходили в этой части Кавказа в эпоху бронзы. Настоящая работа также может рассматриваться лишь как схематический очерк, требующий тщательных уточнений (карта 6).

Еще в эпоху бытования куро-аракской культуры на территории Дагестана появляется керамика, покрытая грубой обмазкой и “орнаментированная валиком, украшенным защипами или округлыми вдавливаниями”. Такую керамику Р.М. Мунчаев рассматривает как “наиболее специфическую особенность”, характеризующую дагестанский вариант куро-аракской культуры (Мунчаев Р.М., 1978. С. 189). Правда, М.Г. Гаджиев ее появление среди памятников относит к поздней фазе данной культуры (Гаджиев М.Г., 1987б. С. 28). Однако керамика с

грубой обмазкой становится характерной для всей эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Это обстоятельство указывает в первую очередь на непрерывность развития местных культур в эпоху бронзы и дает определенную ориентацию при их изучении.

Наибольший интерес среди археологических памятников Дагестана представляют древние поселения. Они обнаружены в разных зонах – от каспийских побережий и до высокогорных районов. К их классификации предложены разные подходы. Так, В.Г. Котович и Р.М. Мунчаев делят поселения на горные и равнинные, М.Г. Гаджиев – на постоянные и сезонные и, в свою очередь, на скальные и долинные. Выделяется и еще одна группа поселений, характерная для Прикаспийской низменности (Гаджиев М.Г., 1989. С. 23, 24, 33). Обратимся к приморью. Для нашей темы важно Джемикентское поселение, находящееся у сел. Джемикент в Южном Дагестане. Оно занимало холм длиной около 190 м. Поселение впервые раскапывалось А.А. Русовым, а затем А.П. Кругловым (Русов А.А., 1882. С. 595–601; Круглов А.П., 1958. С. 30–44).

Жилища, обнаруженные в Джемикенте, являлись землянками и полуземлянками, имевшими форму неправильных четырехугольников. Это отличает их от жилых построек круглого плана более ранних Каякентских (Геметюбе I, II) и Великентского поселений того же прикаспийского региона, у которых выступавшие над землей стены возводились из плетня и сырцового кирпича (Гаджиев М.Г., 1991. С. 164, 165). Несомненно, архитектура круглоплановых построек восходит к примитивным жилищам типа шатра, чума и т.д.

Устройство домов Джемикентского поселения относительно сложно. Каменные обкладки, проходившие вдоль одной из стен, являлись лежанками. Две землянки, раскопанные А.А. Русовым, соединялись небольшим проходом. Одна из них, лучше сохранившаяся, имела длину около 2,30 м (оставшиеся стены достигали высоты 1,06 м). Внутри другой землянки обнаружены остатки печи для выпечки хлеба (Русов А.А., 1882. С. 601). Третье жилище, исследованное А.П. Кругловым, также имело каменную обкладку (в один ряд), проходившую вдоль его стен. В полу были выкопаны две небольшие круглые ямы (диаметром около 0,50 м), предназначавшиеся для установки крупного сосуда и еще для каких-то неясных хозяйственных целей. На расстоянии около 2 м от стены устроен очаг в виде углубления (ширина его 0,4 м, глубина 0,10 м), “дно которого было выложено плоскими гальками”. Второй очаг (возможно, располагался вне помещения) находился на 1 м выше предыдущего (на древней дневной поверхности) и “имел четырехугольную форму и, подобно первому очагу, представлял собой вымостку из гальки, положенную... местами в несколько рядов” (Круглов А.П., 1958. С. 33).

Расположение Джемикентского поселения на

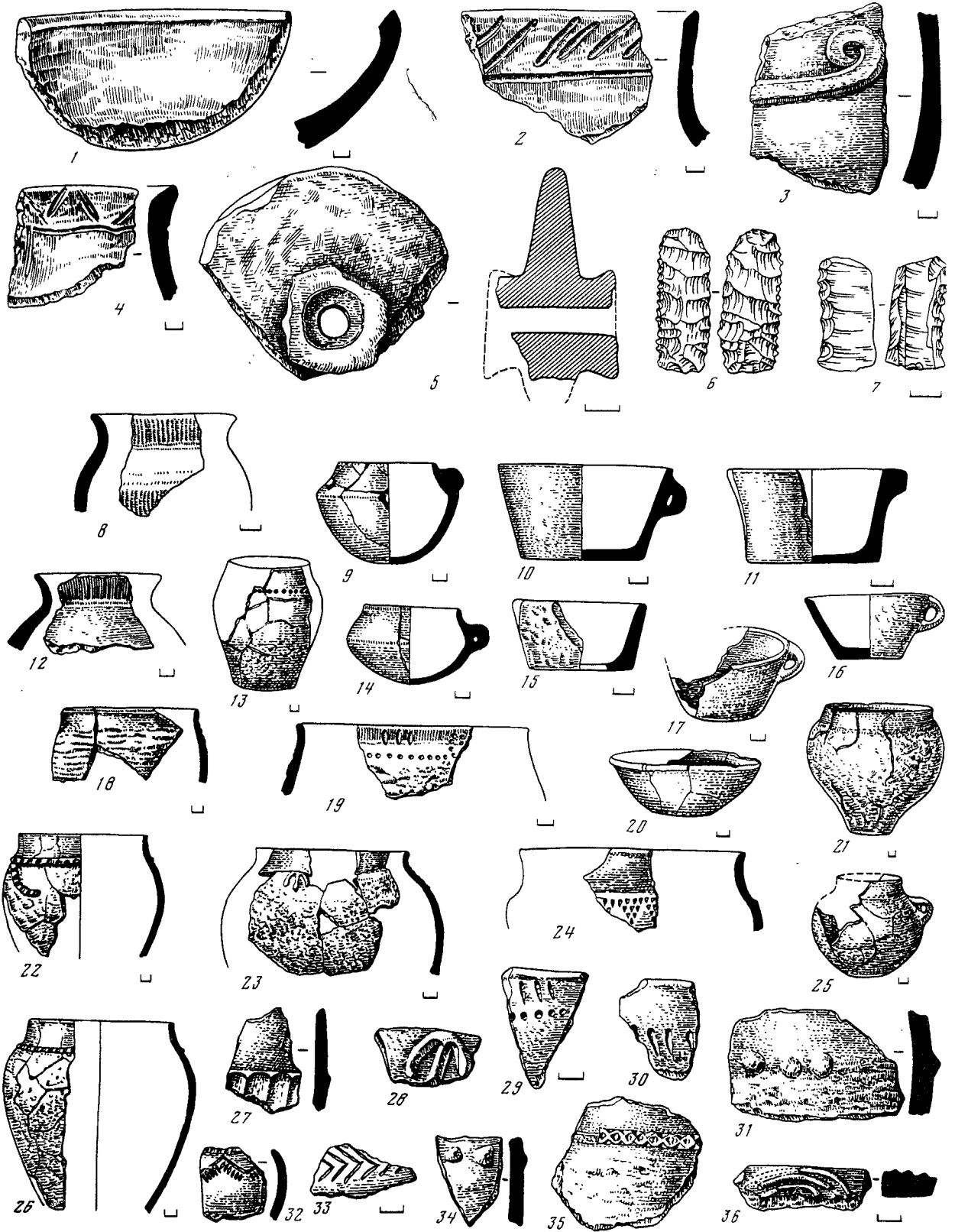

Таблица 87. Дагестан. Археологические находки с поселений

1-7 – поселение у сел. Джемикент (1-5 – керамика; обломки посуды и модель глиняного колеса; 6, 7 – кремневые вкладыши); 8-36 – Верхнегунибское поселение у сел. Гуниб

(керамика нижнего, третьего слоя); 1-7 по А.П. Круглову; 8-36 – по В.М. Котович

высоком холме не является чем-то необычным. На вершинах небольших всхолмлений располагались и такие поселения, как Мамраш, Ходжалкала, Гильяр, Шаракун и др. (Котович В.Г., 1959. С. 135; Котович В.М., 1964. С. 179).

Керамика, найденная в Джемикенте, изготовлена из глины комковатой структуры. Обжиг был неравномерным. Часть керамики имеет заглаженную и лощеную поверхность, а некоторые образцы – даже тканевую прослойку, что сближает их с куро-аракской посудой (табл. 87, 1). Среди восстановленных форм следует назвать неглубокие миски со слегка загнутым краем, некоторые из них возле устья имеют круглые отверстия. Наиболее крупные миски достигали в диаметре 37 см. Крупные горшки имели высокое горло, сильно утолщенное дно. Об их размерах можно судить по величине тулова, диаметр которого у некоторых образцов доходил до 53 см. Помимо этого, в Джемикенте найдены обломки небольших банок с округло-выпуклыми стенками, сосудов конической формы. Орнамент керамики несложен – отдельные косые и угловые нарезки, налепы (табл. 87, 2–4). Некоторые образцы посуды имели полушарные ручки и ручки-выступы (Круглов А.П., 1958. С. 34–43. Рис. 10, 11). А.П. Круглов среди керамических находок упоминает еще обломок модельки глиняного колеса от повозки (диаметр его 11 см.; табл. 87, 5) и круглые в сечении столбики, которые, по его мнению, могли служить основаниями статуэток (Круглов А.П., 1958. С. 37, 44. Рис. 8). Каменные орудия, обнаруженные в Джемикентском поселении, немногочисленны. Это кремневые и зубчатые вкладыши в серпы (табл. 87, 6, 7), долотовидное орудие и две довольно массивные зернотерки ладьевидной формы (длина их 48 и 60 см, ширина 25 и 27 см). Сделаны они были, скорее всего, из песчаника (Круглов А.П., 1958. С. 36, 43. Рис. 8, 9).

В главе о куро-аракской культуре неоднократно упоминались такие поселения, как Чиркейское, Чиркатинское, Сигитминское и др. Особенно интересны поселения, стоящие на хронологической грани между ранней и средней бронзой. Краткое ознакомление с некоторыми из них позволяет более полно представить пути становления горской архитектуры. Попутно рассмотрим археологические находки.

Обратимся к Чиркейскому поселению, находившемуся близ бывшего сел. Старый Чиркей. Оно занимало останец древней террасы по левому берегу р. Сулак. Здесь можно было видеть круглоплановые постройки диаметром до 5,20 м с входным коридором трапецевидного плана. Внутри помещения вдоль стен была сделана лежанка, а в центре его располагался круглый очаг. Найденные при раскопках предметы представлены крупными керамическими сосудами мягких округлых и яйцевидных форм, но с подчеркнута выделенной верхней частью, а также мисками и кружками. Ручки и орнамент на сосудах сохраняют энеолитический

облик. Уникальны находки глиняных плит-жаровен дисковидной формы и в виде сковороды с невысокими бортиками со сквозными отверстиями. Интересен набор металлических изделий – это наконечник копья с длинным насадом (изготовлен из чистой меди), тесло, нож ромбической формы, очковидные привески, сделанные из мышьяковистой бронзы. Упомянутые находки могут быть дополнены каменными орудиями труда, отдельными предметами из кости, кремневыми вкладышами для серпов (Гаджиев М.Г., 1983а. С. 15–23; Корневский С.Н., 1976. С. 40–44). Наличие круглоплановых жилищ сближает Чиркейское поселение с энеолитическими поселениями типа Гинчи. По характеру инвентаря и жилых остатков оно примыкает к Мекегинскому поселению, занимая как бы промежуточное положение между первым и вторым (Гаджиев М.Г., 1987б. С. 28–30; 1991. С. 145–147; Рис. 34, 35, 42).

Не меньший интерес представляет Сигитминское (верхнее) поселение. Оно расположено на правом берегу р. Сулак на горе Сигитма и занимает площадь около 500 кв. м (Гаджиев М.Г., 1991. С. 160–162. Рис. 48). Защищенное обрывом скальной гряды, оно состояло из углубленных в скалу жилищ (иногда лишь одной стороной жилое помещение врезано в скальную основу), стены которых были надстроены сухой кладкой. Одно из раскопанных помещений (№ 1) имело размеры 4 × 3,5 м. “Внутри жилища, – пишет В.И. Канивец, – направо от входа, у южной стены, находились печь и лежанка, высеченная в скале, а прямо, у восточной стены, располагался очаг” (Канивец В.И., 1957. С. 158).

В другом помещении (№ 3, оно углублено в скалу на 1,7 м, его площадь 5 × 4–3,8 м) обнаружен круглый очаг, окруженный глиняным кольцом (диаметр 0,7 м). Верхняя часть его, поддержанная камнем, покрыта выпуклым узором – стилизованными бараньими головками и кружками (табл. 88, 9). На Сигитме, помимо того, была обнаружена сводчатая печь почти квадратного плана (1,3 × 1,2 м), основание которой состояло из пода и находившегося “слева от него канала”. Такие печи служили для выпечки хлеба и сушки зерна (Канивец В.И., 1957. С. 158; Гаджиев М.Г., 1983а. С. 25). Интересно, что остатки одной из таких печей также были украшены нарезным и налепным орнаментом (современные жители Дагестана и сейчас часто украшают камин и печи резным живописным и налепным узором).

Кровля жилых помещений поддерживалась деревянными столбами, основания которых были закреплены в скальной основе. М.Г. Гаджиев обратил внимание на закругленные углы построек Сигитмы. Вполне возможно, что именно тогда происходила смена архитектурно-строительных традиций – переход от круглоплановых жилищ к прямоугольным (Гаджиев М.Г., 1987б. С. 30; 1991. С. 148, 149, 162. Рис. 49).

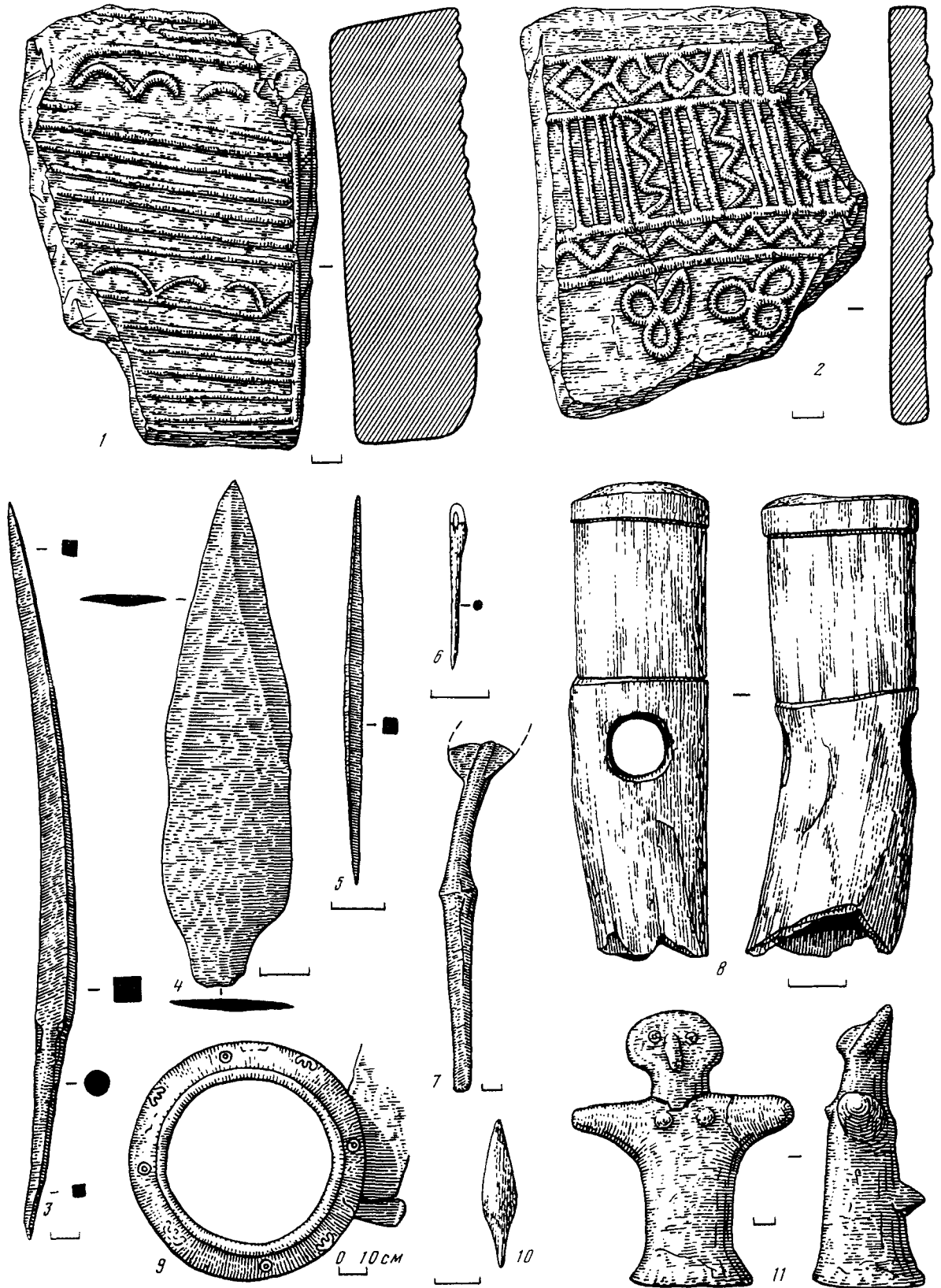

Таблица 88. Дагестан. Археологические материалы

1-6 - Верхнегунибское поселение (1, 2 - керамические рельефы; 3-6 - бронза; 1-3, 5 - нижний третий слой; 4, 6 - средний, второй слой, по В.М. Котович); 7-10 - Верхнее

Сигитминское поселение (7 - бронза, 8, 10 - кость; 9 - глина, по В.И. Канивцу); 11 - курган "Катарагачтапа" у Дербента, статуэтка из глины (по А.А. Русову)

Инвентарь, найденный на Сигитминском поселении, не очень велик. Это “орудия труда – каменные зернотерки, кремневый вкладыш серпа, костяные шилья и наконечник гарпуна, глиняные пряслица для веретена, оружие – обломок медного наконечника копья, очевидно, месопотамского происхождения, костяной топорик, кремневые и костяные наконечники стрел, своеобразные изделия из песчаника, обычно называемые “выпрямителями древков стрел”, и, наконец, большое количество обломков посуды” (табл. 88, 7, 8, 10) (Канивец В.И., 1957. С. 159). Следует выделить бронзовый наконечник копья с насадом, аналогичный чиркейской находке (Гаджиев М.Г., 1983а. С. 26, 27. Рис. 13, б), что же касается костяного топорика, то он мог быть муфтой для крепления каменного клинка. Керамика Сигитмы характерна для Дагестана эпохи бронзы. Она украшена отдельными налестками, снабжена ручками “энеолитического” типа (Гаджиев М.Г., 1983а. С. 28, 29. Рис. 14, 1–29).

Находки “выпрямителя стрел”, каменных топориков и посуды, покрытой шнуровым узором, могут указывать на достаточно ранние контакты с населением северокавказской общности.

Не менее интересны материалы поселения Галгалатли I у сел. Гагатль и временного, сезонного селища Чинна у сел. Хунзах, как и некоторых других бытовых памятников (Атаев Д.М., Кушнарева К.Х., 1966. С. 68–72; Гаджиев М.Г., 1983а. С. 31–37; 1991. С. 41, 42, 158–160). Однако все они не дают такого разнообразия и обилия материалов, как Верхнегунибское поселение. Оно представляет огромный историко-этнографический интерес, тем более что это поселение было обитаемо очень длительное время. Верхнегунибские комплексы не только дали богатейшую коллекцию архелогических находок, но и позволили изучить строительную технику древности, планировку зданий, способы возведения фортификационных сооружений. Это поселение является своеобразным музеем для изучения истоков и основных особенностей горской архитектуры.

Верхнегунибское поселение открыто в высокогорной части Дагестана и так названо по местности Верхний Гуниб, возвышающейся над сел. Гуниб (бассейн р. Кара-Койсу). Поселение занимает северо-западную часть плато, имеющего форму усеченного конуса и расположенного на высоте 2000 м. С севера оно ограждено отвесом скал, с востока и запада – ущельями. К поселению можно было подойти только с юга, хотя и здесь склоны плато поднимались вверх с уклоном до 45°. Судя по имеющимся данным, жители горного Дагестана в эпоху бронзы всегда стремились располагать свои поселки на местах, хорошо отвечающих целям обороны, – по горным склонам, на скальных утесах и вершинах (уже упоминавшиеся Сигитма, Чиркей, а также Усиша, Кули и др. См.: Котович В.М., 1965. С. 19, 20). Будучи расположенным на склоне горы, Верхнегунибское поселение имело террасо-

видную ступенчатую планировку. Однако с трех сторон (южной, восточной и западной) оно было окружено стенами, носившими оборонительный характер. Стены следуют рельефу местности (табл. 89). При их возведении заметно стремление крупные плиты известняка положить с краев, а пространство между ними забутовать более мелким камнем. Наиболее крупные плиты положены с внешней стороны. Толщина стен достигает 1,20 м, но расширяется по углам (Котович В.М., 1965. С. 59–65).

Архитектура Верхнегунибского поселения целиком соответствовала его ступенчатой планировке. Так, стены построек, проходившие поперек склона, имели большую длину (отдельные из них протянуты через все поселение, спускаясь постепенно вниз). Жилые помещения были довольно значительных размеров – до 36–42 кв.м. Возможно, центральная часть поселения не была застроена и использовалась в качестве загона для скота.

При возведении построек предварительно выравнивались площадки в скальной основе и для стен выбивались специальные гнезда шириной до 1,50 м (они шли поперек склона). Все работы велись насухо, но камни старались укладывать “в замок”, чтобы стыки отдельных блоков не совпадали. Стены пристраивали друг к другу впритык, без попыток как-либо связать их между собой (табл. 89, 2, 3). Покатость склона привела к тому, что внутри жилищ полом служили не одна, а две-три выровненные горизонтальные площадки. Самые верхние из них являлись лежанками (в одном из помещений найден печной канал, с помощью которого такое каменное ложе, прикрытое сланцевыми плитами, обогревалось). В некоторых постройках были обнаружены глинобитные двухкамерные, сводчатые печи (“коры”). Они служили не только для обогрева жилья, но и для приготовления пищи, просушки зерна, выпечки хлеба. В.М. Котович предполагает, что такие печи могли иметь специальные дымоходы. Для поддержания тепла в помещении служили открытые и углубленные в пол очаги. По краям они были обложены камнями (Котович В.М., 1965. С. 27–77). С южной, наиболее освещенной стороны построек находились входные проемы. Двери могли быть деревянными. С одного края они снабжались массивным стержнем с несколько выступающими концами. Последние закреплялись в своеобразных каменных “петлях”, укрепленных в пороге и притолоке дверного проема, обеспечивая свободное вращение (Котович В.М., 1965. С. 74). Задняя стена помещений была глухой. Над одной из построек, примыкавшей к скале, удалось обнаружить остатки кровли в виде поперечных бревен, перекрытых сверху плитами сланца и затем утрамбованной землей (Котович В.М., 1965. С. 71, 72).

Прежде всего это поселение дало возможность изучить целый комплекс вещей. По степени древности они могут быть разделены на три горизонта

Таблица 89. Дагестан. Верхнегунибское поселение у сел. Гуниб

a – камни кладки; *b* – глиняная масса; *v* – раскопанные участки стен; *г* – стены, выступающие на поверхность; *1* – общий план (черная заливка – раскопанные участки стен; штриховка – стены, выступающие на поверхность); *2* – план помещений

(жилищ) 1 и 2; *3* – план помещений 3 (решетчатая штриховка – обожженная глина); *4* – характер кладки оборонительной стены (вид с северо-востока). По В.М. Котович

(слоя). Самый древний слой – третий. В нем было обнаружено свыше 4,5 тыс. фрагментов посуды и отдельных изделий из глины. Посуда представлена двумя большими группами – с заглаженной поверхностью и покрытая обмазкой. В.М. Котович делит ее, в свою очередь, на столовую и кухонную. Это деление, конечно, условно, и здесь мы его придерживаться не будем. Среди керамики интересна серия небольших сосудиков шаровидной формы с низким горлом и без ручек. Высота их не превышает 8–10 см (табл. 87, 8, 12). Несколько реже встречались круглодонные, “с остроруберным перегибом” тулова, они были снабжены ручками (два сосуда имели выступы, заменявшие ручки). Диаметр тулова у этих сосудов до 8 см, высота 4,5–5 см (табл. 87, 9, 14). Особую категорию составляют миски с расширяющимся коническим устьем, они иногда снабжены ручками (табл. 87, 10, 11, 15–17, 20). Высота их не превышает 7–9 см, наибольший диаметр 19 см. Описанная посуда сделана из глины с примесью комочков известняка, она хорошо заглажена и даже порой залощена.

Еще более многочисленны горшки баночной формы (табл. 87, 13, 18), сосуды с округлым корпусом (типа кувшинов; табл. 87, 25), горшки с умеренно вздутым корпусом (табл. 87, 22, 23, 26) и даже напоминающие современные “чугунки” (табл. 87, 21). Величина их различна: диаметры тулова от 15 до 40 см, высота, определяемая условно, от 19 до 50 см. Дно у этих сосудов не всегда устойчиво, но оно хорошо сформовано и часто имеет закраину. Некоторые из них снабжены ручками. Вся эта посуда покрыта грубой обмазкой, исключение составляет лишь приустьевая часть, которая тщательно заглажена.

Орнаментика керамики довольно проста (табл. 87, 22–24, 26–36). Это налепной валик, рассеченный вдавлениями и насечками, отделяющий грубо обмазанную часть сосуда от сглаженной, рельефные трезубцы и шишечки, горизонтальный поясok из небольших вмятин, иногда поясok из вдавлений, образующих опущенные вниз зубцы. Все виды орнамента более всего характерны для сосудов, покрытых обмазкой, которая порой у границы с гладкой поверхностью (если нет орнаментального пояса) образует утолщенный бордюрок.

Нарезной орнамент состоит из слегка подштрихованных углов, горизонтально положенной “елочки” и других несложных элементов декора. Этот орнамент встречается и на заглаженной посуде (Котович В.М., 1965. С. 146–160. Рис. 52–56).

На поселении были найдены две обломанные глиняные фигурки животных. Они миниатюрны (3 × 2,5 × 1 и 3,8 × 2 × 1 см) и, скорее всего, изображают быков (табл. 90, 30, 31). В третьем слое были найдены также несколько обломков глиняных плиток (“кирпичей”) толщиной 5–5,5 см с рельефными изображениями полос, роговидных налепов и зигзагов, трехлепестковых розеток (табл. 88, 1, 2). Эти находки, как считает В.М. Котович, име-

ли культовое назначение (Котович В.М., 1965. С. 160–170).

Значительное место среди верхнегунибских находок занимают изделия из камня. Это мотыги, сделанные из галек, ступки, песты, терочники-курранты, клиновидные орудия, ладьевидные зернотерки (табл. 90, 32–43). Все эти предметы находят множество аналогий среди памятников Кавказа. Не менее характерны для эпохи бронзы кремневые вкладыши для серпов, снабженные режущими зубчиками (табл. 90, 24–29). Помимо них, в третьем слое найдены кремневые ножевидные пластинки, которые могли употребляться как режущие орудия. Среди предметов из кремня следует назвать еще девять наконечников стрел (табл. 90, 7–9, 11–15), обнаруженных в третьем слое, два из них имеют выемки у основания, остальные снабжены черенками (Котович В.М., 1965. С. 100–113, 124, 125). Следует тут же отметить, что для восточной части Кавказа более всего характерны именно черешковые наконечники стрел, выемчатые наконечники чаще встречаются в более западных его районах. Четыре кремневых наконечника имели округлые основания (табл. 90, 14). В.М. Котович считает, что они могли служить для осанстки дротиков. Интересна булава грушевидной формы, сделанная из арагонита – просвечивающего камня золотистого тона (табл. 90, 10). Предмет этот был обнаружен в помещении (Котович В.М., 1965. С. 133). Подобной формы булавы широко бытовали в эпоху бронзы.

Среди находок из кости можно видеть лошिला, шилья и притупленные острия (возможно, употреблялись в ткачестве) иглы с ушками, пряслица, игральные кости – альчики (табл. 90, 18, 19, 21, 22). Металлических – бронзовых предметов немного. Можно назвать четырехгранное шило, характерное для эпохи бронзы (табл. 88, 5), и штыковидный наконечник копья (табл. 88, 3).

Среди украшений, обнаруженных в древнейшем слое поселения, В.М. Котович упоминает костяную плоскую, коротко-цилиндрическую бусину и ее заготовку (табл. 90, 2), колечки (из трубчатой кости барана, табл. 90, 1), подвески из раковин каспийского моллюска *Didacna* и обломки оригинального костяного браслета, покрытого циркульным орнаментом. На руке он стягивался шнуром, продетым в отверстия (табл. 90, 20) (Котович В.М., 1965. С. 113–123, 137–145). Интересно, что, несмотря на разницу в характере построек и в зональном расположении поселений (Верхний Гуниб и Галгаллатли I – в глубинных нагорных районах, Чиркей и Сигитма – в регионах, открывающихся в степь, а Джемикент – в Прикаспии), в них найдены некоторые сходные категории предметов. Особенно это касается керамической посуды, и прежде всего мисок и чаш.

Здесь следует еще остановиться на погребальных комплексах, которые хронологически могут быть соотнесены с описанными жилыми комплек-

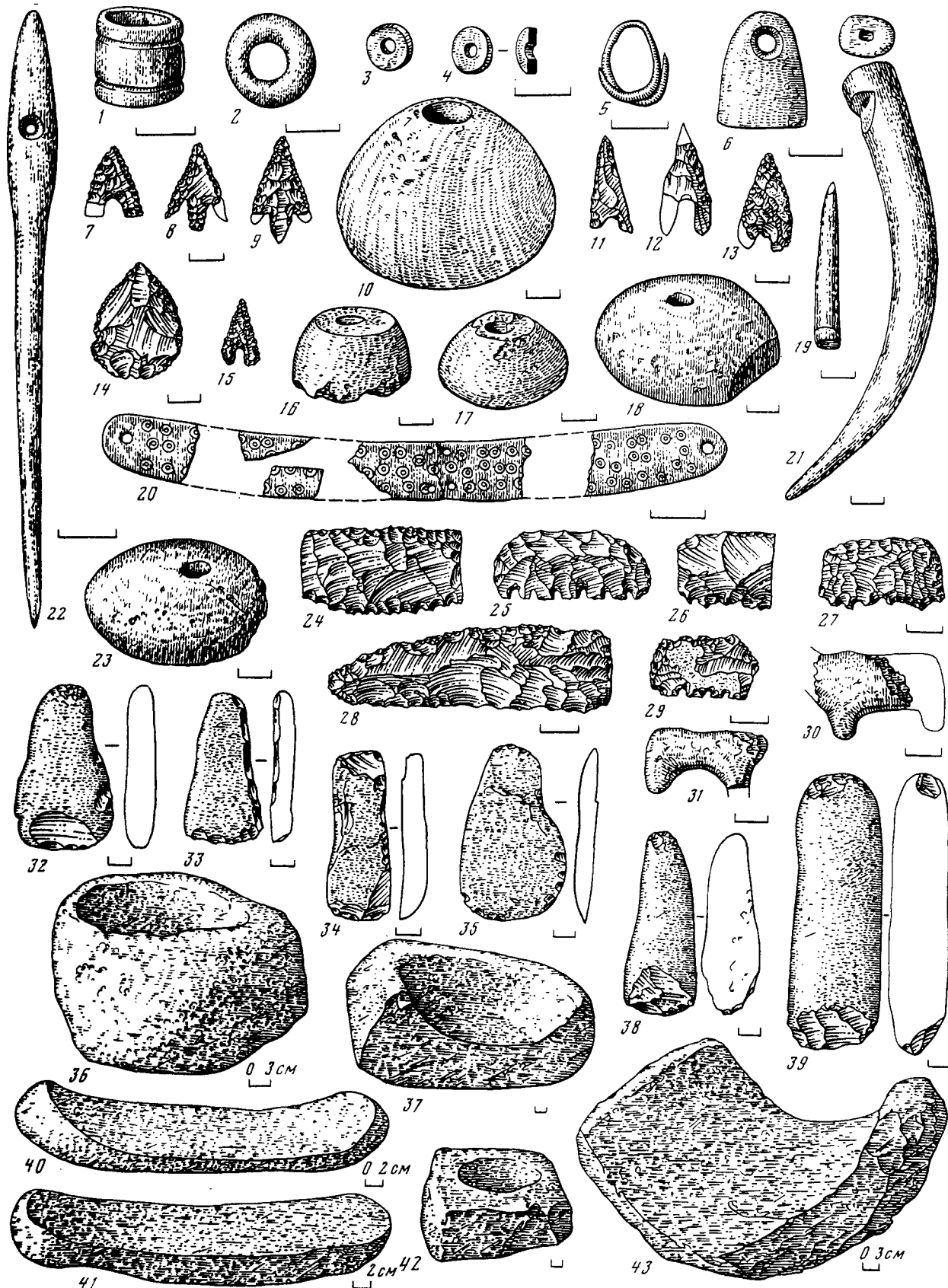

Таблица 90. Верхнегунибское поселение. Археологические находки (по В.М. Котович)

1, 2, 6, 16-23 – кость; 3, 4, 7-15, 24-29, 32-43 – камень (7-9, 11-15, 24-29 – кремль); 5 – бронза; 30, 31 – керамика; 2, 4, 7-10, 16, 19, 20, 21, 24, 26, 30, 32, 40-42 – нижний третий слой;

1, 5, 12, 15, 22, 23, 25, 27, 33, 36, 37, 43 – средний второй слой; 3, 6, 11, 13, 14, 17, 18, 28, 29, 31 – верхний, первый слой

сами. Раскапывая Джемикентское поселение, А.П. Круглов обнаружил несколько скорченных захоронений. Они были без инвентаря, однако исследователь считал, что их можно “синхронизировать с периодом жизни на Джемикентском поселении” (Круглов А.П., 1958. С. 45). К сожалению, эти погребения, подробное описание которых мы опускаем, не позволяют делать какие-либо широкие выводы. А.А. Русов, копавший курганы, сделал в двух из них интересные находки. В одном, называемом “Катарагач-тапа” (близ г. Дербент), среди разбросанных костей захоронения были найдены обломки керамических сосудов – “плошка”, красноглиняная миска и глиняная статуэтка с широким основанием (высота 13 см, размах рук 9,7 см; табл. 88, 11). Она изображала, как пишет А.А. Русов, “женщину, стоящую с распростертыми руками” (Русов А.А., 1882. С. 571). Обломки трех подобных статуэток и бронзовое тесло были обнаружены им же еще в одном кургане близ сел. Джемикент (Русов А.А., 1882. С. 600). А.П. Круглов упоминает эти находки как весьма ранние, синхронные Джемикентскому поселению (Круглов А.П., 1958. С. 44). Ранними считает их и Р.М. Мунчаев (Мунчаев Р.М., 1954. С. 7). Известны обломки статуэтки из поселения Великент (Гаджиев М.Г., 1990. С. 13. Рис. 2). Еще две глиняные статуэтки конической формы были найдены на древнем поселении, занимавшем холм на территории цитадели Нарын-Кала г. Дербент (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. С. 9). Действительно, подобные предметы вполне могут быть сопоставимы с широко известной поздне трипольской, среднеазиатской и средиземноморской пластикой, датируемой не ранее чем концом III тысячелетия до н.э. Однако наиболее оригинальные, хорошо сохранившиеся погребальные комплексы были обнаружены близ сел. Карабудахкент в 1950 г. Они получили одноименное с селением наименование могильника Карабудахкент II (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 148. Рис. 1). На его территории К.Ф. Смирновым были вскрыты три погребения. Наиболее уникально погребение 1. Оно представляло собой могильную яму овальной формы (2 × 1,7 м), вытянутую с запада на восток (табл. 91, А). Северная ее сторона была обрамлена камнями, а внутреннее пространство разделено на неравные части двумя грубо обтесанными плитами. В большем отделении могилы, возле полуколыца, выложенного толченым белым известняком, и у одной из плит, разделявших яму, даже за ее границами находились части плохо сохранившегося человеческого скелета. Судя по полному отсутствию анатомического порядка между отдельными костями, покойник был погребен в расчлененном состоянии. Это так называемое вторичное захоронение умершего (первоначально он был погребен в другом месте, а после разложения кости его положены в описываемую могилу). Внутри известнякового полуколыца (диаметр 0,7 м) оказалась ямка глубиной 7 см, заполненная углем, пеп-

лом и красной краской. В ней лежали две прямоугольные курильницы и небольшой сосудик. Возле черепа, находившегося возле полуколыца, найден рог козы. По краю могилы, с северной и западной части, и близ центра располагались 20 глиняных сосудов, под одним из них (в западной части) обнаружен медный нож (табл. 91, 1, 5, 8–14).

Два других погребения представляли собой грунтовые могилы, содержавшие по два скорченных костяка. В одном случае они лежали на левом боку, будучи головами повернуты на восток и юго-запад (женщина и ребенок), в другом – на левом и правом боку, лицами друг к другу (мужчина и женщина) и обращены к югу (табл. 91, Б). Инвентарь этих могил состоял из сосудов и отдельных медных (бронзовых) изделий – спиральных трубочек-пронизок, очковидной привески, иглы с ушком, обломков пластинчатых браслетов. Среди вещей лежали кости овцы и зуб коровы (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 148–154. Рис. 2, 6).

Анализируя погребальный обряд Карабудахкентского могильника II, Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов нашли возможным сблизать его с рядом западнокавказских и центральнокавказских памятников, древностями майкопской культуры и близких им. По этому поводу обоими исследователями был сделан следующий вывод: “Погребальный обряд племен Северного Кавказа, в том числе в Дагестане, вплоть до середины II тысячелетия до н.э. характеризуется целым рядом общих особенностей: сочетание различных обрядов захоронения покойников; подавляющее большинство погребений совершено в скорченном положении на левом или правом боку, с произвольной ориентировкой погребенных; наличие краски и костей мелкого рогатого скота в погребениях; подстилка дна могилы галечником или в редких случаях деревом; парные захоронения и др.” (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 157). Что же касается погребения 1, то кости были помещены в него, как пишут указанные авторы, “уже после достаточного исления трупа. Этим объясняется, пожалуй, и отсутствие некоторых костей в могиле”. Обряд вторичного захоронения имел место, вероятно, и в могиле кургана Катарагач-тапа, и в могиле близ перевала Кызыляр (Центральный Дагестан), раскопанной еще в XIX в. акад. Д.Н. Анучиным (Анучин Д.Н., 1883. С. 36; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 159). Интересны факты, отмеченные для вторичных погребений: это обычно мужские захоронения или могилы мужчины и женщины. Многие из таких памятников не содержат вещей. Обряд вторичных погребений особенно характерен для Дагестана (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 160), хотя спорадически он встречается и в других регионах Кавказа.

Инвентарь Карабудахкентского могильника очень выразителен. Это прежде всего керамика, изготовленная из хорошо отмученной глины с примесью толченого кальцита и шамота. Поверхность

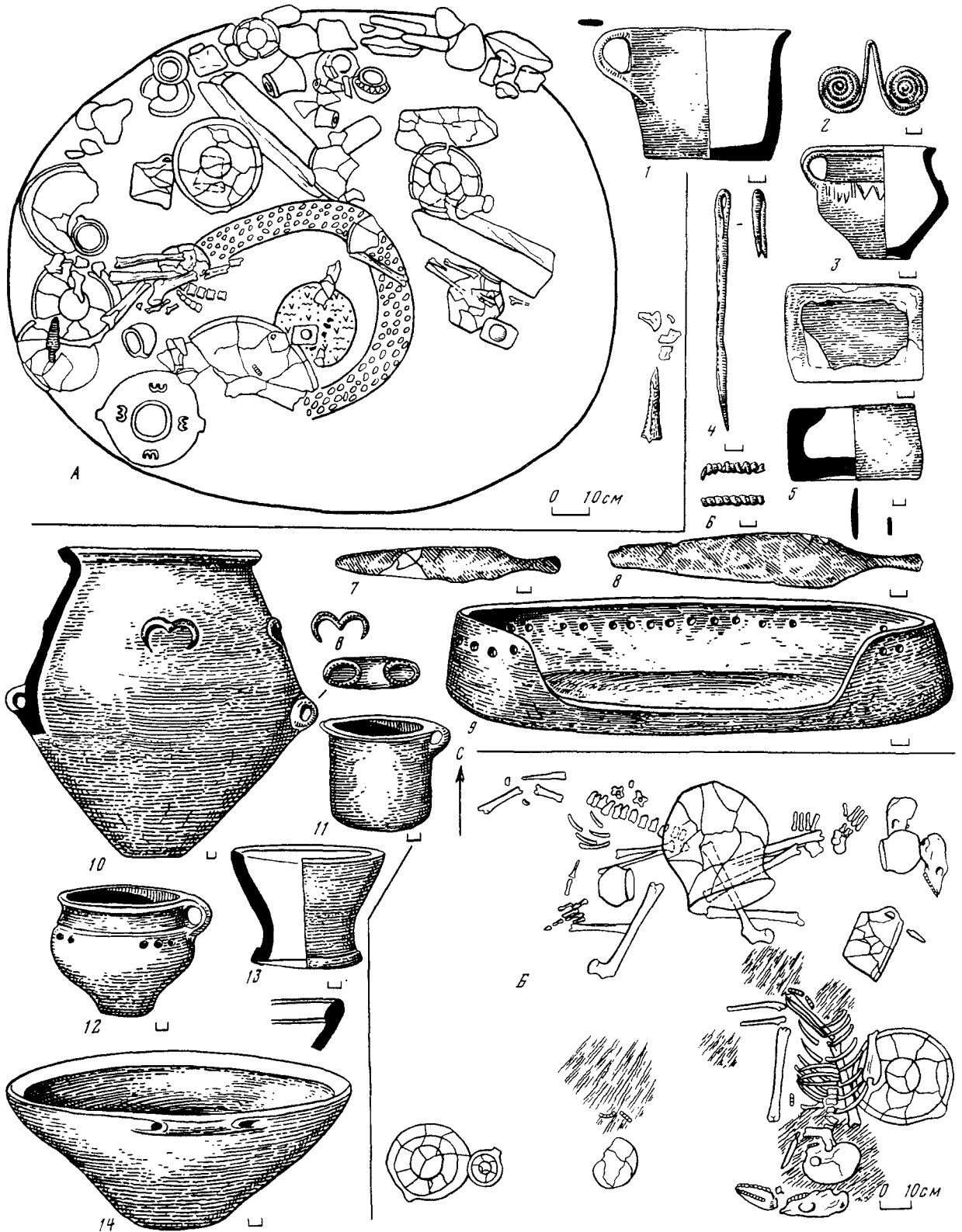

Таблица 91. Дагестан. Карабудахкентский могильник II (раскопки К.Ф. Смирнова в 1950 г.)

А – план погребения 1; Б – план погребения 2; 1, 5, 8–15 – предметы из погребения 1; 2–4, 6, 7 – предметы из погребения 2 (1, 3, 5, 9–14 – керамика; 2, 4, 6–8 – бронза)

у нее большей частью черная, с пятнами красного цвета, что объясняется неравномерностью обжига.

Среди сосудов можно выделить несколько характерных форм.

1. Сосуды биконической (яйцевидной) формы с малым дном и не очень широким устьем. Края венчика отогнуты. Шейка отделена от тулова выпуклым уступом. Высота наибольшего сосуда 33,6 см, наименьшего – 17 см. К тулову прикреплены по две ручки “просверленного” типа. Чуть ниже уступа расположены роговидные налпы (на одном сосуде их два, на трех других – по четыре (табл. 91, 10).

2. Кубки биконической формы (табл. 91, 3, 12), имеющие по одной лентовидной ручке, отходящей от устья. Дно узкое, устьевая часть почти в три раза шире его. Край венчика отогнут. Из восьми “кубков” три имеют уступ, отделяющий шейку от тулова. Орнамент в виде отдельных налп, углублений и прочерченного узора (свисающие и заштрихованные треугольники). Высота наибольшего кубка 12,1 см, наименьшего – 6,8 см.

3. Сосуды в виде кружек с почти прямыми стенками и лентовидной ручкой, отходящей от устья (табл. 91, 1, 11). Венчик отогнут. Высота самого крупного сосуда 19,2 см (диаметр устья у него 24,8 см. По форме напоминает кастрюлю), маленького – 7,5 см.

Все три типа имеют определенную близость с керамикой куро-аракской культуры (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 162–165).

4. Миски разных размеров (у наибольшей диаметр устья 34 см, у небольшой – 12,7 см). Они плоскодонны, снабжены одной ручкой (у самой крупной миски ручка лишь имитируется – табл. 91, 14). Эта категория посуды особенно характерна для Дагестана начиная со времени бытования куро-аракской культуры (Мунчаев Р.М., 1958. С. 166; Смирнов К.Ф., Мунчаев Р.М., 1975. С. 188).

5. Подставки усеченно-конической формы (табл. 91, 13). Основание у них довольно широкое, высота 9–10 см. Найдены в погребении 1.

Помимо этих находок, надо указать глиняную жаровню (табл. 91, 9) диаметром 32 см, сковороду-жаровню (диаметр 29 см) и два прямоугольных предмета, условно названные “курильницами” (9,6 × 6,5 × 5 см; табл. 91, 5). Интересно, что сковороды подобного типа сейчас известны из поселений Чиркей, Чинна (у сел. Хунзах), Геметюбе II, Сигитма и Галгалатли I (Гаджиев М.Г., 1983а. С. 19, 33. Рис. 9, 26; 16, 11; 1981. С. 23–25. Рис. 10; 1983а. С. 19, 24, 25. Рис. 9; 1991. С. 131, 137, 143, 146, 148. Рис. 22, 27, 28, 31, 34, 36).

Металлические изделия из Карабудахкентского могильника II довольно разнообразны. Это два листовидных ножа (один в обломках, он найден в погребении 2; табл. 91, 7; экземпляр из погребения 1 имеет длину 14 см; табл. 91, 8); кованая игла, ушная часть которой расплющена и прижата к стерж-

ню (из погребения 2, длина 13,7 см; табл. 91, 4); очковидная привеска, свернутая из проволоки прямоугольного сечения (из погребения 2, размеры 6,1 × 4 см; табл. 91, 2); обломки пластинчатых браслетов шириной 0,5 см (из погребения 2); бронзовые спиральки-пронизки (табл. 91, 6). Анализ металла указанных предметов не проводился, но, судя по очковидным подвескам из Чиркейского поселения, содержащим в составе бронзы, из которой они сделаны, 2,5–1,5% мышьяка (Кореневский С.Н., 1978. С. 42, 43. Рис. 2. Табл. 1), можно предполагать, что остальные предметы из могильника Карабудахкент I также могли быть изготовлены из мышьяковистой бронзы.

Карабудахкентский могильник Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов датировали первой половиной II тысячелетия до н.э. (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1988. С. 170). Сейчас эта дата может быть изменена в сторону ее удреждения. Если располагать материалы описанных поселений в таком порядке: Чиркей, Галгалатли I, Сигитма, Верхний Гуниб, которые датируются ныне от второй четверти III тысячелетия до н.э. и до последней четверти III тысячелетия до н.э., а Верхний Гуниб даже концом этого тысячелетия (Гаджиев М.Г., 1983а. С. 41, 42; Котович В.М., 1965. С. 245), то Карабудахкентский могильник можно отнести ко времени не ранее середины III тысячелетия до н.э., так как в нем действительно заметны те черты, которые Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов условно называют “майкопскими”.

Сравнивая материалы Джемикентского поселения и Карабудахкентского могильника, Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов отмечали факт принадлежности данных памятников “двум различным, но, вероятно, родственным племенам” (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 170). Здесь, конечно, идет речь и об их определенной синхронности.

С Карабудахкентским могильником может быть сопоставлен еще один памятник – Гонобский могильник, расположенный близ высокогорного сел. Тидиб. На его территории было обнаружено “наземное или слегка заглубленное в землю многокамерное сооружение”. Внутренние помещения разделены невысокими стенками, сложенными насухо из плит известняка (табл. 92, А, Б). “Каждая из камер, – как пишет В.Г. Котович, – следуя естественному уклону местности, расположена ниже другой, что придает всему сооружению характерный “ступенчатый” облик, столь естественный современной и древней архитектуре горцев” (Котович В.Г., 1961а. С. 25). Всего было изучено четыре камеры, две из которых служили для разведения ритуальных костров, а две другие – для захоронений (скальная ниша, в которую упиралось все сооружение, также служило местом погребений). Огонь в специальных помещениях возжигался с перерывами, о чем свидетельствует скопление каменных плит, которые перекрывали одну из камер и частично захватывали соседнюю. Над плитами обна-

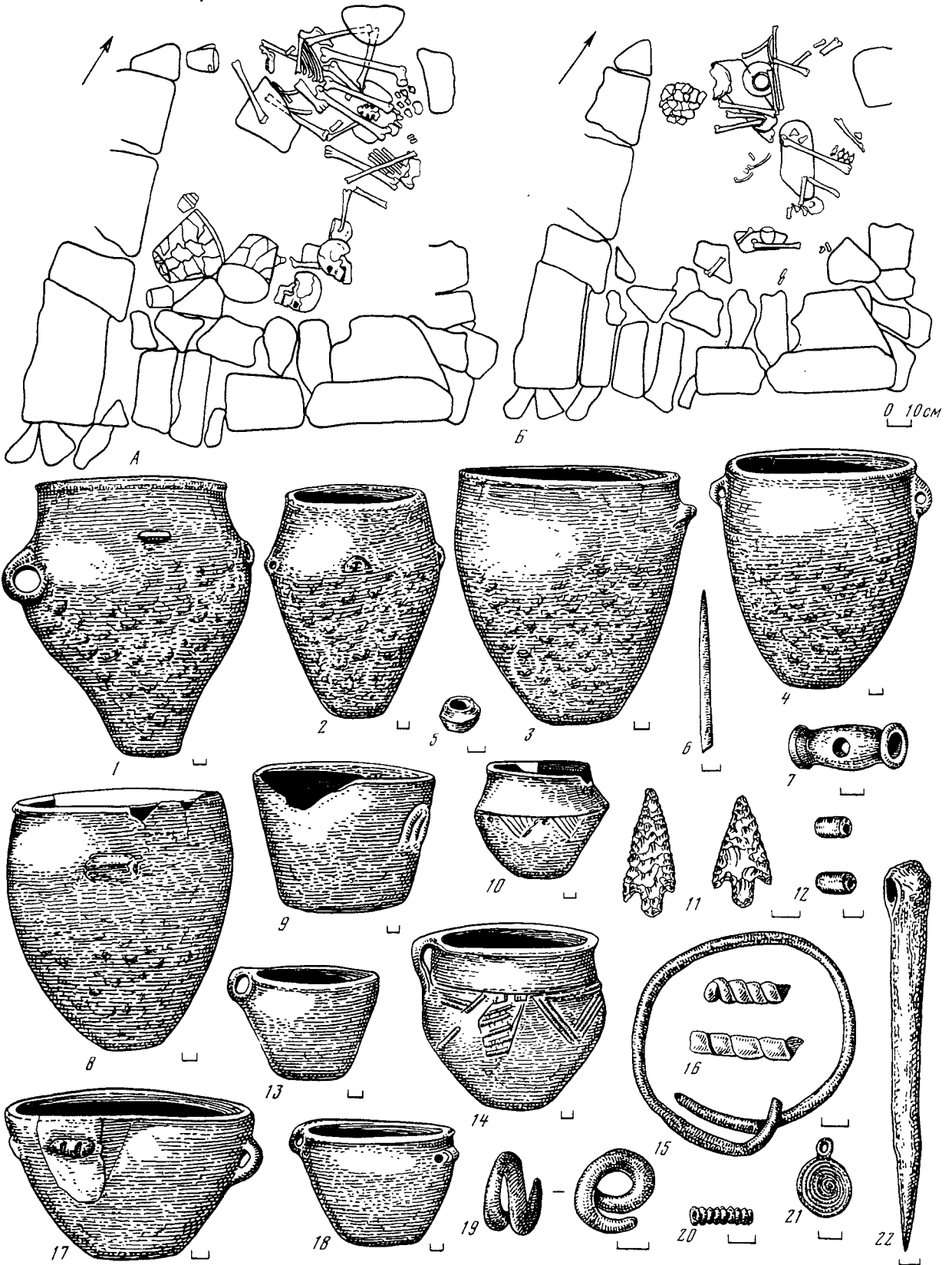

Таблица 92. Дагестан. Гоновский могильник (раскопки В.Г. Котовича, 1955–1956 гг.)

А – план погребений 12–14; Б – план нижележащего погребения 15; 1–24 – предметы, извлеченные из могильника

(1–4, 8–10, 13, 14, 17, 18 – керамика; 5, 15, 16, 19–21 – бронза; 6, 7, 12, 22 – кость; 11 – кремнь)

ружены остатки еще двух кострищ. В качестве топлива применялись дрова и кизяк. Раскопки погребальных камер позволили обнаружить 15 захоронений, и все они представляли лишь отдельные кости и черепа, далеко не всегда сохранявшие даже частичный анатомический порядок. Соответственно отсутствовала какая-либо специальная ориентировка умерших. В Гонобском могильнике имелось погребение, в котором вообще не было черепа. В.Г. Котович пишет: "Отсутствие следов повреждений на соответствующих костях исключает в этих случаях возможность декарнации и свидетельствует о том, что здесь имело место именно расчленение трупов, предполагающее известное знакомство с анатомией человека" (Котович В.Г., 1961а. С. 31). Вместе с тем не исключено, что отдельные захоронения Гонобского могильника могли быть потревожены в последующие эпохи и в новейшее время (Гаджиев М.Г., 1986а. С. 27).

Погребальный инвентарь Гонобского могильника близок Карабудахкентскому. Здесь найдены крупные, биконической (яйцевидной) формы сосуды (табл. 92, 1, 2), небольшие сосудики, напоминающие миски, сосуды почти цилиндрической формы (табл. 92, 9), но имеются также крупные сосуды с небольшим дном и плавно расширяющиеся кверху (табл. 92, 3, 4, 8), а также мелкие сосудики, петлевидные ручки которых слегка выступают за край венчика (табл. 92, 14, 18). Орнамент несложен: выпуклые "перевёрнутые трезубцы" (стилизованные овечьи головки), конические выступы, прочерченный узор из углов, опущенных вершиной вниз. Оформление ручек сосудов, как и их орнамент, находят сходство в керамике могильника Карабудахкент II (табл. 92, 1, 2, 10, 14, 17). Однако, как подчеркивает В.Г. Котович, "на гонобских яйцевидных горшках наблюдается прием обмазки тулова сосудов жидкой глиной не встречающейся, однако, на карабудахкентской керамике" (табл. 92, 1-4, 8) (Котович В.Г., 1961а. С. 36).

Металлические изделия, обнаруженные в Гоно, немногочисленны. Это височные подвески, свернутые в полтора оборота, спиральные пронизки: пластинчатые браслеты, биконические пронизки, полушарная подвеска с ушком, свернутая спиралью из проволоки (табл. 92, 15, 16, 19-21). Все эти находки изготовлены из меди с небольшим количеством примесей, главным образом мышьяка, — до 1,57-2,48% (Селимханов И.Р., 1960. С. 111-114; Котович В.Г., 1961а. С. 33-35. Табл. 1). Из других предметов следует отметить обломок костяной иглы (табл. 92, 6), "молоточковидное навершие булавки" (это, скорее всего, пуговица; табл. 92, 7), цилиндрические бусинки и массивную проколку, изготовленные также из кости (табл. 92, 12, 22), три кремневых наконечника стрел, снабженных черешками (табл. 92, 11), и пастовую бусину. Все эти находки (Котович В.Г., 1961а. С. 28-30, 32. Рис. 18) дополняют набор археологического материала.

Еще Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов, публикуя в 1958 г. Карабудахкентский могильник II, находили в нем определенные черты сходства с Гонобским комплексом. Они предлагали тогда выделить особую "дагестанскую карабудахкентскую археологическую культуру первой половины II тысячелетия до н.э." (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. С. 170. Примеч. 1). Эта мысль нашла затем определенное подтверждение в результате исследований В.Г. Котовича. Правда, он говорит о варианте культуры, а не о специфически особой и широкой культуре. Вот что В.Г. Котович пишет по этому поводу: "Постановка вопроса о выделении дагестанского варианта культуры эпохи ранней бронзы, условно называемой нами карабудахкентско-гонобской культурой, правомерна также и потому, что в последнее время она выявлена еще в ряде пунктов Дагестана (Сигитминское поселение эпохи ранней бронзы в предгорьях и нижние слои Верхнегунибского поселения в горах), что свидетельствует о ее довольно широком распространении" (Котович В.Г., 1961а. С. 36). Несколько раньше В.Г. Котович к этой же группе памятников (Карабудахкент-Гоно) причислял и ранние курганы, раскопанные в предгорной части бассейна р. Сулак у сел. Миатлы (Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. С. 333). Однако найденные здесь материалы, происходящие из подкурганных гробниц, очень близки древностям северокавказской общности. Так, керамика покрыта шнуровым узором, форма сосудов не менее характерна для соответствующих памятников и лишь отдельные детали керамического декора (сплошные наlepные валики у горловин сосудов) и некоторые находки (бусы из морских раковин и пр.) имеют чисто местные черты (Канивец В.И., 1959. С. 37, 38; Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. С. 60 и след.). Этот материал к тому же представляется более поздним и может быть отнесен к одному из вариантов северокавказской общности.

Итак, карабудахкентско-гонобские комплексы и близкие им послужили основой для выделения особой культуры, а затем варианта культуры Северо-Восточного Кавказа. Несколько позже эти же памятники стали рассматриваться как показательные для особого хронологического "карабудахкентско-гонобского этапа" в развитии эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Этот этап следует за куро-аракской культурой. Многочисленные аналогии, привлеченные для его опорных памятников, позволили В.М. Котович датировать данный этап "в пределах первой половины II тысячелетия до н.э. или конца III — начала II тысячелетия до н.э. и более конкретно — последними веками III — началом II тысячелетия до н.э. (Котович В.М., 1965. С. 245, 246). Сейчас датировка этапа может быть удревнена до середины III тысячелетия до н.э. (Гаджиев М.Г., 1987а. С. 17), причем название этапа в новейшей научной литературе не всегда звучит в виде совмещения названий указанных эпонимных

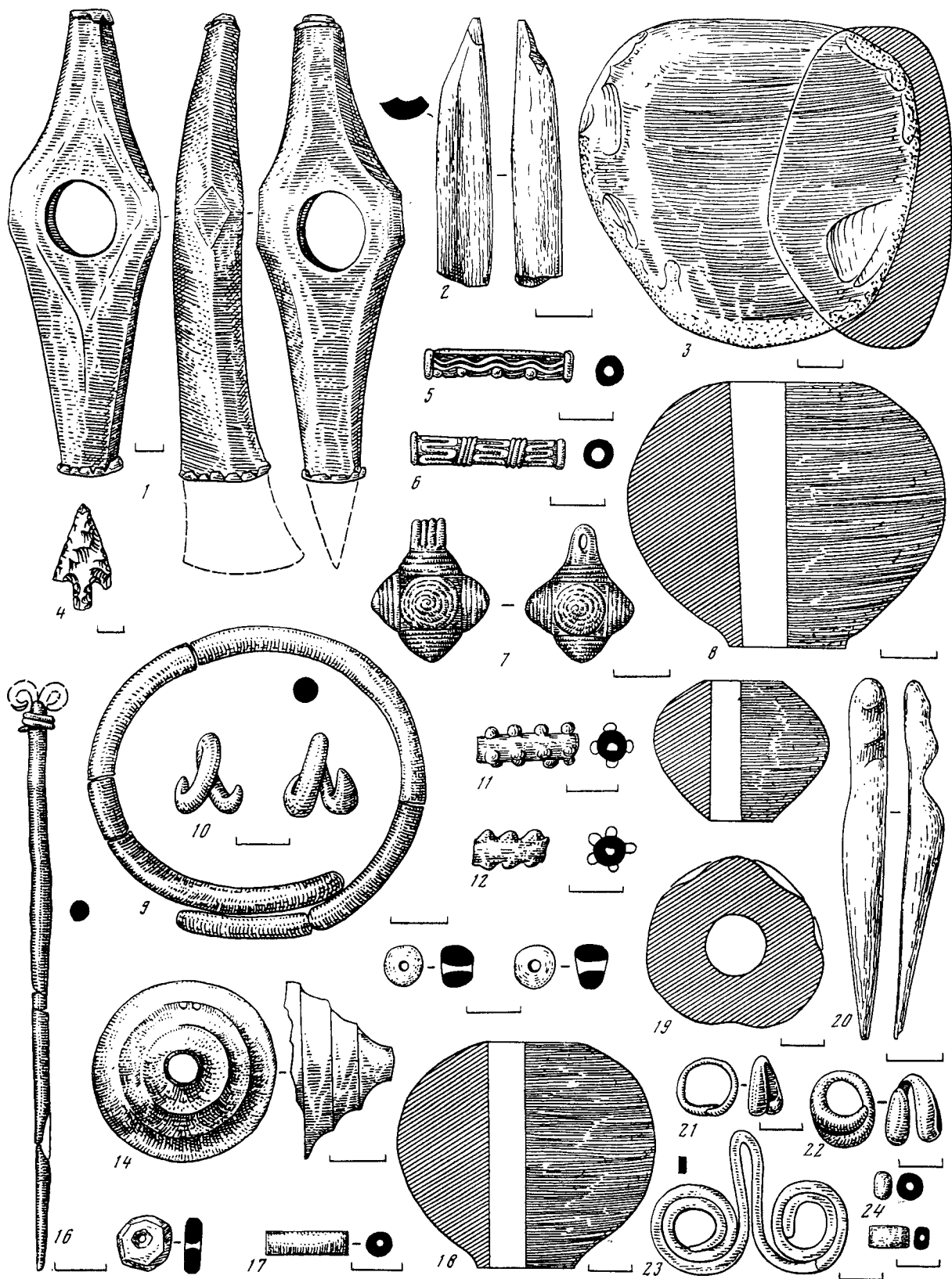

Таблица 93. Археологический материал из Дагестана (1, 4-24) и Чечни (2, 3)

1 – хут. Маакиб у сел. Ругуджа; 2, 3 – пос. у сел. Хал-Килой;
4 – уроч. Чувал-Хвараб-Нохо у сел. Ругуджа; 5-18 – курганы у сел. Утамыш (5-7, 9-17 – из кургана 1; 18 – из кургана 3);

8, 19-24 – ст. Манас (Каркома-хола); 1 – медь; 7, 9, 13, 15, 21-23 – бронза; 2, 20 – кость; 4 – кремень; 5, 6, 10, 14 – серебро; 16 – горный хрусталь; 11, 12, 17 – паста; 24 – сердолик

могильников. Так, ведущий дагестанский археолог М.Г. Гаджиев чаще всего выстраивает наиболее важные памятники эпохи ранней бронзы в виде хронологического ряда – от наиболее древних к более поздним: Мекеги (поселение, сохраняющее энеолитические черты), Чиркей, Галгалатли I (более поздняя фаза ранней эпохи бронзы), Чирката, Гоно, Чинна (возможный расцвет эпохи ранней бронзы. Сюда же можно отнести Карабудахкентский могильник), Сигитма (наиболее поздний этап этого времени), а в цифровом выражении – с конца IV тысячелетия до н.э. до завершения периода во второй половине III тысячелетия до н.э. (Гаджиев М.Г., 1983а. С. 39–42; 1987а. С. 15–17; 1987б. С. 28–30). Остальные памятники вписываются между ними. В новейшем исследовании М.Г. Гаджиева данная периодизация обогащена некоторыми новыми материалами поселений Геметюбе I, II и др., но существенных изменений она не претерпела (Гаджиев М.Г., 1991. С. 138–150).

Таким образом, довольно ранние памятники эпохи бронзы на территории Дагестана могут быть выделены в виде серии древностей. Они позволяют наметить основные успехи древних племен в хозяйственной деятельности и в духовной культуре. Следует заметить, что, помимо упоминавшихся памятников, описываемый этап характеризуют и некоторые другие. Таково Усишинское поселение, расположенное близ сел. Усиша. Здесь на скалистом мысу были найдены керамика описанного типа, кремневые черешковые и выемчатые наконечники стрел, вкладыши для серпов, бронзовая спиралька-пронизка и хрустальная бусина (Котович В.Г., 1960, отчет. С. 64, 65). К тому же времени, вероятно, можно отнести находку медного топора с обухом в виде клевца (табл. 93, 1) у хут. Маакиб близ высокогорного сел. Ругуджа. Здесь, по словам местных жителей, был найден клад, насчитывающий более 20 металлических предметов. К сожалению, они не сохранились (Котович В.Г., 1961а. С. 37, 38. Рис. 21, 4). Топор из Ругуджи, важный для датировки этапа, может быть сопоставлен с аналогичными находками, сделанными в Закавказье (Алаверды, Гюмри, Дманиси, Тианети). Будучи переднеазиатскими по своему происхождению, они могли попасть сюда не позднее второй половины III тысячелетия до н.э. (Котович В.Г., Котович В.М., 1973. С. 78; Корневский С.Н., 1978. С. 40, 41, 44), а значит, в пределы Дагестана – несколько позже. Из района того же сел. Ругуджа (местность Чувал-Хвараб-Нохо) происходит кремневый наконечник стрелы с черешком (табл. 93, 4) уже знакомого нам типа (Котович В.Г., 1961а. С. 37. Рис. 21, 3). Он был найден близ наскальных изображений (писаниц), состоящих из соляных знаков (“звездобразных розеток”), фигур животных и всадников (Дибиров П.М., 1959. С. 224. Рис. 18; 1966. С. 17, 99. Рис. 12). Как видно, и наскальные изображения, и археологические предметы (топор-клевец, наконечник стрелы), могут быть связаны воедино как

отражающие определенный культурно-исторический этап в развитии древнего Дагестана. Тем самым выявляется еще одна сторона в жизни древних горцев – использование живописи, вероятно, в первую очередь в культовых целях. Возникнув несколько раньше, искусство писаниц и наскальных гравировок получает небывалый расцвет в эпоху средней бронзы и несколько позже.

Для территории Чечни и Ингушетии мало известны древности данного времени. Таким памятником могут быть, к примеру, остатки жилого комплекса, обнаруженного в 1958 г. в Аргунском ущелье, у сел. Хал-Килой (Хал-Калой). Здесь были вскрыты следы сильно обгоревшей постройки, имевшей прямоугольную форму длиной 6 м. Обилие дерева со следами обмазки позволяет предположить, что жилище было турлучным, т.е. имело деревянный каркас, обмазанный глиной. Помещение делилось каменной перегородкой на две части, в одной из них сохранилось очажное углубление (0,28×0,20 м) с дном, выложенным небольшими камнями (здесь было устроено сооружение наподобие мангала). Тут же лежал крупный камень, вероятно служивший для сидения. Пол жилища был выложен обломками каменных плит, вдоль стен проходило возвышение – вероятно, лежанки.

Находки, сделанные в Хал-Килое, немногочисленны (табл. 93, 2, 3); это кварцитовый пест-герочник, обломок зарнотерки, каменные подделки со следами сколов, слегка подшлифованные речные гальки, костяная проколка, обломок медной пластины. Целых сосудов не было. Керамика с толщиной стенок до 1 см покрыта грубой обмазкой, более тонкостенные обломки горшков имеют гладкую, черную поверхность (Марковин В.И., 1961б. С. 49, 50. Рис. 14, 1, 2).

Особняком стоят обнаруженные в Дагестане курганы, получившие название Утамышских. Они расположены близ сел. Утамыш (урочище Токачи у р. Инчеозень). В погребальной яме кургана 1, окруженной каменным кольцом – кромлехом, была обнаружена деревянная конструкция в виде сруба, перекрытая бревенчатым накатом. Внутри нее находилась деревянная четырехколесная повозка с помещенным на ней “саркофагом” (табл. 94, А).

Интересны некоторые детали. Так, сам сруб имел не менее шести венцов и был собран из расколотых пополам бревен. Их затесанные, плоские стороны обращены внутрь (длина сооружения 3 м, ширина 2,6 м). Сохранились колеса погребальной телеги. Они изготовлены из трех массивных брусьев, соединенных внутренними шипами, и обладают сильно выступающими ступицами. “Саркофаг” представляет собой колоду длиной около 2 м. Сделана она из двух половинок ствола (диаметром не менее 1,2 м), выдолбленного изнутри. В другом кургане (№ 3) также был найден сруб с колодой – “саркофагом” (длина ее 2,25 м), положенной на дно могильной камеры (табл. 94, Б). В колоде первого

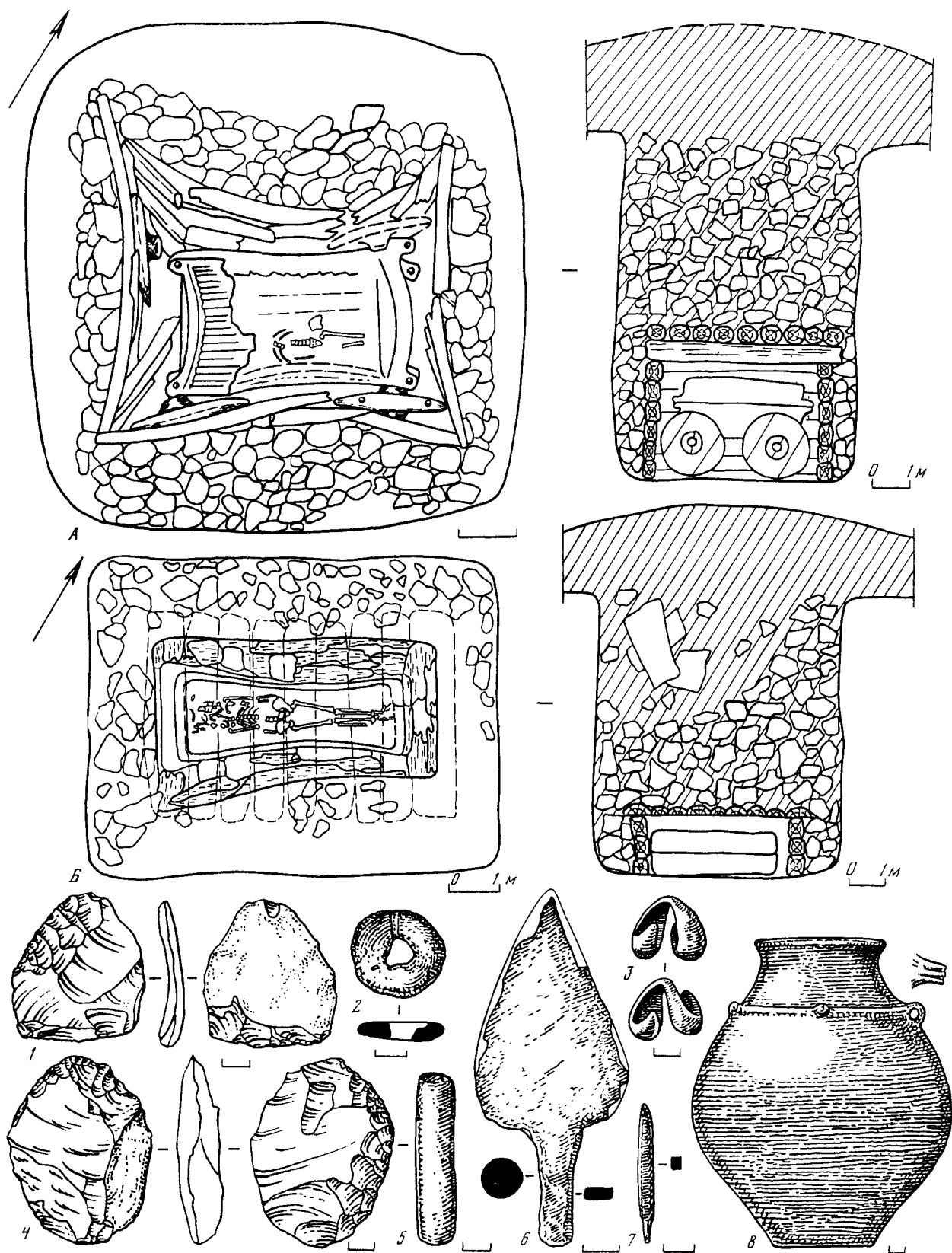

Таблица 94. Дагестан. Курганы у сел. Утамыш

А – погребение в кургане 1 (план и разрез); Б – погребение в кургане 3 (план и разрез); 1, 3, 8 – инвентарь из кургана 3; 2 – из кургана 1 (1, 4 – кремьнь; 2 – раковина; 3 – золото; 5 – кость;

6, 7 – бронза; 8 – глина). По В.Г. Котовичу, В.М. Котович, С.М. Магомедову

кургана находились останки женщины, лежавшей головой на запад. Ноги у нее были согнуты в коленях и приподняты вверх. В другом кургане колода содержала вытянутый мужской костяк, лежавший на спине и также обращенный головой на запад.

Инвентарь Утамышских курганов довольно богат (табл. 93, 5–18; 94, 1–8). Особенно интересны украшения женского захоронения. Это две золотые двухлопастные подвески, серебряные височные кольца, свернутые в полтора оборота, бронзовые браслеты с заходящими друг за друга концами и булава с двуволютным навершием, три серебряные трубочки-пронизки, украшенные рельефным (чеканным) геометрическим узором, бронзовые подвески крестообразной формы. Этот набор дополняют бусы из горного хрусталя, пасты, меди и бусы-колечки из каспийских раковин (табл. 93, 11–13, 16, 17; 94, 2). Однако и захоронение мужчины имело значительный инвентарь (табл. 93, 18; 94, 1, 3–7), состоявший из бронзового клинка, навершия булавы (коричневый мрамор), костяного стержня, двух точильных брусков (песчаниковые речные гальки), бронзового шила, кремневых заготовок (среди них обнаружены два наконечника дротиков). Под колодой с мужским костяком лежал залощенный глиняный горшок с уступом, отделяющим шейку от тулова (табл. 94, 8). По форме и орнаменту (три налпные шишечки на уступе) он напоминает соответствующую категорию посуды Карабудахкентского могильника II (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980. С. 53).

Описанные курганы исследователи справедливо датируют концом III – началом II тысячелетия до н.э., приводя довольно широкий круг аналогий. При этом авторы раскопок упоминают Беденские курганы (Грузия, работы Г.Ф. Гобеджишвили), в которых были обнаружены “деревянные склепы”, сложенные из вертикально поставленных кругляков. На территории Дагестана Утамышские курганы аналогий пока не имеют. В начале 80-х годов XIX в. в местности Чампар (к северо-западу от Махачкалы у западной оконечности горы Анджиарка) К.А. Байер копал курганы (Труды V АС, 1887. С. XXX; Архив ИИМК РАН. Ф. РАО. Д. 634. Л. 1–3), в которых были найдены захоронения в срубках. Однако описание их настолько поверхностно, что переиздававший этот материал Д.М. Атаев с некоторым сомнением отнес их к памятникам срубной культуры “в пределах равнинного Дагестана, в районе древнейшего мирового пути” (Атаев Д.М., 1970. С. 351–357).

Упомянув Чампарские курганы, мы лишь хотели подчеркнуть уникальность материала, добытого при изучении Утамышских комплексов. Именно эта особенность Утамыша и наличие в нем срубных конструкций, не находящихся параллелей в Дагестане и вообще на Кавказе, послужили поводом для высказывания, что разнообразие погребальных сооружений в Дагестане эпохи бронзы, с одной стороны, может отражать “этническую пест-

роту обитавшего здесь в ту пору населения”, но с другой – являться показателем определенных связей населения, оставившего срубные захоронения на Кавказе, с “ранними памятниками срубной культуры Поволжья” (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980. С. 54, 55). Трудно сейчас предполагать, как будут интерпретироваться подобные памятники по мере накопления более обширного материала, но, скорее всего, вопрос о связи с так называемыми срубными племенами Поволжья отпадет сам собой, так как могильные конструкции из дерева известны и среди памятников майкопской культуры, северокавказской общности и даже среди погребений кобанской культуры. Можно думать, что первое предположение исследователей наиболее вероятно – Утамышские курганы отражают этническую особенность какой-то племенной группировки, жившей по среднему течению р. Инчхеозень. Важно и то, что материалы Утамышских курганов в определенной степени связываются с Карабудахкентским могильником, знаменуя дальнейшую эволюцию местной материальной культуры. Они позволяют заметить также еще больший отход от старых куро-аракских традиций прежде всего в керамическом производстве.

Однако изменения медленно, но происходили и в мире вещей, повседневно окружавших человека, и в строительной технике. В этом отношении особенно показательны не только комплексы рассмотренных выше курганов, но и материалы Верхнегунибского поселения, к которым нам снова предстоит обратиться. Речь пойдет о среднем слое, вскрытом на этом поселении. Здесь, вероятно, стоит напомнить, что жизнь на нем продолжалась в течение длительного времени, что привело к определенным изменениям в характере жилищ и окружающей бытовой обстановке. Длительность жизни на поселении привела к возникновению “последовательно пристроенных друг к другу смежных жилых помещений” (Котович В.М., 1965. С. 22). Однако строительная техника развивалась слабо, о чем свидетельствует тот факт, что два помещения (1 и 2) без особых перестроек просуществовали на поселении до того момента, когда его покинули жители. В них были найдены напластования разного времени. Второй (средний) культурный слой достигал мощности до 1 м. В тот период внутри некоторых помещений происходили отдельные перепланировки (сооружались новые входы, воздвигались отдельные небольшие стены, устраивались новые печи). Подмечено, что именно в то время появляются уступы в дверных проемах, применяется более аккуратная техника в кладке стен (с тщательной подгонкой плит) и т.д. (Котович В.М., 1965. С. 3, 39–46).

Второй слой Верхнегунибского поселения сохранил большое количество керамики. Формы посуды, по-видимому, становятся разнообразнее, поверхность ее покрыта обмазкой и затем сглажена.

Лощение встречается реже, чем на керамике нижнего (третьего) слоя.

Ранее уже упоминавшиеся миниатюрные сосуды округлых форм встречаются здесь реже. Некоторые образцы имеют небольшие петлевидные ручки (табл. 95, 3). Редко высота их превышает 8 см. Большим количеством образцов представлены почти круглодонные чашки с перегибом и более округлых форм. Они довольно приземисты, венчик у них почти не обозначен, устье широко. В высоту чашки достигают 8 см, диаметр их до 12 см. Ручки на таких сосудах редки, они петлевидной формы и в виде выступов (табл. 95, 6).

Миски (“плошки”) конических и более округлых форм в отличие от своих древних прототипов кажутся вытянутыми за счет уменьшения диаметра устья (в высоту достигает 7–9 см при почти таком же диаметре устья). Некоторые из них имеют петлевидные ручки-выступы. Отдельные экземпляры такой посуды покрыты грубой обмазкой (высота до 12,5 см, диаметр устья до 14 см, табл. 95, 7–9, 12). Во втором слое был найден поильник (“чайник”) с округлой псевдоручкой и носиком для слива (табл. 95, 11). Его высота 4,6 см.

Встречены также горшки баночной формы со слегка округлыми туловом и чуть суженным устьем, сильно закругленной формы и с широким отвернутым венчиком (типа “корчаг”), а также горшки округло-биконической формы, иногда достигающие в высоту более 30 см (табл. 95, 1, 2, 4, 5). Почти все они покрыты обмазкой (сглажена лишь шейка).

Орнаментация на посуде не очень сложная. Мелкая посуда украшена рядами косых врезов, крупные сосуды имеют рельефный узор в виде валика с насечками или пальцевыми вдавлениями, а также “двузубые” налепы и конические выпуклости. Изредка на них встречаются вдавленные полосы в виде “лежащей” елочки (табл. 95, 13, 15, 16). Большинство типов посуды “продолжает бытовать на всем протяжении существования Верхнегунибского поселения, свидетельствуя, с одной стороны, о преемственности местных традиций, а с другой – о приспособленности их к конкретным условиям быта” (Котович В.М., 1965. С. 170–180, 188). Среди отдельных керамических находок следует отметить прямоугольную очажную подставку (13,3×2×1,7 см) с выступающими краями (табл. 95, 14) и заготовку пряслица (табл. 95, 10).

Предметы из камня, происходящие из второго слоя (наконечники мотыг, ладьевидные зернотерки, кремневые вкладыши для серпов и пр.; табл. 90, 25, 27, 33, 36, 37, 43), мало чем отличаются от аналогичных предметов более раннего горизонта. Однако тут были найдены более крупные зернотерки, причем терочниками для работы на них могли служить отдельные экземпляры орудий ладьевидных форм. В этом же слое найдены две ступки (из известняка и песчаника), служившие для дробления зерна, и более мелкие (табл. 90, 36,

37) – для растирания минеральных красителей и пр. Интересно, что во втором слое не найдены перешкковые наконечники стрел из кремня. Их заменил новый тип – наконечники, снабженные выемкой (табл. 90, 12, 15). В качестве вооружения им сопутствуют дротики, оснащенные массивными кремневыми наконечниками листовидной формы (типа, изображенного на табл. 90, 14).

Костяные орудия второго слоя мало отличаются от предыдущего. Это острия (проколки, иглы, ложила, пряслицевидные предметы (табл. 90, 22, 23). Коллекция находок может быть дополнена бронзовыми шилом, сделанным из куска металла четырехугольного сечения, и листовидным клинком, который мог служить и наконечником копья и, может быть, даже кинжалом (табл. 88, 4). Длина его около 18 см, ширина до 5 см. Этот предмет, находящийся аналогии в довольно ранних памятниках всего Кавказа, может быть датирован концом III тысячелетия до н.э.

Украшения немногочисленны. Это бронзовая височная подвеска в полтора оборота, колечки и булавка, сделанные из кости. Булавка имеет “вешевидное” навершие с отверстием (длина ее 11,5 см и напоминает металлические булавки. Этот материал (Котович В.М., 1965. С. 101 и след.) дает возможность отметить некоторую смену предметов архаического облика на новые серии, которые затем бытуют почти до конца II тысячелетия до н.э. Так, в материалах второго слоя появляются выемчатые наконечники стрел, крупные зернотерки, булавки с дисковидным навершием. Происходящие некоторые изменения в керамических формах и декоре. В.М. Котович указывает на смену орнаментального “трезубца” (стилизованной головки барана) на “двузубец” и превалирование налепного валика в качестве украшения сосудов (Котович В.М., 1965. С. 205, 206).

К сожалению, мы не имеем большой возможности дополнить материалы Верхнегунибского поселения другими данными. Здесь можно, пожалуй, вспомнить раскопки поселения Галгалатли II у сел. Гагатль. Они позволили обнаружить остатки подпрямоугольных жилищ, сложенных из рваного камня и напоминающих верхнегунибские постройки. Обнаруженные фрагменты керамики также близки Верхнему Гунибу (Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. С. 81–83. Рис. 1). Интересно поселение у хут. Хабочу, близ сел. Анди. Здесь были замечены следы каменных построек и скопление керамики. Среди нее выделяются лишь горшок с петлевидной ручкой (высота 12,5 см), миска почти конусовидной формы с небольшой плоской ручкой (диаметр устья 25 см, высота 13,5 см) и обломки крупных сосудов с налепным валиком и небольшим дном. А.П. Круглов считал, что это поселение позволяет говорить о наличии в “горных районах Дагестана особого варианта” культуры эпохи бронзы (Архив ИИМК РАН. Д. 41. Ф. 35, 1938. Л. 7,8; Круглов А.П., 1958. С. 94). Он был прав. Н:

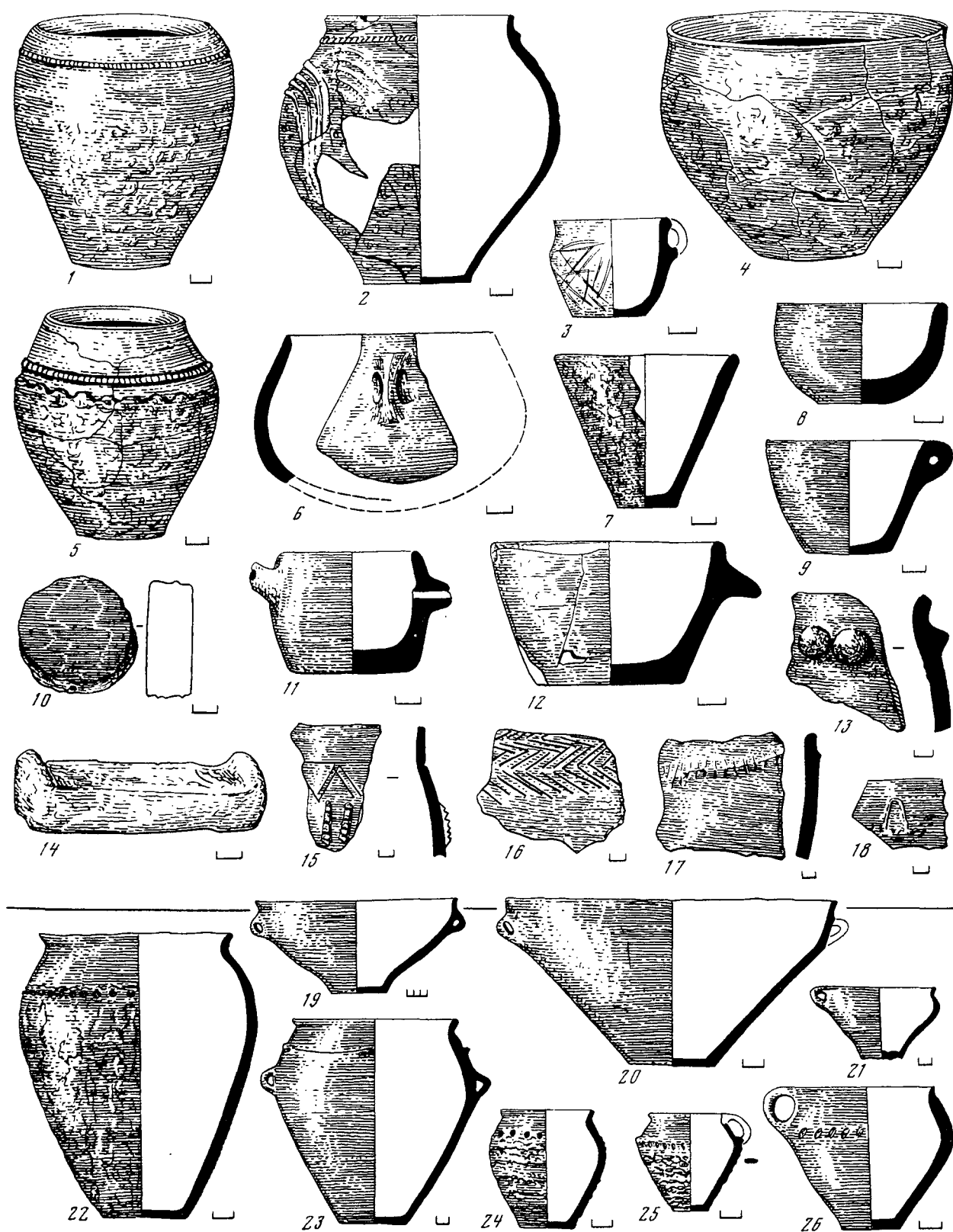

Таблица 95. Дагестан. Керамика памятников эпохи бронзы

1-18 - Верхнегунибское поселение, второй (средний) слой, по В.М. Котович; 19-26 - ст. Манас, катакомба 2 кургана 3. По К.Ф. Смирнову и Р.М. Мунчаеву

специфика памятников горных районов познается путем сравнения их с древностями предгорных зон и низменности. К сожалению, это не всегда легко сопоставимые объекты. Обратимся снова к приморью.

В 1950–1951 и 1977 гг. в зоне первых предгорных поднятий, свободно открытых в сторону Каспия, исследовался курганный могильник. Он находится в урочище Каркомахола возле ст. Манас, в долине р. Манасозень (Смирнов К.Ф., 1952. С. 85–88; Федоров Г.С., 1977. С. 22–25). Местные курганы содержали катакомбы, сильно углубленные в материковый суглинок.

Манасские курганы не очень велики – диаметр их 15–16 м, высота до 1,5 м. Под насыпями находились кромлехи. Наиболее сохранились захоронения в двух курганах, в одном обнаружены две катакомбы, соединенные переходом (табл. 96, А–В), в другом – одна. В катакомбы вели почти вертикальные колодцы-дромосы глубиной 2,8 и 3,6 м. Входные отверстия были прикрыты каменными плитами, а проход между катакомбами забит сырцовыми кирпичами и камнями. Одна из двойных гробниц имела почти круглую форму с арочным сводом (2,3×2,4×1,5 м), другая – овальные очертания (3,3×2,95×2,2 м); отдельная катакомба овальной формы (3,6×2,9×2,06 м) находилась несколько ниже входного колодца. Дно могил было земляным, только у одиночной катакомбы выложено сырцовыми кирпичами. Таковы катакомбы, раскрытые К.Ф. Смирновым. Катакомба, вскрытая Г.С. Федоровым в 1970 г., была круглоплановой (2,52×2,47 м при высоте в 2,27 м). От входа в камеру вели три ступеньки, пол ее оказался вымощенным каменными плитами.

В описанных катакомбах обнаружены сильно истлевшие скорченные и вытянутые костяки, обсыпанные красной охрой. Лежали они на подстилке из камыша, морской травы (водорослей) и на досках. Это были семейно-родовые усыпальницы: по пяти скелетов находилось в двух гробницах, по три – в третьей и четвертой.

Анализируя обряд захоронения, Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов отмечают “местную погребальную традицию, сильно усложненную в результате несомненного проникновения сюда степных этнических элементов”. Среди кавказских черт они выделяют вытянутость погребенных, следы расчлененности отдельных костяков (может быть, более ранние погребения отодвигали в сторону), наличие кромлехов. Чисто степные черты, по их мнению, наиболее ярко воплощены в самих погребальных сооружениях – катакомбах и в древесно-камышовой подстилке дна могил (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 186–191).

Инвентарь Манасских курганов, раскрытых в 1950–1951 гг., в основном состоит из керамики. Последняя может быть разделена на лощеную и покрытую обмазкой. Небольшую группу сосудов составляют горшки, имеющие яйцевидную форму.

Некоторые из них покрыты обмазкой, другие сглажены и залощены. Интересно, что, как и в Карабудахкентском могильнике, отдельные экземпляры имеют отделенную уступом шейку, чуть ниже которой располагаются ручки. Уступ орнаментирован рельефными выпуклостями и круглыми вдавлениями. В Манасе найдены сосуды и без ручек. Величина всех горшков яйцевидной формы варьирует в высоту от 41,5 до 17,4 см (табл. 95, 22–24).

Близки им по форме одноручные сосуды, которые обладают небольшой емкостью. У них узкое дно и умеренно расширенное устье. Некоторые из сосудов покрыты обмазкой. Орнамент несложен: углубленная полоса косо расположенных лунок и на некоторых сосудиках – отдельные налепы (табл. 95, 25), высота их до 10 см, диаметр устья до 9 см.

Серия более приземистых сосудов напоминает по форме современные чугушки (это сходство придает выгнутость дна). В отличие от карабудахкентских сосудиков они обладают значительной шириной устья (например, при высоте 6 см верхний диаметр – 10,2 см; табл. 96, 9, 12, 13). Почти все они имеют одну ручку, тщательно залощены. Орнамент – лучевые, округлые и треугольные вдавления, отдельные налепы.

Особую серию составляют крупные одноручные и двуручные миски почти конических форм (две из них сильно вытянуты в высоту). Эта керамика, столь характерная для Дагестана, представлена в Манасе прекрасными образцами (диаметр устья у отдельных сосудов достигает до 48 см, высота до 21 см; табл. 95, 19, 20; 96, 2).

Здесь описаны лишь основные типы посуды без вариантов (детально см.: Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 193–197). Однако этими находками не исчерпываются изделия из глины. В овальной катакомбе, сообщавшейся с круглоплановой, были найдены две чашки: цилиндрическая и конусовидная, сделанные из необожженной глины с примесью мергелевой крошки. Они имеют толщину стенок 2–4 см при диаметре верхней части всего 5–6 см (табл. 96, 17). Им пока неизвестны аналогии, и исследователи сопоставляют их с прямоугольными курильницами Карабудахкента II, замечая, что эти сосуды “имели исключительно культовое значение, ибо для других целей они абсолютно непригодны” (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 197).

Керамика из катакомбы, открытой в 1970 г., несколько отличается от описанной (табл. 96, 1, 3, 4, 8). Отсутствует характерный уступ на крупных яйцевидных сосудах, днища у них шире, в орнаментике одного сосуда можно видеть углубленные концентрические круги (Федоров Г.С., 1977. С. 23–25. Рис. 1) – мотив, встречающийся в степной керамике Донетчины (по Т.Б. Поповой). В целом эта керамика и ее декор представляются несколько более поздними, чем керамика из курганов, исследованных К.Ф. Смирновым, в силу чего объяснять эти особенности только “семейной тра-

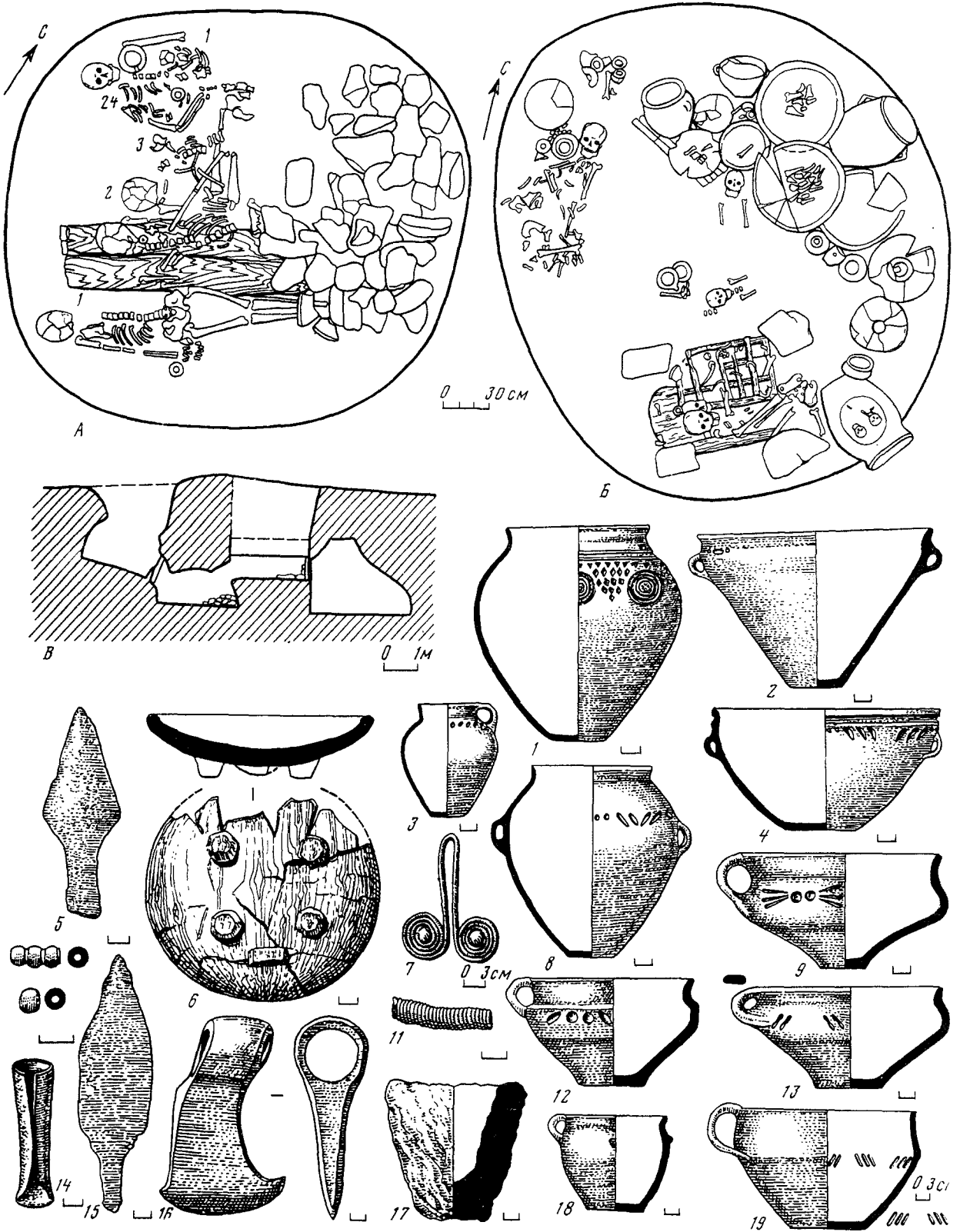

Таблица 96. Дагестан. Курганы с катакомбами у ст. Манас

A-B – планы и профили захоронений в катакомбах 1 и 2 кургана 3; 1-19 – инвентарь из катакомб (1-4, 8, 9, 12, 17-19 – керамика; 5, 7, 10, 11, 14-16 – бронза; 6 – дерево; 1, 3, 4, 7, 8, 11,

14-16 – по Г.С. Федорову; 2, 5, 6, 9, 10, 12, 13, 17-19 – по К.Ф. Смирнову и Р.М. Мунчаеву)

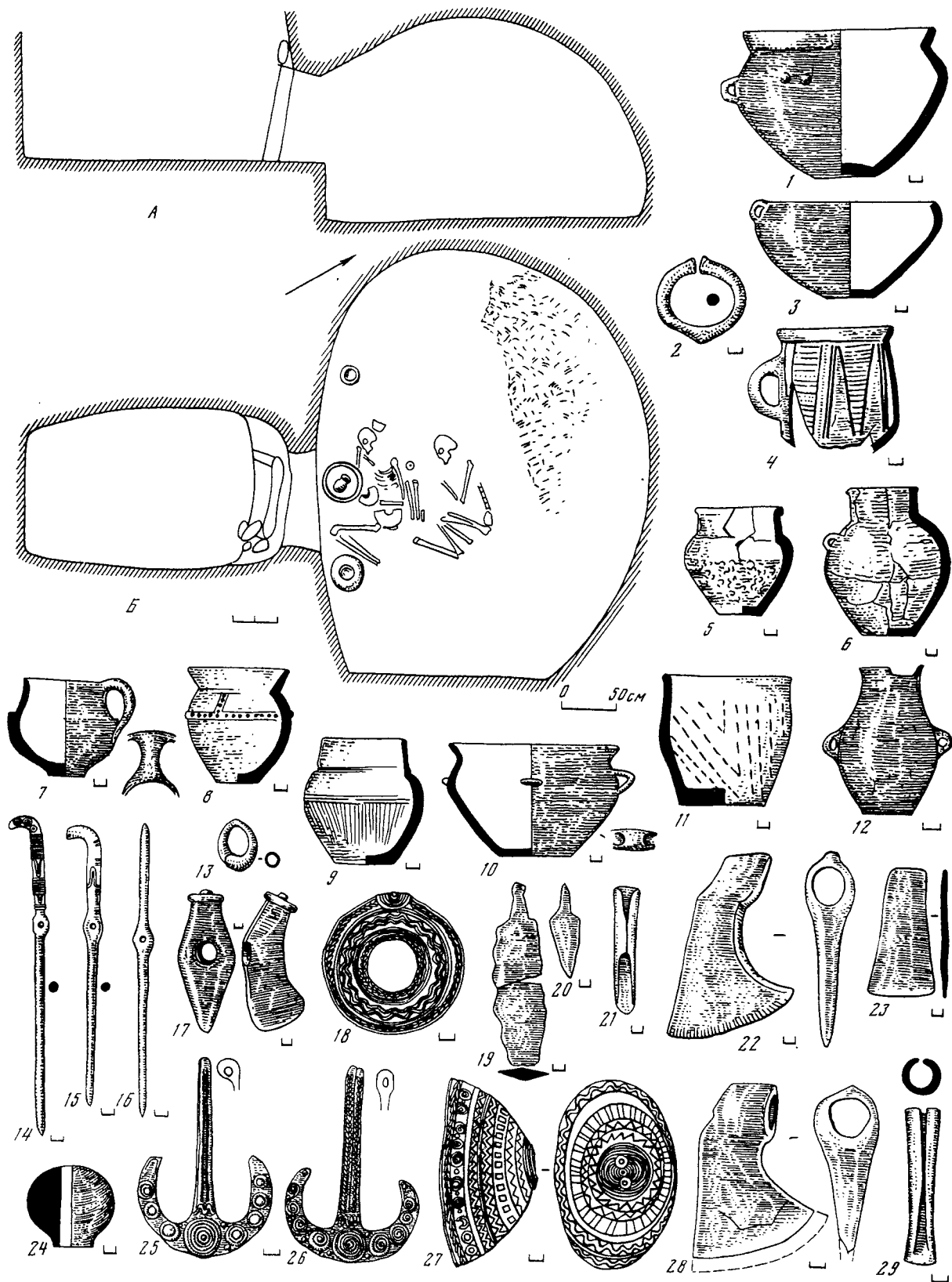

Таблица 97. Дагестан. Материалы эпохи бронзы

А, Б – Великент, профиль и план катакомбы 3 (по О.М. Давудову, 1983 г.); 1–27 – предметы из катакомб сел. Великент (1–6, 12–16, 18–23, 25–27 – из катакомбы 1, 9 – из катакомбы 2; 7, 8, 10, 11, 17, 24 – из катакомбы 3); 28, 29 –

предметы из окрестностей г. Дагестанские Огни (музей г. Дербента); 1, 2, 4–12 – керамика; 3, 13–16, 18–23, 25–29 – бронза; 17, 24 – камень

дицей” (Федоров Г.С., 1977. С. 25), пожалуй, нельзя.

Однако вернемся к инвентарю, опубликованному Р.М. Мунчаевым и К.Ф. Смирновым. Интересна находка круглого деревянного блюда на четырех ножках (диаметр 24 см, высота около 5 см, табл. 96, б), находящая аналогии в триалетских материалах.

Изделий из меди (бронзы) найдено немного. Это четырехгранное шило, копьевидной формы клинок с четко выделенным широким черенком (общая длина его 8,3 см; табл. 96, 5); очковидные привески, аналогичные карабудахкентским (табл. 93, 23), височные привески круглой и овальной формы (табл. 93, 21, 22), спиральные трубочки. Предметы из камня представлены двумя булавами (из мергеля и змеевика, последняя сохранилась лучше; табл. 93, 8, 19), бусами круглой формы из сердолика, удлинённой – из гагата, а также цилиндрической – из пасты (табл. 93, 24). Изделий из кости немного. Это плоское колечко, пряслице (сделано из эпифиза крупного животного), подвеска из клыка животного и приостренные колки (табл. 93, 20).

Весь этот материал рассматривается как обладающий яркими чертами “преемственности по отношению к местной культуре как предшествующего, так и последующего времени” (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 203).

Описанный материал может быть дополнен находками, сделанными Г.С. Федоровым (табл. 96, 7, 10, 14–16). Это бронзовое втульчатое тесло с шириной лезвия 2,25 мм (очевидно, подобными орудиями обрабатывали стены катакомб), бронзовое четырехгранное шило; проушной топор с очень широким лезвием (он сделан из бронзы, содержащей 2,6% мышьяка); бронзовый плоский листовидный нож с черенком; три очковидные подвески; трубочки-спиральки; головная булава с волотным навершием; височные кольца в полтора оборота; крупная подвеска с ушком (предмет, характерный для племен северокавказской общности) и бронзовые бусы. Из упомянутых вещей (Федоров Г.С., 1977. С. 23, 24. Рис. 1), пожалуй, только топор может служить датирующим предметом. Его развитые формы указывают на относительно поздний возраст всего комплекса – ненамного ранее первой трети II тысячелетия до н.э. (Котович В.Г., Котович В.М., 1973. С. 80; Кореневский С.П., 1981. С. 24, 37. Рис. 3, 13). Следует сказать, что памятники описанного типа в приморской части Дагестана не одиноки. Таковы курганы в районе сел. Сергокала (бывш. Дешлагар), носящие название “группы А.С. Уварова” (по его указанию они раскапывались А.А. Русовым). В двух из них (4 и 9) также имелись катакомбы со скорченными скелетами и впускные погребения (Русов А.А., 1882. С. 582–584, 619, 620). Вещи из курганов, хранящиеся в Государственном музее Грузии им. С.Н. Джанашиа, близки манасским – это мергелевые булавы, керамика, спиральные пронизки (Мунчаев Р.М., Смир-

нов К.Ф., 1956. С. 191, 192; Уварова П.С., 1902. С. 178. № 3588, 3597–3599). Вполне возможно, что “грунтовая могила”, обнаруженная в 1958 г. в одном из трех курганов к западу от г. Дагестанские Огни, являлась катакомбой. Здесь были обнаружены бронзовые предметы: обломок листовидного ножа, топора и тесло (табл. 97, 28, 29). Они хранятся в музее г. Дербент (Исаков М.И. 1966. С. 19. № 203. Табл. 3, 8–10; Котович В.Г., Котович В.М., 1973. С. 78, 80. Рис. 1, 23; Кореневский С.Н., 1981. С. 24, 25. Рис. 3, 17) и близки находкам, сделанным у ст. Манас.

Говоря о катакомбных памятниках, следует особое внимание уделить исследованиям последних лет, проводившимся в районе сел. Великент. В 1979 г. здесь была случайно обнаружена катакомба, ставшая поводом для исследования обширного могильника (Гаджиев М.Г., 1983б. С. 116). Курганных насыпей на месте раскопок не было, катакомбы оказались вырытыми в естественном всхолмлении. Они представляли собой округлые камеры диаметром до 6 м со сводчатым потолком, в которые вели четырехугольные входные “колодцы”-дромосы. Входы закрывались каменной плитой (табл. 97, А, Б) (Гаджиев М.Г., 1986а. С. 29, 30. Рис. 2; Давудов О.М., 1984. С. 6 и след. Рис. 5–8 альбома). Каждое могильное сооружение содержало множество захоронений (более сотни), что указывает на долговременное его использование. В катакомбах собрана значительная коллекция вещей. Это прежде всего керамика, среди которой немного образцов посуды с грубо обмазанным туловом. В состав керамики входят миски с округлыми боками, горшки с четко выделенной горловиной, сосуды, напоминающие кувшины с округлым туловом, кружки и чашки. Керамический декор не очень разнообразен – в основном налелные валики, свисающие “усы”: округлые вмятины (табл. 97, 1, 2, 5–12). Имеется сосуд с круговым узором (Гаджиев М.Г., 1986а. С. 32. Рис. 3; Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984. С. 8, 9. Рис. 1). Особенно интересен строенный сосуд на высоких поддонах и с ручками. Его ритуальное назначение несомненно (Магомедов Р.Г., 1986. С. 42, 47. Рис. 1). Помимо керамики, в катакомбах найдены грушевидные каменные булавы, а из катакомбы 3 происходят полированные змеевиковые топоры кабардино-пятигорского типа – гладкого варианта. В катакомбе 1 найдено огромное количество бронзовых предметов: топоры, листовидные ножи, долота, тесла, шилья, булавы с отогнутым и прямым навершием, якоревидные и кольцевидные подвески, пронизы, височные подвески, полусферический колпачок и пр. (табл. 97, 14–16, 18–27). Анализ металла по 195 образцам показал, что они содержали в качестве лигирующего материала мышьяк (в основном 5%), но имеется также 15 предметов с искусственной примесью олова (также до 10%). Оловянистая бронза шла на изготовление серег и браслетов (Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984. С. 19–26).

В первой публикации памятника М.Г. Гаджиев датировал его началом II тысячелетия до н.э. (Гаджиев М.Г., 1980а. С. 101), затем, рассматривая самую крупную катакомбу I как памятник древней металлургии, относил ее к концу III – первой половине II тысячелетия до н.э. (Гаджиев М.Г., 1983б. С. 116). После проведения анализа металлических изделий и со ссылкой на находку в катакомбе I сосуда алазано-беденского облика (табл. 97, 4) было предложено датировать эту катакомбу “последними веками III – первой половиной II тысячелетия до н.э.” (Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984. С. 25–27). Соглашаясь в основном с предложенной датой, хотелось бы отметить, что катакомбы заполнялись постепенно, в течение длительного времени. Сосуд беденского типа здесь может являться своеобразным архаизмом. Основная масса предметов из Великента не сильно разнится от манасских находок. Металлические изделия имеют весьма развитые формы, как и декор, хорошо известный для памятников расцвета эпохи бронзы. Видимо, было бы вернее расчленив материалы катакомб Великента на группы и основную, наиболее позднюю массу его датировать первой половиной II тысячелетия до н.э. с некоторым “уклоном” к его середине. Основанием для подобного мнения могут служить как само наличие изделий из оловянистых бронз, так и формы булавок (они близки так называемым кобанским булавкам) и, наконец, находка в катакомбе 3 кабардино-пятигорского топорика вполне развитого вида.

Обычно принято считать, что появление курганов с катакомбами в пределах Дагестана есть результат раннего продвижения степных племен с севера в прикаспийскую часть по так называемому Дербентскому проходу (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 188, 189. Рис. 12; Котович В.Г., 1978а. С. 55, 56). Однако, по мнению В.А. Фисенко, эти племена шли в обратном направлении – с юга на север, в южнорусские степи (Фисенко В.А., 1966. С. 9, 36). Обе эти версии требуют тщательной проверки, хотя ранние катакомбы хорошо известны, например у г. Иерихон в Иордании (Кепуон К.М., 1971. Р. 3–30). Подземные катакомбы могли олицетворять собой реальные жилища. Так, катакомбы степных памятников могли изображать юрты (И.В. Сеницын, У.Э. Эрдиев и др.). По мнению М.Г. Гаджиева, катакомбы Великента – это круглоплановые “дома” мертвых, своеобразные копии хорошо известных жилых построек, открытых на таких поселениях Дагестана, как Геметюбе I, II, у селений Каякент, Чиркей, Галгалатли I и др. (Гаджиев М.Г., 1986а. С. 35–37). Несомненно, что катакомбные памятники, распространенные на огромной территории Европы, могут иметь различное происхождение и, естественно, содержать инвентарь с локальными особенностями. Катакомбы и связанный с ними археологический материал не обязательно должны иметь единое происхождение. Одно с другим может быть не связано. Наверное,

не следует думать, что керамика с обмазкой, найденная в катакомбах Ростовской области и Украины, обязательно должна найти свои истоки в северо-восточной части Кавказа (Нечитайло А.Л., 1990. С. 47, 48). В Карпатском бассейне она известна еще с неолита (работы В.С. Титова). Поэтому для решения чисто исторических задач, связанных с миграционными процессами и т.д., требуется большая осторожность.

Однако вернемся к памятникам интересующего нас времени. Среди них большой интерес представляет малоизвестный Харсеновский могильник, расположенный в горно-лесистой части Чечни, в ущелье р. Мартан у сел. Малый Харсеной. В 1966 г. В.И. Марковиным здесь вскрыто 18 погребений (Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979. С. 9–11. Рис. 1). Они представляли собой грунтовые ямы, вырытые в галечнике (возможно, некоторые могилы имели на поверхности кромлехообразные ограждения; см.: Виноградов В.Б., 1968. С. 211. Рис. 7. 1). В них на разной глубине (от 0,15 до 1,30 м от поверхности галечникового слоя) находились одиночные скорченные костяки, лежавшие на левом или правом боку, с головой, повернутой преимущественно на юг, реже на юго-восток и юго-запад. Перед грудью умершего располагалось большое количество сосудов (табл. 98, А,Б). Так, в одной могиле (5) их было 18, а в других (12 и 13) – соответственно 15 и 14. Интересно, что в двух могилах были найдены продырявленные раковины каспийских моллюсков *Cardium* sp. (табл. 98, 18), *Didacna trigonoides* (Pallas) и даже выточенные из них бусины. Это свидетельствует о связи населения, оставившего Харсеновский некрополь, с прикаспийскими районами, скорее всего с приморским Дагестаном.

Найденная в могильнике керамика представлена несколькими типами сосудов (табл. 98, 1–11): это горшки с одной-двумя ручками и с несколько биконическим корпусом. У некоторых сосудов шейка отделена уступом, украшенным отдельными налестками и углублениями. Далее следуют сосуды округлой формы. Наличие уступа и налесток сближает их с предыдущим типом керамики. Они, как и сосуды первого типа, внушительных размеров. Отдельные образцы достигают в высоту около 40 см. Затем следует назвать одноручные кружки, по форме напоминающие горшки. Единичные экземпляры имеют уступ. Их высота 10–15 см. В Харсеное были найдены две миски конической формы, одна из них имела четыре ножки (верхние диаметры их 16,2 и 20 см). К описанной посуде можно добавить очень удлиненный в высоту крупный сосуд с двумя ручками (они располагались посередине тулова), напоминающий ведро (высота его около 50 см) и небольшие, конической формы банки (одна снабжена двумя отверстиями, вероятно, сквозь них продевалась кожаная петельчатая ручка).

Следует заметить, что харсеновская керамика не имеет обмазки, в этом ее существенное отличие

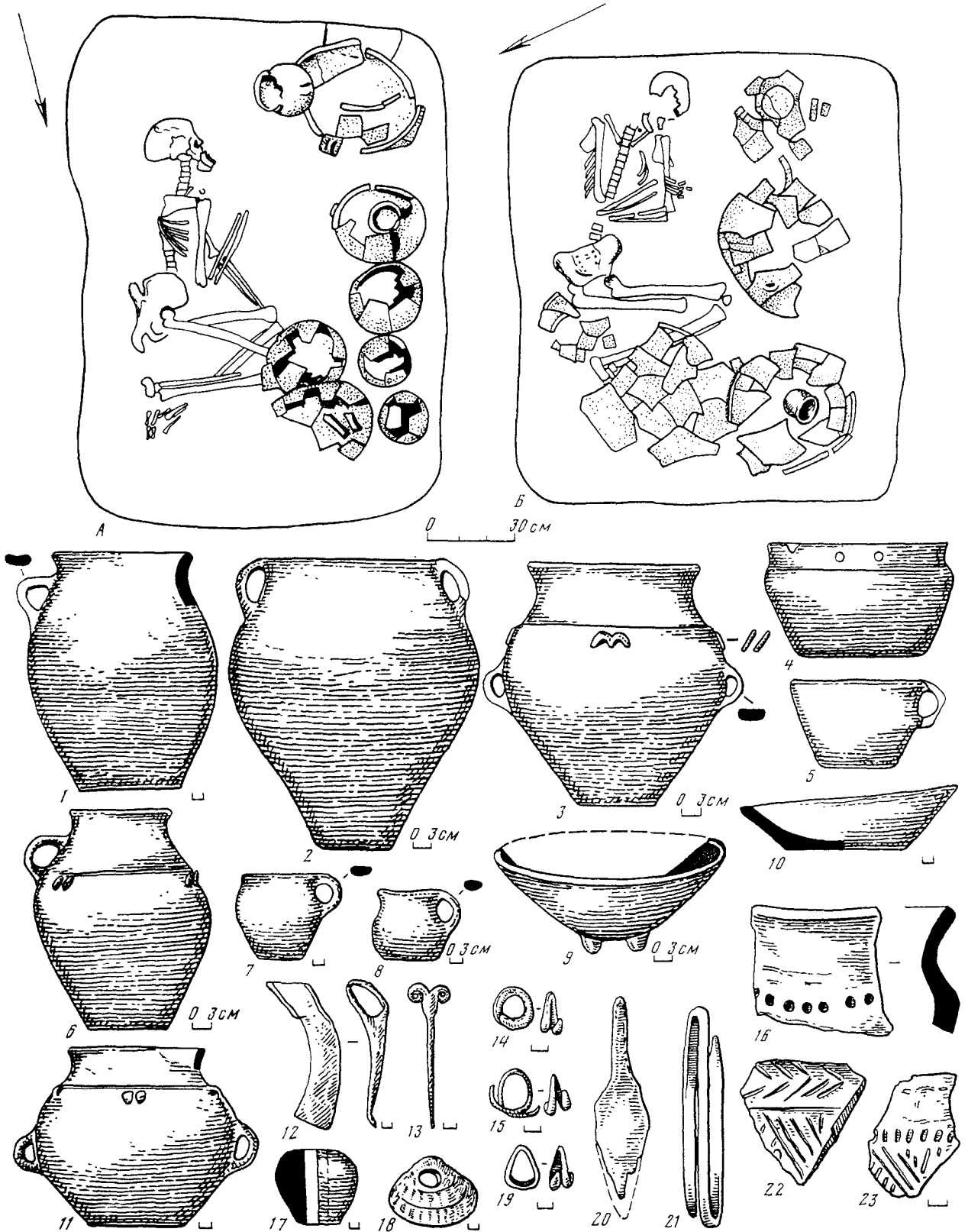

Таблица 98. Северо-Восточный Кавказ. Материалы эпохи бронзы

А, Б – Чечня, могильник у сел. Малый Харсеной, погребения 16 и 4 (раскопки В.И. Марковина, 1966 г.); 1–18 – предметы из Харсенойского могильника (из погребений 1, 5–9, 10–12, 16, 17); 20–23 – Дагестан, могильник “Нохола-ад” у сел. Чох,

отдельные находки (раскопки Р.М. Мунчаева, 1954 г.); 1–11, 16, 22, 23 – керамика; 12–15, 19–21 – бронза; 17 – гранит; 18 – каспийская раковина

от описанных выше древних керамических изделий Дагестана. Однако формы посуды, наличие уступов и налепного декора (в том числе напоминающего голову овцы; табл. 98, 3) очень характерны для всего Северо-Восточного Кавказа.

Среди отдельных предметов следует отметить отполированную булаву из серо-зеленого гранита (табл. 98, 17), костяные кольцевидные, довольно крупные бусины; бусины и подвески из уже упоминавшихся раковин и створок речного моллюска *Unio*, пастовые бусины-пронизки и бисер. Найденны два бронзовых листовидных клинка, один из них с едва намеченным черешком, другой имеет черешок, который плавно сливается с лезвием ножа (табл. 98, 20). Эти клинки, скорее всего, относятся к первому, архаическому типу листовидных ножей (Мирзоев Р.Н., 1977. С. 40), намечая довольно раннюю дату комплекса в целом. Среди украшений выделяются бронзовая булавка с перевитым стержнем и двуволотным навершием (табл. 98, 13), подвески, напоминающие подобное навершие, но повернутые "рогами" вниз, многовитковые браслеты и височные кольца, свернутые в полтора оборота (табл. 98, 14, 15, 19). Среди случайных находок, сделанных на территории могильника, можно указать на бронзовый проушной топор со слегка свисающим обухом (табл. 98, 12). Этот материал получает более полное развитие в последующее время. В этом, пожалуй, и заключается одна из сторон научной ценности данного памятника.

В 1954 г. Р.М. Мунчаев, произведя разведки в горной части Дагестана, в местности Нохла-ад у сел. Чох (долина р. Каль), обнаружил могильник со склепами. Здесь были склепы прямоугольной и овальной формы, поверх перекрытия засыпанные насыпью. Для того, чтобы построить такой склеп, рыли яму соответствующей формы (глубина до 2 м) и изнутри облицовывали сухой кладкой в 9–12 рядов. В длину сооружения имели до 1,50 м. В стенах одного склепа были сделаны ниши, вероятно, служившие для размещения погребального инвентаря. Гробницы являлись коллективными усыпальницами, в них, судя по черепам, покоилось до 15 человек. Здесь имел место преимущественно обряд вторичных захоронений при вполне возможных попытках разместить останки покойников в позе сидя (Мунчаев Р.М., 1958. С. 43–46). Инвентарь Чохского могильника состоит из обломков орнаментированной керамики (элементы декора – налепной валик, отдельные углубленные круглые и овальные лунки, нарезная "елочка" и углы; табл. 98, 22, 23), изделий из бронзы (тонкая височная подвеска, колпачок и свернутый спиралью браслет; табл. 98, 21), сердоликовых и пастовых бус, костяной пластинки с отверстием. Все эти находки Р.М. Мунчаев датировал рубежом II–I тысячелетий до н.э. (Мунчаев Р.М., 1958. С. 47), а позже, с появлением новых материалов, Чохский могильник был поставлен хронологически в один ряд

с памятниками Кавказа эпохи средней бронзы (Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. С. 341).

Еще более завершено четкие формы склепов и инвентарь развитого облика дает случайно обнаруженное древнее кладбище в урочище Гентал близ северной окраины г. Буйнакск (бассейн р. Шура-озень в 1 км к югу от сел. Кафыркумуд). Изученные здесь два прямоугольных склепа (внутренние размеры их 3,40 × 1,60 м при высоте 2,15 и 2 × 1,10 м при высоте 1,30 м) были перекрыты огромными плитами (толщиной до 0,30 м), щели между которыми оказались забитыми камнями и глиняным раствором. Каждая из гробниц размещалась в специальной яме, вырытой в материке. Кладка довольно тщательная, причем наиболее крупные камни положены у основания. В одном из склепов подмечены следы применения глины в качестве раствора. Галечный пол в ней также был промазан жидкой глиной. Меньший склеп сложен насухо. Внутри склепов найдены остатки деревянных колод, в которых, очевидно, одиночные умершие лежали вытянуто на спине (Магомедов М.Г., 1977. С. 14–18. Табл. 1). Инвентарь склепов состоял из пяти сосудов: двух удлиненно-округлой формы, с хорошо выделенной шейкой (высота 28 и 23 см), одного – с сильно вздутым корпусом (у него вместо ручек приделаны с одной стороны два выступа с вертикальными отверстиями; высота его 35,5 см, диаметр тулова 37,5 см) и пары двуручных мисок (диаметры устья у них 50 см, табл. 99, 1–3).

В могильнике Гентал найдены три грушевидные каменные (мрамор?) булавы, бронзовый черешковый нож (или наконечник дротика) листовидной формы, четырехгранное шило (табл. 99, 4–7), две подвески, свернутые в полтора оборота из расквашанного листочка золота, и близкая по форме серебряная подвеска. Исследователь справедливо сопоставил этот материал с находками Манаского кургана, вскрытого в 1970 г. Но сравнение Гентальских гробниц с Утамышскими курганами представляется нам менее убедительным (Магомедов М.Г. 1977. С. 17–20). Эти памятники хронологически не связаны между собой. Гентал скорее всего более близок по времени возникновения такому известному могильнику, как Гинчинский, к описанию которого мы переходим.

Могильник Гинчи был открыт в 1956 г. в Гидатлинской долине – близ высокогорного сел. Тидиц у хут. Гинчи (правый берег р. Гидерил-ор). Раскопки его в разные годы вели М.И. Пикуль, Д.М. Атаев, В.М. Котович. Полное его изучение и монстрафическое описание принадлежит М.Г. Гаджиеву, который сумел определить культурное и хронологическое место этого памятника среди древностей Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1962. С. 166–188; 1964а, С. 233–259; 1969а, С. 10 и след.).

На территории могильника вскрыто 15 склепов: две детские гробницы и 15 захоронений в глиняных сосудах. Склепы представляли собой сооруже-

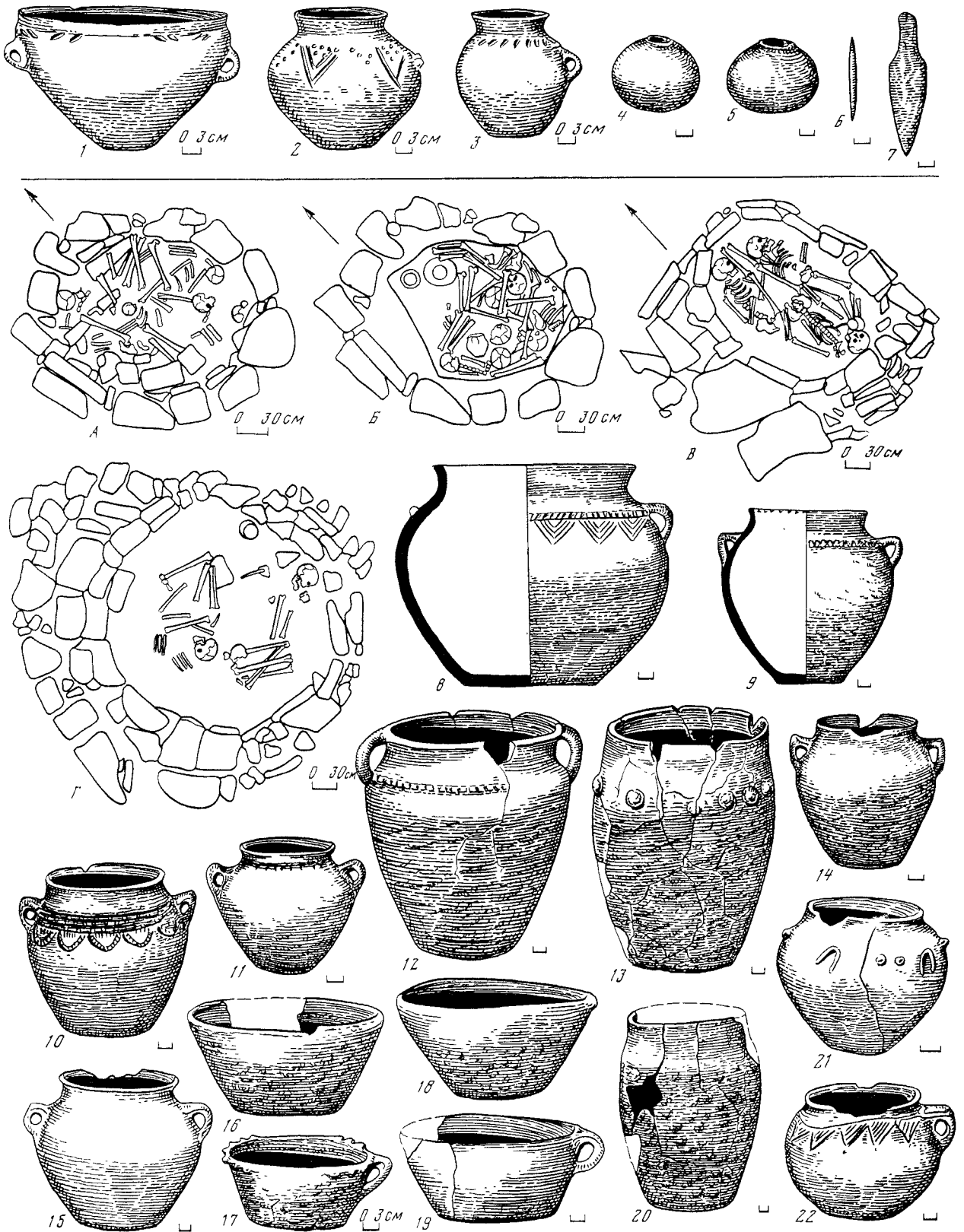

Таблица 99. Дагестан. Материалы эпохи бронзы

1-7 - предметы из могильника Гентал у сел. Кафыркумук (по М.Г. Магомедову); А-Г, 8-22 - погребальные сооружения и инвентарь могильника Гинчи у сел. Тидиб (по М.Г. Гаджиеву)

(А, Б - склеп 8, планы захоронений I и II ярусов; В - захоронения в склепе 12, Г - захоронения верхнего яруса в склепе 15); 1-3, 8-22 - керамика; 4, 5 - камень; 6, 7 - бронза

ния, впущенные в специально подготовленные ямы. Стены их, сложенные насухо из хорошо подогранных, но необработанных камней, образовывали камеры двух форм – четырехугольные и овально-круглые. В этом смысле сооружения Гинчинского могильника несколько напоминают Чохские склепы, но, пожалуй, склепы Гинчи имеют более развитые формы. Так, для склепа 5 М.Г. Гаджиев предполагает “своеобразный способ перекрытия в виде невысокого ложного свода, центральные плиты которого, по-видимому, поддерживались четырьмя столбами (из дерева. – *В.М.*), опирающимися на ниши” (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 103). Для перекрытия некоторых из склепов использовались, помимо каменных плит, деревянные настилы.

Между постройкой круглоплановых и четырехугольных склепов нет особого разрыва во времени, на что указывает сходство инвентаря, найденного в тех и других сооружениях, однако круглоплановые постройки, типологически связанные с реально существовавшими жилыми домами эпохи раннего металла, представляются более древними. М.Г. Гаджиев пишет о гинчинских склепах: “Некоторые наблюдения стратиграфического характера, а именно сочетание обеих форм (нижняя часть круглая, верхняя четырехугольная) в одном склепе, или, в другом случае, разрушение части стены круглого склепа при сооружении четырехугольного документируют только процесс постепенного вытеснения одной формы склепа (круглой) другой (четырёхугольной), сосуществовавших на протяжении определенного промежутка времени” (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 105).

В силу сказанного представляется, что склепы Гинчинского могильника хронологически как бы смыкаются с сооружениями Чоха и урочища Генгал, являя собой следующую ступень в развитии подобных построек.

Величина Гинчинских склепов при высоте до 1,65 м довольно разнообразна. Для овально-круглых небольшие размеры – 3,70 × 3,40 м (склеп 2), наименьшие – 1,85 × 1,65 м (склеп 3); для четырехугольных – от 2,30 × 2,20 м (склеп 4) до 1,60 × 1,50 м (склеп 11), причем, как правило, все склепы к основанию расширяются на 0,10–0,25 м. Земляной пол у некоторых построек прикрыт тонкими каменными плитками (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 14 и след.). Обряд погребения, практиковавшийся в Гинчи, довольно сложен. Лишь пять склепов в Гинчи представляли могилы, предназначенные для одного-двух умерших, основная их масса независимо от формы являлась местом коллективных захоронений (табл. 99, А–Г). Они располагались в три-пять ярусов, которые разделялись плитами или даже специальными перекрытиями (склепы 9 и 13). Количество погребенных в них весьма велико – от 16 до 50 человек. М.Г. Гаджиев рассматривает ярусность склепов и явное стремление отделить умерших друг от друга, как начало процесса замены коллективных захоронений индивидуальными

(в социальном плане – обособление отдельных семей от больших патриархальных коллективов). Как пример можно привести склеп 5, в котором было погребено 50 человек, но эта могильная постройка, помимо того, что имела пять ярусов, была еще разделена вертикально поставленными плитами на отдельные отсеки, содержавшие до трех скелетов. Эти отделения М.Г. Гаджиев сравнивает с особыми погребальными сооружениями – каменными ящиками, обычно содержащими останки одного умершего (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 110).

В склепах обнаружены скелеты в сидячем, скорченном и вытянутом положениях, причем то или иное положение характерно для каждого склепа. Так, в склепе 5 преобладали сидячие костяки, в склепе 2 – скорченные на правом или левом боку, в склепе 3 – 13 из 16 костяков лежали вытянуто на спине. Интересно, что положение умерших в каждом склепе от яруса к ярусу заметно меняется, хотя четкие закономерности в этом отношении пока не выявлены (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 20–37, 40–57, 112). Умерших погребали в склепах с заметным стремлением обращать их головами на восток с отклонениями к северу или югу.

В процессе раскопок могильника обнаружены три очажные ямы, обложенные небольшими валунами, даже внутри склепа 2 найден слой кострища; кости скелета, лежавшего под ним, были обуглены. Как видно, очищение умерших огнем имело место во время похорон (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 112–114).

Детские гробницы (их две) представляли собой такие же склепы в три-пять рядов каменной кладки (диаметр одного 0,72 м при высоте 0,40 м, диаметр другого 0,75–0,90 м, высота 0,50 м), но с костями одиночных детских захоронений (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 90, 91, 115).

15 детских захоронений найдены и в крупных глиняных сосудах. Все они лежали возле трех склепов (5, 9, 13) и были обращены устьем на юг и юго-запад. Каждый такой сосуд, отличавшийся массивностью и высотой (до 58 см), содержал по одному скелету, которые, вероятно, лежали на боку, головой к горловине (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 91–101, 115–117).

В связи с необычностью ритуала, практиковавшегося при захоронении детей, М.Г. Гаджиев сделал предположение, что у населения, оставившего Гинчинский могильник, “существовал сложный погребальный обряд, требовавший хоронить покойников по возрастному принципу: взрослых в склепах, детей в гробницах, а младенцев в сосудах” (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 116). С этим можно было бы согласиться, если бы не малое количество детских захоронений, приходящиеся на огромное (более 180 человек) захоронение взрослых. В древности дети умирали очень часто, об этом свидетельствуют специальные исследования. Вероятно, общество, оставившее Гинчинский могильник, не избежало этой участи. Необычность встреченных в

Гинчи могил (небольших гробниц и кувшинов) заставляет думать, что таким образом хоронили далеко не всех детей. К сожалению, в данном случае можно строить только предположения, не предлагая ничего вполне конкретного. Сам обряд захоронений в кувшинах не может считаться характерным для Северо-Восточного Кавказа. Проникнув в эту часть страны из Средиземноморья и Малой Азии, он не удержался здесь надолго. И совершенно справедливо М.Г. Гаджиев отмечает обычность для местной культуры самих сосудов, которые служили погребальными урнами (высокие, с узким дном, покрытые обмазкой) (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 117). При более длительной практике кувшинных захоронений можно было бы ожидать изготовления специальных сосудов, служивших только для погребений. Если же учесть наличие, правда, пока что только одного такого захоронения в приморской части Дагестана у сел. Берикей (Круглов А.П., 1958. С. 142), мимо которого издревле проходил путь в страны Востока, то, пожалуй, можно уже более определенно говорить о реальных связях Дагестана с Передней Азией. Инвентарь Гинчинского могильника детально опубликован (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 119 и след.), ограничимся здесь лишь его суммарным описанием.

Керамические изделия в основном представлены сосудами, в тесто которых было введено большое количество толченого камня (дресвы). Крупные сосуды (в том числе погребальные урны) формировались из широких колец, слепленных между собой. По способу обработки поверхности М.Г. Гаджиев делит посуду на две категории: сглаженно-лощеную и покрытую грубой обмазкой. Для посуды первой категории более всего характерен нарезной (углубленный) орнамент в виде поясков со свисающими вниз заштрихованными треугольниками, елочного узора, отдельных насечек, углублений в виде точек и кружочков. Посуда с грубой поверхностью украшена наклепными валиками с насечками, отдельными наклепами в виде шишечек, дуговидных двузубцев и трезубцев. Сочетание обоих видов орнаментации было встречено лишь на одном гладком сосуде, декор которого содержал валик и заштрихованные углы (табл. 99, 8).

По форме гинчинская посуда делится на несколько групп. Это плоскодонные, довольно приземистые горшки с округлым корпусом, без ручек или одной-двумя ручками (табл. 99, 11, 14, 22). Не менее часто встречаются сосуды более вытянутых пропорций, но с закругленным корпусом. В отличие от предыдущих они часто покрыты обмазкой (табл. 99, 9, 12, 14). В Гинчи имеется серия сосудов баночной формы с почти вертикальными стенками. Они покрыты обмазкой и лишь край устья у них заглажен (табл. 99, 13, 20).

Помимо указанных групп посуды, в захоронениях встречались миски с широким устьем и небольшим дном. Они снабжены одной-двумя ручками,

поверхность у них часто залощена, но встречены отдельные экземпляры, покрытые обмазкой (табл. 99, 16–19). Плоскодонную посуду завершает группа кружек и плошек разных форм (табл. 100, 1–7). Они служили для разливания жидкостей. Некоторые из кружек миниатюрны (табл. 100, 8–10), но по форме близки крупным сосудам и, возможно, как предполагает М.Г. Гаджиев, служили для ритуальных целей (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 126, 127).

В Гинчи обнаружены в большом количестве круглодонные сосудики. Эти небольшие горшки имеют по одной ленточной ручке, прикрепленной к тулову немного ниже устья (табл. 100, 11–16). Сосуды такой оригинальной формы, не встречающиеся в соседней Чечне, очевидно, являются характерными для Дагестана эпохи развитой бронзы (Марковин В.И., 1972в. С. 289).

Среди других керамических изделий следует упомянуть булаву шаровидной формы с коническим отверстием (табл. 100, 17), сделанную по типу каменных булав, а также глиняную модель колеса с широкими ступицами (табл. 100, 18).

Каменные изделия в Гинчи малочисленны: два кремневых наконечника стрел с выемчатым основанием (табл. 100, 19, 20) и бусы кольцевидной, конической и бочонковидной формы (табл. 100, 21, 22, 24–29). Сделаны они из горного хрусталя, сердолика и гагата – камней, встречающихся в Дагестане.

Большую коллекцию вещей представляют металлические изделия, преимущественно украшения, изготовленные из мышьяковистой и мышьяково-оловянистой бронзы (содержание мышьяка от 0,1 до 3%, олова – от 0,1 до 7%). Бронза, содержащая олово, шла на изготовление украшений, из мышьяковистой бронзы изготовлены браслеты, иглы, обломки с рельефным узором; (см.: Гаджиев М.Г., 1969а. С. 160. Табл.; Корневский С.Н., 1980б. С. 37–45).

Браслеты представлены двумя вариантами: пластинчатые, с несомкнутыми концами (табл. 100, 41) и многовитковые, свернутые из толстого прута (табл. 100, 39). Более 100 височных подвесок найдено в склепах. Они имеют округлую и овальную формы. Согнуты, как правило, в полтора оборота, из массивной проволоки круглого сечения (табл. 100, 42, 43) и из раскованного листка металла (табл. 100, 40). Последняя разновидность подвесок получает особенно большое распространение к концу эпохи бронзы. В тот же период стали широко употребляться в качестве украшений полусферические колпачки (подвески), служившие, очевидно, украшениями головных уборов. В Гинчи их найдено не очень много (табл. 100, 50). Однако наряду с ними здесь обнаружены украшения, типичные для северокавказской общности и лишь изредка встречающиеся в горном Дагестане. Это каплевидные подвески (табл. 100, 45–47), подвески в виде колечек с ушком, покрытые выпуклым, литым узором (табл. 100, 30–33). Интересны 12 булавок с

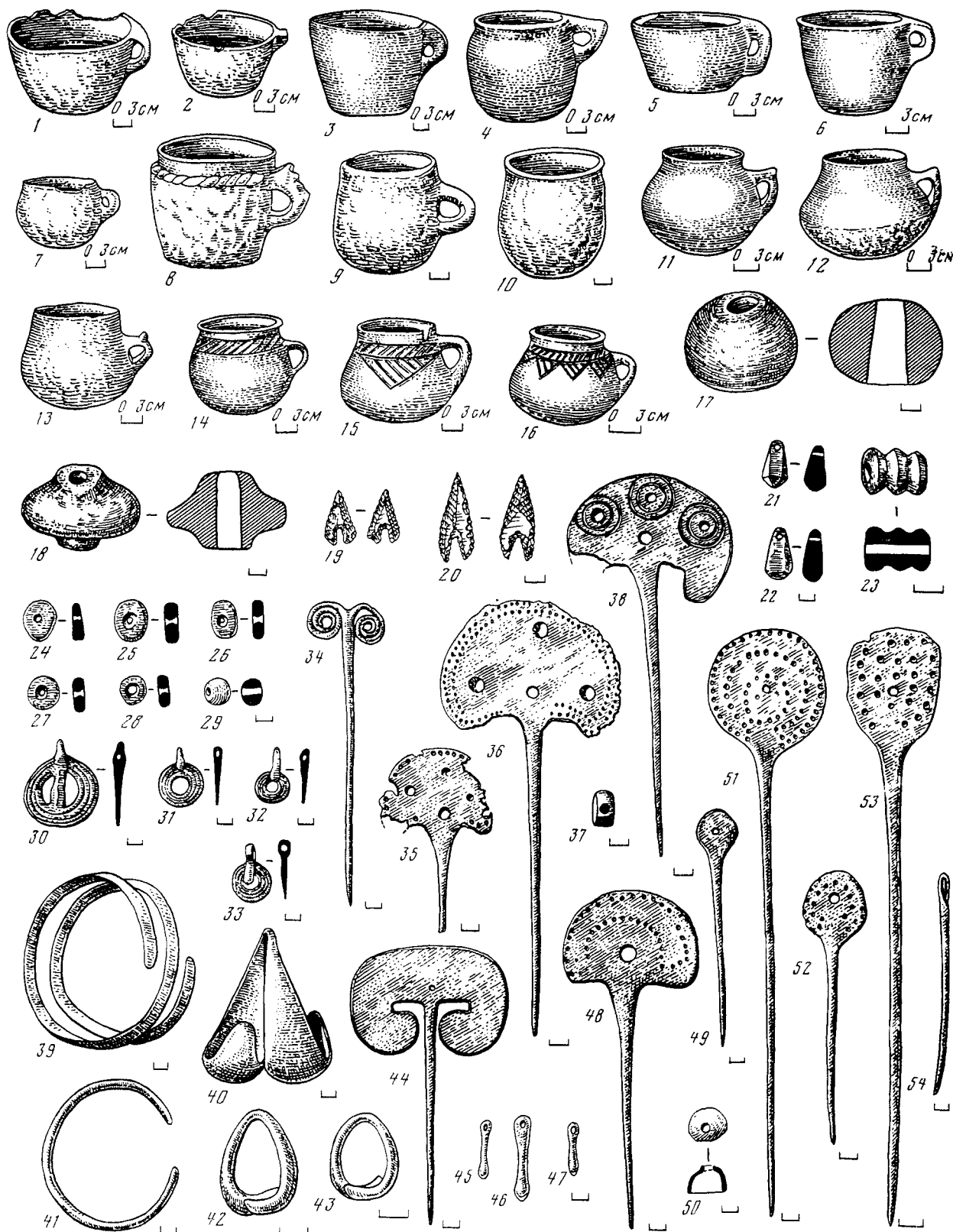

Таблица 100. Дагестан. Предметы из могильника Гинчи близ сел. Тидиб (по М.Г. Гаджиеву)

1-18 - глина; 19, 20 - кремнь; 21, 22, 37 - гагат (гишер);
23 - кость; 24-29 - сердолик; 30-36, 38-54 - бронза

различными навершиями (Гаджиев М.Г., 1964б. С. 185–189). Их можно разделить по форме наверший на три типа: с навершиями в виде волют (рогов) (табл. 100, 34), в виде полукруга с отверстием в середине и опущенными вниз краями (табл. 100, 35, 36, 38, 48), с дисковидными навершиями (они также имеют отверстия; табл. 100, 49, 51–53). Разнотипные булавки были широко распространены в эпоху бронзы (ими скрепляли одежду и одновременно украшали ее). Они встречаются в древностях всего Кавказа и за его пределами – в Иране, Малой и Средней Азии (Марковин В.И., 1960. С. 95, 96. Рис. 43; Гаджиев М.Г., 1964б. С. 138). Однако для некоторых районов они имеют свои характерные черты. Одна из среди найденных в Гинчи булавок первого типа отличается оригинальной формой. Вот как описывает ее М.Г. Гаджиев: навершие у нее “плоское, со сплошной верхней линией и с завитками в неполный оборот. В месте соединения со стержнем на навершии имеется отверстие” (длина ее 14 см; табл. 100, 44). Вполне возможно, что эта вещь может рассматриваться как чисто “местный, дагестанский вариант столь широко распространенных булавок с завитками” (Гаджиев М.Г., 1964б. С. 139). Пожалуй, местный вкус отражает и второй тип булавок с “опущенными вниз краями” (табл. 100, 35, 36, 38).

Описание изделий из металла можно завершить указанием на три иглы, снабженные раскованным ушком (табл. 100, 54).

Изделия из кости ограничиваются проколками, сделанными из обломков трубчатых костей животных, наконечником стрелы, круглой подвеской с “отростком на конце”, колечками-цилиндриками и катушкообразными бусами (табл. 100, 23).

Украшения, найденные в Гинчи, могут быть дополнены пастовыми бусами и бисером.

Описанный могильник Гинчи не является единственным памятником этого рода. Некрополи со склепами, в том числе круглоплановыми, не редкость для центральной части горного Дагестана. Так, у сел. Гагатль, близ поселения Галгалатли II, был обнаружен могильник со склепами круглой формы. Они содержали массовые захоронения с предметами близкими некрополю в Гинчи (Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. С. 83–92. Рис. 2–5). В сел. Кули также была обнаружена “колодцеобразная гробница с коллективными захоронениями” (Котович В.Г., 1961. С. 37). Два склепа, находившиеся у аула Муги (местность Гургенчала-Хаб), были описаны Р.М. Мунчаевым (Мунчаев Р.М., 1958. С. 47, 48; 1961. С. 26). Однако наибольшую близость гинчинским склепам, особенно по обнаруженному в них инвентарю, имеют гробницы, исследованные у сел. Ирганай (бассейн р. Аварское Койсу). Их массивные камеры сухой кладки (наружные размеры крупного склепа 2,80 × 1,85 м при высоте 1,65 м, внутренние – 2,10 × 1,05 м при высоте 1,48 м) были перекрыты огромными плитами. Содержимое одного из склепов оказалось двух-

ярусным. В нем сохранились останки нескольких взрослых людей и вместе с ними отдельные детские кости (позвонки, молочные зубы). К сожалению, характер погребений полностью выяснить не удалось, неполнота расчищенных склепов может быть объяснена как следствие “обрядов вторичного захоронения, либо предварительного расчленения трупов” (Погрехова М.Н., 1961. С. 109–111, 119). Инвентарь ирганайских склепов состоял из кремневых стрел с выемчатым основанием, навершия булавы грушевидной формы, сердоликовых и раковинных бус, подвесок из зубов медведя (табл. 101, 1–5). Но самое главное – 12 керамических сосудов, сходство которых с гинчинской посудой несомненно. Это сосуды баночной формы, горшки довольно округлых форм, конические чашеобразные сосуды (некоторые с обмазкой) и круглодонные небольшие горшочки (табл. 101, 6–9). Они сопоставляются как с материалами Гинчи, так и с находками из Манасских катакомб, датируя ирганайские склепы серединой II тысячелетия до н.э. (Погрехова М.Н., 1961. С. 115, 116, 121). Интересна также резная костная пряжка, найденная в одном из склепов Ирганая. Она изображает стилизованную фигуру человека и, видимо, украшала жреческий костюм во время культовых действий (Магомедов Р.Г., 1990. С. 44–48. Рис. 1, 2).

К памятникам типа Гинчи–Ирганай в определенной степени примыкают отдельные погребения в гробницах, обнаруженные на Миатлинском курганном поле (близ б. сел. Миатлы, бассейн р. Сулак). Здесь также встречались склепообразные сооружения, содержавшие не только бронзовые листовидные ножи, каменные (сердоликовые бусы) рубленого типа и прочий инвентарь, характерный для эпохи бронзы, но и круглодонные сосудики (Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. С. 69, 82. Рис. 5, 10, и 14, 1; Костюченко И.П., 1959. С. 97, 98, 107, 108. Табл. II, 15 и Рис. 16, 4). Вероятно, к этому кругу памятников относятся и некоторые склепы, обнаруженные Е.И. Козубским в начале века у сел. Новый Чиркей. Они, к сожалению, должным образом не исследовались и были отнесены к позднему времени (Козубский Е.И., 1902. С. 162; Иессен А.А., 1935. С. 34; Zakharov A.A., 1931. P. 159–166; Мунчаев Р.М., 1954. С. 13). Новейшие раскопки курганного поля со склепами показали его древность. Под насыпями наряду с грунтовыми ямами и каменными ящиками были найдены гробницы, сложенные насухо и перекрытые плитами, содержавшие как круглодонные горшки, так и сосуды, покрытые обмазкой (Гаджиев М.Г., 1975а. С. 107, 108). К этому же кругу памятников можно отнести и склепы, обнаруженные у сел. Сергокала (Пикуль М.И., 1953. С. 167).

Все отмеченные памятники можно, хотя и весьма условно, называть памятниками гинчинского типа. Именно эти памятники Р.М. Мунчаев считал возможным рассматривать как генетически связан-

Таблица 101. Северо-Восточный Кавказ. Древности эпохи бронзы

1-9 - сел. Ирганай (Дагестан), склеповый могильник (по М.Н. Погребовой); 10-34 - сел. Асланбек-Шерипово (Чечня), могильник Гатын-Кале (по В.И. Марковину); 1 - камень;

2-4 - кремьнь; 5 - кость; 6-9, 28-34 - керамика; 10, 11, 17, 22-24, 26, 27 - бронза; 12, 13 - сердолик; 14, 15 - гагат (гипс); 16, 20, 21 - паста; 25 - морская раковина

ные “с предшествующим этапом развития местной культуры” (Мунчаев Р.М., 1961. С. 26).

Отмеченная связь, хорошо подкрепленная детальным анализом всего материала одного из ведущих памятников этого круга – могильника Гинчи, позволила хронологически поставить его вслед за комплексами, обнаруженными в Карабудахкенте II, Гоно и нижнем (третьем) слое Верхнегунибского поселения. Однако когда речь зашла об абсолютных датировках Гинчи и близких ему памятников, то определенного единства во взглядах не обнаружилось. Так, В.И. Канивец датировал Гинчинский могильник серединой II тысячелетия до н.э. (Канивец В.И., 1957. С. 165); В.Г. Котович и Н.Б. Шейхов считали памятники гинчинского облика несколько более древними (Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. С. 343, 344). М.Г. Гаджиев, постаравшийся для гинчинских склеповых комплексов наметить определенные хронологические этапы, весь могильник датирует временем от XIX–XVIII до XII вв. до н.э. (Гаджиев М.Г., 1960а. С. 157). Таким образом, по М.Г. Гаджиеву, материалы памятников типа Карабудахкент II и Гоно хронологически почти смыкаются с гинчинским кругом древностей эпохи бронзы. Следует отметить и еще один немаловажный фактор. В 1959 г. В.И. Канивец, рассматривая древности бассейна р. Сулак (Миатлы и др.), выделял особый “миатлинский этап” в развитии эпохи бронзы Дагестана. По его мнению, этот этап, следуя за “сигитминским” (с памятниками типа Сигитминского поселения), характеризуют такие древности, как Чохские склепы, Чиркейские курганы и пр. (Канивец В.И., 1959. С. 50, 51). Таким образом, соединив памятники предгорных частей Дагестана с памятниками, расположенными в глубинах Дагестана, В.И. Канивец поставил вопрос об их определенном культурном единстве. В дальнейшем отдельные специалисты стали говорить о “манасско-гинчинском” этапе бронзового века Дагестана, относя его ко времени около 1700–1400 гг. до н.э. (Котович В.М., 1965. С. 248; История Дагестана, 1967. Т. 1. С. 54). Очевидно, в основу датировки взяты отдельные литые украшения с выпуклым узором, встречающиеся в памятниках Дагестана и характерные в основном для второго этапа бытования северокавказских древностей (по старой хронологической схеме; см.: Марковин В.И., 1960. С. 69). К сожалению, до сих пор нет обоснования синхронизации памятников, выведенных в название этапа, ибо в культурно-историческом плане трудно сопоставлять манасские катакомбы с Гинчинскими склепами. На это уже указывалось в литературе (Марковин В.И., 1968. С. 314).

Однако сам М.Г. Гаджиев, описывая Гинчинский могильник, рассматривал его как один из памятников “локального варианта культуры бронзового века Дагестана II тысячелетия до н.э.”, включая в его ареал бассейны рек Аварского Койсу и Кара-Койсу (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 169, 170). Нес-

колько позже, в 1976 г., он предложил выделить особую “гинчинскую культуру”, датировав ее первой половиной II тысячелетия до н.э. Правда, детально не были указаны характерные черты культуры. В состав ее памятников оказались включенными такие объекты, как Манас, Чиркей, Чох, Ругуджа и другие, а также ранее неизвестный могильник Галгалатли (у сел. Гагатль Ботлихского района). Действительно, этот некрополь, состоящий из круглоплановых склепов с коллективными захоронениями, содержал керамику четырех типов, напоминающую гинчинскую и инвентарь, характерный для эпохи (булавка с “роговидными завитками”, иглы с ушком, височные кольца в полтора оборота, пластинчатые браслеты, височные подвески со щитком (в форме свернутого “лаврового” листа), трубочки-пронизки с рельефным узором, разделители, подвески с ушком и пр.). Близки могильнику Гинчи и найденные здесь бусы из морских раковин, гагата, сердолика и бронзы (Гаджиев М.Г., 1969б. С. 103; 1975. С. 13, 14; Котович В.Г., 1978б. С. 74; Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. С. 83–92; Рис. 2–5). Рядом с могильником обнаружено синхронное поселение, получившее название Галгалатли II. Оба памятника отнесены к гинчинской культуре и датированы в пределах первой половины II тысячелетия до н.э. (Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. С. 83, 92). Данные памятники авторами исследований неоднократно сопоставлялись с известным могильником Гатын-Кале.

Могильник Гатын-Кале находится в горной Чечне, близ сел. Асланбék-Шерипово (теперь Гатын-Кале), занимая ровное плоскогорье у речки Вердыахк (ущелье р. Чанты-Аргун) (Марковин В.И., Кузнецов В.А., 1961. С. 109. Рис. 5). Здесь было вскрыто 37 погребальных сооружений. Они располагались четырьмя параллельными рядами, что, возможно, соответствует участкам с могилами близких родственников. Однако могильник использовался длительное время, так как некоторые захоронения перерезают более ранние, хотя и не нарушают общей планировки.

В Гатын-Кале преобладают захоронения в ямах (14 случаев) длиной до 2,10 м. Они углублены в грунт до 1,70 м, некоторые из них обрамлены по краям отдельными камнями. Глубокие могильные ямы содержали наиболее поздние захоронения. Так, яма могилы 32 была разрушена более глубокой ямой погребения 33 (табл. 102, Б), содержавшего вытянутый скелет (Марковин В.И., 1963а. С. 98, 105). В ямах (за исключением могилы 33) были обнаружены скорченные захоронения (в двух могилах этого типа найдены лишь отдельные кости). Умершие лежали в преобладающем большинстве на правом боку, кисти их рук обращены к лицу. Головой они повернуты к югу и юго-востоку. Захоронения в ямах сопровождалось большим количеством сосудов, расположенных у западной или восточной стены могилы (табл. 102, А).

В Гатын-Кале обнаружены также 13 склепов.

Таблица 102. Могильник Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово (Чечня)

А - погребение 1 (план и разрез); Б - погребение 33; В, Г - могила 7 в склепе (В - остатки захоронений и инвентарь на глубине 0,3-1 м; Г - парное захоронение на дне склепа);

1-18 - инвентарь из разных могил; 1 - кремнь; 2-4, 6-11, 14, 15, 18 - бронза; 5, 12, 13 - кость; 16, 17 - камень (раскопки В.И. Марковина, 1956-1959 гг.)

Они имеют только прямоугольную форму и сооружались в специальных котлованах, вырытых в щебне. Камни сухой кладки плотно пригнали друг к другу таким образом, чтобы камера имела ровные стены (длина склепов до 2,20 м, ширина до 1,67 м, наибольшая глубина 1,5 м).

Склеповые сооружения Гатын-Кале содержали скорченные и вытянутые захоронения. Во многих могилах находились останки нескольких умерших. Так, в могиле 7 найдено 12 погребенных, двое из них (мужчина и женщина) лежали вытянуто, будучи обращены головами на северо-запад, от других умерших сохранились только отдельные кости (табл. 102, В, Г). Не исключено, что в склепах хоронили иногда только отдельные части скелетов, сохранившиеся при ритуальных действиях, связанных с обрядом вторичных погребений (табл. 102, В).

Следует еще отметить, что в Гатын-Кале найдены небольшие могилы в ямах, обложенные камнями. Они предназначались для одиночных погребений. Совершенно уникальны круглые ямы, обложенные камнями, и одна могила почти овальной формы, отдаленно напоминающая склеп. Эти могилы не содержали скелетов. Вероятно, они являлись кенотафами, т.е. могилами с символическими захоронениями (Марковин В.И., 1963а. С. 106–109).

Некоторые стратиграфические наблюдения позволили предположить, что в Гатын-Кале наиболее ранним типом сооружений являются неглубокие ямы, затем стали погребать в более глубоких ямах, несколько позже возникли склепы, а вслед за ними – каменные ящики и близкие им сооружения с каменными обкладками. Однако, подчеркивая такую хронологическую последовательность возникновения погребальных конструкций, нельзя отрицать возможность их сосуществования в определенное время (Марковин В.И., 1963а. С. 110).

Инвентарь могильника Гатын-Кале разнообразен. Особенно велика керамическая коллекция. Она состоит из 250 сосудов, которые по чисто внешним признакам, прежде всего по фактуре наружной поверхности, могут быть разделены на три группы: 1. Сосуды с залощенной поверхностью, с хорошо отформованными ручками, которые у места прикрепления к сосудам окружены выпуклым бортиком и тщательно примазаны к стенкам (табл. 103, 4, 8). Орнамент нанесен лощилом, но встречается и выпуклый, наклепной узор, в том числе и в виде стилизованной головки овцы. 2. Сосуды с ровной, но не очень гладкой поверхностью. Ручки петлевидные и в виде колец (табл. 103, 6, 7, 9, 14). Орнамент – редкие налепы в виде конусов, шишечек и пр. 3. Сосуды, покрытые грубой обмазкой, со следами пальцев (табл. 103, 1–3). Декор у этих сосудов редок, обычно сводится к наклепному валяку с вмятинами. Сглажены только венчик и иногда плечики сосуда.

Внутри этих групп можно выделить 11 типов со-

судов, отличающихся по форме. Среди них отсутствуют круглодонные сосуды. В Гатын-Кале преобладают крупные сосуды вытянутых пропорций (при относительно небольшом дне). Они напоминают ведра, да и в высоту достигают 47 см (табл. 103, 1, 3). Отдельные из них вместо ручек имеют налепы-ушки (табл. 103, 5). Далее следуют кувшины с несколько суженным горлом, сосуды биконических и шарообразных форм, миски и кружки (табл. 101, 28–32, 34; 103, 10–14).

Таким образом, керамика из Гатын-Кале напоминает гинчинскую, но она не аналогична ей. Так, в Гатын-Кале более всего ведровидных сосудов, в Гинчи их немного и те в основном исполняли функции погребальных урн. Вместе с тем, несомненно, гатынкалинская посуда содержит явные и преобладающие черты, которые сближают ее с керамикой дагестанских памятников (Марковин В.И., 1963а. С. 111–122).

Металлические изделия Гатын-Кале изготовлены из сплава на медной основе с примесью мышьяка (от 0,25 до 14%) и сурьмы (до 1,7%). Наличие сурьмы в бронзе изделий, как замечает Е.Н. Черных, характерно для археологических предметов, происходящих из восточных районов Кавказа (Черных Е.Н., 1963. С. 136–138).

Среди гатынкалинских находок выделяется проушной топор (из погребения 33) с широким лезвием и круглым выступающим обухом (табл. 102, 14). Он литой. Этого рода орудия довольно редко встречаются в памятниках Чечни и Дагестана (Марковин В.И., 1966. С. 117, 121, 122. Рис. 2, 1, 2, 7; Котович В.Г., Котович В.М., 1973. С. 77–81. Рис. 1). В могилах 7 и 27 найдены листовидные ножи с хорошо выделенным черешком (табл. 102, 10). Из других металлических предметов следует отметить четырехгранные шилья (табл. 102, 2, 3) и украшения – булавки с волотными (роговидными) навершиями (табл. 102, 4). Они были обнаружены в шести могилах. Две булавки этого типа под “рогами” имели сильно расплюснутые лопасти, отдаленно напоминая булавки из Дигории (Осетии). Три булавки имели дисковидные (круглые) навершия, украшенные выбитым узором и отверстием (табл. 102, 8). Из четырех могил происходят многовитковые браслеты, свернутые из бронзового прута треугольного сечения. Один из браслетов имеет заходящие концы и ромбический щиток. Массовым материалом являются височные подвески (кольца) в полтора оборота. Они имеют круглую (табл. 101, 10, 11) и овальную форму и изготовлены из круглого прута или раскованного кусочка металла. Среди них выделяются подвески М-образной формы (табл. 102, 9), близкие украшениям кобанской культуры. Три полусферических колпачка были обнаружены в склепе 7. В центре их проделано отверстие, а края покрыты пунсонным узором. Серию украшений завершают подвески с ушками, пронизки и разделители. Почти все они покрыты литым выпуклым узором (табл. 101, 17, 22–24, 27;

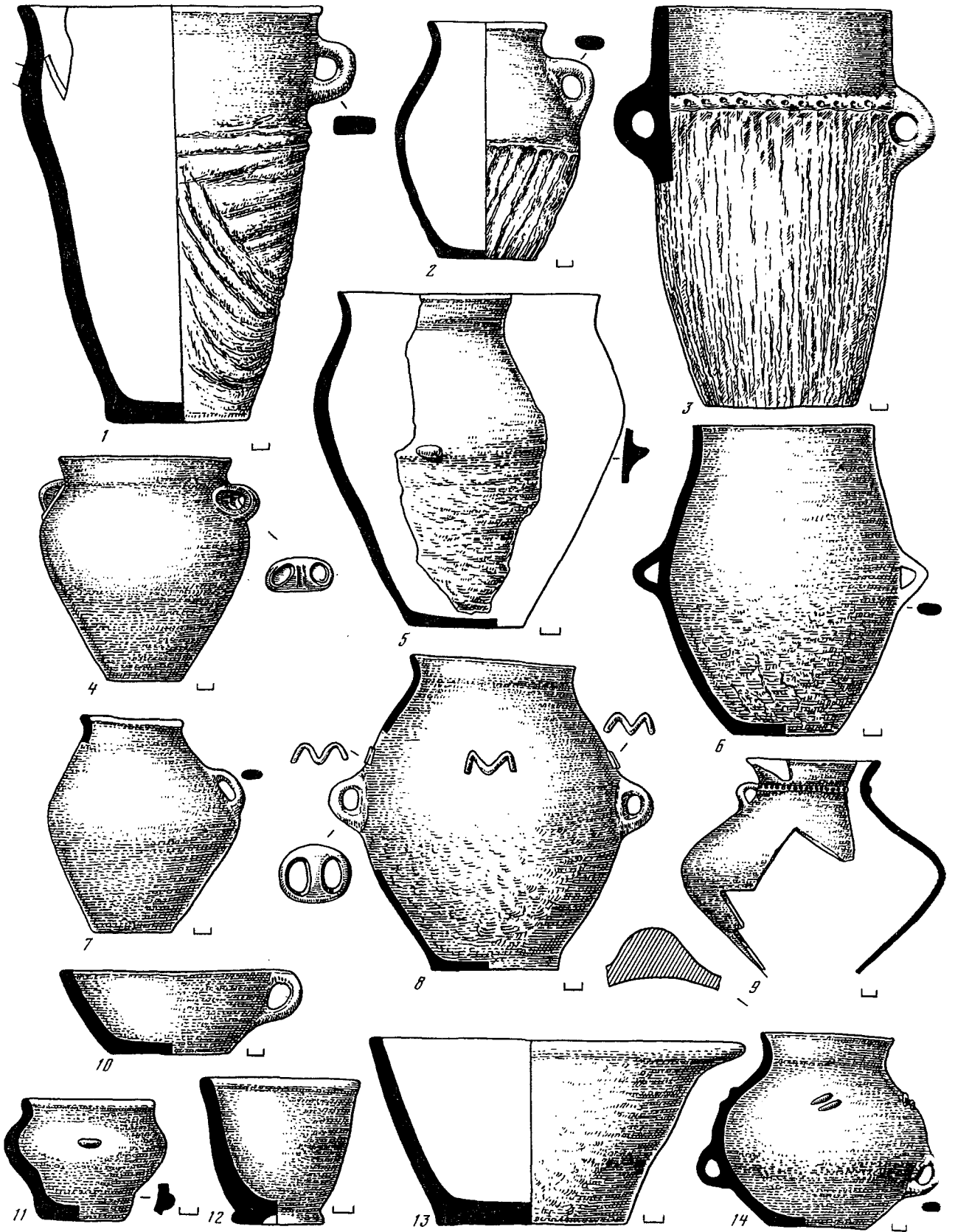

Таблица 103. Керамическая посуда из могильника Гатын-Кале (сел. Асланбек-Шерипово в Чечне. По В.И. Марковину) (1-14)

102, 6, 7). Эти изделия широко распространены в памятниках северокавказской общности.

В Могильнике Гатын-Кале в склепе погребения 30 обнаружены два каменных топорика (цельный и обломок), сделанные из зеленоватой змеяковой породы (табл. 102, 17). Они похожи на кабардино-пятигорские топорики гладкого варианта. Интересны две булавы грушевидной формы (одна в обломке – из мергеля, другая – из магматической породы, в ее канале сохранился бронзовый клинышек, которым была укреплена рукоять; табл. 102, 15, 16). Среди бус выделяются бусы рубленого типа из сердолика, горного хрусталя, гагата, плотно-го известняка. Бусами и подвесками служили также целые, только просверленные и сточенные в виде кружочков раковины каспийских моллюсков *Cardium* sp., *Didacna trigonoides* (Pallas) (табл. 101, 12–15, 19, 25) и др. Встречены также бусы из бронзы и стеклянной пасты, последние являются предметами, переднеазиатского и ближневосточного импорта (табл. 101, 16, 20, 21, 26), отдельные пряслицевидные предметы из кости и подвески в виде стерженька с колечком (табл. 102, 12, 13). Таков инвентарь, который характеризует могильник Гатын-Кале. В 1960 г. все открытые нами погребения были разделены на три хронологические группы и датированы в пределах от 1700 до 1400 г. до н.э. (Марковин В.И., 1963а. С. 131–133) и отнесены к памятникам северокавказской культуры, но с существенной оговоркой, что этот могильник может рассматриваться как определенное звено, непосредственно связанное с каякентско-харачоевской культурой эпохи поздней бронзы (Марковин В.И., 1963а. С. 135). Тогда же могильник Гатын-Кале и характеризующие его древности сопоставлялись с такими памятниками Чечни и Дагестана, как Митлинские курганы и Харачоевский некрополь (Марковин В.И., 1960б. С. 64, 130). В настоящее время, осмысливая старый материал, происходящий из Чечни, – отдельные находки из сел. Мескеты (каменный топор, булавка с волютами), из Веденского района (многовитковые браслеты, бронзовый тесловидный топор), сел. Дарго (бронзовый проушной топор) и другие (Марковин В.И., 1966. С. 117, 119, 121. Рис. 1, 4, 10; 2, 3, 10) и новейшие данные, полученные в результате раскопок Бельтинского могильника и других, можно по-иному рассматривать Гатын-калинский комплекс и весь круг близких ему памятников.

Раскопки могильника Бельты 2 (у сел. Бельты Ножай-Юртского района Чечни) были начаты в 1978 г. Обнаружено 54 погребения, которые по типам могильных сооружений могут быть разбиты на три группы: “гробницы, стенки которых выложены сухой кладкой” (склепы); каменные ящики; грунтовые ямы. Преобладают могилы в виде склепов (23 погребения). Далее следуют ящики и затем захоронения в ямах. В некоторых склепах кладка сочетается со стенами из вертикально поставленных плит (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М.,

1988. С. 79–82, 91, 96, 97. Рис. 10, 15, 16). Такие гробницы рассматриваются как сооружения переходного типа – от склепа к ящику (Ерзункаева К.З., 1979. С. 16).

Для склепов характерны коллективные захоронения в виде расчлененных останков. В отдельных гробницах встречены скорченные одиночные и парные погребения. Ящики и грунтовые ямы служили индивидуальными могилами, причем “большинство каменных ящиков содержало погребения детей младшего возраста” (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986. С. 6–9).

Могильные конструкции большей частью вытянуты с запада на восток, погребенные ориентированы головой на восток. Коллективные и одиночные захоронения содержали большое количество предметов, в каменных ящиках в основном были найдены глиняные кружки, грунтовые ямы часто не имели вещей.

Глиняная посуда близка по своим формам гатын-калинской. Это – сосуды, напоминающие ведра с округлым корпусом и устьем в виде раструба, баночные сосуды, одноручные горшки и кружки, довольно глубокие миски. Многие из них покрыты грубой обмазкой. Декор несложен – валики с нарезкой, охватывающие горло сосудов, отдельные налепы, реже встречаются угловатые врезки и беспорядочные штрихи, разбросанные по всему корпусу сосудов. Некоторые экземпляры снабжены ручками полушарной (“энеолитической”) формы и выступающими ушками.

В могильнике Бельты 2 собрана большая коллекция бронзовых изделий – листовидные ножки-кинжалы с небольшим черенком, бронзовые булавки, многовитковые браслеты, височные подвески, в основном двух типов – мелкие из массивного прута и более крупные (из раскованного листа металла), конусовидные подвески, полусферические колпачки и подвески с ушком (опубликована одна из них с литым, выпуклым узором).

Изделия из камня представлены булавами грушевидной и уплощенно-шаровидной формы, наконечниками стрел с выемчатыми основаниями (сделаны из кремня) и топориками. Они имеют выступающие ребрышки по внешнему краю. Из сердолика и гагата были сделаны бусы уже описанных нами форм. Пастовый бисер и бусы, в том числе “рогатые”, рассеченные на дольки, часто встречались в женских захоронениях. Ожерелья дополняли крупные просверленные каспийские раковины и дисковидные бусы, выточенные из них. Бельтинскую коллекцию можно завершить упоминанием костяных просверленных булавок, подвесок из зубов хищников, продырявленных эпифизов крупных животных (они напоминают пряслица) и приостренных наконечников стрел (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986. С. 9–12. Рис. 3–5; 1988. С. 80, 82–98. Рис. 1–17). Здесь, конечно, перечислены лишь основные находки.

Следует обратить внимание на декор некоторых

предметов. Это прежде всего пунсонная орнаментика на бронзовых булавах (в виде солнечных крестообразных дисков), конусах и полусферических колпачках (узор в виде лучей и концентрических кругов). Пунсон свидетельствует не о столь раннем возрасте памятника. На это же указывает обилие широколопастных височных подвесок. Два опубликованных каменных топорика также покрыты врезанным узором – насечками и зигзагами (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. С. 79, 90. Рис. 9, 1, 2). Можно думать, что и эти предметы относятся к более позднему времени, чем основная масса изящно выгнутых топориков кабардино-пятигорского типа. Однако мы не считаем, что их можно относить, как и аналогичный топорик из сел. Мартан-Чу (случайная находка) к первым векам I тысячелетия до н.э., как предлагают В.Б. Виноградов и С.Л. Дударев (Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1977. С. 25, 30). Они считают, что подобные топоры, могут принадлежать более раннему времени. Сейчас Бельтинский могильник датируется в пределах 1600–1400 гг. до н.э. и рассматривается в качестве “материнского” памятника и недостающего промежуточного звена на пути сложения “западного варианта каякентско-харачоевской культуры” (Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986. С. 22; 1988. С. 78; Ерзункаева К.З., 1979. С. 13).

Для того чтобы более строго подойти к вопросу о дате могильника Бельты 2 и его месте в системе памятников эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа, следует вспомнить еще три могильника, обнаруженных в Чечне.

1. Могильник у сел. Дай. Опубликовано три погребения – в яме, в склепе и в каменном ящике. В первой могиле лежал вытянутый костяк, головой обращенный к западу. В склепе, сложенном сухой кладкой, умерший лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-запад. В ящике находились останки ребенка. Инвентарь – сосуды почти баночных форм, миски и кружки, бронзовые булавки с волютным навершием и пронизки; кремневые вкладыши и выемчатый наконечник стрелы (Ошаев М.Х., 1982. С. 30–43. Рис. 1, 2).

2. Могильник Саади-Катар у сел. Комсомольского (Урусмартановский р-н). Исследовано два погребения в грунтовых ямах со скорченными костяками. Основной инвентарь – сосуды шаровидных форм с суженным горлом, отвернутым венчиком и четко обозначенными плечиками (ручки на самой широкой части тулова и чуть ниже его; орнамент налепной, в том числе в виде концентрических кругов), яйцевидной формы высокие двуручные сосуды, одноручные кружки, каменная грушевидная булава, игральные кости (альчики) с просверленным краем, бронзовые наконечник стрелы с пирамидальным жалом, “пуговка” и пронизка, а также каменный предмет, напоминающий оселок (с двумя отверстиями). На территории могильника, помимо того, были найдены пять глиняных ста-

туэток животных, кремневые вкладыши и выемчатые наконечники стрел. Вероятно, данные находки (особенно статуэтки) более позднего происхождения (Багаев М.Х., 1986. С. 66–73. Рис. 1–4).

3. Могильник у сел. Бачи-Юрт (на р. Гонсол). Открыто девять групповых могил со скорченными костяками. Основной инвентарь – миски, высокие и низкие сосуды округло-биконических форм с ручками (в том числе “энеолитического вида”) и без них. Орнаментальные псевдоручки, поясok елочного узора. Некоторые сосуды покрыты обмазкой. Металлических изделий мало – это мелкие и крупные лопастные височные подвески (Ошаев М.Х., 1979. С. 51–69. Рис. 1–4).

Если могильники Гинчи, Гатын-Кале имеют, несомненно, культурное сходство, которое может быть объяснено общей для них подосновой – куро-аракской культурой эпохи ранней бронзы (Марковин В.И., 1972 в. С. 289; Гаджиев М.Г., 1991. С. 234–238), то теперь к ним можно присоединить еще и такие памятники, как Саади-Катар и в меньшей степени Бачи-Юрт. Далее мы поставили бы могильники Дай, затем Бельты 2 и Дуба-Юрт (из последнего могильника происходят каменный топор и сосуды округло-биконической формы. (см.: Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969. С. 98, 126. Рис. 6, 1–3). Таким образом, выстраивается ряд памятников, подводящих к возникновению каякентско-харачоевской культуры. Они могут являться тем несколько условным “недостающим промежуточным звеном”, о котором писали археологи Чечни и Ингушетии (Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З., 1979. С. 13–17; Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986. С. 22). Датировать комплекс названных памятников довольно сложно. Время их возникновения может охватывать большой период – с конца III тысячелетия до н.э. и почти все II тысячелетие до н.э. от его начала до последней четверти. Р.Г. Магомедов, деля гинчинскую культуру на две фазы, датирует их так: первую – переходом от ранней бронзы к средней, т.е. с последней четверти III тысячелетия до н.э. и до XVIII в. до н.э.; вторую фазу – от XVII–XVI вв. до н.э. и переходом к поздней бронзе – XV в. до н.э. (Магомедов Р.Г., 1992. С. 16). Его схема мало отличается от принятых нами датировок.

В 1974 г. М.Г. Гаджиев предложил новую трактовку гинчинской культуры. Прежде всего им был расширен ее ареал за счет включения всей юго-восточной части Чечни с такими памятниками, как Курчалоевское поселение (Марковин В.И., 1963б. С. 64–67; Ошаев М.Х., 1971. С. 72, 73) и могильники Гатын-Кале, Харсеной и Дуба-Юрт (Гаджиев М.Г., 1974а. С. 24–28). Следует заметить, что могильник в Дуба-Юрте почти не содержал находок, его сопоставление с могильником Гинчи требует проверки. Харсенойский могильник обладает своими особенностями. В нем, к примеру, обнаружены не склепы, а могилы в виде ям. Инвентарь Харсеной к тому же не содержал круглодонной посуды.

Несомненно, Гатын-Кале и Гинчи содержат близкие, но опять-таки не идентичные материалы, а то сходство, которое прослеживается по конструкции склепов прямоугольного плана, отдельным формам керамики и литвым подвескам северокавказского типа, свидетельствует об относительной одновременности данных памятников и общей подоснове в их происхождении. Само название “гинчинская культура” несколько суживает представление о всем многообразии памятников, которые уже известны в Дагестане и Чечне. Было бы вернее называть данную культуру “гинчинско-гатынкалинской” по наименованиям двух ведущих памятников древности. Такое объединение устранило бы отмеченные несоответствия. Но и в этом случае возникают определенные сомнения.

Если для гинчинской культуры утверждается, что “она сложилась на основе северо-восточного локального варианта куро-аракской культуры раннебронзовой эпохи” (Гаджиев М.Г., 1974а. С. 28), то здесь надо было бы уточнить степень (или формы) ее связи с памятниками “карабудахкентско-гонобского этапа”, которые хронологически занимают промежуточное место между “куро-араксом” и “гинчи”.

М.Г. Гаджиев выделяет не только гинчинскую культуру эпохи средней бронзы, но и для “центральной части приморского Дагестана” – великентскую, для “района среднего Сулака” – присулакскую культуру (Гаджиев М.Г., 1987б. С. 40). Не вызывает никакого возражения правомерность выделения двух последних культур, да и гинчинская культура вполне закономерна как название особого историко-культурного региона, охватывающего горную зону Дагестана, тогда для Чечни было бы более верным выделение особой гатынкалинско-харсенской культуры, которая в дальнейшем с выявлением новых памятников, вполне возможно, будет разделена на две культуры. Для всех названных культур характерны общие черты, прослеживаемые в отдельных типах керамики, технологии ее изготовления, приемах орнаментации и системе узора, в металлическом и каменном инвентаре. Имеют место и общие черты в погребальном ритуале, деталях могильных конструкций, что указывает на определенную близость в идеологических представлениях тех древних обществ, которыми были оставлены памятники, объединяемые в названные культуры. В свою очередь, Р.Г. Магомедов памятники гинчинской культуры делит на два локальных варианта: юго-восточный (койсугский, по названию четырех Койсу–притоков р. Сулак) и северо-западный (ичкеринский)* (Магомедов Р.Г., 1992. С. 15). Данное членение только подчеркивает неоднородность “гинчинской” культуры, о чем уже говорилось выше. В силу сказанного подчеркнем, что всю прикаспийскую часть Кавказа можно рас-

сматривать как восточнокавказскую культурно-историческую общность. К сожалению, границы названных культур, входящих в нее, сейчас еще не могут быть четко намечены, так как пока изучено крайне мало опорных памятников данной общности. Но нет сомнения, что они будут выявлены. В определенной степени высказанное мнение поддерживается Р.Г. Магомедовым. Он только предлагает выделяемую общность называть “восточнокавказской метакультурной общностью”, считая такое понятие более широким, объединяющим “несколько целостных компонентов” (Магомедов Р.Г., 1992. С. 15).

К сожалению, поздняя фаза эпохи развитой бронзы представлена в основном могильниками. Можно назвать лишь одно из поселений, затронутое раскопками. Оно находится у сел. Ирганай Унцукульского р-на, на правом берегу р. Аварское Койсу. Занимая участок, ограниченный глубоким оврагом и скалистой возвышенностью, оно, можно считать, было неплохо защищено естественным образом. В процессе раскопок выявлено помещение, стены которого были несколько углублены в материк и достигали толщины 0,40 м. Полы глинобитные. В них зафиксированы два очажных пятна и яма, достигавшая в глубину до 1,10 м. С внешней стороны помещения также находились три очага, обложенных камнями. В культурном слое встречались зернотерки ладьевидной формы, костяные проколки, просверленные клыки животных. Вся найденная керамика лепная, покрытая в основном обмазкой, реже – лощением. Это довольно большие сосуды с венчиком-раструбом, широким туловом и небольшим дном. Горловина у них заглажена и отделяется налепным валиком от тулова, покрытого обмазкой. Далее следуют горшки со слегка отогнутым венчиком и расширяющимся корпусом. Они также часто покрыты обмазкой. Помимо них, встречены баночные сосудики и небольшие, очевидно, круглодонные сосуды (со слабым лощением?). Эта керамика напоминает посуду, найденную в Ирганайских склепах. Декор керамики беден – валики с защипами или косыми и вертикальными нарезками (найлены фрагменты, на которых валики образовывали треугольники). Есть и вдавленный орнамент в виде кружочков, параллельных линий, зигзагов, ромбов и т.д. (Атаев Д.М., Погребова М.Н., 1974. С. 28–33).

Завершая ознакомление с памятниками эпохи бронзы, следует вспомнить могильник, обнаруженный М.Х. Ошаевым в 1966 г. у сел. Эгикал в Ингушетии. Исследованные здесь склепы вместе с гробницами Ирганая, Гинчи и некоторыми другими памятниками отдельные исследователи причисляют к разряду составных дольменов. Тем самым Северо-Восточный Кавказ оказался ими искусственно включенным в ареал культуры дольменов. Научный анализ подобных построений уже нашел свое отражение в литературе (Марковин В.И., 1982а. С. 25–27, 30, 31; 1984. С. 6, 7), и здесь мы не станем

*Термин “Ичкерия” подходит для Бельтинского могильника. Гатын-Кале находится в Чанты-Аргунском регионе.

касаться этого вопроса. Однако древности Эгикала представляют огромный интерес.

Три склепа, исследованные в Эгикале (работы В.И. Марковина в 1966 г., М.Б. Мужухоева в 1976 г.), сложены из рваного камня и перекрыты необработанными обломками скал. Наибольший и хорошо сохранившийся из них был повернут фасадом на юг. Его камера площадью 1,80 × 1,10 м и высотой 1,75 м была оборудована сланцевыми полками, которые поддерживались каменными упорами и хорошо подтесанными брусками (табл. 104, А, Б). На них укладывали умерших. Склепы предназначались для массовых захоронений. В исследованных склепах найдены останки пяти, восьми и 14 человек. Покойников окружал богатый инвентарь – баночной и котловидной формы горшки довольно грубой лепки, биконической формы сосуды и плоски. Посуда орнаментирована скупом – это отдельные налепы и прочерченный узор (табл. 104, 1–11). Помимо керамики, найдены изделия из бронзы: крупные бляхи, покрытые пунсонным орнаментом (возможно, служили поясными пряжками), булавки с дисковидным навершием, игла, височные подвески (в том числе и двойные), браслеты и колпачки (табл. 104, 12–16, 18–20, 22, 24). Среди предметов вооружения необходимо назвать обломок кинжала с продольными желобками и наконечник копья “кахетинского типа” с длинной трубкой (табл. 104, 23, 25). В основном металлические изделия изготовлены из мышьяковистой бронзы, но копье, кинжал и одна булавка сделаны из оловянистой бронзы. Среди находок можно назвать еще кремневый наконечник стрелы, сурьмяную бляху конической формы, бусину-разделитель с циркульным узором (табл. 104, 17, 21) и бусы из стекляной пасты.

Наличие предметов из бронзы, лигированной оловом, пунсонного и циркульного орнамента на некоторых изделиях, бляшек из сурьмы позволяет относить склепы Эгикала, скорее всего, к началу второй половины II тысячелетия до н.э., что не исключает датировки отдельных предметов более ранним возрастом (Марковин В.И., 1970. С. 85–92; 1982а. С. 27–31).

Описанные склепы не только увеличивают количество археологически изученных памятников подобного рода, но и показывают истоки возникновения склепов с полками, которые особенно широко бытуют в средние века в среде вайнахов (чеченцев и ингушей), осетин и хевсуров. В этом их главная историческая ценность и существенные отличия от склеповых могильников, относимых к гинчинской культуре.

Итак, мы ознакомились с основными памятниками, характеризующими эпоху бронзы Северо-Восточного Кавказа. В определенной степени они позволяют восстановить экономические и бытовые черты в жизни древнего населения данного региона.

Долгое время считалось, что жители Северо-

Восточного Кавказа эпохи бронзы, в частности Дагестана, занимались полукочевым скотоводством, т.е. на лето частично откочевывали в горы, используя для выпаса мелкого рогатого скота яйлаги – альпийские пастбища (Миллер А.А., 1935. С. 41–51; Круглов А.П., 1946. С. 134). Однако изучение географических особенностей Северо-Восточного Кавказа (наиболее тщательно они были изучены в Дагестане) позволило утверждать, что хозяйство древних местных племен не было столь примитивным, как это казалось. Уже с энеолита их экономической базой являлось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, базировавшееся на освоении местных пахотных и пастбищных угодий и, вероятно, даже на использовании для посевов эндемичных зерновых культур – пшеницы, ржи и пр. (Вавилов Н.И., 1957. С. 116, 121; Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977. С. 48). Специалисты считают, что первые признаки производящего хозяйства, в том числе земледелия, намечались здесь еще в эпоху мезолита (Котович В.Г., 1974. С. 58, 59; Гаджиев М.Г., 1980б. С. 8; Амирханов Х.А., 1987. С. 148, 149, 177 и след.). Несомненно, в эпоху бронзы, когда широко использовались каменные мотыги, серпы с кремневыми вкладышами, молотильные доски, специальные печи для сушки и поджаривания зерна, ямы-зернохранилища (поселения Верхний Гуниб, Галгалатли I, Мекеги, Чиркей, Ирганай и др.), земледелие носило целенаправленный характер, совершенствуясь на протяжении всей эпохи бронзы (Котович В.Г., 1961б. С. 285–287; Котович В.М., 1965. С. 211–215; Магомедов Р.М., Дзагурова В.П., 1969. С. 6; Гаджиев М.Г., 1974б. С. 56–57). Отдельные находки образцов зерновых культур уточняют ассортимент посевов на полях. Так, на Верхнегунибском поселении были найдены остатки обугленных зерен мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* L.) и голозерного ячменя (*Hordeum vulgare* var. *nudum*). Отпечатки твердой пшеницы (*Triticum durum* Desf) на стенках сосудов были обнаружены в катакомбах кургана 3 у ст. Манас. Отпечаток пшеницы неопределимого вида сохранился на керамике одного из Миатлинских курганов (Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977. С. 67, 68. Рис. 10). Можно думать, что в эпоху бронзы появились первые террасовые поля (Котович В.Г., 1961. С. 288; Агларов М.А., 1974; Гаджиев М.Г., 1980б. С. 10, 11). Это подтвердилось пробными раскопками на одной из террас Верхнего Гуниба, в результате которых был получен материал, идентичный поселенческому (Котович В.М., 1965. С. 216). Такие поля существенно увеличили посевные площади в горных районах Дагестана и Чечни. Техника возведения их довольно сложна. Это и особые способы запашки, и искусственное выравнивание естественных горных уступов, и даже сооружение опорных стен (Агларов М.А., 1964. С. 179–184; 1974. С. 62, 63).

Некоторые косвенные данные в определенной

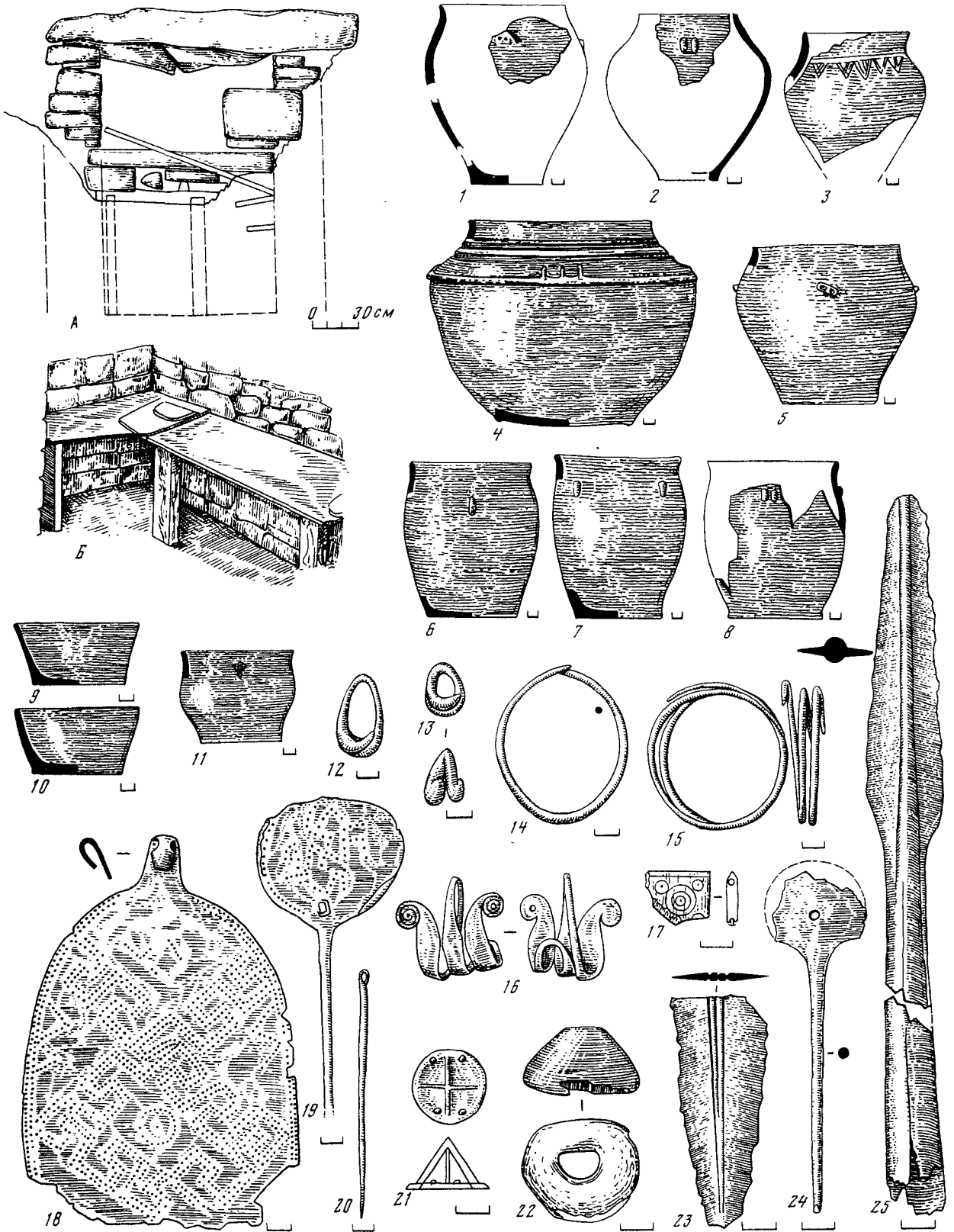

Таблица 104. Ингушетия. Склеповый могильник у сел. Эгикал (раскопки В.И. Марковина, 1966 г.)

А – фасад склепа 2 (пунктиром показаны внутренние части);
 Б – реконструкция расположения погребальных полок в скле-

пе 2; 1–25 – инвентарь склепов (1–11 – керамика; 12–16, 18–20, 22–25 – бронза; 17 – кость; 21 – сурьма)

степени свидетельствуют о плужной запашке полей, применявшейся еще в эпоху бронзы. Таковы лингвистические материалы, указывающие на общность названий пахотных орудий в дагестанских языках (Бокарев Е.А., 1961. С. 17; Османов М.О., 1974. С. 68–72), и глиняные рельефы (табл. 88, 1, 2) на Верхнегунибском поселении с изображением, как считают, сцен пахоты (Котович В.М., 1965. С. 160–169. Рис. 57; Котович В.Г., 1965. С. 10, 11).

Для территории Чечни и Ингушетии материалов, характеризующих земледелие в древности, не очень много. Это отдельные находки зернотерок, а в могильнике Гатын-Кале даже каменной мотыги и семян конопли (*Cannabis sativa*) (Марковин В.И., 1963а. С. 98, 134). Все эти данные с определенной полнотой указывают на наличие довольно развитого земледелия в горах Северо-Восточного Кавказа в эпоху бронзы.

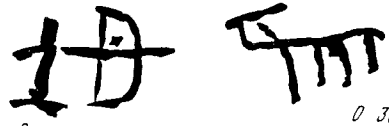
Другой важной отраслью хозяйственной деятельности древнего местного населения являлось скотоводство – разведение крупного и мелкого рогатого скота. Подсчеты костных материалов по дагестанским памятникам, относящимся в основном ко II тысячелетию до н.э., позволяют говорить, что на одну голову крупного рогатого скота приходилось от 1,6 до трех голов мелкого – овец и коз (Золотов К.Н., 1961. С. 288, 289. Табл. 1, 2; Котович В.М., 1965. С. 217, 218; Котович В.Г., 1965. С. 12). Однако не надо думать, что этим фактом как-либо документируется преобладающее значение овцеводства. В.Г. Котович убедительно показал, что основой скотоводства являлось разведение коров, так как “мясная продуктивность одной головы крупного рогатого скота соответствует продуктивности примерно четырех голов мелкого, по молочной продуктивности крупный рогатый скот стоит еще выше” (Котович В.Г., 1961б. С. 292). Это обстоятельство при отмеченном выше соотношении указывает на превалирующее разведение коров в эпоху бронзы. Такое направление скотоводства располагало к оседлости населения, что подтверждается также наличием костей домашней свиньи, занимающих среди остеологических остатков третье место. Подобные данные получены для Верхнегунибского, Мекегинского, Ирганайского, Усишинского и других поселений (Котович В.М., 1965. С. 217; Котович В.Г., 1961б. С. 293). Однако такое заключение лишь условно применимо к территории Дагестана. Для Чечни и Ингушетии мы вообще почти не располагаем аналогичными материалами, так как древние поселения здесь почти не изучались, хотя нижние слои Курчалоевского зольника дают близкое соотношение костных остатков (раскопки В.И. Марковина). Можно думать, что и в этой части Восточного Кавказа скотоводство имело такое же направление, как и на территории Дагестана. Интересно, что обезлесение отдельных горных районов В.Г. Котович связывает с порубками мелкоколосья на корм скоту, широко практиковавшимся в древности (Котович В.Г., 1961б. С. 295).

Несомненно, охота служила некоторым подспорьем в хозяйстве, давая, помимо мяса, мех, кожу, рога и кость для различных поделок. Имеющиеся данные позволяют говорить о преобладании добычи копытных животных, в меньшей степени охотились на медведей, рысей, зайцев и др. (Котович В.М., 1965. С. 217, 218). Это объясняется в первую очередь обилием самых различных копытных на Кавказе (туры, олени, серны и др.). Охота на них нашла свое отражение не только в костных остатках, но и в наскальных изображениях (табл. 105, 1–3), уже достаточно хорошо изученных на территории Дагестана (История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 80; Котович В.М., Марковин В.И., Хехнева Т.Д., 1974. С. 20–24. Рис. 2, 3).

Находки подвесок и бус из каспийских раковин (моллюски *Cardium* sp. и *Didacna trogonoides* Pallasi), обнаруженные в таких отдаленных от побережья горных могильниках, как Гинчи, Ирганай, Гатын-Кале, Бельты 2, на Верхнегунибском поселении и в инвентаре других памятников, указывают на связи горцев с населением поморья, а возможно, даже о выходах их к морю и о вполне вероятном морском промысле (рыболовстве, бое тюленей и пр.).

Мы не будем останавливаться детально на отдельных хозяйственных производствах, которые имели место в среде древнего населения. Ясно, что изготовление глиняной посуды являлось в основном делом женщин, как это имело место в недалеком этнографически зафиксированном прошлом (Е.М. Шиллинг, Л.И. Лавров, Б.А. Калоев и др.). Несомненно, определенный вес в домашних производствах имело изготовление изделий из кости, камня, дерева.

Анализ металлических изделий, обнаруженных в северо-восточной части Кавказа, показывает некоторое отличие их химического состава от состава металла западной его части (Черных Е.Н., 1963. С. 137, 138; Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984. С. 25–27). Однако следует осторожно говорить о местной металлургии в эпоху бронзы (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 161, 162; Марковин В.И., 1972в. С. 289). Ближайшие месторождения, расположенные по Главному Кавказскому хребту (в пределах Дагестана и Чечни), представлены полиметаллическими рудами, выплавка меди из которых весьма затруднительна даже в наши дни. Тут не может быть допускаемой иногда прямолинейности: есть руда – имеется металл (Котович В.М., 1965. С. 223, 228; История Дагестана, 1967. Т. 1. С. 73; Мирзоев Р.Н., 1978. С. 12, 17). Для эпохи ранней бронзы заметна зависимость местных мастеров от металлургических центров Закавказья – речь идет и о самом металле, и о формах найденных предметов (Корневский С.Н., 1978. С. 42–45). Даже для времени средней (развитой) бронзы можно говорить о двух центрах изготовления бронзовых топоров – прикубанском и терском, точнее, североосетинском (Корневский С.Н., 1981. С. 40, 41), но это не дает права говорить об отсутствии местных очагов металлургии.

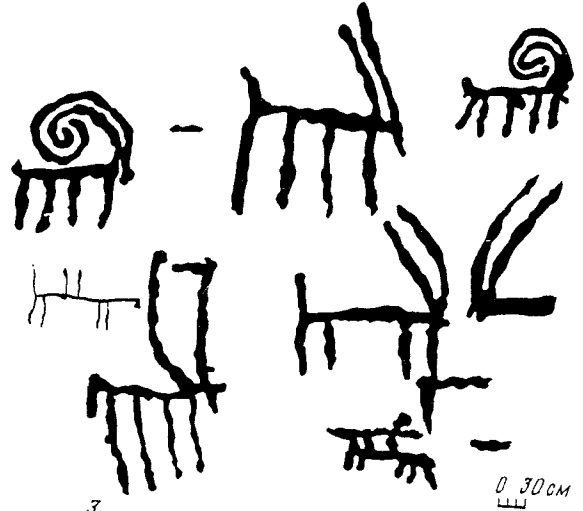

2

0 30cm

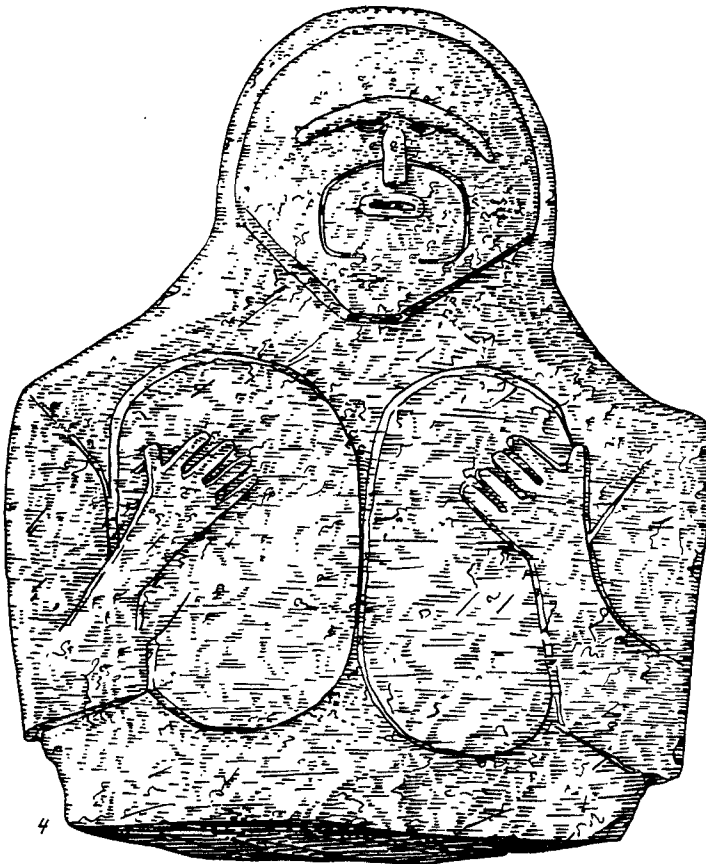

0 15cm

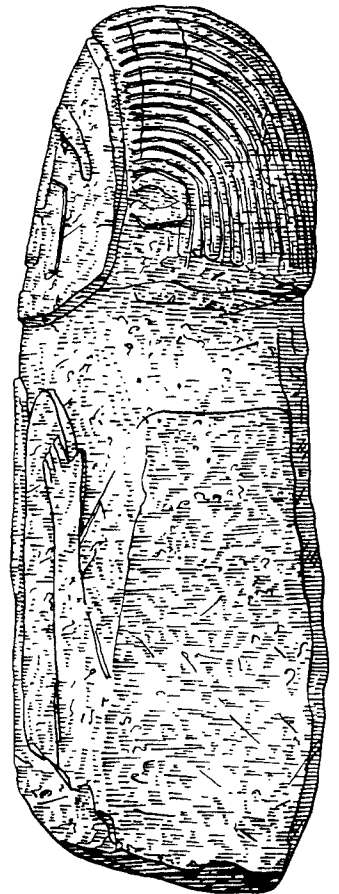

3

0 30cm

4

0 10cm

Таблица 105. Дагестан. Памятники древнего искусства

1 – хребет Нарратюбе, у б. сел. Кумторкала, наскальная гравировка (по В.И. Марковину); 2 – наскальная живопись из Гунибского района (по В.М. Котович); 3 – наскальная

живопись, сел. Кара Лакского р-на (по В.М. Котович); 4 – изваяние из сел. Экибулак (по М.Г. Гаджиеву и М.М. Маммаеву)

обработки. Об их возможном наличии свидетельствуют состав металла многих изделий, их форма и декор (Мирзоев Р.Н., 1978. С. 9–15; Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984. С. 25, 26). Однако об объеме местного производства и широте обмена бронзовыми изделиями сейчас говорить пока еще трудно (Магомедов С.М., 1974. С. 79).

Если возникают большие трудности при интерпретации экономической основы древнего общества, то тем более сложно представить социальные отношения, имевшие место в древности. Зная, что жители эпохи бронзы умели не только строить дома сложной планировки, но даже укреплять свои поселки, что они обладали мастерством в обработке металла, камня, возводили террасы, прокладывали дороги и тропы к морю, к перевалам, можно априорно думать – их социальный строй не был примитивным. Уже укрепления вокруг поселков заставляют предполагать о наличии военных стычек, а значит, и выделении военачальников-вождей. Развитие скотоводства и земледелия могло привести к появлению избыточного продукта и способствовать межплеменному обмену. Однако количество и качество могильного инвентаря лишь в какой-то степени свидетельствуют о возникновении имущественного и социального неравенства, ведь нам при этом остаются неизвестны ритуальные требования к захоронениям тех или иных лиц. В древности, несомненно, имели место военные действия с их удачами и неудачами, что могло способствовать возникновению ранних, патриархальных форм рабства. Но и это лишь общие выводы, которые трафаретны и мало подкреплены фактами. К сожалению, ими пестрят многие работы обобщающего характера (История Дагестана, 1967. Т. 1. С. 76, 77; Очерки истории Чечено-Ингушетии, 1967. 1. С. 12–15). В подобных суждениях многое требует значительных проработок. Более реален путь к подобным реконструкциям методом сравнения археологических материалов с этнографическими данными (Марковин В.И., 1982в. С. 3 и след.). Так, рассмотрение данных о Верхнегунибском поселении с его сложной многокомнатной системой планировки жилых объемов позволяет говорить о патрионимии (по М.О. Косвену), т.е. о существовании больших патриархальных семей (Котович В.М., 1965. С. 237), что подтверждается массой захоронений в отдельных склепах.

Археологический материал указывает также на тесное общение племен Северо-Восточного Кавказа со своими соседями. Ими являлось в первую очередь население других районов Северного Кавказа – носители культур северокавказской общности. Так, находки литых изделий из бронзы, украшенных выпуклым узором, в Гинчи, Харсеное, Гатын-Кале, Великенте и других могильниках, а также каменных топориков “кабардино-пятигорского типа” ясно указывают на наличие подобных контактов. Связи со степным населением, в первую очередь с теми племенами, которые известны по ката-

комбным захоронениям, в определенной степени документируются Манасскими курганами, хотя это требует еще проверки. Главный Кавказский хребет с его вечными снегами не являлся большим препятствием. Перевалы, пересекающие его, связывали восточные районы с Закавказьем, а через посредство местного населения и с переднеазиатским миром. Подобные, опосредствованные связи действительно имели место, на что указывают находки некоторых видов бронзового оружия в пределах Дагестана (Котович В.Г., Котович В.М., 1973. С. 77–81; Мирзоев Р.Н., 1976. С. 39, 40; Корневский С.Н., 1984. С. 344 и след.).

Переходя к упоминанию культовых памятников, мы не будем заново описывать погребальные сооружения со всеми характерными для них чертами. Любым типом могил документируется глубокая вера в существование загробного мира с его “потребностями”, близкими или полностью аналогичными земным. Об этом красноречиво свидетельствует погребальный инвентарь: посуда, вероятно содержавшая пищу, украшения, вооружение.

Однако верования древнего населения Северо-Восточного Кавказа не ограничивались только запуюкойным ритуалом. Ряд памятников, кстати являющихся произведением искусства, дает некоторое представление о сложности верований в эпоху бронзы.

В 1965 г. у сел. Башликент в урочище Шахсенгер были обнаружены два каменных изваяния в виде грубо отесанных плит с едва намеченными плечами и головой (Маммаев М.М., 1989. С. 82, 269 Рис. 126). Эти изваяния, достигающие в высоту до 1,90 м, В.Г. Котович и М.М. Маммаев по относительной древности и стилю готовы сопоставлять с известными стелами Нальчикской гробницы (Котович В.Г., 1966. С. 49. Рис. 100–102; Маммаев М.М., 1989. С. 82).

Более реалистическое изображение человеческой фигуры представляет собой стела, находящаяся у сел. Каякент. У нее отмечены голова и широко расставленные руки. У этого изваяния (1,45 × 1,19 × 0,24 м) заметна попытка изобразить лицо с характерным приостренным подбородком (Markovin W.I., Muntschajew R.M., 1988. S. 39, 40. Abb. 13). Если ее условно поместить в один ряд с башликентскими стелами, то можно наметить изобразительную эволюцию такого рода памятников – от примитива до реалистически трактованных статуй. Именно таким изваянием является каменная стела, найденная в 1968 г. у подножия горы Истисугау, возле хут. Экибулак (Дагестан). Эта фигура (1,30 × 1,17 × 0,33 м) в отличие от предыдущих, несмотря на плоский рельеф обработки, выполнена как объемная статуя. У нее намечены нос, рот, глаза, сросшиеся брови, четко выделено лицо с резко выступающим подбородком (табл. 105, 4). Голова ее имеет заостренные уши, а длинные волосы трактованы струйчатыми полосами, идущими от лба к спине (они “зачесаны” назад). Руки статуи

согнуты в локтях и ладонями прижаты к плоской, но тщательно обозначенной груди в виде крупных лопастей. Стела была найдена на кургане, окруженном кромлехом, и, как считают исследователи, была использована как простой камень для перекрытия каякентско-харачоевского захоронения (вторичное использование). Датируют они ее “начальными веками II тысячелетия до н.э.” (Гаджиев М.Г., Маммаев М.М., 1977. С. 52–57. Рис. 1; Маммаев М.М., 1989. С. 82, 83, 270. Рис. 127).

Описанные антропоморфные стелы, очевидно, также связаны с погребальным культом, но ими, вероятно, некогда были отмечены не рядовые захоронения, а могилы племенных вождей или жрецов. Здесь имеет место воплощенное в камне обожевление соплеменников, чей образ мог способствовать благополучию живых людей.

На территории Дагестана, в его предгорьях и высокогорных районах найдено большое количество наскальных изображений. Все они приурочены к выходам скал с относительно ровными поверхностями, служившими для рисунков своеобразным полотном. В предгорьях их выбивали точечными ударами или процарапывали острым орудием, в горных районах наносили краской, преимущественно охрой разных оттенков – от желтого до красно-коричневого. Таковы гравировки, обнаруженные у селений Капчугай, Уйташ, Ленинкент, у г. Буйнакс, в бассейне р. Самур и других местах предгорного Дагестана (Марковин В.И., 1954. С. 324 и след.; 1958. С. 147–162; 1990. С. 85–88; Лавров Л.И., 1959. С. 175–180; Дибиров П.М., 1959. С. 223–225; Häusler A., 1963. S. 896, 897. Taf. XVIII, XIX; Канивец В.И., Марковин В.И., 1977. С. 58, 59; Маммаев М.М., 1989. С. 81, 268. Рис. 124).

Рисунки, сделанные красками (писаницы), и гравировки сейчас найдены в более, чем 40 пунктах Гунибского, Гумбетовского, Лакского, Кулинского, Дахадаевского и других районов Дагестана (Котович В.М., 1960. С. 92–95; 1971а. С. 97–98; 1974. С. 29 и след.; Исаков М.И., 1966. С. 24, 61, 64; Табл. 17, 18; Исрапилов М.И., 1991). Среди гравировок и писаниц могут быть выделены стилистически близкие рисунки, характеризующиеся линейно-контурной манерой изображения (табл. 105, 1–3). При всей своей схематичности они живо передают характер животных, позы всадников и пр. (Марковин В.И., 1954. С. 326, 327. Рис. 2, 3; 1958. С. 148, 151. Рис. 1, 5; Исаков М.И., 1961. С. 253, 254; История Дагестана, 1967. Т. 1. С. 80; Кильчевская Э.В., 1968. С. 31, 32; Котович В.М., 1971б. С. 129, 130; 1974. С. 39–41. Рис. 17, 18).

Можно думать, что все эти изображения, включая солярные сюжеты и отдельные знаки плодородия, наносились на скалы с целью магически способствовать успеху в реальной охоте, увеличению поголовья домашних и диких животных, с надеждой на помощь великого светила – солнца в земледелии и во всех житейских делах (Котович В.М., 1974. С. 41–45; 1980. С. 28–36; 1984. С. 11–20;

1986. С. 6–18; Марковин В.И., 1974. С. 55, 56; 1990. С. 85–89). Датировка упоминаемых наскальных рисунков эпохой бронзы аргументируется как сопоставлением их с древней вазовой живописью, так и отдельными находками того времени, сделанными возле них (Марковин В.И., 1954. С. 328. Рис. 4а; 1958. С. 155, 158; 1990. С. 85–88; Häusler A., 1963. S. 897; Котович В.М., 1974. С. 39, 40).

Рассматривая отмеченные наскальные гравюры и живопись, следует отметить в них ритмичность, умение подчеркнуть наиболее характерное в экстерьере тех или иных животных и то чувство меры, которое придает древним изображениям исключительную художественность и законченность истинных произведений искусства (Марковин В.И., 1974. С. 55).

Декор керамической посуды с его скупой орнаментикой в виде отдельных налепов и прочерченного узора также в определенной степени указывает на его символично-магическое значение. Таковы выпуклые бычьи и бараньи рога (букрании), конусовидные налепы – соски и груди, с несомненно связанными с надеждой на плодородие и изобилие. В этом отношении особенно интересны уже упоминавшиеся глиняные рельефы, найденные в Верхнегунибском поселении (табл. 88, 1, 2). На них, по мнению В.М. Котович, изображена пашня, по которой идет парная запряжка быков, осеняемая лучами солнца (концентрические окружности или спирали). Эта сцена, по ее мнению, свидетельствует о наличии в Дагестане эпохи бронзы аграрного культа (Котович В.М., 1965. С. 165, 166).

Не останавливаясь на мелких деталях, связанных с культами, следует заметить, что они плотной сетью опутывали жизнь древнего человека, регламентируя ее и устанавливая всевозможные запреты и обязательства. Сказанное, выходя за рамки нашего издания, хорошо документируется этнографическими наблюдениями, широко освещенными в соответствующих трудах (работы М.О. Косвена, Е.М. Шиллинга, Л.И. Лаврова, Л.С. Панек, С.Ш. Гаджиевой, Б.А. Калоева, М.О. Османова, А.Г. Булатовой, А.О. Булатова, Г.А. Сергеевой и др.).

Археологи-кавказоведы культуру энеолита и бронзы Северо-Восточного Кавказа условно, для удобства, называют иногда культурой “обмазанной керамики”. Проследивая ее появление по меньшей мере с IV тысячелетия до н.э., они соотносят такую же керамику с носителями восточнокавказского (дагестано-вайнахского) проязыка местного, аборигенного населения (История Дагестана, 1967. Т. 1. С. 84, 85). Таким образом, описанный нами материал при всей спорности некоторых высказанных здесь суждений можно почти полностью связывать с культурой местных, коренных народов – дагестанцев, чеченцев и ингушей. Дальнейшие археологические исследования в пределах Северо-Восточного Кавказа углубляют наши знания о столь далеком времени в их истории, каким является эпоха бронзы.

Глава 5

Каякентско-харачоевская культура

Эпоха поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа изучена менее полно, чем предшествующий период. Обычно памятники того времени в литературе объединены под названием “каякентско-харачоевская культура”. Термин этот впервые предложил Е.И. Крупнов в 1940 г. (Крупнов Е.И., 1940. С. 14). Он связан с названиями двух селений – дагестанского Каякент и чеченского Харачой (Хорочой)*, в окрестностях которых исследовались весьма характерные памятники культуры.

Первый из них – могильник у ст. Каякент (неподалеку от одноименного селения) был обнаружен в 1898 г., когда здесь прокладывали железнодорожную линию, и изучался В.И. Долбежевым. Ему удалось раскрыть 34 захоронения в каменных ящиках (Долбежев В.И., 1898. С. 76 и след.; ОАК за 1898 г. С. 141–162). Второй могильник у сел. Харачой изучал в 1937 г. А.П. Круглов. Им было раскопано 50 погребений (Круглов А.П., 1949. С. 111–128). Материалы этих некрополей явились эталонами для последующего изучения культуры. Если В.И. Долбежев дал лишь первую характеристику сделанных им находок, даже не пытаясь их датировать (ОАК за 1898 г. С. 157–162), то А.П. Круглов ставил определенные задачи – установление абсолютной хронологии харачоевского и подобного ему могильников, “определение их места в кругу иных памятников Северного Кавказа и Закавказья” (Круглов А.П., 1946. С. 111, 112). Он неоднократно вплоть до 1942 г. обращался к добытым им материалам, пытаясь проследить единую линию развития в местных древностях на протяжении III–I тысячелетий до н.э. (Кушнарева К.Х., 1958. С. 14). Однако история изучения каякентско-харачоевской культуры не ограничивается только лишь сказанным. Она сложна, и полного ее историографического обзора не имеется (Марковин В.И., 1969а. С. 10–14; Котович В.Г., 1978б. С. 46–50).

До того, как был открыт Каякентский могильник, и позже, почти до 1932 г., никто серьезно не занимался изучением аналогичных памятников (Мунчаев Р.М., 1954. С. 7–20). Каякентский могильник стоял тогда “совершенно изолированно среди других памятников Кавказа” (Круглов А.П., Артамонов М.И., 1938. С. 6). Австрийский ученый Ф. Ганчар считал даже, что он относится к эпохе меди (*Das kupferzeitliche Stadium*) и синхронен май-

копско-новосвободненским древностям, принимая при этом каякентские каменные ящики за дольмены (Hančar F., 1937. S. 242, 280, 284. Abb. 24). Но А.А. Иессеном были предприняты разведочные работы в Дагестане, которые позволили, по словам Р.М. Мунчаева, впервые представить “относительную датировку открытых здесь памятников и их первую историко-культурную характеристику” (Мунчаев Р.М., 1954. С. 22). Тогда А.А. Иессеном были зафиксированы отдельные могильники с каменными ящиками у селений Новый Чиркей, Ишкарты, Турчи (Иессен А.А., 1935а. С. 33–36). Так территория Дагестана начала заполняться древностями, близкими Каякенту. С открытием Харачоевского могильника встал вопрос о той культуре, которую представляют он и аналогичные ему памятники (Берикей, Дарго, Белгатой и др.). А.П. Круглов, изучив их специфические особенности и сопоставив с могильником у сел. Каякент, писал: “Памятники Северо-Восточного Кавказа начала I тысячелетия до н.э. могут быть выделены в самостоятельную культуру, которая может быть названа харачоевской по селению, у которого расположен наиболее изученный могильник”. По его мнению, носители выделенной им культуры отставали в развитии от своих северных и южных соседей (Круглов А.П., 1946. С. 133, 134)*, хотя он же считал возможным говорить о синхронности этой культуры кобанским древностям (Круглов А.П., 1946. С. 133). Однако А.А. Иессен придерживался иной точки зрения, считая, что “памятники типа Хорочоя и Кая-Кента” не находят “точек соприкосновения с кобанскими могильниками” (Иессен А.А., 1935б. С. 152, 153). Лишь в полном издании труда А.П. Круглова редакцией были внесены термины “каякентско-харачоевская культура” и “могильники каякентско-харачоевского типа”. Там же памятники культуры датируются IX–VIII вв. до н.э., выступая, таким образом, в определенной степени синхронными кобанским древностям (Круглов А.П., 1958. С. 92, 93). В этой работе заметно стремление автора к выделению двух групп памятников, характерных для восточных и западных районов Северо-Восточного Кавказа (Круглов А.П., 1958. С. 66).

В послевоенные годы Е.И. Крупнов серьезно занялся изучением самых различных вопросов, связанных с древностями этой части Кавказа. В тот период он отказывается от ранее высказанной точки зрения, что население, оставившее Каякентский

*Так как название сел. Харачой в Чечне в чеченском произношении не имеет других звуков “о”, кроме конечного, культуру следует называть “каякентско-харачоевской”. Под этим названием она начинает входить в литературу с 1965–1970 гг.

*Все основные работы А.П. Круглова (1907–1942 гг.) вышли из печати посмертно.

могильник и жившее в VI–V вв. до н.э., являлось “осколком этиунов-удинов”, бежавших от натиска халдов из страны Этиуни (бассейн р. Арпачай – притока Аракса в Армении) и переселившихся в Кавказскую Албанию (Крупнов Е.И., 1940. С. 17, 18). Теперь он меняет и датировку культуры, относя ее в более глубокую древность – 1200–700 и даже 400-м годам до н.э. (Кюпрюв Е., 1962. Р. 11–13; Крупнов Е.И., 1965. С. 339–341).

Раскопки могильника у сел. Тарки (рядом с г. Махачкала), известного еще в дореволюционное время (Исаков М.И., 1966. С. 35), оживили интерес к каякентско-харачоевским древностям. В 1947 г. Е.И. Крупнов вскрыл здесь пять погребений (Крупнов Е.И., 1951б. С. 209 и след.; Исаков М.И., 1947. С. 278–280). Затем в 1948–1949 гг. К.Ф. Смирнов исследовал еще 14 древних могил, датировав их “от начала I тысячелетия до н.э. до раннесифского времени, т.е. VII–VI вв. до н.э.” (Смирнов К.Ф., 1951. С. 254). Он считал, что материалы Таркинского могильника дают право говорить об особой “таркинской группе” древностей этого времени, для которой, по его мнению, характерны “общие черты как с каякентской, так и с харачоевской” группами могильников. Иначе говоря, Таркинский могильник обладал смешанностью “характернейших черт” двух основных групп памятников каякентско-харачоевской культуры (Смирнов К.Ф., 1951. С. 257). В дальнейшем руководимая им экспедиция исследовала подобные могильники у селений Карабудахкент, Учавлах, Ачису и в других пунктах. Изучались также соответствующие впускные могилы в курганной группе у ст. Манас (Смирнов К.Ф., 1951. С. 254; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 184, 186).

Материалы археологических работ, проведенных на территории Северо-Восточного Кавказа к 1953 г., легли в основу кандидатской диссертации Р.М. Мунчаева, в которой уделено некоторое внимание и интересующим нас древностям. В этой монографии говорится о каякентско-харачоевской культуре как о “генетически связанной с предшествующим этапом развития местной культуры” (Мунчаев Р.М., 1953. С. 13) – очень верный тезис, подтвержденный дальнейшими исследованиями. Интересно, что А.А. Иессен глубоко чувствовал археологическую специфику Северо-Восточного Кавказа и всегда рассматривал памятники типа Каякента-Харачоя как “генетически восходящие к местной культуре предшествующего времени” (Иессен А.А., 1956. С. 15). Р.М. Мунчаев и в последующие годы стремился изучить характерные черты самой культуры и ее более древнюю подоснову (Мунчаев Р.М., 1958. С. 41–47).

Важной вехой в археологическом изучении Дагестана явились работы в бассейне р. Сулак, начатые в 1955 г. под руководством В.И. Канивца. Они позволили собрать новые материалы и подойти к новым, принципиально важным обобщениям.

В.И. Канивец, рассматривая памятники бассейна

р. Сулак, разделил их на три хронологических этапа, начиная с рубежа III–II тысячелетия до н.э. Это “сигитминский”, “миатлинский” и, наконец “каякентско-харачоевский этап”, которому отведены последняя треть II тысячелетия до н.э. и рубеж II – начало I тысячелетия до н.э. (Канивец В.И., 1959. С. 50, 51). Интересно, что первым двум этапам им даны названия по местным, сулакским памятникам (Сигитминскому поселению и Миатлинским курганам), и только для наиболее позднего этапа, благодаря всеобщему характеру его памятников, он оставляет традиционное название, взятое от культуры.

Подводя итоги археологического изучения Дагестана с 1918 по 1959 г., В.Г. Котович и Н.Б. Шейхов уделили значительное место вопросам, связанным с каякентско-харачоевской культурой. Они пришли к выводу, что периодизация, предложенная В.И. Канивцом, очень растянута. Это культура “двух-трех столетий”, но она целиком относится к эпохе бронзы и не может быть синхронна кобанской и другим культурам I тысячелетия до н.э., отражая “этническую общность”, характерную для Дагестана (Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. С. 342–345). Как видно, оба автора снова говорят о каякентско-харачоевских памятниках не только как об этапном явлении, а прежде всего как об особой культуре эпохи бронзы.

В.М. Котович выделяет на Верхнегунибском поселении особый пласт, связанный с каякентско-харачоевскими памятниками. Развивая мнение В.Г. Котовича о хронологии памятников Дагестана, она оперирует тремя этапами: это “карабудахкентско-гонобский”, “манасско-гинчинский” и каякентско-харачоевский. Начинает она свою периодизацию с конца III тысячелетия до н.э. В этой шкале памятники интересующего нас круга снова рассматриваются как этапные и датируются 1400–1100 гг. до н.э. (Котович В.М., 1965. С. 242–250). В.М. Котович подчеркивает преемственную связь древностей этапа с “культурой предшествующего” времени (“манасско-гинчинского этапа”), а наиболее поздняя дата его (1100 г. до н.э.) “определяется началом бытования в Дагестане памятников переходного этапа от бронзы к раннему железу” (Котович В.М., 1965. С. 249, 250).

Как мы видим, к 1965 г. все еще не были установлены более или менее стабильные хронологические рамки памятников каякентско-харачоевского типа и их историческое место в культурном развитии древнего населения Северо-Восточного Кавказа. Особенно четко заметна борьба мнений, если еще раз напомнить, что Е.И. Крупнов в эти же годы датировал каякентско-харачоевскую культуру периодом от XII в. до н.э. и почти до VII, а то и IV в. до н.э., иллюстрируя свое мнение в виде двух таблиц. И время бытования культуры, как и хронологическая последовательность соответствующих памятников, представлялись ему “именно в том виде”, как они были изображены на этих графиче-

ских таблицах (Крупнов Е.И., 1965. С. 339–341). Его даты противоречили мнению других археологов. Так, в предисловии к книге М.И. Пикуль “Эпоха раннего железа в Дагестане”, он писал: “далеко не бесспорной мне кажется тенденция автора каякентско-харачоевскую культуру Северо-Восточного Кавказа относить только к бронзовому веку” (Крупнов Е.И., 1967. С. 6). Е.И. Крупнов считал, что даты, полученные для древностей восточного региона кобанской культуры “могут служить определенными хронологическими эталонами” для разработки хронологии центральнокавказской, каякентско-харачоевской и других культур (Крупнов Е.И., 1969. С. 18).

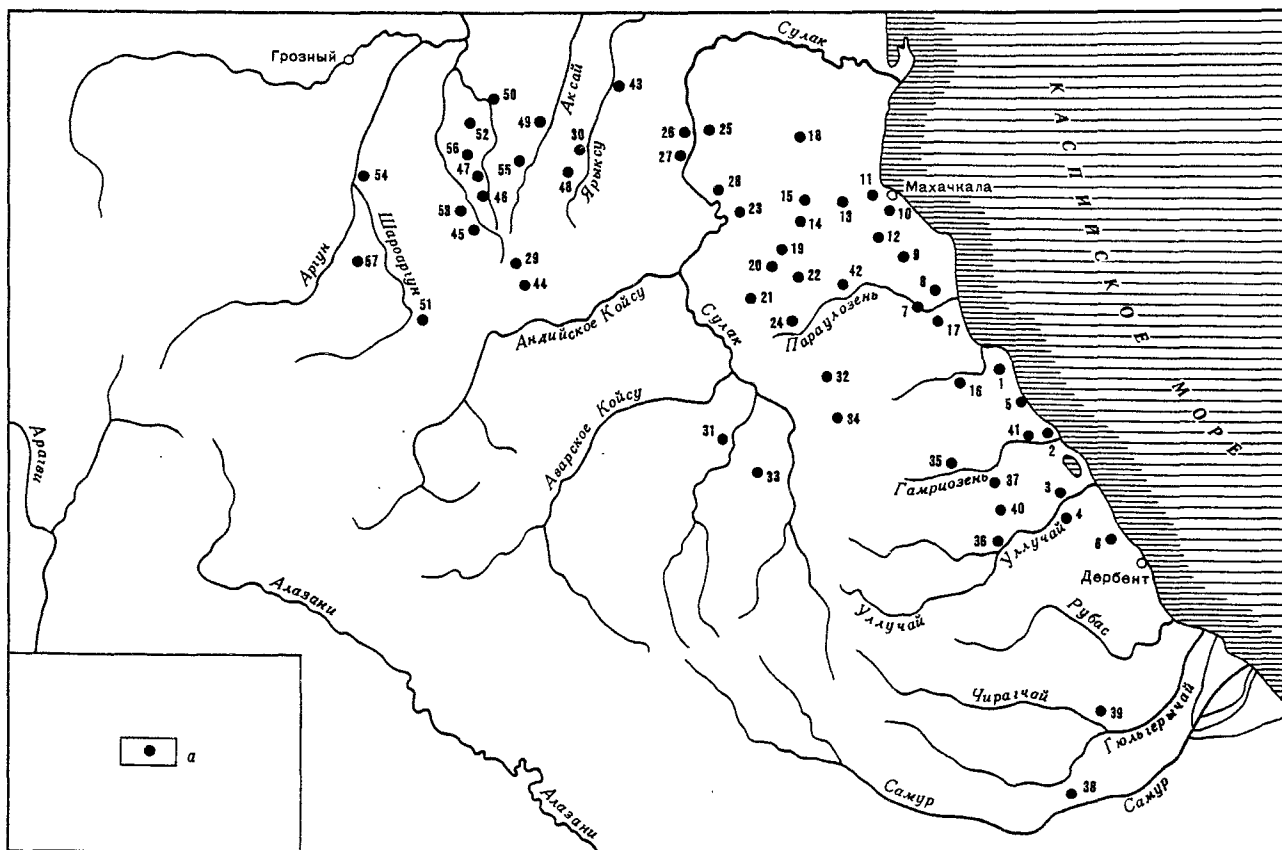
В 1969 г. вышла книга В.И. Марковина, специально посвященная каякентско-харачоевской культуре. В ней был обобщен известный к этому времени материал по 93 памятникам. Хронологически они были разбиты на три периода, которые охватывают время приблизительно от 1300 до 900–800 гг. до н.э. (близки скифскому времени), намечены локальные черты по отдельным группам памятников (Марковин В.И., 1969а). К сожалению, в книгу был введен такой памятник, как Дагбашский-Зандакский могильник (раскопки М.И. Пикуль и В.И. Марковина в разные годы), отдельные комплексы которого содержат некоторые черты как каякентско-харачоевской (в керамике, металле), так и кобанской культур (более всего в металле) (Марковин В.И., 1969а. С. 18, 31, 35 и др.). Синкретически своеобразный характер материалов, полученных в Зандаке, явился поводом для выделения особой “зандакской культуры” (Давудов О.М., 1974. С. 32–40), а так как комплексы Зандакского могильника еще полностью не опубликованы, то довольно аморфны границы этой новой культуры и ее хронологические рубежи (конец II начало I тысячелетия до н.э. и до IV в. до н.э. (см.: Давудов О.М., 1974. С. 39). В то же время В.И. Козенкова, не отрицая смешанный облик зандакского материала, относит его по сути дела целиком к кобанской культуре, имеющей прямое отношение уже к эпохе железа (Козенкова В.И., 1977. С. 21 и след.), что, конечно же, не позволяет верно оценить историческое значение данного памятника (Марковин В.И., 1980в. С. 318–321), важного для изучения довольно поздних, пережиточных культурных явлений, связанных с каякентско-харачоевскими племенами в зоне их контактов с носителями кобанских традиций.

М.И. Пикуль, рассматривая небольшой материал своих раскопок в Зандаке (Дагбаше), куда более справедливо рассматривала его как отражающий переходный момент от бронзы к железу, “когда еще сохраняются многие черты, присущие эпохе поздней бронзы”, имея в виду каякентско-харачоевскую культуру (Пикуль М.И., 1967. С. 19–22).

Развернувшиеся археологические работы в Дагестане и Чечне увеличили количество новых памятников каякентско-харачоевской культуры. Это

обстоятельство позволило В.Г. Котовичу поставить вопрос о “необходимости пересмотра сложившихся представлений” об их историческом месте в хронологии. Своеобразная схема такого пересмотра была представлена им в тезисах доклада, прозвучавшего в Тбилиси в 1971 г. на Всесоюзной археологической конференции (Котович В.Г., 1971. С. 19–21). В.Г. Котович прежде всего выступал против “омолаживания” культуры, ибо в 70-е годы появилось стремление не ограничивать поздний этап бытования каякентско-харачоевских памятников предскифским временем. Так, В.Б. Виноградов писал: “По-моему убеждению, каякентско-харачоевская культура не исчезла повсеместно одновременно с бронзовым веком”, а “продолжала свою эволюцию”. Это дало повод датировать поздний этап культуры VII–IV вв. до н.э. (Виноградов В.Б., 1972. С. 265, 312). Мнение В.Г. Котовича, изложенное в упоминавшихся тезисах, он отказался принять (Виноградов В.Б., 1974. С. 5).

В 1978 г. вышла большая статья В.Г. Котовича, в которой автор довольно весомо обосновал свое мнение по хронологическим вопросам. Сравнивая инвентарь памятников типа Каякента-Харачоя с предметами “северокавказской культуры” III этапа и Переднего Востока, он датировал его “третьей четвертью II тысячелетия до н.э.”. Далее, В.Г. Котович рассматривает эти памятники не как объекты особой культуры, а как материал, отражающий определенный этап в историческом развитии древнего населения Северо-Восточного Кавказа, который, в свою очередь, сменяется “талгинским этапом”, а затем “зандакско-мургерганским” (Котович В.Г., 1978б. С. 74–76). Не касаясь здесь всех сторон этой работы, следует заметить, что выделенный В.Г. Котовичем “этап” хронологически мало отличается от времени, отведенного В.И. Марковичем для существования всей культуры (с комплексами талгинского типа). Что же касается аналогий, приводимых им для “этапных памятников”, то они кажутся беглыми и не очень прочными (с одной стороны, Северный Кавказ, с другой – Передний Восток). В целом работа, сделанная В.Г. Котовичем, оказалась очень полезной. Она показала всю сложность работы над таким, казалось бы, однородным материалом, каким представляются памятники каякентско-харачоевского типа. Уже само применение к ним таких терминов, как “культура” и “этап”, отражающих совершенно разные понятия, свидетельствует о различном методическом подходе разных ученых к этим памятникам. Одни (если говорить о “культуре”) видят в них законченное эпохальное явление, отражающее за единообразным археологическим материалом некое этническое единство, которое можно распространить на территорию, занятую данной культурой, другие (когда речь идет об “этапе”) – определенный, хронологически очерченный и закономерный период в историческом развитии общества (вне связи с эт-

Карта 7. Основные памятники каякентско-харачоевской культуры

а – памятники культуры; 1 – г. Избербаш, 2 – ст. Каякент, 3 – сел. Берикей, 4 – сел. Великент, 5 – пос. Инчхе, 6 – г. Дагестанские Огни, 7 – сел. Карабудахкент, 8 – ст. Манас (Каркома-хола), 9 – сел. Уйташ, 10 – пос. Тарки, 11 – пос. Алибурикент, 12 – курорт Талги, 13 – сел. Ленинкент, 14 – урочище Капчугай, 15 – урочище Кумторкала, 16 – сел. Учавлах, 17 – пос. Ачису, 18 – ст. Алмало, 19 – сел. Кафыр-кумух, 20 – г. Буйнакс, 21 – сел. Манас-аул, 22 – сел. Буглен, 23 – сел. Ишкарты, 24 – сел. Нижний Дженгутай, 25 – сел. Верхний Чирюрт (Нижняя Сигитма, Кабарты-кутан), 26 – сел. Миатлы,

27 – сел. Старый Чиркей (Бураганшоб), 28 – сел. Новый Чиркей, 29 – сел. Гагатль, 30 – сел. Новолакское, 31 – сел. Гуниб (Верхний Гуниб), 32 – сел. Урма, 33 – сел. Чох (Нохала-ад), 34 – сел. Левашы, 35 – сел. Кичи-Гамри, 36 – сел. Маджалис, 37 – сел. Мамай-Кутан, 38 – сел. Мугерган, 39 – сел. Нутюг, 40 – урочище Ажар, 41 – пос. Новый Дейбук (Казмаляр), 42 – сел. Параул (Мискинбулак), 43 – г. Хасавюрт, 44 – сел. Анди, 45 – сел. Харачой, 46 – сел. Дарго, 47 – сел. Белгатой, 48 – Зандак (Дагбаш), 49 – сел. Ишхой-Юрт, 50 – сел. Бачи-Юрт, 51 – сел. Хиндой, 52 – сел. Курчалой, 53 – сел. Ведено, 54 – сел. Дуба-Юрт, 55 – сел. Согунты, 56 – сел. Гуни, 57 – Гатын-Кале

носом), нашедший отражение в археологическом материале. Однако к этому вопросу мы еще вернемся в конце главы.

В 1939–1940 гг., когда А.П. Круглов работал над своей монографией, были известны единичные памятники культуры (Круглов А.П., 1958. С. 51, 52). К 1950 г. в Чечне и Дагестане было обнаружено 18 могильников (Смирнов К.Ф., 1951. С. 254–257). Сейчас их известно уже около 100 (карта 7). В основном это погребальные памятники – преимущественно грунтовые могильники и изредка отдельные впускные захоронения в курганных насыпях (Манас, Чирюрт, Миатлы). Среди погребальных сооружений преобладают каменные ящики. Материалом для них служили мергель, известняк, песчаник, сланец. Для устройства могилы рыли, как правило, небольшую яму и в ней устанавливали каменные плиты, образующие стены ящика (табл. 106, 1,

4). Большой частью каменные ящики сделаны наспех, плиты между собой не скреплены, иногда одна, а то и две стенки сооружения собраны из двух-трех обломков камня (могильники в сел. Ишхой-Юрт, Харачой, Белгатой). Для перекрытия чаще всего употреблялись тонкие пласты горных пород. Однако изредка встречаются сооружения, плиты которых старательно обтесаны. Таков, например, ящик 46 в Харачое (Круглов А.П., 1958. С. 136).

Дно каменных ящиков часто представляет собой выровненный грунт, только в ящике 2 у сел. Гагатль в Дагестане оно было выложено мелкими камнями (Круглов А.П., 1958. С. 52, 139). По форме камеры известны сооружения вытянуто-прямоугольной конфигурации, затем квадратные и близкие квадрату.

Ящики удлиненной формы большей частью со-

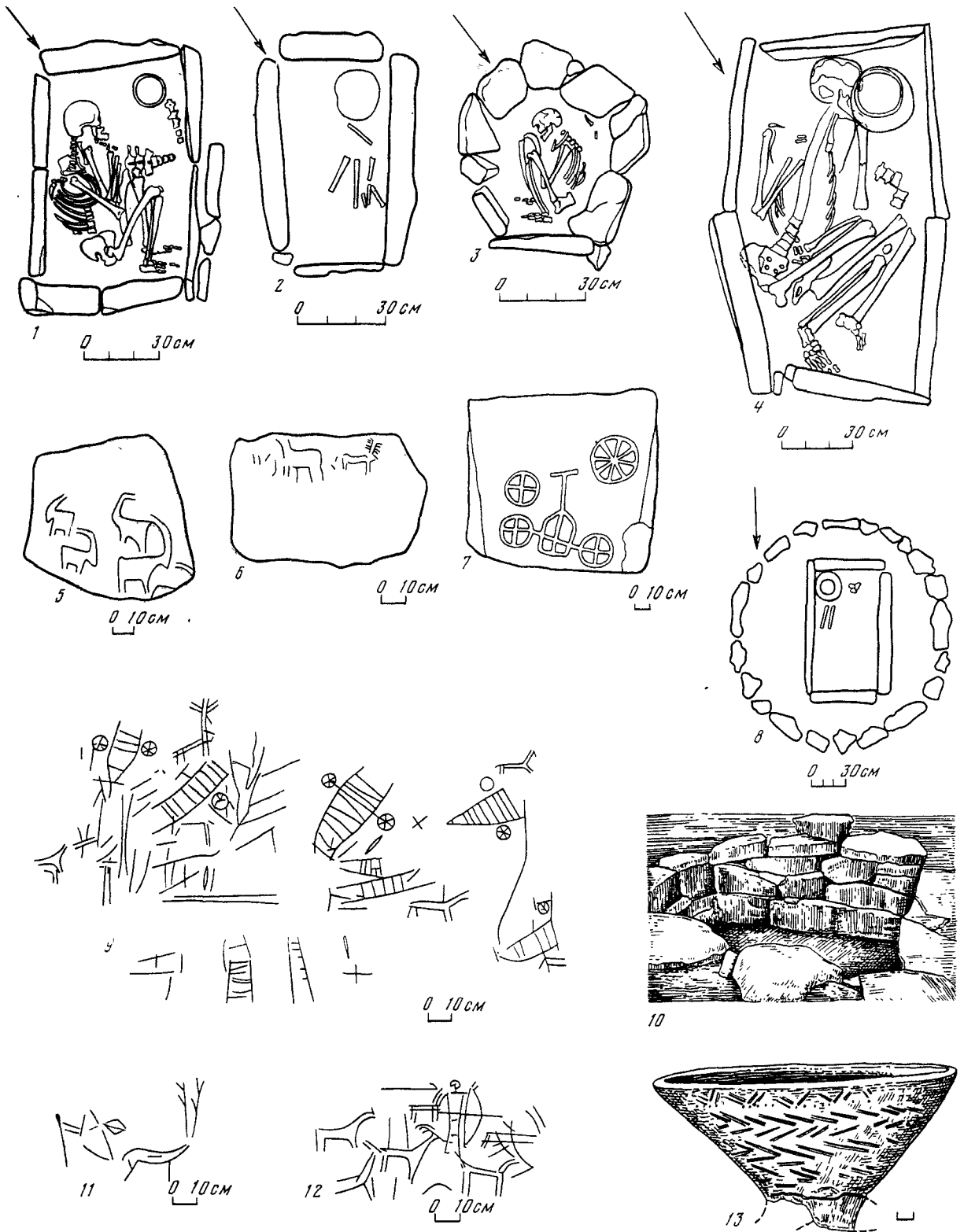

Таблица 106. Северо-Восточный Кавказ. Отдельные захоронения каякентско-харачоевской культуры, петроглифические изображения и ритуальная чаша

1, 3, 4, 10 – Харачой, погребения 35, 17, 18 и 36 (по А.П. Круглову); 2 – Алибурикент, одиночное захоронение (по М.И. Пикунь и В.И. Марковину); 5, 6 – Нижняя Сигитма, каменные блоки с изображениями (по К.А. Бредэ);

7 – Берикей, каменная плита с изображением (по Б.Е. Дегену); 9, 11, 12 – наскальные изображения из Манас-аула, Нижнего Казанища и Леникента (по В.И. Марковину); 13 – чаша из погребения 15 в Каякенте

держат захоронения взрослых людей. Сооружения, приближающиеся по форме к квадрату, особенно характерны для Каякентского (ящики 24, 25, 29, 33) и Талгинского (ящики 1, 2, 4, 8, 9, 12) могильников. В них обнаружены погребения взрослых людей и детей (ОАК за 1893 г. С. 153 и след.; Исаков М.И., 1957. С. 126 и след.).

Ящики квадратной формы встречаются редко и содержат останки детей. Размеры ящиков невелики. Вытянуто-прямоугольные имеют в длину от 1,60 до 0,90 м, ширину около 0,70–0,50 м, глубина их достигает от 0,50 до 0,30 м. Самой мелкой удлиненной гробницей надо считать погребение 11 в Харачое: 0,70 × 0,55 м (Круглов А.П., 1958. С. 108). Камеры, близкие квадрату, варьируют от 0,90 × 0,80 и до 0,55 × 0,45 м (высота неизвестна). Чисто квадратные ящики мелки: 0,60 × 0,60 м (Талги, погребение 3), 0,50 × 0,50 м (Харачой, погребение 38) (Исаков М.И., 1957. С. 128; Круглов А.П., 1958. С. 132) и других близких им размеров.

Грунтовые могильники с каменными ящиками не сохранили внешних признаков, однако в древности некоторые из них могли иметь надмогильные сооружения. Так, могильник у склона горы Таркитау (юго-западнее Махачкалы) имел небольшие каменные выкладки-оградки, вытянутые с севера на юг, и стелы. Некоторые могилы были отмечены обломками скал (Марковин В.И., 1969а. С. 33. Рис. 10). Стелообразными камнями был отмечен один из ящиков Новодейбукского могильника (сел. Казмаляр; см.: Марковин В.И., 1980а. С. 35). У сел. Старый Чиркей (местность Бураганшоб) обнаружена кольцевая каменная оградка над ящиком 3. Диаметр ее около 2 м (табл. 106, 8; Путинцева Н.Д., 1959. С. 16; Марковин В.И., 1969а. С. 33, 34. Рис. 11). Каменная оградка в виде полукольца окружала захоронение 22 в ящике на Таркинском могильнике (Смирнов К.Ф., 1951. С. 236. Рис. 4). Каменным кольцом был обрамлен и каменный ящик в кургане 4 третьей группы у сел. Миатлы (Канивец В.И., 1959. С. 40; Костюченко И.П., 1959. С. 101, 102). Выкладки из отдельных камней и валунов располагались вокруг некоторых захоронений Харачоевского могильника (погребения 2, 16, 31, 42, 43). В диаметре подобные ограды достигали 7 м. Выкладки зафиксированы и на могильнике Гагатль (Круглов А.П., 1958. С. 53, 54, 130). Можно думать, что в свое время они были видны на поверхности кладбищ.

Стелы – вертикально поставленные камни, помимо могильника у горы Таркитау, отмечены у отдельных могил в Харачое (погребения 22, 39) и на Таркинском могильнике. Возвышались они у головы и иногда одновременно служили боковой стеной ящика.

Однако могильники содержат не только каменные ящики. В одном лишь Харачое обнаружены захоронения под завалом камней (погребение 15), в

округлых и прямоугольных ямах, обложенных по краям камнями (погребения 17, 21, 25, 26, 37; табл. 106, 3), в простых ямах без обрамления (погребения 28, 29, 41, 44, 48) и в яме, обложенной деревом (погребение 22). Такие захоронения (Круглов А.П., 1958. С. 52, 53 и др.) от всех 53 раскопанных могил в Харачое составляют примерно 1/5 часть. В Каякенте неизвестны могилы вне ящиков, а в Таркинском могильнике было исследовано одно захоронение (8), вероятно совершенное в яме, но сверху перекрытое каменной плитой (Крупнов Е.И., 1951б. С. 215). Вполне возможно, что обилие ям в могильниках данной культуры и предшествующего времени является локальной, специфической особенностью для территории Чечни. Так, захоронения в могильнике у сел. Бачи-Юрт обнаружены только в ямах, а этот памятник, судя по инвентарю, смыкается с каякентско-харачоевской культурой (Ошаев М.Х., 1979. С. 51–70).

В Харачоевском могильнике был исследован также один склеп (погребение 36; табл. 106, 10). Он был составлен “не из вертикальных камней, а из хорошо подобранных камней, положенных в несколько рядов; для заполнения щелей между большими камнями вставлены мелкие камни” (Круглов А.П., 1958. С. 131. рис. 54). Это могильное сооружение в памятниках культуры занимает одиночное положение, но находит многочисленные аналоги в памятниках предшествующего времени (Гатын-Кале, Миатлы, Гинчи и др.).

Захоронения на некрополях имеют четкую планировку. Независимо от типа могильных сооружений (ящики, ямы) расположены они правильными рядами (Каякент, Харачой, Талги, Гагатль и др.; см.: Круглов А.П., 1958. С. 54, 55, 100. Рис. 22; Исаков М.И., 1957. С. 127; Рис. 52; ОАК за 1898 г. С. 141. Рис. 1). В Таркинском могильнике ящики были расположены в один ряд (Смирнов К.Ф., 1951. С. 246).

Основная масса погребений харачоевского могильника ориентирована по длине с юго-запада на северо-восток (24 могилы), с юга на север (20 могил) и с юго-юго-запада на северо-северо-восток (восемь могил). Могила, вскрытая в сел. Дарго, была вытянута с юго-запада на северо-восток (Круглов А.П., 1958. С. 100), ящики сел. Ишхой-Юрт ориентированы с юга на север (Марковин В.И., 1969а. С. 36. Рис. 14). Иное направление имели гробницы у сел. Белгатой – они были вытянуты с востока на запад (Круглов А.П., 1958. С. 97), преимущественно с такими же ориентировками зафиксированы ящики и в Каякенте, хотя здесь встречены также захоронения, лежавшие по направлению с севера на юг (ОАК за 1898 г. С. 142; Крупнов Е.И., 1940. С. 8).

Захоронения, обнаруженные в бассейне р. Сулак (Верхний Чирюрт, Миатлы, Новый и Старый Чиркей), преимущественно ориентированы с юга на север, реже встречены направления с юго-запа-

да на северо-восток и с юго-юго-запада на северо-северо-восток (Костюченко И.П., 1959. С. 95, 101, 108, 115, 116, 120). Подобные ориентировки погребенных зафиксированы и в районе г. Махачкалы (Тарки, Алибуригент) (Крупнов Е.И., 1951б. С. 225; Смирнов К.Ф., 1951. С. 244; Марковин В.И., 1969а. С. 36, 38. Рис. 15, 3). В могильниках, расположенных у курорта Талги и сел. Берикей и Маджалис, костяки в основном были ориентированы с юго-запада на северо-восток (Исаков М.И., 1957. С. 126 и след.; Круглов А.П., 1958. С. 142–146).

Возможно, разница в ориентировке может указывать на какие-то локальные группы, существовавшие внутри культуры. Намечается разница и в планировке могил. Так, в Хараचое и Гагатле их ряды тянулись с юго-запада на северо-восток, а в Каякенте – в противоположном направлении (с северо-запада на юго-восток).

Во многих погребальных сооружениях независимо от конструкции и ориентировки обнаружены скорченные костяки. Только детские скелеты, и то лишь в редких случаях, находились в вытянутом положении (Каякентский могильник – погребения 26, 33, Таркинский могильник 1 – погребения 7, 9) (ОАК за 1898 г. С. 153, 155; Смирнов К.Ф., 1951. С. 244). Скорченные костяки имеют два основных положения: на боку и сидя. Представляется, что положение умерших на боку более всего характерно для западных районов Северо-Восточного Кавказа, в более восточных преобладало ритуальное усаживание покойников. Хотя, следует оговориться, в ряде памятников сочетаются оба обряда (могильники у курорта Талги и у сел. Тарки).

На правый бок укладывали тела умерших мужчин, на левый – женщин (Круглов А.П., 1958. С. 55, 56). Покойника в основном старались класть так, чтобы он был направлен головой к югу (имеются отклонения: юго-запад, юго-восток), реже к западу или востоку (сел. Белгатой; см.: Круглов А.П., 1958. С. 97; Магомедов А.Р., 1980. С. 50).

Сидящие костяки размещались по углам ящиков, лицевыми частями черепа обращены на запад, реже встречались другие направления (Каякентский могильник; см.: ОАК за 1898 г. С. 142 и след.; Мискинбулакский могильник у сел. Параул; см.: Котович В.М., 1978. С. 80, 86; могильник у сел. Новый Дейбук (Казмаляр); см.: Марковин В.И., 1980. С. 35).

В захоронениях каякентско-харачоевской культуры, помимо предметов, сопровождавших умерших, часто встречаются угольки – следы каких-то культовых действий, а также кости животных – остатки заупокойной пищи. В Харачое близ могилы 31 удалось обнаружить две ритуальные ямы с остатками углей и обожженных костей животных (Круглов А.П., 1958. С. 58, 59). Три подобные ямы (“костища”) величиной до 1,70 × 1,40 м

найлены возле каменных ящиков Мискинбулакского могильника (Котович В.М., 1978. С. 84, 85).

Среди каменных ящиков культуры не очень часто, но встречаются отдельные сооружения без “малейших признаков человеческих костяков”. Таковы 10 ящиков в Мискинбулаке. Они содержали изделия из бронзы, керамику, кости крупного и мелкого рогатого скота. В каждом “было найдено много древесных угольков”. Так как эти ящики составляли половину из всех обнаруженных здесь сооружений, то В.М. Котович не решается называть их кенотафами (Котович В.М., 1978. С. 81, 82, 84, 88). Вероятно, оснований для этого у исследовательницы нет. Отметим также, что каменные ящики без человеческих останков были зафиксированы и на Тахиркалинском могильнике (Магомедов А.Р., 1980. С. 47–50).

Размещение погребального инвентаря в могилах культуры и его состав были строго регламентированы. Почти в каждой могиле обычно стоит от одного до трех сосудов и они размещены в строго определенных местах. В захоронениях у селений Белгатой, Дарго, Ишхой-Юрт, Харачой сосуд располагался возле черепа (иногда перед его лицевыми частями), в углу могильного сооружения. Только один раз в Харачое (погребение 20) отмечено положение сосуда у ног костяка (Круглов А.П., 1958. С. 114–117). Менее определенное место занимали сосуды в могильнике Тахиркала на р. Манас (Магомедов А.Р., 1980. С. 51) и в подкурганных могилах, раскрытых в бассейне р. Сулак. Здесь сосуды обнаружены у головы, в ногах, по углам и возле грудной клетки (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956. С. 49; Канивец В.И., 1959. С. 47; Костюченко И.П., 1959. С. 95, 102, 110, 120. Рис. 7). В ящиках, исследованных в районе г. Махачкалы (могильники у сел. Тарки), сосуды размещались в основном по углам и вдоль стен (Смирнов К.Ф., 1951. С. 237–243). В.И. Долбежев, исследовавший Каякентский могильник, отмечает, что крупная керамическая посуда встречалась ему сразу же за перекрытием, а “мелкая же посуда, в форме плошек и вообще с широким отверстием, находилась обыкновенно на дне гробницы” (ОАК за 1898 г. С. 142). Очевидно, крупный сосуд в Каякентском некрополе опускали во время похорон перед самым закрытием гробницы.

Интересна еще и одна деталь. Для памятников западных районов характерно наличие в могилах одного сосуда (только в погребении 50 Харачоевского могильника найдено два сосуда, см.: Круглов А.П., 1958. С. 57), а для более восточных районов культуры, начиная от бассейна р. Сулак, – двух-трех и более. Так, в могильнике Кабартыкутан (сел. Верхний Чирюрт) в ящике 3 в “каждом углу, кроме южного”, находилось по сосуду (Пикуль М.И., 1951. С. 160). По три сосуда находилось в отдельных погребениях могильников у сел. Тарки, ст. Манас и сел. Мамай-Кутан (Смирнов К.Ф., 1951. С.

238; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 180; Котович В.Г., 1959. С. 138). До пяти сосудов было в погребениях Талгинского могильника (Исаков М.И., 1957. С. 128, 129).

Итак, для всей территории культуры общими являются следующие характерные особенности: преобладание погребений в каменных ящиках, их четкая планировка, наличие в основном скорченных и одиночных захоронений, следы ритуальных действий с огнем в могилах, закладка в могилы мясной заупокойной пищи. Наряду с такими общими признаками можно отметить и чисто местные черты, которые встречаются в узких локальных районах. Это наличие стел, кромлехов, оградок, которые характеризуют далеко не все могильники. Далее сочетание в одном некрополе каменных ящиков с другими погребальными сооружениями, различные ориентировки могил и даже их рядов, разница в позе погребенных (сидя и лежа на боку) и их направлении относительно стран света, разные расположение и число сосудов в могилах.

Уже описание памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы (см. предыдущую главу) дает возможность заметить определенную связь памятников ранней и развитой бронзы с каякентско-харачоевскими, хотя следует оговориться, что в ту эпоху каменные ящики встречаются довольно редко. Вероятно, прототипом их следует считать ямы, обложенные по краям камнями (подобные могилы обнаружены в Гатын-Кале). Как справедливо отмечает Р.М. Мунчаев, к концу II тысячелетия до н.э. каменные ящики “являются основным и почти единственным типом сооружений Дагестана, да, пожалуй, и всего Северо-Восточного Кавказа” (Мунчаев Р.М., 1973. С. 11). Замена склепов, служивших для коллективных захоронений, каменными ящиками, использовавшимися в основном для одиночных покойников (Марковин В.И., 1969а. С. 39)*, не является каким-либо противоречием. В.Г. Котович объясняет данный факт “не изменениями в этническом составе населения”, а социальными причинами – возрастанием роли малых семей (Котович В.Г., 1958. С. 56).

И этот переход от склепов к каменным ящикам происходил постепенно: в четырех подкурганых захоронениях, раскрытых у сел. Верхний Чирюрт (хутор Зурамагенд, VII группа), найдены каменные ящики, инвентарь которых может быть отнесен к предшествующему времени (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956), а керамика находит аналогии в миатлинских склепах (Канивец В.И., Березанская С.С.,

1959. С. 69, 74. Рис. 5; 9, 1) и памятниках типа Гатын-Кале-Гинчи.

Уже говорилось о наличии кромлехообразных оград вокруг отдельных погребальных сооружений культуры. Они хорошо известны по ряду памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи развитой бронзы. Ими окружались курганы и отдельные могилы (Гинчи, Чох, Кули и др.). В этом отношении интересен кромлех, обнаруженный еще в XIX в. у сел. Старый Чиркей. В него были “вписаны” каменные ящики (Комаров А.В., 1872. С. 113, 114). Даже такие детали, как стелы, известны среди более ранних памятников эпохи бронзы (Гатын-Кале, Экибулак и др.). Такие могильники, как Гоно, Гинчи, Харсеной, Гатын-Кале, имели четкую планировку могил. Эти данные так же, как и скорченное положение погребенных, с несомненностью указывают на генетические связи памятников предшествующего времени с древностями каякентско-харачоевского круга.

Обратимся к вещевому материалу культуры. Наиболее массовыми являются керамические изделия, встречающиеся в могильниках и на поселениях. Сделаны они, вероятно, от руки, без применения гончарного круга. Некоторые сосуды поэтому несимметричны, имеют скошенные днища и устья. В изломе черепок серо-черного цвета, глина имеет комковатую структуру, в ней ясно заметны частицы глинистого сланца. Такой состав глины характерен для керамики всех этапов эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Поверхность сосудов серо-черная и красная.

Керамика культуры, как и посуда предыдущего времени, по способу обработки наружной поверхности может быть разделена на две группы: 1) посуда, покрытая грубой обмазкой еще до обжига, обычно ею обмазано только тулово, которое на лепным валиком отделяется от сглаженной шейки и венчика; 2) посуда с довольно ровной поверхностью.

К.Ф. Смирнов специально изучал керамику Таркинского могильника. Его типология неплохо увязывается с материалом всего обширного региона культуры. Он группирует посуду данного могильника по трем разновидностям (Смирнов К.Ф., 1951. С. 248–251). Нами предложена семичленная типология керамики, характерной для разных памятников культуры. Эту типологию (Марковин В.И., 1969а. С. 42–59. Рис. 18–20, 23–25) В.Г. Котович считает довольно сложной, сведя ее к трем основным типам (Котович В.Г., 1978б. С. 58–61; 1982. С. 56–59. Рис. 7). Попытаемся учесть мнение К.Ф. Смирнова и В.Г. Котовича.

1-й тип посуды (табл. 107) – это наиболее распространенные и самые крупные сосуды с широким туловом и непропорционально узким дном (они редко имеют ручки). Венчик сильно отогнут наружу (тип А по К.Ф. Смирнову и I тип по В.И. Марковину и В.Г. Котовичу). Среди них встречаются покрытые обмазкой (сохраняют следы дви-

* Исключений не очень много: по два костяка лежало в отдельных могилах у селений Дарго, Маджалис (Круглов А.П., 1958. С. 100, 144–146), Тарки (Смирнов К.Ф., 1951. С. 244), Каякент (ОАК за 1898 г. С. 143 и след.), могильника Мискинбулак (Котович В.М., 1978. С. 80, 86), курорта Талги (Исаков М.И., 1957. С. 126), по два и по три костяка в двух ящиках у сел. Верхний Чирюрт (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956. С. 7, 8, 12–18).

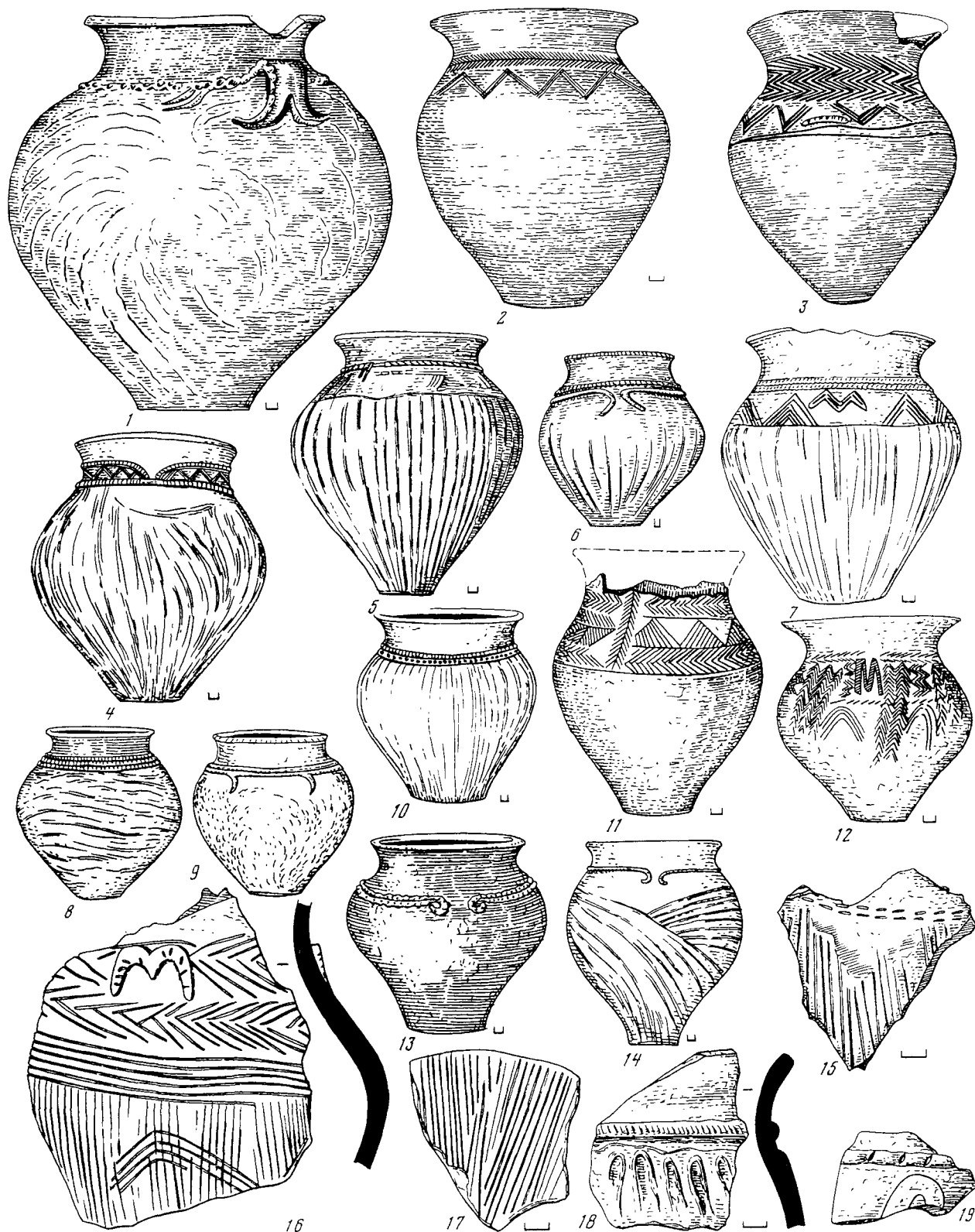

Таблица 107. Керамика каякентско-харачоевской культуры из Дагестана (1–5, 7, 8, 10, 11, 14–18) и Чечни (6, 9, 13, 19)

1 – сел. Новый Чиркей, овраг Ачи (работы Н.Д. Путинцевой); 2 – сел. Берикей, погребение 3 (работы А.П. Круглова); 3, 11, 12 – сел. Каякент, погребения 10, 18, 23 (работы В.И. Долбежева); 4 – окрестности Махачкалы; 5 – сел. Тарки (работы В.И. Марковина); 6, 9, 13, 19 – сел. Харачой, погребения 29, 38,

40 и из раскопа (работы А.П. Круглова); 7, 16 – ст. Манас, курган 2, погребение 4 (работы К.Ф. Смирнова); 8 – сел. Мамай-Кутан; 14 – г. Буйнакс, полигон (коллекция Б.И. Гаджиева); 15 – сел. Учавлах; 17, 18 – сел. Тарки из засыпки (работы Е.И. Крупнова)

жения пальцев) и гладкие. Иногда обмазку заменяют комочки глины или имитация ее штрихами. Таковы черепки посуды из Таркинского могильника, у ст. Манас (погребения 4 кургана 2), могильника у сел. Учавлах (табл. 107, 7, 16) (Крупнов Е.И., 1951а. С. 213. Рис. 5, 1; Смирнов К.Ф., 1951. С. 254, 255. Рис. 14, 5; Марковин В.И., 1969а. С. 43, 45. Рис. 17, 1, 4, 6). Довольно гладкие сосуды, покрытые штриховкой и “елочкой”, найдены в Каякенте (ГИМ. Инв. 40753; табл. 107, 3, 11, 12). Размеры сосудов этого типа варьируют в высоту примерно от 40 до 30 см, но могут быть и больше, при этом диаметре тулова у них на 5–7 см меньше высоты сосуда, диаметры дна составляют примерно 1/3 высоты, а величина устья – немногим ее больше.

Декор керамики этого типа состоит из налепных валиков (иногда они расположены в два-три ряда), имеющих вмятины, нарезки и наколы; выступов в виде псевдоручек, налепов в виде рожек (наподобие буквы М) и трезубца; нарезного орнамента (штрихи, горизонтальная и вертикальная “елочка”, заштрихованные углы и зигзаги). Весь этот декор редко можно видеть на одном сосуде, хотя в целом посуда данного типа (табл. 107, 3–12, 14, 15) производит впечатление богато орнаментированной (Марковин В.И., 1969а. С. 47–51. Рис. 16–21; Маммаев М.М., 1989. С. 238. Рис. 91).

Разница в степени заглаженности корпуса и в орнаменте позволяет пока еще предположительно выделить три территориальные группы памятников, в которых встречаются подобные сосуды: 1) Восточная Чечня. Здесь чаще всего встречается керамика, покрытая густой обмазкой с преобладанием в декоре налепных валиков; 2) Северный Дагестан до условной линии г. Избербаш–Учавлах–Урма; керамика в большинстве случаев также покрыта обмазкой, но в ее декоре сочетаются налепные валики, отдельные налепы и нарезной орнамент; 3) Южный Дагестан; характерны грубо заглаженные сосуды, обмазка редка, преобладает прочерченный орнамент, иногда дополненный отдельными налепами и валиками с наколами.

2-й тип посуды – эту керамику К.Ф. Смирнов и В.Г. Котович объединяют с предыдущей. Однако нам кажется, что сосуды данного типа, будучи близкими по форме предыдущим, имеют некоторое своеобразие: они менее крупные (не выше 25–23 см), приземистые (у них широкое дно и не так сильно отвернуто устье), слабо орнаментированы. Известно их немного. В могилах они заменяют более распространенные сосуды 1-го типа (так, в Харачое, в погребениях 20 и 34, обнаружены только такие сосуды; табл. 108, 27, 28). Декор одного из подобных, но не сохранившихся сосудов (из могилы 26 в Харачое) А.П. Круглов описывает так: “ручка воспроизводит нос, дугообразные валики – брови, а округлые выпуклости – глаза” (Круглов

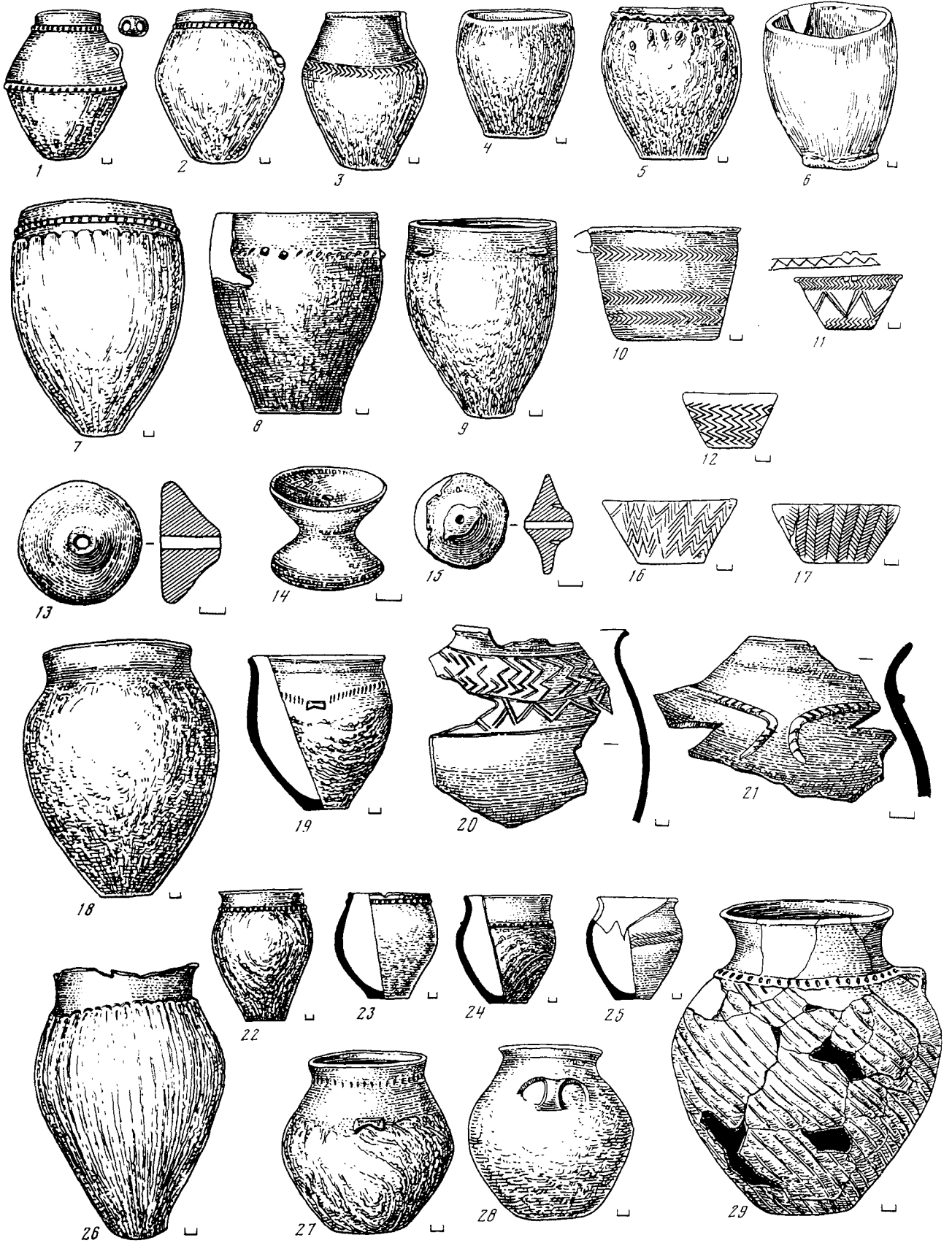
А.П., 1958. С. 61). К сожалению, этот сосуд обнаружить не удалось. Керамика этого типа известна также из Ачису, Чиркея, окрестностей Махачкалы, Талги, Карабудахкента и других пунктов (Марковин В.И., 1969а. С. 54).

3-й тип посуды (тип Б по К.Ф. Смирнову) – у В.Г. Котовича этот тип керамики назван вторым, в нем объединены типы 3 и 5, выделенные в 1969 г. В.И. Марковиным (Марковин В.И., 1969а. С. 54–57; Котович В.Г., 1978б. С. 58; 1982. С. 57). С таким обобщением можно согласиться, что позволяет уменьшить типологическую расчлененность.

Сосуды данного типа имеют несколько округло-вытянутое неширокое тулово, довольно устойчивое дно и отвернутый венчик – иногда в виде раструба (у некоторых сосудов устье равно ширине корпуса или несколько его превышает). Отдельные экземпляры покрыты обмазкой (табл. 108, 18, 19, 22, 26). Высота до 35–25 см. Декорировка бедна, хотя и напоминает по своему расположению декор сосудов первого типа. Довольно характерно орнаментирован сосуд из могильника у сел. Белгатой (погребение 5): “на месте перегиба от венчика к стенкам – орнамент в виде валика с нарезками, к которому как бы подвешены небольшие, дугообразно изогнутые валики, располагающиеся четырьмя группами, по две в каждой” (Круглов А.П., 1958. С. 97). В целом декор сосудов довольно скуп (табл. 108, 23–25). Иногда даже отсутствует (Марковин В.И., 1969а. С. 54–56). У двух сосудов, найденных в Мискинбулаке, на заглаженной части близ устья “имеется по два сверленных круглых отверстия, вероятно предназначенных для закрепления веревочкой ручки” (Котович В.М., 1978. С. 89. Рис. 4–6).

4-й тип посуды (не учтен К.Ф. Смирновым и В.Г. Котовичем) – для него характерны сосуды биконической (острорезерной) формы. Дно у них широкое и почти такой же величины устье (венчик почти не отогнут), имеют по одной ручке. Такие сосуды найдены в Харачое (погребение 8), Белгатое (погребение 6) и Мамай-Кутане (табл. 108, 1–3) (Круглов А.П., 1958. С. 99, 106. Рис. 21, 2; 26, 3; Котович В.Г., 1959. С. 137. Табл. VI, 9; Марковин В.И., 1969а. С. 55).

5-й тип посуды (6-й тип по работе В.И. Марковина) – это керамика баночных форм: приземистые, округлые или слегка угловатые сосуды с устьем, немного обращенным внутрь (высота варьирует от 39 до 6 см). Вероятно, употреблялись в качестве кухонной посуды. Основные находки сделаны на бытовых памятниках (золяник у сел. Курчалой, поселений Хиндой, Новолакское, Нижняя Сигитма, культурные слои в Капчугае). Изредка подобной формы сосуды встречаются и среди могильного инвентаря (Харачой – погребение 35, Ишхой-Юрт, Тарки 2 и др.; табл. 108, 4–9). Эта керамика почти лишена декора (Смирнов К.Ф., 1951. С. 249, 252. Рис. 12, 8, 9; Круглов А.П., 1958. С. 110,

131. Рис. 32, 4; Марковин В.И., 1963б. С. 65, 67. Рис. 23, 16).

6-й тип посуды (в работе В.И. Марковина 7-й тип, у В.Г. Котовича лишь упоминается) – в основном миски и чаши конической формы (дно узкое, устье широко развернуто), с почти не выделенной шейкой. Таковы сосуды из поселения близ сел. Анди, из могильников у селений Тарки, Мамай-Кутан, Берекей, Тахиркала, Мискинбулак и др. (Крупнов Е.И., 1951. С. 213. Рис. 5, 2; Смирнов К.Ф., 1951. С. 249. Рис. 12, 10; Круглов А.П., 1958. С. 94, 95. Рис. 19, 2; Марковин В.И., 1969а. С. 58, Рис. 25, 1–8; Котович В.М., 1978. С. 89. Рис. 4, 2; Магомедов А.Р., 1980. С. 54, 55. Рис. IV, 5). Особенно много их найдено в Каякентском могильнике (погребения 9, 11, 13, 16, 17 и др.; табл. 108, 10–12, 16, 17). Здесь почти не было могил, на дне которых не лежала бы “плошка” (ОАК за 1898 г. С. 145 и след.). Вероятно, такое обилие чашек и дало повод В.Г. Котовичу говорить о них как о посуде, “представленной только в каякентской группе могильников” (Котович В.Г., 1978б. С. 60). Сосуды данного могильника орнаментированы резным узором.

Таковы основные типы керамики, характерной для каякентско-харачоевских памятников. Несмотря на своеобразие ее форм и декора, появление этой посуды было подготовлено всем предшествующим развитием местной керамики. Уже в памятниках ранней и развитой бронзы встречалась керамика, покрытая обмазкой. Формы описанной посуды (с узким дном и устьем-раструбом, биконические и баночные сосуды, чаши пр.) также появляются в предшествующее время (Каякентское, Верхнегунубское и другие поселения, могильники Карабудахкент II, Гоно, Гатын-Кале, Гинчи, Бельты 2 и др.). Даже декор в виде налпных валиков, резного узора, выпуклых рожек, трезубцев, “буквы М” и пр. известен на посуде более раннего времени (курганы у ст. Манас, поселение Каякент, нижние слои Курчалоя, могильник Нохла-ад у Чоха и др.). Таким образом, керамические находки лишней раз подчеркивают связь каякентско-харачоевских памятников с предшествующими этапами эпохи бронзы (Котович В.М., 1965. С. 199, 200; Марковин В.И., 1969а. С. 51, 54, 55, 57, 59; 1963а. С. 119–121; Гаджиев М.Г., 1969а. С. 128–130; Котович В.Г., 1978а. С. 73; 1982. С. 57–59).

Для культуры в целом более всего характерны

сосуды 1-го типа. Их форму можно считать руководящей. Затем следует посуда 3-го и 5-го типов. Интересно, что к разным районам Северо-Восточного Кавказа приурочена керамика с преобладанием определенных орнаментальных элементов. Так, на территории Восточной Чечни это в основном налепные валики; для большей части Дагестана (до условной границы Избербаш–Учаллах–Урма) – сочетание налепных валиков и прочерченного узора, южнее чаще всего встречается керамика с прочерченным узором и отдельными налепами (исключение составляют район Дагестанские Огни–Маджалис; местные памятники содержат керамику с налепными валиками).

Помимо посуды, среди изделий из глины можно еще отметить предмет в виде катушки (табл. 108, 14), найденный в гробнице могильника Тарки II (Смирнов К.Ф., 1951. С. 245, 253. Рис. 13, 8). Модель колеса из Капчугая (Марковин В.И., 1954. С. 329. Рис. 46) и пряслица из Курчалоя (Марковин В.И., 1969а. С. 60, 61. Рис. 26, 3, 4; табл. 108, 13, 15).

Металлические изделия в памятниках культуры встречаются редко. Это оружие, орудия труда и украшения. К сожалению, пробы металла предметов почти не производились. Исследования находок Харачоевского могильника показали, что многие вещи сделаны из бронзы со следами олова, хотя в браслетах оно не отмечено (Круглов А.П., 1958. С. 79, 80. Табл. 4), но металлические находки из Курчалоевского зольника (раскопки В.И. Марковина) оказались изготовленными по старой рецептуре – из мышьяковистой бронзы (анализы Е.Н. Черных, 1965 г.). Как видно, за время существования культуры происходило изменение в составе бронзовых сплавов – переход от мышьяковистой бронзы к оловянистой (Черных Е.Н., 1966. С. 92. Рис. 26).

Уже давно было обращено внимание на то, что в составе погребальных памятников культуры почти отсутствует вооружение (Круглов А.П., 1958. С. 78). Подобных находок зафиксировано немного: 1) медный(?) наконечник стрелы листовидной формы с плоским широким черешком (длина 6,9 см); погребение 3 могильника у сел. Берикей (Круглов А.П., 1958. С. 73, 144); 2) “наконечник бронзового втульчатого копья” или “медный копьевидный нож” (длина 17 см); найден М.И. Исаковым в Таркинском могильнике (Исаков М.И., 1957. С. 131; Крупнов Е.И., 1951б. С. 210, 222)*; 3) бронзовый

Таблица 108. Керамика каякентско-харачоевской культуры из Дагестана (3, 4, 6–8, 10–12, 14–17, 19–26, 29) и Чечни (1, 2, 5, 9, 13, 18, 27, 28)

1 – сел. Белгагой, погребение 6 (работа А.В. Мачинского); 2, 9, 18, 27, 28 – сел. Харачой, погребения 7, 8, 35, 18, 34 и 20 (работы А.П. Круглова); 3 – сел. Мамай-Кутан (работы В.Г. Котовича); 4, 7, 14 – сел. Тарки, могильник 2; 5 – район г. Грозного; 6 – сел. Кабарты-Кутан; 8, 26 – пос. Тарки, могильник 1, погребение 16 и 39; 10–12, 16, 17 – сел. Каякент, погребения 31, 13, 16, 9, 17 (работы В.И. Долбежева);

13 – сел. Курчалой, зольник; 15 – урочище Капчугай; 19, 25 – окрестности Махачкалы; 20 – Кичи-Гамри, ящик 1; 21 – урочище Ачису; 22, 29 – сел. Старый Чиркей, Бураганшоб (работы Н.Д. Путинцевой); 23 – курорт Талги, погребение 3 (работы М.И. Исакова); 24 – гора Тарки-Тау; 4, 7, 8, 14, 21, 26 – работы К.Ф. Смирнова; 6, 20 – работы М.И. Пикуль; 13, 15, 24 – работы В.И. Марковина

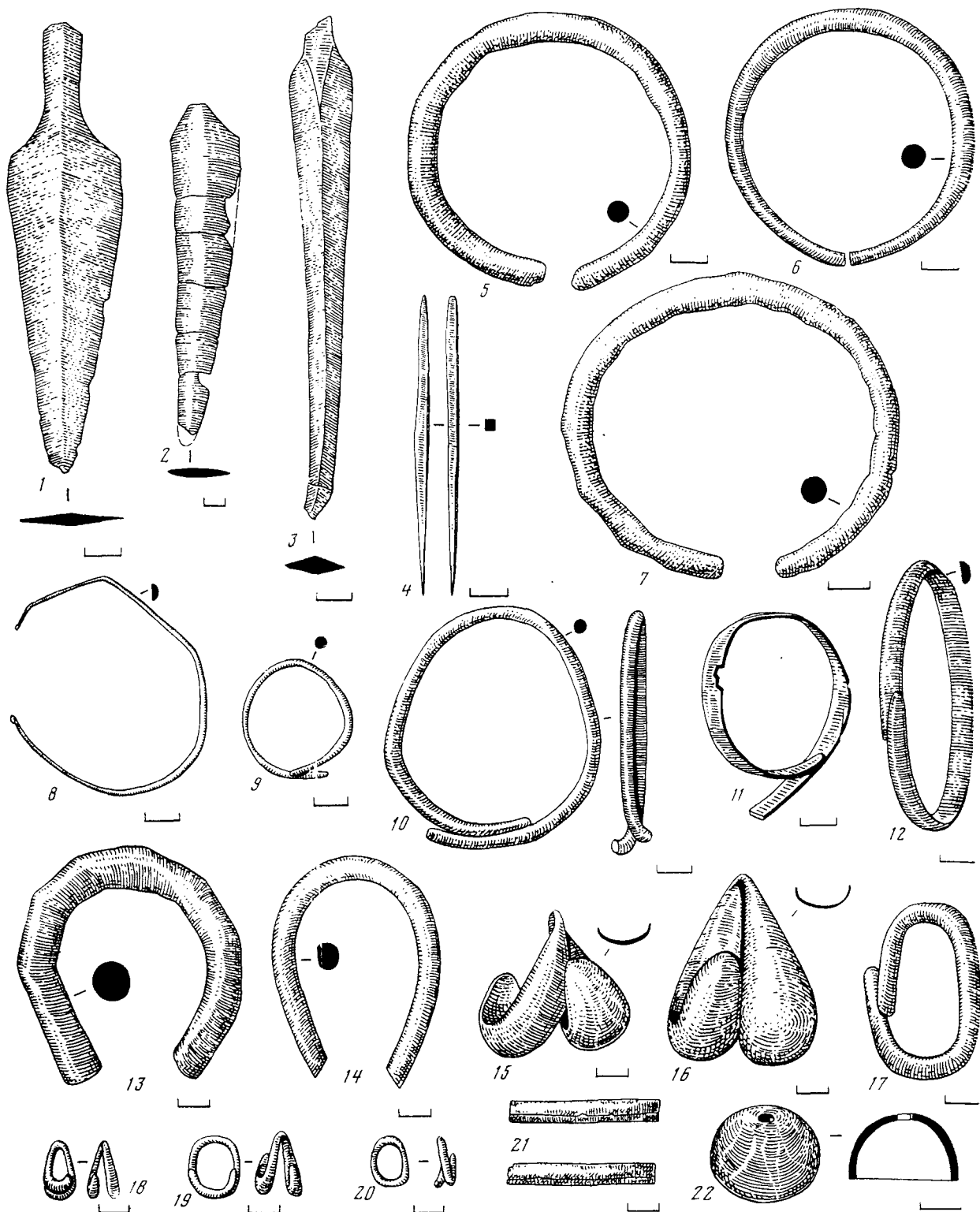

Таблица 109. Каякентско-харачоевская культура.

Бронзовые предметы из Дагестана (1-5, 7-10, 12-14, 20, 22) и Чечни (6, 11, 15, 18, 19, 21)

1 - сел. Тарки, каменный ящик; 2, 3, 13, 20 - курорт Талги, погребения 1 и 6; 4, 8 - сел. Тарки, могильник 2; 5 - сел. Каякент; 6, 11, 15, 18, 19, 21 - сел. Харачой, погребения 2, 46, 5, 16; 7, 22 - сел. Новый Чиркей, овраг Ачи; 9 - сел. Учавлах; 10, 14 - ст. Манас, погребение 1 кургана 1; 12 - сел. Маджалис; 16 - г. Буйнакск, могила XXVI-?

17 - сел. Кабаргы-Кутан; 1 - работы В.И. Марковина; 2, 3, 9, 13, 20 - работы М.И. Исакова; 4, 8, 10, 14 - работы К.Ф. Смирнова; 7, 22 - работы Н.Д. Пугинцевой; 12 - работы Б.Е. Дегена; 16 - работы Ф.А. Афанасьева; 17 - работы М.И. Пикуль

листовидный нож (длина 12,6 см, ширина 3,3 см; табл. 109, 1); найден в ящике у сел. Тарки (Смирнов К.Ф., 1951. С. 242, 255. Рис. 14, 4; Марковин В.И., 1969а. С. 60, 61. Рис. 26, 7); 4) бронзовый нож-кинжал (длина 17 см; табл. 109, 2); Талгинский могильник, погребение 1 (Исаков М.И., 1957. С. 126, 128. Рис. 53, 1; Марковин В.И., 1969а. С. 60, 61. Рис. 26, 6; Котович В.Г., 1978б. С. 62. Рис. 2, 10); 5) бронзовый “копьевидный нож с продольным ребром” (длина 15 см; табл. 109, 3), Талгинский могильник, погребение 6 (Исаков М.И., 1957. С. 129, 130; 1966. С. 33, 34. № 434. Табл. 4, 5); 6) бронзовый листовидный нож с черенком; обнаружен в ящике у сел. Кафыркумух (Котович В.Г., 1978б. С. 69. Рис. 2, 7). Имеются еще неясные сведения о находке “бронзового копья” в местности Хаченег у сел. Леваша (Марковин В.И., 1969а. С. 62).

Среди орудий труда можно отметить два бронзовых шила четырехгранной формы с приостренными концами (длина до 8,5 см; табл. 108, 4, найдены в разрушенных ящиках у сел. Тарки (Марковин В.И., 1969а. С. 60, 62. Рис. 26, 5).

В каякентско-харачовских погребениях преобладают находки металлических украшений (браслеты, налобные ленты, различные подвески). Браслеты характерны для женских захоронений. Однако в могильнике Тарки II на костях левой руки мужского скелета были обнаружены три браслета (Смирнов К.Ф., 1951. С. 241, 242, 253. Рис. 9, 1; 13, 1). В Харачое (погребение 46) на руках мужского скелета также находилось по браслету (Круглов А.П., 1958. С. 71, 137. Рис. 62, 10, 11). Наиболее распространенным – первым типом являются массивные браслеты, согнутые в виде овального или круглого кольца (величина 8 × 7 и 7 × 7 см; табл. 109, 5–7). Концы у них сближены и слегка приострены или ровно обрезаны (Тарки, Харачой – погребения 2, 5, 16, 27, 29, овраг Ачи у селений Чиркей, Каякент, Мамай-Кутан, Миатлы, хут. Тахиркала). Сечение прута круглое, овальное или подтреугольное (Крупнов Е.И., 1940. Табл. 1, 1; Смирнов К.Ф., 1951. С. 102, 253, 255. Рис. 13, 1, 4; 14, 1, 2; Круглов А.П., 1958. С. 114, 121–123. Рис. 47, 9, 10; Котович В.Г., 1959. С. 137. Табл. VI, 1; Марковин В.И., 1969а. С. 22, 63, 64. Рис. 5, 11, 12; 27, 1–6; Магомедов А.Р., 1980. С. 56, 57. Рис. 5, 5). Данный тип браслетов впервые был выделен К.Ф. Смирновым (Смирнов К.Ф., 1951. С. 252).

Браслеты второго типа сделаны из проволоки неравномерной проковки. Свернуты они не аккуратно, один или оба конца заострены, но не сомкнуты (табл. 109, 8). Такие браслеты найдены в могильниках у селений Тарки, Каякент (погребение 17), у курорта Талги, Мискинбулаке (Крупнов Е.И., 1951б. С. 215; Смирнов К.Ф., 1951. С. 252, 253. Рис. 13, 1; ОАК за 1898 г. С. 150; Исаков М.И., 1959. С. 128, Рис. 53, 3; Котович В.М., 1978. С. 91. Рис. 3, 54, 55).

Третий тип браслетов – это кольца неправильной формы с заходящими концами, из проволоки круглого сечения (табл. 109, 9, 10). Известны по находкам в Маджалисе, Учавлахе, Манасе (курган 1, погребение 1), Бураганшоб у Старого Чиркея (А.П. Круглов, 1958. С. 146; Исаков М.И., 1959. С. 218, 219, 231, № 27. Табл. III, 2; Путинцева Н.Д., 1959. С. 15, 16. Табл. XVII, 2, 4; Марковин В.И., 1969а. С. 63, 54. Рис. 27, 10, 12).

Четвертый тип браслетов – тонкие полосы металла с заходящими друг за друга концами (табл. 109, 11). Лучше всего представлены в Харачовском могильнике (Круглов А.П., 1958. С. 137, 138. Рис. 62, 10, 11).

Пятый тип браслетов – довольно толстые полосы бронзы овального и подтреугольного сечения с расплюснутыми и закругленными концами. Концы заходят друг за друга (табл. 109, 12). Найдены в Дарго, Маджалисе, Миатлы (погребение 1 кургана XI группы), Кабарты-Кутане (Круглов А.П., 1958. С. 71, 100, 146; Костюченко И.П., 1959. С. 18. Рис. 23, 1; Пикуль М.И., 1959. С. 158. Рис. 2, 1).

Шестой тип браслетов представляет собой массивные стержни (толщиной до 1 см), изогнутые в виде подковы (табл. 109, 13, 14). Подобные браслеты, правда несколько более широкие, А.А. Иессен считал ножными (Иессен А.А., 1935в. С. 158. Рис. 26, 2). В описываемых памятниках они встречаются редко. Найдены в Кафыркумухе (Государственный музей Грузии, № 143-13; Марковин В.И., 1969а. С. 64, 65, Рис. 28, 2, 3), Манасе (курган 1, погребение 1), Талги (Смирнов К.Ф., 1951. С. 252; Исаков М.И., 1957. С. 126, 128. Рис. 53, 2), Мискинбулаке и Инчхе (Котович В.М., 1978. С. 89, 97, 98. Рис. 3, 53, 56; 6, 7).

Среди других украшений следует отметить наперстные кольца с несомкнутыми концами и в виде спиралек (могильники Тарки II, Учавлах, Каякент – погребения 20, 31, 32). Более массовыми являются находки височных подвесок (привесок). Это своеобразные прототипы серег. Они характерны для женских захоронений (при мужском скелете найдены в могильнике Тарки II). Очевидно, подвески нашивались к головному убору (волосному мешку) у виска. В каякентско-харачовских памятниках они встречаются в виде круглых и овальных колечек с разведенными в разные стороны концами. Сделаны из бронзового прута (до 3 см в высоту; табл. 109, 18–20). Такие подвески известны на Кавказе с III тысячелетия до н.э. В памятниках описываемого круга известных среди находок из Харачой (погребения 2, 16, 22, 44). Тарки II, Талги (погребение 1), Каякента (погребение 11), Кабарты-Кутана и др. (Смирнов К.Ф., 1951. С. 252, 253. Рис. 13, 2; Исаков М.И., 1957. С. 252, 253. Рис. 13, 2; Круглов А.П., 1958. С. 103 и след.; Рис. 25, 3, 4; Пикуль М.И., 1959. Рис. 22. ОАК за 1898 г. С. 147). В Мискинбулакском могильнике височные подвески круглой и овальной формы встречались в связках – соединенными по семь штук вместе. Там же был

*Предметы 1, 2 утеряны.

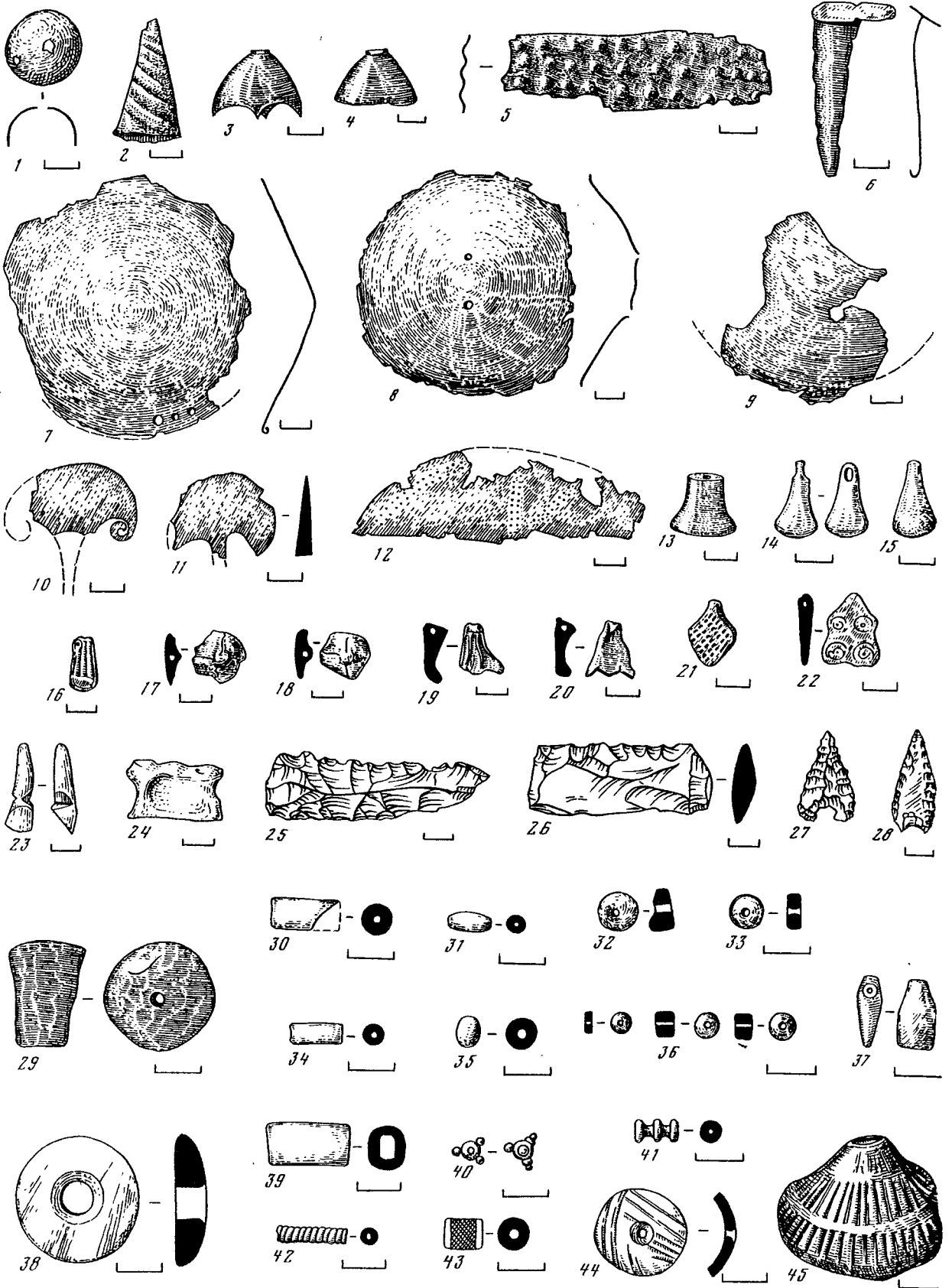

Таблица 110. Каякентско-харачоевская культура

Предметы из бронзы (1–15), сурьмы (16–20), кости (23, 24), железа (25–28), сердолика (29–35), гагата (36, 38), янтаря (37), стеклянной пасты (39–43) и морских раковин (44, 45), найденные в Чечне (1–4, 17–20, 22, 25, 26, 30, 31, 33, 35–37, 41, 44–45) и Дагестане (5–16, 21, 23, 24, 27–29, 32, 34, 38–40, 42, 43) — сел. Ведено; 3, 4, 17–20, 22, 30, 31, 35–37, 41 — сел. Харачой, погребения 2, 27, 5 и 29; 5, 6, 14 — сел. Тарки, могильник II; 7, 11, 15, 38 — курорт Талги, погребения 6, 1, 12; 12 — из района сел. Тарки; 9, 21, 40 — сел. Каякент, погребения 17, 18 и 2; 10 — сел. Маджалис; 12, 13, 23, 24, 39, 42, 43 — сел. Тарки,

могильник I, погребения 37, 35, 3 и 1, а также из засыпки; 25, 26, 44, 45 — сел. Курчалой, зольник; 27 — сел. Старый Чиркей, Бураганшоб; 28 — сел. Карабудахкент, поселение; 29 — сел. Кафыркумук; 32 — сел. Новый Чиркей, овраг Ачи; 34 — гора Таркитау, каменный ящик; 1, 2 — коллекция Н.В. Орла; 3, 4, 10, 17–20, 22, 30, 31, 35–37, 41 — работы А.П. Круглова; 5, 6, 12–14, 23, 24, 39, 42, 43 — работы К.Ф. Смирнова; 7, 11, 15, 38 — работы И.М. Исакова; 25, 26, 34, 44, 45 — работы В.И. Марковина; 27, 32 — работы Н.Д. Путинцевой; 28 — разведки М.Н. Погребовой и В.И. Марковина

найден особый вид подвесок “в виде округлого или подковообразного кольца с незамкнутыми концами, один из которых слегка раскован (Котович В.М., 1978. С. 90. Рис. 3, 44–46).

Более крупные пластинчатые подвески (до 5 см в высоту) имеют овальную форму. Лопастей у них сильно расширены и закруглены (табл. 109, 15, 16). Они встречаются очень часто и характерны для культуры в целом. Перечисление подобных находок в соответствующих могильниках заняло бы много места, и здесь мы его опускаем (Марковин В.И., 1969. С. 66, 67. Рис. 28. 8–11). В Кабарты-Кутане найдены массивные подвески (из прута толщиной до 0,6 см) почти подпрямоугольной формы (Пикуль М.И., 1959. С. 159. Рис. 2, 4). Такого рода украшения (табл. 109, 17) в противоположность предыдущим подвескам нехарактерны для культуры, но известны по памятникам типа Зандакского могильника (Марковин В.И., 1964. С. 85. Рис. 24, 8).

Головной убор женщин украшали также специальные наконечники трубочки, полушарные и конусовидные колпачки (табл. 109, 21, 22; 6, 1–4). Детальное описание их дано А.П. Кругловым, а список подобных находок приведен В.И. Марковинным. Здесь же следует сказать, что подобные украшения можно считать типичными для каякентско-харачоевской культуры (Круглов А.П., 1958. С. 66–68; Марковин В.И., 1969а. С. 67; Котович В.Г., 1982. С. 62).

Из бронзы делали также налобные бляхи и ленты. Такие находки сделаны в могильниках у курорта Талги, селений Нижний Дженгутай, Кичи-Гамри, Каякент (бляхи), Гюхрак (бляха) и Тарки (бляха и лента). Эти предметы иногда украшены пунсоном (выбитым) орнаментом и имеют отверстия для пришивания (табл. 110, 5, 7, 8, 12) (Крупнов Е.И., 1940. С. 12; Смирнов К.Ф., 1951. С. 238, 249, 252. Рис. 12, 11; 13, 7; ОАК за 1898 г. С. 150; Пикуль М.И., 1953. С. 109, 112; Маммаев М.М., 1989. С. 20, 179. Рис. 6; Давудов О.М., Хангишиев Г.Д., 1991. С. 53. Рис. 4, 2). Фрагментированность этих блях дала повод думать, что некоторые из них могли быть наверхами булавок (Котович В.Г., 1978б. С. 64). Это требует проверки. Настоящие булавки, служившие для скрепления одежды и состоявшие из закругленного волутообразного навершия и иглы, известны, к сожалению, только в обломках

(Талги, Кафыркумук, Маджалис, Тарнаир — теперь в пределах г. Махачкалы). Они миниатюрны (табл. 110, 10, 11) и этим отличаются от более ранних находок (Марковин В.И., 1969а. С. 69). Вероятно, застежкой служила бронзовая пластинка, снабженная крючком (табл. 110, 6). Она была найдена в гробнице могильника Тарки II (Смирнов К.Ф., 1951. С. 253. Рис. 6). В Мискинбулаке обнаружены небольшие круглые бляшки с перемычкой на обороте, служившие пуговицами (Котович В.М., 1978. С. 12. Рис. 3, 30, 39). Единичной является находка ворварки (табл. 110, 13) из погребения 35 могильника Тарки I* (Смирнов К.Ф., 1951. С. 249. Рис. 12, 5).

Среди металлических находок следует упомянуть бронзовые бусы и каплевидные подвески (Тарки II, Талги, Мискинбулак, Капчугай; табл. 110, 14, 15; Марковин В.И., 1969а. С. 68; Котович В.М., 1978. С. 82. Рис. 3, 21), а также изделия из сурьмы. Они могли нашиваться на одежду и служить украшениями: бусами, пронизками, подвесками. Вероятно, они отливались на месте, для чего использовались месторождения сурьмяного блеска — антимонита (стибинита). Бусы-пронизки имеют форму кружочков, цилиндриков, четырехгранников и пятигранников. Среди подвесок можно видеть ромбы с решетчатым узором, кружки с выпуклым перекрестием, волуточные и “лапчатые” отливки (табл. 110, 16–22). Подобные находки сделаны в Харачое (погребения 2, 12, 25, 29), Ведено, Миатлы, Мамай-Кутане, Буйнакске, Каякенте. Эти предметы опять-таки характерны для каякентско-харачоевской культуры (Марковин В.И., 1969а. С. 69, 70).

Изделия из кости в памятниках культуры редки. Это амулеты из зубов свиньи и овцы (табл. 110, 23), обнаруженные в ящиках у сел. Старый Чиркей, в Харачое (погребения 17 и 31) и Тарки I (раскоп 1949 г., кв. 66; работы К.Ф. Смирнова); игральные кости (альчики) — овечьи астрагалы, также иногда находимые в могилах (Тарки I, Харачой и др.; табл. 110, 24). Однако, несомненно, костяные орудия (особенно шилья-проколки) широко использовались в быту. Так, в культурном слое у скалы с наскальными изображениями в Капчугайском

* Могильник Тарки I в литературе более известен как Таркинский могильник.

ущелье (бассейн р. Шураозень, увал 6) были найдены подобные приостренные кости (Марковин В.И., 1954. С. 328, 332. Рис. 4а, 16, 17). Целую серию таких проколов содержал зольник у сел. Курчалой в Чечне (Марковин В.И., 1969а. С. 70, 61. Рис. 31, 1–8). Судя по находкам, сделанным в этом же зольнике, из кости могли делать продолговатые пуговицы, ложила и пр.

Трудно сказать об объеме использования каменных изделий в быту. Подобные предметы встречаются далеко не часто. Первое место среди них занимают кремь. Это отдельные отщепы и осколки, встречаемые в могилах (к примеру, Харачой – погребения 8, 13, 16, 18, 19, 21, 26, 42, 46; Белгагой – погребение 6; см.: Круглов А.П., 1958. С. 97, 106, 110, 114 и др.), которые могли употребляться для высекания огня. Затем следует упомянуть выемчатые наконечники стрел, покрытые тонкой ретушью (табл. 110, 27, 28). Они найдены в ящике 3 у сел. Старый Чиркей (Путинцева Н.Д., 1959. С. 16), в Капчугае и Чиркутане возле скал с изображениями (Марковин В.И., 1954. С. 328, 333. Рис. 4а, 8, 23, 24, а также работы 1987 г.). В Таркинском могильнике в погребениях 7 и 39 были обнаружены каменные шары (диаметром до 5 см), которые могли употребляться для метания с помощью пращи (Смирнов К.Ф., 1951. С. 232, 240).

С памятниками каякентско-харачоевской культуры можно, вероятно, связывать отдельные находки кремневых вкладышей для серпов (табл. 110, 25, 26), зернотерки, терочки, точильные оселки и прочие каменные изделия, употреблявшиеся в быту (Марковин В.И., 1969а. С. 71–73. Рис. 32).

К изделиям из камня следует отнести многочисленные бусы, большей частью шаровидной и цилиндрической формы (табл. 110, 29–43). Они изготовлялись в основном из местных цветных камней – халцедонов, сердоликов, гагата (гишера), реже – из мрамора, кальцита, твердых метаморфических пород и привозного янтаря. Обычно местные бусы имеют двухстороннее сверление и довольно грубую обработку. Найдены во многих памятниках культуры (Марковин В.И., 1969а. С. 73–76. Рис. 33, 1–16). В состав ожерелий входили бусы, изготовленные из раковин морских (каспийских) моллюсков рода *Cardium* и *Didasna*. Они имеют дисковидную форму. Иногда среди бус нанизывали и продырявленные раковины (табл. 110, 44, 45). Такие находки сделаны в Харачое (погребения 2, 27, 31, 37, 38), Тарки, Миатлы, Берикее, Каякенте, Маджалисе (сводку см.: Марковин В.И., 1969а. С. 76).

Иногда среди каменных и раковинных бус встречаются импортные бусы и бисер, сделанные из стеклянной пасты разных тонов: белого, желтоватого, светло-зеленого, коричневого (табл. 110, 39–43). Это уплощенный бисер, цилиндрические бусы (иногда они покрыты штриховкой), рифленные шарики и “рогатые” бусины (с выступами – “бородавками”). Многие захоронения культуры со-

держат подобные находки (Марковин В.И., 1969а. С. 76). Описанный материал является основным для суждения о жизни древнего населения Северного Восточного Кавказа.

Обычно, когда пишут о каякентско-харачоевской культуре, то всю территорию Дагестана и Чечено-Ингушетии отводят под ее ареал (Круглов Е.И., Магомедов Р.М. и др.). Это не отвечает действительным фактам. Пока памятники культуры почти неизвестны в горной части этих регионов, и только сам факт преемственной связи каякентско-харачоевских древностей с предшествующими фазами развития эпохи бронзы в местных условиях позволяет надеяться, что такие памятники еще будут обнаружены. Сейчас трудно детально очертить границы распространения каякентско-харачоевских памятников, особенно их северную часть. По этому поводу возникают порой разногласия. Например, такие пункты с интересующими нас находками, как Хиндой, Курчалой, Бачи-Юрт (в Чечне), В.А. Козенкова вводит в ареал кобанской культуры (Козенкова В.И., 1977. С. 8, 52, 53, 61. Рис. 1), хотя в первых названных пунктах найдена керамика, характерная для каякентско-харачоевской культуры и более раннего времени при полном отсутствии здесь типичного для Кобани металла и керамики (Марковин В.И., 1963б. С. 64–67; 1966. С. 124, 125. Рис. 3, 1; 1969а. С. 17, 43. Рис. 3, 5; 16, 2–5). В Бачи-Юрте действительно был найден комплекс кобанских вещей, но в целом в районе этого села известны пока что памятники опять-таки каякентско-харачоевского облика. Этого мнения придерживаются многие специалисты (Мунчаев Р.М., 1961. С. 60, 62; Виноградов В.Б., 1972. С. 254; Ошаев М.Х., 1979. С. 50 и след.).

Таким образом, четкое определение границы культуры в пределах Чечни – дело будущего. Однако эту границу лишь приблизительно можно наметить по линии, идущей от сел. Дуба-Юрт на р. Аргун (Круглов А.П., 1938. С. 5) к селениям Курчалой и Ишхой-Юрт (здесь обнаружены могильники). Далее к пос. Верхний Чирюрт и г. Хасавюрт, затем к г. Махачкале, выше которого памятники культуры мало известны (отдельные находки у ст. Алмало) (Марковин В.И., 1963б. С. 64–67; 1969а. С. 16, 78. Рис. 2). Южная граница культуры также довольно условна. За г. Дербентом ее памятники почти неизвестны, однако за р. Самур, уже в пределах Закавказья, сделаны отдельные находки, имеющие поразительное сходство с описанными. Таков сосуд, найденный в Лагодехи и обладающий “сходными чертами с каякентской посудой”, такова также керамика из гробниц открытых у селений Шудух, Пендбад и Баду (Круглов Е.И., 1940. С. 17). Сосуд каякентско-харачоевского типа с широким развернутым устьем и маленьким дном был обнаружен у ст. Хачмас (Александрович-Насыфи Дж., 1929. С. 262–265. Рис. 14, 15), подобного типа керамические обломки известны и из поселения Ибрагим-Халилтепе в Кубин-

ском районе Азербайджана (Нариманов И., Шахвердиев И., 1965. С. 93) и с территории Апшеронского полуострова – возле селений Шувеланы и Мардакяны (Асланов Г.М., 1965. С. 85; Джафарзаде И.М., 1948. С. 90, 91). Отмеченное сходство не ограничивается только одной керамикой. Оно прослеживается и в стиле отдельных групп наскальных рисунков и некоторых сурьмяных и бронзовых изделиях (Крупнов Е.И., 1940. С. 10; Марковин В.И., 1969а. С. 97, 98). Вероятно, сейчас не стоит доводить границы каякентско-харачоевской культуры до Апшерона, но, наверное, не следует также думать, что южные границы культуры четко укладывались в современные пределы Дагестана, не выходя на правый берег р. Самур. Они могли занимать отдельные отроги закавказских нагорий и плоскость, близко подходящую к бассейну р. Самур (карта 7).

Выше уже говорилось о тесной связи каякентско-харачоевской культуры с предшествующим временем. В настоящее время в науке нет иных мнений, а раз данный факт считается доказанным, то возникает необходимость хронологической связи времени бытования данной культуры с более ранними этапами. К сожалению, сделать это не так просто (Марковин В.И., 1982б. С. 12, 13).

Если вспомнить датировки, предложенные для таких ярких, но более древних памятников, как Гинчи и Гатын-Кале (см. предыдущую главу), то станет ясно, что даже для них нет четких дат. М.Г. Гаджиев датировал Гинчи в 1969 г. временем «не позже конца первой четверти II тысячелетия до н.э. до XII в. до н.э.» (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 155); в 1974 г. он доводил его функционирование до «второй половины II тысячелетия до н.э.», а далее как замечает М.Г. Гаджиев, «была распространена каякентско-харачоевская культура» (Гаджиев М.Г., 1974а. С. 28). Могильник Гатын-Кале В.И. Марковин датировал в 1963 г. приблизительно от 1700 г. до н.э. до 1400 г. до н.э. (Марковин В.И., 1963а. С. 133). Сейчас эти даты в связи с общей тенденцией к удревнению эпохи бронзы Кавказа можно было бы немного углубить. А ведь оба упоминавшихся могильника предшествуют каякентско-харачоевской культуре и связаны с нею, судя по обнаруженному в них материалу.

Напомним те даты, которые относительно недавно были предложены В.Г. Котовичем для древностей каякентско-харачоевского круга. Памятники предшествующего времени («гинчинско-гатын-калинского этапа») он вслед за М.Г. Гаджиевым датирует «первой половиной II тысячелетия до н.э.»; памятники собственно каякентско-харачоевского типа – «третьей четвертью II тысячелетия до н.э.», а древности последующего времени («талгинского этапа») – «последней четвертью II тысячелетия до н.э.» (Котович В.Г., 1978б. С. 74). Помимо этого, им же предложен и еще один наиболее поздний этап («зандакско-мугерганский»), относимый к

1000–750 гг. до н.э. (Котович В.Г., 1978б. С. 62. Рис. 2, таблица)*.

Несколько позже некоторые отмеченные датировки были еще раз уточнены В.Г. Котовичем совместно с О.М. Давудовым. Прежде всего названия этапов заменены литературными обозначениями. Это этап ПБИ (поздняя бронза I, бывший «талгинский этап»), датируемый XIV–XIII вв. до н.э. Его характеризуют могильники Талгинский, Кабартыкутан, Мискинбулак и др.; затем ПБП – XII–X вв. до н.э. К этому этапу относятся Мугерганский и другие могильники. Далее следует этап РЖІ (раннее железо I – IX – первая половина VII в. до н.э.), уже выходящий за рамки описываемого нами времени (Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. С. 41 и след.; см. также: Котович В.Г., 1982. С. 69–104)**.

Как видим, несмотря на значительные усилия привести хронологию памятников Северо-Восточного Кавказа в какую-то систему, она пока еще находится в стадии разработки. Поэтому здесь будет дана периодизация культуры в самом предварительном плане, но с учетом уже сделанного специалистами.

Четкое членение культуры затруднительно хотя бы в силу того, что ранний этап ее развития «восходит к местной культуре предшествующего времени» (Иессен А.А., 1956. С. 15). Иначе говоря, носители ее являются «далекими потомками» более ранних фаз эпохи бронзы и энеолита (Федоров Я.А., 1960. С. 21–23; 1961. С. 4). Подобные высказывания вполне справедливы. Почти все памятники, рассмотренные в предыдущей главе (Гоно, Миятлы, Гатын-Кале, Верхний Гуниб и др.) содержат такие материалы, без учета которых нельзя представить развитие и каякентско-харачоевской культуры. На плавное, постепенное возникновение черт, характеризующих ее, указывает и Курчалоевский зольник (Марковин В.И., 1969а. С. 79). Показателен в этом отношении анализ каякентско-харачоевской керамики, предпринятый В.Г. Котовичем. Лишь на «талгинском этапе», по его мнению, нарушается непрерывная линия развития керамических форм и орнаментации (Котович В.Г., 1978б; 1982. С. 57, 58, 59–61. Рис. 1). Мы бы продолжили эту «линию» и к более позднему времени, так как «разрыв», о котором пишет В.Г. Котович, не столь уж сильно ощутим. Но в данном случае важен сам факт преемственной связи с более древним периодом. Однако это же обстоятельство позволяет считать, что первый этап культуры пока не

* Название этапа не очень удачно, тем более что О.М. Давудовым сделана попытка выделить две культуры с подобным наименованием: «зандакскую» и «мугерганскую» (Давудов О.М., 1974). По отношению к глубинным дагестанским памятникам применение термина «зандак» странно, так как Зандакский могильник содержал инвентарь с кобанскими чертами, совершенно не характерными для местного археологического материала. Это верно только для пограничных районов.

** В монографии, изданной в 1982 г., В.Г. Котович использует и эпонимные, и литературные названия этапов.

может быть абсолютно четко ограничен. Датируя его примерно от 1600 до конца 1500 г. до н.э. (с учетом разработок В.Г. Котовича, О.М. Давудова, М.Х. Ошаева и др.), мы не будем особенно не правы, тем более что на этом этапе только появляются “отличительные, этнодифференцирующие” черты культуры (Марковин В.И., 1969а. С. 80, 81; Котович В.Г., 1978б. С. 73; 1982. С. 69). К этому условному этапу опять-таки в самом предварительном плане можно отнести следующие памятники: отдельные погребения могильников 2 и 4 у сел. Бачи-Юрт, средние (условно) слои зольника в Курчалое. Карабухкентское поселение, Согунты, Гуни, Ведено (отдельные находки), Андийское селище.

Второй этап – время расцвета всех характерных черт культуры. Именно этот этап В.Г. Котович и называл собственно “кайкентско-харачоевским” (Котович В.Г., 1978б. С. 72). Датировка его, предложенная указанным исследователем, кажется нам чрезмерно удревленной, тем более что многие из предметов, встречаемых в соответствующих комплексах (листовидные ножи, височные подвески, булавки), имели длительное бытование и встречались не только в северо-восточной части Кавказа. Другие типичные для культуры, в первую очередь сурьмяные изделия, возникли, по мнению В.Г. Котовича, как подражания северокавказским украшениям. Вероятно, в таком случае украшения из сурьмы не могли появиться тут же вслед за северокавказскими изделиями из бронзы, а с некоторым опозданием, когда их прототипы были уже широко распространены. Этот факт следует учитывать, если говорить о подражании. Однако раннее появление бронзовых колпачков, раскованных и широких височных подвесок, характерных для культуры, но известных по таким ранним памятникам, как могильники в сел. Чох (Мунчаев Р.М., 1954. С. 44–47. Рис. 11), Гинчи и Гатын-Кале, позволяет датировать этот этап более ранним временем, чем это делали раньше К.Ф. Смирнов, В.И. Марковин и др.

Дата второго этапа с учетом некоторых поправок В.Г. Котовича представляется примерно такой: от конца 1500 до 1250 г. до н.э. К тому времени можно отнести многие основные памятники культуры: Харачой, Каякент, Тарки, Берекей, Мамай-кутан, Маджалис, Казмаляр (Новый Дейбук), район Махачкалы (Тарнаир), Ишкой-Юрт, Дарго, Белгатой, Капчугай, Хиндой, Миатлы, Гагатль, Старый и Новый Чиркей, Нижняя Сигитма (поселение), Новолакск (поселение) и др.

Третий этап – время заката культуры. Это, по В.Г. Котовичу, “талгинский” и “зандакский” этапы. Представляется, что данный этап неотделим от предшествующего времени. В недрах его происходит затухание ярких черт культуры. Так, крупнолопастные подвески почти исчезают, огрубляются волюты булавок, обмозка на керамике приобретает порой декоративный характер. Дата этого этапа довольно хорошо обоснована В.Г. Кото-

вичем – от 1250 и почти до 1000 г. до н.э. (Котович В.Г., 1978б. С. 59–74. Рис. 1, 2; 1982. С. 117). К такой датировке как ориентировочной разработке вполне можно присоединиться. Конечно, дальнейшие исследования уточнят ее, как и все предыдущие даты.

К данному этапу можно отнести памятники Талги, Мискинбулак (Котович В.М., 1978б. С. 79–93. Рис. 1–4), Кабарты-Кутан, Нютюг, Гюхрак (Давудов О.М., Хангишиев Г.Д., 1991. С. 49–60) и др. Зандак как памятник переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа, содержащий определенные черты кобанской культуры, мы не считаем возможным рассматривать в качестве характерного для каякентско-харачоевской культуры. Его материалы носят узколокальный характер и, возможно, могут рассматриваться как особая культура, ареал которой занимал небольшой участок между племенной территорией двух культур – затухающей каякентско-харачоевской и крепнущей кобанской.

Таким образом, каякентско-харачоевская культура относится в основном к эпохе поздней бронзы. Однако и в начальных столетиях I тысячелетия до н.э. еще не угасают отдельные черты культуры. Они долго сохраняются в отдельных памятниках Северо-Восточного Кавказа (Зандак, Аляр, Мугерган и др.). В этом нужно усматривать не длительную “живучесть” культуры (Виноградов В.Б., 1972. С. 276 и след), а лишь стойкое сохранение ее отдельных черт в предметах быта и орнаментике населения Северо-Восточного Кавказа в скифо-сарматское время и даже позднее (Марковин В.И., 1969а. С. 113, 114).

А.П. Круглов впервые сделал попытку выделить локальные особенности среди памятников культуры, наметив в ней два района: “западный” (для Чечни) и “восточный” (для Дагестана), хотя и не дал о них четкого определения (Круглов А.П., 1958. С. 52–59), Е.И. Крупнов считал вполне возможным утверждать только такую локализацию (Крупнов Е.И., 1951. С. 222). К.Ф. Смирнов, изучив материалы Таркинского могильника, рассматривал их как бы посредствующими между “западной” (харачоевской) и “восточной” (кайкентской) группами. Это давало ему возможность фактически говорить о трех группах (Смирнов К.Ф., 1951. С. 255–257).

В дальнейшем была сделана попытка разработать этот вопрос более полно – было обращено внимание на локальные различия в устройстве погребальных сооружений и сопутствующих им конструкций, на позы погребенных, размещение сосудов в могилах, особенности керамического декора. Все эти черты позволили нам наметить пять локальных районов (группировок), которые могли соответствовать отдельным племенным группировкам (Марковин В.И., 1969а. С. 85–87. Рис. 36 – карта).

Сам факт наличия отмеченных локальных

групп, в предшествующее время менее четко ощущаемых, позволяет говорить о памятниках каякентско-харачовского круга как об объектах особой специфической культуры. К тому же на позднем этапе в западных районах региона ее памятники стали соседствовать с кобанскими. Можно сделать вполне очевидный вывод, что носители раннего этапа кобанской культуры потеснили в то время некоторую часть каякентско-харачовского населения в горы. Поэтому трудно согласиться с учеными, рассматривающими эту культуру лишь как хронологический этап в развитии местных племен (Канивец В.И., 1959. С. 50, 51; Котович В.М., 1965. С. 249–252; Котович В.Г., 1978б. С. 72; 1982. С. 117, 118). Те данные, которые приводит В.Г. Котович в пользу осмысления культуры в качестве этапа, представляются требующими еще обоснования (Марковин В.И., 1969а. С. 88).

Древние племена – носители каякентско-харачовской культуры являлись земледельцами и скотоводами. Селились они на высоких речных террасах (Курчалой), в долинах между гор (Карабудахкентское поселение), на платовых поднятиях (Новолакское поселение) и по склонам гор (Анди, Хиндой). Поселения располагались на хорошо освещенных солнцем местах. Некоторое представление о таком поселении дают раскопки в Нижней Сигитме. Многокамерные жилые постройки воздвигались на каменном основании, верхняя часть их была глинобитной. Это были дома, имевшие до пяти помещений квадратной или округлой формы с площадью от 4–5 до 32 кв.м. Внутри них имелись очаги двух видов: расположенные на каменных настилах (они служили для хозяйственных целей), а также шестигранной формы (диаметром в 0,5–0,7 м), используемые, вероятно, для ритуальных церемоний. Полы в домах земляные, массивные двери поворачивались в пяточных камнях. Это были дома больших патриархальных семей (Канивец В.И., 1957. С. 159; Бредэ К.А., 1959. С. 25, 26; 1956. С. 102–114; 1957. С. 17–38).

Здесь следует снова вспомнить Верхнегунибское поселение, расположенное у сел. Гуниб (см. предыдущую главу). Верхний слой его В.М. Котович относит “к самому началу каякентско-харачовского этапа”, который датирует XIV–XIII вв. до н.э. (Котович В.М., 1963. С. 250). К тому времени поселение уже давно функционировало (с конца III тысячелетия до н.э.), его архитектурный облик устоялся; это были одноэтажные каменные дома, которые последовательно, ступенями возвышались друг над другом. Материалы интересующего нас слоя содержат до 61% керамических обломков, покрытых обмазкой (в нижнем слое их было всего 40%). Среди посуды преобладали горшки с сильно отвернутым краем, затем некрупные кувшины с четко выделенной шейкой и сосуды с резко обрешанным устьем (Котович В.М., 1965. С. 182, 183. Рис. 63), т.е. формы керамики, которые характерны для культуры. Как особый вид керамической

посуды В.М. Котович рассматривает “сковороды” – своеобразный вариант мисок с сильно утолщенным дном. Орнаментация верхнегунибской керамики данного слоя (Котович В.М., 1965. С. 185. Рис. 64) не отличается от описанной нами. Материалы Верхнегунибского поселения дают также возможность более полно представить хозяйственную деятельность древнего местного населения.

Занятия земледелием документируются находками кремневых вкладышей (Курчалой, Берикей, Новолакское поселение и др.), песта (Карабудахкентское поселение) и ступки для дробления зерна (Харачой). Аналогичные предметы обнаружены в Верхнем Гунибе. Вероятно, в эпоху бытования каякентско-харачовской культуры увеличилось количество террасовых полей, как и прежде, основными посевными культурами являлись голозерный ячмень и мягкая пшеница.

Большую роль в хозяйстве играло скотоводство. Подсчеты костных остатков с территории Нижне-Сигитминского поселения (площадь раскопа более 1200 кв.м) показали, что кости домашних животных здесь составляют 75,3%, диких – 24,7%. Среди домашних животных более половины их принадлежит крупному рогатому скоту, а затем мелкому (Котович В.Г., 1961. С. 291). Курчалоевский зольник также дал преобладающее количество костей крупного рогатого скота, далее свиней и овец. В Верхнем Гунибе, наоборот, заметно преобладание мелкого рогатого скота (до 61%) (Котович В.М., 1965. С. 217, 218). Как видно, направление скотоводческого хозяйства в разных зонах (в высокогорьях и в предгорных районах) было различным.

Приведенные данные свидетельствуют об оседлом быте. Для перевозок и различных поездок использовалась лошадь под седло и в упряжке. На одном наскальном рисунке в ущелье Капчугая изображен всадник. Под ним видны подушки седла (Марковин В.И., 1954. С. 332. Рис. 8). Наличие повозок документируется находками глиняных моделей колес (Капчугай, Курчалой и др.). Скорее всего, в натуре это были массивные деревянные изделия с мощной ступицей (табл. 108, 13, 15). В Берекее и возле Манас-аула обнаружены выбитые изображения арб-двуколок. Такого рода телеги наиболее удобны для использования в условиях гор. Они годились и для упряжки быков (табл. 106, 7, 9) (Круглов А.П., 1958. С. 144. Рис. 69; Марковин В.И., 1961а. С. 127, 130. Рис. 6; 1969а. С. 94. Рис. 39, 1).

В хозяйстве не последнее место занимала охота. Среди найденных на поселении Нижняя Сигитма костей животных 27% принадлежат представителям диких видов (олени, туры, серны, безоаровые козлы, кабаны, зайцы, лтицы и пр.) (Золотов К.Н., 1961. С. 291). О составе охотничьих объектов можно судить и по наскальным изображениям (табл. 106, 5, 6, 9, 11, 12), открытым в районе Капчугая, Сигитмы, Буглена, Экибулака, г. Буйнакск и горных районах Дагестана (в Чечне такие рисунки по-

ка не найдены). Всех отмеченных выше животных можно видеть и на древних гравировках, и в живописи. Охоту вели пещими и конными, используя луки (Канивец В.И., 1957. С. 160; Марковин В.И., 1959. С. 148 и след.; 1969а. С. 94. Рис. 39; 1990. С. 84–88; Котович В.М., 1969. С. 92. 93; 1974; Канивец В.И., Марковин В.И., 1977. С. 58–66).

В охоте и пастушестве, очевидно, большую помощь человеку оказывала собака. Кости ее найдены на Нижне-Сигитминском поселении, в Верхнем Гунибе и Талгинском могильнике (Исаков М.И., 1957. С. 130; Котович В.М., 1965. С. 217).

В приморских районах местные жители, как видно, занимались также рыбной ловлей. Кости рыб обнаружены на многократно упоминавшемся Нижне-Сигитминском поселении. В зольнике у сел. Курчалой, расположенном вдалеке от Каспия, обнаружены отдельные бляшки севрюги *Aeipenser stelatus* и позвонки сазана *Surginus carpis* (определения Е.А. Цепкина). Как видно, древние жители умели заготавливать рыбу впрок, что способствовало распространению рыбных продуктов на далекие расстояния от мест лова.

Не будем останавливаться здесь на таких чисто домашних производствах, как изготовление глиняной посуды, ткачество, шитье, они в определенной степени освещены в литературе (Котович В.М., 1965. С. 211 и след; Марковин В.И., 1968. С. 96; Котович В.Г., 1982. С. 153 и след.).

Вполне возможно, что в эпоху ранней бронзы уже более интенсивно использовались местные рудные запасы, имеющиеся по Главному Кавказскому хребту (Котович В.М., 1965. С. 222 и след.), хотя в этом вопросе имеются неясности. Нами предполагалось, что металл могли привозить из хорошо известных в эпоху бронзы рудников Кедабека и Калакента в Закавказье (Марковин В.И., 1969а. С. 97–99. Рис. 40). Однако с абсолютной уверенностью можно говорить только о местной металлообработке с древнейших времен (Гаджиев М.Г., 1986б. С. 32 и след.). Набор таких бронзовых украшений, как трубочки, колпачки, крупные пластинчатые височные подвески, указывает на существование особых центров их производства. Они могли изготавливаться только в пределах культуры, так как за ее границами почти не встречаются. О том, что металл очень ценился, свидетельствует и редкость вооружения, украшений и вообще металлических изделий в могилах. Вместе с тем на территории Северо-Восточного Кавказа сделано много находок бронзового вооружения, связанного своим происхождением с Закавказьем (Марковин В.И., 1969а. С. 99–102).

Межплеменные связи, широкий обмен с соседями, документируемые археологическим материалом (находки предметов вооружения, различных бус, костей морских рыб, раковин морских моллюсков в горах и пр.), позволяют сделать вывод о высоком уровне жизни в среде племен – носителей каякентско-харачоевской культуры. Уже в эпоху

средней бронзы можно было говорить о патриархальных общественных отношениях. К концу эпохи бронзы, несомненно, они еще более окрепли. Поселения носили патронимический характер. Такого рода населенным пунктом являлась Нижняя Сигитма с большими домами, в которых могли жить разросшиеся семейства с “патриархом” во главе. Вероятно, и могильные памятники с четкими рядами захоронений отражают не только родовые, но и патронимические связи.

Памятники каякентско-харачоевской культуры с определенностью документируют существование самых различных верований, которые сейчас, к сожалению, не могут быть сведены в определенную систему. Вера в загробную жизнь, очевидно, занимала значительное место в идеологических представлениях местных племен. В могилу (дом умершего) помещали сосуды с пищей, предметы быта. Как видно, загробный мир представлялся продолжением земного, в котором, скорее всего, женщина занимала подчиненное положение. Иногда это парные захоронения (Дарго, Чирюрт, Тарки П. Талги, Каякент), а порой – символизация подобно присутствия жены возле мужа. Находки женских украшений в мужских могилах (возможно, их положили вместе с косами; Харачой, погребения 31 и 46) можно рассматривать как отражение подобных верований (Круглов А.П., 1958. С. 86). Различия в ориентировках умерших женщин и мужчин также указывают на некоторую разницу в их отношении к божествам.

Верой в возможность предупредить несчастья, вызвать успех и благополучие можно объяснить орнаментку, покрывающую керамику и изделия из металла (Дебиров П.М., 1990. С. 36–41). Вероятно, таллисманом служили и те модели колесиков, о которых уже говорилось (Марковин В.И., 1969а. С. 106–108). Культовым предметом можно считать курильницу (табл. 106, 13), обнаруженную В.И. Долбежеевым в погребении 15 Каякентского могильника (ОАК за 1898 г. С. 148, 149. Рис. 15а; Крупнов Е.И., 1940. С. 10, 11. Рис. 1).

Особую серию памятников культуры представляют наскальные изображения, выявленные и относительно хорошо изученные в предгорьях Дагестана – у селений Верхний Чирюрт, Капчугай, Ленинкент, Буглен, Манас-аул, Кумторкала. Уйташ, в районе г. Буйнакска и других пунктах. Выполнены они на гладкой поверхности скал методом процарапывания (гравировки) и пунктирными (точечными) ударами. В основном это уже упоминавшиеся сцены охоты на различных животных: оленей, туров, кабанов, хищников (табл. 106, 9, 11, 12). У некоторых животных отдельными точками и штрихами обозначены наиболее уязвимые места (табл. 106, 11). Реже встречаются фигуры всадников и одиночные изображения сильно стилизованных человеческих силуэтов – мужчин и женщин с подчеркнутыми признаками пола, рисунки арб (табл. 106, 9). Подобные изображения, как предпо-

лагают многие ученые, наносились на скалы с пожеланием успешной охоты, удачи, плодородия, благополучия в пути. Эти рисунки, несомненно, являются отражением реальной обстановки в древности, природного окружения человека и позволяют довольно конкретно представить его жизнь, потребности и занятия. Вместе с тем они дают возможность изучить и эстетическую сторону жизни местного населения в древности: манеру рисовального искусства, художественное видение, приемы компановки, владение линией и пр. К сожалению, до сих пор эта сторона наскальных рисунков изучена еще очень слабо (Дебиров П.М., 1966. С. 15–18; Марковин В.И., 1969а. С. 111; 1974. С. 53–57). Возле почитавшихся скал с изображениями устраивались стойбища и поселения, как это имело место в

Нижней Сигитме, Чиркутане и других местах. Очевидно, люди и их быт были опутаны магией и ритуальными действиями. Вместе с тем можно сказать, что племена каякентско-харачоевской культуры не были отсталыми по сравнению с другими племенами Кавказа, как это предполагал А.П. Круглов (Круглов А.П., 1946. С. 134). Те черты их быта, которые кажутся, на первый взгляд, консервативными, даже архаичными, являются чисто местными, специфическими чертами, которые и отличают культуру местных племен от культуры соседнего населения Северного Кавказа и Закавказья. Каякентско-харачоевские племена жили той же культурной жизнью и пользовались теми же достижениями эпохи, что и граничившие с ними жители Кавказа.

- Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
- Абрамова М.П., 1969. Погребение эпохи бронзы на Нижнем Джугате в Кабардино-Балкарии // Экспедиции Государственного Исторического музея. М.
- Агларов М.А., 1964. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) // ИЗИИЯЛ. Т. 13. (сер. ист.). Махачкала.
- Агларов М.А., 1974. Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя ранних земледельцев-горцев // Конф. "Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя": ТД. М.
- Александрович-Насыфи Дж., 1929. Находка бронзового века около Хачмаса // Изв. Азкомстариса. Баку. Вып. 4, тетр. 2.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.
- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.
- Андреева М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.
- Андреева М.В., 1978. Об изображениях на серебряных сосудах из большого Майкопского кургана // VII КЧ: ТД. Нальчик.
- Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища: (Материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.
- Андреева М.В., 1990. Традиционные проблемы и новые пути их решения: (Несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры) // СА. № 4.
- Андреева М.В., 1991. Майкопские и куро-аракские сосуды в роли культурных знаков: Опыт сравнительного анализа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Андреева М.В., Корневский С.И., 1987. Работы Ставропольской экспедиции // АО 1985 г.
- Антонович В.Б., 1882. Дневник раскопок, введенных на Кавказе осенью 1879 года // Тр. предвар. ком. V АС в Тифлисе. М. Т. 1.
- Анучин Д.Н., 1883. Отчет о поездке в Дагестан // Древности. (Протоколы). М. Вып. 2/3.
- Анучин Д.Н., 1884. Доисторическая археология Кавказа // ЖМНП. СПб. Ч. ССXXXI, № 1.
- Анучин Д.Н., 1893. Дольмены // Энцикл. слов. / Брокгауз и Ефрон. СПб. Т. 12. (Статья подписана инициалами Д.Н.).
- Анучин Д.Н., 1913. Дольмены // Энцикл. слов. / Гранат, М. 7-е изд. Т. 18.
- Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Анфимов И.Н., 1988. Раскопки близ станции Старонижестебловская // АО 1986 г.
- Анфимов И.Н., 1992. Дольменная группа в верховьях р. Небуг // VIII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Анчабадзе З.В., 1964. История и культура древней Абхазии. М. Археологические известия и заметки, 1897. М. № 5-6.
- Артамонов М.И., 1948. Третий Разменный курган у ст. Костромской // СА. М.; Л. Т. X.
- Артамонов М.И., 1949. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. М.; Л. Т. XI.
- Артамонов М.И., 1967. Предисловие // Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. Л. Вып. 9.
- Археологические исследования на Черноморском побережье в 1923-1924 гг., 1926 // Бюл. СКБК. Ростов-на-Дону. № 3/4.
- Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг., 1941. М.; Л.
- Асланов Г.М., 1965. Новый комплекс археологических памятников Апшерона // Материалы сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР: ТД. Баку.
- Атаев Г.Д., 1986. Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Атаев Г.Д., 1987. Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1.
- Атаев Г.Д., 1991. Керамика со шнуровым орнаментом из присулакских памятников эпохи бронзы // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Атаев Д.М., 1970. Могильник в местности "Чампар" у г. Махачкалы // УЗИИЯЛ. Т. 20 (Сер. обществ. наук).
- Атаев Д.М., Кушнарева К.Х., 1966. Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан) // КСИА. М. Вып. 108.
- Атаев Д.М., Погребова М.Н., 1974. Поселение эпохи бронзы у сел. Ирганай Унцукульского района // МАД. Т. 3.
- Аутлев П.У., 1968. Вести из мира древности // Адыгейская правда, Майкоп. 10 янв.
- Аханов И.И., 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. № 1.
- Аханов И.И., 1963. Древняя стоянка в Геленджике // СА. № 3.
- Ашик А.Б., 1846. О последних археологических раскопках в Керчи // ЖМВД. Кн. 4 (апрель).
- Багаев М.Х., 1986. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Байерн Ф.С., 1871. О древних сооружениях на Кавказе // ССК. Т. 1.
- Байерн Ф.С., 1882. Заметки о различного рода могилах, встречающихся на Кавказском перешейке // Изв. КОИА. Тифлис. Т. 1, вып. 1.
- Батчаев В.М., 1984. Погребальные памятники у сел. Лечинкай и Былым // Археол. исслед. на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик. Т. 1.
- Батчаев В.М., 1986. Былымский оборонительно-жилой комплекс эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Батчаев В.М., Корневский С.И., 1980. Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай // КСИА. Вып. 161.
- Батчаев В.М., Чеченов И.М., 1976а. Древние курганы у с. Чегем // Археология Северного Кавказа. VI КЧ: ТД. М.
- Батчаев В.М., Чеченов И.М., 1976б. Итоги раскопок второй курганной группы у с. Кишпек // Археология Северного Кавказа. VI КЧ. М.
- Березин Я.Б., 1979. Разведки к югу от Кисловодска // АК 1978 г.
- Березин Я.Б., 1982. Работы в Предгорном р-не Ставропольского края // АО 1981 г.
- Березин Я.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. Курганы эпохи бронзы в районе Кисловодска // МИСК. Ставрополь. Вып. 15/16.
- Берже А.П., 1875. Кавказ в археологическом отношении // Зап. ОЛКА. Тифлис. Кн. 1.
- Бестужев Г.Н., Резепкин А.Д., 1983. Новые находки из гробницы у станции Новосвободной // КСИА. Вып. 176.
- Бетровов Р.Ж., 1970. Керамика из вновь открытого поселения эпохи ранней бронзы г. Нальчика // Вестн. КБНИИ. Нальчик. Вып. 4.
- Бетровов Р.Ж., 1972. Культура племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

- Бетрозов Р.Ж.*, 1974. Курганы эпохи бронзы у селения Старый Черек // АЭС. Нальчик. Вып. 1.
- Бетрозов Р.Ж.* 1975. Раскопки курганов эпохи бронзы у с. Чегем // АО 1974 г.
- Бетрозов Р.Ж.*, 1978. К вопросу о расселении племен майкопской культуры в центральных районах Северного Кавказа // VII КЧ: ТД. Нальчик.
- Бетрозов Р.Ж.*, 1982. К древней истории племен Центрального Кавказа: (Энеолит и ранняя бронза). Нальчик.
- Бетрозов Р.Ж.*, 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.
- Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х.*, 1980. Основные итоги раскопок курганов эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II в 1973 г. // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик. Вып. 1.
- Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х.*, 1984. Курганы эпохи бронзы у сел. Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археол. исслед. на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.
- Бжания В.В.*, 1967. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии // МААБ. Тбилиси.
- Бианки А.М., Днепровский К.А.*, 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопр. археологии Адыгеи. Майкоп.
- Бибикова В.И.*, 1967. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биол. № 3.
- Биджиев Х.Х.*, 1980. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Биджиев Х.Х.*, 1988. Исследования в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае // АО 1986 г.
- Бобринский А.А.*, 1891. Доклад о действиях Археологической комиссии за 1888 г. // ОАК за 1882–1888 гг.
- Бобринский А.А., Мунчаев Р.М.*, 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108.
- Бокарев Е.А.*, 1961. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала.
- Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Резепкин А.Д., Трифионов В.А., Шарафутдинова Э.С.*, 1987. Работы Кубанской экспедиции в 1985–1986 гг. // Всесоюз. конф. “Задачи советской археологии в свете решений ХХVII съезда КПСС” в Суздали: ТД. М.
- Бочкарев В.С., Резепкин А.Д.*, 1980. Работы Кубанской экспедиции // АО 1979 г.
- Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифионов В.А., Бестужев Г.Н.*, 1983а. Работы Кубанской экспедиции 1989–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифионов В.А., Бестужев Г.Н.*, 1983б. Работы Кубанской экспедиции // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л.
- Бредэ К.А.*, 1956. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1616.
- Бредэ К.А.*, 1957. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полосах низовьев Сулака // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1590.
- Бредэ К.А.*, 1959. Новые поселения на Сулаке // Тез. докл. на науч. сес. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, посвящ. археологии Дагестана. Махачкала.
- Бурков С.Б.*, 1991. Новые майкопские погребения из Чечено-Ингушетии // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Вавилов Н.И.*, 1957. Опыт агроэкологического обозрения важнейших зерновых культур. М.; Л.
- Вацук П.М., Шилов Ю.П.*, 1991. К вопросу о контактах майкопской и трипольской культур // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Веселовский Н.И.*, 1910. Алебастровые и глиняные статуэтки домкентской культуры в курганах Южной России и на Кавказе // ИАК. Вып. 35.
- Виноградов В.Б.*, 1968. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. // АЭС. Грозный. Т. 2.
- Виноградов В.Б.*, 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный.
- Виноградов В.Б.*, 1974. Предисловие // Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Виноградов В.Б.*, 1991. Черты майкопского феномена в истории и культуре среднего Притеречья // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л.*, 1977. Культурный зооморфный топориц-жезл из селения Мартан-Чу // Археология и вопросы атеизма. Грозный.
- Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З.*, 1979. Бельтинский могильник в системе древностей бронзового века Юго-Восточной Чечни // IX КЧ: ТД. Элиста.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.*, 1988. Работы Чечено-Ингушского университета // АО 1986 г.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П.*, 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Грозный. Т. 3.
- Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М.*, 1986. Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М.*, 1988. Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Воронов Ю.Н.*, 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.
- Воронов Ю.Н.*, 1971. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья: (По данным археологии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Воронов Ю.Н.*, 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Воронов Ю.Н.*, 1980. Рец. на кн.: Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978 // СА. № 3.
- Гаджиев М.Г.*, 1962. Гинчинский могильник эпохи бронзы: (Предвар. сообщ.) // УЗИИЯЛ. Т. 10.
- Гаджиев М.Г.*, 1964а. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке // УЗИИЯЛ. Т. 13 (Сер. ист.).
- Гаджиев М.Г.*, 1964б. Бронзовые булавки Дагестана эпохи бронзы // СА. № 4.
- Гаджиев М.Г.*, 1969а. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1969б. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // АО 1968 г.
- Гаджиев М.Г.*, 1974а. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // МАД. Махачкала. Т. 5 (Древности Дагестана).
- Гаджиев М.Г.*, 1974б. Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана // Конф. “Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя”: ТД. М.
- Гаджиев М.Г.*, 1975а. Чиркейский курганный могильник // Новейшие открытия советских археологов. Конф., посвящ. 250-летию Академии наук СССР: ТД. Киев. Ч. 1.
- Гаджиев М.Г.*, 1975б. К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа // V КЧ по археологии Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1976. Могильник Галгалатли – памятник гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа // Археология Северного Кавказа. VI КЧ в Краснодаре: ТД. М.
- Гаджиев М.Г.*, 1980а. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане // АО 1971 г.
- Гаджиев М.Г.*, 1980б. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Гаджиев М.Г.*, 1981. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1983а. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1983б. Великентский склеп – памятник древней металлургии // Природа. № 8.

- Гаджиев М.Г., 1985. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1986а. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1986б. О древней металлообработке в Дагестане // *Studia praehistorica*. С., 8.
- Гаджиев М.Г., 1987а. Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла: (Вопросы периодизации) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1987б. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван.
- Гаджиев М.Г., 1988. Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1989. Поселения и жилища Дагестана эпохи ранней бронзы: (К истории древней архитектуры) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1990. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.
- Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатыль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., Маммаев М.М., 1977. Каменные антропоморфное изваяние из Экибулака // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. (МАД. Т. 4).
- Газдануштаи Д., 1969. Могила эпохи средней бронзы в Северной Осетии // СА. № 2.
- Галибин В.А., 1990. Древние сплавы на медной основе: (Основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Галибин В.А., 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Гей А.Н., 1982. Раскопки курганов на Понуре // АО 1981 г.
- Гей А.Н., 1985. Развитие представлений об энеолите – раннем бронзовом веке Предкавказья в связи с работами на новостройках Краснодарского края // Археол. исслед. в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л.
- Гей А.Н., 1991а. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспектах // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Гей А.Н., 1991б. Энеолитический слой поселения Мысхако // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Гей А.Н., Корневский С.Н., 1989. Два погребения с трапециевидными бронзовыми бляхами из Ставрополя и Прикубанья // Древности Ставрополя. М.
- Гиджрати Н.И., 1986. Новые данные о каменном веке Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Городцов В.А., 1910а. Бытовая археология: (Курс лекций). М.
- Городцов В.А., 1910б. Бахмутская миниатюрная каменная баба: (Ответ проф. Н.И. Веселовскому) // ИАК. Вып. 37.
- Городцов В.А., 1927. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М. Т. 7.
- Грен А.Н., 1907. Отчет о летней командировке в Хасав-Юртовский округ Терской области // Древности. М. Т. 21, вып. 2.
- Гриневич К.Э., 1951. Новые данные по археологии Кабарды // МИА. № 23.
- Гумилевский И.С., 1951. Отчет о раскопках кургана № 1 на Константиновском плато близ г. Пятигорска // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 580.
- Гумилевский И.С., 1952. Отчет о раскопках кургана № 2 на Константиновском плато близ г. Пятигорска // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1495.
- Давудов О.М., 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Давудов О.М., 1984. Отчет об итогах археологического исследования Великентского могильника летом 1983 г. // Архив ИА РАН. Д. 9585.
- Давудов О.М., Хангишиев Г.Д., 1991. Гюхракский могильник Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Дебиров П.М., 1959. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев // УЗИИЯЛ. Т. 6.
- Дебиров П.М., 1966. Резьба по камню в Дагестане. М.
- Дебиров П.М., 1990. Семантика мотива трехчастной композиции в рельефном орнаменте некоторых сосудов эпохи бронзы Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Деген-Ковалевский Б.Е., 1939. Проблема датировки “больших кубанских курганов” // КСИИМК. Л. Вып. II.
- Деген Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА. № 3.
- Деоник Д.В., Крупнов Е.И., 1961. Змейское поселение кобанской культуры // МАДИСО. Т. 1.
- Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991. Европейский компонент майкопской культуры в контексте взаимосвязей центрально- и восточноевропейских общностей // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Державин В.Л., 1984. Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // КСИИМК. М. Вып. 177.
- Державин В.Л., 1985. О погребениях ямной культуры в степях Центрального Предкавказья // Археол. исслед. в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л.
- Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роша: (По материалам экспедиции 1980 г.). / Древности Ставрополя. М.
- Державин В.Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1980. Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье / КСИИМК. Вып. 161.
- Джанхот И., 1992. Древний мегалитический некрополь в Усть-Сахрае // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Джапаридзе О.М., 1955. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 1959. Дольменная культура в Грузии // ТГГУ. Вып. 77. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М., 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М., 1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси. На груз. яз. с рус. рез.
- Джапаридзе О.М., 1991. Археология Грузии (каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси. На груз. яз. с рус. и нем. рез.
- Джафарзаде И.М., 1948. Археологические разведки на Апшероне // ИАН АЗССР. № 6.
- Динков А.Б., 1987. Некоторые итоги изучения поселения Большеветегинское в Закубанье // Древности Кубани: (Материалы семинара). Краснодар.
- Дмитриев А.В., 1984. Поселение майкопской культуры на Мысхако // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Дмитриева Е.А., 1961. Фауна энеолитической стоянки Мешково // СМАА. 2.
- Днепровский К.А., 1984. Новые материалы эпохи бронзы из Уляпского курганного могильника // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Днепровский К.А., 1986. К вопросу о погребальных сооружениях майкопской культуры // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе.

- Днепровский К.А., Яковлев А.А., 1988. Новое поселение эпохи бронзы в Закубанье // Материальная культура Востока. М. Ч. 1.
- Долбежев В.И., 1898. Археологические раскопки близ станции железной дороги Каякент Дагестанской области // Архив ИИМК РАН. Д. 45.
- Дьяконов И.М., 1966. Майкопские письма: (К методике работы дешифровщика) // ВДИ. № 2.
- Дьяконов И.М., 1968. Предыстория армянского народа, Ереван.
- Ераункаева К.З., 1979. Новое об эволюции погребального обряда эпохи бронзы в Восточной Чечне // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Збенович В.Г., 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
- Золотов К.Н., 1961. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности: (По остеологическим данным) // МАД. Т. 2.
- ИАК, 1910. Вып. 37 (Прибавление к выпуску).
- ИАК, 1918. Вып. 65.
- Иващенко М.М., 1935. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис.
- Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1963. Древние поселения у с. Серженьюрт в Чечено-Ингушетии // КСИА. Вып. 94.
- Иессен А.А., 1935а. Работы на Сулаке // ИГАИМК. Вып. 110.
- Иессен А.А., 1935б. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Вып. 120.
- Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3.
- Иессен А.А., 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Иессен А.А., 1950. К хронологии "больших кубанских курганов" // СА. Вып. XII.
- Иессен А.А., 1951. Отчет о работах Кубанской археологической экспедиции в 1950 г. // Архив ИА РАН. Д. 548.
- Иессен А.А., 1956. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тез. докл. на пленарных заседаниях конф. по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М.
- Иессен А.А., 1961. Майкопская культура и ее датировка // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1961 г. М.
- Ильюков Л.С., 1979. Металлические "вилки" майкопской культуры // СА. № 4.
- Инал-Ипа Ш.Д., 1965. Абхазы: (Ист.-этногр. очерки). 2-е изд. Сухуми.
- Инал-Ипа Ш.Д., 1971. Страницы этнической истории абхазов. Сухуми.
- Инал-Ипа Ш.Д., 1976. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми.
- Исаков М.И., 1947. Археологическая раскопка Таркинского могильника // Тр. I науч. сес. Дагестанской н.-и. базы АН СССР. Махачкала.
- Исаков М.И., 1957. Талгинский могильник // КСИА. Вып. 67.
- Исаков М.И., 1959. Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археол. карте) // МАД. Т. 1.
- Исаков М.И., 1961. Чиркатынские древности в Дагестане // СА. № 4.
- Исаков М.И., 1968. Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археол. карте). Махачкала.
- Исрапилов М.И., 1991. Солнечные календари Кегерского нагорья. Махачкала.
- История Дагестана, 1967. М. Т. 1.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., 1988. М. Т. 1.
- Историческая записка о деятельности императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования, 1980. М.
- Кавтарадзе Г.Л., 1975. К вопросу о взаимоотношении раннебронзовых культур Центральной Анатолии и Северного Кавказа // Всесоюз. конф. "Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья": Краткое содержание. Тбилиси.
- Кавтарадзе Г.Л., 1983. К хронологии эпохи энеолита и бронзы в Грузии. Тбилиси.
- Каменев Н.Л., 1870. Попытки археологических разведок в Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. Екатеринодар. № 47, 48.
- Каминская И.В., 1984. Раскопки курганов эпохи бронзы близ ст-цы Отрадной на Урупе // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Каминский В.Н., 1987. Раскопки курганов у ст. Михайловской в Закубанье // АО 1985 г.
- Канивец В.И., 1957. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // УЗИИЯЛ. Т. 3.
- Канивец В.И., 1959. Миатлы – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Т. 1.
- Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. 1.
- Канивец В.И., Буров Г.М., 1956. Отчет о работах Чир-Юртовского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1626.
- Канивец В.И., Маркович В.И., 1977. Наскальные изображения в долине реки Сулак // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. МАД. Махачкала. Т. 6.
- Кильчевская Э.В., 1968. От изобразительности к орнаменту. М.
- Киселев С.В., 1940. Рец. на вып. КСИИМК, I-V // ВДИ. № 2.
- Киселев С.В., 1965. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.
- Кияшко В.Я., 1968. Новое энеолитическое поселение на Нижнем Дону // АО 1967 г.
- Кияшко В.Я., 1969. Раскопки Константиновского поселения // АО 1968 г.
- Кияшко В.Я., 1979а. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: (Тез. докл. конф., 3–6 декабря 1979 г.). Донецк.
- Кияшко В.Я., 1979б. К вопросу о булавах эпохи ранней бронзы // IX КЧ: ТД. Элиста.
- Кияшко А.В., 1991. К вопросу о взаимодействии степных и кавказских культурных традиций в эпоху бронзы // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Козаев П.К., 1991. К семантике сюжета на майкопском сосуде из с. Сунжа // Междунар. науч. конф. "Осетиноведение: История и современность". Владикавказ.
- Козаев П.К., 1992. Новые данные к характеристике восточной группы памятников майкопской культурно-исторической общности // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. 2–5.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1963. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии // КСИА. Вып. 94.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1966. Древний Сержень-Юртовский поселок в ЧИАССР: (По материалам 1964 г.) // КСИА. Вып. 106.
- Козубский Е.И., 1902. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Вып. 1.
- Комаров А.В. (А.К.), 1972. Древние могилы в Дагестане // Изв. КО РГО. Тифлис. Т. 1.
- Комаров А.В., 1882. Пещеры и древние могилы в Дагестане // В АС в Тифлисе: Тр. подгот. ком. М.
- Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193.
- Кононенко А.П., 1987. Полированные "топоры-тесла" и их использование на поселениях Мысхако // Древности Кубани: (Материалы семинара). Краснодар.
- Кононенко А.П., 1988. Дольменный комплекс близ города Новороссийска // XV КЧ по археологии Северного Кавказа (Тезисы). Махачкала.
- Корнеевский С.Н., 1974. О металлических топорах майкопской культуры // СА. № 3.
- Корнеевский С.Н., 1975. Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у ст. Псебайская // КСИА. Вып. 142.
- Корнеевский С.Н., 1978а. О металле эпохи ранней бронзы

- Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане (МАД, Т. 8).
- Кореневский С.Н.*, 1978б. Новые данные по металлообработке майкопской культуры // VII КЧ: ТД. Нальчик.
- Кореневский С.Н.*, 1979. Место бронзовых уникальных изделий, посуды, ювелирной утвари в металлообработке майкопской культуры // IX КЧ: ТД. Элиста.
- Кореневский С.Н.*, 1980а. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. № 1.
- Кореневский С.Н.*, 1980б. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Кореневский С.Н.*, 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Кореневский С.Н.*, 1983. О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. Вып. 176.
- Кореневский С.Н.*, 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археол. исслед. на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.
- Кореневский С.Н.*, 1986. Раскопки курганов у г. Кисловодска в 1983–1984 гг. // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Кореневский С.Н.*, 1988а. Два погребения майкопской культуры из Кисловодска // КСИА. Вып. 193.
- Кореневский С.Н.*, 1988б. Охранные раскопки на Галюгаевском поселении майкопской культуры // XV КЧ по археологии Северного Кавказа. Махачкала.
- Кореневский С.Н.*, 1988в. Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Центрального Предкавказья. Орджоникидзе.
- Кореневский С.Н.*, 1988 г. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Кореневский С.Н.*, 1989а. Галюгаевское поселение майкопской культуры: (По раскопкам 1985 г.) // I Кубанская археол. конф. Краснодар.
- Кореневский С.Н.*, 1989б. Некоторые проблемы изучения майкопской культуры // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М.
- Кореневский С.Н.*, 1990а. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья: (Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод). М.
- Кореневский С.Н.*, 1990б. Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции // XVI КЧ. Ставрополь.
- Кореневский С.Н.*, 1990в. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА. № 4.
- Кореневский С.Н.*, 1991. К вопросу о Майкопе на среднем Тереке // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Кореневский С.Н.*, 1992. К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя Эшерских дольменов Абхазии // РА. № 2.
- Кореневский С.Н.*, 1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.
- Кореневский С.Н.*, *Петренко В.Г.*, 1982. Курган майкопской культуры у пос. Иноземцево // СА. № 2.
- Кореневский С.Н.*, *Петренко В.Г.*, 1989. Курганы у ст. Воровсколеской // Древности Ставрополя. М.
- Кореневский С.Н.*, *Отюцкий И.В.*, *Охонько Н.А.*, 1991. Ташлянское поселение // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Коробкова Г.Ф.*, *Шаровская Т.А.*, 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Королев В.К.*, 1962. Могильник эпохи бронзы в окрестностях г. Кисловодска // СА. № 1.
- Костюченко И.П.*, 1959. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // МАД. Т. 1.
- Котович В.Г.*, 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. 1.
- Котович В.Г.*, 1960. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда (1-го горного) Дагестанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1949.
- Котович В.Г.*, 1961а. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Т. 2.
- Котович В.Г.*, 1961б. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗИИЯЛ. Т. 9.
- Котович В.Г.*, 1965. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. № 3.
- Котович В.Г.*, 1966. Отчет о работе 3-го разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3217.
- Котович В.Г.*, 1971. Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР: (Доп. вып.). Тбилиси.
- Котович В.Г.*, 1974. Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана // Конф. "Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: ТД. М.
- Котович В.Г.*, 1978а. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Сб. ст. в память М.И. Артамонова). Л. Вып. 2.
- Котович В.Г.*, 1978б. К определению исторического места каякентско-харачоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала. (МАД. Т. 8).
- Котович В.Г.*, 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
- Котович В.Г.*, *Давудов О.М.*, 1980. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. № 4.
- Котович В.Г.*, *Котович В.М.*, 1973. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Котович В.Г.*, *Котович В.М.*, *Магомедов С.М.*, 1980. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Котович В.Г.*, *Шейхов Н.Б.*, 1960. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет: (Итоги и проблемы) // УЗИИЯЛ. Т. 8.
- Котович В.М.*, 1961. Верхнегунибское поселение: (Предвар. сообщ. о раскопках 1958 г.) // МАД. Т. 2.
- Котович В.М.*, 1964. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века // УЗИИЯЛ. Т. 12. (Сер. ист.).
- Котович В.М.*, 1965. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1969. Новые наскальные изображения горного Дагестана // АО 1968 г.
- Котович В.М.*, 1971а. Изучение древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // АО 1970 г.
- Котович В.М.*, 1971б. Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР. Тбилиси.
- Котович В.М.*, 1974. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана // Древности Дагестана (МАД. Т. 5).
- Котович В.М.*, 1976. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.
- Котович В.М.*, 1978. Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала. (МАД. Т. 8).
- Котович В.М.*, 1980. О некоторых верованиях раннеземледельческого населения Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1984. Следы тотемических верований в древних изобразительных памятниках Дагестана // Мифология народов Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1985. Курган Торпах-кала // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1986. Зооморфные образы древнеземледельческого культа плодородия в горном Дагестане // Об-

- ряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М., Марковин В.И., Хехнева Т.Д., 1974. Древние и современные ареалы диких копытных на территории Дагестана // МАД. Т. 3.
- Круглов А.П., 1938. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИ. Грозный. Т. 1.
- Круглов А.П., 1940. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. М.; Л. Вып. V.
- Круглов А.П., 1946. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. (Тез. дис.) // КСИИМК. М.; Л. Вып. XIII.
- Круглов А.П., 1949. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. Л. Вып. 13. (Сер. ист. наук).
- Круглов А.П., 1958. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68.
- Круглов А.П., Артамонов М.И., 1938. Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937-1938 гг. // Архив ИИМК РАН. Д. 41.
- Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941. Могильник в г. Нальчике // МИА. № 3.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. № 3.
- Крупнов Е.И., 1938. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии // ТГИМ. М. Вып. 8.
- Крупнов Е.И., 1940. Каякентский могильник - памятник древней Албании // ТГИМ. М. Вып. 11.
- Крупнов Е.И., 1948а. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Суэжи // Археологический сборник. М. ТГИМ. Вып. 17.
- Крупнов Е.И., 1948б. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Учен. зап. КНИИ. Нальчик. Т. 4.
- Крупнов Е.И., 1949а. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Учен. зап. КНИИ. Начальник. Т. 5.
- Крупнов Е.И., 1949б. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Учен. зап. КНИИ. Нальчик. Т. 4.
- Крупнов Е.И., 1949в. Археологические исследования на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. 27.
- Крупнов Е.И., 1950а. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Учен. зап. КНИИ. Нальчик. Т. 5.
- Крупнов Е.И., 1950б. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // КСИИМК. Вып. 32.
- Крупнов Е.И., 1951а. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. № 23.
- Крупнов Е.И., 1951б. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. № 23.
- Крупнов Е.И., 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55.
- Крупнов Е.И., 1955. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа // КСИИМК. Вып. 60.
- Крупнов Е.И., 1957а. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Крупнов Е.И., 1957б. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья // СА. № 2.
- Крупнов Е.И., 1957в. О происхождении и датировке кобанской культуры // СА. № 1.
- Крупнов Е.И., 1958. Новые данные по археологии Северного Кавказа // СА. № 3.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крупнов Е.И., 1964а. Некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа // КСИА. Вып. 98.
- Крупнов Е.И., 1964б. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА. № 1.
- Крупнов Е.И., 1965. Раннежелезный век Северного Кавказа: (Опыт датировки памятников материальной культуры) // УЗИИЯЛ. Т. 14.
- Крупнов Е.И., 1967. Предисловие // Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Крупнов Е.И., 1969. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. № 1.
- Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я., 1963. Курганы у станции Мекенской // ДЧИ. М.
- Крушкол Ю.С., 1963. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного пединститута им. Н.К. Крупской // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та М. Т. CXV, вып. 4. (Сер. Всеобщая история).
- Кублаев М.М., 1959. К истории азиатского Боспора: (Новые археол. материалы с п-ва Фонтан) // СА. № XXIX-XXX.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. Дербент в эпоху ранней бронзы // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Кузнецов В.А., 1959. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае // КСИА. Вып. 76.
- Кузнецов В.А., 1966. Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук // КСИА. Вып. 108.
- Куйбышев А.В., Черносветов П.Ю., 1984. Курганные погребения эпохи бронзы в ногайской степи // КСИА. М. Вып. 177.
- Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси. Т. 1.
- Кушнарева К.Х., 1958. Введение // Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ по II-I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68.
- Лавров Л.И., 1936. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // СЭ. № 4/5.
- Лавров Л.И., 1959. Археологические разведки в верховьях реки Самура // МАД. Т. 1.
- Лавров Л.И., 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. АБЯЛИ. Сухуми. 31.
- Латынин Б.А., 1967. Молоточковидные булавки, их культурная атрибутика и датировка // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. Л. Вып. 9.
- Лесков А.М., 1984. Трехлетние раскопки Кавказской экспедиции в Адыгейской автономной области // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Лесков А.М., 1985. Вступ. ст. // "Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки // Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ 1981-1983 гг. М.
- Лещенко А.Ф., 1925. О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа // Изв. ОЛИКК. Краснодар. Вып. 9.
- Лещенко А.Ф., 1931. Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західному Кавказі // Антропология. Київ. Вып. 4.
- Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В., 1977. Палеозоотнотанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Ловпаче Н.Г., 1981. Разведки в Закубанье // АО 1980 г.
- Ловпаче Н.Г., 1985. Могильник в устье р. Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Ловпаче Н.Г., 1987. Работы экспедиции Адыгейского пединститута // АО 1985 г.
- Ловпаче Н.Г., 1991. Истоки майкопской культуры, связь ее с природой и народами Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Ловпаче Н.Г., 1992. Унакозовские пещеры - памятник протомайкопской культуры // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. Псекупское поселение № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Лушин Б.В., 1924в. Археологические исследования на Черноморском побережье в 1923-1924 гг. // Бюл. СКБК. Ростов-на-Дону. № 3-4.
- Лушин Б.В., 1924б. Дольмены Черноморья // МАЮВР. Ростов-на-Дону. Кн. 1, вып. 1.
- Любин В.П., 1966. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия) // КСИА. Вып. 108.
- Магомедов А.Р., 1980. Раскопки Тахиркалинского могильника // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Магомедов М.Г., 1977. Гробницы эпохи бронзы в урочище "Гентал" // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. (МАД. Т. 4).
- Магомедов Р.Г., 1986. Культовые сосуды из Великентского катакомбного могильника // Обряды и культы древнего и средневекового поселения Дагестана. Махачкала.

- Магомедов Р.Г., 1987. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1991а. К вопросу о юго-восточной границе распространения майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Магомедов Р.Г., 1991б. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1992. Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы: (Гинчинская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Магомедов Р.М., Дагуурова В.П., 1969. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала.
- Магомедов С.М., 1974. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана (МАД, Т. 5).
- Майков Л., 1882. Пятый археологический съезд в Тифлисе. СПб.
- Маммаев М.М., 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала.
- Мариньи Тебу де., 1974. Путешествие в Черкесию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик.
- Марковин В.И., 1954. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР // СА. № 20.
- Марковин В.И., 1958. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // СА. № 1.
- Марковин В.И., 1959. О происхождении северокавказской культуры // СА. № 1.
- Марковин В.И., 1960а. Изучение культуры племен Северного Кавказа эпохи бронзы // СА. № 2.
- Марковин В.И., 1960б. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93.
- Марковин В.И., 1961а. Древние изображения на скалах в районе г. Байнакса // МАД, Т. 2.
- Марковин В.И., 1961б. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 г. // КСИА. М. Вып. 84.
- Марковин В.И., 1963а. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник Гатын-Кале) // ДЧИ.
- Марковин В.И., 1963б. Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА. М. Вып. 93.
- Марковин В.И., 1964. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // КСИА. М. Вып. 98.
- Марковин В.И., 1966. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // АЭС. Грозный. Т. 1.
- Марковин В.И., 1968. Рец. на кн.: Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965 // СА. № 2.
- Марковин В.И., 1969а. Дагестан и горная Чечня в древности: (Каякентско-хорочевская культура) // МИА. № 122.
- Марковин В.И., 1969б. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // МАДИСО. Т. 2.
- Марковин В.И., 1970. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. № 4.
- Марковин В.И., 1971. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска // КСИА. М. Вып. 127.
- Марковин В.И., 1972а. Очерк изучения дольменов Прикубанья и Причерноморья // СМАА. Т. 3.
- Марковин В.И., 1972в. Рец. на кн.: Гаджиев М. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969 // СА. № 1.
- Марковин В.И., 1973а. Дольмены Западного Кавказа: (Некоторые итоги изучения) // СА. № 1.
- Марковин В.И., 1973б. Ложнопортальные дольмены Причерноморья // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Марковин В.И., 1974а. К охране дольменов – древнейших памятников архитектуры Западного Кавказа // Сообщ. НМС по охране памятников культуры МК СССР. М. Вып. 7.
- Марковин В.И., 1974в. Дольмен без лаза в бассейне р. Кизинки (Прикубанье) // Древности Дагестана. (МАД, Т. 5).
- Марковин В.И., 1974г. Составной дольмен у сел. Адербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар // КСИА. М. Вып. 142.
- Марковин В.И., 1974д. Дорогами и тропами Дагестана. М. 1– доп. и испр. изд. – 1988).
- Марковин В.И., 1976. Степи и Северный Кавказ: Об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Марковин В.И., 1977. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе // Сб. тр. по археологии Адыгеи. Майкоп.
- Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1979. Море и миграции древности // IX КЧ: ТД Элиста.
- Марковин В.И., 1980а. Разведки в юго-восточных районах: Калмыкии и предгорном Дагестане // АО 1979 г.
- Марковин В.И., 1980б. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа // КСИА. М. Вып. 161.
- Марковин В.И., 1980в. Рец. на кн.: Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант (САИ. М., 1977. Вып. В2–5 СА. № 1.
- Марковин В.И., 1980г. Отчет о работах Прикаспийской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН Р-1. Д. 8182.
- Марковин В.И., 1982а. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 169.
- Марковин В.И., 1982б. К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечен-Ингушетии. Грозный.
- Марковин В.И., 1982в. К вопросу о социально-экономической интерпретации древностей Кавказа // КСИА М. Вып. 176.
- Марковин В.И., 1982г. Дольмены Западного Кавказа и морские миграции в древности // Първи Междунар. симпоз. “Тракс Понтика I” (Созопол, 1979, 9–12 окт.). С.
- Марковин В.И., 1983. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // СА. № 3.
- Марковин В.И., 1984. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // КСИА. М. Вып. 177.
- Марковин В.И., 1985а. Испун – дома карликов: (Заметки о дольменах Западного Кавказа). Краснодар.
- Марковин В.И., 1985б. К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Марковин В.И., 1985в. Курган Псынако I – уникальный памятник дольменной культуры в Причерноморье Всесоюз. археол. конф. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”: ТД. Баку.
- Марковин В.И., 1987. Еще раз о племенах Западного Кавказа их происхождении и о северокавказской культурно-исторической общности // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: (Материалы I симпоз. “Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла” в Телави–Сигнахи, 1983). Тбилиси.
- Марковин В.И., 1988а. Некоторые вопросы осмысления древностей майкопской культуры // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Марковин В.И., 1988б. К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. М.
- Марковин В.И., 1990а. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура) // СА. № 4.
- Марковин В.И., 1990б. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // СА. № 4.
- Марковин В.И., 1990в. О хронологических группах наскальных изображений в северной части Дагестана // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
- Марковин В.И., 1991а. Курганы Псынако I как источник изучения спорных вопросов эпохи бронзы Западного Кавказа (Культура дольменов) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Марковин В.И., 1991б. Курган Псынако I и дольменные памятники Западного Кавказа // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: (Материалы II междунар. симпоз. Телави–Сигнахи, 1986). Тбилиси.

- Марковин В.И., 1992а. Курган Псынако I и проблема происхождения кавказских дольменов // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Марковин В.И., 1992б. О некоторых археологических материалах из степного Ставрополя и ближайших земель // Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Марковин В.И., 1992в. Древнейшая архитектура на территории Северного Кавказа // Архитектурное наследие. М. Вып. 39.
- Марковин В.И., Кузнецов В.А., 1961. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1955 г. // Изв. ЧИРКМ. Грозный. Вып. 10.
- Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1961. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. Вып. 84.
- Марковин В.И., Тешев М.К., 1986. Исследование кургана Псынако I близ Туапсе // АО 1984 г.
- Массон В.М., 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе: (Некоторые аспекты социол. интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Махмудов Ф.Р., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г., 1968. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. № 4.
- Мелихов А.Н., 1960. Культурные связи племен Северного Кавказа и юга Европейской части СССР в эпоху бронзы // Зап. ОАО. Одесса. Т. 1 (34).
- Меллиник М.Д., 1991. Майкоп и анатолийские связи // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Мельник В.И., Орловская Л.Б., Савченко Е.Н., Сатеев О.И., Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1987. Работы Мингрельского отряда // АО 1985 г.
- Мерперт Н.Я., 1962. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. // КСИА. Вып. 88.
- Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Мерперт Н.Я., 1972. Древнейшие каменные крепости Болгарии // Новое в археологии: (Сб. в честь 70-летия А.В. Арциховского). М.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Мизиев И.М., 1974. Большой Кишпекский курган // IV КЧ по археологии Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Мизиев И.М., 1984. Два кургана у сел. Кишпек и Кызбурун // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.
- Мизиев И.М., 1986. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.
- Мизиев И.М., 1990. О создателях майкопской культуры // СА. № 4.
- Мизиев И.М., Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. Вып. 33.
- Миллер А.А., 1933. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // ПИМК. № 1/2.
- Миллер В.Ф., 1888. Терская область: (Археол. экскурсии) // МАК. Т. 1.
- Милорадович О.В., 1956. Новые археологические находки в Грозненской области // КСИИМК. Вып. 64.
- Минаева Т.М., 1947. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске // КСИИМК. Вып. 16.
- Минаева Т.М., 1954. Археологические памятники Черкесии // Тр. ЧНИИ. Черкесск. Вып. 2.
- Минаева Т.М., 1965. Курган эпохи бронзы близ села Старо-Михайловка // Новое в советской археологии. М.
- Мирзоев Р.Н., 1976. К характеристике металлургического оружия Дагестана эпохи средней и поздней бронзы // Археология Северного Кавказа. VI КЧ в Краснодаре: ТД. М.
- Мирзоев Р.Н., 1977. К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа (МАД. Т. 4).
- Мирзоев Р.Н., 1978. Вооружение племен Северо-Восточного Кавказа в III–II тысячелетиях до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Мишина Т.Н., 1989. Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополя // Древности Ставрополя. М.
- Морган Ж. де, 1923. Доисторическое человечество. М.
- Мунчаев Р.М., 1953. Эпоха меди, бронзы в истории Дагестана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Мунчаев Р.М., 1954. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала.
- Мунчаев Р.М., 1958. Археологические исследования в нагорном Дагестане // КСИИМК. Вып. 71.
- Мунчаев Р.М., 1959а. К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Т. 1.
- Мунчаев Р.М., 1959б. Научная сессия по археологии Дагестана // СА. № 4.
- Мунчаев Р.М., 1961а. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100.
- Мунчаев Р.М., 1961б. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА. М. Вып. 84.
- Мунчаев Р.М., 1962. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. № 3.
- Мунчаев Р.М., 1965. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М.
- Мунчаев Р.М., 1968. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // АЭС. Грозный. Т. 2.
- Мунчаев Р.М., 1973. Бронзовые палии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Северном Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М., 1986. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М., 1991. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза войнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: Тез. докл. и сообщ. Шатой.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Древнейшие раннеземельские поселения Северной Месопотамии. М.
- Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джугутинском могильнике // СА. № 3.
- Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И., 1964. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98. М.
- Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И., 1966. Исследования Бамутского курганного могильника в 1963 г. // КСИА. М. Вып. 106.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. Археологические памятники близ села Карабудахент (Дагестанская АССР) // МИА. № 68.
- Мунчаев Р.М., Чеченов И.М., 1969. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике // КСИА. Вып. 115.
- Нариманов И., Шахвердиев И., 1965. Археологические материалы из Кубинского краеведческого музея // Археологические исследования в Азербайджане. Баку. Научная сессия ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья, 1949 // КСИИМК. Вып. 24.
- Нехаев А.А., 1981. Новое поселение майкопской культуры: (Предвар. сообщ.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Нехаев А.А., 1982. Новое поселение эпохи ранней бронзы в Прикубанье // XII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. М.
- Нехаев А.А., 1983. Новое поселение майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Нехаев А.А., 1985. Работы Адыгейской археологической экспедиции // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л.
- Нехаев А.А., 1986. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. № 1.

- Нехаев А.А.*, 1987. Закубанье и степь в эпоху раннего металла // Древности Кубани: (Материалы семинара). Краснодар.
- Нехаев А.А.*, 1988. Новые погребальные комплексы майкопской культуры Закубанья // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Нехаев А.А.*, 1989. О соотношении бытовых и погребальных комплексов Закубанья // I Кубанская археол. конф.: ТД. Краснодар.
- Нехаев А.А.*, 1990. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани: (Материалы семинара). Краснодар.
- Нехаев А.А.*, 1991. О периодизации домайкопской культуры Северо-Западного Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Нехаев А.А.*, 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб. 1.
- Нехаев А.А.*, 1993. Памятники эпохи бронзы степного правобережья реки Кубани // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В.*, 1975. Ирганайское гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа // V КЧ по археологии Кавказа. Махачкала.
- Нечаева Л.Г., Мизиев И.М.*, 1969. Поселение раннего бронзового века на р. Урух // АО 1968 г.
- Нечитайло А.Л.*, 1964. Археологические разведки Ставропольского музея в 1960 г. // МИСК. Ставрополь. Вып. 11.
- Нечитайло А.Л.*, 1978а. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Нечитайло А.Л.*, 1978б. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА. № 2.
- Нечитайло А.Л.*, 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.
- Нечитайло А.Л.*, 1984. О сосудах майкопского типа в степной Украине // СА. № 1.
- Нечитайло А.Л.*, 1986. Взаимодействие племен степной Украины и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Нечитайло А.Л.*, 1988а. Новое об Усть-Джегутинском поселении майкопской культуры // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала.
- Нечитайло А.Л.*, 1988б. Особенности степных влияний на население майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Нечитайло А.Л.*, 1989а. Усть-Джегутинское поселение в системе памятников майкопской культурно-исторической общности // I Кубанская археол. конф.: ТД. Краснодар.
- Нечитайло А.Л.*, 1989б. Обусловленность связей древнего населения Украины и Кавказа // Духовная культура древнего населения Украины: ТД. конф. Киев.
- Нечитайло А.Л.*, 1990. Распространение керамики с "обмазкой" в культурах Северного Кавказа и Украины // XVI КЧ по археологии Северного Кавказа: (Тез. докл.) Ставрополь.
- Нечитайло А.Л.*, 1991а. Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Нечитайло А.Л.*, 1991б. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.
- Нечитайло А.Л.*, 1992. Историческая характеристика одной из групп майкопской керамики // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Нечитайло А.Л., Рунич А.П.*, 1984. Погребение литейщика у станции Скачки близ Пятигорска // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Николаева Н.А.*, 1981. Периодизация кубано-терской культуры: Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Николаева Н.А.*, 1983. Основные тенденции в сложении концепции среднебронзового века Северного Кавказа и Предкавказья в 50–70-е годы XX в. // Кочевники Азово-Каспийского междурья. Орджоникидзе.
- Николаева Н.А.*, 1986. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Николаева Н.А.*, 1987. Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы: (Выделение и периодизация кубано-терской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Т.
- Николаева Н.А.*, 1989. Северная Осетия в ранне- и среднебронзовом веке // Учен. зап. КИПЦДСВ. М.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.*, 1974. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа (Прил. 1 к ст.: Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа) // Сообщ. НМС по охране памятников культуры МК СССР. М. Вып. 7.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.*, 1980. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии Орджоникидзе.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.*, 1982. Хронология и происхождение майкопской культуры // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе. ОАК за 1882–1888 гг., 1891. ОАК за 1895 г., 1897. ОАК за 1896 г., 1898. ОАК за 1897 г., 1900. ОАК за 1898 г., 1901. ОАК за 1899 г., 1902. ОАК за 1900 г., 1902. ОАК за 1901 г., 1903. ОАК за 1902 г., 1904. ОАК за 1903 г., 1906. ОАК за 1904 г., 1907. ОАК за 1905 г., 1908. ОАК за 1907 г., 1910. ОАК за 1908 г., 1912. ОАК за 1909 и 1910 гг., 1913. ОАК за 1911 г., 1914. ОАК за 1912 г., 1916.
- Онайко Н.А.*, 1974. Новый памятник майкопской культуры КСИА. Вып. 134.
- Османов М.О.*, 1974. Географическая среда и производящие формы хозяйства: (По этногр. данным) // Конф. "Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности общественного строя": ТД. М.
- Охонько Н.А.*, 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Ставрополь. Вып. 15–16.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней, 1967. Грозный. Т. 1.
- Ошаев М.Х.*, 1971. Новый памятник эпохи бронзы на территории Большой Чечни // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР (Археол. секция). Тбилиси.
- Ошаев М.Х.*, 1979. Археологические работы у селения Бачи-Юрт // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Ошаев М.Х.*, 1982. Могильник у селения Дай // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Патокова Э.Ф.*, 1967. Обряд погребений усатовских курганных могильников // Зап. ОАО. Одесса. Т. 2 (35).
- Петренко В.Г., Мирошина Т.В., Корневский С.Н., Воронина Р.Ф.*, 1977. Раскопки Ставропольской экспедиции // АО 1976 г.
- Пиккуль М.И.*, 1953. Отчет о работе Северного отряда Дагестанской археологической экспедиции 1953 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Д. 1000.
- Пиккуль М.И.*, 1959. Раскопки на Сулаке в 1955 г. // МАД. Т. 1.
- Пиккуль М.И.*, 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Пиотровский Ю.Ю.*, 1977. Моздокские курганы эпохи бронзы (По материалам раскопок 1936 г.) // Археологический сборник. Л. Вып. 18.
- Пиотровский Ю.Ю.*, 1984. Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения

- Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // Археологический сборник. Л. Вып. 25.
- Пиотровский Ю.Ю.*, 1989. Редкие формы керамики ранней бронзы на территории Адыгеи: (По материалам работ Келермесской экспедиции Гос. Эрмитажа) // I Кубанская археол. конф. ТД. Краснодар.
- Пиотровский Ю.Ю.*, 1990. К вопросу о "многокомпонентности" майкопской культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (Эпоха бронзы и раннего железа). Л.
- Пиотровский Ю.Ю.*, 1991. Датировка археологического комплекса Майкопского кургана (Ошад) и проблемы хронологии "майкопской" культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Пиотровский Ю.Ю.*, 1993. "Майкоп" и Древний Восток // Памяти Б.Б. Пиотровского: Эрмитажные чтения. СПб.
- Погребова М.Н.*, 1961. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т. 2.
- Попова Т.Б.*, 1957. К вопросу о курильницах "северокавказского типа" // СА. № 1.
- Попова Т.Б.*, 1963. Дольмены станицы Новосободной // ТГИМ: (Памятники культуры). Вып. 34.
- Путинцева Н.Д.*, 1959. Отчет о полевых исследованиях 1-го Чиркейского отряда в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Д. 1950.
- V Археологический съезд в Тифлисе, 1881: Тр. предвар. ком. 1879 г. М. Т. 1.
- Расамакин Ю.Я.*, 1991. О соотношении степных и новосободненских памятников // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Резепкин А.Д.*, 1977. Рец. на кн.: Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов // СА. № 4.
- Резепкин А.Д.*, 1981. Работы близ станицы Новосободной // АО 1980 г.
- Резепкин А.Д.*, 1982. О распространении дольменов Западного Кавказа // КСИА. Вып. 169.
- Резепкин А.Д.*, 1983. Погребение вождей майкопской культуры // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л.
- Резепкин А.Д.*, 1984. Результаты работ Майкопского отряда Кубанской экспедиции в окрестностях ст. Новосободная в 1979–1983 гг. // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Резепкин А.Д.*, 1986. Работы Майкопского отряда // АО 1984 г.
- Резепкин А.Д.*, 1987а. Типология мегалитических гробниц Северного Кавказа // Древности Кубани: (Материалы семинара). Краснодар.
- Резепкин А.Д.*, 1987б. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосободной // КСИА. Вып. 192.
- Резепкин А.Д.*, 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Резепкин А.Д.*, 1989. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: (По материалам погребальных памятников новосободненского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Резепкин А.Д.*, 1990. Музыкальный инструмент эпохи ранней бронзы // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1989 г. Л.
- Резепкин А.Д.*, 1991а. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Резепкин А.Д.*, 1991б. Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Романова Г.П.*, 1985. Палеоантропологическое изучение материалов эпохи ранней и средней бронзы из степных районов Ставрополя // Археологические исследования в зонах мелiorации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л.
- Ростовцев М.И.*, 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.
- Ростунов В.Л.*, 1984. К социальной интерпретации "рогатых кирпичей" раннебронзовой эпохи Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Ростунов В.Л.*, 1988. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового поселения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л.*, 1991. К вопросу об этнокультурных процессах в предгорной зоне Северной Осетии в III тысячелетии до н.э.: (По материалам погребальных памятников) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Ростунов В.Л., Козаев П.К.*, 1990. К вопросу о взаимосвязях майкопской и куро-аракской культур // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Кишинев.
- Твеладзе Э.В.*, 1965. Раскопки курганов на Константиновском плато: Отчет // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3230.
- Рунич А.П.*, 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. № 1.
- Рунич А.П., Формозов А.А.*, 1972. Новые памятники первобытной культуры в районе Кавказских Минеральных Вод // КСИА. Вып. 132.
- Русов А.А.*, 1882. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане // V АС в Тифлисе: Тр. подгот. ком. М.
- Рысин М.Б.*, 1990. Датировка комплексов из Эшери // СА. № 2 (с аналогичным названием и текстом также см.: КСИА. 1990. М. Вып. 199).
- Рысин М.Б.*, 1991. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Рысин М.Б.*, 1992а. Закубанье в эпоху средней бронзы: (По материалам поселей предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Рысин М.Б.*, 1992б. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Самоковасов Д.Я.*, 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V АС в Тифлисе. М.
- Самоковасов Д.Я.*, 1892. Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава.
- Самоковасов Д.Я.*, 1908а. Могилы Русской земли. М.
- Самоковасов Д.Я.*, 1908б. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М.
- Санжаров С.Н.*, 1979. Об одной категории металлических изделий эпохи бронзы юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: ТД. Донецк.
- Сафронов В.А.*, 1966. О датировке Рухтинского погребального комплекса северокавказской культуры // КСИА. М. Вып. 108.
- Сафронов В.А.*, 1968. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л. Вып. 1.
- Сафронов В.А.*, 1970. Хронология памятников II тысячелетия до н.э. юга Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сафронов В.А.*, 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщ. НМС по охране памятников культуры МК СССР. М. Вып. VII: (Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников).
- Сафронов В.А.*, 1978. Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии // VIII КЧ: ТД. Нальчик.
- Сафронов В.А.*, 1979. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа // IX КЧ: ТД. Элиста.
- Сафронов В.А.*, 1981. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Сафронов В.А.*, 1982. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.

- Сафронов В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький.
- Сафронов В.А., 1990. Новые пути решения майкопской культуры // СА. № 4.
- Сафронов В.А., Марченко И.И., Николаева Н.А., 1980. Исследование курганов в зоне Понуро-Калининской рисовой системы // АО 1979 г.
- Сафронов В.А., Николаева Н.А., Гиджрати Н.И., Кочуров Е.В., Николаев Г.А., Пятых Г.Г., Тургиев Т.Б., 1978. Работы в Северной Осетии // АО 1977 г.
- Селимханов И.Р., 1960. Спектральное исследование металлических предметов из археологических памятников Кавказа и установление их эпохи (III–II тысячелетия до н.э.) // Изв. АН Аз.ССР. (Сер. геол.-минерал. наук). Баку. № 1.
- Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря: (Археол. экскурсия) // МАК. Т. 2.
- Смирнов К.Ф., 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. № 23.
- Смирнов К.Ф., 1952. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 гг. // КСИИМК. Вып. 45.
- Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро. СПб.
- Сокольский Н.И., 1965. Раскопки в Кепау в 1962 г. // КСИА. Вып. 103.
- Соловьев Л.Н., 1958. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Тр. АБИЯЛИ. Сухуми. Вып. 29.
- Соловьев Л.Н., 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. АБИЯЛИ. Сухуми. Вып. 31.
- Сорохтин Г.Н., 1915. Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса.
- Сорохтин Г.Н., 1916. Материалы к вопросу о дольменах Кавказа // Зап. МПЧПК. Новороссийск. Вып. 1.
- Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л., 1990. Раскопки курганов в Моздокском районе Северной Осетии // XVI КЧ по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.
- Спицын А.А., 1889. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. 11, вып. I и II.
- Столяр А.Д., 1961. Мешоко – поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. Т. 2.
- Столяр А.Д., 1964а. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л.
- Столяр А.Д., 1964б. Энеолит Кубани в свете работ Северо-кавказской экспедиции (1957–1960, 1962–1963 гг.) // Государственный Эрмитаж: Тез. докл. на юбил. науч. сес. Л.
- Стражев В.И., 1926. К Азантискому дольмену // Изв. АБНО. Сухуми. Вып. 4.
- Сысоев В.М. 1898. Краткий археологический очерк Кубанской области (и Черноморской губернии) // КСб. Т. 4.
- Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. // МАК. Т. 9.
- Талицкий Н.Е., 1912. Несколько слов о кавказских дольменах // Изв. ОЛИКО. Екатеринодар. Вып. 5.
- Тешев М.К., 1986. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Тешев М.К., 1988. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако 1 в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Тменов В.Х., 1975. Курганы эпохи бронзы у станции Новосветинской Моздокского района СО АССР // МАДИСО. Т. 3.
- Тменов В.Х., 1980. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе. Вып. 1.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П., 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб. Т. 3.
- Трифонов В.А., 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Трифонов В.А., 1985. Переднеазиатские связи майкопской культуры: (Состояние проблемы) // Археология зарубежной Азии. Л.
- Трифонов В.А., 1987а. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Л. Вып. 192.
- Трифонов В.А., 1987б. Работы разведочного отряда // АО 1985 г.
- Трифонов В.А., 1988. Работы разведочного отряда // АО 1986 г.
- Трифонов В.А., 1989. О культурно-хронологическом соотношении майкопской, куро-аракской, северокавказской и дольменной культур на Северном Кавказе // I Кубанская археол. конф. Краснодар.
- Трифонов В.А., 1990. Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северо-Западном Кавказе // Древние памятники Кубани: (Материалы семинара). Краснодар.
- Трифонов В.А., 1991а. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Трифонов В.А., 1991б. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – ранней бронзы // Древние культуры Прикубанья. М. Труды V АС в Тифлисе (1881 г.), 1887. М.
- Уваров А.С., 1876. Мегалитические памятники в России // Древности. М. Т. 4, вып. 3.
- Уваров А.С., 1878. Мегалитические памятники в России // Древности. М. Т. 7, вып. 3.
- Уваров А.С., 1887. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Тр. I АС в Тифлисе. М.
- Уварова П.С., 1891. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия. Посховский участок. М. Ч. 2.
- Уварова П.С., 1900а. О желательности исследования дольменов // Древности. М. Т. 16.
- Уварова П.С., 1900б. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. 8.
- Уварова П.С., 1902. Коллекция Кавказского музея // Museum Caucasicum. Тифлис. Т. 5. (Археология).
- Уварова П.С., 1904. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // МАК. Т. 9.
- Фармаковский Б.В., 1914. Археологический период в России. II: Майкоп // МАР. 34.
- Федоров Г.С., 1977. Еще одна Манасская катакомба // Древние памятники Северовосточного Кавказа. Махачкала. (МАД. Т. 6).
- Федоров Я.А., 1960. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана по данным археологии // СА. № 3.
- Федоров Я.А., 1961. Происхождение кумыков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Федоров Я.А., 1974. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях: (В порядке постановки вопроса) // Вестн. МГУ. Сер. 8. История № 4.
- Федоров Я.А., 1975. Место “майкопцев” в этнической истории Западного Кавказа // Вестн. МГУ. Сер. 8. История № 5.
- Фелицын Е.Д., 1904. Западнокавказские дольмены // МАК. Т. 9.
- Фисенко В.А., 1966. Учебное пособие по курсу истории СССР: (Лекции по археологии). Саратов.
- Формозов А.А., 1961. Археологическое исследование пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. Т. 2.
- Формозов А.А., 1962а. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья // КСИА. Вып. 88.
- Формозов А.А., 1962б. Периодизация майкопских поселений // Историко-археологический сборник. М.
- Формозов А.А., 1963. Новое о южных связях майкопской культуры // КСИА. М. Вып. 93.
- Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
- Формозов А.А., 1966. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
- Формозов А.А., 1972. Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // СМАА. Т. 3.
- Формозов А.А., 1973. Нальчикский курган // ВИ. № 12.
- Формозов А.А., 1980. Рец. на кн.: Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978 // СА. № 3.
- Формозов А.А., Столяр А.Д., 1960. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. № 2.

- Формозов А.А., Черных Е.Н., 1964. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье // КСИА. М. Вып. 101.
- Хакушев Е.Т., 1952. Новые археологические находки // Учен. зап. КНИИ. Нальчик. Т. 7.
- Хашегульгов Б.М., 1985. Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе (конец III – первая половина II тысячелетия до н.э.) // Археология и краеведение в вузе и школе. Грозный.
- Цалкин В.И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- Цвинария И.И., 1979. Археологические раскопки в селе Отхара в 1975 г. // МААБ. Тбилиси.
- Цвинария И.И., 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси.
- Чернопицкий М.П., 1987. Майкопский “балдахин” // КСИА. Вып. 192.
- Черных Е.Н., 1963. Спектральные исследования изделий из могильника Гатын-Кале // ДЧИ.
- Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Чеченов И.М., 1965. Новый памятник северокавказской культуры (II тысячелетие до н.э.) // Учен. зап. КБНИИ. Нальчик. Т. 23.
- Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археологической карте). Нальчик.
- Чеченов И.М., 1970. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА. № 2.
- Чеченов И.М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик.
- Чеченов И.М., 1974. О локальных различиях в памятниках майкопской культуры // IV КЧ по археологии Кавказа: ТД. Орджоникидзе.
- Чеченов И.М., 1980. Богатые захоронения в кургане ранне-бронзового века у сел. Кишпек // Северный Кавказ в древности и средние века. М.
- Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем // Археологические исследования на ново-строяках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.
- Чеченов И.М., 1990. К проблеме изучения древней истории Северного Кавказа // СА. № 4.
- Чеченов И.М., 1992. Об этнокультурных связях Северного Кавказа с Восточным Закавказьем в эпоху ранней бронзы // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Чеченов И.М., Батчаев В.М., 1975а. Основные итоги раскопок эпохи бронзы у с. Лечинкай // V КЧ по археологии Кавказа. Махачкала.
- Чеченов И.М., Батчаев В.М., 1975б. Новые находки древнейших каменных стел в Кабардино-Балкарии // V КЧ по археологии Кавказа. Махачкала.
- Чеченов И.М., Батчаев В.М., 1976. Исследование курганов эпохи бронзы у селений Кишпек и Чегем II // АО 1975 г.
- Чеченов И.М., Керефов Б.М., 1984. Основные итоги охраняемых раскопок курганов в Кабардино-Балкарии в 1981–1983 гг. // XIII КЧ по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп.
- Шаталовский А.И., 1967. Дольмены Черноморского побережья Кавказа // Туапсе и Туапсинский район. Краснодар.
- Шилов В.П., 1982. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА. № 2.
- Шилов В.П., 1984. Работы Волго-Донской экспедиция // АО 1982 г.
- Шилина Н.И., 1992. Население прикаспийских степей в конце эпохи ранней бронзы // XVII КЧ по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Штейн С.В., 1882. О пещерах и могилах в Дагестане // V АС в Тифлисе: Тр. подгот. ком. М.
- Шепинский А.А., 1965. Об элементах общности культур III–I тысячелетий до н.э. в Крыму и на Кавказе // Материалы сесс., посвящая итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР. Баку.
- Яковенко Э.В., 1980. Новые данные о контактах населения Северного Причерноморья с Кавказом в эпоху энеолита // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.
- Aurpää A., 1993. Über die Streitaxtkulturen in Russland // ESA Helsinki. VII.
- Bahnam Abu Al Soof, 1975. Uruk pottery: Origin and distribution. Baghdad.
- Bell J.S., 1841. Journal d'une Residence en Circassie pendant les annees 1837, 1838 et 1839. P. T. 1.
- Betancourt Ph.P., 1970. The Maicop copper tools and their relationship to Cretan Metallurgy // American Journal of Archaeology. V. 74, N 4. October.
- Bonstetten A.de., 1865. Essai sur les Dolmens. Geneve.
- Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. Excavations at the Plain of Antioch. Chicago.
- Chantre E., 1885. Recherches Anthropologiques dans le Caucase. P.; Lyon. T. 1.
- Deshayes J., 1960. Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IV on II millenaire). P. 1–2.
- Erckert R.von, 1887. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig.
- Filip Jan., 1966. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Pr. B. 1.
- Frangipane M., Palmieri A., 1983. A protourban centre of the late Uruk period // Perspectives on protourbanization in Eastern Anatolia: Arslantepe (Malatya): An interim report on 1975–1983 campaigns. Roma.
- Gimbutas M., 1956. The prehistory of Eastern Europe. Cambridge. Pt 1.
- Hancar F., 1937. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie. Leipzig.
- Häusler A., 1963. Südrussische und nordkaukasische Petroglyphen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Ges.-Sprachw. XII. H. 11.
- Jegorov M., 1929. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolaevsk // ESA. 4.
- Jvašenko M.M., 1932. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens // ESA. 7.
- Kenyon Kathleen M., 1971. Burial Customs at Jericho // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. Amman. 16.
- Kroupnov E., 1962. A propos de la Chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord // VI Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Moscou.
- Makkay J., 1983. Metal forks as symbols of power and religion // Acta archaeologica Academia scientiarum Hungaricase. Bp. 35 (3).
- Marigny Taibout de, 1821. Voyage en Circassie fait en 1818. Bruxelles.
- Marcovine V.I., 1963. Quelques resultats des etudes sur les monuments megalithiques du Caucase Occidental // Archéocivilisation: (Antiquites nationales et internationales). P. N 14–16.
- Markovine V.I., 1974. Dolmens des monts du Pré-Kouban (Caucase Occidental): Bassin de la riviere Kizinka // Archéocivilisation. P. № 11–13. (Nouvelle sér.).
- Markowin W.I., Muntschajew R.M., 1988. Kunst und Kultur im Nordkaukasus. Leipzig.
- Milojic V., 1955. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln // Germania. B. H. 3.
- De Montpereux Dubois, 1843. Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenii et en Crimée. P. T. 5.
- Morgan J.de., 1889. Mission scientifique au Caucase. P. T. 1.
- Munchev R.M., 1991a. The Caucasus in the 3rd millennium B.C. // Perspectives in archaeological research in the USSR. Roma.
- Munchev R.M., 1991b. Nordkaukasien in Neolithikum, Chalcolithikum und Frühbronzezeit // Die Kupferzeit als historische Epoche. Bonn. T. 1.
- Pallas P.S., 1803. Bemerkungen auf eine Reise in südlichen Stathalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793 ind 1794. Leipzig. Bd. 2.
- Shaeffer C.F.A., 1948. Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millenaires). Oxford.
- Schmidt A.V., 1929. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskajy // ESA. 4.
- Stronach D.B. Development and diffusion of metal type in the Carly bronze age Anatolia // A.s. Z. 7.
- Tallgren A.M., 1911. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland // SMYA. Helsinki. 25.

ЛІТЕРАТУРА К ЧАСТІ ІІ

- Tallgren A.M.*, 1925. Zur frühen Metallkultur Südrusslands // Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie Alfred Götz zu seinem 60. Geburtstage. Leipzig.
- Tallgren A.M.*, 1926. La Pontide prescythique // ESA. 2.
- Tallgren A.M.*, 1929. Etudes sur le Caucase du Nord // ESA. 4.
- Tallgren A.M.*, 1931. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // ESA. 6.
- Ufuk Esin*, 1969. Kuantatif Spektral analiz yardimiyla Anadolu'da Baslangicindan Asur kolonileri cagina kadar bakir vetune Madenciligi, Cilt I; Kisim I Metin, analiz ve tipoloji kataloglari; Cilt II; Kisim II Resim ve Haritalar. Istanbul.
- Ufuk Esin*, 1984. Tepecik, Tulintepe (Altinova-Elazig), Degirmentepe (Malatua) // Arkeometri ünitesi Bilimsel Toplantı Bildirileri: Ankara.
- Virchow R.*, 1883. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseter. Kaukasus. B.
- Zakharov A.A.*, 1931. Contributions to the Archaeology of Daghestan: (Kozubski's excavations in Northern Daghestan) // ESA. 6.

Список сокращений

АБИЯЛИ	– Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Сухуми	ДАН СССР ДАЭ	– Доклады АН СССР
АБНО АВИИУ	– Абхазское научное общество – Дьяконов И.М., 1961. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. № 2–4	ДПК	– Душетская археологическая экспедиция
АИ АИА	– Археологические известия – Археологические исследования в Азербайджане. Баку	ДЧИ ЖМВД	– Друзья памятников культуры. Тбилиси
АИН ГССР	– Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси	ЖМНП	– Древности Чечено-Ингушетии. М.
АО АПА	– Археологические открытия. М. – Археологические памятники Армении	ЗРАО	– Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
АС АЭГМГ	– Археологический съезд – Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси	ИА АН СССР	– Журнал Министерства народного просвещения
АЭИА	– Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку	ИАБНО	– Записки Русского археологического общества. СПб.
АЭИН	– Археологические и этнографические исследования	ИАЗФАН СССР	– Институт археологии Академии наук СССР
АЭС	– Археолого-этнографический сборник	ИАК	– Известия Абхазского научного общества. Сухуми
АЭФ БКИЧП	– Армянская этнография и фольклор – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода	ИАК ИАН АзССР	– Известия Археологической комиссии. СПб., Пг.
БПАС	– Башкапсарский полевой археологический семинар. Сухуми	ИАН АрмССР	– Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Баку
ВГМГ	– Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси	ИАН ГССР	– Известия Академии наук Армянской ССР. Ереван
ВДИ ВЕГУ	– Вестник древней истории – Вестник Ереванского государственного университета	ИАН ЭАЭ	– Известия Академии наук Грузинской ССР
ВЕУ ВИ ВИА ВИИЛ	– Вестник Ереванского университета – Вопросы истории. М. – Вопросы истории Азербайджана – Вестник Института истории и литературы. Ереван	ИАЭА	– Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку
ВИН ВНСПАЭИ	– Вопросы истории науки – Всесоюзная научная сессия, посвященная полевому археологическим и этнографическим исследованиям. Тбилиси	ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
ВОН ВСКПЭБРЖ	– Вестник общественных наук – Всесоюзный симпозиум “Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа”. Ереван	ИИАЭ	– Институт истории, археологии, этнографии
ВЭК	– Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси	ИИМК АН СССР	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры	ИИЯИМК	– Известия Института языка, истории и материальной культуры. Тбилиси
ГИМ	– Государственный Исторический музей	ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала
ГМИНВ	– Государственный музей искусства народов Востока	ИКОМАО	– Известия Кавказского отделения Московского археологического общества. Тифлис
ДАН АзССР	– Доклады Академии наук АзССР. Баку	ИООИА	– Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку
		ИПАИ	– Итоги полевых и археологических исследований
		ИФЖ	– Историко-филологический журнал. Ереван
		ИФР	– Историко-филологические разыскания. Тбилиси
		ИЮОНИИ	– Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР
		КБНИИ	– Кабардино-балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик
		КИПЦДСВ	– Комиссия по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КНИИ	– Кабардинский научно-исследовательский институт	НСОИИГ	– Научная сессия отделения историко-этнографии Института истории ГССР
КОИА	– Кавказское общество истории и археологии. Тифлис	НСПИПАИ АрмССР	– Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР. Ереван
КО РГО	– Кавказский отдел Русского географического общества	ОАК	– Отчет Археологической комиссии СПб.
КРДООАЖП	– Конференция “Реконструкция древних общественных отношений по археологическим данным жилищ и поселений”	ОАО	– Одесское археологическое общество
КСб	– Кубанский сборник. Екатеринодар	ОККАЭ	– Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции. Тбилиси
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР	ОЛИКК	– Общество любителей изучения Кубанского края
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.	ОЛИКО	– Общество любителей изучения Кубанской области
КЧ	– Крупновские чтения	ОЛКА	– Общество любителей кавказской археологии. Тифлис
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет	ОН	– Общественные науки
ЛИН	– Ленинградский Институт этнографии	ОСИИАЭ	– Отчеты сессии Института истории археологии и этнографии ГССР посвященной итогам археологических исследований
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР	ПАИ	– Полевые археологические исследования. Тбилиси
МААб	– Материалы по археологии Абхазии	ПАРЦА	– Полевые археологические работы Центра арменоведения
МАГК	– Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси	ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ
МАД	– Материалы по археологии Дагестана. Махачкала	ПИМК	– Проблемы истории материальной культуры. М.; Л.
МАДИСО	– Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе (ныне Владикавказ)	ПС	– Переднеазиатский сборник
МАК	– Материалы по археологии Кавказа	ПСА	– Проблемы скифской культуры
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.	РА	– Российская археология
МАЮВР	– Материалы по археологии Юго-Востока России. Ростов-на-Дону	РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры
МВККСАКЭРС	– Материалы всесоюзной конференции “Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья”	РАН	– Российская академия наук
МВСПИАЭИ	– Материалы к Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. Баку	РКТМЭ	– Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	П РНКПКИА	– II Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Ереван
МИСК	– Материалы и исследования по Ставропольскому краю	СА	– Советская археология. М.
МКА	– Материальная культура Азербайджана. Баку	САИ	– Свод археологических источников. М.
МКАЭН	– Международный конгресс антропологических и этнографических наук	САН ГССР	– Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси
МК СССР	– Министерство культуры СССР	СГАИМК	– Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
МНСМАА	– Материалы научной сессии молодых археологов и аспирантов. Тбилиси	СГУ	– Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
МПИАЭИА	– Материалы, посвященные итогам археологических и этнографических исследований в Азербайджане	СГФ АН СССР	– Сообщения Грузинского филиала АН СССР
МПИЧПК	– Музей природы и истории Черноморского побережья Кавказа	СИГГ	– Сборник по истории географии Грузии
МСМА	– Материалы сессии молодых археологов	СБКБ	– Северокавказское бюро краеведения. Ростов-на-Дону
МЭГ	– Материалы по этнографии Грузии	СКПЭБРЖ	– Симпозиум “Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа”
НА	– Народы Африки	СМАА	– Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
НАА	– Народы Азии и Африки	СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
НАО	– Народы Австралии и Океании	СПИПАЭИ	– Сессия, посвященная изучению полевых археологических и этнографических исследований Азербайджана
НСМ	– Научно-методический совет	ССК	– Сборник сведений о Кавказе. Тифлис
		СЭ	– Советская этнография. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ТАБИЯЛИ	– Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми	УЗИИЯЛ	– Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала
ТАзФАН СССР	– Труды Азербайджанского филиала АН СССР	УЗМВСО АзССР	– Ученые записки Министерства высшего и среднего образования Азербайджанской ССР
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.	УКН	– <i>Меликишвили Г.А.</i> , 1969. Урартские клинообразные надписи // ВДИ. М. 1953. № 1–4; 1964. № 1.
ТГИМА	– Труды Государственного исторического музея Армении	ХМКНК	– Хозяйство и материальная культура народов Кавказа
ТГУ	– Тбилисский государственный университет	ЧИНИИ	– Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ТД	– Тезисы докладов	ЧИРКМ	– Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей
ТДЗССАК	– Тезисы докладов на заседаниях сектора Средней Азии и Кавказа	ЧНИИ	– Черкесский научно-исследовательский институт
ТДК	– Тезисы докладов конференции	ЭО	– Этнографическое обозрение
ТДПИПАИ АрмССР	– Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР	ЭПИДА	– Этнические проблемы истории Древней Азии
ТДПИПАИ ГССР	– Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Грузинской ССР	АО	– Archiv Orientalní
ТИИАН ГССР	– Труды Института истории АН Грузинской ССР	AS	– Anatolian Studies
ТИИК	– Труды Института истории культуры Армянской ССР	AZ	– Archeologische Zeitschrift
ТИИФАН АзССР	– Труды Института истории и филологии АН Азербайджанской ССР	BAR	– British Archeological Reports. Oxford
ТКАЭ	– Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси	ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
ТОИПКГЭ	– Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.	JNES	– Journal of Near East Science
ТИЭМТ	– Труды Историко-этнографического музея Тбилиси	JEJ	– Israel Exploration Journal
ТТГУ	– Труды Тбилисского государственного университета	MASCA	– Museum Applied Science centre for Archaeology
		PPS	– Proceedings of the Prehistoric Society
		SMYA	– Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

Именной указатель

- Абакаров А.И. 13, 289, 356
 Абдушелишвили М.Г. 13, 57, 147
 Абесадзе Ц.Н. 12, 39, 41–43, 73, 136, 140
 Абибуллаев О.А. 10, 32, 37–39, 41, 46, 47, 49, 55, 56, 64, 65, 105, 128, 129, 147
 Абрамишвили Р.М. 11, 12, 23, 38, 70, 147
 Абрамова М.П. 275, 356
 Авалишвили Г.Б. 11, 62, 75, 147, 150
 Аветисян П.С. 11, 147, 148
 Агларов М.А. 289, 328, 356
 Азизян Г.А. 11, 13, 34, 35, 57, 147
 Алекперов А.И. 10, 55, 147
 Алекперов А.К. 64, 128, 129, 132, 147
 Александрович-Насыфи Дж. 350, 356
 Алексеев В.П. 11, 13, 57, 147
 Алексеева Е.П. 279, 356
 Алекшин В.А. 142, 147
 Алиев В.Г. 10, 64, 65, 89, 101, 102, 105, 122, 128, 129, 131, 132, 135, 138, 147, 148, 151
 Алиева А.А. 155
 Амираншвили Ш.Я. 66, 90, 102, 147
 Амиранов Х.А. 328, 356
 Андреева М.В. 16, 17, 147, 159, 162–164, 169, 214, 272, 356
 Антонович В.Б. 269, 356
 Анучин Д.Н. 227, 287, 297, 356
 Анфимов И.Н. 229, 356
 Анчабадзе З.В. 228, 356
 Алакидзе А.М. 11, 12, 16, 147
 Аполлоний Родосский 147
 Алухтин В.Р. 254, 262
 Аразова Р.Б. 155
 Аракелян Б.Н. 9, 147
 Арешян Г.Е. 11, 31, 33, 34, 46, 57, 63, 64, 66, 90, 98, 102, 104–106, 117, 118, 122, 124, 126, 139–142, 147
 Артамонов М.И. 160, 161, 163, 227, 252, 334, 356, 361
 Артемьев В.А. 16, 148
 Асланов Г.М. 33, 49, 148, 351, 356
 Атаев Г.Д. 148, 285, 289, 356
 Атаев Д.М. 13, 136, 148, 293, 305, 314, 327, 356
 Аутлев П.У. 241, 356
 Афанасьев Ф.А. 346
 Аханов И.И. 235, 246, 248, 356
 Ахундов Д.А. 65, 128, 129, 148
 Ахундов Т.И. 10, 30, 148, 155
 Ашпик А.Б. 226, 356
 Ашуров С.Г. 15, 17, 23, 49, 55, 148
- Бабаев И.А. 151
 Багаев М.Х. 289, 326, 356
 Бадалян Р.С. 11, 136, 148
 Байбуртян Е.А. 8, 44, 63, 109, 148
 Байер К.А. 287, 305
 Байерн Ф.С. 226, 241, 251, 356
- Бапст Г. 287
 Барамидзе М.В. 70, 153
 Бардавелидзе В.В. 66, 90, 102, 145, 148
 Барней Ч. 15, 116
 Бартон-Браун Т. 131
 Батчаев В.М. 162, 178, 183, 185, 255, 258, 261, 262, 265, 269, 271, 279, 281, 356, 367
 Бахтадзе Р.А. 12, 73, 136, 147
 Бахшалиев В.Б. 10, 65, 129, 137, 148
 Бдоян В.А. 148
 Белоглазова Т.А. 32, 148
 Березанская С.С. 272, 301, 319, 341, 359
 Березин Э.О. 148
 Березин Я.Б. 162, 178, 263, 269, 356
 Берже А.П. 226, 356
 Беришвили М.Т. 66, 90, 102, 148
 Бестужев Г.Н. 178, 234, 356, 357
 Бетрозов Р.Ж. 162, 163, 165, 178, 191, 193, 194, 197, 203, 212, 213, 217, 255, 258, 263, 265, 266, 269, 275, 277, 279, 284, 356, 357, 363
 Бжания В.В. 14, 59, 71, 137, 148, 228, 357
 Бианки А.М. 161, 181, 182, 357
 Бибиков С.Н. 148
 Бибикина В.И. 357
 Биджиев Х.Х. 162, 178, 198, 209, 357
 Бобринский А.А. 163, 219, 254, 263, 269, 357
 Бокарев Е.А. 330, 357
 Бонштетген А. 226
 Боходадзе А.В. 11, 148
 Бочкарев В.С. 103, 142, 148, 161, 178, 185, 234, 241, 357
 Брегадзе Н.А. 136, 148
 Бредэ К.А. 338, 353, 357
 Булатов А.О. 333
 Булатова А.Г. 333
 Бунятов Т.А. 10, 56, 148
 Бурков С.Б. 160, 357
 Буров Г.М. 340, 341, 359
 Бурчуладзе А.А. 12, 16, 147, 148
 Бутомо С.В. 148
- Вавилов Н.И. 148, 328, 357
 Вазаршвили В.В. 12, 147
 Ваидов Р.М. 33, 49, 148
 Вайман А.А. 143, 148
 Вахтина М.А. 6
 Ващук П.М. 163, 357
 Вертепов Г.А. 254, 287
 Веселовский Н.И. 158, 161, 227, 231, 234, 254, 260–262, 266, 274, 276–278, 281, 357
 Вильке Г. 254
 Виноградов В.Б. 160, 283, 288, 312, 325, 326, 336, 350, 352, 357
 Вирхов Р. 254
 Воронина Р.Ф. 364
 Воронов Ю.Н. 228, 229, 235, 237, 248, 251, 357
- Ваглюева Э.Д. 136
 Гаджиев А.Г. 13, 57, 148
 Гаджиев Б.И. 342
- Гаджиев М.Г. 13, 16, 17, 23, 31–34, 39, 41, 43, 51, 52, 56, 57, 81, 136, 137, 149, 283, 287–289, 291, 293, 297, 299, 301, 303, 306, 311, 312, 314–319, 321, 326–328, 330–333, 345, 351, 354, 357
 Гаджиев М.С. 13, 33, 55, 151, 297, 361
 Гаджиева С.Ш. 333
 Газдапустан Д. 255, 265, 269, 271, 284, 358
 Галибин В.А. 163, 198, 199, 358
 Гамбашидзе О.С. 155
 Гамкрели Н.Н. 149
 Гамкрелидзе Т.М. 13, 57, 149
 Ганчар Ф. 227, 334
 Геворкян А.Ц. 11, 39, 136, 140, 149
 Гедеванишвили Л.Д. 148
 Гей А.Н. 161, 166, 176, 177, 285, 358
 Гигуашвили Н.И. 147
 Гиджраты Н.И. 162, 358, 366
 Гимбутас М. 169
 Глебов А.И. 274
 Глonti Л.И. 11, 12, 15, 18, 23, 32, 37, 38, 42–44, 46, 48, 49, 55, 56, 63, 66, 73, 79, 103, 149, 150
 Глonti М.Г. 11, 41, 149
 Гобеджишвили Г.Г. 137, 139, 153
 Гобеджишвили Г.Ф. 9, 11, 12, 30, 59, 62, 66, 77, 136, 137, 139, 143, 149, 222, 305, 358
 Гогадзе Э.М. 12, 59, 62, 66, 70, 71, 75, 88, 90–92, 101, 103, 104, 149, 150
 Гогочури Г.К. 12, 149, 154
 Гомер 145
 Гордезиани Р.В. 149
 Городцов В.А. 159, 254, 261, 358
 Готье Ю.В. 227
 Грек Е.И. 6
 Грен А.Н. 272, 287, 358
 Гриневич К.Э. 255, 258, 269, 358
 Грязнов М.П. 145, 149
 Гумилевский И.С. 260, 262, 269, 270, 276, 280, 284, 358
 Гуммель Я.И. 8, 34, 64, 101, 129, 140, 149
 Гусейнов М.М. 129, 149
 Гусейнова Г.Г. 155
 Гусейнова М.А. 151
- Давудов О.М. 13, 289, 310, 311, 336, 349, 351, 352, 356, 358, 360,
 Дадашев А.И. 10, 149
 Даниелян О.А. 10, 151
 Двали Т.Г. 73, 136, 147
 Дебилов П.М. 354, 355, 358
 Деведжан С.Г. 11, 63, 64, 98, 122, 146, 149
 Деген-Ковалевский Б.Е. (Деген Б.Е.) 159, 160, 255, 258, 263, 265, 269, 271, 275, 277, 279, 281, 282, 338, 346, 358
 Дедабришвили Ш.Ш. 12, 18, 23, 34, 35, 50–52, 62, 63, 66, 79, 88, 135, 136, 141, 144, 149, 150, 153
 Деопик Д.В. 261, 358
 Дергачев В.А. 163, 358
 Державин В.И. 162, 167, 178, 182, 272, 358
 Дешериев Ю.Д. 13, 150

* Именной и географический указатели составлены Н.В. Малиновской. Авторы тома выражают ей искреннюю благодарность.

- Джавахишвили А.И. 11, 12, 18, 22, 23, 30–33, 37, 38, 42–44, 46, 48, 49, 55, 56, 63, 66, 73, 79, 90, 103, 133, 149, 150
 Джавахишвили Г.А. 149
 Джалалбеян Р.Л. 133
 Джанашиа С.Н. 311
 Джанхот И. 163, 229, 358
 Джапаридзе Н.О. 66, 90, 102, 138, 150
 Джапаридзе О.М. 4, 6, 8, 12, 15–17, 23, 34, 39, 41–43, 55–59, 62, 66, 70, 71, 73, 75, 77, 78, 80–86, 88, 89, 91–93, 102, 103, 116, 136, 141, 144, 145, 147, 150, 228, 235, 242, 245–249, 251, 253, 281, 358
 Джаукян Г.Б. 13, 150
 Джафарзаде И.М. 64, 65, 150, 279, 351, 358
 Джафаров Г.Ф. 151
 Джорбенадзе В.А. 154
 Дзагурова В.П. 328, 362
 Дибиров П.М. 303, 333
 Динков А.Б. 161, 358
 Дитлер П.А. 188, 214, 217, 222, 274, 361
 Дмитриев А.В. 161, 188, 194, 358
 Дмитриева Е.А. 358
 Днепровский К.А. 161, 173, 176, 177, 178, 181, 182, 198, 214, 357, 358
 Долбежев В.И. 254, 265, 287, 334, 340, 342, 345, 354, 359
 Долуханов П.М. 16, 150
 Дрожжин В.М. 148
 Дударев С.Л. 326, 357
 Дьяков И.М. 13, 57, 92, 116, 140, 145, 146, 150, 163, 359
- Европеус А. 227, 254
 Егоров Н.М. 270, 276
 Ерзункаева К.З. 288, 325, 326, 357, 359
 Есяян С.А. 11, 31, 37–39, 44, 53, 55, 63, 64, 98, 101, 103, 107, 109, 117, 122, 126, 134, 135, 150, 155
- Жоржикашвили Л.Г. 12, 62, 75, 103, 150
- Завойкина Г.Г. 6
 Захаров А.А. 150
 Захарьянц М. 97, 106
 Збенович В.Г. 71, 150, 162, 359
 Золотов К.Н. 330, 353, 359
- Ибрагимов Н.С. 151
 Иванов В.В. 13, 57, 149
 Ивашнев Е.Е. 274
 Иващенко М.М. 58, 150, 227, 242, 246, 247, 249, 359
 Иерусалимская А.А. 13, 150, 160, 359
 Иессен А.А. 10, 15, 34, 39, 62, 64, 103, 122, 134, 139, 142, 143, 150, 158–161, 168, 169, 172, 175, 194, 203, 205, 212, 227, 255, 257, 258, 271, 274, 275, 277, 279, 281, 283, 287, 319, 334, 335, 347, 351, 359
 Избицер Е.В. 142
 Ильюков Л.С. 208, 359
 Инал-Ипа Ш.Д. 228, 253, 359
 Инанишвили Г.В. 136, 137, 139, 149, 153, 154
 Ионе Г.И. 33, 49, 148
 Исаков М.И. 289, 311, 333, 335, 339, 340, 341, 345–347, 349, 354, 359
 Исмаилов Г.С. 10, 32, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 49, 55, 65, 122, 147, 150, 151, 153
 Исраелян А.Р. 112
 Исрапилов М.И. 333, 359
- Кабо В.Р. 146
 Кавтарадзе Г.Л. 12, 16–18, 71, 142, 151, 163, 359
 Казиев С.М. 10, 49, 151
 Калантарян А.А. 63, 101, 148, 151
 Калоев Б.А. 330, 333
 Каменев Н.Л. 158, 226, 235, 237, 247, 249, 359
 Каминская И.В. 161, 178, 359
 Каминский В.Н. 161, 178, 359
 Канивец В.И. 255, 258, 272, 287, 291–293, 301, 319, 321, 333, 335, 339–341, 353, 354, 359
 Капанадзе М.Т. 63, 88, 151
 Карапетян Л.Л. 11, 63, 106, 150, 151
 Карчагский М.Б. 287
 Кафадарян К.Г. 9, 151
 Кафадарян К.К. 11, 31, 33, 148
 Хахиани К.К. 147
 Кашкай М.А. 39
 Квавадзе Д. 151
 Керефов Б.М. 162, 178, 181, 367
 Кесаманлы Г.П. 10, 34, 35, 43, 151, 155
 Кигурадзе Т.В. 15, 152, 155
 Киквидзе Я.А. 11, 12, 18, 33, 46, 48, 55, 56, 62, 66, 75, 135, 145, 150, 151
 Кильчевская Э.В. 333, 359
 Кинк Х.А. 71, 151
 Киселев С.В. 159, 160, 359
 Кияшко В.Я. 162, 163, 252, 359
 Кларк Р.М. 16, 71
 Климов Г.А. 13, 151
 Козаев П.К. 13, 154, 162, 163, 365
 Козенкова В.И. 13, 70, 150, 151, 160, 283, 336, 350, 359
 Козубский Е.И. 287, 319
 Комаров А.В. 287, 341, 359
 Кондаков Н.П. 227, 254, 366
 Кондрашов А.В. 161, 178, 187, 197, 222, 359
 Кононенко А.П. 191, 228, 229, 359
 Корневский С.Н. 13, 137, 142, 149, 151, 158, 159, 162–164, 167, 168, 170–172, 174, 176–179, 181, 185–189, 191, 194, 197–199, 203, 205, 208, 212, 217, 219, 221–223, 225, 245, 251, 252, 258, 269, 272, 279, 281, 284, 285, 291, 299, 303, 311, 312, 317, 330, 332, 356, 358–360, 364
 Коридзе Д.Л. 11, 44, 61, 151
 Коробкова Г.Ф. 134, 151, 189, 191, 193, 194, 197, 198, 360
 Королев В.К. 258, 360
 Косвен М.О. 332, 333
 Костюченко И.П. 272, 273, 319, 339, 340, 347, 360
 Котович В.Г. 13, 32, 37, 41, 56, 103, 134, 151, 287–289, 291, 299–301, 303–305, 311, 312, 314, 319, 321, 323, 328, 330, 332, 334–336, 341, 343, 345, 347, 349, 351–354, 360
 Котович В.М. 41, 103, 151, 287–296, 299, 301, 303–307, 311, 314, 321, 323, 328, 330–333, 335, 340, 341, 343, 345, 347, 349, 353, 354, 360, 361
 Кошкарлы К.О. 155
 Кривицкий В.В. 252, 364
 Круглов А.П. 8, 44, 89, 151, 159, 174, 176, 177, 188, 189, 191, 194, 221–225, 257, 263, 264, 275, 287, 289–291, 297, 306, 317, 328, 334, 337–343, 345, 347, 349, 350, 352–355, 361
 Крупнов Е.И. 13, 57, 89, 150, 151, 158, 160, 162, 163, 167, 182, 186, 203, 254, 255, 258, 261, 263, 264, 266, 269, 271–273, 275, 277, 279, 281–284, 286, 287, 289, 334–336, 339, 340, 342, 343, 345, 347, 349–352, 354, 358, 359, 361
 Крушкел Ю.С. 161, 166, 182, 361
 Крюков М.В. 146, 151
 Кубланов М.М. 160, 166, 361
 Купрявцев А.А. 13, 33, 55, 151, 297, 361
 Кузнецов В.А. 237, 275, 287, 321, 361, 363
 Куйбышев А.В. 275, 361
 Кулиева М.В. 136
 Кунов Г. 146, 152
 Куфтин Б.А. 8, 9, 11, 15, 17, 30, 37, 41, 42, 44, 46, 47, 55, 58, 59, 61, 62, 65, 66, 69–71, 73–75, 77, 81, 88–90, 93, 101–104, 107, 115, 116, 140, 144, 152, 227, 237, 241–243, 245–247, 249, 251, 361
 Кушнарера К.Х. 4, 6, 10–13, 15, 17–19, 23, 28, 31–33, 35, 37, 39, 41–43, 47–50, 54–56, 61, 63–66, 72, 73, 76, 78, 80–84, 86, 87, 91, 93–97, 99, 101, 102, 104–108, 110, 111, 113–120, 123, 125–127, 129, 130, 133, 134, 140, 143, 152, 293, 334, 356, 361
- Лавров Л.И. 228, 229, 235, 240, 252, 253, 330, 333, 361
 Лалаян Е.А. 8, 64, 152
 Ламбет М.Н. 6
 Латынин Б.А. 161, 163, 258, 361
 Ленивкин В.П. 6
 Лесков А.М. 161, 178, 217, 361
 Лещенко А.Ф. 227, 241, 361
 Лисицына Г.Н. 56, 133, 134, 152, 328, 361
 Ловпаче Н.Г. 161, 165, 176, 178, 188, 199, 212, 214, 217, 222, 361
 Ломтатидзе Г.А. 90, 107, 152
 Лордкипанидзе О.Д. 152
 Лукин А.П. 8, 152
 Лунин Б.В. 235, 237, 241, 249, 361
 Любин В.П. 9, 13, 44, 135, 136, 152, 162, 166, 361
- Магомедов А.Р. 340, 345, 347, 361
 Магомедов М.Г. 314, 315, 361
 Магомедов Р.Г. 152, 162, 167, 266, 289, 306, 311, 319, 321, 326, 327, 358, 361, 362
 Магомедов Р.М. 328, 350
 Магомедов С.М. 152, 304, 305, 332, 360, 362
 Майков Л. 287, 362
 Майсурадзе В.Г. 12, 137, 152, 153
 Макалатия М.Н. 136, 152
 Макалатия С.И. 8, 34, 37, 44, 140, 152
 Маммаев М.М. 13, 149, 289, 331–333, 343, 349, 358, 362
 Манзура И.В. 163, 358
 Маракулина Е.Ф. 6
 Маргвелашвили М.Г. 154
 Марини Т., де 226, 362
 Марковин В.И. 4, 6, 58, 71, 152, 160–164, 167, 185, 191, 227–229, 231, 233–235, 237–253, 255, 257, 258, 263, 266, 269, 270, 272, 274, 275, 281–285, 287, 288, 303, 312, 313, 317, 319–334, 336, 338–343, 345–347, 349–355, 359, 361–363
 Марр Н.Я. 135, 152
 Мартиросян А.А. 8, 11, 39, 41, 62–64, 66, 73, 89, 98, 101, 103, 104, 106, 112, 115, 116, 118, 132, 137, 140, 141, 145, 146, 147, 152
 Марченко И.И. 366
 Массон В.М. 13, 66, 91, 142, 146, 152, 163, 186, 363
 Махарадзе З.Э. 152

- Махмудов Ф.Р. 10, 34, 39, 42, 65, 101, 152, 205, 212, 363
 Мачавариани Г.И. 13, 152
 Мачинский А.В. 345
 Медведская И.Н. 132
 Межлумян С.К. 11, 56, 152
 Меликишвили Г.А. 57, 66, 90, 91, 92, 140, 141, 152
 Мелитаури К.Н. 139
 Мелихов 228, 363
 Меллинк М.Д. 163, 363
 Мельник В.И. 161, 363
 Менабде М.В. 15, 152, 155
 Мерперт Н.Я. 13, 160, 167, 170, 176, 186, 187, 191, 214, 272, 361, 363
 Мещанинов И.И. 64, 152
 Мизиев И.М. 162, 165, 177, 178, 191, 193, 197, 209, 212, 213, 217, 219, 221, 222, 255, 258, 265, 269, 275, 277, 279, 284, 363, 364
 Микеладзе Т.К. 4, 6, 12, 61, 66, 67, 68, 70, 71, 76, 142, 147, 152, 153
 Миллер А.А. 58, 64, 153, 159, 227, 240, 254, 255, 328, 363
 Миллер В.Ф. 254, 275, 363
 Милорадович О.В. 269, 275, 282, 363
 Минаева Т.М. 255, 263, 269, 275, 282, 363
 Минс Е. 103
 Мирзоев Р.Н. 153, 314, 330, 332, 363
 Мирошина Т.В. 364
 Мирцхулава Г.И. 11, 12, 15, 30, 35, 38, 42, 153
 Мирцхулава Н.Н. 11, 155
 Мишина Т.Н. 162, 167, 186, 279, 363
 Мкртумян Ю.И. 136, 153
 Мкртчян К.А. 64, 155
 Мкртычян Р.А. 11, 57, 147
 Млокосевич А.Л. 287
 Мнацаканян А.А. (А.О.) 11, 39, 41, 63, 103, 112, 115, 122, 152, 153
 Морган Ж., де 227, 254, 363
 Муджири Т.П. 137, 139, 149, 153
 Мужухоев М.Б. 288, 312, 328, 363
 Мунчаев Р.М. 4, 6, 11, 13–18, 23, 30, 32, 34, 37–39, 41–44, 46, 51, 52, 55–57, 116, 129, 133, 142, 152, 153, 158–163, 165–172, 178, 179, 182, 183, 185–189, 191, 193, 194, 197, 199, 203, 205, 209, 212–214, 217, 219, 221–225, 227, 257, 258, 263, 266, 272, 275, 287, 289, 297, 299, 301, 307–309, 311–314, 319, 321, 334, 335, 341, 350, 352, 357, 363
 Мурадова Ф.М. 10, 34, 42, 44, 65, 153, 154
 Мурадян Ф.М. 64, 148, 153
 Мусаев Д.Д. 10, 153
 Мусатов Д.Л. 155
- Нагоев А.Х. 178, 191, 194, 203, 212, 213, 217, 255, 258, 263, 265, 266, 269, 275, 277, 279, 284, 357, 363
 Надимашвили С.И. 11, 147, 153
 Нариманов И.Г. 10, 34, 46, 65, 122, 151, 152, 153, 351, 363
 Нарожный Е.И. 357
 Нарышкин Н. 287
 Небиеридзе Л.Д. 12, 153, 154
 Немсаде Г.М. 149
 Нехаев А.А. 161, 163, 164, 169, 174, 176–179, 189, 191, 194, 196, 197, 214, 217, 219, 222, 223, 228, 363, 364
 Нечаева Л.Г. 162, 177, 252, 364
 Нечитайло А.Л. 162–164, 169, 188, 194, 214, 221, 222, 255, 257–259, 261–263, 266–269, 272, 275, 277–280, 283, 284, 312, 363, 364
- Николаев С.Л. 57, 153
 Николаева Н.А. 13, 153, 162, 163, 165, 228, 252, 257–259, 263, 265, 266, 269, 271, 275, 276, 279, 364, 366
 Николайшвили В.Н. 147
 Ниорадзе Г.К. 69, 153
- Оганесян В.Э. 64, 66, 98, 102, 137, 141, 148, 153
 Онайко Н.А. 161, 166, 364
 Орджоникидзе А.З. 12, 17, 34, 153
 Орел Н.В. 349
 Орловская Л.Б. 363
 Оруджев А.Ш. 155
 Османов Д.Л. 153
 Османов М.О. 330, 333, 364
 Османов Ф.Л. 151
 Откоцкий И.В. 360
 Охонько Н.А. 261, 360, 364
 Ошаев М.Х., 326, 327, 339, 350, 352, 364
- Пагава С.В. 148
 Паллас П.С. 226
 Панек Л.С. 333
 Парсамян Э.С. 64, 155
 Патокова Э.В. 364
 Петренко В.Г. 162, 178, 181, 189, 191, 194, 197, 203, 221, 222, 272, 360
 Петросян Л.А. 11, 64, 112, 113, 153
 Пигготт С. 103
 Пиккуль М.И. 288, 314, 319, 336, 338, 340, 345–347, 349, 364
 Пиотровский Б.Б. 8–10, 17, 37, 46, 55, 56, 58, 62, 64, 65, 93, 98, 107, 134–137, 141, 153, 255, 263, 264, 275, 361
 Пиотровский Ю.Ю. 163, 164, 168, 169, 255, 261, 263, 269, 272, 364, 365
 Пицхелаури К.Н. 12, 18, 23, 62, 63, 88, 153
 Погребова М.Н. 126, 140, 153, 319, 320, 327, 349, 356, 365
 Подгаецкий Г.В. 44, 159, 174, 176, 177, 188, 189, 191, 194, 221–225, 257, 263, 264, 275, 361
 Попова Т.Б. 161, 182, 191, 193, 194, 203, 205, 208, 209, 212, 213, 217, 219, 221, 222, 227, 231, 237, 245, 272, 279, 308, 365
 Прищеленко Л.В. 56, 133, 152, 328, 361
 Путинцева Н.Д. 339, 342, 345, 346, 347, 349, 350, 365
 Путуридзе М.Ш. 63, 93, 153, 154
 Пхакадзе Г.Г. 11–14, 23, 34, 35, 154
 Пчелина Е.Г. 8, 11, 154
- Рамишвили Р.М. 11, 12, 154
 Рассамакин Ю.Я. 163, 365
 Расулова М.М. 155
 Резепкин А.Д. 103, 142, 148, 161, 163–165, 170, 171, 173, 178, 181–183, 185–187, 189, 191, 194, 197, 198, 203, 205, 208, 212, 213, 217, 219, 222, 228, 229, 231, 234, 241, 245, 252, 356, 357, 359, 365
 Реслер Э. 106, 107
 Романова Г.П. 365
 Романова Е.Н. 148
 Ростовцев М.И. 158, 365
 Ростунюв В.Л. 13, 154, 162, 163, 269, 365
 Ртвеладзе Э.В. 279, 284, 365
 Рубинсон К. 104, 105
 Рунич А.П. 162, 275, 326, 357, 364, 365
 Русшвили Р.Н. 63, 88, 154
 Русов А.А. 287, 289, 292, 297, 311, 365
 Рустамов Д.Н. 10, 34, 42, 153, 154
 Рчеулишвили М.Д. 136, 154
 Рысян М.В. 228, 234, 251, 252, 365
- Савенко С.Н. 357
 Савченко Е.Н. 363
 Садрадзе В.А. 154
 Саидов А.Г. 10, 154
 Сакварелидзе Т.Н. 136, 138, 139, 154
 Самоквасов Д.Я. 159, 254, 260, 263, 269, 270, 276, 279, 365
 Сардарян С.А. 11, 30, 37, 38, 55, 154
 Сариниди В.И. 258, 266, 363
 Сатаев О.И. 363
 Сафронов В.А. 13, 153, 162–165, 170, 228, 252, 255, 257–259, 263, 265, 266, 269, 271, 275, 276, 279, 282, 283, 364, 365
 Селимханов И.Р. 10, 39, 154, 163, 198, 301, 366
 Семенов Л.П. 275
 Сергеева Г.А. 333
 Сизов В.И. 158, 166, 182, 226, 242, 248, 249, 366
 Симонян А.Е. 11, 34, 64, 66, 105–109, 115–118, 126, 127, 148, 154
 Синицын И.В. 312
 Смирнов К.Ф. 272, 273, 287, 297–299, 301, 307–309, 311, 312, 335, 337, 339–343, 345–347, 349, 350, 352, 363, 366
 Смирнов Я.И. 136, 152, 158, 366
 Соколовский Н.И. 160, 161, 166, 182, 366
 Соловьев Л.Н. 8, 14, 38, 58, 71, 154, 161, 166, 174, 188, 191, 213, 228, 229, 242, 251, 252, 253, 366
 Сорехтин Г.Н. 227, 237, 240, 241, 366
 Сосранов Р.С. 162, 366
 Спицын А.А. 64, 129, 132, 154, 254, 366
 Старостин С.А. 57, 154
 Столяр А.Д. 161, 163, 174, 221, 228, 366
 Стражев В.И. 58, 154, 227, 366
 Суджаева С.А. 6
 Сулейман Ангуан Т. 17, 154
 Супыра Т.В. 6
 Ширтладзе З.Н. 66, 90, 102, 148
 Сысоев В.М. 226, 235, 237, 238, 240, 366
- Тавадзе Ф.Н. 12, 136, 138, 139, 154
 Такайшвили Е.С. 8, 59, 154
 Талицкий Н.Е. 227, 237, 241, 366
 Тальгрэн А.М. 159, 227, 254, 260, 261
 Татишвили Т.И. 155
 Тенийшвили Т.О. 12, 154
 Техов Б.В. 70, 73, 154, 283
 Тешев М.К. 161, 228, 242, 363, 366
 Тимофеев В.И. 16, 150
 Тирацян Г.А. 148
 Титов В.С. 312
 Тихонов Б.Г. 162, 167, 178, 182, 358
 Тменов В.Х. 162, 257, 269, 275, 366
 Тогоидзе Г.И. 148
 Толстой И.И. 227, 254, 366
 Торосян Р.М. 101, 116
 Трифонов В.А. 161, 163, 166–168, 170–172, 178, 181, 186, 188, 209, 225, 272, 357, 366
 Тушабрамишвили Д.М. 12, 154
 Тушишвили Н.Н. 154
- Уваров А.С. 226, 254, 311, 366
 Уварова П.С. 226, 240, 251, 275, 277, 279, 281, 311, 366
 Ушаков П.Н. 66, 90, 102
- Фармаковский Б.В. 159, 366
 Фелицын Е.Д. 226–229, 231, 235, 237, 238, 240–242, 245, 246, 248, 249, 270, 366
 Федоров Г.С. 308, 309, 311, 366

- Федоров Н.В. 64
 Федоров Я.А. 163, 165, 228, 253, 351, 366
 Филд Г. 103
 Филиппов 258, 263, 270, 275
 Фисенко В.А. 312, 366
 Формозов А.А. 71, 155, 158, 159, 161–163, 166, 172, 174, 176, 178, 182, 188, 189, 191, 193, 194, 197, 198, 203, 213, 214, 217, 221–224, 227, 228, 234, 251, 252, 257, 365–367
- Хакуашев Е.Т. 258, 269, 367
 Халилов Д.А. 10, 39, 155
 Хангишиев Г.Д. 349, 352, 358
 Ханзадян Э.В. 11, 15, 17, 30–32, 34, 35, 37–39, 41, 42, 44, 46, 48, 49, 55, 56, 63, 64, 101, 109, 112, 116, 117, 124, 126, 155
 Хачатрян Ж.Д. 63, 101, 151
 Хачатрян М.М. 155
 Хачатрян Т.С. 8, 11, 30–32, 34, 37, 39, 41–44, 46, 55, 56, 64, 89, 102, 109, 112, 114, 116, 124, 136, 155
 Хашаев Х.М. 134
 Хашегульгов Б.М. 263, 266, 269, 288, 325, 326, 356, 357, 367
 Хехнева Т.Д. 330, 361
- Цалкин В.И. 224, 367
 Цвинария И.И. 155, 228, 235, 252, 367
 Цепкин Е.А. 354
 Церетели А.К. 150
 Церетели А.Т. 75, 150
 Циклаури И.Д. 12, 154
 Цитланидзе Л. 155
 Цицишвили А.Л. 135, 155
- Чайлд Г. 71, 73, 142, 155
 Чалаташвили Д.В. 148
 Чантурия А.И. 59
 Чарковский П. 97, 106
 Чарголами Ш.Г. 12, 39, 135, 137, 155
 Черджиев Э.Л. 162, 366
 Чернопицкий М.П. 367
 Черносивтов П.Ю. 275, 361
 Черных Е.Н. 10, 149, 161, 163, 176, 198, 203, 258, 261, 279, 323, 330, 345, 367
 Чеченов И.М. 142, 162–164, 176, 178, 181, 185, 186, 188, 197, 203, 205, 212, 213, 255, 258, 261, 262, 265, 269, 271, 281, 284, 356, 363, 367
 Черный И. 287
 Чиковани М.Я. 102, 155
 Чилашвили Л.А. 11, 34, 42, 155
 Чубинишвили Т.Н. 10–13, 15, 17–19, 23, 28, 30–32, 34, 35, 37, 39, 41–44, 46–50, 54–56, 73, 88, 90, 91, 104, 133, 152, 155
- Шагинян А.Н. 11, 134, 150
 Шамба Г.К. 59, 155
 Шамиладзе В.М. 136, 155
 Шамотульский А.И. 229, 367
 Шантр Э. 227
 Шанцашвили Н.Э. 12, 47, 155
 Шарафутдинова Э.С. 234, 241, 357
 Шаровская Т.А. 189, 191, 193, 194, 197, 198, 360
 Шахвердиев И. 351, 363
 Шейхов Н.Б. 289, 301, 314, 321, 335, 360
- Шеффер К. 103
 Шиллинг Е.М. 330, 333
 Шилов В.П. 162, 167, 187, 367
 Шилов Ю.А. 163, 357
 Шишляна Н.И. 168, 367
 Шмидт А.В. 159, 227, 254, 255, 270
 Штейн С.В. 287, 367
 Щепинский А.А. 162, 367
- Энгельс Ф. 155
 Эрдниев У.Э. 168, 312
 Эристави И.В. 148
 Эркеррт Р. 235
- Якобсон А.Л. 64, 152
 Яковенко Э.В. 163, 367
 Яковлев А.А. 161, 176, 177, 198, 359
 Якубцинер М.М. 134
- Åkok M. – 12
 Amiran R. – 12, 155
 Arnaud D. – 117, 155
 Åurapää A. (Europaeus) – 254, 367
- Behnam Abu Al Soof – 169, 367
 Bell J.S. – 226, 367
 Betancourt Ph.P. – 367
 Biscione R. – 12, 23, 39, 155
 Blegen C.W. – 104, 155
 Bonstetten A., de 226, 367
 Braidwood L.S. – 12, 155, 169
 Braidwood R.J. – 12, 155, 169
 Branigan K. – 73, 155
 Buhholz H.G. – 104, 155
 Burney C.A. – 10, 12, 15, 23, 34, 50, 55, 66, 91, 92, 116, 129, 155
 Burton-Brown T. – 9, 12, 23, 48, 129, 131, 132, 155
- Cann J. – 140, 156
 Cavlet J. – 155
 Chantre E. – 227, 367
 Cilingizoglu A. – 101, 131, 156
- Deshayes J. – 198, 367
 Dixon J. – 140, 156
 Duru R. – 12, 156
 Dyson R.H. – 10, 131, 156
- Edwards M. – 12, 131, 156
 Erkert R., von – 235, 367
 Esin U. (Ufuk Esin) – 12, 44, 140, 156, 169, 368
- Fild H. – 103
 Filip Jan – 226, 367
 Forbes R. – 137, 139, 156
 Frangipane M. – 12, 17, 156, 169, 198, 217
- Gavlet J. – 117
 Gimbutas M. – 103, 156, 169, 367
 Godard A. – 132, 156
- Hamlin C. – 104, 156
 Hancar F. – 334, 367
 Hauptmann H. – 12, 156
 Häusler A. – 333, 367
 Hennessi J.B. – 12, 156
 Huot J.-L. – 12, 117, 155, 156
- Jegorov M. – 258, 263, 367
 Jesus P.S. – 73, 156
 Jvašcenko M.M. – 227, 367
- Kantor H. – 142
 Karageorgis V. – 104, 155
 Kenyon K.M. – 312, 367
 Koligz N. – 73, 156
 Kosay H.Z. – 9, 12, 37, 38, 41, 43, 44, 46, 48, 55, 156
 Kroupnov E. – 335, 367
 Kufün B.A. – 156
- Lang D.M. – 12, 155
 Linick A. – 16, 156
- Makkay J. – 208, 367
 Marigney T., de – 226, 367
 Markovin (Markovine) V.J. – 227, 228, 229, 242, 245, 332, 367
 Medvedskaya I. – 131, 156
 Mellaart J. – 12, 142, 156
 Milojević V. – 258, 367
 Minns E.H. – 103, 156
 Montpereux D., de – 226, 367
 Morgan J., de – 132, 156, 227, 254, 367
 Munchaev (Muntschaiev) R.M. – 163, 332, 367
- Ozgüc T. – 12, 156
- Pallas P.S. – 226, 367
 Palmieri A. – 12, 17, 156, 169, 198, 217, 367
 Pecorella P.E. – 12, 23, 39, 155
 Piggott S. – 103, 142, 156
 Piotrovski B. – 10, 156
- Ralf E.K. – 156
 Renfrew C. – 140, 156
 Rubincon K. – 103, 104, 156
- Sagona A.G. – 13, 156
 Säflünd G. – 69, 70, 156
 Schaeffer C.F. – 89, 103, 104, 141, 156, 159, 367
 Schmidt A.V. – 159, 254, 266, 367
 Stronach D.B. – 203, 367
 Stubbings F. – 104, 156
- Tallgren A.M. – 159, 254, 261, 263, 367
 Turfan K. – 9, 12, 41, 43, 55, 156
- Ufuk Esin (Esin U.) – 12, 44, 140, 156, 169, 368
- Vary H. – 12, 38, 44, 46, 48, 156
 Vermeule E. – 104, 156
 Virchow R. – 254, 368
- Whallon R. – 12, 156
- Yakar J. – 156
 Young T.C. – 12, 47, 50, 156
- Zakharov A.A. – 319, 368

Географический указатель

- Абдзехская, ст-ца 226, 231, 245, 246, 248, 279
Абгархук, сел. 231
Абин, р. 226, 231
Абхазия 8, 14, 23, 38, 137, 185, 226–229, 235–237, 242, 243, 245, 246, 248, 249, 251, 252
Аванское, шоссе 96, 98, 99
Аварское Койсу, р. 288, 319, 321, 327, 337
Авневи, с. 88, 138
Агавнатун, с. 63, 95, 101
Агджакала, с. 94, 101, 109, 121
Агурипста, р. 231
Адагум, пос. 171, 214, 215
Адан, г. 105
Адегой, хребет 231
Адербевка, с. 231, 232, 235–238, 241, 245, 248, 249
Аджичай, р. 14
Адигналово, уроч. 231–234, 236, 240
Адлер, г. 161, 166, 174, 230
Адыге-Хабль, аул 257, 269
Адыгея 161, 169, 178, 179, 182
Ажек, с. 231
Азанга, сел. 231, 235, 236, 246–249
Азербайджан 8, 9, 10, 15, 18, 23, 30, 32–35, 37, 40, 42, 43, 47–49, 51, 52, 55, 64, 75, 93, 95, 101, 122, 129, 167, 170, 191, 279, 351
Азия 5
Азнабюрд (Азнабюрт), с. 65, 89, 101, 102, 104, 105, 126, 128, 140
Аигба, сел. 231
Айгеван, с. 110, 111, 117
Айгешат, с. 94, 98, 101, 109, 110
Акакиантхеви, с. 63
Аксай, р. 288, 337
Актафа, г. 10
Актафа, р. 106
Акунк, с. 63
Акяр, уроч. 337
Алагир, г. 257
Алазанская, долина 63, 75, 77, 79, 88, 134–136, 138, 143
Алазань (Алазани), р. 12, 23, 50, 60, 93
Алды, сел. 275
Александрия, с. 257, 269
Александровский, пос. 257, 261
Александровский, р-н 162, 167
Алибурикент, пос. 337, 338, 340
Аликемектепеси, с. 101
Алинджачай, р. 64
Алмало, ст. 337, 350
Алтубинал, хут. 231
Алхасте, сел. 261
Амасиа, с. 95, 101
Амиранисгора, гора 11, 30
Амткел, оз. 227
Анаклиа (Диха Гудзуба), с. 59
Анапский, р-н 161, 166
Анастасьевка, сел. 231, 233, 234, 236, 240–242, 244
Анатолия 18, 23, 34, 40, 57, 73, 103, 107, 139, 140, 142, 169, 194, 198, 203, 209, 214, 217
Ангехакот, с. 99, 101, 104, 141
Анджарка, гора 305
Анди, сел. 288, 306, 345
Андийское Койсу, р. 288, 337
Андреевская долина, уроч. 273, 279
Андрейаул (Эндери), сел. 257, 272
Андроповский, р-н 162, 181
Андрюковская, ст-ца 158, 171, 172, 183, 194, 208, 257, 258, 278, 280, 281, 283
Анийский, р-н 124
Анухва Абхазская, сел. 231
Апаран, с. 109, 110
Алшеронск, г. 274
Алшеронская, ст-ца 158
Алшеронский(Алшерон), п-ов 351
Алшеронский, р-н 161
Арагац, гора 8, 14, 18, 106, 107, 136
Арагац, с. 116, 121
Арагви, р. 60, 136
Аракс, р. 9, 14, 23, 60, 101, 104–106, 118, 128, 335
Арагат, гора 8
Арагат, г. 60
Арагатская, равнина 11, 15, 17, 18, 21, 31–33, 43, 44, 47, 48, 55, 63, 98, 105–107, 109, 115, 116, 122, 124, 127, 134, 136, 140
Аргун, р. 256, 288, 337, 350
Аргунское, ущелье 303
Ардон, сел. 257, 258, 265, 269, 276, 277, 285
Аревик, с. 31
Арзгир, сел. 257
Арик, сел. 257, 258
Арич, с. 11, 34, 35, 89, 109, 112, 114, 115, 121, 125, 139, 141, 145
Армавир, г. 109, 158, 171, 172, 179, 217, 230, 256, 257, 261, 277
Армения 8, 10, 11, 15, 18, 30, 32, 34, 37, 39–41, 44, 45, 47–49, 55, 62–64, 66, 73, 75, 93–96, 98, 99, 101, 105–107, 110, 112, 116, 117, 121–124, 137, 335
Армянский, хут. 231
Армянское, нагорье 11, 12, 102, 106, 107, 138, 141, 146
Арпачай, р. 335
Артаанская Кура, р. 59, 75, 81
Арташат, г. 11, 14
Артик, г. 121
Артикский, р-н 11
Аруч, с. 94, 98, 102–105, 140, 144
Архипо-Осиповка, сел. 231, 240
Арчадзор, с. 103
Асланбек-Шерипово, сел. 287, 320–322, 324
Аспиндза, с. 81
Ассирия (древн.) 254
Астапат, с. 101
Астара, г. 10, 34
Астаринский, р-н 42
Атажукино, сел. 281
Аутль, гора 231, 241
Афипс, р. 231
Афипская, ст-ца 231
Ахалцихе, г. 30
Ахалцихский, р-н 18
Ахлатян, с. 94, 101
Ахметовская, ст-ца 274
Ахтырская, ст-ца 231
Ахупач, гора 229, 231, 248
Ахурьян, р. 106
Ахуца-Джгерда, сел. 231
Ахча, с. 104
Ахчой Мартан, с. 171
Ахчой-Мартановский, р-н 178
Ачандара, сел. 227, 231, 235
Ачикулак, сел. 257, 266, 272, 273, 275, 277, 285
Ачису, пос., уроч. 335, 337, 343–345
Ачишхо, гора 231, 242, 250
Ачмарда, сел. 231
Аше, р. 232, 234, 235, 238, 240, 248
Бабу, сел. 231
Баговская, ст-ца 229, 231, 234, 235, 237, 242, 243, 246
Бадахшан 194
Баду, сел. 350
Бажиган, уроч. 275
Базоркино, сел. 257, 269
Баксан, г. 212
Баксан, р. 162, 166, 178, 193, 213, 256, 261
Баксанский, р-н 178, 185
Баку, г. 60
Балканский (Балканы), п-ов 57, 176
Бамут, с. 160, 171, 178, 183, 184, 186, 187, 192, 194, 195, 206–212, 220–222, 258, 263, 266, 275
Баракаевская, ст-ца 231, 240, 246, 248–250
Барда, г. 60
Басаргичар 121
Батуми, г. 60
Батуриная, ст-ца 197
Баул, р. 231
Бачиюрт (Бачи-Юрт), сел. 160, 167, 171, 183, 326, 337, 339, 350, 352
Башенковая Поляна, уроч. 231
Башкапсара, уроч. 137
Башликент (Шахсенгир), сел. 288, 332
Бедени, с. 18, 138, 139, 140
Беденское, плато 62, 77
Безинги, сел. 269
Безьямянное, сел. 231,
Бейсуг, р. 171
Белая, р. 161, 166, 174, 176, 219, 226, 230, 237, 256, 283
Белгатой, сел. 334, 337, 339, 340, 343–345, 350
Белоканы, г. 60
Белореченская, ст-ца 158, 171, 172
Бельты, сел. 288, 325
Береговое, сел. 231, 232, 240
Берикей, сел. 288, 317, 334, 337, 338, 340, 342, 345, 350, 353

- Бермамыг, гора 275
 Бета, пос. 231
 Бжедуховская, ст-ца 261, 262
 Бжекож, гора 231
 Бзыбь, р. 137, 230
 Бзыч, р. 231
 Библос (древн.) 92
 Битлис, г. 14
 Благодарное, с. 257, 261
 Ближний Восток 9, 17, 140, 165, 166, 170, 199, 205, 212, 217, 225
 Богазкёй (древн.) 140, 142
 Богатырская дорога, уроч. 229, 231, 233, 235, 241, 242, 250
 Бодорна, с. 103, 141
 Боздаг, ущелье 23
 Болса, уроч. 231
 Большая Кабарда 265
 Большая Лаба, р. 230
 Большие Хутора, сел. 231
 Большое Псеушко, сел. 231, 241
 Большой Бугундыр, р. 231
 Большой Зеленчук, р. 230, 256, 275, 283
 Большой Кавказ – см. Главный Кавказский хребет
 Большой Кичмай, сел. 231
 Большой Руфабго, р. 176
 Большой Хаджох, р. 231
 Ботлихский, р-н 321
 Боцурри, с. 89
 Брюховецкая, ст-ца 257, 266
 Буглен, сел. 337, 353, 354
 Буйнакск, г. 288, 314, 333, 337, 342, 346, 349, 353, 354
 Бураганшоб, уроч. 337, 339, 344, 345, 347–349
 Балым, сел. 261, 265, 269, 281
- Валуийский, хут.** 171, 178, 179, 183
 Ван, г. 105
 Ван, оз. 13, 14, 18, 105, 131
 Ван, с. 101
 Варваровка, сел. 231, 234
 Варениковская, ст-ца 158, 171, 224
 Васильевка, с. 229, 231
 Ведено, сел. 279, 288, 337, 348, 349
 Веденский, р-н 325
 Великент, сел. 29, 32, 252, 288, 310, 311, 312, 332, 337
 Великий Убин, р. 231
 Верды-ахк, р. 321
 Верхнее Прикубанье 170, 261, 266, 267, 269, 272, 279, 284
 Верхний Акбаш, сел. 171, 257, 263, 264, 269, 277, 279
 Верхний Гуниб (Гуниб), сел. 288, 328, 353, 354
 Верхний Кичмай, сел. 231
 Верхний Кобан, сел. 257, 263, 264, 269, 275, 284
 Верхний Чирюрт, сел. 288, 337, 339–341, 350, 354
 Верхняя Эшера, сел. 231, 235, 241–243, 245–249, 252
 Весёлая Роцца, хут. 257, 272
 Весёлый, хут. 171, 172, 174, 176, 189, 191
 Владикавказ, Г. 171, 256–258, 265, 269, 275–277
 Воздвиженская, ст-ца 158, 171, 172, 183, 187, 191, 205, 206, 257, 258, 279–281, 283
 Войкина Поляна, уроч. 231
 Волго-Донье 187
 Волконка, сел. 231, 232, 236, 240, 241
- Вольное, с. 280, 281
 Вольный, пос. 257
 Воровсколеская, ст-ца 162, 171, 178, 181, 182, 200, 203, 214, 257, 272
 Воротна Берд, с. 99, 101, 104, 141
 Воскеваз, с. 63, 96, 98, 140, 141
 Восточная Анатолия 10, 12–17, 20, 30, 34, 38, 39, 42, 43, 48, 52, 55, 56, 116, 169, 170, 196, 198, 217
 Восточная Грузия 12, 59, 70, 73, 223
 Восточная Европа 5, 142, 164, 187, 219
 Восточная Чечня 343, 345
 Восточное Закавказье 14, 34, 64, 105, 128
 Восточное Предкавказье 167, 168
 Восточное Средиземноморье 12, 13, 46, 71
 Восточное-Колхидское, нагорье 58
 Восточный Дагомыс, р. 231
 Восточный Кавказ 330
 Восточный Маныч, р. 272
 Вуланский, пос. 231
 Вьючная, гора 241
 Высоцкое, с. 269, 277
- Гагатль, сел. 34, 288, 293, 303, 319, 321, 337, 339, 340
 Гагра, г. 73
 Гайдук, ст-ца 231
 Гаймановский, пос. 272
 Галашки, сел. 275, 277, 279, 281, 285, 286
 Галиат, сел. 257, 275, 284
 Галле, г. (Германия) 164
 Галюгаевская, ст-ца 162, 167, 173, 174
 Гамриозень, 288, 337
 Гантиади, сел. 231
 Гардабанская, степь 136
 Гарни 9, 11, 14, 18, 37, 63, 64, 95, 101, 111, 115, 117, 121, 124
 Гатын-Кале (быв. Асланбек-Шерипово), сел. 288, 320–323, 327, 332, 337, 339, 341, 351, 352
 Геби, с. 137
 Гегамские, горы 136
 Геймановский, пос. 257, 261
 Геленджик, г. 226, 229, 231, 235–238, 240–242, 248
 Геленджикская, бухта 248, 249
 Гентал, уроч. 314, 316
 Георгиевск, г. 257
 Георгиевское, сел. 231
 Германия 164, 170
 Геташен, г. 63
 Гиагинская, ст-ца 257
 Гидатлинская, долина 314
 Гильяр, сел. 288
 Гидерил-ор.р. 314
 Гинчи, хут. 288, 314, 316–319, 321, 323, 332, 339, 341, 351, 352
 Главный Кавказский хребет (Большой Кавказ) 9, 16, 63, 75, 88, 105, 135, 142, 166, 170, 229, 277, 330, 332, 354
 Гобустан (юго-восточный склон Большого Кавказа) 10, 14, 34, 65
 Годлик, р. 236, 240
 Гойтх, сел. 231
 Голландия 187
 Головинка, сел. 231
 Голубева Дача, хут. 231
 Гомаретское, плато 75
 Гоно, хут. 288, 301, 321
 Гонсол, р. 326
 Гори, г. 18, 48, 60, 89
 Горячеводск, г. 270
 Гракали, с. 88
- Грампя, с. 109
 Греми, с. 136
 Греция 73
 Грама-Геле, с. 103, 141
 Грамхевистави (черта Тбилиси) 11
 Грозный, г. 171, 256, 257, 273, 275, 277, 279, 282, 285, 288, 337, 345
 Грузия 8, 9, 11, 12, 15–18, 23, 30–34, 37, 39–42, 47–51, 55, 59, 61–63, 70, 81, 86, 90, 93, 117, 137, 139, 170, 219, 222, 279, 305
 Грушевское, с. 162, 167, 171, 180, 183, 184, 186
 Гуапсе, р. 231
 Губс, р. 231
 Гузерибль, сел. 231, 232, 237, 241, 242
 Гульрипшский, р-н 59
 Гумбати, с. 103, 141
 Гумбетовский, р-н 333
 Гумрипш, р. 231
 Гунайка, сел. 231
 Гуни, сел. 337
 Гуниа, с. 9
 Гуниб (Верхний Гуниб), сел. 288, 290, 293–296, 337, 353
 Гунибский, р-н 331, 333
 Гурмай, р. 231
 Гуручай, р. 10, 65, 122
 Гурченчала-Хаб, уроч. 319
 Гюльгерычай, р. 288, 337
 Гюхрак, сел. 349
 Ганджа, г. 60
 Гянджинская, обл. 8
- Дабла Гоми, холм 23
 Дагбаш (ныне – Зандак), сел. 337
 Дагестан 8, 9, 13–16, 23, 29–34, 37, 40–44, 46, 47, 51, 52, 55, 56, 81, 103, 136, 162, 166, 167, 172, 176, 177, 185, 189, 203, 212, 213, 224, 251, 252, 255, 258, 266, 272, 273, 277, 281, 282, 283, 285–294, 297–315, 317–321, 323, 325, 327, 328, 330–337, 341, 342, 344–346, 348–354
 Дагестанские Огни, г. 288, 310, 311, 337, 345
 Дагомыс, сел. 231
 Дай, сел. 326
 Дания 252
 Дарани, г. (древн.) 14, 30, 31
 Дарашин (Иракский Курдистан) 169
 Дарго, сел. 288, 325, 334, 339, 340, 341, 347, 354
 Дахадаевский, р-н 333
 Даховская, ст-ца 226, 229, 231, 232, 234, 235, 237, 241, 246–250
 Двин, г. (древн.) 9, 11, 14, 34
 Двуречье 17, 212, 225
 Дебед, р. 30
 Дегуакская Поляна, уроч. 229, 231, 232, 234, 235, 237, 241, 246–249
 Дедекрой, р. 232, 241
 Дедекрой, сел. 231
 Деканский, п-ов 251
 Дербент, г. 287, 288, 292, 297, 310, 311, 337, 350
 Дербентская, ст-ца 231
 Дербентский, проход 312
 Дефановка, сел. 231
 Дешлагар (ныне – Сергокала), сел. 287, 288
 Джавахети (Юго-Западная Грузия) 75
 Джавахетское, плато 144
 Джампал, р. 231
 Джарджарис, с. 121

- Джемикент, сел. 288–291, 295, 297
 Джраовит, с. 11, 14, 31, 53, 117
 Джубга, пос. 226, 231, 235, 241
 Джуджеван 122
 Джульфа 60
 Дзвели 86
 Дзора-ГЭС 99, 101, 104, 141
 Дзуарикау, сел. 162, 171, 257–259, 263, 265, 269, 271, 276
 Дзудаг, уроч. 129
 Дивичи, г. 60
 Дивное, сел. 257, 279
 Дигора, сел. 257, 269
 Дигория (западная часть Северной Осетии) 59, 323
 Дигоми, с. 103
 Дидубе (черта Тбилиси) 8
 Дилижан, г. 122
 Динский, р-н 187
 Длинная Поляна, уроч. 231
 Дманиси, г. (древн.) 9
 Догуаб, р. 231, 235, 241
 Докан (Иракский Курдистан) 169
 Докшукино, с. 183
 Долина нарзанов, уроч. 270
 Долинское, сел. 257
 Дон, р. 162
 Донетчина 308
 Донифарс, сел. 257, 275
 Дооб, гора 231
 Доу, хут. 231
 Дуба-Юрт, сел. 326, 337, 350
 Дуз Даг, соляные копи 65
 Дунайский бассейн 70
- Европа 5, 41, 158, 163, 187, 229
 Египет 139, 196, 225
 Егорлык, р. 171
 Ереван, г. 8, 11, 60, 63
 Эссенцуки, г. 269
- Жанэ, р. 231, 237, 238, 241
 Железноводский, р-н 162
 Жуковский, хут. 162, 167, 171, 182, 186
 Журовая Поляна, уроч. 231
- Зааргаш, уроч. 137
 Закавказье 8–16, 23, 30, 33, 34, 37–39, 41–44, 46, 49, 51, 52, 56–58, 61–64, 66, 77, 89–93, 101, 104–106, 112, 116–118, 126, 128, 131, 133, 135, 137, 139–143, 145, 160, 166, 168, 176, 177, 179, 185, 187, 189, 191, 194, 197–199, 203, 205, 208, 209, 212, 213, 219, 222, 224, 286, 303, 330, 332, 334, 350, 354
 Закан-Юрт, сел. 257, 275
 Закубанье 161, 174, 188, 223
 Зандак (быв. Дагбаш), сел. 336, 337
 Западная Грузия 9, 12, 23, 39, 41, 55, 59, 67, 71, 170
 Западная Европа 164
 Западное Закавказье 58, 61, 71, 137
 Западный Азербайджан 65
 Западный Дагомыс, р. 231
 Западный Иран 16
 Западный Кавказ 137, 157, 224, 227–229, 231–236, 238, 243, 246, 248, 251–253
 Запорожские источники, уроч. 231
 Зацепина Поляна, уроч. 237, 246
 Заюково, сел. 257, 258, 263, 269, 271, 275, 276
 Зеленчукский, р-н 162
 Земо Алвани, с. 63
 Зенджирли 141
- Змейская, ст. 261
 Золакар, с.63, 109, 110, 112, 121, 122, 126
 Зольское, сел. 261
 Зубова, хут. 260, 261
 Зубова Щель, сел. 231
 Зурамагенд, хут. 341
 Зурнабад, с. 64, 95, 101, 105, 128
 Зуртакети, г. 93, 137, 139, 143, 144
 Зуртакетское, плато 62, 81, 93
- Иджеван, г. 99, 101
 Иджеванский, р-н 14, 34
 Иерихон, г. 312
 Избербаш, г. 337, 343, 345
 Илто, р. 135, 136
 Илто, с. 14, 139
 Иль, р. 231
 Ильский, р.п. 229, 232
 Ингури, р. 13, 14, 59, 60, 67, 73, 74, 137, 171
 Ингушетия 13, 30, 50, 160, 162, 167, 168, 261, 279, 281, 285, 286, 287, 303, 326, 327, 329, 330
 Индия 146, 227
 Индюк, гора 231
 Иноземцево, пос. 162, 171, 178, 189, 191, 193, 197, 207, 208, 210, 217, 220, 221, 222
 Инцоба, р. 136
 Инчхе, пос. 288, 337, 347
 Инчхе-озень, р. 303, 305
 Иордания 312
 Иори, р. 12, 23, 50, 88
 Иори-Алазанский, бассейн 23, 50, 51, 62, 88, 136
 Иорское, ущелье 88, 135
 Ирак 9, 169, 170, 214
 Иракский Курдистан 169
 Иран 5, 10, 16–18, 23, 30, 32, 34, 41, 47, 48, 55, 57, 65, 103, 104, 116, 129, 132, 142, 194, 198, 199, 208, 319
 Иранский Азербайджан 12
 Ирганай, сел. 288, 319, 320, 327
 Ирландия 252
 Испани, с. 59, 70
 Испания 252, 253
 Истису-тау, гора 332
 Италия 69, 70, 133, 142
 Итока, р. 270
 Ичкерия (историческая область Чечни) 327
 Ишкарты, сел. 334, 337
 Ишхой-Юрт, сел. 337, 339, 340, 343, 350
- Кабала, г. (древн.) 10, 34
 Кабарда 275, 284
 Кабардино-Балкария 44, 159, 160, 162, 167, 173, 177, 178, 181–183, 185, 187, 189, 198, 203, 205, 212, 217, 219, 221, 255, 257, 258, 261, 262, 264–266, 269, 271, 275, 277, 280, 281
 Кабардино-Пятигорье 168, 173, 174, 188, 194, 203, 213, 219, 284
 Кабардинская, ст-ца 231
 Кабарты-Кутан, сел. 345–347, 349
 Кавказ 5, 6, 8, 9, 11–13, 30, 33, 38, 41–43, 48, 57, 58, 62, 64–67, 70, 73, 90–93, 103, 115, 116, 126, 132, 134–136, 138–142, 145, 159, 160, 162–166, 176, 189, 197, 198, 208, 222–224, 226–228, 242, 251, 252, 254, 255, 263, 269, 277, 282, 283, 285–288, 295, 297, 305, 306, 312, 314, 319, 323, 327, 330, 334, 347, 351
 Кавказская Албания (древн.) 335
 Кавказские Минеральные Воды 162, 167, 173, 178, 281, 284
- Кавказский, заповедник 237
 Кавказский, перешеек 286
 Кавказский, хребет 13, 50, 51, 59, 73, 85, 166
 Кавказское Причерноморье 13
 Кадгарон, сел. 257
 Казанская, ст-ца 158, 171, 172, 179, 214, 257, 272, 277
 Казахский, р-н 10, 23
 Казинка, сел. 261
 Казмаляр, сел. 337, 339, 340
 Калакент, сел. 354
 Калаус, р. 171
 Калинкая (Анатолия) 73
 Калиновское, с. 162, 167, 171, 180, 183, 184, 186
 Калмыкия 167, 168, 187, 203, 208, 209, 255, 257
 Каль, р. 314
 Каменноостский (быв. Хаджох), пос. 161, 176, 229, 235, 237, 241, 242, 249
 Каменноостское, сел. 257, 263, 269
 Каменный Карьер, пос. 231, 238, 240
 Камлюко, сел. 257
 Камо, г. 63, 95, 101, 112, 122
 Камунта, сел. 275
 Капабье, ущелье 231
 Капчугай, уроч. 288, 333, 337, 343–345, 349, 350, 353, 354
 Капчугайское, ущелье 349, 350, 353
 Кара, сел. 331
 Карабагляр, с. 65
 Карабах 117, 135, 136, 143
 Карабудахкент, сел. 287, 288, 297, 321, 335, 337, 343, 348, 349
 Кара-Койсу, р. 293, 321
 Карачаево-Черкесия 167, 178, 237, 239, 251, 272, 281
 Карачай 274
 Карашамб, с. 64, 93, 137, 141, 144
 Кардоникская, ст-ца 162, 171
 Карели, с. 79
 Каркнали, гора 30
 Каркомахола, уроч. 288, 308
 Кармир Берд (См. Тазакенд), с. 63, 97, 101, 106, 117
 Карпатский, бассейн 312
 Каррас, быв. колония 257, 260, 269
 Карс, г. (Турция) 105
 Карская, область 8, 101, 105
 Карталинская, долина 81, 88
 Карт-Джурт, уроч. 275
 Картли (Грузия) 9
 Каспийское (Каспий), море 5, 15, 30, 171, 252, 256, 286, 288, 308, 354
 Каталония (Испания) 252
 Кафыркумух, сел. 288, 314, 315, 337, 347–349
 Хакетия (Восточная Грузия) 23, 34, 35, 47, 50, 52, 79, 88
 Кахский, р-н 10
 Качаган, с. 99, 101, 104, 141
 Каякент, сел. 8, 288, 312, 332, 334, 337–350
 Каякент, ст. 334
 Квалони, ст. 67
 Квасатали, с. 62, 102, 104, 137, 138, 145
 Квемо Картли (Грузия) 47, 62, 77, 137
 Квемо Кеди, с. 79
 Квирили, р. 23
 Кебанское, вдхр. 12
 Келермеская, ст-ца 158, 171, 183, 187, 257, 261, 266, 272, 283
 Кельбаджарский, р-н 135

- Кенделенчай, р. 10, 65, 122
 Керманшах, г. 13
 Кети, с. 64, 112, 113, 115
 Кизил-Яр, уроч. 288
 Кизинка (Кизинчи), р. 229–237, 240–243, 245–250, 252
 Кизинка, хут. 229, 231, 234, 241
 Кизыл Ванк (Кармир Ванк), г. 126, 128, 131, 140, 142
 Кикети, уроч. 8, 11, 14, 23, 35, 47
 Килигдаг, гора 191
 Кирги, с. 94, 98
 Кировакан, г. 11, 34, 63, 89, 92, 93, 103, 104, 126, 137, 139–141, 144, 145
 Кировское, сел. 231
 Кисловодск, г. 162, 171, 174, 178, 179, 183, 185, 186, 193, 208, 210, 217, 218, 254, 257, 258, 260, 263, 269, 270, 274–276, 280, 281, 295
 Китай 146
 Кичи-Гамри, сел. 337, 344, 345, 349
 Киш, г. (Ирак, древн.) 73
 Кишкек, сел. 171, 178, 183, 185, 186, 195, 203, 204, 208–210, 212, 257, 263, 269
 Клады, уроч. 103, 142, 161, 164, 170, 205, 228, 231, 245
 Кобулет, г. 59, 67
 Ковалевское, сел. 231
 Кодори, перевал 136
 Кодори, р. 137, 228, 230
 Кодорский, хребет 228
 Колхида (Колхидская равнина) 8, 58, 59, 67, 69, 71–74, 139, 226
 Комсомольское, сел. 326
 Константиновская, быв. колония (ныне – с. Константиновское) 257, 269, 270, 275, 279
 Константиновское, с. 269
 Константиновская, ст-ца 257, 266, 270, 283
 Константиновское, плато (район с. Константиновское) 258, 260, 262, 269, 270, 276, 279, 280
 Корауредон, сел. 257, 258
 Корца, сел. 257
 Костромская, ст-ца 158, 159, 171, 190–193, 195, 197, 257, 266, 274
 Красная Поляна, пос. 231, 242, 245–250
 Красноалександровский I, аул 231, 235, 240, 249
 Красноалександровский II, аул 231, 236, 249
 Красноалександровский III, аул 231, 249
 Красногвардейское, с. 161, 169, 171, 174, 179, 180, 182, 196, 204, 206, 214, 216
 Красногвардейский, р-н 161, 171, 182
 Краснодар, г. 71, 171, 230, 256, 274, 278
 Краснодарский, край 161, 166, 178, 187, 214, 222, 228, 282
 Краснодарское, вдхр. 161
 Красное Знамя, хут. 171
 Крепостная, ст-ца 231
 Кривенковская, ст-ца 231
 Крит, о-в 254
 Кропоткин, г. 230, 256
 Кропоткинский, р-н 166
 Кру, хут. 257, 260, 261
 Крученая, р. 231
 Крым, п-ов 225, 252
 Крымская, ст-ца 257, 278
 Кубанская, ст-ца 257, 272
 Кубань (регион) 179
 Кубань, р. 14, 161, 166, 167, 170, 171, 174, 176, 219, 230, 251, 254, 255, 256, 258, 272, 277, 283, 284
 Куба-Хачмасский, регион 10
 Кубина, аул 162, 171, 178, 183, 184, 198, 208–211, 257
 Кубинский, р-н 350, 351
 Кубыши, уроч. 231
 Кужорская, ст-ца 257, 266
 Кукерту, р. 231
 Куланурхва, сел. 231, 245
 Кулары, сел. 257, 269
 Кули, сел. 288, 293, 319, 341
 Кулинский, р-н 333
 Кума, р. 14, 171, 256
 Кумбулта, сел. 257, 275, 277, 281
 Кумторкала, сел. 331, 337, 354
 Куопс, р. 240
 Кура, р. 9, 11, 14, 15, 18, 23, 34, 60, 81, 106, 118, 170, 256
 Курах, р. 288
 Курганинский, р-н 161
 Курджипс, р. 231
 Курен-Беной, сел. 280
 Куро-Аракское, междуречье 141
 Курский, р-н 162, 174
 Курчалой, сел. 337, 343–345, 348–350, 352–354
 Курчалоевский, р-н 167
 Кутанси, г. 13, 60, 67
 Кызбурун III, с. 192, 269
 Кызыляр, перевал 297
 Кяфар, р. 237, 275
 Кяхулай, сел. 257, 285
 Лаба, р. 229, 230, 256, 283
 Лабинск, г. 171
 Лазаревский, пос. 231, 232, 237, 241
 Лакский, р-н 331, 333
 Ларса, г. (Ирак, древн.) 117, 140
 Лаура, р. 231
 Леваша, сел. 337, 347
 Лемнос, о-в 73
 Ленинанкан, г. 11, 14, 99, 101, 103, 140, 141
 Ленинкент, сел. 288, 333, 337, 338, 354
 Лепицкое, с. 270
 Лесгор, сел. 261
 Лескен, сел. 171, 183, 258, 275
 Летницкое, с. 158, 257, 279, 285
 Лечинкай, сел. 171, 183, 257, 258, 261, 262, 269, 271
 Лило, с. 62, 86, 88, 90, 104, 141, 145
 Личк, с. 95, 101
 Лоо, р. 231
 Лори Берд, с. 64, 98, 99, 103, 105, 145
 Лошкуты, сел. 280, 281
 Луристан (Иран) 73, 132
 Лчашен, с. 11, 14, 63, 103, 110, 112, 122, 141
 Маакиб, хут. 302, 303
 Маденга, р. 231
 Маджалис, сел. 337, 340, 341, 345–350
 Маисян, с. 141
 Майкоп, г. 158, 159, 164, 171, 179, 188, 209, 214, 230, 256
 Майкопский, р-н 161
 Майский, г. 277
 Малатя, г. 13, 15, 17, 116, 198
 Малая Азия 5, 9, 64, 73, 90, 91, 116, 139, 140, 146, 176, 209, 252, 254, 317, 319
 Малая Лаба, р. 230
 Малая Эшера, сел. 235
 Малка, р. 256
 Малое Псеушко, сел. 231
 Малый Зеленчук, р. 230, 256, 283
 Малый Кавказ 10, 23, 65, 107, 128, 135
 Малый Паргет, с. (Турция) 94, 101, 105
 Малый Руфабго, р. 176
 Малый Хаджох, р. 231
 Малый Харсеной, сел. 312, 313
 Мамай-Кутан, сел. 337, 340, 342–345, 347
 Мамраш, сел. 288
 Манас, р. 340
 Манас, ст. 272, 273, 277, 285, 287, 288, 302, 307–309, 311, 321, 328, 335, 337, 340, 342, 343, 345–347
 Манас-аул, сел. 337, 338, 353, 354
 Манас-озень, р. 308
 Маратучка, р. 231
 Мардакяны, сел. 351
 Маркотх, хребет 231, 237
 Марнеульская, равнина 77, 136
 Марнеульский, р-н 11
 Марган, р. 312
 Марган-Чуб, сел. 326
 Марткопи, с. 62, 75, 77, 103, 126, 138–140
 Марьяна Роца, сел. 231
 Марьянская, ст-ца 261
 Мастара, с. 11
 Махачкала, г. 171, 256, 275, 287, 288, 305, 335, 337, 339, 340, 342–345, 349, 350
 Махошевская, ст-ца 158, 171, 172, 192, 200, 203, 206, 207, 208, 212
 Махош-Поляна, пос. 231
 Машук, гора 257
 Медовеевка, сел. 231, 241
 Мезду (Мыжцоьгу), хребет 229, 231
 Мекеги, сел. 288
 Мекенская, ст-ца 167, 171, 186, 257, 272, 273
 Меланезия 146
 Мерсин (Турция), г. 140
 Мескеты, сел. 325
 Месопотамия 5, 9, 17, 41, 57, 103, 116, 137, 139, 140, 169, 170, 187, 189, 193, 197, 199, 209, 212, 214, 219, 225
 Месхети (область Грузии) 81, 85, 86, 89, 93, 102, 105, 126, 137, 140, 144
 Месхет-Джавахети (область Грузии) 62, 93
 Месхет-Джавахетское, плато 15
 Метехи, с. 86, 88, 137, 138
 Мечетли, с. 8
 Мешоко, уроч. 231
 Миатлы, сел. 257, 272, 273, 285, 288, 301, 319, 321, 337, 339, 347, 349, 350
 Микены (древн.) 103
 Мильконова Щель, уроч. 231
 Мильская (Мильско-Карабахская), степь 10, 34, 64, 102, 115, 118, 121, 122, 133, 134, 136, 139, 143, 168
 Мингечаур, г. 14, 23, 25, 36, 49
 Минеральные Воды, г. 257, 275
 Минутка, ст. 270, 275, 276
 Мискинбулак, уроч. 337, 340, 343, 345, 347, 349
 Мисхан, р. 122
 Митанийское, царство (древн.) 92, 146
 Михайловка, с. 270
 Михайловская, ст-ца 161, 171
 Михельрипи, сел. 231

- Моздок, г. 167, 171, 255–257, 263, 269, 275
 Моздокская, степь 162
 Монашка, р. 231
 Москва, г. 198
 Мостиздах, сел. 277
 Муганская, степь 10
 Мугерган, сел. 337
 Муги, сел. 288, 319
 Мугни, с. 95, 101
 Мурат, р. 14
 Муш (Восточная Анатолия) 14
 Мцарецкали, с. 63
 Мцхета, г. 11, 60, 88
 Мцхетский, р-н 14
 Мчишта, р. 231
 Мысхако, пос. (черта г. Новороссийска) 161, 188
 Мысхако, р. 176
- Нагорный Карабах** 23, 34, 81
 Назрань, г. 257, 269
 Нальчик, г. 142, 159, 161, 162, 171–173, 180, 183, 185, 197, 203, 208, 212, 214, 255–258, 263–265, 269, 271, 275–277, 279–281
 Намчедури, холм 59
 Нарратюбе, хребет 331
 Нарган, сел. 179, 181, 257, 269, 286
 Натухайская, ст-ца 226, 231, 234
 Наурская, ст-ца 257
 Нахаджир, с. 101
 Нахичевань, г. 10, 44, 60, 64, 101, 104, 105, 128, 129, 131, 142
 Нахичевань (Нахичеванская обл. Азербайджана) 10, 15, 17, 23, 49, 55, 65, 105, 128, 129, 131, 134, 137
 Неборджаевская, ст-ца 231
 Небуг, р. 229, 231
 Нежинский, пос. 269, 285
 Некрасовская, ст-ца 257
 Нестеровская, ст. 275, 285
 Ниала, долина 81
 Нижнебаканская, ст-ца 231
 Нижнее Казанище, сел. 338
 Нижнее Поволожье 189
 Нижний Геташен, с. 93, 95, 101
 Нижний Дженгутай, сел. 337, 349
 Нижний Кобан, сел. 269
 Нижняя Сигитма, уроч. 338, 343, 353–355
 Николаевская, быв. колония (ныне – черта г. Пятигорска) 257, 258, 260, 263, 276
 Николаевская, ст-ца 265, 269, 271
 Нил, р. 57, 225
 Новоджерелиевская, ст-ца 257, 266, 277
 Новолабинская, ст-ца 158, 159, 171, 257, 261, 266
 Новолакское, сел. 337, 343
 Новомихайловка, с. 231
 Новоосетинское, с. 257, 275
 Новороссийск, г. 161, 164, 166, 169, 227, 229, 230, 256
 Новосвободная (быв. Царская), ст-ца 42, 142, 158, 161, 164–167, 170–173, 175, 178, 183, 185, 187–198, 200, 203–213, 218, 221, 222, 226–229, 231–235, 241, 245, 251, 257, 261, 280, 286
 Новоселицкий, р-н 162, 167, 178
 Новые Аршты, хут. 266, 272
 Новый Афон, г. 231
 Новый Дейбук, пос. 337, 340
- Новый Чиркей, сел. 319, 334, 337, 339, 342, 346, 348, 349
 Ногир, сел. 257, 265, 269, 275
 Ноемберян, пос. 141
 Ноемберянский, р-н 11, 30
 Ножай-Юртовский, р-н 288, 325
 Нор Баязет (ныне – г. Камо) 110, 112, 121
 Носири, с. 59
 Нохола-ад, уроч. 313, 314, 337, 345
 Нули, с. 61, 86, 102, 126, 137, 138, 145
 Нутюг, сел. 337
- Озерейка, р. 229**
 Октемберян, г. 34
 Ореховка (быв. Орехово), с. 162, 269, 277
 Осетия 323
 Османбозу, с. 34
 Отрадная, ст-ца 161
 Отхара, сел. 231, 235, 241, 248
 Очамчира, г. 228, 231
 Ошакан, с. 109
- Паванский, хребет 229**
 Палестина 12, 107
 Паник, гора 231
 Параванское, оз. 9, 77
 Параул, сел. 337, 340
 Параул-озень, р. 288, 337
 Пасека, пос. 231
 Пастуховая, гора 275
 Пелагиад (Шахтерская Балка), сел. 261
 Пендбад, сел. 350
 Первомайское, с. 89, 103
 Перевальный, хут. 231
 Передний Восток 103, 132, 139, 141, 142, 336
 Передняя Азия 9, 13, 16, 41–43, 66, 73, 89, 90, 92, 103, 107, 116, 126, 138–140, 142, 198, 199, 208, 209, 212, 219, 223, 225, 254, 317
 Петровский, р-н 162
 Петропавловская, ст-ца 257, 260, 261, 285
 Пиренейский, п-ов 252
 Пичори, с. 70, 74
 По, р. 69, 70, 142
 Поволжье 198, 225, 252, 305
 Подкумок, р. 256, 274
 Подонье 166, 198, 219, 225, 252
 Подунавье 199
 Подхребтовое, сел. 231
 Полинезия 146
 Полковничий, хут. 231
 Понт (древн.) 165
 Попутная, ст-ца 257
 Порошки, хут. 231
 Португалия 252, 253
 Потти, г. 60
 Праздничный, пос. 257, 261, 285
 Предградная, ст. 275
 Предкавказье 13, 159–151, 1165, 170, 172, 173, 187, 189, 191, 199
 Приазовье 252
 Привольное, с. 257, 279
 Пригородный, р-н 162
 Приднепровье 252
 Придунавье 73
 Прикаспий 286
 Прикаспийская, низменность 15, 23, 277, 285, 289
 Прикубанская, низменность 166
- Прикубанский, р-н 178
 Прикубанье 41, 42, 158, 159, 161, 162, 165–168, 170, 172, 173, 178, 181, 185, 186, 188, 189, 191, 194, 198, 203, 205, 208, 209, 213, 219, 221–224, 226–228, 257, 260, 261, 266, 269, 272, 274, 276–278, 281, 283
 Прикумск, г. 256
 Приневи, с. 88
 Причерноморье 226–228, 252
 Провал (черта г. Пятигорска) 263
 Просимна (Греция) 104
 Прохладный, г. 277
 Прхца, гора 229
 Прхца, сел. 231
 Псебайская, ст-ца 42, 158, 171, 172, 183, 194, 207, 212, 257, 258, 283
 Псебе, аул 231
 Псекупс, р. 161
 Псиниф, р. 231
 Псху, сел. 231, 235
 Пулур (Восточная Анатолия) 13, 14, 37, 55
 Пулур (Сакийол) – Восточная Анатолия 14
 Пурецкали, с. 63
 Пхиста, р. 231, 235, 241
 Пшада, р. 226, 231, 234, 235, 241, 245
 Пшада, с. 227, 231, 234, 235, 240, 246
 Пшадский, перевал 237
 Пшенахо, р. 242
 Пшиш, р. 230, 231, 256
 Пятигорск, г. 171, 183, 254, 256–258, 260, 262, 263, 269, 270, 275, 276, 279–281, 285
 Пятигорское, сел. 231
 Пятигорье 258, 260, 261, 263, 269, 270, 272, 277, 279, 284
- Раевская, ст-ца 166, 171, 182, 222**
 Раздан, р. 30
 Рассвет, хут. 166, 171, 182, 197, 200, 203, 214, 222
 Рача (область Грузии) 137, 139
 Резайе (Урмия), оз. 9, 14
 Решевей, хут. 231
 Риони, р. 14, 23, 59, 60, 67, 73, 171, 256
 Риони-Квирильский, регион 23
 Рюонская, низменность 59
 Роговская, ст-ца 257, 266
 Родниковский, хут. 270
 Родос, о-в 104
 Рождественское, быв. сел. 229, 248, 249
 Россия 158
 Ростовская, область 312
 Рубас, р. 288, 337
 Ругуджа, сел. 288, 302, 303, 321
 Рустави, г. 107
- Сабитакча (район Триаleti) 101
 Садки (черта г. Нальчика) 159, 200, 203, 214, 216, 277, 281
 Садовое, с. 231, 237, 238
 Садуга, уроч. 63
 Саелиаво, с. 59, 67
 Самгори, г. 18
 Самгреди, г. 13
 Самур, р. 14, 288, 333, 350, 351
 Самурская, ст-ца 231
 Самце-Джавагети (Юго-Западная Грузия) 17
 Самшвилде, с. 14, 35

- Санкт-Петербург, г. 198
 Санчар, пос. 231
 Саратовская, ст-ца 171, 234, 245
 Сардиния 70
 Сахрай, р. 231
 Сачхере, г. 8, 9, 12, 14, 17, 18, 34, 42, 43, 59, 71, 91, 136, 281
 Сачхерский, р-н 41
 Сванетия (область Грузии) 137
 Светловодское, сел. 261
 Севан, оз. 8, 11, 14, 60, 63, 64, 93, 106, 109, 112, 122
 Севастопольская, ст-ца 190, 194, 208
 Северная Армения 122
 Северная Африка 252
 Северная Европа 163
 Северная Месопотамия 169, 187
 Северная Осетия 13, 16, 30, 31, 44, 47, 50, 162, 166–168, 173, 174, 178, 219, 225, 255, 258, 259, 261, 265, 266, 269, 271, 275, 277, 281, 282
 Северная Сирия 170
 Северное Причерноморье 71, 166, 176, 179, 198, 225
 Северный Дагестан 167, 285, 343
 Северный Кавказ 8, 10, 16, 37, 41, 43, 50–52, 57, 73, 77, 89, 103, 142, 157–161, 163–166, 168–174, 176–179, 181, 185, 186, 188, 189, 191, 198, 199, 208, 209, 212–214, 217, 219, 222–225, 252, 254, 255, 257–259, 261, 262, 266, 269, 272–280, 282, 283, 285, 286, 297, 332, 334, 336
 Северо-Восточная Армения 135
 Северо-Восточная Сирия 170
 Северо-Восточное Причерноморье 71
 Северо-Восточный Азербайджан 23
 Северо-Восточный Кавказ 6, 9, 12, 13, 17, 23, 32, 33, 37, 38, 42, 44, 50, 51, 56, 57, 157, 177, 191, 194, 275, 282, 287, 289, 301, 313, 314, 317, 320, 326–328, 330, 332–336, 338, 340, 341, 345, 350–352, 354
 Северо-Западная Армения 112, 115, 124
 Северо-Западная Месопотамия 217
 Северо-Западный Иран 9, 10, 12, 13, 15, 23, 32, 42, 44, 55, 128, 129, 132
 Северо-Западный Кавказ 58, 158–160, 174, 178, 181, 182, 185, 186, 188, 203, 212, 219, 252
 Северо-Западный Прикаспий 162, 166, 168, 225
 Северская, ст-ца 257, 261, 272
 Сенная, пос. 160, 166, 171
 Сергокала (быв. Дешлагар), сел. 287, 288, 311, 319
 Серегина Поляна, уроч. 231
 Серегинское поле, уроч. 161, 176
 Серженьюрт (Сержень-Юрт), сел. 30, 160, 167
 Сигитма, гора 291, 293, 294
 Симагре, холм 67
 Сиони, с. 14, 15
 Сирия 9, 12, 17, 89, 107, 139, 140, 164, 165, 169, 170, 214, 227
 Скачки, ст. 275
 Согланлугская, долина 136
 Согунгы, сел. 337
 Соломенки, сел. 171, 257, 275
 Солоники, сел. 231, 232, 240, 242, 243, 247, 248
 Солох-аул, сел. 231, 232, 234, 240, 241, 246–248
 Сосновый Пост, уроч. 231
 Сочи, г. 230, 246, 256, 282
 Спорный, пос. 231
 Средиземное море 105, 226, 252
 Средиземноморье 5, 104, 105, 107, 139, 251, 252, 253, 261, 283, 286, 317
 Средняя Азия 57, 223, 319
 Ставрополь, г. 162, 256, 275
 Ставропольская, возвышенность 277, 284
 Ставропольский, край (Ставрополье) 162, 167, 173, 174, 178, 181, 182, 261, 263, 269, 270, 272–274, 279, 281, 282, 285
 Ставропольское, плато 162
 Старокорсунская, ст-ца 171, 180, 187, 197, 218, 222
 Старомарьевское, с. 269
 Старомышастовская, ст-ца 158, 171, 172
 Старо-Нижнестеблиевская, ст-ца 179
 Старый Лескен, сел. 257, 269, 271, 281
 Старый Свет 165, 198, 209, 224, 226
 Старый Урух, сел. 171, 179, 182, 203, 257, 258, 263, 269
 Старый Черек, сел. 258, 269
 Старый Чиркей (Чиркей), сел. 288, 291, 293, 295, 312, 321, 337, 339, 341, 343–345, 347–350
 Степанаван, г. 60, 64, 122, 145
 Степанакерт, г. 91, 140
 Суворовская, ст-ца 257–259, 261, 262, 267, 268, 277, 279, 281, 285
 Сузы (древн.) 17, 116
 Сулак, р. 14, 31, 171, 256, 258, 277, 285–288, 291, 301, 319, 321, 327, 335, 337, 339, 340
 Сули, сел. 231, 235, 246, 247, 248
 Султангора, гора 274
 Сунжа, р. 255
 Сунжа, сел. 162, 171
 Сухуми, г. 230, 256
 Сюни Берд, с. 101
 Тазакенд (см. Кармир Берд), с. 63, 97, 101, 106, 117
 Талги, курорт 337, 339–341, 343–349
 Талин, пгт. 109
 Талыш (Юго-Восточный Азербайджан) 140, 251
 Таманский (Тамань), п-ов 160, 166, 172, 186, 228, 229
 Тамариси, с. 35
 Тарки, сел. 257, 281, 285, 335, 337, 340–350
 Таркятау (Тарки-тау), гора 339, 345, 348, 349
 Тарнаир (черта г. Махачкала) 349
 Тарская, ст. 275
 Тарусс (Анатолия) 140
 Тахиркала, сел. 345, 347
 Ташир-Дзорагет (истор. область Северной Армении) 11
 Ташла, р. 162, 275
 Тбилиси (быв. Тифлис), г. 8, 11, 14, 23, 31, 43, 48, 60, 62, 88, 336
 Теберда, г. 275
 Телави, г. 60
 Тельман, с. 18, 42
 Темнолесское, сел. 231
 Тенгинская, ст-ца 231, 261
 Терек, г. 257
 Терек, р. 14, 160, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 188, 219, 252, 255, 256
 Терская, ст-ца 257, 269
 Тетри-Цкаро, г. 12, 14, 136, 143
 Тетрицкаройский, р-н 11
 Тетури, р. 59
 Тианетский, р-н 11
 Тигр, р. 170
 Тициб, сел. 288, 299, 314, 315, 318
 Тимашевская, ст-ца (ныне – г. Тимашевск) 171, 172, 208
 Тимашевский, р-н 166
 Тифлис, г. (ныне – Тбилиси) 26, 231, 287
 Тифлисская, ст-ца 158, 171, 172, 179
 Тихоновка, с. 231
 Тквиави, с. 8, 14, 36, 91, 140
 Токачи, уроч. 303
 Толорос 103
 Третья рота (3-я рота), уроч. 231
 Триалети, плато 8, 9, 14, 15, 17, 18, 34, 36, 61–63, 65, 66, 71, 75–77, 81–84, 87, 89, 91, 93, 102–104, 126, 136–137, 139–141, 143, 144
 Три камня, уроч. 260, 263, 270, 276
 Троицкий, пос. 231
 Троя (древн.) 103
 Туапсе, г. 228, 230, 232–238, 240, 242, 244, 256
 Тузла, мыс 228, 231
 Тульская, ст-ца 171, 194, 208
 Турция 9, 252
 Турчи, сел. 89, 334
 Убинская, ст-ца 231
 Убинсу (Убин-Су), гора 231
 Узерликтепе, холм 64
 Уйташ, сел. 288, 333, 337, 354
 Украина 162, 252, 312
 Уллучай, р. 288, 337
 Улька, р. 257, 260, 261
 Ульский, аул (ныне – с. Уляп) 158, 161, 171, 209, 211, 214, 257, 262, 266, 272, 280, 281
 Уляп, с. (быв. Ульский аул) 158, 161, 171, 209, 211, 214, 229, 257, 262, 266, 272, 280, 281
 Унцукульский, р-н 327
 Ур (древн.) 73, 89, 90, 141, 143, 198, 212, 219
 Урбниси, г. 11, 14, 36
 Урвань, сел. 257
 Уреки, с. 133
 Урма, сел. 337, 343, 345
 Урмия (Резайе), оз. 9, 14, 23, 33, 129, 131
 Урмия (Северо-Западный Иран) 13, 23, 105
 Урук (древн.) 90, 141, 169, 170
 Уруп, о. 161
 Уруп, р. 171, 230, 256, 283
 Урупская, ст-ца 257
 Урус-Мартан, сел. 257, 272
 Урусмартановский, р-н 326
 Урух, р. 162
 Урух, с. 177, 265, 269, 271
 Усиша, сел. 288, 293, 303
 Усть-Джегуга, г. 162, 171, 173, 178, 179, 181, 191, 194, 195, 197, 198, 200, 203, 214–216, 221, 223, 257, 258, 267, 277–281, 283, 285

- Усть-джегутинская, ст-ца (ныне – г. Усть-Джегута) 162, 221
 Усть-Лабинск, г. 277, 279
 Усть-Сахрай, сел. 229, 234
 Утамыш, сел. 288, 302–304
 Учавлах, сел. 335, 337, 342, 343, 345–347
 “Участок Зиссермана” 158, 171, 179, 200, 203, 214
 Учтеле, уроч. 10, 18, 139
- Фанагорийское, сел. 231**
Фанталовский, мыс. 228
 Фарс, р. 161, 166, 174, 219, 226, 232, 235, 245, 247–249, 251
 Физиулинский, р-н 23
 Фонтан, п-ов 160, 166, 171, 222
 Франция 252
- Хабез (Хабаз), сел. 257, 258, 269**
 Хабль, р. 231
 Хабочу, хут. 306
 Хабью, сел. 231, 235, 245
 Хаджох, сел. (ныне – пос. Каменномостский) 188, 200, 222, 229
 Хазиндон, сел. 257, 269
 Хал-Килой, сел. 288, 302, 303
 Хамадан (область Ирана) 13
 Хамышки, сел. 231
 Ханлар, г. 81
 Харачай, сел. 288, 334, 337–340, 342–350, 353, 354
 Харсеной, сел. 288, 326, 332
 Хасавюрт, г. 257, 266, 272, 285, 337, 350
 Хатажукаевский (Хатажукай), аул 257, 269, 283
 Хатунарх, с. 109
 Хачбулаг, яйлаг 65, 112
 Хачбулак, уроч. 10, 14, 34
 Хаченагет, р. 117, 140
 Хаченет, уроч. 347
 Хачмас, ст. 350
 Хачмасско-Кубинская, зона 23
 Хеттское, царство (древн.) 146
 Хиндой, сел. 337, 343, 350
 Ховла, с. 77
 Ходжалы, сел. 103, 279
 Холмская, ст-ца 231, 240
 Холоднородниковский, пос. 257, 258, 268, 277, 285
 Холодный Родник, сел. 231
 Хоредж, с. 103
 Храмеби, с. 92
 Хуап, сел. 231
 Хумалаг, сел. 257, 269
 Хунагет, гора 231, 238
 Хунзах (Чинна), сел. 288, 293
- Цаган-нур, лиман 187, 208, 209**
Цалкинский, р-н 9
 Цалкинское, плато 62, 75, 81, 93
 Царская, ст-ца (ныне – Новосвободная) – см. Новосвободная
 Цемдолина, пос. 231
 Цемки, с. 59
 Центральная Анатолия 73
 Центральная Европа 163
 Центральная Россия 73, 142
 Центральное Закавказье 8, 14, 15, 63, 92
 Центральное Предкавказье 162, 178, 186, 203, 205, 209, 212, 221, 222, 224
 Центральный Дагестан 297
 Центральный Кавказ 13, 264, 265, 271, 275, 281, 284
 Цербелева Поляна, уроч. 231
 Цицернака Берд, с. 109, 110
 Цнори, с. 62, 79, 80, 117, 138, 140, 143, 144
 Цугуровка, пос. 231
 Цукваджа, р. 240, 242
 Цхинвали, г. 18, 88
- Чамлык, р. 230, 256**
 Чамлыцкая, ст-ца 257, 285
 Чампар, уроч. 288, 305
 Чанты-Аргун, р. 321
 Чанты-Аргунский, регион 327
 Чегем, р. 162, 178, 182, 193, 213
 Чегем, сел. 171, 208, 285 (далее см. Чегем I–III)
 Чегем I, сел. 178, 183, 186, 191, 192, 195, 197, 203, 204, 211–214, 217, 218, 220, 221, 257, 258, 263, 265, 269, 275, 277
 Чегем II, сел. 178, 183, 186, 187, 191, 192, 197, 203, 207–209, 212, 257, 258, 263, 265, 269, 275, 277
 Чегем III, сел. 192
 Чегемский, р-н 178
 Челепси, р. 231
 Черек, р. 256
 Черкесск, г. 171, 256, 270
 Чермен, сел. (быв. Базоркино) 269
 Черноморская, ст-ца 274
 Черноморское, побережье 161, 252
 Черноречье (черта г. Грозного) 275
 Чернышев, хут. 180
 Чечено-Ингушетия 13, 16, 30, 38, 44, 47, 51, 166, 167, 173, 174, 178, 188, 203, 205, 208, 209, 213, 219, 221, 223–225, 266, 273, 275, 280, 285, 350
 Чечня 13, 30, 51, 160, 162, 167, 258, 272, 275, 287, 288, 302, 303, 312, 313, 317, 320–328, 330, 334, 336, 337, 342–346, 348–350, 352, 353
 Чёрное, море 5, 105, 171, 225, 228, 251, 252, 256, 286
 Чёртов Мост, пос. 231
 Чикола, сел. 257, 258, 269, 271, 275
 Чирагчай, р. 288, 337
 Чирката, сел. 287
 Чиркутан, хут. 350, 354
 Чми, сел. 257, 275, 284
 Чограйское, вдхр. 272
 Чокрай-Кой, сел. 231
 Чорох, р. 14
 Чох, сел. 288, 313, 314, 316, 321, 337, 345, 352
 Чувал-Хвараб-Нохо, уроч. 302, 303
 Чухук, р. 231
 Чхалта, сел. 231
 Чхалтинский, хребет 229
- Шалинский, р-н 167**
 Шалушка, сел. 275, 281
 Шамхор, г. 34
 Шамхорский, р-н 14, 34
 Шапсугская, ст-ца 231, 232, 234, 235, 240, 241
 Шаракун, сел. 288
 Шароаргун, р. 337
- Шарой, сел. 275
 Шарурская, долина 15
 Шаумян, сел. 231
 Шахе, р. 234
 Шахсенгер, уроч. 332
 Шахтагты, с. 64, 129, 132
 Шахтерская Балка (см. Пелагиад) 261
 Швеция 252
 Шедок, сел. 231
 Шекинский, р-н 8
 Шемаха, г. 60
 Шепси, сел. 231
 Шида Картли 11, 32–35, 38, 43, 46, 47, 49, 51, 61, 75, 77, 81, 93, 136, 137
 Шида-Картлийская, низменность 18, 32
 Ширак (Северо-Западная Армения) 11, 30, 112, 118
 Ширакаван, с. 124
 Ширакское, плато 106, 109
 Шияновы Кучи, уроч. 261
 Шовгеновский, р-н 161, 171, 182
 Шойкопси, р. 231
 Шпаковка (Шпаковское), с. 274, 281, 282
 Шрома, сел. 231
 Штурбина, хут. 197, 206
 Шубинка, хут. 231
 Шувеланы, сел. 351
 Шудух, сел. 350
 Шулавери, с. 62, 77, 78, 86, 103, 126, 137, 139
 Шумер (древн.) 42, 143, 254
 Шура-озень, р. 314, 350
 Шхавит, сел. 231
- Эгея (древн.) 57, 73, 141, 199
 Эгикал, сел. 288, 327–329
 Экибулак, хут. 288, 331, 332, 341, 350, 353, 354
 Элам (древн.) 73, 116
 Элар (ныне – черта г. Абовян) 8, 11, 14, 18, 31, 34–36, 42, 63, 64, 96, 101, 109, 110, 121, 141
 Элязиг, г. (Турция) 12, 15, 48
 Эрзерум, г. (Турция) 9, 13, 18, 48, 73
 Эриванская, ст-ца 231
 Эрниси (Восточная Анатолия) 34
 Эсто-Сады, сел. 231
 Этиуни (древн., бассейн р. Арпачай) 335
 Эток, р. 275
 Этоко, сел. 257, 261
 Эчмиадзин, г. 31, 63, 95, 98, 99, 109, 121
 Эчмиадзинский, р-н 11
- Юго-Восточная Европа 227**
 Юго-Восточное Закавказье 105, 129, 132
 Юго-Восточное Приазовье 188
 Юго-Осетия 9, 38, 41, 43, 44, 61, 73
 Южная Грузия 11, 15, 66, 81, 93
 Южная Месопотамия 39, 117, 198
 Южное Закавказье 7, 89, 93, 103, 105, 107, 116
 Южный Дагестан 289, 343
 Южный Кавказ 7, 9, 10, 12, 15, 16, 41, 43, 49, 57, 58, 64–66, 103, 126, 133–135, 140, 170, 179
 Южный Прикаспий 251
- Якорная Щель, сел. 231**
 Ярославская, ст-ца 158, 171, 172, 208, 234
 Ярыксу, р. 288, 337

Оглавление

Введение (<i>К.Х. Кушнарера, В.И. Марковин</i>)	5	Глава 9. Хозяйство, связи, элементы общественного строя (<i>К.Х. Кушнарера</i>)	133
Часть I Эпоха ранней и средней бронзы Южного Кавказа		Литература к части I	144
Глава 1. Куро-аракская культура (<i>Р.М. Мунчаев</i>)	8	Часть II Эпоха бронзы Северного Кавказа	
Глава 2. История изучения памятников средней бронзы Южного Кавказа (<i>О.М. Джапаридзе, К.Х. Кушнарера, Т.К. Микеладзе</i>)	58	Глава 1. Майкопская культура (<i>Р.М. Мунчаев</i>)	158
Глава 3. Протоколхская культура (<i>Т.К. Микеладзе</i>)	67	Глава 2. Дольмены Западного Кавказа (<i>В.И. Марковин</i>)	226
Глава 4. Триалетская культура (<i>О.М. Джапаридзе</i>)	75	Глава 3. Северокавказская культурно-историческая общность (<i>В.И. Марковин</i>)	254
Глава 5. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья (<i>К.Х. Кушнарера</i>)	93	Глава 4. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы (<i>В.И. Марковин</i>)	287
Глава 6. Кармирбердская (тазакендская) культура (<i>К.Х. Кушнарера</i>)	106	Глава 5. Каякентско-харацоевская культура (<i>В.И. Марковин</i>)	334
Глава 7. Севано-узерликская группа памятников (<i>К.Х. Кушнарера</i>)	118	Литература к части II	356
Глава 8. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызилванкской) культуры (<i>К.Х. Кушнарера</i>)	128	Список сокращений	369
		Указатели	372
		Именной указатель	372
		Географический указатель	376

Таблица I. Керамика куро-аракской культуры

1. Глиняные очажные подставки. Карнуг-Ширак

2-4. Сосуды. Карнуг-Ширак

5. Обломки сосуда с черным лощением. Джраовит

6. Сосуд с рельефным орнаментом. Великент

Таблица II. Находки из ранних курганов триалетской культуры

1. Подкурганное погребение в сел. Марткопи (раскопки О.М. Джпаридзе)

2. Золотой лев. Цнори (раскопки К.Н. Пицхелаури)

3. Золотые ожерелье и булавки. Цнори (раскопки К.Н. Пицхелаури)

Таблица III. Находки из курганов триалетской культуры

1. Золотой сосуд с рельефным фризом. Кировакан (раскопки Б.Б. Пиотровского)

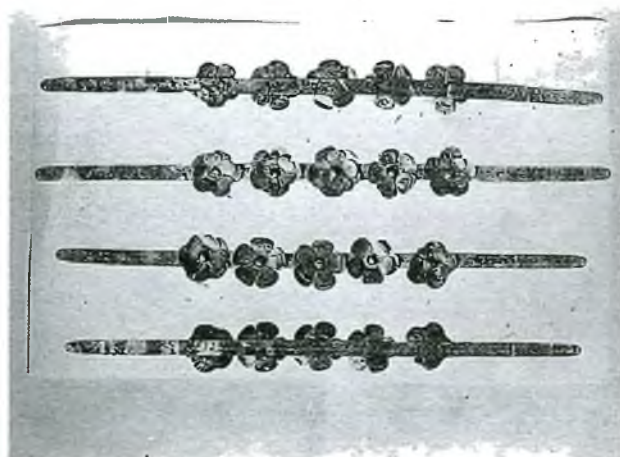

2. Золотые подвески и ожерелье с агатовым кулоном. Триалети, курган VIII (раскопки О.М. Джапаридзе)

Таблица IV. Предметы майкопской культуры

1. Золотой бык. Майкоп, курган Ошад (раскопки Н.И. Веселовского)

2. Золотые ленты с розетками. Майкоп, курган Ошад (раскопки Н.И. Веселовского)

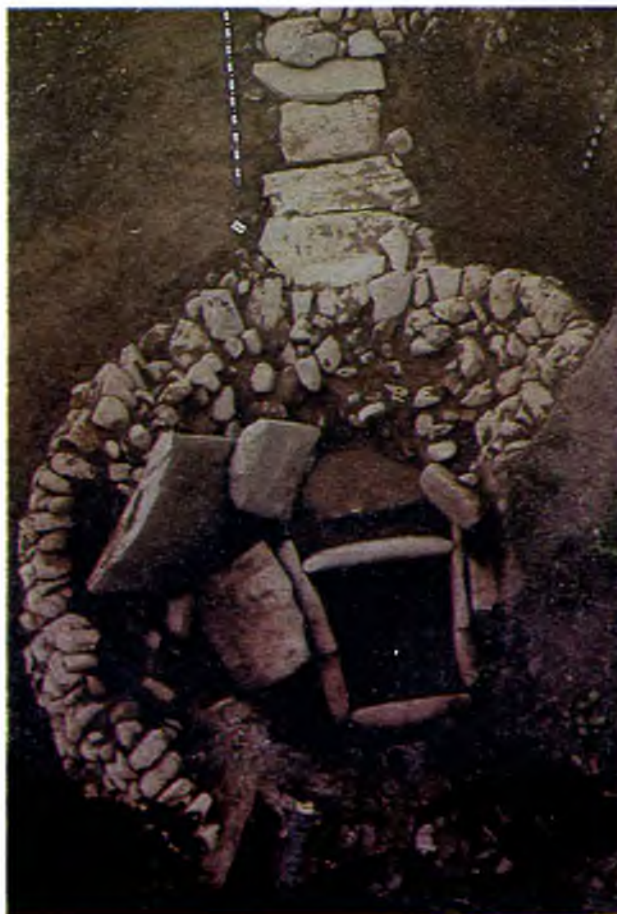

3. Глиняные и каменный сосуды. Усть-Джегута (раскопки А.Л. Нечитайло)

4. Глиняные сосуды. Усть-Джегута (раскопки А.Л. Нечитайло)

Таблица V. Курган Псынако I близ г. Туапсе (раскопки В.И. Марковина, М.К. Тешева)

1. Центральная часть кургана с дольменом

2. Дромос, подходящий к дольмену

Таблица VI. Мегалитические памятники Кавказа

1. Обломки плиточного дольмена. Кяфар (Карачаево-Черкессия)

2. Каменный трон на две персоны. Кудепста

Таблица VII. Наскальные изображения Дагестана

2. Гряда с наскальными рисунками в Экибулаке

1. Наскальные рисунки в местности Темирчи-Кершен

3. Изображение оленя. Экибулак

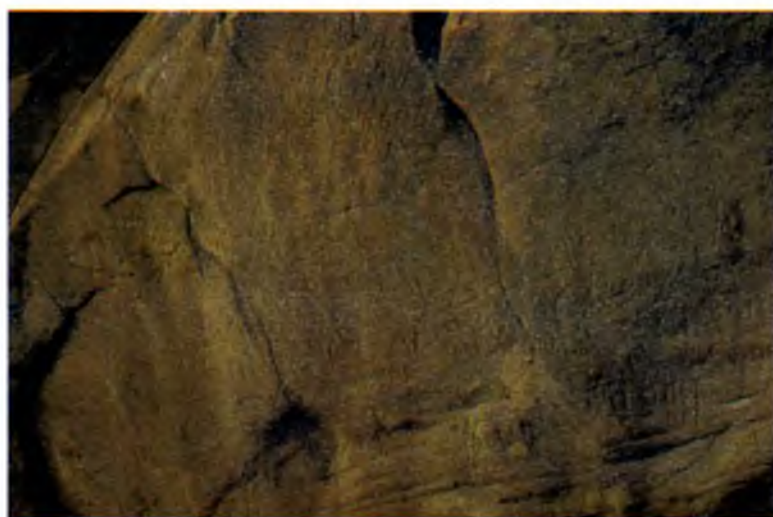
Таблица VIII. Наскальные изображения Дагестана

2. Местность в Чиркутане (р. Шура-озень)

1. Изображение животных. Уйташ

3. Избражение животных в гроте. Экибулак